

Вводная глава

Крушение Минской империи

В истории Китая XIII век оказался одним из самых трагических. С 1210 г. Чингис-хан начал завоевание этой крупнейшей страны средневековья. В ее северной части монголы сначала уничтожили государство тангутов, а затем империю чжурчженей. В 1280 г. степняки-завоеватели окончательно покорили Южный Китай, сокрушив сохранявшуюся там империю Сун. Эти 70 лет (1210–1280) военных действий привели к страшной хозяйственной разрухе и гибели массы населения. Великий китайский народ не смирился с иноземным игом. Уже с 30-х годов XIV в. началась вооруженная борьба с завоевателями. В 1368 г. антимонгольские «красные войска» заняли Пекин и изгнали монголов из Китая, покончив с правившей до этого династией Юань — потомками Чингис-хана.

Победителем стал лидер патриотических сил Чжу Юаньчжан. Им была основана новая китайская династия Мин, т.е. «Светлая» (1368–1644). Между тем новому императору потребовалось еще около 20 лет для окончательного отвоевания всей территории страны. Таким образом, военные действия в Китае не прекращались с 30-х по конец 80-х годов XIV в. В итоге страна оказалась разоренной как 70-летним монгольским завоеванием, так и 50-летней борьбой за освобождение от иноземного ига. Тем самым новый Минский династийный социально-демографический цикл китайской истории начинался с фазы глубокой разрухи и запустения страны. После гибели миллионов человек масса земли оставалась необработанной. Поля зарастали сорняками. Крестьяне могли свободно распахать эти пустоши. К началу эпохи Мин крупное частное землевладение резко сократилось. Так, в провинциях Цзянсу и Чжэцзян¹ такие земли были просто конфискованы, а сами владельцы выселены в северную часть страны. Много богатых землевладельцев погибло в период смуты в ходе крушения империи Юань.

¹ Здесь и далее используется деление на провинции, установленное в ходе административной реформы в период правления императора Сюаньэ (1662–1722).

Частный сектор сократился до одной трети всей обрабатываемой земельной площади Китая. В противовес ему резко возрос государственный сектор земледелия, на долю которого приходилось две трети всех пахотных площадей страны. По сути, здесь победила наделная система, хотя ее установление формально не было объявлено. Тем не менее главной фигурой в деревне стал крестьянин — наследственный держатель государственной земли. Такой земледелец-налогоплательщик выступал полувладельцем, подарендатором земельной собственности казны. Кроме того, обстановка всеобщей разрухи и обезлюдения многих районов привела к установлению низких налогов — как в государственном, так и в частном секторе земледелия. В начале правления династии Мин в годы неурожая казна продавала рис и пшеницу из зернохранилищ по низким ценам и тем ликвидировала нехватку продовольствия. Все крестьянство, т.е. земледельцы обоих секторов, несло единую трудовую повинность. В распоряжение чиновников выставлялся один человек из ста. Он должен был отработать до одного месяца, чаще всего на земляных работах — отсыпке дамб и плотин, расчистке и рытье каналов, на ремонте дорог и строительстве других казенных сооружений.

Колоссальный размах приобрели ирригационные работы, реконструкция Великого канала и городское казенное строительство. К концу XIV в. было восстановлено около 50 тыс. ранее пришедших в упадок мелких, средних и крупных дамб и плотин. По оценкам специалистов, население империи Мин тогда составляло от 60 до 80 млн. человек, число душ податных дворов — почти 57 млн., а площадь обрабатываемых земель — 8,5 млн. цинов. Торговля и сфера промышленности — ремесло, мастерские, мануфактуры, рудники и шахты жестко контролировались государством, поскольку их рост и развитие резко сужали казенные монополии на производство и продажу железа, соли, чая и ряда других товаров. Торговцы и предприниматели должны были за высокую цену покупать у чиновников специальные разрешения — лицензии. Нередко власти регулировали уровень рыночных цен. Производились казенные закупки товаров и сырья у частных по заниженным ценам. Запрещалась частная торговля с другими странами, т.е. существовала государственная монополия на внешнюю торговлю.

В начале Минского цикла в чиновном аппарате доминировал крайне низкий уровень зарплат, а среди самих функционеров было много выдвиненцев из простого люда. Культивировался конфуцианский идеал чиновника — скромного, честного, исполнительного управленца, бескорыстного и близкого по духу и уровню жизни к простому народу. При Чжу Юаньчжане алчных и бесчеловечных бюрократов арестовывали и везли в столицу на расправу. Так, в 80-х годах XIV в. более 10 тыс. чиновников были казнены за хищения, взятки и незаконные поборы с населения. Сам основатель династии Мин старался выглядеть правоправным конфуцианским

чиновником — скромным и понимающим народные чаяния. Подчеркивая свое крестьянское происхождение, он посещал деревни, иногда сам пахал землю, расспрашивал о нуждах крестьян у приглашаемых во дворец сельских старцев. Таким образом, не только сама реальная обстановка в экономике и социуме, но и политика китайской деспотии в начале Минского цикла способствовала плавному движению от одной фазы цикла к другой. В итоге совершался переход от стадии разрухи к стадии восстановления, а от нее — к фазе стабилизации системы.

В ходе восстановления происходила массовая распашка заброшенных земель, росло поголовье рабочего скота, приводилась в порядок ирригационная система. Увеличивались урожайность зерновых и их валовой сбор. На этой продовольственной базе возрождались городская и внегородская экономика — мастерские, мануфактуры, торговля, кредит, шахты, рудники, прииски и транспорт. Вся хозяйственная и социальная система поднималась к своему нормальному, т.е. оптимальному, уровню.

Однако с восстановлением экономики и ростом прибавочного продукта началось разложение госаппарата. Его функционеры, все более втягиваясь в погоню за личным богатством, все меньше сил отдавали несению служебных обязанностей. Такого рода деградация бюрократической системы происходила снизу доверху — от уездного *ямэня* до дворца монарха. Среди императоров династии Мин стало хорошим тоном и почти нормой полное отрешение от «скучных и тяжких» правительственных обязанностей и функций. Пример и заветы Чжу Юаньчжана оказались забытыми. Сыны Неба считали ниже своего достоинства говорить и думать о государственных делах. Будучи «выше» этого, они, по сути, не только перестали принимать глав ведомств и сановников с докладами, но и не допускали до своей божественной персоны и главу правительства. Самоустранение императоров от государственных дел создало вакуум власти, быстро заполнившийся гаремным окружением Сынов Неба.

Реальная власть опускалась на уровень императриц, государевых наложниц и кормилиц, а также их окружения. Многие дела решались через великих и прочих князей и принцесс, а также другую родню монархов — их матерей, дядьев, братьев и сестер. Чрезмерную роль стала играть императорская родня не только по мужской, но и по женской линии. В правящем клане (семьях государя и удельных князей) процветало многоженство, из-за чего число близкой и дальней, прямой и косвенной родни монарха росло с необыкновенной быстротой. К концу Минского цикла вокруг Сына Неба скопились сотни князей и принцесс. У каждого и каждой из них была своя собственная родня. В итоге к началу XVII в. императорский клан насчитывал почти 30 тыс. человек. Каждый князь и каждая принцесса имели свой «малый двор» со множеством придворных, особенно евнухов, фрейлин, слуг и служанок. На прокормление и иные нужды таких бездельников и прихлебателей из казны отпускались колоссальные

Империя Мин. XVII век

суммы. На содержание императорской родни и ее окружения уходило до 40% всех государственных средств.

В начавшемся кризисе Минской империи специфическую роль сыграл институт евнухов (*тайцзянь*). В отличие от Европы дворец монарха наполняли не обычные слуги, а кастраты. В традиционном Китае император, или Сын Неба, считался почти божеством. Поэтому простолудины не только не могли обслуживать Августейшего господина, но и видеть его. Пребывание во внутренних помещениях дворца, а тем более в личных покоях Сына Неба надлежало доверить особой категории лиц. Для этого и потребовался институт евнухов — людей «третьего пола», лишенных естества и ставших как бы тенью государя. Дворцовые нужды и охрана обеспечивались 24 приказами, сплошь состоявшими из скопцов. Существовала особая «табель о рангах» для евнухов, включающая 10 чинов, 5 рангов и 24 должности.

Каждый кастрат, имея внутрдворцовую должность, как бы входит в систему имперского чиновничества. Скопцы обслуживали дворцы сыновей и внуков императора в столице и ее окрестностях. Много кастратов состояло при дворцах и усыпальницах в двух других столицах империи — в Нанкине и Фэнъяне. Евнухи сновали во дворцах удельных князей. В разное время существовало примерно от 30 до 40 уделов. Скопцы управляли поместьями и иными владениями этой родни правящего дома Чжу. Кастраты были рассеяны по многим городам и рудникам, где выполняли специальные функции надзора и руководства. Еще большее число кастратов не получило места на службе и влачило жалкое существование. К концу правления династии Мин только при самом дворе насчитывалось свыше 10 тыс. евнухов, а всего по стране — около ста тысяч.

Уже с начала XV в. евнухи «вышли» за пределы чисто внутрдворцовых дел и «вторглись» в гражданское управление, военное дело и надзор. Тем самым им стали подвластны три основные сферы деятельности госаппарата. А в последующем минские императоры не боролись с усилением влияния кастратов в верхних эшелонах власти. В лучшем случае все ограничивалось казнью очередного всевластного временщика-евнуха. Введение принципа единоначалия в системе внутрдворцовых учреждений позволило евнухам обрести значительную самостоятельность по отношению к власти Сына Неба. А это, в свою очередь, открыло дорогу к бесконтрольному росту числа придворных кастратов.

Евнухи держали в своих руках 54 учреждения. Из них самыми обширными полномочиями обладало Управление церемоний. Стоявшие во главе его кастраты от имени императора накладывали резолюции на доклады сановников и чиновников. Они же объявляли указы от имени Сына Неба, практически подменяя монарха и явочным порядком узурпируя императорскую власть. Многие резолюции и указы просто не проводились евнухами через Императорскую канцелярию (Нэйгэ), которая оказалась пол-

ностью безвластным органом. Без согласия евнухов ее секретари ничего не предпринимали, боясь за свою карьеру. Впрочем, инициатива секретарей, если бы она имела место, была бы попросту похоронена скопцами. Поэтому члены Императорской канцелярии буквально смотрели в рот главным евнухам. А те по своему разумению вершили все дела, толковали законы в свою пользу и творили произвол.

При последних императорах династии Мин евнухи обсуждали секретные дела, выносили приговоры, миловали приговоренных к смерти, ведали столичной тюрьмой. Получив право карать и миловать, скопцы резко усилили свою реальную власть над госаппаратом. Именно к евнухам поступали прошения с мест и из столичных учреждений. К ним перешел контроль за чиновными назначениями и пожалованиями, за государственными монополиями на соль и чай, за особыми судебными делами. Кастраты держали в своих руках императорскую сокровищницу и казну, ведали усыпальницами императорской семьи, казенными шелкоткацкими мануфактурами Нанкина, Сучжоу и Ханчжоу, морскими таможами и соляными промыслами.

Евнухи командовали крупными военными соединениями, сражавшимися против маньчжуров, выступали военными и штатскими инспекторами, закупали товары для дворцовых нужд и заготавливали провиант для войск, собирали внутренние таможенные пошлины, продовольственные и рудничные налоги. С 1596 г. евнухов стали назначать инспекторами на рудники. К концу периода Мин на каждом руднике был свой инспектор-евнух. Получая все новые и новые назначения, скопцы сужали сферы деятельности штатской бюрократии, военных, цензоров, придворной стражи и даже фрейлин. При династии Мин они стали по сути третьей категорией имперской бюрократии наряду со штатскими чиновниками и военными. Из гаремной «постельной стражи» скопцы превратились в особую управляющую касту. Это была наиболее привилегированная часть госаппарата, его элита, воспринимаемая самими монархами как особо доверенная и максимально преданная династии Мин.

Установлению господства евнухов способствовали личные качества сидевших на «драконовом троне» императоров — тупых посредственностей, либо жестоких самодуров, либо безмолвных ничтожеств, либо самовлюбленных жуиров. Всех их объединяли лень и отвращение к государственным делам. Думая лишь о развлечениях и наслаждениях, они отдали управление страной на откуп придворным кастратам. Свое безделье Сыны Неба — преемники Чжу Юаньчжана и Чжу Ди считали высочайшей привилегией, не желая слушать и говорить о делах. Этим всемерно пользовались евнухи — стараясь «освободить» столь «занятых» Сынов Неба от «утомительных» повседневных «забот» правления, они решали все дела за государей. По такому молчаливому и добровольному «соглашению» реальная власть перетекла от императоров и семейства Чжу к особой касте кастратов.

Во главе империи Мин оказался «третий пол», реализовавший монархическую власть. Сложилась ситуация, когда «свита правит вместо короля» и «хвост вертит собакой». Из обслуживающего персонала в стенах дворца эта каста превратилась во властную структуру и руководящую силу в масштабах всего Китая. Причем господство евнухов зачастую не отделялось современниками от прерогатив Сына Неба. Тем самым кастраты как бы драпировались в одежды императорской власти. А это была власть азиатской деспотии со всеми вытекавшими отсюда последствиями. Черда царствующих ничтожеств не отказывала себе в удовольствии карать подданных и давать волю своим капризам, самодурству и жестокости. Насаждая среди придворной, столичной и провинциальной бюрократии рабское послушание, кастраты и их клики всегда брали верх и сводили на нет реформы.

Евнухи умело парализовали усилия прогрессивных политиков-сановников, чиновников и ученых, прежде всего цензоров-контролеров и членов придворной Академии Ханьлинь. Влияние евнухов на императоров возрастало в периоды возникновения их мощных клик и достигало своего апогея, когда кто-то из них становился могущественным временщиком. В течение полутора веков такие фавориты по крайней мере трижды выступали полновластными правителями Китая. Сначала руководство империей перешло в руки евнуха Ли Гуана. Однако в 1498 г. его принудили покончить с собой. Затем его место занял всесильный Лю Цзинь, которого в 1510 г. разрубили на куски, а несметные богатства конфисковали. В 1620–1627 гг. фактическим правителем империи Мин стал Вэй Чжунсянь. Но в 1628 г. его заставили покончить самоубийством. Так карали лишь немногих слишком зарвавшихся и одиозных лидеров. Сама же каста, ее позиции при дворе и в империи оставались неизблемыми. Императоры все чаще становились марионетками в борьбе придворных группировок, действуя по указке могущественных евнухов. В условиях минского Китая императорские фавориты, как правило, выдвигались именно из среды придворных кастратов как лиц, наиболее приближенных к «священной особе» Сына Неба. Многие евнухи-временщики были столь влиятельными, что, пользуясь своей властью и безнаказанностью, измывались над придворными.

В среде евнухов процветали казнокрадство и взяточничество. Вымогая у сановников и провинциальной бюрократии колоссальные взятки, они составляли целые состояния; захватывая частные земли и имущество, накапливали огромные богатства и становились земельными магнатами. Сидевших на бывших частных землях крестьян-арендаторов евнухи заставляли переходить под свое «покровительство». Велика была роль кастратов в расхищении казенного земельного фонда. Пользуясь своим служебным положением, они предельно запутывали учет государственных полей, исключали их из земельных реестров, утаивали их и превращали в свое ча-

стное владение. Большинство таких земель выпадало из сферы налогообложения, что резко сокращало доходы казны от государственного сектора сельского хозяйства.

Евнухи, получившие должность инспекторов, обирали горнодобытчиков и горожан, по своему усмотрению арестовывали и убивали не только неугодных им простолюдинов, но и чиновников. Они создавали все новые и новые таможенные заставы, вводили особые виды обложения, грабили проезжих купцов. Все это приводило к свертыванию работы мануфактур, мастерских и шахт, к разорению купцов и тружеников. Выбивая из населения произвольно установленные поборы, агенты инспекторов врываются в дома, насиловали женщин или уводили их в инспекторские канцелярии. В ответ на это в 1601–1606 гг. в более чем десяти городах произошли волнения, бунты и восстания. Многотысячные толпы ткачей, шахтеров, ремесленников, наемных работников и торговцев громили и жгли налоговые управления, канцелярии инспекторов, дома и усадьбы присланных из столицы евнухов, убивали их подручных и агентов.

По мере того как внутри Минского цикла совершался переход от фазы восстановления к фазе стабильности, а от нее — к стадии кризиса, сам госаппарат все больше подрывал основы своего нормального функционирования. Все больше казенных земель переходило в руки удельных князей. Императорская родня различных степеней фактически превращала государственную земельную собственность в свои частные владения. От аристократии не отставали и евнухи, теми же методами становившиеся землевладельцами-рентополучателями. Тем самым масса земель уходила от регистрации в реестрах и налогообложения. Уже к XVII в. фонд кадастровых площадей сократился вдвое по сравнению с началом эпохи Мин. На самом деле общее количество пахотных земель не уменьшилось, а возросло. Однако половина их оказалась «в тени», став недоступной для учета и налогообложения.

Земли податных дворов постепенно переходили из казенного сектора в частный и через сельских старост, низших налоговых чиновников, ростовщиков и местных богачей. Происходило это не только тайно, но и на «законных» основаниях; тот или иной участок изымался из налоговых реестров путем подделки последних. В ходе краж и иных сделок — в виде залога и отбирания за долги — данная земля переходила в частный сектор. Одни из таких полей становились «темными». Другие оставались в сфере фискального учета, но уже фигурировали в разряде частных земель с иным уровнем налогообложения. По мере уменьшения казенного сектора соответственно росло крупное землевладение с господством арендной системы. В частные руки явно или тайно переходили и местные водные ресурсы. Крупные землевладельцы — «большие дома» (*даху*), «местные деспоты» (*туба*), «богатые семьи» (*фуху*) — захватывали отводные каналы, водосборники, оросительные каналы и их распределительные

узлы. Тем самым из государственного сектора в частный переходила не только пахотная земля, но и вода для ее орошения.

В начале Минского цикла на долю казны приходилось примерно 60–70%, а на долю частных — 30–40% всех пахотных площадей. В конце цикла первый сектор практически сошел на нет, а второй стал по сути абсолютно господствующим. Расхищение казенного земельного фонда и уклонение крупных частных владельцев от уплаты поземельного налога привели к сокращению его общего сбора почти на одну треть. Данный дефицит казна пыталась восполнить за счет повышения ставок самого налога и перевода одних категорий государственных земель в другие.

Финансовые трудности казны привели к резкому (почти в четыре раза) снижению обороноспособности минской армии. К концу Минского цикла военные расходы сократились в три раза, численность войск уменьшилась более чем вдвое, а боевую подготовку проходила лишь половина оставшихся в строю. Разложение охватило военную верхушку империи. Здесь, как и среди штатского чиновничества, процветали казнокрадство, произвол и коррупция. Армейские чины за взятки освобождали рекрутов от службы. Вместо взрослых, здоровых и сильных забирали несовершеннолетних, больных и слабых. Солдатское довольствие разворовывали командиры, в бездельи и кутежах забывшие свои служебные обязанности. Солдаты страдали от недоедания и отсутствия теплой одежды. Рядовых не обучали и не тренировали. Слабая физическая подготовка сочеталась с отсутствием профессиональных навыков. Так было и в пехоте, и в кавалерии. Деградировала и система военных поселений. Их земли переходили в руки начальства, становясь по сути его частным владением. Здесь на него работали и военнопоселенцы и солдаты. Поступление зерна в казенные амбары сократилось в несколько раз, а сами поселения практически перестали быть значительной хозяйственной величиной, а многие просто сошли на нет.

С наступлением фазы кризиса Минского цикла массовый характер приняло и разложение штатской бюрократии. Коррупция, хищения, мошенничество и произвол, ставшие обычными явлениями в чиновной среде, давно уже приняли угрожающие масштабы. Известно, что евнух Лю Цзинь, в качестве императорского фаворита правивший Китаем пять лет (1505–1510), составил себе богатство, равное доходам казны за несколько лет. Вопрос о принятии мер против дальнейшего разложения всей системы стоял очень остро. Внутри ее еще сохранялись какие-то здоровые элементы. Речь идет о немногочисленных чиновниках и прогрессивной интеллигенции. В среде последней преобладали шэньши, т.е. обладатели ученых степеней. Это были кандидаты на замещение чиновных должностей, носители и преподаватели конфуцианской учености.

Многие из этих прогрессивных деятелей попали в опалу и покинули Пекин. В 1595–1598 гг. изгнанники собрались в г. Уси (пров. Цзянсу), где

создали группировку, оппозиционную евнухам и реакционерам. Собравшиеся в Уси оппозиционеры и их сторонники в Пекине ратовали за проведение реформ по воле «мудрого и справедливого» императора. Таким, по их мнению, должен был стать один из претендентов на трон — князь Чанло. В 1601 г. столичным цензорам (инспекторам) удалось добиться провозглашения Чанло наследником престола. Окрыленные первым успехом, оппозиционеры в 1604 г. создали в Уси частную учебную академию Дунлинь («Восточный лес кистей»). Академия стала штабом реформаторов, а их группировка получила название «Дунлинь».

Фактическим основателем академии и главой этого политического течения стал крупный ученый и опальный сановник Гу Сяньчэн. Вокруг него собралась яркая плеяда ученых и преподавателей. Авторитет Дунлинь имел притягательную силу. Сюда на учебу приезжали люди со всего Китая. Деятельность Гу Сяньчэна приобрела всеобщее признание, его моральный и политический авторитет был крайне высок. Влияние группировки «Дунлинь» в среде честных чиновников и «ученых мужей» быстро росло. Опиравшиеся на эти силы дунлиньцы разработали программу реформ, требуя восстановить исконные нормы и ценности конфуцианской этики, возродить порядки седой древности.

Согласно этим реформам, император сам управляет государством, а евнухи и временщики устраняются от власти. Запрещается создание придворных клик. Честные и опальные чиновники возвращаются на службу. Пресекаются коррупция в госаппарате и своеволие императорской родни в уделах. Аннулируется монополия казны на разработку недр. Отменяются налоги с рудников, откуда изгоняются все евнухи-сборщики. Ликвидируются внутренние таможенные пошлины. Всячески поощряется частное предпринимательство, к нему переходят многие казенные мануфактуры. Всемерное развитие рыночной экономики должно сопровождаться освобождением промышленности, торговли и транспорта от произвола бюрократии и грабительских налогов. В развитии свободного рынка реформаторы видели выход из кризиса Минской империи. С этой же целью они стремились ограничить крупное частное землевладение и защитить крестьян, в том числе путем снижения налогов. Осуществлению этой программы яростно препятствовали клики евнухов и реакционеров. Дунлиньцы получили название «партии честных», противники именовались «партией вероломных».

В 1612 г. скончался Гу Сяньчэн, и руководителем академии стал Гао Паньлун, а общее лидерство перешло к губернатору одной из областей Ли Саньцаю. В этом же году он был вызван в Пекин, стал главой Ведомства финансов и первым министром. Однако его попытки оздоровить общую ситуацию в стране натолкнулись на ожесточенное сопротивление придворных клик. Сила оказалась на их стороне, и Ли Саньцай в 1616 г. был вынужден уйти в отставку. Верховенство «вероломных» продолжалось до

1620 г., когда умер император Ицзюнь (правил с 1572 г. под девизом Ваньли) и на престол взмошел император Чанло, призвав реформаторов к власти. Преобладающее влияние при дворе приобрел член Императорского секретариата Е Сянгао. Главой ключевого тогда Ведомства чинов стал Чжао Наньсин, а его заместителем — Чжоу Шуньчан. Особую роль среди реформаторов стали играть цензоры (инспекторы) из числа дунлиньцев — Ян Лянь и Цзоу Юаньбяо, а также сановники Цзо Гуандоу и Вэй Дачжун. Дунлиньцы возвратили на службу многих ранее уволенных честных чиновников и приступили к реформам, опираясь на своих единомышленников. Видя в этом для себя смертельную угрозу, «вероломные» перешли в контрнаступление.

В сентябре того же, 1620 г., т.е. через два месяца после восшествия на престол, евнухи отравили Чанло. Вместо него на трон был посажен робкий и послушный Юцзяо (правил до 1627 г.). Реальная власть постепенно стала вновь переходить в руки клики придворных евнухов. Во главе ее встал главный евнух Вэй Чжунсянь — начальник императорской секретной службы. Проявив явную нерешительность, «честные» упустили удобный момент и не разгромили эти клики в зародыше. Продолжая борьбу за обновление госаппарата, они в 1622 г. создали в Пекине учебную академию Шоушань дунлиньского толка. Именно она и стала поводом для первого открытого столкновения с «вероломными» и по требованию евнухов была закрыта.

В ответ «честные», и прежде всего цензоры, добились в 1623 г. возвращения Ли Саньцяя во властные сферы. Однако его болезнь и смерть свели временный успех дунлиньцев на нет. Лидерство в среде реформаторов перешло к цензору Ян Ляню. Видя растущую угрозу со стороны клики евнухов, он подал императору доклад с обвинениями в адрес Вэй Чжунсяня. Но этот шаг был сделан с большим опозданием и послужил поводом для травли реформаторов, поначалу словесной. Забрав по сути всю власть в свои руки, Вэй Чжунсянь и его клика в следующем году перешли к массовым репрессиям против «честных».

В 1624 г. состоялся судебный процесс по делу о 108 дунлиньцах. Всех их арестовали, объявив «разбойниками», бросили в застенки и после жестоких пыток казнили. Затем началась массовая «чистка» госаппарата. По всей стране прошла волна репрессий. «Честных» хватали, пытали и бросали на плаху. Многие объявленные в розыск уходили в подполье или кончали самоубийством — вешались и топились. В 1625 г. в застенках погибли шесть дунлиньских лидеров. В их числе Ян Лянь, Цзо Гуандоу и Вэй Дачжун. За связь с ними по приказу Вэй Чжунсяня казнили талантливого полководца Юань Чунхуаня — грозу маньчжуров, с которыми шла война на Северо-Востоке. Ширилась практика доносов, ночных арестов и расправ с дунлиньцами. Их сторонников выгоняли со службы, травили, заключали под стражу, отправляли в ссылку. Тотальной «чистке» подвер-

глась Палата инспекторов (Цензорат) и Императорская академия Ханьлинь («Лес кистей»). Затем последовал разгром учебных заведений реформаторского толка. В 1625 г. закрыли и разрушили академию Дунлинь. Разогнали ряд других академий. Seriously пострадали их руководители, преподаватели и слушатели. Развернулась настоящая охота на единомышленников дунлиньцев, сочувствующих им и просто знакомых.

В 1626 г. от зверских пыток в застенках погибли семеро последних реформаторских лидеров. Дунлиньцы не решились призвать народ на свою защиту, и к концу 1626 г. движение «честных» сошло с политической сцены. В ходе репрессий была уничтожена наиболее передовая часть интеллектуальной элиты Китая. «Вероломные» шумно праздновали искоренение «шайки Дунлинь». Реформы остались на бумаге, кризис набирал силу, а через два года разразилась Великая Крестьянская война (1628–1647), приведшая к гибели Минской империи. В том же, 1628 г. клику Вэй Чжунсяня разогнали. Большинство ее членов казнили, ее главу заставили покончить самоубийством, после чего труп ненавистного временщика казнили. Все погибшие дунлиньцы были реабилитированы. Тем не менее возродить группировку реформаторов в Пекине так и не удалось — настолько основательно оказалась вырезана и запугана прогрессивная часть китайской элиты.

С развертыванием Минского цикла (от начальной стадии разрухи к фазе восстановления, от периода стабильности к кризису) демографический потенциал страны резко возрос. По разным оценкам и расчетам, к началу XVII в. население выросло в несколько раз по сравнению с первыми десятилетиями цикла. Перенаселение деревни привело к дроблению пахотных участков, малоземелью, нехватке продовольствия и сползанию к полуголодному минимуму потребления. Займы крестьян у богатеев и ростовщиков вели к долговой кабале, разорению дворов и утрате своей земли. Происходила продажа по сути государственной собственности, точнее — переход в другие руки права на частное владение данным пахотным участком. Государственная собственность, или верховная собственность Сына Неба, сохранялась лишь как юридическая норма. Между тем право владения, использования, присвоения и распоряжения ею перетекало в частные руки. С ростом частного и сокращением государственного сектора поступление налогов в виде зерна и денег в казну соответственно снижалось. Местные казенные зернохранилища приходили в упадок и разрушались. Перенаселенность деревни, измельчание земельных участков и нехватка продовольствия вели к распашке пастбищ, сокращению рабочего скота. Крестьяне сами впрягались в плуги, расширялось и крепло мотыжное земледелие. Какое-то время деревня держалась на полуголодном уровне за счет роста урожайности зерновых. Однако этот фактор все более перекрывался демографическим ростом.

Население Минской империи в начале XVII в. уже составляло 250 млн. человек, увеличившись в 3–4 раза по сравнению с концом XIV в. Рост населения, разорение деревни и стихийные бедствия резко обострили продовольственную проблему. Зерна на душу населения становилось все меньше, и оно дорожало, а в периоды неурожая голод принимал общекитайские масштабы. Бродяжничество в поисках пищи стало массовым явлением. Обездоленные просили подаяния вдоль дорог. В ряде районов наблюдалась высокая смертность. Казна потеряла контроль над положением в стране. Государственные меры по борьбе с голодом не достигали поставленных целей.

В частном секторе шло массовое разорение крестьян-владельцев земли и превращение их в арендаторов, которых ожидали высокая арендная плата, произвол землевладельца, долговая кабала, продажа за долги жен, дочерей и сыновей. Те из разоренных крестьян, кто не смог стать держателем земли, были вынуждены уходить из деревни в поисках заработка в городах, в сфере транспорта, на шахтах и рудниках. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что переход цикла в стадию кризиса вел к расцвету городов. Бурное развитие ремесла, мастерских, мануфактур, а вне города — шахт, рудников и транспорта было связано с массовым притоком дешевой рабочей силы из деревни и продовольствия, изъятого в счет налогов, арендной платы и долгов. Причем далеко не все ушедшие в города могли устроиться на работу. Многие из них становились безработными и просто лишними людьми, пополняя ряды нищих, босяков, воров и бандитов. Женщины, особенно молодые, превращались в служанок, рабынь, наложниц и проституток. В самой деревне среди оставшихся в ней накапливался потенциал полубезработицы, скрытой нищеты и существования на грани голода.

Данная ситуация усугублялась в годы стихийных бедствий. За наводнениями, засухами и нашествиями саранчи следовали голод, эпидемии и массовая смертность населения. Все новые потоки обездоленных стремились в города. Голодающие семьи избавлялись от лишних ртов. Стариков бросали по обочинам дорог, младенцев топили или выбрасывали на съедение одичавшим собакам, жен и детей продавали за бесценок. Массовый голод вел к людоедству, грабежам и разбою. Все это вынуждало крестьян братья за оружие. Мелкие спорадические волнения перерастали в локальные бунты, а те, в свою очередь, в серьезные массовые восстания. В крестьянские вооруженные выступления вовлекались десятки, а затем и сотни повстанцев. Такого рода процессы с начала XVII в. буквально захлестывали всю систему, развиваясь в сторону очередной крестьянской войны.

Подняться на борьбу деревенскую бедноту заставили многие причины — земельная теснота, рост налогов и произвол чиновников. К этому добавились страшные стихийные бедствия 1628–1630, 1635, 1640–1643 гг. —

сильные засухи, неурожаи и массовый голод. На плечи крестьян легли и тяготы войны против маньчжуров (1618–1644). Поставленное на грань вымирания крестьянство взялось за оружие. В 1628 г. в пров. Шэньси разрозненные полуразбойные ватаги стали создавать повстанческие отряды и избирать вождей. С этого началась крестьянская война, а Минский цикл из фазы кризиса перешел в стадию катастрофы. В следующем году правительство ликвидировало казенные почтовые станции, и оставшиеся без средств уволенные конные курьеры — прекрасные наездники и отчаянные удалцы пополнили лагерь повстанцев. Так в Китае произошел социальный взрыв колоссальной силы. Без малого девятнадцать лет (1628–1647) в северных и центральных провинциях Великой Империи Мин бушевала крестьянская война. Низы с оружием в руках поднялись против верхов. В военные действия оказались втянутыми несколько миллионов человек.

Повстанческие отряды в несколько десятков тысяч бойцов стали обычным явлением. Под знаменами некоторых вождей находились войска в 200 тыс. и даже 300 тыс. мечей и копий. А на последнем этапе крестьянские «цари» — Ли Цзычэн и Чжан Сяньчжун вели за собой армию до миллиона и более конных и пеших воинов каждый. Хотя поначалу властям и удалось разгромить ряд их отрядов в долине р. Хань, ответом стал новый подъем вооруженной борьбы. В 1631 г. в Шэньси 36 повстанческих вождей договорились о координации действий. Один из них — Ван Цзыюн (по прозвищу Золотой Мост) был признан верховным лидером. Здесь же выработали план похода на Пекин. Начался он на следующий год с переправы через р. Хуанхэ и яростного наступления на юге пров. Шэньси.

В 1633 г. развернулись ожесточенные бои на подступах к столичной провинции. В одном из сражений погиб Ван Цзыюн. Видя, что к Пекину им не пробиться, повстанцы отступили и попали в окружение, будучи прижатыми к полноводной Хуанхэ. На счастье, мороз сковал Желтую реку, и по тонкому льду повстанцы прорвались на юг — в пров. Хэнань. В качестве ведущего лидера тогда выдвинулся Гао Инсян, принявший титул «Чуанский князь». В 1634 г. новый вождь повел крестьянские войска в долину р. Хань и в пров. Сычуань. На юге Шэньси колонна Гао Инсяна попала в ловушку в Чэсянском ущелье. Голод заставил окруженных пойти на ложную капитуляцию. Оправившись, «чуанские войска» возобновили борьбу, одержав победы в сражениях под Лунчжоу и Ханьчжуном. В 1635 г. 13 ведущих повстанческих командиров, включая Ли Цзычэна (прозвище — Звезда, Разящая Войска) и Чжан Сяньчжуна (кличка — Желтый Тигр), собрались на совещание в г. Инъян (пров. Хэнань).

Под руководством Гао Инсяна был выработан общий план действий и осуществлен поход в долину Хуайхэ, во время которого был взят Фэньян — третья столица Китая. Здесь произошел разрыв между Гао Инсяном и Чжан Сяньчжуном, после чего последний повел свое войско в долину

Янцзы. Гао Инсян и другие вожди двинули свои колонны на запад — в Шэньси, где провели несколько победных сражений. Следующий, 1636 год ознаменовался окончательным разрывом между Гао Инсяном и Чжан Сяньчжуном. Наступило полное разобщение повстанческих сил. Следствием этого стал ряд поражений «чуанских войск», а затем и разгром у Чжоучжи (юг пров. Шэньси) колонны Гао Инсяна. Лидер повстанцев попал в плен и сложил голову на плахе в Пекине. В то же время Ли Цзычэн со своей колонной одержал ряд побед в Шэньси. Именно его после казни Гао Инсяна провозгласили «Чуанским князем» и главой «чуанских войск». В 1637 г. он совершил рейд в пров. Сычуань, где безуспешно осаждал ее главный город Чэнду.

После взятия г. Сяньян (пров. Хубэй) Чжан Сяньчжун повел свое войско в долину Янцзы, неудачно осаждал г. Аньцин и потерпел тяжелое поражение в одном из сражений. Следующий год принес спад повстанческого движения. Войско Чжан Сяньчжуна и отряды еще трех вождей согласились на почетную капитуляцию и на время перешли в правительственный лагерь. В битве у крепости Тунгуань (на границе провинций Шэньси и Шаньси) «чуанские войска» потерпели сокрушительное поражение, а сам Ли Цзычэн с горсткой всадников укрылся в горах. В начале 1639 г. на почетную капитуляцию пошли еще 18 повстанческих вождей со своими отрядами. Наступило временное затухание крестьянской войны и торжество правительственного лагеря. Однако уже летом Чжан Сяньчжун возобновил военные действия. Его примеру последовали 15 ранее капитулировавших вождей. Крестьянская война возобновилась. При этом в одном из сражений в 1640 г. Чжан Сяньчжун потерял все свое войско.

Между тем Ли Цзычэн, возродив свою армию, совершил поход в Хэнань. Здесь в 1641 г. он овладел Лояном, первый раз безуспешно осаждал Кайфэн — главный город Хэнани, а затем одержал верх в бою у Сянчэна. Чжан Сяньчжун собрал новое войско, но после победы под Хуанлином (пров. Хубэй) его ждал разгром у Синьяна (пров. Хэнань). В следующем году последовала вторая и третья осада Кайфэна войсками Ли Цзычэна. Однако накануне своего неизбежного падения город был затоплен. Тем временем вокруг «чуанских войск» объединились главные повстанческие вожди. Последовали новые победы Ли Цзычэна на юге Хэнани. В 1643 г. он совершил успешный поход в долину р. Хань и здесь предпринял первую попытку укоренения постоянной повстанческой власти с центром в Сяньяне (Хубэй). Реорганизовав свое войско, он создал дисциплинированную армию во главе с военным советом. При этом Ли Цзычэн пошел на убийство непокорных вождей разбойной вольницы — Ло Жуцяя, Хэ Илуна и др. После блестящей победы под Жучжоу (Хэнань) он овладел крепостью Тунгуань и главным городом пров. Шэньси — Сиань. Его он и сделал столицей созданного здесь повстанческого государства. В начале 1644 г. Ли Цзычэна провозгласили императором новой династии Да

Шунь. Его командиры получили аристократические титулы. Вслед за этим начался поход миллионной крестьянской армии на Пекин. Это стало победным шествием, ибо новому государю без боя сдавались города, крепости и правительственные войска.

После двухдневной осады 24–25 апреля крестьянская армия 26 апреля 1644 г. победоносно вступила в Пекин. Все десять тысяч евнухов бежали из Запретного города. С императором Юцзянем остался лишь один кастрат. Символично, что вдвоем они и повесились на кривом стволе ясеня, сделав из своих поясов петли. Правящая клика скопцов перебралась в Нанкин — Южную столицу и создала здесь свое правительство во главе с главным евнухом Ма Шином. Завоевывая Китай, маньчжурская армия 22 июня 1645 г. подошла к Нанкину, и Ма Шин со своим окружением бежал на Юг. Так рухнула империя Мин — царство евнухов. Между тем в занятом крестьянской армией Пекине победители расправились над минской верхушкой. Вслед за этим произошло массовое падение дисциплины в крестьянской армии. Пекин стал ареной грабежа и насилия. 16 мая Ли Цзычэн с войском выступил из столицы против минской армии полководца У Саньгуя. Последний вступил в союз с маньчжурским князем-регентом Доргоном и его войском.

26 и 27 мая 1644 г. под Шаньхайгуанем, у Великой стены в двухдневном сражении союзники разгромили крестьянское войско. Ли Цзычэн оставил Пекин. В занятой маньчжурами столице была провозглашена власть иноземной династии Цин. Ее войска преследовали отступавшего Ли Цзычэна, но в жестокой битве у Чжэндина (пров. Хэбэй) не смогли разбить крестьянское войско. Последнее продолжило отход на запад. В том же году Чжан Сяньчжун совершил победоносный поход в Сычуань и создал здесь Великое Западное государство со столицей в Чэнду. Крестьянский вождь вступил на царский трон и создал свой госаппарат. Весной 1645 г. войска Ли Цзычэна были разгромлены цинской армией в битве у Тунгуаня. Повстанцы продолжили отступление на юг — в долину р. Хань. В их руководстве начался разброд, а в октябре при невыясненных обстоятельствах погиб Ли Цзычэн. Его войско во главе с Ли Го было вынуждено перейти под начало южноминских властей. 1646 год принес резкое ослабление государству Чжан Сяньчжуна в Сычуани. Крестьянский царь был вынужден оставить свою столицу и выступить с войском на Север против наступающей оттуда цинской армии.

2 января 1647 г. у Сичуна на холмах Фэнхуан произошла решающая битва. Войско Чжан Сяньчжуна потерпело поражение, а сам он пал в бою. Последующее отступление его разбитого войска на юг — через р. Янцзы и пров. Гуйчжоу — завершилось в пров. Юньнань. Здесь в середине года преемники Чжан Сяньчжуна нашли компромисс с минскими властями на Юге. Так завершилась Крестьянская война 1628–1647 гг. в Китае.

С 1644 г. ее завершающая фаза протекала параллельно с начавшимся завоеванием страны маньчжурами, создавшими в начале XVII столетия свое государство на Северо-Востоке. Уходил в прошлое Минский цикл китайской истории, сменяясь Цинским циклом. Первый прошел все положенные ему фазы — разруха, восстановление, стабилизация, кризис и катастрофа. Второй же только начинал свой кругооборот со стадии разрухи.

Введение

Цикличность в истории Китая

История Китая насчитывает около сорока столетий. Начиная с эпохи Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.), в эволюции Срединного государства явно проявляется фактор цикличности. Речь идет о чередовании династийных циклов. Данная закономерность наиболее полно изучена С.А.Нефедовым. Не имея возможности подробно излагать здесь теорию и практику циклического движения, мы отсылаем читателя к его работам. В кратком же изложении природа каждого такого цикла достаточно стандартна и выглядит следующим образом. Каждый цикл начинался после очередной военной и политической катастрофы, т.е. смуты, крестьянской войны, полосы народных восстаний или нашествия кочевников, когда погибали иногда более 70% всего населения страны.

Цикл начинался с установления новой династии и с фазы всеобщей разрухи. На смену ей приходила стадия восстановления. На этом этапе необработанной, т.е. заброшенной, земли было намного больше, нежели рабочих рук. Население росло и поднимало залежь. Наступал период стабилизации, т.е. равновесия между площадью пашни и численностью крестьянских дворов. По миновании этого нормального уровня демографический потенциал начинал превышать допустимые пределы. Крестьянские владения, семейные наделы и сами поля мельчали. На каждого едока приходилось все меньше земли, зерна и иного продовольствия. Возникало избыточное население, и для него в деревне уже не было еды и работы.

«Лишние» люди перемещались в города, в сферу ремесла, торговли, горнодобывающей промышленности и транспорта. На очередной стадии цикла уход из сферы земледелия уже не смягчал беды наставшего кризиса, ибо и в недеревенской экономике наступал избыток рабочей силы. Уходившие из сельского хозяйства люди оказывались выброшенными из всех сфер экономики. Такой период внутри цикла становился фазой острого кризиса. Логика данной исторической модели вела к неуклонному ухудшению социального и политического положения в стране. В условиях возрастающего демографического давления все новые и новые миллионы людей лишались источников существования. Данная критическая масса, впадая в нищету, превращалась в «горючий материал», ища выход в бро-

дзянничестве, воровстве, разбое и восстаниях. Фаза кризиса перерастала в стадию катастрофы. Массовая вооруженная борьба в виде восстаний и крестьянских войн зачастую длилась не одно десятилетие. Государственная власть слабела. Смута, особенно в сочетании с политической раздробленностью и нашествием кочевников, приводила к гибели массы населения, запустению деревень, разрушению городов, падению ремесла, торговли, горных разработок и транспорта. С этой стадией катастрофы кончался данный цикл. Старая династия гибла, и на смену ей приходила новая. Фаза разрухи открывала собой новый социально-демографический цикл, и все повторялось сначала — по данному сценарию.

В истории Китая имели место восемь таких круговоротов. Первым был Раннеханьский цикл (206 г. до н.э. — 24 г. н.э.); вторым — Позднеханьский цикл (25–220). После долгого перерыва, почти в четыре столетия, наступил третий — Танский цикл (618–907). Четвертым стал Сунский цикл (960–1279), пятым — Минский цикл (1368–1644). За ним последовал Цинский цикл (1644–1870) — шестой круговорот в истории Китая. Его сменил седьмой — Тайпинский цикл (1870–1949). Восьмой цикл, цикл Нового «Сяокана», начался в 1950 г. и продолжается в наши дни. Таким образом, почти все циклы именуются по названию правившей тогда династии. Здесь мы указываем начало и конец каждого цикла по сугубо династийному принципу. Такая датировка весьма условна. Своей «точностью» до года она отнюдь не соответствует размытости такого ориентира, как «граница» между фазой катастрофы прошедшего цикла и стадией разрухи наступившего.

Смена одного цикла другим, как и смена всяких исторических процессов, не может иметь жестких временных рамок. Кроме того, необходима следующая оговорка. Если Позднеханьский цикл прослеживается на цифровых показателях, то Раннеханьский только на описательном материале источников. Таким образом, в истории Китая имели место шесть «больших» циклов продолжительностью от 200 до 300 лет каждый — с Раннеханьского до Цинского включительно, и два «малых» — Тайпинский (80 лет) и цикл Нового «Сяокана», продолжающийся уже более половины столетия.

С учетом фактора цикличности вся история Китая распадается на четыре неравные эпохи. Первая, доциклическая, пора — от Шан до Хань (XVI — начало III в. до н.э.) — охватывает примерно 13 столетий; вторая — два Ханьских цикла (Ранний и Поздний) — более четырех столетий (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.). Третья эпоха являла собой нециклическую, или межциклическую, полосу — от конца Позднеханьского до начала Танского цикла (III–VII вв.). Между ними прошло около четырех столетий. Это была эпоха политической раздробленности, междоусобных войн, смут и нашествий кочевников. Тогда одна волна разрухи сменялась очередной фазой разорения страны и гибелью массы населения. И наконец, четвертая, и последняя эпоха, — целиком циклическая. Речь идет о циклах в рамках господства четырех династий — Тан, Сун, Мин, Цин. Из

этой череды выпадает период монгольской династии Юань (1279–1368), ибо все эти без малого сто лет оказались наполнены непрекращавшейся вооруженной борьбой китайского народа с завоевателями. На смену Цинскому пришли «малые» циклы — Тайпинский и цикл Нового «Сяокана».

Циклическая эпоха с двумя небольшими перерывами — периоды «Пяти династий» (907–960) и Юань — уже длится почти четырнадцать столетий (618–2004). Таким образом, вся история Китая представляет собой сочетание нециклического и циклического начал при смене первого вторым. При этом именно циклическая эпоха отличалась наиболее интенсивными нашествиями кочевников — киданей, тангутов и чжурчженей, создавших в Северном Китае свои государства (X–XIII вв.). Затем наступала полоса иноземных завоеваний всего Китая и создания неханьских династий — монгольской Юань и маньчжурской Цин (1644–1911).

Неизбежно встает вопрос о соотношении линейного и циклического типов общественной эволюции в Китае и на Западе. В эволюции Среднего государства до эпохи Хань имелись определенные признаки линейной поступательности. Однако в русле Раннеханьского и Позднеханьского циклов они сменились возвратным, попятным движением. Эпоха межциклической, или нециклической, истории Китая — от конца периода Поздняя Хань до становления Танской империи (220–618) — в целом имела сумбурный характер. В ней отсутствовало линейное начало, а циклическое было представлено фрагментарно, со сбоями, с нечетко выраженными признаками. В VII в. произошел коренной перелом, т.е. окончательный и бесповоротный переход на рельсы циклического типа эволюции. Начиная с эпохи Тан и до наших дней наблюдалась последовательная смена одного цикла другим при явном сокращении продолжительности самих циклов. В это же время произошло окончательное расхождение Китая и Западной Европы по разным направлениям общественной эволюции. Европа бесповоротно перешла к линейному поступательному варианту исторического движения.

В противоположность Западу Китай с VII вплоть до XXI в. находился в русле циклического буксования с повторением одних и тех же внутрициклических фаз и стадий. Если Запад перешел к неуклонной модернизации общественного бытия, то Китай четырнадцать веков потратил на замораживание исторического процесса, сохранение и воспроизводство традиционного общества, т.е. на застой. Вместе с тем не следует абсолютизировать застой китайского традиционного общества, который наиболее ярко проявлялся на фоне быстро прогрессирующего Запада. С внутрисистемной же точки зрения полного отсутствия поступательного движения в циклической модели не наблюдалось. В самом механизме такого круговращения имели место два вида движения от низшего к более высокому уровню.

Первым таким видом являлось внутрициклическое движение, т.е. скольжение от одной фазы цикла к другой. В фазе восстановления разрушен-

ного система выходила на уровень стадии стабилизации предшествовавшего цикла. В этой фазе нового цикла не просто сохранялся былой потенциал городской экономики и культуры, но и наблюдалось его определенное обогащение и совершенствование в обстановке бурного роста городов. Экономический, социальный, материальный и духовный уровень фаз стабилизации и кризиса в данном цикле оказывался несколько выше, нежели на тех же стадиях предыдущего цикла. Правда, в фазе катастрофы эти более чем скромные достижения смывались волной разрухи. Затем тот же сценарий повторялся в следующем цикле. В его двух фазах — стабилизации и кризисе — внутрицикловое движение выходило на более высокий уровень. Тем самым при переходе от одного цикла к другому имела место некоторая поступательность.

В итоге возникал второй вид движения — межцикловой, когда с каждым новым циклом общество поднималось на новый уровень. Однако эти достижения во многом гасились с наступлением фаз катастрофы и разрухи. Так внутрицикловое движение низводило межцикловое к минимуму. Практически оба вида движения находились в постоянной борьбе между собой, сводя эволюцию Китая к состоянию, близкому к стагнации. Результаты межциклового движения становятся осязаемыми главным образом при сравнении циклов, крайне удаленных друг от друга во времени, например Позднеханьского и Цинского. Если Запад вышел на устойчивое линейное развитие с постоянно поднимавшейся кривой общественного прогресса, то в Китае сложилась иная ситуация. Здесь поступательность наблюдалась в виде крайне пологой спирали с минимальным расстоянием между ее витками.

При этом само движение по виткам главенствовало над их тенденцией к восхождению вверх. В итоге китайская модель в сравнении с западной демонстрировала общественную стагнацию как доминирующее начало. Все это не позволяло Китаю выйти на более высокий уровень общественного состояния и, в частности, ослабляло его оборонный потенциал. Военной слабостью Среднего государства регулярно пользовались северные кочевники, особенно когда Китай вступал в фазу смуты и катастрофы. В итоге малочисленные, но хорошо организованные номады не раз завоевывали огромную земледельческую страну. Китайская империя оставалась настолько отсталой и слабой, что начало XX столетия встретила под пятой очередных завоевателей — маньчжуров. Ниже мы покажем процесс ослабления традиционного общества на примере Минского цикла, приведшего к очередному кризису китайского социума, гибели империи Мин и завоеванию гигантского Китая малочисленными силами маньчжуров.

Российская академия наук
Институт востоковедения

О.Е.Непомнин

ИСТОРИЯ КИТАЯ

ЭПОХА ЦИН
XVII — начало XX века

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2005

*Книга издана по гранту
Фонда Цзян Цзин-го Международного научного обмена*

Ответственный редактор
акад. *В.С.Мясников*

Редактор издательства
З.М.Евсенина

Непомнин О.Е.
Н53 История Китая : Эпоха Цин. XVII — начало XX века / О.Е. Непомнин ; Ин-т востоковедения. — М. : Вост. лит., 2005. — 712 с.: карты. — ISBN 5-02-018400-4 (в пер.)

В книге рассматривается история Китая с XVII по начало XX в., когда в стране правила маньчжурская династия Цин. Первая часть посвящена таким событиям завершающего цикла эволюции традиционного общества, как Крестьянская война второй четверти XVII в., маньчжурское завоевание Китая и становление империи Цин, наступление очередного циклического кризиса и его перерастание в фазу смуты, крестьянские войны и повстанческие движения середины XIX в. Во второй части рассказывается о формировании переходного общества, последствиях «опиумных войн», очередном циклическом кризисе, гибели монархии и создании республики. В приложении содержится большой справочный материал.

ББК 63.3(5Кит)

Научное издание
Непомнин Олег Ефимович

ИСТОРИЯ КИТАЯ

Эпоха Цин

XVII — начало XX века

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Художник Э.А.Эрман. Технический редактор О.В.Волкова

Корректор Н.Н.Щигорева. Компьютерная верстка Н.А.Важеникова

Подписано к печати 11.05.05. Формат 70×100^{1/16}. Печать офсетная. Усл. п. л. 57,9

Усл. кр.-отт. 58,4. Уч.-изд. л. 53,2. Тираж 1000 экз. Изд. № 8116. Зак. № 1477

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

www.vostlit.ru

ППП Типография Наука

121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

Предисловие

Китай — это великая держава и огромная страна, издавна именовавшая себя Срединным государством и Поднебесной империей. Это одна из древнейших цивилизаций, давшая человечеству шелк, чай, фарфор, бумагу, книгопечатание, компас и порох, построившая Великую Китайскую стену, Великий канал и дворец Гугун в Пекине. Это страна богатейшей культуры, родина иероглифической письменности, конфуцианства и даосизма, утонченной живописи, изящной поэзии и богатейшего литературного наследия, включая гигантское собрание исторических письменных памятников и сочинений. Что касается великой истории Китая, то ученые до сих пор спорят о ее длительности — сорок или пятьдесят столетий? Если это пять тысячелетий, то Древний Китай является «ровесником» Шумера, Вавилонии и Древнего Египта. Их истории прервались, а цивилизации умерли, тогда как китайский феномен жив и здравствует, а его бытование никогда не прерывалось.

Дать российскому читателю общий свод китайской истории — задача крайне масштабная и трудная. В данной книге представлен лишь краткий очерк истории Срединного царства почти за триста лет — с XVII по начало XX столетия. Речь идет о периоде Цинской империи (1644–1912), созданной в ходе маньчжурского завоевания Поднебесной. Российские синологи изучают эту специфическую эпоху уже много десятилетий. До 1972 г. в нашей стране не существовало обобщающего исследования, посвященного империи Цин. Появление такой коллективной монографии связано с именем академика С.А.Тихвинского, выдающегося синоведа, по сути возглавившего целое научное направление, одного из крупнейших ученых нашего времени и талантливого организатора. Именно он создал большой научный коллектив авторов, написавших капитальный труд «Новая история Китая» (М., 1972).

В этом содружестве ученых наряду с такими маститыми китаеведами, как сам С.А.Тихвинский, а также В.П.Илюшечкин, А.Г.Крымов, Н.М.Калюжная, работали молодые, начинавшие тогда историки. В рамках этой коллективной монографии история Китая от середины XVII в. по 40-е годы XIX в. была написана А.Н.Хохловым. Силами этих ученых были созданы и опубликованы сборники исторических документов о крестьянской войне тайпинов, движении ихэтуаней и падении монархии в Китае. По

инициативе и под руководством С.А.Тихвинского были подготовлены сборники статей о маньчжурском владычестве и свержении династии Цин. За три десятилетия, прошедшие после выхода в свет «Новой истории Китая», события и процессы цинского периода не раз освещались в учебниках и учебных пособиях ряда российских вузов. Они нашли свое отражение и в книге В.Н.Никифорова «Очерк истории Китая: II тысячелетие до н.э. — начало XX столетия» (М., 2002).

За эти годы российские, китайские и другие ученые много сделали в исследовании эпохи Цин. Были введены новые материалы, изданы интереснейшие и ценные труды. Появились оригинальные разработки, новые концепции, изменились оценки событий и процессов, стали иными подходы к истории цинского периода. Поэтому возникла необходимость учесть результаты этих исследований. Предлагаемую читателю монографию «История Китая: Эпоха Цин» автор считает продолжением работы, начатой С.А.Тихвинским и его коллективом почти сорок лет назад. При ее написании автор опирался прежде всего на труды российских синологов. В концептуальном и теоретическом плане особое значение имеют работы С.А.Нефедова, внесшего большой вклад в изучение исторического кода, или генотипа, циклической эволюции традиционных обществ Востока, в том числе так называемых династийных циклов в истории Китая.

Становление государства маньчжуров на Северо-Востоке в XVII в. исследовали Г.В.Мелихов и Е.И.Кычанов; Великую крестьянскую войну под руководством Ли Цзычэна и сопротивление китайского народа маньчжурским завоевателям — А.В.Симоновская; борьбу против Ципов на Юго-Востоке — Н.И.Фомина; Крестьянскую войну конца XVIII — начала XIX в. под руководством секты «Белого Лотоса» — Е.Б.Поршнева. Маньчжурским правителям Китая посвятил свою работу В.Я.Сидихменов. О миссии иезуитов в Китай писала Д.В.Дубровская. Много внимания российские ученые уделили антиманьчжурской борьбе XIX столетия. Здесь выделяются монографии В.П.Илюшечкина о крестьянской войне тайпинов, Н.К.Чеканова о няньцзюнях, В.С.Кузеса о шанхайском восстании «Союза малых мечей». Народные движения начала XX в. изучены А.С.Костяевой. Капитальное исследование о движении ихэтуаней принадлежит Н.М.Калюжной. Предметом изучения В.Н.Никифорова стал Китай в годы «пробуждения Азии».

Е.А.Белов издал ряд работ о падении цинской монархии. Были опубликованы капитальный труд акад. С.А.Тихвинского, посвященный движению за реформы в конце XIX в., фундаментальное исследование общественной мысли и политической борьбы 1900–1917 гг. А.Г.Крымова, книга о конституционном движении либеральной оппозиции цинскому режиму Ю.В.Чудодеева. Вышли в свет работы, раскрывающие историю международных связей Китая с соседями и западными державами. Видное место в этом ряду занимают книги Б.П.Гуревича, Ф.А.Тодер, З.Д.Катковой и Ю.В.Чудодеева. Русско-китайские отношения исследованы в трудах

акад. В.С.Мясникова; социальные и экономические проблемы цинского периода — в работах М.И.Сладковского, О.Е.Непомнина и Н.И.Тяпкиной.

Эпоха Цин — весьма специфическая часть гигантской четырехтысячелетней истории Китая. Дело в том, что к началу XVII в. в силу особенностей своей модели исторической эволюции Срединное государство отстало от Западной Европы. Если последняя вступила в полосу буржуазного развития и новой общественной формации, то Поднебесная империя осталась в русле традиционности и азиатского способа производства в его особом, китайском варианте. В Европе уже началась эпоха новой истории, а Срединное государство застряло в болоте средневековья.

Китаю история уготовила очередное «варварское» завоевание, еще одно воцарение чужеземной династии и обычный для китайской исторической модели социально-демографический цикл. Последний содержал в себе типовой сценарий — круговорот со сменой таких фаз, как разруха, восстановление разрушенного, стагнация, новый кризис и неизбежная политическая, демографическая и экономическая катастрофа. Этот Цинский цикл начался в 80-х годах XVII в. и завершился в 70-х годах XIX столетия. Внешне империя Цин выглядела вполне благополучным государством — богатые города, развитое ремесло и торговля, древняя и высокая цивилизация. За китайский шелк, чай и фарфор Европа и Америка расплачивались серебром. Между тем Запад перешел от феодализма к капитализму, от средневековья — к новому времени. Китай же остался отсталой и «закрытой» от остального мира страной, и только полоса торговых, или «опиумных», войн середины XIX в. насильно вовлекла Цинскую империю в систему мирового рынка и общемирового развития. Именно тогда для Китая начался период новой истории, продолжавшийся вплоть до падения цинской монархии в 1912 г. и Первой мировой войны. В силу этих причин вся эпоха Цин для Китая не может быть охарактеризована как период новой истории. В XVII, XVIII и в большей части XIX в. Китай оставался в русле традиционности и средневековья и только с последней трети XIX в. вступил в период новой истории и переходного общества. Исходя из этого, данная книга распадается на две части. Первая посвящена традиционному, а вторая — переходному обществу.

Изложение начинается с создания маньчжурского государства, вхождения империи Мин в стадию кризиса и ее гибели. Хронологически работа доведена до свержения династии Цин, падения маньчжурского господства и начала Первой мировой войны. Прослежена вся история Китая эпохи Цин — от маньчжурского завоевания до установления республики.

Во Введении излагается специфика китайской истории, прежде всего смена династийных и социально-политических циклов. В вводной главе речь идет о последней фазе Минского цикла. Первая часть книги, посвященная завершающему циклу эволюции традиционного общества, состоит из 11 глав. В них представлена смена таких гигантских по своим масшта-

бам событий, как Крестьянская война второй четверти XVII в., маньчжурское завоевание Китая, становление и укрепление империи Цин. Анализируются аграрный и хозяйственный строй деревни, ее социальная структура, городская экономика, сословия и классы традиционного общества, а также его политический строй, т.е. китайская деспотия, и культура цинского периода. Рассказывается о вступлении страны в очередной циклический кризис и его перерастании в фазу смуты. Подробно рассматриваются события новой полосы крестьянских войн — под руководством тайного общества «Белый лотос», под знаменем Тайпинского государства, под руководством няньцзюней и других повстанческих движений середины XIX в.

Вторая часть книги, также состоящая из II глав, посвящена становлению переходного общества. Здесь анализируются последствия «опиумных» войн, вовлечения Китая в систему мирового рынка и колониализма. В этих главах речь идет об экономической, социальной и, главным образом, политической трансформации Китая. Дается картина временной стабилизации цинского режима и затем его разрушения старыми и новыми источниками кризисности, т.е. факторами циклического и полукOLONИАЛЬНОГО толка. Показано, как специфика переходной системы ускорила наступление нового циклического кризиса и привела к свержению династии Цин, к гибели монархии и созданию республики. В Заключении дается общий анализ исторической эволюции Китая с XVII по XX в.

Приложения к работе представляют собой комплекс таблиц, отражающих различные стороны жизни китайского общества той эпохи. К рукописи приложены краткая библиография и указатели. Работа предназначена для широкой аудитории — студентов, аспирантов, преподавателей и просто читателей, интересующихся историей Востока. С учетом этого работа выполнена без сносок, без упора на мелкие детали, без чрезмерного увлечения китайской терминологией. К рукописи прилагается до двух десятков карт и схем по истории этого периода.

О.Е.Непомнин

ИСТОРИЯ КИТАЯ

ЭПОХА ЦИН

ЭПОХА
ЛИН

ИСТОРИЯ КИТАЯ

интернет-магазин
OZON.RU

23165490

Часть первая

ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

ЦИНСКИЙ ЦИКЛ

Глава 1

Возникновение Цинского государства

В конце XVI в. над империей Мин нависла военная угроза со стороны Маньчжурии. В то время Маньчжурия была населена китайцами, монголами и чжурчжэнями (*нюйчжэнь*). Первые жили к югу от границ империи — на землях Ляодуна и Ляоси. Здесь был создан ляодунский укрепленный район. Вторые господствовали на западе, занимая две трети территории Северо-Востока. Третьи же населяли восточные районы этого края. Они делились на множество племен и родов. Одни из них были оседлыми и занимались земледелием, скотоводством и ремеслом, другие вели кочевой и полукочевой образ жизни, промышляя в основном охотой и рыболовством. И те и другие все более вовлекались в торговлю.

У оседлых чжурчжэней было развито коневодство и обработка железа. Они изготавливали хорошее оружие и доспехи для воинов и их коней. Помимо охоты на пушных зверей большое значение имели сбор женьшеня и пчеловодство. Жили маньчжуры в городах-крепостях, окруженных укрепленными деревнями. На маньчжуров работало большое число рабов (*аха*), причем роль рабского труда в хозяйствах постоянно росла. Многочисленные вожди, именовавшие себя ханами, князьями, наместниками и правителями, постоянно враждовали между собой. В этих междоусобицах в 1583 г. погибли дед и отец будущего создателя Маньчжурского государства — Нурхацы (1559–1626), и его главный соперник Никан-вайлан. Нурхацы происходил из богатого семейства Тун, являясь родовым вождем, или старшиной, в одном из небольших городов-крепостей. Тем не менее он претендовал на родство с чжурчжэньской династией Цзинь (Золотая), правившей на севере Китая и Внутренней Монголии в 1115–1234 гг. Поэтому свою фамилию Нурхацы объявил «Золотым родом» (Айсинь Гиоро), подчеркивая тем самым свое происхождение от царствующей семьи империи Цзинь, или Цянь Цзинь (Ранняя, или Первая Золотая). Роду Нурхацы принадлежало владение Маньчжоу. Нурхацы оказался талантливым политиком и полководцем. Именно он осуществил объединение чжурчжэньских племен и создал Маньчжурское государство. Старейшин соседних племен Нурхацы всемерно привлекал на свою сторону:

в ход шли щедрые подарки, многодневные пиры, брачные союзы. Те, в свою очередь, вместе с сыновьями, рабами и воинами переселялись во владения Нурхацы на постоянное жительство и переходили на службу к новому владыке. Из вновь прибывших создавались роты (*юфу*) во главе с командиром из числа старшин. Этот чин передавался по наследству. Всем переселившимся предоставлялись жилище, одежда, латы, лошади и домашняя утварь. Вожди, старейшины и князьки Маньчжоу со своими подчиненными охотно переходили под руку столь щедрого и мудрого правителя, надеясь на его защиту и покровительство. Путем брачных союзов и породнения Нурхацы еще крепче привязывал к себе племенную верхушку Маньчжоу. Так создавался весьма жизнеспособный племенной союз, быстро перераставший в раннеклассовое общество с сильнейшим военным и рабовладельческим началом.

В 1585–1589 гг. Нурхацы, подчинив племена округа Цзяньчжоу, т.е. своих непосредственных соседей, объединил их с населением Маньчжоу. Затем он приступил к завоеванию так называемых чаньбошаньских племен и хулуньского племенного союза. За два десятилетия (1593–1614) маньчжуры совершили около 20 военных экспедиций против соседей. Практически Нурхацы выступал в поход почти каждый год, ссылаясь на якобы имевшее место нарушение вождями этих племен прежних соглашений, клятв, союзов, на нанесенные ему личные обиды и оскорбления. При этом он убеждал маньчжурских воинов в том, что они сражаются за правое дело, за поправленную справедливость, что повышало моральный и боевой дух воинства Нурхацы. Его сопровождал постоянный успех; побежденные переходили на сторону маньчжуров, население сдавалось на милость победителя. Походы маньчжуров обычно заканчивались захватом множества пленных и уводом местного населения на территорию Маньчжоу, увеличивая людские и военные ресурсы последнего.

В 1589 г. Нурхацы объявил себя ваном, а в 1596 г. — ваном государства Цзяньчжоу. Его союзники — восточномонгольские князья поднесли ему титул хана, равный императорскому. К этому времени в руках у нового правителя оказалось сильное войско. В 1594 г. оно насчитывало от 70 до 90 тыс. воинов — всадников и пехотинцев. Уже тогда эти войска именовались «знаменными» и делились на роты, состоящие из трех сотен воинов. Рота служила и основной административной единицей, а солдаты составляли примерно треть ее населения. Главы же родов и поселений становились начальниками таких рот. Последние легли в основу «знаменной» системы как армейской организации, при которой пять рот сводились в полк (*джала, чжала*), а пять полков — в корпус, или «знамя» (*ци*). Во главе его стоял великий князь (*хошо бэйлэ*) или просто князь (*бэйлэ*). «Знаменная» система строилась на соединении штатского и армейского начал в одной организации. Данная система вела свое происхождение от киданей, чжурчженей, монголов и китайцев, чьи правители старались слить воедино гражданскую и военную организацию своих государств.

По мере подчинения соседних племен и территорий Нурхацци сформировал войско из четырех корпусов, или «знамен». В них числились только чистокровные маньчжуры и подчиненные им чжурчжэни. Данные корпуса по преимуществу были кавалерийскими. В 1615 г. были созданы еще четыре новых корпуса, и войска получили наименование «восьмизнаменных» (*бацзи*). Корпуса здесь различались по цвету своих треугольных знамен. Первые четыре имели соответственно желтое, белое, красное и синее знамя. Вторые четыре получили знамена тех же цветов, но с каймой. Эта кайма у красного знамени была белой, а у остальных — красной. В ходе военных действий сформировалась боеспособная армия, хорошо вооруженная, дисциплинированная, всегда готовая к наступлению.

История завоевания Нурхацци соседних неманьчжурских племен полна жестокостей. Угон населения в плен, уничтожение всех защитников оборонявшихся крепостей сопровождалось убийством мирных жителей. Периодический увод населения из побежденных племен во владения Маньчжоу служил укреплению армии Нурхацци. К 1614 г. он уже мог двинуть в поход 40-тысячное войско. В 1616 г. Нурхацци провозгласил себя монархом созданного им нового государства. Приняв титул хана и императора, он основал династию Хоу (Поздняя) Цзинь, избрав девизом своего правления Тяньмин — Мандат Неба. Тем самым он объявил себя Сыном Неба, обладавшим Мандатом Неба на верховную власть над всем земным пространством. Облачившись в одежды желтого цвета, он вззошел на императорский престол. Ниже нового государя стоял Совет, куда входили его братья, сыновья и племянники, именовавшие себя великими князьями. Совету подчинялись просто князья, великие сановники и просто сановники. Обе категории сановников состояли из маньчжуров, «знаменных» монголов и «знаменных» китайцев (*ханьцзюнь*).

Основав новую династию Хоу Цзинь, Нурхацци претендовал на наследство и продолжение дела чжурчжэньского государства XII–XIII вв. (Цянь Цзинь, или Ранняя Цзинь). Столицей Маньчжурского государства стал г. Синцзин. Благодаря дипломатической и военной активности Нурхацци к 1619 г. в рамках нового государства было объединено большинство чжурчжэньских племен.

Укрепление государства Маньчжоу и его приближение к китайской границе в Ляодуне обострили отношения между Нурхацци и империей Мин. Последняя вмешалась в борьбу маньчжуров против соседних племен, и обе стороны постоянно нарушали общую границу, обмениваясь по этому поводу письменными протестами. В 1618 г. Нурхацци постоянно заявлял о своем намерении напасть на Китай, дабы отомстить Пекину за нанесенные им «семь великих обид». В их числе фигурировали убийство китайцами отца и деда Нурхацци, а также маньчжурских послов, несоблюдение границы, вмешательство империи Мин во внутривчурчжэньские дела и т.д. В том же, 1618 г. 20-тысячная армия Нурхацци вторглась на китайскую территорию в Ляодуне, захватила три важные крепости и пять горо-

дов. Все они были разрушены, а пленные и местное население (более полумиллиона человек) уведены в Маньчжоу. В ответ на это империя Мин собрала в Ляодуне 200-тысячную хорошо вооруженную армию. Против нее Нурхацци в 1619 г. смог выставить только 50 тыс. воинов. Новому государству угрожала серьезная опасность. Однако маньчжуров спасла бездарность минских военачальников. Китайцы разделили свою мощную армию на четыре корпуса. Каждый из них должен был наступать на столицу Маньчжоу отдельно от других. Это позволило Нурхацци поочередно разгромить три корпуса, а четвертому удалось отступить и тем самым спастись. После этого маньчжуры вторглись в Ляодун, захватили два крупных города и увели с собой множество пленных. Позорный разгром ляодунской армии заставил Пекин принять срочные меры. Было воссоздано 180-тысячное войско, укреплена линия обороны, размещены крупные гарнизоны, казнено прежнее военное руководство, а во главе ляодунской армии был поставлен талантливый и дальновидный военачальник. Однако в результате придворных интриг он был смещен, и на эту должность назначили очередную посредственность.

Воспользовавшись этим, маньчжуры в 1621 г. вторглись в Ляодун и разбили китайские войска. Нурхацци осадил и взял штурмом крепость Мукден (Шэньян) и г. Ляоян. Весь этот край оказался в руках маньчжурского хана. Решив прочно закрепиться на захваченной территории, он не стал угонять покоренное население в Маньчжоу, оставив его и свое войско в Ляодуне, а столицу из Синцзина перенес в Мукден. Отсюда маньчжуры в 1622 г. вторглись в Ляоси и разбили китайскую армию, захватили более 40 городов и крепостей, увели с собой в Ляодун пленных и население.

Потерпев сокрушительное поражение, минское правительство стало срочно укреплять оборону Ляоси. Здесь была собрана 110-тысячная армия, восстановлены крепости, опорные пункты обороны и размещены гарнизоны. На три года военные действия прекратились. Однако назначение Пекином очередного бездарного командующего ослабило систему обороны. В 1626 г. маньчжуры начали новое наступление на Нинъюань — главный город Ляоси, но взять его не смогли, зато сожгли 2 тыс. китайских судов и склады с провиантом, подорвав основные силы минского флота в Бохайском заливе.

Воюя с китайцами, Нурхацци продолжал подчинение оставшихся еще независимыми от него чжурчжэньских племен. С 1619 по 1625 г. он и его сын Абахай совершили четыре успешных похода. В сентябре 1626 г. Нурхацци умер. Перед смертью он не назначил наследника. *Бэйлэ* — сородичи умершего избрали ханом и императором его четвертого сына, Абахая. К своему маньчжурскому имени Абахай присоединил второе, китайское — Хуантайцзи, а для своего правления принял девиз Тяньцун — «Покорный Велению Неба!» (1627–1636). Продолжая дело отца, Абахай подчинил еще остававшихся независимыми чжурчжэньских вождей. При этом он умело сочетал широкие дипломатические контакты и военные по-

ходы. Принятие подарков от послов и поддержание товарообмена не мешали Абахая применять к непокорным военную силу, уводить на свою территорию военнопленных и мирных жителей, захватывать богатую добычу, угонять лошадей и рогатый скот. С 1629 г. по начало 40-х годов XVII в. Абахай совершил около десяти походов на соседние племена. В этот период он, как и его отец, не добивался присоединения их территорий к государству Маньчжоу. Главной его целью оставался захват живой силы, чтобы пополнить маньчжурские войска новыми бойцами и отрядами.

Для подготовки будущих чиновников и военачальников Абахай в 1629 г. ввел китайскую экзаменационную систему. Став государем, он сначала создал Секретариат, ведущий государственное делопроизводство, а в 1631 г. — систему «шести ведомств» (министерств) по минскому образцу (*любу*). В них входили «знаменные» монголы и «знаменные» китайцы под началом маньчжуров. Так в Мукдене — столице Маньчжоу создавалось правительство, подобное пекинскому. Организуя свое государство по конфуцианскому образцу, Абахай, как и Нурхаци, на ряд должностей назначил китайских чиновников-перебежчиков и пользовался их рекомендациями.

Религиозной доктриной маньчжуров оставался шаманизм. Тем не менее создание госаппарата по минскому образцу сопровождалось постепенным внедрением конфуцианского начала.

Минская империя и государство Маньчжоу продолжали находиться в состоянии войны. Поход маньчжуров под руководством самого Абахая в 1627 г. не дал ощутимых результатов. Не сумев взять ни одного крупного города и потеряв много воинов, он был вынужден отступить в Ляодун и сменить объект удара. Поскольку Корея как «данник» Китая всячески поддерживала династию Мин, маньчжуры в 1627 г. вторглись в эту страну, начались массовые убийства и грабежи. Корейский король был вынужден уступить силе, заключить мир с Маньчжоу, уплатить ему дань и наладить торговлю с победителями. При всем том неудачи маньчжуров под Нинъюанем и Цзиньчжоу в 1626–1627 гг. показали Абахая, что китайцы основательно укрепили оборону Ляоси. Встала задача нанести удар по империи Мин в обход Ляоси со стороны Южной Монголии. Присоединив ее к государству Маньчжоу, Абахай, во-первых, получил бы идеальный плацдарм для набегов через Великую стену на юг, а во-вторых, сумел бы усилить свое войско многочисленной южномонгольской конницей.

Завоевание Северного Китая было неосуществимо без покорения Южной Монголии. Для этого еще Нурхаци старался раздробить силы южных монголов, не давая их князьям возможности объединиться. Абахай продолжил эту политику. Он привлек на свою сторону многих их правителей путем родственных браков, присваивал им титулы, жаловал награды, оказывал помощь одним в борьбе против других, заключил со своими союзниками клятвенный союз. Благодаря такой хитроумной политике государ-

ству Маньчжоу в 20-х годах XVII в. удалось подчинить себе большинство княжеств Южной Монголии. Это был первый шаг к установлению господства маньчжуров над Великой Степью и первой фазой подчинения ими наследников Чингис-хана. Уже тогда маньчжурские владыки показали себя непревзойденными мастерами в «мирном» установлении контроля над соседями. Достигалось это с помощью интриг, оказания влияния на отдельных правителей, сталкивания последних. Тем самым власть маньчжуров медленно внедрялась в соседнюю страну. Выступая в роли защитника монгольских князей от посягательства правителя Чахара Лигдан-хана, Абахай в 1629 г. обязал их участвовать в войне против Минской империи. Таким образом, маньчжуры не только получили плацдарм для нападения на Северный Китай, но и весомо усилили свои конные войска. Уже осенью того же, 1629 г. конница Абахая обошла крепости Ляоси с запада, прорвалась через Великую стену и, сокрушая минские войска, оказалась у стен Пекина, где началась паника. С богатой добычей маньчжуры ушли восвояси.

В ходе активных военных действий Абахай не забывал об укреплении своего государства изнутри, об его упорядочении и государственном строительстве. Его новое государство и армия были многонациональными, состоящими из маньчжуров, монголов, китайцев и др. В дополнение к маньчжурским корпусам с 1622 г. начали создаваться монгольские, с 1631 г. — китайские «знамена». В 1635 г. насчитывалось восемь монгольских, а с 1642 г. — столько же китайских «знамен». С 1634 г. Абахай ввел в армии деление по родам войск — конница, пехота, артиллерия, охранные части и т.д., причем среди артиллеристов было много корейцев. В дальнейшем маньчжуры широко использовали конницу южных монголов как против чахарского правителя Лигдан-хана, так и против Китая. Присоединив к своим войскам южномонгольскую конницу, Абахай в 1632 г. совершил поход против Чахара. Маньчжуро-монгольские войска захватили в плен и увели с собой большое число чахарцев, нанеся невосполнимый урон могуществу Лигдан-хана. Начался массовый переход чахарских феодалов на сторону маньчжуров, достигший своего пика в 1634 г., когда Лигдан-хан умер от оспы. Южномонгольские феодалы и их войны были приписаны к восьми «знаменам». После этого главы южномонгольских княжеств нижайше просили Абахая принять титул всемонгольского «святого хана» (богдохан). Кроме того, после разгрома Чахара он завладел императорской печатью монгольской династии Юань (1271–1368), правившей в Китае с 1280 г. Данная регалия именовалась «Печать Чингис-хана». В 1636 г. Абахай торжественно принял титулы императора (*хуанди*) и богдохана, а также «Печать Чингис-хана». Тем самым он как бы становился «законным» наследником династии Юань и владыкой всей Монголии, хотя ее северная часть — Халха оставалась еще не подвластной ему.

До мая 1636 г. династия и государство (ханство) маньчжуров именовались Великим Золотым (Да Цзинь) или Поздним (Вторым) Золотым (Хоу

Цзинь). Как уже упоминалось, Первым, или Ранним Цзинь считалось государство чжурчженей (1115–1234). До 1636 г. Нурхацзи и Абахай имели два титула — хан и император. С 1636 г. династия и государство получили новое название — Дай Цин (Великая Чистота) или просто Цин (Чистая, Непорочная). К титулу «император» (*хуанди*) Абахай присоединил его монгольский аналог — титул «богдохан», ибо в состав его империи вошла Южная Монголия. Годом своего нового правления он дал девиз Чундэ, т.е. «Накопленная Благодать» (1636–1643). Еще при Нурхацзи в Маньчжурию проник буддизм, и здесь строились буддийские монастыри. Поэтому Абахай, как и его отец, был объявлен перевоплощением одного из бодхисаттв. В 1636 г. цинский император и богдохан создал Верховный контрольный орган (Дучаюань). К этому времени полностью упорядочилось внутреннее положение нового государства, укрепилась его армия. Маньчжурские правители высоко ценили и щедро награждали талантливых полководцев и отважных военных.

Когда на повестку дня снова встала война с Китаем, маньчжурская армия была в полной боевой готовности.

В то же время к югу от Великой стены наблюдалась совершенно иная картина. Минский император, его окружение и евнухи не доверяли своим военачальникам, подозревали их в измене и безвинно казнили. Придворные интриги и болезненная подозрительность к победоносным командующим держали военную верхушку в страхе за свою жизнь. Все это, в свою очередь, подталкивало минских полководцев к капитуляции, переходу в лагерь врага. Здесь таких перебежчиков очень ценили и одаривали чрезвычайно щедро. Впоследствии они сыграли огромную роль в завоевании Китая маньчжурами. Огромное число дезертиров из минских войск в Шаньси и Шэньси влилось в ряды повстанцев во главе с Ли Цзычэном. На сторону маньчжуров стали переходить крупные минские военачальники со своими частями и вооружением. Ослабевшая империя Мин утратила южную часть Ляодунского п-ова. В 1634 г. маньчжуры четырьмя колоннами вторглись в Северный Китай, разграбили окрестности Пекина и ушли с богатыми трофеями. На следующий год армия князя Доргона опустошила Шаньси, захватила четыре города и всех их жителей угнала с собой. Военная мощь империи Цин быстро росла. В 1643 г. Абахай уже имел 24 «знаменных» корпуса.

Располагая сильной армией, насчитывающей не менее 200 тыс. конных воинов, Абахай решил сначала нанести упреждающий удар по Корее и подчинить себе эту страну. В 1637 г. после упорного сопротивления Корея была вынуждена покориться, стать «данником» Цинской империи и разорвать отношения с Китаем.

В 1636–1638 гг. маньчжуры продолжили свои набеги на Пекин. Захватив 12 городов, множество пленных и скота, они продвинулись далеко на юг от столицы, разгромили минское войско, сожгли четыре города, из пров. Чжили вторглись в пров. Шаньдун и взяли ее главный центр —

г. Цзинань. После чего маньчжуры с огромным обозом награбленного ушли восвояси. Еще более успешной для них стала кампания 1639 г. Тогда цинские войска прошли через три китайские провинции, разорили 58 городов и увели с собой без малого полмиллиона пленных. А в 1641 г. маньчжуры умелыми действиями наголову разгромили в Ляоси 130-тысячную минскую армию. Ее командующий Хун Чэнчоу перешел на службу к победителям. С 1629 по 1643 г. маньчжуры совершили с южномонгольского плацдарма восемь набегов на Северный Китай. В итоге было взято и разорено более 150 городов, убито и ранено несколько миллионов человек. Только в одном Цзинане маньчжуры перебили до миллиона жителей. Кроме того, за эти годы было угнано в плен около миллиона китайцев, прежде всего ремесленников и молодых женщин, захвачено около миллиона голов скота. Основная масса пленных превращалась маньчжурами в рабов, трудившихся в хозяйстве их владельцев. Вместе с тем какая-то часть пленных включалась в состав «знаменных» корпусов как воинское пополнение. К концу правления Нурхацы у «знаменных» скопилось до 0,5 млн. рабов, а к концу жизни Абахая их уже было 2 млн. Общая же численность самих маньчжуров в то время не превышала 1 млн. Императорская родня — князья, сановники и военачальники имели сотни и тысячи рабов, а чиновники и офицеры — десятки и сотни невольников и невольниц.

В результате грозных событий начала XVII в. империя Мин оказалась резко ослабленной не только из-за внутреннего разложения госаппарата и крестьянской войны, но и вследствие натиска «варваров» с севера. К 1644 г. в руках китайцев оставалась лишь крепость Нинъюань в Ляоси да укрепленный район Шаньхайгуань.

В 1643 г. Абахай умер. Его смерть была скорострительной и породила слухи об отравлении. На цинский престол был возведен сын Абахая, шестилетний мальчик Фуинь с девизом правления Шуньчжи — «Благоприятное Правление» (1643–1661). Ввиду его малолетства государством правили два князя-регента — его дяди Доргонь и Цзиргалан. Первый из них обладал реальной властью и зарекомендовал себя как талантливый полководец и мудрый политик.

Глава 2

Маньчжурское завоевание Китая. Страна в фазе катастрофы

В середине XVII в. империя Мин вступила в стадию глубокого экономического, социального и политического кризиса. В стране полыхала Крестьянская война (1628–1647). Империя теряла свои территории. В 1641–1642 гг. голландской Ост-Индской компанией был захвачен остров Тайвань. Изгнав с Тайваня японцев (1628) и испанцев (1641), компания установила на острове режим колониального господства. Голландцы построили две крепости — Зеландия и Провидение, усилили форты Сан-Сальвадор и Сан-Доминго, отнятые у испанцев, возвели укрепления на о-вах Пэнху в Тайваньском проливе, а у берегов Тайваня держали военную эскадру. На завоеванной территории Ост-Индская компания создала собственную администрацию, ввела свое налогообложение, монополию внешней торговли и насаждала христианство.

Колониальный голландский режим держался на Тайване два десятилетия, вплоть до 1662 г., вызывая открытое сопротивление китайского населения, которое голландцы жестоко подавляли. Ослабевшая империя Мин утратила и свои владения в Южной Маньчжурии. В 1621 г. войска маньчжурского хана Нурхацы захватили Ляодун. В 1641 г. его сын Абахай присоединил к своему государству и Ляоси. Цинская империя расширила свои владения практически вплоть до Великой стены, став серьезной угрозой империи Мин и повстанческому государству Да Шунь в Северном Китае.

К весне 1644 г., после смерти Абахая (сентябрь 1643 г.), положение в Маньчжурском государстве осложнилось. В Мукдене, столице Цинской империи, началась борьба за власть между разными группировками князей — родственников Нурхацы и Абахая. Как правило, они были крупными полководцами — начальниками «знамен». Одна из группировок предложила трон младшему брату Абахая, князю (*цинъюань*) Доргоню (Дозругунь, 1612–1650), другая в противовес ему выдвигала племянника Нурхацы — князя Цзиргалана (Цзиэрхалан). Доргонь отказался от титула императора и пошел на компромисс. На трон был возведен сын Абахая, Фулинь (1638–1661) с девизом правления Шуньчжи. Доргонь и Цзиргалан

стали равными по званию принцами-регентами (*шэжэньбан*). Талантливый полководец, волевой и умный политик, Доргонь вскоре забрал себе основные рычаги власти, а в 1644 г., понизив соперника до звания «регент-помощник», сделался фактическим правителем государства. Это позволило прекратить грызню за власть между враждующими группировками и сохранить единство цинского лагеря. Будучи не только единоличным правителем при малолетнем Фулине, главнокомандующим всех цинских войск, но и фактическим командиром (*дутун*) пяти маньчжурских «знамен» из восьми, Доргонь мог осуществлять надежное руководство уже подвластной территорией государства Цин и вести завоевание минских земель.

Главной ударной силой завоевателей была панцирная (тяжелая) конница самих маньчжуров, сведенная в восемь корпусов, или «знамен», во главе с опытными командирами — *дутунами* и *фудутунами*. Дисциплинированные и стойкие в бою, маньчжурские части наносили, как правило, решающий удар. Смелые воины, искусные наездники, закаленные в боях, набегах и походах, маньчжуры отличались свирепым нравом и беспощадностью к побежденным. Важную роль играла тяжелая и легкая монгольская кавалерия. Набранная из воинов княжества Хорчин и иных районов Южной Монголии, она была способна на гибкий маневр, метательный бой и сильную атаку. Среди командиров восьми монгольских «знамен» было много маньчжуров. К 1644 г. «знаменная» конница насчитывала не менее 200 тыс. тяжело- и легковооруженных всадников. Весьма боеспособными были также восемь «знамен» ханьцзюней, состоящие из китайцев Людуна и других северных областей. Будучи на положении «знаменных», ханьцзюни смотрели на остальных китайцев как на чужеродную и низкостоящую массу покоренных, именуемых маньчжурами *никань*. Набранные из рослых и сильных северян, «знамена» ханьцзюней располагали хорошо обученной стойкой пехотой и сильной по тем временам артиллерией под командой маньчжурских офицеров и командующих корпусами. Каждое из этих 24 «знамен», или корпусов, делилось, как уже говорилось, на пять полков (*цзяла*), а те — на пять рот, или эскадронов (*нюфу*). «Знаменные» войска насчитывали тогда свыше 300 тыс. человек.

Эту армию, закаленную в боях под руководством Нурхаци и Абахая, отличали сильная воинская организация, строгий порядок и суровая дисциплина. Ее важным преимуществом являлось значительное преобладание кавалерийских частей, наиболее маневренных и наиболее опасных для китайцев, располагавших слабой и малочисленной конницей. Кроме того, «знаменные» — рядовые и командиры — были профессиональными воинами. Оторванные от производительного труда, они десятилетия проводили в набегах и походах и жили воинской добычей. Привычная к бивуакам, сражениям, осадам, длительным маршам и жестокости в отношении чужеродного населения, эта грозная сила находилась в руках опытных, талантливых и жестоких полководцев, таких, как регент Доргонь, князя

Додо, Никань, Аджигэ, Боло, Хаогэ и др. В ходе завоевания империи Мин они все больше привлекали к себе на помощь легкую «внезапную» конницу союзных и подчиненных монгольских князей, главным образом из уже присоединенной Южной Монголии, поскольку Халха до 90-х годов XVII в. не была подчинена государству Цин.

Второй по значимости силой завоевателей служили китайские армии бывших минских военачальников, переметнувшихся в лагерь врага. Многие из них сделали это еще до Шаньхайгуаньской битвы 1644 г., за что получили от маньчжуров титулы, должности, земли и богатые дары. Обиженные придворной камарильей честолюбивые полководцы, переходя в стан маньчжуров, считали, что изменяли не родине, а вконец прогнившей династии, у которой уже нет Небесного Мандата на правление, и поэтому обреченной. Подобное бегство с тонущего корабля началось еще с 20-х годов XVII в., причем минские полководцы переходили в лагерь врага вместе со своими войсками и артиллерией. В 30-е годы на сторону Цин переметнулись военачальники Кун Юдэ, Гэн Чжунмин и Шан Кэси, за которыми последовали многие военные и штатские функционеры. В 40-е годы, когда этот процесс усилился, к Абахая примкнул минский наместник областей Цзи и Ляо — Хун Чэнчоу.

Среди перебежчиков находились и близкие родственники самого У Саньгуя — командующего Восточной армией Минской империи. Маньчжуры щедро одаривали перебежчиков. Бывшие минские полководцы сохранили и увеличили свои войска, а те, кто не имел их, получил право набирать солдат. Армии этих изменников состояли главным образом из бывших минских воинов и были хорошо вооружены. Однако по своей организации, дисциплине и боеспособности они значительно уступали «знаменным» корпусам, так как пополнялись разного рода перебежчиками, пленными, беженцами, бродягами и т.д. Как правило, армии предателей шли впереди и должны были принимать первый удар свежих сил противника, изматывать его в затяжной борьбе, и только после этого стремительный решающий удар наносила «знаменная» конница. И в походе, и в бою она всегда находилась позади войск бывших минских военачальников, контролируя и подпирая их.

Завершение Крестьянской войны и покорение маньчжурами Северного Китая

Минскую империю с севера у Великой стены прикрывала Восточная армия У Саньгуя. Закаленная в многолетней войне с маньчжурами, она славилась многочисленностью и высокой боеспособностью. В 1644 г. в ее рядах насчитывалось около 120 тыс. отборных строевых солдат, воинов-поселенцев, наемников-пехотинцев и конницы. Силы У Саньгуя быстро росли за счет минских солдат и военачальников, вливавшихся в ряды Восточной армии после вступления повстанцев Ли Цзычэна в Пекин. В лагерь

У Саньгуя с центром в крепости Шаньхайгуань бежали из столицы и других мест чиновники, шэньши и землевладельцы, толкавшие полководца на разгром повстанческой власти династии Да Шунь. Желая избежать кровопролития, совет повстанческих вождей в Пекине предложил У Саньгую признать новую власть и династию Да Шунь. Были использованы посредничество отца У Саньгуя, личное письмо Ли Цзычэна, подкуп. В надежде на мирный исход переговоров повстанцы не исключали, что могут выполнить требование У Саньгуя и передать ему наследника минского престола.

У Саньгуй со своей армией находился как бы между двух огней. С севера к Великой стене подходила маньчжурская и монгольская конница Доргоня, а с юга — авангарды повстанческого войска Ли Цзычэна. Примкнуть к последнему означало резко укрепить крестьянского «императора» в северной части страны, что вело к дальнейшему ухудшению политического и экономического положения китайской бюрократии. Союз же с маньчжурами для разгрома повстанцев объединенными силами таил опасность отдать верховную власть «варварам», но сохранить господство на местах китайских чиновников и крупных землевладельцев, к чему склоняли беглецы из Пекина.

В окружении У Саньгуя переход в лагерь маньчжуров был довольно частым явлением и многими не считался изменой родине. Это было связано с крайним разложением правительственного аппарата и самой династии Мин. Коррупция, интриги и бездарность царедворцев в конце правления минской династии достигли своего апогея. От императорских фаворитов, сановников, евнухов и иных прихлебателей особенно тяжело доставалось военачальникам. В случае поражения их ждала серьезная кара, а победа вызывала подозрительность со стороны двора, обвинения в тайных замыслах, что нередко кончалось смещением с поста, а иногда и казнью. В этих условиях переход У Саньгуя на сторону врага, против повстанцев, вплотную подошедших к Шаньхайгуаню, был вполне закономерен. Здесь У Саньгуй наголову разгромил 20-тысячное войско Тан Туна и Бай Гуанэня, посланное из Пекина. Когда в середине мая 1644 г. Ли Цзычэн свои основные силы двинул против У Саньгуя, тот стал спешно набирать новых солдат и вступил в переговоры с маньчжурами о взаимопомощи и союзе.

Доргонь поначалу воспринял предложение У Саньгуя как ловушку и не торопился с ответом. Послу У Саньгуя пришлось восемь раз ездить с богатыми дарами к маньчжурским князьям, уговаривая их на совместные действия против повстанцев. В цинском лагере понимали, что смена разложившейся династии Мин новой сильной властью Да Шунь может положить конец набегам на северные провинции. В то же время союз с У Саньгуем открывал дорогу к большой успешной экспедиции в Китай с заманчивыми перспективами для государства Цин. Поэтому, когда напуганный приближением армии Ли Цзычэна минский полководец сам примчался в ставку Доргоня, он был встречен как желанный союзник. Согла-

шение было достигнуто: У Саньгуй принес малолетнему императору Фулиню клятву верности, а в знак перехода в цинское подданство обрил спереди голову и совершил ритуальное жертвоприношение, после чего ему стали более или менее доверять. К тому времени крестьянская армия уже разгромила заслон, выставленный У Саньгую, а повстанческий авангард окольным путем проник за Великую стену. Здесь, у прохода Ипяньши, крупные силы Доргоня нанесли ему поражение, двинувшись после этого на Шаньхайгуань, к которому с юга уже подошли основные силы Ли Цзычэна.

27 мая 1644 г. у Великой стены состоялось генеральное сражение. В нем участвовало до 400 тыс. человек. Находившийся неподалеку Доргонь со «знаменными» войсками приказал У Саньгую бросить в бой все его силы с целью измотать крестьянскую армию. Ли Цзычэн, еще не зная о состоявшемся сговоре и накапливании панцирной маньчжурской конницы в тылу войск У Саньгуя, наблюдал с холма за ходом битвы. Первые часы сражения сулили повстанцам успех — противник понес огромные потери и уже начал отходить. Был полдень — самый разгар боя. В этот решающий момент из-за рядов армии У Саньгуя, огибая ее правый фланг, на поле появилась конница Доргоня, стремительно врезавшаяся в боевые порядки повстанцев. Неожиданный и сильнейший удар свежей многочисленной кавалерии смял ряды крестьянской армии. После короткой схватки с маньчжурами она дрогнула и вскоре обратилась в бегство. Только Лю Цзунминь во главе арьергарда прикрывал беспорядочное отступление, сопровождавшееся большими потерями. Предпринятая Ли Цзычэном очередная попытка договориться с У Саньгуюем не дала результатов. По приказу Доргоня тот начал наступление на повстанцев.

Разбитая крестьянская армия отходила к Пекину. Попытки Ли Цзычэна договориться с У Саньгуюем вновь оказались безуспешными. Повстанческие вожди, опасавшиеся быть окруженными в столице, решили сдать ее без боя, продолжив оправдывавшую себя доселе тактику маневренной войны. Эвакуация совершалась в большой спешке. Из города вывозились драгоценности и серебро из минских хранилищ. Дисциплина и порядок в городе падали. Начались грабежи и пожары. 3 июня перед самым уходом из столицы повстанцы повторили во дворце Уин церемонию провозглашения Ли Цзычэна императором, которая была уже проведена 8 февраля в Сиани. Этим они давали понять и друзьям и врагам, что династия Да Шунь будет и впредь единственно законной властью в Китае. После повторной инаугурации Ли Цзычэна повстанческая армия в походном строю и полном порядке покинула Пекин, а его жители ожидали вступления войск У Саньгуя.

Укрепив свои войска, У Саньгуй заставил Ли Цзычэна передать ему наследника минского престола, которого он рассчитывал посадить на трон в Пекине под личной опекой. Туда У Саньгуй должен был войти первым, ибо шел в авангарде, тогда как стотысячное маньчжурское войско намеренно держалось в арьергарде. У Саньгуй выпустил проклама-

цию, объявляя о подходе войск с наследником престола, которого пекинцам было строго приказано встретить с почтением. В самый последний момент Доргонь не разрешил У Саньгую даже подойти к Пекину, а приказал, обходя столицу, спешно преследовать армию Ли Цзычэна. Сам же регент с частью «знаменных» войск без лишнего шума 6 июня проник в Запретный город, укрепленную стеной дворцовую часть Внутреннего города — аристократического района Пекина.

Не только для торгово-ремесленного населения густозаселенного Внешнего города, но и для многих чиновников было неожиданностью, что в Запретном городе укрепились «северные варвары», а во дворце Уин сидит их князь-регент. По мере подхода новых «знаменных» войск маньчжуры установили власть над всей столицей, стали накапливаться во Внутреннем городе, выселяя оттуда китайцев и усиливая повсюду охрану. Всем жителям Пекина было приказано обрить головы, оставив косу на макушке, что означало принятие подданства Цинского государства. Доргонь объявил, что столица последнего переносится в Пекин, а малолетний император Фулинь вступил на завоеванную территорию. Цель государства Цин, по словам Доргоня, состояла в наведении порядка и «спасении народа от страданий», причиненных «разбойниками Чуан-вана», т.е. повстанцами Ли Цзычэна. Цинские войска якобы не завоевывают, а вырывают страну из рук «разбойников», выводя Китай из хаоса. Поскольку китайский народ потерял своего, т.е. минского, императора, долг государства Цин «подарить» ему своего монарха. Через несколько месяцев Фулиня привезли в Пекин и 30 октября 1644 г. повторно провозгласили императором, на этот раз всех земель, уже захваченных южнее Великой стены, и тех, что еще будут приведены к покорности. У Саньгуй получил титул князя и стал именоваться «Князь-Усмиритель Запада».

Доргонь устроил в Пекине пышную церемонию похорон повесившегося императора Чунчжэня (Сыцзун), провозгласил династию Цин его наследницей и мстительницей за последнего монарха из династии Мин. От него Мандат Неба на правление в Поднебесной якобы переходил теперь к потомкам Нурхаци, коим все китайцы должны были безропотно повиноваться. Еще до вторжения в Китай в столице Цинской империи Мукдене существовал довольно развитый государственный аппарат, во многом скопированный с минского. Он состоял из трех палат (*саньюань*), шести ведомств (*любу*), Палаты по делам даннических территорий (Лифаньюань) и Палаты цензоров (Дучаюань). С перенесением в 1644 г. императорской ставки в Пекин все учреждения из Мукдена были переведены в новую столицу. Здесь маньчжуры возглавили близкий по структуре комплекс учреждений, оставшийся от династии Мин. В результате в Цинской империи стало две столицы.

Доргонь объявил о своей милости к бывшим минским чиновникам и военачальникам. Тем из них, кто признавал и поддерживал власть Цин, давались чины и звания в новом государственном аппарате. Всех прочих

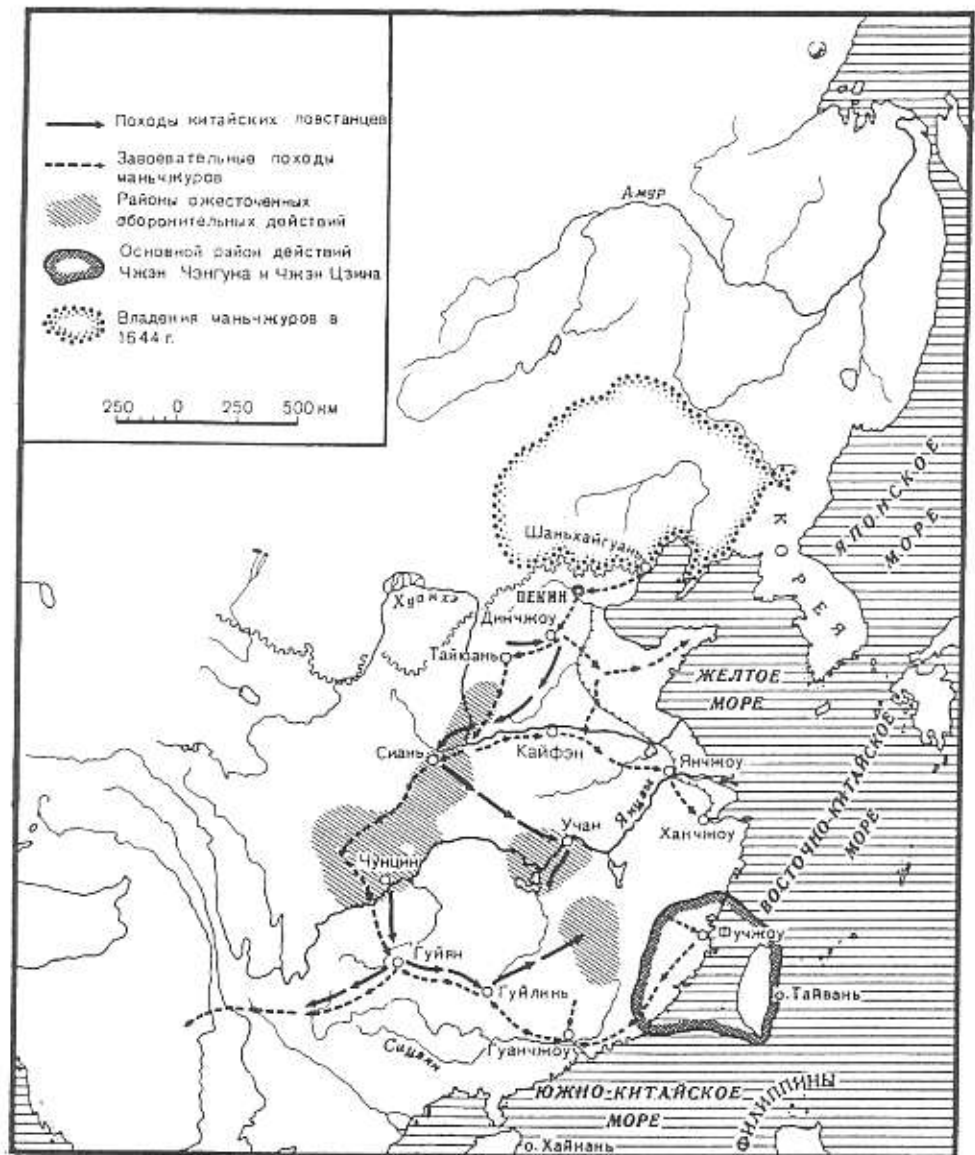
призывали присоединиться к новой династии в целях общей борьбы с повстанцами. Землевладельцам и купечеству гарантировалась защита. Тех, кто раскается, покинет лагерь «разбойников» и перестанет их поддерживать, ожидало прощение. Крестьянам обещали снижение налогов, сельскому и городскому населению — покой и порядок. Вся эта гибкая политика и умелая пропаганда возымели успех в северных провинциях — зоне Крестьянской войны 1628–1647 гг.

Будучи по своей исконной религии шаманистами, Доргонь и его окружение при вторжении в Китай сразу же объявили себя рьяными сторонниками и защитниками конфуцианства. Тем самым они стремились привлечь на свою сторону минских чиновников, шэньши, помещиков и простой народ. Кроме того, маньчжуры использовали конфуцианство в качестве действенного идеологического оружия и средства контроля за настроением населения. Поскольку подавляющая масса китайцев оставалась неграмотной, основной упор делался на устную агитацию. Для этого была восстановлена минская система идеологической обработки населения — «сельских собеседований» (*сяньюэ*), когда старейшины деревень пропагандировали моральные наставления из шести пунктов Чжу Юаньчжана — основателя Минской империи. Маньчжурские правители выдавали себя за конфуцианских «справедливых» государей, реставрирующих «пришедший в упадок» Китай.

Сразу же после вступления в Пекин регент Доргонь стал проводить политику, направленную на установление союза с минской бюрократией, шэньши и землевладельцами, на раскол антиманьчжурских сил. Особым манифестом Доргонь обещал всем китайским чиновникам, перешедшим на сторону Цин, зачисление на службу, повышение в чине и возможность вести дела вместе с маньчжурами. Приглашая верхи минского общества перейти на сторону новой династии, Доргонь делал упор на три момента. Во-первых, маньчжуры вошли в Китай лишь для усмирения «разбойников», т.е. для разгрома войск Ли Цзычэна и Чжан Сяньчжуна, а не для завоевания страны. Во-вторых, их вступление в Китай вызвано настоятельной просьбой чиновной и военной верхушки аппарата павшей династии. В-третьих, два предыдущих фактора, а также стремление спасти Китай от ужасов смуты делают законным и высокоморальным вступление Фулиня на престол в Пекине.

Покинув Пекин, армия Ли Цзычэна двинулась на юго-запад, чтобы соединиться с частями, оставшимися в крупных городах столичной провинции и Шаньси. Войска У Саньгуя и Шан Кэси, подкрепленные маньчжурской конницей князей Додо и Боло, неотступно преследуя повстанцев, взяли Баодин. Около Чжэндина повстанцы дали преследователям новое сражение. Ожесточенный бой длился два дня: обе стороны понесли большие потери, был ранен Ли Цзычэн. Ни та ни другая сторона не одержала победы, оставшись стоять друг против друга. Через некоторое время повстанцы начали отход. Повернув резко в сторону гор Тайханшань, крестья-

Завоевание минского Китая маньчжурами

янская армия через перевал Гугуань вступила в пров. Шаньси. В Хэнани чиновники, шэньши и землевладельцы с помощью минских войск, посланных с юга, разгромили местных повстанцев. В северных провинциях не только бывшая минская бюрократия, шэньши, купцы и ростовщики, но и крестьянство, а также трудовой люд городов, измученные длительной войной и разорением, все более отходили от Ли Цзычэна.

По мере отступления повстанцев все выше поднимали голову их враги на местах — помещичьи дружины, сельские ополчения во главе с шэньши, силы деревенской самообороны. Лидеры этих отрядов, воодушевленные победами У Саньгуя, следовали его примеру. В итоге социальная база крестьянской борьбы резко сократилась, а ее «горючий материал» был уже в значительной мере истрочен в боях. Армия Ли Цзычэна в Шаньси, не получив поддержки со стороны уставшего от войны крестьянства, понесла значительные потери в боях. С резким ухудшением положения начались раздоры в совете повстанческих вождей: один из них, Ли Синь, был убит, некоторые командиры со своими частями отделились от главных сил, другие скрылись. Ослабевшая крестьянская армия оставила юг Шаньси и через перевал Гунгуань перешла в соседнюю провинцию Шэньси, сделав своей базой город Сиань. Здесь повстанцы создали свои органы власти и резко увеличили численность войск. Ли Цзычэн предпринял попытку договориться с Чжан Сяньчжуном — правителем Великого Западного государства (Да Си го), который под девизом правления Да Шунь создал повстанческую власть в пров. Сычуань. Однако Чжан Сяньчжун, враждовавший с Ли Цзычэном, велел прогнать его послов. Провал попытки объединения сил двух крестьянских вождей усугублялся борьбой феодальных сил Шэньси в тылу Ли Цзычэна. Между тем войска У Саньгуя и маньчжурская конница покорили всю провинцию Шаньси малой кровью. Здесь войска У Саньгуя, Шан Кэси и других полководцев-китайцев встречали самое благожелательное отношение, прежде всего со стороны чиновников, шэньши, землевладельцев и вообще богатых людей. Отряды сельской самообороны во главе с шэньши всячески помогали этим полководцам и «знаменным» войскам бороться с «разбойниками» и наводить «порядок и спокойствие» в своих уездах, округах и областях. Точно так же была завоевана южная часть столичной провинции и большая часть пров. Шаньдун. Только в уездах вокруг Пекина пришлось подавлять стихийные выступления крестьян. Заняв Шаньдун, маньчжуры разместили свои гарнизоны в Цзинани и других ключевых крепостях. Здесь они впервые столкнулись с партизанским движением против завоевателей. Вскоре движение перекинулось в провинции Хэнань и Чжили. Повстанческие отряды, так называемые «войска из вязовых рощ», держали в напряжении цинские гарнизоны, контролировали глубинные районы и даже пытались остановить продвижение «знаменных» войск в бассейне р. Хуайхэ.

Обосновавшись в Пекине и столичной провинции, правительство Доргона получило возможность без особого труда закрепить за империей

Цин уже захваченные и новые области. Для этого следовало изменить отношение маньчжурских войск к китайскому населению. Раньше (1636–1643) на него смотрели как на подданных чужой династии, как на объект грабежа, насилия, поджогов и увода за Великую стену пленных. Теперь же Доргонь призывал «знаменное» воинство считать завоеванных китайцев новыми подданными богдохана Фулиня. При этом он гарантировал превращение всех «знаменных» вплоть до рядовых латников в привилегированных землевладельцев с обеспеченным доходом. С присоединением Северного Китая к империи Цин маньчжуры захватили громадное земельное наследие павшей китайской династии. Прежде всего это были государственные земли Мин.

В их число входили дворцовые (*гучжуан*), или императорские, поместья повесившегося Сыцзуна (*хуанчжуан*), земли гражданских (*миньтунь*) и военных (*цзюньтунь*) поселений, поместья князей императорской крови, императорской родни из рода Чжу, а также заслуженных минских сановников. Многие из этой знати, а также из штатской и военной бюрократии, шэньши и крупных землевладельцев либо погибли, либо бежали на юг во время крестьянской войны 1628–1647 гг. Все эти владения минской аристократии, а также дворцовых евнухов, крупной бюрократии и военачальников перешли к завоевателям. Маньчжурами были также захвачены не только брошенные и бесхозные, но и действительные владения «больших домов», приглянувшиеся «знаменным». В руки последних перешло много крестьянских участков. Крестьян либо сгоняли с земли, либо превращали их в краткосрочных арендаторов, крепостных, слуг или рабов. На базе бывших минских государственных земель и бесхозных, заброшенных или отнятых силой у китайских владельцев полей династия Цин создала свою систему казенного землевладения. Это были прежде всего императорские (*хуанчжуан*), княжеские (*цзуншичжуан*), «восьмизнаменные» (*баццичжуан*) и просто казенные поместья (*гуаньчжуан*).

Земли в этих поместьях обрабатывали крепостные крестьяне — *чжуандины* и *тоучунжэни*. Первая категория состояла из бывших пленных, посаженных на землю, и из государственных крестьян, навечно приписанных к этим поместьям. За каждым чжуандином закреплялся участок земли, с которого взимался оброк зерном или деньгами. За всем этим следили специальные старосты (*чжуантоу*). Вторая категория состояла из китайцев, «по своей воле» перешедших в крепостную зависимость. Одни из *тоучунжэней* всегда были безземельными, другие недавно потеряли землю, отошедшую к завоевателям, третьи боялись ее лишиться. Переходя на положение крепостных со своей землей или без нее, они становились либо наследственными, либо кабальными арендаторами.

Согласно указу 1644 г., такие китайцы могли со своими семьями приписаться к тому или иному «знамени» (корпусу) и работать на «знаменных» землях (*циди*). Если они попадали в поместье, то уже не могли отсюда уйти. Тех, кто переходил к «знаменным» офицерам или солдатам,

приписывали к их семьям в качестве крепостных. Такой *тоучунжэнь* наравне с домашними рабами зачислялся в категорию «состоящих при семье» (*хуся*), т.е. становился бесправным, и его можно было продать или купить. Если минское законодательство ограничивало право владения рабами лишь кругом императорской фамилии и аристократии, запрещая работорговлю и порабощение свободных людей, то у вторгшихся в 1644 г. в Китай маньчжуров рабство было широко распространено. Контингент рабов (*аха*) быстро рос за счет массы пленных, захваченных во время военных походов в Корею и Китай. Так, за три похода против империи Мин — 1636, 1638, 1643 гг. — войска Абахая и его полководцев увели из Северного Китая свыше 1 млн. пленных. Часть их была включена в «знамена» *ханьцзюней*, прежде всего в войска Кун Юдэ, Шан Кэси и Гэн Чжунмина. Подавляющее же большинство превращалось в рабов, занятых в земледелии, скотоводстве, ремесле и на домашних работах по обслуживанию «восьмизнаменных». Число рабов у маньчжурских владельцев земли было настолько велико, что Абахай принял меры по его ограничению. С укреплением власти Цин все маньчжурские военные и гражданские чиновники и даже простые солдаты (*пицзя*) обзавелись рабами (*нубэй*, *нуу*) и слугами (*цзяжэнь*). Одни рабы были заняты обработкой земли, а другие — домашними работами.

После овладения Пекином началось массовое переселение всех «знаменных», живших на равнине Ляохэ в Южной Маньчжурии. Большая их часть была перемещена в пров. Чжили (в Пекин и в столичную область Шуньтянь). Согласно указу регента Доргона от 1644 г., при переселении разрешалось захватывать у местных китайцев земли и дома со всем имуществом, а прежних хозяев изгонять. Завоеватели — от командира «знамени» до простого солдата — отнимали все, что им приглянулось, называя это «окружением участка» (*цюаньди*, *цюаньтань*, *цюаньчань*). Такая практика продолжалась не только в период военных действий, но и после завоевания Китая. В итоге только в Чжили более трети всех земель перешло к «знаменным» и маньчжурской верхушке.

В меньшей мере это наблюдалось и в других провинциях — там, где стояли «знаменные» гарнизоны. С уходом «знаменного» населения на юг, за Великую стену, резко сократилось население центральных районов Маньчжурии. Северные районы Маньчжурии опустели еще в результате походов Нурхацы и Абахая на местные племена, массового увода пленных и угона населения. Оставшиеся здесь народности цинские правители стремились привлечь в свое подданство для пополнения ими «знаменных» корпусов. Между тем часть северных тунгусских племен стала платить ясак Московскому государству, позднее создавшему здесь Албазинское воеводство. Русская колонизация Приамурья вызывала в Пекине большие опасения. Запустение юга Ляодуна началось еще раньше — в ходе его завоевания маньчжурами в 1618–1643 гг. По мере отступления минских войск на юг — к Великой стене китайское население уходило в северные

районы Китая и Корею. Вслед за массовым переселением «знаменных» и приписанного к ним мирного маньчжурского населения за Великую стену Маньчжурия превратилась в пустынный край с более или менее обжитыми, но малолюдными центральными районами — «священной родиной» маньчжуров.

Обосновавшись в Чжили, новая династия оставила в неприкосновенности минские ставки основных налогов, но отменила введенные в конце Мин три дополнительных налога — «ляодунский», «карательный» и «налог для обучения войск». Взимание этих наиболее ненавистных для народа налогов в условиях войны и разрухи было физически невозможно либо крайне опасно в социальном плане. В ряде случаев маньчжуры «освобождали» от налогов наиболее пострадавшие от военных действий или стихийных бедствий районы. Маньчжуры стали проводить свою первую перепись населения, установили порядок перемеров земли каждые пятьдесят лет. Для осуществления фискально-полицейского контроля на местах в 1644 г. была восстановлена минская система *лицзя*. Она объединяла десять дворов в *цзя* во главе со старостой (*цзячжан*, *цзяшоу*), а одиннадцать *цзя*, в свою очередь, в *ли* во главе с *личжаном*. Старосты отвечали перед властями за порядок и уплату налогов в своем подразделении. В *цзя* включались лишь те, кто мог платить налоги — тяглые (*дин*), т.е. взрослое мужское население. Нетяглые (*коу*), т.е. женщины, малолетние и старики, не включались в *лицзя* и в переписи, проводившиеся сначала раз в три года, а позднее — каждые пять лет. Система *лицзя* была восстановлена как в сельской местности, так и в городах и в пригородах. Повсеместно ее члены были связаны круговой порукой, что было на руку завоевателям.

Для большинства чиновников, шэньши и землевладельцев Северного Китая сохранение своего положения и имущества было значительно важнее, чем потеря независимости родины. Бывшая минская бюрократия, крупные землевладельцы и ученое сословие в провинциях к северу от Янцзы не без колебаний, но все же решили, что князь Доргонь и его воины более приемлемы, нежели крестьянский император Ли Цзычэн со своими повстанцами. Признание ими чужеземной власти и отказ от борьбы с завоевателями облегчили маньчжурам насильственное присоединение северной половины страны к империи Цин. На этой основе стал складываться классовый союз маньчжуров и китайской верхушки, сохранившей свои земли, чины, звания и должности либо получившей новые посты в цинском государственном аппарате.

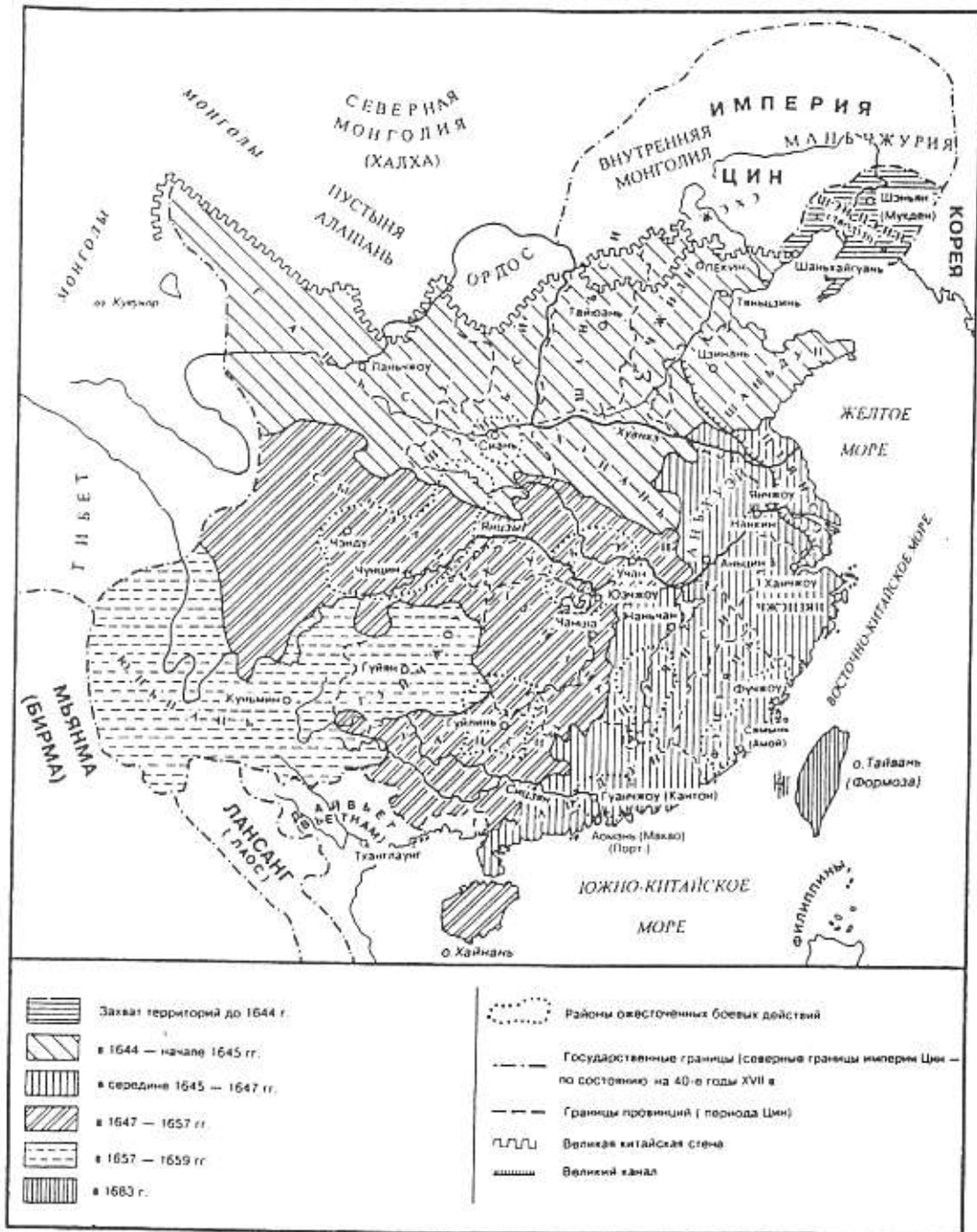
Правительство Доргоня видело в таком союзе залог прочности своего господства на присоединенных к империи Цин новых землях. Было обнародовано несколько указов, гарантировавших бюрократии китайского общества ее прежние привилегии, имущественные права, титулы и должности. От северокитайских сановников, чиновников и шэньши требовалось лишь одно, а именно признание нового, т.е. более низкого, положения

по сравнению со «знаменными» (маньчжурами, монголами и *ханьцзюнями*). Перешедшие на службу к маньчжурам чиновники должны были носить одежду их покроя, первое время говорить и писать на их языке, отбивать поклоны их князьям и сановникам, терпеть унижения со стороны «знаменных», зачастую подвергаясь порке. При всем этом административная система Цин гарантировала определенным кругам богатых людей участие в управлении, возможность обогащения за счет служебного положения, а также приобретение чиновного статуса и связанных с ним привилегий.

При утверждении завоевателей в Пекине и подчинении ими минского госаппарата большую помощь оказали чиновники и военные, перешедшие к маньчжурам до 1644 г. Особую роль сыграл бывший минский наместник областей Цзи и Ляо (Ляодун) Хун Чэнчоу, активно участвовавший в разгроме Доргоном крестьянских отрядов на севере Китая и умиротворении Юга армией князя Додо в 1645 г.

В северных провинциях иноземное завоевание прикрывалось лозунгом борьбы с «разбойником Чуан-вана», т.е. Ли Цзычэна. Здесь оно опиралось на союз китайских и маньчжурских верхов. После разгрома повстанцев армии китайских полководцев-изменников и «восьмизнаменные» войска занимали крупные города. В сельской же местности богатые шэньши и землевладельцы, располагавшие собственными отрядами или силами деревенской самообороны, признавали новую власть и сотрудничали с ней в наведении порядка в своей округе. Поэтому кровавых завоевательных операций и ответных восстаний против маньчжуров поначалу почти не было. Массовый переход верхушки Северного Китая на сторону маньчжуров ослабил сопротивление местного населения, уставшего от разорения, длительных военных и особенно карательных действий правительственных войск в ходе затянувшейся Крестьянской войны 1628–1647 гг. К тому же Доргонь завоевывал Китай руками самих китайцев. «Знаменные», как правило, шли позади войск полководцев-изменников, как бы наблюдая за их усердием и верностью. Это отводило от «северных варваров» часть гнева местного населения, когда на авансцене действовали ханьские полководцы и солдаты. Малочисленных маньчжуров Доргонь всячески берег, они вступали в дело, после того как вся черновая работа была проделана войсками Шан Кэси, Гэн Чжунмина, У Саньгуя, Кун Юдэ и им подобных. Когда повстанцы и патриоты оказывались измотанными, в бой бросались «знаменные» конница и пехота. В результате для присоединения северной части Китая к империи Цин понадобилось менее одного года. Уже к весне 1645 г. во власти завоевателей оказались часть Северо-Китайской равнины и провинции Аёссового плато. Это была та территория Минской империи, которая служила ареной Крестьянской войны. Единственной силой, оказывавшей яростное сопротивление захватчикам и их пособникам, оставалась повстанческая армия, с боями отступавшая на юг.

Этапы маньчжурского завоевания Китая

Для завоевания Южного Китая цинское правительство в начале 1645 г. создало две ударные группировки. Одна из них, восточная, готовилась наступать из пров. Аньхуэй в низовья Янцзы и приморские провинции. Другая, выступив из Шаньси, должна была добить крестьянские войска и продвигаться на юг через долину р. Хань. Тем самым империя Мин и ее основные вооруженные силы в среднем течении Янцзы брались в «клещи» с востока и запада. К осени 1644 г. против армии Ли Цзычэна регент Доргонь направил крупные силы — три китайские армии, которыми командовали У Саньгуй, Шан Кэси и Кун Юдэ, а также «знаменные» войска князя Додо, одного из сыновей Нурхаци, и князя Аджигэ. Они переправились на правый берег р. Хуанхэ и подошли к узкому горному проходу и крепости Тунгуань. В марте 1645 г. здесь произошло грандиозное сражение, в котором повстанческая армия была разбита. С помощью пушек завоевателям удалось взять и саму крепость. Дорога в Шэньси оказалась открытой. Тяжелое поражение и огромные людские потери, гибель многих повстанческих вождей, в том числе Лю Цзунминя, сделали невозможной оборону Сианя. Оставив без боя Сиань и юг Шэньси, повстанцы несколькими колоннами двинулись через хребет Циньлин на юг — в долину р. Хань. Отступление было трудным, усилились внутренние разногласия, распался совет вождей, некоторые из военачальников дезертировали. Достигнув р. Хань, оставшиеся крестьянские войска вышли к Янцзы, переправились на ее правый берег и в мае 1645 г. на короткое время заняли Учан. Во время движения им пришлось отбиваться от минских войск и отрядов местной самообороны. Здесь, под Учаном, повстанцы столкнулись с новым врагом — войсками южноминского правительства в Нанкине. Уклоняясь от битв с отрядами хугуанского наместника, измученная долгими переходами, сильно поредевшая крестьянская армия отступила на юг пров. Хубэй в горы Цзюгуншань, где в июне 1645 г. при неизвестных обстоятельствах погиб Ли Цзычэн.

После победы у Тунгуаня и покорения Шэньси маньчжуро-китайские войска разделились. Армия У Саньгуя двинулось в долину р. Хань, но, перейдя через Янцзы, потерпела поражение от повстанцев, которыми командовал племянник Ли Цзычэна Ли Го. Бросив пушки и прочее снаряжение в воду, армия У Саньгуя отступила за Янцзы, распространяя цинское господство на север пров. Хубэй и юг Хэнани. Маньчжурская же армия Додо направилась в северную Хэнань, вступила в Лоян и Кайфэн, соединившись со свежими «знаменными» войсками, шедшими из пров. Шаньдун. Эта «восточная группировка» взяла штурмом крепость Гуйдэ — временный форпост империи Мин на Северо-Китайской равнине, после чего одна колонна двинулась к р. Хуайхэ, а другая — в зону Великого канала и овладела Сюйчжоу. Используя раздоры в минском лагере, маньчжуры форсировали Хуайхэ и вышли к р. Янцзы.

Когда руководство повстанческими силами перешло к Ли Го, его более чем 200-тысячная армия оказалась в безвыходном положении, она была

обречена на гибель в войне на два фронта — с маньчжурами на севере и империей Мин на юге. Ли Го резко изменил стратегическую линию. Считая завоевателей главной опасностью, он сумел в 1646 г. договориться с минскими военачальниками и правительством в Нанкине о совместной борьбе против «северных варваров» и изменников-ханьцев. Таким образом, Ли Го перешел от социально-классовой борьбы к национально-освободительной.

Со смертью Ли Цзычэна и переходом армии Ли Го в подчинение династии Мин Крестьянская война 1628–1647 гг. не кончилась. В Сычуани сохранилось еще второе повстанческое Великое Западное государство во главе с Чжан Сяньчжуном и его приемными сыновьями — молодыми командирами крупных отрядов: Сунь Кэваном, Ли Динго, Ай Нэнци и Лю Вэньсюем, получившими от приемного отца почетные титулы. Эта вторая (после империи Ли Цзычэна) повстанческая власть под девизом правления Да Шунь вела постоянную борьбу с отрядами бывших минских чиновников, богатых шэньши и землевладельцев. На юге Сычуани сложилось сильное минское войско — шесть воинских формирований из бывших минских солдат и дружин, опиравшихся на деревенскую самооборону. В боях с ним армия Чжан Сяньчжуна потерпела поражение. Повстанцы оставили свою столицу Чэнду и отошли в северо-восточную часть Сычуани, намереваясь прорваться в Шэньси для борьбы с маньчжурами, хотя последние безуспешно предлагали Чжан Сяньчжуну перейти с армией на их сторону. Зимой 1646 г. на завоевание Сычуани Доргонь направил большое маньчжурское войско во главе с сыном Абахая *бэйлэ* Хаогэ. На севере Сычуани на сторону «варваров» перешел один из повстанческих военачальников — Ли Цзиньчжун. Положение повстанцев оказалось критическим, среди их вождей начались раздоры. Противник заманил крестьянскую армию в ловушку в горах Фэнхуан. Застигнутые врасплох воины Чжан Сяньчжуна приняли бой с отрядами Хаогэ и китайцев-предателей. В этом ожесточенном сражении близ Сичуна в январе 1647 г. повстанцы были разбиты и понесли огромные потери. Сам Чжан Сяньчжун был убит. Его приемные сыновья с поредевшим войском, разделенным на несколько групп, начали отступление на юг. Им с большим трудом удалось форсировать р. Янцзы у Чунцина и уйти в Гуйчжоу. Здесь, признав власть одного из минских правителей, они включились в общепатриотический лагерь борьбы с завоевателями. Так закончилась Крестьянская война 1628–1647 гг.

Между тем, разбив и отбросив войска У Саньгуя, новый командующий армией, Ли Го располагал уже от 200 до 300 тыс. воинов и подчинялся минскому наместнику Хугуана — полководцу Хэ Тэнцзяо, в распоряжении которого находилась 100-тысячная армия и ряд других соединений в долине среднего течения Янцзы. Все эти воинские силы зимой 1647 г. были реорганизованы в армию Тринадцати соединений под общим командованием Хэ Тэнцзяо. Из них шесть соединений под общей командой Ли

Го находились в долине р. Хань севернее Янцзы. После разгрома армии Чжан Сяньчжуна в сражении близ Сичуна войска его преемников поспешно отступили за р. Янцзы, оставив войска Ли Го один на один против превосходящих сил цинских армий — князя Хаогэ, У Саньгуя, Шан Кэси и др. Во избежание гибели Ли Го пришлось отвести свои войска за Янцзы. После битвы близ Сичуна маньчжуры силами китайских армий без особого труда подчинили себе всю Сычуань. Они встретили упорное сопротивление лишь у стен Чунцина, где население стойко обороняло город.

С падением Чунцина в 1647 г. маньчжурские захватчики и их китайские пособники вышли во фланг линии южноинской обороны в среднем течении Янцзы. Тем не менее поражение У Саньгуя южнее Янцзы и стойкая оборона армии Тринадцати соединений на этом водном рубеже резко затормозили движение «западной группировки» на юг. Упорные бои затянулись здесь до лета 1648 г. В итоге глубокое вторжение в Минскую империю с запада было сорвано. Здесь сказались, во-первых, высокие боевые качества частей Ли Го и их стойкость в обороне, во-вторых, малочисленность цинской конницы в рядах «западной группировки», состоявшей в основном из китайской пехоты полководцев-изменников. Таким образом, и Южный Китай в значительной мере завоевывался для маньчжуров руками самих китайцев. Было между захватчиками и территориальное разделение. Для операций маньчжурской и монгольской конницы Доргонь, естественно, избрал Северо-Китайскую равнину и богатые приморские районы южнее Янцзы. Китайским же полководцам-перебежчикам сначала было приказано сражаться в трудных для передвижения провинциях Лёссового плато. Затем их войска были посланы в сильно пересеченную местность глухих и зачастую бедных районов Юго-Запада, т.е. Гуйчжоуского плато, Юньнаньского нагорья, а также в гористые области Гуанси и Гуандуна.

Второй этап маньчжурского завоевания

Весной 1645 г. на всей территории южнее р. Янцзы сохранялась власть империи Мин со столицей в Нанкине. После взятия Пекина повстанцами Ли Цзычэна в южной столице развернулась борьба за власть между двумя группировками. Первую, более прогрессивную, поддержанную приверженцами группы Дунлинь, возглавил глава военного ведомства Ши Кэфа. Второй, реакционной кликой придворных евнухов, руководил Ма Шинь. Евнухи одержали верх, и новым императором династии Мин был провозглашен бездарный пьяница Фу-ван (Чжу Юсун).

Победившая клика евнухов попыталась договориться с Цинами и У Саньгуем о союзе. Однако южноинские послы вернулись ни с чем. В Нанкине не придавали особого значения маньчжурской угрозе и серьезной подготовки к войне не вели, считая по-прежнему главной опасностью повстанцев Ли Цзычэна. К югу от Янцзы господствующая верхушка

почти не испытала на себе классового шторма Крестьянской войны 1628–1647 гг. У южнокитайских чиновников, шэньши и землевладельцев не было острой нужды в союзе с маньчжурами против южнокитайского крестьянства, не примкнувшего к борьбе своих северных собратьев. Южнокитайские верхи стояли за сохранение империи Мин к югу от Янцзы, за реставрацию этой династии в северной половине страны, за полный разгром тамошних повстанцев при использовании «знаменных» войск, с руководством которых они рассчитывали договориться. Опираясь на экономически более развитой, многолюдный и богатый Юг, здешняя верхушка до лета 1645 г. считала себя в относительной безопасности и не предвидела нависшую угрозу.

В Нанкине продолжалась грызня придворных клик. Фу-ван делами государства не занимался, предаваясь роскошным пирам, пьянству и гаремным утехам. Между командующими четырьмя военными округами, чьи войска прикрывали Минскую империю с севера, царила вражда. Командующий учанской группой войск Цзо Ляньюй в апреле 1645 г. поднял мятеж и повел своих солдат на Нанкин. Его неожиданная смерть и последовавший затем разгром учанских войск покончили с мятежом. Это подорвало силы империи Мин, и офицеры Цзо Ляньюй перебежали в цинский лагерь. Ши Кэфа был отстранен от руководства военным ведомством и назначен командующим четырьмя крепостями, в том числе Янчжоу, прикрывавшими подступы к Нанкину с севера от Янцзы, а также небольшой группы войск между Хуайхэ и Янцзы.

Если маньчжурский план кампании 1645–1646 гг. предусматривал применение «монгольской» стратегии, т.е. широчайший двусторонний фланговый охват противника, то минское руководство противопоставило ему совершенно неадекватный и консервативный план. Вместо концентрации основных сил в мощный кулак в глубине своей территории — на стратегической оси театра военных действий — Нанкин разместил свою армию строго на передовом рубеже — вдоль р. Янцзы, растянув ее почти на тысячу километров, как бы в ожидании аналогичного «зеркального» расположения сил наступающих. Такой «живой забор» был обречен на бесплезность, а сам план изначально порочен.

Весной 1645 г., когда войска «восточной группировки» под командованием князя Додо вышли к р. Хуайхэ, Минскую империю в долине р. Янцзы охраняли четыре армии, но они были крайне разбросанны. В итоге Нанкин с севера прикрывала только одна, и притом малочисленная, армия под командованием Ши Кэфа. Не сумев остановить на равнине панцирную маньчжурскую и монгольскую конницу, она потерпела поражение и отступила под защиту крепостных стен Янчжоу, расположенного на Великом канале севернее Янцзы. Ши Кэфа отверг предложение капитулировать и возглавил оборону. В течение семи дней войска и население героически обороняли этот большой и богатый город. Под его стенами было убито несколько тысяч «знаменных». На многократные просьбы Ши Кэфа

о помощи откликнулся лишь командующий Лю Чжаоцзи, пришедший с небольшим отрядом. Маньчжуры, сломив упорнейшее сопротивление защитников, овладели Янчжоу, после чего устроили кровавую резню, длившуюся десять дней и унесшую 800 тыс. жизней. Эта вакханалия жестокости сопровождалась пожарами, грабежами, насилиями и угоном пленных в рабство. Взятый в плен Ши Кэфа отказался служить династии Цин и был казнен. Янчжоу — прославленный центр ремесла и торговли — был разрушен до основания.

В это время Фу-ван и его окружение проводили время в пьяных оргиях, считая, что маньчжуры не смогут преодолеть широкую и быструю Янцзы. Между тем в середине июня 1645 г. армия Додо с помощью предателей-китайцев форсировала эту водную преграду и подошла к Нанкину. Фу-ван и его придворные бежали, бросив столицу на произвол судьбы. Более чем 200-тысячный минский гарнизон, возглавляемый Ма Шином, не захотел сражаться и отступил на юг. Чиновники открыли ворота столицы и капитулировали. Большинство их с радостью пошло на службу к завоевателям. Это, однако, не избавило сдавшийся без боя Нанкин от массовых насилий, грабежей и убийств. Маньчжуры сожгли императорский дворец. В июле «знаменные» войска подошли к Уху, куда бежал Фу-ван. При приближении врага он был арестован своими же военачальниками, поспешившими перейти в цинское подданство и сдать город. Фу-ван был отправлен в Пекин и там умерщвлен. На сторону завоевателей перешли почти все минские военачальники этого района вместе со своими частями. Сопротивление оказали лишь войска Хуан Дэгуна, вскоре погибшего в бою. Без сопротивления сдался город Сучжоу. «Знаменные» устремились к Ханчжоу, где после пленения Фу-вана государем империи Мин был объявлен Лу-ван (Чжу Чанфан). Однако маньчжурская конница разгромила и обратила в бегство его войска. Ханчжоу капитулировал, перед открытыми воротами города Лу-ван и его свита на коленях встретили завоевателей. Неудачливый претендент на трон был увезен в Пекин и умерщвлен голодом.

Между тем жестокость и насилия «знаменных», в том числе увод десятков тысяч девушек и молодых женщин в рабство, вызвали восстания жителей Сунцзяна и ряда других городов, а также крестьян, к которым присоединилась часть минских солдат. Восставшие во главе с шэньши Чэн Цзылуном пытались освободить Сучжоу и Ханчжоу, но были разгромлены. Небольшой городок Куньшань цинские войска взяли штурмом только на пятые сутки осады, после чего вырезали свыше сорока тысяч жителей. К концу 1645 г. наступательный порыв армии князя Додо был заметно ослаблен большими потерями наступающих, а также сопротивлением в тылу. Однако в стане захватчиков оказалось много бывших минских военачальников — изменников родины с подчиненными им частями. В итоге и на восточном театре военных действий правительство Доргона получило возможность завоевывать Китай руками китайцев. После гибели

Лу-вана, готовясь к обороне против «северных варваров», минские сановники и военные в провинциях Чжэцзян и Фуцзянь провозгласили временными правителями (*цзянго*) Минской империи двух претендентов на трон.

В Шаосине, объявленном временной столицей, государем был посажен новый Лу-ван (Чжу Ихай), а в Фучжоу — Тан-ван (Чжу Юйцзянь). Вместо того чтобы объединить силы перед лицом общего грозного врага, оба претендента на императорский трон ссорились, их окружение занималось интригами, причем многие заранее готовились переметнуться в стан завоевателей. Начальный успех маньчжурского наступления в Восточном Китае объяснялся тремя факторами. Во-первых, беспечностью и никчемностью минского правительства, во-вторых, малочисленностью минских войск в приморских провинциях, тогда как основные свои армии Минская империя держала в среднем течении Янцзы. В-третьих, разложением армейского руководства, бегством минских военачальников после форсирования завоевателями Янцзы. После падения Нанкина брошенные на произвол судьбы солдаты и офицеры стали отходить на юг либо просто разбегаться. Неоценимую услугу завоевателям оказали представители китайской верхушки, перешедшие на сторону чужеземцев и во имя своих классовых интересов предавшие национальные. В провинциях южнее Янцзы сопротивление захватчикам было ослаблено остротой социальных противоречий в минском обществе.

Доведенные до крайней степени налоговая эксплуатация, чиновный произвол, насилие со стороны князей, сановников и евнухов во многом обусловили пассивность значительной части населения Южного Китая. Деградация и развал единой власти Южной Мин создали объективные и субъективные предпосылки для успехов цинских армий. После взятия Нанкина правительство Доргоня издало указ о бритье головы. На всей территории, уже присоединенной к империи Цин, китайцам-мужчинам надлежало перейти от традиционной прически к маньчжурской, т.е. сбрить волосы спереди, а оставшиеся на темени заплести в косу. Невыполнивший это в десятидневный срок считался «сопротивляющимся разбойником», и ему отсекали голову. Цирюльникам в сопровождении солдат было приказано ходить по улицам и рынкам и насильно брить мужчин. При малейшем сопротивлении виновного обезглавливали.

«Знаменные» и их китайские приспешники жестокими мерами проводили в жизнь приказ о бритье головы. Особенно усердствовал правая рука князя Додо — опытный каратель Хун Чэнчоу, назначенный наместником Цзяннани. Головы казненных в устрашение остальным вывешивались на стенах городов, на шестах и в клетках — на рынках и у ворот управ. Казни происходили и в деревнях. Китайский народ видел в новой прическе символ рабской покорности завоевателям, унижение национального достоинства, попрание древних обычаев. Ханьцы испокон веку носили длинные волосы, завязывая их в пучок на макушке и закалывая большой шпилькой или палочкой. Такая прическа входила в сложный комплекс,

символизировавший великоханьское превосходство над «варварами». Теперь же ханьцам самим предстояло опуститься до уровня «северных варваров». С введением маньчжурской косы они становились подданными чужого им государства Цин. Указ 1645 г. о бритье голов ставил перед каждым китайцем альтернативу: «Хочешь сохранить голову — должен лишиться волос, сохранишь волосы — лишишься головы», однако патриоты принимали иное решение: «Лучше потерять голову, чем волосы!»

Бритье голов вызвало бурный взрыв народного гнева, массы горожан и сельских жителей, противясь надругательствам над национальной гордостью ханьцев, брались за оружие. Более месяца героически обороняли свой город восставшие жители Цзяньиня. Взломав крепостные стены огнем осадных орудий, ворвавшиеся «знаменные» в течение трехдневной резни убили более 172 тыс. человек, в том числе женщин, стариков и детей. Два месяца удерживали в своих руках восставшие патриоты г. Цзядин. Даже после того как каратели вырезали 20 тыс. жителей, горожане восстали вновь. Кровавая бойня была повторена, как и прежде, руками бывших минских солдат по приказу военачальника — предателя родины. Эти и другие восстания в тылу армии князя Додо измотали войска и сбили темп их наступления. Свою роль сыграл и героический поход из Фуцзяни в Цзянси и Аньхуэй 10-тысячного войска сановника и ученого Хуан Даочжоу, хотя его солдаты и были затем рассеяны неприятелем, а сам он казнен.

В том же, 1645 г. под угрозой смертной казни было запрещено ношение одежды минского образца, но это мало повлияло на китайцев. В 50-х годах даже перешедшие на сторону завоевателей провинциальные чиновники все еще носили минские одежды и головные уборы. Массовое неповиновение заставило маньчжуров отменить казни и отложить выполнение подобных приказов до окончательного завоевания Китая.

В Южном Китае завоеватели вели себя иначе, чем на Севере. Если к китайцам-северянам у маньчжуров поначалу было спокойное отношение из-за их покорности, то на южан они смотрели как на народ (*никань*) более низкого ранга, называя их «южными варварами», к которым применимы любые жестокости. Все это обострялось упорным сопротивлением южан, большими потерями «знаменных» южнее р. Янцзы и длительностью завоевания Юга (1645–1683). Здесь маньчжуры столкнулись не только с героическим сопротивлением китайского народа, но и с демографическим феноменом этой страны. Ее население почти в 200 раз превышало численность «восьмизнаменной» армии и ее союзников. Для покорения этой гигантской силы, для снижения ее количественного превосходства маньчжуры шли на массовое уничтожение жителей любого сельского района или города, оказавшего сопротивление.

Цинские войска, руководствуясь правилом: «Сдаются — убивай, не сдаются — тоже убивай», сжигали и разрушали города и деревни. Завоевание приняло характер массового истребления населения. Невероятная

по своей жестокости кровавая вакханалия, сознательно поощряемая практика поголовной резни помогли династии Цин подавить сопротивление китайского населения. Если в Северном Китае Доргонь поначалу проводил гибкую политику по отношению к династии Мин, то к югу от р. Янцзы он вел себя иначе. Южноминских правителей в Пекине рассматривали как «данников» (*фань*), как подданных, наказываемых смертью за сопротивление цинскому императору. Трех минских правителей — Фу-вана, Тан-вана и Гуй-вана — маньчжуры именовали «три правителя-данника» (*саньфань*) или «три ранних данника» (*цяньсаньфань*). Минские «данники», а также князья и близкие родственники императорской фамилии Чжу безжалостно уничтожались завоевателями.

Летом 1645 г. цинские войска из пров. Цзяннань двинулись в Цзянси. Минский командующий войсками (*тиду*) этой провинции Цзинь Шэнхуань, без боя сдавшийся маньчжурам, был оставлен в этой должности и помог им присоединить большую часть провинции к империи Цин. Не доверяя новому перебежчику, Доргонь назначил наместником Цзянси старого цинского слугу Чжан Юйтяня, занимавшего видные посты в Маньчжурии до 1644 г., чем смертельно оскорбил Цзинь Шэнхуаня. К весне 1646 г. завоевателям удалось подавить восстания в покоренной Цзяннани, подчинить себе соседнюю Цзянси, получить подкрепления и усилить свои ряды за счет войск китайских полководцев-изменников. В марте регент Доргонь назначил князя Боло главнокомандующим начавшегося похода в Чжэцзян и Фуцзянь.

Войска Лу-вана не могли остановить цинскую армию, которая захватила его столицу Шаосин и другие города. Лу-ван с частью войск бежал на прибрежные острова, а большинство его военачальников признали себя подданными государства Цин. Завоеватели вышли к границам Фуцзяни. В этой провинции всеми делами заправлял всемогущий сановник, богатый землевладелец Чжэн Чжилун, в чьих руках находились большинство войск Тан-вана и сильный флот. Перед броском маньчжуров в Фуцзянь Чжэн Чжилун переметнулся во вражеский лагерь, но был увезен в Пекин, вскоре заключен в тюрьму, а позднее — казнен. Обезглавив тем самым правительство Тан-вана, маньчжуры во главе с Боло осенью разгромили его войска в ущелье Сяньсягуань. В упорных боях за крепость Тинчжоу минские войска были вновь разбиты. Маньчжуры обезглавили более 10 тыс. человек, в том числе Тан-вана и его свиту. После этого они захватили ряд крепостей и без боя вошли в главный город провинции — Фучжоу. К декабрю 1646 г. армия Боло завоевала всю Фуцзянь.

И снова в минском лагере, на этот раз в пров. Гуандун, появилось два очередных претендента на императорский трон — один (Чжу Юлан) в Чжаоцине, другой (Чжу Юйао) — в Гуанчжоу. Снова началась междоусобная борьба между двумя правительствами, в том числе и военные действия. Усыпив при помощи дезинформации бдительность минских полководцев, цинские власти зимой 1646–1647 гг. подготовили неожиданный

удар. В Гуандун были брошены китайские войска, перешедшие под власть маньчжуров еще в восточных приморских провинциях. Ими командовал перебежавший во вражеский лагерь бывший минский военачальник Ли Чэндун. Его войска в январе 1647 г. беспрепятственно вошли в Гуанчжоу, где погиб Чжу Юйао, один из претендентов на престол. Вслед за этим Ли Чэндун повел свои войска на Чжаоцин. Здесь находился другой претендент — Гуй-ван (Чжу Юлан). Со своим окружением он бежал в Гуй-линь — главный город пров. Гуанси. Гуй-ван оказался в центре борьбы юго-западных провинций, упорно сопротивлявшихся завоевателям, что позволило последнему минскому правителю продержаться на троне почти 15 лет (1646–1661).

Длительному сохранению независимости этой части империи Мин способствовал ряд факторов. Большую роль играли отдаленность и труднодоступность Юго-Запада, расположенного на Гуйчжоуском плато и Юньнанском нагорье, и нежелание маньчжуров тратить на завоевание этого отсталого бедного «угла» государства Мин «драгоценную» кровь «знаменных». Кроме того, силы маньчжуров были скованы сопротивлением в уже завоеванных провинциях. Сказывался также невысокий боевой дух китайских армий под командованием полководцев-предателей, которые были брошены на покорение этого трудного региона, — позднее некоторые из них перешли в лагерь патриотов. Упорное сопротивление этого региона связано прежде всего с действовавшими здесь крупными и боеспособными соединениями из бывших повстанческих армий Ли Цзычэна и Чжан Сяньчжуна. Переход этих закаленных в боях частей под знамена государства Мин существенно отдалил крушение последнего.

Надеясь получать из Европы помощь в борьбе с маньчжурами, минские придворные круги налаживали связи с Западом. Гуй-ван, его семья, губернатор Гуанси и наместник Лянгвана приняли христианство и через миссионеров просили помощи у папы Римского. Европейские купцы продавали минскому лагерю огнестрельное оружие, в том числе пушки. В южноминских войсках состоял отряд португальцев и других европейских наемников. Тем не менее к бывшей крестьянской армии Ли Го окружение Гуй-вана относилось со страхом и подозрением, хотя это были лучшие части не только в минских войсках вообще, но и в упоминавшихся выше Тринадцати соединениях, чьи войска стали непреодолимой преградой на пути «западной группировки» цинских войск. Если «восточная группировка» за два с лишним года (весна 1645 — лето 1647 г.) прошла через четыре провинции (Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун) и завоевала их, то «западная» все это время протопталась в долине р. Янцзы перед фронтом войск Ли Го и Хэ Тэнцзяо.

1647 год оказался крайне трудным для тех, кто сражался под знаменами государства Мин. До лета войскам Ли Го и другим частям из армии Тринадцати соединений удавалось сдерживать в долине р. Янцзы натиск с севера — со стороны китайских армий полководцев-изменников, нанося

им чувствительные удары. Минский полководец Ян Тинлинь успешно действовал в Цзянси против армии перебежчика Цзинь Шэнхуаня. Однако летом наступил перелом — цинские войска разгромили части Ян Тинлиня, павшего в бою, и вышли к Чанша — ставке Хэ Тэнцзяо. Последний не стал оборонять город и отступил на юг Хунани. В результате угроза окружения, снова нависшая над войсками Ли Го, заставила его спешно отходить на юг. Началось массированное наступление армий Кун Юдэ, Шан Кэси и Гэн Чжунмина, занявших всю Хунань и теснявших минские войска в северной части пров. Гуанси.

Одновременно из уже завоеванного Гуандуна в южные районы Гуанси вторглась китайская армия предателя и цинского прислужника Ли Чэндунна. Тем самым удалось загнать в одну провинцию все войска сопротивления (кроме остатков армии Чжан Сяньчжуна в Гуйчжоу и Юньнани) и взять их в клещи — с севера и с юга. Цинские полководцы рвались к Гуйлиню, где обосновался последний минский правитель — Гуй-ван. Его пленение и казнь были вожделенной целью каждого из полководцев, ибо сулили небывалую награду со стороны Доргоня. Город обороняли войска минского губернатора провинции патриота Цюй Шисы, возглавлявшего правительство Гуй-вана. Армии Ли Го и Хэ Тэнцзяо оказались в тяжелейшем положении. Цинские войска трижды безуспешно осаждали Гуйлинь. Между тем в тылу у Ли Чэндунна началось восстание в Гуандуне. Отряды повстанцев соединились под стенами Гуанчжоу и атаковали его. Ли Чэндун со своей армией спешно покинул театр военных действий и повернул назад — наводить порядок в Гуандуне. Между тем наместником Гуандуна и Гуанси регент Доргонь назначил не этого полководца-перебежчика, а старого изменника Тун Янцзя, служившего маньчжурам с 20-х годов. Тем временем в декабре 1647 г. в тяжелых боях под Цюаньчжоу были разбиты и отброшены за пределы Гуанси пришедшие с севера цинские войска. Угроза полного поражения патриотических сил отодвинулась — страшно усеченная империя Мин сохранилась. Так закончился второй этап (1645–1647) маньчжурского завоевания, когда под власть империи Цин перешла основная минская территория южнее р. Янцзы, а под контролем патриотов на Юго-Западе сохранились лишь три провинции — Гуанси, Гуйчжоу и Юньнань.

Обширные завоевания и победы укрепили авторитет принца-регента. Доргонь, сосредоточив всю власть в своих руках, в 1647 г. сместил Цзиргалана и стал единоличным правителем империи. Основное внимание он уделял укреплению военной мощи династии — как «восьмизнаменных», так и китайских формирований. С начала вторжения в страну маньчжурь восстановили практику создания провинциальных войск «зеленого знамени» периода Мин. Все китайские части, не входившие в 24 «восьмизнаменных» корпуса, именовались «зеленознаменными» (*люйцибин*, *люйин*), в том числе армии У Саньгуя, Кун Юдэ, Шан Кэси и Гэн Чжунмина.

Провинциальные части «зеленознаменных», не относящиеся к армиям этих «четырёх князей-данников» (*сыфань*), подчинялись разным властям. Одни соединения (*бяо*) были в распоряжении наместника (*цзунду*), другие — военного губернатора (*сюньфу*), третьи — командующего «зеленознаменными» (*тиду*), четвертые — чрезвычайного эмиссара Пекина. Такой раздробленностью правительство Доргоня страховалось от единого выступления китайских частей против завоевателей. «Восьмизнаменные», в первую очередь маньчжурские и монгольские корпуса, являлись по преимуществу конным войском. Конники были одеты в шлемы, панцири и латы. Корпуса маньчжуров и ханьцзюней располагали значительной артиллерией. В отличие от них войска «зеленого знамени» состояли главным образом из пехоты, не имеющей броневой экипировки и пушек. Пехотинцы были вооружены по преимуществу холодным оружием, тогда как «восьмизнаменные», в том числе корпуса ханьцзюней, имели аркебузы и мушкеты. В итоге в XVII — начале XVIII в. по боеспособности «восьмизнаменные» корпуса намного превосходили китайские провинциальные войска. Несмотря на наличие огнестрельного оружия и артиллерии, основным средством ведения боя для цинских войск оставались кривые мечи, копья и луки со стрелами.

Помимо военных дел Доргонь форсировал создание собственного налогового аппарата. Первые годы после завоевания маньчжурами Пекина налоговые поступления в их казну были ничтожными. В районах, по которым прошла Крестьянская война 1628–1647 гг., налоговые списки и другие документы были уничтожены, фискальный аппарат разрушен, и в течение некоторого времени налоги не собирались. Администрация Доргоня, практически не имея возможности собрать эти суммы, была вынуждена официально простить крестьянству недоимки, обыграв это в своих указах и обращениях как акт заботы и милосердия.

Между тем маньчжуры сразу же начали восстанавливать минскую систему налогообложения. В 1644 г. последовал указ чиновникам составить списки населения, а в 1646 г. — полные записи налогов и повинностей. В основу цинских реестров была положена минская перепись периода Ваньли (1573–1620). Составление этих документов мотивировалось стремлением защитить народ от самоуправства местных чиновников. Новая династия в основном сохранила законодательство Минской империи, внося в него лишь некоторые исправления и дополнения. В 1647 г. был опубликован новый кодекс законов — «Дай Цин люй». В его основу был положен прежний кодекс — «Да Мин люй», абсолютное большинство постановлений которого перешло в цинский свод в качестве «основных законов» (*люй*). Новые же законы были включены в него в виде «дополнительных правил» (*ли*). Они закрепляли привилегии и большие права «знаменных» по сравнению со свободными китайцами (*миньжэнь*, *фаньжэнь*). За одинаковое преступление первых наказывали мягче, чем вторых. «Знаменные» имели право замены наказания на более легкое или менее унижительное. Для них

создавались особые суды и тюрьмы с мягким режимом, они были неподсудны китайцам, т.е. обычному суду. В то же время «знаменные» суды могли рассматривать дела о преступлениях китайцев. Все это создавало дополнительную основу для произвола со стороны завоевателей.

В 1646–1647 гг. неожиданно для маньчжуров осложнилась обстановка в Монголии. Подавая нежелательный пример другим, из-под власти Цин вышло южное княжество Сунит во главе с Тэнгисом. Непокорные ушли в Халху под покровительство Цэцэн-хана Шолоя. В 1646 г. туда были посланы войска под командованием князя Додо. Маньчжуры столкнулись с упорным сопротивлением конницы Цэцэн-хана, Тушэту-хана Гомбо и местного населения. Несмотря на первоначальный успех, Додо в 1647 г. пришлось прервать свой поход и повернуть назад из-за нехватки сил для ведения затяжной войны в степях Халхи. Тем не менее Пекин продолжал оказывать давление на халхаских ханов, принуждая их признать зависимость от Цинской империи. В стремлении подчинить всю Монголию цинское правительство ссылалось на титул «богдохан» (великий, или всемонгольский, хан), поднесенный Абахаяу в 1636 г. князьями Южной Монголии вместе с государственной печатью династии Юань. Тем самым Фулинь и последующие маньчжурские императоры выступали якобы как «преемники» Чингис-хана и Хубилая. Несмотря на сомнительный исход экспедиции Додо, регент Доргонь потребовал от ханов и князей Халхи присылки их сыновей или братьев в Пекин, где бы они жили в качестве заложников. Гордые потомки Чингис-хана отвергли это унижительное требование.

Покорение маньчжурами Южного Китая

В 1648 г., когда Доргонь готовил последний удар по минским силам, наступил резкий перелом в общей обстановке и в военных действиях в пользу сил сопротивления. На фоне возросшего антиманьчжурского движения в завоеванных провинциях произошел раскол в цинском лагере. Цзинь Шэнхуань и Ли Чэндун считали себя обиженными и обделенными, ибо не получили верховной власти в завоеванных ими провинциях, а были поставлены под начало цинских наместников также из числа китайцев-предателей. В 1648 г. оба полководца восстали против маньчжуров и перешли на сторону империи Мин вместе со своими армиями и провинциями Цзянси и Гуандун, повернув оружие против цинских войск. На восстание против маньчжуров Цзинь Шэнхуаня подбивали и патриоты, связанные с Ли Го. В Цзянси особенно решительно действовали войска под командованием Ван Дэжэня, освободившего ряд крупных городов от маньчжурского господства. Воспользовавшись резким изменением обстановки, Хэ Тэнцзяо и Ли Го повели наступление на Хунань и освободили эту провинцию. Наступление в Хунани было поддержано многочисленными восстаниями деревенского населения против маньчжуров. Все это создало морально-психологический перелом в настроениях других провинций.

Во многих районах Северо-Западного и Южного Китая развернулось массовое движение против завоевателей. Поднялись крестьяне и горожане, начались восстания войск «зеленого знамени», создавались тайные братства и вооруженные отряды. В городах происходили перевороты, патриоты устанавливали свою власть. Во главе ее зачастую вставали вчерашние перебежчики в лагерь маньчжуров. Эти бывшие минские военачальники, чиновники и шэньши испытали на себе высокомерие, подозрительность и оскорбления со стороны «знаменных», оставивших им второстепенные и третьестепенные должности и чины. За измену родине и династии Мин эти функционеры рассчитывали получить значительно большее вознаграждение. В Сычуани восстали три бывших минских военачальника — Ли Чжаньчунь, Тань Вэнь и Тан Хун с подчиненными им частями «зеленого знамени». К ним присоединились Ян Чжань и Юй Дахай — командиры отрядов численностью свыше 10 тыс. человек каждый. В результате на сторону Минского государства перешли южная и восточная части Сычуани. Население поддержало военачальников, признавших власть Гуйвана. Для маньчжуров крайне опасным оказался переход на сторону патриотов многих китайских провинциальных войск «зеленого знамени» — как бывших частей империи Мин, так и вновь сформированных во главе с опытными военачальниками.

Восстания такого рода, особенно гарнизонов больших городов, в ряде случаев автоматически вели к отпадению этих областей и провинций от Цинской империи. Тем самым существенно сократились ее вооруженные силы, главным образом пехота. Маньчжуры вообще не доверяли частям «зеленого знамени», подозревали их в близкой измене и держали подальше от театра военных действий. В 1648–1649 гг., с возникновением дружественного Юго-Западного государства во главе с Сунь Кэваном, западные подступы и тыл Гуанси — обломка империи Мин — заметно укрепились. Его создали в 1649 г. на территории провинций Юньнань и Гуйчжоу со столицей в Куньмине четыре полководца — приемные сыновья Чжан Сяньчжуна, пришедшие со своими войсками из Сычуани. Среди них выделялся талантливый полководец Ли Динго. В итоге общая база сопротивления захватчикам расширилась, охватив семь провинций. Антицинские войска перешли в наступление по всем направлениям. Этому способствовал резкий подъем антиманьчжурского движения в тылу цинских армий на еще удерживаемых ими территориях.

Крупное восстание произошло в Шаньси, где повстанцы освободили более 50 уездов. В 1649 г. на их сторону перешел со своими войсками полководец Цзян Сян. Он разгромил сильную маньчжурскую армию, взял столицу провинции — Тайюань и крепость Датун, создав угрозу Пекину. Подавляющая часть пров. Шэньси в 1648–1649 гг. была занята отрядами местных повстанцев. Власть маньчжуров сохранялась лишь в столице провинции — Сиань. Против иноземцев поднялись мусульмане Ганьсу во главе с Дин Годуном (Дин Гочэнь) и Ми Ланнем. Их отряды овладели рай-

оном к западу от Хуанхэ, захватили г. Ланьчжоу и прилегающие к нему области, сея панику среди маньчжуров. Практически весь Северо-Запад Китая вышел из-под власти государства Цин. Под его контролем осталось всего восемь провинций, но и на их территории разгоралась антиманьчжурская борьба. В пров. Шаньдун ширились партизанские действия «отрядов из вязовых рощ». Минские войска с о-ва Наньао у побережья Гуандуна в 1647–1648 гг. высадили крупный десант на материк. В восточной части пров. Чжэцзян, в горах Сыминьшань, успешно действовали антиманьчжурские отряды, среди их командиров выделялся *стюцай* Ван И. В районе оз. Тайху сражались повстанцы из армии «белоголовых». Китай стоял на пороге всенародного восстания против завоевателей. На борьбу за национальное освобождение все более решительно поднимались крестьяне, ремесленники, торговцы, сельские пауперы, городские низы.

К ним все чаще присоединялись бывшие минские солдаты, военачальники, мелкие чиновники, патриотически настроенные шэньши и часть землевладельцев. Классовая разобщенность китайского общества, порожденная Крестьянской войной 1628–1647 гг., уступала место национальному единству перед общим врагом. На смену классовой борьбе приходила национально-освободительная, способная поднять на защиту родины всех китайцев. Между тем патриотические силы, не сумев объединиться, действовали разрозненно. Каждый полководец и политик поступал по собственному усмотрению, на свой страх и риск, каждый заботился о своей армии, о своем отряде, районе, провинции и своих целях. В таких условиях был невозможен общий план борьбы.

Завоеватели и их пособники умело использовали разновременность и разобщенность местных, малых по масштабам антиманьчжурских восстаний. Такая асинхронность объяснялась самим характером деревенского быта с его оторванностью от окружающего мира. Интересы крестьян не выходили за пределы соседних деревень и ближайших волостей. Вести о приближении маньчжуров и их пособников, проходивших мимо данной местности, либо не проникали сюда, либо мало тревожили. Часто сельские жители не подозревали, что их провинция, область или округ уже фактически присоединены к государству Цин. Когда же эти волости и уезды, подвергнувшись насилию со стороны новой власти, и брались за оружие, то оказывалось, что соседние районы, давно восставшие против «северных варваров», уже подавлены и обескровлены. Все это давало возможность немногочисленным цинским войскам громить повстанческие очаги поодиночке.

В критический период военного и политического перелома 1648 — начала 1649 г. правительство Доргоня приняло действенные меры для удержания завоеванных китайских провинций в рамках государства Цин. Доргонь прибег к некоторым уступкам, наградам, пожалованиям и присвоению почетных титулов, объявлению амнистии непокорным, посулам

и увещаниям. Правительство отменило некоторые виды обложения, временно освободило от налогов ряд районов, скостило недоимки, приостановило проведение учета населения, земель и имущества, ибо это крайне озлобляло городское и сельское население. Была разрешена свободная распашка целины и пустующих земель, заброшенных за десятилетия военных действий. Тем, кто распахивал залежь и целину, давалось освобождение от налогов на срок до шести лет. Кроме того, было обещано снизить налоги. Все это не могло не заинтересовать крестьян и помещиков и отчасти отвлечь их от вооруженной борьбы. Для того чтобы сбить накал сопротивления и перетянуть население на свою сторону, правительство Доргоня в различных указах обещало сдавшимся патриотам амнистию, чиновникам — зачисление на службу, солдатам — роспуск по домам, тягловым дворам — налоговые послабления, крестьянам — защиту от чиновного произвола, должникам — отсрочку и освобождение от уплаты задолженности «большим домам» и «местным деспотам» (*туба*), нетяглым — освобождение от произвольно взимаемой подушной подати, старикам — особую заботу и привилегии, образцово исполнявшим конфуцианские этические нормы — награды. Подавляющее большинство этих обещаний было явной демагогией, подхватываемой чиновниками, шэньши и землевладельцами, переходившими на сторону новой власти.

Были приняты и репрессивные меры. Так, указ 1648 г. под угрозой смертной казни и превращения семьи виновного в рабов запрещал частным лицам иметь огнестрельное и холодное оружие. Тем не менее данный запрет применялся выборочно, ибо сельское ополчение (*сяньюнь*), вооруженное пиками и мечами, действовало в годы завоевания и после него чаще всего на стороне маньчжуров и их администрации.

В 1648 — начале 1649 г. участились случаи измены и перехода китайских военачальников — на этот раз на сторону государства Мин. Их переход в лагерь патриотов резко усилил подозрительность маньчжуров. Так, заподозренный в заговоре Хун Чэнчоу был снят с поста заместителя Цзяннани и отправлен под надзор в Пекин. С целью обезопасить себя и укрепить прочность режима маньчжуры установили среди чиновников систему взаимной ответственности. С 1649 г. высшие функционеры на местах отвечали за поведение, службу и лояльность подчиненной им окружной и уездной бюрократии. Чтобы приостановить крайне опасную тенденцию, грозившую оставить «знаменную» конницу без сотен тысяч китайских солдат-пехотинцев, маньчжуры оказывали китайским полководцам особые милости, присваивали и повышали титулы. Шан Кэси получил новый титул, Князь-Умиротворитель Юга, Куи Юдэ — Князь-Усмиритель Юга, Гэн Чжунмин — Князь-Успокоитель Юга. У Саньгую, уже давно ставшему Князем-Умиротворителем Запада, был пожалован высший маньчжурский княжеский титул — *цинъван*. Всем четырем князьям-полководцам (*сыфань*) посулили власть в провинциях, которые им предстояло завоевать.

В отличие от Нурхацы и Абахая, являвшихся прямыми потомками Сяньцзу, это были князья «второго сорта», т.е. «князья-данники» (*фаньван*). Четырём князьям — У Саньгуо, Кун Юдэ, Шан Кэси и Гэн Чжунмину приказано было вторично завоевать утраченные территории. Им были обещаны возникшие на покоренных землях полусамостоятельные княжества по типу «государств-данников» (*фаньго*). Однако, опасаясь чрезмерного усиления их войск и желая подкрепить «знаменных», Доргонь делал все, чтобы привлечь им на помощь монгольскую «внезнаменную» конницу. Для этого он всячески обхаживал князей Южной Монголии, давал им льготы и обещания, договаривался о заключении брачных союзов между маньчжурскими и монгольскими князьями. Большое внимание было уделено укреплению артиллерии, для чего усиленно закупались пушки у европейских кузцов, и особенно у голландской Ост-Индской компании. Нуждаясь в этой помощи европейцев, Доргонь не препятствовал их торговле и деятельности миссионеров, оказывая последним знаки уважения. Все перечисленные меры несколько ослабили сопротивление захватчикам и заметно укрепили цинские войска, позволив им перейти от отступления и обороны к активным действиям.

С 1649 г. началось контрнаступление. Сосредоточив у Нанкина 120-тысячную армию, маньчжуры бросили ее на покорение Цзянси. После трехмесячной героической обороны сдался Наньчан, войска Цзинь Шэнхуаня были разбиты. Затем была захвачена вся провинция, которая подверглась резне, разрушениям и разорению. Вслед за этим настала очередь Шаньси. Сюда бросили армию У Саньгуя и войска из соседних провинций, а также из-под Наньчана. Под давлением превосходящих цинских сил местные повстанцы сняли осаду Сиани, отступили и рассеялись. Власти поспешили объявить беглецам амнистию. Было подавлено мусульманское восстание в Ганьсу и взяты все города провинции. Однако после ухода правительственных войск сопротивление вспыхнуло снова.

Особую опасность для Пекина представляло восстание в соседней Шаньси и армия Цзян Сяна, заручившегося поддержкой одного из влиятельных монгольских князей. Поэтому против мятежной Шаньси было двинуто более чем 100-тысячное отборное «знаменное» войско во главе с самим Доргонем. С ним шли и другие опытные полководцы — Никань, Аджиге и Боло. Им в помощь были стянуты войска из соседних провинций. Сочетая заманчивые обещания и амнистию покорившимся с умелой осторожной тактикой, Доргоню удалось окружить армию Цзян Сяна в крепости Датун. В октябре 1649 г. крепость пала, после чего сопротивление было подавлено во всей провинции. Ликвидировав самые крупные очаги сопротивления на уже присоединенной к империи Цин территории к северу от р. Янцзы, Доргонь двинул освободившиеся здесь войска в южные провинции и продолжил контрнаступление с выгодного цзянсийского плацдарма силами полководцев-изменников. Армии Шан Кэси и Гэн Чжунмина направились в мятежный Гуандун, а войско Кун Юдэ —

в Гуанси. В 1650 г. свежие цинские части перешли в наступление в Хунани, разбили ослабленную расколом армию Тринадцати соединений южнее Чанша и захватили г. Сянтань. При обороне этой крепости погибли основные силы Хэ Тэнцзяо, а сам он был казнен. Серьезные поражения понесли и войска Ли Го. Измотанные боями, изрядно поредевшие, они отступили в Гуанси. Противник вынудил их двинуться в Гуйчжоу, где им преградили дорогу отряды местных феодалов. Здесь погиб Ли Го, и командование принял его приемный сын Ли Лайхэн. Он повел своих воинов на соединение с ранее ушедшими частями Ли Го на стык провинций Хубэй и Сычуань.

С уходом Ли Го на запад армия Кун Юдэ беспрепятственно устремилась в Гуанси и осадила Гуйлинь. Его обороняли немногочисленные войска минского губернатора Цюй Шисы. В конце 1650 г. после жесточайшей осады город пал и так же, как и остальные районы Гуанси, подвергся кровавой расправе. Почти девять месяцев армии Шан Кэси и Гэн Чжунмина подавляли сопротивление в Цзянси, продвигаясь от поверженного Наньчана к границам Гуандуна. Разбив войска Ли Чэндуна, они весной 1650 г. осадили Гуанчжоу. Эта южная твердыня патриотов героически оборонялась около десяти месяцев. В ноябре город пал. Три недели здесь продолжалась резня: было убито более ста тысяч человек. Гуй-ван бежал и с остатками своих войск укрылся в Гуйчжоу, отдавшись под покровительство Ли Динго и Сунь Кэвана. Весь Гуандун был захвачен цинскими войсками. На время рухнули последние остатки империи Мин. Так завершился третий период маньчжурского завоевания Китая (1648–1650) — от народного восстания 1648–1649 гг. до его подавления и временной ликвидации Минского государства. После этих событий, а также внезапной смерти Доргона крупные военные действия прекратились до весны 1652 г.

В провинциях Цзянси, Хунань, Гуандун, вторично присоединенных к государству Цин, и в покоренной Гуанси правительство осуществляло жесточайшие карательные меры. Их целью было обескровить эту часть Китая, сломить дух населения и сделать невозможной его дальнейшую борьбу. Цинские власти, опираясь на перебежчиков, истребляли китайцев руками самих же китайцев. Солдатам было приказано: «Сдаются — убивай, не сдаются — тоже убивай!» Войска Шан Кэси, Гэн Чжунмина (а с 1651 г. — его сына Гэн Цзимао), Кун Юдэ и У Саньгуя, набранные из китайцев-северян, смотрели на жителей Южного Китая как на чужаков и на своем пути предавали все огню, мечу и разграблению. Многие крупные города в этих четырех провинциях были превращены в руины, а торгово-ремесленные центры оказались разоренными. Очень сильно пострадало и сельское население.

С подавлением вооруженных сил патриотов в Северном Китае борьба здесь стала принимать специфические формы. Начался массовый приток крестьян в ряды тайной религиозной секты буддийского толка «Белый

лотос» («Байлянь цзяо»). Обычно в годы социально-политических кризисов ряды этой секты пополнялись массой неопитов, отчего она приобретала черты политической, хорошо законспирированной организации. Способная ускорить массовое движение или восстание, как это было в период падения монгольской династии Юань и прихода к власти китайской династии Мин, подпольная и крайне разветвленная сеть «Белого лотоса» стала центром притяжения недовольных в провинциях Чжили, Шаньдун, Шаньси, Шэньси, Хубэй и Хунань. Уже в 1646 г. цинское правительство издало указ о запрещении организационной структуры «Байлянь цзяо», а в связи с ее ростом в 1656 г. последовал аналогичный указ, хотя частное исповедование учения «Белого лотоса» разрешалось. Если «Белый лотос» во многом использовал буддизм, то маньчжуры, оценив силу воздействия конфуцианства на китайское общество и выгоду для завоевателей его принципов подчинения и покорности, усиленно рекламировали себя его ревностными сторонниками. Стремясь предстать в глазах китайцев законными наследниками династии Мин, они особое внимание обращали на сохранение конфуцианских устоев, обрядности, культа предков, выставляли себя в качестве восстановителей традиций, нарушенных Крестьянской войной под руководством Ли Цзычэна и Чжан Сяньчжуна. Все это служило постепенному упрочению власти маньчжурского императора. В 1652 г. особым указом были объявлены сформулированные в том же духе «шесть правил» морального поведения (*люйи*), составленные императором Фулинем. Специально назначенные «беседчики» (*сяньюэ*) должны были периодически разъяснять эти поучения сельским жителям. Указом 1656 г. главной целью правительства в этой сфере объявлялось «исправление народных умов» (*чжэн жэньсинь*). С 1659 г. местные власти должны были повсюду наладить такую систему обработки населения. Два раза в месяц назначенные в качестве *сяньюэ* наиболее почтенные сельские старцы должны были не только проводить беседы, но и доносить о добрых и плохих действиях односельчан, т.е. выступать осведомителями.

В 1650 г. внезапно умер Доргонь. После его смерти Цзиргалан вернулся к власти при безвольном и безынициативном Фулине, причем покойный регент был объявлен чуть ли не узурпатором престола. Будучи трусливым, бездеятельным и равнодушным, Фулинь, став совершеннолетним, не стремился вершить судьбами государства. Реальное управление страной находилось в руках Цзиргалана и группы советников из высшей маньчжурской знати. Они составляли высший государственный орган — Совет князей-регентов и сановников (Ичжэнван дачэнь хуэйи), или Государственный совет (Гои). Члены Совета князей-регентов и сановников являлись представителями ведущих кланов маньчжурской аристократии, носителей княжеских титулов (*циньван, цзюньван, бэйлэ, бэйцзы, гун*), а также титулов «полководцы» (*цзянцзюнь*). Несмотря на внутреннюю грызню, Совет князей-регентов и сановников, равно как и вся стоявшая за ним маньчжурская аристократия, был един в отстаивании своей правящей роли,

унаследованной еще от времени ханства Цзинь. Совет князей-регентов и сановников контролировал принятие важнейших решений, держал в своих руках командование «восьмизнаменной» армией и следил за проведением в жизнь маньчжурского принципа престолонаследия — по степени близости к умершему богдохану. Всячески охраняя привилегии «знаменных», Совет не допускал китайцев в высшие правительственные сферы. Император правил, опираясь на Совет.

В китайских провинциях, постепенно присоединявшихся к империи Цин, завоеватели, с одной стороны, всячески привлекали на свою сторону минскую бюрократию и шэньши, а с другой — сразу же ставили их на место. Так, указами 1652 г. местным чиновникам было запрещено направлять центральным властям какие бы то ни было бумаги — донесения, жалобы, прошения, предложения и т.д. Они не имели права даже устно высказываться по военным и гражданским делам, как и по вопросам управления страной вообще. Тем самым была сведена к минимуму традиционная конфуцианская практика критики и увещевания заблуждающегося государя со стороны мудрых, преданных трону чиновников и ученых советников. Отменив три наиболее ненавистных старых дополнительных налога, маньчжурское правительство восстановило прежние минские ставки налогообложения. Однако невозможность собрать положенное вынуждала маньчжуров неоднократно объявлять о прощении недоимок, о частичных и кратковременных отменах налогов. Все это рекламировалось как благодеяние с целью склонить на свою сторону население как уже покоренных, так и особенно сопротивляющихся и еще не завоеванных провинций. О подобных послаблениях объявлялось, как правило, в периоды резкого сопротивления захватчикам со стороны патриотов. Так было, например, в 1649 г., когда Цины терпели поражения. Но стоило им несколько выправить положение, как тут же, в 1650 г. было введено дополнительное обложение. В ряде случаев отмены налогов диктовались стихийными бедствиями и хозяйственной разрухой, когда просто нечего было собирать.

Цины спешили завершить завоевание Китая. На западе оставалось три очага сопротивления. Первый и меньший находился на стыке провинций Хубэй, Хунань и Сычуань. Здесь укрепились отряды Хао Яоци, в свое время отколовшиеся от Ли Го, а также присоединившиеся к ним в 1651 г. части Ли Лайхэна. Второй находился в самой Сычуани, где главенствовали минские военачальники и местные повстанцы. Третьей и значительно более боеспособной силой оставалось Великое Западное государство (Да Си го) и его армии, прошедшие горнило Крестьянской войны под знаменами Чжан Сяньчжуна и его четырех приемных сыновей-полководцев, а также отошедшие сюда минские воинские части. Для ликвидации двух первых очагов сопротивления в Пекине планировали бросить в Сычуань армию У Саньгуя, а Великое Западное государство уничтожить силами Кун Юдэ и хунаньских военачальников.

На совещании сыновья Чжан Сяньчжуна формально признали верховенство Мин и приняли план контрнаступления одновременно по двум направлениям — на север и восток. Это был смелый и единственно правильный план. Сунь Кэван нанес упреждающий удар. В начале 1652 г. его северная армия двумя колоннами под командой Лю Вэньсю и Бай Вэньсюаня вошла в Сычуань, форсировала Янцзы и, поддержанная местными повстанцами, развернула успешное наступление в Красном бассейне, в то же время освободив всю пров. Хунань. Одновременно в Гуанси стремительно двинулась восточная колонна. Ее составляла отборная, хорошо вооруженная и прекрасно обученная 100-тысячная армия под руководством выдающегося полководца и народного героя Ли Динго. Прорвав горные заслоны, он в августе разбил войска Кун Юдэ и овладел Гуйлинем. Вместе со своим воинством погиб и сам новоиспеченный Князь-Усмиритель Юга, повесившись в горящем здании. Падение Гуйлиня стало сигналом большого наступления патриотов, которые спешили присоединиться к Ли Динго. Он двинулся в Цзянси и Хунань. Ему наперерез была брошена отборная, почти 100-тысячная «знаменная» армия под началом опытного и талантливого военачальника князя Никаня — прославленного внука Нурхаци. Ли Динго устроил ему западню и разгромил его войско под Хэнчжоу, где был убит и сам Никань. В конце 1652 г. армия Ли Динго нанесла завоевателям новое поражение. От маньчжурского господства были освобождены Гуанси, Хунань, юго-запад Цзянси с г. Цзиань. В 1653 г. Ли Динго совершил победоносный поход в Гуандун, освободив ряд областей провинции. За свои подвиги он получил княжеский титул — *цзиньван*. Фактически это было второе после 1648 г. общее наступление патриотических сил, хотя и менее масштабное: сказывались недостаток войск и усталость населения от войны, разорения и карательных акций. Компенсируя эти серьезные слабости, Ли Динго навязал врагу изматывающую маневренную войну со стремительными передвижениями, неожиданными ударами и отходами. Если цинские войска занимали данный город или уезд, то затем появившиеся части Ли Динго и его подчиненных возвращали утраченные территории и крепости силам сопротивления, которые стойко обороняли их. Так, около восьми месяцев в 1652–1653 гг. патриоты отражали нападения войск Шан Кэси на Гуйлинь. Авторитет Ли Динго и его полководческий талант позволили ему удерживать в своих руках стратегическую инициативу вплоть до конца 1655 г. Почти четыре года (1652–1655) цинские военачальники ничего не могли поделать с этой дисциплинированной и грозной армией, хотя и имели численное превосходство.

На юго-востоке Китая Чжэн Чэнгун, сын Чжэн Чжилуна, опираясь на большой флот и помощь местных повстанческих отрядов, в 1652 г. занял почти весь юг Фуцзяни. Его корабли полностью контролировали побережье, а в 1654 г. поднялись вверх по р. Янцзы вплоть до Нанкина. Измотанные более чем десятилетней войной, цинские войска не могли сломить

патриотов, а те не имели возможности для массированного наступления. В итоге на ряд лет установилось стратегическое равновесие сил и завершился очередной этап борьбы (1652–1655), начатый походами Ли Динго, Лю Вэньсю и Сунь Кэвана.

Китай в стадии разрухи

Стремясь расширить свои владения на Северо-Западе и покончить с народным восстанием в Китае 1648–1649 гг., цинское правительство продолжало оказывать давление на ханов восточной части Халхи. Последние не хотели терять политическую независимость, но были крайне заинтересованы в экономических связях с Китаем, т.е. в посылке торговых караванов, сопровождавших монгольские посольства в Пекин. В 1650 г. пекинский двор потребовал от ханов поклясться богдохану в дружбе и союзе, но те ряд лет не шли на поклон. После жесткого ультиматума, грозившего прервать посылку посольств и караванов, четыре правителя Восточной Халхи дали в 1656 г. такую клятву. При этом Фулинь пожаловал Тушэтухану, Дзасакту-хану, Цэцэн-хану и еще пяти монгольским феодалам титулы правителей (*джасак*), принудя каждого из них ежегодно отправлять в Пекин символические дары. В понимании маньчжуров это было сочетанием специфических инвеституры и «дани», что означало своего рода статус «данников» (*фань*) Цинской империи. Одновременно с этим ханы Халхи в 1655–1656 гг. согласились присылать своих сыновей или братьев в качестве заложников в Пекин. Практика такого заложничества еще прочнее ставила халхасцев в положение «данников» династии Цин. Кроме того, в Пекине рассчитывали на привлечение халхаской конницы для завоевания Китая.

Для маньчжуров трудности завоевания Юго-Западного Китая были усугублены отвлечением части их сил на север от границ империи Цин. Последнее вызывалось агрессивным отношением завоевателей к русским, вышедшим в 40-х годах XVII в. в долину Амура. После экспедиций В.Пояркова (1643–1646) и Е.Хабарова (1649–1652) русские землепроходцы, казаки и поселенцы стали осваивать земли по левому берегу Амура. В 1651 г. был основан острог Албазин, а в 1653 г. — Нерчинск. Между Московским государством и империей Цин лежала широкая полоса неосвоенной земли, населенной малыми народностями — эвенками, даурами, дучерами и другими племенами. Не желая мирного разграничения этой зоны, маньчжурские правители делали ставку на изгнание русских из Приамурья и неоднократно посылали свои войска против казачьих отрядов. В 1653 г. 200-тысячное цинское войско напало на отряд Хабарова, которому пришлось уйти в верховья Амура.

Хотя земли Московского государства в бассейне Амура не граничили с территорией Цинской империи и между владениями двух государств лежала широчайшая нейтральная полоса, в Пекине были крайне встрево-

жены выходом русских в этот район. Особое негодование маньчжуров вызвал добровольный переход части тунгусов (эвенки) и особенно дауров под власть московского царя. Цинское правительство требовало от русских не только оставить уже обжитые ими земли, но и выдать вождей местных племен, принявших российское подданство.

Желая мира, добрососедства и взаимной торговли, правительство царя Алексея Михайловича направило в Пекин торгово-дипломатическую миссию во главе с Ф.Байковым, прибывшую туда в 1656 г. Однако это не дало осязаемых результатов, и Цины продолжали делать ставку на силу. В 1658 г. маньчжурское войско окружило и уничтожило казачий отряд О.Степанова. В 1660 г. в Пекин прибыло новое русское посольство во главе с И.Перфильевым, но и его постигла неудача. Обстановка напряженности на Севере приковывала к себе часть «знаменных» сил, мешая завоевателям завершить покорение Южного и Юго-Западного Китая. Чтобы сбить накал борьбы, цинское правительство в очередной раз скорректировало свою внутреннюю политику. Вновь было обещано снижение налогов, временно приостановлен захват частных земель «восьмизнаменными», делались новые уступки китайским шэньши и чиновникам. Бюрократии щедро раздавались награды — новые чины и повышения по службе. Всемерно привлекая к себе на службу изъявивших покорность китайских чиновников и шэньши, завоеватели постоянно заявляли, что «маньчжуры и китайцы — одно целое и между ними отсутствует неравенство», «маньчжуры и китайцы — члены одной семьи». Вместе с тем маньчжуры крайне опасались объединения или сговора китайских чиновников на любой основе, в том числе на почве родственных и земляческих связей. Для борьбы с такой угрозой в 1656–1657 гг. была введена система «отводов» (*хуэйби*) с вакансии. Так, ближайшим родственникам запрещалось работать в одном учреждении, чиновникам — служить в родной провинции. Система «отводов» помогала «знаменным» предотвращать сговоры в чиновничьей среде. Поскольку силы Цинской империи были предельно истощены и «знаменные» войска крайне поредели, в Пекине готовились к худшему. С 1658 г. в Мукдене постепенно стал восстанавливаться, хотя и в свернутом виде, дублирующий госаппарат на случай нового всекитайского восстания, неудачи покорения Китая и возвращения императора Фулина в свою прежнюю «священную столицу» (Шэнцзин, т.е. Мукден).

Для организации второго контрнаступления на Запад маньчжурское правительство стягивало в район боевых действий «знаменные» войска во главе с князьями Дони, Тучи и Лоло, а также монгольскую конницу и китайские части «зеленого знамени». Их командирам жаловали титулы и награды. У европейцев закупили пушки и мушкеты. Войска щедро снабжались оружием и продовольствием, ибо этот край был уже разорен войной. Патриотам и повстанцам была обещана амнистия. Для координации действий наместником пяти провинций, включая отпавшую Гуанси и еще не завоеванные Юньнань и Гуйчжоу, был назначен возвращенный из опа-

лы изменник родины и жестокий каратель Хун Чэнчоу. Ему были даны широкие полномочия для покорения двух мятежных провинций.

Бросив в конце 1654 — начале 1655 г. огромные воинские силы, маньчжуры осуществили перелом и перешли в контрнаступление. Ли Динго вынужден был оставить Гуандун и отступить через Гуанси в Гуйчжоу. Цинские войска разбили армию Сунь Кэвана, вытеснили патриотов из Хунани и заняли Гуанси. Еще ранее в Сычуани У Саньгуй одержал победу над Лю Вэньсю под Ланчжуном и заставил его отступить в Гуйчжоу. Были разгромлены также отряды Хао Яоци. Все эти неудачи резко обострили в 1655–1656 гг. вражду между Сунь Кэваном и Ли Динго. В 1657 г. войска Сунь Кэвана перешли на сторону Ли Динго, который вместе с Гуйваном укрепился в Юньнани. Утратив власть, Сунь Кэван бежал в стан маньчжуров, пожаловавших ему за измену княжеский титул. Юго-Западное государство пришло в упадок.

В 1658 г. войска Хун Чэнчоу, У Саньгуя и еще трех маньчжурских князей, наступая с трех сторон — из Гуанси, Хунани и Сычуани, заняли пров. Гуйчжоу. В 1659 г. превосходящие силы маньчжуров вторглись в Юньнань. Из Хунани двигались войска Хун Чэнчоу и маньчжурских князей Дони и Лоло, из Гуанси — «знаменные» части Жаобгая, из Сычуани — армия У Саньгуя. Завоеватели заняли Куньмин. Гуйван с приближенными бежал в Бирму. Ли Динго отбивался от наседавших со всех сторон цинских войск, пытаясь удержать последний плацдарм — глухие юго-западные районы Юньнани.

В 1659 г. флот Чжэн Чэнгуна вторично вошел в Янцзы и приблизился к Нанкину. Его солдаты заняли Чжэньцзян. Действовавшие в союзе с ним войска Чжан Хуанъяня развернули наступление в пров. Аньхуэй. В Пекине это вызвало панику, ибо успех патриотических сил грозил отрезать южные провинции от государства Цин. Крупные силы противника вынудили Чжэн Чэнгуна оставить Янцзы и нанесли поражение войскам Чжан Хуанъяня. В погоню за Чжэном был послан флот, вдвое превосходивший по численности корабли патриотов. В морском сражении у Сямэня в 1660 г. цинские морские силы были разгромлены. Однако под давлением противника Чжэн Чэнгун перебазировался на Тайвань, где создал себе прочный тыл.

Под натиском превосходящих сил завоевателей Ли Динго двинул свои сильно поредевшие отряды в Бирму, надеясь выручить арестованного там Гуйвана. На захват последнего правителя из династии Мин послал свои войска и У Саньгуй. Добившись от короля Бирмы выдачи беглеца, он казнил его в Куньмине в 1662 г. У Саньгуй, еще в 1659 г. назначенный наместником Юньнани за особые заслуги перед династией, в 1663 г. получил в свое подчинение большую часть Гуйчжоу. Когда в 1662 г. умер от болезни Ли Динго, многие из его сподвижников остались в Бирме, не желая жить под пятой завоевателей. С разгромом патриотических сил в юго-западных провинциях сопротивление новой власти не кончилось. Цинским войскам

долго не удавалось разгромить остатки отрядов Бай Вэньсюаня и местных повстанцев в Сычуани. До 1662 г. сражалась армия «белоголовых» в районе оз. Тайху. Лишь в 1664 г. были разгромлены войска Чжан Хуанъяня в Фуцзяни, а в 1663 г. здесь вспыхнуло крупное крестьянское восстание под руководством Ван Тефу. В восточной части Сычуани в глухой горной местности на границе с пров. Хубэй еще держались отряды Ли Лайхэна и местных вожаков. Этот очаг сопротивления с большим трудом был окончательно сломлен лишь в 1663–1664 гг. Таким образом, для первоначального завоевания материкового Китая маньчжурам и их пособникам потребовалось два десятилетия (1644–1664). Это были годы героической борьбы китайского народа за свою независимость. В царствование Фулиня (1644–1661), т.е. за первые 18 лет маньчжурского господства, в Китае произошло более 100 крупных и малых восстаний против завоевателей.

С 1663 по 1673 г. в захваченной стране наступило затишье, во многом напоминавшее кладбищенскую тишину. Десятки ранее густонаселенных торгово-ремесленных городов превратились в руины и пожарища. Повсюду разрушенные мастерские и мануфактуры, опустевшие деревни, заброшенные поля. Завоеватели и их пособники оставили после себя пепелища, горы трупов, развалины, опустошения, скелеты убитых вдоль дорог.

«На местах поселений гуляет ветер, путнику негде пристать на ночлег, отовсюду доносятся стоны и плач, с полей тянет смрадом, дороги покрыты запекшейся кровью, и лишь изредка наткнешься на калек с перебитыми ногами и руками», — писал очевидец из пров. Шаньдун. За семь-восемь лет в Шаньси «было перебито больше половины населения, имущество почти целиком сожжено и разграблено, жилища обращены в руины, поля и сады заросли бурьяном». Многие уездные центры превратились в развалины, в некоторых «уцелело всего лишь несколько десятков семей». Об одной из областей Цзянси сообщалось: «Не осталось уезда с неразоренной деревней, а в деревнях — хозяйства, не потерпевшего ущерба, не было семьи, где не пострадал бы мужчина, и мужчины, у которого не обесчестили жену». На больших пространствах поля не обрабатывались, население бедствовало, вдоль дорог лежали трупы умерших от голода. Один из сановников доносил, что «на протяжении тысяч ли жилища совершенно опустошены и не встретишь живого человека и человеческого жилья. В Хэнани, куда ни глянь, сплошной пустырь, заросший сорняком, и безлюдье». Разорение крестьянам и горожанам принесли не только армии завоевателей, но и войска патриотов, нуждавшиеся в продовольствии, фураже и тягловом скоте.

Столкнувшись с героическим сопротивлением китайцев к югу от Янцзы и в Северном Китае, Доргонь и его преемники были сторонниками крайней жестокости в случае неповиновения. Массовое истребление гражданского населения должно было, по мысли маньчжурских правителей, насаждать ужас, парализуя любую попытку неповиновения. Кроме того, акты геноцида должны были несколько изменить количественное соотно-

шение между китайским населением, насчитывавшим в начале XVII в. около 200 млн., и завоевателями, число которых с их союзниками не превышало 1 млн. Превентивное истребление массы потенциальных повстанцев входило в задачу цинских правителей начиная с 1645 г. и вплоть до 60-х годов.

В «знаменных» и монгольских войсках, а также в армиях китайских полководцев на службе у маньчжуров насаждался принцип: «Сдаются — убивай, не сдаются — тоже убивай!» Для поднятия в войсках боевого духа солдат подстрекали «удовлетворять любые желания» за счет населения. Неслыханные по варварской жестокости акции — массовые убийства, грабежи, поджоги, насилия, разрушения, увод молодых женщин и девушек в рабство — сопровождали продвижение цинского воинства по Китаю.

Жители таких крупных городов, как Янчжоу, Цзядин, Шаочжоу, Цзянъинь, Нанкин, Гуанчжоу, Гуйлинь и др., были почти полностью уничтожены. В Гуанчжоу в 1647 г. цинские войска «всех, не сбивших волосы, и их родственников обезглавили». В Линьцине «как горы громоздились мертвые тела». После штурма Ганьчжоу (пров. Цзянси) маньчжуры вырезали до 100 тыс. жителей, увели в рабство 10 тыс. девушек и женщин, а город сожгли. При осаде Наньчана «всех мужчин, вышедших из города, убивали, женщин оставляли на выбор». Население этого большого города, славшегося после долгой героической обороны, было поголовно истреблено. Та же судьба постигла Гуйлинь. Были разорены некогда богатые торгово-ремесленные города — Сучжоу, Сунцзян, Цзинань, Цзиндэчжэнь и др. Многие волости, уезды и округа обезлюдели.

Во время Крестьянской войны и маньчжурского нашествия сильно пострадала столичная провинция Чжили, а также Шаньси и Шаньдун. Много бесхозной и необработанной земли было в Цзянсу, Чжэцзяне и Цзянси. Разруха осложнялась сильными засухами, наводнениями и эпидемиями. В Северном Китае свирепствовал голод. Люди ели траву, ветви и кору деревьев, продавали в рабство жен и детей; дело доходило до людоедства. Дороги были полны беженцами, бродягами, калеками и умирающими. Обезлюдившие деревни, разрушенные фанзы, трупы на обочинах дорог, заросли бурьяна и пепелища стали обычными явлениями тех лет. Из всех провинций наибольший урон понесла Сычуань. На ее территории военные действия, не считая кратких перерывов, продолжались с 1644 по 1657 г. К лихолетью Крестьянской войны и чужеземного завоевания впоследствии добавились беды войны «трех князей-данников» (1673–1681). Сычуань была предельно опустошена: население резко сократилось, повсюду необработанные земли, миллионы жителей покинули зону бедствия и осели в соседних провинциях. Особыми указами уроженцев Сычуани принудительно возвращали на родину.

Крестьянская война и маньчжурское завоевание привели к заметному сокращению населения Китая. С 1623 по 1660 г., по некоторым оценкам, было убито более 10 млн. человек, многие миллионы умерли от голода,

холода, эпидемий и стихийных бедствий. В результате военных действий огромные площади пахотных земель превратились в пустоши. Погибло большинство кадастровых и налоговых документов, или же местные чиновники не спешили передавать их в столицу. В итоге в кадастрах Цинской империи на 1651 г. значилось примерно 290 млн. му земельных площадей, т.е. в 2,7 раза меньше, чем в последний период Мин, когда их насчитывалось почти 734 млн. му. Налоговые поступления в цинскую казну были незначительными, доходы не покрывали расходов, правительство испытывало серьезные финансовые затруднения.

Маньчжурское завоевание Китая отбросило экономику страны на 70–80 лет назад, укрепило отсталые формы казенного землевладения, резко активизировало и расширило самые отсталые формы эксплуатации — рабство и крепостничество, способствовало ренатурализации бывшего товарного хозяйства, резко снизило роль городов, ремесла и торговли в экономике. Гигантская разруха привела к падению производства во всем народном хозяйстве, к безденежному обмену и оседанию серебра в кубышках, к свертыванию торговли в условиях разрушения и захирения городов, к преобладанию натуральных форм налогообложения. Эта тенденция господствовала до середины 80-х годов XVII в., когда городское ремесло, сельское хозяйство и торговля лишь начали постепенно оживать. Крайне медленно возобновлялись экономические связи между различными районами, провинциями и городами, с трудом восстанавливались бывшие специализированные рынки и более или менее устойчивый спрос на привозные товары.

С маньчжурским завоеванием резко возросло такое явление социально-экономической отсталости, как рабство. Если по минским законам рабов могли иметь лишь заслуженные сановники, то по цинскому праву — любой богатый человек и любой «знаменитый». После окончательного завоевания Китая число рабов стало быстро расти и к началу XVIII в. достигло наивысшего уровня. Как жестокость со стороны хозяев, так и бегство рабов от них приняли широкий размах. Правительство в 1647 и 1652 гг. издало жесточайшие законы против беглых рабов и их укрывателей, а также о поощрениях за их поимку и выдачу. В 1654 г. было создано специальное учреждение для руководства и контроля за поимкой рабов (*дубу ямэнь*), а с 1700 г. учрежден специальный департамент (*дубу цинлисы*) при Ведомстве наказаний (*Синбу*). Иногда за год бежало несколько десятков тысяч рабов (*таожэнь*), часто они укрывались в рядах китайских войск, сражавшихся на стороне маньчжуров.

С укреплением своей власти маньчжурские правители осуществили ряд реакционных мероприятий в сфере экономики, возрождая старые, казалось бы уже изжитые, формы. Так, были восстановлены трудовые повинности крестьян, отмененные при Минах и замененные тогда денежной надбавкой к подушному налогу. В городском ремесле и горнодобывающей промышленности была расширена минская практика принудительных го-

сударственных закупок изделий и добытого сырья, обычно по ценам ниже рыночных. Такого рода «заготовки» (*цайбань*) и «закупки» (*цаймай*) являлись прикрытием узаконенного грабежа. Правительство пыталось насадить систему казенного принудительного ткачества в Сучжоу с раздачей станков подневольным ткачам, что кончилось неудачей. Казна ограничивала частное предпринимательство. В годы правления под девизом Шуньчжи (1644–1661) был издан закон, запрещавший хозяевам мастерских и мануфактур иметь более ста ткацких станков.

Во время завоевания Китая маньчжуры не только восстановили минскую фискальную систему *лицзя*, но и стали вводить полицейскую систему круговой поруки *баоцзя* как средство укрепления своего господства. К 70-м годам XVII в. *баоцзя* распространилось на всю сельскую местность, находившуюся под цинским контролем. Десять соседских дворов составляли *пай* во главе с десятским (*пайтоу*), а десять *пай* сводились в *цзя* под главенством сотского (*цзячжан*). Из десяти *цзя* формировалось *бао* под надзором тысяцкого (*баочжан*). Все дворы были связаны круговой порукой и совместно отвечали за порядок и выплату налогов. *Баоцзя* была введена как в сельской местности, так и в городах. На воротах каждого двора вывешивалась таблица с обозначением числа тяглых и нетяглых, их занятий и т.д. Служа интересам фиска и сыска, данная система постепенно распространялась и на некитайское население в районах проживания неханьских народностей.

Обстановка экономической разрухи, резкое сокращение податного населения и поступления налогов заставили цинское правительство еще в ходе завоевания Китая принимать действенные меры к восстановлению производства и поступлению налогов в казну. В годы Шуньчжи (1644–1661) и Канси (1662–1722) власти собирали беженцев, привлекали их к распашке пустошей, передавали им на правах аренды казенные земли, отдавали во владение бесхозные, заброшенные поля, отпускали ссуды на приобретение семян, инвентаря и рабочего скота, освобождая таких новопоселенцев от налогов на три года. В результате стало заметно расти число крестьян-владельцев земли (*цзыгэннун*) и тяглого населения. Беженцы постепенно возвращались на заброшенные земли: шло медленное восстановление сельского хозяйства, росли налоговые поступления в казну. Заметно сократившееся крупное частное землевладение вновь становилось на ноги, но уже при пониженных ставках арендной платы с держателей земли.

Учтя печальный опыт династии Мин, маньчжуры в годы регентства Доргона стремились по мере возможности избегать ее слабых сторон — системы уделов, фаворитизма, фракционной борьбы в администрации, особенно между бюрократией и евнухами. Однако уже в конце своего правления Фулинь оказался в руках могущественной клики евнухов, число которых при дворе превысило 5 тыс. Евнухи во главе с У Ляньфу активно вмешивались в дела правления и занимали высокие государственные

должности, потеснив у кормила власти маньчжурских князей. Накануне смерти Фулиня в 1661 г. императором был провозглашен его второй сын — семилетний Сюань, принявший девиз правления Канси (1662–1722). Умирающий богдохан создал регентство из четырех человек во главе с князем Обоим (Аобай). Они должны были править страной до совершеннолетия Сюаня. Регенты и маньчжурская аристократия немедленно отстранили от дел и разгромили клику енухов, казнив ее главу. Вслед за этим начались гонения на европейских миссионеров и христиан, терпимых при Фулине. В начале 60-х годов внутренние распри несколько парализовали активность цинского правительства. Гун Обой захватил всю власть в свои руки, создал при дворе сильную клику и самовластно правил империей Цин восемь лет (1661–1669). Беспощадно истребляя своих противников, главный регент разжигал междоусобную грызню в верхних эшелонах власти, что привело к хаосу в государственных делах.

Тем не менее победа, одержанная на полях сражений, дала цинскому правительству возможность расправиться с теми, кого оно до поры до времени не трогало, т.е. с оппозиционной режиму частью китайских шэньши, литераторов и ученых. Против маньчжуров за независимость родины активно боролись лучшие представители интеллигенции. Китайские ученые, такие, как Хуан Цзунси, Ван Чуаньшань, Цюй Шисы, Хуан Даочжоу, с оружием в руках защищали отчизну от захватчиков. В антиманьчжурской борьбе активно участвовал видный ученый Гу Янью. Многие китайские интеллигенты внесли свой вклад в укрепление патриотического лагеря. Они клеймили династию чужеземных завоевателей и императорскую деспотию вообще. «Государство принадлежит народу, а не является собственностью императора», — писал Хуан Цзунси. «Продветание или гибель Поднебесной зависят от простолюдинов», — считал Гу Янью. В условиях патриотического подъема видные историки, философы и писатели создали талантливые творения, свидетельствующие о взлете реформаторской и антицинской идеологии. Тайно создавались «крамольные» сочинения, направленные против цинской тирании. В антиманьчжурской борьбе заметную роль играли две публицистические книги — Ван Сючу «Записки о десяти днях в Янчжоу» и Чжу Цзысу «Записки об уничтожении города Цзядина». Оба произведения повествовали о героизме защитников родины и неслыханных зверствах завоевателей.

Укрепляя свое господство, Цины перешли к более жесткой политике по отношению к патриотически настроенной интеллигенции. Извлекая уроки из оппозиционной деятельности «Общества возрождения» («Фушэ»), «Общества борьбы с грозящей бедой» («Цзишэ») в период Мин, маньчжурское правительство в конце периода Шуньчжи императорским указом запретило шэньши и интеллигенции создавать такие союзы, а также афишировать принадлежность к уже существующим. Затем со ссылкой на данный указ началась расправа с их членами. С особой яростью маньчжуры преследовали выдающихся мыслителей и ученых, выступавших

против чужеземного ига и критиковавших существующие порядки. Так, Гу Яньбу был брошен в тюрьму, Ван Чуаньшань вынужден был скрываться в горных пещерах. Многие ученые-патриоты ушли в горные леса и монастыри, чтобы не служить завоевателям.

Мало кто из них поддался на лестные приглашения и щедрые посулы императора Сюанье. Хуан Цзунси, Гу Яньбу, Люй Люлян и другие остались верными своим принципам. В условиях гигантских человеческих жертв, крайней разрухи и национального унижения заметные потери понесли и китайские чиновники, шэньши и землевладельцы. Они лишились «своей», китайской династии и части земель, покорились «северным варварам», а в административном аппарате сохранили лишь второстепенные и третьестепенные позиции. В первые десятилетия после вторжения в Китай даже в уже захваченных и «усмиренных» провинциях завоеватели творили настоящий произвол по отношению к завоеванным. Они сгоняли китайцев с земли, захватывали их дома и имущество, отбирали жен и дочерей себе в рабыни или служанки, насиловали женщин, убивали и калечили мужчин, обращали их в рабов и крепостных, оскверняли могилы.

Битье палками и порка плетью были обычным явлением, даже чиновники-китайцы часто подвергались такому наказанию. В целях устрашения маньчжуры шли на уничтожение всей семьи и всего рода провинившегося, четвертование, обезглавливание трупа, выставление на шесте головы казненного, клеймение и т.д. Все это постоянно питало плохо скрываемую ненависть к «северным варварам» — отсталым и жестоким захватчикам. Чтобы подавить патриотический настрой интеллигенции, части шэньши и бывших минских чиновников, оставшихся в оппозиции, правительство Обоя в 1663 г. организовало следствие по «делу Чжуан Тинлуна». Этот ученый-историк руководил группой авторов и составителей «Краткой истории Мин». В данной книге Цины не признавались законными императорами, а их китайские пособники осуждались как изменники родины. По этому судебному процессу было казнено около 70 человек. Среди них оказались не только авторы, составители и члены их семей, но и сверщики, граверы, издатели, книготорговцы, покупатели, местные чиновники и просто случайные люди. Эта акция устрашения должна была парализовать интеллектуальную оппозицию.

С окончанием военных действий в Юго-Западном Китае правительство Обоя получило возможность заняться устройством своих территорий к северу от Великой стены. С переездом цинского двора в Пекин туда же был переведен из Мукдена и весь государственный аппарат, а сама старая «священная столица» была отдана под управление командующего местным гарнизоном — *амбань-чжангина*. Маньчжуры намеревались прочно осесть в Пекине, однако упорное сопротивление китайских патриотов заставило завоевателей подумать о подготовке запасной позиции на случай бегства в Маньчжурию. В 1658 г. в Мукдене было восстановлено Ведомство церемоний, в 1659 г. — Ведомство налогов, в 1662 г. — Ведомство на-

казаний и Ведомство общественных работ, а в 1691 г. — Военное ведомство. Все эти запасные или дублирующие учреждения подчинялись непосредственно правительству в Пекине.

Во второй половине XVII в. цинские владения в Маньчжурии состояли из земель бывших чжурчжэньских племен Чаньбошаньского и Худуньского объединений (сеймов), а также бывших владений империи Мин — земель Ляодуна и Ляоси. Эта территория именовалась «землями Мукдена». Она являлась частью Цинской империи и ограничивалась бассейном нижнего течения р. Ляохэ, Ляодунским полуостровом и верховьями р. Сунгари. До начала 60-х годов «землями Мукдена» управлял начальник мукденского «знаменного» гарнизона (*амбань-чжангин*). С 1662 г. управление краем было передано в руки фэнтяньского военного правителя (*цзянцзюнь*), которому подчинялись начальники военных округов (*фудутуны*). Тем самым «земли Мукдена» превращались в особую провинцию Фэнтянь (Шэньцзин) и считались «внутренними», т.е. входили в состав Цинской империи. Все же территории, лежавшие дальше на север, именовались «внешними землями» и еще не были частью Маньчжурского государства.

С уходом «знаменного» населения на юг, за Великую стену, обширные плодородные земли Мукденской равнины почти не обрабатывались, занимаясь сельским хозяйством, по существу, было некому. В связи с этим указом 1653 г. разрешалось переселение китайских арендаторов на Ляодун и в бассейн нижнего течения р. Ляохэ без права приобретения и владения землей и другим недвижимым имуществом. В последующие пятнадцать лет такого рода переселенцы заселили основные районы заброшенных земель на Ляодуне. Вопреки строгим запретам они стали осваивать собственно маньчжурские «священные земли». Это вынудило правительство в 1668 г. отменить указ о переселении арендаторов и прочно «закрыть» Маньчжурию от китайской колонизации. В 1668 г. правительство Обоя особым указом объявило Маньчжурию («священную родину» маньчжуров и их тыловую позицию) запретной зоной, закрытой для китайцев-переселенцев. Этот край становился местом ссылки для уголовных преступников и борцов против маньчжурского ига, а труд каторжников использовался в местном земледелии и на транспорте. Запрет 1668 г. только затормозил, хотя и существенно, переселение китайцев в Маньчжурию, а также приобретение ими здешних земель, но полностью остановить эти процессы не мог. В конце XVII — начале XVIII в. земледелие края находилось в упадке.

С завершением военных действий в Китае правительство Обоя, воспользовавшись начавшейся в Хаалхе междоусобицей из-за наследства умершего Дзасакту-хана Норбо, активизировало цинскую политику в Монголии. В 1664 г. Пекин нарушил единство монгольской территории: пустыня Гоби была объявлена границей между Внутренней Монголией и Хаалхой. Самовольный переход через нее был запрещен, вдоль границы

расположились цинские войска. Разорвав традиционные связи между монголами обоих регионов, цинский двор в целях обострения междоусобицы в Халхе вмешался в борьбу за наследство Дзасакту-хана.

Правление Обоя и борьба в высшей маньчжурской среде ослабляли власть завоевателей. Положение стабилизировалось лишь в 1669 г., когда молодой император Сюанье и его дядя князь Сонготу (Соэту) свергли Обоя и разогнали его клику. Ведение государственных дел взял в свои руки Сонготу. Он же стал лидером Совета князей-регентов и сановников и почти на девять лет (1669–1678) фактическим правителем Цинской империи при юном богдохане. Дворцовый переворот 1669 г. и свержение Обоя произошли в момент, когда в верхах китайского общества началось брожение. Самым неприятным для завоевателей было явное недовольство новой властью со стороны не только крестьян, но также землевладельцев и бывших минских чиновников, оказавшихся в самом низу бюрократической пирамиды империи Цин — ниже маньчжуров, монголов и ханьцзюней. Чтобы сбить волну недовольства, князь Сонготу и его соратники пошли на ряд уступок и послаблений. Для улучшения управления империей в 1671 г. был восстановлен существовавший при Минах Императорский секретариат (Нэйге). Он был составлен из равного числа китайцев и «знаменных». Однако его функции были чисто исполнительными, а все наиболее важные дела по-прежнему решал Совет князей-регентов и сановников, или Государственный совет, состоявший исключительно из маньчжурской знати. Правительство Сонготу простило все недоимки по налогам: упорядочило сбор последних, обещало прекратить захват «знаменными» земель у китайских владельцев и вернуть им незаконно отнятую пахотную площадь. Сбив наиболее острое недовольство масс и упрочив тыл, правительство Сонготу укрепило позиции маньчжурского режима в Китае.

Между тем дальнейшее вмешательство Пекина в дела Монголии, особенно в междоусобную борьбу за наследство Дзасакту-хана, стало приносить плоды. В союз с Цинской империей вступил глава ойратского Хошоутского аймака — сын и преемник Гуши-хана Даши-Батур. Он позволил маньчжурам в 1673 г. ввести войска на свою территорию, превратив Кукунор (Цинхай) в цинский плацдарм для дальнейшей экспансии. С 70-х годов XVII в. резко изменились и маньчжуро-тибетские отношения. В 30–60-х годах Тибет номинально признал верховенство маньчжурских правителей. На деле это был взаимовыгодный политический союз. Цинская династия безуспешно пыталась использовать его для подчинения Пекину монголов-ламаистов Халхи, опираясь на религиозный авторитет далай-лам. Если до 70-х годов тибетское духовенство поддерживало союз с маньчжурскими императорами, то с усилением Джунгарского ханства Ахаса стала сторонницей ойратских владык, стремившихся объединить всех монголов-ламаистов под своей властью. Далай-лама, панчен-лама и другие иерархи «желтой веры» стали вдохновителями борьбы монголов

против маньчжурского владычества. Маньчжурско-тибетский союз распался. Правители Тибета сделали ставку на победу ламаистского Джунгарского ханства над конфуцианской Цинской империей.

В 60–70-х годах к северу от границ империи Цин сохранялась напряженная обстановка. Маньчжуры систематически нападали на русские владения по Амуру, угоняли местных жителей ближе к своим границам и неоднократно подступали к стенам русских крепостей. При всем том в Пекине охотно принимали торговые караваны и миссии из Московского государства, ибо истолковывали их как принесение «дани», т.е. «признание» русскими царями положения «данников» маньчжурского императора как верховного правителя всего мира. Подтверждения этого они ожидали и от миссии Н.Спафария, прибывшего с грамотой царя Алексея Михайловича в Пекин в 1676 г. Разочаровавшись в своих ожиданиях, цинская сторона пошла на угрозы и отказ от переговоров. Между тем незавершенность покорения Китая и особенно острота ситуации в годы войны *саньфань* (1673–1681) не давала возможности стянуть на север крупные «знаменные» силы и завоевать Приамурье.

С поражением армии Ли Динго наиболее боеспособные антицинские силы продолжали сопротивление в Фуцзяни. Это были части Чжан Хуантяня, особенно армия и флот Чжэн Чэнгуна, которым активно помогало местное население. Для борьбы с патриотами, прежде всего с войсками Чжэн Чэнгуна, укрепившимися на островах у берегов южных и восточных провинций, в 1656 г. был издан императорский указ о строгих «морских запретах», распространявшихся на все побережье от Гуандуна до столичной провинции. Чтобы прервать связь населения материка с «пиратами» на островах, категорически запрещался самовольный выход в море любых торговых судов. Нарушители подвергались аресту и казни с конфискацией товара и домашнего имущества. В 1657 г. цинские войска опустошили о-ва Чжоушань. Их население было частично вырезано и утоплено, частично вывезено на материк.

С 1661 г. началось массовое переселение прибрежных жителей в глубь провинций. Все прибрежное население провинций Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь и Гуандун было насильственно согнано со своих мест и перемещено вглубь на 15–20 км от моря. На этом расстоянии проводилась «граница», охраняемая днем и ночью. Вдоль нее создавались пограничные заграждения — частоколы, рвы, насыпи и каналы, строились форты, сигнальные вышки и посты. Выход за эту линию карался смертью. В безлюдной полосе между «границей» и морем все уничтожалось — были сожжены жилища, вытоптаны поля, образовав мертвую зону. В ней остались лишь города, имевшие крепостные стены и гарнизоны. В случае возвращения населения на старые места переселение повторялось. «Граница» то перемещалась ближе к морю, то отдалялась, причем «политика выжженной земли» неизменно ужесточалась. В результате множество плодородных земель и мастерских было заброшено. Рыболовство, каботаж и прибрежная

торговля были ликвидированы. Масса людей лишилась крова и источника существования. Несмотря на тайные нарушения и обход запрета за взятки, этот жесткий режим поддерживался более 20 лет — с 1661 по 1683 г., т.е. до падения государства Чжэнов и присоединения Тайваня к государству Цин.

Хотя империя Мин была стерта с лица земли, окончательного завоевания Китая маньчжурами не произошло. Здесь сказалось яростное сопротивление китайского народа, малочисленность «знаменных» войск и невозможность резко увеличить привлекаемую к завоеванию монгольскую конницу, особенно из покоренных княжеств Юга. Давали о себе знать слабость недавно созданных китайских войск «зеленого знамени» (*люйин*), а также большие людские потери «знаменных», понесенные более чем за полтора десятилетия интенсивных военных действий (1644–1661). Все это не позволяло быстро ликвидировать вооруженные силы «трех князей-данников» (*саньфань*). Существование трех профессиональных и весьма боеспособных княжеских армий во главе с опытными полководцами, со своей стороны, обусловило раздел бывших минских территорий к югу от р. Янцзы между империей Цин и *саньфань*. При этом разделе империя присоединила к себе земли в бассейне нижнего и среднего течения Янцзы, а также куски горных районов на востоке, юге и юго-востоке бывшего южноминского государства.

Кроме того, на землях последнего в начале 60-х годов возникло еще одно образование — государство Чжэнов, сохранявших приверженность династии Мин. Зачатки этой государственности возникли во второй половине 40-х годов и сохранялись в 50-х годах XVII в. на территориях, контролируемых войсками Чжэн Чэнгуна в южной части Фуцзяни. В борьбе, которую вели его войска и флот против захватчиков, успехи сменялись неудачами и наоборот. Однако к началу 60-х годов общая стратегическая обстановка южнее Янцзы резко изменилась. Все крупные очаги сопротивления и более или менее значительные воинские силы патриотов, сражавшихся под знаменами династии Мин, были уничтожены завоевателями и их пособниками.

Тем самым высвобождались «знаменные», монгольские и войска *саньфань*. Их многократное превосходство на материке обрекало Чжэн Чэнгуна на неминуемый разгром. В Фуцзянь, отданную в княжение Гэн Цзимао, спешно перебрасывалась его армия. Чжэн Чэнгуну оставалось только одно — перебазироваться на о-в Тайвань, выбив оттуда голландские колониальные войска. Он перебросил на Тайвань все свои силы с материка, оставив лишь крупные гарнизоны на двух укрепленных островах у берегов Фуцзяни — Сямэнь и Цзиньмэнь. В мае 1661 г. флот Чжэн Чэнгуна высадил на Тайване десант численностью 25 тыс. воинов. Частично потопив, а частично отогнав корабли голландцев и взяв без боя крепость Провидение, китайцы осадили крепость Зеландия. Последняя во главе с губернатором Формозы Ф.Койеттом капитулировала в феврале 1662 г. Господство

Ост-Индской компании рухнуло — ему на смену пришло проминское антицинское государство во главе с семьей Чжэнов.

В этом же, 1662 г. прославленный флотоводец и военачальник Чжэн Чэнгун умер. В борьбе за власть победил его старший сын, Чжэн Цзин, принявший титул отца — «Главногокомандующий-Усмиритель». Он стоял во главе этой «монархии без монарха» вплоть до 1681 г. Цинские войска и флотилия совместно с голландским флотом после первого неудачного морского сражения весной 1663 г. все же овладели к концу года Сямэнем и Цзиньмэнем. Они разрушили и сожгли все сооружения, а затем отразили нападение крупного десанта Чжэн Цзина. После этого военные действия надолго прекратились, что позволяло государству Чжэнов больше внимания уделять внутренним делам: укреплению армии, флота и чиновничьего аппарата, организации военных поселений, привлечению переселенцев с материка, распашке целины, поощрению ремесла, рыболовства, горного и соляного промыслов, развитию внешней торговли с Японией, странами Южных морей и англичанами. Окрепшее государство Чжэнов стало четвертым, наряду с *саньфань*, китайским районом, не вошедшим в зону прямого господства маньчжуров.

После падения Куньмина и ухода войск Ли Динго в Бирму в 1661 г. цинское правительство, желая избежать новой вспышки сопротивления и новой военной кампании, выполнило свое старое обещание передать завоеванные армиями «четырех князей» провинции в личное владение этих полководцев. Так произошел территориальный раздел Китая к югу от р. Янцзы между империей Цин и тремя «данническими княжествами» (*фаньго*). При этом провинции Чжэцзян, Цзянси и Хунань, а также юг Цзянсу, часть Гуйчжоу и ряд областей Гуанси отошли к маньчжурам, став непосредственной частью их завоеваний. На остальных землях Юга и Юго-Запада были созданы три полусамостоятельных княжества, зависимых от империи Цин. Бывшая армия Гэн Чжунмина, а с 1651 г. его сына Гэн Цзимао была переведена в Фуцзянь, а ее командующий получил эту провинцию в качестве «даннического княжества». После смерти Гэн Цзимао в 1671 г. оно перешло к его сыну Гэн Цзинчжуну. Гуандун и прилегающие области Гуанси перешли во владение Шан Кэси.

Наиболее знаменитому полководцу и обладателю крупной армии У Саньгую был отдан в княжение самый дальний и «дикий» угол региона — Юньнань, а также соседние с ней области Гуйчжоу. На трех новых правителей возлагалась миссия политического «умиротворения» и хозяйственного восстановления этих разоренных многолетней войной провинций. «Князья-данники» должны были выполнять приказы из Пекина. Так, Гэн Цзимао и Шан Кэси, согласно директиве Пекина, переселили жителей из приморской полосы, хотя это ударило по экономике княжеств и их собственным доходам. На двенадцать лет (1661–1673) в провинциях к югу от р. Янцзы установилось относительное затишье. Исключение составляли приморские районы Фуцзяни, где войска Гэн Цзимао вели борьбу с пат-

риотическими силами Чжан Хуанъяня и Чжэн Чэнгуна, а затем Чжэн Цзина.

Саньфань кроме княжеских титулов получили еще должности цинских наместников (*цзунду*) отданных им в правление провинций. В этом двойственном положении трое князей делали упор на свой владетельский статус правителей (*ван*), а маньчжурские властители — Фулинь, Обой, Сонготу, наоборот, на первый план выдвигали их должностные обязанности цинских сановников. А между тем все три вана имели собственные девизы правления, армии, придворных, чиновничий аппарат, выпускали свои деньги и т.д. Тем не менее административная система и чиновная структура провинций и областей, вошедших в три княжества, в целом были аналогичными цинской системе. За 12 лет мирной передышки «князя-данники» в своих владениях, равно как и династия Цин в остальной части Китая, делали все, чтобы укрепить свою власть. В княжествах и империи налаживался административный аппарат, беженцы возвращались в свои края, всемерно поощрялась распашка залежных земель, частично восстанавливалась экономика городов, оживали торговля, ремесло и горнодобывающая промышленность. Восстановление экономики империя и князья использовали для усиления своих армий и своего влияния.

Среди «трех князей-данников» ведущей фигурой был У Саньгуй — сильная личность, талантливый полководец, жестокий каратель, хитрый политик и коварный властолюбец. Он имел не только высший титул — *цинъван*, самую боеспособную армию и крупное княжество, но также огромный авторитет и патронатные связи среди китайских военных и штатской бюрократии на службе у династии Цин. Он окружал себя преданными, опытными и способными военачальниками, в том числе из разбитых им минских и крестьянских армий. «Восьмизнаменных» частей в западных и юго-западных провинциях было мало либо они совсем отсутствовали. Главной силой здесь являлись войска «зеленого знамени». Многие их командиры были преданы У Саньгую, игравшему в этом регионе ведущую роль. Посредством верных ему военачальников он контролировал Гуанси, Шэньси и Ганьсу, а также имел сильные позиции в Сычуани.

Война «трех князей-данников» (*саньфань*)

Правительству Сонготу для завершения завоевания Китая надо было прежде всего ликвидировать три «даннических княжества» на Юге. К 1673 г. обе стороны — империя и княжества — привели свои территории в относительный порядок, а войска — в боевую готовность. Отборная армия У Саньгуя насчитывала 80 тыс. солдат, у Гэн Цзинчжуна имелись 150 тыс. бойцов и сильный флот. К счастью для маньчжуров, третий князь — 70-летний Шан Кэси был немощью и болезнью прикован к постели. Он удерживал своего сына Шан Чжисиня и армию от столкновения с Пекином. Учитывая это ослабление фронта князей, правительство Сонготу ре-

Война «трех князей-данников»

шило действовать крайне осторожно. Однако молодой Сюанье закусил удила. У Саньгуй был обвинен им в отказе присылать «дань» ко двору и прибыть в Пекин с раскаянием. Весной 1673 г. молодой император в ультимативной форме предложил «князьям-данникам» сложить с себя власть. Чувствуя свою силу и поэтому надеясь на отказ, князья подали просьбы об отставке, однако в сентябре она была принята. Сюанье издал указ о роспуске княжеских армий. Самим правителям было предложено явиться в Пекин, их решили поселить в Маньчжурии, что означало ссылку. В ответ на это в декабре У Саньгуй поднял мятеж, намереваясь отказаться в своем княжестве от цинского летоисчисления по годам Канси, от маньчжурской одежды и ношения косы и восстановить стандарты эпохи Мин. Провозгласив себя Полководцем, поднимающим войска по всей Поднебесной, У Саньгуй двинул свою армию в районы Гуйчжоу и Гуанси, отошедшие к государству Цин. Так началась война «трех князей-данников» — *саньфань* (1673–1681) против маньчжуров.

У Саньгуй призвал всех китайцев подняться на борьбу с «северными варварами», объединившись под его руководством. В первую очередь он апеллировал к преданным ему военачальникам (*тиду*, *цзунбин*) Запада и Юга. Восстание поддержали высшие чины Юньнани и Гуйчжоу, а также пров. Сычуань во главе с военным губернатором Ло Сэнем. Однако народ не спешил встать под знамена предателя родины, прислужника завоевателей и кровавого карателя. Сторонники У Саньгуя просили его выступить в поход на Пекин, но 60-летний князь отказался от этого плана и решил создать свое государство в Юго-Западном Китае. Замыслам У Саньгуя должен был содействовать заговор, созревший в Пекине в стенах Запретного императорского города. В нем участвовали китайские чиновники, военные, шэньши и иные представители бывшей элиты империи Мин, перешедшие на службу к завоевателям. При новой власти они оказались на второстепенных и третьестепенных ролях — ниже маньчжуров, монголов и ханьцзюней. Среди заговорщиков был сын У Саньгуя, находившийся на положении почетного заложника при маньчжурском дворе, а также пленные китайцы, обращенные завоевателями в придворных рабов. Именно их руками в праздник Нового года планировалось убить Сюанье, Сонготу и ведущих маньчжурских князей. С началом войны *саньфань* в 1673 г. заговор был раскрыт, а его участники казнены.

Чтобы удержать население от поддержки мятежа, Сонготу и Сюанье пошли на новые посулы китайцам. Так, был издан эдикт о привлечении в цинскую администрацию скрывавшихся оппозиционеров — шэньши и ученых. В итоге массовой поддержки в разоренных войной провинциях У Саньгуй не получил, хотя на его сторону переходили местные китайские части. К примеру, восстали бывшие минские, а ныне «зеленознаменные» войска в Сычуани, которые признали власть У Саньгуя. Его собственная высокобоеспособная армия весной 1674 г. победоносно двинулась на Хунань. Здесь города и гарнизоны «зеленознаменных» повсеместно

переходили на сторону У Саньгуй. К нему примкнул и *цзянцзюнь* пров. Гуанси Сунь Тинлин. За первые десять месяцев похода на северо-восток У Саньгуй стал властелином пяти провинций. Против династии Цин восстали «зеленознаменные» войска в Шэньси, Ганьсу и Хубэе. Антиманьчжурское движение набирало силу. Против завоевателей в 1674 г. выступил второй князь — Гэн Цзинчжун. Его войска из Фуцзяни повели наступление на Чжэцзян. Встретив там стойкую оборону, Гэн перебросил свою армию в Цзянси, нанеся удар в тыл цинским силам, противостоявшим У Саньгую. Однако здесь цинская армия во главе с дядей императора разгромила его войска. К тому же в 1675 г. фуцзяньский флот Гэн Цзинчжун потерпел поражение от Чжэн Цзина, с которым в начале 60-х годов по приказу из Пекина он вступил в войну. У Саньгуй настоял на примирении и союзе Гэна и Чжэн Цзина, обещав последнему две, а потом три области в Фуцзяни. С высадкой войск Чжэн Цзина на побережье в войну *саньфань* включилась еще одна китайская армия. На ее сторону стали один за другим переходить города, гарнизоны и области. Сохранению этого непрочного союза способствовали стабильность фронта в долине р. Янцзы и тяжелое положение цинских войск, связанное с вспыхнувшим в их тылу восстанием чахарских монголов. До 1676 г. третье княжество на юге не было втянуто в войну. Прикованный к постели Шан Кэси не присоединился к борьбе против Цинов и держал нейтралитет.

Цинская империя оказалась в критической ситуации. Из 15 тогдашних провинций от нее отпали шесть, в четырех из них произошли восстания против маньчжуров, в других шли боевые действия. В Монголии против империи выступил потомок династии Юань чахарский князь Буринай (Сахар), стремившийся восстановить в Пекине монгольскую династию. Со 100-тысячной конницей он в 1675 г. угрожал столичной провинции, отвлекая тем самым на северо-запад значительные силы «знаменных», занявших оборонительные позиции. Первые годы войны «трех князей-данников» (1673–1675) были периодом подъема патриотического движения, фазой наступательных действий антицинских сил. Маньчжурский лагерь оказался в крайне тяжелом положении и перешел к обороне. Опасаясь всенародного восстания и перехода оставшихся в повиновении китайских войск на сторону взбунтовавшихся князей, цинское правительство избегало военных действий «зеленознаменных» частей. Однако малая привлекательность лидеров и стечение неблагоприятных факторов не могли не сказаться на ходе войны «трех князей-данников». Вскоре она вступила в свою вторую фазу — этап стагнации (1676–1677), когда силы враждующих лагерей оказались в состоянии известного равновесия, а борьба шла с переменным успехом.

Хотя война *саньфань* во многом носила проминский характер, князь — пособники завоевателей, в течение почти 16 лет (1645–1661) громившие минские войска, не могли провозгласить лозунг восстановления династии Мин, особенно У Саньгуй — убийца последнего южноминского

императора. Отсутствие этого лозунга изначально ослабило антицинское движение 1673–1681 гг. Широкие слои населения, особенно крестьянство, едва начавшие выходить из послевоенной разрухи, не захотели примкнуть к князьям-карателям и предателям родины, умирать за их монархические интересы и амбиции. К тому же одиозность самой личности У Саньгуя не позволила ему стать центром притяжения всех китайских патриотов. Непопулярные в народе князья не получили активной поддержки. Тем не менее, боясь, что к мятежным полководцам примкнет большинство нечиновных, неслуживых шэньши, землевладельцев и вообще богатых китайцев, маньчжуры восстановили минскую практику продажи низших ученых степеней и низших чиновничьих должностей. В 1677 г. была разрешена продажа должностей сроком на три года, а в 1691 г. — ученых степеней, посмертных титулов и почетных рангов. По разрешению императора ученые степени давались без экзаменов сыновьям и внукам влиятельных сановников, а также богачам, делавшим большие пожертвования деньгами или зерном в казну.

После смерти Шан Кэси в 1676 г. его сын и наследник Шан Чжисинь откликнулся на призыв У Саньгуя. Однако союз четырех китайских государств — трех княжеств и государства Чжэнов — продержался всего несколько месяцев. Стабилизировав положение на фронте против У Саньгуя, маньчжурские силы перешли в контрнаступление в приморских провинциях. Уже в том же, 1676 г. сильная цинская армия вторглась в Фуцзянь и одержала верх над войсками Гэн Цзинчжуна, который капитулировал и смиренно отправился в Пекин. Получив прощение и сохранив свое княжество и армию, он двинул свои войска вместе с цинскими против Чжэн Цина, заставив его отойти на острова Цзиньмэнь и Сямэнь. Развивая успех, цинские части двинулись из Фуцзяни в Гуандун и заняли Гуанчжоу (в 1677 г.). Ни армия, ни чиновничество княжества не хотели продолжения борьбы. Шан Чжисинь капитулировал, явился с повинной и был прощен. Он сохранил титул, руководил обороной побережья от патриотических сил, но был лишен реальной власти. Позже его ставка и княжество были ликвидированы маньчжурами.

В 1679 г. император Сюанье отстранил князя Сонготу от управления государством и взял всю власть в свои руки. С этого времени началась так называемая эпоха Канси. Укрепив свою личную власть, Сюанье ослабил влияние органа маньчжурской аристократии — Совета князей-регентов и сановников, самостоятельно принимал важнейшие решения и сам руководил завершением войны *саньфань*. Правительство Сюанье максимально использовало все слабости позиции У Саньгуя — его плохую репутацию у патриотов, его нежелание продолжать наступление, форсировать Янцзы и перенести войну в Северный Китай; стремление создать свою империю на уже отвоеванных землях. Эта оборонительная доктрина У Саньгуя обернулась рядом поражений, нанесенных его армии значительными силами «знаменных» войск, сконцентрированных в долине среднего течения

Янцзы. Между тем У Саньгуй видел выход в создании «новой» китайской государственности. В марте 1678 г. он объявил в Хэнчжоу о создании империи Чжоу, вокруг которой, по его мнению, должны сплотиться все китайцы. Себя он провозгласил императором — Чжоу-ди.

Девиз его правления — Чжаоу перекликался с девизом основателя династии Мин — Чжу Юаньчжана — Хуньу. Тем самым новая династия Чжоу выдвигалась в качестве продолжательницы дела Мин. Следуя исторической традиции, У Саньгуй, как основатель династии, в подвластных ему провинциях Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань и Хунань учредил сто новых чиновничьих должностей и провел экзамены на звание шэньши. Через полгода после коронации он скончался, и на трон вступил его внук У Шифань. Девиз его правления — Хунхуа повторял девиз первого императора Мин. Располагая четырьмя провинциями и боеспособной армией, империя Чжоу упорно оборонялась от наступавших маньчжурских войск.

В том же, 1678 г. наметился перелом в пользу антицинских сил. Флот Чжэн Цзина осуществил вторую высадку крупных воинских соединений на побережье Фуцзяни. Вместе с Лю Госюанем он начал успешное наступление против цинских войск. Это подтолкнуло Гэн Цзинчжуна вновь выступить против маньчжуров, что окончилось неудачей и пленением князя. Тем не менее все это вынудило Сюаньбе объявить о послаблениях во внутренней политике и, в частности, о новом выдвижении ученых-конфуцианцев на чиновничьи должности. Маньчжуры были крайне обеспокоены не только победами Чжэн Цзина и Лю Госюаня 1678–1679 гг. в Фуцзяни, но и восстанием китайских войск в Шэньси под руководством Ян Цилуна в 1680 г. К тому же по мере затягивания самой войны в нее стали вовлекаться все более широкие слои населения. Династийная поначалу война между государствами грозила принять черты нового патриотического сопротивления иноземным завоевателям. В пров. Чжэцзян успешно действовало крестьянское ополчение, опиравшееся на сеть горных укреплений. Аналогичное ополчение «белоголовых» под руководством Цай Иня сражалось на побережье Фуцзяни, а затем присоединилось к войскам Чжэн Цзина. Повстанцы под командованием Ли Третьего и Гуаня Седьмого пытались овладеть Гуанчжоу. В прибрежных водах провинций Гуандун и Фуцзянь действовали флотилии Дэнь Яо, Чжоу Юя, Цзян Цзи и Ян Ибао. Эти «морские пираты», как и ополченцы, существенно сковывали действия цинских сухопутных и морских соединений, затягивая тем самым военные действия. Однако летом 1679 г. цинский флот одержал верх над «пиратскими» эскадрами.

В конце 1679 — начале 1680 г. война *саньфань* вступила в свою последнюю стадию. Тем не менее еще три года упорно сражалась армия У Шифаня, на покоренных маньчжурами территориях вспыхивали восстания, а в ряде мест патриоты даже одерживали победы. Однако ценой огромных усилий цинским военачальникам удалось добиться стратегического перелома. В 1680 г. восстание Ян Цилуна в Шэньси было подавлено.

После ряда неудач войска Чжэн Цзина и Лю Госюаня отошли на острова у побережья, где были разбиты в двух морских сражениях, и эвакуировались на Тайвань. «Знаменные» войска одерживали верх над армией империи Чжоу в Хунани. Под их напором изрядно потрепанные войска У Шифаня отступили в Гуйчжоу, а затем в Юньнань. В 1681 г. цинские войска овладели Куньмином. Империя Чжоу рухнула, У Шифань покончил с собой, а в следующем году был казнен Гэн Цзинчжун. В результате почти восьмилетней (1673–1681) войны *саньфань*, которая была прямым продолжением маньчжурского завоевания Китая, к государству Цин были присоединены южные и юго-западные провинции страны.

Поражение китайской стороны было предопределено многими факторами. В их числе — разобщенность княжеств, одновременность их вступления в войну, отсутствие координации и действенных политических лозунгов, а также одиозность самих князей и их преемников — изменников родины и жестоких карателей. К тому же боеспособность княжеских профессиональных армий снизилась из-за двенадцатилетнего бездействия (1661–1673) и отсутствия хорошей конницы. Исход войны был предрешен вследствие усталости и пассивности народных масс. Очередной этап чужеземного завоевания вылился в чисто военное столкновение «знаменной» конницы и княжеской пехоты. Сила же завоевателей заключалась в их сплоченности, едином командовании, в возможности разбить княжества и повстанцев поодиночке, в способности уступками и посулами нейтрализовать крестьянство, землевладельцев, шэньши и китайских чиновников на уже завоеванной территории Китая. Все это компенсировало малочисленность кадровых «знаменных», слабость цинской пехоты, особенно китайских территориальных войск «зеленого знамени».

Война «трех князей-данныков» была сложным и противоречивым историческим явлением, сочетающим сепаратистский мятеж с антицинским восстанием, традиционную междоусобицу с национально-освободительным движением, затяжную войну с борьбой патриотов, выступление «удельных князей» против центрального правительства с проминским движением военных и шэньши. Война 1673–1681 гг. явилась, во-первых, очередным (после 1648–1649 и 1652–1655 гг.) наступлением защитников родины на позиции иноземных захватчиков в 1673–1675 гг. И во-вторых, последним контрнаступлением маньчжуров, приведшим к окончательному завоеванию материкового Китая (1680–1681).

По окончании войны *саньфань* незавоеванным остался последний обломок империи Мин — государство Чжэнов на Тайване, но и его быстрое падение было предопределено истощенной экономикой, слабыми оборонными возможностями и внутренним разложением режима. В 1681 г. скончался Чжэн Цзин. В начавшейся грызне за власть двух придворных кланов был свергнут и задушен его наследник. Правителем был объявлен другой малолетний сын Чжэна. Его окружение, искавшее выгодные варианты капитуляции, быстро склонилось на обещание амнистии и щедрые посулы

из Пекина. Тем не менее летом 1683 г. огромный флот и экспедиционный корпус, собранные маньчжурами для броска на Тайвань, встретили героическое сопротивление гарнизона и флота Чжэнов на о-вах Пэнху. Здесь семь дней длилось ожесточенное и кровопролитное сражение, в котором polegло 12 тыс. защитников Пэнху. Зато на Тайване чиновники и войска капитулировали, были прощены и вывезены на материк.

Многие патриоты не смирились с поражением — одни покончили с собой, другие устремились в горы, третьи на кораблях Хуан Циня отплыли в Камбоджу. Там на побережье Сиамского залива в районе Хатьен, ставшем позднее владением Вьетнама, обосновалась довольно богатая и многочисленная колония выходцев из Китая, бежавших от маньчжурских завоевателей. На Тайване, включенном в состав пров. Фуцзянь, разместился цинский гарнизон. Так было завершено завоевание Китая государством Цин — кровавая эпопея, длившаяся с перерывами почти сорок лет (1644–1683). Героическое сопротивление китайского народа и гигантские масштабы Минской империи привели к тому, что включение Китая в состав Цинской империи затянулось на столь долгий срок. Тем не менее малочисленные чужеземцы покорили громадное по своему демографическому потенциалу государство.

С падением государства Чжэнов цинское правительство отменило политику морских запретов, позволило населению вернуться на побережье, разрешило морской каботаж и внешнюю торговлю, хотя и с рядом ограничений, для чего были созданы четыре морские таможни. На завоеванном в 1683 г. Тайване был установлен особый режим. Здесь размещался большой, 13-тысячный гарнизон, его солдаты набирались из жителей материковой части провинции. Чиновники назначались исключительно с континента и сменялись каждые три года. Тайвань был закрыт для иностранцев, а его торговля с материком жестко ограничивалась. Маньчжуры, опасаясь тайного изготовления оружия, полностью запретили здесь металлургию и металлообработку. Переселяться на остров разрешалось только мужчинам из четырех округов провинций Фуцзянь и Гуандун. Они должны были, получив рекомендацию властей, оставлять свои семьи на материке. Этот запрет был снят лишь в XVIII в. Несмотря на все препятствия и запреты, китайское переселение обездоленных людей с материка постепенно росло. Вражду и конфликты между выходцами из провинций Фуцзянь и Гуандун власти использовали в своих целях.

С начала 80-х годов XVII в. наступил резкий спад вооруженной борьбы. За 60 лет царствования Сюаньэ (1662–1722) произошло более 50 больших и малых восстаний против маньчжурских завоевателей. Это было в два раза меньше, чем за 18 лет пребывания на престоле Фулиня (1643–1661), т.е. общий накал антицинской борьбы снизился в шесть-семь раз, причем основная масса восстаний приходилась на восемь лет войны «трех князей-данников» (1673–1681). Поражение патриотов в открытой борьбе привело к развитию иных, скрытых форм сопротивления. После того как

маньчжуры и их пособники в начале 80-х годов XVII в. подавили восстание «трех князей-данников» и захватили Тайвань, главными организаторами борьбы против чужеземного ига стали тайные общества и религиозные секты. Севернее р. Янцзы основной такой силой являлась «старая» секта «Белого лотоса».

Война *саньфань*, продолжавшаяся восемь лет, к уже существовавшим разрушениям добавила новые. В таких условиях вывод страны из социально-экономического упадка стал важнейшей задачей завоевателей Китая. В 1681 г. цинское правительство вновь активизировало курс на восстановление земледелия — на распашку залежи, возвращение беженцев, ремонт и строительство ирригационных сооружений, особенно на Хуанхэ.

Для всего этого отпускались средства, временно отменялись налоги, вводился режим экономии по многим статьям. К концу XVII в. правительству удалось приступить к постепенному восстановлению хозяйства, разрушенного в период Крестьянской войны 1628–1647 гг. и завоеваний. Начался ремонт и обновление пострадавших или пришедших в негодность дамб, плотин, каналов, ирригационных систем и дорог. Эти работы осуществлялись силами миллионов крестьян, стоявших поздней осенью и в начале зимы на отбывание трудовых повинностей (*чайяо*). По мере завоевания и присоединения к Цинской империи все новых провинций Китая, восстановления учетных списков и налоговых кадастров, возвращения беженцев в родные места и некоторой нормализации обстановки росла численность учтенного населения. Если в 1651 г. было зафиксировано более 10 млн. тяглых (*дин*), то в 1686 г. — уже свыше 20 млн. Обычно на одного тяглого приходилось четыре нетяглых (*коу*) — женщины, дети и старики. С учетом этого численность населения, находившегося в поле зрения властей, за 1651–1686 гг. увеличилась вдвое — с 53 млн. до 102 млн. Это свидетельствовало об установлении фискального и полицейского контроля над основной массой населения.

В сфере ручной промышленности и торговли правительство было вынуждено отменять отдельные наиболее жесткие ограничения, создавая при этом свой казенный сектор промышленности и обмена. Новая династия временно упразднила налог с горных разработок (*куаншуй*). В то же время она ввела строгий запрет на частную добычу руд, опасаясь тайного изготовления оружия патриотами. В 1675 г. была возобновлена работа на старых рудниках под строгим контролем чиновников при условии сдачи двух десятых добытого в казну. Открытие новых рудников оставалось под запретом. Под контроль бюрократии были поставлены шелкопрядение и шелкоткачество района Цзяннань (юг пров. Цзянсу и север пров. Чжэцзян). Здесь, в Нанкине, Сучжоу и Ханчжоу, были воссозданы специальные управления (*чжицзао ямэнь*). Вводилась казенная монополия на соль и чай, которые скупались, как правило, крупными купцами, получавшими от государства за большие деньги право розничной продажи их населению.

После захвата Тайваня в 1685 г. были разрешены каботажное судоходство и торговля вдоль морского побережья Китая. В 1684 г. цинское правительство сняло запрет на торговлю с иностранцами, поставив ее под жесткий контроль казны, насаждавшей систему монополий и ограничений. В провинциях Фуцзянь, Гуандун, Цзянсу и Чжэцзян были созданы четыре морские таможни, а порты Нинбо, Чжаньчжоу, Юньтайшань и Макао были открыты для внешней торговли. Главным внешнеторговым портом стал Гуанчжоу. В 1685 г. англичане возобновили торговлю в Сямыне. В 1698 г. появилась таможня в Динхае. С оживлением внешней торговли росли таможенные поступления. Кулцы-англичане обосновались около Гуанчжоу и завязали торговлю на о-вах Чжоушань. Между тем свою силу сохранял императорский указ 1649 г., запрещающий китайцам торговать на территории других стран. Горький опыт борьбы с флотом Чжэн Чэнгуна и другими патриотическими силами на прибрежных островах побудил маньчжуров отказаться от строительства крупных многопалубных кораблей и запретить судам значительного размера выходить в открытое море без особого разрешения властей. Весь морской каботаж находился под неусыпным контролем чиновников.

Заметные сдвиги произошли во внутренней политике. Сюанье, умелый администратор, умный политик и хитрый дипломат, сконцентрировал всю власть в своих руках. Он непосредственно руководил шестью ведомствами (*любу*) и сам решал важнейшие вопросы. Роль Совета князей-регентов и сановников резко снизилась. Сюанье прекратил гонения на христиан, вернул из опалы миссионеров, учился у них математике и другим наукам, сделал одного из них главой Астрономического управления. Вплоть до конца XVII в. иезуиты были доверенными советниками Сюанье. Они оказывали ему помощь в литье пушек, в точных науках, в переводах с европейских языков и в дипломатии. Получив китайское классическое образование, Сюанье стал ревностным конфуцианцем. Склонный к литературному творчеству, он претендовал на славу конфуцианского ученого и мецената. Этим он разительно отличался от тупого и малообразованного Фулиня, державшегося за все маньчжурское. Строго следя за настроениями населения, Сюанье разработал 16 заповедей вместо «шести поучений» Фулиня.

Они были опубликованы в виде специального «священного указа» (*шэньюй*) в 1670 г. Помимо сугубо моральных наставлений новый документ содержал ряд «заповедей» фискально-полицейского характера. В них император убеждал крестьян полностью уплачивать налоги, участвовать в системе круговой поруки (*баоцзя*), «подавлять воров и разбойников», не укрывать беглых и т.д. С этого времени все «беседчики» были переключены на пропаганду новых правил поведения, а система *сянъюэ* стала сближаться с *баоцзя*, работая на последнюю.

Цинская империя была вынуждена укреплять свои северные границы. Выход русских казаков, служилых людей и переселенцев в бассейн сред-

него течения Амура побудил правительство к созданию плацдарма для наступления на расширившиеся здесь владения Московского государства. В 1674 г. на р. Сунгари была основана крепость Гирин — рядом с построенными здесь военными верфями. Через два года сюда из Нингуты была переведена ставка нингутинского военачальника (*цзянцзюнь*). Роль передового форпоста империи Цин на севере перешла от Нингуты к г. Гирин. Между этими крепостями, с одной стороны, и русскими острогами и поселениями на Амуре — с другой, на многие сотни километров лежала лесистая, слабо заселенная «ничейная» территория. С севера она постепенно включалась в состав Московского государства, а на юге очень долго Нингутинский край и земли Гирина считались в Пекине «внешними территориями» и не включались в состав Цинской империи.

Обезлюдение цинских владений на Северо-Востоке резко осложнило задачу обороны и сохранения в неприкосновенности «священной родины» маньчжуров. Для защиты от переселения сюда монголов, корейцев и русских Сюань в 1678 г. приказал мукденскому *цзянцзюню* Аньчжуху обнести границы империи специальной укрепленной линией. На одних ее участках были построены каменная, на других — глинобитная стена, на третьих — частокол, на четвертых — два ряда ивовых тычин, а промежуток между ними засыпан землей. Вдоль всей оборонительной полосы пролегал глубокий ров, были сделаны 17 проходов, а у них обосновались гарнизоны.

Сооружение получило название Ивовый палисад (Любянь). Его строительство продолжалось до середины 80-х годов, а общая протяженность превысила 900 км. Ивовый палисад тянулся от Шаньхайгуаня на северо-восток, огибал Кайюань и шел на юго-восток до Фэнхуана на р. Ялу. Ивовый палисад служил как границей с Монголией и Кореей, так и прикрытием Цинской империи с севера. Во время войны с Московским государством в Приамурье в 1683 г. была построена крепость Айхунь на Амуре. Она стала ставкой хэйлунцзянского *цзянцзюня*. После заключения Нерчинского договора таковой стал сначала город Мэргэн (1690), а затем город Цицикар (1699). Началось постепенное освоение района Гириня. Основная же масса земель к северу от Ивового палисада либо принадлежала местным тунгусоязычным племенам со своими вождями и старшинами, либо оставалась незаселенной вообще, либо опустошенной недавними маньчжурскими набегами и уводом населения на цинскую территорию с последующим включением его в «знаменную» систему.

С окончанием войны *саньфань* и присоединением Тайваня Сюань особое внимание стал уделять войне с Московским государством в Приамурье. Маньчжурский двор всячески пытался натравить на русских ханов Халхи, в первую очередь Гушэту-хана Очироя и его брата Ундур-гэгэна, авторитетнейшего главу ламаистской церкви Монголии. Цины подбивали Гушэту-хана нанести удар в Забайкалье и вернуть власть над бурятами и другими народами, перешедшими в подданство русского царя. Однако

Тушэту-хан и Ундур-гэгэн не хотели рвать торговые связи с Московским государством и всячески лавировали. Тем не менее Тушэту-хан был вынужден в 1685 г. под давлением Пекина совершить демонстративные набеги на русские селения по р. Селенге, а в 1688 г. вести более значительные военные действия под Селенгинском. Потерпев здесь поражение, хан окончательно вышел из войны.

Разгромив «трех князей-данников», Сюанье резко активизировал военные действия против русских. В 1685 г. маньчжурская армия во главе с князем Пэнчуном после осады овладела Албазином, но вскоре казаки вновь заняли и отстроили крепость. В 1686 г. цинские войска опять атаковали Албазин, но после пятимесячной осады и больших потерь отступили, блокировав его со всех сторон. Русское правительство направило на Амур посольство Ф.Головина с предложением переговоров, и блокада Албазина была снята. В 1689 г. в Нерчинске Ф.Головиным был подписан договор под давлением большой цинской армии, окружившей город. По этому договору была определена граница России с Цинской империей в верхнем течении Амура, а в нижнем течении земли остались неразграниченными; крепость Албазин подлежала срытию, устанавливались мир и торговля между обоими государствами.

Из-за малочисленности русских войск в Приамурье правительство царицы Софьи вынуждено было отдать свой хлеботородный край и выйти из затяжной войны (1652–1687). Взамен Московское государство получило мир на своих слабозащищенных дальневосточных границах и возможность налаживать добрососедские отношения с Китаем. Албазин и Аргуньский острог разрушили сами русские. Нерчинский договор был навязан России силой оружия. Он передавал Цинской империи значительную территорию Албазинского воеводства и одноименного уезда, т.е. земли, которыми Московское царство владело в течение 50–60 лет. С установлением здесь общего участка границы к маньчжурам фактически отошла и значительная часть ранее нейтральной «ничейной» земли. Цинский рубеж далеко продвинулся на северо-запад, существенно перекрыв выход России к Тихому океану. Это был большой военный и дипломатический успех Сюанье, присоединившего к своей империи новые земли не только на юге, но и на севере. Однако на оставленной русскими территории Сюанье запретил кому бы то ни было селиться, и она превратилась в безлюдную буферную зону. После подписания Нерчинского договора в 1689 г. цинские императоры и сановники утратили всякий интерес к Северной Маньчжурии, а освоение этого дикого таежного края прекратилось до середины XIX в.

В этот период внимание маньчжуров было сосредоточено на ситуации в Халхе и Джунгарии. Цинские правители всеми силами стремились предотвратить возникновение на северо-западной границе империи единого монгольского государства. В нем они видели и будущую угрозу, и трудный объект для завоевания. Пекин натравливал одних ханов на других а когда те слабели во взаимной борьбе, стремился стать арбитром, подчи

няя себе и тех и других. Особо опасным для маньчжуров было укрепление Джунгарского (Ойратского) ханства как возможной основы объединения всех монголов. С 70-х годов XVII в. объединительная и явно антиманьчжурская политика джунгарских ханов — Эрдени-Батур-хунтайчи и Галдана — опиралась на растущую поддержку лидеров ламаистской церкви Тибета. Далай-лама и другие иерархи «желтой веры» мечтали о создании единого могущественного монголоязычного государства, основанного на ламаизме под эгидой Ахасы. Галдан получил от далай-ламы почетный титул Бошокту-хана (Благословенный хан).

Сюанье всячески противодействовал стремлению джунгарских ханов и верховных лам Тибета создать единое монгольское государство. Он умело поддерживал сепаратизм халхаских ханов и разжигал междоусобицу в Северной Монголии, выжидая удобный случай для ее присоединения к Цинской империи. Большую угрозу его планам представляли могущественное Джунгарское ханство и его правитель Галдан, в 1678 г. захвативший Кашгарию, усиливший свое влияние в Тибете и Халхе. В 1684 г. вспыхнули очередные распри среди халхаских ханов, во время которых был убит посол Галдана. В 1688 г. Галдан во главе отборной 30-тысячной конницы двинулся на Халху. После сражения у оз. Ологой несколько сот тысяч человек из трех аймаков, бросив скот и кибитки, бежали в Южную Монголию, т.е. на территорию Цинской империи. В этой халхаско-джунгарской войне 1687–1688 гг. Сюанье умело разыграл роль беспристрастного арбитра. Не выступив на стороне халхасцев, он позволил Галдану разгромить их, сделав неизбежным принятие ими подданства Цинской империи, тем более что самовластие ойратского хана пугало их больше, нежели маньчжурское господство. Сюанье получил великолепный предлог для покорения Халхи под видом ее защиты от Галдана.

Разгромленные Галданом ханы, князья и церковные иерархи Халхи в панике бежали под защиту Сюанье. Осенью 1688 г. халхаские феодалы во главе с Тушэту-ханом и авторитетным лидером ламаистской церкви Ундур-гэгэном приняли формальное подданство маньчжурского государства. Не желая столкновения с империей, Галдан предложил Сюанье мир на условиях выдачи ему или отправки в Ахасу Тушэту-хана и Ундур-гэгэна, а также установления китайско-джунгарских торговых отношений. Такие условия должны были укрепить Джунгарское ханство и мешали покорению Монголии маньчжурами. Сюанье предпочел войну миру. Это решение ускорило переход Северной Монголии под руку маньчжурского императора. В 1689 г. на своем съезде феодалы Халхи решили признать цинское господство. Решающую роль здесь сыграла позиция Ундур-гэгэна, взявшего курс на подчинение Пекину и поэтому осыпанный милостями богдохана. Сюанье выступил в Халху во главе большой армии. Силы Галдана были ослаблены захватом власти в Джунгарии его племянником Цэван Рабданом. Кроме того, маньчурам удалось дезинформировать Галдана, скрытно перебросить через Гоби свои превосходящие силы и навязать врагу генеральное сражение вместо опасной для них маневренной

войны. В сентябре 1690 г. в сражении при Улан-Бутуне Галдан потерпел поражение и, понеся огромные потери, отступил.

В 1691 г. в Долон-норе состоялся съезд ханов, джасаков и нойонов Халхи и Южной Монголии. Сюда во главе огромной армии прибыл и Сюань. На съезде было объявлено о включении всех трех аймаков Халхи в состав Цинской империи. В них вводилась маньчжурская система деления на «знамена» (*хошуны, ци*), аналогичная уже действовавшей в Южной Монголии. В итоге к 49 хошунам последней прибавилось 30 хошунов Халхи. Ханы сохранили свои титулы, но для джасаков, нойонов и других феодалов вводилась маньчжурская княжеская титулатура. Тем самым за маньчжурскими императорами закреплялось право давать уделы, титулы и привилегии монгольским ханам и остальным феодалам, а также лишать их всего этого. В зависимости от степени знатности за каждым князем с 1691 г. закреплялось определенное число семей аратов — крепостных (*хамджилга*). Аймаки Халхи стали «данниками» маньчжурской династии, усилившей контроль за ханами и князьями и всячески поощрявшей ламаистскую церковь.

После сражения при Улан-Бутуне в маньчжуро-ойратской войне наступило затишье. Обе стороны готовились к решающей схватке. Для участия в этой войне Сюань мобилизовал огромные силы — около 400 тыс. воинов и всю свою артиллерию, предложив Галдану подчиниться добровольно. Военные действия возобновились в 1696 г. Император во главе огромного войска подступил к Керулену, однако Галдан отошел, не приняв боя. Другая маньчжурская армия под командованием Фэйянгу в июне этого года перехватила Галдана близ Чамдо. В этом решающем сражении ойратская конница была разгромлена на берегах р. Толы в районе Урги. Потеряв несколько тысяч пленными, весь обоз и огромные стада, Галдан бежал и в 1697 г. покончил с собой. После этого вся территория от Алтая до Халхи также вошла в состав Цинской империи. Для ослабления власти монгольских ханов и князей Сюань раздробил их уделы. В 1697 г. число хошунов Халхи было соответственно увеличено с 30 до 55. Это усилило феодальную раздробленность Монголии под властью Цин. На последнем этапе маньчжуро-джунгарской войны в 1697 г. Цинской империи подчинился султанат Хами (Комул). Его правитель из династии Моголов, желая обезопасить себя от угрозы со стороны ходжей Кашгарии и ойратского господства, отдался под власть Сюань. Цинская империя присоединила к себе Китай и Монголию, став к концу XVII в. самым крупным государством в Азии.

Глава 3

«Эпоха Канси–Цяньлун». Переход от разрухи к стабилизации

К началу XVIII в. в Китае произошло дальнейшее упрочение маньчжурского господства во главе с богдоханом. Как и минские императоры, государь из династии Цин на пекинском престоле считался Сыном Неба, правившим Вселенной по воле Неба, т.е. священной особой. Его именовали по избранному им девизу правления, а его личное имя нельзя было упоминать. Император обладал высшей властью, но все наиболее важные военные и политические дела до 30-х годов XVIII в. он должен был обсуждать с маньчжурскими князьями и сановниками из высшей маньчжурской знати. Это были прямые потомки Нурхацы и Абахая или их близкая и дальняя родня, а также наиболее знатные военачальники. Они составляли Совет князей-регентов и сановников (Ичжэньван дачэнь хуэйи), или Государственный совет (Гои).

В известной мере это был правящий орган императорского клана и его ответвлений, отчасти ограничивавший самовластие богдохана. Китайцы в этот совет не допускались, но участвовали в работе Императорского секретариата (Нэйгэ) — чисто исполнительного органа во главе с четырьмя канцлерами, или государственными секретарями (*дасюэши*). Ниже Нэйгэ стояли унаследованные от периода Мин шесть ведомств (*любу*) — специализированные исполнительные органы. Это были Ведомства чиновничьего производства, финансов, церемоний, наказаний, общественных работ и военных дел. Формально здесь соблюдался принцип равного участия «знаменных» и китайцев. Однако ключевые посты, в том числе правителей канцелярий (*танчжюши*) этих ведомств, и реальная власть находились в руках маньчжуров.

Для сохранения господства последних и ограничения роли китайцев была введена система четырех видов вакансий. Чиновничьи должности в исполнительных органах центрального аппарата подразделялись на должности маньчжурских, монгольских, ханьцзюньских и китайских вакансий. Маньчжурам были тем самым обеспечены наиболее важные посты и разрешено замещать «китайские вакансии». Второстепенные места закреплялись за китайцами, лишеными к тому же права занимать «маньчжурские

Собственно Китай в XVIII веке

вакансии». Чтобы ослабить влияние «внезаменных» китайцев в госаппарате, «китайские вакансии» долгое время преднамеренно оставляли незанятыми — под предлогом финансовых трудностей и экономии средств. Наиболее явное господство маньчжуров над китайцами было установлено в сфере военных должностей. Львиная доля последних закреплялась за кандидатами на маньчжурские и отчасти на монгольские и ханьцзюньские вакансии. Китайцы из войск «зеленого знамени» принимались лишь на самые низшие должности, и то в небольшом числе. На высшем уровне местной администрации, т.е. императорских наместников и военных губернаторов, должности замещались, как правило, маньчжурами. Доказавшие свою преданность китайцы назначались военными губернаторами лишь в случае крайней необходимости, да и то больше к концу XVIII в. Финансы же находились в исключительном ведении маньчжурских чиновников.

Маньчжуры существенно изменили и верхнее звено административно-территориального управления, введя институты императорских наместников (*цзунду*) и военных губернаторов провинций (*сюньфу*). В период Мин наместники и военные губернаторы назначались эпизодически — тогда и там, где восстания выходили за обычные рамки и где грозило вторжение внешних сил. Цины сделали эти должности постоянными. В итоге над гражданским губернатором провинции (*бучжэши*) устанавливался двойной контроль, подкрепленный системой «знаменных» гарнизонов. Кроме новой постоянной административной единицы — наместничества (*ду*) вводилось еще одно — приставство (*тин*), нечто среднее между уездом и округом. При Фулине Цинская империя унаследовала от эпохи Мин деление собственно Китая на 15 провинций. В царствование Сюанье (1662–1722) Обоем была проведена административная реформа. В ходе ее каждая из трех наиболее крупных провинций — Цзяннань, Шэньси и Хугуан — оказалась разделенной надвое. На территории бывшей Цзяннани возникли две новые провинции — Цзянсу и Аньхуэй. «Большая» Шэньси была поделена на «малую» Шэньси и Ганьсу. Вместо пров. Хугуан образовались Хубэй и Хунань. Таким путем было создано шесть новых провинций, а общее число последних возросло до 18. Дробление «больших» провинций было проведено в целях усиления маньчжурского контроля из центра (Пекина) над периферией.

Укрепляя режим завоевания, маньчжуры учитывали не только слабые стороны административной системы Мин, но также собственные ошибки и полученные уроки. После разгрома армий трех «князей-данников» они отказались от минской практики создания уделов и назначения удельных князей. После разгона придворной клики евнухов в 1661 г. они перестали использовать евнухов в качестве влиятельных чиновников и сановников. Маньчжуры упразднили должность канцлера-секретаря Нэйгэ как главы администрации. Вместе с тем Цины отказались от некоторых прогрессивных элементов традиционной системы, увидев в них угрозу своему всевластию. Так, они урезали некоторую былую независимость чиновников,

осуществлявших контрольные функции (цензоры — *юйши*), от исполнительной власти. При Мин это давало им возможность самостоятельно докладывать императору о замеченных злоупотреблениях. При Цин местной бюрократии, а тем более населению было запрещено подавать жалобы императору. Круг функционеров, имевших на это право, был резко сужен. Тем самым принцип обратной связи оказался сведенным к минимуму. От низшего и среднего звена бюрократии требовалась лишь слепая покорность. Палата цензоров (Дучаюань) осуществляла контроль над деятельностью столичных, провинциальных, областных, окружных и уездных чиновников. Столичные и провинциальные цензоры пользовались правом докладывать императору о замеченных злоупотреблениях. Верховный суд (Далисы) занимался разбором кассационных дел.

Сам фактор завоевания и героическое сопротивление китайского народа сделали невозможным восстановление минской военной системы с ее массовостью, наследственной обязанностью службы в армии, рекрутскими наборами с податных дворов и миллионами обученных и вооруженных солдат. Все это было совершенно неприемлемо для господства малочисленной общности маньчжуров, «знаменных» монголов и ханьцзюней. Война трех «князей-данников» лишней раз продемонстрировала опасность наличия боеспособных китайских контингентов. Поэтому вместо единой военной организации в Цинской империи сложилась фрагментарная структура из четырех различных компонентов — «восьмизнаменные» корпуса, монгольская конница, на вербованные из китайцев войска «зеленого знамени» (*люйцибин*) и наемные части «храбрецов» (*юнбин*) из китайцев, набиравшиеся на время в случае острой необходимости, а затем распускавшиеся. Из состава 24 корпусов («знамен») как главной силы империи на территории Китая было расположено 72 «знаменных» гарнизона (*чжужан бацзи*) — всего около 100 тыс. человек — во всех стратегически важных пунктах и вдоль основных коммуникаций — Великого канала, рек Янцзы, Хуанхэ и Чжуцзян, а также в Маньчжурии. «Знаменные», как правило, жили в центральных частях городов, во «внутренних городах» — крепостях (*нэйчэн*), тогда как китайцы жили отдельно — во «внешних городах» (*вайчэн*). Другая половина «знаменных» войск (около 120 тыс.) располагалась в районе Пекина. Командиры и солдаты наделялись землей в зависимости от занимаемой должности и местных условий в качестве наследственного владения. «Знаменные» земли как казенная собственность были освобождены от податей, не могли продаваться и закладываться, а также сдаваться в аренду китайцам более чем на три года. В Маньчжурии и Чжили часть «знаменных» обрабатывала землю с помощью *чжуандинов*, *тоучунжэней* и рабов, а большинство сдавали свои участки в аренду. Многие гарнизонные «знаменные» получали в качестве жалования продовольствие и фураж.

Все «восьмизнаменные» — маньчжуры, «знаменные» монголы и ханьцзюни — были поставлены в положение высшего сословия профессио-

нальных воинов (*цзжэнь*). Занятие торговлей и ремеслом для них считалось позорным и было запрещено законом. Первое время — при Фулине — считалось зазорным даже изучение ими конфуцианских канонов и иной литературы для сдачи экзаменов на звание шэньши. Сословие завоевателей господствовало над четырьмя исконно китайскими сословиями — «ученых» (*шун*), земледельцев (*нун*), ремесленников (*гун*) и торговцев (*шан*), не говоря уже о внесословном «подлом люде» (*цзяньминь*). Уступая завоеванным по численности в XVII в. в десятки, а в XVIII в. в сотни раз, завоеватели крайне боялись раствориться в их массе. Чтобы маньчжуры не ассимилировались с китайцами, были запрещены смешанные браки.

Первое время никто из маньчжуров не мог взять китайянку даже в гарем. Сохраняя обособленное и привилегированное положение «восьмизнаменных», династия Цин превратила их не только в высшее сословие, но и в закрытую касту. После завоевания Китая ни один китаец ни за какие заслуги или деньги не мог проникнуть в «восьмизнаменную» касту-сословие. Значительная часть последней сохраняла черты особой этнической и конфессиональной общности — тунгусо-маньчжурской — со стойкими традициями шаманизма.

«Зеленознаменные» китайские войска состояли из трех родов: боевой пехоты, охранной пехоты и конницы. Крайне небольшая часть их несла охрану «пяти частей» (*учэн*) Пекина, а остальная располагалась в провинциях. После окончательного завоевания Китая строго сохранялось децентрализованное подчинение «зеленознаменных» по пяти и более штабам — наместника, военного губернатора, *тиду*, командующего маньчжурским гарнизоном и специальных командиров (морских и речных отрядов). Войска «зеленого знамени» являлись провинциальными или территориальными соединениями и вербовались из «благонадежных» китайцев данной провинции. Формально они подчинялись наместникам и военным губернаторам, а фактически находились под контролем командующих местных «знаменных» гарнизонов. Поначалу офицеры войск «зеленого знамени» назначались поровну из маньчжуров и китайцев. Затем доля последних стала расти. «Зеленознаменные» по численности втрое превосходили «восьмизнаменные» войска. Однако вооружение и выучка первых намного отставала от первоначальной боеспособности вторых. Денежное и натуральное довольствие «зеленознаменного» солдата было втрое меньше «восьмизнаменного». У солдат и офицеров китайцев было мало шансов сделать хорошую карьеру. Помимо жесткого контроля маньчжуры старались посеять рознь между ними, разрешая китайским офицерам урезать жалованье своих солдат для содержания личной охраны. Маньчжуры сознательно не стремились к повышению боеспособности китайских частей. Наряду с частями наемников *юнбин* для подавления восстаний использовалось сельское ополчение (*сяньюн*), организовывавшееся местными шэньши и землевладельцами. По завершении операций части *сяньюн* распускались по деревням, а основная масса *юнбин* за ненадобностью демобилизовывалась.

Период Канси

Годы царствования Сюаньэ (1661–1722), и особенно время его самостоятельного правления, т.е. сама «эпоха Канси» (1679–1722), отмечены дальнейшей стабилизацией государственной власти и постепенным восстановлением экономики. Уровень разрухи снижался за счет привлечения беженцев на брошенные земли, подъема залежи и ограничения налогового бремени. Восстановление сельского хозяйства происходило медленно, особенно в Сычуани, где основная масса земель лежала невозделанной, а населения осталось мало. Выход из разрухи тормозился стихийными бедствиями и голодом в провинциях Шаньдун и Хэнань. Из-за неурожая и дороговизны жители провинций Хунань, Хубэй, Цзянси и Гуандун переселялись в опустевшую Сычуань. С завершением завоевания и начавшимся восстановлением производства Сюаньэ с начала XVIII в. стал постепенно отменять сделанные ранее налоговые послабления.

Поземельный (*дишуй*) и подушный налоги (*диншуй*) оставались обременительными для крестьян, хотя и не так, как при Мин. Росло число дополнительных, или «смешанных налогов» (*цзацзюань*). В восьми провинциях был введен натуральный налог (*цаолян*) для снабжения «восьмизнаменных» войск на севере Чжили. Это налоговое зерно доставлялось в Пекин по Великому каналу, а для покрытия расходов по его перевозке был введен дополнительный денежный сбор (*цаосян*). При взимании денежных налогов серебром вводились весьма ощутимые надбавки «на лигатуру» (*хохао*), «на стандартизацию» слитков серебра (*пинъюй*) и др. Зачастую сумма этих поборов и надбавок равнялась ставкам основных налогов — поземельного, подушного и натурального — и даже превышала их.

С целью унифицировать и упростить фискальную систему Сюаньэ в 1712 г. провел налоговую реформу. Ей предшествовал тщательный учет населения и пахотных земель. В 1712 г. была отменена практика увеличения подушного налога (*диншуй*) по мере прироста населения, а при императоре Иньчжэне в 1724 г. он был слит с поземельным (*дишуй*). В едином подушно-поземельном налоге (*дидин*) прежний *диншуй* превратился в денежную надбавку к каждому лян серебра, взимавшегося в счет *дишуй*. Поземельные крестьяне освобождались от подушного налога, а полуарендаторы платили его только со своей земли. Начатая в одной-двух провинциях, налоговая реформа постепенно вводилась и в других. После смерти Сюаньэ она была продолжена императорами Иньчжэнем и Хунли. Повсеместное утверждение новой системы завершилось лишь к концу XVIII в., сопровождаясь дальнейшим переходом от натуральной (зерно) к денежной форме (ляновое серебро, медная монета) подушно-поземельного налога. Во время реформы ставки налогов и уровень обложения на 1712 г. были объявлены постоянными и неизменными. Реформа Сюаньэ–Иньчжэня облегчила положение безземельных крестьян-арендаторов. Она увеличила доходы помещиков, дав им возможность повысить арендную плату за счет

отмены подушного налога с держателей земель. Реформа 1712–1724 гг. улучшила положение неземледельческого населения деревни и сельских пауперов, постоянно или временно занятых в сфере промыслов, отходничества, разносной и мелочной торговли, транспорта и др. Все это способствовало дальнейшему восстановлению деревенской экономики и ускорило ее выход из затяжной разрухи в середине XVIII в.

Ненависть населения заставляла завоевателей держать ханьский этнос под жесткой системой контроля. Так, боясь тайного изготовления оружия и медной монеты, маньчжуры лимитировали добычу руды и выплавку металла. Сначала разработка рудников была вообще запрещена, но с конца XVII в. власти разрешили восстанавливать старые, заброшенные в годы войны рудники, но под строгим контролем чиновников. Причем больше половины добытого изымалось в счет налога и принудительных закупок казны по низким ценам. Чтобы ослабить ненависть китайцев к чужеземцам, Сюанье покончил с практикой произвольных захватов земли, домов и имущества «знаменными», отменив закон об «отчуждении», или «окружении» (*цюаньди*).

Чтобы укрепить союз маньчжуров с китайской верхушкой, Сюанье всячески привлекал ее на свою сторону: были разработаны обширные культурные программы, расширено участие китайских шэньши и землевладельцев в гражданской администрации. Постепенное укрепление последней несколько снижало роль «знаменного» военного механизма, лидировавшего в период завоевания. В то же время Сюанье стремился не допустить чрезмерного усиления власти в руках влиятельных китайских аристократических родов и богатых кланов — на местах и в центральном аппарате. С этой целью в 1700 г. были установлены строгие квоты на получение ученой степени *цзюйжэнь*, открывавшей дорогу к чиновным рангам и административным должностям.

Стремясь предотвратить оппозиционные настроения среди шэньши и интеллигенции, Сюанье организовал подготовку многотомных энциклопедий, антологий, словарей и других изданий, выделяя на эти цели большие средства из казны. По его указанию переиздавались произведения древней и средневековой китайской литературы. Во всем этом было занято множество ученых — историков, литературоведов, филологов, писателей, каллиграфов, художников и граверов, которые получали хорошо оплачиваемую работу, выгодные литературные и редакторские заказы. Сотни ученых были заняты составлением «Полного собрания книг старых и новых времен» («Гуцзинь тушу цзичэнь»), словаря «Канси цзыдянь», «Собрания сочинений дотанской исторической литературы» («Юньцзянь лэйхань»), рифмического словаря «Пэйвэнь юньфу» и других изданий.

Сбор и упорядочение культурного наследия прошлого были использованы Сюанье в политических целях. В ходе этой работы укреплялись позиции неоконфуцианства — школы Чжу Си как средства унификации идеологии. Всячески изгонялись самостоятельность мышления, творческий

подход и тяга к актуальным проблемам. Вместо этого насаждалось бездумное компиляторство, абстрактное мудрствование и всемерное подражание древности. Тем самым воспитывались безвольные исполнители, бездумные верноподданные и конфуцианские конформисты, столь необходимые цинской династии.

Сюанье использовал организацию широких литературных работ для проведения селекции, цензуры и карательных мер. Из публикуемых произведений вычеркивались все крамольные места: вольнолюбивые мысли, неудобные факты и явные намеки, направленные против маньчжуров и других иноземных завоевателей Китая, на укрепление национального самосознания китайцев. Само по себе полезное собирание редких памятников китайской культуры, их издание и комментирование сопровождалось ревизией исторического наследия — исправлением, сокращением или уничтожением неудобных текстов. Специальные комиссии и коллегии осуществляли цензурирование и фальсификацию произведений, к чему приложил руку и сам император. Тем самым Сюанье заложил основу «литературной инквизиции» (*вэньцзы юй*), достигшей своего апогея в период Цяньлун (1736–1795). С теми же учеными, кто не покорился маньчжурам, Сюанье был беспощаден. В 1711 г. был брошен в тюрьму Дай Минши, включивший в свой труд описание антиманьчжурской борьбы. Ученый был четвертован, члены его семьи и друзья — более 100 человек — казнены.

Особое внимание Сюанье уделял вопросам идеологии. Он всемерно укреплял позиции неоконфуцианства, в полном объеме восстановил экзаменационную систему и сеть конфуцианских учебных заведений, всячески привлекая ко двору авторитетных конфуцианских ученых. Даже маньчжурская знать была вынуждена давать своим детям конфуцианское образование. Сюанье проводил курс на сотрудничество с китайской чиновно-шэньшиской элитой, расширяя ее участие в аппарате управления и укрепляя тем самым Цинскую империю как централизованное государство. Среди различных направлений конфуцианства выбор завоевателей пал на консервативное неоконфуцианство (*лисюэ*) эпохи Сун, причем не на школу братьев Чэн Хао и Чэн И, а на наиболее идеалистическое и реакционное направление Чжу Си и его последователей. Цинов привлекало то, что чжусианство основной упор делало на жесткую регламентацию взаимоотношений людей в обществе и закрепление их обязанностей, т.е. на сохранение и укрепление порядка. Сюанье объявил Чжу Си одним из «десяти мудрецов», особо почитаемым, а его труды — образцом для подражания. Канонизация Чжу Си сделала чжусианство официальной интерпретацией конфуцианских доктрин, превратило его в ортодоксальную школу и государственную догму. В 1712 г. Сюанье особым указом присвоил Чжу Си посмертный титул — «выдающийся гений».

При всем том Сюанье проявлял известную веротерпимость. Пользуясь его расположением, иезуиты в 1692 г. добились указа, разрешавшего об-

ращать китайцев в христианство. Однако, склонные к религиозному синкретизму, китайцы-неофиты сочетали культы Христа и Конфуция с поклонением предкам. Миссионеры и Ватикан стали оказывать на Сюаньэ давление, в 1705 и 1720 гг. потребовав от него запретить новообращенным сохранять китайские верования. Сюаньэ отклонил это вмешательство во внутренние дела империи, а встретив сопротивление, принял жесткие меры. Один из папских легатов умер в тюрьме, другой был выслан. Тем не менее проповедь христианства не была запрещена.

Первое время после завоевания Китая цинское правительство в благодарность за оказанную помощь со стороны европейцев относилось к ним довольно благожелательно. В Пекине и других городах миссионеры, в основном иезуиты и францисканцы, занимались проповедью христианства и открывали свои церкви. При дворе католические миссионеры выступали в роли советников и переводчиков, преподавали «заморские науки» самому Сюаньэ. Купцы из Португалии, Голландии, Англии и Франции вели торговлю на побережье Китая и создавали там свои фактории: англичане — в Гуанчжоу, французы — в Нинбо, а португальцы — в Макао. Активно действовали Ост-Индские компании Англии и Голландии, направлявшие в Пекин свои миссии. Приезжали португальские посольства и специальный представитель Людовика XIV. Тем не менее Пекин избегал установления постоянных дипломатических отношений с Западом.

Дело в том, что, следуя китайской политической традиции, в Пекине рассматривали европейские страны как «варваров» и «данников» императора. «Варвары» и «данники» как с Запада, так и с других сторон света не имели права постоянно жить и держать в столице Поднебесной свои представительства. Им разрешалось лишь в установленные сроки или время от времени приезжать в Пекин с «данью» и изъявлением покорности. Тем самым дипломатические отношения европейского типа оказались неприемлемы для Цинской империи.

Что касается специфических «даннических» отношений, то ими в Пекине ведали два специальных учреждения. Ведомство церемоний (Либу) осуществляло внешние отношения со «странами-данниками» Цинской империи, находившимися на юге и востоке от нее, — Вьетнамом (Аннам), Сиамом, Бирмой (Мьянма), Непалом, Кореей и Люцю, а также с Японией. Помимо этого в ведении Либу находились и связи с «заморскими варварами», т.е. с европейскими странами. Сношениями со странами и землями, лежавшими к северу и западу от империи, т.е. с Халхой, Цинхаем, Джунгарией, Кашгарией и Тибетом, ведала Палата по делам «даннических территорий» (Лифаньюань). Лифаньюань продолжала заниматься делами этих стран и после их завоевания маньчжурами. Данное ведомство осуществляло сношение с Россией, в том числе вело переписку с сенатом в Петербурге.

Вся внешняя торговля Китая находилась в руках специально назначенных правительством или за большие деньги получивших это право купцов-

откупщиков, или «казенных торговцев» (*гуаньшан*). Стремясь максимально сузить и всемерно контролировать торговлю с иностранцами, Сюанье в 1720 г. приказал гуандунским *гуаньшан* объединиться в полуказенную, получающую гильдию «Гунхан» («Кохонг»). Ее члены получили монопольное право торговли с «заморскими варварами»: корпорация осуществляла контроль над ними и сбор таможенных пошлин. Сама «Гунхан» находилась под строгим надзором наместника Ляnguана (провинции Гуандун и Гуанси), военного губернатора и таможенного начальника Гуандуна. Торговцы, не входившие в эту гильдию, не могли напрямую торговать с иностранцами. Им приходилось продавать свои товары членам «Гунхан», подвергаясь тяжелым внутренним поборам, вымогательству и произволу со стороны членов гильдии и чиновников. Аналогичная корпорация для торговли с Японией была создана в 1728 г. в пров. Чжэцзян.

Тем самым подготавливалась политика изоляции. Она складывалась постепенно, в течение нескольких десятилетий указами богдоханов. В 1649 г. их подданным было запрещено торговать вне границ империи, т.е. на чужой территории; в 1716 г. — с иностранцами медью и цинком, а в 1733 г. — железом; в 1732 г. вывозить железные котлы, а в 1759 г. — шелковые ткани, причем указ о запрете вывозить шелк в дальнейшем многократно повторялся.

Экономические связи с соседними странами были жестко лимитированы. Сухопутную торговлю с Россией монополизировали торгово-ростовщические компании кушцов и банкиров из Шэньси, связанные с соляной монополией и финансированием верхов цинского общества, в том числе маньчжурской аристократии. Была разрешена весьма ограниченная торговля с Кореей, особенно пограничный, безденежный обмен товарами.

Япония, также объявившая себя «закрытой страной», в конце XVII в. разрешила ежегодно 80 китайским судам заходить для торговли в Нагасаки, но в 1715 г. это число было сокращено до 30, а к началу XIX в. торговля почти прекратилась. Японо-китайская торговля строго контролировалась цинскими властями и жестко регламентировалась с японской стороны правительством сёгунов Токугава. Судостроение, в первую очередь морское, находилось под особым контролем маньчжурской бюрократии. Под страхом смертной казни запрещалось строить большие суда, способные уходить далеко от берега — в открытое море.

Даже для выхода в каботажный рейс судовладелец должен был не только получить разрешение местных властей, но и представить поручительство десяти своих коллег — владельцев судов для прибрежного плавания. Лишив китайское купечество внешнеторговой активности, цинский режим низвел его роль до уровня посредника между местным производством или потребительским рынком, с одной стороны, и западными коммерсантами — с другой. Это служило прежде всего интересам первоначального накопления капитала в Европе и Америке.

Всемерно укрепляя Цинскую империю, Сюанье придавал особое значение присоединенной в 1691 г. Северной Монголии. Здесь он проводил двойственную политику, стремясь одновременно ослабить и привязать к себе монгольских феодалов. С самостоятельностью сохранившихся ханств и княжеств было покончено, равно как и с вассальной зависимостью их друг от друга. Все они непосредственно подчинялись маньчжурскому богдохану. Отныне только он награждал и наказывал ханов и князей, число которых быстро росло при постоянном измельчании княжеств. На всю Халху была распространена «знаменная» военно-административная система, сковавшая ханства и княжества. «Знамена» (хошуны) возглавлялись князьями, которым выдавалось жалованье. В дополнение к трем ранее существовавшим аймакам был образован еще один. С включением Халхи в Цинскую империю Сюанье начал политику маньчжуризации этого региона. Все мужчины-монголы обязаны были носить косу. За уклонение от этого закона следовало суровое наказание. Согласно указу 1719 г., для официального делопроизводства использовался маньчжурский язык. Для халхаских ханов и князей была введена маньчжурская титулатура (*цинъван, цзюньван, бэйлэ, бэйцзы, гун*). Традиционные дружины князей из числа крепостных заменялись «знаменной» системой, близкой к маньчжурской. Вводилось бюрократическое управление военно-административными единицами (сомон, дзалан, хошун, аймак). Войска всех аймаков были подчинены главнокомандующему, назначавшемуся из Пекина. Халхаская конница отныне была призвана стать в первую очередь орудием богдохана. Сюанье фактически ввел в Халхе всеобщую воинскую повинность. Все мужчины в возрасте от 18 до 60 лет считались военнообязанными. По первому требованию они должны были верхом с оружием и снаряжением выступить в поход. В мирное время араты обязывались выполнять другие повинности — охранять русско-монгольскую границу, содержать сеть ямских станций и обеспечивать проезд и прокорм чиновников, курьеров и маньчжурских войск.

Эта централизованная военно-административная система, находившаяся в руках цинского императора, породила служилую бюрократию, чья численность все время росла и тяжелым бременем ложилась на плечи трудового аратства. Оно с трудом сводило концы с концами. Огромную роль в Монголии играла ламаистская церковь со множеством храмов, монастырей и лам. Эта могущественная централизованная организация во главе с богдо-гэгэном пользовалась исключительным влиянием во всех слоях общества. Поначалу Сюанье, а затем и его преемник Иньчжэнь оказывали ламаистским иерархам особое внимание, почет, поддержку и покровительство. Императоры строили в Халхе за счет казны новые монастыри и храмы, укрепляя позиции церкви среди ханов и князей, повышая авторитет духовенства среди аратов. Считалось, что все это идет на пользу маньчжурскому режиму. Цинские власти проводили политику полной изоляции Халхи от окружающего мира.

Маньчжурские законы запрещали любые связи между монгольскими князьями и российскими властями, между аратами Халхи и русскими купцами. Монголия изолировалась не только от России, но и от Китая. Китайцам не разрешалось селиться в Халхе, а допускаемые сюда китайские торговцы находились под строгим контролем. Смешанные браки запрещались. За нарушение всех этих законов полагалась жестокая кара.

Сюаньэ ставил своей целью разгром Джунгарского ханства и покорение Тибета. Политическая обстановка в этих странах облегчала реализацию политики Пекина. В 1705–1710 гг. в Тибете разгорелась вооруженная борьба за власть между хошоутским правителем Ахабзан-ханом и тибетским регентом Санджэ-джамцо (Санчжай Чжамцо). Пытаясь установить свое влияние в Тибете, Сюаньэ поддержал хошоутов. В Пекине хорошо понимали, что цинское господство в Монголии не может быть прочным без его религиозной поддержки из Ахасы, без благожелательного для маньчжуров воздействия далай-лам на ламаистскую церковь Монголии. Тем не менее на данном этапе Сюаньэ стремился ослабить правителей Ахасы руками хошоутов для последующего подчинения и тех и других.

В Джунгарии после смерти Галдана ойратским ханом стал его племянник Цэван Рабдан. Он вновь объединил все четыре ойратских аймака, восстановив распавшееся было Джунгарское ханство. Будучи сторонником независимости, новый хан отклонил неоднократные предложения Сюаньэ стать «данником» богдохана. Обе стороны активно готовились к новой схватке. Цэван Рабдан потребовал от Сюаньэ вернуть захваченные им у Галдана земли к востоку и северу от Алтая. В Пекине отвергли это требование. Со своей стороны, император настаивал на предоставлении самостоятельности каждому из четырех княжеств-аймаков. Это значило фактически взорвать изнутри единство Ойратского государства и предельно ослабить центральную власть хана на фоне феодальной раздробленности. Естественный отказ Цэван Рабдана ускорил схватку. В 1715 г. началась вторая война между Цинской империей и Джунгарским ханством.

Цэван Рабдан силами своего вассала Цэрэн Дондуба-старшего в 1717 г. захватил Тибет. Воспользовавшись этим, Сюаньэ в 1720 г. направил в Ахасу две колонны войск — из Сычуани и Цинхая — под командованием Гэрби и Янь Синя, конницу халхаских князей, а также поднял против ойратов тибетское ополчение из районов нынешнего Сикана. Потерпев поражение, ойраты ушли из Тибета, что усилило влияние Цинской империи в Центральной Азии. Таким образом, в 1720 г. состоялся первый поход цинских войск в Тибет. После разгрома и изгнания ойратов маньчжуры оставили в Ахасе двухтысячный монгольский гарнизон. Тибетское правительство и новый далай-лама до 1723 г. оказались под контролем его коменданта. Управление Восточным Тибетом было поручено проманьчжурски настроенному министру (*калон*) Канцзинаю (Канченнас), а Западным Тибетом — наследственному аристократу Полханасу (Полонай). В 1723–1727 гг. цинские войска были выведены из столицы Тибета, однако силь-

ное влияние Цинской империи здесь сохранилось. Воспользовавшись скованностью ойратских войск, их неудачными операциями в Тибете и Казахстане, Сюань в 1720 г. захватил султанат Турфан — важнейший оазис на подступах к центральным районам Джунгарии. Сохранив здесь власть прежней могольской династии, цинская дипломатия тем самым приблизила переход на свою сторону мусульманских феодалов (*беки*) Кашгарии. Вместе с тем создавался важнейший плацдарм для завоевания всего этого региона. Вторая джунгаро-китайская война велась с переменным успехом, не давая явного перевеса ни ханству, ни империи.

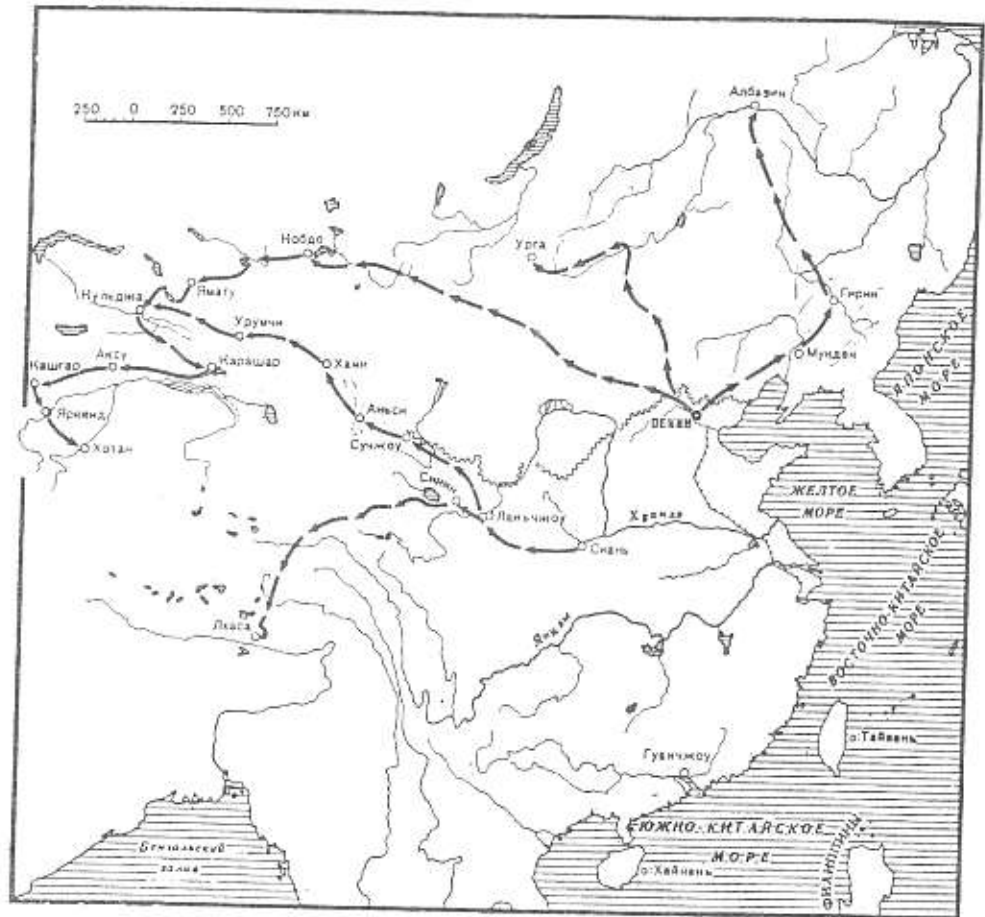
Последняя всемерно задействовала людские и материальные ресурсы Халхи. От ее ханств и княжеств Сюань требовал все новых континентов конницы. На аратов легли тяжелые поборы и повинности — у них забирали скот, продовольствие, повозки и юрты. Начались волнения аратов и их откочевка в Россию. В 1722 г. восстало население союзного маньчжуром княжества в Кукуноре (Цинхай).

В этой напряженной военно-политической обстановке на северо-западных границах империи Сюань стремился поддерживать мирные и торговые отношения с Россией. Со своей стороны, Петр I неоднократно посылал в Китай своих представителей. В 1715 г. было положено начало деятельности Российской духовной миссии в Пекине, занимавшейся помимо всего прочего изучением китайского и иных языков.

Важным направлением внутренней политики Сюань, а затем и его преемников стало реальное покорение неханьских народностей Юго-Западного Китая. Укрепляя маньчжурское господство в китайских провинциях, цинские власти создавали здесь плацдарм для наступления на «дикарей» и «варваров» этого региона. Сюань начал длительную кампанию, направленную на фактическое включение этих народов в общеимперскую систему бюрократического контроля и налоговой эксплуатации, т.е. превращение «данников» в обыкновенных подданных. В 1704 г. по приказу Сюань в районах национальных меньшинств провинций Хунань, Гуйчжоу, Юньнань и Гуанси вместо традиционных *тусы* — наследственных чиновников из местных старшин, князьков и племенных предводителей — стала вводиться общекайтайская чиновная система управления. С этого времени началось планомерное наступление на доходы, земли и независимость местных народностей, вылившееся в своего рода второе маньчжурское завоевание этих территорий. В районах, населенных *мяо*, *ло*, *тун* и другими народностями, уже в начале XVIII в. была частично ликвидирована система правления посредством *тусы*, т.е. племенных предводителей.

К концу правления Сюань в собственно ханьских провинциях после почти трех с половиной десятилетий (1683–1718) внутреннего покоя и гражданского мира появились первые сигналы приближавшейся полосы народных волнений. В 1718 г. секта «Байлянь цзяо» подняла восстание в Хунани, а один из ее членов, по фамилии Юань, объявил себя потомком династии Мин. Повстанцы были разгромлены, а на последователей «Бело-

Завоевательные походы маньчжуров в конце XVII в. и в XVIII в.

го лотоса» обрушены репрессии. Начались волнения на Тайване. Незаконные поборы, безжалостное выколачивание налогов и массовые аресты привели к восстанию 1721 г., начавшемуся недалеко от главного города острова — Тайваньфу. Повстанцев возглавил выходец из крестьянской семьи Чжу Игуй. Его считали потомком династии Мин и поэтому провозгласили главнокомандующим (*даюаньшуй*). Вместе со своими помощниками Хуан Дянем, Ли Юном и У Ваем он организовал повстанцев и нанес ряд поражений цинским войскам. Население южной части острова во главе с Ду Цзюньином поддержало северян.

Оба лидера объединили свои отряды в армию, насчитывавшую несколько десятков тысяч бойцов. Она наголову разгромила цинские войска и с боем овладела г. Тайваньфу. После этого весь остров перешел под власть восставших. Цинские чиновники, офицеры и солдаты в панике бежали на материк. Чжу Игуй принял титул правителя (ван) с девизом правления Юнхэ и восстановил ряд минских атрибутов власти. Вскоре между Чжу Игуем и Ду Цзюньином вспыхнула вражда. Единая армия распалась на две части, и между ними начались вооруженные столкновения. Маньчжуры всячески подогревали эту междоусобицу. Тем временем в пров. Фуцзянь была спешно создана огромная карательная армия под началом Мань Бао и Ши Шибяо. Высадившись на острове, она разбила отряды Чжу Игуя и Ду Цзюньина поодиночке. Сами вожди попали в плен и кончили жизнь на плахе. Каратели жестоко расправились с повстанцами, но их отдельные группы, уйдя в горы, упорно сопротивлялись. Для предотвращения новых волнений маньчжуры значительно усилили местные гарнизоны. Тайваньское восстание знаменовало собой конец мирного периода маньчжурского господства — конец молчания и безропотного повиновения ханьцев «северным варварам».

Период Юнчжэн

В конце 1722 г. на шестьдесят восьмом году жизни умер Сюаньбэ. Вопреки всем ожиданиям императорского клана и к крайнему удивлению многочисленных сыновей императора, наследником был объявлен Иньчжэнь (1678–1735). Этот сорокатрехлетний четвертый сын покойного был открыто ненавидим отцом. Противодействие родни новый богдохан немедленно парировал применением силы и на тринадцать лет (1722–1735) стал фактически самовластным правителем империи. Он царствовал под девизом Юнчжэн и так же, как Сюаньбэ, лично управлял всеми делами государства, отличаясь усидчивостью и трудолюбием. Правя страной самовластно, он всячески обходил Совет князей-регентов и сановников. Это, в свою очередь, обусловило напряженность в его отношениях с маньчжурскими князьями императорской крови и всем родом Айсинь Гиоро.

Иньчжэнь унаследовал от Сюаньбэ централизованную империю, сильную армию, отлаженный бюрократический аппарат, возрождающуюся

экономику, полную казну с накоплениями свыше 50 млн. лянгов, относительное спокойствие внутри страны, окрепший союз завоевателей с китайскими шэньши и помещиками, а также затянувшуюся вторую войну с Джунгарским ханством. Тем не менее на фоне, казалось бы, полного благополучия в фундаменте Цинской империи обнаружилась весьма опасная трещина. В начале XVIII в. в среде низших и средних слоев «знаменного» сословия наметился процесс разложения, маньчжурские солдаты все чаще забрасывали занятие земледелием и вели паразитический образ жизни, пробавляясь жалованьем и подачками казны. Рядовые и младшие офицеры все более оказывались в долговой кабале у крупных землевладельцев, купцов и ростовщиков. В руки последних переходили земли таких «знаменных» (*циди*), отданные сначала в залог, а затем и в погашение долга. Поскольку практика «окружения», или «отчуждения», китайских земель была отменена Сюанье, обезземеливание *цижэней* стало устойчивой тенденцией. Чтобы остановить разорение военного сословия, правительство Иньчжэня с 1729 г. пошло на выкуп проданных и заложенных *циди* за счет казны с последующей перепродажей их прежним владельцам. Однако мало кто из них смог или захотел воспользоваться такой возможностью.

Чтобы еще более укрепить маньчжурскую власть и унифицировать подданных империи, Иньчжэнь пытался уравнять в правах две юридические категории населения — «добропорядочный народ» (*лянминь*), т.е. «четыре сословия» (*сыминь*), и часть «подлого люда» (*цзяньминь*), относящуюся к категории «низких профессий» (*цзяньши*). Это были актеры, цирюльники, проститутки, низшие служители присутственных мест, а также малочисленные социальные группы «отверженных» (*даньху*, *пэнминь*, *юэху* и др.). Указом 1723 г. им разрешалось жить вместе с «добропорядочным народом», родниться с ним через браки и участвовать в экзаменах на звание шэньши. Тем не менее этот указ не дал ожидаемых результатов, и дискриминация *цзяньши* сохранилась.

Иньчжэнь, как и Сюанье, придавал большое значение духовному порабощению китайцев, делая упор на «промывание мозгов» (*сисинь*) и «чистку мыслей» (*тилю*). Особое внимание он уделял системе «сельских собеседований» (*сяньюэ*), которую всячески укреплял. К ответственным за проведение *сяньюэ* были приставлены три-четыре помощника, ежемесячно сменявших друг друга. Все сельские и городские жители каждые две недели были обязаны являться в свою группу на «собеседование», что строго контролировалось властями. В 1724 г. Иньчжэнь издал пространные указы, чтобы укрепить и расширить роль «священного указа» Сюанье 1670 г., направленного против инакомыслящих. В 1725–1729 гг. один за другим последовали три судебных процесса над учеными и литераторами. Наиболее кровавым было «дело» уже умершего литературоведа и медика Люй Люяна, в чьих трудах нашли антиманьчжурские высказывания. Его труп был вырыт из могилы и разрублен на части, а ученики и члены его

семьи казнены. Для слежки за чиновниками, шэньши и простолюдинами была создана разветвленная сеть тайных агентов *тици* («всадники в красном»). В правление Иньчжэня во всех концах Китая имелись отделения этой секретной организации.

Стремясь усилить влияние конфуцианства в качестве идеологической основы маньчжурского владычества, Иньчжэнь перешел к борьбе с христианством. В нем конфуцианская бюрократия видела разновидность идопоклонства, еретическое, мятежное учение, не признающее священный характер императорской власти в Китае, и угрозу китайской цивилизации. Начались аресты католических миссионеров, им была запрещена проповедь, а в 1724 г. последовало их изгнание из Китая. Это был один из важных актов политики дальнейшей изоляции страны от внешнего мира. В правление Иньчжэня и Хунли (1736–1795) католическое христианство императорскими указами было полностью и окончательно запрещено, а число его последователей быстро сокращалось. Всего при Иньчжэне было закрыто более 300 христианских церквей, а большая часть миссионеров изгнана из Китая.

По мере дальнейшего выхода страны из послевоенной разрухи и укрепления маньчжурского режима Иньчжэнь активизировал начатую еще при Сюанье политику полного подчинения некитайских народностей бюрократическому аппарату империи. Иньчжэнь проводил политику «замены *тусы* на чиновников, назначаемых из столицы» (*гайту гуйлю*). *Тусы* переводились на положение обычных цинских бюрократов или просто заменялись ими. С 1726 по 1731 г. должности *тусы* были отменены в Юньнани, Гуйчжоу и Гуанси, а во второй половине XVIII в. и в северо-западных районах Сычуани. 20–30-е годы стали временем усиленного наступления цинского режима на позиции национальных меньшинств Юго-Западного Китая. Замена косвенного управления (*тусы*) прямым (*люгуань*), захват земель аборигенов чиновниками, помещиками и особенно китайскими переселенцами, введение разорительных налогов и чиновничий произвол поставили коренное население — *мяо, чжуан, яо, тун, ли* и др. — в крайне тяжелое положение. При помощи своих вооруженных дружин китайские помещики и ростовщики насильственно скупали их земли, отбирали их силой, закабаля местное население. Последнее стало подвергаться насильственной китаизации и маньчжуризации — ношение китайской одежды и косы, замена местного судопроизводства цинским. Бесправие, произвольно завышаемые налоги, насилие со стороны властей и переселенцев резко обострили социальный и национальный гнет. Он усиливался с введением здесь системы *баоцзя* и проведением переписи. Угнетенные неханьские народности нищали и копили ненависть к угнетателям. Интенсивное наступление цинского режима на некитайские народности в 20–30-х годах XVIII в. осуществлялось в русле традиционной доктрины «поедания тутового листа шелкопрядом червем» (*цаньши*). Быстрое и насильственное расширение тотального цинского господства в Хунани, Гуанси, Гуйчжоу,

Юньнани и Сычуани явилось своего рода «вторым маньчжурским завоеванием» неханьских территорий Юго-Запада, вполне сравнимым по своим масштабам с подчинением Халхи. В районах, населенных мяо и другими народностями, цинские чиновники вели себя как завоеватели. Под давлением угроз и репрессий многие *тусы* перешли на положение обычных местных чиновников.

При Сюаньбе были начаты и в годы правления Иньчжэня завершены очередные меры по укреплению северных рубежей Цинской империи. В связи с постепенным заселением земель к северу от Ивового палисада в 1726 г. была образована новая провинция — Гирин. Для защиты этих земель со стороны монгольских кочевий в начале XVIII в. была создана новая укрепленная линия, шедшая от района Кайюань на север. Эта «вторая очередь» Ивового палисада протянулась на 350 км и получила название «Граница ивовых тычин» (Лютюбянь), так как создавалась из двух рядов, а пространство между ними засыпалось землей. Создание провинции Гирин явилось результатом начавшегося освоения до этого полуустынного края и способствовало его дальнейшей колонизации. Между тем угрозы со стороны северного соседа практически не существовало. После подписания Нерчинского договора Россия и Китай поддерживали мирные отношения. Для установления границы между Халхой, вошедшей в состав Цинской империи, и Российской империей в Пекин было направлено посольство С.Рагузинского. В результате трудных переговоров в 1728 г. был заключен Кяхтинский договор. Он устанавливал границу с монгольскими землями, определял порядок дипломатических сношений через Сенат и Лифаньюань, восстанавливал караванную торговлю с Пекином и оформлял статус Российской духовной миссии в цинской столице. В 1731 г. в Москву и в 1732 г. в Петербург прибыли китайские посольства от Иньчжэня. Россия была первым европейским государством, которое посетили китайские послы.

Политика Иньчжэня в Монголии была направлена на усиление контроля над ханами и князьями. Указом 1727 г. князья хошунов («знамен») каждого из трех аймаков должны были периодически на своих сеймах избирать из своей среды председателя и его заместителя. После утверждения императором они становились главами аймака. Фактически богдохан в Пекине действовал как великий хан Монголии: к нему переходило право утверждения глав аймаков, а ханы вместе с князьями оказывались под прямой властью маньчжурского Сына Неба. Ослабляя их, Иньчжэнь усилил дробление уделов. В 1731 г. был создан еще один — четвертый аймак, а число хошунов возросло с 55 до 74. Усиление феодальной раздробленности Халхи укрепляло власть богдохана.

Иньчжэнь всемерно усиливал свой контроль над Тибетом, хотя с 1723 по 1727 г. осуществлял отвод цинских войск из Ахасы. С его завершением в Тибете началась междоусобица. Самовластие Канцзиня привело в 1727 г. к его убийству в результате заговора трех *калонов* (министров). Это по-

служило сигналом к восстанию местного населения против провинциальных элементов. Для его подавления Иньчжэнь направил во второй поход в Тибет 15 тыс. солдат из Сычуани, Шэньси и Юньнани. К моменту их прихода Полонай со своей девяти тысячной армией уже уничтожил силы *калонов* и стабилизировал положение. В награду за это он в 1728 г. получил княжеский титул и право управления всей страной. Для постоянного контроля над Тибетом Иньчжэнь оставил в Ахасе двух цинских министров-резидентов (*амбани*) и тысячный гарнизон. *Амбани* следили за сношениями Тибета с монголами и пресекали опасные связи с Джунгарским ханством. В итоге постепенное подчинение Тибета Цинской империи усилилось и приняло конкретные очертания. Этому же способствовало восстание 1722 г. в союзном с маньчжурами княжестве в районе Кукунора, ибо оно послужило Иньчжэню предлогом для завоевания в 1724 г. Цинхая.

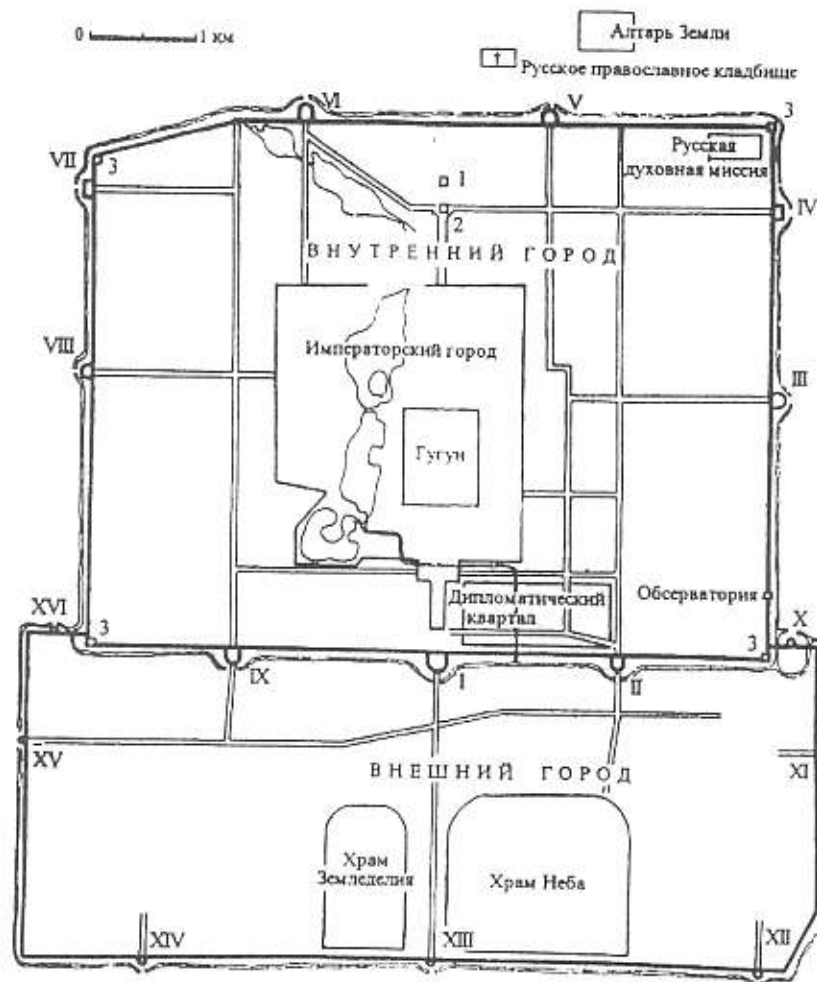
Против расположенного здесь ойратского аймака Хошоут в 1724 г. были брошены войска под командованием Нянь Гэньяо и Юэ Чжунци. Хошоуты были разгромлены, потеряв 80 тыс. убитыми и несколько десятков тысяч пленными. Цинские войска захватили колоссальное количество голов скота и иных трофеев. Территория Цинхая была присоединена к Цинской империи, а оставшиеся в живых хошоуты разделены на несколько аймаков и подчинены наместнику в Синине. Тем самым существенно ослабело Джунгарское ханство, потерявшее один из четырех аймаков.

На джунгарском престоле Цэван Рабдана сменил его сын Галдан Цэрэн. Он пытался вернуть Цинхай и присоединить Халху, но обе стороны, истощенные неудачами, вынуждены были прекратить военные действия. Война возобновилась в 1729 г. Цинское командование стремилось захватить аймак Джунгар, стянув к району Или крупные силы под командованием Фуэрданя и других военачальников. Здесь ойраты разбили одну из наступавших цинских колонн близ г. Кобдо. В 1731 г. ударные силы Галдан Цэрэна начали большой поход в Халху. В ряде сражений они разбили маньчжурские войска и конницу халхаских князей. Для отражения этого натиска Иньчжэнь собрал огромные силы. В 1733 г. в решающей битве на берегах р. Орхон близ храма Эрдэниджоу ойратская армия потерпела поражение и начала отступление.

В борьбе с Джунгарским ханством цинское правительство рассчитывало на помощь Российской империи, в том числе на использование против ойратов конницы калмыцкого хана Аюки, кочевавшего в Приволжье. Однако китайские посольства 1713–1714 и 1731–1732 гг. в Россию не привели к втягиванию Петербурга в ойрато-китайскую войну.

Эта война нанесла большой урон цинской казне. В 1734 г. Иньчжэнь был вынужден принять предложение Галдан Цэрэна о мирных переговорах, затянувшихся на ряд лет. В результате уже император Хунли и джунгарский хан заключили мирное соглашение, установив границу между двумя государствами по Алтаю. Ни одной из сторон не удалось реализовать свои замыслы. Вторая джунгаро-китайская война, длившаяся

Стены и башни Пекина эпохи Цин

1. Колокольная башня.	VII. Сичжимэнь.
2. Барабанная башня.	VIII. Фучэнмэнь.
3. Угловая башня.	IX. Сюаньбумэнь.
Городские ворота:	X. Дунбяньмэнь.
1. Чжэньянмэнь.	XI. Гуанцюймэнь.
II. Чунвэньмэнь.	XII. Цзоуаньмэнь.
III. Чаоянмэнь.	XIII. Юндинмэнь.
IV. Дунчжимэнь.	XIV. Юбяньмэнь.
V. Аньдинмэнь.	XV. Гуананьмэнь.
VI. Дэшэнмэнь.	XVI. Сибяньмэнь.

с перерывами 19 лет (1715–1734), измотала и ойратов и маньчжуров. Тем не менее Джунгарское ханство вышло из схватки более ослабленным, понеся огромные военные потери и утратив один из четырех ойратских аймаков.

Правление Иньчжэня ознаменовалось дальнейшим усилением императорской власти, подорвавшим господство племенной маньчжурской аристократии и политические традиции ханства Цзинь (1616–1636). Этому требовала дальнейшая китаизация и бюрократизация верхних эшелонов власти. Такой курс отчасти объяснялся и личностью самого Иньчжэня. Волевой, самостоятельный и хитрый, он находился в состоянии вражды с остальным императорским кланом и в сорок три года пришел к власти незаконным путем. Это, в свою очередь, вынуждало его создавать аппарат управления, независимый от императорского рода Айсинь Гиоро и остальной маньчжурской аристократии. Высвободив императорскую власть из-под контроля Совета князей-регентов и сановников, Иньчжэнь осуществил своего рода политический переворот. В 1730 г. под предлогом необходимости более оперативного руководства военными действиями против джунгаров был создан Военный штаб (Цзюньцзифан) — временное военно-административное учреждение. После 1732 г. оно было превращено в Военный совет (Цзюньцзичу) — высший государственный орган, состоявший непосредственно при императоре и не подчинявшийся Совету князей-регентов и сановников.

Решение всех важных вопросов перешло к Цзюньцзичу, чей состав определялся самим богдоханом. Его члены числом от 4 до 9 человек подбирались из особо назначенных секретарей Нэйгэ — канцлеров (*дасюэши*), глав шести ведомств (*бушаншу*), их помощников (*шилан*) и других чиновников — почти исключительно из маньчжуров и отчасти из монголов. Впоследствии сюда могли попасть наиболее преданные императору китайские сановники. Сконцентрировав в своих руках все основные военные и гражданские дела управления, назначения высших чиновников и законодательную власть, Цзюньцзичу превратился в правительство, полностью зависимое от императора и возглавляемое им. Роль Совета князей-регентов и сановников тем самым сводилась к минимуму: Иньчжэнь лишил маньчжурскую аристократию власти над «восьмизнаменными» корпусами и принял на себя командование ими. Он положил конец маньчжурскому правилу наследования трона — по степени кровной близости к богдохану. Отныне вводился новый порядок — наследник избирался по воле самого монарха. Создание Цзюньцзичу, принятие военного командования и новый порядок престолонаследия стали основными слагаемыми своеобразного переворота 30-х годов XVIII в., ибо лишали Совет князей-регентов и сановников его главных функций и прерогатив. Верховная власть избавилась от пут и пережитков, оставшихся от раннего периода цинской государственности. Сбросив с себя контроль маньчжурской аристократии, императорская власть стала в полной мере абсолютной. Пере-

ворот Иньчжэня ни в коей мере не был направлен против господства «знаменных». Их особое, привилегированное положение в обществе охранялось отныне самодержавной деспотической властью Сына Неба и крепнувшим союзом завоевателей с китайской элитой. Сюанье и особенно Иньчжэнь постепенно снимали ограничения на занятие китайцами ответственных постов в верхнем эшелоне власти. С 1719 г. посты наместников и военных губернаторов в стратегически важных провинциях Шаньси и Шэньси было разрешено занимать ханьцзюням, а с 1732 г. на эти должности могли назначаться монголы и «незнаменные» китайцы. Такая политика еще больше усилила ненависть маньчжурской аристократии к Иньчжэню.

Период Цяньлун

В 1735 г. при странных обстоятельствах на пятьдесят седьмом году жизни неожиданно скончался император Иньчжэнь. Поговаривали, что он был отравлен. На престол с девизом правления Цяньлун (1736–1795) вступил его четвертый сын — Хунли (1711–1799). Новый богдохан получил китайское классическое образование и во всем стремился подражать своему деду Сюанье, т.е. претендовал на роль ревностного конфуцианца, на славу образцового правителя и великого завоевателя. Так же как Сюанье и Иньчжэнь, он до конца 70-х годов XVIII в. не только занимал трон, но и самостоятельно управлял империей, вникая во все дела.

В первые же годы своего царствования Хунли столкнулся с ослаблением непосредственной опоры династии — военного сословия «знаменных», особенно маньчжуров. Продолжалось постепенное обезземеливание и разорение солдат и младших офицеров «знаменных» войск. Последние в основном не имели возможности или не хотели приобретать у казны выкупавшиеся ею с 1729 г. у частных владельцев свои прежние земли. В связи с этим Хунли в 1753 г. передал эти участки в ведение соответствующих «знаменных» управлений для их обработки, получения арендной платы и оброков. Эти натуральные и денежные доходы использовались управлениями для поддержания разорившихся *цижэней* своего «знамени». Но это не смогло остановить нараставшее разложение военного сословия. Все больше земель его низших и средних слоев переходило в руки крупных маньчжурских чинов, а основная доля попадала в частное владение китайских землевладельцев, купцов и ростовщиков.

Борясь с разложением «знаменного» землевладения, правительство запрещало продажу, залог и сдачу *циди* в аренду китайцам более чем на три года, а также пыталось определять размеры арендной платы с «незнаменных» арендаторов. Несмотря на строгие указы, запреты не соблюдались, и все больше земель военного сословия переходило к «незнаменному» населению. Стремясь восстановить былое экономическое положение сословия *цижэнь*, Хунли в 1737 г. постановил создать для разоренных

солдат и офицеров новые земельные «знаменные» поселения (*цзунь*) в Южной Маньчжурии, переселив туда из Пекина несколько тысяч маньчжурских семей. В 1744 г. казна произвела очередной выкуп проданных и заложенных «знаменных» земель. Последние перепродавались землевладельцам из состава этих корпусов. Выкупая проданные и заложенные «знаменные» земли, правительство восстанавливало позиции казенного землевладения, общие размеры которого постепенно росли. Крупнейшим землевладельцем здесь был сам император, в чьих руках к середине XVIII в. находилось более 700 поместий.

Хунли крайне беспокоило размывание «знаменного» землевладения и на «священной родине» маньчжуров. Несмотря на «заккрытие» Маньчжурии и политику сохранения ее для «знаменных», постепенное переселение китайцев за Великую стену продолжалось. Пытаясь остановить этот процесс, Хунли указом 1740 г. запретил китайскую колонизацию Ляодуна, а эдиктом 1762 г. — района Нингуты. В 1776 г. пров. Гири и земли Хэйлунцзяна также были объявлены «запретной зоной». Тем самым вся Маньчжурия повторно «закрывалась» для китайских переселенцев. Однако и новый запрет оказался малоэффективным. К тому же само правительство делало ряд отступлений. Так, в связи со стихийными бедствиями и голодом в Северном Китае в 1748 г. было временно разрешено переселение в Маньчжурию. Кроме того, запрет не распространялся на купцов, мелких торговцев и ремесленников.

Продолжая линию Сюанье на проведение административно-налоговых преобразований, Хунли осуществил реформу системы учета населения. До налоговой реформы Сюанье миллионы людей, чтобы избежать обложения подушным налогом (*диншуй*), укрывались от учета и не числились в подворных списках и налоговых реестрах (*цинцэ*, *хуанцэ*). До 1741–1742 гг. такой учет производился на основе системы *лицэ*, когда фиксировалось лишь число тяглых (*дин*), т.е. взрослого мужского населения от 16 до 60 лет. В итоге множество жителей Китая оставалось вне учета. По мере распространения налоговой реформы 1712–1724 гг. на новые провинции массе безземельных крестьян уже не надо было прятаться от занесения в списки и реестры. Кроме того, с 1741–1742 гг. учет населения стал проводиться на базе системы *баоцзя*, т.е. с фиксацией не только тяглых, но и нетяглых (*коу*). В этом случае учитывалось все население (*динкоу*). До 1773 г. перепись проводили специальные чиновники, причем с большими огрехами и пропусками. С 1773 г. регистрация населения стала осуществляться через систему *баоцзя*, т.е. подачу сведений главами десятидворок и стодворок. В реестры стала включаться и та часть неханьских народностей, которая была охвачена системой *баоцзя*. Учетная реформа Хунли способствовала завершению налоговой реформы Сюанье-Иньчжэня. В списки и реестры включалось население, ранее не регистрировавшееся как по своей воле, так и по воле властей. В итоге число учтенных поднялось со 143 млн. в 1741 г. до 313 млн. в 1795 г., т.е. более чем вдвое. За-

метно росла обрабатываемая площадь. С 1661 по 1766 г. площадь пахотной земли, учтенной в земельных кадастрах, увеличилась примерно с 5,5 млн. до более 7,8 млн. цинов. Площадь обрабатываемой земли на душу населения за этот период сократилась с более чем 5,2 до 3,8 му. Это привело к заметному росту социальной напряженности не только в чисто ханьских провинциях, но и в районах национальных меньшинств, где все ощутимее сказывались последствия «второго маньчжурского завоевания».

Произвольное завышение налоговых ставок послужило причиной восстания *мяо* 1735 г. в восточных районах Гуйчжоу. Повстанцы захватили ряд округов и уездов. Против них были брошены войска из провинций Сычуань, Юньнань, Хубэй, Хунань, Гуандун и Гуанси, однако все они потерпели поражение. На невосставшую часть *мяо* обрушились репрессии. Среди казненных было более тридцати старшин (*тусы*), изъявивших покорность. Однако это не только не запугало *мяо*, но и усилило их сопротивление. В 1736 г. подавление восстания было поручено чрезвычайному уполномоченному (*цзинлюэ*) указанных провинций Чжан Гуансы. Обещаниями и угрозами он склонил к покорности часть повстанцев, а против оставшихся бросил карательные войска. По восьми направлениям они двинулись в горы, предавая все огню и мечу. Каратели истребили 10 тыс. человек, более 400 тыс. погибли от голода и холода в горах. Затем палач Чжан Гуансы приказал расправиться с теми, кто ранее поддался на его уговоры и прекратил борьбу. В этой акции было уничтожено до 16 тыс. человек и сожжено 1224 селения. Тем не менее *мяо* продолжали сражаться. Они отступили в западные районы Хунани и сопротивлялись вплоть до 1739 г. Новое восстание *мяо* вспыхнуло в 1740 г. в пограничных районах Хунани и Гуанси. Здесь к ним примкнули народности *яо* и *тун*. Чжан Гуансы во главе 13-тысячной армии потопил в крови основные очаги сопротивления. Остальное довершили отряды сельской милиции и «добровольцев», набранных местными чиновниками, помещиками и шэньши из числа китайских пауперов и люмпенов. Опасаясь вновь спровоцировать *мяо* на борьбу, цинские власти освободили их от налогов и восстановили в Гуйчжоу традиционное судопроизводство.

В 40-х годах Хунли продолжал «второе маньчжурское завоевание» неханьских территорий Юго-Запада. В 1747 г. чрезвычайный уполномоченный Чжан Гуансы получил приказ покорить тибетские племена *тубо* в одном из западных районов Сычуани — Дацзиньчуане. *Тубо* героически сражались, а их *тусы* Солопан (Солобэнь) упорно отбивал все цинские атаки на его крепость. Чжан Гуансы потерпел ряд поражений, попал в плен к *тубо* и был казнен. В 1749 г. войска под командованием Юэ Чжунци вновь двинулись на покорение Дацзиньчуаня. Солобэнь вынужден был сложить оружие, но другие племена *тубо* продолжали оказывать завоевателям упорное сопротивление вплоть до середины 60-х годов. Следуя традиционной доктрине «покорять варваров руками варваров», наме-

стники Сычуани использовали силы *тусы* соседнего района Сяоцзиньчуаня для завоевания Дацзиньчуаня. Осуществляя «замену *тусы* на чиновников, назначаемых из столицы» (*гайту гуйлю*), Хунли преодолел сопротивление отдельных *тусы* и завершил перевод всего неханьского населения Юго-Западного Китая на положение податных дворов. Эти народы оказались под властью назначаемых из Пекина маньчжурских и китайских чиновников. Тем самым вводилась налоговая эксплуатация и ускорилась ассимиляция этих малых этносов китайцами, все более переселявшимися на их земли.

Выход из послевоенной разрухи, укрепление маньчжурского господства в Китае, подчинение Халхи и успехи покорения народов Юго-Западного Китая позволили Хунли перейти к завоеванию стран, лежавших на запад от Цинской империи, — Тибета (1750–1751), Джунгарии (1755–1757) и Кашгарии (1757–1759). Эта «вторая волна» маньчжурских завоеваний середины XVIII в. велась силами «знаменных» войск китайской пехоты и монгольской конницы. Завоевания Хунли облегчались тем, что Джунгария и Кашгария, раздираемые внутренними распрями, и Тибет, наполовину подчиненный Пекину, не могли объединиться для отпора общему врагу.

Внутренние события в Тибете ускорили его покорение маньчжурами. Умершему Полханасу в 1747 г. наследовал его сын Чжурмэд-Намчжал (Джурмэ-Намгэ). Стремясь освободиться от маньчжурского контроля, он задумал вооруженное выступление, стал собирать войска якобы для борьбы с ойратами и установил связь с джунгарскими князьями. В 1750 г. *амбани* убили Чжурмэд-Намчжала. Это привело к народному восстанию в Ахасе и расправе над *амбаниями*. В ответ Хунли организовал третий поход цинских войск в Тибет. В 1751 г., стремясь еще более разобщить страну, он передал управление ею уже не двум лицам, а четырем — *калонам* (министрам-правителям), подчинив их далай-ламе. Ханские и княжеские титулы в Тибете упразднились. По всем важным делам *калоны* должны были «советоваться» с *амбаниями*. Права последних расширились, а цинский гарнизон в Ахасе был увеличен. Всякие связи с Джунгарским ханством запрещались. Тибет вошел в Цинскую империю как ее составная часть.

Хунли вынашивал планы завоевания Джунгарии. Цинская дипломатия искусно вела дело к ослаблению и внутреннему развалу Ойратского ханства. Пекинский двор умело поощрял здесь внутренние междоусобицы, сепаратизм ханов, способствовал затягиванию кровавой борьбы за ханский престол. Сея рознь среди князей, Хунли вынуждал одних искать его поддержки, других — его посредничества или нейтралитета. Начавшаяся с 1745 г. почти семилетняя полоса яростной борьбы за престол, заговоров, переворотов, раскола на враждующие лагеря и междоусобной войны создала идеальные условия для сложных интриг цинской дипломатии. Уже к середине 50-х годов Хунли крайне преуспел в деле ослабления цент-

ральной власти в Джунгарии и внутреннего разложения Ойратского государства. После прихода в 1752 г. к власти хана Даваца (Дабачи) вновь разгорелась борьба между ним и очередным претендентом — главой племени хойтов Амурсаной, его недавним союзником. Потерпев поражение, Амурсана в 1754 г. бежал в Китай, принял цинское подданство и просил помощи у Хунли. Получив предлог для вторжения, тот послал в район Или большую цинскую армию. Амурсана командовал авангардом одной из двух ее колонн.

Вторгнувшись в 1755 г. в Джунгарию, цинская армия в течение нескольких месяцев оккупировала ее. Перегрызшиеся между собой ойратские князья не смогли ни объединиться перед общим врагом, ни дать ему отпор. Победенный Даваца в 1755 г. был свергнут. Используя эту победу, Хунли ликвидировал единовластие и ханский престол в Джунгарии, рассыпав некогда могущественное государство на четыре отдельных княжества, подчиненных непосредственно Пекину. Такая децентрализация на основе родо-племенной розни предельно ослабила ойратов. Это и оставленный в Или цинский отряд Баньди сделали Хунли вершителем судеб Джунгарии. Вместо престола Амурсана получил титул и должность, означавшие его подчинение Цинской империи. Обманутый в своих ожиданиях, он вошел в соглашение с рядом ойратских и халхаских военачальников. Осенью 1755 г. Амурсана поднял восстание против иноземных сил, призвав ойратов к объединению. Повстанцы разгромили отряд Баньди. Однако часть князей (тайджи) переметнулась к маньчжурам, а другая — сохранила нейтралитет. Большая цинская армия вторглась в Или в 1756 г., и Амурсана бежал к казахам. Цинские войска по приказу Хунли приступили к поголовному истреблению ойратского населения, в результате чего к повстанцам примкнули многие тайджи. Возвратившийся на родину Амурсана возобновил борьбу с захватчиками. Во время борьбы с Джунгарским ханством цинские войска в 1755–1758 гг. неоднократно вторгались на Алтай, что положило начало присоединению Горного Алтая к России. В эти же годы цинские войска совершали походы в Казахстан. В результате на российскую территорию перешло много ойратских и алтайских беженцев.

Параллельно с борьбой ойратов за свою независимость население Северной Монголии искало выход из тяжелейшего положения, созданного цинским господством. В разоренной Халхе не только доведенные до предела араты, но и быстро терявшие свои доходы ханы и князья втягивались в антиманьчжурское движение. Росло стремление к добровольному переходу в русское подданство. Князья во главе с богдо-гэгэном начали тайные переговоры с русскими властями о переходе Халхи под руку императрицы Елизаветы. Выпешки социального протеста сочетались с антицинским настроением. Героическая борьба ойратов будоражила халхаских монголов. Летом 1756 г. в западной части Халхи вспыхнуло крупное антиманьчжурское восстание. Его возглавил князь хотогойтов Цэнгуиджаб

(Чингунжав). Конница повстанцев действовала у самых границ Джунгарии, помогая ойратам в их борьбе против общего врага — маньчжуров. Цэнгунджаб поддерживал связь с Амурсаной, предлагавшим объединить силы. Крайне опасаясь единения халхаских монголов и ойратов, Хунли привлек на свою сторону князей Халхи. Ламаистская церковь призвала к прекращению борьбы. Цэнгунджаб, не получивший поддержки, в 1757 г. был разбит и казнен. Однако кровавые репрессии не сломили решимости повстанцев сражаться до конца. Лишь в 1758 г. цинским властям при помощи князей и лам удалось погасить пламя восстания и расправиться с непокорными. В затихшей Халхе по приказу Хунли все опасные и подозрительные монгольские феодалы были казнены, тайно отравлены или отстранены от власти.

К этому времени маньчжуры сконцентрировали в Джунгарии крупные силы под командованием Чжао Хуэя, в 1757 г. победившего повстанцев в сражении под Урумчи. Мощная цинская армия, пришедшая из империи, продвигалась по Джунгарии, предавая все живое огню и мечу. Тем не менее сопротивление ойратов продолжалось, и в него включились остальные князья. После очередного поражения Амурсана бежал на территорию России, где умер от тифа. Вслед за этим в том же, 1757 г. были разгромлены чоросский хан Гэлдан Доржи, Даши-чэрэн и другие тайджи. Восстание ойратов было потоплено в крови. Джунгарское ханство было уничтожено. Хунли отдал приказ цинским войскам поголовно истребить ойратское население. Из общей его численности в 600 тыс. человек 95% были перебиты, умерли от голода или оспы и 5% (30–40 тыс.) бежали в пределы России, под пятой завоевателей остались лишь 10%. Опустевший край был разбит на три округа — Или, Урумчи и Тарбагатай — и отдан под власть наместника (*цзянцзюнь*). Здесь стали создаваться города с цинскими гарнизонами и управлениями.

В Кашгарии (Восточный Туркестан) существовало теократическое уйгурское государство. Его раздирали религиозные распри между двумя основными течениями мусульманского духовенства — «белогорскими» и «черногорскими» ходжами, а также между правителями городов (хаким-беки) и ханской властью. Последняя боролась за централизацию страны, а хаким-бекам была выгодна ее раздробленность. Борющиеся стороны часто опирались на внешние силы, что облегчало подготовляемое Хунли завоевание этого края.

Перед походом в Кашгарию цинская дипломатия провела тщательную подготовку. Местным феодалам (беки) обещались освобождение от власти теократов (ходжи), установление мира и порядка, неприкосновенность господства местной знати над трудовым населением. При этом маньчжуры умело использовали неспособность местных феодалов к централизации и к самозащите от натиска внешних сил, их стремление опереться на высшего покровителя — арбитра. В этой роли все чаще выступал маньчжурский богдохан. Хунли умело манипулировал разобщенностью политиче-

ских сил в Кашгарии, поддерживая «белогорских» ходжей против «черногорских», а хакимов — против тех и других.

«Белогорские» ходжи во главе с Бурхан-эд-Дином и его братом Хан-Ходжой боролись против «черногорских» ходжей, правивших Кашгарией. С помощью маньчжуро-китайских войск «белогорские» ходжи в 1755 г. захватили власть в крае, и на ханский престол был возведен Бурхан-эд-Дин. Рассматривая его как своего ставленника и «данника», Хунли потребовал от него «дань» и изъявление покорности. Желая сохранить независимость, Бурхан-эд-Дин и его брат сбросили с себя цинскую опеку и подняли население на борьбу за веру. Хотя на сторону маньчжуров перешли хаким-беки ряда городов, повстанцы в 1757 г. разгромили «восьмизнаменные» части, прибывшие в г. Кучар. Из покоренной Джунгарии сюда была направлена большая армия во главе с наместником Чжао Хуэем и Ярханем. После двухмесячной осады она в 1758 г. овладела Кучаром, уничтожив более тысячи человек. В течение трех месяцев армия Чжао Хуэя осаждала Яркенд, но сама оказалась окруженной под его стенами героически сражавшимися силами Хан-Ходжи и прибывавшими к нему новыми отрядами уйгуров. Они сорвали первую попытку подошедших цинских войск деблокировать армию Чжао Хуэя. Это с большим трудом удалось лишь со второй попытки в 1759 г. Подход новых цинских подкреплений, подкуп маньчжурами хаким-беков ряда городов и внутренние распри среди уйгурских феодалов во многом свели на нет успехи повстанцев. В 1759 г. двумя колоннами завоеватели перешли в наступление, пали города Кашгар и Яркенд. В сражении у оз. Яшиль-куль уйгурские войска были разбиты. Под давлением превосходящих сил врага Бурхан-эд-Дин и Хан-Ходжа с частью войск, беженцами и стадами скота отступили еще дальше на запад, во владения бадахшанского правителя и были им убиты. К концу 1759 г. маньчжурское завоевание Кашгарии завершилось.

Кашгария была поставлена под власть маньчжурского главноуправляющего (*цаньцзань дачэнь*), подчинявшегося наместнику Джунгарии и Кашгарии. Страна была разделена на шесть округов во главе с маньчжурскими правителями (*баньши дачэнь*). В городах и кишлаках власть осталась в руках мусульманских феодалов-беков, помогавших держать в повиновении уйгурское и иное население. Беки получали высшую власть над жителями земель, пожалованных им в наследственное владение. В свою очередь, беки контролировались командирами городских гарнизонов и вышестоящими цинскими чиновниками. Уйгурские феодалы верой и правдой служили новым хозяевам, вместе с ними обирая и притесняя мусульманское население. Территория Джунгарии и Кашгарии получила название Синьцзян, т.е. «Новая территория», или «Новая граница», став местом ссылки для противников цинского деспотизма. Обезлюдение Джунгарии тревожило Хунли. Здесь стали размещать маньчжурские и китайские войска из Ганьсу, отряды солонов и дауров из Маньчжурии. В 1764 г. в долину Или переселили несколько тысяч *сибо*. Были созданы

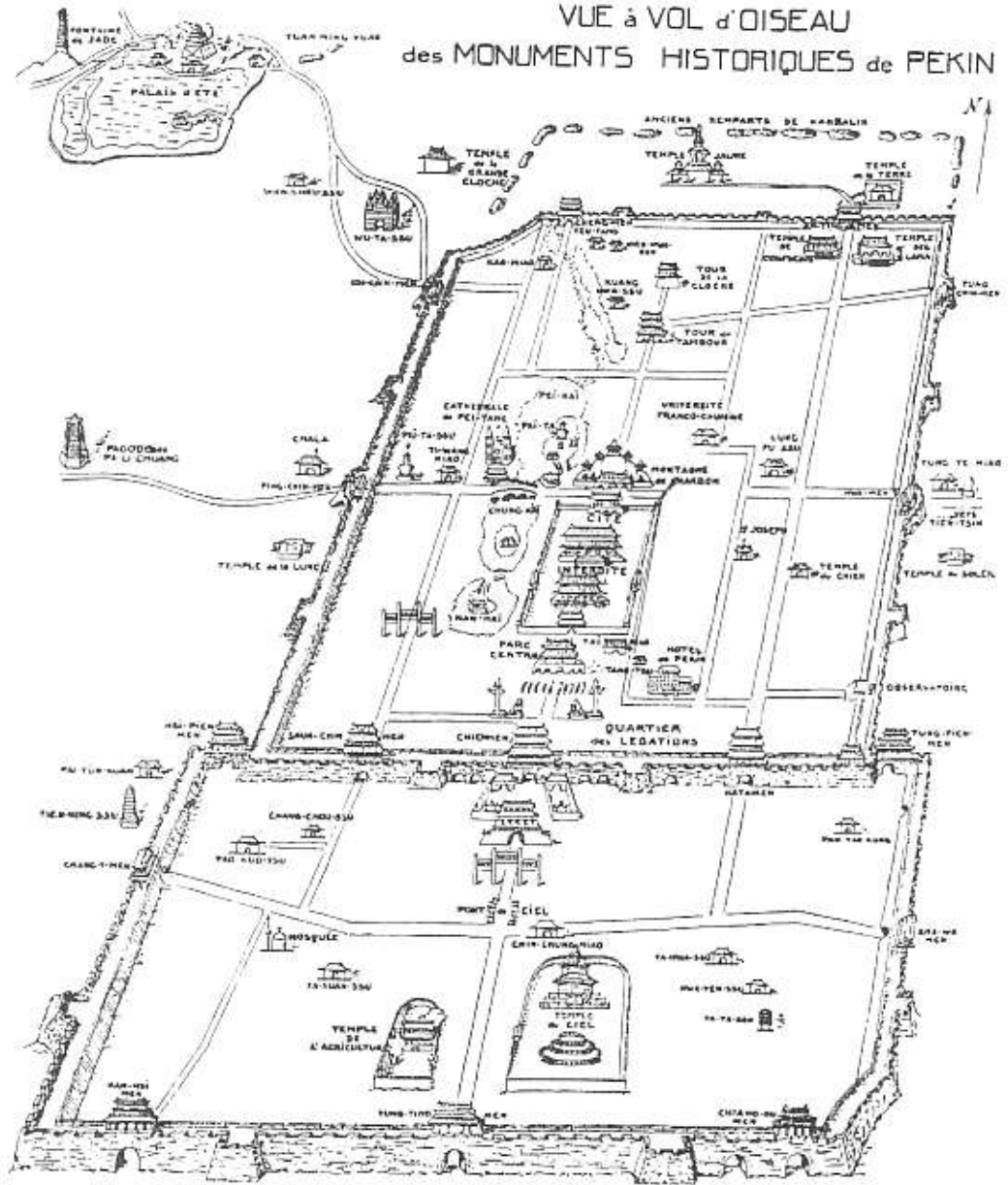
маньчжурские военно-земледельческие поселения (*цитунь*) и китайские военные поселения (*бинтунь*), а также земледельческие поселения из сосланных сюда уйгуров — участников сопротивления маньчжурскому завоеванию. Сюда переселялись китайцы и дунгане. В 1771 г. в Джунгарию с Волги вернулась часть торгоутов. Тем не менее этот край так и остался малонаселенным.

С гибелью Джунгарского ханства Хунли и последующие богдоханы стали в полном смысле слова хозяевами положения в Халхе. После подавления восстания Цэнгунджаба Хунли продолжал политику подчинения и дробления Монголии. Число хошунов с 74 было доведено до 82. Укреплялась организация военного контроля. Для этого в 1762 г. были учреждены должности маньчжурского наместника с резиденцией в Улясутае (Урга) и двух его соправителей — помощников и советников со ставками в Улясутае и Кобдо. Один из них назначался из монголов. *Амбань* контролировал военную и гражданскую деятельность в Халхе. Кроме того, особо назначаемый сановник командовал вооруженными силами четырех аймаков. Тем самым еще более усилилась власть маньчжуров над монгольской княжеской аристократией, ламаистским духовенством и трудовым аратством, для которого вводились новые поборы и повинности. Так, накануне похода в Джунгарию Халха поставила цинской армии огромное количество лошадей и верблюдов.

Разгром Джунгарского ханства ухудшил положение ханов, князей и тайджи Халхи. Используя это, Хунли встал на путь дальнейшего ослабления феодалов Северной Монголии, которые были тесно связаны с ламаистской церковью. До середины XVIII в. богдо-гэгэн и высшие священнослужители чаще всего выдвигались из близкой родни ханов и князей. Контроль светских феодалов над ламаистской церковью или личный семейный союз этих двух сил таил опасность превращения богдо-гэгэна в главу теократической монархии в Халхе. Растущее влияние этой централизованной организации создавало угрозу господству Цинов в Северной Монголии. Стремясь противостоять этому, Хунли запретил избирать богдо-гэгэна из среды ханских и княжеских семей Халхи. Был установлен порядок избрания и утверждения главы церкви и других высших иерархов, позволявший отсеивать неугодных Пекину кандидатов. С 1758 г. пост богдо-гэгэна занимали исключительно ламы из Тибета. Тем самым конфликт Пекина с ламаистской церковью был ликвидирован, а власть богдохана укрепилась. Светские феодалы оказались еще более ослабленными, а их контроль над церковью значительно снизился. Хунли последовательно проводил политику дробления Монголии. К концу XVIII в. число княжеств по сравнению с серединой XVII в. возросло в 15 раз, с 7 до 105. В итоге росла феодальная раздробленность, резко сокращались средние размеры княжеств, а ханы и князья все более утрачивали свои экономические, политические и военные возможности.

Пекин периода Цин

VUE à VOL d'OISEAU
des MONUMENTS HISTORIQUES de PEKIN

R. Fallet

Империя в зените могущества

До 70-х годов XVIII в. происходило дальнейшее укрепление Цинской империи, в том числе и в результате поступательного экономического развития. В первой половине XVIII в. экономика страны все еще продолжала испытывать разрушительные последствия Крестьянской войны 1628–1647 гг., маньчжурского завоевания и войны трех «князей-данников». Тем не менее сельское хозяйство, городское ремесло и торговля постепенно возвращались в старое русло. Данный процесс шел весьма медленно, и только к середине XVIII в. деревенское и городское производство, рынок и транспорт вышли на уровень, существовавший в начале XVII в., а затем превысили его. Восстановилось ремесленное производство в городах. Во второй половине XVIII в. в Нанкине, Сучжоу и Ханчжоу вместе насчитывалось около 40 тыс. шелкоткацких станков. Из Гуанчжоу на иностранных судах ежегодно вывозились шелковые ткани на сумму от 700 тыс. до 1 млн. лян серебра. Развивалось хлопчаткачество в Цзянсу; только в районе Шанхая работали около 200 тыс. ткачей. В Сучжоу действовало более 400 красильных мастерских, в Цзиндэчжэне — от 200 до 300 частных мастерских по выделке фарфора: здесь трудились несколько сотен тысяч рабочих и мастеров. На казенных частных медных рудниках в Юньнани были заняты свыше 700 тыс. человек. В соледобыче Сычуани только в одном уезде имелось около 2,4 тыс. колодцев для подъема соляного раствора. Восстанавливались различные городские корпоративные объединения — цехи (*хан, бан*), земляческие союзы ремесленников и торговцев (*хуэйгуань*), купеческие гильдии (*гунсо*). В крупных городах насчитывались сотни различных корпораций. Росли казенные и частные мастерские и мануфактуры. В начале XVIII в. с отменой запрета на мастерские со ста и более станками появились крупные ткацкие мануфактуры.

С выходом из хозяйственной разрухи в сельском хозяйстве, городском ремесле и горнодобывающих отраслях восстанавливался прежний минский уровень развития рыночной экономики, торговли и транспорта. Возобновились прежние межпровинциальные и межобластные связи. На былой уровень вышла торговля между специализированными рынками всекитайского значения и их потребительской периферией. Прежнюю масштабность приобрел как местный, так и инопровинциальный торговый и торгово-ростовщический капитал, в том числе сильные шаньсийские дома. Функционировали специализированные рынки — зерновые в городах среднего и нижнего течения Янцзы, шелковых изделий — в Нанкине, Ханчжоу, Сучжоу и Хучжоу, хлопчатобумажных тканей — в Сунцзяне и Шанхае, красителей — в Уху, фарфора — в Цзиндэчжэне, железных изделий — в Фошане и бумаги — в Учане. Крупные города — Ханькоу, Янчжоу и Гуанчжоу — вновь стали средоточием ремесел и торговли. Набирало силу речное и каботажное судоходство. По Великому каналу с юга

в Пекин ежегодно приходило более 10 тыс. казенных и частных джонок, груженных зерном, собранным в счет налога *цаолян*.

В XVIII в. Пекин был больше тогдашнего Парижа. Несмотря на сеть внутренних таможен (*чангуань*) и собиравшиеся на них пошлины (*чангуаньшуй*), успешно развивалась межобластная и межпровинциальная торговля. За 1753–1795 гг. таможенные сборы возросли с 4,3 млн. до почти 6,5 млн. лян. Экономический рост, и особенно развитие сельского хозяйства, укрепил финансовое положение цинского режима. Две трети доходов в цинскую казну шло от поземельно-подушного налога (*дидин*), взимаемого в основном деньгами, а одна треть складывалась из поступлений от соляных и внутренних таможенных сборов, а также других видов налогообложения. В 60–70-х годах XVIII в. из 40 млн. лян ежегодного дохода казны на содержание императорского двора расходовалось 5 млн., столичной бюрократии — 1 млн., провинциального чиновничества — 6 млн., армии — 20 млн. лян. Последнее позволяло содержать крупные вооруженные силы — «знаменные» корпуса центрального подчинения, территориальные войска «зеленого знамени» и части добровольцев (*юнбин*).

После подчинения Тибета, покорения Джунгарии и Кашгарии Цинская империя находилась в зените своего могущества. Западные походы 1751, 1757–1759 гг. принесли Хунли огромную добычу — в состав империи вошли земли общей площадью до 3 млн. кв. км., что примерно равнялось империи Великих Моголов в Индии. Завоевания 50-х годов XVIII в. привели к максимальному территориальному расширению маньчжурских владений — к границам, просуществовавшим вплоть до падения монархии в 1912 г. В середине XVIII в. Цинская империя была самым крупным и сильным государством Восточной Азии. Хунли ощущал себя чуть ли не властелином всего мира. Эйфория собственного могущества надолго стала главным фактором, определявшим внутреннюю и внешнюю политику Цинской империи во второй половине XVIII в. Ощущение всемогущества внутри и вовне империи привело к дальнейшему усилению изоляции Китая от внешнего мира — к «закрытию» империи для «заморских варваров».

В то же время политика изоляции была превентивной мерой, своего рода защитой от возможных в будущем осложнений. Цинские правители хорошо усвоили уроки китайской истории. Они знали, что ослабление очередной династии всегда сопровождалось нарастанием угрозы извне, а внутренние смуты в конце правления обреченной династии использовались внешними силами для захвата власти в Китае, как это сделали сами маньчжуры. Исходя из минского опыта, Сюань, Иньчжэнь и Хунли опасались, что внешняя угроза может совпасть с массовым движением китайцев против власти завоевателей. В течение 40 лет после окончания войны «трех князей-данников» (1681–1721) в стране крупных восстаний не наблюдалось. Однако волнения на о-ве Тайвань в 1721 г., мяо — в Гуйчжоу (1735–1739) положили конец этому «мирному» периоду. Явный перелом наступил в середине XVIII в., когда волна выступлений шла резко по на-

растающей. К тому же восстание на Тайване ассоциировалось с упорной борьбой китайских патриотов на островах и на море с конца 40-х до начала 80-х годов XVII в. под знаменем Чжэнов. Поскольку очередной период «смут» замаячил на горизонте, цинское правительство стало вводить меры по изоляции империи от вмешательства извне.

Маньчжуры и преданные им китайские сановники помнили, что пришельцы из далеких европейских, по их мнению маленьких и слабых, «варварских» стран вмешались в свое время в борьбу между минской и цинской династиями. Во избежание возможной кризисной ситуации Пекин решил «закрыть» империю для этих «варваров», хотя эта мера предосторожности лишала правительство большей части таможенных сборов от морской торговли.

«Закрытие» Китая представляло собой растянутый во времени политический процесс, рассчитанный на то, чтобы предотвратить складывание за рубежом сильной антиманьчжурской эмиграции. Китайским купцам не разрешалось строить большие корабли, плавать на иностранных судах, общаться с «заморскими варварами» и изучать их языки. Два последних запрета не распространялись лишь на купцов из гильдии «Гунхан». Обычный въезд иностранцев был запрещен, жестко контролировалось прибытие купцов и дипломатов. Караванная торговля с Россией через монгольские степи строго регламентировалась. Политика изоляции страны от внешнего мира виделась цинским императорам как одно из средств самосохранения.

Была ограничена внешняя торговля через Макао. С 1725 г. в этот порт могло ежегодно заходить только 25 иностранных кораблей, а с 1732 г. был установлен контроль за каждым таким судном. Ограничения нарастали как в морской, так и в сухопутной торговле. Наконец, в 1757 г. была запрещена иностранная торговля во всех портах, кроме Гуанчжоу. Даже здесь европейцам не разрешалось селиться в пределах городской черты. Им запрещалось изучать китайский язык, а китайцев, обучающих «заморских варваров», казнили. Нельзя было переселяться на прибрежные острова и распаивать там целину: нарушителей возвращали на материк, а их дома сжигали. В 1787 г. было специально запрещено заселение островов у побережья пров. Чжэцзян. Этим завершился длительный процесс «закрытия» Китая, а политика изоляции, или «морского запрета», достигла наивысших и законченных форм. Не будучи экономически обоснованной, она противоречила потребностям исторического развития Китая, усилила его техническое, экономическое и культурное отставание от Запада, создала своего рода «китайскую стену» между Цинской империей и быстро развивавшимися по капиталистическому пути странами Европы. Административный, экономический и языковой барьер между двумя цивилизациями лишал традиционный Китай возможности знакомиться с научными и техническими достижениями буржуазного Запада. Это обрекало страну на дальнейшее отставание, постепенно слабели и оборони-

тельные возможности Срединной империи, хотя это сказалось только в середине XIX в.

Что касается внутренней политики Хунли, то эйфория могущества привела к резкому усилению «литературной инквизиции» (*вэньцзы юй*) с ее кострами и казнями. Еще более ужесточились прежние интеллектуальные запреты. В книгах нельзя было упоминать личные имена маньчжурских правителей (это означало непризнание их императорами Китая), нападать на цинский режим. Воспрещалось критиковать некитайские династии (Ляо, Цзинь, Юань), как родственные Цин, упоминать политические союзы и группировки конца Мин («Дунлинь», «Фушэ», «Цзишэ»), а также крамольных авторов. Нельзя было писать о защите границ от кочевников (гуннов, киданей, тангутов, чжурчжэней и монголов), по-своему трактовать конфуцианские каноны, выступать против неоконфуцианской ортодоксии братьев Чэн и Чжу Си. Произведения, содержащие такую «крамолу», подлежали полному или частичному уничтожению. Во втором случае из них изымались опасные главы или части. С 1774 по 1784 г. полному запрещению подверглись более 2,3 тыс. изданий, а частичному — 342. Сожжение их в 1774–1782 гг. происходило 24 раза: в костер были брошены почти 14 тыс. книг. Запрещенные издания под страхом тяжких наказаний отбирались у населения и уничтожались. Ослушавшихся ожидала смертная казнь. Кроме того, в правление Хунли составлялись огромные списки книг, «не заслуживающих внимания», но не подлежавших сожжению. Занесенные в них произведения не рекомендовалось ни изучать, ни издавать, ни использовать при преподавании.

Власти и специальный штат чиновников-цензоров особенно рьяно выискивали и уничтожали неофициальные труды по истории, составленные по инициативе частных лиц и часто содержавшие антиманьчжурские высказывания. Сжигалась бытовая художественная проза; романы, новеллы и повести реалистического направления объявлялись «непристойными». Вместо них населению навязывались «сельские собеседования» (*сянъюэ*). О повышении их эффективности Хунли трижды издавал специальные указы. Была запрещена публикация «развратных романов», в том числе таких замечательных произведений, как «Речные заводи» и «Цзинь, Пин, Мэй». «Аморальными» были признаны многие фольклорные материалы, новеллы и повести бытового жанра. Всячески дискриминировались книги буддийского и даосского канонов, было разрешено переиздавать только 2% таких сочинений.

Ужесточались судебные процессы над литераторами. Поэтов казнили за строки, содержавшие антицинские намеки, за написание грустных стихов, что связывалось с падением Мин. Со времен Сюань до 1772 г. было организовано 12 больших «литературных» судебных разбирательств. В результате были уничтожены целые семьи шэньши, подпавших под подозрение в нелояльности. Так, в 1777 г. составитель поэтической антологии Ван Сихоу был казнен за нарушение табу на личные имена императо-

ров. Его ближайших родственников бросили в тюрьму, а сыновей и внуков превратили в рабов. По меткому выражению писателя-демократа Лу Си-ня, наступила «тюрьма письменности», свободная мысль была посажена за решетку. Карательные акции Хунли, считавшего себя «просвещенным монархом», нанесли огромный урон науке и культуре Китая.

В то же время при Хунли еще больший размах получили «общественные работы», в которые были вовлечены несколько тысяч китайских ученых и шэньши. Их усилиями были созданы новые энциклопедии — «Цин тунчжи» («Цинский исторический свод»), «Цин вэньсянь тункао» («Цинское исследование древних текстов»), «Цин тундянь» («Цинский политический свод») и «Тунцзянь цзилань» («Историческая хроника Китая»). Особенно внушительным было знаменитое переиздание книг императорской библиотеки «Сыку цюаньшу» («Полное собрание книг по четырем разделам»). Десять лет (1772–1782) длилась работа огромного коллектива ученых и литераторов по составлению этого грандиозного компилятивного свода текстов. Его копии были разосланы в ряд публичных библиотек, созданных Хунли для ученых, литераторов и шэньши. Кроме того, по его приказу составлялись дополнения к энциклопедиям предшествовавших эпох — «Сюй тунчжи» («Продолжение исторического свода»), «Сюй вэньсянь тункао» («Продолжение исследования древних текстов») и «Сюй тундянь» («Продолжение политического свода»). Крайне важная для культурного наследия, эта гигантская деятельность сопровождалась все теми же цензурными и фальсификаторскими сокращениями, подчисткой и переименованием неугодных династии Цин мест в текстах и верноподданническим освещением исторических событий. Составители, авторы и редакторы особо фальсифицировали события и оценки конца Мин, периода Крестьянской войны 1628–1647 гг., истории маньчжурских племен, их вторжения и захвата Китая. Начало этому положил еще Сюанье своими указами. Так, была переделана часть книги Гу Интая «Минши цзиши бэньмо» («Минская история с начала и до конца в записях событий») и фальсифицирована история героической борьбы Ли Цзычэна и Чжан Сяньжуна с Минами и Цинами в «Минши» («Минская история»), чей первый вариант был закончен в 1739 г. Сокращение и подделка текстов были обычным явлением того времени.

Прогрессивные мысли и просветительские идеи преследовались, проникновение европейской науки и культуры ограничилось лишь любительскими занятиями самого Сюанье. Из сложного и противоречивого наследия китайской традиционной культуры династия Цин заимствовала все самое реакционное. Маньчжурские богдоханы поддерживали и насаждали наиболее отсталые традиции, косные порядки и консервативные силы. В Цинской империи процветали догматизм, преклонение перед древностью, начетничество, суеверия, боязнь всего нового. Искусственно укреплялись шовинизм, идея совершенства китайской культуры, погоня за формой, строгая регламентация всех сторон жизни и схоластика. Наибо-

лее ярко это отразилось в произведениях и принципах ортодоксальной тунчэнской группировки, или школы литераторов, сложившейся в г. Тунчэн (пров. Аньхуэй) во второй половине XVIII в. Ее основатель Фан Бао и его последователи ратовали за «древний стиль литературы», язык и форму классических произведений, неоконфуцианское содержание, всемерно отгораживаясь от реальной жизни. Тунчэнская школа отражала массовый настрой тогдашней интеллигенции. Жесточайший контроль над наукой и литературой, с одной стороны, и широкий размах организованных Хунли «общественных работ» для шэньши и ученых — с другой, заставили последних уйти от проблем действительности в мир прошлого, т.е. в исторические исследования — в критический анализ древних текстов, их комментирование и исправление ошибок. На этой основе возникла известная «источниковедческая школа» (*каоцзюйсюэ*) во главе с Дай Чжэнем, Цуй Шу и Цзяо Сюнем. Знаменем ортодоксальной поэзии стала «теория духа и рифмы» (*шэньюнь чжишо*), трактовавшая литературное творчество как нечто мистическое и недоступное простым смертным.

Все это, естественно, влияло и на систему подготовки и отбора кандидатов в сословие шэньши. При Хунли деградация традиционной экзаменационной системы (*каоцзюй*) достигла предела. До 1757 г. от периодов Тан, Сун и Мин еще сохранялись какие-то остатки требований к будущим шэньши и чиновникам в практических вопросах их дальнейшей административной деятельности, но и они с 1757 г. были отброшены.

Темы экзаменационных сочинений ограничивались цитатами из классиков конфуцианской литературы. От экзаменуемых требовалось составить схоластическое эссе в форме «восьмичленного сочинения» (*багу бэньчжан*) на отвлеченную тему из комментариев на конфуцианские каноны, трактуемых в духе школы Чжу Си. Полностью победили догматизм, начетничество и крайняя оторванность от практических нужд будущей служебной карьеры. Многолетняя подготовка к такого рода экзаменам с большим успехом могла быть заменена протекцией, связями, взятками экзаменаторам. Быстро распространялась практика покупки ученой степени, т.е. получения ее без экзаменов. В 1745 г. более четверти вновь назначенных уездных начальников купили ученую степень, а общее число таких чиновников немногим уступало получившим ее через экзамены. По сравнению со своими предшественниками на троне Хунли более широко привлекал преданную завоевателям бюрократию из числа китайцев к делам высших эшелонов власти. Так, в Цзюньцзичу с 1732 по 1796 г. китайцы составили уже 37% его членов, 56% приходилось на долю маньчжуров, а 7% — на долю монголов. В эти же годы почти 43% всех военных губернаторов провинций (*сюньфу*) были китайцами. К началу XIX в. китайцы-чиновники уже преобладали в государственном аппарате, а их роль в делах управления заметно возросла.

Западные походы и территориальные захваты 50-х годов резко усилили мироустроительные претензии Хунли. Следуя во всем примеру своего

деда Сюань, он претендовал не только на реноме образцового конфуцианского правителя, но и прославленного воина. После завоевания Джунгарии и Кашгарии он широко разглагольствовал о своей «безупречной военной доблести», хотя его военные успехи объяснялись прежде всего предварительным разложением вражеского лагеря и особенно разжиганием внутренней розни. Тем не менее поразительные успехи 50-х годов породили у Хунли ложное представление о своей армии как о всепобеждающей силе. Ощущая себя всемогущим владыкой и господином всего мира, он охотно склонялся к новым войнам и походам против южных соседних стран — Бирмы, или Мьянмы, и Вьетнама.

Предлогом войны с Бирмой (Авским государством) послужил пограничный конфликт, вызванный маньчжурским вмешательством во внутренние дела соседней страны. Власти пров. Юньнань дважды посылали войска против бирманцев, а последние, в свою очередь, вторгались в Юньнань. В 1768 г. в Бирму двинулась 40-тысячная цинская армия под командованием Минжюя, получившего приказ Хунли захватить бирманскую столицу — г. Аву. Не дойдя до нее, китайское войско попало в тяжелое положение: бирманцы, отрезав его от Юньнани, обрекли наступавших на голод. Захватчики отступили с большими потерями, а сам Минжуй повесился. В 1769 г. состоялся второй поход в Бирму. На этот раз 60-тысячная армия наступала из Китая тремя колоннами. Одна двигалась по р. Иравади, а две — по суше. Ими командовали Фу Хэн, Агуй и Алигунь.

Жестокие бои развернулись в районе р. Иравади. Наступавшие пытались захватить г. Аву со стороны г. Бамо, но вновь потерпели неудачу. Однако начавшаяся война Сиамом с Бирмой оказалась для маньчжуров спасительной, ибо бирманский правитель предложил заключить мир. По договору 1769 г. обе стороны очищали занятые ими территории, цинская армия до отхода на границу должна была переплавить все свои пушки, а Бирма символически признавала себя «данником» Цинской империи. Хунли был взбешен провалом своих завоевательных замыслов и запретил торговлю с Бирмой. В 1787–1788 гг. китайско-бирманские отношения и торговля постепенно нормализовались. В последующем цинские императоры довольствовались прибытием раз в десять лет в Пекин бирманских послов с «данью». Несмотря на явную неудачу в войне с Бирмой, мощь Цинской империи по-прежнему производила большое впечатление на соседей. Так, правитель Сиам, пришедший к власти в 1782 г. главнокомандующий армии Чакри (Рама I), искал поддержки Хунли в своей войне против Бирмы. В 1786 г. он сам прислал послов в Пекин, чтобы и его причислили к «данникам» Цинской империи.

В конце 80-х годов Хунли представилась возможность покорить северную часть Аннама (Вьетнам, Дайвьет). В ходе восстания (1771–1802) тэйшоны создали свое государство в центральной и южной части страны и боролись за овладение северной. В 1787 г. во время похода тэйшонов на север император Аннама Ле Тьеу Тхонг бежал в Китай с просьбой о по-

мощи. Воспользовавшись этим, Хунли в 1788 г. направил во Вьетнам огромную армию из провинций Юньнань, Гуанси, Гуандун и Гуйчжоу. 200 тыс. солдат двигались тремя колоннами под общим командованием наместника Лянгуана Сун Ши. Используя свое численное превосходство, цинские войска одержали над тэйшонами ряд побед. В крупном сражении на р. Тхонг вьетнамцы потерпели тяжелое поражение. Почти не встречая сопротивления, цинская армия вошла в столицу Аннама Тханглаунг (Ханой). Здесь Сун Ши вручил императору Ле инвеституру. Вокруг столицы была создана линия укреплений. В лагере отступивших южнее тэйшонов Нгуэн Хюэ провозгласил себя императором, взяв имя Куанг Чунг. Он создал мобильную и дееспособную армию, усиленную флотом, кавалерией и боевыми слонами. В 1789 г. стремительно наступавшие воины Куанг Чунга ворвались в столицу.

Захватчики оставили Тханглаунг и вместе с Сун Ши и императором Ле бежали. В бою под деревней Донгда были наголову разгромлены китайские войска Чжан Идуна, потерявшие 10 тыс. солдат. Отступавшие из Тханглаунга к границе цинские отряды были почти полностью уничтожены. Для восстановления своего престижа Хунли мобилизовал войска во главе с Фукананем. Отдавая себе отчет в неравенстве сил, Куанг Чунг возвратил всех пленных, предложил установить добрососедские отношения и в 1789 г. послал в Пекин посольство с дарами. Хунли был вынужден признать Куанг Чунга правителем Дайвьета (Аннама), а бывшего императора Ле поселить под Пекином. Был восстановлен существовавший уже давно статус Аннама как «данника» Цинской империи. Таким образом, попытка Хунли покорить южного соседа фактически закончилась провалом. Зная, как важна для китайских императоров внешняя сторона дела, Куанг Чунг лично прибыл в Пекин в 1790 г., чтобы поздравить Хунли с его восьмидесятилетием.

Переход к стагнации

Провал завоевательных войн против Бирмы и Вьетнама свидетельствовал не только о героическом сопротивлении их народов чужеземным захватчикам, но и о несоответствии внешнего величия и показной мощи Срединной империи ее внутреннему состоянию. С 70-х годов XVIII в. началось загнивание маньчжурского режима и его ослабление под ударами нараставших восстаний крестьян и неханьских народов. Внешний блеск деяний Хунли и эры правления Цяньлуи лишь прикрывал начало внутреннего упадка Цинской империи. Происходило дальнейшее ослабление «знаменного» сословия за счет утраты им своих земель. Росла коррупция в чиновной среде, увеличивалась налоговая эксплуатация населения. Его численный рост обгонял рост пахотных земель, в результате чего уменьшились размеры среднудушевого крестьянского надела. Усиливалась про-

слойка бедняков, пауперов и люмпенов. Обострение социальной ситуации шло параллельно нарастанию межнациональных противоречий.

В Цинской империи процветала национальная и религиозная дискриминация. Китайцы не из числа «восьмизнаменных» долгое время не допускались в верхние эшелоны власти. Китайским мусульманам (дунгане) был закрыт доступ в среду штатской бюрократии — их принимали только на военную службу. Представителей национальных меньшинств Юго-Запада (*мяо*, *чжуан* и пр.) рассматривали как «варваров» (*и*, *фань*) и на государственную службу вообще не принимали. Специфическая религиозная политика Сюаньэ, Иньчжэня и особенно Хунли при всей ее официально рекламируемой веротерпимости создавала в империи дополнительную политическую напряженность. Ревностное укрепление конфуцианства цинскими императорами привело к необъявленному, но ощутимому наступлению на иные религии, к падению престижа буддизма и даосизма. Цинская династия отказалась признать религиозные прерогативы даосов, крайне неслестно отзываясь о буддийских монахах. Тем не менее в 1738 г. было завершено новое издание буддийского канона. Земли буддийских и даосских храмов и монастырей, равно как и конфуцианских, освобождались от налогов и податей. Храмы и монастыри до 1744 г. получали на это особые охранные грамоты (*дудэ*). В связи с этим монашество принимали тяглые крестьяне, стремившиеся избежать налогового гнета. Храмовые и монастырские земли (*сымяоди*) обрабатывали арендаторы. Если «оседлое», т.е. монастырское, духовенство буддистов и даосов охранялось властями, то отношение последних к бродячим буддийским монахам (*хэшан*) и даосским проповедникам оставалось явно негативным.

В этой двойственности отражалось основное правило цинской религиозной и национальной политики — стремление разобщить и противопоставить друг другу любую неконфуцианскую религиозную общность. Бродячих буддистов и даосов относили к «подлому люду» и противопоставляли «оседлым», т.е. монастырским. С близостью этих «нищих» монахов к простым труженикам был связан их оппозиционный настрой и участие в народных восстаниях, что, в свою очередь, усиливало негативное отношение властей к такого рода хэшанам-бонзам и даосам.

Особую неприязнь официальный Пекин питал к исламу. Поскольку мусульмане, в том числе дунгане, часто выступали против маньчжуров, цинские императоры рядом мер ограничивали их свободу вероисповедания. Хунли запретил постройку новых мечетей и паломничество в Мекку. Ненависть мусульман к цинским властям, а также к своим феодалам-единоверцам возрастала в результате усиления налогового гнета и произвола. На этой почве в Кашгарии в 1764 г. поднялись доведенные до отчаяния уйгуры Уч-Турфана, которые убили маньчжурского правителя Сучэна, местного хаким-бека Абдуллу, а также чиновников и солдат. Выдвинув своим вождем Ацыбуту, они неоднократно отражали натиск карательных экспедиций и призывали восстать другие города. Сильные волнения нача-

лись в Яркенде и Аксу. Посулами и уговорами местным властям удалось сбить нараставшую здесь волну недовольства. После двухмесячной героической обороны Уч-Турфан был взят цинскими войсками. Его взрослые жители погибли в массовой резне, а более десяти тысяч стариков и детей насильственно переселили в Или. Однако эта «показательная» расправа лишь укрепила ненависть уйгуров к своим и чужеродным угнетателям.

Следуя традиционному курсу китайских императоров «править варварами руками других варваров» (*ли чжи*), маньчжуры всячески разжигали национальную рознь, умело подогревая и используя противоречия между различными религиями. В северо-западных районах империи цинские власти насаждали вражду между китайцами и дунганями, между монголами и ханьцами, между дунганями и монголами. Особенно успешно власти натравливали ханьцев-конфуцианцев на дунган-мусульман, монголов-ламаистов на приверженцев ислама. Тем самым императоры сохраняли контроль над ними и укрепляли свою власть. В равной мере внутри каждой неханьской народности и каждого неконфуцианского вероисповедания маньчжуры старались поддерживать политическую или религиозную рознь. Настороженное, полувраждебное отношение маньчжуров к исламу и мусульманам еще более усилилось после религиозных распрей и столкновений в среде дунган (*саларов*) в начале 60-х годов XVIII в. В противовес «старому учению» (*цзюцзяо*) тогда стало набирать силу «новое учение» (*синьцзяо*). Первое, отстаивавшее чтение Корана про себя, молча, возглавлялось как местными старшинами, управлявшими мусульманским населением, так и крупными землевладельцами, связанными с цинскими властями. Второе, призывавшее к чтению Корана вслух, направлялось богатыми купцами и скотовладельцами. «Старое учение» именовало себя «Черная гора», а его последователи носили черные шапки. Новая секта называлась «Белая гора», и ее адепты надевали шапки белого цвета. Проповедь «нового учения» начал в 1761–1762 гг. один из крупных вероучителей, Ма Минсинь, встретивший отпор со стороны сторонников «старого учения». С тех пор борьба этих двух сект постепенно нарастала. Маньчжуры встали на сторону «старого учения» и рассматривали его последователей как «добропорядочных верноподданных», а сторонников Ма Минсиня считали «смутьянами», хотя до 80-х годов XVIII в. не предпринимали против них насильственных мер.

В 1781 г. цинские власти вмешались в борьбу между двумя сектами, переросшую в кровавые столкновения. Прибывшие в район Сюньхуа в Цинхае войска стали силой оружия усмирять сторонников «нового учения». Тогда, избрав своим предводителем Сусышисаня, они подняли восстание против маньчжурского господства. Посланный против них карательный отряд потерпел поражение. Восстание перекинулось в Ганьсу, где повстанцы во главе с Ма Минсинем овладели г. Хэчжоу и атаковали Ланьчжоу — главный город провинции. На их подавление были брошены

крупные воинские силы из китайцев, монголов и тибетцев под командованием Агуя. У стен Ланьчжоу восставшие были разбиты и подверглись массовой резне. Остатки мусульманских отрядов отступили и укрылись в монастыре на лесистой горе Хуалинь — к западу от города. Тогда цинские солдаты по приказу Агуя подожгли лес, и все повстанцы погибли в огне. Вслед за этим каратели, казнив Ма Минсиня, усилили гонения на его сторонников. Их рассматривали как «мусульманских разбойников» (*хуэйфэй*), стоявших вне закона.

После казни Ма Минсиня его преемником стал ахун Тянь У. Он возродил в том же, 1781 г. секту *синьцзяо* и начал подготовку к новому восстанию в Ганьсу. Скрытно накапливались силы, заготавливалось оружие, в Шифэньбао (восточнее Ланьчжоу) был создан укрепленный лагерь для укрытия семей будущих повстанцев. Однако власти узнали об этой подготовке, и Тянь У был вынужден раньше времени поднять знамя «священной войны». Его последователи завладели г. Гуюань, но в бою у г. Фуцяня были разбиты, а сам Тянь У пал на поле брани. Желая запугать мусульман, каратели убили более тысячи женщин и детей. Однако это привело лишь к новому восстанию во главе с Ма Сыгуем и Чжан Вэньцином. Оно было поддержано дунганскими многими районами, и повстанцы наголову разбили посланные против них цинские войска. В 1784 г. Хунли направил в Ганьсу крупную армию с артиллерией во главе с Фукананем. Поредевшие силы дунган после ряда неудач и тяжелых боев отступили в свой лагерь в Шифэньбао. Цинские солдаты разрушили водопровод в горах и обрекли более 5 тыс. осажденных повстанцев и членов их семей на мучительную жажду, а затем, порвавшись в лагерь, вырезали более тысячи человек. Чжан Вэньцина и его помощников доставили на допрос к Хунли в Жэхэ, где вождь повстанцев был четвертован. Вооруженная борьба мусульман Северо-Западного Китая 80-х годов XVIII в. явилась одним из показателей кризисной ситуации, складывавшейся внутри внешне еще величественной империи.

Постепенное загнивание маньчжурского режима сопровождалось деградацией правящей верхушки. По мере приближения Хунли к семидесятилетнему возрасту, т.е. к концу 70-х — началу 80-х годов XVIII в., реальная власть в стране все более переходила в руки его могущественного фаворита Хэшэня. Этот молодой маньчжур сделал головокружительную карьеру от *сюэя* и императорского телохранителя до фактического правителя государства. В 1776 г. он уже стал главой Дворцового управления и был введен в Нэйгэ и Цзюньцзичу (членом которого состоял почти четверть века), а в 1786 г. занял пост канцлера (*дасюэши*). В 1790 г., женив своего сына на дочери императора и став его родственником, Хэшэнь обрел всевластие. Временами он занимал до двадцати различных высоких постов и доходных должностей. Хунли постоянно осыпал его милостями. Специально для него в Чжуннаньхае — за западной стеной Запретного города был построен роскошный дворец, который обслуживали тысяча

слуг. В руки фаворита стекались несметные богатства, усиливая и без того его невероятную алчность.

Хэшэнь держал в своих руках как столичную, так и провинциальную бюрократию. Вокруг него сложилась целая клика его родственников, ставленников и сторонников, таких, как Фуканань, Би Юань и др. Хэшэнь и его окружение, используя свое служебное положение, торговали титулами, должностями, почетными и учеными званиями, занимались взятничеством, присваивали государственное имущество, расхищали казенные средства и творили произвол. Они повсюду насаждали своих приверженцев, расправлялись с теми, кто подавал жалобы на них или обличал их преступления в докладах императору. Все это оказывало крайне разлагающее влияние на государственный аппарат. Чиновничество на всех уровнях, как могло, подражало всевластному временщику. Сановники, придворные и высшая бюрократия стремились снискать его расположение крайне дорогими подарками, а иных он и не брал. Из драгоценностей, присылавшихся в Пекин из соседних стран в качестве «дани», а также подношений императору от наместников и губернаторов провинций Хэшэнь отбирал самое лучшее. Безмерная жадность толкала его даже на ростовщичество. Ему принадлежали 117 меняльных контор и ломбардов с общим капиталом 70 млн. лянов. Его богатства превышали ценности императорского дворца. Только одно его движимое имущество, без земли и дворцов, оценивалось в 80 млн. лянов. Он владел более 800 тыс. му земли. Стоимость всего его имущества примерно равнялась доходу казны за восемь лет.

Всесилие Хэшэня укреплялось по мере отхода престарелого богдохана от дел, особенно после внесения им изменений в систему передачи власти. До этого даже самые близкие к императору люди вплоть до самой его смерти не знали имени преемника. Хунли же установил официальный институт наследника (*тайцзы*), объявляемого еще при жизни Сына Неба. Им стал Юнъянь (1760–1820), правивший под девизом Цзяцин (1796–1820). С 1790 г. Хэшэнь стал фактическим правителем государства, и в течение десяти лет — в 1790–1799 гг. он и его клика вершили судьбами Цинской империи. Новый император Юнъянь, боясь показать себя непочтительным сыном и обидеть отрекшегося в 1795 г. от престола Хунли, вплоть до его смерти в 1799 г. не решался трогать всевластного временщика. Кризис власти сочетался с нарастающим обострением социально-экономических противоречий внутри страны и осложнением внешнеполитической обстановки.

К концу XVIII в., когда иссяк наступательный порыв цинских завоеваний, а военная экспансия Хунли против южных соседей — Бирмы и Вьетнама — закончилась крахом, наступил явный перелом. Инициатива развязывания войн перешла к высокомерно третируемым Пекином «варварам» — гуркхам Непала, которые в конце 80-х годов стали угрожать позициям Цинской империи в Тибете. Последний не имел собственной че-

канной монеты и пользовался старой непальской (*мохар*). После завоевания непальских княжеств воинственным племенем гуркхов их правитель Притхва Нарайян изъял в 1769 г. старую и ввел новую монету. Начались переговоры о внедрении в Тибете нового *мохара* и о его курсе, но они не дали результатов. Тогда раджа Непала и его регент Батур Сае послали войска, которые, захватив несколько тибетских населенных пунктов, вынудили власти Ахасы выплачивать ежегодную контрибуцию. После завоевания в 1789 г. Сиккима гуркхи снова подняли вопрос о денежном обращении и контрибуции. В 1791 г. они вторглись в Западный Тибет и заняли ряд городов, в том числе Шигацзе. Не встречая сопротивления со стороны тибетских частей и цинских гарнизонов, гуркхи опустошили этот край, разграбили богатейший монастырь Ташилунпо.

В ответ Хунли и Хэшэнь направили в Тибет 70-тысячную армию под командованием Фуканая. В 1792 г. она вытеснила гуркхов из Тибета. Те, отчаянно обороняя горные перевалы на границе Непала, нанесли поражение цинским войскам при форсировании р. Тади по подвесному мосту. Тем не менее Фукананю удалось одержать ряд побед, глубоко вторгнуться в пределы Непала и подступить к его столице. С юга гуркхам угрожали английские войска. Непальская сторона в этих тяжелых условиях предложила переговоры, на что Фуканань охотно согласился. По заключенному в 1792 г. договору непальский раджа обязался не нарушать границ Тибета, вернуть награбленное и признал себя «данником» Цинской империи. Поход в Тибет и Непал, обошедшийся казне в 6 млн. лян, существенно обострил внутренние трудности империи.

Победу над Непалом в 1792 г. Хунли и Хэшэнь использовали для укрепления в Тибете маньчжурского диктата. Цинские *амбани* получили право участвовать в назначении и смещении *калонов* и других местных чиновников, в контроле над финансами и в инспектировании границ. Тем самым маньчжурские резиденты были поставлены в равное положение с далай-ламой и панчэн-ламой. Внешние связи Тибета, в том числе переписка далай-ламы с соседними странами, также оказались в руках *амбаней*. Если раньше далай-ламы и панчэн-ламы избирались по предсказаниям высших лам и определениям прорицателей, то с 1792 г. это решалось жребием. Имена подобранных младенцев, отмеченных «чудесными признаками», опускали в специально присланную из Пекина золотую вазу, затем далай-лама, панчэн-лама и *амбани* тащили жребий, который и определял «перевоплощенца» (*хубилган*).

Поскольку с 1761 г. далай-лама являлся не только духовным, но и светским верховным правителем, участие *амбани* в выборах *хубилгана* — преемника первосвященника «желтой веры» — имело особое значение. *Амбани* отныне представляли Тибет в его сношениях с цинским императором, через них Пекин вел дела с Ахасой. В итоге маньчжурские резиденты превратились из контролеров в соправителей далай-ламы и панчэн-ламы. Резко увеличилась численность гарнизонов, состоявших из

монгольских и китайских частей. Все это окончательно поставило Тибет под власть маньчжуров. Опасаясь иностранного влияния в Тибете, цинские императоры осуществляли политику его изоляции от внешнего мира.

Поход 1792 г. в Непал восстановил внешний престиж империи, пошатнувшийся после неудач в войнах с Бирмой и Вьетнамом, упрочил иллюзию могущества Цинской империи, что отразилось на ее отношениях с другими государствами. Например, до середины 50-х годов XVIII в. внешне дружественные связи между Пекином и Петербургом сохранялись. Однако после завоевания Джунгарии, бегства части ойратов, а затем и самого Амурсаны в русские пределы, после перехода на русскую сторону населения отдельных монгольских княжеств положение резко изменилось. Былые заверения в дружбе уступили место упрекам, оскорблениям в адрес России и ее представителей, а затем и военным угрозам. Возникли пограничные споры: Пекин не раз прерывал русско-китайскую торговлю в Кяхте. Сначала Хунли, а затем и Екатерина II придвинули войска к общей границе. Тем не менее в 1792 г. обе стороны подписали Международный акт, подтверждавший их верность Кяхтинскому договору, мирные намерения и право наказывать нарушителей пограничного режима по своим законам. Последнее устраняло возможность вмешательства цинских властей в дела России. С этого времени восстанавливались нормальные соседские отношения между двумя странами.

В конце XVIII в. «закрытие» Цинской империи для внешней торговли стало препятствием для быстро усиливавшейся экономической и колониальной экспансии Англии. Вступив с 60-х годов в стадию промышленного переворота, последняя искала пути для открытия рынков стран Востока и сбыта своих товаров. Стремясь пробить брешь в системе изоляции Китая, правительство У.Питта под нажимом торгово-промышленных кругов в 1792 г. направило в Пекин посольство Дж. Макартнэ. Он должен был добиться открытия для британской торговли ряда портов, создания складских пунктов, учреждения дипломатического или торгового представительства Англии в столице Цинской империи и отмены некоторых ограничений на торговлю и передвижение англичан в Китае. В Жэхэ и Пекине Дж.Макартнэ в 1793 г. приняли как посла далекого и маленького «варварского» государства — очередного «данника» богдохана. Хунли и Хэшэнь отказались вести переговоры с послом и отвергли все письменные требования англичан. Миссия Макартнэ окончилась в 1794 г. безрезультатно. Пекинские правители все еще ощущали себя вершителями судеб мира, а свою империю — центром Вселенной, перед которой должны были трепетать как азиатские «данники», так и «английские варвары».

Сползание к кризису

При всей внешней помпезности правление Хунли стало переломным для династии Цин. Если первая половина его царствования была связана

с восхождением и подъемом, то вторая — со сползанием к фазе очередного социально-экономического и династийно-демографического кризиса. В последней четверти XVIII в. все более ощущалось растущее обнищание масс и нарастание социальной напряженности. Об этом твердили местные чиновники в докладах, направляемых в Пекин. Желая разрядить обстановку, Хунли все чаще издавал указы о частичном или полном освобождении от уплаты налогов жителей районов, пострадавших от стихийных бедствий, о раздаче голодающим зерна из казенных хранилищ, о снабжении пострадавших семенами и о распашке целины. Тем не менее фискальная эксплуатация податного населения возрастала с каждым десятилетием. Усиление налогового бремени во многом было порождено ростом военных расходов казны в связи с непрерывными завоеваниями и походами против соседних стран. С 1685 по 1792 г. маньчжурские императоры вели 11 войн, продолжавшихся в общей сложности более 50 лет. С 1721 по 1795 г. в Китае произошло 12 крупных восстаний, поднятых в основном национальными меньшинствами. Их подавление потребовало почти 30 лет. Внешние и внутренние военные действия зачастую протекали одновременно. Они вели к росту налогов, к экстренным поборам, мобилизации крестьян для отбывания транспортной и иных повинностей. Завоевания Хунли и карательные экспедиции истощали государственную казну. Только с 1754 по 1792 г. на эти нужды было израсходовано свыше 120 млн. лянгов, что примерно равнялось доходам за три года.

За сто лет после окончательного завоевания Китая маньчжурами (90-е годы XVII — 90-е годы XVIII в.) население страны увеличилось примерно втрое — со 100 до 300 млн. человек, а площадь обрабатываемых земель, занесенных в кадастры, только на две трети — с 5,5 до 7,8 млн. цинов. В итоге обрабатываемая площадь земли на душу населения сократилась с 5,2 до 3,8 му, или почти на 30%. Как следствие резко обострилась продовольственная проблема, снизился жизненный уровень населения. Даже неизменяемые ставки налогов и тяжесть повинностей в этих условиях для измельчавших крестьянских хозяйств стали невыносимыми. В условиях нараставшей земельной тесноты, уменьшения производства и потребления зерна на душу населения резко усилились все обычные тяготы крестьянской жизни. Налоги, арендная плата, погашение долга, ростовщические проценты, трудовые повинности и стихийные бедствия становились все более разрушительными для крестьянских хозяйств. Как результат этого к концу XVIII в. стала быстро расти масса бедняков, разоренных крестьян — пауперов и люмпенов. Города, селения, торговые и ремесленные центры, дороги и базары наполнялись безработными, нищими, бродягами, беженцами из районов стихийных бедствий и военных действий. В пограничных между провинциями районах скапливались бежавшие от эксплуатации бедняки, переселенцы, разного рода отверженные, добывавшие себе на жизнь обработкой клочков земли в горах, работой на рудниках и на ремесленных предприятиях. Огромное число таких обездоленных к концу

XVIII в. скопилось в горах и лесах на стыке трех провинций — Хубэй, Сычуань и Шэньси. Их называли «живущие в шалашах» (*изиминь*).

Тысячи снявшихся с мест, бредущие по дорогам толпы голодных и опустившихся людей, которым нечего было терять и которые были способны на все, служили горючим материалом для социального взрыва. Многие искали спасения в разного рода промыслах и разносной торговле, в том числе солью. Между тем в конце XVIII в. правительство Хунли-Хэшэня вновь запретило несанкционированную добычу медной руды, выплавку меди и отливку медных денег, а также разносную торговлю солью вне системы казенной монополии и откупов. В связи с непрекращавшимися восстаниями неханьских народностей Юго-Западного Китая власти для покрытия военных расходов на их подавление увеличили налоги, ввели дополнительное налогообложение и разного рода новые трудовые, транспортные и иные повинности для обслуживания войск. Все это усилило разорение деревенского люда. В стране приближался очередной циклический кризис, чья периодичность была характерна для специфической китайской исторической модели. Предвестником кризиса стала волна народных восстаний под руководством тайных обществ и религиозных сект.

Обострение социальной ситуации активизировало антиманьчжурские настроения. Национальное патриотическое движение стало соединяться с социальным недовольством — антиналоговым и античиновным. В результате такого слияния деятельность тайных обществ (*хуэйдан*) приобрела свое «второе дыхание». Еще в 40-е годы XVIII в. возникла новая тайная массовая организация — «Союз старших братьев» («Гэлао хуэй»), также ставившая своей целью борьбу против маньчжурского владычества. «Гэлао хуэй» первоначально охватил своими ячейками районы среднего течения Янцзы. К 70-м годам его влияние распространилось на весь Центральный и отчасти Северный Китай. Наиболее активно общество действовало в провинциях Хунань и Чжэцзян и в других районах бассейна Янцзы. Помимо разорившихся крестьян, мелких торговцев, ремесленников и беженцев в нем большую роль играли солдаты войск «зеленого знамени», как распущенные по домам, так и находившиеся в строю «удальцы» из частей *юбин* и сельской милиции (*сяньюн*). Одни ответвления «Общества старших братьев» выступали под лозунгом «Свергнем Цин, восстановим Мин!» («Фань Цин, фу Мин!»), другие лозунг уничтожения маньчжурской власти дополняли планами создания идеального государства, где будут восстановлены исконно китайские устои.

Разрасталась и укреплялась тайная структура общества «Триада». Оно имело несколько названий — «Саньхэ хуэй», или «Общество триады», «Тяньди хуэй», или «Общество Неба и Земли», и «Саньдянь хуэй», или «Союз Трех точек». Его устав состоял из большого числа клятв, правил, запретов и наказаний. Руководство, или «братья», подразделялось на пять рангов и имело большую власть над рядовыми членами. В приморских

районах среди руководства значительную роль играли представители торговых кругов.

Ставя своей главной задачей свержение маньчжурского режима и восстановление династии Мин, «Тяньди хуэй» вкладывало в лозунг «Фань Цин, фу Мин!» не только антицинское содержание, но и наивно-монархические иллюзии народных масс. В привычной для народных движений того времени религиозной форме оно выдвигало также ряд социальных идей — справедливости, равенства и взаимопомощи.

Власти жестоко преследовали тайные общества. Населению под страхом смертной казни запрещалось вступать в них. Тем не менее число их членов, их новых ответвлений и ячеек, их территориальный охват и авторитет у населения непрерывно росли. Национальный гнет и социальная эксплуатация делали хуэйданы главными застрельщиками борьбы против маньчжуров и чиновников-грабителей. Антиманьчжурские лозунги хуэйданов приводили в их ряды и зажиточных людей — мелких помещиков, обиженных властями шэньши, торговцев и т.д. Иногда шэньши играли в тайных союзах руководящую роль благодаря своему образованию и авторитету среди простолюдинов.

В 70-х годах в Северном Китае активизировались различные ответвления секты «Белого лотоса». Одно из них — «Байлян цзяо», или секта «Белого солнца», в 1774 г. организовало восстание в пров. Шаньдун. В ответ на арест Ван Луня — руководителя секты в округе Шоучжан и группы его соратников члены секты взялись за оружие. В восстании широкое участие приняли женщины. Особенно героически вела себя жена Ван Луня. Повстанцы штурмом овладели г. Шоучэн и освободили арестованных. Во главе с Ван Лунем они захватили ряд окружных и уездных центров, главный город области Дунчан, осадили и взяли г. Линьцин на Великом канале, блокировав маньчжурский гарнизон. Тем самым повстанцы перекрыли подвоз с юга продовольствия — зерна в счет налога *цаолян* в Пекин. Крайне встревоженный Хунли приказал стянуть сюда из разных провинций отборные войска. Возглавляемые канцлером Шухэдэ, они разгромили повстанцев вблизи Линьцина и ворвались в город. Чтобы не попасть в руки карателей, Ван Лунь и его соратники сами сожгли себя в подожженном доме. Остальных руководителей восстания увезли в Пекин и казнили. В пров. Шаньдун было казнено свыше тысячи пленных.

В 1775 г. ответвление «Байлянь цзяо» — тайная секта «Красное солнце» («Хунъян цзяо») активизировала свою деятельность в окрестностях Пекина и в Мукдене. Арестовав руководителей секты и многих ее членов, власти сумели предотвратить нараставшую опасность. В 1786 г. секта «Восемь триграмм» («Багуа цзяо») — ответвление «Байлянь цзяо» — подняла восстание в области Дамин пров. Чжили. Захватив областной центр и перебив чиновников, повстанцы выдвинули лозунг свержения династии Цин, но потерпели поражение. В 1788 г. властям удалось при помощи арестов сорвать подготовку восстания этой секты в районе, лежавшем на границе

провинций Шэньси и Хэнань. В течение двух последующих лет здесь шли аресты ее членов.

В конце 80-х годов из-за тяжести налогового гнета и чиновного произвола обострилась обстановка на Тайване. Большим влиянием здесь пользовалось «Общество Неба и Земли», действовавшее в Фуцзяни. Первую ячейку тайного общества создал на севере острова Линь Шуанвэнь — человек из зажиточной семьи и глава сельской дружины самообороны. Вскоре эта организация пустила глубокие корни во всех населенных ханьцами районах. Когда в 1787 г. против штаб-квартиры Линь Шуанвэня был послан карательный отряд, он был разгромлен повстанцами, которые захватили ряд административных центров. Вслед за этим «Общество Неба и Земли» организовало вооруженное выступление на юге острова. Им руководил деревенский богач Чжуан Датянь. Почти вся западная часть Тайваня оказалась в руках повстанцев. Линь Шуанвэнь был провозглашен правителем (девиз — Тяньюань), а Чжуан Датянь — главнокомандующим (*даюаньшуай*).

Повстанцы создали свой госаппарат, состоявший из членов тайного общества, провозгласили восстановление порядков и обычаев минской династии. Однако они не смогли взять главный город — Тайваньфу (Тайнань). Когда на остров с материка прибыло два отряда карателей, повстанцы сняли осаду Тайваньфу и, отступив в глубь острова, стали укреплять свои силы. Раздавая отнятые у богачей средства и смягчая межземляческую вражду, Линь Шуанвэнь и его помощники заметно расширили и сплотили ряды восставших.

Провал первой карательной экспедиции вынудил Хунли направить на Тайвань 10-тысячное войско во главе с Чанцином, наместником Миньчжэ (провинции Фуцзянь и Чжэцзян). Тем временем повстанцы, укрепив свои силы, перешли в наступление, вновь осадили Тайваньфу и Чжуло, но взять их не смогли. Северная группировка Линь Шуанвэня и южная Чжуан Датяня оказались разобщенными и ослабленными, тогда как силы карателей росли. С материка почти непрерывно прибывали подкрепления. В конце 1787 г. на острове действовала 100-тысячная армия из «знаменных» частей и отборных войск семи провинций. Ею командовал Фуканань. Группировка Линь Шуанвэня, потерпев ряд неудач на подступах к Чжуло, отступила на север, а в начале 1788 г. была окружена и разгромлена. Линь Шуанвэнь с двумя тысячами бойцов вырвался из окружения и ушел в горы, но вскоре был схвачен, отправлен в клетке в Пекин и там казнен. Фуканань начал наступление на группировку Чжуан Датяня. Потерпев поражение, она отступила на южную оконечность острова, была блокирована с суши и моря, а затем разгромлена. Чжуан Датяня постигла участь Линь Шуанвэня. Затем были уничтожены мелкие разрозненные отряды повстанцев, отступившие в горные районы. Цинские войска жгли, грабили и убивали. Стремясь укрепить свое положение на Тайване, маньчжуры в 1792 г. специально внесли в уголовный кодекс империи «Дацин люйли»

строжайший запрет на деятельность «Общества Неба и Земли». Принадлежность к нему каралась смертной казнью или пожизненной ссылкой. Восстания тайных обществ и религиозных сект 70–80-х годов явились симптомами назревшего очередного циклического кризиса. Это были зарницы, предвещавшие грозу Крестьянской войны 1796–1804 гг. в Северном Китае, вспыхнувшей под руководством секты «Белого лотоса».

Другим важным компонентом назревавшего кризиса Цинской империи явилась борьба неханьских народностей против чужеземного господства, обостренная продолжавшимся «вторым маньчжурским завоеванием» ряда районов Юго-Западного Китая. Следуя традиционной китайской доктрине «править варварами руками других варваров» (*иш чжиш*), Хунли завершал покорение этого края, используя силы уже смирившихся с цинским игом групп населения против еще непокорных. Для завоевания горного района Дацзиньчуань, населенного тибетцами, наместник Сычуани Оэртай в 1766 г. собрал воинские силы десяти *тусы* племен *тубо*, живших в районе Сяоцзиньчуань. В ходе этого наступления *тубо* Дацзиньчуаня признали цинскую власть. Однако очень скоро гнет завоевателей вызвал ненависть тибетцев обоих районов. Объединившись в 1771 г., они одержали ряд побед над войсками Оэртая, за что последний был снят с должности по приказу Хунли. Против *тубо* были посланы две армии. Первая, под командованием Вэнь Фу, в 1773 г. была разбита, сам командующий пал в бою, а его солдаты разбежались. Второй удалось завоевать Сяоцзиньчуань, после чего она тремя колоннами двинулась на Дацзиньчуань. Здесь *тубо* использовали горные преграды, возвели еще более высокие валы, выкопали более глубокие рвы и героически оборонялись всеми силами. Цинские войска несли колоссальные потери и потратили почти три года для окончательного завоевания в 1776 г. 30-тысячного населения обоих районов. Эта война стоила Хунли до 80 тыс. убитых солдат и от 63 до 70 млн. лянов. Оба района были превращены в специальные округа пров. Сычуань.

«Второе маньчжурское завоевание» неханьских районов Юго-Западного Китая привело к потере земель местными народностями. Их земли усиденно захватывали китайские чиновники, помещики и переселенцы. Обезземеливание сопровождалось произволом властей и ростовщической эксплуатацией. В этой накаленной обстановке в 1795 г. в области Тунжэнь пров. Гуйчжоу восстали *мяо* во главе с Ши Людэном. В соседней провинции Хунань к ним присоединились *мяо* ряда округов, руководимые Ши Саньбао, У Баюэ и У Тинъи. Ши Людэн и Ши Саньбао накануне выступления дали клятву «изгнать пришельцев и вернуть исконные земли». Под этим лозунгом *мяо* в короткий срок свергли цинскую власть в обширном районе на стыке провинций Гуйчжоу, Хунань и Сычуань. В прилегающих к нему областях маньчжуры ввели военное положение и приступили к массовым арестам *мяо*. Помимо войск трех провинций против восставших были двинуты отборные части из провинций Юньнань и Хубэй. Подавление *мяо* было возложено на наместника Юньгуя (провинция Юнь-

нань и Гуйчжоу) Фукананя и наместника Сычуани Хэлиня. Они пообещали вождям мяо чиновничьи должности, а рядовым повстанцам деньги в обмен на прекращение борьбы. Часть мяо сложила оружие, но большинство продолжили сопротивление.

В конце 1795 г. был схвачен и казнен У Баюэ. Цинские войска нанесли поражение силам Ши Людэна, захватили его цитадель и уничтожили до сорока поселений мяо. Ши Людэн бежал в Хунань к местным повстанцам, которые в 1796 г. стойко держались против огромной армии Фукананя. После его смерти цинские военачальники, не имея возможности справиться со своей задачей, просили Юньяня и Хэшэня пойти на уступки мяо. Отклонив их просьбу, правительство двинуло в Хунань новые подкрепления. Три месяца шли ожесточенные бои за овладение главной базой повстанцев в Пинлуне — на западе Хунани. Здесь в бою погиб Ши Людэн. В конце 1796 г. Пинлун пал, был казнен У Тинъи. Остатки повстанческих отрядов отступили в горы и продолжали сопротивление. Только в начале 1797 г. карателям удалось покончить с ними. Чтобы разрядить обстановку, власти возвратили мяо какую-то часть отнятых у них земель, но главные причины, вызвавшие восстание 1795–1797 гг., не были устранены. Героическая борьба *тубо* и *мяо* за свою независимость 70–90-х годов в значительной мере опустошила цинскую казну и измотала территориальные войска многих провинций в тот период, когда в Северном Китае уже полыхала Крестьянская война 1796–1804 гг. Тем самым стойкость народов Юго-Запада во многом способствовала первым успехам повстанческих армий, сражавшихся под знаменами «Байлянь цзяо».

Самое крупное деспотическое государство в Азии провожало уходящее XVIII столетие демонстрацией внешнего могущества и первым пароксизмом острого внутреннего кризиса.

Глава 4

Аграрный и хозяйственный строй деревни

Сельское хозяйство Китая тесно связано с демографическими особенностями китайского социума. Человеческий потенциал Китая XIX в. может быть оценен лишь приблизительно. Так, все его население в 1851 г. составляло, по реестрам Ведомства налогов (Хубу), около 432 млн. человек. Подавляющее большинство из них было занято в сельском хозяйстве. Общая же обрабатываемая площадь равнялась 771 млн. му. Исходя из этого, на каждого жителя, включая и горожан, приходилось в среднем менее 1,8 му, т.е. примерно 0,1 га пашни. Несмотря на явную заниженность этого показателя, он отражает в целом специфику тогдашнего Китая. Высокая плотность населения и земельная теснота делали продовольственную проблему чрезвычайно острой. Аграрная и демографическая перенапряженность требовали от сельского хозяйства максимально возможной в тех условиях продуктивности. Зерновое хозяйство являлось доминирующим направлением земледелия и жизненной основой всего общества в целом. Животноводство не было самостоятельной отраслью хозяйства и представляло собой лишь побочное занятие при производстве зерна (подсобное разведение свиней и домашней птицы, в меньшей мере — рабочего скота).

В географическом отношении основной китайский земельный массив распадался на две части — Север и центрально-южные провинции. По данным 1851 г., на долю шести северных провинций (Чжили, Шаньдун, Шаньси, Хэнань, Шэньси и Ганьсу) приходилась 361 млн. му пахотной земли, а на 12 центральных и южных провинций — более 397 млн. му. Обе зоны отличались устойчивыми почвенно-климатическими особенностями, существенно влиявшими на характер сельскохозяйственного производства. Условной границей между ними служила линия, идущая по горному хребту Циньлин и р. Хуайхэ. Между этой линией и Янцзы лежала переходная зона со смешанными чертами земледелия. К ней относились северные области трех провинций — Хубэй, Аньхуэй и Цзянсу.

Природные условия для земледелия в северной части были менее благоприятны, чем на Юге. Даже на плодородных лёссовых почвах производительность крестьянского труда здесь была ниже, чем в центральных и южных провинциях. Основными культурами северных районов являлись

пшеница и различные виды проса, благодаря чему эта часть Китая получила наименование «пшеничный пояс». Здесь преобладало богарное экстенсивное земледелие. С полей снимался один урожай зерновых, не считая сбора ранних овощей.

Более теплый климат и значительное количество осадков, хорошие условия для ирригации и искусственно облагороженные почвы делали сельское хозяйство Центра и Юга более продуктивными. Особенно благоприятные условия для земледелия были в провинциях Хунань, Цзянси, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун, Сычуань, а также на юге пров. Хубэй. Южнее Янцзы преобладало поливное и интенсивное земледелие; главной культурой здесь был рис, более урожайный, нежели пшеница и просо. В этом районе, особенно в южных его частях, за сельскохозяйственный сезон собирали два, а на юге пров. Гуандун — даже три урожая. Были распространены ценные технические и субтропические культуры.

Поскольку в силу указанных факторов величина прибавочного продукта крестьянского хозяйства в бассейне Янцзы и южнее была значительно выше, чем в бассейне Хуанхэ, отмечалась некоторая разница в жизненном уровне и культуре населения между «бедным» Севером и «богатым» Югом.

На общем фоне господства в стране натурального и полунатурального сельскохозяйственного хозяйства наиболее заметный рост рыночных отношений наблюдался в приморских районах.

Приморские провинции, прежде всего восточные (Цзянсу, Чжэцзян), были самой экономически развитой частью Цинской империи еще до «открытия» страны в период «опиумных» войн. Оживленные торгово-экономические связи между различными частями этого района, участие, хотя и ограниченное, во внешней торговле (Гуандун), рост городов, ремесленного и мануфактурного производства (особенно в областях, лежавших к югу от нижнего течения Янцзы), широкое развитие крестьянских домашних промыслов — все это в середине XIX в. выделяло Фуцзянь, Гуандун, Чжэцзян и Цзянсу. Приморские провинции являлись производителями ряда ценных технических культур и сырья, главным образом шелка-сырца, чая и хлопка. Это был район с более высоким, чем в остальных частях страны, уровнем развития товарно-денежных отношений и рыночного хозяйства не только в деревне, но и в городах.

В то же время для другой части ведущего сельскохозяйственного района Китая — внутренних провинций (Хунань, Цзянси, Хубэй), в отличие от приморских, в целом не было характерным интенсивное развитие товарного земледелия. На их основной территории весьма прочные позиции еще сохраняло натуральное хозяйство. Тем не менее в ряде мест — в долине Янцзы, северной части Хэнани, северных и восточных областях пров. Аньхуэй и др. — товарное производство уже достигло среднего уровня развития.

Бассейн Янцзы играл особую роль в производстве зерна, прежде всего риса и пшеницы. Хунань, Цзянси, отчасти Хубэй и Аньхуэй считались

«житницей страны» и главными поставщиками товарного хлеба. Основная часть его поступала на рынок через каналы ренты. Росту в этих провинциях рыночного рисоводства способствовало торгово-промышленное развитие областей нижнего течения Янцзы. Увеличение числа частных мануфактур, рост предпринимательских элементов в цеховом ремесле и торговле сказывались и на земледелии приморских районов. Распространение здесь технических культур и их первичной обработки все более повышало спрос на продовольствие, привозимое из «житницы страны».

Северные и западные провинции (Чжили, Шаньдун, Шаньси, Шэньси, Ганьсу, Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу и отчасти Гуанси) представляли наиболее отсталую в экономическом отношении часть собственно китайских областей, отличавшуюся слабым развитием городов и ремесла. Натуральное производство и застойный деревенский быт сохранили здесь прочные позиции, несмотря на имевшиеся торговые связи с соседними провинциями и национальными окраинами (Внутренняя Монголия, Цинхай, Тибет, Синьцзян).

Земледелие здесь было развито слабее, чем во внутренних и приморских областях. Исключение составляла пров. Сычуань. Расположенный здесь Красный бассейн являлся богатейшим густонаселенным земледельческим комплексом. Однако традиционная обособленность Сычуани от остального Китая способствовала сохранению ее чрезмерной внутренней замкнутости. Последнее было в той или иной мере характерно и для остальных северных и западных провинций. Тем не менее и здесь происходили некоторые изменения. В долине Хуанхэ все более распространялась с юга культура хлопчатника. Происходило также широкое внедрение, особенно в западных провинциях, посевов опиийного мака.

Особняком стояли северо-восточные провинции — Фэнтянь, Цзилинь и Хэйлуцзян. Они были доменом цинской династии. Решающее воздействие на состояние экономики Маньчжурии оказывала изоляция ее от внешнего мира и от остального Китая, последовательно осуществлявшаяся цинским режимом. Цинские императоры ставили своей целью сохранить Маньчжурию как глубокий тыл и военно-стратегический плацдарм своего владычества, для чего стремились затормозить экономическое развитие этого района, искусственно поддерживая здесь застойный натуральный уклад. Все это превратило Северо-Восток в отсталый малонаселенный край со слабым развитием земледелия (за исключением долины Ляохэ). На 1851 г., по неполным данным, в Фэнтяни и Цзилини обрабатывалось всего около 13 млн. му земли. Переселенческое движение в Маньчжурию, официально закрытую для китайской колонизации, шло крайне медленно. Перелом наступил лишь в 50–60-х годах, когда цинское правительство, ослабленное борьбой с тайпинами, оказалось не в состоянии остановить поток безземельных крестьян, устремившихся из северных и центральных провинций в Маньчжурию. Пересмотреть свой взгляд на китайскую колонизацию этого полупустынного края Цины вынуждены были и в связи с изменившейся внешнеполитической ситуацией.

В демографическом, как и в природном отношении собственно китайские провинции также условно можно разделить на две аналогичные зоны: на менее населенный Север и перенаселенные Центр и Юг. По данным казны, в 1850–1851 гг. в 12 центральных и южных провинциях проживал примерно 71% всего населения империи. На эту часть страны приходилось 51,5% всей пахотной площади. Наиболее густонаселенными районами Цинской империи были долина среднего и особенно нижнего течения Янцзы, Центрально-Китайская равнина, Красный бассейн в Сычуани, южные и юго-восточные приморские провинции. Очень густо была заселена, в частности, дельта р. Сицзян, а также прибрежная полоса провинций Гуандун и Фуцзянь. В этих районах плотность населения составляла от 100 до 1000 человек на 1 кв. км. Средняя же плотность — 400–500 человек на 1 кв. км.

Намного ниже была плотность населения в провинциях бассейна Хуанхэ. Здесь среднее число жителей на 1 кв. км равнялось примерно 200. Согласно сведениям Ведомства налогов, в 1850–1851 гг. в шести северных провинциях проживало около 28% населения страны. В то же время их пашня равнялась 46,8% всей обрабатываемой площади Китая. Иными словами, земли здесь на душу населения приходилось больше, хотя она была менее плодородна и не так ценна, как в Центре и на Юге. Соответственно средний размер крестьянского хозяйства на Севере был значительно крупнее, а позиции крестьянских владений — более прочными, нежели в центральных и особенно южных областях. Еще менее остро земельный вопрос стоял в Маньчжурии. Здесь проживал 1% населения, пахотный же клин составлял 1,6% всей обрабатываемой площади страны, не считая огромного целинного массива.

Перенасыщенность китайской деревни рабочей силой сочеталась с отсталостью сельскохозяйственной техники. Плуг или соха использовались реже ручного вскапывания и рыхления земли при помощи мотыги. Избыток рабочих рук и трудность содержания рабочего скота (при отсутствии лугов) привели к сосредоточению железных плугов (с отвалом и без него), а также живого тягла (мулы, лошади, быки, а на Юге — буйволы) в собственности землевладельцев-арендодателей, богатых крестьян и верхушки хозяйств среднего достатка. Только часть хозяйств низших категорий, и то лишь в случае крайней необходимости, пользовалась запряжками, беря их внаймы. В рисовом и отчасти в пшеничном поясе даже уже вспаханное таким способом поле дополнительно разравнивалось и рыхлилось затем мотыгой.

Основная же масса крестьян, особенно в бассейне Янцзы и южнее, возделывала землю при помощи разного рода мотыг, тяпок, лопаток, деревянных борон, цапок и сохи на людской тяге. Эти орудия отличались своей простотой, оставаясь почти неизменными на протяжении многих столетий. Преобладающим материалом для их изготовления служило дерево. Металлическими были лишь небольшие режущие и рыхлящие нако-

нечники. Воспроизводство такого инвентаря, как правило, осуществлялось в самих же крестьянских хозяйствах. Исключение составляли железные детали: их покупали на рынке, а ремонтировали бродячие кузнецы. Пшеницу, просо и т.д. сеяли преимущественно вручную. Реже применяли простейшую деревянную сеялку, иногда соединенную с отвальным плугом. Вручную высаживали и рассаду заливного риса южнее Янцзы. Окучивание велось мотыгами и тяпками, а прополка и разреживание посевов чаще всего руками.

Техника орошения (наиболее распространенного в центральных и южных провинциях) находилась на таком же средневековом уровне. Помимо полива самотеком через систему мелких отводных каналов, арыков и канавок для принудительного орошения применялись разного рода простейшие деревянные водоподъемные приспособления колесного типа с черпаками. Они приводились в движение силой тягловых животных или чаще всего ногами самих крестьян. Очень распространен был подъем воды ручными черпаками, ведрами и бадьями из арыков и колодцев.

При жатве зерновых использовали короткие железные серпы, изогнутые ножи или просто выдергивали стебли с колосьями. Молотьба осуществлялась каменными катками, приводимыми в движение буйволами, мулами или людьми. Чаще всего зерна из колоса просто вытаптывались или выбивались ударами пучка колосьев о твердую поверхность. Преимущественно вручную осуществлялось и ружение (обдирка) риса. Транспортировка снятого урожая производилась главным образом на тачках или в корзинах на коромысле. В меньшей мере применялись запряжные повозки — одноколки.

При всей своей простоте китайский комплекс сельскохозяйственных орудий отличался значительной дифференциацией, целесообразностью и специализацией. Сами орудия были удачно приспособлены к характеру почв, глубине плодородного слоя, климатическим условиям, культурам и самому характеру рабочей силы. Отсталость земледельческой техники компенсировалась искусственным орошением, высоким плодородием почвы и благоприятным климатом. С продвижением на юг от долины Янцзы все большее значение приобретали повторные посевы, когда за вегетативный период с одного участка собирались два (на крайнем юге — три) урожая (чаще всего риса). Для этого применялась либо междурядная, либо повторная посадка двух различных сортов риса со специально подобранными сроками созревания. Даже в северных провинциях до посева пшеницы и проса крестьяне успевали снимать урожай овощей, особенно ранних, позволявших прокормиться до сбора зерновых.

Большое значение для китайского земледелия имел агрономический опыт предшествующих поколений, сноровка, искусность и огромное трудолюбие крестьянина. Обилие квалифицированных рабочих рук в Центральном и Южном Китае создавало возможность для широкого использования живого труда. Так, перенесение на поле рассады заливного риса

сопровождалось высадкой вручную и удобрением отдельно каждого кустика этого злака. Тщательность обработки полей к югу от Янцзы сочеталась с распространением грядковой культуры земледелия, а также смешанных посевов, т.е. одновременного выращивания второй, дополнительной, культуры в междурядьях основной.

Крестьянство в целом рационально комбинировало различные виды и сорта зерновых — раннеспелый, позднеспелый и клейкий рис, мягкую и твердую пшеницу, клейкое и простое просо, гаолян, чумизу, кукурузу, ячмень и т.д. Широкое распространение получили соя, хлопчатник, чайный лист, целый ряд технических культур. Помимо чаеводства тогдашний Китай славился шелководством и выращиванием тутовника. Южнее Янцзы значительную роль играло садоводство. На малопродуктивных землях в горных районах широко культивировался батат.

Проверенные столетиями китайские севообороты отличались достаточной гибкостью и целесообразностью. Для обогащения рациона питания и повышения плодородия почвы широко применялись бобовые культуры. Мелкие и конские бобы запахивались в качестве удобрения. Большое внимание уделялось искусственному восстановлению плодородия почвы. Отсутствие пара и малочисленность скота принуждали сельское население к тщательному сбору всевозможных удобрений — человеческих экскрементов, речного ила, золы, лёсса, соломы, навоза, разного рода отходов и т.д.

Предшествующими поколениями были созданы насыпные террасы, поднимавшиеся ступенями по склонам гор и холмов, насыпи, предотвращающие эрозию почв, системы дамб, плотин, защитных валов, отводных каналов, водосбросов и других крупных и средних гидротехнических сооружений вдоль Хуанхэ, Хуайхэ, Янцзы, Великого канала и других водных путей для защиты от наводнений, а также в целях ирригации и дренажа.

Отмеченная выше специфика китайской агрокультуры и аграрное перенаселение делали излишними наиболее грубые методы внеэкономического принуждения. В деревне почти не применялись суровые формы крепостничества. Исключение составляли отдельные и весьма малочисленные категории государственных крестьян на Севере. В условиях поливного земледелия, грядковой культуры и избытка квалифицированной рабочей силы принудительный труд был малопродуктивен. Поэтому барщинная система хозяйства почти не получила развития. В результате китайский социум в большей мере опирался на экономическую зависимость крестьян от крупных и средних владельцев земли.

В целом сельское хозяйство позволяло преодолевать напряженность продовольственного баланса Цинской империи, хотя и с сильнейшими отклонениями. Они вызывались периодическими стихийными бедствиями то в одном, то в другом районе страны. Высокие нормы изъятия прибавочного продукта в форме земельной ренты и налогов делали основную массу крестьянских хозяйств весьма чувствительной к воздействию даже не-

больших недородов, не говоря уже о засухах и наводнениях крупного масштаба.

Казенный сектор

По официальным данным на 1887 г., общая площадь зачисленной в кадастры земли исчислялась более чем в 847 млн. му. Из них около 826 млн. му представляли собой обрабатываемую площадь. Примерно 86% этих полей находилось в частном владении (*миньди, миньтянь*). Остальные пахотные и пригодные к употреблению участки принадлежали к разряду казенных земель (*гуаньди, гуаньтянь*). В категорию последних прежде всего входили удельные земли (*юйди*) — императорские поместья (*хуанчжуан*) и владения маньчжурской знати. Они были подведомственны Нэйуфу и делились на различные категории (*лянчжуан, шичжуан*). Далее следовали земли военного сословия (*цижэнь*) и «восьмизнаменных» войск (*циди*), казенная собственность, подведомственная различным государственным учреждениям, земли военных поселений (*тунтянь, интянь*) и казенные поместья (*гуаньчжуан*).

Крупнейшим земельным собственником был сам богдохан — Сын Неба. В его личном распоряжении находилось свыше тысячи поместий, половина из которых располагалась под Пекином. Императорские земли в основном обрабатывались крепостными крестьянами (*чжуандин, тоучунжэнь*) под надзором старост (*чжуантоу*). Кроме того, вся Маньчжурия считалась доменом цинской династии. По средневековой традиции сохранялось право верховной собственности Сына Неба на все земли в государстве.

Наследственная земельная собственность императорской родни, маньчжурской знати и верхов цинской военщины сохранялась и в XIX в. Поместья этих аристократов (*цзуншичжуан*) занимали порой десятки и даже сотни тысяч му. Они были расположены в основном вокруг Пекина и в Маньчжурии. Эта категория земель также обрабатывалась силами крепостных крестьян *чжуандинов* и *тоучунжэней*. Общая площадь всех видов удельных и казенных поместий в 1887 г. составляла свыше 4418 тыс. му. Из них 2 млн. му находились в Чжили, более 2 млн. — в Фэнтяни, а остальные — в Шаньси и Цзилини.

Помимо крепостных маньчжуры, как знать, так и военные, вплоть до рядовых солдат, имели рабов (*нули, нуу*). Рабы, в том числе долговые, были и у многих китайских чиновников, землевладельцев и шэньши. Это было домашнее рабство, в основном не имевшее производственного характера и не создававшее даже подобия особого социально-экономического уклада.

Особой формой землевладения были поля (*циди*), закрепленные за командным и рядовым составом маньчжурских «восьмизнаменных» войск, стоявших гарнизонами по различным городам и областям. Эти земли бы-

ли расположены вокруг крупных городов, главным образом на севере страны. Более всего их было в столичной провинции Чжили и вокруг Пекина. Здесь военное сословие владело свыше 15 млн. му, включая «знаменные» поместья (*цзуншинчжуан*). Кроме того, 16 млн. му принадлежало «восьмизнаменным» в самой Маньчжурии. Солдаты и офицеры получали наделы в зависимости от ранга и должности. Эти земли считались наследственными и были освобождены от государственных налогов. До середины XIX в. их можно было только закладывать, но не продавать, во всяком случае официально.

Земли командного состава, как правило, обрабатывались крестьянами-арендаторами (*дяньху*). Кроме того, в аренду (*цзу*) сдавалась и большая часть солдатских наделов. «Знаменное» землевладение объединяло в себе мелких (солдаты) и крупных землевладельцев (офицеры). Причем с каждым десятилетием усиливалось разорение рядовых «знаменных», попавших за долги в зависимость к китайским торговцам, ростовщикам, крупным помещикам и шэньши. Солдаты и часть младших офицеров все больше теряли свои наделы в результате закладов и скрытой продажи. Цинское правительство пыталось то запретом на продажу, то выкупом проданного приостановить экономическое размывание этого военного сословия. Однако меры такого рода не давали ощутимых результатов. Значительная доля «знаменных» земель уже к середине XIX в. была заложена и частично продана китайским крупным землевладельцам (*даху*), купцам и ростовщикам. В 1852 г. правительство было вынуждено официально снять запрет на продажу «знаменных» земель китайцам.

Земли военных поселений (*туньтянь*) были расположены в северных провинциях и в пограничных районах — Чжили, Ганьсу и Синьцзяне. Они делились на несколько видов. Сохранились, в частности в Маньчжурии, поместья «восьмизнаменных» поселений (*цитунь*), относившиеся к категории «знаменных» земель (*циди*). Преобладали, однако, поселения китайских войск «зеленого знамени» (*люйци*). К этой категории примыкали земли охранных постов (*вэйсотунь*). В зависимости от того, кто трудился на землях поселений, они делились на две категории — военные и гражданские.

В собственно военных поселениях (*бинтунь*) поля обрабатывались нестроевыми солдатами (*биндин, цзюньдин*), а в так называемых гражданских поселениях (*хутунь, миньтунь*) — колонистами (*туньдин*). В тех и других значительная часть земли сдавалась арендаторам (*дяньху*). По своему положению поселенцы приближались к государственным крепостным. Военные поселения находились на самообеспечении. С земледельцев гражданских поселений взимались денежные и натуральные налоги на содержание войск. В 1887 г. общая площадь *туньтянь* превышала свыше 50 млн. му.

К категории казенных (*гуаньди*) условно причислялись и земли, имевшие налоговые привилегии. К ним относились жертвенные земли (*цзи-*

тянь»), храмовые и монастырские (*сымяоди*), училищные (*сюэтянь*) и «общественные» поля (*гунтянь*). Фактически они являлись промежуточной формой между казенной собственностью и частным владением. Владения конфуцианских, даосских и буддийских монастырей и храмов вместе с училищными и «общественными» землями составляли 975 тыс. му.

Все эти четыре категории в зависимости от исторических и местных условий были частично освобождены от налогов и полностью от всяких повинностей. Часть жертвенных земель обрабатывалась прикрепленными государственно-зависимыми крестьянами, а остальные сдавались в аренду. Последняя господствовала и на храмовых и монастырских землях. Руками арендаторов обрабатывалась также большая часть училищных и «общественных» земель. Доходы с училищных земель шли на содержание конфуцианских школ *шэсюэ* и на поддержание бедных *шэньши*. Поступления с «общественных» полей контролировались местными землевладельцами и главами родов (*цзу*). Эти доходы в основном использовались для подготовки их родни к экзаменам, открывавшим дорогу в ряды *шэньши* и чиновников.

Несмотря на официальное освобождение казенных и привилегированных земель от различных поземельных налогов (*тяньфу*), они взимались с фактически перешедших в частное владение или длительное пользование. Как правило, с тех полей, которые сдавались в аренду, собиралась земельная подать (*цзукэ*, *гуаньцзу*, *сюэцзу* и т.д.), принимавшая характер налога и включавшаяся в общую для данной местности сумму поземельных налогов.

К категории казенных относились также свыше 21 млн. му непахотных либо частично обрабатываемых земель. В их число входили поступившая или заявленная под распашку целина, пастбища, заросшие камышом, отмельные или наносные, а также некоторые другие виды земель. К 1887 г. общая площадь казенных земель составляла около 110 млн. му, или примерно 12% всех кадастровых земель.

В действительности эти цифры уже не отражали реального положения. Значительная часть казенных земель, в том числе училищных и «общественных», фактически перешла в частные руки, хотя в итоговых сводках Ведомства налогов относилась к прежним разрядам.

Во второй половине XIX в. резко ускорился распад средневековых форм землевладения — «восьмизнаменного», военно-поселенческого и т.д. Казенный фонд, служивший важной составной частью аграрного строя Цинской империи, все более переходил в частное владение чиновников, «богатых семей», *шэньши*, купцов и крестьян.

Наиболее быстро шло размывание «знаменных» земель. Несмотря на то что продажа и заклад этих полей практиковались в течение многих десятилетий во все возрастающих размерах, цинский режим лишь в начале 50-х годов XIX в. официально узаконил частные сделки на них. При этом казна неоднократно пыталась вернуться к прежней политике и остановить

распад экономических устоев «восьми знамен» — важнейшей опоры маньчжурской династии.

Эти законодательные метания Цинов оказали на реальную практику купли-продажи, закладов и т.д. «знаменных» земель весьма малое воздействие. Процесс, ставший уже необратимым, шел своим чередом, все более усиливаясь, причем казна фактически потеряла возможность контролировать его.

Весьма интенсивно, но менее болезненно для казны шло размывание земельного фонда военных поселений. Оставаясь по форме казенным землевладением, вся поселенческая система была по существу пропитана и разложена изнутри частновладельческими отношениями.

Частный сектор

Примерно $\frac{9}{10}$ обрабатываемых площадей Цинской империи официально находилось в частном владении. По данным 1887 г., площадь частных земель (*миньтянь*) исчислялась в 737 796 тыс. му. Эти земли находились в руках местных магнатов — «богачей» (*туба, даху*), средних и мелких землевладельцев, шэньши и чиновников, купцов и крестьян. Все частные поля облагались налогами. В налоговых реестрах эти поля именовались «податными» (*миньфутянь*).

Владельцы частных земель (*миньтянь*) могли более или менее свободно распоряжаться ими — продавать, закладывать, дарить, передавать по наследству и т.д. Во второй половине XIX в. происходило дальнейшее упрочение института частного владения на землю. Вместе с тем права владельца еще во многом были опутаны пережитками средневековья.

К числу наиболее специфических черт земельного владения в Китае следует отнести частое раздвоение его права на один и тот же участок. Одно лицо могло владеть верхним слоем (плодородной поверхностью — *тяньмянь*), другое — нижним (подпочвой — *тяньди*). Хозяин подпочвы, обычно имевший больше прав, вносился в земельный реестр и отвечал за уплату налога. Право же на верхний слой скорее приближалось к наследственному пользованию землей. Полное право владения возникало при покупке обоих слоев одним лицом. Общая цена «раздвоенного» участка состояла соответственно из двух частей. Раздвоение права владения происходило при некоторых формах заклада земли, в результате чего в руки заимодавца переходил либо верхний, либо нижний слой земли. Существовали два вида купли-продажи: окончательная (*цзюэмай, думай*) и с правом выкупа (*хомай*) в течение нескольких лет.

Раздвоение происходило и при купле-продаже частной земли, сдаваемой на условиях «вечной» аренды (*юцззу*), обычно называемой «совместным землевладением». В этом случае покупатель получал от продавца денежное возмещение за право традиционного арендатора. В случае задолженности последний мог заложить владельцу подпочвы часть или же цели-

ком свое юридическое право на «вечную» аренду. При «вечной» и в меньшей мере при долгосрочной аренде землевладелец, в свою очередь, продавая подпочву, вместе с тем продавал свое право на земельную ренту.

Сама продажа земли происходила при соблюдении ряда предварительных правил, обусловленных традицией. Так, право первенства на покупку того или иного участка имели родственники продавца или же люди той же фамилии, живущие поблизости. Продающий должен был предложить свою землю прежде всего им. Чужакам она продавалась в том случае, если сородичи или однофамильцы не могли или не хотели ее купить. Наиболее сильно эти ограничения сказывались в южных провинциях. Здесь невозможно было продать участок без согласия главы рода или ведущих семей клана (*цзу*).

Наряду со средневековой пестротой форм само землепользование и землевладение отличались крайней дробностью и чересполосицей. Земля как крупных владельцев, так и крестьян была разбросана в различных местах и разделена на множество мелких полосок неодинаковой величины и плодородия. Чересполосицу усиливала и традиционная система наследования, т.е. отсутствие майората. На определенном этапе раздел земли между сыновьями или внуками умершего производился поровну (и по количеству, и по качеству).

В результате столь резкого дробления все большая часть пахотной земли выпадала из хозяйственного оборота, превращаясь в межи, насыпи у заливных полей, тропинки, могилы и т.д. В то же время особенности китайской агрокультуры и земледельческой техники, тяжесть арендной эксплуатации и ряд других факторов затрудняли или в ряде случаев делали невыгодными для рядового крестьянина подъем целины или распашку залежи в пределах собственно китайских провинций.

Что касается господства крупного частного владения и развития арендных отношений, то в этом плане собственно Китай делился на две четко отличавшиеся друг от друга части, совпавшие с двумя основными природными и демографическими зонами, о которых говорилось выше.

Северные провинции («пшеничный пояс») являлись областью прочного преобладания крестьянского землевладения. Дворы крестьян-владельцев земли здесь составляли примерно 60–70%, а арендаторов и полуарендаторов — только 30–40% всех хозяйств. К этому району частично примыкала пров. Цзянсу, где после Крестьянской войны тайпинов (1850–1864) окрепло крестьянское земельное владение. Здесь владельческие хозяйства составляли 40%, а арендаторов — 60%.

Провинции, образующие «рисовый пояс», составляли область преобладания крупного землевладения и арендных отношений. В эту зону входили провинции Гуандун, Фуцзянь, Чжэцзян, Аньхуэй, Цзянси, Хубэй, Хунань, Сычуань, Гуанси, Гуйчжоу и Юньнань. Здесь дворы арендаторов и полуарендаторов составляли 70–80%, крестьян-владельцев земли — только 20–30% всех хозяйств.

Указанное деление имеет условный характер: внутри обеих областей и отдельных провинций встречались районы с принципиально иным соотношением крупного и мелкого землевладения. Кроме того, можно выделить переходную зону, шедшую вдоль областей верхнего течения р. Ханьшуй и бассейна р. Хуайхэ. Тем не менее деление собственно Китая на область мелкокрестьянского землевладения («пшеничный пояс») и область арендаторских хозяйств («рисовый пояс») в целом согласуется с данными об уровнях имущественного расслоения деревни в различных провинциях.

На Севере доминировал владевший землей крестьянин, противостоявший не столько крупным землевладельцам, сколько государству, казне, налоговым чиновникам, разного рода ростовщикам и т.д. В центрально-южной зоне наблюдалась самая высокая концентрация крупного землевладения.

Китайский крупный землевладелец, как и крестьянин, тянулся к максимально продуктивным и культурным землям. В связи с этим арендный комплекс господствовал в центральных и особенно южных провинциях. В результате многовековых социальных пертурбаций в руки разного рода «богачей» — «местных деспотов» (*туба*), «больших домов» (*даху*), «богатых семей» (*фуху*), в том числе шэньши, чиновников, лидеров кланов, а также средних и мелких арендодателей перешли лучшие земли: прежде всего поливные, с интенсивным земледелием, наиболее удобно расположенные и т.д.

Позиции крупного землевладения определялись не только качеством, но и количеством полей. В центрально-южной зоне «большие дома» и «местные деспоты» были главной силой. Хозяйства крестьян-владельцев земли по своим размерам были значительно меньше, чем на Севере, что объяснялось земельной и людской «теснотой». По этой же причине арендаторские хозяйства на плодородных землях становились с продвижением на юг все более мелкими и располагались кучнее. «Голодная» зависимость арендаторской и полуарендаторской массы от крупных землевладельцев укрепляла положение последних, делая их ведущей фигурой в центрально-южной деревне.

Соотношение между крестьянской землей и владениями «богачей» не было величиной постоянной. Доминирующей тенденцией развития аграрных отношений в рассматриваемый период был рост крупного землевладения за счет поглощения мелких крестьянских участков. Именно «местные деспоты» и «большие дома» были главными «поглотителями» (*баоху*) земельных владений крестьян (*сяоху*). Цинское правительство давно отказалось от вмешательства в права владельцев и не делало попыток ограничивать куплю-продажу частных земель или регламентировать их сосредоточение в руках «богачей». Владения в несколько тысяч му были весьма распространенным явлением. Однако в руках класса землевладельцев находилось менее половины частных обрабатываемых площадей, при этом количественно преобладали мелкие и средние владельцы.

Отсутствие майората в традиционном праве наследования вело к периодическому дроблению земельного владения отдельно взятой «богатой» семьи. В то же время постоянная скупка и захват мелких крестьянских участков восстанавливали объем землевладения всего класса в целом. В среде средних и мелких рентополучателей более заметной была тенденция к измельчению владений. В результате имущественных разделов часть средних землевладельцев превращалась в мелких, а мелкие арендодатели — в богатых и даже средних крестьян. При этом твердых сословных и иных границ между верхами крестьянства и низшими слоями рентополучателей не существовало. В ряды последних часто выбивались наиболее богатые крестьяне (*фунун*).

По-иному обстояло дело в верхних слоях крупных землевладельцев. Именно в среде «местных деспотов» и «больших домов» разделы имущества и особенно земли происходили не часто. «Большие дома», как правило, представляли собой единый комплекс, состоящий из основной семьи главы всего рода и ряда побочных, еще не отделившихся в имущественном плане семей. Такая «большая семья», связанная общим фамильным имуществом, властью старшего в роду, соперничеством в богатстве с соседними магнатами и поддержанием собственного престижа, крайне редко шла на имущественный раздел. Тем самым влияние крупных землевладельцев сохранялось более или менее постоянно.

Господство «больших домов» и «местных деспотов» укреплялось широко разветвленными родственными связями, а также постоянными брачными союзами между семьями и родами. Поддерживаемый из поколения в поколение союз нескольких таких фамилий представлял мощную экономическую и политическую силу. Ее боялись местные крестьяне и присылаемые в уезд чиновники. Через сложную цепь родства и знакомств «богатые семьи» и «местные деспоты» имели своих людей, покровителей и заступников в высоких административных и сановных сферах.

Для китайской деревни было характерно отсутствие барской запашки. «Богачи» очень редко вели свое хозяйство. В центральных и южных районах почти все свои земли они сдавали мелкими клочками в аренду крестьянам. Безземельные и малоземельные дворы вынуждены были арендовать или приарендовывать чужую землю. Арендаторы являлись по существу зависимыми крестьянами, привязанными к классу землевладельцев прочными экономическими путями, разрыв которых грозил этой категории людей голодной смертью. Аграрное перенаселение являлось одним из условий существования китайской арендной системы эксплуатации. Без повышенного давления людского потенциала на сферу землепользования, без избытка арендаторов и конкуренции между ними был бы невозможен данный уровень изъятия прибавочного продукта.

Класс землевладельцев контролировал деревню не только экономическими методами. Средний и особенно мелкий рентополучатель-арендодатель в Китае не был столь отдален от крестьянства, как дворянин в Евро-

не. В большинстве случаев такой землевладелец жил в самой деревне, а не в отдельной усадьбе. По основным чертам быта он не так уж сильно выделялся среди богатых крестьян, принадлежа так же, как и они, к сословию земледельцев (*нун*). Зачастую он носил ту же фамилию, что и большинство семей данной деревни. Считалось, что все однофамильцы происходят из одного рода. В южных провинциях фамильно-родовые связи еще были достаточно сильны, что придавало такому «богачу» авторитет главы кровнородственной, или, точнее, однофамильной, общности (*цзунцзу*). Иногда такие кланы насчитывали до тысячи человек.

В деревне строго соблюдался культ предков, сохранялись общие кумирни, храмовые земли и родовые кладбища. Главные культовые церемонии осуществляли более богатые семьи. В южных провинциях сохранились и так называемые клановые земли (*цзунди*). Доходы с них укрепляли власть верхушки рода и, как уже отмечалось, шли на подготовку ее членов к уездным и более высоким экзаменам для получения ученых степеней и продвижения в чиновную среду.

Из среды землевладельческого класса и родственного ему окружения формировалось чиновное и ученое сословие *ши* (шэньши). Чиновникам и шэньши принадлежала административная власть на местах, использовавшаяся прежде всего для охраны владений и порядка в сельской местности. Сословие шэньши, формально не совпадая полностью с классом крупных землевладельцев, было как бы его социальным придатком и продолжением. Обслуживая свой класс-патрон, шэньши и чиновничество играли заметную роль в социальных и исторических процессах, происходивших в империи.

Хотя чиновникам строго запрещалось служить у себя на родине, а также приобретать землю по месту службы, союз землевладельцев и шэньши имел прочную политическую и экономическую основу. На Севере главное место занимала чиновная бюрократия, особенно маньчжурская во главе с императорским двором в Пекине, в центральных же и южных провинциях — китайские «богачи» и шэньши.

Согласно конфуцианским традициям, шэньши пользовались в деревне особым почетом и авторитетом. В их ведении находились местное ополчение (*сяньюн*, *туаньянь*), конфуцианские школы (*шэсюэ*), учителя, училищные (*сюэтянь*) и «общественные» (*гунтянь*) земли. Шэньши также контролировали сельских (*личжан*) и волостных (*сянчжан*) старост.

Шэньшиско-землевладельческий блок был социальной доминантой китайской деревни и всего цинского общества. При этом значительная часть рентополучателей-землевладельцев, не обладавших учеными степенями, находясь в полном согласии с местными шэньши, формально относилась к сословию земледельцев — *нун*, которое, как уже отмечалось, считалось наиболее почетным после *ши*. В него входило и крестьянство — основной производящий и эксплуатируемый класс традиционного Китая. Законодательство Цинской империи формально было призвано защищать интере-

сы, права и имущество «земледельцев» (*нун*), однако на практике оно стояло на страже интересов крупных землевладельцев и шэньши.

Имущественное положение значительной части крестьян было еще довольно прочным. В крестьянской среде владелец земли все еще количественно преобладал над арендатором. Как уже упоминалось, удельный вес первых в среднем составлял около 60–70%, а на долю вторых соответственно приходилось от 30 до 40% общего числа дворов. Даже в начале XX в. крестьянство, составлявшее подавляющую массу сельского населения, владело более 50% всех пахотных земель.

Наиболее прочные позиции крестьянского землевладения сохранились, как уже подчеркивалось выше, в «пшеничном поясе» — в северных провинциях. Здесь на крестьянский двор в среднем могло приходиться свыше 30, а иногда до 40 и более му. Однако в целом по стране крестьяне владели небольшими участками: 8–10 му, а на Юге — 3–5 му на двор. Малоземельные семьи были вынуждены приарендовывать землю у окрестных «богатеев». В бассейне Янцзы и особенно в южных провинциях большинство дворов являлось держателями чужой земли на различных условиях, т.е. арендаторами и полуарендаторами.

Налоговая система

Подавляющую массу податного населения Цинской империи составляло крестьянство. Крестьяне-землевладельцы были главными налогоплательщиками, поскольку процент городского населения был крайне мал. Объектом налогообложения оставалась земля, а не хозяйство как таковое. Начисление общей суммы различных налогов (*тяньфу*) с земельного владения и ее раскладка по каждому владению производились на основе земельных реестров (*юйлинцэ*), хранившихся в налоговом управлении областной управы (*ямынь*). Основным видом обложения деревенских жителей был единый поземельно-подушный налог (*дидин*). Он складывался из двух частей — собственно поземельного сбора (*дифу*) и подушной подати (*динфу*).

Еще в XVIII в. для всей страны была официально установлена общая сумма *дидина*. В последующем она оставалась неизменной, так как число налогоплательщиков условно считалось постоянным и регулярно происходившее перераспределение земельных владений не учитывалось. Исходя из этого, были введены официально закрепленные и неизменяемые выплаты с каждого участка. Тем не менее власти на местах находили различные способы увеличения налоговых сборов в свою пользу, зачастую не считаясь с правительственными установлениями. Центральная же власть, и прежде всего Ведомство налогов (*Хубу*), крайне редко вмешивалась в действия местной администрации. При этом *Хубу* определяло лишь общую сумму сбора для каждого уезда, округа, области и провинции, а раскладка налога по землевладельцам оставалась прерогативой местных вла-

стей. Последнее было очень важно для «больших домов», «местных деспотов» и влиятельных шэньши.

Официальные нормы поземельного сбора (*дифу*), установленные еще в начале правления Цин, были сравнительно небольшими и исчислялись в зависимости от качества земли. Все поля по степени урожайности делились на три категории (*шан*, *чжун*, *ся*), а каждая из них, в свою очередь, — на три разряда. На практике же учетная градация резко увеличивалась за счет различных категорий податных земель. В каждой из них действовала своя девятиступенчатая шкала. Преобладающей категорией была частная, облагаемая налогом земля (*миньфутянь*). В нее входили частные земельные владения, обложенные обычными ставками единого поземельно-подушного налога (*дидин*). Удельный вес остальных многочисленных податных категорий был невелик.

Одни из них имели историческое происхождение. К этой группе относились бывшие удельные земли периода Мин (*гэнминтянь*), поля минских караульных постов (*гуйбинвэйсо ди*, *гуйбинвэйсо тунтянь*) и наделы, сданные обратно в казну самими «восьмизнаменными» (*туйцюань ди*). Другую группу составляли владения национальных меньшинств в целом (*фаньди*, *иди*), их князьков и старшин (*тусыди*), либо одной конкретной народности (*мяоди*, *чжуанди*). Ряд земель выделялся по природным особенностям — земли в горах (*шаньди*), участки, где добывалась соль (*цао-ди*), где имелись заросли тростника (*вэйди*) и др. Особую группу составляли поля с хорошим орошением — озерные земли (*худи*), участки, орошаемые водоподъемными колесами (*чэди*), наносные земли (*хэюйди*), а также земли у прудиков, колодцев, канав и т.д. Кроме того, в реестрах отдельно учитывались невозделываемые земли (*цаошань*) и заросшие участки (*хаоцао*), насыпи и плотины.

Для каждой из этих категорий изначально существовали свои особые нормы обложения в зависимости от урожайности. Все это создавало по уездам, округам и областям многие десятки учетных разрядов при начислении поземельного сбора (*дифу*). В результате разница в нормах обложения, установленных еще в период Шуньчжи (1643–1662), была огромной. При денежной форме взимания единого поземельно-подушного налога (*дидин*) с частной податной земли (*миньфутянь*) его самая низшая исходная ставка с 1 му равнялась 2 *хао* (7,4 мг) серебра, а наивысшая — 2 *лянам* 3 *цянам* 8 *фэням* 1 *ли* 7 *хао* (88,8 г). В натуральном исчислении минимум составлял 6 *чао* (0,006 л), а максимум — 2 *доу* 9 *шэнов* 1 *гэ* 4 *шао* 8 *чао* (30,1 л). В среднем же официальная денежная ставка с 1 му обычно не превышала 3 *цяней* (11,2 г) серебра, а натуральная — от нескольких *шэнов* до 1,5 *доу* (15,5 л) риса или пшеницы, приближаясь к 10% урожая. Натуральные выплаты поземельных налогов (*тяньфу*) все более заменялись денежными.

Как уже отмечалось, помимо собственно поземельного сбора (*дифу*) в сумму единого налога как составная часть входила подушная подать

(динфу). Она взималась только с владельцев земли. Безземельные дворы были освобождены от ее уплаты. Подушная подать начислялась из расчета 2 цзяна (7,5 г) серебра на каждый лян поземельного сбора, т.е. была 20-процентной надбавкой к последнему. Практически этот сбор не имел характера подушной подати в полном смысле слова, став компонентом налога с имущества.

К середине XIX в. единый поземельно-подушный налог (диндин) составлял примерно две трети всех доходов казны. Он исчислялся в серебре, но крестьяне, как правило, выплачивали его медными деньгами. Кроме того, часто его натуральная ставка (рисом, пшеницей, бобами и др.) перечислялась на деньги. Перевод чиновниками денежных выплат в зерновые сборы и обратно облегчался и наличием в официальной практике так называемого переводного налога (ляичжэ). Последний являлся одной из форм взимания поземельно-подушного налога. Все это позволяло местным чиновникам резко увеличивать фактическую сумму налога, оставляя излишки у себя. Подобные махинации осуществлялись за счет завышения курса серебра или занижения цен на зерно. Произвол чиновников-сборщиков был самым обычным явлением в деревне.

К основной части (чжэнфу) единого поземельно-подушного налога прилагались разного рода официальные надбавки. Эти многочисленные дополнительные поборы объединялись в общую категорию — сяньюй, или хаосянь. В нее включались, например, надбавки на расходы, связанные с самим сбором налога и перекладываемые тем самым на податное население. Для восполнения потерь казны при переплавке получаемого в счет налогов серебра низкой пробы существовал особый сбор хохао. Форма и вес поступающих в казну серебряных слитков были весьма разнообразны. Под этим предлогом взималась надбавка на «стандартизацию» (тинъюй) — от 12 до 25 лянов на каждую тысячу лянов основного налога. Наряду с этим бралась компенсация «потерь» при пересчете серебра на медные деньги, которыми чаще расплачивалось крестьянство. Последняя надбавка была особенно ощутима для налогоплательщиков. В 50-х годах XIX в. был введен новый побор для содержания местных войск (аньлянь цзиньте). Во многих провинциях к этому добавлялись разного рода «пожертвования» (цзюаньшу) на «общественные» или казенные нужды. Официальные нормы этих и им подобных начислений были невелики, однако именно в этой сфере для местных властей открывалась широкая возможность завышения налогов, различных махинаций и произвола.

Кроме того, в восьми провинциях (Хунань, Цзянси, Аньхуэй, Хубэй, Цзянсу, Чжэцзян, Шаньдун и Хэнань) сверх поземельно-подушного налога взимался особый продовольственный налог (цаолянь). Он шел на нужды центрального государственного аппарата, маньчжурской знати и «восьмизнаменных» войск в Чжили и Маньчжурии. В северных и центральных провинциях действовала специальная казенная служба юньцао — «система водных перевозок» податного зерна в Пекин.

В четырех провинциях (Цзянсу, Чжэцзян, Аньхуэй и Шаньдун) этот налог взимался зерном. Его ежегодный сбор составлял около 5 млн. *даней* (риса, пшеницы, бобов и т.п.), из которых примерно 3,5 млн. доставлялось в Пекин. В остальных провинциях он пересчитывался на деньги (*лянчжэ*, *цаочжэ*). Перевод продовольственного налога из натуральной формы в денежную производился по наивысшим рыночным ценам, усиливая его реальную тяжесть.

Независимо от формы взимания существовало 6–7 дополнительных сборов и надбавок (*цаосян*) к основному «продовольственному налогу». Из них самой тяжелой была надбавка от 2 до 4 *доу* на каждый *дань* на потери при перевозке и от усушки зерна (*чжэнхао*). Многие из дополнительных сборов и надбавок также переводились на деньги. Все чаще зерновые сборы самого продовольственного налога в провинциях Аньхуэй и Шаньдун заменялись серебром.

Практиковалось также привлечение крестьян-землевладельцев к различного рода трудовым повинностям (*чайяо*). В основном они были связаны с ремонтом дамб, плотин и дорог (*цзюньяо*). Вид и объем работ определялись местными чиновниками. Наряду с этим существовали военные и транспортные повинности (*бинчай* и *лючай*): снабжение проходящих войск и проезжающих чиновников провиантом, фуражом, повозками и упряжним скотом. Сохранялась повинность, связанная с поддержанием почтовой службы (*чжи*), и многие другие виды принудительных работ.

Однако постепенно возобладала практика замены трудовых повинностей денежными сборами (*чайинь*, *юинь*). Чаще всего откупались от «общественных» работ (*цзюньюинь*), военной и почтовой повинности (*ичжаньинь*). Они начислялись на каждый *лян* поземельно-подушного налога, а размер этих надбавок к основному налогу зависел от тяжести, места и характера работ. Одновременно росло применение принудительного казенного найма рабочей силы (*чжаому*, *чжаогу*). В отдельных районах существовали подати на посадки чая, на рыбную ловлю, на сбор тростника и т.д. Зачастую эти поборы устанавливались самими местными чиновниками и попадали в их карман. Помимо прямых налогов существовали и косвенные, прежде всего на имущественные сделки и наследство (*цишуй*, *тяньфанцишуй*). Сами по себе прямые и косвенные налоги вместе с надбавками не были разорительными для крестьян-владельцев земли. Самое страшное заключалось в порядке и методах их взимания. Экономическая раздробленность страны, отсутствие единых мер площади, веса и объема давали властям возможность произвольно устанавливать причитающиеся с крестьян платежи. В Цинской империи существовало несколько десятков разных величин *му*, при этом расхождение между ними порой достигало сотен процентов. Во многих провинциях *му* делилось на различное число долей (*бу*, *гун*). Такой же разнобой существовал в мерах веса и объема. Так, насчитывалось множество величин *цзиня*, *даня*, *доу* и т.д. с резкими местными отклонениями от нормы.

К этому добавлялась неустойчивость курса серебра в медной монете, а также резкие сезонные колебания рыночных цен на зерно, что позволяло чиновникам увеличивать сам размер налогов и общую сумму сбора. В итоге пересчет податного зерна на деньги и перевод медных *вэней* в серебряные *лянны* становились подлинным бичом для крестьян-владельцев земли.

Обычным явлением при приеме налогового зерна было завышение мер объема, а также котировки серебра в медной монете. Кроме того, местные власти часто произвольно повышали размеры самих налогов и надбавок к ним. В результате разного рода махинации и незаконные начисления увеличивали реальные сборы в несколько раз по сравнению с довольно низкими официальными ставками. При этом вся разница шла в пользу сборщиков и других местных чиновников.

Поземельно-подушный (*дидин*) и натуральный налог (*цаолян*) платили только землевладельцы, т.е. рентополучатели и крестьяне. Соответственно на севере страны на крестьян приходилась значительно большая доля налоговых платежей, чем в южных провинциях. По цинским законам арендатор (*дяньху*, *цзуху*) освобождался от уплаты налога за взятую им землю, а полуарендатор соответственно платил лишь за свой собственный участок. Тем не менее при установлении размера арендной платы землевладельцы чаще всего включали в нее и налоговые платежи со сдаваемой земли. В отдельных случаях по условиям договора арендатор обязывался платить и все налоги, связанные со взятой им землей.

«Богачи» и *шэньши*, тесно связанные с чиновным миром и обладающие экономической и политической властью на местах, платили налоги по более низким ставкам, чем крестьяне. Чаще всего владелец земли просто перекладывал фискальное бремя на своих арендаторов, особенно должников. С морально-правовой точки зрения именно налоговая и отчасти ростовщическая эксплуатация, вернее, злоупотребления в этой сфере были наиболее ненавистны и неприемлемы для крестьянской массы. Этот вид изъятия прибавочного продукта в глазах земледельца был более паразитическим, нежели арендная эксплуатация.

Крестьянство составляло абсолютное большинство основного тяглого и податного сословия *нун*. Маньчжурские власти еще в начальный период своего господства осуществили ряд мер по прикреплению крестьян к месту рождения и жительства, несмотря на то что подавляющая часть сельского населения считалась юридически свободной и равноправной (*фаньжэнь*, *миньжэнь*). Ведомство налогов проводило переписи полей и населения со строгой фиксацией причитающихся с них налогов и повинностей. В реестры вносились тяглые (*дин*) — лица мужского пола от 16 до 60 лет; нетяглые (женщины, дети, подростки) включались в низший разряд (*хоу*). Кроме того, периодически осуществлялись специальные проверки земельных кадастров. Волостным начальникам вменялось в обязанность прикреплять к земле людей по месту их учета, независимо от того, из какой местности они происходили. Прежде всего это касалось беглого

и бродячего люда (*люман*), наличие которого особенно беспокоило власти. Прикрепление крестьян к месту жительства затрудняло подвижность населения и возможность отхода на заработки.

Помимо старост (*личжан*, *сянчжан*) в деревне действовала система круговой поруки *баоцзя* — административно-политическое объединение дворов в десятки, сотни и тысячи во главе с соответствующими начальниками. По цинским правилам на дверях фанз или на воротах дворов вывешивались специальные дощечки (*мэньпай*) с указанием главы семьи, числа тягловых и душ в целом, их возраста, имущества и т.д. По ним отмечалось любое перемещение сельских жителей. Каждые десять дворов (*ху*) составляли *пай* во главе с десятским (*пайтоу*). Десять *пай* объединялись в *цзя* со своим сотским (*цзячжан*). Из десяти *цзя* формировались *бао* под надзором тысяцкого (*баочжэн*). Над *бао* стоял волостной староста. Кроме того, вся система контролировалась местными шэньши. Система круговой поруки облегчала властям учет населения, взимание налогов, отбывание повинностей, и в первую очередь полицейский надзор. На основе десятидворных списков (*пайцэ*) составлялись донесения более высоких инстанций, посылавшиеся в Ведомство налогов, где все они сводились в реестры (*хуанцэ* и *цинцэ*). На основании последних определялись прирост или убыль населения страны.

Арендная система

Главной формой эксплуатации безземельной и малоземельной части крестьян в центральных и особенно южных провинциях Китая была арендная система (*цзу*, *дянь*). Натуральная земельная рента, предварительные взносы или арендные залоги, взимаемые с зависимых держателей земли, представляли собой основную массу прибавочного продукта, получаемого классом землевладельцев. При этом степень распространения аренды возрастала с севера на юг: чем южнее провинция, тем выше был процент земель, сдаваемых внаймы. Та же закономерность прослеживалась и в направлении с запада на восток. Разнообразие климатических, демографических, исторических факторов и особенностей, слабая хозяйственная взаимосвязь между провинциями и отсутствие единого внутреннего общекитайского рынка обусловили сложную мозаику арендных отношений, а также множество разновидностей и форм ренты.

Средневековые нормы оупутывали не только институт землевладения, но и саму аренду. В ее сфере применялись внеэкономические методы притеснения арендаторов. При этом традиционный строй с его правовыми нормами не только обеспечивал эксплуатацию крестьянина, но и в известной мере поддерживал его сословный, а также хозяйственный статус, особенно право на соединение с землей. Так, согласно многовековой традиции и цинским законам, если арендатор исправно вносил положенную по соглашению (устному или письменному) плату, рентополучатель формально

не мог согнать его с земли до истечения срока договора. Хотя этот принцип часто нарушался, он оставался общепринятой юридической нормой.

Формы аренды можно условно разделить на «вечное», длительное и обычное, т.е. краткосрочное, держание. В Китае преобладала длительная аренда (от 5 до 20 лет). Кроме того, в таких провинциях, как Цзянсу, Чжэцзян, Цзянси, Хубэй, Фуцзянь, Гуанси, Аньхуэй, Гуандун, была довольно распространена «вечная», т.е. бессрочная, аренда (*юндянь*, *юцзу*).

На практике длительная аренда часто сопровождалась той или иной ростовщической задолженностью арендатора землевладельцу. В такой ситуации сгон держателя с земли проходил без правовых затруднений. Тем не менее во многих случаях хозяева земли предпочитали сохранять такого держателя, опутав его долговой и иной кабалой, превратив в лично зависимого от себя послушного работника. В целом по стране традиционное право исправного арендатора на сохранение договора, несмотря на все отклонения, еще продолжало действовать.

В более прочном положении находились держатели на правах «вечной» аренды, которая предполагала передачу арендной земли по наследству. Это право или обычай были обязательны как для держателя, так и для владельца земли. Кроме того, наследственный арендатор мог передать на время или продать свое право другому лицу без ведома хозяина земли. Ко всему этому размер ренты при «вечном» держании чаще всего был просто строго фиксирован и редко изменялся как в ту, так и в другую сторону, будучи в целом крайне выгодным для крестьянина. «Вечные» арендаторы обязаны были вносить платежи, размер которых был зачастую установлен более 100 лет назад и закреплен традицией. В некоторых провинциях его нельзя было согнать с земли даже в случае единичного невнесения арендной платы. В неурожайные годы, она, как правило, снижалась или отменялась совсем.

Правом «вечной» аренды пользовался более привилегированный слой держателей. С сокращением срока аренды соответственно уменьшались права держателя земли. При обычной краткосрочной аренде (от года до трех лет) своевластие землевладельца было наименее ограничено.

При всех формах арендных отношений господствовала натуральная рента. Она существовала в трех основных видах: твердо фиксированной (*мицзу*, *гуцзу*), изменяющейся в зависимости от урожая (*ицзу*, *хоцзу*) и издольной (*фэньчжун*, *фэньцзу*). Ее размер колебался от 40 до 60% сбора. Издольщина преобладала на землях, сдававшихся в краткосрочную аренду, а фиксированная рента — при сдаче участков, расположенных в другой деревне или волости.

Как более выгодная для крестьянина, фиксированная рента сопровождалась денежным или имущественным залогом (*диншоу*) в качестве компенсации и гарантии рентополучателю. Такие условия были по плечу лишь зажиточным крестьянам и какой-то части средних дворов. В случае нарушения арендатором договора (устного или письменного) землевладе-

лец присваивал себе соответствующую часть залога. В приморских провинциях и в низовьях Янцзы натуральные ренты, исчислявшиеся в зерне (*мицзу*, *фэньчжун*), часто переводились в деньги и выплачивались медью или серебром. При такой так называемой переводной аренде (*чжэцзу*) рента оставалась в своей основе продуктовой.

Натуральные формы аренды доминировали в наиболее плодородных и густонаселенных районах юга и центра страны (Гуандун, Хунань, Цзянси, Фуцзянь и Чжэцзян), на землях высшей категории и прежде всего на орошаемых или заливных рисовых полях. В перечисленных провинциях натуральная рента была наиболее выгодна для землевладельцев. Помимо прибавочного продукта она позволяла рентополучателю получать еще часть торговой прибыли при реализации риса на рынке (особенно за счет придерживания зерна до весны, т.е. до установления наивысших цен).

В центральных и южных районах Китая очищенный рис являлся в известной мере средством платежа и своего рода денежным эквивалентом. В условиях усилившихся во второй половине XIX в. медноденежной инфляции и нехватки серебра в стране, перенаселения деревни и особенно в период стихийных бедствий и голода часто возникали ситуации, при которых рис оказывался «дороже денег».

Денежная рента (*цюцзу*, *юйцзу*, *цяньцзу*) была еще слабо распространена. При этом наблюдались две тенденции. С одной стороны, денежная рента наиболее прочные позиции имела в северных провинциях (Чжили, Шаньдун, Шаньси и Ганьсу), т.е. в районах с наименее продуктивным земледелием, а также в центральных и южных провинциях на неорошаемых землях со средней и особенно с низкой урожайностью. С другой же — она, как и переводная аренда (*чжэцзу*), встречалась в областях с более развитым рыночным земледелием, в районах выращивания технических культур, в зоне удобных путей сообщения, в пригородных уездах и т.д. Существовало два вида денежной ренты. Менее распространенной была ее выплата после сбора осеннего урожая (*цюцзу*), а более — с предварительной уплатой еще до посева (*юйцзу*). Обычно предполагалось внесение денежной арендной платы за год вперед, что толкало держателя земли в лапы ростовщика. Наличие разного рода залогов и предварительных взносов заставляло безземельных и малоимущих крестьян идти в кабалу не только к хозяину земли, но и к владельцам денег — сельским лавочникам, хозяевам волостных ломбардов, торговцам и т.д.

Даже при господстве натуральных форм аренды ростовщичество было неотъемлемой частью сельской жизни. Оно было тесно связано со всей системой арендно-налоговой эксплуатации. В качестве заимодавцев чаще всего выступали местные «богачи» — *туба*, *даху*, шэньши, а также торговцы и кулаки (*фунун*). Реже крестьяне брали натуральные и денежные ссуды в ломбардах волостных и уездных центров, как правило, на тяжелых условиях. Ссудные ставки иногда доходили до 50–100%. Кроме того, под денежную ссуду требовался солидный залог, чаще всего земельное

владение (*дия*). Ростовщичество держало понавшие в его сети крестьянские дворы на грани полугодного существования. Особенно тяжелые времена наступали после продажи земли за долги, когда вчерашний владелец превращался в арендатора своего же участка.

Поскольку крупные и средние землевладельцы, особенно в центральных и южных провинциях, не вели своего хозяйства, отработочная рента как самостоятельное явление встречалась в Китае крайне редко. Более распространены были остатки отработочной системы в качестве сопутствующих явлений при разного рода продуктовых арендах. Чем тяжелее были условия последних, тем большую роль играли пережитки отработочной ренты: крестьяне-держатели земли должны были устраивать арендодателям угощения, делать подношения, помогать им по дому, в усадьбах, прислуживать и т.д.

Из-за аграрного перенаселения и дороговизны земли в собственно китайских провинциях, особенно южнее Хуанхэ и Янцзы, преобладала кабальная «голодная» аренда. Предпринимательская аренда крестьянских верхов и субаренда встречались значительно реже.

Как при налоговом ограблении крестьян-владельцев земли, так и при арендной эксплуатации безземельных и малоземельных держателей применялся широкий арсенал жульнических и произвольных мер, чтобы получить большую долю прибавочного продукта. Для увеличения реального объема ренты в октябре, когда происходили арендные платежи, землевладельцы в зависимости от местных условий и форм аренды либо максимально занижали, либо преднамеренно вздували цены на зерно. «Богачи» и их управляющие скрыто и открыто обвешивали крестьян, исчисляя обмолоченный рис в «арендных ху» (*цзуху*). При таком обмере зерна сверх каждого *даня* с крестьянина брали лишних 2-3 *доу*. Обмеривание, обвешивание, нарушение договора, постепенное ухудшение его условий, перекладывание поземельно-подушного и других налогов на плечи арендатора, изъятие имущества и земли у полуарендатора за недоимки были обычным явлением.

По цинским законам арендатор, не уплативший положенного по договору, подлежал телесному наказанию с последующим взысканием задолженности. «Местные деспоты» и «большие дома» держали специальных стражников, имели свои тюрьмы, могли творить над провинившимся частный суд и расправу. На случай возмущения бедноты существовали отряды сельской милиции (*туаньлянь*, *сяньюн*), командирами которых были местные шэньши, богатые землевладельцы и лидеры патронимий (*цзунцзу*). Крупные землевладельцы, в свою очередь, поддерживали тесный контакт с уездным, окружным и провинциальным чиновничеством, держа в своих руках всю округу. Именно «местные деспоты» и «большие дома» играли главную роль в процессе постепенного обезземеливания крестьян.

В целом по стране, в первую очередь в бассейне Янцзы и южных провинциях, отношение держателей земли к ее владельцам было различным.

Наряду с ненавистью эксплуатируемого арендатора и должника к хозяину земли существовала вассально-холопская преданность исправного арендатора к землевладельцу как к своему «благодетелю» и патрону. Страх и холуйство перед «местными деспотами» и «большими домами», темнота и забитость, соблюдение конфуцианского принципа «сыновней почтительности» (*сяо*), подчинение местным шэньши превращали значительную часть деревенского населения в инертный слой.

Столь же противоречивыми были настроения и владельческой массы крестьян. С одной стороны, для нее были характерны открытый протест и стихийные выступления против налогового произвола присланных из центра чиновников. С другой — эта часть крестьянства, особенно зажиточные ее слои, легко могла быть направлена местными шэньши против разного рода «бандитов» — как шаек обычных грабителей, так и восставших крестьян соседних областей и провинций. Именно из такого крепкого владельческого крестьянства формировалась сельская милиция.

Огромную власть над жизнью и имуществом крестьян, как владельцев, так и арендаторов, имели силы природы. Засуха, наводнение, ураган, нападение саранчи и т.д. в несколько недель низводили зажиточного или среднего крестьянина до положения безземельного арендатора, неоплатного должника, батрака или нищего бродяги. Бичом северных провинций были засухи, центр и юг страны были подвержены наводнениям. Такого рода «небесных кар» крестьянин на севере страны боялся больше, чем лихоимцев-чиновников, а в центральных и южных провинциях — больше гнева «больших домов» и «местных деспотов», у которых брал землю в аренду.

Стихийные бедствия ставили вчерашнего «справного» земледельца в полную зависимость от местных «богачей», шэньши и торговцев. В их руки переходила его земля и иное имущество. Зачастую, желая спасти себя и свои семьи от голодной смерти, крестьяне продавали детей, чаще всего дочерей, в рабство. В худшем случае наступало массовое вымирание, когда в зоне стихийного бедствия гибли сотни тысяч и миллионы людей.

Между тем в обычные, а тем более в урожайные годы основная часть деревни не только сводила концы с концами, но и в небольших размерах получала прибавочный продукт, делавший возможным медленный прирост населения в масштабах всей страны. После уплаты налогов, арендных сумм и долгов деревня с большим или меньшим трудом могла дожить до сбора ранних овощей или летнего урожая зерновых. Что же касается средних владельческих дворов, не говоря уже о зажиточных семьях, то они в урожайные годы вели относительно безбедную жизнь.

По характеру зависимости и эксплуатации крестьянство делилось на различные прослойки и было неоднородным в хозяйственном отношении. Деревня в Китае не знала общинной собственности. Подворное землевладение и арендная система способствовали росту имущественного неравенства.

Хозяйственная дифференциация крестьян сопровождала развитие китайского социума на протяжении ряда столетий. Это был исторически обусловленный процесс, его конкретные формы зависели от реальной обстановки и местных условий — уровня аграрного перенаселения, частоты стихийных бедствий, налогового произвола чиновников и т.д. Имущественная неоднородность крестьян все еще определялась средневековой структурой общества, традиционными формами и методами эксплуатации, специфическими чертами различных частей страны.

В китайской деревне имели место и наемный труд, и товарное производство, и хозяйственное неравенство среди крестьян. Однако размеры товарного производства были еще невелики, применение наемного труда, особенно в земледелии, незначительно, а хозяйственное неравенство не несло в себе устойчивого капиталистического расслоения. Богатые и бедные семьи, владевшие землей, и «бесхозные» дворы, арендаторы и полуарендаторы — таковы основные традиционные категории внутри крестьянства.

Как уже отмечалось, китайское крестьянство все еще представляло собой класс мелких и мельчайших владельцев средств производства, прежде всего земли. Однако часть земледельческого населения была лишена владений. Эти «бесхозные» крестьяне жили и работали у богатых соседей или крупных землевладельцев либо вели бродячей образ жизни. Причем натуральный уклад деревенской жизни создавал еще крайне мало условий для эксплуатации одного крестьянина другим на основе имеющихся хозяйственных различий. Лишь в отдельных наиболее развитых районах восточных приморских провинций и на севере страны имущественное неравенство приобретало черты социальной дифференциации.

Поскольку деревенские хозяйства не являлись достаточно емкой сферой применения наемного труда, рабочая сила бедноты была занята в ряде других производств (городское ремесло, строительные работы, транспорт и т.д.). Вместе с тем не все разорившиеся крестьяне попадали в сферу наемных отношений. Источником их существования мог быть сбор хвороста и удобрений, попрошайничество и т.д.

Эпизодическая продажа рабочей силы не вела к превращению последней в товар. Потребность в разного рода случайном найме далеко не всегда была связана с товарностью хозяйственного двора. Для значительной части «бесхозных» все завершалось вторичным вовлечением в сферу арендных отношений. Эта обратимость имела место и в более поздний период. Поглощение разоренного крестьянства сферой арендной эксплуатации было важным фактором в жизни деревни.

В условиях крайней земельной тесноты и аграрного перенаселения большинство разоренных крестьян пополняли ряды пауперов — нищих, бродяг (*люман*) и бандитов (*туфэй*). Часть пауперов, особенно молодежь, искала средства существования в городах, нанималась в солдаты местных охранных войск (*луцзюнь*) или в отряды стражников «больших домов» и «местных деспотов».

Вместе с тем в деревне имелась и узкая категория людей, для которых продажа рабочей силы была основным занятием. Существовали две основные формы найма (*юнгун*).

Первая — краткосрочный наем поденщиков (*дуаньгун*) и сезонных работников (*мангун*), а также части батраков (*чангун*) в хозяйствах мелких рентополучателей и зажиточных крестьян. Эта форма уже стала по существу вольным наймом, который основывался на экономическом принуждении и договорных началах и нес в себе зачатки новых отношений, чье развитие ускорялось с ростом товарного земледелия. В северных и восточных приморских провинциях уже появились низшие, первичные элементы раннекапиталистических отношений. Однако они имели лишь зачаточный характер и не свидетельствовали об образовании прочных буржуазных связей.

Вторая форма — долгосрочный наем батраков крупными и средними землевладельцами — характеризовалась преобладанием внеэкономического, часто кабального принуждения, личной зависимостью батраков от нанимателей (бесправие батраков, произвол хозяев, значительный вес натуральной оплаты и т.д.). Все это особенно четко проявлялось в социально-правовом положении батраков в центральных и южных провинциях. Отсталые, старые формы найма, связанные с аграрным перенаселением, охранялись как цинским законодательством, так и всей надстройкой в целом, что задерживало развитие новых отношений, зачастую превращая вольный наем в кабалу и бесправие.

Удельный вес найма в сельском хозяйстве был еще крайне незначительным. Наибольшее распространение он получил на севере страны и в приморских областях, особенно в районах товарного земледелия и технических культур. Здесь же наблюдалось и отходничество крестьян. Менее всего наем был развит в бассейне Янцзы и южных провинциях.

Натуральный и товарный уклады

В середине XIX в. в китайской деревне доминировал натуральный и полунатуральный уклад. Земледелие — основа экономики Цинской империи — все еще удовлетворяло основные нужды многомиллионного населения, минуя рыночные отношения. Господство натурального хозяйства обусловило сохранение в Китае экономической раздробленности. Сама деревня являлась суммой часто ничем не связанных друг с другом мелких и мельчайших хозяйств. Преобладала самообеспечиваемость и замкнутость крестьянских дворов, что вело к их изолированности не только друг от друга, но и от остальной округи — волости, уезда и т.д. Это, в свою очередь, порождало отсталость и забитость крестьян. Для многомиллионных масс тружеников земледелие было по средневековой традиции занятием сословно почетным, но связанным со страхом голодной смерти. Для

большинства крестьян сельское хозяйство не имело ни промыслового, ни рыночного интереса.

Состояние однородности и неподвижности, когда основная масса сельских дворов представляла собой сумму замкнутых, изолированных друг от друга величин, редко или почти не вступающих в регулярные хозяйственные отношения между собой, было наследием предшествующих столетий и служило прочным фундаментом для существования средневековой косности и неподвижности Цинской империи. Такая важная опора маньчжурской династии, как привилегированное «восьмизнаменное» землевладение, могла существовать лишь при условии крайне низкого уровня денежных отношений. С развитием последних офицеры и рядовые разорялись, а надельцы поступали в заклад и продажу.

Господство самодовлеющего земледельческого быта сохраняло общность различных частей и провинций страны друг от друга. С преобладанием натурального уклада была связана и традиционная политика прикрепления крестьянства к земле и к месту жительства. Цинский режим, стремясь отстоять и укрепить свое существование, всей своей политикой способствовал поддержанию наиболее застойных форм экономики.

Вместе с тем натуральный уклад был несколько видоизменен и подточен социально-экономическими процессами, протекавшими в предшествующие столетия. Растущее разделение труда, специализация районов, производство на рынок, товарное земледелие, связанное с медленным ростом мануфактур, — все это постепенно ослабило средневековые натурально-хозяйственные устои. В деревне ускорился рост товарно-денежных отношений. Постепенная коммутация налогов также увеличивала роль денег в деревне. Разделение страны на районы, которым недоставало своего хлеба и которые вывозили излишки зерна, стало более заметным в связи с ростом городского и деревенского ремесла.

Более широкое распространение получило выращивание технических культур, что было прямо связано с усилением товарного начала в земледелии. С наибольшей силой эта тенденция проявлялась в низовьях Янцзы и ближайших приморских областях. Район Сунцзяна, Тайцана, Хаймэня и Тунчжоу (южная часть Цзянсу) стал превращаться в важный хлопководческий регион страны. Такие же процессы происходили и в долине Хуанхэ. К югу от нижнего течения Янцзы (Чжэцзян и Цзянсу) и в пров. Гуандун целые области специализировались на выращивании шелковицы и производстве коконов. В пров. Шаньдун занимались разведением дубового шелкопряда. Заметное распространение получила культура табака. Развитие внутреннего рынка способствовало наметившейся специализации ряда областей на разведении чая, масличных культур, индиго, сахарного тростника и т.д. Кунжут стал выращиваться в провинциях Хубэй, Хунань, Сычуань и др. Сахарный тростник возделывался на Тайване, в провинциях Фуцзянь, Гуандун и Чжэцзян. Поставка сырья для ремесла уменьшала средневековую односторонность деревенского производства, увеличивала его

связь с рынком, постепенно лишала традиционной замкнутости и обособленности.

Однако развитые формы товарного производства существенно влияли на характер сельской экономики лишь в приморских, в первую очередь восточных, районах и в долине Янцзы. На остальной территории империи, особенно во внутренних провинциях и глухих северных и западных областях, рыночный фактор играл явно второстепенную роль. Натуральное хозяйство в китайской деревне оставалось доминирующим. Подавляющее большинство крестьян получало основные средства потребления и производства, минуя обмен. В целом целью земледелия являлось получение потребительной стоимости.

Натуральность сельского хозяйства проявлялась прежде всего в том, что на своей или арендуемой земле, часто разбросанной отдельно лежащими друг от друга мелкими клочками, крестьянин помимо профилировавшейся в данном районе культуры стремился выращивать все необходимое: грубые кормовые злаки, овощи, волокнистые растения и т.д. Сея хлопчатник, батат, просо, бобы, табак и т.д. для собственных нужд, деревня тем самым сводила до минимума потребность в покупных продуктах — не только продовольственных, но и промышленных. Даже хозяйства, вступавшие на путь товаризации, еще сохраняли во многом потребительский характер. На рынок частично поступал один, ведущий для данной местности продукт, тогда как другие отрасли крестьянского комплекса оставались патриархально-натуральными.

Традиционные формы эксплуатации по-разному сказывались на товарно-рыночных потенциях различных категорий крестьян. Для одной части крестьянства изъятие прибавочного продукта через каналы ренты, налогообложения и ростовщичества снижало возможность реализации продукции и покупательную способность, а для другой означало принудительное вовлечение в рыночную сферу. И в том и в другом случае тормозилось укрепление прямых экономических связей между земледелием и промышленностью, а также между производителями различного рода продукции в рамках самого сельского хозяйства. Тем самым консервировался существующий низкий уровень рыночной экономики и поддерживалось господство натурального уклада в деревне.

Главное же заключалось в том, что в товарно-денежном обращении Китая происходило сильнейшее искажение прямых экономических связей между городскими и сельскими производителями. Оно вызывалось самим характером арендной эксплуатации, прежде всего влиянием натуральной ренты в сочетании с крайней земельной теснотой и напряженностью демографической обстановки. Комплекс этих факторов имел особое значение в зерновом хозяйстве центральных и южных провинций. Высокая продуктивность зернового хозяйства сочеталась здесь с высокой плотностью населения, потреблявшего подавляющую массу продовольствия на месте.

При давлении мощного демографического потенциала на межпровинциальный рынок поступала лишь малая доля выращенного урожая. Товарные массы зерна, проходившие через звенья торговой иерархии, оказывались малыми в сравнении с потребляемыми «на корню». Серьезным барьером на пути развития товарных отношений было значительное недопотребление продовольствия китайским крестьянством в период неурожаев и скрытое, но постоянное недоедание, характерное для низов сельских производителей. Даже крепкое владельческое крестьянство после выплаты налогов и долгов проедало подавляющую часть своего зерна.

«Ближе» к рынку стояла малоземельная и безземельная часть деревни — арендаторы и полуарендаторы. Часть изымавшегося у них в виде ренты зерна через землевладельцев, а затем торговцев уездного масштаба поступала на рынок. В отличие от крестьян-владельцев земли и продажа крестьянами зерна для внесения денежного залога (*гуцзу*, *чжэцзу*) или предварительной оплаты при денежной ренте (*юйцзу*). В итоге значительная часть деревенской продукции, поступавшей в продажу, производилась в хозяйствах, прямо не ориентировавшихся на рыночный спрос. Иначе говоря, значение имела товаризация продукта, а не самого хозяйства крестьянина.

Важным побудительным мотивом продажи землевладельческим крестьянством своей продукции была уплата налогов и долгов в денежной форме. Большой вес такой вынужденной, искусственной товарности прочно сохранялся. Вместе с тем в урожайные годы крестьяне-владельцы земли пускали в обращение излишки продовольствия и сырья, игравшие заметную роль на внутреннем рынке страны. Какая-то часть такой продукции продавалась непосредственно потребителям на местных периодических базарах и городских ярмарках, а основная доля попадала в руки купцов и занимавшихся торговлей землевладельцев.

Класс землевладельцев — «большие дома», «местные деспоты», богатые шэньши и др. — получал в качестве арендной платы и долгов большие массы зерна. Однако лишь часть этого прибавочного продукта реализовалась на рынке, остальное же потреблялось в рамках натурального уклада. Значительная доля риса, изъятого через каналы ренты, оседала в перенаселенной деревне в качестве ростовщического фонда. Это приносило большую прибыль «богачам» весной и в начале лета, когда часть непосредственных производителей уже исчерпывала свои запасы и стояла на пороге голода. В этих условиях ростовщическое помещение ренты под грабительские проценты было зачастую выгоднее ее рыночной реализации.

Кроме того, для самих богатых семей был характерен высокий уровень натурального потребления зерна. «Местные деспоты» и «большие дома» содержали многочисленных нахлебников, челядь и собственных стражников. Такие семьи старались обеспечить себя не только зерном, но и другими необходимыми продуктами за счет арендных поступлений. Аренда-

торы должны были поставлять им кур, уток, яйца, рыбу, свинину, муку и т.д., не считая разного рода подарков к праздникам. Вместе с тем женская половина семьи землевладельца часто занималась прядением, ткачеством и шитьем одежды.

Деревенские промыслы

Важнейшей составной частью и одной из основ натурального крестьянского комплекса было соединение парцеллярного земледелия с домашней промышленностью или домашними промыслами — прядением, ткачеством, плетением и т.д. В то же время какой-то процент дворов был чисто земледельческим.

Хлопкообработка была главенствующей, массовой отраслью домашней промышленности. В большинстве случаев крестьянская семья соединила выращивание зерна и овощей с производством хлопка-сырца, изготовлением пряжи, ткани и, далее, одежды и обуви для собственного потребления. В низовьях Янцзы (провинции Цзянсу и Чжэцзян) и Сицзяна (пров. Гуандун) часть крестьянства носила одежду из собственного домашнего шелка грубой выделки.

Множество свидетельств прочной связи деревенской хлопкообработки с земледелием встречается в китайских источниках. Вместе с тем натуральный уклад в сфере домашних промыслов был значительно слабее, чем в земледелии. Хотя основной целью крестьян оставалось собственное потребление ремесленных изделий, это не исключало продажи их на рынке, тем более что потребность самих крестьян в домотканой одежде была крайне скромной. В результате, несмотря на самообеспеченность и слабую покупательную способность, деревенский хозяйственный комплекс был поставщиком и ремесленных изделий. Более того, крестьянство играло огромную роль в снабжении рынка промышленными товарами. Деревенские промыслы были в первую очередь связаны с переработкой сельскохозяйственного сырья, являвшегося основным и для городской промышленности. Связь эта в самой деревне была непосредственной в отличие от цехового ремесла городов, что обуславливало меньшую себестоимость и более низкий уровень цен на крестьянскую продукцию.

Деревня поставляла на рынок в основном грубые, низкосортные, но зато дешевые предметы широкого потребления. Они пользовались большим спросом у трудовых слоев населения как в сельской местности, так и в городе. Покупателей привлекала наряду с дешевизной прочность крестьянских изделий. Все это делало деревенский домашний промысел серьезным конкурентом цехового ремесла, особенно в сфере хлопкообработки.

Помимо хлопчатобумажных тканей и пряжи деревня поставляла в города шелковую нить, пряжу и ткани, муку, мучные, а также бобовые изделия. К этому следует прибавить пищевые и осветительные масла, сахар, обработанный чайный и табачный лист, растительные красители и водку.

Крестьяне продавали плетеные изделия из соломы, прежде всего циновки, различные изделия из бамбука, бумагу, глиняную посуду, мягкую обувь, деревянные и иные заготовки для городских производств, мелкие кузнечные поделки и т.д. Эту продукцию крестьяне сбывали либо через местных или приезжих скупщиков, либо самостоятельно — в волостных центрах, уездных городах, на периодических сельских ярмарках и базарах.

Ремесленное производство крестьян велось силами самой семьи и имело, как правило, крайне малые размеры. Летом и весной работа шла вечерами, после окончания полевых работ, особенно в промежутках сельскохозяйственного цикла. Однако в основном ремесленная деятельность крестьян падала на позднюю осень и зиму, когда было много свободного времени. В текстильных и некоторых менее трудоемких промыслах преобладал женский и детский труд, в остальных — мужской.

Главное место в деревенском ремесле занимало хлопкопрядение. До вторжения фабричной пряжи в сельскую экономику существование специалистов-прядильщиков среди крестьян (в основном женщин) было явлением значительно более распространенным, чем специалистов-ткачей. Крестьянская семья чаще всего занималась и прядением и ткачеством. Иными словами, первое, как правило, было подготовительной, подсобной операцией при втором. На рынок поступала как пряжа, так и готовая ткань.

Процесс отделения прядения от ткачества затронул прежде всего ряд приморских районов, особенно вблизи текстильных центров Цзяннани. В селах и деревнях вокруг городов Сучжоу, Сунцзян, Ханчжоу, Шанхай и Цзядин основным побочным занятием жителей было производство бумажных тканей и шелка-сырца на местный рынок. Ткачество здесь в целом вышло за рамки натурального крестьянского производства и было втянуто в орбиту товарно-денежного хозяйства. Расширение рынка тканей способствовало росту прослойки мелких товаропроизводителей в крестьянских промыслах.

Часть сельских ремесленников занималась изготовлением пряжи для хлопкоткацких мастерских или размоткой коконов и шелкопрядением для городских ткачей. Прядение и ткачество все более оказывались разделенными территориально, и связь между ними осуществлялась через рынок, кушцов или скупщиков. Скупку сырья, полуфабрикатов и готовых изделий в деревнях вели торговцы и специальные компании.

Отделение крестьянской текстильной промышленности от земледелия в большей степени наблюдалось в шелкоткачестве и шелкопрядении в районе городов Нанкин, Хучжоу и Цзясин. Мотание шелка стало профессией сельских жителей области Сучжоу (города Шэнцзэчжэнь, Чжэнцзэчжэнь и ремесленные посады). Шелководство и шелкообработка в деревнях провинций Гуандун, Чжэцзян и Цзянсу почти целиком были ориентированы на рынок.

Растущая связь с рынком привела к появлению в сельском ремесле наиболее развитых районов элементов рассеянной мануфактуры. Так, на-

селение многих деревень Цзяннани работало на сырье, доставляемом как из города, так и из соседних сельских районов. Представители торгового капитала провинций Цзянсу и Чжэцзян уже выступали в качестве предпринимателей, снабжающих сырьем и скупающих готовую продукцию у окрестных ткачей. Заметное распространение получила оплата крестьянского труда сырьем и в меньшей мере деньгами.

Уже имело место применение богатыми хозяйствами наемного труда в промыслах. Кроме того, широкое распространение получили мелкие сельские предприятия по переработке земледельческого сырья. Это были рисоорушки, мукомольни, маслодавильни, винокурни, прядильни, сахароварни, мелкие заведения по очистке хлопка, обработке чайного и табачного листа, изготовлению растительных красителей и т.д. Оснащенные примитивной техникой, они основывались на артельных началах или на найме небольшого числа работников из окрестной бедноты. Часть этих предприятий представляла собой капиталистические мастерские, носившие сезонный характер. В период страды (вспашка, посев, высадка рисовой рассады, уборка зерновых, обмолот и т.д.) они закрывались, так как занятые в них работники возвращались в сферу сельского хозяйства. Сезонный характер их деятельности определялся также сроками созревания перерабатываемого ими сырья и недостатком его запасов в данной округе. Значительную часть года они практически бездействовали.

Вокруг крупных ремесленно-торговых центров (прежде всего в Цзяннани) крестьяне при посредстве различных форм торгового капитала перерабатывали неземледельческое сырье, покупая или выменивая его на готовые изделия либо получая на переработку от скупщика. Характер такого промысла зависел от специализации города. Так, пригородное крестьянство на юге пров. Цзянсу, на севере пров. Чжэцзян, в восточной части пров. Аньхуэй и на юге пров. Гуандун изготовляло хлопчатобумажные и шелковые полуфабрикаты, гвозди, обувь, чулки, свечи, оконную бумагу и другие предметы быта.

Наметилась тенденция выхода деревенских промыслов из рамок средневекового натурального хозяйства. Это ускорялось ростом арендной эксплуатации и денежных налоговых платежей, а также нарушением прежних стоимостных соотношений. Крестьяне были вынуждены увеличивать производство и продажу ремесленных изделий и полуфабрикатов. Вырученные деньги шли главным образом на погашение разного рода платежей казне, землевладельцам и ростовщикам. Само же потребление крестьянского двора, в том числе и производственное, оставалось в основном натуральным.

Отделение домашней промышленности от земледелия в приморских районах шло довольно быстро. В наиболее развитых восточных и южных областях страны усилился переход от домашних промыслов к производству с товарной ориентацией. В целом же по стране эти процессы протекали достаточно медленно.

Как видим, крестьянские промыслы в большинстве случаев еще не отделились от земледелия, представляя собой полунатуральное производство. Отношения найма также получили весьма слабое распространение. Если в деревенском комплексе отдельных, наиболее развитых районов, особенно на юго-востоке, в низовьях Янцзы и приморских областях, произошли заметные сдвиги, то на подавляющей территории Китая деревня почти целиком сохранила свой средневековый облик.

Внедеревенская экономика Китая

Земледелие с его побочными отраслями было основой китайского общества. Деревня определяла лицо Цинской империи. В этих условиях важнейшая социально-экономическая функция городского комплекса помимо производства ремесленных изделий заключалась в реализации и перераспределении прибавочного продукта, созданного в деревне и отчужденного через каналы ренты и налогов. Кроме того, город зависел от сельского хозяйства в плане снабжения сырьем и установления цен на него. В силу всего этого промышленность и торговля, а с ними и сам город играли подчиненную, второстепенную роль не только в социально-экономической, но и в политической системе Цинской империи.

Горожане не выделялись государством в особую категорию населения. Земля в городах также подразделялась на казенную (*гуаньтянь*) и частную (*миньтянь*). При сдаче *гуаньтянь* под дома, дворы и огороды с жителей взималась земельная подать (*цзучзянь*), носившая характер налога (*цзукэ*). С *миньтянь* собирался земельный налог деньгами или зерном. В одних случаях *тяньфу* исчислялся по размеру участка, в других — с каждой постройки или помещения (*цзянь*). В городах Цзянсу, например, с каждого *цзяня* выплачивалось от 5 фэней до 1 цяня серебра или определенное количество риса, пшеницы и бобов. В силу «деревенской принадлежности» города официальный правовой статус основной массы его жителей мало чем отличался от статуса крестьян. Семья горожанина с его мастерской, лавкой и т.д. считалась, как и в деревне, «двором» (*ху*, *цзянху*). Так же как и в сельской местности, каждые сто дворов объединялись в *ли* — городской квартал с определенным числом жителей (*лимин*).

Городские *ху* вносились в общегосударственные налоговые реестры, прикреплялись к месту жительства с ограничением права передвижения. Они были обязаны выполнять казенные трудовые повинности, чаще всего заменявшиеся денежными поборами. Наряду с этим налоги с ремесленников иногда взимались изделиями их труда. Местами сохранялось и непосредственное отбывание трудовых повинностей. Это было наиболее характерно для тех городов, где существовали казенные мастерские и «ремесленные управления». В городах действовала система *баоцзя*, аналогич-

ная деревенской. За каждой группой дворов наблюдал свой глава (*цзячжан, цзунцзя, баочжан*). Реальное отличие городского населения от сельского заключалось в корпоративном объединении горожан в цехи, гильдии, землячества и т.д. Если в деревне «двор» платил налоги и выполнял трудовые или «общественные» повинности самостоятельно, то в городе подавляющая масса ху расплачивалась с казной через правление своей корпорации. Это тем не менее вовсе не гарантировало ремесленную или торговую семью от полицейского или налогового произвола.

Цех или иное корпоративное объединение в Цинской империи находилось под давлением местной и центральной власти, полицейским надзором и фискальным гнетом. Вне своей внутренней жизни торгово-ремесленные корпорации не обладали реальными экономическими, политическими, судебными или иными правами. В отличие от Европы городского права как такового в Китае не существовало. Не было и свободы предпринимательства, что, в свою очередь, принижало город и способствовало вмешательству властей в цеховые дела. Корпоративная организация ремесла и торговли использовалась в полицейских и фискальных целях, чему немало способствовала сама цеховая верхушка, боявшаяся волнений рядовых членов своих организаций.

Подобно землевладению, городская промышленность делилась на два сектора — казенный (*гуань*) и частный (*сы*). Государственный сектор играл заметную роль, особенно в производстве предметов роскоши и оружия, лишая тем самым частное ремесло наиболее богатых и крупных заказов, что ослабляло экономическую роль города. Организация и управление государственной промышленностью были крайне сложными. Казенное ремесло было подчинено различным ведомостям и учреждениям центрального правительства во главе с маньчжурскими сановниками.

Ведомство работ (Гунбу) в своих мастерских и мануфактурах производило различные виды холодного и простейшего огнестрельного оружия, порох и иное военное снаряжение. Вся эта продукция предназначалась прежде всего для кавалерии и пехоты маньчжурских «восьмизнаменных» войск. Небольшая ее часть поступала в китайские части «зеленого знамени», а позднее — в «полевую армию» (*луцзюнь*). В ведении Гунбу находились и верфи, где строились парусные и весельные военные, а также грузовые казенные морские суда и речные джонки.

В то время как изготовление серебряных денег — различных ляновых слитков — в основном находилось в руках частных плавильных мастерских (*луфан*), медную ходовую и разменную монету отливала только казна. Почти в каждой провинции существовало «монетное управление». Ему подчинялись местные казенные плавильные печи и монетные дворы. Наибольшее число медных денег отливало в провинциях Сычуань, Юньнань, Чжэцзян и Цзянсу. Одни монетные мануфактуры подчинялись ведомству налогов (Хубу); отлитые на них деньги использовались преимущественно на содержание армии. Другие управлялись Гунбу. Их продукция шла

в основном на оплату привлекаемой казной рабочей силы, сырья и прочие затраты в этой сфере.

В добывающих отраслях казна делала упор на добычу золота и серебра. Основную же массу угля, железной, медной и других руд, а также металла из них государство получало от частных шахт, рудников и плавильных печей в качестве налога и принудительных закупок. В меньшей мере эту роль выполняли казенные рудники и соляные разработки.

Непосредственно на нужды императорского двора и самого богдохана работала специальная сеть мастерских и мануфактур. Она находилась в ведении Дворцового управления (Нэйуфу). Здесь, как и на предприятиях Гунбу, обслуживавших двор, маньчжурскую аристократию и центральный чиновничий аппарат, сохранялся принудительный труд зависимых ремесленников (*цзянби*), лишь формально считавшийся наемным. В мастерских Нэйуфу изготавливались различные предметы роскоши, в первую очередь шелк и фарфор.

Казенное шелкоткачество было сконцентрировано в трех городах — Нанкине, Сучжоу и Ханчжоу. В каждом из них действовало свое «ткацкое управление», ведавшее изготовлением многоцветного шелка, парчи, атласа, тафты и других узорных тканей. Здесь же из них шили одежду для императора, его двора и высших чиновников. Фарфоровые изделия и посуду поставляло специальное «управление» в Цзиндэчжэне. Ему подчинялись императорские фарфоровые мастерские, мануфактуры и печи (*юйяо*). Кроме того, в ведении казны находился ряд книгопечатных мануфактур.

В казенном секторе еще сохранялись остатки средневековой системы трудовых повинностей (*яои*), выполняемых городскими ремесленниками. Основным способом обеспечения казенных предприятий рабочей силой был принудительный наём (*гу*, *зуй*) ремесленников, особенно квалифицированных мастеров. Он производился частично в счет покрытия налоговых обязательств данного цеха перед казной, представляя собой полунаём-полуповинность. Казна комбинировала такой призыв (*чжаогу*) квалифицированных цеховых мастеров и рабочих с кабальными формами найма внецеховой бедноты, а также окрестных крестьян. Две последние категории работников использовались на подготовительных и подсобных операциях.

Казенные мастерские и мануфактуры широко практиковали различные формы связей с частным сектором, используя труд цеховых ремесленников. В одних случаях казенные «управления» требовали от частных предприятий принудительного выполнения отдельных производственных операций, например при обжиге императорского фарфора. Иногда им полностью передавались специальные заказы. Широкое распространение получила раздача на дом казенной работы. Ее выполняли цеховые ремесленники, состоявшие в особых списках. Они ткали из казенного сырья и получали за это деньги. Эта надомно-раздаточная система также носила

принудительный характер полунайма-полуповинности под строгим контролем чиновников. Подобным образом изготовлялась часть казенных шелковых тканей в Сучжоу, Нанкине и Ханчжоу.

В строительном деле на наиболее трудоемких и простейших земляных работах Гунбу широко использовало труд крестьян, согнанных из соседних уездов на выполнение трудовых повинностей. На ответственных операциях и отделочных работах были заняты казенные ремесленники и мастера из различных строительных цехов.

На финансирование казенных работ и заказов шли деньги, отливавшиеся монетными дворами Гунбу, а также внутренние таможенные сборы (*чангуаньшуй*) с товаров, провозимых из одной провинции в другую. Снабжение сырьем казенных предприятий в основном осуществлялось Ведомством налогов. Оно шло различными путями. Прежде всего сырье поступало из казенных шахт и рудников, а также в качестве налога и «товара» при насильственных закупках у ремесленных корпораций, частных «фирм» и предприятий. Небольшую долю сырья казна в случае необходимости покупала на открытом рынке. В государственном секторе XVIII в. еще преобладал традиционный конфуцианский принцип автаркии. Казна стремилась обеспечить себя «собственной» потребительской стоимостью, по возможности минуя связи с рынком. В итоге государственные предприятия по своей природе оставались традиционно-натуральными.

В целом же в городском ремесле доминировало частное производство. Основной производственной ячейкой в нем был «ремесленный двор» (*цзянху, цзиху, чжиху*). Этот термин одновременно обозначал семью, занятую определенной профессией, учетную единицу в полицейском надзоре, объект обложения налогами и повинностями, а также самого главу такой семьи. *Цзянху* представляли собой мелких товаропроизводителей, работавших на рынок при помощи собственных средств производства и объединенных в торгово-ремесленные корпорации.

Городские корпорации

Почти все потомственные городские ремесленники, за исключением женщин, были объединены в цехи (*хан*). Последние создавались не только в различных отраслях ремесла, но и в производстве разных видов и даже сортов изделий. Цехи существовали как на базе профессионально-сортового, так и детального разделения труда внутри данной отрасли. Иначе говоря, весь процесс изготовления того или иного изделия часто был поделен между различными цехами.

Чем крупнее и экономически развитее был тот или иной город, тем более дробным было деление цехов. При этом каждая корпорация специализировалась либо на определенном виде работ и даже операций, либо на выделке и продаже только одного вида или сорта изделий. Такого рода детализация и специализация цехов в целом шла в русле общественно-

го разделения труда. В то же время она выступала как некий суррогат мануфактурного разделения труда, ослабляя поступательное развитие городской промышленности и города вообще. В итоге количество цехов в средних городах исчислялось десятками, а в крупных, особенно приморских торгово-ремесленных центрах — сотнями.

Спецификой китайского цеха — *хана* было прочное соединение в нем самого ремесла с торговлей. *Хан* объединял множество мастерских, которые одновременно функционировали и как торговые лавки. Правда, некоторые из городских корпораций были чисто ремесленными, другие — чисто торговыми. Но преобладали смешанные торгово-ремесленные объединения. Поскольку производитель, как правило, являлся и продавцом своего товара, китайский *хан* правильнее характеризовать как «цехо-гильдию», где основным видом предприятий была мастерская-лавка.

Обычно цехо-гильдия представляла собой одновременно и организационную общность, и социальный конгломерат, включая в себя представителей различных социально-экономических категорий. В нее входили самостоятельные ремесленники, мастера, их ученики, хозяева мастерских, наемные работники и подмастерья, подрядчики и владельцы скупочных лавок.

Выше уже говорилось о преобладании индивидуальных заведений, где ремесленник работал в одиночку или с помощью членов своей семьи. В других мастерских кроме самого мастера и его домашних трудились один или несколько подмастерьев и учеников. В третьих заведениях открыто применялся наемный труд двух-трех человек. Четвертые представляли собой кооперации с десятью и более наемными работниками. В пятых уже установилось мануфактурное разделение труда между рабочими. Кроме того, на свои предприятия (мастерские, мануфактуры, лавки, склады) корпоративная верхушка нанимала и внецеховую бедноту, особенно квалифицированных ремесленников из других городов.

Таким образом, имущественная и социальная дифференциация внутри массовых корпораций достигла стадии отчетливой поляризации, принявшей в ряде случаев организационные формы. Наряду с цехом простых ремесленников создавалась параллельная корпорация хозяев — нанимателей, скупщиков и подрядчиков той же отрасли. Тем не менее организационная общность, базировавшаяся на количественном преобладании единоличных кустарей, была неизмеримо сильнее социально-центробежных тенденций. Цеховой строй в Китае отличался многоликостью и разнообразием корпоративных союзов горожан. Наряду с собственно цехами местных уроженцев (*хан*) в городах большую роль играли профессиональные объединения пришельцев из других местностей и провинций (*хуэйгуань*, *бан*). *Бан* представляли собой землячества, организованные по принципу ремесленного цеха или землячества торговцев-посредников, маклеров и комиссионеров. Такие же территориально-земляческие организации иногородних ремесленников или, чаще, торговцев одной специализации,

но владевшие постоянным двором, подворьем, назывались *хуэйгуань*. *Хуэйгуань* был одновременно и товарным складом, и местом корпоративных сходок, а также центром поклонения божеству или духу-покровителю данной профессии. Чаще всего *хуэйгуань* имели торгово-гильдейский характер.

Другой разновидностью корпораций были *гунсо* — гильдии торговцев или предпринимателей, созданные по отраслевому принципу. По преимуществу являлись объединениями богатых купцов-оптовиков, средних торговцев, хозяев мастерских и мануфактур, подрядчиков и богатых мастеров, преуспевавших в данной отрасли. Такого рода гильдии часто противостояли ремесленным цехам (*хан*) данной отрасли, особенно их бедноте. Скупщики, маклеры, торговые посредники, лавочники и комиссионеры объединялись в специфические корпорации — *яхан*.

Перечисленные виды цеховых общностей не всегда принимали строго соответствующее своему характеру названия. Зачастую под *хуэйгуань* и *бан* подразумевались цехи — *хан*, под *яхан* — *гунсо* и т.д. Терминами *гунсо* и *хуэйгуань* могли обозначаться и помещения, построенные для правления ремесленного цеха, ежегодных общих собраний, судебных разбирательства и празднеств; термином *яхан* — собственно маклерские, скупочные и комиссионные конторы частных лиц или товарищества, в свою очередь номинально или фактически входившие в одну из корпораций. Вместе с тем в городах существовали крупные местные «торговые дома» и «фирмы» из других провинций, известные маклерские конторы и мануфактуры, фактически находившиеся вне цехо-гильдий. Эти крупные единицы поддерживали лишь формальную связь со своей корпорацией.

Внутренняя жизнь цехо-гильдий регулировалась цеховыми традициями и обычаями, зафиксированными в уставах корпораций. Эти правила обычно вырезались на деревянных досках, высекались на каменных стелах или же на стенах кумирен и храмов. Регламенты корпораций предусматривали строгие меры по борьбе с иноцеховой и внецеховой конкуренцией, а также с частной деятельностью членов цеха, скрытой от его правления. В них определялся порядок принятия в корпорацию и установления соответственно денежного вступительного взноса. Эти документы фиксировали права и обязанности членов корпорации, способы разрешения внутренних конфликтов, тем самым ограничивая или смягчая внутрицеховую конкуренцию. Цехо-гильдии особенно строго регламентировали цены на сырье и готовые изделия, единицы мер и веса, оплату наемного труда и условия содержания подмастерьев. Большое внимание уделялось вопросам ученичества. Уставы корпораций предусматривали меры по охране профессиональных секретов и торговых привилегий своих членов на местном рынке.

Все полноправные члены корпорации (*гунцзян*, *цзянху*) формально могли влиять на ее дела через общее собрание цеха. В действительности же здесь главные вопросы решала богатая верхушка — хозяева мастер-

ских и лавок (*чжужэнь, пучжу*), подрядчики (*лаобань*), имевшие учеников наиболее искусные и старые мастера (*цзян, ши*) и т.п. Из их числа выбирались правление или совет (*чжуан, цзочжуан*), состоявший из цеховых старшин (*чжинянь*). Главу корпорации (*шоуши, чжинянь шоуши*) последние выбирали из своей среды. Достаточно часто обязанности *шоуши* выполняли поочередно. Нижний слой полноправных членов цеха составляли наемные ремесленники (*гугун, гунжэнь*). Далее шли подмастерья (*банцзо, бан*), не имевшие статуса полноправных членов, и ученики (*ту, сюэту*). И те и другие не были членами цеха. Для вступления в него им необходимо было пройти определенный срок ученичества, овладеть мастерством и уплатить денежный вступительный взнос. Не были членами цеха и работники, взятые по найму со стороны.

Правление в зависимости от колебаний рыночного спроса устанавливало цены на производимые или продаваемые товары. Это делалось либо каждый месяц, либо раз в год. Установленная цена считалась минимальной. Члены цеха имели право продавать дороже, но при реализации ниже установленного уровня подлежали наказанию — в первую очередь денежному штрафу. В случае серьезного нарушения устава правление корпорации могло применять к виновным и телесные наказания, иногда кончавшиеся смертельным исходом.

Ремесло, как правило, являлось наследственным занятием, профессия передавалась вместе с производственными секретами от отца к сыну. Ученики-выходцы из таких семей принимались в члены цеха в первую очередь. Чужаку вступление в корпорацию доставалось труднее и сопровождалось более крупным взносом.

Глава цеха, правление или старшины распоряжались цеховой казной. Она составлялась из вступительных взносов бывших учеников и людей, принятых со стороны, штрафов с нарушителей устава, единовременных взносов за открытие новых лавок и мастерских, а также небольших регулярных взносов всех членов корпорации.

Цеховые старшины вели специальные реестры корпорации, куда периодически, чаще всего ежемесячно, вносились сведения обо всех имущественных и хозяйственных изменениях — открытии новых лавок и мастерских, создании новых товариществ, приеме новых учеников и подмастерьев, аренде земли, помещений и т.д. Правление обладало внутренними судебными функциями, ведало цеховыми помещениями, складами, кумирнями (и строительством этих зданий), устройством религиозных церемоний и празднеств. Корпорация помимо всего осуществляла функции взаимопомощи и благотворительности по отношению к бедствующим членам. Богатые цехи, гильдии и землячества строили храмы божеств-покровителей данной профессии или ремесла, имели специальные помещения, где находилось правление цеха, разбирались внутренние тяжбы, устраивались ритуальные поклонения, обряды и собрания. Бедные корпорации не имели своих зданий. Их правления собирались в кумирнях, а сами члены цеха — перед храмом.

Как уже отмечалось, налоги, казенные поставки и принудительные закупки ложились на каждый городской «двор», лавку, мастерскую и т.д., но выплачивались через правление корпорации. В силу этого цеховая верхушка имела возможность перекладывать фискальные тяготы на плечи низовых членов корпораций. Кроме того, часть ремесленников принудительно должна была выполнять срочные казенные заказы, что также осуществлялось через цеховую организацию. Одни корпорации расплачивались с государством деньгами, другие — готовой продукцией или сырьем, третьи — своим трудом, особенно квалифицированным.

Вся хозяйственная и иная жизнь в городе была пропитана корпоративным духом. Любая устойчивая общность людей стремилась объединиться в свою организацию цехового типа. В этом же направлении действовал и чиновничий аппарат, преследуя фискальные и полицейские цели. Цинские власти особенно боялись скопления городской бедноты, не охваченной системой *баоцзя*.

Своеобразные формы цеховых объединений существовали у неквалифицированной бедноты — водоносов, мусорщиков, золотарей и т.д. Помимо корпоративного населения в городах имелась значительная прослойка внецеховых работников — бродячих лоточников и ремесленников, живших починкой металлической утвари и тому подобными мелкими заказами, чернорабочих (*кули*) и т.д., не говоря уже о бродягах и нищих. Вне цеха стояла прежде всего недавно пришедшая в города деревенская голытьба, особенно из голодающих и пострадавших от стихийных бедствий уездов. Эти люди, согласные на любую работу за любое вознаграждение, целыми днями ждали случайного заработка, собираясь у городских мостов, харчевен и ворот.

Мелкотоварное производство, основанное на личном труде главы ремесленного «двора» и его семьи, прочно доминировало внутри цеха, образуя его базис. Тем не менее как внутри корпораций, так и вне их уже получили заметное развитие предпринимательское начало, наём рабочей силы и различные формы подчинения ремесленников торговому капиталом. Эти социально-экономические процессы протекали и раньше, но к рассматриваемому периоду в той или иной форме затронули почти все отрасли и виды ремесла. Однако в территориальном плане эти сдвиги более или менее четко проявились в самых развитых торгово-промышленных городах и районах страны.

В первую очередь это были области, лежавшие южнее Янцзы, — юг пров. Цзянсу и север пров. Чжэцзян. Здесь ведущими экономическими центрами являлись Сучжоу, Нанкин, Чанчжоу и Сунцзян. Значительными ремесленными городами были также Уси, Шэнцзэчжэнь, Цзясин, Хучжоу и Чжэнцзэчжэнь. Вторым таким районом были низовья Сицзяна в Гуандуне с городами Гуанчжоу, Фошань и Шуньдэ. Остальные немногие центры такого типа были рассеяны по различным провинциям и оторваны друг от друга. В Цзянси таким очагом промышленности был «город фар-

фора» Цзиндэчжэнь, в Чжили — Пекин, в Сычуани — Чэнду, в Фуцзяни — Дэхуа, в пров. Чжэцзян — Лунцюань. От устья Янцзы до устья Сицзяна по морскому побережью тянулась редкая цепочка портовых и ремесленно-торговых центров — Шаосин, Нинбо, Вэньчжоу, Фучжоу, Сямэнь и Шаньтоу. Вверх по Янцзы шла вторая цепь портов и городов — Чжэньцзян, Уху, Цзюцзян, Ханькоу и Юэян.

Ремесло и мануфактура

Городским корпорациям — цехам, гильдиям и землячествам подчинялись конкретные экономические объекты — мастерские, мануфактуры, магазины, лавки, ломбарды и т.д. Крупные города, о которых шла речь выше, а также пригородные волости являлись теми островками, где существовали раннекапиталистические формы промышленного производства. Здесь помимо начальных стадий подчинения ремесленника торговому капиталом (скупка готовых изделий и полуфабрикатов, продажа сырья, соединение скупки с ростовщичеством) получала распространение капиталистическая работа на дому. Раздача сырья, прием готовых изделий с выдачей сдельной заработной платы цеховым и пригородным ремесленникам существовали в шелкоткачестве, хлопкопрядении и хлопкоткачестве, изготовлении гвоздей и др. Организаторами раздаточной системы выступали «счетные конторы» (*чжанфан*), торговые «фирмы», компании (*хан*, *чжуан*, *хао*) и лавки (*дянь*) из различных корпораций, особенно *гунсо* и *яхан*, связанных с реализацией сырья или с посредничеством при его продаже. В шелкоткачестве и некоторых других ремеслах, особенно в городах юга пров. Цзянсу и севера пров. Чжэцзян, функционировала и рассеянная мануфактура.

Помимо надомной системы наемная рабочая сила использовалась в мастерских и мануфактурах (*фан*, *цзифан*). Такой наём уже стал обычным явлением в городах. Основным поставщиком наемных работников была деревня. Степень свободы найма зависела от его срока и оформления договора. При письменном договоре на длительный срок такой работник, как и в деревне, частично терял свободу и попадал во временную зависимость от хозяина. Взятые по устному соглашению на короткий срок или по денно сохраняли права свободного человека.

Основанная на принципе простой кооперации, мастерская с наймом рабочих и простейшие формы централизованной мануфактуры в XVIII в. были характерны для ряда производств: ткачества, металлообработки, крашения тканей, подготовительных стадий в изготовлении фарфора, приготовления бумаги, очистки хлопка, производства свечей, масла, водки, чая и пшеничной муки. Иногда в качестве придатка к централизованной мануфактуре использовалась раздаточная система. Этот тип организации (*вайбан*, *байжэнь*) чаще всего встречался в текстильных отраслях.

Аграрное перенаселение и избыток рабочих рук в городах позволяли держать основную массу наемников в тяжелых условиях. При этом заработная плата неквалифицированного работника держалась на уровне голодного прожиточного минимума, не дававшего возможности обзавестись семьей. Крайне низкой была также оплата труда детей и подростков. И без того продолжительный рабочий день часто растягивался от зари до зари за счет потогонной сдельщины при мизерных расценках. Такого рода эксплуатация была пропитана духом средневековой цеховой патриархальщины и земляческих отношений. Хозяин был не только земляком, но и «благодетелем» нанятого. Подмастерья, ученики и частично рабочие чаще всего жили под одной крышей с хозяином, на хозяйских харчах. Получая гроши в качестве денежной платы, они должны были из нее отдавать хозяину или посреднику «комиссионные» за устройство на работу или учебу.

Часто рабочие жили в специальном помещении при мануфактуре. Здесь патриархальщина сочеталась уже с явлениями раннего капитализма, когда предприниматель был для рабочих и домовладельцем и лавочником, у которого они были обязаны покупать необходимые продукты. Отношения хозяина и рабочего дополнялись связями ростовщика и должника, домохозяина и съемщика. Однако в целом противостояние труда и капитала в ручной промышленности Китая еще не стало сколько-нибудь значительным явлением.

На уровне раннемануфактурной стадии находились и сами производственные отношения. Последним было очень далеко до относительной законченности и чистоты позднемануфактурного периода. Внутри цеха и внутри самой ремесленной мастерской постепенно вызревали противоречия между хозяевами и торговым капиталом, с одной стороны, и мануфактурными рабочими, подмастерьями и учениками — с другой. Однако существование как тех, так и других определялось в первую очередь корпоративными принципами (цех, гильдия). Поэтому объединяющее начало преобладало над разъединяющим.

В массе своей капиталистические мастерские и мануфактуры еще не вышли из-под цеховой опеки. В них действовали многие земляческие обычаи, запреты и правила, общие для членов данной корпорации. В целом предпринимательские формы промышленности, включая раздаточную систему, по объему производства и значимости играли третьестепенную роль в условиях прочного господства деревенских промыслов и мелкотоварного цехового ремесла.

Горно-металлургическая промышленность

Корпоративное начало действовало и в организации промышленности вне городской черты. Наиболее показательными в этом отношении были горнодобывающие отрасли, где существовало два вида частных пред-

приятий — артельные и предпринимательские. Между ними имелся целый ряд переходных форм.

Артельные предприятия создавались простыми горняками или местными крестьянами. Такие мелкие разработки велись артелями пайщиков (*хо, хэхо, хобань*) «самостоятельно», т.е. без капитала хозяина (*чжу*). Эта исторически наиболее ранняя форма промышленности в XVIII в. еще сохраняла значительные позиции. Такие шахты, рудники и прииски действовали в отдаленных глухих горных районах, часто на земле, принадлежавшей самой артели. Для этой категории горнодобывающих объектов были характерны наиболее примитивная техника добычи, низкая производительность труда, малые размеры производства и ограниченный сбыт. Так, часто весь добытый на таких шахтах уголь раскупался окрестным населением для бытовых нужд.

Сама артельная организация в какой-то мере копировала цеховые формы. Во главе ее стоял староста (*хотоу, баогун*), далее шли мастера и подмастерья. Еще ниже стояли простые рабочие данной специализации. Все артельщики (*тунхо*) считались пайщиками и получали свою долю от выручки. Помимо этого артель нанимала подсобников, чернорабочих (очень часто подростков), которые не входили в число пайщиков, не участвовали в дележе прибылей. Они подвергались достаточно суровой эксплуатации, так как артель весьма экономно расходовала свои общие средства. Последние создавались за счет взносов каждого члена артели. Артельный староста был выборным и обладал большой хозяйственной и распорядительной властью, хотя формально главные вопросы решало общее собрание членов артели.

Каждая горнодобывающая артель стремилась, найдя богатое месторождение, купить этот участок или, на худой конец, получить разрешение властей на его разработку. В большинстве случаев чиновники либо отказывали, боясь появления новых шахт и рудников, а соответственно и скопления гольтубы, либо требовали за разрешение взятку, непосильную для артели, но вполне приемлемую для дельцов соответствующих корпораций. Поэтому на данном поприще значительно успешнее действовал торговло-предпринимательский капитал. Наиболее перспективные месторождения попадали, как правило, в руки богатых заводчиков, шахтовладельцев или самой казны.

В тех случаях, когда у артели не было своего месторождения или производственного сооружения (*яо*), она либо снимала в аренду рудник, плавильную печь, шахту, давяльный пресс, соляной колодец и т.д. у их владельца, либо брала подряд на выполнение определенного объема работ. В таком случае предпринимательские функции переходили к ее старосте, сама же артель, как правило, на многие годы закреплялась на том или ином производственном объекте. Артельная работа, особенно по переработке земледельческого сырья, имела сезонный характер. Зимой, когда кончалось сырье, ее члены разбредались, живя случайными заработка-

ми, мелкой разносной торговлей или подсобными промыслами в своей деревне.

Родство артельной организации с цеховой проявлялось и в том, что все артели данной профессии объединялись (хотя часто и номинально) в свою корпорацию с соответствующим уставом, копировавшим городские регламенты. При этом цеховая и земляческая организации взаимно переплетались, так как артель состояла, как правило, из уроженцев одной местности, чаще всего одной или нескольких соседних деревень. Как собственно артельная, так и артельно-подрядная система действовала прежде всего в горном деле — в добыче каменного и выжиге древесного угля, в добыче железной и медной руды, олова, серебра, золота, свинца и других полезных ископаемых. Артельный труд широко применялся также в гончарном деле (формовка и обжиг посуды), в производстве кирпича и черепицы, тростникового сахара, растительного масла, в рушении риса и т.д.

Сбыт готовых изделий или добытого минерального сырья шел через маклеров и комиссионеров (*яку*, *ядянь*, *цзинцзи*) из соответствующих *яхан* или *гунсо* либо же из местных куцов и «торговых фирм», специализировавшихся на этой операции. Иными словами, мелкие частновладельческие и особенно артельные предприятия находились в полной зависимости от торгового капитала. Именно скупщики устанавливали приемные цены, объем и сроки выработки, а также давали денежные авансы, фактически подчиняя себе артель с ее нищенскими средствами. Например, артели по добыче железной руды полностью зависели от владельцев или арендаторов чугуноплавильных вагранок и железоплавильных печей. Кроме того, эти заводчики непосредственно владели частью рудников, а их корпорация подчиняла себе не только артели горняков, но и владельцев других разработок. Несколько лучше складывалась обстановка для артелей в угледобыче, где, как уже упоминалось, часть продукции сбывалась окрестному населению.

Средние и крупные горнодобывающие предприятия в основном принадлежали к разряду частновладельческих, с хозяином (*чжу*) во главе. Для них были характерны несколько лучшая техника добычи, удобное расположение вблизи городов, транспортных рек, дорог и достаточно широкий, налаженный сбыт. Как правило, они вели разработку более богатых местонахождений. По своей социально-экономической природе такие шахты и рудники представляли собой капиталистические предприятия типа простой кооперации, а часть — типа ранней мануфактуры. В этой сфере наблюдался разрыв между владением предприятием и капиталом, его эксплуатировавшим. В таких случаях владелец объекта (*яочжу*) сдавал шахту, печь или иное крупное производственное сооружение в аренду (*дянь*) предпринимателю или подрядчику. Те нанимали рабочих и вели «дело». Такая практика была характерна для предприятий по обжигу фарфора, по производству керамических изделий, добыче угля, минералов и ряда других отраслей.

В угледобыче Чжили, например, существовала трехступенчатая иерархия владельцев. Она начиналась с владельца земли (*шаньчжу*, *дичжу*), где находилось месторождение. За это он получал земельную ренту или определенную долю дохода предприятия. Дальше шел основатель самой шахты (*гунбэнь*), вложивший в «дело» свой капитал и получивший право владения лишь на данное сооружение (*яо*). Он сдавал шахту в аренду на определенный срок заводчику-предпринимателю (*сыча*), который и вел добычу с помощью своих приказчиков и наемных шахтеров.

Помимо единоличного владения или эксплуатации *яо* в горном деле и ряде других производств было распространено совместное паевое предпринимательство нескольких компаньонов (*хэтуңжэнь*), иначе говоря, *гунбэнь*, а иногда и *сыча* были представлены группой мелких дельцов. Во многих случаях шахты эксплуатировались самими основателями (*гунбэнь*) или группой пайщиков (*хэтуң*) без сдачи в аренду *сыча*. Прибыли на договорных началах делились либо в определенной пропорции, либо по паям (*жи*). Дележ происходил как по вертикали (*шаньчжу-гунбэнь-сыча*), так и по горизонтали (между пайщиками-компаньонами на двух последних ступенях). На частновладельческих шахтах, рудниках и т.д. предприниматели, непосредственно ведшие производство, набирали рабочих поодиночке или целой артелью. В последнем случае сама артель фактически становилась простым сообществом раннемануфактурных рабочих (*гусун*, *юңгун*) со своим внутренним порядком, а староста — «старшинкой» (*гунтоу*). Члены артели не только подвергались эксплуатации со стороны нанимателя, но и должны были платить «старшинке» из заработной платы «комиссионные».

Наниматель в долг обеспечивал работников плохим жильем, скудным питанием, опиумом и водкой, делая из них неоплатных и зависимых от себя должников. Нередко хозяин заставлял и семью шахтера отрабатывать растущий долг. При этом свободный наём превращался в долговую кабалу с полной личной зависимостью работника от хозяина или подрядчика, без разрешения которого шахтер не мог ступить ни шагу. К этой категории работников примыкали и крестьяне, приходившие из районов стихийных бедствий и под страхом голодной смерти продававшие себя в рабство хозяевам шахт и рудников. Эти «мертвые труженики» (*сыбоцзы*) в отличие от вольных (*хобоцзы*) получали только скудную пищу и часто содержались под стражей.

Во внегородских отраслях простая кооперация с зачатками детального разделения труда преобладала над законченными мануфактурными формами. Так обстояло дело в добыче и выжиге угля, добыче различных руд и соли, в металлургии, на лесозаготовках, в производстве бумаги, кирпича, черепицы, извести, растительных масел, сахара, в строительном деле и т.д.

Развитие капиталистических отношений и самого частного сектора в горном деле и металлургии сознательно тормозилось экономической политикой цинского правительства. В горном деле номинально существо-

вала монополия государства. Если месторождение находилось на частной земле (*миньтянь*), его разработка после соответствующих формальностей и взяток обычно разрешалась властями. Добыча же полезных ископаемых в богатых углем и рудами горных районах (вне частных, как правило, равнинных пахотных земель) была связана с правами на казенную землю (*гуаньтянь*). Разработка их считалась прерогативой государства и передавалась частным лицам на чрезвычайно тяжелых условиях, под надзором властей.

Объяснялось это в первую очередь боязнью тайного изготовления оружия, которое могло быть использовано против маньчжурских завоевателей. По таким же политическим соображениям власти опасались скопления «бездомных» (т.е. не охваченных полицейской системой *баоцзя*) в зоне разработок. Поэтому они всячески препятствовали открытию новых шахт, рудников, плавильных вагранок, печей, кузниц и т.п. Вся эта сфера производства находилась под неустанным жестким контролем чиновников, государство стремилось взять на учет всю выплавку металла. Это, в свою очередь, открывало дорогу фантастическим злоупотреблениям — взяточничество и произвол чиновничества в частной горнодобывающей промышленности и металлургии считались обычным явлением.

Поскольку казенных шахт и рудников было мало, правительство предпочитало получать топливо и различные руды путем ограбления частного сектора. Значительная часть добытой руды или угля переходила в руки казны в качестве налогов и принудительных закупок ниже рыночной цены.

В горном деле в Цинской империи все еще отсутствовали единые нормы налогообложения. Его формы и размеры зависели от места и характера разработок. Самой распространенной была система *эрбашоукэ*, при которой горный налог (*чоукэ*, *куаншуй*) взимался в размере 20% добычи, а 80% «оставлялись» хозяину шахты или рудника. Часто власти отбирали и 30% добычи. Во многих случаях налог сочетался с принудительными казенными закупками по крайне низким ценам. Эта практика была наиболее разорительной для горнозаводчиков, так как лишала их большей части, а иногда и всей прибыли.

Казенные закупки осуществлялись в двух вариантах. Обычно государство брало 20% добычи в счет налога, 40% «закупало», а 40% разрешало продать на рынке. Реже чиновники изымали 10% добычи в качестве налога, а все остальное забирали в счет казенных закупок, вставая на путь простого ограбления предприятия.

Строжайший надзор был установлен над медными, оловянными и свинцовыми рудниками и плавильными печами. Казна очень боялась тайной отливки медной монеты частными лицами. Аналогичный режим существовал на серебряных рудниках и золотых приисках. Их владельцы или подрядчики могли свободно продавать лишь малую часть добытого.

Технический и социальный уровень горного дела, металлургии и металлообработки в Китае, как и в любой другой стране, являясь показате-

лем общего развития производительных сил общества, наглядно демонстрировал их отсталость. В угледобыче в целом преобладали не вертикальные, а наклонные штольни — лазы, непосредственно переходившие в забои при минимальном использовании крепежного леса. В большинстве случаев глубина проходки определялась высотой подпочвенных вод. В забоях бамбуковая или деревянная палка с железным наконечником соперничала с обушком. Отколотый уголь грузился малоухватными, чаще всего деревянными допатами в поставленные на салазки корзины, мешки или дубяные кули, которые рабочие ползком на четвереньках вытаскивали на поверхность. Для таких разработок были характерны крайне низкая производительность труда и мелкие размеры производства. На шахтах наблюдалась высокая смертность в связи с частыми обвалами, прорывами подземных вод и взрывами рудничного газа.

Для крупных, по китайским стандартам, шахт с богатым пластом были более характерны вертикальные штольни с горизонтальными штреками. Здесь для подъема угля в корзинах на поверхность применялись блоки и ворота. Они вращались людьми или рабочим скотом. Разработка пласта производилась и ниже уровня подземных вод, которые удалялись вручную бадьями, рудничный газ отводился бамбуковыми трубками, использовался крепежный лес. Поскольку такие потребители топлива, как металлургия и металлообработка, в целом были развиты слабо, бытовое использование угля резко преобладало над производственным.

Дрова не играли существенной роли в топливном балансе страны. В деревнях обогревались преимущественно соломой и хворостом. Уголь же главным образом шел для отопления городских жилищ в зимнее время. Каменный уголь в основном добывался в мелких и мельчайших шахтах. Крупная добыча его была сконцентрирована на севере, прежде всего в Шаньси. Далее по значимости следовали разработки в провинциях Шэньси, Шаньдун и Чжили. Особой известностью пользовались копи Мэньтоугоу под Пекином. На юге крупная добыча угля осуществлялась в провинциях Хунань, Сычуань и Гуандун.

Приблизительно такими же отсталыми методами шла разработка различных руд. Добыча и промывка их целиком производилась вручную. Для плавки чугуна и железа применялась смесь древесного и каменного угля. Выжигание древесного угля было развито в провинциях Шаньси, Шэньси, Хубэй и Гуандун. Производственные потребности в железе и стали были весьма ограничены. Орудия труда и различные станки изготовлялись в основном из дерева и бамбука, металлических деталей в них было немного. В связи с этим железо в основном шло на бытовые потребительские товары, котлы, печи, жаровни, на наконечники сельскохозяйственных и ремесленных орудий, холодное оружие, гвозди, скобы и др.

Отсталым был и металлургический процесс. Размельчали железную руду вручную или жерновами с применением конной тяги. Китай не знал доменных печей европейского типа. Плавка чугуна велась в открытых

сверху вагранках, которые загружались пластами угля и глиняными тиглями, наполненными измельченной рудой и углем. Необходимая температура достигалась ручной кубовой воздуходувкой. Готовый чугун вытекал на приемную каменную площадку. Железо из него получалось либо при многократной переплавке примерно тем же способом, либо при использовании специальных полужакрытых печей конусного типа. Руда и уголь поступали в них попеременно, воздух нагнетался ручной воздуходувкой или кузнечными мехами. Металл выходил через донную решетку печи. Сталь из железа получалась при повторных плавках на тех же или специальных печах аналогичного устройства, но с более огнеупорной кладкой.

На севере страны основным центром выплавки чугуна и железа был район Тайюань—Пинсян в Шаньси (по соседству с угольными месторождениями). В меньшей степени славилась Телучуан в Шэньси и Цзуньхуа в Чжили. Часть железа перерабатывалась в скобяные и иного рода изделия здесь же, особенно в районе Тайюаня. Остальной металл в чушках и болванках шел в центральные районы, прежде всего в бассейн Янцзы, где главным центром железообработки был Ханькоу. Сталь выплавлялась в Уху, преимущественно в Хунани (Шаоян, Уган, Юэян и Сянтань), где использовалось привозное шаньсийское железо.

Основным центром металлургии и поставщиком широкого ассортимента железных изделий на юге Китая был Фошань в пров. Гуандун. Этот город производил также изделия из цветных и драгоценных металлов. Ковка, протяжка, литье, чеканка и другие виды металлообработки осуществлялись целиком вручную. Так же изготовлялись железные части сельскохозяйственных орудий, ремесленные инструменты, якоря, котлы для выварки соли и сахара, железные печки, жаровни, кухонные котлы, топоры, ножницы, ножи, гвозди, иголки, проволока, листовое железо, разного рода фольга и другие товары.

Схожая техника применялась при выплавке меди, свинца, олова, серебра и других цветных металлов. Их производство, как и добыча соответствующих руд, было сконцентрировано в юго-западных провинциях — Гуанси, Гуйчжоу, Сычуани и особенно в Юньнани. Кроме того, различные цветные металлы добывались в Хунани.

Добыча каменной соли была сосредоточена в Юньнани и на юге Сычуани, которая занимала в этой области первое место среди других провинций. Здесь действовали тысячи колодцев и скважин, откуда черпался соляной раствор. Дорогостоящее и длительное бурение скважин производилось простейшим железным буром, вращаемым волами или лошадьми. Он уходил вглубь под собственной тяжестью, а через бамбуковые трубы на той же тяге осуществлялся подъем раствора из колодцев на поверхность, где путем выварки в котлах из него получали соль. В прибрежной полосе провинций Гуандун, Фуцзянь, Чжэцзян, Цзянсу соль выпаривалась на солнце из морской воды.

Отрасли и техника ремесла

Издавна Китай славился своей фарфоровой, гончарной посудой и иными керамическими изделиями. В керамических производствах наиболее сложным по числу операций было изготовление фарфора. Добыча сырья — каолина и «фарфорового камня» (*циши*) и топлива (дрова и хворост), а также приготовление самой массы осуществлялось вручную. Размол *циши* производился водяными мельницами. Формовка изделий на гончарном круге, роспись, глазурирование также были ручными операциями. Обжиг изделий происходил в различного рода и вида печах из огнеупорного кирпича с футеровкой. Всекитайскими поставщиками фарфоровой посуды и иных изделий были Цзиндэчжэнь, Дэхуа и Лунцюань. Особую роль играл Цзиндэчжэнь. Помимо казенных заказов и массы различной продукции для внутреннего рынка он поставлял знаменитый китайский фарфор за границу. Часть белой цзиндэчжэньской посуды вывозилась в качестве полуфабриката и расписывалась в других городах Китая. В самом Цзиндэчжэне и его округе работали разного рода заведения, заготавливавшие сырье и топливо, формовочные мастерские, отделочные мануфактуры, печи для обжига, упаковочные заведения и т.д.

Более низкую технику использовали при изготовлении гончарной бытовой посуды, чайников и чашек. Самыми известными центрами керамического производства были Исин и Фошань. Столь же широко было распространено изготовление строительных керамических материалов — кирпича, черепицы и изразцов. Замеска и формовка производились вручную, а обжиг — в простейших печах.

Вручную осуществлялись все стадии приготовления бумаги из бамбука и волокнистых растений. Для этого применялись самые простые приспособления — водоемы для замачивания стеблей и древесины, котлы для варки, ямы для сгущения целлюлозной массы, сушильные стойки и навесы. Особая роль бюрократии и конфуцианской учености, высокий уровень грамотности господствующего класса и специфический спрос со стороны шэньши создавали повышенную потребность в бумаге различных сортов, прежде всего писчей и книжной. Кроме того, большим спросом пользовались стенная обойная и промасленная оконная бумага, заменявшая собой стекло. Бумага также шла на зонты, веера, фонари и другие изделия.

Бумагу изготавливали во многих провинциях — Цзянсу, Чжили, Цзянси, Хубэй и Шэньси и особенно в приморских — Чжэцзян, Гуандун и Фуцзянь. Из числа городов главным поставщиком бумаги были Нанкин и Сучжоу, где процветало книгопечатание с деревянных досок — ксилография, а также печатание лубочных картин.

В стекольном производстве ручной труд обслуживал простейшие плавильные печи, горны и воздуходувки. Преобладали мелкие мастерские и мануфактуры, выпускавшие ограниченный ассортимент изделий. Сте-

кольная посуда и зеркала столь же мало применялись в быту, как и оконное стекло. Северную часть страны снабжали стекольные мастерские Бошаня в пров. Шаньдун, а южную — мануфактуры Гуанчжоу.

Как и в любой отсталой аграрной стране, важнейшей составной частью промышленности Цинской империи были пищевые отрасли. Ремесленная переработка сельскохозяйственных продуктов — различного зерна, чайного листа, табака, сахарного тростника и т.д. — была распространена почти по всем городам, в том числе окружным и уездным центрам. Рисорушки, мукомольни, различные предприятия по производству водки, вермишели, соевых приправ и т.п. встречались повсеместно. Сахароварни и «чайные фирмы» были наиболее характерны для Фуцзяни и Цзянси. Выделкой вина и водки славился Шаосин. Обработка чайного и табачного листа, шерсти осуществлялась целиком вручную. Основная масса риса обрушивалась также вручную. При помоле пшеничного зерна использовали либо ручную мельницу, либо каменные жернова, вращаемые лошадьёю или быком.

При изготовлении арахисового, бобового и соевого масел размолотая масса ногами спрессовывалась в диски, которые по бокам скреплялись железными ободьями разного диаметра. На юге страны они вплотную укладывались в деревянную или каменную колоду, затем между ними удаврами молота загонялся ряд клиньев. Они сжимали диски, выдавливая часть масла, стекавшего через специальное отверстие. На севере Китая диски размещались вертикально между четырьмя врытыми в землю и скрепленными между собой столбами. Наполовину обезжиренные диски жмыха шли на удобрение и корм скоту. Выжимка сока из стеблей сахарного тростника осуществлялась двумя вертикальными, спаренными зубчатой передачей барабанами, один из которых приводился в движение буйволами. Затем сок вываривался в железных котлах. Обслуживалась эта давальня несколькими рабочими — подносчиком, подавателем стеблей в барабаны, погонщиком, выварщиком и т.д. Основная масса предприятий пищевой промышленности располагалась за пределами города — в сельской глубинке и пригородных волостях, что ослабляло позиции города в общекитайской экономической структуре.

Важное место в городах занимали текстильные отрасли ремесла. Однако и здесь сказывалось доминирующее положение деревни. Основная масса населения одевалась зимой в ватную, а летом в легкую одежду из хлопчатобумажной ткани ручной выделки (*тубу, сябу*). Между тем хлопкообработка оставалась по преимуществу крестьянской отраслью, уступая в городах первое место шелкопрядению и шелкоткачеству. В городе изготовлялось лишь относительно небольшое количество высококачественных, тонких, аппретированных тканей для господствующих слоев общества. Хлопчатобумажные материи изготовлялись в большинстве городов империи. Более или менее значительное производство холста, сатина и ситца было сосредоточено в городах нижнего течения Янцзы — Сунцзяне, Су-

чжоу, Нанкине, Цзядине, Шанхае, а также в Ханчжоу и Фучжоу. В южной части страны первенство в хлопкоткачестве принадлежало пров. Гуандун. Здесь выделялись Гуанчжоу, Фошань и мелкие городки вокруг них.

В обработке хлопка вся техника была либо деревянной, либо бамбуковой. Для очистки хлопка-сырца применялся ножной станок с двумя параллельными валками, вращавшимися в разные стороны. Из бамбука делались простейшие приспособления для трепания ваты. Ровнивание ватной ленты, скручивание нити и ее крахмаление осуществлялись вручную. В прядении преобладали одноверетенные прялки с ножной педалью. Для сдваивания нитей и основания служили многоверетенные прялки или мотовила. В ткачестве применялись ножные и ручные простейшие станки с бросаемым (*тоусоцзи*) или, реже, с протягиваемым челноком (*ласоцзи*).

Ведущим видом городской текстильной промышленности была шелкообработка — размотка, пряжение и ткачество. Основные центры ее, развивавшиеся на базе тутоводства Цзянсу и Чжэцзяна, были в Нанкине, Сучжоу, Ханчжоу, Уси и Хучжоу. Нанкин славился изготовлением атласа и парчи, Сучжоу и Ханчжоу — различными узорчатыми шелками. Из второстепенных центров здесь следует отметить Шэнцзэчжэнь, Чжэнцзэчжэнь, Нинбо и Шаосин. Вторым крупным средоточием шелкообработки были Гуанчжоу и Фошань. В городах провинций Шаньдун, Чжили и Фэньтянь из нити дубового шелкопряда делали чесучу.

Как и в хлопкообработке, в шелковой промышленности в основном использовались станки из дерева и бамбука. Металлическими были лишь немногочисленные мелкие детали. Станки приводились в движение мускульной силой одного или нескольких человек через ножные педали, веревочные приводы, а также руками. При готовом сырье на мотальных, крутильных, а также малых станках для выделки гладких однотонных и мелкоузорных тканей работали в одиночку. Размоточные, сновальные и сложные ткацкие станки для изготовления многоцветного крупноузорного шелка требовали усилий двух и более человек. В различных провинциях и городах шелкоткацкие и иные станки имели свои местные технические особенности.

Отбелка, крашение и дощение тканей осуществлялись вручную. В красильном деле применялись котлы для горячего крашения, чаны для холодной окраски и полоскания, сушильные навесы. Крашением хлопчатобумажных и шелковых тканей славилась многие города — Уху, Ханчжоу, Сучжоу и т.д.

Китайский город производил широкий ассортимент предметов повседневного обихода — домашнюю посуду и утварь, свечи, масляные светильники, мыло, роговые фонари, курительные принадлежности и т.д. Особое место занимало шитье одежды, особенно зимней — стеганых ватных халатов, курток, безрукавок, набрюшников, а также ватных одеял и матерчатой обуви на многослойной матерчатой или войлочной подошве. Большую роль играло плетение из камыша, соломы и луба различных ви-

дов изделий. На наклонных деревянных рамах изготавливались циновки, маты и половики; вручную, как правило, силами семей ремесленников — мешки, кули, веревки, канаты, сети и др. Плетение из соломы было наиболее распространено в пров. Шаньдун, из бамбука — в Сычуани, производство циновок в пров. Чжэцзян, особенно в Вэньчжоу.

Специфически китайскими видами ремесла считалось изготовление зонтов, вееров, палочек для еды, туши, кистей для письма, хлопушек, бумажных фонарей, ритуальных жертвенных предметов, благовонных свечей и ароматических палочек. В приморских городах сосредоточивались художественные ремесла — выделка резных и лаковых изделий, эмали, а также ковров и дорогой мебели. Естественно, что при изготовлении художественных изделий и предметов роскоши учитывались в первую очередь вкусы и традиции правящих слоев — рентополучателей, чиновников и шэньши. Они определяли спрос и моду на лаковые изделия, резьбу по дереву, слоновой кости, нефриту, сорта фарфора, шелка и, конечно, на ювелирные изделия из золота и серебра.

Вступив на путь раннемануфактурного развития, ручная промышленность Китая не имела предпосылок для перехода к стадии развитой мануфактуры. Если увеличение рыночного спроса в европейском городе приводило к качественным сдвигам (улучшение техники и повышение производительности труда), то в Китае эти требования рынка решались за счет количественных показателей (умножения оборудования старого образца и занятой рабочей силы). Основным фактором, тормозившим технический прогресс в китайском ремесле, был постоянный избыток крайне дешевых рабочих рук в городах и неуклонный приток их из деревень. Это задерживало переход к более производительным механизмам и станкам позднемануфактурного типа. Отсутствие развитой мануфактурной техники компенсировалось высокими, доходившими до виртуозности профессиональными навыками китайского ремесленника.

Слабость материально-технической базы китайской промышленности проявлялась и в том, что производство специфически китайских предметов потребления (шелк, фарфор) значительно превосходило развитие горного дела, металлургии и металлообработки, т.е. отраслей, образующих исходное начало народного хозяйства и определяющих общий уровень технической вооруженности общества. Для промышленности в целом был характерен разрыв между технической мыслью и реальным уровнем производства, между самим изобретением, усовершенствованием и внедрением его в жизнь. Многие передовые для Китая конструкции и технические решения оставались на бумаге. Например, изобретенная еще в XIII в. многоверетенная прялка не получила распространения в хлопкопрядении. Общую картину дополнял низкий уровень энерговооруженности китайского ремесла — полное господство мускульной силы тягловых животных и человека, отсутствие ветряных и крайне слабое применение водяных двигателей.

К числу средневековых черт китайской промышленности следует отнести существенные региональные и отраслевые различия в технике, а также организации самого трудового процесса. Такие особенности зависели от местных условий, земельной тесноты, степени перенаселенности района и уровня развития данной отрасли.

Транспорт

Транспорт в цинском Китае в техническом отношении был примерно на одном уровне с ремеслом. Ведущую роль играли водные перевозки — прежде всего по рекам и в меньшей мере малый морской каботаж. На реках и озерах Китая во всех направлениях сновала масса частных лодок, разного рода парусных джонок — средних и больших, пассажирских и грузовых, деревянных паромов, барок, сампанов, барж и т.д. И в речном, и в каботажном судоходстве большую роль играла сила человека. С переменной или отсутствием ветра, а также при движении вверх по течению рек бурлаки тянули джонок, впрягшись в лямку или упиравшись в бамбуковую планку на канате.

Свои речные и морские суда имели и различные правительственные ведомости. Перевозки налогового зерна по Великому каналу (система *юньцао*) обслуживались несколькими тысячами джонок. Этот грузовой флот был подчинен Хубу. Казенные морские парусники осуществляли каботажные перевозки различного имущества, в том числе и собранного в счет налога зерна в Тяньцзинь. Суда Нэйфуфу транспортировали в Пекин казенный шелк, фарфор и другие изделия. Свои грузовые баржи имело и Гунбу. Доставку военного снаряжения и интендантских грузов частично осуществляли суда Военного ведомства — Бинбу. Почти все ведомства принудительно привлекали к своим перевозкам частные джонок.

Во внутренней водной системе страны ведущую роль играла Янцзы, особенно ее участок от Ханькоу до моря. Она связывала между собой районы семи провинций — Сычуань, Хунань, Цзянси, Хубэй, Аньхуэй, Цзянсу и Чжэцзян. Второй по значимости водной артерией был Великий канал, соединявший Пекин и север страны с низовьями Янцзы. Пролетая от Тунчжоу до Ханчжоу, он пересекал четыре провинции — Чжили, Шаньдун, Цзянсу и Чжэцзян. Особую роль играл г. Чжэньцзян, стоявший на пересечении Янцзы с каналом. Большое транспортное значение имела Хуанхэ ниже Тунгуаня, особенно ее отрезок между Кайфэном и Великим каналом. Пересекая его севернее оз. Хунцзэху, Хуанхэ сливалась здесь с Хуайхэ. Кроме того, значительную роль играли такие реки, как Сянцзян, Вэйхэ, Ганьцзян, Ханьшуй и Сицзян.

В морском каботаже были заняты тысячи крупных парусных джонок *шачуань* с большей осадкой, грузоподъемностью и прочной оснасткой. Почти все приморские города от Ляодуна до Гуандуна служили погрузочно-разгрузочными портами или же стоянками каботажного флота.

Среди них выделялись Шанхай, Гуанчжоу, Тяньцзинь, Нючжуан, Фучжоу и Сямэнь.

Слабее, чем речной и каботажный, был развит сухопутный транспорт, жестко стесненный бездорожьем. Здесь особую роль играла мускульная сила человека. Значительные массы грузов (в корзинах на бамбуковом коромысле, в тюках, подвязанных к перекладине, и на деревянных заспиных стойках для укладки товаров) переносились на плечах и спинах миллионов носильщиков *кули*. Более дешевый труд человека вытеснял тягловых животных, особенно в перенаселенных центральных и южных провинциях.

Много людей было занято в различных почтово-почтовых службах. Доставка казенных бумаг, частных, в том числе коммерческих писем шла через разного рода нарочных и посыльных. Продолжала действовать средневековая правительственная почта — ямская и курьерская служба (*ичжань, ючжэн*) со своими почтовыми станциями, перекладными лошадьми и посыльными джонками. Параллельно ей существовала частная посылная служба (*миньцзюй, синьцзюй*), в которой было занято большое число разного рода гонцов, охранников, возчиков и лодочников.

В транспортировке грузов и пассажиров тягловый скот играл второстепенную роль. В качестве упряжного скота использовались ослы, мулы, буйволы, волы и лошади. На севере преобладала двуколка с плетеным кузовом для седока и приспособлением сзади для подвязки клади либо специально приспособленная для грузов. Однако чаще, особенно на юге, использовали под вьюки скот. Кроме того, здесь шире, чем на севере, была распространена тачка, обслуживавшаяся одним или чаще двумя возчиками (в последнем случае один из них тянул за лямку спереди). Представители господствующих классов передвигались в паланкинах с двумя носильщиками. Менее богатые пассажиры, особенно на севере, ездили в извозчичьих возках — двуколках.

Сухопутная транспортная сеть отличалась необычайной запущенностью и бездорожьем. За исключением отдельных участков наиболее оживленных правительственных трактов, дороги не имели искусственного покрытия. Грунтовые дороги — неровные, местами с весьма глубокой наезженной колеей — были в плохом состоянии. После сильных дождей они становились труднопроходимыми. Транспортировка грузов, перевозка денег и пассажиров по скверным дорогам, горным перевалам и глухим местам была сопряжена с частыми нападениями разбойников. Во избежание ограблений, купечество прибегало к помощи частных фирм (*бяоцзюй*), предоставлявших специально обученную вооруженную охрану (*баобяо*) для сопровождения товаров и проезжающих.

Основная масса тачек, джонок, повозок и т.д. находилась во владении самих возчиков и лодочников и обслуживалась силами их семей. Другая, меньшая часть средств транспорта, особенно крупные речные барки, джонки, баржи и каботажные суда, либо сдавалась в аренду, либо обслу-

живалась наемным трудом. Множество лодочников, бурлаков, погонщиков, кули, носильщиков паланкинов и т.п. работали по найму. Они подражались к хозяевам как в одиночку, так и целыми артелями односельчан или земляков. Артельное начало было наиболее распространено среди бурлаков и кули-носильщиков, особенно на юге. На такой же основе часто организовывались погрузочно-разгрузочные работы в перевалочных пунктах — на речных и морских пристанях.

Основная транспортная сеть Цинской империи в целом представляла собой переплетение различных путей, пересекающих страну с севера на юг и с востока на запад. С севера на юг вели четыре главные линии.

Первая шла от Шаньхайгуаня через Пекин по Великому каналу до Янчжоу и Чжэньцзяня. Здесь она разветвлялась. Один путь пролегал по Янцзы через Сучжоу, Шанхай и далее морем до Ханчжоу. Другой ее отрезок шел до этого города по каналу и оттуда морем в Фуцзянь.

Вторая представляла собой грунтовую дорогу, тянувшуюся параллельно Великому каналу. У Сюйчжоу она отходила от него в сторону, пересекала Аньхуэй и далее шла по реке Ганьцзян. Затем она переваливала через горы Даюйлин и оканчивалась в Гуанчжоу.

Третьей был почтово-пассажирский и торговый тракт Пекин—Кайфэн—Ханькоу. Отсюда путь продолжался по Янцзы до Юэчжоу, а затем по Сянцзяну на Чанша и Сянтань. Далее на юг лежала пешая дорога через горы Наньфэнлин до Гуанчжоу.

Четвертая, также грунтовая дорога шла от столицы по Шаньси и Шэньси до Баоцзи. Переваливая через хребет Циньлин, она спускалась в Сычуань к Чэнду. Отсюда два ее разветвления вели в Юньнань и Гуйчжоу.

С востока на запад страну пересекали две основные линии. Одна шла по Хуанхэ и вдоль нее — от Великого канала через Кайфэн и Лоян к г. Сиань. Отсюда грунтовая дорога вела на Ланьчжоу в Ганьсу. В центральной части страны главной транспортной артерией была Янцзы с ее притоками. На юге большую роль играли речной путь и грунтовая дорога от Гуанчжоу до Гуйлина и из Чжэцзяна в Цзянси. От всех этих линий шли ответвления в Маньчжурию, Монголию, Синьцзян, Цинхай и Тибет.

Такова была в общих чертах «инфраструктура» Китая того времени.

Внутренний рынок

Водные артерии играли большую роль в системе внутренней торговли Китая. Грузопоток, проходивший через эту торгово-транспортную сеть, складывался из следующих частей. Из экономического центра страны — долины Янцзы (особенно Цзяннани) — или через него на север везли прежде всего рис, пшеницу, чай, бумажные и шелковые ткани, фарфор, керамику. На юг долина Янцзы поставляла зерно, хлопок и изделия из него, предметы роскоши, фарфор, красители и различную продукцию городского ремесла. Из северных провинций в бассейн Янцзы поступали

хлопок-сырец, бобы, соевые продукты, железо, чесуча, шерсть, войлок, кожи. В свою очередь, значительная часть перечисленного выше сырья привозилась в северные районы из Маньчжурии, Монголии и Синьцзяна.

Из южных провинций в центральные районы страны и далее на север поступали чай, соль, сахар, цветные металлы, медная и оловянная посуда, железные изделия и скобяной товар, бумага, бамбуковые изделия, шелковые и хлопковые ткани. Помимо этого, товарообмен между севером и югом шел минуя внутренние рынки долины Янцзы. Этот грузопоток в значительной мере осуществлялся каботажным судоходством через Шанхай. В северные порты с юга везли ткани, чай и различные ремесленные изделия. В Шанхай и далее на юг каботажные джонки доставляли с севера соевую продукцию, бобы, пшеницу и другие сельскохозяйственные продукты. Среди товаров, шедших с востока на запад, преобладали чай и ремесленная продукция. В обратном направлении доминировало зерно и различное сельскохозяйственное сырье. Наиболее оживленными зонами торговли были морские порты, а также города на Янцзы и Великом канале, в том числе Янчжоу и Линьцин.

Единый общекитайский внутренний рынок как таковой отсутствовал. Экономическая раздробленность страны, известная изолированность и внутренняя замкнутость провинций давали о себе знать. Тем не менее в условиях роста межпровинциальной торговли уже заметно действовали и центростремительные тенденции. Существенно тормозила создание общекитайского рынка экономическая политика казны, ревностно охранявшей и усиливавшей внутренние таможенные барьеры на пути межпровинциального и более ограниченного товарообмена. Китай унаследовал от прошлого систему застав (*чангуань*) с их филиалами, отделениями и постами (*фэньгуань*, *фэньцзюй*, *фэньця*), где с проезжавших купцов собирался таможенный сбор (*чангуаньшуй*, *гуаньшуй*). Такие заставы действовали как на водных (речных и каботажных) линиях, так и на сухопутных торговых дорогах, особенно в пунктах скрещения тех и других. Число их по всей стране приближалось к 800.

Чангуаньшуй не был единым налогом. Данным термином обозначались различные пошлины. Одни брали с «носа» судна в зависимости от его размеров, другие исчислялись со стоимости провозимого товара, третьи представляли сочетание первых двух видов. На сухопутных заставах были свои виды обложения: с повозок и упряжных животных, с различных категорий товаров и т.д. На некоторых заставах одновременно собирались и налоги — соляной, комиссионный, лавочный и др. *Чангуаньшуй* взимался с джонок и их груза на каждой встречной заставе. Единых, общих для всей страны норм обложения практически не существовало. Так, установленная Хубу норма в 5% от цены товара не соблюдалась местными властями и присылаемыми из Пекина инспекторами. Чиновники произвольно назначали местную ставку, еще более усиливая разнობой и пестроту налогообложения. Кроме того, часть застав была подведомственна не Хубу, а Гунбу.

Эта таможенная паутина серьезно тормозила рост внутренней торговли. Сковывалась она и чайной и соляной монополиями казны, а также такими тяжелыми налогами с перевозок и торговли, как соляной (*янькэ*), опиумный (*туяошуй*), чайный (*чашуй*), налог на водку (*шаогошуй*) и налог на торговое посредничество (*яшуй*).

Костяком внутреннего грузопотока служила зерновая торговля бассейна Янцзы: от купли-продажи продовольствия на местных рынках уездного, областного и провинциального значения на первичных путях вывоза (Сянцзян, Ганьцзян) до движения товара через порты на Янцзы — центры зерноторговли всекитайского значения. Зерноторговля составляла основу внутрикитайского рынка, хотя главные ее продукты (рис и пшеница) лишь в незначительной части поступали к потребителю по нормальным экономическим каналам прямого товарообмена между деревней и городом. Главную же роль играл отток продукта под воздействием ренты. Несколько иначе обстояло дело с техническими культурами. Связанная с ними часть сырьевого рынка в большей мере строилась на товарных связях между производителями и потребителями, правда, доля сырья, поступавшего в городское ремесло по каналам ренты, оставалась и здесь весьма значительной.

Процессы ценообразования и их механика определялись превосходством земледелия над ремеслом и деревни над городом. Основная шкала цен устанавливалась деревней и зависела от стоимости зерна. Любые колебания в сборе зерновых делали эту закономерность еще более заметной. Кроме того, основное сырье для городского ремесла поступало из деревни, что со своей стороны в значительной мере влияло на структуру цен на промышленные изделия. Стоимость труда, вложенного ремесленником в изделие, составляла, как правило, весьма малую часть его рыночной цены.

При этом, однако, господство натурального хозяйства обусловило слабое развитие форм самой деревенской торговли. Здесь низшим звеном торговой сети были мелкие сельские лавки. Лавчонки мелкого товара (*цзахоу*) и винные лавки (*цзюдянь*) имелись далеко не во всех крупных, не говоря уже о средних и мелких деревнях. Чаще всего одна *цзахоу* обслуживала несколько деревень. Лавочник или, чаще, его разносчик объезжал их на двуколке или обходил с корзинами на коромысле. Ассортимент товаров и обороты таких лавок были более чем скромными. Основную часть доходов сельские лавочники получали от ростовщичества, отпуска товара в кредит под проценты, от закладных операций с ценным сырьем, зимней одеждой, утварью или же землей бедствующих дворов.

Специфической чертой как деревенского, так и городского сбыта было участие в нем большого числа людей, занятых в мелочной разносной торговле постоянно либо какую-то часть года. Бродячие торговцы действовали самостоятельно или как агенты местной лавочки или деревенской мастерской. Такая торговля в отличие от лавочной и оптовой не облагалась налогами, так как считалась малоодоходным занятием, в основном пригод-

ным для бедноты. В обстановке аграрного перенаселения мелочная торговля была спасением для части городских и деревенских низов. Значительно выше стояли разъездные приказчики (*сяоцзинцзи*) городских торговых «фирм» и «магазинов» уездного и более крупного масштаба.

Бродячий торговец или разносчик с товаром на тачке, двуколке, а чаще всего в корзинах на коромысле, обходя дальние деревни, восполнял недостаточно развитую сеть лавок. В такой мелочной торговле большую роль играл безденежный обмен местного сырья и полуфабрикатов на городские ремесленные изделия. Аналогичную форму заготовки сырья и крестьянских изделий по деревням применяли также разъездные приказчики разного рода скупочных «контор».

В каждом уезде, как правило, существовало несколько деревенских, а точнее, волостных базаров (*цаоши*), куда крестьяне из окрестных селений приносили продукты земледелия и домашних промыслов. Здесь же продавались городские изделия — предметы повседневного обихода. На этих базарах местные скупщики получали от крестьян продукты и сырье для городских рынков, расплачиваясь как деньгами, так и товарами. *Цаоши* собирались, как правило, по четным или нечетным числам десятидневки, некоторые из них — раз в три дня, согласно десяти- или двенадцатеричному циклу, и очень немногие — раз в десять дней. Кроме того, по уездам и волостям несколько раз в году около кумирен устраивались ярмарки (*мяохуэй*, *цзинши*).

Ежедневные и периодически функционировавшие рынки (*ши*) имелись практически во всех городах — от провинциальных центров до уездных. В крупных городах определенные виды продовольственных или ремесленных товаров продавались как в специализированных торговых рядах, улицах и кварталах, так и на установленных традицией или властями рынках — около кумирен, городских ворот и мостов. В больших городах действовали ночные рынки (*ешу*). В зависимости от величины города периодически собирались также смешанные базары, где продавали как местные, так и привозные товары.

Кроме того, ежегодно устраивались многодневные ярмарки, приуроченные к какому-либо празднику. Такие ярмарки играли большую роль во внутреннем товарообмене, привлекая приезжих купцов-оптовиков. Городская торговля была представлена массой мелких лавочек и разносных мелочных торговцев, снабжавших низшие слои населения. Была развита торговля на выносных ларях, лотках, под временными навесами, в балаганчиках и т.д. Зачастую товар просто раскладывался на земле.

Специализированные рынки ряда городов имели всекитайскую известность. Такими были рисовые рынки Ханькоу, Уси и Уху, рынок шелковой пряжи и коконов — в Хучжоу, бумажных тканей — в Шанхае, шелковых — в Шэньцзэчжэне, фарфоровый — в Цзиндэчжэне, соляной — в Янчжоу и т.д. Крупные рынки выросли также на скрещении сухопутных и водных торговых путей (в Ханькоу, Цзюцзяне, Гуанчжоу, Чжусяньчжэ-

не под Кайфэном и др.). Расширение рынков Пекина и провинциальных центров было связано со скоплением в этих городах чиновников, шэньши и крупных землевладельцев, проматывавших здесь большие деньги.

Схема товаропроводящей сети как между деревней и городом, так и между различными провинциями была весьма сложной. Прежде чем попасть к потребителю, продукт проходил через большое число звеньев в цепи торгового капитала, не считая различных стадий посредничества. Зачастую в оптовой торговле продукцией данной местности ведущую роль играло купечество других, нередко очень отдаленных районов. Так, на хунаньских зерновых рынках долины р. Сянцзян действовали оптовики из провинций Чжэцзян, Гуандун и Цзянсу, а местные торговцы выполняли подчиненные функции первичной скупки, концентрации товарной массы, посредничества и т.д. Приезжие купцы (*кэшан*), особенно из провинций Чжэцзян, Цзянсу и Шаньси, занимали прочные позиции в торговле рисом, пшеницей, чаем, солью, шелком и многими ремесленными изделиями, оттесняя местные торговые гильдии. Так, на рынке Уху оптовую закупку риса и вывоз его в Гуандун, Чжэцзян, Шаньдун и другие провинции осуществляли торговцы из Гуанчжоу, Чаочжоу, Яньтая, Нинбо и ряда других городов.

Торговая среда практически в каждой провинции порождала своих *кэшан* — оптовиков-миллионеров и купцов средней руки. Ведущая роль постепенно переходила к деловым кругам Чжэцзяна и Цзянсу. К восточному купечеству примыкали крайне оперативные аньхуэйцы и цзянсийцы. Южную «группировку» торговцев возглавляли богатые купеческие фамилии провинций Фуцзянь и Гуандун. Они продолжали играть большую роль во внутреннем товарообороте. Купечество этих провинций занималось оптовой торговлей чаем, шелком, рисом, опиумом, сахаром и различными изделиями городского ремесла.

На севере страны ведущие позиции занимали торговцы из провинций Шаньси, Шаньдун и Шэньси. Шаньдунские торговцы все более проникали в Маньчжурию. Однако по размерам оборотов они, как и шэньсийцы, значительно уступали купечеству Шаньси. Богатые шаньсийские купцы (*сишан*, *сикэ*) сосредоточили в своих руках всю оптовую межпровинциальную торговлю. Чуть ли не каждая вторая-третья семья в Шаньси так или иначе была связана с торговлей.

Сфера деятельности шаньсийских дельцов охватывала практически всю страну — от Монголии до Гуандуна, от Цзинани до Цинхая. Их корпорации (*сибан*) активно действовали не только в северных провинциях и Маньчжурии, но и в бассейне Янцзы — особенно в наместничествах Лянцзян и Лянху. Помимо вывоза в другие провинции чисто шаньсийской продукции (в первую очередь железа) *сишан* вели большую торговлю солью, шелком, зерном, бумажными тканями и другими изделиями. Все шаньсийское купечество делилось на две группы — *лянчуаньбан* и *лотобан*. Первая специализировалась на доставке товаров по речным и кабо-

тажными линиям в собственно китайских провинциях. Вторая занималась сухопутной караванной торговлей во Внешней и Внутренней Монголии, Ганьсу, Синьцзяне, а также поддерживала тесные торговые контакты с Россией. Шаньсийцы имели свою собственную вооруженную охрану.

Общие накопления шаньсийских оптовиков составляли многие сотни миллионов лянгов. Капитал лишь одной купеческой фамилии Кан оценивался в несколько десятков миллионов лянгов. Кроме того, шесть торговых фирм располагали фондом от 1 до 8 млн. лянгов каждая. Именно торговцы, скопив начальный капитал, освоив далекие рынки, подготовив кадры квалифицированных служащих, добившись уважения в деловых кругах и создав строгую деловую организацию, заложили основу могущества шаньсийских ростовщиков и банкирских домов.

Пути и методы сбыта различных видов деревенской продукции имели свои особенности. Так, связь с рынком основных поставщиков товарного риса — землевладельцев-рентополучателей и крестьян-владельцев земли — осуществлялась по-разному. Часть крупных землевладельцев (*туба, фуху, даху*) имела в уездных и других городах свои лавки, рисовые лавки и магазины (*мидянь, миту*). В то же время торговый капитал подключался к перераспределению и реализации продукции, как отчужденной в виде ренты в натуральной форме, так и произведенной крестьянами-владельцами земли, уже в самой деревне.

Главными «приемщиками» полученного в счет аренды риса были «зерновые фирмы» (*лянхан, михан*), чаще всего уездного масштаба. Они были связаны через свои отделения, скупочные лавки и разъездных агентов (*цзинцзи*) с постоянной клиентурой в сельских районах. От местных фирм товар частично шел к «фирмам» более крупного масштаба. Размеры индивидуальных оборотов различных «зерновых фирм» зависели от их капитала и могли колебаться от нескольких тысяч до сотен тысяч даней товарного риса и пшеницы.

Дальнейшее движение зерна определялось избытком или нехваткой его в данной области или провинции. В вывозящих районах к его перераспределению чаще всего подключался инопровинциальный торговый капитал. В этом случае на ведущих хлебных рынках местные купцы перепродавали зерно рисоторговцам-оптовикам (*кэшан, мшан*) из других провинций, а уже те вывозили его в отдаленные районы. Так, в Ханькоу хунаньский и сычуаньский рис попадал в руки купцов из провинций Фуцзянь, Гуандун, Цзянсу и Чжэцзян. Гуандунцы и фуцзяньцы скупали зерно в Чжэньцзяне, Уси и Шанхае. Здесь же закупали продовольствие для отправки его на север «зерновые фирмы» Пекина, Тяньцзиня и других городов.

После обмолота осеннего урожая крестьяне-владельцы земли нуждались в деньгах для уплаты налогов, погашения долгов, совершения традиционных обрядов, свадеб, похорон, реже — для покупки городских ремесленных изделий. В силу этого они вынуждены были продавать зерно в самое неподходящее время, по низким ценам. Для крестьян самостоя-

тельный выход на городской рынок был затруднителен. Соответственно и практика такого рода была крайне ограниченной. Крестьянство в большей мере доставляло продажное зерно на волостные и уездные рынки. Здесь оно частично попадало к агентам либо городских зерновых лавок (*мидянь*, *мину*), либо местных «зерновых фирм».

Часть крестьянского зерна становилась товаром, когда разъездные торговцы и деревенские лавочники выменивали его (нередко в долг по повышенным ценам) на ремесленные изделия. Крестьянский рис часто принимал товарную форму независимо от его производителей. Часть зерна изымалась через деревенскую ростовщическую сеть, где ведущую роль играли крупные землевладельцы. Кроме того, рис и пшеница поступали в мелкие ломбарды (*дяньпу*, *данну*) волостного или уездного масштаба. Их владельцы (*дяньшан*), получавшие зерно в счет погашения ссуд, активно скупали его осенью для спекуляции весной и в начале лета.

Зачастую, не сводя концы с концами, крестьяне сверхдешево отдавали изделия своих домашних промыслов. Благодаря этому для торговцев волостного и уездного масштаба скупка и перепродажа продукции деревенского ремесла были доходным делом. Наглядным примером наиболее разветвленной скупочно-сбытовой сети может служить уезд Шанхай, известный своим товарным ткачеством. В самих деревнях продукцию крестьян скупали отделения (*чучжуан*) или разъездные приказчики (*сяоцзинци*) «ткацких контор» (*бучжуан*) волостного масштаба. В их руки попадала и ткань, выносимая крестьянами на местные базары — *цаоши*. После отделки в своих красильнях «конторы» поставляли товар в соседние уезды, в городские лавки, но в основном — оптовым городским «фирмам» (*цзыхао*) местного и иногороднего капитала. Эти «фирмы» также получали ткань и через свои филиалы (*фэньчжуан*) в волостях. При *цзыхао* находились представители (*чжучжуан*) «ткацких фирм» (*бухао*) Шаньси, Шэньси и более отдаленных районов. При помощи этих агентов ткань переходила к оптовикам указанных провинций, где поступала в розничную продажу.

В сбыте изделий цехового ремесла товаропроводящая сеть была короче, особенно при реализации товаров высших сортов и предметов роскоши. Тем не менее и здесь от ремесленника до потребителя товар мог проходить через многие звенья торгового капитала (не считая разного рода посредников) — скупщиков, купцов, занимавшихся перепродажей, специализированные «торговые дома», оптовиков-экспортеров.

Для городской торговли, как и для ремесла, характерной была цеховая монополизация купли-продажи определенных видов готовых изделий и сырья. В центральных и южных, особенно приморских, провинциях наибольший вес имели гильдии торговцев зерном (в первую очередь рисом), шелком, чаем и солью. На Севере помимо перечисленных выделялись корпорации торговцев хлопком и железом.

Основная масса купеческого капитала была занята в зерновой торговле. Здесь оптовики, «фирмы» и «торговые дома» с помощью сети приказ-

чиков и разъездных агентов ворочали миллионными суммами и большими товарными массами. Значительную роль играли также торговцы, занятые оптовыми операциями чаем, шелком, хлопком и продуктами их переработки. На особом положении находились торговцы-откупщики (*гуаньшан*), приобретающие у казны монопольное право на продажу того или иного товара.

Практика откупов была порождена государственной монополией на торговлю рядом готовых изделий, сырья и прежде всего оружием. В других же отраслях постоянный чиновничий надзор сочетался с откупами, т.е. продажей торговых лицензий частным лицам. Так обстояло дело в торговле чугуном, железом, сталью и металлическими рудами, а также некоторыми видами шелковых тканей, принятыми при дворе. На откупных началах строилась также официальная торговля солью и чаем. Правда, в сбыте этих товаров особенно широкое распространение получили всякого рода незаконные методы.

Соляная монополия действовала лишь в сфере сбыта, почти не затрагивая самой добычи. В соляной торговле различались три системы. Ведущей из них была *гуаньду шансяо* — сбыт купцами (*яньшан*) под контролем чиновников. Хубу устанавливало общий объем торговли, направления вывоза и районы сбыта. Руководствуясь этими указаниями, местные власти выдавали за большие деньги определенное число лицензий (*яньинь*) и свидетельства (*яньняо*), дававших право владельцу на закупку и сбыт определенного (разного в различных провинциях) количества соли. Приобретавшие такие разрешения купцы (*иньшан*, *няошан*) наживались на монопольно устанавливаемых ими ценах. При этом *иньшан*, более ограниченные в своих действиях, освобождались от *лицзиня*, платя лишь соляной налог (*янькэ*). С *няошан* же брали и то и другое, но предоставляли им большую свободу передвижения. Закупка как теми, так и другими продукции солеваров контролировалась специальными чиновниками.

В районах с малой добычей или же с недостаточным спросом на соль действовала система *гуаньду миньсяо* — продажа населением под надзором властей. В этом случае право на торговлю давала простая уплата соляного налога при сохранении чиновного контроля за действиями купца. Менее значимой была казенная система, имевшая две разновидности — *гуаньюнь гуаньсяо* (казенные перевозка и сбыт) и *гуаньюнь шансяо* (государственная перевозка и частная продажа). Эти отмирающие формы соляной торговли теряли свое прежнее значение.

Казенная монополия на торговлю чаем осуществлялась в формах, близких к системе *гуаньду шансяо*. Как и при соляной монополии, закупка товара у чаеводов и мануфактур (*чачжуан*), масштабы и места сбыта регламентировались стандартными лицензиями (*чаинь*). Каждая из них давала право на заготовку, провоз и реализацию на рынке 100 цзиней чая. На каждую тысячу откупных цзиней разрешалось дополнительно скупить, вывезти и продать еще 140 цзиней при уплате чайного налога (*чаишуй*).

Чайная и соляная монополии обогащали в первую очередь казну и крупных, чаще всего потомственных, и именитых откупщиков. Что же касается средних и мелких торговцев, то система лицензий снижала их прибыли и открывала широкие возможности для притеснений и вымогательства со стороны местной бюрократии. Придравшись к рядовому торговцу, чиновник мог, например, какую-то часть откупной соли или чая (*гуаньянь*, *гуаньча*) объявить частной (*сыянь*, *сыча*), т.е. приобретенной незаконно со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кроме того, чрезмерные поборы казны с корпораций купцов часто приводили к временным спадам в соляной торговле, а также к разорению крупных откупщиков.

В наиболее выгодные виды торговли вкладывали свои деньги и землевладельцы, шэньши, чиновники, вплоть до видных сановников. Зачастую их личное участие в этом «недостойном» истинного конфуцианца занятии скрывалось. Все дела таких «фирм», лавок и магазинов вел не сам владелец капитала (*дунцзя*, *цайдун*), а его доверенное лицо (*чжангуй*) или управляющий (*цзинли*) согласно письменному договору. При этом вся власть над приказчиками (*хоцзи*) и учениками (*туди*) сосредоточивалась в руках доверенного лица.

В мелких лавчонках торговля велась силами самого хозяина и членов его семьи. В лавках средней руки их владелец, руководивший всем делом, нанимал приказчиков, в первую очередь из числа родственников, знакомых и земляков. *Хоцзи* кроме жилья и питания, как правило, получали денежное жалованье, а в конце года — наградные. *Туди* находились на положении прислуги, иногда помимо содержания им выдавали несколько взней на карманные расходы.

В городе многие «торговые дома», «фирмы», магазины, скупочные «конторы» и лавки среднего и крупного звена были организованы на основе паевого участия (*хэхо*) нескольких компаньонов или вкладчиков из числа родных, друзей, земляков и др. Некоторые из таких товариществ были основаны людьми одной и той же торговой специализации, другие — торговцами из разных отраслей. Большинство паевых лавок, «фирм» и «контор» управляли сами компаньоны, нередко ведение дел поручалось доверенным лицам.

Недостаток собственных капиталов вынуждал торговцев искать пайщиков среди богатых землевладельцев, живших в городе и вкладывавших деньги в наиболее прибыльные виды торговли. В других случаях страх перед произволом властей заставлял богатых купцов передавать или дарить часть своих паев чиновникам и влиятельным шэньши. Такого рода участие обеспечивало безопасность от налоговых и полицейских притеснений, т.е. давало гарантию, которую не могли дать купцу цех, гильдия и земляческие объединения.

В Китае сохранялось положение, при котором корпоративное разделение охватывало не только сферу товарного обращения, но и его от-

дельные стадии. Ведущие купцы того или иного цеха практически монополизировали оптовые сделки на определенный вид продукции. Дальнейшая перепродажа больших партий товара находилась в руках оптовиков другого *хуйгуаня, бана и дунсо*, чаще всего из отдаленной провинции. Такое межгильдейское «разделение» стадий движения продукта от производителя к потребителю сочеталось со строгим выделением и монополизацией посреднических функций в руках узкого круга лиц. При цехогильдейской организации торговли разного рода посредники, маклеры, комиссионеры и их объединения играли важную роль, которая подкреплялась экономической политикой государства. Цинские власти рассматривали торговое посредничество как свою привилегию и предоставляли разрешение на него за большие деньги. Маклеры и комиссионеры покупали лицензию, дававшую право на посредничество в какой-то одной, строго определенной отрасли торговли. При этом они быстро окупали свои затраты на приобретение патента за счет комиссионных со своих клиентов — местных и приезжих купцов, строго охраняя полученные от казны и подкрепленные торговой традицией привилегии.

Посредничество занимало особое место в товарообмене между деревней и городом, между местным производством и инопровинциальным рынком. В большинстве случаев маклеры получали комиссионные и с продавцов, и с перекупщиков. Даже та часть купечества, которая пользовалась крохами казенных монополий (владельцы лицензий и откупщики в торговле солью, железом, чаем и т.д.), не могла продавать товар, минуя посредников и их корпорации там, где они функционировали.

Сами объединения посредников представляли собой конгломерат различных типов и форм участия и имели разные названия (в том числе *ханбан*). В них могли входить крупные посреднические «фирмы», известные комиссионные «конторы» (*яхан*), перекупочные лавки (*ядяи*), магазины, маклеры-одиночки (*яху, яшан, якуай, цзинцзи*), включая мелкую сошку. Корпорации такого рода сочетали посредническую торговлю, простое комиссионерство, кредитование надежных клиентов, авансирование ремесленников с последующей скупкой готовых изделий, ростовщичество и спекуляцию на котировке различных денежных единиц.

Денежное обращение

Единого общекитайского денежного рынка в XVIII в. не существовало. Экономическая обособленность провинций и внутренняя хозяйственная специфика каждой из них сохраняли свою силу. В связи с этим скорее можно говорить о тенденции к формированию такого рынка, отмечая при этом старые центробежные явления.

Особенностью денежной системы в собственно китайских провинциях Цинской империи было отсутствие золотых и серебряных монет отечественного производства. Золото в качестве денег почти не употреблялось.

В основном оно (в виде слитков и пластин) служило средством накопления богатства. Серебряные китайские монеты выпускались и имели широкое хождение лишь в национальных окраинах — Синьцзяне и Тибете. Однако в целом эти монеты не играли существенной роли в денежном обращении страны.

В торговых приморских городах имели хождение различные европейские серебряные монеты, в первую очередь испанские и мексиканские песо (пиастры). Это иностранное серебро принималось преимущественно на вес, вследствие чего монеты зачастую рубились пополам или на четыре части.

Стержнем китайского денежного обращения и ведущей валютой Цинской империи являлось весовое серебро, обращавшееся в слитках. Расчеты в основном строились на ляновой системе. Лян представлял собой лишь счетную единицу, означавшую определенное весовое количество — несколько более 37 г серебра известной пробы. В масштабном выражении лян делился на 10 цзяней, 100 фэней и 1000 весовых взней серебра. Единого для всей страны стандартного ляна не существовало, в ходу было множество его весовых разновидностей. Основным из них являлся казначейский лян (*купин*), в котором исчислялись государственные поступления, расходы и правительственные займы. Следующим по значению был хуэйгуаньский, или таможенный лян. В нем исчислялись внешнеторговые обороты и таможенные сборы. На третьем месте стоял шанхайский, или торговый лян (*гуйюань*, *гуйтин*), широко использовавшийся в деловых кругах.

Из остальных разновидностей наибольшее распространение имели гуандунский (*гуантин*) и налоговый (*цаопин*) ляны. Последний применялся при переводе в денежную форму натурального налога зерном, прежде всего в провинциях Хунань, Хубэй, Цзянси и Хэнань. Кроме того, по провинциям имели хождение несколько десятков местных вариантов ляна, каждый из которых имел свой вес и особое название.

Основу расчетной системы представляли слитки типа *юаньбао* весом от 50 до 55 лянов (*баоинь*, *сисы*, *матинь*). Они имели, как правило, форму лодочки, башмачка и лошадиного копыта, применялись в крупных операциях и казенном учете. На следующей ступени стояли слитки (*чжундин*, *иньдин*) в 10 лянов, имевшие различную форму, в том числе и башмачка. В случае надобности крупные слитки, как и монеты, рубились на части. Далее шло серебро типа *сяодин* весом от 5 до 1 ляна (*сюкэ*, *кэцза*). Наиболее мелкими были отливки весом менее ляна (*дичжу*, *фучжу* и т.д.), доходившие до цзяня и ниже.

Ни вес, ни форма слитков практически не регламентировались государством. Размеры, форма и проба определялись частными сереброплавильными мануфактурами (*луфан*). Последние выпускали слитки с многими отклонениями от выработанных традицией стандартов. На долю пробирных палат приходилось лишь оценка готовых слитков и фиксация их

достоинства, после чего они поступали в обращение. Попадая в другие провинции, они чаще всего в связи с несоответствием местным стандартам периодически подвергались переплавке, принимая при этом новую форму, пробу и достоинство. Массовая, многократная переплавка была характерна для всего серебряно-денежного обращения Китая.

Разменным и наиболее распространенным платежным средством служила медная монета (*вэнь, цяннь*) весом приблизительно в $\frac{1}{10}$ долю лян (отсюда ее второе название). Цяннь, или вэнь, представлял собой литую (а не чеканную) круглую монету с квадратным отверстием посредине для нанизывания в связки. Так называемые медные вэни, особенно старых выпусков, в действительности были бронзовыми, так как из-за нехватки меди в стране они делались из сплава с большим содержанием олова. В последующем олово стало постепенно заменяться цинком, что превратило вэни фактически в латунную монету. Лишь синьцзянские цяни изготавливались из чистой меди. Как уже отмечалось выше, всю медную монету отливали казенные монетные дворы различного подчинения.

Крайне распространенным платежным и счетным средством служила связка монет (*дяо, чуань*) приблизительно в 1 тыс. вэней. При этом в северных провинциях один реальный цяннь принимался за два счетных. Иначе говоря, *дяо* оценивалась в 2 тыс. вэней.

Бумажно-денежный рынок Китая отличался крайней пестротой и многообразием платежных обязательств при хаотичности их обращения. На городском и отчасти деревенском рынке имели хождение различного рода и достоинства бумажные знаки частных заведений: ломбардов, меняльных лавок, переводных контор, торговых фирм и т.д. Среди них были банкноты (*чао, цянньяо, иньняо*), различные чеки (*тинтяо, чжипяо*), векселя (*те, циняо*) и др. Такая квалификация этих ценных бумаг весьма условна, так как на практике имело место частое смешение их функций, не говоря уже о пестроте их местных названий по различным провинциям и городам.

Частные банкноты и другие платежные обязательства выпускались как в серебряном, так и в медном номинале. К этому надо добавить различную степень обеспечения указанных бумаг «звонкой монетой». Их обмен на наличные производился преимущественно в стенах выпускавшей их фирмы или ее отделений. В связи с этим сфера обращения каждой отдельно взятой бумажки была резко ограничена пределами данного уезда, города или даже квартала. Пестрота и хаотичность бумажно-денежного обращения Китая усиливались деятельностью правительства.

Наиболее близко соприкасавшимися с казенным сектором были частные «денежные лавки» (*иньпу*). Через них проходило серебро, собранное в уездах и округах в качестве налогов. Эти слитки — разного веса, формы, курса и пробы — требовали переплавки по принятому местными казначействами стандарту. За выполнение этой операции *иньпу* получали определенный лаж, увеличивавший их оборотный капитал. Они осуществляли также куплю-продажу золота и серебра, вели разменные и кредит-

ные операции. Их главными клиентами были крупные чиновники, шэньши и богатые купцы.

Аналогичные функции выполняли «плавильные дворы» и мастерские (*луфан*, *иньлу*), представлявшие собой разновидность *иньпу*. *Луфан* условно подразделялись на «частные» (*сылу*) и «казенные» (*гуаньлу*). Разница заключалась в том, что первые представляли собой старые солидные фирмы, а вторые, вновь возникающие, должны были получать на это разрешение от Хубу. Наряду с переплавкой и стандартизацией налогового серебра *луфан* зачастую выполняли на местах роль пробирных палат, ставивших свое клеймо на слитки. Они принимали для переработки серебро и от купечества. Иногда взамен наличных денег *луфан* выдавали особые квитанции, имевшие хождение наравне с частными банкнотами, векселями и чеками. В некоторых случаях они открывали сдавшим серебро торговцам текущие счета и выпускали свои чеки. Эти операции зачастую совмещались с кредитованием представителей чиновно-купеческой среды.

Сфера кредита

Наиболее массовым звеном кредитно-денежного рынка страны были ломбарды (*дянья*, *дяньдан*). Количество их достигало десятков тысяч. Большинство, естественно, составляли средние и мелкие закладные заведения. Для открытия крупного ломбарда требовалось разрешение местных властей, не считая неизбежных цехо-гильдейских формальностей. Мелкие же приемные лавочки (*дяньпу*) возникали с разрешения соответствующей корпорации (после уплаты вступительного взноса). Несмотря на значительный рост ставок ломбардного налога (*даншуй*), даже мелкая закладная лавка была для ее хозяина (*даншан*) крайне прибыльным предприятием благодаря постоянно растущей потребности в кредите и неразвитости денежного рынка.

Оборотный капитал деревенских или волостных *дяньпу* обычно составлял около тысячи лянов, а городских — несколько тысяч. В Пекине фонды мелкого ломбарда оценивались примерно в 20 тыс., среднего — в 30–40 тыс., а крупного — в 40–50 тыс. лянов. В крупных ломбардах (*дадянь*), располагавших значительными оборотными средствами, срок погашения ссуды обычно равнялся 18 месяцам. Закладной процент был ниже, чем у мелких. Количество вещей, принимаемых в залог, не ограничивалось. В отличие от мелких и средних заведений все дела здесь вел не хозяин (*дяньшан*), а его управляющий (*данцзя*). Средние и небольшие ломбарды (*данпу*, *чжипу*) брали заклады под более высокие проценты. Самые мелкие (*ядянь*, *сяояэр*, *чжуаньдан*) давали ссуды под залог на 6–8 месяцев под грабительские проценты.

Разновидностью ломбардов были «ссудные конторы» (*иньцзюй*), специализировавшиеся на краткосрочном (срок погашения исчислялся днями

или десятидневками) кредите под большие проценты. При этом размеры ссуды были, как правило, ограничены. Кроме того, из нее заранее вычитались от 1 до 3 связок монет. Для получения ссуды требовалось поручительство лица, известного кредиторам.

Крупные ломбарды (*дадянь*) играли важную роль в определении курса меди по отношению к серебру, выгодно перепродавая государству значительные партии медных вэней. На этой почве базировались тесные контакты ведущих ломбардов с местными казначействами и даже с центральным правительством. Если казна постоянно нуждалась в медной монете, то владельцы ломбардов старались избавляться от нее, так как вели основные операции в серебре. При этом они выигрывали как из-за разноразмерных и проб поступающих слитков, так и за счет простого обвешивания, применяя при приеме и выдаче серебра разные веса.

Кроме закладных операций и торговли медной монетой ломбарды осуществляли также чисто кредитные функции. Они давали ссуды купцам, шэньши и чиновникам, а также принимали на хранение их деньги.

Помимо «звонкой монеты» ломбарды расплачивались со своими клиентами бумажными обязательствами (*иньняо*, *цяньняо*), обращавшимися на местном денежном рынке. В зависимости от характера сделок они играли роль либо векселей, либо чеков, либо ходовых банкнотов. *Иньняо* как основное платежное обязательство обычно начинало свое обращение как вексель, а затем превращалось в чек.

Более значимой и сильной организацией в сфере денежного обращения и кредита были меняльные лавки (*цяньчжуан*, *дуйчжуан*, *цяньпу*). Значительная часть их создавалась на паевых началах, что закреплялось соответствующим договором. Разновидностью крупных меняльных лавок, особенно на севере страны, являлись *иньхао*, средний капитал которых обычно составлял несколько десятков тысяч лянов. *Иньхао*, как правило, отличались большими масштабами деятельности, склонностью к солидным операциям.

Основной функцией подавляющего большинства *цяньчжуан* был размен денег с определением веса и пробы серебра. Значительная их часть, в основном средних и мелких, целиком специализировалась на разменных операциях. Что же касается кредитования, хранения и выдачи вкладов, то этим занимались главным образом крупные меняльные лавки. Они, как и ломбарды, выпускали разного рода бумажно-денежные обязательства.

При приеме вкладов их владельцам выдавались векселя (*иньняо*), подлежащие уплате по первому требованию. Отдельные наиболее известные *цяньчжуан* осуществляли переводы в другие города и выдавали переводные чеки (*хуэйняо*), имевшие хождение наравне с *иньняо*. Выпуск банкнотов (*чжуанпяо*) регулировался количеством и размерами вкладов их клиентов. Все эти бумажные обязательства свободно обращались на денежном рынке данного города или уезда. Однако *цяньчжуан* и *иньхао*, как правило, были обособленными ячейками без сети собственных отделений,

без прочных связей в других городах и провинциях, что резко сужало сферу обращения их банкнотов.

Наиболее влиятельные *иньхао* и *цяньчжуан* поддерживали деловые связи с казной. В южных и восточных провинциях зачастую именно они хранили сборы внутренних таможенных застав (*чангуаньшуй*) и часть средств уездных и окружных ямэней, а также ссужали деньгами чиновников под векселя, выдаваемые казной в счет задерживаемого жалованья.

Помимо меняльных лавок в городах действовало множество мелких уличных менял-одиночек (*цяньтань*, *цяньчжо*), которые расставляли свои столы на наиболее оживленных торговых улицах и рынках. Разменными операциями открыто занимались также разного рода торговые заведения — ювелирные, женьшеневые, магазины тканей, табачные лавки (*яньцяньпу*) и т.д.

В отличие от ломбардов меняльные лавки были против государственного регулирования курса медной монеты по отношению к серебру, так как это противоречило их собственным интересам, а также интересам их основной клиентуры из торгово-предпринимательской среды. У меняльных лавок ссудный процент для купечества был ниже, чем у ломбардов.

Вершину частной кредитно-денежной системы Китая составляли банковские конторы (*пяоцжуан*, *пяохао*, *пяоцзюй*). Их называли также «переводными конторами» (*хуэйдуйчжуан*, *хуэйхао*), поскольку главной их функцией являлся перевод крупных денежных сумм в другие провинции и города. Примерно 90% всех банковских контор принадлежало шаньсийским банкирам-ростовщикам (*пяошан*). Почти весь штат служащих также состоял из уроженцев Шаньси. В связи с этим банковские конторы часто именовали шаньсийскими.

Переводные операции требовали разветвленной финансовой сети. Помимо своей центральной конторы (*цзунхао*) шаньсийские банкирские дома обычно имели несколько отделений или филиалов (*фэньчжуан*, *фэньхао*), рассеянных по другим городам. Кроме того, теснейший контакт существовал между конторами, связанными общим капиталом или родственными узами. В той или иной мере сеть шаньсийских контор и их филиалов охватывала практически всю страну, включая национальные окраины империи (Урумчи, Урга и т.д.). Известная контора «Жишэнчан», например, в лучшие свои годы насчитывала более 30 филиалов, разбросанных по всему Китаю. Некоторые фирмы имели отделения за границей — в Москве, Сингапуре, Осаке и Кобе. Основной зоной деятельности меняльных лавок была долина Янцзы и районы к югу от нее, а банковских контор — бассейн Хуанхэ и сама столица империи, Пекин.

Помимо контор с единоличным капиталом существовало много паевых предприятий. Наряду с пайщиками (*иньгу*), внесшими деньги, участниками «дела» (*шэньгу*) считались и доверенные служащие, имевшие определенный стаж работы. Вместо заработной платы раз в три года они получали дивиденды за свой «пай».

Во главе контор стояла иерархия управляющих (*дэчжангуй*, *чжэньчангуй*, *фучжангуй*). Обладавшие большой властью, они следили за остальными служащими и приказчиками, за соблюдением строжайшей дисциплины и секретов деятельности банковских контор.

Сама переводная операция тщательно перестраховывалась. Кроме переводного чека или квитанции (*хуэйцюань*, *дуйтяо*) клиенту выдавался специальный доверительный знак (*фуцзэ*, *фэйфу*). Он представлял собой одну из половинок (*фэньфу*) условного «пароля», тогда как вторая (*цзунфу*) находилась у корреспондирующей конторы или в адресуемом отделении фирмы. Перевод оплачивался наличными лишь при совпадении и соответствии обеих частей. Помимо разного рода переводных чеков конторы при приеме на хранение и выдаче вкладов выпускали платежные обязательства (*цзецюань*), а также банкноты (*сяоцяо*, *иньцяо*). Они имели хождение на денежном рынке, главным образом в Чжили и особенно в Пекине.

Специфически средневековой особенностью деятельности шаньсийских денежных воротил была их теснейшая связь с казной, с чиновным миром, прежде всего со столичными и придворными кругами, а также крупными землевладельцами. Шаньсийские ростовщики хранили их вклады, ссужали деньгами чиновников, особенно отправляющихся на новое место службы, принимали и переводили казенные суммы, кредитовали правительство и т.д. Благодаря таким связям эти банкиры располагали огромными по тем временам капиталами. Они сотрудничали и с центральной бюрократией, и с местными казначействами, храня налоговые сборы, переводя денежное жалование войскам и чиновникам, выполняя ряд правительственных поручений, но оставаясь при этом частными лицами.

Могущество шаньсийских банкиров определялось в первую очередь кредитованием правительства и чиновников. Проценты за подобные ссуды поступали из казенных сумм. Банкиры-ростовщики всеми силами укрепляли свои связи в первую очередь с высшей бюрократией, а уж затем с должностными лицами среднего и низшего звена. В Цинской империи огромную роль играл персональный, личностный кредит в отличие от имущественного и коммерческого. На этом базировалось и влияние шаньсийских банкиров, в первую очередь кредитовавших «сильных» представителей бюрократии, видных сановников, знать и даже маньчжурских принцев, являясь их доверенными лицами. Они ведали денежными делами наместников и губернаторов провинций, следовали за ними на новое место назначения, становясь как бы их личными казначеями. Разветвленная сеть филиалов и отделений позволяла им иметь хорошую информацию, особенно о должностных вакансиях на местах. Этим очень дорожила чиновно-шэньшиская среда, стремившаяся, в свою очередь, поддерживать тесные контакты с шаньсийскими деловыми кругами.

Приезжавшие на столичные экзамены шэньши переводили в Пекин свои деньги через местные отделения банковских контор. У них же они

брали и займы, особенно те, кто получал ученую степень или должность в провинции. Новоиспеченный чиновник для поддержания своего престижа в первое время, как правило, нуждался в средствах. Банковские конторы охотно кредитовали таких клиентов под очень высокие проценты, которые сразу же удерживались из получаемой в долг суммы. После погашения долга чиновник мог передавать данной конторе на хранение подведомственные ему казенные деньги, повышая тем самым ее престиж и авторитет.

В условиях средневекового денежного рынка и тогдашнего уровня развития сферы кредита шаньсийские банкиры-ростовщики составляли сплоченную и весьма влиятельную касту, игравшую огромную роль в деловых кругах Китая. Вне родной провинции шаньсийские торговцы и ростовщики объединялись в *сибан* — земляческие корпорации типа *хуэйгуань*. В Пекине они занимали господствующие позиции и лишь несколько столичных контор относилось к *наньбан* — объединению уроженцев провинций Чжэцзян и Цзянсу. Владельцы ведущих шаньсийских контор, а также их пайщики и служащие делились на три землячества: *нинбан*, *цибан* и *тайбан* (по названиям уездов в Шаньси). У каждой из этих группировок была своя сфера влияния. Зоной преобладания *цибан* являлись северные районы и Маньчжурия; *нинбан* — западные и северо-западные районы, а также бассейн Янцзы; *тайбан* — южные и отчасти центральные провинции. В Пекине и Тяньцзине все они действовали на равных основаниях.

Существовали также чжэцзянские, цзянсуские, гуандунские и другие денежно-ростовщические корпорации. В восточных приморских провинциях господствовал чжэцзянский торговый и ссудный капитал; в Цзянсу — выходцы из Нинбо, Шаосина и Чжэньцзяна. В городах старшины меньяльно-банкирских корпораций (*цяньбан*, *цяньье*, *гунсо*) ежедневно или раз в несколько дней устанавливали обменный курс серебра к медной монете и котировку различных денежных знаков. Эти же люди определяли общие условия кредита, соблюдая при этом традиционные правила валютно-денежных операций. В целом торгово-ремесленные и купеческие корпорации находились в той или иной финансовой зависимости от денежно-кредитных гильдий. В результате создавалась пирамида корпоративного подчинения. Ее основание и «нижние этажи» составляли торгово-ремесленные цехи (*хан* и *бан*). Над ними возвышались чисто торговые союзы (*хуэйгуань* и *гунсо*). Последние (включая *яхан*), в свою очередь, зависели от шаньсийских, чжэцзянских или местных кредитно-денежных корпораций. При всем схематизме и неизбежной условности нарисованной картины она отражает реально существовавшую закономерность ступенчатого подчинения, несмотря на всевозможные отклонения и местные особенности исторического и экономического характера.

Китайское общество располагало огромными денежными капиталами, значительно превышавшими потребность сферы обращения. Необходимое количество денежных средств, естественно, использовалось для проведе-

ния товарных масс через каналы обращения. Функционирование же остального капитала определялось, как и во всяком другом обществе, прибыльностью вложения средств. Поэтому «нехватка капитала», о которой говорят многие источники по истории китайской мануфактуры, объяснялась отнюдь не его недостаточностью. Накопленный избыточный капитал не хотел идти в малоприбыльную промышленность с ее низкой производительностью труда, с правовой необеспеченностью и т.д. Куда охотнее искал он применения в русле традиционной доходности: приобретение земли для «стрижки» арендных «купонов», покупка чинов, званий для получения тепленького местечка, которое обогатит на всю жизнь за счет утаенных налогов, украденных казенных средств, взяток и протекции высших сановников. В этой сфере накоплений денежный капитал прозябал многие годы, ожидая удачной покупки или вакансии на должность, на время оседая в виде сокровищ или функционируя в сфере обращения до своего изъятия. В первую очередь раскупались мелкие и средние земельные владения, крупные продавались редко и больше по частям. При этом сохранялась традиционная форма эксплуатации земледельцев. Иными словами, перераспределение земли путем вложения в нее денежного капитала не вело к созданию крупных хозяйств. Сфера же обращения была менее доходной и менее достойной истинного конфуцианца, да и вообще китайца. А промышленность и транспорт считались и были действительно «гиблым местом» для капитала, который хотел быстро расти. Его вовсе не прельщало обилие здесь свободных дешевых рабочих рук.

В этой связи понятны трудности, возникающие перед синологами (историками и экономистами) при рассмотрении проблем первоначального накопления в Китае, где не было исторически подготовленного и последовательно развивавшегося процесса вызревания основных предпосылок капиталистического способа производства (как на Западе). Цинское общество в силу специфики китайской модели уже имело в какой-то мере «результаты» первоначального накопления (свободная рабочая сила плюс свободный капитал), вполне достаточные для возникновения не только эмбрионального, но и мануфактурного капитализма. Тем не менее становления такого уклада не наблюдалось. Указанные факторы как бы висели в воздухе, не вступая друг с другом в «реакцию», а местный капитализм топтался где-то на отметке «эмбриональный» («ростки» капитализма). При этом вступление китайской промышленности в раннемануфактурную стадию можно отнести лишь к XIX в., да и то ко второй его половине, когда производственное превосходство земледелия над промышленностью стало слабеть в связи с «пересадкой» фабричного производства в Китай.

Все это было результатом исторического развития китайского общества в течение многих веков. Китайский шэньши, чиновник, землевладелец «недооценивал» торговлю и презирал ремесло, поскольку, согласно нормам конфуцианского мировоззрения, наиболее доходной и лично привилегированной сферой экономики было земледелие. Сами же нормы конфуцианства, третировавшего промышленное предпринимательство как занятие

«недостойное», были прежде всего отражением векового экономического превосходства деревни над городом, земледелия над ремеслом, ростовщического капитала над торговым, а его, в свою очередь, над промышленным. «Если есть свободные средства, — подчеркивают китайские источники, — то открывают ломбард, меняльную лавку или торговлю рисом и другими товарами. Производство же любых видов... не дает больших доходов либо приносит убытки, поэтому имеющие деньги обычно не желают заниматься им». Наиболее доходным и почетным помещением капитала является приобретение земли. Если в Англии конца XVIII в. цена земли окупалась за счет земельной ренты в течение 20–25 лет, а в Германии конца XIX в. — 28–32 лет, то в Китае конца XIX — начала XX в. — 6–7, а то и за 4–5 лет.

Земледелие было производительнее, а потому и выгоднее, нежели ремесло. В таких условиях вложение капитала в мануфактуру, мастерскую и раздаточную систему становилось исторически и практически бесперспективным. Давление деревни и в этом плане делало инвестиции в ремесло занятием третьесортным, что в целом отражало незначительную в сравнении с Европой экономическую роль китайского города.

Превосходство земледелия над ремеслом было объективной основой экономической политики государства. Такие формулы, как «земледелие — ствол дерева, торговля и ремесло — ветви», «укреплять ствол, обрубать ветви», стали господствующей экономической концепцией китайской деспотии. На сословной лестнице Цинской империи ремесленники (*гун*) располагались ниже земледельцев (*нун*), а торговцы (*шан*) — ниже ремесленников. Ниже торговцев формально стояли лишь внесословные низы общества (слуги, рабы, актеры и т.д.), т.е. «подлый люд» (*цзяньминь*, *цзяньжэнь*).

Сельское хозяйство — главный источник доходов государства и господствующего класса — всячески возвеличивалось, права землевладельцев охранялись надстройкой. В противовес этому предпринимательство в ремесле и торговле было лишено серьезных правовых гарантий. Отсутствовали городское самоуправление, буржуазный правопорядок, незащищенность собственности купца, ремесленника, мануфактуриста и т.д. от притязаний властей. Все это дополнялось страхом правительства перед скоплением голытьбы в районах горных разработок и его борьбой против подобного «беспорядка», нарушавшего идиллию деревенской неподвижности и благопристойности земледельческих занятий, создавая неблагоприятный социальный и правовой климат для естественного процесса генезиса капитализма.

Социальная структура Цинского Китая

Сословия и сословные группы

В традиционном Китае было официально принято сословное деление социума по основным родам занятий: на «ученых» (*ши*), земледельцев (*нун*), ремесленников (*гун*) и торговцев (*шан*), подобно тому как в древнем Иране и древней Индии он подразделялся на жрецов (брахманов в Индии), воинов, земледельцев и ремесленников. Аналогичная система «четырех сословий» в Японии (*си, но, ко, сё*) возглавлялась самураями. Эта стратификация отражала официально признанные представления о социальной структуре в ее сословном понимании. Выше четырех основных сословий (*сыминь*), как это всегда было в Китае после иноземного завоевания, стояло сословие победителей. Таковым со второй половины XVII по начало XX в. было верховное сословие «знаменных» (*цижэнь*), состоявшее из маньчжуров, «знаменных» монголов и китайцев (*ханьцзюнь*). Кроме того, в традиционном Китае существовало еще одно сословное образование — «внесословные» низы общества, «подлый люд» (*цзяньминь*).

Вся эта вертикальная стратификация, основу которой составляли четыре сословия, затушевывала действительную структуру социума и место различных социальных групп в нем. Дело в том, что «ученым» в Китае считался и крупный сановник, и полуграмотный человек, купивший у властей звание студента казенного провинциального училища; земледельцем — и безземельный арендатор, и крупный землевладелец, который никогда в жизни не прикасался к орудиям земледельческого труда; ремесленником — и владелец крупной мануфактуры, которой он лишь руководил, и кустарь-одиночка; торговцем — и купец-миллионер, и уличный коробейник. К тому же различные члены каждой из перечисленных социальных групп имели разный правовой статус, т.е. принадлежали к разным сословным группам внутри одного и того же сословия.

Таким образом, в действительности социальная структура Китая была гораздо сложнее официального сословного деления по основным родам деятельности. Социум делился не только на классовые общности по экономическому признаку и на сословия по правовому признаку, но также и на сословные группы внутри их.

В Цинской империи высшая и наиболее привилегированная из таких групп включала в свой состав лишь близких и дальних родственников маньчжурских императоров, их наложниц, а также потомков восьми знатных маньчжурских семей и их родственников. В нее входили только маньчжуры и некоторые знатные монголы. В составе этой сословной группы различались обладатели 12 титулов знатности для мужчин (начиная от князей — братьев императора) и 8 титулов знатности для женщин (начиная от императриц), а также нетитулованные дальние родственники прежних маньчжурских императоров и их наложниц. Титулы передавались по наследству каждый раз с уменьшением на одну или несколько степеней знатности по принципу «убывающей тени».

Всем членам этой сословной группы полагались определенные выдачи из казны независимо от того, занимали ли они какие-либо должности. Так, каждому из высших князей (*ван*, *бэйлэ*, *бэйцзы*) выделялось земельное владение площадью от 540 до 1440 му, каждому из князей среднего звена (*гун*) — по 360 му, каждому из обладателей более низких титулов (*цзянцзюнь*) — от 60 до 240 му; первые получали в виде жалованья от 1,3 тыс. до 10 тыс. лянов серебра в год, вторые — от 500 до 700, третьи — от 110 до 410 лянов, а также соответствующее титулу количество даней бесплатного риса. Нетитулованным родственникам императорского дома полагались ежегодные выдачи из казны по 24–36 лянов серебра и по 42,2–45 даней бесплатного риса. Для обеспечения интересов членов этой наследственной сословной группы было создано специальное управление по делам императорского клана.

Вторую сословную группу наследственной знати составляли маньчжуры, монголы и китайцы — обладатели почетных титулов знатности, полученных за определенные заслуги или по милости императора и точно так же передававшихся по наследству каждый раз с уменьшением на одну или несколько степеней. Этих титулов было девять, в том числе пять традиционных, более высоких (*гун*, *хоу*, *бо*, *цзы*, *нань*). Обладателям пяти указанных титулов независимо от того, занимали ли они какие-либо должности, полагалось ежегодное содержание от казны в размере 700–260 лянов каждому, а обладателям четырех более низких титулов — 235–45 лянов серебра; и те и другие получали также соответствующее титулу количество даней риса.

Эти привилегированные наследственные сословные группы стояли в Цинской империи над всей сословной лестницей.

Правящим наследственным сословием были «знаменные», стоявшие над четырьмя основными сословиями. В социальном плане они представляли собой довольно пестрое образование: от представителя наследственной знати, возглавляющего то или иное «знамя», до государственного крепостного, трудившегося где-нибудь в Маньчжурии в имении императора или какого-либо князя. Основную их массу составляли офицеры и солдаты «восьмизнаменной» маньчжурской армии, которая сначала на-

считывала в своем составе 200 тыс. маньчжуров, 65 тыс. монголов и 81 тыс. китайцев. Большая часть их располагалась в районе Пекина, а остальные — в провинциальных центрах и в некоторых важных стратегических пунктах.

Каждый «знаменный», в зависимости от его служебного положения, получал в неотчуждаемое владение дом или казенное помещение (где он и жил с семьей), участок обрабатываемой земли площадью от нескольких десятков до нескольких сот му, который обычно обрабатывался крепостными, домашними рабами или арендаторами, а также регулярное довольствие в виде денежного жалованья и рисового пайка. Причем «знаменные»-маньчжуры пользовались несколько большими привилегиями, чем «знаменные»-монголы, а последние — несколько большими, чем «знаменные»-китайцы. Всем им запрещалось заниматься физическим трудом или торговлей. Поскольку их военная служба фактически сводилась к очень редким парадом, «знаменные» от безделья предавались пьянству, азартным играм и всевозможным порокам, проматывая свои земли, жалованье и залезая в долги ростовщикам.

В результате некогда могущественная и грозная маньчжурская армия к середине XIX в. превратилась в необученный, плохо вооруженный и недисциплинированный сброд. Стремясь задержать процесс ее упадка и разложения, правительство неоднократно запрещало «знаменным» продавать свои земли (например, в 1745–1747, 1748–1750, 1751–1753, 1754–1760 гг.). Однако процесс обнищания, упадка и разложения «восьмизнаменной» армии продолжался с неослабевающей силой. Большая часть «знаменных» земель была заложена или тайно продана китайцам из разных сословий. Заложив или продав свои дома, многие «знаменные» скитались по почлежкам.

Четвертой привилегированной сословной группой являлась бюрократия, состоявшая из чиновников центральной и местной администрации, военачальников китайских войск «зеленого знамени», служителей и евнухов императорского двора. Она насчитывала около 80 тыс. гражданских и военных чиновников, а также носителей почетных, в основном купленных рангов и должностей, а вместе с членами семей — около 400 тыс. человек. Чиновники по традиции делились на девять классов, каждый из которых имел первый и второй ранг. В состав бюрократии входили как маньчжуры, которым принадлежало большинство чинов высоких классов, так и китайцы, составлявшие большинство этого слоя.

Чиновники обеспечивались жалованьем, деньгами и рисом соответственно своим чинам — классам и рангам. Их официальный оклад был относительно невелик — от 180 лянв серебра и 90 даней риса ежегодно чиновнику высшего, 1-го класса до 33 лянв серебра и 15 даней риса чиновникам низшего, 9-го класса второго ранга.

Однако к этому жалованью полагалось гораздо большее по размеру «дополнительное жалованье» и «вознаграждение за честность и порядоч-

ность», составлявшие 13–20 тыс. лянов серебра для наместника (чиновника 2-го класса первого ранга), 8–16 тыс. лянов для начальника округа (чиновника 4-го класса первого ранга) и 400–2257 лянов для начальника уезда (чиновника 7-го класса первого ранга). Кроме того, местные администраторы за счет добавочных налогов с населения получали доходы, в десятки раз превышавшие их официальное жалование. Наконец, как правило, чиновники были крупными землевладельцами, сочетавшими службу, приобщавшую их к эксплуатации на основе ренты-налога, с эксплуатацией арендаторов своих земельных владений.

По правилам, чиновники периодически перемещались из одного места в другое, причем им запрещалось служить в родной провинции.

В отличие от наследственных сословных групп знати и «знаменных» чиновничество пополнялось различными путями. В начальный период господства маньчжуров широко практиковались специальные «приглашения» на службу «выдающихся людей» из среды конфуцианских ученых, крупных землевладельцев и сановников низвергнутой Минской династии. Затем вошли в практику наследование чиновных классов и рангов в убывающей степени по праву «тени», которая падала на отпрысков высокопоставленных чиновников — обладателей высоких классов и рангов, а также система рекомендации высокопоставленными чиновниками «добродетельных и талантливых людей» в качестве кандидатов на чиновничьи должности. Они обычно отбирались из числа дальних родственников и близких знакомых рекомендующего, которые могли соответствующим образом «отблагодарить» его за это.

С целью подготовки кадров чиновников вскоре же после завоевания Китая маньчжурами была вновь открыта императорская Академия сынов отечества (Гоцзыцзянь) и сеть специальных правительственных областных и провинциальных школ, студентами которых были, как правило, дети чиновников, дальних родственников представителей знати и крупных землевладельцев. Была восстановлена и традиционная система государственных конкурсных экзаменов на соискание ученых степеней, впервые введенная в Китае в 622 г. Она включала провинциальные экзамены на степень *цзюйжэнь* и столичные (*го ши*) на степень *цзиньши*, которые давали право на замещение должности чиновника. Кроме того, практиковались предварительные уездные и областные экзамены для отбора кандидатов на провинциальные, а также дворцовые экзамены с участием императора с целью выявления лучших из числа получивших степень *цзиньши*. Для представителей знати из числа родственников императорского дома, а также для маньчжуров-«знаменных» устраивались специальные облегченные экзамены и выделялись особые квоты для тех, кого надлежало считать успешно прошедшими конкурс. Для всех остальных экзамены проводились на темы конфуцианских канонических произведений и поучений маньчжурских императоров, причем особый упор делался на изящество стиля в сочинениях и красивую, безупречную каллиграфию.

Теоретически в экзаменах могли участвовать представители всех сословий, кроме «подлого люда», что создавало иллюзию почти равных возможностей для всех «неподлых» (*ляимин*) стать чиновниками. Однако для крестьян, мелких торговцев и тем более для арендаторов, наемных работников и их детей доступ к экзаменам был практически закрыт, так как они не располагали соответствующими средствами и свободным временем для зубрежки конфуцианской канонической литературы и приобретения навыков написания по определенной форме прозаических и стихотворных сочинений на заданную тему.

К тому же число лиц, которых разрешалось считать успешно выдержавшими экзамен, заранее строго ограничивалось и составляло лишь ничтожную долю экзаменующихся (100–300 человек на одно место). Эта квота колебалась от 40 человек для Гуйчжоу до 230 для столичной провинции Чжили.

Успех дела очень часто решали общественное и имущественное положение экзаменуемого, его происхождение, протекция влиятельных лиц либо умело подsunутая взятка. К тому же $\frac{1}{10}$ патентов на ученые звания официально продавалась властями.

Поэтому обладателями ученых степеней, дававших право на замещение чиновничьих должностей, становились, как правило, «знаменные», представители знати, дети чиновников, землевладельцев и представители других высших прослоек, в том числе те, кому ученые степени даровались императором без экзаменов, а также лица свободных профессий — учителя, врачи, геоманты и личные секретари высокопоставленных лиц. Лишь в виде исключения через экзаменационные препоны прорывались иногда отдельные труженики-простолюдины, чем поддерживалась иллюзия о равных возможностях для всех «добропорядочных» стать обладателями ученых степеней и чиновниками. По утверждению одного из исследователей традиционного Китая, «некоторая „свежая кровь“ могла быть абсорбирована из нижней прослойки общества посредством экзаменационной системы; однако в целом правящая бюрократия воспроизводила себя социально более или менее из своих собственных рядов. Китайская экзаменационная система имела ограниченную функцию, но эта функция совсем не та, которую приписывала ей народная молва». По утверждению другого, «в действительности экзаменационная система не представляла равных возможностей для всех. Богатство, влияние и положение семьи являлись мощными факторами, обеспечивавшими преимущества для соответствующих прослоек».

Низшую из привилегированных сословных групп составляли неслужилые шэньши, которые пользовались меньшими привилегиями, чем знать, «знаменные» и чиновники. Она состояла главным образом из не занимавших чиновничьих должностей обладателей почетных званий и ученых степеней, полученных через экзамены или официально купленных.

Официальная продажа таких званий и степеней практиковалась в Китае издавна и принимала особенно большие масштабы в те периоды, когда правительство нуждалось в срочном пополнении казны. Существовала официальная такса на продажу некоторых невысоких чинов, званий и степеней. Особенно дорого ценились патенты на ученую степень (от 100 тыс. лян за временный и до 1 млн. за постоянный патент). Цена чиновничьих классов и рангов была ниже: 30 тыс. лян за чин 4-го класса первого ранга, 10 тыс. лян за 5-й класс первого ранга, 300 лян за 8-й и 200 лян за 9-й, низший класс. Еще меньше ценились патенты на почетные звания студентов казенных школ — от 100 до 125 лян. Высокие чины и ученые степени покупались довольно редко, так как стоили дорого, но не гарантировали занятия соответствующей должности, тем более на продолжительный срок, и потому не «самоокупались». А патенты на низшие чины и почетные звания студентов правительственных школ раскупались довольно бойко. Так, официально документы на звание *цзяньшэн* (студент императорской Академии) продавались тысячами.

Хотя цена каждого такого документа была относительно невелика, они оставались недоступными для малоимущих слоев населения. Патенты обычно покупались землевладельцами и купцами, которые стремились, войдя в состав сословия *шэньши*, придать больший вес своей персоне в глазах властей и простонародья. В стране насчитывались сотни тысяч обладателей почетных (главным образом купленных) званий *шэньюань* (студент провинциальной или областной казенной школы) и *цзяньшэн*, которые в большинстве своем лишь числились студентами, но в действительности не имели отношения к этим учебным заведениям.

Помимо обладателей купленных и полученных в результате экзаменов званий *шэньюань* и *цзяньшэн*, которые не давали право на замещение должности чиновника, а также обладателей купленных низших чинов в состав сословной группы неслужилых *шэньши* входили также и те *гуншэн* («заслуженные студенты») и *цзюйжэнь*, которые имели право на замещение должностей, но по той или иной причине не стали чиновниками.

Таким образом, рубеж между сословными группами служилых и неслужилых *шэньши* был довольно зыбок и неустойчив, поскольку некоторые из них при соответствующих обстоятельствах могли легко переходить из одной группы в другую.

Всего насчитывалось около 5 млн. неслужилых *шэньши* (вместе с членами их семей). Они не занимали официальных должностей, но, ведая всеми местными общественными делами, связанными с разверткой и сбором налогов, поддержанием общественного порядка, школьным обучением, организацией ирригационных работ и т.д., представляли собой влиятельную силу, с которой не могли не считаться представители местной администрации. Помимо прибыли от частной землевладельческой, торговой и ростовщической эксплуатации они получали также немалые доходы в виде всякого рода «дополнительных» налогов и поборов с населения,

взимавшихся ими в качестве платы за оказываемые ему услуги. Кроме того, неслужилые шэньши освобождались от телесных наказаний, трудовой повинности, пользовались налоговыми льготами и некоторыми другими привилегиями.

Представителей привилегированных сословных групп знати, служилых и неслужилых шэньши насчитывалось около 1,5 млн. (с членами семей — около 7,5 млн.), а вместе со «знаменными» (350 тыс., с членами семей — 1,5 млн.) — примерно 9 млн., что составляло лишь 2% населения страны. Однако на их долю приходилось свыше четверти всего национального дохода.

Наиболее многочисленной сословной средой, охватывавшей около 95% всех жителей Китая, являлось непривилегированное, юридически свободное простонародье. К нему причислялись крестьяне-владельцы земли, арендаторы, ремесленники, мелкие торговцы, наемные работники, а также крупные и средние землевладельцы и купцы, не имевшие ученых степеней, чиновничьих рангов и почетных званий, т.е. сословия *нун*, *гун* и *шан*.

Реальный социальный статус различных групп, входивших в эти сословия, был неодинаков. Так, землевладельцы, которые числились членами сословия *нун*, обычно ставились властями и общественным мнением выше, чем крестьяне, арендаторы, мелкие торговцы, ремесленники и наемные работники. Особенно низким был фактический и правовой статус батраков, которые нанимались на длительные сроки и по закону приравнивались к домашней прислуге, т.е. к полурабам. Впрочем, и основная масса членов трех простонародных сословий была фактически бесправна перед чиновниками, которые дожимали ее поборами и всевозможными притеснениями.

Ниже всех в сословной иерархии располагалась неполноправная сословная группа «подлых» юридически свободных. В нее входили представители «презренных» профессий — актеры, проститутки, служители присутственных мест и тюрем, гонцы правительственных учреждений и мясники. До 1723 г. в этот разряд включались и такие группы населения, как «жители лодок» (Гуандун), «певцы и музыканты» (Шэньси и Шаньси), «наследственные слуги» (Аньхуэй) и др. Членам этой сословной группы запрещалось принимать участие в государственных конкурсных экзаменах на ученые степени, занимать чиновничьи должности, покупать чины, степени и звания и вступать в брак с «неподлыми» и др.

Самую низкую ступень сословно-правовой иерархии занимала сословная группа «подлых» юридически несвободных. Общие наименования представителей этой группы — *ну*, *ну* и др. — обычно переводятся на европейские языки словом «рабы», что создает весьма превратное представление о них как однородной по форме эксплуатации массе. Между тем данная группа включала в свой состав и рабов, и крепостных, и оброчных невольников в экономическом значении данных понятий. Кроме того, в ней различались государственные и частнозависимые «подлые»

несвободные. Состав первых пополнялся за счет бывших свободных, которые превращались властями в рабов и крепостных по судебным приговорам за преступления, совершенные ими или их родственниками, а также за счет порабощения и закрепощения пленных, захватываемых во время военных действий, и естественного воспроизводства. Казенные несвободные либо использовались самими властями, либо передавались в услужение представителям знати, «знаменным» и чиновникам.

Что же касается частнозависимых несвободных, то их ряды пополнялись главным образом путем самопродажи себя свободными по нужде, продажи крестьянами своих детей и жен в неволю в голодные годы, естественного воспроизводства, в отдельные периоды — также путем порабощения и закрепощения пленных, захватываемых во время войн. Кроме того, в период маньчжурского завоевания многие китайцы, в том числе и состоятельные, чтобы уберечь свои земли и имущество от захвата, добровольно отдавались под покровительство маньчжуров и становились юридически несвободными людьми — *тоучунжэнь*, которые использовались в основном в качестве подневольных оброчников.

Наибольшее для периода маньчжурского владычества в Китае число рабов, крепостных крестьян и оброчных невольников приходится на вторую половину XVII — первую половину XVIII в. Но и тогда их доля в общей массе населения вряд ли превышала 1–1,5%. В XVIII в. в столичной провинции Чжили, где была сосредоточена половина земельных владений офицеров и солдат маньчжурской «восьмизнаменной» армии, насчитывалось свыше 600 тыс. семей домашних рабов и крепостных (более 3 млн. человек). Десятки тысяч крепостных трудились также в имениях императора и маньчжурской знати. Домашних рабов и крепостных имели многие чиновники и китайские землевладельцы.

Однако начиная со второй половины XVIII в. общее число рабов, крепостных и подневольных оброчников стало неуклонно уменьшаться в связи с потерей земли «знаменными» и переходом ее в руки китайских землевладельцев, крестьян — бывших арендаторов и крепостных. В результате в Чжили от рабской и крепостной зависимости освободилось до 400 тыс. семей (около 2 млн. человек).

Сокращению общей численности рабов и крепостных в известной мере способствовали и ограничения прав китайских землевладельцев на личность несвободных работников. Юридически несвободными считались люди, которые заложили или продали себя, оформив этот акт соответствующим документом, «получали воспитание» в доме своего владельца, выполняли там разные работы и хоронились на хозяйском кладбище. Потомки таких людей также считались юридически несвободными.

В Цинской империи бросались в глаза прежде всего не классовые, а именно сословные различия благодаря строгой и мелочной регламентации их законами и традициями. Они проявлялись не только в градуировании прав и социальных функций членов соответствующих сословий и со-

словных групп и обладателей разных титулов и чинов, а также мер наказания за совершенные ими одинаковые преступления, но и в предписанных законами и традициями чисто внешних различиях в образе жизни — в быту, в одежде, украшениях, размерах и архитектуре жилищ, мебелировке, посуде, средствах передвижений, свадебных и похоронных церемониях, обрядах поклонения духам предков и т.д. По этим чисто внешним признакам можно было сразу же и безошибочно определить, к какому сословию принадлежит данный человек, какой титул или чин имеет представитель данного привилегированного сословия и соответственно как держать себя по отношению к нему согласно предписанным правилам обращения.

Представителей знати, чиновничества и шэньши было принято считать «благородными» (*цзюньцзы*), наделенными от рождения высоким умом, мудростью, всевозможными добродетелями и призванными вершить дела управления. Поэтому они были освобождены от трудовых повинностей и телесных наказаний и пользовались налоговыми льготами либо вообще освобождались от обложения. В случае совершения преступления наказание им снижалось соответственно титулу или чиновничьему классу, часто выражаясь в денежном штрафе, понижении в чине или должности. Вместе с тем за преступления против представителей знати и чиновников члены других сословий наказывались более строго. Некоторыми из указанных выше привилегий пользовались также члены низшей привилегированной сословной группы неслужилых шэньши.

Представители непривилегированного простонародья, нередко именовавшиеся в императорских манифестах «добропорядочным народом» (*лянминь*), считались «мелкими людишками» (*сяожэнь*), уделом которых был физический труд, выполнение трудовых и налоговых повинностей и подчинение руководству «благородных».

Что же касается «подлой» сословной группы, то ее предназначением считалось обслуживание «благородных», с тем чтобы последние могли полностью посвятить себя умственным и управленческим делам. В этой связи представителям простонародья из числа богачей порой не разрешалось иметь рабов и крепостных.

Браки между лицами разных сословий, как правило, запрещались и преследовались законом.

Для небогатых «мелких людишек» переход в более высокое сословие допускался лишь в исключительных случаях. Непривилегированным же землевладельцам, купцам и ростовщикам путь в низшую привилегированную сословную группу неслужилых шэньши был широко открыт благодаря официальной продаже почетных званий, чинов различных классов и рангов, а также ученых степеней. Доступ же в состав сословной группы чиновников облегчала им система рекомендаций (*туйцзюй*) «достойных людей» и система государственных конкурсных экзаменов на ученые степени. Оба этих пути, как уже отмечалось, для массы крестьян, ремеслен-

ников, арендаторов и наемных работников были фактически, а для представителей «подлых» сословных групп и формально закрыты. Отношения между эксплуататорами из среды свободного простонародья и эксплуатируемыми несвободными работниками, а также между эксплуататорами из среды привилегированных сословий и эксплуатируемыми работниками из среды простонародья и «подлых» регулировались сословным правом и традициями. Отношения между эксплуататорами и эксплуатируемыми из одного и того же сословия приравнивались к отношениям между «старшими» и «младшими», если в роли эксплуатируемых выступали арендаторы, либо к отношениям между господином и слугой, если в той же роли выступали батраки и другие наемники, заключавшие с хозяином письменный договор (исключая нанимавшихся на короткие сроки). Все это, по конфуцианским канонам, означало, что арендаторы и батраки, независимо от их возраста, обязаны оказывать своему хозяину всяческое почтение и послушание, беспрекословно выполнять его распоряжения, не жаловаться на него и не судиться с ним, если даже он применял к ним физические меры воздействия.

Одной из особенностей традиционного строя в Китае было отсутствие сословной привилегированности землевладения и соответственно сословных ограничений в данной сфере — владельческие права на землю не были привилегией какого-то одного сословия. Ее могли продавать и покупать представители практически любого из них. Этой возможностью широко пользовались богатые купцы и ростовщики.

В то же время крупное земельное владение само по себе не создавало привилегированного сословного статуса ни потомственному земельному магнату, ни землевладельцу в первом поколении. Однако арендный доход (земельная рента) наравне с другими источниками богатства давал возможность либо подготовиться к экзаменам (с помощью нанятых учителей или в частной школе), либо подкупить экзаменаторов, либо просто купить «ученое» звание.

Сословный строй Китая отличался от европейского не только своей структурой, но и значительно большей степенью социальной мобильности (которая, впрочем, распространялась не на всю иерархию сословий). В рамках четырех основных сословий (*сыминь*) практически не было никаких юридических запретов для смены социального статуса, т.е. отсутствовали непреодолимые сословные перегородки.

Переход из сословия ремесленников в сословие торговцев, а из последнего в сословие землевладельцев был обычным, хотя и не массовым явлением. Хозяева мастерских и мануфактур переходили в торговое сословие, а его представители, покупая землю и становясь рентополучателями, включались в сословие *нун*. Как уже отмечалось выше, в принципе для них были открыты двери и в привилегированное сословие шэньши. То же самое можно сказать и о простолюдинах, относившихся к тогдашней интеллигенции, — учителях, врачах, геомантах и особенно личных секре-

тарях чиновников и знатных лиц. Традиционная интеллигенция, обладавшая определенными знаниями, попадала в среду шэньши в основном через систему экзаменов, хотя и пользуясь при этом протекцией сильных мира сего, а также поддержкой экзаменаторов.

Открытый доступ в сословие *ши*, однако, уравнивался отсутствием потомственного статуса шэньши. Невозможность его передачи по наследству почти автоматически означала для сыновей шэньши сначала явное понижение сословного статуса, а при невозможности получить «ученую» степень — и переход вниз, в одно из трех непривилегированных сословий и необходимость нового проникновения в среду *цзюньцзы*.

Мобильность по восходящей линии заканчивалась на уровне сословия *ши*, ибо высшее привилегированное сословие «знаменных» после окончания завоевания Китая маньчжурами (1683 г.) оставалось прочно закрытой кастой. Ни один из китайцев из *сыминь* ни за какие деньги или заслуги не мог попасть в него.

Даже наиболее преданные династии Цин сановники из числа высших шэньши, получив по наследству или за заслуги титулы знатности (*гун, хоу, бо, цзы, нань*), оставались вне сословия «знаменных», образуя предельно узкий круг семей знати из числа ханьцев.

Нижним пределом сословной мобильности была среда «подлого люда» — своеобразного «сословия» с чертами касты отверженных. В него «опускались» бедняки, продавшие себя в рабство, поступившие в услужение и подписавшие кабальный письменный документ. Однако и для представителей «подлого люда», в том числе и занимавшихся «подлыми профессиями», по прошествии положенного числа поколений после освобождения или с прекращением «низкого занятия» открывался доступ в одно из непривилегированных сословий — *нун, гун, шан*.

Еще одно важное отличие сословной организации Китая от европейской состояло в том, что в ней отсутствовало сословие горожан, игравшее столь важную роль в истории средневекового Запада. На первой стадии развития феодализма там возобладала тенденция к политической дезинтеграции и феодальной раздробленности, которая и послужила питательной почвой для возникновения и развития самостоятельности городских общин и особого сословия горожан, пользовавшегося известными правами и привилегиями.

Иначе обстояло дело в средневековом Китае, где основной формой общественно-политического устройства была централизованная деспотическая империя. В условиях жесткой централизации китайский город не смог превратиться в самостоятельную социально-политическую силу, стать самоуправляющейся общиной, соответственно не возник особый социальный статус его жителей.

Наличие сословий горожан в странах средневековой Западной Европы и отсутствие его в сословно-классовых обществах Востока в значительной мере определили различие в исторических судьбах тех и других стран

в новое время. Борьба сословия горожан в Европе за свои коренные интересы способствовала развитию ремесла, торговли, возрастанию роли города в экономической, культурной и политической жизни общества. Тем самым был создан благоприятный социальный климат для спонтанного развития капиталистических отношений в некоторых из этих стран.

В Китае же основная масса городского населения входила в состав сословий *гун* и *шан*, а также «подлого люда». Она находилась под жестким контролем правительственных чиновников и не была защищена от их лихоимства и произвола. Не располагая городским самоуправлением и особым сословным статусом, ремесленники и торговцы не могли скольконбудь успешно отстаивать интересы развития ремесла и торговли.

Кроме того, в Китае потребности императорского двора, знати и армии в изделиях ремесленного производства удовлетворялись продукцией казенных мастерских и казенных мануфактур, что существенно суживало сферу деятельности частного ремесла и торговли.

Сказывалась целенаправленно проводимая государством (при всех средневековых династиях) политика ограничения частного ремесла и торговли под девизом: «Обрезать ветви (т.е. частное ремесло и торговлю), чтобы хорошо развивался ствол (т.е. сельское хозяйство)». Власти нередко подвергали ремесленников и торговцев различным притеснениям, принудительно скупали у них часть продукции по заниженным ценам.

Сохранялось официально принятое пренебрежительное отношение к ремесленникам и торговцам как к представителям второстепенных занятий, лишь отвлекающих народ от главного занятия — земледелия. Все это, вполне понятно, отнюдь не способствовало созданию надлежащих условий, благоприятного социального климата для возникновения и развития бюргерства и «третьего сословия».

«Класс-государство»

Традиционный социум в Китае, и цинский в частности, строился на органическом сочетании низовой (или «малой») корпоративности (семья, патронимия, цех и т.д.) и высшей — «всеобщей» коллективности (Поднебесная, государство). Подобная система отличалась слабостью горизонтальных связей (по классовой общности, сословию, социальной стратификации и т.д.) при господстве вертикальных связей (первичная ячейка — казна). Ее основой была связь «первичная ячейка — верховная власть».

Принципами построения этой системы были последовательное, многоступенчатое соподчинение и ячеистость социума. Последняя имела как естественный (родственные общности — *цзунцзу*, остаточные элементы общинной организации в деревне, различного рода профессиональные, земляческие корпорации, религиозные секты, тайные общества и т.п.), так и искусственный, насаждаемый властями (система *баоцзя*) характер.

Поглощенность каждого «традиционного» китайца «своей» микрообщностью, ячеистость социума вели к неразвитости и внутренней дробности классовых общностей, сословий, социальных групп перед лицом всемогущего государства восточной деспотии. В этих условиях социальные связи, сословные общности и классовое единство по значимости уступали родственно-корпоративным началам и как бы размывались ими, теряя свои качественные и функциональные показатели.

Преобладание вертикальных связей над слабыми горизонтальными обусловило в Китае повышенное могущество государства как центра или вершины, куда сходились все нити власти от низовых и промежуточных ячеек. Характеризуя китайский вариант государственности и вычленив политически господствующий класс традиционного Китая, синологи все чаще применяют термин «класс-государство», видя решение этой проблемы в совмещении указанных категорий. Это понятие в Цинской империи олицетворялось «амальгамой» аристократических сословных групп, верхушки привилегированных сословий шэньши и «знаменных», а также государственного аппарата. «Класс-государство», выступая социальной, политической и идеологической доминантой конфуцианской системы, противостоял «простым» социальным образованиям — классовым общностям, слоям, прослойкам, сословиям и сословным группам, оставшимся лишь объектом его всестороннего контроля.

Традиционные противостояния «император-подданные» и «чиновник-народ» в китайской деспотии фактически служили выражением противостояния «класса-государства» остальному населению страны, т.е. всем прочим социальным образованиям — эксплуататорским, эксплуатируемым и смешанным. Будучи синтезом надстроечного и социального начал, «класс-государство» как бы претендовал на «внесоциальный» (или «надсоциальный») статус по отношению к «рядовым» сословиям земледельцев, ремесленников и торговцев, не говоря уже о внесословном «подлом люде».

В средневековом Китае «класс-государство» складывался постепенно. Начиная с VII–VIII вв. бюрократия рекрутировалась из шэньши, а последние, как правило, из землевладельцев. В результате этого сложного процесса шэньши становились «управляющим сословием». Конечно, не все чиновники являлись шэньши и не все шэньши были чиновниками. Большая их часть составляла нижний — субадминистративный слой гигантской пирамиды госаппарата, хотя формально в него не входила. Суббюрократия выполняла круг весьма важных политических и экономических функций на уровне ниже уездного ямэня.

В ходе иноземных завоеваний Китая (кидзянями, чжурчжэнями, монголами, маньчжурами) в правящий социальный блок «бюрократия-суббюрократия» включался третий и всегда высший компонент — сословие завоевателей (в период Цин наследственная маньчжурская аристократия и прочие «знаменные»). Во второй половине XVII — XVIII в. «класс-го-

сударство» представлял собой блок «завоеватели–шэньши», или триаду сословного союза «знаменные–чиновники–шэньши (субадминистраторы)», т.е. в институциональном плане трехступенчатую пирамиду «верховная власть–бюрократия–суббюрократия».

Развиваясь и усложняясь, «класс-государство» с VII–VIII вв. постоянно впитывал в себя элиту землевладельческого класса. Аккумулируя лучшие его силы, «класс-государство» тем самым укреплял себя и соответственно обессиливал «частных» богачей, все более отодвигая их от власти. Тем самым эволюция шла от «землевладельческой бюрократии» к «бюрократическим, или государственным, функционерам». Социальная и политическая системы Срединной империи все более развивались в сторону не частного, а государственного типа. Здесь в отличие от Европы бюрократия из чисто служебного придатка господствующего класса превратилась не только в политически самостоятельную, но и в доминирующую институционально-социальную силу, достигшую в своем развитии наивысшего статуса. Конституируясь таким образом в особую классовую общность «магнатов от казны», это специфическое социальное образование ни на миг не отрывалось от институционального звена политической надстройки традиционной системы.

Подобное слияние социального и институционального (надстроечного) начал, в свою очередь, ускоряло обособление нового сложного образования от среды простых землевладельцев-нешэньши (*туба, тухао*), или от земельных магнатов. Как носитель власти на всех уровнях выше деревни или волости, «класс-государство» превратился в ведущую силу социально-экономической организации социума и встал над средой землевладельцев, в равной мере как и над другими «частными» эксплуататорскими слоями (купцами, торговцами, ростовщиками, хозяевами мастерских и мануфактур). В итоге император, в данном случае представитель династии Цин, не будучи «первым землевладельцем Китая», выступал как глава структуры «завоеватели–бюрократия–суббюрократия», т.е. как «первый бюрократ империи». Как лидер данной структуры, он был не только Сыном Неба, но и сыном своего господствующего «класса-государства», который не был классом земельных собственников в его европейском выражении, а конфуцианское государство отнюдь не являлось «комитетом по управлению делами» крупных землевладельцев. Для традиционного государства на первом плане стояли интересы казны, фиска, бюрократии. Нужды же землевладельческой среды централизованная власть отстаивала постольку, поскольку выражала «общенациональные», «высшие» интересы. В итоге государство в Цинской империи выступало в двойной роли: и как политическая надстройка всей системы, и как особый, отличный от частных землевладельцев «класс-государство». В своих обеих ипостасях — и в институциональной, и в социальной — это двуликое начало венчало собой бинарную арендно-бюрократическую систему, в которую частный сектор входил лишь как второй, подчиненный компонент.

Поскольку «класс-государство» имел «свой» экономический сектор и «собственные» доходы помимо обложения частных магнатов, он мало зависел от землевладельческой классовой общности. Масштабность и самостоятельность экономических позиций государства заставляют отнести его к явлениям не только надстроечного, но и социального порядка.

Таким образом, китайский вариант средневековья породил не одну, а две экономически господствующие силы — верховный «класс-государство» и подчиненную ему частновладельческую среду.

В столь специфических условиях император не мог быть «первым землевладельцем» Поднебесной, а тем более «главным феодалом» или «первым среди равных». Землевладельцы как таковые не были его «родным» классом, в массе своей прежде всего оставаясь подданными азиатской деспотии. В отличие от Европы императорская власть в Китае выступала только как высшее священное наднациональное начало, а Сын Неба (олицетворявший ее) — как антипод частного начала во всех его проявлениях — торгового, ростовщического, мануфактурного, землевладельческого и т.д.

В определенной мере представляя и защищая интересы частных магнатов в качестве надстроечного явления, императорская власть в то же время твердо управляла землевладельческой средой, как и остальной массой своих подданных, в качестве представителя самостоятельной социальной силы, т.е. высшего господствующего начала. И в институциональной, и в социальной ипостаси «класс-государство» дистанцировался от «эгоистических устремлений частника», особенно торговца, что соответствовало конфуцианскому мировоззрению и тысячелетней традиции китайской политической мысли.

Претендуя на представительство всего социума, «класс-государство» в конфуцианском Китае никогда не отождествлял свои интересы с экономическими и политическими нуждами какой-либо одной классовой общности, в том числе землевладельцев. Тройственный блок «завоеватели-чиновники-шэньши-суббюрократы» не только претендовал на «надклассовую» ипостась, на роль общенационального всекитайского начала, но и фактически частично отвечал этим исключительным, в европейском их понимании, требованиям. Не случайно в традиционном Китае не существовало понятия «общество», вместо него аналогом социуму выступало понятие «государство». «Класс-государство» же в известной мере не только представлял последнее, но и выступал «верховным классом» по отношению ко всем «частным» классовым общностям и слоям, в том числе и землевладельцам-нешэньши. «Класс-государство» охранял их владения и права, подавляя крестьянские восстания и прочие бунты не потому, что служил административным органом крупных землевладельцев, а в силу своего политического господства и ответственности за сохранение незыблемости бинарной арендно-бюрократической системы.

В то же время, отождествляя интересы правящей бюрократии с интересами государства, народа и Поднебесной, «класс-государство» действо-

вал, понятно, прежде всего в интересах сохранения и укрепления своего господства в рамках бюрократической системы. Его «надклассовые» претензии и особая роль в системе производства, распределения (и перераспределения), обмена и потребления, естественно, не элиминировали классового характера и при наличии второго, но политически приниженого эксплуататорского класса «частных» землевладельцев.

В своей надстроечной ипостаси этот продукт институционально-социального синтеза являлся не только отправителем функции и персонафикатором восточной деспотии, но и в известной мере «собственным классом деспотии» (в ее китайском варианте). Данный момент не только не мешал большинству функционеров деспотии иметь частные земельные владения, но и способствовал их приращению, не только не препятствовал, но и помогал наряду с бюрократическими и суббюрократическими доходами дополнительно получать «частные», т.е. арендные, доходы с зависимых крестьян.

Государственная эксплуатация непосредственных производителей — прямая (рента-налог, взимаемая с податных крестьян, налоги, уплачиваемые ремесленниками) и косвенная (налоги с землевладельцев и торговцев, в значительной мере перекладываемые на плечи арендаторов и покупателей за счет увеличения арендной платы и цен) — служила экономической базой «класса-государства».

В то же время бюрократия чаще всего располагала значительными земельными владениями, а крупные владельцы становились чиновниками. Для чисто бюрократических слоев, как правило, преобладающими были обильные служебные доходы — официальное жалование или содержание (например, для «знаменных»), казнокрадство, взятки, вымогательство, махинации с налоговыми поступлениями (серебром и зерном). Частные доходы — земельная рента, ростовщические проценты и торговая прибыль для них имели второстепенное значение. Шэньши, состоявшие на государственной службе, получали как жалование, так и земельную ренту, а шэньши из числа местной суббюрократии к доходам от земли присовокупляли отчисления от налоговых сумм за выполнение ряда специфических полуадминистративных функций по контролю над населением. Естественно, что соотношение казенных и частных доходов у различных групп шэньши было неодинаковым.

У одних («государственных») казенные доходы преобладали над частными (шэньши «первой группы»), у других («частновладельческих») основным источником доходов были земельная рента, ростовщические операции и торговая прибыль (шэньши «второй группы»). Для шэньши «первой группы» сращенность с казной, с властью, с чиновными функциями и получиночным контролем, с бюрократической карьерой являлась главным, определяющим фактором. Все это дополнялось для «государственных мужей» привилегированной сословностью — либо «знаменной», либо шэньшиской, либо той и другой одновременно.

Сословная триада «завоеватели—чиновники—шэньши-субадминистраторы» в своей второй, т.е. институциональной, ипостаси выглядела как трехступенчатая пирамида «верховная власть—управленческий аппарат—механизм низового контроля», у которой первый компонент составлял вершину, второй — средний горизонт, а третий — широкое основание.

Господствующее положение среди бюрократических слоев и групп, составлявших социальную пирамиду «класса-государства», занимало сословие «знаменных» (*цижэнь*), образовывавшее вершину данной пирамиды. Оно представляло собой конгломерат лиц разного служебного положения — от маньчжурской аристократии («желтопоясные», «железношлемные») и придворных до простых солдат «восьмизнаменных» корпусов, включая «знаменных» монголов и китайцев-*ханьцзюней*. Общее число представителей этих сословных групп с членами семей составляло в конце периода Цин 1,9 млн., а с челядью — 2,6 млн.

Следующий этаж пирамиды занимали «государственные» шэньши, т.е. жившие в основном за счет казны. Как и завоеватели, они были глубоко иерархизированы и неоднородны по своему официальному статусу и имущественному положению. Помимо градации на «высших» (*цзиньши*, *цзюйжэнь* и *гуншэнь* — всего 14%) и «низших» (*шэньюань* — 86%) не менее важным для шэньши была степень принадлежности к бюрократическому слою. Его верхушку составляли чиновники (*шидафу*) — служилая и почетная бюрократия, чья общая численность в конце периода Цин резко возросла и с 80 тыс. поднялась до 147 тыс., с членами семей — 735 тыс., а вместе с челядью — 1,3 млн. Самых чиновников действительной службы насчитывалось около 66 тыс., включая придворных, функционеров центрального аппарата, местную администрацию высшего, среднего и низшего звена, военных и стажеров — кандидатов на вакантные должности. Основная масса этих функционеров — около 40 тыс. — были гражданскими номенклатурными чиновниками. *Шидафу* приводили в движение государственный аппарат Цинской империи, насчитывавший свыше 2,2 тыс. различных учреждений.

Бюрократы-функционеры составляли верхний, чиновный слой «класса-государства». Ниже чиновников действительной службы находился слой бюрократов-нефункционеров, т.е. носителей почетных, в основном купленных за деньги званий, чинов и рангов. Почетных *шидафу* насчитывалось около 81 тыс. человек, что вместе с членами семей составляло 0,4 млн., а с челядью — свыше 0,8 млн.

Массовое нижнее основание этой пирамиды составляла суббюрократия, т.е. должностные и полудолжностные лица ниже уровня чиновников уездного ямэня. Данная крайне важная контрольно-управленческая категория (575 тыс. человек, с семьями — до 2,9 млн., а вместе со слугами — около 4,7 млн.) исполняла субадминистративные функции узко местного значения. Как правило, это были шэньши фактически на казенном содержании, наблюдавшие за «общественными» работами, сельской милицией, сбором на-

логов; они работали секретарями и учителями, следили за соблюдением конфуцианских норм поведения простого люда и должностных лиц.

Таким образом, бюрократический костяк «класса-государства» (*ши-дафу* и суббюрократия) в целом составлял 720 тыс. человек.

Численность (с семьями) же всех господствующих слоев, принадлежавших к бюрократической системе, составляла менее 5,6 млн. Поскольку их обслуживало примерно 3 млн. челяди, то в сумме эта классовая общность эксплуататоров со своим окружением насчитывала до 8,6 млн. иждивенцев на шее казенных и податных крестьян, а также других категорий непосредственных производителей.

Верхний уровень структуры госаппарата составляли свыше 40 центральных учреждений в Пекине, 27 ямэней наместничеств (*дуфу ямэнь*) и провинциальных губернаторов (*сюньфу*). На уровне наместничеств и провинций функционировали 95 военных канцелярий (*сюэучу*), судебных управлений (*аньчасы ямэнь*) и соляных управлений (*яньюнь шисыямэнь*), а также 230 различных провинциальных бюро или контор (*цзюй*). Чиновничество среднего административного звена наполняло собой 183 областных, 147 окружных и 67 приставных ямэней, а также 76 управ самостоятельных округов и 33 управы самостоятельных приставств. Нижнее административное звено бюрократии вершило дела 1340 уездных ямэней, включая 272, находившихся в областных и окружных центрах.

Соответственно данной учрежденческой иерархии распределялся и обычный контингент бюрократии. Около 10 тыс. штатских чиновников приходилось на придворные службы и центральный аппарат, менее 5 тыс. — на учреждения высшего и 8 тыс. — среднего звена местной администрации, более 16 тыс. штатских функционеров было сосредоточено в нижнем, уездном звене. Кроме того, насчитывалось 17 тыс. военных и около 10 тыс. чиновников без места, т.е. кандидатов на должностную вакансию (*хоубу, хоусюань*), находившихся на положении стажеров или порученцев (*вэйюань*), а также отставных, пожалованных и т.д.

32 тыс. чиновников приходилось на север и Маньчжурию, 13 тыс. — на Центральный и 21 тыс. — на Южный Китай, т.е. на северные и северо-восточные провинции падало свыше 48% общего числа функционеров «класса-государства».

Для всех слоев, составлявших «класс-государство», было характерно обилие внутренних градаций, специфических групп, что предельно усложняло структуру данного верховного социально-надстроечного образования.

В этом в Китае находила выражение одна из капитальных особенностей системы — присущая ей большая или меньшая степень иерархичности внутренней структуры политически и экономически господствующего класса. В Европе таковым многоступенчатым образованием был класс частных феодалов — собственников земли, т.е. дворянство. В Китае предельно иерархизированной и многоступенчатой являлась верхняя, т.е. политически господствовавшая, классовая общность своего рода «государст-

венных феодалов», тогда как подчиненная ей общность «частных феодалов» — землевладельцев — фактически была слабо иерархизированной.

Иерархия феодального чиновничества Китая была одновременно и стройной, и сложной. Вся бюрократия империи делилась на ранговое чиновничество (*пиньгуань*) и вне ранговое (*вайжулю*). Ранговое чиновничество делилось на восемнадцать категорий (*диньцзи*). Первая часть этого термина (*пинь*) обозначала класс данного чина, а вторая (*цзи*) — его ранг. В каждом чиновном классе существовало два ранга — старший (*чжэн*) и младший (*цун*). Обладатели чинов первых трех классов и соответственно первых шести рангов составляли высшую бюрократию, следующих восьми рангов последующих четырех классов (с четвертого по седьмой включительно) — среднее звено чиновничества. Третьей, нижней ступенью бюрократической иерархии были носители чинов последних четырех рангов двух замыкающих классов — восьмого и девятого. Ниже располагались внеклассовые должности.

Кроме этого функционирующего чиновного слоя существовала еще почетная бюрократия, т.е. носители номинальных должностных званий (*сюйсянь*), в основном купленных за деньги нижних рангов (иногда такая покупка оформлялась в виде пожертвования денег или зерна на казенные нужды).

Как всякое феодальное образование эксплуататорского типа, бюрократия была иерархизирована не только по званиям (рангам и степеням), но и в плане административной градации, которая имела девять вертикальных ступеней: центральная бюрократия — чиновники наместничества — провинциальный управленческий аппарат — областная бюрократия — чиновничество самостоятельных округов — служащие самостоятельных приставств — окружные функционеры — должностные лица приставств — управленческие кадры уезда. Такая сложность и многоступенчатость были историческим продуктом развития «класса-государства». Во-первых, постепенное численное разрастание в течение веков бюрократии, превратившейся в особый оплот государства, требовало создания все новых дополнительных ступеней, по преимуществу ненужных в чисто функциональном плане. Во-вторых, аналогичная тенденция к безудержному разрастанию имманентно присуща любой бюрократической системе. Политические бури 10–20-х годов XX в. уничтожили шесть административных ступеней, и оказалось, что для нормального функционирования государственного механизма вполне достаточно трех уровней: центральный аппарат — провинциальная бюрократия — уездное чиновничество. Таким образом, шесть практически ненужных ярусов структуры являлись всего лишь респектабельными кормушками для чрезмерно разросшегося верховного класса.

В средневековом Китае «класс-государство» представлял собой крупное экономическое явление. Оно было масштабным как в плане воздействия чиновничества на хозяйственную жизнь страны, так и в более узком

понимании, т.е. в чисто хозяйственных позициях бюрократии. «Класс-государство» имел свой собственный подсектор землевладения — казенные площади (*гуаньтянь*), которые составляли на 1887 г. свыше 93 млн. му кадастровых полей и залежи. Помимо этого в сферу непосредственного господства бюрократии входил второй огромный подсектор — податные земли крестьян-налогоплательщиков, обрабатывавших около 428 млн. му учтенных полей. Контроль со стороны «класса-государства» здесь складывался из фискального учета, полицейского надзора, сбора налогов дважды в год, ежегодного привлечения крестьян к отбытию казенных трудовых повинностей или же откупу от них деньгами.

В обоих подсекторах вместе полный и частичный контроль казны, согласно кадастрам, распространялся примерно на 521 млн. му, т.е. на 63% всех зарегистрированных полей. Если же учитывать не только зафиксированную в кадастрах, но и скрытую от казны пашню, то во владении или под контролем бюрократии формально находилось 754 млн. му, в том числе 93 млн. му казенной и 661 млн. му податной земли, т.е. 61% всех пахотных полей в Цинской империи.

Однако казенное землевладение в 80-х годах XIX в. являло собой достаточно сложную картину. Половина номинально государственных земель фактически представляла собой частные владения рентополучателей. В свете этого фактический удельный вес казенного и податного подсекторов составлял 57% общекитайской пашни, а с учетом коэффициента повторных посевов — 55%.

Восемь провинций Севера и Маньчжурии — Чжили, Шаньдун, Хэнань, Шаньси, Ганьсу, Шэньси, Фэнтянь и Цилинь — были основной зоной крестьян-владельцев земли и контроля над податным населением деревни со стороны «класса-государства». В этом регионе на центральную казну и местных чиновников было номинально замкнуто свыше 75% селян, т.е. около 63 млн. человек (здесь и далее — обоего пола и всех возрастов). Бюрократия в Центральном Китае (провинции Цзянсу, Аньхуэй, Цзянси, Чжэцзян и Хубэй) владела и контролировала около 49% крестьянских дворов (свыше 43 млн. человек). На Юге (провинции Хунань, Сычуань, Гуандун, Фуцзянь, Гуанси, Юньнань и Гуйчжоу) свыше 41% семей крестьян (более 56 млн. человек) в той или иной мере принадлежало к государственному сектору. За вычетом «арендных» дворов на казенных землях непосредственно эксплуатировались «классом-государством» на Севере и в Маньчжурии 69% крестьян, в Центральном Китае — 47, на Юге — 40%. В целом в сфере «объединенного» бюрократического сектора номинально находились более 16 млн. казеннозависимых и 146 млн. податных, что составляло 53% всех крестьян Цинской империи, а фактически — немногим более 50% крестьян и членов их семей — всего около 154 млн. душ.

Приведенные выше данные показывают, что на Севере и в Маньчжурии экономический строй был по преимуществу «государственным», «бю-

рократическим», с основным противостоянием «казна-крестьянин», с повышенной ролью налогов и чиновников, а на Юге и в Центральном Китае — по преимуществу частным и «арендным», с основным противостоянием «крупный землевладелец — зависимый держатель земли», с особой ролью земельной ренты и долговой кабалы. «Класс-государство» силами бюрократии и сословия шэньши обеспечивал целостность и единство обоих регионов.

«Класс-государство» в целом контролировал около 62 млн. т, или примерно половину общенационального валового сбора зерновых. Иначе говоря, контроль бюрократии был действенным почти для 50% общекитайской зерновой массы. Данный показатель, в свою очередь, должен быть скорректирован с учетом фискальной зависимости от казны крупных землевладельцев, а через них — части держателей их земли.

Около 80% общей массы изъятия (реальное плюс «условное» зерно) падало на Центральный и Южный Китай и лишь 20% — на Север и Маньчжурию.

«Класс-государство» ежегодно получал в виде налогов, податей и иного обложения 40% (более 16 млн. т) всей массы изымаемого из деревни реального и «условного» зерна, что составляло свыше 13% общекитайского производства. Примерно 52% этой суммы (свыше 8 млн. т) представляло собой ренту-налог с податных крестьян, более 38% поступало за счет обложения частного арендного сектора и несколько более 9% собиралось с казеннозависимых земледельцев.

«Класс-государство» сочетал в себе два начала — социальное (класс) и надстроечное (государство). Данный дуализм находил свое продолжение в аналогичной двойственности получаемой ренты-налога. Последняя распадалась на собственно ренту и на собственно налог. Рента была непосредственно связана с социальным началом, т.е. с первым компонентом дихотомии — «классом», а налог соответственно замыкался на надстроечное начало — «государство». Количественное соотношение того и другого внутри ренты-налога давало ту или иную качественную определенность. С выдвиганием на первый план ренты и «класса» «амальгама» приобретала статус социального образования, хотя и крайне специфического. В противоположном варианте возникала привычная по европейским стандартам институциональная конструкция в сплаве с социальным потенциалом господствующего класса.

В Китае в 80-х годах XIX в. рента-налог составляла 16,1 млн. т зерна (в том числе «условного»). Из указанной массы на снабжение госаппарата (без бюрократии и суббюрократии) расходовалось 1,6 млн. т, на другие нужды различных ведомств — 1,5 млн., а фонды казенных зернохранилищ составляли около 1,8 млн. т. Все это вместе с потерями при перевозке и хранении входило в категорию «налог», в сумме составляя 5,3 млн. т. К той же категории относились расходы на содержание служилого чиновничества и суббюрократии — 0,9 млн. т.

В итоге из 16,1 млн. т общая доля «государства» составляла 6,2 млн. т (39%), а 9,9 млн. т (61%) приходилось на долю ренты и «класса». Таким образом, в Китае в амальгаме «класс-государство» социальное начало прочно преобладало над надстроечным; соответственно она функционировала прежде всего как «верховный класс».

Экономические позиции «класса-государства» не ограничивались рамками бюрократического сектора в земледелии. Облагая налогами частных землевладельцев-нешэньши (вместе с семьями они насчитывали более 10 млн.), казна получала контроль над определенной частью 153-миллионной массы частнозависимых крестьян (речь идет о тех из них, кто непосредственно выплачивал налоги сборщикам за своих арендодателей). В том же смысле казна контролировала значительную часть 39-миллионного городского населения — 15 млн. ремесленников (с семьями) и торгово-ростовщический слой.

Тем не менее экономические позиции «класса-государства» в плане подчинения непосредственных производителей в деревне и городе (порядка 60%) значительно уступали уровню политического контроля над населением (хотя, видимо, тоже не стопроцентному).

Хозяйственная деятельность бюрократии обеспечивала поступление изъятого продукта в высшие, централизующие звенья системы перераспределения.

Таким образом, «класс-государство» представлял собой самостоятельную экономическую силу, опиравшуюся на «собственный» гигантский хозяйственный сектор. В этом плане он был явлением в высшей степени самостоятельным по отношению к «частной среде» землевладельцев-рентополучателей и к обществу вообще. В основном за счет средств, аккумулировавшихся казной, содержался персонал надстроечных институтов, аппарата насилия и идеологического воздействия.

Наконец, государственный сектор с его относительно невысоким уровнем изъятия прибавочного продукта (15–20%), являясь спасительным противовесом высокой степени эксплуатации в частном секторе (изъятие продукта 50%), в определенном смысле гарантировал воспроизводство самого крестьянства как главного производящего слоя общества и тем самым обеспечивал функциональную целостность всей бинарной системы.

Могущество китайской бюрократии и «класса-государства» в целом в значительной мере создавалось органической слитностью всех категорий власти — гражданской и военной, административной и судебной, законодательной и исполнительной, светской и духовной. Такого рода абсолютной и нерасчлененной властью обладали все функционеры, поставленные во главе территориально-административных единиц. Этот принцип универсального деспотизма пронизывал все уровни государственного контроля сверху донизу — от императора до начальника уезда. Столь унитарная чиновничья система обладала особой силой, скрепляя бинарную арендно-бюрократическую структуру.

Для конфуцианского Китая был характерен приоритет штатской власти и «гражданских» шэньши (*вэньшэнь*) над военными чиновниками и командирами и «военными» шэньши (*ушэнь*), подчиненность военных штатским и низкий статус офицеров-нешэньши.

Находясь как бы над обычными классовыми общностями и слоями, «класс-государство» обладал повышенной автономией от остального социума (сохраняя общеисторическую классовую сущность, свойственную любому государству и бюрократии в эксплуататорском обществе). Эта автономность усиливалась специфически азиатской неприязнью китайской бюрократии к «частнику» — торговцу, мануфактуристу, ростовщику и отчасти даже и не соблюдавшему конфуцианской этики землевладельцу (*тухао, лэшэнь*).

Изолированные от политической власти, последние находились в условиях «поголовного рабства» подданных восточной деспотии. «Класс-государство» неуклонно проводил традиционный жесткий курс по отношению к землевладельческой среде, не говоря уже о торговцах, рассматривая их всего лишь как подданных, но не партнеров по политическому и социальному господству над остальным социумом тружеников.

Все упомянутое выше знаменовало приоритет государственного начала, в том числе казенного сектора экономики, над частным, интересов казны над сферой частного накопительства. С этим были связаны превосходство чиновной карьеры над всеми другими поприщами, общественного престижа — над богатством, конфуцианской учености, открывавшей дорогу к бюрократической карьере, — над земельными и иными владениями, шэньши — над нешэньши, захудалого *сюэця* — над мануфактуристом.

Таким образом, для традиционного Китая (в отличие от Европы) был характерен не частнофеодальный, а государственный вариант системы. Важнейшей его спецификой была раздвоенность экономически господствующих социальных сил, причем одна из них — «класс-государство» — владела полной монополией на политическую власть.

Казенное и податное крестьянство

В цинском Китае фактор монопольного права государства на земельную собственность обусловил деление крестьянства на три категории — согласно основным формам землевладения. В соответствии с тем, на каких землях оно работало — на землях ли казны, на своих ли участках, что было связано с податными тяготами в пользу государства (налоги и трудовые повинности), или на арендованных у «богачей» полях, — крестьянство фактически делилось на казеннозависимое, податное и частнозависимое.

Наиболее близко стоявшим к «классу-государству» в плане прямого подчинения было казеннозависимое крестьянство. В него входили государственные крепостные — *чжуандин* (во главе со своими старостами —

чжуантоу), а также потомки тех свободных китайских земледельцев, которые в период маньчжурского нашествия второй половины XVII в. добровольно перешли в крепостную зависимость от завоевателей. Данная разновидность казенных крепостных именовалась *тоучунжэнь*. Чжуандин и *тоучунжэнь* обрабатывали земли императорских поместий (*хуанчжуан*), поместий маньчжурской знати (*цзуншичжуан*), поместий, приписанных к «восьмизнаменным» войскам (*бацичжуан*), а также поместий различных ведомств центрального правительства (*гуаньчжуан*). *Тоучунжэнь* работали на «знаменных землях», а также вне поместий — на семьи офицеров и солдат.

Казеннозависимыми земледельцами были и военные поселенцы (*биндин*, *туньдин*, *цзюньдин*), обрабатывавшие поля военных поселений (*бинтунь*, *туньтянь*, *интянь*), «знаменных» поселений (*цитунь*) и охранных постов (*вэйсотунь*), а также штатские колонисты гражданских поселений (*миньтун*, *хутунь*).

Еще одной разновидностью казеннозависимых крестьян являлись держатели государственных полей (*гуаньди*, *гуаньтянь*), т.е. арендаторы, работавшие как на те или иные казенные ведомства, так и на фактических частных владельцев этой номинально казенной собственности.

К какой бы из этих трех разновидностей ни принадлежали казеннозависимые крестьяне, все они были, хотя и по-разному, прямо замкнуты на «класс-государство» во всех его ипостасях и слагаемых.

Особый комплекс казенного землевладения в экономике страны в XVIII–XIX вв. представлял собой стабильный атавизм, поскольку был порождением первой стадии системы, времени ее становления (на этой стадии находились маньчжуры в период, когда они завоевывали Китай), и явно не соответствовал этапу зрелой арендно-бюрократической модели (т.е. той стадии азиатской формации, на которой находилось цинское общество в XVIII–XIX вв.).

В рассматриваемый период для казенного землевладения было характерно состояние последовательного и неуклонного упадка. К 80-м годам XIX в. значительная часть казенных земель фактически перешла в руки частных владельцев, сдававших их в аренду крестьянам, продолжавшим формально считаться государственно-зависимыми.

В результате одна часть казенных крестьян платила оброки (*и*) и подати (*цзукэ*) непосредственно представителям «класса-государства» — либо верхам «знаменного» сословия, либо бюрократии; другая же вносила арендную плату фактическим землевладельцам за право держания их участков, номинально все еще числившихся по разряду *гуаньди*. Соотношение обеих частей внутри казеннозависимого крестьянства было, судя по всему, примерно равным.

Казенное землевладение по всем параметрам существенно уступало двум другим аграрным секторам. На 1887 г. казеннозависимых крестьян вместе с членами семей насчитывалось 16–17 млн. (несколько более 5%

всего крестьянства Цинской империи). Подавляющая их часть приходилась на Северный Китай и Маньчжурию, т.е. на регион, где позиции «класса-государства» были особенно сильными (10 млн., или почти 12% местного крестьянства). В Центральном Китае численность казеннозависимых несколько превышала 3 млн., примерно столько же их насчитывалось и в Южном Китае (соответственно менее 4% и менее 3% местных земледельцев).

В целом по Китаю казеннозависимые обрабатывали свыше 93 млн. му (более 11% всех кадастровых земель Цинской империи), из которых более 73 млн. му приходилось на северные и северо-восточные провинции (17–18% кадастровых земель данного региона), а 20 млн. му — на центральные и южные провинции (менее 5% официально зарегистрированных там земель).

В сфере казенного землевладения практически не было «скрытых» от казны земель (*иньтянь*, *хэйди*). В связи с этим в общей реальной посевной площади страны удельный вес казенных полей был еще меньшим — более 7%, а с учетом повторных посевов — менее 7% посевного клина страны. На казенных землях крестьяне выращивали около 6 млн. т зерна, т.е. примерно 5% общекитайского сбора. Половина изымалась в качестве оброка, податей и арендной платы, причем 1,5 млн. т поступало «классу-государству» непосредственно, а значительная часть остальной массы опосредованно — через систему аренды.

В государственном секторе ведущую роль играло податное крестьянство. В своей основе оно являлось классовой общностью мелких владельцев земли. Основную массу его составляли «самостоятельные земледельцы» (*цзычжун сяоху*, *цзыгэн сяоху*). Среди них были как крупноземельные, так и среднеземельные дворы, не прибегавшие к аренде. Кроме того, в китайской деревне было много малоземельных дворов, вынужденных постоянно приарендовывать чужую пашню, т.е. сочетавших (в разной пропорции в каждом конкретном случае) черты государственно- и частнозависимых.

Наиболее значительным удельный вес податных дворов был в Северном Китае и Маньчжурии, где в 1887 г. таких крестьян (с членами семей) насчитывалось 53 млн. (более 63% земледельцев данного региона). При движении с севера на юг роль податных снижалась. В Центральном Китае на их долю приходилось немногим более 45% крестьянства (более 40 млн.), а в Южном Китае — 39% (53 млн.). Все податное крестьянство страны насчитывало 146 млн. (47–48% общего числа крестьян). С учетом казеннозависимых общее число крестьян, замкнутых на «класс-государство», превышало 154 млн., а удельный вес их составлял более 50% всех земледельцев Китая.

Податные крестьяне возделывали 428 млн. му кадастровых земель (52%). С учетом «скрытых» полей податным крестьянам принадлежало более 660 млн. му. Если же принять во внимание повторные посевы зер-

новых в центральных и южных провинциях, общая посевная площадь податных дворов превышала 749 млн. му. Их земли в Северном Китае и Маньчжурии составляли более 63%, в Центральном Китае — свыше 45 и в Южном Китае — менее 40% регионального фонда. В целом по стране 51–52% посевов принадлежали государственному сектору.

В его рамках производилось более 55 млн. т зерна в год (около 47% общекитайского сбора): свыше 21 млн. т в южных, более 18 млн. т в северных и северо-восточных, свыше 16 млн. т в центральных провинциях.

В счет налогов податные передавали «классу-государству» 8–9 млн. т зерна (из которого примерно $\frac{1}{2}$ была «условной», т.е. взималась в виде денежного эквивалента). Рента-налог, выплачиваемая податным крестьянством, равнялась в среднем 15% урожая и превышала 52% всей массы поступлений «классу-государству» от поземельного обложения.

После уплаты налогов податному крестьянству оставалось около 48 млн. т зерна (почти 40% общекитайского сбора). Из них 22 млн. т составляли фонды потребления: 21 млн. т — потенциал дальнейшего использования (фуражный фонд, обрядовые затраты и хозяйственные запасы) и дальнейшего перераспределения (погашение ростовщических ссуд и процентов по ним, продажа зерна), 5 млн. т уходило на семенной фонд и потери при хранении. В итоге у владельческого крестьянства после выплаты налогов оставался прибавочный продукт размером около 16 млн. т зерна (более 28% урожая, или свыше 65% прибавочного продукта). В целом по китайскому крестьянству последний показатель равнялся всего 30%, поскольку на податных приходилась подавляющая часть прибавочного продукта, оставшегося у крестьян Цинской империи. Иными словами, государственный сектор, как уже отмечалось, был основной базой расширенного воспроизводства крестьянства как такового.

В ходе дальнейшего изъятия по каналам ростовщичества и эксплуатации торговым капиталом зерновая масса, оставшаяся в руках крестьян, значительно сокращалась. Ростовщическая эксплуатация уносила из крестьянского фонда только в счет погашения процентов на ссуды (уплата шла зерном или деньгами) свыше 5 млн. т. Различными зерноторговцами (купцами, землевладельцами, ростовщиками) у крестьян скупалось около 12 млн. т зерна, причем в ходе этих сделок последние фактически недополучали половину стоимости своей продукции, т.е. как бы теряли до 6 млн. т, становившихся торговой прибылью, присваиваемой скупщиками. Важным побудительным мотивом продажи крестьянами-владельцами своей продукции была необходимость уплачивать налоги и долги в денежной форме. Вместе с тем в урожайные годы многие крестьяне-собственники пускали в обращение излишки продовольствия и сырья, что играло большую роль на внутреннем рынке страны. Меньшая часть такой продукции продавалась крестьянами непосредственно потребителям на местных периодических базарах и на городских рынках, а основная доля попадала в руки купцов и занимавшихся торговлей землевладельцев.

В целом после всех видов изъятий крестьянству (а фактически — почти только его податной половине) оставалось 11–14% произведенного им прибавочного продукта, тогда как доля «класса-государства» и частных рентополучателей, а также других эксплуататорских слоев — ростовщиков и торговцев — равнялась 86–89%. Крестьянская часть в натуральном выражении составляла 6–8 млн. т. Однако и этот скромный фонд распределялся внутри самого крестьянства неравномерно. На арендаторские и полуарендаторские слои приходилась крайне малая часть, а основная его масса оставалась у кулацких и зажиточных середняцких дворов податных земледельцев.

Поземельной общины в Цинской империи не существовало, она погибла за много столетий до рассматриваемого периода (история ее генезиса, эволюции и распада еще ждет своего исследователя), а соседская община, разложившись (сохранились лишь отдельные ее элементы), сменилась системой патронимий-кланов (*цзу*, *цзунцзу*). В фискальном, полицейском и ином плане «класс-государство» строил свои отношения с крестьянством не по общинному и даже не по клановому, а по подворному принципу учета и связи. Казна имела дело с каждым двором в отдельности, минуя патронимическую организацию в деле как учета населения (система *баоцзя*), так и обложения налогами и повинностями. Как коллективных крестьянских обязательств перед «классом-государством», так и автономной внутридеревенской раскладки налогов и повинностей Цинская империя не знала. Существовавшая система не была государственно-клановой, ибо патронимия в налоговом и контрольном отношении «классом-государством» не признавалась ни экономическим субъектом, ни субадминистративной единицей, ни объектом фиска. Хотя казна признавала клан юридическим лицом в качестве владельца «общих земель» данной патронимии, «классу-государству» противостояли не крестьянские организации, а море «атомизированных» «тягловых душ», землевладельцев и иных лиц в системе кланов. Это была государственно-крестьянская система с принципом подчинения «верховный класс — податной крестьянин».

В противостоянии «класса-государства» податному крестьянству для последнего налоги и фискальная система имели колоссальное значение. Владельческая часть крестьянства составляла подавляющую массу податного населения Цинской империи, поскольку процент городского населения был крайне мал. Объектом налогообложения оставалась земля, а не хозяйство как таковое. Как начисление общей суммы различных налогов с земельных владений (*тяньфу*), так и ее раскладка по каждому владению в отдельности производились на основе земельных реестров (*юйлинцэ*), хранившихся в налоговом управлении областного ямэня. Основным видом обложения деревенских жителей был единый подушно-поземельный налог (*дидин*), складывавшийся из двух частей — собственно поземельного сбора (*дифу*) и подушной подати (*динфу*). Для всей страны была официально установлена общая сумма *дидина*. Она оставалась постоянной, так как

для казны численность налогоплательщиков условно считалась неизменной. Постоянно происходившее перераспределение земельных владений не учитывалось. С каждого участка были установлены официально закрепленные и неизменяемые выплаты. Однако местная бюрократия и суббюрократия находили различные способы увеличения налоговых сборов в свою пользу. Центральная власть редко вмешивалась в действия местной администрации. Ведомство налогов (Хубу) устанавливало лишь общую сумму сбора для каждого уезда, округа, области и провинции. Раскладка же налога по земледельцам оставалась прерогативой местных чиновников. Такая практика была очень выгодна для влиятельных шэньши и крупных землевладельцев.

Установленные еще в начале правления Цинской династии официальные нормы *дифу* были сравнительно небольшими и исчислялись в зависимости от качества земли. По степени урожайности все поля делились на три категории (*шан*, *чжун*, *ся*), а каждая из них, в свою очередь, подразделялась на три таких же разряда. Дело, однако, не ограничивалось этими девятью ступенями, так как учетная градация резко увеличивалась за счет различных категорий податных земель. В каждой из них действовала своя девятиступенчатая шкала. Абсолютно преобладавшей категорией налоговых полей была *миньфутянь*, в которую входила подавляющая масса частных земельных владений, обложенных обычными ставками подушно-поземельного налога (*дидин*), прочие многочисленные податные категории не имели большого удельного веса, хотя почти в каждой провинции они в той или иной мере перемежались с *миньфутянь*. Они имели свои особые нормы обложения по степени урожайности. Такая система создавала по уездам, округам и областям многие десятки учетных разрядов при начислении *дифу*, в результате чего разница в нормах обложения была огромной. В денежной выплате подушно-поземельного налога с *миньфутянь* высшая исходная ставка с 1 му превышала низшую в 12 раз, а в натуральном исчислении разрыв был поистине колоссальным. В среднем же официальная денежная ставка с 1 му обычно не превышала 3 цян (11,2 г) серебра, а натуральная составляла от нескольких шэнов до 1,5 доу (15,5 л) риса или пшеницы, приближаясь к 10% урожая. При этом натуральные выплаты *тяньфу* все более заменялись денежными.

Подушная подать (*динфу*) как составная часть единого налога взималась только с владельцев земли, безземельные дворы были от нее освобождены. Она начислялась из расчета 2 цян (7,5 г) серебра на каждый лян *дифу*, т.е. была 20%-ной надбавкой к последнему. Этот сбор практически не имел характера подушной подати в полном смысле слова, будучи компонентом налога с имущества.

Единый подушно-поземельный налог (*дидин*) составлял примерно $\frac{2}{3}$ всех доходов казны. Он исчислялся в серебре, но крестьянами, как правило, выплачивался медными деньгами (*вэнь*, *цянь*, *дяо*, *чуань*). Его натуральная ставка рисом, пшеницей, бобами и др. часто перечислялась на

медь и серебро. Такой перевод чиновниками денежных выплат в зерновые сборы и обратно облегчался и узаконивался наличием в официальной практике так называемого переводного налога (*лянчжэ*), являвшегося одной из форм взимания *дидина*. Практика перевода давала местным властям широкую возможность резко увеличивать фактическую сумму налога, оставляя у себя излишки. Столь же доходные махинации осуществлялись за счет завышения курса серебра или, наоборот, занижения цен на зерно. Подобный произвол сборщиков был самым обычным явлением.

Этим, однако, не исчерпывалась фискальная эксплуатация крестьян. Существовали еще разного рода официальные надбавки к основной части (*чжэнфу*) единого налога. Многочисленные дополнительные поборы такого рода объединялись в общую категорию *сяньюй*, или *хаосянь*. В нее, в частности, включались надбавки на расходы, связанные с самим сбором *тяньфу*. Тем самым они перекадывались на податное население. Взимался также особый сбор *хохао* для восполнения потерь казны при переплавке получаемого в счет налогов серебра низкой пробы. Большое разнообразие формы и веса поступавших в казну серебряных слитков послужило предлогом для введения надбавки на «стандартизацию» (*нинъюй*). При пересчете серебра на медные деньги, которыми чаще расплачивалось крестьянство, практиковалась компенсация «потерь», которая была особенно ощутима для налогоплательщиков. Собирались средства для содержания местных войск (*аньлян цзиньте*), а во многих провинциях — и разного рода «пожертвования» (*цзюаньшу*) на «общественные» или казенные нужды. Как правило, официальные нормы этих и им подобных начислений к основному налогу были невелики. Однако именно в данной форме для местных властей открывалась широкая возможность для различных махинаций и произвола.

Сверх *дидина* в восьми провинциях (Хунань, Цзянси, Аньхуэй, Хубэй, Цзянсу, Чжэцзян, Шаньдун и Хэнань) взимался особый «продовольственный налог» (*цаолян*) для нужд центрального государственного аппарата, маньчжурской знати и «восьмизнаменных» войск в Чжили и Маньчжурии. В северных и в центральных провинциях действовала специальная казенная «система водных перевозок» податного зерна в Пекин (*юньцао*).

Этот налог взимался зерном в четырех провинциях (Цзянсу, Чжэцзян, Аньхуэй и Шаньдун), а в остальных его ставки пересчитывались на деньги (*лянчжэ*, *цаочжэ*). Поскольку такой перерасчет производился по наивысшим рыночным ценам, реальная тяжесть *цаоляна* существенно возрастала.

Основной «продовольственный налог» *цаолян* дополнялся шестью-семью сборами и надбавками (*цаосян*). Самой тяжелой из них была надбавка в 2–4 доу на каждый дань на потери при перевозке и усушке зерна (*чжэнхао*). Различные виды *цаосян* часто взимались в денежной форме.

Кроме того, в отдельных районах взимались подати на посадки чая, на рыбную ловлю, на сбор тростника и т.д. Эти поборы устанавливались за-

частую местными чиновниками и поступали в их пользу. Наконец, на крестьян помимо прямого обложения ложились некоторые косвенные налоги, прежде всего налог на имущественные сделки и наследство (*цишуй, тяньфанцишуй*).

Земельно-подушный (*дидин*) и натуральный налог (*цаолян*) платили только землевладельцы — рентополучатели и крестьяне. Соответственно, на севере страны на долю крестьянства падала значительно большая доля налоговых платежей, чем в южных провинциях.

В цинском Китае сверх сбора налогов практиковалось привлечение крестьян-владельцев земли к различного рода трудовым повинностям (*чайяо*) — таким, как ремонт дамб, плотин и дорог (*цзюньяо*); вид и объем работ определялись местной бюрократией. Военные и транспортные повинности (*бинчай, лючай*) были связаны со снабжением проходящих войск и проезжающих чиновников провиантом, фуражом, повозками и упряжным скотом. На крестьянство ложились и многие другие виды принудительных работ, например поддержание почтовой службы (*чжи*).

Постепенно ширилась практика замены указанных повинностей денежными сборами (*чайинь, яоинь*). Среди них ведущими были откупы от «общественных» работ (*цзюньяоинь*), военной и почтовой повинности (*ичжаньинь*). От тяжести, места и характера работ зависели размеры этих сборов, начислявшихся в виде надбавок на каждый лян основного налога. Параллельно росло применение принудительного казенного найма рабочей силы (*чжаому, чжаогу*).

Официальные ставки прямых и косвенных налогов вместе с надбавками сами по себе не были разорительными. Для землевладельческого крестьянства самое страшное заключалось в порядке и методах их взимания. Средневековая экономическая раздробленность страны, отсутствие единых мер площади, веса и объема давали возможность чиновникам произвольно исчислять платежи, причитавшиеся с крестьян.

Неустойчивость курса серебра в медной монете, а также резкие сезонные колебания рыночных цен на землю давали чиновникам большие возможности резко увеличивать фактический размер налогов. Подлинным бичом для крестьян-владельцев земли становились пересчет податного зерна на деньги и перевод медных взней в серебряные ляны.

При сборе налогов обычным явлением было обмеривание налогового зерна большими мерами объема, нежели принятые в данной местности. Столь же повсеместным было значительное завышение котировки серебра в медной монете. Кроме того, местные власти часто произвольно повышали размеры самих налогов и надбавок к ним. В целом такого рода махинации и незаконные начисления увеличивали реальные сборы с крестьян в несколько раз по сравнению с официальным уровнем.

Объективно существовавшее деление эксплуатации крестьян на фискальную (рента-налог) и арендную существенно сказывалось на положении в китайской деревне. Арендная эксплуатация для отдельно взятого

крестьянина обычно выступала как узколокальный, чаще всего внутривиде-ревенский фактор. Фискальный же гнет обычно приобретал широкомасштабный — уездный, окружной, общепроvincialный, а иногда и всекитайский характер. Неизбежные контакты с казной имели место три раза в год — сбор налогов летом и осенью, а также отбывание трудовой повинности в конце осени — начале зимы. Своей относительной универсальностью и общегосударственной природой они по-своему объединяли податных крестьян. Это происходило как в случае их молчаливого согласия с данным уровнем изъятия прибавочного продукта, так и особенно в случае протеста против завышения прежних норм ренты-налога.

Присущим ей универсальным характером фискальная эксплуатация как бы стирала грани внутри податного крестьянства. Она в равной мере касалась богатых и бедных владельцев земли и полуарендаторов, старожилых и переселенцев, включенных в производство земледельцев и части «избыточного» сельского населения, собственно податных и казеннозависимых, а также многих держателей, плативших налоги за землевладельцев.

Цементирующее влияние фискального гнета во многом складывалось за счет неизмеримо большей стандартизации налоговых требований к крестьянству. Эта стандартизация контрастировала с пестротой отношений в системе «хозяин земли—арендатор», множеством видов и спецификой условий такого изъятия. Все это обуславливало наличие одного общего врага — «плохого» чиновника, единого объекта удара — местного ямэня, казны вообще. Против жестокого *дичжу* держатель его земли чаще всего выступал в одиночку. Против же «продажного» чиновника крестьяне обычно шли всем миром — деревней, волостью или целым уездом. Тогда число восставших определялось тысячами или десятками тысяч. На этой почве поддерживалась относительная консолидация налогоплательщего крестьянства, определявшая его активность, мобилизационную готовность, штурмовые качества и силу удара.

Полное преобладание антиналоговых, античиновничьих и антиманьчжурских выступлений над «антипомещичьими» настроениями связано в первую очередь почти с полным отсутствием экономического момента в связях податных с «классом-государством». Контакты налогоплательщего двора с казной не составляли замкнутую хозяйственную микросистему, они для земледельца не имели такого очевидно выраженного производственного характера, как это было в комплексе «хозяин земли—арендатор». Черты внеэкономичности и эксплуатации посредством ренты-налога были очевидны, а ее высший хозяйственный смысл — обеспечение «классом-государством» нормального функционирования всего общественного организма — оставался для крестьян слабо уловимой абстракцией.

Все это создавало почву для жестоких столкновений с властью, когда «класс-государство», нарушая свои же нормы, начинал отбирать у податных такую массу прибавочного продукта, которая резко не соответствовала крайне низкому уровню их экономических связей с казной и весьма

условному характеру последних. Существовавший «стык» между «классом-государством» и податной частью крестьянства был менее всего «экономичен» и не покоился на хозяйственной основе. Данный момент представлял собой одно из самых слабых и уязвимых мест китайского арендно-бюрократического строя. Сам факт, что казна для крестьян была «вне производства», определял одну из причин выбора «верховного класса» в качестве главного объекта ударов крестьян. Последнее обстоятельство помимо всего прочего часто создает впечатление, что в Китае именно «класс-государство» выступал главным эксплуататором.

Столь различная оценка экономической «правомерности» присутствия в деревне чиновника и частного рентополучателя, налогового и арендного изъятия, в свою очередь, преломлялась в социальной психологии крестьянства. С морально-правовой точки зрения именно фискальная эксплуатация, особенно злоупотребления в данной сфере, была для него наиболее неприемлема и ненавистна. Поскольку этот вид изъятия прибавочного продукта в глазах земледельца не имел отношения к его трудовой жизни, он считался более чужеродным и паразитическим, нежели арендные платежи. Такой подход существовал несмотря на то, что в государственном секторе норма изъятия в среднем составляла 15%, а в частноарендном, как правило, 50% урожая.

В повседневной жизни крестьянин зачастую был кровно заинтересован не просто в связях, а в хороших отношениях с землевладельцем. Острой же необходимости в контактах с казной он попросту не испытывал. Хозяин земли чаще всего был «своим», т.е. признанным всей деревней человеком, чиновник же, обычно уроженец другой провинции, был просто-напросто чужаком. Таковыми были и присылаемые им дважды в год сборщики налога — служители уездного ямэня. Естественно, что присутствие арендодателя было для крестьян более понятно, приемлемо и законно, нежели появление в деревне представителей «класса-государства».

Аналогичного сделки арендатора с хозяином земли «хозяйственного договора», взаимовыгодного соглашения в своих отношениях с казной податные дворы практически не усматривали. Казна, с точки зрения крестьян, по крупному счету мало что давала в обмен на изымаемый в форме налога продукт. Так, ремонт дамб, дорог, плотин и других сооружений выполнялся чаще всего самими же податными, сгонявшимися в конце осени — начале зимы на отбывание трудовых повинностей. Охрану деревни и полей от чужаков и бандитов также чаще всего осуществляли сами же земледельцы, организованные в рамках сельской милиции (*сяньюн, туаньянь*). Так же обстояло дело и с обеспечением иных, более мелких общественных нужд деревни.

С этих позиций «класс-государство» для крестьянства в целом был в известной мере «лишним», а при чрезмерном росте налогов — слишком «дорогим» патроном. Негативное отношение к его агентам обострялось в случаях и явного произвола и злоупотреблений при взимании налогов.

Подобная ситуация возникала, когда при неизменной основной части последних в несколько раз возрастали разного рода надбавки (*сяньжюй*, *хо-хао*, *пинъюй*, *цзюаньшу*) или же они взыскивались за несколько лет вперед. Со стороны крестьян естественная ответная «реакция отторжения» зачастую и вполне закономерно перерастала в восстания.

Абсолютное преобладание антиналоговых, античиновничьих и явная стертость «антипомещичьих» лозунгов отражали своего рода гегемонию податного крестьянства в народных движениях и крайне слабое участие в нем держательской массы. Столь различная степень активности данных категорий земледельцев в значительной мере определялась ростом налогового бремени при сравнительной стабильности норм арендной эксплуатации.

Здесь сказалось и цементирующее воздействие на массу податных дворов более или менее унифицированного общекитайского фискального гнета и, напротив, разобщающая пестрота условий производства и изъятия прибавочного продукта в частной подсистеме деревенской экономики. Если в системе производственных ячеек типа «хозяин земли-арендатор» масса держателей земли была замкнута на множество арендодателей (2,8 млн. семей), то 154-миллионная масса податных крестьян была замкнута на централизованное «класс-государство» как на более или менее единый объект ответных акций.

Слабость производственного и вообще экономического начала в системе «верховный класс — податное крестьянство» компенсировалась наличием у обоих контрагентов встречных социальных устремлений и взаимных интересов. Последние диктовались наличием третьей и притом весьма экономически активной силы, т.е. классовой общности частных рентополучателей — силы, по-своему опасной как для «класса-государства», так и для крестьян-владельцев земли.

Для всей истории китайского средневековья характерно одновременное единство и противоборство двух социально-экономических начал — государственного и частного. На протяжении столетий происходила то скрытая, то явная борьба между бюрократией и частными «богачами» за раздел и передел прибавочного продукта.

Данная тенденция проходит красной нитью как через различные стадии развития самой системы, так и через династийные циклы: периоды разрухи, восстановления нормального функционирования и очередного социально-демографического кризиса арендно-бюрократической системы. В ее недрах постоянно боролись между собой две силы — государственное и частное начало, бюрократия и землевладельцы. Оба лагеря вели борьбу не только за укрепление своих позиций, но и за монопольное положение и абсолютное господство. «Класс-государство» оказывал давление на рентополучателей из сословия *нун*, намереваясь превратить их земли из частных в государственные, а их держателей — в податных крестьян. Частовладельческая среда, напротив, стремилась захватить земли

податных крестьян, чтобы свести государственное начало к минимуму чисто казенной собственности.

В этой борьбе к периоду Мин-Цин наступило более или менее устойчивое равновесие на общекитайском уровне, но не на местном, низовом. Частные «богачи» всех мастей подспудно и постепенно поглощали земли податных дворов. И хотя отсутствие майората и постоянные разделы имущества и земли между наследниками в среде мелких, средних и отчасти крупных рентополучателей вели к ослаблению частного землевладения, эта среда постоянно представляла реальную угрозу крестьянским владениям податных дворов.

Для последних единственным реальным защитником мог быть только «класс-государство» (император, чиновники и суббюрократия, особенно местные шэньши). Для сохранения и закрепления такого защитного противовеса хищнической стихии частных магнатов податное крестьянство в принципе было не прочь платить налоги по их «законным», «справедливым», традиционным, т.е. умеренным, ставкам и отбывать трудовые повинности, особенно те из них, которые «работали» в пользу самих крестьян. В этом смысле между податным крестьянством и «верховным классом» существовало не только известное совпадение интересов, но и своего рода негласный «договор». Соблюдение его «условий» поддерживало мир и постоянство в дихотомии «государство-налогоплатящее крестьянство».

Нарушение «порядка», традиции и «справедливости» происходило в результате резкого усиления фискального натиска со стороны казны, а иногда и суббюрократии. Это делало ситуацию взрывоопасной. «Класс-государство» оказывался для податных крестьян слишком дорогостоящим защитником и слишком обременительным противовесом «большим домам» (*даху*) и «поглотителям» (*баоху*). Более того, он становился наиболее опасным врагом. Теперь его натиск было вынуждено отражать практически все крестьянство в целом, ибо от роста налогового бремени страдали и землевладельцы-нешэньши, и частнозависимое крестьянство. В такой ситуации возникала иллюзия, будто именно чиновничество представляло главного и всеобщего угнетателя в системе китайского средневековья.

Тонус взаимоотношений податного крестьянства и «класса-государства» прямо зависел от смены фаз периодических экономико-демографических циклов. В первой фазе цикла в силу резкого сокращения населения после предшествовавшего политического и демографического катаклизма хозяйства крестьян-владельцев земли существенно приближались к оптимальным размерам, особенно в плане отношения пахотной земли и рабочей силы. Так было в первой фазе (1644–1730) Цинского цикла (1644–1870) и в аналогичный период (1870–1900) Тайпинского цикла (1870–1949).

В этих условиях выплата крестьянской семьей налога в размере 15% урожая, или примерно 35% прибавочного продукта, была вполне приемлемым условием дележа с «классом-государством», ибо податному двору оставалось около 65% прибавочного продукта.

Но уже во второй фазе в связи с ростом населения, намного опережавшим увеличение обрабатываемых площадей, картина резко менялась. К 70-м годам XVIII в., т.е. к концу второй фазы (1730–1770) Цинского цикла, обрабатываемая площадь увеличилась на $\frac{2}{3}$, а численность населения — вдвое. К концу XVIII в. демографический потенциал возрос уже втрое, вследствие чего к началу XIX в. площадь пахотной земли на душу населения сократилась более чем в 2 раза. Таким образом, с участка, с которого в 60-е годы XVII в. кормилась одна крестьянская семья, к началу XIX в. кормились уже две семьи, т.е. в среднем не 5, а 10 едоков. В результате вдвое сократился объем прибавочного продукта каждой семьи, т.е. соответственно ухудшились условия его дележа с «классом-государством». Налоговое бремя для каждого из двух податных дворов стало фактически вдвое тяжелей.

Ситуация резко обострялась в третьей и особенно в четвертой фазе цикла. Антиналоговый, античиновничий настрой податного крестьянства нарастал. К этому добавилась социальная и экономическая неустроенность излишнего населения, уже не имевшего возможности соединиться с землей на условиях держания. Борьба против «класса-государства» становилась единственным выходом, перерастая в восстания, а затем в крестьянскую войну.

В целом настроения владельческой массы крестьян были достаточно противоречивыми. С одной стороны, для нее были характерны открытый протест и стихийные выступления против налогового произвола присланных из центра чиновников, с другой — эта часть крестьянства, особенно зажиточные ее слои, местные шэньши, легко могла направить против разного рода «бандитов» — как шайки обычных грабителей, так и восставших крестьян соседних областей и провинций. Именно из крепкого владельческого крестьянства формировалась сельская милиция.

Крупные землевладельцы

В традиционном обществе Китая крупные землевладельцы именовались «большие семьи», или «большие дома» (*даху*). Под это общее понятие попадали как арендодатели-шэньши, или «богатые шэньши» (*фушэньши*), так и простые хозяева земли — нешэньши, в том числе и «местные деспоты» (*жуба, тухао*) из сословия земледельцев (*нун*).

Оговоримся, что здесь и далее все эти термины адекватны и в равной степени обозначают частных рентополучателей. Последние эксплуатировали главным образом методами экономического принуждения (аренда, ростовщичество, скупка) зависимых крестьян-держателей их земли.

Землевладельцы сдавали обычно почти все свои поля мелкими и мельчайшими участками крестьянам в держание. Последнее выступало в форме аренды (*дянь, цзу*) и оформлялось договором (*цзуюэ, дяньюэ*), в кото-

ром строго оговаривались права и обязательства как арендатора-держателя, так и землевладельца.

Арендатор выступал в качестве непосредственного производителя, а землевладелец — присваивателя прибавочного продукта. Присваиватели ренты являлись своего рода организаторами производственной ячейки «хозяйин земли — ее держатель». Хозяйство арендатора (*дяньху*, *цзуху*) и все экономические функции и средства производства, предоставляемые хозяином земли, входили в эту производственную ячейку как необходимые компоненты.

Будучи основной формой частной эксплуатации крестьянства на протяжении многих столетий и на огромных территориях, традиционная система держаний сохраняла всю пестроту и мозаичность форм, видов и условий, столь характерных для китайского средневековья. Основными видами натуральной ренты были: фиксированная, изменявшаяся в зависимости от урожая, и издольная, достигавшие обычно 40–50% урожая. Наиболее тяжелой для держателей была фиксированная рента (*гуцзу*, *минцзу*), более мягкими были изменяемая, или «подвижная» (*хоцзу*, *инцзу*), и издольная (*фэньцзу*, *фэньчжун*) ренты. В условиях господства натурального хозяйства денежная аренда (*цяньцзу*, *юйцзу*) была развита слабо, а денежная рента взималась либо на малоурожайных — богарных, горных и истощенных землях, либо главным образом в районах выращивания технических культур.

Аренда широко сочеталась с элементами внеэкономического принуждения. В ряде случаев держание было связано с 20–30-дневными бесплатными отработками (*гунги*) на землевладельца, а также с обязательствами, несовместимыми со статусом независимого человека. Обычными явлениями были стон подневольных держателей с арендуемой земли в нарушение договора, необходимость нести произвольные тяготы сверх обусловленных, захват крестьянских владений за долги и прочие виды притеснения со стороны арендодателя.

Особой жестокостью отличались «местные деспоты» (*туба*, *тухао*), не связанные морально-этическими принципами конфуцианства в силу своей непринадлежности к «ученому» сословию. Впрочем, к их числу относились и некоторые представители «ученого» сословия — так называемые «злые шэньши» (*лэшинь*). Большую роль играла долговая зависимость от хозяина земли, перераставшая с годами в долговую кабалу. Передаваясь от отца к сыну и далее, она превращала их в своего рода наследственных полукрепостных. *Даху* и *туба* имели свою вооруженную охрану, иногда даже целые отряды (*миньтуань*), свои тюрьмы, подвергали арестам и избияниям должников по займам и недоимщиков по арендной плате, а также просто непокорных. У должников нередко отбирали детей в рабство и жен в прислуги. Зачастую долговая кабала не просто дополняла арендную эксплуатацию, а выходила на первый план, когда залогом под денежную ссуду являлся участок самого крестьянина — последний клочок вла-

дельческой земли полуарендатора. Чаще всего ростовщиками выступали сами рентополучатели, нередко ссужавшие своего держателя из сданной им же арендной платы. Наиболее тяжелыми являлись натуральные, зерновые ссуды, которые давались под чудовищные проценты — в среднем 75%, а иногда до 100% и выше.

Без проживавших в городах землевладельцев-абсентеистов общая численность рентополучателей в Китае в конце 80-х годов XIX в. вместе с членами семей составляла 14 млн. (3,5% населения страны), из них 6 млн. приходилось на южные провинции и 4 млн. — на центральные.

Эта классовая общность по численности в 2,5 раза превосходила социальные слои, связанные с «классом-государством» (свыше 71% против 28%). Удельный вес частновладельческих слоев в центральных провинциях достигал примерно 75%, а в южных — около 83%. На землевладельцев-нешэньши приходилось 53% общей численности обеих экономически господствующих классовых общностей, а в Южном Китае их доля превышала 66%.

В традиционном Китае такая частная среда складывалась из двух компонентов — шэньши-землевладельцев (менее 4 млн.) и простых хозяев земли (*дичжу*) из сословия *нун* (около 10 млн.). Шэньши-арендодатели представляли собой «вторую группу» сословия *ши*, для которой, в отличие от «первой группы» главными источниками дохода служили «частные» поступления — земельная рента, ростовщические проценты и торговая прибыль. Это вовсе не означало, что значительная часть «второй группы» не имела «государственных» доходов — за счет казнокрадства, взяток, вымогательств, подношений и жалованья. Тем не менее такого рода «казенные» источники играли для указанных представителей «ученого» сословия второстепенную и третьестепенную роль, поскольку их социальное лицо определяла в основном частноэксплуататорская ипостась, а не суббюрократическая деятельность.

«Вторая группа» шэньши в сословном, имущественном и политическом плане составляла верхний слой рентополучательской среды, тогда как землевладельцы-нешэньши образовывали его «массовый», нижний слой. В подобной дуалистической структуре данного социального образования (шэньши-простые землевладельцы) отражалась не только особая роль сословного фактора, но и главная особенность всех господствующих слоев Китая — разделение каждого из них по принципу «государственный-частный», «привилегированный-непривилегированный», «бюрократия-землевладельцы», «верхний-нижний» и т.д. Таким образом, внутри общности рентополучателей в стертom, приглушенном виде действовал иерархический фактор, приведший в масштабах общества к возникновению «верховного класса» и к параллельному существованию двух эксплуататорских общностей.

Большую роль играли многие шэньши-арендодатели (*шэньцзинь даху*), выполнявшие ряд специфических полуадминистративных функций по контролю за своей округой (наблюдение за общественными работами, сель-

ской милицией, сбором налогов, поддержанием конфуцианских норм поведения). Увеличивая таким путем свои доходы (получая либо часть налоговых сборов, либо в той или иной форме оплату от уездных властей), они все же оставались в первую очередь землевладельцами, арендодателями, рентополучателями, ростовщиками и торговцами. Во «второй группе» шэньши в основном преобладали интересы «частника». Это тяготение шэньши-хозяев земли к нижнему, «частному» классовому образованию уравновешивало переплетение их сословных интересов с «первой группой» сословия *ши*.

Кроме того, среди землевладельцев было более всего «пассивных» шэньши, купивших ученое звание за деньги (*лицзяньшэн*, *лигуншэн*), не связанных с выполнением суббюрократических функций и поэтому не подключенных к казенным источникам дохода. Этот многочисленный слой своими корнями еще сильнее, нежели «активная» часть «второй группы», уходил в толщу частной общности. Такого рода шэньши наиболее органически связывали верхний сословно привилегированный слой эксплуататорской среды с ее нижним сословно непривилегированным основанием.

Нетрудно заметить, что эта самая общая градация прямо связана с положением конкретного землевладельца в государственно-сословной стратификации.

Равным образом статус того или иного представителя верхнего (привилегированного) слоя частноэксплуаторской общности, включавшего в себя землевладельцев — аристократов и шэньши, определялся прежде всего его местом (или местом его предков, родни) в структуре «класса-государства», а не количеством принадлежавшей ему земли. Соответственно, этот слой градуировался на несколько ступеней — от «больших домов» сановников и высших шэньши (и их родственников) до *шэньюаней*, купивших данное звание (т.е. представителей сельской суббюрократии).

В то же время размеры землевладений в рамках данного слоя в целом соответствовали социальному статусу их хозяев: сказывалась большая или меньшая величина доходов, получаемых за счет связей с «классом-государством».

Что же касается землевладельцев-шэньши, то в их среде определяющим социальный статус моментом было количество принадлежавшей им земли.

Общая численность этого классового образования (без рентополучателей-абсентеистов) приближалась к 3 млн. (с членами семей — 14 млн., вместе со слугами — 24 млн.).

Из них на шэньши-землевладельцев «второй группы» приходилось около 722 тыс. Вместе с членами семей этот слой насчитывал несколько менее 4 млн., а вместе с челядью — более 6 млн. человек. Представителям сословия *ши* в целом принадлежало 225 млн. му пахотной земли (более 42% полей частноарендного сектора земледелия, или свыше 18% общей обрабатываемой площади страны). На долю «высших» шэньши (*цзиньши*,

цзюйжэнь, *гунишэнь*) приходилось около 200 млн. му (более 37% этого сектора, или свыше 16% общекитайского массива). Позиции «низших шэньши» (*шэньюань*, *лицзяньшэнь*, *лигуншэнь*) были значительно скромнее. Они располагали всего 25 млн. му. Их доля в общем клине не достигала 5%, а удельный вес их полей во всекитайской площади составлял всего 2%.

Землевладельцы-нешэньши по численности почти в три раза превышали привилегированную владельческую элиту. Их насчитывалось более 2 млн. (с членами семей — свыше 10 млн., а вместе с челядью — около 18 млн.). Им принадлежало 264 млн. му — практически половина пахотных земель частноарендного сектора (более 49%), или свыше 21% общей пашни Китая.

Как уже отмечалось, социально-экономическая структура китайского общества не знала четких границ: между полярными образованиями, как правило, «располагалась» некая переходная, двойственная среда. Таково было положение, например, слоя полуарендаторов, частично замкнутого на государственный, а частично — на частновладельческий секторы. Таким же промежуточным образованием — между чисто эксплуататорской и чисто крестьянской средой — являлось богатое крестьянство — кулаки (*фунун*). С одной стороны, они обрабатывали свою землю, как и все податные крестьяне, с другой — сдавали часть своей земли в аренду соседям и выступали присваивателями прибавочного продукта в виде земельной ренты. Такого рода наполовину рентополучатели, наполовину труженики фактически стояли на стыке арендного и государственного секторов. Они владели, включая кулацкие земли в казенном секторе землевладения, 44 млн. му пашни, что составляло более 8% частного клина и менее 4% общекитайской запашки.

Вместе с этим промежуточным потенциалом арендный сектор в целом располагал 533 млн. му, в том числе 468 млн. му частных полей (*миньтянь*, *миньфутянь*) и около 47 млн. му формально считавшихся казенными, но фактически сдававшихся в аренду. Это составляло 43% всей пахотной площади Цинской империи. С учетом коэффициентов повторных посевов частноэксплуататорской среде вместе с кулаками-арендодателями принадлежало около 602 млн. му посевной площади. На ней производилось более 57 млн. т зерна, или 48% его общекитайского сбора. Арендная плата в среднем по стране равнялась 50% урожая, соответственно «большие дома» и кулаки-арендодатели в качестве земельной ренты получали от своих держателей около 29 млн. т зерна. Это составляло более 71% всей массы «первичного» изъятия прибавочного продукта (налогов и земельной ренты). Особое значение земельная рента имела в Центральном и Южном Китае, где ее удельный вес в массе «первичного» изъятия равнялся соответственно 74 и 80%.

Кроме того, с формально казенных земель землевладельцы получали более 1 млн. т. Таким образом, общие поступления частных рентополучателей превышали 30 млн. т зерна. Примерно 20% этой массы (около

6 млн. т) составляло «условное» зерно, т.е. его эквивалент в виде денежных поступлений от арендаторов (чисто денежная и «переводная» рента, предварительные взносы и арендные залого). Подавляющая часть «условного» зерна в его реальном виде и товарной форме переходила перед выплатой денежных сумм в руки зерноторговцев, чаще всего — тех же хозяев земли, ростовщиков и кулаков.

Представляя собой особую, экономически самостоятельную, эксплуатирующую классовую общность, осуществляя экономический, социальный и политический контроль над половиной крестьянства страны, землевладельцы в целом были крайне слабо организованы. Они оставались распыленными на местном, низовом уровне при отсутствии у них каких-либо организационных и мобилизационных структур, не говоря уже о представительных учреждениях. В отличие от Европы в традиционном Китае частное землевладение не было ведущим началом.

Исторически сложившееся частное землевладение характеризовалось дробностью и чересполосицей. Земельные владения *даху*, *туба* и др. были разбросаны по разным местам и разделены на множество мелких участков разной величины и плодородия. Традиционная система наследования, характеризовавшаяся отсутствием майората, усиливала эту дробность. Раздел земли между сыновьями или внуками умершего производился не только по ее количеству, но и по качеству. Резкое дробление владения вело к нисходящему варианту социальной мобильности. После раздела отцовской земли наследники опускались из слоя крупных владельцев в средний, а из него в низший слой. Те же из них, кто за счет суббюрократической и чиновной карьеры получал средства для скупки земли, становились носителями восходящего варианта мобильности. Оба варианта уравнивали друг друга. Такого рода социальная ротация вела к восстановлению и поддержанию среды рентополучателей на одном уровне, что, в свою очередь, ослабляло эту «частную» классовую общность перед лицом казны и «класса-государства» в целом.

Тенденция к концентрации земель в руках крупных хозяев («поглотителей» — *баоху*) в целом «погашалась» дроблением их владений между наследниками, оказавшимися на уровне средних, а часто и мелких землевладельцев. В результате экономические, социальные и политические позиции данной общности всей системой удерживались в определенных допустимых рамках, достаточно безопасных для «верховного класса».

«Класс-государство» облагал налогами не только владения податных крестьян, но и частновладельческие земли «богачей» (включая и шэньши-землевладельцев). Избежать налогообложения могла лишь местная элита — семьи сановников, крупных бюрократов, аристократических родов, знатных и влиятельных шэньши. Используя свое положение на местах, они могли избавиться либо вообще от уплаты налогов, либо от обременительных дополнительных поборов и ограничиться внесением чисто символической суммы и т.п. Однако подавляющая масса рентополучателей

функционировала в качестве постоянного податного слоя. Вынужденная делить свои доходы от земельных владений с «классом-государством», среда частных эксплуататоров во многом перекладывала тяжесть этой «дани» на плечи зависимых от нее крестьян. Сумма поземельного налога сдаваемого в аренду участка была обычно заложена в арендную плату, т.е. являлась фактором увеличения ренты.

Но кто бы ни платил налоги за арендаторские участки — держатель земли или сам ее хозяин, в конечном счете страдали интересы владельца, который в любом случае недополучал большую или меньшую часть рентных поступлений. С усилением, а особенно с чрезмерным ростом appetитов «класса-государства» между ним и арендодателями, особенно мелкими и средними (главным образом шэньши), возникали трения и конфликты.

Поземельное налоговое обложение рентополучателей фактически представляло собой перераспределение изъятого у частнозависимого крестьянства прибавочного продукта в пользу «класса-государства». В его ходе землевладельцы сектора передавали казне свыше 6 млн. т зерна (реального и «условного»), т.е. около 20% своей земельной ренты. После уплаты налогов, а фактически после дележа с «классом-государством», хозяевам земли оставалось в виде чистого дохода более 24 млн. т реального и «условного» зерна, из которых более 20 млн. т приходилось на Центральный (менее 8 млн. т) и Южный Китай (свыше 13 млн. т). В целом «чистая» земельная рента «богачей» и арендные доходы кулаков составляли примерно 20% общего объема производства зерновых в стране и 60% общего объема «первичного» изъятия прибавочного продукта у всех категорий китайского крестьянства. Таким образом, присваиваемая «частными» эксплуататорами рента в 1,5 раза (а в Центральном и Южном Китае — в 1,8 раза) превышала поступления «классу-государству» от зернового хозяйства страны — 16 млн. т.

В этом плане данная классовая общность выступала главным эксплуататором непосредственных производителей. До уплаты земельных налогов хозяева земли и кулаки-арендодатели, а также частично торговцы и ростовщики получали до 74% изымавшегося у крестьянства в целом прибавочного продукта (34 млн. т). В руки же «класса-государства» поступало около 22% (10 млн. т). Примерно 4% переходило в руки представителей торгово-ростовщического капитала, по преимуществу городского.

Из «чистой» земельной ренты (более 24 млн. т зерна) около 5 млн. т составляли фонд потребления, а также неизбежные потери при хранении. Некоторая часть остального шла на фуражный фонд, обрядовые затраты и хозяйственные запасы. Однако основная масса, оставшаяся в руках землевладельцев и кулаков-арендодателей — 19 млн. т — использовалась в сфере ростовщичества и торговли: на восстановление и расширение ссудного фонда, а также для продажи, особенно весной и летом, когда цены на рис и пшеницу резко повышались. В целом по стране хозяева

земли и кулаки-рентополучатели, а также зерноторговцы и частично ростовщики выбрасывали на рынок около 11 млн. т зерна. В конце 80-х годов XIX в. товаризация части ренты землевладельцев и фондов других эксплуататоров составляла более 24% всего объема товарного зерна в Китае.

Несколько меньшая доля зерновой массы, изъятой через каналы ренты, требовалась в рамках натурального уклада, оседая в перенаселенной деревне в качестве ростовщического фонда. Когда часть непосредственных производителей исчерпывала свои запасы и стояла на пороге голода, ростовщическое помещение ренты под грабительские проценты (при господстве натуральных ссуд зерном, особенно прибыльных весной и в начале лета) было зачастую выгодней ее рыночной реализации.

Для основной массы богатых семей, живших в сельской местности, был характерен высокий уровень натурального потребления рентных поступлений. Крупные и средние землевладельцы содержали многочисленных прилебателей, челядь, собственных стражников, иногда составлявших целые отряды. Обычно такие семьи, в большинстве своем достаточно многолюдные и окруженные целым штатом различной прислуги и охраны, старались обеспечить себя не только зерном, но и остальными необходимыми продуктами за счет арендных платежей. По традиции и по договорам арендаторы должны были поставлять им определенное количество кур, уток, яиц, рыбы, свинины, муки, свежих овощей и фруктов. К тому добавлялись разного рода «подарки» к праздникам. Натуральный характер сельского быта поддерживался еще и тем, что женская половина богатой семьи часто занималась прядением, ткачеством и шитьем одежды, заготовлением солений и других запасов.

Самая высокая концентрация частного землевладения наблюдалась на наиболее плодородных и максимально продуктивных и доходных землях (поливные, окультуренные и наиболее удобно расположенные поля). Данная закономерность проявлялась не только в центральной-южной зоне, но и отчасти на Севере. И именно она превратила в основной ареал арендного комплекса центральные и особенно южные провинции, наиболее плодородные в Китае.

Конечно, сила частного землевладения определялась не только качеством, но и количественной массой земель этого класса. В ведущей в экономическом отношении части Цинской империи, т.е. в центральной-южной зоне, «большие дома» были в конечном счете доминирующей силой. Хозяйства крестьян-владельцев земли по своим размерам были там значительно меньше, чем на Севере, что объяснялось аграрным перенаселением. Арендаторские хозяйства на плодородных землях становились по той же причине чем далее на юг, тем все более мелкими и располагались кучнее. Конкуренция между безземельными и малоземельными дворами за право на держание частной земли создавала «голодную» зависимость арендаторской и полуарендаторской массы от крупных землевладельцев. Все это

укрепляло положение последних в качестве ведущей силы в деревне Центрально-Южного Китая.

Основной тенденцией развития аграрных отношений в рассматриваемый период был скрытый и медленный рост крупного землевладения за счет поглощения мелких крестьянских участков. Главными «поглотителями» земельных владений крестьян (*сяоху*) были «большие дома». Правительство давно отказалось от вмешательства в сферу поземельных отношений и не делало попыток ограничивать куплю-продажу частных земель, регламентируя их сосредоточение в руках крупных хозяев.

Частные владения в несколько тысяч му были весьма распространенным явлением, а во многих провинциях участки земли отдельных крупных «местных деспотов» (*жуба*) и сановников исчислялись десятками и сотнями тысяч му. Кроме того, поскольку твердых сословных и иных границ между верхами крестьянства и низшими слоями рентополучателей не существовало, в ряды последних часто выбивались наиболее богатые крестьяне, прикупившие мелкие участки.

В среде крупных арендодателей разделы имущества и особенно земли происходили относительно редко. «Большие дома» чаще всего представляли собой единый комплекс нескольких родственных семей при верховенстве старшего в роду (и его семьи). Связанная общим фамильным имуществом, властью главы рода, соперничеством в богатстве с соседями и поддержанием престижа, «большая семья» крайне неохотно шла на имущественный раздел. В итоге влияние крупных землевладельцев и их экономические позиции сохранялись как величина более или менее постоянная.

Кроме того, разветвленные родственные связи, а также постоянные брачные союзы между такими семьями и родами укрепляли их господство в данной местности. Через сложную цепь родства и знакомства они имели в высоких административных и сановных сферах своих детей, покровителей и заступников. Союз нескольких «больших домов», поддерживаемый из поколения в поколение, представлял мощную экономическую и политическую силу на уровне волости или даже уезда. Ее боялось местное крестьянство и опасались присылаемые в уезд чиновники.

В то же время отнюдь не ослабевала и противоположная тенденция — уменьшения и захирения хозяйств тысяч и тысяч средних и мелких семей. В результате в частном секторе количественно абсолютно преобладали мелкие и средние землевладельцы. Последнее во многом объяснялось отсутствием майората в традиционном праве наследования, что вело к периодическому дроблению земельного владения данной отдельно взятой семьи. И именно в их среде наиболее заметно сказывалась тенденция к измельчению владений. В результате последовательных имущественных разделов часть средних землевладельцев превращалась в мелких, которые пополняли ряды богатых и даже средних крестьян.

Ведение «богачами» своего хозяйства встречалось редко; в целом для китайской деревни было характерно отсутствие барской запашки. Почти

все свои земли в центральных и южных районах такие семьи сдавали мелкими клочками в аренду безземельным и малоземельным крестьянам. Арендаторы являлись по существу крестьянами, обычно привязанными к классовой общности землевладельцев прочными экономическими путями и в этом плане экономически зависимыми от нее. Разрыв таких пут грозил этой категории людей голодной смертью. Малоземелье, толкавшее сельскую бедноту и голытьбу на аренду земель, обуславливалось в первую очередь аграрным перенаселением, поскольку земельные владения «богачей» охватывали менее половины частных земель и сохраняли относительную стабильность своих общих масштабов. Таким образом, аграрное перенаселение служило необходимым элементом и одним из условий существования арендно-бюрократической системы в Китае. Сложившийся в Китае уровень изъятия прибавочного продукта был бы невозможен без повышенного давления людского потенциала на сферу землепользования, без избытка арендаторов и конкуренции между ними.

Классовая общность землевладельцев контролировала деревню не только одними экономическими методами. При всем противостоянии «класса-государства» и среды «частников» как подданных и налогоплательщиков их отнюдь не разделяла непроходимая граница. Частновладельческая общность в определенной мере фактически составляла массовое основание гигантской пирамиды власти «класса-государства».

Именно эта среда была важным источником пополнения чиновничества и «ученого» сословия. Часть последнего — шэньши-землевладельцы «второй группы» — играла роль связующего звена между «классом-государством» и частной общностью. Будучи как бы социальным придатком и продолжением «класса-государства» и в то же время обслуживая и охраняя землевладельцев, т.е. свою «вторую среду», шэньши-арендодатели обладали в силу этого значительным запасом влияния и самостоятельности. Они вносили свои коррективы в ход социальных и политических процессов, происходивших в империи на уровне волости, уезда или приставства.

В традиционном обществе Китая, как уже отмечалось, низовые шэньши и верхи землевладельцев выполняли организаторскую роль в деревне, представляя собой в этой ипостаси суббюрократический слой.

Суббюрократия ведала местным ополчением, конфуцианскими школами (*шэсюэ*), училищными (*сюэтянь*) и «общественными» (*гунтянь*) землями. Кроме того, под ее контролем находились и сельские старосты (*личжан*). Таким образом, в традиционном Китае землевладельческо-шэньши-ский блок был социальной доминантой деревни, волости, округа и нижнего горизонта общества вообще.

Следует отметить также и своеобразное социальное положение китайского рентополучателя. Средний и особенно мелкий хозяин земли не был столь чужеродным телом по отношению к крестьянству, как дворянин в Европе. Арендодатель в большинстве случаев жил в самой деревне, а не

в отдельной усадьбе, не очень сильно выделялся по основным чертам быта среди богатых крестьян. Так же как и они, не будучи шэньши, он принадлежал к сословию земледельцев.

Рентополучатель зачастую носил ту же фамилию, что и некоторые, а то и большинство семей данной деревни. Какая-то их часть находилась в дальнем родстве с ним, ибо считалось, что все однофамильцы происходили из одного рода. Семейно-родовые же связи в южных провинциях были достаточно еще сильны. Они придавали такому «богачу» и его семье авторитет главы «однофамильной» общности — патронимии (*цзунцзю*). Нередко последние насчитывали в своих рядах многие сотни, а иногда и тысячи человек, проживавших в одной волости или уезде. Чаще всего такие кланы возглавлялись представителями наиболее богатых семей. Патронимии строго соблюдали культ предков, сохраняли общие кумирни, храмовые земли и родовые кладбища, причем главные культовые церемонии осуществляли наиболее богатые семьи. Кроме того, в Южном Китае больше всего сохранилось и так называемых клановых земель (*цзунди*). Получаемые с них доходы укрепляли власть верхушки патронимии. Они шли на подготовку ее членов к экзаменам для получения «ученых» степеней.

Глава клана выступал патроном и «защитником» менее состоятельных его членов, в том числе тех, кто снимал его землю в аренду. Соответственно, его связи со своей клиентелой — держателями земли и должниками — маскировались и укреплялись отношениями патронажа.

Кроме того, богатые и влиятельные арендодатели выступали для своей клиентелы не только источником эксплуатации, но и в известной мере более или менее реальной защитой от налогового произвола местных властей. С полей этих «уважаемых» в округе людей налоги взимались либо по строго официальным нормам, т.е. без обычного завышения, либо по пониженным ставкам, что в той или иной мере сказывалось и на держателях их земель. Авторитет богатого шэньши и могущество «местного деспота» часто служили гарантией от злоупотреблений со стороны сборщиков налога. По этой причине крестьяне частенько искали у «больших домов» (особенно у шэньши) заступничества перед лицом чиновничьего лихоимства, стремились заручиться их покровительством, особенно в тех случаях, когда шэньши и «местные деспоты» практически захватывали в свои руки саму процедуру сбора налога.

«Договорной» характер арендных взаимоотношений наряду с родственными и клановыми связями между хозяевами земли и арендаторами, а также с вассальной преданностью исправного арендатора к «справедливому» землевладельцу во многом определял слабость крестьянских выступлений, в частности расплывчатость повстанческих лозунгов — например, «Громи богатых, помогай бедным!».

Преобладание среди китайского крестьянства владельческой массы, для которой ее и соответственно всякое другое земельное владение представлялись «законным» и «неприкосновенным», укрепляло положение земельных «богачей».

Наконец, последние играли значительную роль в деревне и вне сельскохозяйственной сферы.

Чаще всего хозяин земли был главным ростовщиком в деревне, и именно к нему обычно шли за ссудами, особенно зерном. Именно ему зачастую принадлежал ближайший деревенский ломбард или лавка, где можно было до следующего урожая заложить вещи, а то и землю. У него занимали семена, деньги на свадьбы, похороны и т.д. У него брали внаем рабочий скот и сельскохозяйственные орудия — плуги, бороны и другой инвентарь. Кроме того, «большие дома» имели в деревне не только свои мелочные (*цзахону*) и винные лавки (*цзюдянь*), но и разного рода сельские мастерские и мануфактуры. С торговыми заведениями «богачей» крестьяне имели дело как покупатели, а в промышленные нанимались на работу, особенно в периоды сельскохозяйственного межсезонья. В итоге арендодатель в отличие от чиновника выступал как фигура в той или иной мере нужная для крестьянства.

Благодаря относительной устойчивости и известной урегулированности отношений в частном секторе шэньши из суббюрократии могли выступать посредниками в конфликтах между податным крестьянством и местными властями. Во время резкого обострения противоречий между налогоплательшей частью крестьян и казной роль «справедливых» шэньши в улаживании местных конфликтов возрастала, позволяя им извлекать пользу из самого факта существования «двух крестьянств» — частнозависимого и податного.

Частнозависимое крестьянство

Большая часть крестьян, бедствовавших в тисках малоземелья и безземелья, особенно в Центральном и Южном Китае, находилась в прочной экономической зависимости от «богачей», чьи земли им приходилось брать в аренду (*дянь*, *цзу*). Последняя являлась основной формой частной эксплуатации крестьянских дворов, либо лишенных своей земли, либо сохранивших ее в размерах, явно недостаточных для пропитания семьи. Аренда, особенно «голодная», в большинстве случаев сочеталась с долговой зависимостью от хозяина земли, что еще более укрепляло кабальный характер держания. Избыток рабочих рук и безземельных дворов давил на арендаторов и полуарендаторов, ставя их в серьезную зависимость от крупных и мелких землевладельцев. Поскольку у последних всегда под рукой была резервная масса потенциальных держателей, они могли ставить своим съемщикам крайне тяжелые условия, а конкурировавшие между собой бедняки при жестком дефиците пашни не только соглашались на них, но и своей взаимной конкуренцией создавали возможность сделать их еще хуже.

Специфика китайской агрикультуры и аграрное перенаселение делали излишними наиболее грубые методы внеэкономического принуждения.

Последние распространялись лишь на различные категории казенных крестьян, в основном на Севере (крепостничество в рассматриваемый период, как уже отмечалось, представляло собой в Китае пережиточное явление). В остальных же районах, где было сосредоточено подавляющее большинство земледельцев, поливное земледелие, грядковая культура и избыток квалифицированной рабочей силы делали крайне малопродуктивным принудительный труд как таковой. В этих условиях частный сектор в основном опирался на экономическую зависимость безземельных и малоземельных крестьян от земельных богатеев, а барщинная система хозяйства не получила сколько-нибудь серьезного развития.

В центральных и особенно в южных провинциях основную массу прибавочного продукта, получаемого землевладельцами (шэньши и нешэньши), составляли натуральная земельная рента, предварительные взносы или арендные залоги, взимаемые с зависимых держателей земли. Степень распространения аренды возрастала с севера на юг, т.е. чем южнее была провинция, тем в жизни крестьянства сильнее сказывался удельный вес арендных отношений. В направлении с запада на восток прослеживалась та же закономерность: чем восточнее провинция, тем выше был процент земель, сдававшихся внаймы.

Гигантские размеры территории Китая, разнообразие климатических, демографических, исторических факторов и особенностей, слабая хозяйственная взаимосвязь между провинциями и отсутствие единого внутреннего общекитайского рынка обусловили множественность форм ренты, а также сложную мозаику арендных отношений.

Арендная система, в том числе и институт земельного владения, была пропитана средневековыми нормами. На чисто хозяйственных связях между владельцем земли и арендатором сохранялись внеэкономические наслоения, сказывались прочные многовековые традиции неcodифицированного права. В то же время в сфере аренды традиционный строй с его правовыми нормами не только обеспечивал эксплуатацию крестьянства, но и в известной мере поддерживал его сословный, а также хозяйственный статус, особенно право на соединение с землей. Согласно многовековой традиции и цинским законам, хозяин земли в случае исправной выплаты арендатором положенного по устному или письменному соглашению формально не мог до истечения срока договора согнать держателя с земли. Этот принцип оставался общепринятой юридической нормой, хотя случаи его нарушения были весьма многочисленными.

Формы аренды по степени уменьшения «привилегированности» крестьянина разделялись на «вечное», длительное и обычное, т.е. краткосрочное, держание. В Китае преобладала длительная аренда — от 5 до 20 лет. Она часто сопровождалась ростовщической задолженностью арендатора тому же землевладельцу. Сгон держателя земли в такой ситуации не представлял собой правовых затруднений. Однако чаще всего хозяин земли предпочитал сохранить должника в качестве держателя, превратив в лично зависимого от себя послушного работника.

В провинциях Цзянсу, Чжэцзян, Цзянси, Хубэй, Фуцзянь, Гуанси, Аньхуэй, Гуандун и некоторых других была довольно распространена «вечная», т.е. бессрочная, аренда (*юндянь*, *юнцзу*). Держатели в таком случае находились в более прочном положении. Их особый статус предполагал передачу держания по наследству от одного поколения к другому, причем этот обычай был обязателен для обеих сторон (как для арендатора, так и для рентополучателя). К тому же наследственный арендатор без ведома хозяина земли мог передать на время или продать свое право держания другому лицу.

Размер ренты при «вечной» аренде, будучи в целом достаточно выгодным для арендатора, чаще всего был строго фиксирован и редко изменялся как в ту, так и в другую сторону. «Вечные» держатели земли обязаны были вносить платежи, размеры которых были зачастую установлены более ста лет назад и закрепились традицией ряда поколений. Арендная плата в случае неурожая чаще всего снижалась или совсем отменялась. Даже в случае единичного ее невнесения «вечного» арендатора в некоторых провинциях нельзя было согнать с земли.

«Вечная» аренда, являвшаяся наиболее старой формой арендных отношений, сохраняла прочные позиции в китайской деревне. Крайне ценное крестьянами «вечное» право на такой договор поднимало его носителей, как более привилегированный слой, над остальной массой держателей. С сокращением срока аренды соответственно уменьшались права держателя. При обычной же краткосрочной аренде (1–3 года) права и своевластие землевладельца были наименее ограничены, а статус держателя наиболее ущербен.

В частном секторе прочно господствовала натуральная форма ренты, что было характерно как при «привилегированной», так и при преобладающей «обычной» аренде земли. Натуральная рента существовала в трех основных видах — твердо фиксированной (*мицзу*, *гуцзу*), изменяющейся в зависимости от урожая (*ицзу*, *хоцзу*) и издольной (*фэньчжун*, *фэньцзу*). Их обычный размер колебался от 40 до 60% сбора, составляя в среднем его половину. На землях, сдававшихся в краткосрочную аренду, преобладала издольщина. Фиксированная рента практиковалась при «привилегированных» формах аренды или при сдаче участков, расположенных в другой деревне или волости.

Фиксированная рента, как более выгодная для крестьянина форма арендной платы, сопровождалась денежным или имущественным залогом (*диншоу*) хозяину земли в качестве гарантии компенсации возможных убытков. Землевладелец присваивал себе в случае нарушения арендатором договора — устного или письменного — соответствующую часть залога. Такие условия были по плечу лишь зажиточным крестьянам и какой-то части средних дворов.

Различные виды натуральной ренты в приморских провинциях и в низовьях Янцзы часто исчислялись в зерне, но переводились в деньги и вы-

плачивались медью или серебром. Рента при такой переводной аренде (*чжэцзу*) лишь частично приближалась по своей природе к денежной, оставаясь в своей основе продуктовой.

В наиболее же плодородных и густонаселенных районах юга и центра страны (Гуандун, Хунань, Цзянси, Фуцзянь и Чжэцзян), в первую очередь на землях высшей категории и прежде всего на орошаемых или заливных рисовых полях, прочно доминировала натуральная рента. Там она была наиболее выгодна для землевладельцев, позволяя им помимо созданного арендатором прибавочного продукта получать еще часть торговой прибыли при реализации риса на рынке. Особенно выгодно было придерживание зерна до весны, когда цены на него достигали наивысшего уровня, а крестьянская масса уже проедала свои запасы.

В Южном и Центральном Китае очищенный рис являлся в известной мере своего рода «денежным эквивалентом», т.е. средством платежа. Достаточно часто возникали ситуации, при которых рис оказывался «дороже денег». Эта тенденция крепла в условиях медноденежной инфляции и нехватки серебра в стране, перенаселенности деревни, не говоря уже о стихийных бедствиях и голоде.

Денежная рента (*цюцзу*, *юйцзу*, *цяньюцзу*) была еще слабо распространена. В Китае существовало два вида аренды с денежной рентой: с выплатой после сбора осеннего урожая (*цюцзу*) и с предварительной уплатой еще до посева (*юйцзу*). Первый был менее распространен, второй встречался чаще, *цяньюцзу* обычно предполагал внесение арендной платы за год вперед, т.е. был вариантом второго вида. Подобная практика чаще всего толкала арендатора в лапы ростовщика. Разного рода залоги и предварительные взносы заставляли безземельных и малоимущих крестьян идти в долговую кабалу. Наиболее прочные позиции денежная рента имела в северных провинциях (Чжили, Шаньдун, Шаньси и Ганьсу), т.е. в районах с наименее продуктивным земледелием.

Денежная рента в центральных и южных провинциях практиковалась на неорошаемых землях со средней и особенно низкой урожайностью. Вместе с тем денежная, как и переводная, рента встречалась в областях с более развитым рыночным земледелием — в районах технических культур, в зоне удобных путей сообщения и в пригородных уездах. Ростовщичество, как неотъемлемая часть сельской жизни, было тесно связано со всей арендно-залоговой системой. Причем в качестве заимодавцев чаще всего выступали местные землевладельцы, в меньшей степени — торговцы и сельские богатеи. Еще реже крестьяне брали ссуду в ломбардах волостных центров и уездных городов.

Натуральные и денежные ссуды, как правило, выдавались на довольно тяжелых условиях. Сказывалась крайняя «дороговизна» денег в деревне. Ссудные ставки иногда доходили до 50–100%. Под денежную ссуду требовался солидный залог, чаще всего земельное владение (*дия*). Сельское ростовщичество держало попавшие в его сети крестьянские дворы на гра-

ни полуголодного существования. Главной целью сельского ростовщика было отобрать заложенную землю. Самые тяжелые времена для должника наступали после продажи земли за долги. Зачастую вчерашний владелец превращался в арендатора «своего» же участка, но уже перешедшего в руки заимодавца.

Отработочная рента как самостоятельное явление встречалась крайне редко, поскольку хозяева земли, особенно в центральных и южных провинциях, в подавляющем большинстве случаев не вели своего хозяйства. Остатки отработочной системы были более распространены в качестве сопутствующих явлений при разного рода натуральной ренте. Арендатор должен был устраивать хозяину угощения, делать подношения, помогать в его усадьбе, прислуживать и быть на посыках. Здесь прослеживалась явная закономерность: чем тяжелее были условия аренды, тем большую роль играли пережитки отработочной ренты.

В собственно китайских провинциях, особенно южнее Хуайхэ и Янцзы, в силу аграрного перенаселения и дороговизны земли преобладала кабальная «голодная» аренда. Что же касается предпринимательской аренды крестьянских верхов и субаренды, то они встречались значительно реже.

При арендной эксплуатации безземельных и малоземельных держателей, как и при налоговом ограблении чиновниками крестьян-владельцев земли, применялся широкий арсенал жульнических и произвольных мер. Для увеличения реального размера ренты использовались любые средства. Так, в октябре, когда происходили арендные платежи, в зависимости от местных условий и форм ренты землевладельцы либо максимально занижали, либо преднамеренно вздували цены на зерно. Скрытое обвешивание крестьян было обычным делом. Кроме того, хозяева и их управляющие открыто исчисляли обмолоченный рис в «арендных ху» (*цзуху*), когда сверх каждого даня с арендатора брали лишних 2–3 доу зерна. Обычными явлениями были сознательное нарушение арендного договора, постепенное ухудшение его условий, перекалывание налогов за сдаваемый участок на плечи держателя, изъятие имущества и земли у полуарендатора за недоимки.

Арендатор, не уплативший положенного по договору, по цинским законам подлежал телесному наказанию с последующим взысканием задолженности. Крупные землевладельцы, имея специальных стражников и свои тюрьмы, могли творить над провинившимися свой частный суд и расправу. Под рукой у «больших домов» и богатых шэньши на случай возмущения бедноты существовали отряды сельской милиции. Их командирами зачастую были те же местные шэньши, богатые землевладельцы и главы патронимий. Богатые землевладельцы поддерживали также тесный контакт с уездным, окружным и провинциальным чиновничеством.

При всем том отношение держателей земли к ее владельцам было неоднозначным. Наряду с ненавистью эксплуатируемого арендатора и должника весьма распространенным явлением была вассально-холопская пре-

данность исправного арендатора к хозяину земли как к своему «благодетелю» и патрону. В условиях арендного строя, в первую очередь в бассейне Янцзы и южных провинциях, господствовали страх и холуйство перед крупными землевладельцами, темнота и забитость, соблюдение конфуцианского принципа *сяо*, почтительность к местным шэньши. Все это превращало значительную часть деревенского населения в инертный слой, для которого главным врагом был налоговый сборщик, чиновник, а влиятельный землевладелец был не только патроном, но и защитником.

Держатели земли на традиционном праве, включая арендаторов земли у богатых крестьян, на конец 80-х годов XIX в. составляли около 153 млн. человек вместе с членами своих семей (примерно 50% всего крестьянства). При этом около 140 млн. человек находились в поземельной зависимости от крупных, средних и мелких землевладельцев, а менее 13 млн. брали землю внаем у кулаков. Арендаторы обрабатывали 489 млн. му крупных полей землевладельцев и 44 млн. му богатых крестьян.

Почти 145 млн. держателей арендовали частные земли (*миньтянь*, *миньфутянь*) и около 8 млн. — казенные (*гуаньтянь*) и различного рода «привилегированные» земли — училищные (*сюэтянь*), «общественные» (*гунтянь*), жертвенные (*цзитянь*), храмовые и монастырские (*сымяоди*).

Около 109 млн. арендаторов были полностью безземельными, свыше 44 млн. владели клочками своей земли. Соответственно первые были «чистыми» арендаторами, т.е. работали исключительно на чужих полях, а вторые, приарендовывая землю, являлись полуарендаторами. Безземельные арендаторы составляли свыше 35% всего крестьянства страны. Больше всего их было в Южном Китае (62 млн., или почти 46% земледельцев). В Центральном Китае их было свыше 33 млн. (около 38% крестьян). Меньше всего их насчитывалось в Северном Китае и Маньчжурии — примерно 13 млн., или почти 15% дворов.

Более 127 млн. арендаторов и полуарендаторов было сосредоточено в южных и центральных провинциях (57% всех крестьян двух данных регионов). Причем на частных землях южных провинций сидели более 80 млн., или почти 60% местных земледельцев. Данные по центральным провинциям были более скромными (около 47 млн., менее 53%). В северных и северо-восточных провинциях арендаторское и полуарендаторское крестьянство играло второстепенную роль (менее 26 млн., около 31%).

Частнозависимые крестьяне в конце 80-х годов XIX в. обрабатывали около 300 млн. му кадастровых земель, а с учетом же скрытых от казенного учета полей — примерно 486 млн. му (более 39% общекитайского земельного фонда). Из них на Центральный и Южный Китай приходилось более 332 млн. му. Держатели арендованных участков возделывали в южных провинциях более 58%, в центральных — 51, а в северных и северо-восточных — около 25% всех земель данного региона. В целом по стране арендовалось до 449 млн. му «помещичьих» полей (93%) и 37 млн. му земли, принадлежавшей богатым крестьянам-кулакам (7%).

С учетом повторных посевов, т.е. сбора двух и трех урожаев в год, руками частнозависимых крестьян обрабатывалось более 602 млн. му (более 41% общекитайского фонда), из них на «помещичий» подсектор приходилось примерно 550 млн. му, а на кулацкий подсектор — 43 млн. му, на Центральный и Южный Китай — до 449 млн. му и 153 млн. му — на Север и Маньчжурию. Таким образом, в северных и северо-восточных провинциях руками арендаторов и полуарендаторов производилось до 25% посевов, а в центральных и южных провинциях — соответственно 51 и более 58%.

Ежегодно частнозависимое крестьянство производило в целом по стране 57–58 млн. т зерна (48% общекитайского сбора); из них 32 млн. т — в Южном Китае, более 18 млн. т — в Центральном Китае. Хозяева земли получали в виде ренты около 29 млн. т зерна, т.е. 50% сбора зерновых. Северное и маньчжурское крестьянство выплачивало своим землевладельцам до 4 млн. т, держатели чужой земли в центральных провинциях — свыше 9 млн. т и южных — 16 млн. т. Кроме того, арендаторы и полуарендаторы фактически частных, но формально еще казенных и «привилегированных» земель выплачивали своим арендодателям около 1,6 млн. т зерна.

За вычетом семенного фонда и потерь при хранении продовольственные ресурсы всего частнозависимого крестьянства составляли 26–27 млн. т зерна. Фонд потребления этой части китайского крестьянства составлял примерно 22 млн. т. Более 4 млн. т выступало в качестве потенциала дальнейшего использования (фуражный фонд, обрядовые затраты и хозяйственные запасы) и перераспределения, прежде всего в пользу ростовщиков и торговцев. Для внесения земельной ренты деньгами арендаторы и полуарендаторы продавали более 6 млн. т зерна, не считая продаж для погашения долгов землевладельцам, ростовщикам и торговцам.

В этом плане малоземельная и безземельная часть деревни стояла «ближе» к рынку, нежели крестьяне-владельцы земли. Определенная часть зерна, изымавшегося у них через каналы ренты, по линии «хозяева земли — зерноторговцы уездного масштаба» поступала на рынок. Кроме того, арендаторы и полуарендаторы принудительно вовлекались в товарооборот, вынужденные продавать зерно для внесения денежного залога или предварительной оплаты аренды.

Таким образом, значительная часть деревенской продукции, поступавшей в продажу, производилась в хозяйствах, прямо не ориентированных на рынок. Иными словами, имела место товаризация продукта, а не самого хозяйства арендно-зависимого крестьянина.

Необходимый продукт для этой категории земледельцев в целом по Китаю составлял более 27 млн. т (продовольствие, семена, фураж), а прибавочный продукт превышал 30 млн. т. Он, в свою очередь, распадался на изымаемый в виде земельной ренты (до 29 млн. т) и остающийся у непосредственных производителей (более 1 млн. т). Таким образом, данная

категория земледельцев получала на руки лишь несколько более 4% произведенного ею прибавочного продукта. Иначе говоря, основная масса держателей работала на чужой земле практически только ради физического выживания.

Данный сектор отличался нестротой условий производства и множественностью видов арендной эксплуатации. Он разъединял держательское крестьянство прежде всего по разным категориям арендодателей. Так, более 57 млн. (свыше 37% всех держателей) кормилось на землях «высших» шэньши и около 7 млн. (менее 5%) — «низших» шэньши. Эти 42% арендаторов имели дело в основном со «справедливыми» шэньши (*чжэн-шэнь*). Шэньшиская часть землевладельцев (*цзиньху*, *шэньху*) в общем соблюдала конфуцианские заповеди и нормы обычного права в отношении своих держателей. Хотя в этой среде появлялось все больше нарушителей традиционных устоев — «злых» шэньши (*лэшэнь*), положение крестьян, замкнутых на представителей «ученого» сословия, было относительно прочным и в общем гарантированным от произвола хозяина земли.

Другая, большая по численности часть держателей земли — почти 76 млн. (около 50% общего числа арендаторов) — зависела от простых землевладельцев-нешэньши. Данная категория хозяев земли была менее скована необходимостью соблюдать конфуцианские нормы поведения и обычного права в отношении своих держателей. Прежде всего это относилось к «местным деспотам» (*туба*, *тухао*), творившим открытый произвол в отношении зависимых от них крестьян. Лишенные ореола конфуцианской учености и добродетели, они были самыми жестокими притеснителями арендаторов. Многие из них выступали «поглотителями» земель податных крестьян.

Наконец, третья часть держателей — менее 13 млн. (свыше 8% общего числа частнозависимых дворов) — арендовали земли богатых крестьян — кулаков (*фунун*). Такие держатели находились в несколько особом и притом двойственном положении. С одной стороны, они подвергались наиболее жестокой эксплуатации со стороны своих «мелких» хозяев. С другой стороны, эта жестокость смягчалась соседскими, клановыми и родственными отношениями.

Разобобщенность частнозависимых крестьян самой природой арендной эксплуатации не исчерпывалась делением на указанные три категории. Внутри каждой из них арендаторов разъединяли резкие различия в зависимости от степени «привилегированности» и правовых гарантий держания. Последние, как уже отмечалось, определялись характером условий аренды («привилегированная» — «вечная» и долгосрочная; «обычная» — на неопределенный срок и краткосрочная).

Долгосрочные, особенно «вечные», арендаторы представляли собой своего рода верхний слой держателей, интересы которых охранялись как кодифицированным, так и прежде всего обычным правом. Арендовавшие

на неопределенный срок и особенно связанные краткосрочным договором в правовом плане составляли нижний слой, наиболее подверженный произволу со стороны хозяев земли. Особо ценились привилегии держателя земли на праве «вечной» аренды — неотменяемость договора, неизменность платежей и особые права хозяйствования. Последние резко контрастировали с фактическим бесправием «краткосрочного» арендатора перед «местным деспотом», имевшим возможность согнать его со своей земли в любое время. Столь резкие перепады юридического статуса делали держательскую массу внутренне разобщенной средой.

Арендаторов частного сектора развешивал и фактор множественности форм земельной ренты. Одни дворы выплачивали строго фиксированную ренту зерном (*мицзу*, *гуцзу*), другие — «подвижную» натуральную ренту (*хоцзу*, *ицзу*), изменявшуюся в зависимости от урожая, третьи — издольную ренту без отработок (*фэньцзу*), четвертые — издольщину с отработками (*фэньчжун гуньцзу*). Если часть дворов вносила обычную (*цянцзу*) или «осеннюю» денежную ренту (*цуюцзу*), то другая — «предварительную» (*юйцзу*), часто за год вперед, беря, как правило, деньги в долг. Некоторые дворы выплачивали «переводную» ренту (*чжэцзу*), когда натуральные обязательства переводились на деньги, медь или серебро.

По этим семи градациям частнозависимое крестьянство 80-х годов XIX в. делилось следующим образом: более 70 млн. (здесь и далее — включая членов семей) выплачивали фиксированную и «подвижную», свыше 53 млн. — издольную, 15 млн. с лишним — обычную денежную и около 11 млн. — «переводную» ренту. Примерно 1,5 млн. сидели на издольщине с отработками, и столько же вносили «предварительную» ренту.

Упомянутые выше семь градаций не имели унифицированного общекитайского, т.е. исчерпывающего, характера. Их число резко возрастало за счет многообразия и специфики чисто местных условий, локальных разновидностей, устоявшихся обычаев и традиций.

Общая степень разобщающего влияния арендной системы на крестьян еще более возрастала за счет их имущественного статуса. Так, одни держатели соединялись с землей на условиях «голодной» кабальной аренды, другие — на базе делового равноправного и взаимовыгодного договора и, наконец, какая-то небольшая часть — на почве предпринимательской сделки. Естественно, что у бедных дворов, погрязших в долгах, у крепкого среднего крестьянина и у богатой семьи, прибыльно приарендовавшей землю, было различное отношение к землевладельцу. В глазах съемщиков он выступал в самых различных ипостасях — от беспощадного ростовщика и полукрепостника до равноправного «компаньона» при дележе осеннего урожая.

Для одних семей арендодатель в условиях земельного голода и перенаселенности деревни был чуть ли не «благодетелем», для других — членом общего клана или же дальним родственником, для третьих — контрагентом договора на принимаемых условиях. Некоторые же воспринимали

его прежде всего как эксплуататора и даже как явного тирана-кровавицу (*тухао*). Столь широкий спектр вариантов, в свою очередь, разъединял массу держателей, снижал ее дееспособность как социально-политической силы.

В этом плане частнозависимое крестьянство средневековой Европы и дореформенной России было более нивелированным и монолитным благодаря «общенациональному», универсальному началу — крепостному праву, внеэкономическому принуждению. В Китае же преобладали строго индивидуальные связи держателя земли с ее хозяином — на «добровольных», «договорных» основаниях и на базе экономического принуждения.

Широко распространенная в китайской деревне (наряду с ненавистью эксплуатируемого арендатора и должника к «местному деспоту») вассально-холопская преданность своему хозяину как «патрону» — «благотелю», «честному», оберегающему свою клиентелу от чиновничьего произвола — и главе клана подкреплялась и стимулировалась конфуцианским принципом *сяо* (почтения младшего к старшему). Все это также содействовало расщеплению крестьянства как социальной общности, превращая большую часть арендаторов в инертный слой, вместе с крепкими податными дворами составлявший «благонамеренных», «добропорядочных» крестьян (*лянху, лянминь*).

Характерные для Цинской империи аграрное перенаселение и земельная теснота (особенно в Центральном и Южном Китае) создавали повышенное давление людского потенциала на сферу землепользования. Дефицит пахотной земли и избыток как реальных, так и потенциальных арендаторов порождали конкуренцию между ними. Борясь друг с другом за право держания, они неизбежно «сбивали» себе «цену», т.е. вели дело к невыгодным для себя условиям арендных договоров в пользу землевладельца. Последний обычно останавливал свой выбор на самых покладистых кандидатах, согласных на наиболее жесткие условия «сделки». Арендная эксплуатация и в этом плане не столько сближала, сколько противопоставляла друг другу частнозависимых крестьян.

Тогда как 154-миллионная масса податных крестьян была замкнута на государство как на единый «центр», 153 млн. частнозависимых земледельцев были подчинены множеству «центров». Имеются в виду 2,8 млн. семей арендодателей, проживавших в сельской местности, и примерно 200 тыс. рентополучателей-абсентеистов, осевших в городе. Этот показатель был в действительности еще выше, так как в нем не учтены семьи кулаков-арендодателей, т.е. «центры» низшего порядка.

Этим не исчерпывалась глубина разобщенности частнозависимого крестьянства. Крайне важным моментом выступали чисто экономические отношения внутри производственного комплекса «землевладелец-арендатор». Здесь процесс производства формально представлял разорванным. Крестьянин не был объединен с хозяином земли в рамках одного «предприятия». Сохранялась иллюзия производственной самостоятельности

сти крестьянина, хотя в действительности предприятие «земледелец-крестьянин» оставалось предельно прочным.

В этих условиях земледелец, давая свои поля в держание нескольким арендаторам, становился организатором и участником стольких же «предприятий» типа «хозяин земли-крестьянин». Являясь важным звеном всех этих производственных ячеек, он служил как бы «центром» такого «куста». В конце 80-х годов XIX в. держательская масса крестьян Китая была рассыпана примерно по 3 млн. таких «центров». Кроме того, существовало еще до 2,5 млн. сходных по характеру хозяйственных «комплексов» типа «крестьянин-крестьянин», когда в роли арендодателей выступали кулаки-богатеи. На эти 5,5 млн. «центров» были замкнуты около 22 млн. семей арендаторов и более 8 млн. семей полуарендаторов, существенно зависевших от хозяев земли и кулаков. К ним примыкали еще 8 млн. полуарендаторских дворов, но уже с меньшей подчиненностью арендодателям. В итоге частнозависимое крестьянство Цинской империи вместе с организаторами производства было задействовано примерно в 30 млн. «предприятий» типа «земледелец-крестьянин» и «крестьянин-крестьянин». Вместе с такими же, но более мелкими производственными образованиями в Китае насчитывалось до 38 млн. такого рода хозяйственных организмов.

Для «предприятий» типа «земледелец-держатель земли», впрочем, как и для податных дворов, казна оставалась чисто внешним и отчасти враждебным явлением, притом как для хозяина земли, так и для ее съемщика. Это приводило к участию некоторых землевладельцев и шэньши в антиналоговых выступлениях. «Класс-государство» фактически облагал налогом не только хозяина земли, но и арендатора. Эксплуатируя все «предприятие» в целом, он мало что давал взамен.

Совершенно иначе обстояло дело в частном секторе. Хозяин предоставлял арендатору не только саму землю и тем самым гарантию от голода. Например, при фиксированной ренте держатель зачастую получал от землевладельца фанзу и хозяйственные постройки, т.е. фактически крестьянский двор. Издольщику, кроме того, выдавались половина или же все необходимые семена. Земледелец зачастую давал такому крестьянину сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот и удобрения. Арендатор часто вместе с участком и двором получал колодец, оросительную канаву, чайные, тунговые и другие посадки, тутовые и фруктовые деревья и т.п. По договору, в случае надобности, хозяин предоставлял свой материал для ремонта дома, сарая и т.д.

Тогда как сбор налогов осуществлялся дважды в год — летом и осенью, арендная плата, согласно средневековой традиции, вносилась только один раз — из осеннего урожая (*дачунь*). Летний же урожай (*сяочунь*), не говоря уже о сборе ранних овощей, освобождался от поборов со стороны землевладельца. Правда, по мере роста продуктивности земледелия неуклонно нарастала тенденция принудить держателей делать взносы и с лет-

него сбора. Тем не менее часть арендаторских дворов Центрального и Южного Китая сохраняла за собой весь летний урожай. Такой порядок сохранялся, например, при фиксированной ренте, особенно на заливных землях. В этом заключался не только один из «секретов» воспроизводства частновладельческого крестьянства, но и одна из причин устойчивости контактов между хозяином поля и его держателем.

При двух урожаях с участка основная масса изъятия прибавочного продукта падала на главный зерновой урожай — второй, т.е. осенний урожай (чаще всего риса). Первый — летний — был второстепенным, менее продуктивным и низкокалорийным (просо, батат и т.д.), а зачастую был представлен техническими культурами. Два урожая риса были скорее исключением для многих районов. Кроме того, первый урожай, «свободный», по обычному праву, от рентного изъятия, зачастую делился между арендатором и хозяином земли. Изъятие в том или ином виде происходило даже с урожая весенних овощей (подношение хозяину «свеженького»), с приплода домашней птицы и свиней. Низкий уровень изъятия (30–40%) был присущ лишь «вечному» держанию в узкой полосе приморских районов. По Китаю же в целом уровень изъятия был близок к 50% урожая. Он же господствовал и в районах, где собирался один зерновой урожай плюс сбор ранних овощей.

Безземельные и малоземельные семьи зачастую находили для себя более выгодным соединиться с чужой землей на правах ее держателей, нежели переселиться на окраины собственно Китая, распахивать целину и становиться там ее владельцами. К родным местам и тем самым к «своему» землевладельцу их приковывали многие обстоятельства. Китайский крестьянин, как правило, был воспитан в традициях высокой культуры земледелия (с ухоженным полем и сравнительно большой урожайностью). Он не всегда стремился в колонизируемые районы — с почвой менее плодородной, неокультуренной и сулящей более низкий урожай, нежели в собственно китайских провинциях. Для него уход в такую «дикую» местность означал падение на несколько порядков вниз. Из поколения в поколение, будучи «сторонником» интенсивного земледелия, он зачастую предпочитал получить свою половину богатого урожая с небольшого, но плодородного, удобного, орошаемого арендуемого поля, нежели произвести тот же продукт на вдвое-втрое большем, но малоплодородном своем участке в условиях экстенсивного сельского хозяйства и в чужой местности. Культ предков не позволял крестьянину просто бросить их могилы, нелегко и достаточно рискованно было оставить родню, соседей и свой клан. Как конфуцианцу, ему трудно было порвать с традиционной культурой и клановой средой. Ему в какой-то мере нужны были «свой» шэньши, «свой» староста, сельская кумирня и остальная деревенская обстановка. Уход в неханьские районы нацменьшинств, т.е. «варваров» (*и, фань*), означал для ханьца-ксенофоба «падение» до их уровня, отрыв от более высокой цивилизации, т.е. той историко-культурной среды, вне которой конфуцианец мыслил себя с трудом. Все это привязывало сель-

скую бедноту к родной деревне и заставляло мириться со многими сторонами арендного гнета.

В арендных отношениях крестьянство видело не только форму эксплуатации, но и своего рода «делку», дающую ему во временное пользование дефицитную в Китае пахотную землю. Безземельные и малоземельные семьи расценивали такого рода «делку» не только как горькую участь, но и зачастую как удачу. Это было везение в жестких условиях земельного голода, перенаселенности деревни и конкуренции между потенциальными арендаторами. В Китае даже самая кабальная, «голодная» аренда формировалась как «делка» — устным или письменным договором (*дяньюэ*, *цзюэ*). Договор оформлял и настоящую сделку — при более благоприятных, в том числе реально выгодных для держателя соглашениях. У таких земледельцев возникало с хозяином земли своего рода «общее дело». В деловых, а тем более хороших отношениях с местными арендодателями были заинтересованы не только безземельные дворы, но и податные крестьяне-владельцы земли, видевшие в шэньши и главе «большого дома» патрона и защитника от чиновного произвола.

Конечно, держатель земли не во всех случаях был лично зависим от ее владельца, но, как правило, всегда экономически, т.е. «земельно», к нему «привязан». Данная связь оставалась стержнем частного сектора, самой жизнеспособной и прочной силой, поскольку каждая ячейка «арендатор-хозяин земли» представляла собой единую микросистему, хозяйственный комплекс, своеобразную органическую общность.

Отмеченная выше мозаичность взаимоотношений владельцев и держателей земли во многом увеличивалась и за счет разнородности самих частнозависимых крестьян, из которых одни были «чистыми» арендаторами, а другие — полуарендаторами. Первые были полностью лишены своего земельного владения и целиком зависели от характера конкретной производственной ячейки «хозяин земли-арендатор».

Вторые были полувладельцами, полуарендаторами. На своем клочке земли они функционировали в качестве податных крестьян, а на арендованном участке — в роли держателей на традиционном праве. Такой полуарендатор был един в двух лицах и раздвоен в одном лице. Для него характер ячейки «арендатор-землевладелец» не имел столь капитального значения. Соответственно, цельность социопсихологии «чистого» арендатора резко контрастировала с двойственностью социальной природы полуподатной, полудержательской семьи. Указанный водораздел внутри частнозависимого крестьянства отличался своей масштабностью, ибо в частном секторе земледелия Китая на конец 80-х годов XIX в. работали вместе с членами семей более 108 млн. безземельных и свыше 40 млн. малоземельных крестьян. Первая категория была крепко связана с частной эксплуатацией и целиком зависела от хозяев земли. Вторая же была связана с крупными землевладельцами лишь частично, «наполовину» находясь в иной хозяйственной системе.

Таким образом, частный сектор сельской экономики являл собой крайне противоречивую картину. С одной стороны, он был средоточием наивысшей в Китае степени эксплуатации — по уровню арендной платы (50%) и по уровню изъятия у крестьян прибавочного продукта осеннего урожая (до 96%). Данный сектор характеризовался наиболее жестоким отношением хозяев земли к ее держателям, а также внеэкономическими методами эксплуатации. В то же время система «земледелец-арендатор» была «спасением» для безземельных и малоземельных дворов. Она строилась на договорной основе и в определенной мере на взаимной выгоде обеих сторон, на принципах патронажа и клиентелы.

Этот сектор состоял из моря производственных ячеек типа «рентополучатель-арендатор», где каждый компонент был связан с другим «общим делом» и «общим врагом» — «класс-государство», казна и чиновничество с их налогами.

Обе эти стороны — тяжелая эксплуатация и экономическая выгода для держателя — создавали поле борьбы и единства противоположностей, где одно уравновешивалось другим. Преобладание негативного начала на одном «фланге» данной дихотомии нивелировалось господством позитивного фактора на другом. В итоге частноарендная система строилась на принципе взаимологаемости обеих крайностей, взаимосвязанности их, известной сбалансированности. Благодаря этому достаточно «мирная» обстановка в арендном секторе, с одной стороны, как бы укреплялась натиском со стороны «класса-государства», а с другой — резко контрастировала с постоянными конфликтами в «соседнем», т.е. бюрократическом, секторе.

Арендатор, по цинским законам, освобождался от налога за взятую им землю. Полуарендатор платил лишь за свой владельческий участок. На практике же при установлении размера арендной платы землевладельцы чаще всего включали в нее и причитавшиеся с этой земли налоговые платежи. По условиям договора в отдельных случаях арендатор был обязан платить и все связанные со взятой им землей налоги.

Экономическое и политическое господство на местах, тесные связи «больших домов» и шэньши с чиновным миром позволяли им со своих земель платить налоги по заниженным ставкам. В открытой или скрытой форме хозяин земли практически перекладывал фискальное бремя на своих арендаторов, особенно задолжников. Тем самым частные эксплуататоры как бы отгораживались от «класса-государства» зависимыми от них крестьянами арендного сектора, принимавшими на себя натиск казны. По данной причине последние, «отвлекаясь» от тягот частной эксплуатации, переносили свой гнев на «внешний» объект — на дополнительную, «лишнюю», внеэкономическую, а поэтому «аморальную» эксплуатацию со стороны «класса-государства».

Таким образом, частично обезопасив себя от ненависти держателей, классовая общность землевладельцев как бы создавала против «класса-

государства» «широкий фронт» борьбы, объединявший в себе три компонента: податное крестьянство, частнозависимые дворы и самих рентополучателей в тех случаях, когда налоговый гнет переходил границы допустимого.

С морально-правовой точки зрения не только для крестьянской владельческой массы, но и для частнозависимых дворов именно налоговая эксплуатация являлась средоточием всех бед, а злоупотребления в данной сфере были наиболее ненавистны и неприемлемы. Этот вид изъятия прибавочного продукта представлялся земледельцу-держателю более чужеродным и паразитическим, нежели арендная эксплуатация, ибо не имел прямого отношения к его трудовой жизни.

Как видим, держательская масса представляет собой не единый монолит, а внутренне слабо связанный конгломерат различных социальных, экономических, правовых, имущественных и иных слоев и групп. В конечном счете арендаторское крестьянство, выступая средой «атомизированных» производителей, менее других являлось социальной общностью классового типа. Это, в свою очередь, обуславливало низкий мобилизационный уровень и слабость ударной силы частнозависимого крестьянства.

Анализ уровня внутренней консолидации как податного, так и частнозависимого крестьянства показывает, что степень единства между ними была крайне низкой, что доминировала тенденция к разобщенности.

Таким образом, в Китае имело место не крестьянство как нечто целое, а два различных социальных образования — с особым экономическим положением, общественным статусом, различными интересами и неодинаковой политической активностью. Фундаментальное деление внутри массы земледельцев было свойственно китайской арендно-бюрократической системе в течение многих столетий. Как и в прошлом, сословие нун выступало не как единая социальная общность, скрывая в себе помимо землевладельцев-нешэньши комплекс «податное-частнозависимое крестьянство». Крестьянство Китая представляло собой не столько единый класс, сколько две средневековые классовые общности.

Преобладание в этом гигантском конгломерате момента разобщенности над тенденцией к органической общности не позволяет говорить о складывании баланса центробежных сил и консолидирующего начала. От средневековья оставалась крайняя противоречивость воздействия на массу земледельцев таких факторов, как сословная система, нормы обычного права, традиционные привилегии некоторых категорий и иные «охранительные» для крестьянства институты. Последние внешне создавали иллюзию общности, играя формально интегрирующую роль. В действительности же они прикрывали собой или закрепляли фактическую разобщенность массы земледельцев Цинской империи, поддерживая особые условия существования различных средневековых категорий, слоев и групп крестьянства.

Классовые и межклассовые общности

В цинском Китае, как уже упоминалось, «класс-государство» и податное крестьянство, крупные землевладельцы и частнозависимое крестьянство были основными слагаемыми социальной структуры общества — его костяком. В сфере производства, распределения и перераспределения прибавочного продукта четыре указанные классовые общности были связаны попарно, и в рамках такой зависимости одни социальные образования классового типа присваивали себе труд других. Эти две «производственные оппозиции» соответствовали основным секторам (подсистемам) экономики: государственному (бюрократическому) и частному.

Первый строился на противостоянии и взаимозависимости «класса-государства» и податного крестьянства. Главными фигурами в данной подсистеме были чиновник и платящий налоги, а также отбывающий повинности крестьянин-владелец земли. Эксплуататорская сущность этого сектора дополнялась и маскировалась бюрократической формой, обусловленной самостоятельной и активной ролью в экономике «класса-государства». Вторая подсистема зиждилась на экономической, социальной и иных связях крупных землевладельцев с мелкими зависимыми держателями их земель на традиционном праве. Хозяин земли более или менее открыто противостоял безземельному или малоземельному крестьянину — арендатору или полуарендатору.

Распределение всего крестьянства Китая по двум секторам на 1887 г. дает картину почти полного равновесия. Естественно, что по регионам ситуация была иной. Для Севера и Маньчжурии было характерно явное преобладание бюрократического сектора и податного крестьянства (свыше 69%) над арендной подсистемой (около 31%). В Центральном Китае картина резко менялась — более 47 и почти 53%. В Южном Китае господство частного сектора и соответственно преобладание держательского крестьянства были еще более значительными (40:60). Все три варианта соотношения различных слоев и категорий крестьян по-своему отражают удельный вес обеих социально-экономических подсистем и, в свою очередь, стоящих за ними двух разных господствующих классовых общностей.

Податное и частнозависимое крестьянство (как и фактически поделенное между ними или поглощенное ими казенное крестьянство) было разобщено наличием двух классовых эксплуататорских общностей — государственной и частной — и соответственно двух социально-экономических секторов земледелия — бюрократического и арендного. Такое раздвоение разрывало крестьянскую массу надвое, привязывая каждую из половин к «своей» общности и к «своему» сектору. Дуализм в среде эксплуататоров закономерно обусловил дуализм в среде непосредственных производителей. Существование двух дихотомий («класс-государство» — податное крестьянство» и «частновладельческая среда — держатели ее

земель») создавало специфику общекитайской арендно-бюрократической системы.

Входящие в каждый из секторов классовые общности противостояли друг другу по целому ряду общественных условий. Главные различия лежали в области отношений к средствам производства, из чего вытекали соответствующие позиции в процессе производства, распределения и потребления, т.е. в рамках социально-экономических отношений.

Все это, в свою очередь, порождало явные или завуалированные различия в сфере политических, идеологических, религиозных и нравственных позиций внутри обеих дихотомий «эксплуататоры—эксплуатируемые». Те же различия отделяли четыре общности классового типа от иных социальных образований — промежуточных (ремесленники, торговцы, городской плебс) и деклассированных слоев (пауперы, люмпены).

В каждом из секторов существовал свой специфический тип эксплуатации и классового антагонизма средневекового типа. Обе пары классовых общностей строились по китайскому традиционному принципу «высший—низший» (*шан-ся*); «класс-государство» ставился выше частных землевладельцев, а податное крестьянство как владелец земли и налогоплательщик — выше безземельных держателей чужих участков. В итоге в цинском Китае фактически существовала не только средневековая иерархия сословий, но и иерархия социальных образований классового типа. В отличие от средневековой Европы с ее единой и четкой оппозицией «феодалы—крестьяне» в Китае сложились две такие оппозиции, причем разнородные: «„класс-государство“ — эксплуатируемое казной крестьянство» и «частные рентополучатели — эксплуатируемые ими держатели земли».

Такая специфика социальной структуры создавала весьма сложную картину классовой борьбы в ее традиционном преломлении. Первой ее отличительной чертой была неразвитость антагонизма «хозяин земли — арендатор». Частнозависимое крестьянство редко поднималось против крупных и средних землевладельцев — главным образом в периоды всеобщего кризиса, т.е. в конце очередного социально-экономического, демографического и династического цикла. Но даже и тогда главный удар по землевладельцам наносили не их арендаторы, а восставшая беднота, пришедшая из других районов.

Неизмеримо чаще частнозависимое крестьянство присоединялось к податному в массовых выступлениях против налогов и чиновников. Главный фронт классовой борьбы в традиционном Китае проходил по линии «„класс-государство“ — податные дворы». Он порождал многочисленные разрозненные восстания, по мере приближения к концу очередного цикла перераставшие в крупные региональные вспышки вооруженной борьбы, а затем и в гигантские по своим масштабам крестьянские войны.

Второй особенностью классовой борьбы в традиционном Китае было противостояние «класса-государства» и частных землевладельцев по ряду

экономических и социальных позиций. Отсутствие единого господствующего класса и наличие вместо него двух различных социальных образований существенно осложнили проблему лидерства. Вопрос о том, кого масса непосредственных производителей считала своим главным врагом, сочетался с вопросом, кто в реальности является ведущим эксплуататором крестьянства. И у «класса-государства», и у общности землевладельцев были свои основания для претензии на роль основного присваивателя прибавочного продукта.

Действительно, если взять зерновое производство, то в количественном отношении бюрократия имела здесь некоторое преобладание над «частными» эксплуататорами (на 14% пахотной и на 10% посевной площади), но явно уступала им по качеству земли. По числу зависимых крестьян и объему производства зерна между обоими секторами существовало прочное равенство.

В сфере же «первичного» изъятия прибавочного продукта, т.е. до уплаты налогов землевладельцами-арендодателями, последние имели трехкратное превосходство (75:25). После уплаты налогов с арендных земель соотношение существенно менялось — 60:40. Тем не менее по изымаемой массе прибавочного продукта (зерно и его денежный эквивалент) на обеих стадиях распределения главным эксплуататором крестьянства выступали частные землевладельцы. С последующим перераспределением прибавочного продукта в рамках «класса-государства» получаемая им рента-налог распределялась на собственно ренту (доля «класса») и собственно налог (доля «государства») в той же пропорции (60:40). Таким образом, землевладельцы-арендодатели получали 60%, «класс-государство» как социальное образование — 24% (рента), а 16% шло на военные, производственные, транспортные и иные казенные нужды (налог).

В то же время прочное господство частных форм изъятия и землевладельцев как главных эксплуататоров существенно корректировалось таким показателем, как широта охвата людской массы тем или иным видом изъятия. «Класс-государство» подвергал фискальной эксплуатации более 150 млн. податных крестьян и более 14 млн. рентополучателей (с членами семей). Последние зачастую перекладывали внесение налогов за арендуемые земли на плечи их держателей — арендаторов, тем самым вовлекая их в противоборство с казной. В итоге резко расширился охват крестьянской массы налоговой эксплуатацией — по меньшей мере до 200 млн. Кроме того, «класс-государство» облагал налогами городских ремесленников и торговцев (минимум 15–17 млн.), а также несколько миллионов, занятых неземледельческим трудом в сельской местности (ремесло, торговля, транспорт, горное дело и т.д.).

В этих сферах, как и в деревне, по объему изымаемого прибавочного продукта преобладала частная эксплуатация. «Частником» там выступал торговый и ростовщический капитал во всех его видах и функциях. Он был представлен купцами, торговцами, хозяевами разного рода «фирм»,

«контор», «магазинов», мелкими скупщиками и раздатчиками в системе надомной работы, ростовщиками, маклерами, подрядчиками, хозяевами мастерских, мануфактур, владельцами и арендаторами шахт, рудников, печей, прессов, вагранок, грузовых джонок, повозок, нанимателями сезонных и постоянных артелей (в горном деле, транспорте, строительстве). Частная эксплуатация такого рода была широко распространена и в сельской местности и зачастую осуществлялась теми же землевладельцами и богатыми крестьянами — кулаками. Это был еще один вид частной эксплуатации. Ее организаторы, в свою очередь, делили доходы с казной, уплачивая налоги. Доля этой сферы в совокупном общественном продукте Цинской империи в 80-е годы XIX в. составляла около 17%. С учетом ее отмеченное выше соотношение частных и государственных форм эксплуатации (60:40) принимало несколько иной вид — 65:35 или, возможно, 70:30, т.е. преобладание частных форм эксплуатации над государственными становилось все более явным.

Тем не менее людская масса, эксплуатируемая казной, значительно превышала 200 млн., тогда как в сфере частной эксплуатации в чистом виде (без допуска сборщика налога до самого арендатора) была намного ниже 150 млн.

Иными словами, если по объему изъятия прибавочного продукта главными формами эксплуатации являлись частные, в первую очередь частно-арендные, то по широте охвата эксплуатируемого населения — государственные. Неудивительно, что казна, чиновники и сборщики налогов большинством подданных Цинской империи рассматривались как основное зло.

Расщепление фактора эксплуатации по двум разным показателям еще более усложняло проблему лидерства и выяснения, кто же играл роль «главного эксплуататора» в цинском обществе. Отличная от европейского феодализма ситуация переносила основной гнев населения на «класс-государство», хотя последний изымал по крайней мере в два раза меньше прибавочного продукта, нежели «частные» рентополучатели.

Еще одна отличительная черта классовой борьбы в традиционном Китае заключалась в участии тех или иных «частных» землевладельческих слоев и местных шэньши в общей борьбе против «класса-государства». Все классовые общности и социальные слои Цинской империи находились под общим прессом азиатской деспотии. «Класс-государство» облагал налогами и политически обессиливал землевладельческую среду, концентрируя все виды руководства в своих руках и лишая ее политической самостоятельности. В результате часть хозяев земли и местных шэньши выступала выразителем общих интересов всех чрезмерно облагаемых казной налогоплательщиков и даже включалась в вооруженную борьбу против бюрократии, олицетворявшей «класс-государство».

Это еще больше противопоставляло последний остальным классовым образованиям и делало его объектом их враждебности, что особенно остро проявлялось, когда вся система вступала в полосу кризиса, т.е. в конце

очередного экономико-демографического и династийного цикла. Тогда значительная часть сельского населения включалась в борьбу против конкретного воплощения «класса-государства». В итоге происходило существенное смещение привычных европейских понятий об антифеодальной борьбе, порождавшее ее китайскую модель.

В этой связи остро стоит вопрос о природе отмеченных выше четырех основных слагаемых социальной структуры Цинской империи — «класса-государства», землевладельцев, податного крестьянства и частнозависимых держателей арендных полей. Классовыми общностями делало их наличие как целого ряда общих признаков, так и различающих их друг от друга особенностей. Указанные социальные образования характеризовались различным местом в системе производства, специфическим отношением к средствам производства, особой ролью в общественной организации труда, различными способами получения части общественного богатства и размерами последней. Эти признаки делали каждую из них особым классовым образованием, противостоящим остальным. Как социальные общности средневековой эпохи, они не обладали чистотой и четкостью эталонов буржуазного общества, т.е. не были эквивалентами современных классов.

Понятно, что в плане изучения особенностей традиционного Китая основной интерес представляют не их общеисторические признаки класса, а свойственные им формационные, стадийные, типовые, страновые особенности, слабости, дефекты и т.д.

Над общностями цинского Китая довел целый ряд факторов, явно снижавших целостность и уровень классовой зрелости. Эти социальные образования не были прочно консолидированы и подвергались общему для всех стран разобщающему воздействию средневековой аграрной экономики. Господство натурального хозяйства над товарным в соотношении примерно 62:38, распределения над обменом, местных рынков над тенденцией к созданию общекитайского рынка создавало обстановку разобщенности и средневековой пестроты местных особенностей, традиций, ограничений, привилегий и правил. Все это вело к тому, что доминировали узкие местные интересы, резко ослаблявшие связи по классу, слою и сословию. На практике для основной массы населения, охваченной рассматриваемыми четырьмя общностями, существовали лишь местные связи на уровне деревни и волости.

Это укрепляло господство вертикальных связей (семья—патронимия—государство) над горизонтальными (по социальному слою, классу, сословию). Тем самым закреплялась ячеистость, или нуклеарность, как в обществе вообще, так и внутри данного образования классового типа, замедлялось превращение последнего из мозаичной среды в однородную, лишнюю средневековых перегородок.

Три массовые общности (землевладельцы, частнозависимые и податные крестьяне) были пронизаны остатками патриархальных отношений, максимально активизированных и приспособленных традиционной систе-

мой для своих нужд. Огромную роль играла патронимическая, или клановая, организация (*цзу, цзунцзу*). В рамках такой реальной или формальной кровнородственной ячейки были спаяны вместе и землевладелец, и его крестьянин-арендатор, и шэньши из числа суббюрократии, и налогоплательщик-крестьянин-владелец земли, и паупер, и деревенский предпродетарий.

Представители этих классовых общностей были не только жителями одной и той же деревни (соседями), но и членами одного и того же клана, т.е. реальными или номинальными родственниками, чаще всего очень дальними. В рамках своей корпорации они собирались для решения общих внутренних дел клана, должны были помогать друг другу, почитали общего предка-родоначальника, имели общую кумирню и обрядовость, некое коллективное владение патронимии, например земельные участки, иногда значительных размеров. Все это часто дополнялось враждой с соседней патронимией или деревней. В таком патриархальном горниле классовые интересы и антагонизмы во многом перекрывались корпоративными, сглаживались, стирались или переплавлялись в противопоставление богатых и бедных кланов. Классовая общность ослаблялась культом предков, конфуцианской идеологией, стойкими стереотипами поведения, особенно соблюдением принципа «почтения к старшим», т.е. традиционного уважения к тому же шэньши-суббюрократу и к землевладельцу-арендодателю. Последний зачастую жил в этой же деревне и по чертам быта мало отличался от богатых крестьян.

В итоге противостояние классового типа существенно снижалось и деформировалось. Патронимическая система как разновидность средневековой корпоративности пришла на смену распавшейся крестьянской общине и в значительной мере подчинила раннеклассовые интересы корпоративным, ослабив тем самым черты класса у рассматриваемых общностей.

Разобщенность этих еще не сложившихся до конца классов усиливалась тем, что зачастую деревня и патронимия не совпадали между собой. Так, в одной деревне (особенно в Южном Китае) могло быть две-три и более таких корпораций, довольно часто одна патронимия охватывала две и более деревень, а также выселки.

Резко сказывалось отсутствие в Китае крестьянской общины, которая могла бы частично цементировать крестьянство, как это наблюдалось в Европе, в частности в России. Китайский же вариант корпоративности создавал отмеченную выше предельную дробность организационных ячеек. Они имели характер не «одноклассовый», т.е. цементирующий крестьянство и отделяющий крупных землевладельцев (как в Европе), а «трехклассовый». Такой принцип патронимической корпоративности затушевывал классовые признаки и организационную определенность как обеих крестьянских общностей, так и рентополучающей среды.

Слабая оформленность, разобщенность по горизонтали создавали условия для полного преобладания местных связей и интересов над провин-

циальными, региональными и общекитайскими. Все это питало и укрепляло партикуляризм в экономической, социальной и политической жизни. В итоге три массовых социальных образования китайского средневековья в большей мере были «классами в себе», нежели «классами для других».

Единственно организованным и частично сцементированным оставался «класс-государство». Он имел собственную организационную структуру — как общенационального, так и местного масштаба. «Арматурой» политической централизации «класса-государства» на всекитайском уровне был разветвленный многоступенчатый бюрократический аппарат — от столичного до уездного звена. Однако в силу своего двойственного положения он был лишен ряда признаков класса.

Нижним основанием унитарной системы «класса-государства» служил суббюрократический пласт. Он представлял собой разного рода узаконенные традицией неформальные объединения местных шэньши, стоявшие ниже уездного яэня и занимавшиеся различными сферами местного управления — уездного, полостного и деревенского.

Для местной суббюрократии данной области, округа, приставства и уезда был характерен определенный уровень независимости от центра — как дальнего, так и ближнего. Она всегда отставала, чаще всего мирными средствами, неприкосновенность местных групповых и клановых интересов, прав и привилегий. В случае нарушения их местная шэньши-ская среда становилась в оппозицию к центральной власти, выражая не только собственное недовольство, но и соответствующие настроения землевладельцев, а также податного крестьянства, т.е. выступая от имени всех местных налогоплательщиков. Таким образом, нижнему слою «класса-государства» была присуща большая или меньшая степень партикуляризма, снижавшего его и без того достаточно условный и своеобразный статус класса. При всем том он в значительно большей мере, нежели три массовые социальные общности, являлся «классом для других» и в меньшей степени «классом в себе».

Слабость классовых характеристик в Китае могла быть частично компенсирована сословным фактором, как это было в Европе, где классовая структура укреплялась сословной системой, а класс и сословие (например, феодалы и дворянство) совпадали, образуя класс-сословие. Подобное часто происходило и с социальным оформлением крестьянства.

В Китае же иной тип средневекового социума создал другую ситуацию. Европейский вариант соответствия и гармонии сословной и классовой структур (исключение — третье сословие во Франции) цинскому Китаю был несвойствен. Напротив, оба эти начала действовали по расходящимся направлениям: сословия не оформляли и не цементировали классовых образований, а в известной мере разобщали их. Так, «класс-государство» был разделен на «знаменное» и шэньшиское сословие. Общность частных землевладельцев также состояла из представителей двух разных сословий — *ши* и *нун*. Таким образом, если в Европе единый класс фео-

далов оформлялся как единое дворянское сословие, то в Китае эксплуататорская среда была поделена на три сословия (*цижэнь*, *ши*, *нун*) и представлена их верхушкой.

Равным образом одно и то же сословие в Китае оказывалось «разорванным» между двумя, а иногда и тремя социальными общностями. Так, верхняя половина сословия шэньши в основном была задействована в системе «класса-государства», а нижняя составляла элитный слой землевладельческой среды. Сословие земледельцев включало в себя не только обе крестьянские общности — податную и частнозависимую, но и низовой слой хозяев земли — нешэньши, в том числе «местных деспотов» (*туба*, *тухао*), а также деревенских пауперов.

В Китае не существовало единого третьего сословия. «Простонародье» (*нинминь*, *байсин*) там делилось на три сословия — *нун*, *гун* и *шан*. Фактически же ниже шэньши находилось четыре сословия, ибо внесословный «подлый люд» (*цзяньминь*) на деле составлял особое «сословие». Наличие последнего существенно усложняло сословную систему и придавало ей дополнительную специфичность. Речь идет о сословном размежевании, особенно в сфере законодательства, на «добропорядочный» (*ляньминь*) и «подлый люд». Первая категория охватывала юридически свободных «полноправных» подданных императора (*фаньжэнь*, *миньжэнь*), включая в себя весь комплекс *сыминь* (четыре сословия), но не высшее закрытое сословие *цижэнь*, имевшее особо привилегированный статус. Грань между «знаменными» и *ляньминь* пролегла в рамках «класса-государства», отделяя *цижэнь* от шэньши.

Категория *ляньминь* объединяла в себе не только нижнюю часть «класса-государства», три классовые общности — землевладельческую и обе крестьянские, но и промежуточные социальные слои — ремесленников, торговцев (два низших сословия) и часть городского плебса, а также сельских пауперов.

При таком устойчивом несовпадении и явном расхождении сословной системы и классовой структуры в традиционном Китае не было практически ни одной общности классового типа, оформленной рамками определенного сословия. В равной мере не существовало ни одного сословия, чьи границы очерчивали бы какое-либо классовое образование. Строго говоря, в Цинской империи не имелось ни одного класса-сословия, что составляло одну из особенностей китайского средневековья.

Специфическая сословная система в Китае разобщила (во всяком случае — не цементировала) каждое из четырех классовых образований. Это еще более понижало качественный уровень «классов традиционного типа» в их китайском варианте. Поскольку в Китае сословия находились на самой поверхности обыденной жизни, они служили основными ориентирами социальной стратификации, как правило, в сочетании с имущественным фактором. Мало или почти не связанная напрямую с классовыми принципами, сословная система играла во многом автономную роль, затеня со-

бой различия и ослабляя «качественную» сторону еще до конца не сложившихся классов.

Суммируя все сказанное выше, следует подчеркнуть два момента. Во-первых, Китай периода Цин был явно классовым эксплуататорским обществом, но к его основным социальным образованиям крайне условно применимо понятие «класс», да и то в самом широком его смысле. Во-вторых, смазанность этой категории, нечеткость классовых размежеваний, структуры и антагонизмов не позволяют подходить к ним с европейскими мерками (особенно буржуазного общества), заставляя делать упор на временную и местную специфику явлений.

Поэтому речь должна идти не столько о классах, сколько об общностях классового типа, т.е. ослабленных «классах традиционного типа». Они представляли собой явления более низкой ступени развития с целым комплексом специфических, в том числе и ущербных, качественных показателей — формационных, стадияльных, типовых, страновых, структурных и т.д.

В Цинской империи еще до конца не оформившиеся «средневековые классы» были не просто вариантным отклонением от европейских «эталонов», а порождением иного типа исторической эволюции. Вместо видоизмененных западных стандартов перед нами особые «китайские классовые общности» — продукты специфической «восточной традиционности» в ее страновой разновидности. Речь идет о социальных образованиях бинарного арендно-бюрократического строя, природа которого снижала у них классовые черты и задерживала изживание доклассовых признаков, создавая противоречивое образование типа «класс-предкласс», «доклассовые черты — признаки класса».

Поскольку арендно-бюрократический строй был не механическим соединением, а органической системой, то на уровне и эксплуататорских и эксплуатируемых классовых общностей, а также всего крестьянства в целом действовали не только разъединяющие, но и соединяющие тенденции, силы и институты, эффективно влиявшие на крестьянство в целом.

Во-первых, принадлежность всех видов крестьян (включая сельских пауперов) к одному и тому же сословию «земледельцев» делала их условной социальной общностью. Во времена средневековья такого рода сословная «скрепа» служила действенным цементирующим фактором, ибо принадлежность всех крестьян и деревенских пауперов к уважаемому, по нормам конфуцианской морали и традициям, сословию *нун* создавала вполне «приемлемый» для трудовой массы деревни общественный статус. Его сословные рамки (выше стояло сословие *шэньши*, ниже — менее престижные сословия ремесленников и торговцев) способствовали объединению всего крестьянства в одну родственную массу.

Во-вторых, важнейшим цементирующим фактором служила патронимическая система организации крестьянства, которая заняла место отмирающей крестьянской общины.

Она, включая в себя часть деревни, всю деревню, две и более деревень, во всех случаях объединяла в себе и податных, и частнозависимых крестьян, и пауперов. Внутри себя патронимия как бы собирала всех земледельцев одного рода и фамилии независимо от того, работали ли они на «класс-государство» или на местного землевладельца из данного и соседнего клана. Родственная общность, внутренняя спаянность, наличие общего владения патронимии, взаимовыручка, внутриклановое «самоуправление», благотворительность, общность культовых церемоний и многое другое, с одной стороны, компенсировали отсутствие общины, а с другой — сплачивали представителей разных категорий и слоев крестьян в общность малого масштаба.

Различные принципы перемешивания и объединения представителей обеих классовых общностей крестьян в одном организационном «котле» имели всекитайский масштаб. Они весьма эффективно действовали, поддерживая межклассовую средневековую социальную общность всего крестьянства. Ее укрепляли сами условия деревенской жизни, в которой податное и частнозависимое крестьянство было предельно перемешано внутри данного поселения — деревни (*цунь*), поселка (*тунь*), выселка (*чжуан*), при всей условности такой классификации китайских деревень.

В-третьих, полицейская и особенно налоговая системы Цинской империи также укрепляли общность крестьян-владельцев земли, полуарендаторов и арендаторов (через однотипный поголовный учет полицейского надзора и разнотипный фискальный учет и контроль только владельцев земли). Из-за отсутствия общины как фискально-полицейской единицы «класс-государство» был вынужден все крестьянство и неземледельческие дворы в деревне делить на десятидворки и стодворки, зачастую не обращая внимания на границы не только патронимий, но и деревень как таковых. Гнет азиатской деспотии по-своему укреплял межклассовую общность крестьянства, в том числе используя довольно высокий уровень юридического статуса основной массы земледельцев.

Подавляющая масса сельского населения считалась юридически свободными и равноправными людьми (*фаньжэнь*, *миньжэнь*). Тем не менее маньчжурские власти еще в начальный период своего господства осуществили ряд мер по прикреплению крестьян к месту рождения и жительства. Время от времени проводились переписи населения со строгой фиксацией причитавшихся с них налогов и повинностей. Ведомством налогов была осуществлена поголовная перепись земледельцев, и периодически проводились ее проверки. В реестры вносились тяглые (*ди*) — лица мужского пола от 16 до 60 лет, а нетяглые (*коу*), т.е. женщины, дети и подростки, включались в низший разряд. Периодически проверялись земельные кадастры, а волостным начальникам вменялось в обязанность прикреплять к земле людей по месту их учета. Такая приписка осуществлялась независимо от того, из какой местности происходил человек. Система мер по прикреплению крестьян к месту жительства затрудняла экономическую

и социальную подвижность населения. Тем самым ослаблялись горизонтальные и соответственно укреплялись вертикальные связи — в ущерб классовому началу и на пользу межклассовой общности.

В деревнях, подчинявшихся старостам (*личжан, сяичжан*), действовала система круговой поруки (*баоцзя*) — административно-полицейское объединение дворов в десятки, сотни и тысячи во главе с соответствующими начальниками — надзирателями. На дверях фанз или на воротах дворов вешались специальные дощечки (*мэньпай*) или бумажные таблички. На них указывались глава семьи, число тяглых и душ вообще, их возраст и имущество. Любой переезд и перемещение сельских жителей фиксировался по этим дощечкам. В системе каждые десять дворов (*ху*) составляли пай во главе с десятским (*пайтоу*); десять *пай* объединялись в *цзя* со своим сотским (*цзячжан*); из десяти *цзя* формировалось *бао* под надзором тысяцкого (*баочжан*). Выше *бао* стояло волостное управление, а вся система контролировалась местными шэньши — суббюрократией.

Все это облегчало властям учет населения, полицейский надзор, взимание налогов и контроль за отбыванием повинностей. В уездах на основе десятидворных списков (*пайцэ*) составлялись донесения для более высоких инстанций. Те, в свою очередь, посылали сводные сведения в Пекин, где они сводились в реестры (*хуанцэ, цинцэ*), на основании которых определялись прирост или убыль населения. Такая унитарная система — результат азиатско-деспотической «организующей» деятельности «класса-государства» в деревне — пронизывала оба крестьянских классовых образования, снижала различия меж ними и в какой-то мере сводила их в некую условную общность.

В-четвертых, податное и частнозависимое крестьянство в значительной мере объединялось наличием общего врага вне деревни — «класса-государства». Нажим со стороны этой «внешней» силы вел к естественному объединению всего крестьянства перед лицом могучего государственного механизма во главе со «знаменной» и шэньшиской бюрократией.

В-пятых, объединению крестьянства в межклассовую социальную общность содействовали реальные контуры не только традиционной системы *сыминь*, но и самого крестьянства как ведущей производительной части общества. Ему, т.е. основной массе китайцев (около 80% всех жителей страны), противостояли обе классовые эксплуататорские общности и аппарат надстройки (в целом несколько более 10% всего населения). В основном за счет прибавочного продукта, изымаемого у крестьянства, кормились эти 32,6 млн. и содержался государственный аппарат Цинской империи.

Если верхняя социальная грань крестьянства была достаточно четкой, то нижняя, напротив, размытой и условной. Своими наиболее бедными слоями оба крестьянских классовых образования уходили в весьма широкую в условиях Китая и социально зыбкую «пограничную» среду, где занятое в земледельческом производстве крестьянство постепенно переходило

дило в избыточную сельскую бедноту. На этом социальном горизонте крестьянство как таковое кончалось и начинался крайне многочисленный и устойчивый (т.е. нерассасываемый) внеклассовый слой пауперов.

В-шестых, гигантский демографический и социальный потенциал, каким было крестьянство, имел свою общую внутреннюю структуру. Фактическая привязанность крестьянства к двум различным социально-экономическим секторам определяла основной, фундаментальный принцип деления земледельцев в зависимости от форм эксплуатации. Помимо расчленения на податные и частнозависимые дворы крестьянство распадалось на противоположные группы и категории по ряду иных признаков.

Различное имущественное положение семей делило их на богатых (*фунун*) и бедных (*пиньху*), на имущих (*цзыгэн, цзычжун*) и неимущих (*уечжэ, учаньчжэ*). При отсутствии общинной собственности подворное землевладение и арендная система благоприятствовали росту имущественного неравенства (владение патронимий лишь обслуживало систему неравенства). Его конкретные формы и степень зависели от реальной обстановки и местных условий: уровня аграрного перенаселения, частоты стихийных бедствий и степени налогового произвола чиновников. Имущественная неоднородность крестьян пронизывала оба крестьянских классовых образования, сближая их между собой и содействуя их функционированию в качестве некой межклассовой социальной общности.

Демографический фактор, перекрывая деление земледельцев на два классовых образования, обуславливал расщепление крестьян на другие категории. Первая представляла собой экономически устойчивых земледельцев, чье более или менее полнокровное участие в производстве гарантировалось реальными условиями сельской жизни. Вторую составляло «избыточное» население — продукт перенаселенности деревни и малоземелья, которое вследствие его слабой занятости (только на время страды) и даже частичного отрыва от производства можно считать крестьянством лишь с рядом оговорок. Эта категория представляла собой социальный пласт, общий для обоих крестьянских классовых образований.

Миграция населения, в свою очередь, делила крестьян на коренных жителей — старожилов (*бэньди*) и пришельцев из других мест — переселенцев (*кэцзя, кэтоу, кэху*). Постоянная вражда между ними составляла одну из характерных черт сельской жизни в южных провинциях.

Наличие общих экономических и демографических категорий нивелировало оба крестьянских классовых образования, сближая и объединяя их в некую условную социальную общность.

В-седьмых, чисто экономические условия земледелия разделяли все крестьянство, независимо от принадлежности к классовым образованиям и секторам, на хозяйства, прочно связанные с рынком и оставшиеся в системе натурального хозяйства.

Несмотря на реальное отличие намеченных выше противостояний и различных категорий в крестьянстве как межклассовой среде, все эти

типы раздвоения, как правило, давали о себе знать в условиях либо сугубо специфических, либо чрезвычайных, либо под воздействием временных факторов. В обычных, «мирных» условиях жизни китайской деревни, в ее повседневности главный, наиболее глубокий и прочный водораздел все еще проходил по линии «податное крестьянство — частнозависимое крестьянство». То обстоятельство, что перед нами не одно, а фактически «два крестьянства», в значительной мере обуславливает решение проблемы социальной общности, во-первых, исходя из уровня внутренней консолидации каждой из данных категорий и, во-вторых, из степени единства или, напротив, разобщенности между обоими типами земледельцев.

В-восьмых, между обоими классовыми образованиями не существовало социального вакуума, структурно они не были четко отгорожены друг от друга. Между ними находились две связующие среды. Прежде всего это была масса полувладельцев-полуарендаторов, насчитывавшая в 80-е годы XIX в. вместе с семьями около 82 млн. Это малоземельное крестьянство обрабатывало клочки своей земли, приарендовывая пахотные участки у «богачей». Тем самым в данной категории сочеталось и податное и частнозависимое начало. Будучи переходной и связующей средой между двумя классовыми типами крестьян, рассматриваемая категория сближала их в одну родственную социальную общность земледельцев, эксплуатируемых по средневековому типу. Другой такой же связующей и переходной от одного классового образования к другому средой служило казеннозависимое крестьянство. Сочетая в себе черты обоих классовых образований, оно, в свою очередь, укрепляло тенденцию к сближению различных категорий земледельцев в одну условную общность межклассового типа.

В-девятых, важным фактором, объединявшим податное и частнозависимое крестьянство в некую социальную общность, было переплетение форм эксплуатации, характерных для бюрократического и арендного секторов. Хозяева земли зачастую перекладывали на арендаторов выплату налога с данных участков, вследствие чего крестьянский двор выплачивал и частную земельную ренту, и ренту-налог. У полуарендаторов также сочетались оба эти вида изъятия прибавочного продукта. В итоге значительная часть обоих крестьянских классовых образований объединялась не только самим фактором эксплуатации, но и взаимопроникновением ее форм (плюс займы землевладельцев податным).

Все перечисленные выше факторы, действуя внутри обоих крестьянских классовых образований, фактически «поверх» их размежевания, своей универсальностью создавали тенденцию сближения в некую социальную общность, пронизанную массой традиционных перегородок неклассового характера и в этом плане достаточно единую.

В конце 80-х годов XIX в. все крестьянство (включая сельских пауперов) как межклассовая общность в целом насчитывало (с членами семей) около 307 млн. (примерно 79% всего населения Цинской империи, или свыше 88% его производительного населения). Около 65% всех земледель-

цев (до 199 млн.) составляли владельцы земли (*цзыгэцун, цзыцжун сюху*). Иными словами, китайское крестьянство все еще оставалось по преимуществу массой мелких владельцев земли. Однако само владельческое крестьянство делилось на две различные имущественные категории. Наиболее значительную из них (около 117 млн., или почти 59% всех таких крестьян) составляли крупно- и среднеземельные дворы, обходившиеся своими участками и не приарендовывавшие чужую землю. Менее значимую категорию составляли малоземельные дворы (82 млн., или около 41% собственников), вынужденные приарендовывать чужую землю. Безземельные *дяньху* составляли меньшинство крестьянской массы — их насчитывалось свыше 108 млн., или несколько более 35% всех крестьян Китая. Значительную часть безземельных составляли *предпауперы* и *пауперы*.

Социальное и имущественное положение значительной части крестьян было довольно прочным. Владелец земли (60–70%) количественно преобладал над арендатором (30–40%).

Наиболее прочные позиции крестьянского землевладения сохранились в «пшеничном поясе» — в северных провинциях, где на крестьянский двор в среднем могло приходиться свыше 30, а иногда и до 40 му и более. В целом же по стране большинство крестьян владело участками в 8–10 му, а на юге — 3–5 му на двор. Крестьяне-владельцы земли и полуарендаторы обладали наиболее прочными позициями на Севере и в Маньчжурии, где безземельных дворов было сравнительно мало. Крупно- и среднеземельные дворы составляли там около 64%, малоземельные — до 21 и безземельные — свыше 15% всех хозяйств. Картина резко менялась в Центральном Китае, где удельный вес первой группы падал до 32%, второй — повышался до более 30%, а доля третьей возрастала более чем вдвое (почти 38%). Данная тенденция еще более нарастала в южных провинциях, где указанные группы составляли соответственно 26%, более 28 и почти 46% крестьян. Общее число безземельных в Центральном и Южном Китае вместе превышало 95 млн. (почти 43% всех семей). При условном равнопроцентном расчленении категории малоземельных на владельческую и арендаторскую «части» складывалось примерное равновесие владельческого (свыше 51%) и безземельного (до 49%) начал в крестьянской среде при минимальном преобладании первого.

В цинском Китае крестьянству — по преимуществу владельческому социальному конгломерату — принадлежало более 53% всех пахотных земель страны. В указанном плане крестьянство являлось «главным землевладельцем». Данным моментом объяснялась одна из коренных особенностей китайского средневековья: крестьянство никогда, даже в периоды массовых восстаний, не выдвигало требования перераспределения земли. Земельное владение как таковое, в том числе «больших домов», считалось неприкосновенным. Это была защитная реакция: китайское крестьянство как интегральная часть системы было заинтересовано не в ее ликвидации, а в ее оздоровлении и улучшении на базе деревенских патриархальных

представлений о «справедливости» и «законности». Это означало недопущение нарушений кодифицированного и обычного права, а также соблюдение прежних норм изъятия прибавочного продукта. Деревня боролась лишь за сохранение «справедливого» уровня налоговой и арендной эксплуатации. Речь шла не об уничтожении, а упорядочении и смягчении механизма изъятия.

Крестьянство Китая, будучи по преимуществу владельческой социальной общностью, защищало право земельного владения и тем самым боролось против захватов своих полей «местными деспотами». Кроме того, деревня чаще всего считала своим главным врагом не частных землевладельцев, а государство и чиновничество, т.е. эксплуатирующую часть подсистемы «казна — податный крестьянин (собственник-налогоплательщик)». В Цинской империи абсолютно преобладали антиналоговые, антимагичжурские, а также «голодные», или «рисовые», бунты, тогда как выступления против арендодателей были крайне редки.

На 1885 г. крестьянство обрабатывало 1235–1240 млн. му (с учетом повторных посевов — 1450 млн. му), давая паловой сбор зерна, равный примерно 120 млн. т в год. В 80-х годах XIX в. руками земледельцев создавалась масса продуктов потребления, средств производства и сырья, оценивавшаяся ежегодно в 2,23 млрд. лянв серебром, т.е. около 83% годового совокупного общественного продукта Цинской империи. Иными словами, крестьянство являлось ведущей производительной силой общества.

Велика была роль крестьян и в сфере ремесла, в которой создавалось материальных ценностей почти на 174 млн. серебряных лянв (более 6% годового совокупного общественного продукта страны). Особенно значительна была их доля в производстве изделий текстильной и пищевой промышленности. К этому следует добавить существенный вклад крестьянства в добычу угля, железной и иной руды, в изготовление гончарных изделий, в транспортировку различных грузов и торговлю, в первую очередь сельскохозяйственными продуктами.

Эта «промышленная» ипостась являлась еще одной дополнительной, и притом существенной, «скрепой», объединявшей своей универсальностью крестьянский социально-экономический конгломерат в своеобразную межклассовую общность. Одной из основ и важнейшей составной частью натурального крестьянского комплекса было соединение парцеллярного земледелия с домашней промышленностью. Домашними промыслами (прядением, ткачеством, плетением и т.д.) в той или иной мере занимались большинство крестьян, в то же время какая-то доля дворов была чисто земледельческой. Главенствующей массовой отраслью домашней промышленности, непосредственно связанной с мелким земледельческим хозяйством, было текстильное производство, в основном хлопкообработка.

Чтобы восстановить себя в виде гигантского производящего социального организма, крестьянству ежегодно требовались огромные массы зерна в качестве необходимого продукта. На продовольственные нужды кре-

стьянских семей уходило до 46 млн. т зерна, на семена и фураж, включая потери зерна при хранении и товарную часть фуража, потреблялось более 16 млн. т. Таким образом, необходимый продукт превышал 62 млн. т. Однако с учетом части необходимого продукта, комплектовавшейся через сферу обмена (ремесленные товары и т.д.), когда зерно выступало в роли денежного эквивалента, общая масса необходимого продукта была несколько выше. Иначе говоря, необходимый продукт составлял 52% зернового баланса Китая, в том числе продовольственный фонд крестьянства — свыше 38%, а семена и фураж вместе — свыше 13%. Что же касается соотношения этих компонентов внутри самого необходимого продукта, то продовольствие составляло почти 74%, семенной фонд — около 13 и фураж — свыше 13%.

Прибавочный продукт, создаваемый крестьянством, делился на две части — изымаемый у крестьян и остающийся у них. На стадии «первичного» изъятия первый превышал 40 млн. т, а второй составлял 17 млн. т зерна. Таким образом, общая масса прибавочного продукта, создававшегося крестьянством, превышала 57 млн. т (около 48% валового сбора зерна). В зерновом балансе Китая весь изымаемый прибавочный продукт составлял менее 34%, из них частная земельная рента — более 25, а налоги — свыше 8%. Доля же остающегося у крестьян до «вторичного» изъятия прибавочного продукта превышала 14% совокупного урожая, или 30% прибавочного продукта, изымалось же около 70%, из них на долю частного арендного сектора приходилось 53%, а «класса-государства» — 17%.

Если до «вторичного» изъятия у крестьянства оставался прибавочный продукт в размере 17 млн. т зерна, то только после одних ростовщических выплат его объем снижался до 12 млн. т. В ходе рыночных продаж из этой остающейся массы, в свою очередь, изымалась торговая прибыль, шедшая в карман зерноторговцев, т.е. тех же землевладельцев, купцов-оптовиков, разного рода ростовщиков и кулаков.

В обычные, а тем более в урожайные годы основная часть деревни сводила концы с концами. Более того, крестьянство в целом в определенных размерах получало прибавочный продукт, делавший возможным медленный прирост населения в масштабах всей страны. Деревня после уплаты налогов с большим или меньшим трудом могла дожить до сбора ранних овощей или летнего урожая. Средние владельческие дворы, не говоря уже о зажиточных семьях, в урожайные годы вели относительно безбедное существование.

Производя около 120 млн. т зерна в год, одну треть этой массы крестьянство отдавало в качестве земельной ренты «частным» лицам и ренты-налога «классу-государству». В северных провинциях и Маньчжурии у крестьянства изымалось 8 млн. т, в Центральном Китае — более 12 млн. т и в Южном Китае — до 20 млн. т зерна. Таким образом, на долю центральных и южных провинций приходилось 80% этого «первичного» изъятия. Его доля в местном производстве зерна на Севере и в Маньчжурии

равнялась 27%, в Центральном Китае — более 34 и на Юге — свыше 36%. В целом по стране крестьянство отдавало обоим классовым эксплуататорским общностям вместе до 34% общей массы выращенного зерна.

Приведенные данные требуют существенных оговорок. В целях создания целостной картины нами сознательно все «первичное» изъятие принято за натуральное, т.е. априори исключены денежные формы изъятия прибавочного продукта, как и все, что касается производства и перераспределения урожая технических культур.

В конце 80-х годов XIX в. рента-налог, выплачиваемая крестьянством «классу-государству», составляла ежегодно около 10 млн. т зерна (реального или его денежного эквивалента), а арендная плата — более 30 млн. т. Из них примерно 20% (6 млн. т) фактически вносились в виде денежного эквивалента. Примерно такое же количество переходило в руки «класса-государства» от рентополучателей в качестве налога на их земли. С учетом такого перераспределения «первичного» изъятия крестьянство производило для «класса-государства» более 16 млн. т реального и «условного» зерна, а для классовой общности крупных землевладельцев — более 24 млн. т.

После выплаты «частной» ренты и ренты-налога крестьянству оставалось до 80 млн. т зерна (более 66% его валового производства). За вычетом семенного фонда и потерь при хранении продовольственные ресурсы крестьянства (в зерне) составляли около 71 млн. т. Из них фонд потребления (исходя из годовой нормы на душу 150 кг) равнялся 46 млн. т. Оставшиеся более 25 млн. т образовывали потенциал дальнейшего использования и «вторичного» перераспределения. Данная масса шла на образование фуражного фонда, на обрядовые затраты и хозяйственные запасы, а остающееся после этого зерно поступало в сферу «вторичного» перераспределения через ростовщичество и торговлю. Фонд дальнейшего использования несколько превышал 16 млн. т (на фураж уходило более 6 млн. т, на запасы и обрядовые затраты — около 10 млн. т).

Около 1 млн. т богатое крестьянство использовало в качестве ростовщического фонда; примерно столько же бедное и среднее крестьянство отдавало в качестве процентов за натуральные ссуды. В русле «вторичного» перераспределения крестьянство, включая кулаков-арендодателей, выносило на рынок около 7 млн. т зерна (не считая того «товарного» зерна, которое крестьяне были вынуждены продавать на стадии «первичного» изъятия для внесения денежной ренты землевладельцам и уплаты налогов в медной монете или в ляновом серебре).

Принудительная товаризация крестьянского продукта играла большую роль в системе рыночных отношений традиционного Китая. Ежегодно для уплаты налогов крестьяне продавали около 8 млн. т зерна, для внесения земельной ренты — примерно 6 млн., а для погашения долгов, т.е. денежных ссуд и процентов по ним, — еще более 4 млн. т (всего более 18 млн. т зерна). Такого рода «искусственная» рыночная активность была следстви-

ем товаризации только продукта, но не самого крестьянского хозяйства или хозяйственной ячейки «землевладелец-арендатор». Принудительная товаризация крестьянского продукта давала до 40% всей массы рыночно-го зерна в старом Китае.

В русле естественной товарности, т.е. ориентированности на рынок самого крестьянского хозяйства, продавалось 15–16 млн. т зерна, в основном дорогого — риса и пшеницы. Вырученные средства шли главным образом на покупку более дешевого зерна — проса, гаоляна, кукурузы и ячменя, а также иного продовольствия — батата и бобов, в меньшей мере — на хозяйственные и обрядовые расходы, а также на приобретение ремесленных изделий. По этому каналу от крестьян поступало около 34% всекитайской товарной зерновой массы. В целом же по каналам принудительной и естественной товарности крестьянство поставляло 33–34 млн. т, или более 73% всего товарного зерна в Китае.

Таким образом, у двуединой социальной общности крестьянства еще превашировало натуральное потребление. Однако товарное потребление уже играло значительную роль в жизни этой гигантской массы непосредственных производителей. Приведенные выше показатели дают основание оценить натуральное потребление китайского крестьянства примерно в 30 млн. т, а товарную часть потребления — приблизительно в 15 млн. т зерна, т.е. соответственно в 25–26 и 12–13% зернового баланса страны. В деревне в целом доминировал натуральный и полунатуральный уклад.

Функционирование крестьянства Цинской империи в двух различных состояниях, т.е. в виде межклассовой общности и в виде двух классовых образований, свидетельствовало о сосуществовании тенденции единства и разобщенности. Классовое начало оказалось разделенным на два уровня. В первом — базовом и глубинном — оно реализовалось лишь частично, в условиях разделенности на два образования, стоявших по своей природе ниже обычных классов. Во втором — более поверхностном — господствовала тенденция к слиянию обоих образований в социальную общность, где преобладали не различия классового типа, а общие черты. Такого рода общность была также реализацией классового начала, но еще более низкого типа. Диалектика взаимодействия этих двух уровней в китайском варианте средневековья заменяла собой существование единого крестьянства как особого класса, что было характерно для европейского феодализма. Таким образом, цинское общество несло в себе не единое по своей материализации классовое начало, а его разобщенный вариант, характеризовавшийся отсутствием обычного класса крестьянства как такового.

Выше отмечалось, что между «классом-государством» и частными рентополучателями не было непроходимой границы. Вторая социальная общность составляла массовое основание пирамиды власти первой. Земледельческая среда служила одним из источников пополнения как чиновничества, так и сословия шэньши. Крайне важным связующим фактором служило и само земельное владение. Значительная часть бюрократии

и суббюрократии, не говоря уже о шэньши «второй группы», в зависимости от размера владения были крупными, средними или мелкими арендодателями. Эта часть государственных функционеров в той или иной мере являлась получателем «частной» ренты в форме арендной платы. Земельный, а следовательно, и производственный фактор в рамках своеобразного «хозяйства» типа «хозяин земли-арендатор» сближал чиновников и «частных» рентополучателей в условную межклассовую общность.

Сословная система не только разъединила эти оба классовых образования по трем разным сословиям (*цижэнь*, *ши*, *нун*), но и отчасти соединяла их. Данную функцию выполняло сословие *ши*. В него входили не только чиновники (функционеры, отставные, кандидаты на должность, обладатели почетных должностей — пожалованных и купленных) и шэньши-суббюрократы «первой группы», но и шэньши «второй группы», т.е. с ослабленными признаками суббюрократии и с преобладанием арендных доходов. Они венчали классовую общность «частных» землевладельцев, одновременно являясь низшей контрольно-управленческой средой, или периферийным окружением «класса-государства». Шэньши-землевладельцы такого рода, как суббюрократия «первой группы», соединяли «класс-государство» и среду частных рентополучателей в некую межклассовую общность, взаимосвязывая сословный и земельный факторы.

Землевладельцы становились шэньши, а затем и чиновниками. В равной мере ранее безземельные бюрократы и «ученые мужи» на «должностные» доходы покупали землю и превращались в рентополучателей. Их сыновья и внуки, уже будучи частными землевладельцами и формально людьми из сословия *нун*, повторяли восхождение в сословие *ши*, а затем и в чиновную среду, т.е. входили в состав «класса-государства». Такого рода сословная и классовая ротация также вела к сближению «класса-государства» и землевладельческой среды в рамках межклассовой общности. Их объединяла и принадлежность к одной и той же патронимии. Чиновники и те суббюрократы, которые жили в городах, не порывали связей со своим кланом. По окончании службы они зачастую возвращались в «свою» деревню на жительство, становясь во главе простых землевладельцев своей патронимии и данной округи.

Все перечисленные выше факторы вели не только к раздельному функционированию двух социальных общностей классового типа, но и к их сближению в рамках слабооформленной, аморфной общности. По своему количественному охвату она была более широкой, а по качественным характеристикам более низкой, нежели оба составлявших ее компонента.

Характеризуя данную межклассовую общность, рассмотрим ее основные количественные параметры. Ее общая численность (вместе с членами семей) на конец 80-х годов XIX в. превышала 19 млн. Из них почти 14 млн. принадлежали к числу землевладельцев, а 5 млн. кормились за счет поступлений в казну, взяток, вымогательства и хищений налоговых сумм.

Эти основные эксплуататорские классовые общности получали в качестве налогов и земельной ренты (с последующим перераспределением) свыше 40 млн. т зерна (реального и в виде денежного эквивалента), что составляло более 33% ежегодного всекитайского зернового производства. На снабжение госаппарата и другие казенные расходы «класс-государство» выделял более 5 млн. т. Остальные 35 млн. т шли на потребление данной межклассовой общности и другие ее нужды. Из них около 10–11 млн. т поступало на рынок, а около 9 млн. — на ростовщические ссуды.

Значительная часть зерна шла на содержание многочисленной челяди, насчитывавшей более 13 млн. человек. Вместе со слугами данная межклассовая общность охватывала примерно 32 млн. Из них около 7 млн. проживало в городах и 25 млн. — в деревне.

С одной стороны, оба классовых образования, составлявшие эту межклассовую общность, были родственны и в силу своей общей формационной природы. С другой стороны, их разобщала неразрывная связь каждого из них со своим укладом или подсистемой (бюрократической и арендной). Такая межклассовая общность не могла преодолеть своей конгломератности, будучи достаточно условным соединением двух разнообразных компонентов, а в них соответственно слоев, прослоек и групп. Для такого механического соединения, как, впрочем, и для крестьянской межклассовой общности, понятие «класс» вряд ли приложимо. Эта общность выступала как некий суррогат единого класса-сословия феодалов, существовавшего в системе европейского феодализма. Таким образом, противоборство двух тенденций в процессах классового образования (разобщенности и единства) поставило не только крестьянскую, но и эксплуататорскую среду цинского Китая в условия, когда она находилась в двух измерениях и двух состояниях — в образованиях классового типа и межклассовых общностях.

Если в Европе феодализм был представлен антагонизмом двух достаточно единых, нерасчлененных и в этом смысле «больших» классов (феодалы и крестьяне), то традиционный Китай породил систему четырех дробных и в этом смысле «малых» общностей классового типа («класс-государство», землевладельцы, податные и частнозависимые крестьяне). Такая дробность явилась результатом разобщающего воздействия азиатской деспотии бюрократического типа. Система четырех классовых общностей составляла не только специфику, но и основу классового деления, тогда как слабее выраженное и менее значимое противостояние двух межклассовых общностей являлось производным и второстепенным.

Принцип разобщенности классовых образований действовал и в недрах европейского феодализма. Наиболее ярким его проявлением оказалось наличие помещичьих (крепостных) крестьян, с одной стороны, и казенных (государственных и дворцовых) крестьян в России — с другой. В Западной Европе подобная раздвоенность проявлялась слабее (например, цензитарии и владельцы аллода во Франции). Однако и там,

и в России класс феодалов оставался в целом достаточно монолитным. Тем не менее какие-то тенденции к выделению внутри его частнопомещичьего и государственно-бюрократического течений просматривались. Отметим возникновение судейского и чиновничьего «дворянства мантии» во Франции, создание с начала XVIII в. чиновного дворянства (личного, потомственного и «благородного») из верхов разночинной бюрократии в России и т.д.

Однако эта тенденция раздвоения не подорвала единства феодальной среды. Нигде в Европе бюрократия не стала силой самостоятельной по отношению к дворянству, не произошло отчуждения государства от помещичьей среды или перерождения его природы как «комитета по управлению делами» единого господствующего класса. Расщепление последнего на две части лишь намечалось, а государственно-феодалное начало не противопоставило себя частнофеодалному.

Таким образом, проявление этих двух начал внутри средневековой системы, возникновение между ними неких взаимоотношений имели место и на Западе, и на Востоке, т.е. были общеисторическими. Тот или иной вариант их воплощения, разное соотношение элементов единства и борьбы представляли собой уже особенность данного региона, страны и этапа развития. В равной мере эти моменты проецировались и на крестьянскую среду.

В Китае общеисторический дуализм государственного и частного принял крайние формы и вышел на первый план. Он привел, во-первых, к разделу единого «большого» господствующего класса на две самостоятельные части при аналогичном членении крестьянства. Во-вторых, образование таких дробных, или «малых», общностей ослабило их качественные характеристики и понизило их уровень: от класса — к общности классового типа. В Китае в отличие от Запада в процессе классового образования победила тенденция разобщения, а обесцененное цементирующее начало реализовалось в межклассовых общностях, т.е. в слабом подобии единых «больших» классов. Европейская дихотомия двух классов и китайская система четырех общностей каждая по-своему отражали соотношение общего и особенного. В то же время межклассовые общности в Китае в большей мере выражали весь спектр общеисторических тенденций, одновременно и объединяя, и разделяя подавляющую массу традиционного социума на эксплуататоров и эксплуатируемых. В китайской «раздвоенной» модели четыре классовые общности несли в себе сущностное начало и господствующую тенденцию к разобщенности, а межклассовые образования — формальный аспект и побежденную линию эволюции.

Цементирующая и разобщающая тенденции воздействовали на классовую сферу и через нее на сословную систему. Сословия же не опирались на классовые образования, что порождало взаимную оторванность их друг от друга, несостыкованность классового и сословного начал, отсутствие классов-сословий европейского типа. Все это привело к тому, что

в традиционном Китае сословия в полном смысле слова оказались надклассовыми общностями. В этом своем качестве специфически китайская сословная система ослабляла классовое начало в его средневековом воплощении, понижала его уровень, размывала его границы и организационные формы.

Господство же системы таких надклассовых общностей, со своей стороны, способствовало дуализму в классовой сфере («государственные функционеры» — частные землевладельцы, податное крестьянство — частнозависимая общность). Сословия либо крайне мало цементировали классовое начало (*ши* у верхов, *нун* у крестьян), либо совсем не оказывали на него воздействия (*нун* на землевладельцев), либо разобщали его (*цижэнь* и *нун* у эксплуататоров). В этом противоречивом воздействии сословный фактор «работал» и на разобщение, и на объединение классового начала, т.е. и на создание дробных социальных образований, и на возникновение межклассовых общностей.

В европейском варианте основные сословия и классы были слиты и не только оформляли, но и укрепляли друг друга. Такое взаимодействие, в свою очередь, способствовало созданию как четких сословий, так и полнокровных классов. В китайском же варианте обоюдная разобщенность мешала оформлению и ослабляла оба начала. Это, в свою очередь, содействовало созданию вместо классов европейского типа социальных образований более низкого уровня, с одной стороны, и еще более слабых межклассовых общностей — с другой.

Межклассовые общности, будучи во многом продолжением четырех образований классового типа, в определенной мере компенсировали качественные недостатки последних, их формационные и стадийные слабости как социальных общностей, стоявших ниже уровня классов. Объединенные в межклассовую общность, два таких социальных образования служили друг другу либо «продолжением», либо более широким основанием. Так, общность земледельцев была основанием и отчасти опорой «классу-государству», а последний выступал охранителем неприкосновенности и незыблемости частного земельного владения, а также экономических и социальных позиций его носителей.

Однако эта межклассовая общность несла в себе не только обоюдную взаимовыгодность, но и подчиненность одного компонента другому. Господство «класса-государства» над частными рентополучателями имело для них роковые последствия. В этой оппозиции «высший-низший» «класс-государство» забрал себе практически все политические, идеологические и организационные функции, которые в Европе принадлежали единому классу феодалов. «Класс-государство» монополизировал все рычаги политического господства, отобрав их у частных землевладельцев. Даже в сельской глубинке все местные неформальные функции — от школьных дел до командования сельской милицией — сосредоточивались в руках низовой суббюрократии.

В итоге сильные экономические позиции землевладельческой общности не соответствовали беспомощности ее политического статуса. Последний характеризовался безгласностью, неорганизованностью, отсутствием политического самоопределения и собственных организационных ячеек, отличных от институтов, созданных или контролируемых суббюрократией. Такие внутренние противоречия ослабляли межклассовую эксплуататорскую общность. Различия в экономическом и социальном положении между податными и частнозависимыми дворами оказывали аналогичное воздействие и на крестьянскую общность.

Таким образом, межклассовые общности являлись более разнородными, конгломератными, внутренне противоречивыми и тем самым качественно еще более низкими социальными образованиями, нежели составлявшие их общности классового типа. Однако в китайской модели средневековья они частично восполняли отсутствие единого господствующего класса и объединенного крестьянства (впрочем, и в западной модели «монотипность» обоих «больших» классов была достаточно относительной).

В какой-то мере заменяя своим противостоянием отсутствие жесткой оппозиции европейского типа («феодалы—крестьяне»), межклассовые общности не восполняли разрыв между сословной системой китайского типа и системой четырех классовых общностей. Если последние были порождением довольно узкого — внутрисекторского — взаимодействия в процессе производства и распределения прибавочного продукта в каждой из двух подсистем (государственной и частной), то межклассовые общности сложились и существовали на более широком общественном горизонте. Межсекторское взаимодействие сводило обе экономические подсистемы в единую систему всекитайского масштаба, а межклассовые общности выполняли системообразующую функцию уже на социальном уровне. В результате две «вертикальные» подсистемы («класс-государство» — податное крестьянство, «частные» рентополучатели — держатели их земли) сочетались с двумя «горизонтальными» блоками («класс-государство» — землевладельческая среда, податные дворы — арендаторское крестьянство).

Сведение воедино всех производственных и социальных связей создавало сплав «вертикального» и «горизонтального» взаимодействия, т.е. их системное и функциональное единство. В этой итоговой структурообразующей связи роль межклассовых общностей была крайне важной. В своем политическом выражении она резко возрастала в периоды восстаний и крестьянских войн. Однако и в годы экономико-демографических и династических кризисов, междоусобных войн и смут межклассовые общности не всегда выступали на первый план и главную роль по-прежнему играли общности классового типа.

Таким образом, в цинском Китае имело место иное, нежели в Европе, классовое начало, его специфически китайское выражение. Существование двух разных уровней его реализации — основной (общности классового типа) и второстепенной (межклассовые общности) — отражало ра-

зорванность единства, характерного для стран Запада, и отсутствие средневековых классов европейского типа. Одновременные дробность и системность классовой структуры китайской модели по-своему отражали соотношение родового и типового, общего и особенного, целого и частного, единства и противоборства, характерных для средневековья.

В отличие от «двухслойной» системы (сословия–классы) европейского типа в Китае сложилась «трехслойная» структура (сословия — межклассовые общности — классовые образования). «Среднее звено» в ней отчасти восполняло разрыв между специфически китайской сословной системой и четырьмя классовыми образованиями. Данная функция во многом определяла целостность всей социальной структуры с ее раздвоенным классовым началом. Специфика последнего в традиционном Китае заключалась и в том, что «класс-государство» как политически господствующая сила не был таковой в экономическом плане. Этот социальный аналог китайской деспотии менее всего являлся социальным образованием, подобным трем остальным классовым общностям. В отличие от них он представлял собой специфический синтез ослабленного социально-экономического («класс») и сильного надстроечного, точнее, институционального начала («государство»). «Класс-государство» не только господствовал над тремя «податными» классовыми образованиями, но и контрастировал с ними в рамках явной оппозиции «высший–низшие», или «„класс-государство“ — рядовые классовые образования». Столь отличная от европейской модели классовая иерархия являлась порождением особой созидательной и разрушительной роли азиатской деспотии, ее автономности и мощи в традиционном Китае.

Глава 7

Политический строй

Формационную природу средневекового Китая историки, социологи, экономисты и политологи квалифицируют по-разному. Здесь имеют место такие оценки, как «китайский феодализм», «государственный способ производства», «традиционное общество» и др. Наиболее значимой альтернативой «китайскому феодализму» остается «азиатский способ производства». При столь широком спектре формационных оценок единственным, т.е. принятым всеми, определением политической надстройки остается «китайская деспотия». Это очень древний феномен, известный еще за две тысячи лет до н.э. В данной главе нет необходимости рассматривать генезис этого явления. Здесь анализируются лишь его давно сложившиеся формы в том их виде, какими они сохранились к рубежу позднего европейского средневековья и нового времени.

Феномен «власть-собственность»

На феодальном Западе земельные отношения находились преимущественно в частноправовой сфере. Что же касается средневекового Китая, то здесь они по традиции оставались в государственной правовой системе. Верхний горизонт земельных отношений в Западной Европе базировался на правах частного феодала. Сначала это было правом его владения как сеньора и вотчинника, а затем — его правом собственника. Сидевшие на его земле крестьяне подпадали под действие частнофеодального права. На Западе действовало множество субъектов права. В средневековом Китае подобного поля не существовало. Субъектом права выступало только сверхмогущественное государство — как монополичный собственник. Частные же лица являлись скорее объектами чем субъектами земельного права. Олицетворением земельной собственности в Китае выступал не частный феодал, как это было в Европе, а само государство. Тем самым резко повышалась его роль в жизни общества в сравнении с Западом. В итоге китайская деспотия господствовала не только в сфере политической надстройки, но и в самом социально-экономическом базисе. В Западной Европе земельная собственность в конце концов стала главным фактором

существования класса частных феодалов. В частную собственность перешли не только поля, но и луга, леса и пустоши. Кому принадлежала земля, у того была и власть, т.е. собственность являлась источником политического господства. В Китае же классообразующим началом оказалась не земля, а верховная власть. Благодаря этому бюрократия стала правящим классом — «государственным классом». Так возник один из феноменов традиционного Китая — «класс-государство».

Основанная на частной собственности социально-экономическая система стала в Западной Европе первичным, а власть — вторичным началом, проистекающим из сферы земельных отношений. Земельная собственность была выше власти и сильнее ее. В китайском же варианте первичной и самодостаточной стала именно власть, а поземельные отношения остались на втором плане. Если в Европе власть и собственность оказались разделенными, то в Поднебесной империи — слитыми воедино. В истории Китая прерогативы правителя сложились раньше оформления частных имущественных прав. В силу этого право собственности стало монополией государства, прочно слившись с ним. Поскольку собственником земли издавна выступала сама деспотия, ее подданным были оставлены лишь права владения и держания земли. В этой ситуации собственность являлась неотъемлемой принадлежностью власти. Сама же власть выступала и как административно-политическое господство, и как монополия на право собственности. Тем самым в Китае государство захватило и сделало своей прерогативой верхний горизонт имущественных прав. В итоге подданные деспотии изначально оказались либо владельцами, либо держателями земли, т.е. обладателями имущественных прав второго и третьего сорта. Такое массовое поражение в правах крайне обессилило хозяйственную активность социума в сфере долгосрочного предпринимательства.

В Поднебесной в условиях деспотизма государство не принадлежало обществу, как это было на Западе, а являлось «частной собственностью» верховного класса бюрократии. Причем в Китае имела место только одна форма земельной собственности, а именно верховная, непосредственно противостоящая частному владению землей. Став достоянием государства, «добычей» и монополией правящей бюрократии, собственность оказалась одной из функций власти и ее принадлежностью. Создание на этой почве амальгамы «власть-собственность» явилось одним из феноменов традиционного Китая. Вторым феноменом был бюрократический «класс-государство», олицетворяемый монархом как главой деспотии. При необеспеченности прав личности и отсутствии частной собственности на землю он стал верховным земельным собственником, получателем налогов и доходов от разного рода трудовых и иных повинностей. Это были взаимоотношения между собственником и владельцами, между носителем власти и податным населением. «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника

и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной „ренты“, — писал К.Маркс. Такая специфическая реальность как «рента-налог», явилась третьим феноменом китайской модели наряду с «властью-собственностью» и «классом-государством».

Если общества Западной Европы сформировались под эгидой частной феодальной собственности, то социум Поднебесной империи сложился в обстановке гегемонии верховной собственности государства, т.е. коллективного достояния правящей бюрократии. Само государство в средневековом Китае в известном смысле являлось «коллективной собственностью» бюрократии. Чиновный класс выступал монопольным собственником всех земель в пределах страны. К.Маркс писал: «Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей».

Поскольку в Китае власть была первичной по отношению к имущественным правам социума, именно деспотия определяла, кто имеет право на статус собственника, а кто должен довольствоваться положением владельца или держателя. Эти две последние категории имущественных прав государство милостиво оставило за своими подданными. Поскольку верхний этаж земельной системы был прочно занят бюрократией, все, кто имел землю на правах владения или обрабатывал ее на правах держания, автоматически попадали под действие государственного права. Трехступенчатая пирамида земельных прав «верховная собственность — частное владение — частное держание» служила прочным фундаментом китайской деспотии, ибо все «частники», т.е. владельцы и держатели, так или иначе «сидели» на земельной собственности государства.

На феодальном Западе политическая власть находилась в руках тех, кто сначала владел землей, а затем стал ее собственником. Управленческие функции здесь оказались придатком частной собственности. В Китае же, где землей владели одни, а властью — другие, частное владение землей не вело к установлению власти над населением. Здесь землевладение и политический статус чаще всего оставались не связанными друг с другом. Более того, власть и земля были разделены верховной силой — государством. Политический статус определялся не размерами наследственной или купленной земли, а местом в системе самой деспотии, т.е. ступенькой в чиновной иерархии. Для обретения власти частному землевладельцу надо было стать функционером госаппарата. Привилегии и материальные блага распределялись чаще всего через государство, т.е. через систему должностей, чинов, рангов и степеней. Богатство приносило власть и обеспечивало политический статус лишь при обмене денег на власть, т.е. покупке должности, чина или ученой степени. В этом случае доходы от землевладения конвертировались во власть, т.е. место в госаппарате.

Так экономические «частные» позиции открывали доступ в коридоры власти. Однако временность и превратности бюрократической карьеры обусловили неустойчивость этого ненаследственного статуса.

Китайская деспотия своей мощью разъединила политический статус и землевладение. Соединить их можно было, только пойдя на поклон к бюрократии и отдав ей свои накопления от земельного владения, торговли и ростовщичества. Отсюда происходила высокая социальная мобильность. В Китае богач мог купить себе место в управляющей, а то и в правящей структуре. Тем самым богатый «выскачка» занимал новое, более высокое место в сословной иерархии, поднимаясь в среду «государственных мужей» и привилегированного сословия шэньши. Поскольку происходило такого рода «переманивание» частных-богачей в государственную систему, верховный класс являлся «открытым». В него можно было войти «снизу» через механизм вертикальной мобильности — за деньги, за заслуги, за знания через экзамены и отбор, по протекции и т.д. «Открытость» сословия шэньши в традиционном Китае служила для перекачки сюда всего лучшего из других сословий. Тем самым последние обезглавливались и обессиливались. Деспотия действовала как «вампир», отсасывая самую горячую и мобильную «кровь» из сферы экономики и социума простолюдинов. И в этом плане «класс-государство» жил «соками» остальных подданных Сына Неба. В итоге постоянно снижалась возможность восхождения социума к более высокой стадии, парализовалось его движение к иной формации. При этом самая мобильная верхушка частновладельческой среды вовлекалась в погоню за властью, чинами и учеными степенями, т.е. втягивалась в систему самой деспотии и переходила на службу ей. В итоге экономические отношения и частное начало заслонялись политическими отношениями и государством. Наиболее сильные из землевладельческой среды уходили в лагерь бюрократии. Последняя ассимилировала этих «неофитов», тем самым ослабляя и обезглавливая своего возможного конкурента — класс частных землевладельцев-рентополучателей. То же самое происходило с верхушкой купеческой и ростовщической среды. Механизм такой социальной мобильности укреплял деспотию и гарантировал застойность всей модели общества в целом.

К концу средневековья государство на Западе охраняло интересы и господство класса земельных собственников, выступая инструментом частных феодалов. В Китае же государство не могло стать чьим-либо орудием, поскольку само в лице носителей власти являлось «правлящим классом». Китайская деспотия и господствующий класс совпадали, образуя нерасчленимый феномен — синтез институционального и социального начал, т.е. «класс-государство». Поскольку в Поднебесной империи власть и собственность оставались слитыми воедино, государство являлось доминирующим собственником и наиболее мощным субъектом экономических отношений. Поэтому вполне закономерно, что оно было превыше всего, благодаря чему удавалось держать частное начало в подавленном состоя-

нии. Между тем именно слабость феодального государства в Западной Европе способствовала созданию там прочной частной собственности и сильного общества, опиравшегося на позиции частных феодалов.

Сверхразвитие китайского государства деформировало социум, не позволив ему развиваться в направлении, опасном для деспотии и ее бюрократии. Так верховный «класс-государство» изначально парализовал возможность саморазвития среды частных крупных землевладельцев в господствующий класс. Правящая бюрократия не допустила превращения частного земельного владения в частную собственность. Тем самым оказалось прочно заблокированным становление частнособственнического социума с совершенно иной социальной психологией. Китайская деспотия не позволила статусу человека подняться до уровня независимой самостоятельной личности. Государство не допустило развития частного права и верховенства закона. Таким образом, оказался перекрытым путь к созданию социума самостоятельных, охраняемых законом частных собственников, личностного социума индивидов, независимых от воли бюрократии новых хозяев страны. В итоге сверхразвитие деспотической государственности парализовало способность китайского общества к саморазвитию, к выходу в иной социум, иную надстройку, т.е. к созданию угрозы всевластию верховного «класса-государства».

В Западной Европе частная земельная собственность служила феодальному дворянству гарантией его независимого от государства положения. Данный статус для дворянства создавал такие преимущества, как осознание своей политической силы, право на свою организацию в рамках провинции или баронской лиги, экономическую самостоятельность, привилегированный сословный статус и престиж. А право самоорганизации, ношения оружия, вооружения своих вассалов и слуг позволяло бороться с короной и на поле боя. В Китае частное земельное владение самой бюрократии ничего этого не гарантировало и лишь давало возможность ее потомкам — сыновьям и внукам в случае удачи вернуться в ряды верховного класса. В данном случае это было напрямую зависимое от деспотии владение, т.е. антипод независимой от короны частной собственности феодалов Западной Европы. В Среднем государстве частная земля не являлась источником власти. Она не только не порождала власти, но и не служила источником особых прав, прежде всего сословных и политических. Даже частная земля чиновника и его частное богатство отходили на второй план, уступая приоритет государственной службе с ее властными функциями. Чиновникам и военным, т.е. «классу-государству», частная земельная собственность была нужна только после отставки или потери власти. Однако введение частной собственности на землю означало бы фактическое разрушение особого статуса верховного класса и ликвидацию феномена китайской деспотии. При сохранении же последней «класс-государство» имел нечто более важное, а именно слияние власти и собственности. В условиях средневекового Китая власть всегда остава-

лась намного предпочтительнее и надежнее, нежели частное начало, а тем более частная собственность как одиозное, почти криминальное и противозаконное начало.

Китайская деспотия как могла «угнетала» крупное частное землевладение, мешала его росту, ограничивала частных рентополучателей экономически, сословно и политически. Крупные частные землевладельцы здесь встречали непреодолимые препятствия на пути своего так и несостоявшегося превращения в индивидуальных собственников и господствующий класс. Отсутствие майората в Китае и раздел земли поровну между наследниками резко ослабляли частновладельческое начало и соответственно усиливали власть чиновного класса. Тем самым периодическое и массовое дробление частного землевладения наиболее соответствовало потребностям деспотии. Последняя всячески блокировала опасный для нее рост частного сектора, прежде всего крупного частного землевладения, поскольку он усиливал социальное расслоение и напряженность в обществе, вел к усилению «больших домов» и к политической нестабильности.

На средневековом Западе частные феодалы стали консолидированной силой, чего не произошло в Китае. Здесь, напротив, консолидировалась бюрократия — военная и штатская — в противовес частным крупным и средним землевладельцам. Последние так и не смогли организовать в особую политическую подсистему. В отличие от феодального Запада государство в традиционном Китае не позволило частной верхушке, т.е. крупным и средним землевладельцам, создать их собственную самостоятельную систему, автономную организацию, независимые объединения политического, военного и экономического характера. Такого рода организационная прерогатива осталась монополией всемогущего государства. В древнем и раннесредневековом Китае частные крупные землевладельцы боролись за социальное, а тем более политическое лидерство, но победило государство. Захватив политическое и в значительной степени социальное лидерство, «государственный класс» препятствовал объединению «частных» богачей-землевладельцев в независимую от казны силу, способную обрести политическую власть либо уравновесить ее, контролируя правящую чиновную среду.

Китайское государство, извечно рассматривавшее частный сектор экономики и его лидеров как угрозу своему господству, не защищало, а всячески ослабляло его позиции в землевладении, торговле, ростовщичестве и предпринимательстве. На Западе же была создана юридическая защищенность частника от государства и частной собственности от произвола властей. При этом государство уступило важные юридические функции независимым от него судам и даже частным силам в лице городских магистров. На этой основе появились тщательно проработанные судебные процедуры и независимые профессиональные юристы, оберегавшие свою самостоятельность, объективность и авторитет. В позднефеодальной Западной Европе с укреплением частной собственности и верховенства за-

кона создавались гарантии неприкосновенности частного имущества и безопасности личного богатства. В традиционном же Китае сложилась иная ситуация. Здесь государство не выступало покровителем и защитником богатых «частников» ни в городе, ни в деревне. Чиновная деспотия не давала купцам, ростовщикам и предпринимателям правовых и практических гарантий неприкосновенности нажитых ими состояний. Незащищенность личности и частного имущества вынуждала богачей ограничивать масштабы деловых операций, превращать свои богатства не в функционирующий капитал, а в недвижимость и сокровища, не выставлять их напоказ, укрывая от жадных глаз властей. Происходило омертвление потенциального капитала в кладах и кубышках.

В средневековой Западной Европе независимые от центральной власти частные собственники — феодалы и горожане, обладая на местах юридической, экономической и военной властью, оказывали сильное влияние на государство. В традиционном Китае, напротив, могущественное государство подчиняло своему влиянию зависимых от него землевладельцев-крестьян и горожан, замкнутых в своих коллективах — семье, патронимии, корпорации, т.е. цехе, гильдии и землячестве. Данное коллективное начало способствовало борьбе китайской деспотии против частного владельца, ограничивая свободу его действий не столько законами, сколько обычным правом и чиновным произволом. Частновладельческая среда всегда оставалась политически бессильной, поскольку военная и штатская бюрократия всячески подавляла ее развитие. По всем показателям (власть, доходы и престиж) государство было намного сильнее нечиновных землевладельцев и иных «частников» города и деревни и сумело не допустить становления частной собственности. Власть выступала как независимое от «частных» магнатов начало, как детерминирующий фактор классовобразования. В этих условиях в лице могущественного госаппарата и всеопределяющей бюрократии в Поднебесной постоянно воспроизводился абсолютный лидер общества, именуемый азиатской деспотией. В итоге в средневековом Китае частная собственность как юридический, социальный и экономический институт не сложилась, что лишило историческое развитие страны созидательных, преобразующих и мобилизующих импульсов.

В Китае не существовало жесткой системы наследственных аристократических титулов как основы класса феодалов. На Западе же феодальная система имела строго закрепленную иерархию земельной собственности, держаний и вассалитета, политический статус обычно совпадал с размерами собственности и держания, частная земля и власть, как правило, дополняли друг друга в единой «связке». В конечном счете земельная собственность оставалась в Европе основным источником власти. Европейской «частной» феодальной иерархии Китай противопоставил бюрократическую «табель о рангах». Государство и власть здесь служили основной матрицей общества, отодвинув на второй план частное начало и землева-

дение. Причем должностные доходы, прежде всего от злоупотребления властью, намного превышали прибыли от землевладения, торговли и ростовщичества. Здесь власть приносила богатство, которое затем чаще всего трансформировалось в земельные владения. Поскольку в Китае не сложилось частного правящего класса, т.е. среды политически господствующих феодалов-землевладельцев, то правящей силой оказались «люди казны», государственные функционеры.

Если на позднесредневековом Западе бюрократия осталась всего-навсего управляющей прослойкой, то в традиционном Китае она очень рано стала правящим классом и этой своей ключевой позиции не отдала никому другому. Гегемония «класса-государства» выступала как доминанта и константа традиционного общества. Китайский бюрократический класс по всем общественным показателям оказался сильнее «частнофеодальной» среды, не говоря уже о торгово-ростовщической прослойке в городах. В отличие от Запады здесь не частнофеодальный класс опирался на «свое» государство, а чуждый ему «класс-бюрократия» контролировал среду крупных и средних землевладельцев, стоявшую вне правящего госаппарата. Власть последнего представляла в форме бюрократического контроля и чиновного управления социумом сверху донизу. В средневековом Китае бюрократия не стала служилым слоем, управляющим за какой-то класс или для какого-то класса. Она стала самостоятельным классом, правящим от собственного имени. Внутренняя структура этого социального образования отличалась в чиновную иерархию. Место в последней, т.е. степень приближенности к вершине этой пирамиды, служило главным фактором, определяющим статус каждого отдельного функционера. Что же касалось его частных доходов — земельной рентой и пр., то они имели второстепенное значение.

В условиях традиционного Китая власть требовала повышенной централизации госаппарата, строгой дисциплины всех его звеньев и особой дееспособности машины подавления, прежде всего вооруженной силы. Строго иерархизированный бюрократический класс в Поднебесной возглавлялся самим правителем. Здесь монарх выступал не первым из частных феодалов, как это было в Западной Европе, а как верховный бюрократ — глава всех государственных функционеров. В итоге «класс-государство» в Китае выступал не только как особое социальное образование, противостоящее частным крупным землевладельцам, но и как особая организация, обладающая неконтролируемой властью над населением. Тем самым сложился не просто госаппарат, а чиновная структура, конституировавшаяся как господствующий класс. Не только сам монарх, но и его двор, по сути, являлись слагаемыми бюрократического класса. В рамках последнего функционировало и ближайшее окружение властелина — его родня, «канцлеры», регенты, «первые министры», фавориты-временщики. На этой почве родилось в Китае еще одно уникальное явление, а именно евнухи-временщики и евнухи-чиновники, в том числе военачальники и ди-

пломаты. При этом неслыханная для средневековой Европы роскошь и великолепие императорского двора маскировали бюрократическую сущность этой верхушки айсберга. Такая маскировка породила ложную аналогию с ролью королей в Европе, с природой и функциями их дворов.

Китайская бюрократия резко отличалась от европейской и по своему составу. На Западе под бюрократией понимались только гражданские чиновники, ибо военными начальниками выступали дворяне и знать. В Поднебесной господствующий класс включал в себя и штатских и военных функционеров. Это были военачальники, полководцы-наместники, военные администраторы и «офицеры». Порой функции штатского и военного администрирования совмещались в одном лице. Власть здесь зачастую была представлена военными функционерами и сановниками-военачальниками. Армейская бюрократия в данном случае становилась сильнее штатского чиновничества. В других случаях, наоборот, гражданские бюрократы командовали военными, но и те и другие выступали всего лишь как разные слагаемые единого «класса-государства», как две фракции внутри бюрократического правящего сословия. В Западной Европе в роли командиров и офицеров выступали дворяне, служившие королю на определенных условиях. В Китае это были государственные чиновники с военными функциями, либо военачальники со штатскими полномочиями, либо офицеры-администраторы. Все эти члены бюрократического класса служили правителю за жалование, натуральное содержание или за доход от служебных земель. В силу особых условий полководец в Китае рано или поздно становился бюрократическим функционером. При такой слитности военного и штатского начала в системе китайской деспотии армейские кадры являлись лишь частью бюрократии. Административные и военные функции госаппарата здесь взаимно переплетались. Глава местной власти по сути действовал и как воинский начальник, и как чиновник-управленец. Как высшее в данном случае должностное лицо он соединял в своей персоне и войско, и канцелярию. Кто бы ни преваляровал в администрации — штатские, военные или функционеры смешанного типа, китайская деспотия оставалась бюрократическим государством.

Как уже отмечалось, в конфуцианских странах с господством штатской бюрократии — Китае, Корее и Вьетнаме — переход богатого простолюдина в правящий класс происходил не напрямую, а через промежуточную инстанцию в виде особого привилегированного «ученого сословия» шэньши, которое, по сути дела, являлось своего рода суббюрократией. В средневековом Китае функциональная бюрократия выступала правящим классом, а суббюрократия, т.е. шэньши, вне госаппарата фактически служила его массовым основанием, или фундаментом. Иерархия чиновников и военных выполняла свои функции при помощи множества подручных. Последние, в свою очередь, представляли собой иерархию более низкого уровня. Это были секретари, писцы, служки, сборщики налогов, посыльные и охранники. Данный персонал в совокупности с чиновни-

ками, военными и монархом образовывали сам госаппарат, или государственный механизм. В этом плане китайская деспотия являла собой «триаду» стандартного типа «правитель–бюрократия–низовые служители». Монарх, даже считаясь Сыном Неба, по сути дела, был частью госаппарата и высшим звеном государственных функционеров. При существовавшей в традиционном Китае несовершенной системе и примитивной практике сбора налогов и пошлин непропорционально большая доля собранного оставалась в карманах самих сборщиков. Поскольку эта непомерно большая сокрытая масса шла мимо официального бюджета, сам государственный аппарат в средневековом Китае оказывался невероятно дорогостоящим.

Монополизация власти

Феномен китайского деспотизма не исчерпывался только одной сферой государственности, т.е. типом верховной и нижестоящей власти. Китайский деспотизм несводим лишь к аппарату управления и насилия. Вряд ли такой тип политической надстройки продержался бы не одну тысячу лет, если бы он не имел в самом обществе не только прочную опору, но и механизм своего воспроизводства. В целях противодействия могучему давлению «сверху» китайский «безличностный» социум не мог не создать «снизу» спасительные структуры защитного свойства — групповые, клановые, патронатные — и отношения личной зависимости внутри этих коллективов, корпораций и общностей. Тем самым в традиционном Китае деспотия насаждалась не только «сверху» — из центрального госаппарата, но и «снизу». Самой низовой ячейкой здесь была семья. В Китае семья и государство, власть главы семьи и Сына Неба оказались взаимосвязаны. Семья выступала как часть политической системы, как полугосударственный институт, где власть главы поддерживалась низовой бюрократией. Если члены семьи не подчинялись приказу ее главы, то они наказывались в административном порядке «сверху». Глава семьи по отношению к ее членам по сути выступал в роли полуофициального полицейского. В рамках патронимии, или клана, насаждалось то же самое. Глава патронимии считался полугосударственным уполномоченным, обладая соответствующей властью над данным коллективом. Политическая атмосфера «поголовного рабства» распространялась не только властью «сверху вниз», но и самим социумом «снизу вверх». Деревенские старосты либо назначались властями, либо утверждались ими. В обоих случаях старосты были жестко привязаны к государству, обслуживая интересы бюрократии и деспотии, а не крестьян-односельчан. Таким образом, китайская деспотия создавалась и укреплялась не только «сверху», но и «снизу». В этом заключалось органическое единство системы и один из секретов ее поразительной устойчивости, ее большого запаса прочности.

Деспотический импульс из сферы надстройки переплетался с шедшими навстречу ему аналогичными импульсами из социума и базиса. Последние

нуждались в такого рода политической надстройке, как и она в них. Эти три сферы общественной жизни, соответствуя друг другу, порождали взаимную поддержку внутри данной триады. Так, коллективистскому социуму Китая с его мощными вертикальными и слабыми горизонтальными связями идеально подходила политическая надстройка типа азиатской деспотии. Такого рода социум, со своей стороны, служил для нее надежным фундаментом, а она, в свою очередь, охраняла его антиличностную коллективистскую природу и корпоративную организацию нижних этажей системы. Поэтому неудивительно, что победители в очередной крестьянской войне или в очередном иноземном завоевании или же основатели новой династии начинали не со слома деспотии как таковой, а с ее оздоровления на основе новых управленческих кадров. Корни деспотии уходили глубоко вниз. Так, семья выступала как «микродеспотия» во главе со своим «правителем» в лице отца семейства. Из таких «микродеспотий» складывалась «малая деспотия», т.е. патронимия, или клан, во главе со своим лидером. На уровне волости и уезда эти «малые деспотии» объединялись в «среднюю деспотию» во главе с начальником уезда и его аппаратом. Уездные деспотии складывались в окружные и областные, а те, в свою очередь, в провинциальные или наместнические с верховным звеном в столице государства. Так «деспотия снизу» органически переходила в «деспотию сверху». Последняя вырастала из первой и венчала собой всю структуру. Основопологающими принципами в этой системе выступали однотипность всех ее слагаемых сверху донизу и их иерархическое вертикальное соподчинение.

Как однотипные явления деспотия, социум и базис находились в органическом системном единстве, подчиняясь общему системообразующему началу. В этой связке «деспотия сверху» соответствовала «деспотии снизу» и наоборот. Вместе они создавали комплексную систему. «Деспотия снизу» являлась в известной мере более прочным началом, нежели «деспотия сверху». Если «деспотия сверху» как «одеяние» менялась с каждой очередной династией или новым завоевателем, то «деспотия снизу» как само «тело» социума либо оставалась все той же, либо менялась, не нарушая сущности китайского деспотизма как системы. Последняя обладала способностью самогенерации, самовосстановления и санации. У нее, как у сказочного дракона, вместо отрубленной головы появлялась другая, делая данный организм «вечным» и неизменным.

Европа, переболев недугом феодальной раздробленности, создала социум более здоровый, чем верховная власть. Именно благодаря резкому ослаблению централизованной монархии в период феодальной раздробленности там сложились независимые от государства силы — дворянство, церковь и города, которые стали мощными противовесами и ограничителями королевской власти. На базе этих трех оппозиционных сил начал формироваться социум свободных людей. В итоге общество на Западе оказалось сильнее государства. По-другому шли исторические процессы

в Китае. Здесь военно-бюрократический «классе-государство» сложился раньше, чем возникли «частные» сословия и классы. Сама же китайская деспотия оказалась настолько мощной структурой, что временное ослабление ее центрального звена мало чем могло повлиять на ее целостность как законченной системы. Вместо феодальной раздробленности западного типа здесь происходило просто-напросто механическое дробление «класса-государства». Это было деление единой деспотии на ее однородные куски разных размеров. При измельчении «большой деспотии» последняя делилась на «средние деспотии», а те, в свою очередь, на «малые деспотии». В ходе такого рода децентрализации не могли возникнуть новые социальные силы, способные стать реальными противовесами государственному началу как монополющему хозяину социума.

Если в Китае власть государства стала абсолютной, или неограниченной, то на Западе корона оказалась намного слабее. Королевская власть в Европе имела частичный характер. Она ограничивалась и контролировалась частнофеодальным классом, а также другими субъектами власти — церковью, городами и судами. На феодальном Западе государство допустило существование негосударственных центров власти. В Европе имели место независимые от короны политические и социальные силы частного и оппозиционного характера. Таковыми были дворянские общности, «баронские лиги», бюргерские корпорации в гильдейских городах, независимые от короны церковные организации и судебные провинциальные инстанции — парламенты. Наличие нескольких таких центров создавало многополярность и сбалансированность власти. Активное взаимодействие между этими самостоятельными политическими корпорациями и инстанциями стимулировало поступательное развитие общества. В условиях своеобразной «феодальной демократии» на средневековом Западе монарх выступал по отношению к аристократии и рыцарям как «первый среди равных». В Германии государей выбирали сами крупные феодалы, и монарх просто зависел от них. Кому принадлежала земля, у того на Западе была и власть. В своих владениях герцоги и графы выглядели почти независимыми от короля властителями со своими собственными крепостями-замками, войском из вассалов-рыцарей и пехотинцев-простолюдинов. Аристократия и дворянство имели свои традиционные организации — местные «собрания», «баронские лиги», объединения вокруг могущественных лидеров, не говоря уже об открытых и тайных объединениях разного рода. Все эти организации могли выступать и как мирные, и как мятежные, т.е. воевать — либо между собой, либо против короны, либо под ее знаменем против внешнего врага.

Китайская же государственная машина не допускала самостоятельной организации крупных, средних и мелких частных землевладельцев в любой форме и в любых масштабах. Создание таких особых сословных или территориальных объединений крупных частных землевладельцев рассматривалось как враждебный государству акт, как начало вооруженного

мятежа. В этом плане китайская деспотия была несовместима с независимыми от нее объединениями. Такого рода организации были вопиющим нарушением политических и социальных устоев традиционного общества. Мощь деспотии и ее монополия на власть, ее исключительное положение в сфере политики были несовместимы с наличием частных объединений и самостоятельных союзов частных лиц. Они могли стать вызовом и угрозой для «класса-государства». В Китае сила деспотии помимо всего прочего заключалась и в слабости частных корпораций (цехов, гильдий, землячеств), а в Западной Европе сила частных союзов и корпораций свидетельствовала о слабости государства.

Существенно отличались друг от друга и вооруженные силы феодальной Европы и деспотического Китая. На Западе небольшое войско самого короля представляло собой лишь организационное «ядро». Вокруг него собирались «частные», т.е. независимые от государя, военные формирования — рыцарские отряды «баронов» и их вассалов, а также городские отряды. «Бароны» как вассалы короля вставали под его знамя лишь на определенное время и на определенных условиях, согласно феодальному праву. Основу этой «армии» составляли не пехота из простолюдинов, а отборная рыцарская конница. Эта элитная ударная сила отличалась высокой индивидуальной военной подготовкой. В средневековом Китае в условиях азиатской деспотии не могло быть независимых от монарха «частных войск» и отрядов. Здесь все вооруженные силы государства полностью подчинялись властелину. Их командующие и командиры не обладали какими-то «частными» правами и автономией по отношению к трону. В этих войсках доминировали слепое повиновение власти, полное бесправие мобилизованной в армию массы пехотинцев и всадников. По уровню профессиональной подготовки и стойкости в бою они уступали войскам Запада.

Проблема сдержек и противовесов монархии связана с взаимоотношением светской и религиозной власти. Западный феодализм строился на их четком разделении. Католическая церковь сама стала носителем власти, сложившись в мощную организацию со своей собственной иерархией властителей и централизованным управлением остального клира. Она превратилась в крупнейшего собственника земли — ей принадлежало около трети всех возделывавшихся земель, множество укрепленных монастырей и подвластных крестьян. Имея свои собственные структуры внутри государств, церковь оказалась сильным противовесом королевской власти. Одно время она даже вела борьбу со светской властью за лидерство в Европе. На феодальном Западе господствовавшая религия была независимой от светской власти вообще и от монарха в частности. Для Китая же было характерно слияние светской и религиозной властей. Конфуцианство как господствующая «конфессия» не смогло структурироваться в независимую церковь, в организацию, самостоятельную по отношению к государству. Более того, в Китае государство по сути включило духовенство

в бюрократическую систему власти. Религия здесь стала не противовесом деспотии, а ее интегральной частью. Будучи жестко сцепленной со светской властью, господствующая «конфессия» осталась без организации, независимой от монарха и бюрократии, и, как правило, не ставила себя вне государственного механизма. На Западе церковь была настолько независимой от королевской и императорской власти, что могла создавать собственные государственные образования. В первую очередь это были Папская область со столицей в Риме, церковные владения в Германии, орденские земли и т.д. Объединенность и организованность духовенства, в свою очередь, укрепляли самостоятельность папского престола и церкви как особого общественного института.

Христианский Запад в средние века не только породил полную автономию церкви от государства, но и допустил открытую борьбу светской и духовной власти за лидерство в общественной системе. По окончании открытой борьбы и с переходом ее в скрытую форму оба эти разительно несхожих типа политической организации сохранили независимость друг от друга. Уже само противостояние королевской и церковной власти, наличие этих двух альтернативных полюсов создавали первые элементы идеологического и политического плюрализма Западной Европы. В средневековом Китае мощная государственная машина оказалась несовместимой с политически и экономически независимой церковью. В итоге господствующая религия оказалась лишь частью государственного господства, фрагментом деспотии, интегральной составляющей системы власти. Тем самым такая «конфессия» была поглощена бюрократической машиной, стала ее функцией и «отделом» государственного аппарата. Так было при слитности воедино светской и духовной власти в лице императора, так было и при узурпации монархом верховных жреческих функций и делегировании их вниз сановной бюрократии. Китайские правители соединяли в себе оба вида власти. В дальневосточных странах это слияние порождалось отсутствием церковной организации, противостоящей монархии. В итоге церковь в Китае не стала противовесом светской власти.

Другим сильным оппонентом королевской власти в Западной Европе стали города. Как самостоятельная политическая организация, город собирал собственные налоги, имел свой суд, свою казну, свое войско, крепостные стены и башни, свое правительство в лице городского совета, заседавшего в ратуше. Европейский город стал средоточием самоуправления, правосудия, самостоятельных корпораций, свободы хозяйствования и социальной свободы. Поэтому «воздух города делал человека свободным». В средневековом Китае город был иным. Здесь он выступал цитаделью бюрократии, оплотом и средоточием государственной власти. В этих условиях цехи, гильдии и землячества оказались как бы «в объятиях» деспотии и под ее неусыпным контролем. Всевластие «класса-государства» в городах проявлялось наиболее ярко. На феодальном Западе городская гильдия находилась под властью самого магистрата, а не под

контролем центрального правительства. В Европе государство почти не облагало налогами городские корпорации. В городах большое развитие получила власть самих гильдий, а их главы часто становились руководителями городов — вольных, самоуправляющихся и т.д. В Китае такого рода частные союзы были крайне слабы и не представляли политической угрозы для деспотии. Их некоторая автономия во внутренних делах корпорации сопрягалась со служением казне. Глава цеха или гильдии здесь по сути являлся налоговым агентом государства. Город на Западе стал полноправным субъектом исторического развития. Достаточно указать вольные и имперские города в Германии, их союз — Ганзу, самоуправляющиеся города со своими «правительствами» в стенах ратуши, гильдейские города со множеством бюргерских ассоциаций. Ничего подобного Китай не знал. Город здесь, оставаясь объектом управления и насилия со стороны бюрократии, был полностью поглощен системой деспотии.

На базе возобладавшего личного начала в Западной Европе возродилась античная форма государства — республика, где высшая власть принадлежала выбранным на определенный срок органам и лицам. Так, в недрах западного средневековья возникли первая федеративная республика — Швейцарский союз, а также итальянские «города-республики» — Венеция, Генуя, Флоренция и др. В Германии такого рода республики были представлены вольными (Любек, Гамбург, Бремен) и имперскими городами со своими выборными магистратами. В этом же направлении развивались и городские коммуны. Во всех этих случаях самоуправление и выборность властей укрепляли республиканское и демократическое начала. Ничего подобного китайская модель не смогла породить. Более того, мощь деспотии и абсолютное господство монархической формы правления в сочетании с безличностным типом социума не оставляли места для зачатков республиканизма. Позднефеодальный же Запад развивал республиканское начало и дальше — укрепление его в итальянских «городах-государствах», создание Республики Соединенных провинций, т.е. Нидерландов. Став колыбелью республиканизма, Запад выступил антиподом азиатского самодержавия.

Деспотическая власть в средневековом Китае не знала, что такое законодательные и общественные ограничители. Кроме самого государства в стране не возникло ни одного конкурирующего и независимого от власти политического органа с реальным влиянием на социум. Здесь не было и общественных сил, способных ограничить всевластие бюрократии. Со стороны «частника», т.е. землевладельца, купца и мануфактуриста, такого рода шаги были невозможны. Законных средств сопротивления государственному произволу не существовало. Возможна была лишь вооруженная борьба — особенно характерная для Китая. Восстания, бунты и крестьянские войны оставались единственным средством воздействия социума на власть. Западная же Европа породила выборные органы, сословное представительство и сословные учреждения, такие, как парламент в Англии,

Генеральные штаты во Франции, кортесы в Испании, рейхстаг и ландтаги в Германии. Эти органы ограничивали королевскую власть в целом ряде общественных сфер. Подобных институтов в Китае просто-напросто не существовало. Более того, там даже отсутствовало само понятие «сословное представительство».

Монарха в Западной Европе ограничивали юридические статусы других субъектов политической системы. Речь идет о законности — феодальном праве вообще и о его слагаемых, т.е. правах дворянства и духовенства, правах провинций и земель, правах городов. Здесь большую роль играли судебные инстанции, в том числе парламенты. Важным ограничителем королевской и императорской власти являлось само благородное сословие — аристократия и потомственное дворянство со своими правами и привилегиями. При всем том феодальное право и традиции переплетались между собой. В Западной Европе частные права, обязанности, привилегии и ограничения в частнофеодальной системе были либо зафиксированы в законах, либо закреплены обычаями, что ограничивало произвол. На страже закона стояли независимые от королевской власти суды, а также независимые от короны профессиональные юристы (легисты), опиравшиеся на различные виды права — римское, церковное (каноническое) и салическое. Все это отсутствовало в судебной практике традиционного Китая, не было также эффективных законодательных ограничений власти. Законодательство не давало гарантий защищенности индивида от бюрократического произвола. Последний был сильнее юридической справедливости судебного разбирательства. Тем самым для властей не существовало законодательных преград для произвольного изъятия всего «лишнего» капитала и богатства «частника».

В Поднебесной испокон веков действующим законам придавалось значительно меньше значимости, нежели традициям, обычаям и морально-этическим нормам. Вообще не существовало частного права как такового. Все судопроизводство, равно как и законотворчество, целиком находилось в руках правящей бюрократии. Власть государства над подданными и налогоплательщиками не была ограничена законом, создавая возможность произвола по отношению к податному населению. В условиях деспотии власть монарха и его воля стояли выше писаных установлений и законов. Как дарованная свыше, она не зависела от социума и не нуждалась в юридическом обосновании, равно как и верховная собственность монарха на все земли в государстве. В Китае монарх мог обходиться с мешающим ему законом как заблагорассудится — изменить, отменить, трактовать по-своему либо не замечать его. В любом случае формальная ограниченность деспота законом оказывалась показной, своего рода ширмой. Буква закона и решения судебных инстанций для китайской деспотии мало значили. Все это порождало откровенный произвол, позволяло властям беспрепятственно использовать аппарат контроля, слежки и подавления с широким применением телесных наказаний, пыток и казней.

В Западной Европе имело место стихийное и сознательное разделение власти и противостояние ее различных ветвей. Исчезла монополия на власть, которая оказалась разделенной между несколькими ее носителями и уравновешенной системой сдержек, противовесов и контроля. В итоге сложилась властная система, сбалансированная самим обществом. Тем самым стало невозможным образование власти всеохватывающей и монопольной, монолитной и нераздельной, универсальной и бесконтрольной со стороны общества. Помимо «первичного» центра силы и власти, т.е. самой короны и госаппарата, на феодальном Западе действовали «вторичные» и негосударственные силы и центры власти. В этой роли выступали земельная знать, господствующий частнофеодальный класс, независимое духовенство, городские корпорации и суды. Все они были носителями прежде всего частного начала как альтернативы государству. В итоге монарх и его аппарат находились под контролирующим воздействием институтов, независимых от короны, — аристократии, организованного дворянства, церкви, самоуправляющихся городов. Все эти автономные политические силы, будучи ее конкурентами, осуществляли надзор за верховной властью и оказывали давление на нее. В результате в Западной Европе не возникло монополии на власть, не было бесконтрольного носителя абсолютной и произвольно действующей власти.

На средневековом Западе сложилось «многополюсное общество», т.е. система с целым рядом взаимоуравновешивающих и взаимно контролирующих друг друга «центров власти». Эта система сдержек и противовесов государству способствовала становлению частной собственности и личностного начала. Тем самым «многополюсное общество» создало условия для дальнейшей модернизации своего экономического базиса, социума и политической надстройки. В средневековом Китае такого рода независимых от власти и «внешних» по отношению к ней сил просто не существовало. Здесь аристократия находилась в самой системе государства, дворянство отсутствовало, а шэньши выступали в роли суббюрократии, или «резерва» всемогущественного чиновничьего класса. Церкви как таковой здесь не сложилось, города оказались полностью подчинены деспотии, право во многом выступало как воля последней, а частное начало было эффективно задавлено ею. Частный социум — землевладельцы, купцы, крестьяне — не стал противовесом государству и не мог бороться с верховным классом бюрократии за лидерство в обществе и за власть. Государство не допускало никакой «разногласицы» и жестко блокировало появление оппозиционных сил и институтов. Вместо них имелся единственный субъект власти — монарх и госаппарат, один «центр власти» — цитадель бюрократии. В этой однополярной системе создавалась предельная концентрация власти, ее централизация и абсолютизация. Такого рода монополярная сила не могла не тормозить поступательное развитие общества и в конце концов привела его в состояние комплексного застоя. Таким образом, моноцентризм традиционного Китая укреплял

циклический тип эволюции с его очищающим систему механизмом, с реставрацией старого, самовоспроизводством базовой структуры. Все это оборачивалось «хождением по кругу», стагнацией и общественным застоём. Запад получил возможность постепенно обгонять Китай, хотя Среднее государство было намного богаче полуницей Западной Европы.

Государство и социум

У западного и китайского государства был различный генезис. В древности в период Шан–Инь верховная власть возникла раньше общества как такового. В последующем государство подмяло социум под себя и заставляло народ служить себе. В античном мире Запада общество сложилось если не раньше государства, то наравне и одновременно с ним. Здесь верховная власть оказалась как бы мягко встроенной в социум, а не жестко стоящей над ним. В такой связке скорее общество держало государство в узде, а не наоборот, хотя периоды доминирования второго над первым встречались и на Западе. Феодалная раздробленность и связанное с этим ослабление государства явились тяжелым испытанием для Западной Европы. Тем не менее они послужили здесь делу укрепления частного начала. «Децентрализованным» феодалам средневековой Европы традиционный Китай противопоставил «централизованную» бюрократию — военную и штатскую. Сильное своей организованностью, это чиновничество оказалось особым классом, опасным для дела поступательного развития общества. Столь мощная централизованная власть не позволила перейти к частной феодализации. А это, в свою очередь, не допустило превращения условных частных владений в полноценную частную собственность на землю. Сила деспотии надежно перекрыла дорогу к такой возможности. Благодаря этому бюрократический «класс-государство» остался монополистом в сфере земельной собственности, т.е. господствующей социальной силой в сфере экономики. Тем самым традиционный Китай избежал не только частной феодализации, но и неизбежного при этом ослабления государства и бюрократии. В итоге Поднебесная лишилась важной предпосылки возникновения системы, основанной на базе частной собственности, личного начала и господства закона над волей чиновника.

В Западной Европе экономический базис и социум оказались сильнее политической надстройки. По этой причине они заставляли ее служить им и могли изменять ее по своей надобности — в русле их эволюции. Изменяясь сами, они в том же духе трансформировали и обновляли государственную власть. Иная ситуация сложилась в Китае. Здесь надстройка изначально оказалась сильнее базиса. Восточная деспотия практически подчинила себе экономику и социум, превратив их в свое «продолжение». Такого рода господство государства в ряду других причин резко затормозило эволюцию социума и перекрыло дорогу его комплексному развитию. Китайская деспотия не дала возможности сформироваться многому

из того, что на Западе легло в основу саморазвивающегося общества, т.е. частной собственности, самостоятельной личности, гарантиям ее защищенности и др. Своим мощным давлением на подданных государство в Китае не позволило создать разветвленную структуру социума, не допустило его превращения в самостоятельный субъект эволюции. Чрезмерное самоусиление государства происходило не только в ущерб социуму, но и за счет его неполноценности. В этом последнем явно проступали неразвитость и политическое бессилие частных классов, слоев и сословий в отличие от их государственных антиподов и противовесов, прежде всего от господствующего класса бюрократии — «класса-государства». На Западе возобладали саморазвитие общества, а не государства. В Китае главным оставалось самообновление механизма власти, а не социума. Неостановимое самовозрастание роли государства по сути являлось постоянным расширением его социального персонификатора, т.е. бюрократии. Самоусиление аппарата власти подавляло импульсы социума к своему укреплению. Жесткий контроль государства «сверху» гарантировал недопущение саморазвития социума «снизу», держал подданных деспотии в крепкой узде. В итоге на Западе государство стало «слугой» общества, а в Китае — его «хозяином». В первом случае социум оказался выше и сильнее власти, во втором — ниже ее и слабее. По этой причине насилие власти над населением в Поднебесной было в порядке вещей, тогда как в Европе — отклонением от нормы, проявлением деспотизма и тирании.

В Западной Европе верх взяли общественные силы, опиравшиеся на нерушимую частную собственность. В Китае же сохранялось господство бюрократического класса, опиравшегося на государственную власть и казну при слабом частновладельческом социуме. В первом случае общество оказалось сильнее государства, во втором деспотия подмяла под себя весь остальной социум с его постоянно дробимыми при разделе наследства частными земельными владениями. Правящий в Китае бюрократический класс по своей мощи и роли намного превосходил класс частных «богачей», т.е. крупных и средних землевладельцев. Правя всем социумом, верховный «класс-государство» помыкал и этими подчиненными ему «частниками». Усиление деспотии происходило здесь обратно пропорционально ослаблению социума. Чем мощнее и активнее становилось государство, тем пассивней и слабее оказывалось население. Власть над «частными» классами и сословиями здесь все жестче приобретала не только функции контроля, но и запретительства. Тем самым уже не общество формировало государство, а власть держала социум в нужных для нее параметрах. Историческая инициатива прочно оказалась в руках госаппарата. Верховный бюрократический класс возглавил социальную иерархию и сословную пирамиду. При всем том деспотия жила не интересами подданных, а своими собственными. Речь идет о нуждах госаппарата вообще, т.е. чиновничества, военных, полицейского и фискального персонала, придворных кругов и т.д. Как главенствующее начало здесь выступали потребно-

сти и воля «класса-государства». Тем самым нужды и интересы социума, его возможная в иных условиях эволюция приносились в жертву интересам правящей бюрократии — штатской и военной. Если на Западе государство служило обществу, то в Китае социум обслуживал деспотию. В первом случае общество стояло выше государства, а во втором — институциональный пласт политической надстройки доминировал над «частными» классами, слоями, сословиями и их социальными интересами. Находясь в такого рода условиях не одну тысячу лет, китайский социум сам воспроизводил себя в азиатско-деспотическом духе. В результате длительного и интенсивного воздействия «сверху» население во многом не только стало отражением столь специфической надстройки, но и было вынуждено подстраиваться под ее принципы и требования. Такого рода аналогичный деспотии социум и сама она выступали компонентами целостной структуры и поэтому находились в системном единстве друг с другом. Каждое из этих двух слагаемых со своей стороны действовало в целях укрепления существующего порядка вещей. И в этом отношении социум «работал» не только на самого себя, но и на «свою» деспотию. Так сложилось одно из коренных отличий феодальной Западной Европы от средневекового Китая. Если на Западе действовал принцип «каково общество, таково и государство», то в Поднебесной — «какова власть, таков и социум».

В отличие от Запада в Китае не началось формирование гражданского, т.е. правового, общества. Население было устранено от принятия либо оказания влияния на принятие решений по политическим, социальным и экономическим вопросам. Уделом социума остались выплата налогов, отбывание повинностей и беспрекословное подчинение указаниям властей. Социум азиатского деспотизма можно лишь весьма условно считать обществом. Точнее всего назвать его народом, или массой обывателей в системе «поголовного рабства подданных восточной деспотии». На Западе, где государство стало подчиненной функцией общества, верховная власть уже жила по воле последнего и по его «сценарию». В Китае машина власти жила по своим собственным законам, по правилам самого госаппарата, расходуя огромную часть прибавочного продукта на поддержание, укрепление и расширение сверхмогучего военно-бюрократического механизма. Здесь социум работал не столько на себя самого, сколько на этот надстроечный феномен. В Западной Европе победило частнофеодальное начало, и королевской власти осталось лишь обслуживать такого рода частную систему. В Китае же деспотия, подавив своей мощью социум, сделала его своим «придатком», не допустила развития частного начала в противовес господствующему коллективистскому корпоративному принципу построения социума и всей политической системы.

В позднесредневековой Европе общество укреплялось и обновлялось при помощи государства, в том числе за его счет. В Китае, наоборот, аппарат управления и насилия питался соками общества. Государство здесь

продолжало расти и наращивать силы за счет ослабления социума и недопущения «сверху» его саморазвития «снизу». На Западе саморазвитие общества создало его сложную структуру с защитными механизмами, предохранявшими социум от произвола властей. В Поднебесной самодовлеющее государство породило разветвленный управленческий аппарат и не допустило саморазвития социума до уровня его равноправия, а тем более превосходства над позициями бюрократии. На Западе слабое государство в конце концов стало частью сильного общества. В Китае же, напротив, слабое общество как бы стало «частью» могучего государства. В Европе окрепший и динамичный социум лидировал и «тащил» за собой верховную власть. По-иному сложилась ситуация в Средней империи. Здесь деспотия вела за собой «на поводу» застывший в своей эволюции и поэтому слабый социум. Специфический исторический код эволюции Европы позволил обществу выйти на путь автономного и самостоятельного по отношению к государству развития. Восточный код эволюции в Китае этого не допустил.

Поскольку на феодальном Западе общество оказалось сильнее государства, последнее служило первому, т.е. обслуживало его, управляло, но не правила. В силу того что в средневековом Китае государство было мощнее социума, госаппарат не только управлял делами, но и в полном смысле слова правил народом. Таким образом, если в Европе сложилась дихотомия «сильное общество — слабое государство», то в Китае имела место совершенно иная позиция, а именно «могучее государство — бессильный социум». Дихотомия Запада открывала дорогу к всестороннему прогрессу. Китайский вариант тиражировал застой во всех сферах жизни, ибо социум был придавлен и скован в своих потенциях тяжестью деспотии. Чем сильнее становилось государство, тем больше жизненных соков страны тратилось на поддержание этой машины подавления. Чем мощнее была здесь бюрократия или ее военный аналог, тем слабее становились «частные» классы, слои и сословия. Чем выше была власть чиновничества и военных, тем ниже оказывался статус «частника», тем очевиднее было отрицание личности и статуса индивида. Чем сильнее и активнее становилось государство в сфере экономики, тем слабее было развито рыночное начало и тем менее свободным оно оказывалось от чиновничьего контроля и диктата. На этой основе складывались стандартные формулы китайской деспотии: «сильное государство — слабый народ», «богатая казна — бедное население» и «сакральная державность — коленопреклоненный социум». В средневековом Китае власть осталась монолитной и нераздельной, оказавшись прерогативой только одной силы, т.е. государства. Здесь власть сохранялась как абсолютное начало, бесконтрольное со стороны социума. При этом госаппарат обрел всеохватывающий характер, подчинив своему влиянию все сферы общественного бытия. Все это создавало политическую монополию бюрократии, ее абсолютное верховенство над социумом. Более того, в условиях деспотизма стиралась грань между об-

ществом и государством. При этом понятие «общество» как бы поглощалось понятием «государство». Само государство являлось наиболее мощным общественным фактором. Именно верховная власть быстрее и сильнее всего воздействовала на верхи и низы социума. Централизованная и иерархизированная бюрократия выступала в традиционном Китае как общественный гегемон. Все прочие политические, социальные и экономические силы неизменно оставались слабее из-за своей раздробленности и неорганизованности. Стать серьезными оппонентами этой консолидированной силе они не могли.

Китайская деспотия прежде всего выступала как абсолютная власть, автократия, или самодержавие. Если в Западной Европе закон стоял выше короля, то в Поднебесной монарх был выше закона. Даже при наличии цензората над государем не существовало контрольного или ограничительного начала. Здесь отсутствовало разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную, на гражданскую и военную, на светскую и духовную. Носитель власти чаще всего соединял в своем лице все ее виды. При этом отсутствовал принцип разделения самой власти и служебных обязанностей. Таким образом, китайская деспотия отличалась от западноевропейской государственности слитностью воедино всех ветвей и видов власти. Здесь в одних и тех же руках находились исполнительная и законодательная, судебная и административная, штатская и военная, светская и духовная власти. Китайская бюрократическая система выступала как всеобъемлющая власть с мощным военно-чиновным и фискальным аппаратом.

Бюрократия присвоила себе монопольное право в ряде экономических сфер — добывающей промышленности, крупном строительстве, изготовлении денег и оружия, торговле, например солью и чаем. Вводя в этих сферах экономики монопольное лицензирование, государство допускало в них только «своих людей» — привилегированных купцов, доверенных скупщиков и агентов, получавших особые права. Аналогичный режим казна временами вводила во внешней торговле и производстве предметов роскоши. Унаследовав от эпохи древности практику самовольного налогообложения и сгона податного населения на выполнение трудовых повинностей, казна демонстрировала бесконтрольность и властный произвол в фискальной сфере, равно как и в области судебного разбирательства. В этом русле ограбление богатого «частника» становилось обыденной практикой.

Поскольку «класс-государство» обладал всеми видами власти, госаппарат держал в своих руках всю полноту политического, экономического, идеологического и иного господства над послушным населением. Именно монополизм и нераздельность власти делали китайскую деспотию своего рода абсолютом. Силловые возможности госаппарата и его независимость от социума были в Китае чрезвычайными и действенными. Благодаря этому во главе этой системы надолго вставали иноземцы-завоеватели. Очень

часто это были кочевники и полукочевники, т.е. представители другого этноса, носители иной религии, чужого языка и культуры.

Набеги кочевников и их завоевания всякий раз наносили главный урон не государственному началу пострадавшей страны, а ее социуму. При его ослаблении укреплялось государство как антипод общественного начала. Усиливалась деспотия как якобы универсальный «защитник» от всех угроз. После каждого завоевания государство вновь набирало особую силу за счет разоренного номадами социума. Тем самым от активности степняков всякий раз в выигрыше оказывалась политическая надстройка. Номады, по сути, «работали» на деспотическую систему. Данный трагический парадокс стал одной из закономерностей истории Китая. Крайне опасное соседство с воинственными кочевниками требовало особой мобилизационной готовности, собранности и оборонных усилий. А это, в свою очередь, повышало роль государства, централизованной бюрократии и сверхсильной власти монарха. Западная Европа, практически не знавшая внешней опасности такого рода, не нуждалась в экстраординарной централизации и мобилизационной готовности. Западные государства, в том числе мелкие и мельчайшие, могли безнаказанно заниматься междоусобной борьбой в обстановке феодальной раздробленности.

Азиатская деспотия как универсальное начало имела свои различные модели, типы и варианты. Бюрократический деспотизм земледельческих обществ отличался от военного деспотизма кочевых этносов. В самих земледельческих государствах существовали как чиновная штатская, так и военная его модели. Кроме того, имел место и их смешанный, т.е. военно-чиновный или штатско-армейский, вариант. Здесь существовали, как условно светские, так и явно теократические деспотии.

После многих веков взаимной борьбы верховная власть, различные сословия, классы, слои и организации в позднесредневековой Западной Европе пришли к взаимному учету чужих интересов и создали некий баланс взаимных договоренностей — письменных и неписаных. В Китае же «класс-государство» навязал свою непререкаемую волю остальному социуму, заставив его молчать и подчиняться. Здесь просто не осталось места для взаимных договоренностей западного типа и учета чужих интересов. Возобладав над обществом, государство резко затруднило консолидацию неправительственных сил и предотвратило организационное оформление оппозиционных групп. В лучшем случае внегосударственные силы смогли сохранить автономное существование лишь в сфере экономики и социума; т.е. без выхода на уровень политического влияния.

Китайская деспотия была несовместима с созданием параллельных или конкурентных ей организаций и сил, ей неподконтрольных. Их возникновение не допускалось, а появившиеся либо уничтожались, либо низводились до безопасного уровня или состояния. В итоге организационная деятельность стала монополией бюрократического класса. Только он один обладал монополией на все виды власти и на все политические инициати-

вы. Не только крупные «частные» землевладельцы, но даже суббюрократия не имели права на не санкционированные «сверху» собрания и организованные действия, не говоря уже о создании своих объединений «снизу». В отличие от Западной Европы в средневековом Китае не было общественных сил и институтов, способных контролировать государственную власть извне. Существовали, правда, институты внутреннего самоконтроля, например Цензорат (Палата контролеров). Тем самым деспотия контролировала саму себя с целью собственного оздоровления.

Государство на Западе стало «комитетом по управлению» делами частных феодалов и их орудием подавления эксплуатируемых низов. В Китае же верховная власть возникла и укрепилась как самодовлеющая сила, находящаяся вне зависимости от «частных» сословий и классов. В итоге в Европе государство играло служебную роль, а в Поднебесной стало определяющим фактором в социально-политической сфере. В то время как на Западе постепенно складывалось государство нового типа, т.е. учитывающее интересы различных сословий, классов и социальных слоев, в Китае законсервировался традиционный тип государства, т.е. с приоритетом методов принуждения и охранения господства бюрократического класса. Специфические отношения между обществом и государством на Западе вели свое начало от греко-римской античной традиции. Пройдя через такие этапы развития, как Возрождение, Реформация и Просвещение, Европа выработала сугубо практическое и рациональное отношение к государству как рабочему механизму для служения интересам общества.

В Китае, где идея государства и государственническая идеология относились к высшим ценностям цивилизации, власть облекалась в одежды сакральности. Ей придавался надчеловеческий ореол иррациональности и духовности. В итоге государство в Китае практически стало объектом поклонения, близкого к религиозному, т.е. предметом особого культа — культа государственничества. Универсальной «религией» Китая было обожествление верховной власти императора, т.е., по сути, религиозное почитание провиденциальной миссии Великого Государства по отношению к коленопреклоненному и безгласному социуму. В этой специфической идеологической атмосфере сложилось почти религиозное отношение к вездесущему государству. Так, конфуцианство являлось почти государственным культом, своего рода «чиновничьей религией». Даже если та или иная власть в Китае и не была теократией, то государство в любом случае оставалось сакральным. Верховный класс всегда выступал носителем особой религии, государственничества. Китайская бюрократическая машина всячески преподносила себя как защитницу народа от жадности и насилия со стороны «частников» — землевладельцев, купцов и ростовщиков. Здесь наряду с явным лицемерием имело место и глубокое убеждение в том, что народ без попечительства государства обойтись не может и погибнет от лап корыстных «частников». Его естественным спасителем мог быть только «честный чиновник» и «праведный государь». При всем

том «поголовное рабство», т.е. юридическое бесправие социума, маскировалось принципом равенства всех подданных перед лицом императора. Последний по отношению к ним не был связан какими-либо законодательными ограничениями. Зато монарх должен был выполнять функции «отца», «благодетеля» и «опекуна» народа. Государь считался «защитником» бедных и слабых от произвола богатых «частников» и нечестных чиновников. Китайская деспотия пропагандировала саму себя в качестве «опекунского», или патерналистского, института. На щит поднимался идеал честного и деятельного чиновника — «защитника народа» и его «радителя». Служение «народному благу» в рамках официальной морали становилось идеологическим знаменем оздоровления бюрократической системы.

На Западе в русле феодальной раздробленности шло вызревание суверенной личности и индивидуалистического социума. В Поднебесной же при постоянной смене одного поколения деспотии другим укреплялся безличностный социум с господством коллективного начала — в рамках общины, клана, конфессиональной общности и т.д. На самом нижнем, массовом уровне прочно установился приоритет семейных и клановых интересов над личностными. Сама являясь порождением коллективного начала, китайская деспотия была кровно заинтересована в поддержании его на всех уровнях — в семье, патрионимии, общине, городском цехе (гильдии) и землячестве. Государство здесь претендовало на роль «верховой общины» и единой для всех подданных «семьи». Правовой статус человека как личности не был в Китае закреплен юридическими нормами, не фиксировался в писаных законах, не имел реальных гарантий и защиты в сфере обычаев. Бесправие подданного полностью отдавало его в руки всесильного государства, которому требовались не самостоятельные личности и индивиды, а безгласная, безликая и послушная масса. Именно в служении такому социуму и такому государственному началу бюрократия видела свою провиденциальную миссию.

В личной средневековой Европе верх взяли договорные отношения с установлением взаимных прав и обязательств договаривавшихся сторон. Феодальный договор между сюзереном и вассалом, между короной и городом заключался на заранее установленных условиях. Такого рода отношения были неотделимы от победивших на Западе личностного и правового начал. Китайская деспотия была несовместима с договорным началом. Здесь царили смирение подданных и их слепая покорность, «благоразумное» повиновение и холопское восхищение властью.

В Китае все подчинялось идее всеобщего служения государству, которое охватывало весь социум — от монарха до крестьянина — и ставило выше всего безличностные властные отношения по вертикали. Им подчинялись отношения личной взаимозависимости внутри госаппарата, сословий и традиционных низовых коллективов, т.е. связи, неизбежно возникавшие по горизонтали. Вертикальные отношения прочно доминировали

над горизонтальными во всех сферах жизни государства и социума. Если Западная Европа превозносила службу вассала своему сеньору, т.е. одной личности другой, то Китай культивировал обезличенное служение чиновника безличностной системе — государству. На Западе «бароны» как носители личного начала служили другой личности — королю. Причем и для низших вассалов, и для знати эта служба была ограничена временем и определенными взаимными условиями, т.е. носила форму двустороннего соглашения. В бюрократической китайской иерархии не было ни ограничений, ни условий, ни договорных отношений.

В отличие от феодальной Западной Европы китайская деспотия знала лишь безусловное повиновение нижестоящего функционера вышестоящему, а того, в свою очередь, монарху. В этой бюрократической субординации и чиновной иерархии не оставалось места вассалитету, т.е. личностному договорному началу. Между вассалами королей на Западе и сановниками, правившими отдельными территориями в Китае, существовало то же различие, как между европейскими дворянами и восточными чиновниками. В первом случае имели место договорные отношения, во втором — абсолютное подчинение, ибо все китайцы-сановники являлись «рабами» своего повелителя. Личностный феодализм в Европе культивировал достоинство аристократа и рыцаря. Здесь дворянину было достаточно ответить монарху поклон или, на худой конец, встать перед государем на одно колено. В безличностном же Китае перед властителем следовало пасть ниц — на оба колена и оба локтя, коснувшись лбом пола, так же как и перед его наместником. Данный церемониал точно характеризовал разницу между природой власти в Европе и в Китае.

На рубеже средневековья и нового времени между застывшим в старых традициях Китаем и саморазвивавшейся Европой пролегла глубокая пропасть. В то время как Запад на базе личного начала и частной собственности, развития самостоятельности, собственного достоинства и личной инициативы постепенно формировал гражданское общество, в Китае сохранялась и крепла деспотия, царил сервиллизм. Самодержавная неограниченная власть изначально не была предназначена для приведения социума к саморазвитию — к стабильности и процветанию. Всесильное государство не могло предложить населению ничего кроме периодического «оздоровления» самого правящего бюрократического класса. Речь идет об усложнении и расширении госаппарата, смене монархов и династий, замене одних правящих группировок и придворных клик на другие, т.е. о перетасовке все той же колоды карт. Такого рода «оздоровление» власти и смена кадров давали некоторый эффект лишь первое время. Новые чиновники и военные снова шли по пути своих предшественников. Госаппарат вновь начинали разъедать казнокрадство, коррупция и произвол в отношении «частника». Обогащение бюрократического класса шло в ущерб интересам самого государства. Разложение чиновных и военных кадров подтачивало государственную машину изнутри, что приводило

к очередной смене правящей верхушки. В самой системе были заложены цикличность, хождение по кругу и повторяемость традиционного сценария: «разложение — оздоровление — очередное разложение — очередное выздоровление».

В позднесредневековой Европе абсолютистское, т.е. централизованное, государство выросло из обновленного в ходе феодальной раздробленности общества. В Китае же социум оставался прежним, т.е. подавленным и неподвижным, а деспотия своей мощью продолжала охранять эту ситуацию. Сила и долговечность самой деспотии во многом базировались на застойности экономических и социальных структур, неизблемости политических традиций и идеологических основ.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что китайская деспотия представляла собой отнюдь не форму, а именно тип государственности, что ее нельзя свести лишь к самовластию, самодержавию или к произволу и тирании как таковым. В равной степени деспотия не ограничивалась сферой политической надстройки. Корни этого феномена в той или иной мере пронизывали все традиционное общество.

Глава 8

Культура периода Цин XVII–XVIII вв.

Эволюция духовной жизни Китая XVII–XVIII вв. тесно связана с периодом «смуты» Крестьянской войны 1628–1647 гг., крушения империи Мин и маньчжурского завоевания 1644–1683 гг. Тогда заколебались не только государственные, но и духовные устои традиционной системы. Социально-экономический и политический хаос сопровождался относительным и временным ослаблением идеологического контроля государства над социумом. Такое смягчение имперских конфуцианских оков предоставило интеллигенции некоторую духовную отдушину. Ее заполнили два начала — всплеск патриотизма в борьбе с «северными варварами» и попытки реформировать, точнее, оздоровить традиционную систему. Представители патриотически настроенной интеллигенции посвящали свои труды событиям антиманьчжурской борьбы 1644–1683 гг., описывали упорную оборону городов в нижнем течении Янцзы и других районах от осаждавших их «северных варваров». В этом ряду наиболее яркой была работа Ван Сючу «Записки о десяти днях в Янчжоу». После маньчжурского завоевания Китая патриоты-интеллигенты не прекращали своей деятельности, тайно создавая сочинения антиманьчжурской и реформаторской направленности.

Боролся против завоевателей выдающийся философ-материалист Ван Фучжи (Ван Чуаньшань, 1616–1692). Осуждая социальное неравенство и клеймя мисскую бюрократию, перебежавшую в лагерь «северных варваров», он доказывал, что земля должна принадлежать народу. Будучи противником конфуцианской схоластики и буддийской мистики, этот философ-диалектик рассматривал движение как атрибут материальной субстанции, как проявление постоянных изменений и извечности окружающего мира. Отстаивая теорию поступательного развития человеческой истории, он писал о неизбежной смене одной политической системы другой. Оставаясь конфуцианцем, Ван Фучжи избежал традиционного преклонения перед древностью. Его идеалом был гуманный государь, заботящийся о крестьянах и строго взыскивающий с бюрократии. Как апологет гуманности, философ в равной мере осуждал и гнет властей, и борьбу повстанцев против верхов. Выступая против роста крупного частного землевладения, он одобрял древнюю наделную систему «колодезных полей» (*цзинтянь*).

При этом Ван Фучжи не был сторонником тотального огосударствления всей пахотной земли и ликвидации частного начала в аграрной сфере. Что касается его политических позиций, то он стоял за укрепление императорской власти и иерархических начал в обществе. Призывая не допустить рокового ослабления государства, Ван Фучжи в то же время осуждал деспотический характер верховной власти и предлагал предоставить провинциальным шэньши и крупным ученым право реально влиять на политику государства. Будучи пламенным патриотом, он считал необходимым всеми доступными средствами бороться с «варварами» в случае их вторжения в Китай, но резко возражал против нападения китайцев на чужую территорию.

Активным борцом антиманьчжурского фронта был Хуан Цзунси (1610–1696), пользовавшийся особой известностью и уважением. Виновниками катастрофы, постигшей отечество, он называл минского императора, его ничтожных сановников и продажную бюрократию. Противник самовластия монарха, он полагал правомерным свержение власти Сына Неба, поскольку не он, а народ является хозяином страны. Критика политической системы традиционного Китая и антиконфуцианское требование всеобщей поддержки ремесла и торговли сочетались у Хуан Цзунси с материалистической основой его философских взглядов. В аграрной сфере он выступал сторонником всемерного усиления казенного начала. Ученый предлагал полностью перейти к наделной системе «колодезных полей», исключая тем самым частное землевладение как таковое. Хуан Цзунси обличал чиновный и сановный произвол и призывал установить верховенство закона. Последнему должны подчиняться все — от Сына Неба до простого крестьянина. Личную власть государя следовало уменьшить, в том числе за счет введения поста канцлера — своего рода главы кабинета министров, т.е. руководителей ведомств. Кроме того, Хуан Цзунси предлагал резко снизить роль императорского гарема (жен, наложниц и особенно евнухов). Самовластие монарха и госаппарата ученый предлагал уравновесить повышением роли интеллигенции. Этого можно было достигнуть за счет частичного выведения системы образования и экзаменов из-под чиновной зависимости и превращения учебных заведений в органы выражения общественного мнения.

Врагом средневековой конфуцианской схоластики был и выдающийся историк, филолог и экономист Гу Яньу (Гу Тинлин, 1613–1682). Этот ученый словом и делом боролся против завоевателей-маньчжуров, за освобождение родины от чужеземного ига. Критикуя архаичную систему образования и традиционную экономическую доктрину, он выдвинул свою теорию развития хозяйства Поднебной. Кроме того, Гу Яньу выступал за передачу местной администрации части функций центральной власти. В условиях патриотического подъема выдающиеся ученые — Хуан Цзунси, Ван Фучжи и Гу Яньу, посвящая свои труды проблемам философии, истории и экономики, прямо или косвенно призывали к борьбе против

завоевателей. Во времена цинской реакции об этих трех выдающихся мыслителях люди мало знали, да и то понаслышке. И только с конца XIX — начала XX в. китайская интеллигенция, особенно молодежь, открыла их для себя. Причем их зачастую стали называть «великими учителями», а в наше время именуют «просветителями».

Роль государства

С окончанием «смуты» и переходом цинского династийно-демографического цикла от стадии разрухи к фазе восстановления новая власть стала насаждать контроль государства над духовной сферой. Данное укрепление поколебленных «смутой» идеологических основ социума первые маньчжурские императоры Китая вели под лозунгом «возвращения к древности», т.е. к упрочению частично расшатанных конфуцианских общественных норм. Это идеологическое и организационное наступление началось уже при Фулине и резко усилилось при Сюанье. Затем эстафету приняли Иньчжэнь и Хунли. Учитывая некоторый всплеск «свободомыслия» в период «смуты», династия Цин поставила задачу: «Вернуться на правильный путь, изгнать ересь, учиться у древности, почитать словесности!» Под «словесностью» маньчжуры в первую очередь понимали конфуцианские каноны и традиционные доктрины.

По сути уже в период завоевания Китая цинские власти начали кампанию массовой конфуцианской индоктринации и на ее основе возрождать систему слежки за населением. В 1652 г. маньчжуры ввели шесть официальных правил морального поведения (*люлюй*). Указом 1659 г. цинское правительство восстановило старую систему принудительной идеологической обработки почти поголовно неграмотного населения — «сельские собеседования» (*сяньюэ*). Так называемые «беседчики», специально назначенные местными властями из лояльных лиц почтенного возраста, два раза в месяц разъясняли своим подопечным — жителям округи правительственные указы и правила морального поведения. Кроме того, «беседчики» вели запись «добрых и дурных деяний» жителей данной местности, т.е. выступали официальными доносчиками.

Цинский режим усиленно культивировал и пропагандировал «возвращение к древности», т.е. укрепление идеологической базы, ценностных и поведенческих стереотипов традиционной системы восточного деспотизма, что вело к всестороннему застою экономики, социума и духовной сферы Китая. Параллельно этому поддерживалось влияние иррационального начала на всех уровнях общественного сознания. В этом русле происходила активизация оккультных «наук» и религиозно-мистических учений, рудиментов архаики, в том числе ритуальной традиции и даосской мистической практики. Тем самым укреплялась преграда на пути появления новых ценностных установок и ориентиров. Как и при династии Мин, основой всякого образования считались конфуцианские каноны. Учение

Кун-цзы определяло правовые нормы, обряды и церемонии, являющиеся для всех обязательными. И Сюанье, и Хунли рекламировали себя как правоверных конфуцианцев, широко используя учение Кун-цзы для укрепления своей власти. Так маньчжуры, изначально шаманисты, после завоевания Китая стали чуть ли не большими конфуцианцами, нежели сами Кун-цзы и Чжу Си. Цинские богдоханы, особенно Сюанье и Хунли, упражнялись в сочинении ханжеских правил морального поведения, присваивая себе лавры классиков китайской литературы. Изречения и стихи этих императоров украшали стены дворцов, парковых павильонов и административных зданий. Кроме того, внедрялся обычай подражать образцам их каллиграфии и заучивать их изречения.

Конфуцианская мораль служила обоснованием борьбы маньчжуров с вольнодумцами, передовыми учеными и писателями. С опорой на авторитет Кун-цзы в китайской культуре и науке подавлялось все новое и прогрессивное. Цинские правители всемерно насаждали конфуцианскую доктрину возвеличивания земледелия и принижения ремесла и торговли. При этом крестьянин демагогически объявлялся носителем благородной профессии и чуть ли не венцом творения, а торговля — занятием низким, купцы — вредными обществу корыстолюбцами, аморальными стяжателями.

Маньчжурские завоеватели в XVII в. как бы унаследовали от предшествующих династий социум, в идеологическом плане жестко скованный учением Кун-цзы и Чжу Си. Многие века господства конфуцианской идеологии давно привели к нивелированию личности, к отрицанию права человека на индивидуальный внутренний мир и духовную свободу. Конфуцианство уже превратило китайца в послушный объект управления свыше. Подданные цинского императора с конца XVII в. представляли собой обезличенные существа, лишённые инициативы и приспособленные к механическому выполнению сословных, профессиональных, служебных и семейных функций. В цинский период достигли своего апогея ортодоксальность, стереотипность и консервативность мышления, особая значимость ритуала и духовная придавленность человека всей конфуцианской деспотической системой. Маньчжурское завоевание усилило стагнацию китайской духовной культуры с постепенным вырождением многих составляющих ее феноменов и традиций. Характер подлинного фарса в цинский период приобрела система государственных экзаменов (*каоцзюй*) на получение ученых званий шэньши. Эта трехступенчатая система способствовала дальнейшей профанации образования и коррупции чиновников-экзаменаторов.

Весьма важным слагаемым «порядка», установленного завоевателями в покоренной стране, была «литературная инквизиция» с официальным названием «письменные судилища» (*вэньцзы юй*). Ее целью являлось уничтожение оппозиционных авторов и «крамольных» произведений. Данный вид борьбы с непокоренными интеллектуалами азиатская деспотия в Китае практиковала начиная с эпохи Хань (III в. до н.э. — III в. н.э.).

К «письменным судилищам» власти нередко прибегали в периоды династий Сун (960–1279) и Мин. Однако только в эпоху Цин «литературная инквизиция» приняла невиданный размах. Оппозиционным интеллигентам грозили арест, пытки и казнь, их родным — смерть, обращение в рабов или ссылка, рукописям и книгам — костер, а их имуществу — конфискация. При этом строго наказывались издатели, книготорговцы и читатели. «Литературная инквизиция» началась при Фулине, усилилась при Сюанье и Иньчжэне, достигнув своего апогея при Хунли. Ее пик пришелся на 70–80-е годы XVIII в. Это столетие насчитывало несколько сот «письменных судилищ» и запретов на те или иные произведения. В 1782 г. власти составили первый индекс запрещенных книг. Только с 1774 по 1782 г. в огонь было брошено почти 14 тыс. «вредных» книг. Сверх того существовали огромные списки произведений, кои не рекомендовалось читать. Свиристествовала и обычная цензура, выбрасывавшая из разрешенных к печати книг «крамольные» главы, «развращающие» абзацы, «опасные», т.е. двусмысленные, фразы с нежелательными намеками и ассоциациями.

Сила репрессий зависела от того, к какому из «горизонтов», жанров и видов литературы принадлежали само произведение и его автор. В традиционном Китае вся литература издавна делилась на две категории — «высокую» и «низкую». К «высокой» относились поэзия и «изящная» проза (*вэнь*), т.е. философские и исторические тексты на древнем языке (*вэньянь*, *губэнь*). К «низким» жанрам причисляли драму и художественную прозу. Последняя считалась «низкой прозой» (*сяошо*). Таковой являлись романы и новеллы, т.е. небольшие повести и рассказы. «Высокая» литература пользовалась особым престижем и влиянием на общественное мнение, поскольку она выражала политические идеи открыто и четко. Именно поэтому «письменные судилища» были предельно жестоки в отношении «высокой» литературы. Маньчжуры обрушивали на этих авторов поистине варварские репрессии, ибо видели в этой оппозиционной интеллигенции своего явного и тайного противника. Чаще всего гибли поэты, философы и историки. К «низкой» же литературе верхи традиционного Китая всегда испытывали высокомерное презрение. Поскольку политические идеи в этой сфере выражались завуалированно и более опосредованно, к «низкой» литературе власти всегда относились снисходительнее, нежели к «высокой». За «развратные слова» (*иньци*) в драме, романе и новелле маньчжуры карали мягче либо вообще закрывали на них глаза, считая эти произведения просто «побасенками». Свято оберегая «чистоту» элитарной культуры и преклоняясь перед образцами древней литературы, идеологи цинского Китая испытывали надменное пренебрежение к популярным пьесам, новеллам и романам. Поэтому здесь больше страдали не авторы, а сами произведения, их запрещали или безжалостно цензурировали.

Весь XVIII в. в Китае свириствовала «литературная инквизиция». В 1789 г., когда началась Великая французская революция, в Цинской империи был выпущен самый большой индекс книг, подлежащих уничтоже-

нию. Многие «крамольные» произведения долгое время ходили по рукам в списках и не печатались вплоть до XIX в., самым строжайшим образом запрещались иностранные, в основном европейские книги. Данный запрет стал особенно жестким на рубеже XVIII и XIX вв. Наибольшую силу «письменные судилища» обрели в правление Хунли. После его смерти произошло некоторое смягчение. Речь теперь шла в основном о расправе над самой книгой. Связанных же с ней людей — авторов, издателей, книготорговцев и читателей — карали все слабее и реже. Такая «либерализация» объяснялась, во-первых, Крестьянской войной 1796–1804 гг. под знаменами «Белого Лотоса», которая показала, что главная опасность для цинского режима исходит не от оппозиционной интеллигенции и неханьских народностей, а от голодного и вооруженного крестьянства. Поэтому династия Цин ослабила давление на интеллектуальную элиту. Во-вторых, к началу XIX в. оппозиционная интеллигенция оказалась сломленной. Одни были уничтожены физически, другие — духовно, третьи благоразумно покинули сферу политической борьбы. К этому времени уже не одно поколение интеллигентов оказалось воспитанным в обстановке страха и лояльности. С учетом всего этого жестокость репрессий и нагнетание страха уже не были столь необходимы. В этих смягченных формах «литературная инквизиция» продолжала действовать весь XIX в. Однако уже наученная опытом сама интеллигенция стала находить пути для обхода «литературных запретов». Для этого применялись различные приемы — смена заглавия, урезанный вариант с выбросом «опасных» мест, публикация с новым предисловием, с переделками в духе лояльности к власти. Тем самым авторы, редакторы и издатели вставали на стезю самоцензуры.

Завоеватели-маньчжуры требовали от китайской интеллигенции верности династии Цин, знания наизусть конфуцианского канона, преклонения перед древностью и следования традиции. Режим поощрял верноподданных интеллектуалов, присуждая им ученые степени, предоставляя чиновные должности и щедро оплачивая их участие в официальных литературных и научных проектах, в частности в составлении грандиозных компилятивных трудов. Зародившись при Фулине, это направление приняло большой размах в правление Сюаньэ. Роль императора Сюаньэ в сфере китайской культуры была весьма противоречива. Именно он резко усилил «литературную инквизицию», и он же организовал массовые «литературные работы». При нем началось создание энциклопедий и словарей, были изданы наиболее ценные и фундаментальные справочные материалы и антологии, собраны и опубликованы многие литературные памятники предшествующих эпох. По стопам Сюаньэ пошел его преемник, император Хунли. С одной стороны, он резко расширил рамки «литературной инквизиции» и крайне ужесточил ее карательный характер. С другой стороны, работы по отыскиванию и публикации письменных литературных памятников, изданию многотомных компилятивных сборников приняли небывалый размах и интенсивность именно в его правление.

Это были многотомные своды (*цуншу*), в которых публиковались либо целые «библиотеки», либо сочинения по какой-то отдельной теме, отрасли или периоду. Одним из самых больших таких сводов стал энциклопедический сборник «Гуцзинь тушу цзичэн» («Собрание древних и современных книг»). Созданный по указу Сюаньэ под руководством крупного сановника Цзян Тинси, этот труд увидел свет в 1732 г. Данная «энциклопедия» состояла из 32 разделов, свыше 800 томов (*бэн*), 10 тыс. глав (*цзюань*) и включала огромное число документов и материалов по самым разным отраслям знаний. Энциклопедия «Гуцзинь тушу цзичэн» имеет особую ценность, ибо представляет китайскую цивилизацию как с исторической, так и с литературной стороны.

Самым грандиозным проектом в этой области стала подготовка императорской «Коллекции книг по четырем разделам» («Сыку цюаньшу») и аннотированных каталогов к ней. Работа над «Коллекцией» началась в 1773 г., а закончилась в 1782 г. Над ее созданием трудились 360 ученых и без малого 4 тыс. переписчиков, сверщиков и других технических сотрудников. В «Коллекцию» вошло около 3,5 тыс. сочинений общим объемом свыше 79 тыс. *цзюаней*. Всего было изготовлено семь ее комплектов, хранившихся в библиотеках, причем три из них стали доступными для ученых. Кроме того, был составлен аннотированный сводный каталог как неотъемлемая, но самостоятельная часть «Коллекции». В подготовке каталога были заняты сотни ученых и тысячи переписчиков и сверщиков. Работа продолжалась десять лет и завершилась созданием огромного труда (200 *цзюаней*). В 1782 г. был подготовлен его адаптированный вариант — своего рода справочник, объемом в десять раз меньшим, нежели сам «Каталог». В XVIII в. составлялись и специальные энциклопедии по отдельным отраслям знания, например «Шоуши тункао» по сельскому хозяйству и «Лисян коачэн» по астрономии.

В период Цин произошел резкий взлет историографической работы. Все опубликованное во второй половине XVII и за весь XVIII в. во много раз превышало сделанное историками любой из предшествующих династий. Было опубликовано и сохранено множество исторических источников. При этом, однако, была осуществлена тотальная ревизия исторического наследия Китая с уничтожением одних и фальсификацией других документов. Главной целью такого насилия над фактами и их первоначальными оценками было стремление доказать «законность» воцарения в Китае «варварской» династии завоевателей и ее полное соответствие конфуцианским нормам и традициям. Большим достижением цинской исторической науки явилась многотомная «История династии Мин» («Мин ши»). Начало этой работе было положено императорским указом 1645 г., а завершена она была в 1736 г., т.е. на создание «канонического» текста истории Минской империи ушло почти сто лет. До его появления на эту тематику по сути был наложен запрет. Исключение было сделано лишь для видного ученого Гу Иньтая (1620–1690), автора «Полного описания

событий истории династии Мин» («Минши цзиши бэньмо»). Наиболее крупным историком в эпоху Цин был Чжан Сюэчэн (1738–1801), чье творчество считается вершиной исторической мысли императорского Китая. Центральное место в его научном наследии занимает труд «Проникновение в смысл литературы и истории» («Вэньши тунъи»).

Одним из самых обширных историографических проектов стало создание в конце XVIII в. комплекта историй всех династий — от Хань до Мин. Он был опубликован под общим названием «Двадцать четыре династийные истории» («Эршисы ши»). В 1842 г. появилась работа крупного чиновника Цзян Лянци «Записки у ворот Дунхуа» («Дунхуа лу»), рассказывающая о деяниях первых пяти цинских правителей — от Нурхаци до Иньчжэня включительно. Один из наиболее известных тогда историков, Вэй Юань, в 1849 г. написал труд, посвященный военной истории династии Цин — «Записки о священных войнах» («Шэньуцзи»). В этой подробной летописи войн, походов, карательных экспедиций и битв Вэй Юань воспел «славу» цинского оружия и «подвиги» маньчжурских правителей.

В 1686 г. началась реализация крупного проекта по составлению многотомного «Сводного описания Великой Цинской империи» («Да Цин итунчжи»). К середине XVIII в. достигают необычайного расцвета «историко-географические описания» (*фанчжи*, *дифанчжи*) уездов, округов, областей и провинций. До наших дней дошло более 5 тыс. таких «описаний» цинского периода. Более половины их относятся к правлению Сюаньэ, Иньчжэня и Хунли (с 1662 по 1796 г.). Если в изучении географии Китая были достигнуты явные успехи, то познания китайцев о дальних странах оставались крайне скудны, а о многих из них просто ничего не было известно. Ввоз книг «западных варваров», а тем более их перевод с европейских языков на китайский строжайше наказывались. Опиумная экспансия Запада и особенно торговые, или «опиумные», войны XIX в. побуждали китайцев изучать новых и опасных врагов. Так, в 40-е годы XIX в. появились сочинения Линь Цзэсюя, Вэй Юаня, Ся Се, Ван Вэньтая и Сюй Цзюя с описанием географии и различных сторон жизни «заморских стран», «рыжеволосых англичан», «четырёх материков» и в целом Запада.

Постепенно развивалось и языкознание. Цянь Дасинь положил начало изучению звучания древнего (*губэнь*) и средневекового языка. В своем исследовании «Пятикнижие по фонетике» («Иньсюэ ушу») Гу Яньэ разработал историческую и современную ему фонетику. Дуань Юйцай посвятил свои исследования иероглифике, Лю Ци — систематическому изучению служебных слов в языке классических канонов. К цинской эпохе относится и создание первой грамматической терминологии китайского языка. Одними из основоположников китайской грамматики как научной дисциплины явились Ван Нянсунь и его сын Ван Иньчжи. Последний исследовал словарный состав древнекитайского языка. Работа Ван Иньчжи «Лексика канонических и исторических книг», изданная в 1798 г., не утратила

своего значения и в наши дни. По инициативе Сюанье создавались крупные лексикографические работы и классические словари. Так, по указу 1704 г. был составлен рифмический словарь «Пэйвэнь юньфу». В 1716 г. завершён иероглифический словарь «Канси цзыдянь». Оба проекта реализованы при личном участии Сюанье. По его указу 1719 г. создан словарь сложных слов и парных словосочетаний «Пяньцзы лэйбянь».

При всем размахе такого рода проектов цинский режим оставил для китайских ученых лишь один удел, а именно компиляцию, переписывание и перетолкование старых сочинений, составление словарей и сборников трудов древнего и средневекового прошлого. В результате любая отрасль знания обрекалась на застой. Только отдельные ученые пытались находить способы критики социальных порядков и официальной идеологии. Таковым, например, был философ Дай Чжэнь (1723–1777). Занимая материалистические позиции и развивая учение о материальной основе мира, он критиковал реакционное неоконфуцианство (чжусианство), оставаясь продолжателем лучших традиций материалистической философии Китая. Азиатский деспотизм в сфере политической, экономической и социальной мысли, мертвящее давление конфуцианства в духовной сфере привели в науке к тотальному господству коллективного начала над личностным. Конфуцианство прочно подавило личностное исследовательское начало и поставило барьер перед развитием индивидуального научного поиска и самостоятельных решений. В итоге прочно возобладала официальная наука как явление идейно обусловленное и заключенное в строго установленные рамки и формы. При всем том влияние даосизма и буддизма крайне слабо компенсировало эти изъяны конфуцианской традиции.

Поэзия и проза

Цинские императоры и в сфере литературы стремились направлять творчество в нужное режиму русло, т.е. следовать образцам прошлого. В этом отношении XVIII век явился веком литературных антологий. Среди последних выделялось полное собрание поэзии эпохи Тан («Юйдин цюань Тан ши»). Эта многотомная антология включила в себя около 50 тыс. стихотворений более 2 тыс. танских поэтов. С тем же размахом была издана и образцовая проза всех времен («Юйсюань гувэнь юаньцзянь»). Такого рода гигантскими литературными проектами завоеватели старались выставить себя меценатами и интеллектуалами, подкупить патристически настроенных поэтов и поставить их на службу династии Цин. Расправа с инакомыслием, строгая цензура, запрещение «крамольных» книг и их уничтожение являлись одной из сторон политики маньчжуров. Другой ее стороной стало отвлечение интеллигенции от вопросов современности, обращение к древности, возрождение архаики и поощрение копирования старых образцов. В результате появилась большая по объему, порою тонкая по форме, но безжизненная ортодоксальная литература.

В ее русле возродился целый ряд старых направлений — и в прозе и в поэзии. А в них, в свою очередь, появлялись признанные авторитеты — модные авторы, лишенные, однако, оригинальной творческой манеры и значительно уступавшие писателям и поэтам эпохи Тан и Сун.

На рубеже XVII–XVIII вв. наиболее крупными представителями ортодоксальной поэзии были Цянь Цяньи, У Вэйе и Ван Шичжэнь — создатель «теории духа и рифмы» (*шэньюнь чжишо*). Данная теория рассматривала литературу как нечто мистическое, недоступное простым смертным. Литераторы-ортодоксы ратовали за подражание древности и классическому средневековью. В середине XVIII в. роль мэтра официальной поэзии перешла к Шэнь Дэцяню. При всем том принадлежность к цинской ортодоксии отнюдь не служила гарантией от репрессий «литературной инквизиции», или «письменных судилищ». Так, посмертным карам подвергались ортодоксы Шэнь Дэцянь и Цянь Цяньи, не говоря уже о литераторах, далеких от политики.

Главной опорой ортодоксального направления в цинской литературе служила «тунчэнская школа», или «школа литераторов». Возникла она в XVII в. и была создана уроженцами уезда Тунчэн (пров. Аньхуэй) Фан Бао и Яо Наем. Для последователей этого направления характерны преклонение перед древностью, погоня за формой и боязнь всего нового. «Тунчэнцы» много времени и сил отдавали абстрактным рассуждениям о соотношении конфуцианских «смысла» и «метода». В середине и во второй половине XVIII в. «тунчэнская школа» стала главной ортодоксальной группировкой литераторов-публицистов, демонстративно подражавших древним классическим образам. Полагая себя «неоклассиками», эти литераторы считали ниже своего достоинства обращаться к изображению реальной жизни и современных им событий. За «тунчэнской школой» следовала школа «поэзии сунского стиля».

Цинские власти, усиленно возрождая в литературе и искусстве архаику, поощряя подражание древним, пытались ослабить сопротивление китайской интеллигенции, увести писателей и ученых от вопросов современности. В этом русле возникла большая по объему, но бесцветная и посредственная поэзия. Тысячи поэтов писали в жанре песенного типа (*цзи*), однако ярких, оригинальных дарований среди них было мало. Кроме того, цинская поэзия смотрела в прошлое, жила старой манерой, образами, идеалами и подражанием былым образцам.

Реакционность маньчжурской династии и консерватизм китайской чиновной среды обусловили определенный застой в сфере литературы, особенно поэзии. Поэзия цинского периода носила подражательный характер, жила традициями и была мало связана с реальной жизнью. Многие цинские поэты прославились в свое время благодаря умению подражать тому или иному поэту древности или средневековья. Одни имитировали поэтов эпохи Тан, другие подражали стихотворцам времен династии Сун, а некоторые могли писать стихи в манере поэзии любой эпохи. На фоне

господствующего эпигонства и подражательства выделялся лишь Юань Мэй (Юань Цзыдай, 1715–1797). Большую часть литературного наследия этого знаменитого в свое время поэта составляет интимная лирика и юмористические новеллы. В своих стихах он воспевал национального героя Китая полководца XII в. Юэ Фэя, героически сражавшегося с «северными варварами» — чжурчжэнями, являвшимися предками маньчжуров. Кроме Юань Мэя наиболее известными поэтами были Цзян Синьюй и Чжао И. В целом же на смену талантливой поэзии пришло эпигонство в виде искусного повторения великих образцов. То, что раньше было вдохновенным творчеством, превратилось в обычное украшательство. К середине XIX в. «тунчэнская школа» как литературное направление почти полностью выродилась. Ее главой стал кровавый палач Цзэн Гофань — победитель тайпинов. Отбросив академические рассуждения «тунчэнцев» о «смысле» и «методе», этот верный слуга династии призвал литераторов к «активному служению» маньчжурам.

Обострение кризиса Цинской империи в начале XIX в. побудило прогрессивных поэтов, таких, как Гун Цзычжэнь, Хуан Цзюэцзы, обратиться к публицистике и объединиться в 1830 г. в поэтическое общество «Просвещающие Юг» («Сюань Нань»). Наплыв опиума в Китай и усиление социальной напряженности побуждали этих литераторов занять гражданскую позицию. Гун Цзычжэнь, например, выступал против курения опиума, сочувствовал голодающему народу, требовал справедливого перераспределения земли, обличал разложение чиновничества и жестокую маньчжурскую цензуру. Оставаясь ортодоксальными конфуцианцами, эти поэты били тревогу по поводу нараставших угроз извне и внутри страны.

Среди литераторов периода «смуты» крупной фигурой был Ли Юй (1611–1679), писавший под псевдонимом «Старец в бамбуковой шляпе». Ли Юй выступал как романист, драматург, автор повестей, эссеист и теоретик театра. Наиболее известен его авантюрно-любовный и одновременно правоучительный роман «Подстилка из плоти» («Жоупутуань») о похождениях «полуночника Вэйяна». Его же кисти принадлежат сборник повестей и цикл из десяти пьес. В своих произведениях Ли Юй отразил новое видение мира.

На цинскую эпоху приходится расцвет и пик популярности романа — самого позднего по времени возникновения рода китайской повествовательной прозы. От более ранних жанров китайской литературы он унаследовал сочетание прозы с поэзией. Последняя присутствовала как стихотворные зачин и концовка каждой главы или эпизода, а также как поэтическая вставка. Каждый эпизод в романе обладал собственной значимостью, а размер главы был рассчитан на устный ее пересказ за один раз. В романе имелось множество персонажей и конфликтов, острый и сложный сюжет. До эпохи Цин главное место занимали исторический, авантюрно-приключенческий и любовно-эротический романы, после маньчжурского завоевания на смену им пришли бытовой и дидактический.

Вершиной развития бытового романа явилось произведение Цао Сюэциня (1724–1764) «Сон в красном тереме» («Хуилоу Мэн»). Другое его название — «История камня». Это повествование о богатом столичном семействе со множеством бытовых подробностей, описанием нравов и обилием любовных эпизодов. Наиболее ярким дидактическим романом стало произведение У Цзинцзы (1701–1754) «Неофициальная история конфуцианцев» («Жулинь вайши»), содержащее острую и злоую критику ортодоксального конфуцианства, системы экзаменов на ученые звания шэньши и отбора кадров чиновничества. Как видим, произошли некоторое сближение романа с жизнью и усиление его реализма. Если три великих романа доцинской эпохи — «Троецарствие» («Саньго чжиянь») Ло Гуаньчжуна, «Речные заводи» («Шуйху чжуань») Ши Найяня и «Путешествие на Запад» («Сиюцзи») У Чэньэня — были посвящены либо далекому прошлому, либо сказочным приключениям, то два великих романа эпохи Цин — современному авторам обществу.

У Цзинцзы, положивший начало сатирическому роману в китайской литературе, выступал гневным и едким обличителем пороков маньчжурской бюрократии. Запечатлев моральное разложение цинской элиты, автор тонко издевался над миром ортодоксального конфуцианства и чиновничества. В ярких образах своих «героев» писатель-сатирик показал затхлую атмосферу околоточной среды — карьеризм, подлость, лицемерие, жестокость, бездарность, коварство и невежество этих «благородных мужей», олицетворявших собой конфуцианство. Автор зло высмеивает этот мир корыстолюбия, невежественной заносчивости, турых и себялюбивых служаков и лихоимцев. Главный же удар писатель направил на систему государственных экзаменов, создававшую именно такую среду стяжателей, фанфаронов и глупцов. Высмеивая конфуцианскую схоластику, У Цзинцзы показывает моральное разложение чиновничества, продажность, чванство и лицемерие цинской бюрократии. При всем том автор призывает вернуться к исходной «чистоте» раннего конфуцианства, к его идеалу, т.е. к «золотому веку» древности. У Цзинцзы был не только реалистом и сатириком, но и мастером художественного слова. Обладая точным и лаконичным языком, он умел двумя-тремя словами дать меткую, исчерпывающую характеристику персонажа или явления. Отсюда исключительная жизненность созданных им образов. Роман был написан к 1750 г. и увидел свет только через двадцать лет после смерти автора. С тех пор роман У Цзинцзы вплоть до наших дней пользуется исключительной популярностью. Положив начало социальному роману, «Неофициальная история конфуцианцев» оказала сильнейшее влияние на последующее развитие китайской художественной прозы.

В своем знаменитом романе «Сон в красном тереме» Цао Сюэцинь нарисовал картину имущественного упадка и духовного вырождения верхов цинского общества XVIII в. Автор показал судьбу трех поколений сановной семьи Цзя — от ее возвышения до трагического финала. Печальную

историю двух влюбленных автор развертывает на фоне быстрого разорения аристократического рода, где царят мотовство, безалаберность, жадность, конфуцианский домострой. «Сон в красном тереме» стал «зеркалом» тогдашнего «высшего общества». В основе романа, насчитывающего несколько сот действующих лиц и персонажей, лежит трагическая любовь богатого юноши к прекрасной, но бедной девушке. Рассказывая об их неудавшейся любви, Цао Сюэцинь резко обличает деспотизм конфуцианской морали, доведивший честных людей до самоубийства. Автор выступает против поругания личности, бичует нравы цинской верхушки — жестокость, моральное разложение, коррупцию, лицемерие и злоупотребление властью. Прототипом рода Цзя явилась семья самого писателя. После ее разорения Цао Сюэцинь бедствовал и умер в нищете, так и не закончив роман. Написанные им 80 глав стали расходиться в рукописных списках. Последние 40 глав были написаны Гао Э. Лишь спустя более четверти века после смерти Цао Сюэциня роман был опубликован и стал предметом любви и поклонения читающей публики.

В романе элементы фантастики переплетены с реальностью, мертвый книжный язык сочетается с живым разговорным, вопреки старой традиции в нем нет благополучного конца. Психологизм здесь сочетается с трагизмом. С рождением этого шедевра китайская литература вплотную подошла к созданию реалистического психологического романа. Появились многочисленные (свыше тридцати) подражания роману «Сон в красном тереме», где слову «сон» предшествовали прилагательные «поздний», «новый», «волшебный», «счастливый» и др. Создалось целое направление «хунлоумэнистов». Однако они так и не смогли подняться до уровня автора самого романа.

Между тем страх перед «литературной инквизицией» заставлял писателей погружаться в мир фантастики и тем самым уходить от жестокой реальности. Началось увлечение всякого рода вымыслами, наступило время фантастики. В этом жанре наиболее известными были Ли Жучжэнь и Ли Байчуань. Кисти первого принадлежит роман «Цветы в зеркале» («Цзин хуа юань»), написанный в начале XIX в. в виде рассказа путешественника об удивительных происшествиях в вымышленных странах. В аллегорической форме автор обличал конфуцианское ханжество и бесправное положение женщины. Данный роман считается одновременно «утопическим», «научным», «сатирическим» и «феминистским». Роман Ли Байчуаня «Следы бессмертных в зеленых полях» («Люйе сяньцзун») был создан в конце XVIII в. Используя вереницу волшебных образов, автор высмеивал власть имущих, протестовал против традиционного принудительного замужества женщин, сочувствовал печальной участи обитательниц публичных домов. Ли Жучжэнь и Ли Байчуань подчеркивали одаренность женщин и проповедовали принцип женского равноправия, идя вразрез с конфуцианскими устоями. В 1817 г. был опубликован роман «Полное повествование о лихом обманщике» («Фэйто цюаньчжуань»), в основе ко-

торого лежал фольклорный сказ о проходимце, ставшем крупным чиновником.

До середины XVIII в. наблюдалось увлечение исторической романтикой. Тогдашние писатели спешили воспользоваться разрешением воспевать подвиги удальцов из лагеря Ляншаньбо — героев знаменитого романа XIV в. «Речные заводы» («Шуйху чжуань»). Так, известный автор Чэнь Чэнь в конце XVII в. создал роман «Поздние речные заводы» («Шуйху хоучжуань»). В обстановке маньчжурского ига китайцы демонстративно поклонялись памяти полководца Юэ Фэя — героического борца против ига других «северных варваров» — чжурчжэней, т.е. предков маньчжуров. Этому национальному герою Китая посвятил свой роман «Сказание о Юэ Фэе» («Шо Юэ цюаньжуань») писатель Цянь Цай в начале XVII в. Любовь к героям Ляншаньбо и Юэ Фэю у китайцев цинской эпохи сохранялась неизменной, но с середины XVIII в. бытовой роман вытеснил героический жанр. К концу XVIII в. сложился и жанр «ученого романа», т.е. описание среды шэньши и околошэньшиской интеллигенции. Наиболее известными в этом плане стали новеллист Ту Шэнь — автор романа «История книжного червя» («Тань ши») — и Ся Цзинцюй, написавший «Праздные речи деревенского старца» («Есоу пуань»). Оба этих произведения положили начало жанру «ученого романа». Для этого весьма своеобразного литературного течения характерны авторское самовосхваление в образе идеализированного главного героя, вобравшего в себя всевозможную премудрость и мечты об идеальной монархической власти — сильной и справедливой.

Получила свое дальнейшее развитие и «судебная проза», или «судебный роман» (*гунъань*). Главным героем здесь выступал честный чиновник и справедливый судья. Самым ранним для эпохи Цин и наиболее популярным произведением этого жанра в конце XVIII — начале XIX в. стал роман «Дела судьи Ши» («Ши гунъань»). По сути, это была череда самостоятельных повестей со своими вставными новеллами — образцами устного творчества и сценических представлений. Возникли они до появления романа и существовали после этого. С начала XIX в. особенно модным становится жанр эротического романа. Действие последнего происходит либо в актерской среде, либо в публичных домах, либо одновременно живописуется быт этих «чайных домиков» и театральных трупп. Уход в мир эротики являлся своего рода вызовом конфуцианским устоям, протестом против семейного домостроя. Однако эта протестная направленность быстро сошла на нет, и эротический роман выродился в произведение бульварного типа. Исключением стал появившийся в 1849 г. роман Чэнь Сэня «Драгоценное зеркало прелестей любовных» («Пиньхуа баоцзянь»). Роман посвящен гомосексуализму, весьма распространенному в цинских верхах. Речь идет о «любви» бюрократии к молоденьким актерам — исполнителям женских ролей. Эта страсть носила вынужденный характер, поскольку за посещение публичного дома чиновника наказывали битьем

палками. В итоге «любовный роман» Чэнь Сэня оказался «социальным романом», разоблачившим тайны столичной верхушки — знати и бюрократии.

Своего наивысшего расцвета в цинский период достиг такой жанр прозы, как новелла (*чуаньци*), где резко усилились авторское начало и реалистичность. Писались эти новеллы на книжном языке (*вэньянь*) и были выдержаны в высоком художественном стиле. Те из *чуаньци*, что приближались к эталонным образцам новелл эпохи Тан, почитались в среде интеллигенции наряду с поэзией.

Небывалым взлетом жанра новеллы явилось творчество Пу Сунлина (1640–1715), писавшего под псевдонимом Ляо Чжай («Кабинет Говоруня»). Этот бедняк-интеллигент, постоянно проваливавшийся на экзаменах, оставил после себя сборник из 430 новелл под названием «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» («Ляо Чжай чжи и»). Будучи блестящим стилистом и талантливым прозаиком, Пу Сунлин высмеял цинское общество, бездарных и жестоких чиновников, воспел подлинную любовь. В своих произведениях он широко использовал фантастику, чтобы смелее и свободнее выражать свои критические суждения. В его новеллах чудесное начало нередко выступает в роли поборника справедливости и сатирического обличителя зла. Свои новеллы писатель населил множеством необычных персонажей. Здесь чародеи и даосы, добрые и злые духи, бесы и бесовки, *хэшианы*, гадалки и воры, феи и свахи, странники и разбойники. Больше всего здесь лисиц-оборотней и монахов-волшебников. Свои «странные» истории и «рассказы о людях необычайных» Пу Сунлин превратил в причудливую и озорную смесь суровой реальности и волшебных сил. Этот мир чудес, в свою очередь, служил автору прикрытием и маскировкой от жесткой цинской цензуры. В его новеллах сквозят ирония, насмешка, «смех за сценой», изображение необычайного служит целям сатиры.

Пу Сунлин обличал грубое бесчинство, алчность, продажность, интриганство и дикий произвол, процветавшие как на губернаторских постах, так и в местных канцеляриях. Прикрываясь сюжетами о необычайном, писатель осуждал несправедливость, жестокость и бесчеловечность в обращении с простыми людьми. «Стоит ли считаться с нынешними чиновниками, добрая половина которых — грубые разбойники», — писал он. «Вечный студент» Пу Сунлин был и остался изгоем официальной литературы. Его новеллы не попали в знаменитую императорскую библиотеку, им не нашлось места среди придворной «изящной словесности». Вопреки всему этому Пу Сунлин стал гордостью китайской литературы. Создания последующих новеллистов явно уступали остроте и талантливости его произведений. Так, поэт Юань Мэй — автор сборника новелл «Новые цинские шутки» («Синь ци се») — делал упор на развлекательность. В противовес этому Цзи Юнь в своем сборнике новелл «Записки из хижинны Наблюдающего мелкое» («Юэвэй цаотан бицзи») отдал чрезмерную дань дидактизму. Не стали шедевром и «Мелкие слова из узда Люэхэ» («Люэхэ

нэйвай соянь») Ту Шэня. И лишь о Пу Сунлине последующие поколения говорили как о великом писателе.

Выдающиеся писатели цинского Китая, как правило, не были чиновниками и поэтому не пользовались симпатией режима. Произведения их не признавались, материалы о них не сохранялись, их биографии не включались в официальные издания, и поэтому сведения о жизни этих литераторов крайне скудны. Чаще всего такие писатели оставались изгоями «благородного» общества. Пу Сунлин, например, всю жизнь испытывал материальные лишения, У Цзинцзы умер в бедности, Цао Сюэцинь — в нищете. В XIX столетии появилось немало прозаических произведений, однако ни одно из них по своим художественным достоинствам не могло сравниться с творениями Цао Сюэциня, У Цзинцзы и Пу Сунлина.

В цинский период получила широкое хождение такая разновидность песенно-повествовательного жанра, как повесть «основные словеса» (*хуабэнь*). Ее зачастую именуют «городской новеллой». Последняя имитировала форму устного выступления сказителя или рассказчика, используя живой разговорный язык, бытовую и нередко грубоватую лексику. В этих произведениях обычно присутствовали авантурные и альковные мотивы, многие сюжеты восходили к легендам, историческим событиям и буддийским образам. «Городская новелла» сочетала в себе прозу и поэзию (стихотворные зачин и концовка плюс поэтические вставки). В XVII–XVIII вв. активно развивался жанр *баоцзюань* — «драгоценный свиток», производный от сектантской буддийской литературы. Он был тесно связан с фольклорной традицией, с простонародной крестьянской средой и с идеологией тайных сект. В цинский период «драгоценные свитки» во многом утратили религиозную окраску.

Искусство и цивилизация

В годы маньчжурского господства театр сохранил свой национальный характер благодаря непосредственному общению с народными массами. Чаще всего на сцене выступали бродячие труппы. В пьесах и операх звучали патриотические мотивы, изображались подвиги национальных героев, высмеивались предатели, чиновники-взяточники и притеснители народа. В то же время стало очевидным, что такие традиционные формы, как «куньшаньская драма» (*куньцзюй*, *чуаньцзи*) и «смешанные пьесы» (*цзацзюй*), уже устарели. Их мертвый книжный язык и архаичное музыкальное сопровождение были непонятны не только простому зрителю, но и высокообразованной публике. Простолюдины находили отдохновение в фольклорной «местной драме» (*дифанси*), где использовались провинциальные наречия. «Местные» музыкально-театральные представления были наиболее близки простому люду и любимы им.

По особому пути пошли столичный и придворный театры. В XVII–XVIII вв. на столичной сцене существовали два основных драматических

стиля: «утонченный» (*ябу*) и «цветистый» (*хуабу*). Первый именовался также «куньшанским» (*куньцюй*), считался наиболее совершенным и был господствующим. В конце XVIII в. гастролировавшие актеры из пров. Аньхуэй занесли в Пекин свой стиль музыкальной драмы. Зародился он в сельской местности и завоевал признание в Южном Китае. Аньхуэйский театр вообрал в себя лучшее из всего наследия китайской драмы. Так возникла знаменитая «пекинская» музыкальная драма, или «столичная опера» (*цзинси*). Ее язык был более понятен простолюдям, что приблизило театр к народу. Дебютировав в Пекине в конце XVIII в., она уже в середине XIX столетия стала господствующей на китайской сцене. Благодаря такому синтезу основа китайского театра оказалась в значительной степени модернизирована и демократизирована. Это обновление сказалось на музыкальной, хореографической и репертуарной составляющих национального сценического искусства, затронуло «военные» (*уси*) и «гражданские пьесы» (*вэньси*) «столичной драмы». Наиболее яркими в этом жанре стали пьесы «Мечь рыбака» и «Осенняя река».

Крупными драматургами конца XVII в. помимо Ли Юя были Хун Шэн (1646–1704) и Кун Шанжэнь (1648–1718), оппозиционно настроенные к цинскому режиму. Особой популярностью пользовалась историческая драма Хун Шэна «Дворец бессмертия», или «Дворец долголетия» («Чаншэн дянь»), рассказывающая о Ян Гуйфэй — известной императорской фаворитке эпохи Тан. Столь же знаменитой стала и пьеса Кун Шанжэня «Веер с цветами персика» («Таохуа шань»). В ней повествуется о злоключениях влюбленной пары в бурные годы, предшествовавшие падению империи Мин. Драматургия XVIII в. утратила свою идейно-художественную цельность, сделав резкий крен в нравоучительность. Оригинальное творчество по сути прекратилось. Его место заняли инсценировки классических романов и популярных легенд, а также бесчисленные переделки старых пьес. По своему художественному уровню эта «массовая» драматургия намного уступала замечательным пьесам предшествующих эпох.

В цинский период усложнился песенно-повествовательный жанр сценического искусства, стоявший на стыке литературы и театра. Речь идет о прозаических отрывках, чередующихся со стихотворными, исполняемыми под музыку. Это своего рода фольклорное творчество — представление на сцене или на площади — возникло в конце эпохи Тан. Наиболее распространенными были «струнный сказ» (*таньцзи*) и «сказ под барабан» (*гуцзи*). И в том и в другом случае это была рифмованная многочасовая декламация, перемежающаяся пением. Исполнитель являлся одновременно певцом, декламатором и аккомпаниатором. «Струнный сказ» родился на юге Китая и исполнялся под аккомпанемент струнных инструментов (*цинъ, пина, хуцинъ*). В этом жанре создавались обычно лирические и любовные сюжеты, хотя встречались и описания героических подвигов. Многие «струнные сказы» слагались женщинами, которых редко допускали к «высокой» литературе. Жанр «сказа под барабан» возник

в Северном Китае. Пение и декламация сопровождалась игрой на ударных инструментах — барабанах, гонге, наборе из медных колокольчиков (*бяньчжун*). Здесь преобладали героические, исторические и авантурные сюжеты, а авторами выступали мужчины — профессиональные рассказчики (*шошуды*). В этих «сказах» индивидуальное творчество и авторское начало сочеталось с фольклорной основой. На базе песенно-повествовательного искусства возникали своего рода «романы в стихах». Наряду с этим был распространен и такой жанр, как «прозаический сказ» (*пинхуа*) — соединение устной народной литературы и сценического искусства, но без поэтических вставок.

Живопись цинского периода осталась строго традиционной, сохранив все средневековые формы, и прежде всего связь с каллиграфией. По-прежнему большой популярностью пользовались изображения «гор и воды», «цветов и птиц». Так, знаменитый мастер живописи XVIII в. Чжэн Баньцзяо всю жизнь рисовал лишь бамбук, орхидеи и камни. В эпоху Цин наблюдалась явная стагнация китайской живописи, бесконечное варьирование прежних сюжетов, образцов и манеры. Вместо поисков новых форм художники и мастера делали упор на чрезмерное усложнение отделки. То же самое наблюдалось и в архитектуре. Нагромождением разнообразных украшений особенно отличались роскошные дворцовые ансамбли. Вычурность линий и усложненность деталей были характерны для всех видов прикладного искусства — от художественного литья до украшавших одежду и обувь вышивок. Это было время помпезности, изобилия декоративных деталей и смешения различных стилей. В итоге победило художественное направление, сходное с западноевропейским рококо. Оно окончательно подавило эстетический идеал «изысканной простоты» прошлого.

В XVII–XVIII вв. дальнейшее развитие получило китайское шелковое производство, достигшее в это время своего наивысшего технического и художественного совершенства. Наиболее известными центрами шелкоткачества были Нанкин, где изготовлялись парчовые шелковые ткани, Сучжоу — поставщик газонных тканей, Ханчжоу — ставший «Шелковой столицей» Китая.

Что касается декоративно-прикладного искусства, то в эпоху Цин особым спросом пользовались изделия из художественного лака — расписного, резного и инкрустированного. Не случайно самым примечательным предметом из резного лака был трон цинских императоров. Император Хуни питал пристрастие к этому виду прикладного искусства и в изобилии окружал себя его прекрасными образцами. Особый эффект достигался при смешении в одном изделии двух разновидностей лака — красного резного, например, с инкрустированным, а инкрустированного с расписным. Резьба по кости, мрамору и лаку стала престижным украшением жилища богатей.

Совершенствовался такой вид декоративно-прикладного искусства, как изготовление фарфоровых изделий. При глазуровании и росписи большое

внимание уделялось разнообразию оттенков. Наиболее известными художественными стилями цинского фарфора были так называемые «зеленое» и «розовое» семейства. В период Цин в искусстве фарфора появился ряд новых направлений и видов декора. Из них наибольшим изяществом и особой красотой выделялись «брызганный кобальт» и «черное зеркало». В первом случае на изделие наносился порошок из кобальта, а его причудливые подтеки расписывались золотом, во втором — изделия покрывались черной глазурью с золотой росписью. В цинской керамике в XVII–XVIII вв. возродился монохромный фарфор, в том числе с «лунной глазурью» или с «бычьей кровью», т.е. темно-красной глазурью. Тогда же возник особый стиль «широкоцветие» (*гуанцзай*), используемый при изготовлении экспортной продукции. В Гуанчжоу для европейского рынка изготавливался фарфор как в китайском, так и в западном стиле.

Спрос на изделия китайского ремесла в странах Востока и в Европе был велик. Мода на эту продукцию вызвала, в свою очередь, развитие подражательного искусства на Западе. Здесь создавались подделки под китайский кобальтовый фарфор, исинскую «каменную» керамику, подлаковые изделия и роспись чайной посуды китайскими сюжетами. В Европе нарасхват раскупали привозимые из Китая узорчатый шелк, вышивки, фарфор, золотые, серебряные и другие изделия художественного ремесла.

В плане архитектуры эпоха Цин не принесла Китаю ничего нового. Завоеватели-маньчжуры получили столицу — Пекин — уже полностью отстроенной минскими императорами. Цинские богдоханы лишь восстанавливали и перестраивали то, что периодически губили пожары. Кроме того, расширялись «летние дворцы» — парковые ансамбли в Пекине и в окрестностях столицы. В одном из них — Юаньминъюане — ряд зданий был построен в западноевропейском стиле. При всем том китайская архитектура, по сути минского стандарта, в XVIII в. повлияла на западную, создав в Европе архитектурный стиль «шинуазри».

В целом же маньчжуры, проводя политику изоляции от всего «западного», «варварского» и «заморского», превратили Китай в «закрытую страну». Тем самым династия Цин сделала невозможными междивизиационный обмен и обогащение китайской культуры за счет заимствований у передовых культур Запада. Отгородившись от «заморских варваров» незримой «китайской стеной», Цины усилили цивилизационный застой и способствовали консервации архаики и традиционных стандартов в духовной и материальной культуре Цинской империи. Вместе с тем полной цивилизационной изоляции цинского Китая не наблюдалось. Страна была более или менее открыта для культурных контактов с Кореей, Вьетнамом, Японией и Бирмой. Все эти близкие и дальние соседи Среднего государства принадлежали к так называемому «конфуцианскому региону», т.е. к сфере китайской цивилизации. Здесь Цинская империя сохраняла роль культурной доминанты. Данный цивилизационный ареал много веков

назад воспринял из Китая иероглифику, конфуцианство, даосизм, китаизированный буддизм, стереотипы идеологии, художественной литературы, изобразительного и прикладного искусства, архитектуры и бытовой обстановки. Нахождение Цинской империи в своей «собственной» цивилизационной зоне в качестве ее доминанты как бы давало китайской культуре «второе дыхание».

В плане цивилизационной эволюции эпоха Цин представляла собой весьма противоречивое явление. В одних сферах науки и культуры, таких, как идеология и философия, поэзия и живопись, естественные науки, образование и архитектура, наблюдалась явная стагнация. В других имело место поступательное движение. Речь идет об историографии и источниковедении, публикаторской деятельности и языкознании, развитии романа и новеллы, театральном и декоративно-прикладном искусстве. Произошло своего рода сочетание застоя и относительного развития. При сравнении итогов и тенденций в области науки и культуры двух династийных циклов — Минского и Цинского — обнаруживается почти полное их совпадение. Правда, Минский цикл отставал от Цинского в сфере исторических публикаций, зато был впереди по успехам в архитектуре, географии, философии и естественных науках. Сопоставление этих циклов по их цивилизационному уровню говорит о стагнирующем и нисходящем типе исторического движения.

О затухающей эволюции свидетельствует также сравнение культурной и научной сферы Цинского и Минского циклов, с одной стороны, и Танского и Сунского — с другой. Здесь нет поступательной динамики, движение как таковое просматривается не между циклами — от одного к другому, — а внутри каждого из них. Становится очевидным, что формационный тип (азиатский способ производства), историческая модель эволюции (восточная), ее китайский вариант (циклический) явно повлияли на цивилизационный пласт Китая.

В XVII–XVIII вв. в Среднем государстве сохранялось топтание на уровне конфуцианской и иной схоластики, в то время как на Западе набирало силу развитие науки. В противоположность Европе Цинская империя продолжала делать упор на гуманитарные, а не на естественные науки. Запад встал на путь познания окружающего мира во всех его проявлениях, а Китай сосредоточился на внутреннем мире человека, сделал крен в этику и социополитическую индоктринацию подданного китайской деспотии. Это гуманитарное знание было обращено не в настоящее и будущее, а в прошлое, более того, в глубокую древность. Китайская цивилизация периода Цин жила принципами, эталонами и образами эпохи Чжоу и династии Хань. Если на Западе уже давно упрочилось движение по восходящей от стадии к стадии (Реформация, Возрождение, Просвещение), то в Китае главным являлось циклическое движение не столько от одного цикла к другому, сколько внутри каждого цикла как автономной модели круговращения по стандартному сценарию.

В научном и культурном застое цинского Китая проявлялась стагнация самого конфуцианства, его превращение в ортодоксальную догматическую систему — чжусианство. Тяжелый пресс неоконфуцианской идеологии привел к нивелированию личности, к отрицанию права человека на индивидуальный внутренний мир и духовную свободу. Все это препятствовало развитию индивидуального художественного творчества. Вместо него окончательно победило идейно детерминированное и формализованное официозное искусство. Художественная и научная мысль жестко ограничивалась древними канонами. Будучи изолированной от Запада, она остановилась на уровне средневековья. Достигнутые Европой научные открытия и технические новшества не проникали в Среднюю империю. Китайские корабли по-прежнему ходили под прямыми парусами, ремесленники не умели делать механических часов. Цивилизация традиционного конфуцианского Китая в цинский период представляла собой систему ценностей, менее всего нацеленную на развитие и прогресс социума. Это была строго иерархическая и зарегулированная структура, всецело направленная на укрепление азиатской деспотии и господства маньчжуро-китайской бюрократии над податным и налогоплательщим населением.

Глава 9

Китай периода «закрытия». Вступление в стадию кризиса

Конец XVIII — начало XIX в. были для Цинской империи периодом резкого обострения экономической, социальной и политической напряженности. Наступила первая фаза очередного социально-демографического циклического кризиса. Главным фактором последнего стали все увеличивающиеся «ножницы» между обгоняющим ростом населения и отстающим расширением пахотной площади. Демографический рост все более захлестывал экономическое развитие. Резкий «всплеск» аграрного перенаселения создавал дополнительную массу избыточных рабочих рук, которые не находили применения в производстве. Давление «лишнего» людского потенциала на землю, в свою очередь, ускорило парцелляцию — уменьшение среднедушевого размера пахотного участка у крестьян — владельцев земли и полуарендаторов. Соответственно усилилось вымывание зажиточных и средних хозяйств и замена их бедняцкими дворами. Рост бедноты порождал все новые и новые пауперско-люмпенские слои. Такого рода «цепная реакция» создавала в обществе «критическую массу» для очередного социального взрыва. Если в третьей четверти XVIII в. разрыв между ростом населения и расширением посевных площадей еще не вышел из своего оптимального, т.е. экономически и социально безопасного состояния, то в последней четверти столетия наступил качественный перелом. Общая ситуация стала развиваться в сторону очередного династийного кризиса. Последний набирал силу в различных регионах Китая неодинаковыми темпами. В конце XVIII — начале XIX в. он наиболее остро проявился не в развитых и плодородных провинциях Центрального и Южного Китая, а в отсталых и малопродуктивных районах Северного Китая. Здесь — к северу от Янцзы сотни тысяч разоренных крестьян пополняли толпы бродяг и нищих, скапливаясь в городах. В одном Пекине насчитывалось более 100 тыс. нищих. В суровую зиму 1796 г. там за одну февральскую ночь от холода и голода погибло около 8 тыс. человек. Социальные беды резко усилили роль тайных обществ (*хуэйдан*) в Центральном и Южном Китае и религиозных сект (*цзяомэн*) в северных провинциях. Тайные общества и секты все более становились организаторами

и политическими выразителями социального протеста бедствующих слоев населения, прежде всего деревенской бедноты, пауперов и люмпенов, а также ремесленников, горняков и безработных. В сектантских движениях активную роль играли демобилизованные солдаты, бездомный люд, бродячие торговцы, монахи и прорицатели.

Крестьянская война «Белого Лотоса»

К концу XVIII в. главным выразителем массового недовольства и народных чаяний, а также организатором борьбы в Северном Китае, в провинциях к северу от Янцзы, оставалась религиозная секта «Белый Лотос» («Байяньцзяо») с рядом ответвлений, ячеек и множеством последователей ее учения. В середине 70-х годов завершился сравнительно мирный период взаимоотношений секты и властей. Были подавлены восстания 1774–1775 гг. ее ответвлений — секты «Белого Солнца» («Байянцзяо») в пров. Шаньдун и «Восьми Триграмм» («Багуацзяо») в Чжили в 1786 г. Одновременно власти попытались обезглавить западное крыло «Белого Лотоса» — в провинциях Хубэй, Хэнань и Сычуань. В 1775 г. был арестован и сослан ее патриарх (*цзяочжу*) Лю Сун. Оставшиеся на свободе ересиархи Лю Чжисе и Сун Чжицин продолжали укреплять позиции секты. Ведя широкую проповедь учения, в том числе в Шэньси, проповедуя аскетизм и принцип равного распределения богатства, вербуя новых адептов, собирая деньги и укрепляя организацию, они развернули подготовку восстания. В 1788 г. они объявили сына Лю Суна возродившимся Буддой Милэфо-Майтрейей, прибывшим, дабы помочь утвердиться на императорском престоле «потомку» династии Мин (*ноба*) — специально подобранному из секты мальчику. Ересиархи объявили, что стране предстоит пройти через полосу «неминуемых бедствий». После чего Будду Шакиямуни, сидящего на «Красном Лотосе», сменит милостивый и веселый Будда Майтрейя на «Белом Лотосе», а «эпоху Красного Солнца» — «эпоха Белого Солнца». И тогда падет господство «северных варваров» — маньчжуров, возродится династия Великая Мин и на земле наступит царство божие. Тем самым в организационном плане секта перешла на положение вооруженной структуры. После этого правительство обрушило удар на западное крыло секты (Хубэй, Хунань, Сычуань, Шэньси). Было арестовано его руководство и 500 адептов. Сун Чжицин погиб в застенках, а Лю Чжисе удалось бежать. Вслед за этим начались массовые аресты. Только в одной из областей пров. Хубэй власти арестовали и пытали несколько тысяч крестьян. Наряду с сектантами пострадали тысячи ни в чем не повинных людей. Их хватали по первому подозрению, а имущество отбирали чиновники и их подручные. Волна народной ненависти ускорила выступление «Белого Лотоса», подготовляемое Лю Чжисе и другими ересиархами.

В феврале 1796 г., в разгар подготовки к восстанию произошли одновременно два важных события — смена власти в Пекине и преждевремен-

ное выступление крестьян уездов Иду и Чжицзян на севере пров. Хубэй, ставшее началом Крестьянской войны 1796–1804 гг.

В феврале 1796 г., на шестидесятом году своего правления, в возрасте 85 лет император Хунли отрекся от престола. Считая для себя непоозвоительным править дольше, Хунли передал власть своему пятнадцатому сыну Юньяню (1760–1820). Последний правил под девизом Цзяцин, т.е. «Прекрасное и радостное правление» (1796–1820). Новый император получил вместе с тронном в наследство от отца его всемогущего фаворита Хэшэня. Не желая огорчать престарелого Хунли, Юньян был вынужден терпеть его любимца. Хэшэнь еще в течение трех лет — вплоть до смерти экс-императора в 1799 г. — сохранял в своих руках управление всеми делами государства.

Смена власти совпала с началом крестьянской войны. В феврале 1796 г. под эгидой секты произошло восстание в двух северных уездах пров. Хубэй, перекинувшееся затем в ее западные и центральные районы. Это послужило началом длившейся восемь лет Крестьянской войны под знаменем «Белого Лотоса». На первом ее этапе центром движения стала область Сяньян — давний оплот секты. Здесь было создано наиболее организованное и боеспособное соединение повстанческих отрядов, прославившееся стремительностью действий и отчаянной отвагой. Во главе сяньянского соединения стояли Ци Ван, выходец из богатых крестьян Яо Чжифу и учитель Ван Тинчжао. Наибольшей известностью пользовалась Ци Ван, двадцатилетняя красавица, вдова одного из лидеров секты, отличавшаяся исключительной храбростью, нестигаемой волей, умом и обаянием. Ци Ван была избрана главнокомандующей всеми повстанческими армиями. Помимо прочих в ее подчинении находился женский кавалерийский отряд, состоявший из нескольких тысяч всадниц и наводивший ужас на противника. К повстанцам присоединялись безземельные крестьяне, беднота, разоренная налогами, люди, отбывающие казенные повинности. В отряды «Белого Лотоса» шли работники с рудников и приисков, из мастерских и мануфактур, бродяги, солдаты-дезертиры, соляные контрабандисты, «подлый люд», мелкие торговцы — лоточники, безработные грузчики, а также люди, угнанные в качестве носильщиков в армию. В рядах восставших было много женщин, ибо «Байляньцзяо» утверждала равенство женщин с мужчинами.

Основной движущей силой восстания являлось крестьянство, и само восстание в дальнейшем вылилось в крестьянскую войну. Начатая религиозной сектой, она тем не менее не стала войной религиозной. Повстанцы не выдвигали собственно религиозных требований, не выступали против других религий. С первых же месяцев социальное начало возобладало над религиозным. Основным лозунгом повстанцев стал призыв: «Чиновники притесняют — народ восстает!» Они сжигали управы в городах, убивали чиновников, их приспешников, а также шэньши и богачей. Восставшие обещали населению освобождение от налогов и повинностей, наделение

землей, присвоение чиновничьих должностей и наступление всеобщего благополучия. У богачей отбирали накопленное добро. Главной целью стало уравнильное перераспределение имущества.

Восстание в пров. Хубэй быстро расширилось, и на его подавление было переброшено 10 тыс. солдат из Хунани, Шэньси и Хэнани во главе с Би Юанем — наместником Хугуана. Пока здесь шли бои, последователи «Белого Лотоса» подняли восстание на северо-востоке Сычуани. Во главе их стояли конный курьер Сюй Тяньдэ и Ван Саньхуай — деревенский знахарь и соляной контрабандист. Оба вскоре стали выдающимися вождями и полководцами повстанцев. Вслед за этим секта подняла знамя борьбы в южных районах Шэньси. Масштабы крестьянской войны резко возросли. Почувствовав свою силу, ее руководители на первом этапе стремились овладеть городами. Захватив более десяти городов и укрепив их, они перешли к оборонительной тактике. Бои за города против превосходящих сил противника приводили к истощению сил повстанцев, к большим потерям и неудачам. В сражении у Цигуйчжая многие бойцы были убиты и ранены, а 2 тыс. пленных были живыми зарыты в землю. Тогда повстанцы отказались от захвата городов и от оборонительной тактики перешли к «подвижной войне» в сельских районах. Легко пополняя здесь свои ряды, их отряды уклонялись от крупных сражений. Быстро передвигаясь, они часто меняли направление и, сохраняя за собой инициативу, старались всячески сковать противника. Их соединения то объединялись для нанесения удара, то, разбиваясь на части, уходили от преследования. В итоге города стали опорными базами цинских войск, а деревенская периферия — зоной действий «мятежников-сектантов» (*цзяофэй*).

Сяньянское соединение численностью в несколько десятков тысяч человек, уходя от скопления вражеских частей, разделилось на три колонны и вторглось в Хэнань. Поддержанные местными отрядами повстанцев, сяньянцы в 1796 г. двинулись на север и северо-восток к Хуанхэ. Создалась угроза их выхода к Великому каналу. При дворе в Пекине началась паника. Опасаясь наступления *цзяофэев* на столицу, император Хунли вывез все свои сокровища в Маньчжурию. Однако наступающие колонны из Хэнани круто повернули на запад — в Шэньси. Форсировав р. Ханьшуй, они в 1797 г. вошли в Сычуань, где соединились со своими собратьями-единоверцами. Здесь, в Дунсяне, состоялось первое совещание командующих отрядами провинций Хубэй и Сычуань, где речь шла об упорядочении военной организации и координации действий.

Между тем в правящем лагере нарастал кризис. В условиях господства клики Хэшэня усилилось разложение госаппарата, деградация «восьмизнаменных войск», падение их боеспособности. Из-за казнокрадства чиновников и коррупции командного состава солдатам месяцами не платили жалованья и по многу дней не выдавали паек. Солдаты грабили население и чинили произвол. Военачальники и офицеры думали лишь о своей выгоде. У руководства военными операциями стояли выдвигенцы Хэшэня. Их

отличали безынициативность, медлительность, бездарность, страх перед повстанцами, корыстолюбие и жестокость в отношении мирного населения. Цинские полководцы в основном отсиживались за стенами укрепленных городов или на почтительном расстоянии двигались вслед за «мятежниками-сектантами». Зато они отыгрывались на мирном населении. В ходе карательных экспедиций в пров. Хубэй были уничтожены десятки тысяч крестьян — как сектантов, так и непричастных к движению мирных жителей. Правительство Юньяня-Хэшэня то наказывало военачальников, то осыпало их наградами, то обещало раскаявшимся повстанцам прощение, то пыталось отколоть последователей учения «Белого Лотоса» от «мятежников». Тем не менее оно долго не могло повлиять на ход военных действий. Повстанцы вели «подвижную войну» в северо-восточных районах Сычуани. Затем часть сяньянской армии под командованием Ци Ван, Яо Чжифу и Ван Тинчжао двинулась в Хубэй, где летом 1797 г. нанесла серьезный урон цинским войскам в ожесточенном сражении близ Байдичэна.

На борьбу с сяньянцами были переброшены войска, освободившиеся после подавления основных очагов восстания мяо в Хунани. Это вынудило сяньянцев уйти из пров. Хубэй через Шэньси в Сычуань. Здесь они были переформированы в четыре армии. Ведя «подвижную войну», они предельно изматывали противника. После ухода в Шэньси нескольких войсковых групп, одну из которых возглавляли Ци Ван и Яо Чжифу, оставшиеся в Сычуани вожди провели в 1798 г. второе совещание для обсуждения тактики и координации боевых действий. После победоносного рейда в Шэньси сяньянцы вновь двинулись в Хубэй. Здесь в пограничном уезде Юньси в апреле 1798 г., попав в окружение, они были разгромлены превосходящими силами противника. Чтобы избежать плена, Ци Ван и Яо Чжифу покончили с собой, бросившись с отвесной скалы. Потеря двух ведущих руководителей и гибель их армии явились серьезным ударом для повстанцев «Белого Лотоса». В 1798 г. и весь 1799 год их основные армии сражались в Сычуани, помогая друг другу. В бою у Аньлэпина группировка Лэн Тяньлу окружила и наголову разбила цинские войска. Зимой 1799 г. Сюй Тяньдэ вблизи Кайсяня одержал крупную победу над главными правительственными силами. Жань Тяньюань в кровопролитном сражении под Цаньси в конце 1799 г. нанес тяжелый урон основной группировке противника. В том году повстанцы действовали в 166 округах и уездах провинций Сычуань, Шэньси, Хубэй и Ганьсу. К весне 1800 г. они контролировали большинство уездов и округов Сычуани и угрожали ее главному городу — Чэнду. До этого времени цинские войска не могли перехватить инициативу, а армии «Белого Лотоса» сохраняли военное преимущество. Поскольку прежняя тактика «истребления» и «блокирования» не давала эффекта, цинское правительство сделало ставку на всемерное расширение и усиление местных иррегулярных частей. К 1799–1800 гг. особую роль стали играть созданные и руководимые крупными землевладельцами и шэньши, а также чиновниками отряды «сельского ополчения»

(сяньюнь), куда помимо крестьян зачислялись и деклассированные элементы. Будучи местными жителями, бойцы *сяньюнь* прекрасно знали местность, тайные тропы и места, удобные для засад, что делало их крайне опасным врагом повстанцев. Ополченцы заставляли крестьян строить укрепления против «бандитов-сектантов». Особенно широко власти стали применять с 1800 г. тактику «прочной обороны и оставления врагу опустошенной территории». С приближением повстанцев все население вместе с продовольствием и скотом угонялось в горы или в укрепления под охрану *сяньюнь*, лишая тем самым бойцов «Белого Лотоса» провианта и подкреплений. Повстанцы были вынуждены реквизировать продовольствие у населения, вызывая у него чувство протеста. Измученное пятью годами войны, крестьянство стало терять надежду на успех восстания и постепенно отходить от него. Сказывались и репрессии властей. Разочарование и неверие в победу проникли и в ряды крестьянских армий. К тому времени многие наиболее убежденные и преданные адепты «Белого Лотоса» погибли в боях и походах, а вновь примкнувшие не отличались стойкостью. Каратели умело использовали изменение настроений крестьянства для повсеместного строительства его же руками укрепленных лагерей и осуществления тактики «прочной обороны и оставления врагу опустошенной территории».

В конце 1799 — начале 1800 г. в ходе Крестьянской войны наступил явный перелом. Повстанцы стали капитулировать поодиночке и целыми отрядами. Так, сдались несколько тысяч человек из армии Ван Саньхуая, которых тут же уничтожили каратели. К этому времени войска «Белого Лотоса» потеряли ряд выдающихся командующих, их лучшие части были перебиты. Потеряв былую поддержку населения, лишившись пополнений и продовольствия, численно сократившиеся отряды и соединения повстанцев с 1800 г. отступали в свой основной район на стыке провинций Хубэй, Сычуань и Шэньси. Параллельно в 1799 г. разрасталось восстание в Ганьсу. Цинская сторона меж тем укрепляла положение в своем лагере. Большую роль здесь сыграло падение Хэшэня и его протеже.

В 1799 г., после смерти Хунли, Юньянь поспешил разделаться с ненавистным временщиком Хэшэнем. Он был арестован, судим и казнен, а его несметные богатства конфискованы. Их львиную долю забрал себе богдохан. Наиболее злостные и бездарные его ставленники потеряли свои посты, теперь к руководству войсками, сражавшимися против повстанцев «Белого Лотоса», пришли новые, способные военачальники. Верховным главнокомандующим в 1799 г. был назначен искусный полководец и стратег монгол Элэдэнбао, а командующим войсками в Ганьсу — Наяньчэн, оба они участвовали в подавлении восстания *мяо*. Военными действиями в Шэньси руководил Ян Юйчунь из войск «зеленого знамени». Военные действия отныне координировались в соответствии с общим планом кампании. Все это значительно укрепило цинский лагерь. Тем не менее он еще долго не мог вырвать инициативу из рук полководцев «Белого Лото-

са», хотя их войска все больше редели. К началу 1801 г. были схвачены и казнены Ван Саньхуай и ряд других повстанческих вождей. Властям удалось в 1800 г. подавить восстание в Ганьсу. В том же году в боях под Матиганом (на западе Сычуани) погиб Жань Тяньюань, а затем было разгромлено его войско. Все большую силу набирали сражавшиеся против «бандитов-сектантов» отряды *сянъюн*. Среди них выделялись дружины Ло Сыцзюя, Гуй Ханя и др.

Несмотря на начавшийся спад движения, его воинские соединения продолжали еще одерживать победы — вблизи г. Чжуцзышань, в уезде Наньчжуан и при Фуцзячжэне. В конце 1800 г. лидеры восставших провели в г. Цзишань (Шэньси) свое третье и последнее совещание по координации действий. Сторонники секты во главе с Лю Чжисе в 1800 г. подняли восстание в Хэнани. После его подавления цинские палачи разрубили на куски этого престарелого патриарха «Байляньцзяо». В 1801 г. было разбито соединение Ван Тинчжао, а сам он в клетке был отвезен в Пекин и казнен. В сражении погибла большая часть войска Сюй Тяньдэ. В 1802 г. он, преследуемый противником, утонул при переправе через реку в пров. Хубэй, а его оставшиеся отряды рассеялись. Потерпела поражение группировка Гао Эра и Ма У, а сами они были взяты в плен. После этих тяжелых потерь повстанческие силы в течение всего 1802 года продолжали неравную борьбу. В кровопролитном бою в округе Чжушань в пров. Хубэй была разбита группировка Фань Жэньцзэ и Гоу Вэньмина. Первый утонул в реке, а второй с остатками войска ушел в Шэньси. Здесь к нему примкнули многочисленные отряды местных бойцов секты. Соединение Гоу Вэньмина вторглось в Ганьсу, несколько месяцев сражалось в Шэньси, но летом 1802 г. было оттеснено в глухой безлюдный район и разбито, а его командующий в 1803 г. попал в плен. Среди оставшихся предельно измотанных и полуголодных повстанцев начались болезни, косившие их ряды. Однако еще целых два года разрозненные отряды «Байляньцзяо», применяя тактику «небольшим числом одолеть многих», вели героическую борьбу в большом горно-лесистом районе на стыке провинций Сычуань, Хубэй и Шэньси, который стал последним театром военных действий Крестьянской войны 1796–1804 гг. Вокруг этого района в 1803–1804 гг. властями были созданы четыре укрепленные линии и стянуто большое количество войск, в том числе армия Лэ Бао и «войска зеленого знамени» Ян Юйчуна. Они двигались между этими кордонами, уничтожая отряды «Белого Лотоса» и местное население — в основном бедноту и отверженных (*пэнминь*), помогавших повстанцам. Операциями руководили главнокомандующий Элэдэнбао и Дэ Лэнтай. Повстанцы перешли к тактике партизанской войны, а каратели — к массированному прочесыванию района. Последние отряды сектантов были уничтожены только осенью 1804 г.

Так закончилась Крестьянская война «Байляньцзяо», длившаяся свыше восьми лет, охватившая шесть провинций Северо-Запада и потребовавшая

от правительства колоссального напряжения сил. Подавление повстанцев обошлось казне в 200 млн. лян серебра. Крестьянская война стала первым масштабным вооруженным конфликтом после войны «трех князей-данников» (1673–1681). В него были втянуты миллионы людей. Если полоса локальных восстаний 70–90-х годов XVIII в. положила конец «мирному» периоду цинского господства (80-е годы XVII — 60-е годы XVIII в.), то Крестьянская война 1796–1804 гг. открыла «штормовой» период, завершившийся разгромом Крестьянской войны тайпинов (1864 г.), повстанческой борьбы няньцзюней (1868 г.) и восстаний национальных меньшинств (1877 г.). Если предшествующие эпохе «Байляньцзяо» местные восстания охватывали в основном окраины и неханьское население — национальные меньшинства (*мяо, тубо, дунгане*), то начиная с нее эпицентр антицинской борьбы был перенесен с периферии в собственно китайские провинции. Таким образом, Крестьянская война 1796–1804 гг. стала переломным моментом в нарастании кризиса Цинской империи.

По окончании военных действий на Северо-Западе скопились многочисленные иррегулярные силы, получившие помимо оружия еще и боевой опыт. Это были «сельское ополчение» — *сяньюн* и набранные на время ударные части добровольцев — *юнбин*. В их рядах было много деревенской бедноты и деклассированных элементов. Привыкшие за время борьбы с повстанцами к «легкой жизни», грабежам, насилию и ношению оружия, многие из них не хотели возвращаться к труду. Когда, покончив с «бандитами-сектантами», правительство объявило в 1805 г. демобилизацию, иррегулярные части в Шэньси и Сычуани подняли бунт. К ним примкнули новобранцы «войск зеленого знамени», протестовавшие против плохого снабжения. Чтобы сбить социальную напряженность, власти стали раздавать бедноте участки пахотной земли и целины из казенного фонда. Лишь к осени 1805 г. положение в этих провинциях стабилизировалось. Маньчжуры уничтожали всех, кто ранее сражался в рядах «Белого Лотоса», отбирали у населения оружие, сносили укрепления вне городов, построенные как повстанцами, так и правительственными силами, преследовали организации, связанные со сбором денег частными лицами. Несмотря на военную победу, цинский режим из кровавой эпопеи 1796–1804 гг. вышел не окрепшим, а ослабленным. Продолжалось нарастание социального напряжения и втягивание в очередной социально-экономический, демографический и династийный кризис. Удар, нанесенный маньчжурскому режиму армиями «Байляньцзяо», во многом обесценил «достижения» периода Хунли и вскрыл внутреннюю слабость Цинской империи накануне ее столкновения с капиталистическими державами Запада в 40–50-х годах XIX в.

Между тем у берегов Китая, как и в 20–40-х годах XVII в., произошло новое столкновение между колониальными державами. В начале XIX в. территория и прибрежные воды Китая стали полем борьбы Англии с Францией и ее союзниками. Постепенно захватывая колонии своих про-

тивников, Лондон вознамерился руками Ост-Индской компании отнять Макао у Португалии, подпавшей с 1801 г. под эгиду Наполеона. Когда весной 1802 г. английская эскадра подошла к Макао, местные португальские власти обратились за помощью в Пекин. Здесь они встретили своеобразное понимание, ибо маньчжурские императоры считали португальцев Макао своими «данниками». Боясь, что в случае военных действий цинское правительство прекратит торговлю с компанией в Гуанчжоу, англичане в мае 1802 г. вывели свою эскадру из китайских вод. В обмен на мирное содействие императора Юнъяня власти Макао письменно обязались не допускать в колонию войска третьих стран. Вторую попытку захвата Макао Англия предприняла в сентябре 1808 г. Несмотря на решительный запрет властей, в Лянгуане был высажен английский десант. На этот раз реакция Китая была энергичней. В октябре цинские власти прекратили морскую торговлю в Гуанчжоу, а затем приказали всем китайцам — слугам, переводчикам и компрадорам английской фактории покинуть ее пределы. Торговый бойкот вынудил контр-адмирала У.Дрюри в декабре вернуть солдат на суда и уйти в море, после чего власти Лянгуана разрешили возобновить торговлю с «английскими варварами».

В период наполеоновских войн Российская империя стремилась активизировать экономические и дипломатические связи с Китаем. Учитывая большую протяженность общей границы, взаимовыгодную торговлю и длительные традиции добрососедства, Петербург всячески стремился к укреплению мирных взаимоотношений с Цинской империей. Вместе с тем правительство Александра I стремилось дипломатическим путем получить разрешение Юнъяня на ряд мер, в коих были заинтересованы русская казна и купечество. Речь шла о разрешении взаимной торговли по всей линии русско-китайской границы или же на ее синьцзянском участке, а также в Гуанчжоу и Нанкине. Речь шла и о возобновлении русской караванной торговли — через Кяхту, Ургу, Калган — в Пекине. Россия намеревалась просить богдохана о пребывании в Пекине своего постоянного дипломатического агента или о праве Российской духовной миссии представлять русские торговые интересы в Китае. С этой целью в начале 1806 г. в Ургу прибыло посольство графа Ю.А.Головкина для дальнейшего следования в Пекин. Цинские помощники наместника в Урге (*амбани*) и маньчжурский двор своими требованиями к послу исполнить унижительный обряд *коуту* (*саньгуй цзюкоу*) сорвали переговоры и вынудили Головкина вернуться в Россию. Столь же неудачной оказалась попытка морской экспедиции И.Ф.Крузенштерна и Ю.Ф.Лисянского в конце 1805 г. завязать русскую торговлю в Гуанчжоу. Несмотря на отказ богдохана Юнъяня в 1810 г. от обмена посольствами на основе равенства сторон, Россия продолжала проводить политику мира и добрососедства в отношении Китая.

К установлению регулярных дипломатических отношений с Пекином и «открытию» китайского рынка для британской коммерции стремился

и Лондон, втянутый к тому времени в войну с США (1812–1814). Отголоском этой англо-американской войны у берегов Китая стал в 1814 г. захват коммерческого корабля США британским фрегатом в устье р. Сицзян. Представитель Ост-Индской компании проигнорировал требование властей Лянгвана удалить фрегат из китайских вод. В ответ на это была прекращена торговля с англичанами в Гуанчжоу с апреля по декабрь, т.е. до тех пор, пока военный корабль не покинул берега Срединной империи. События 1802, 1808 и 1814 гг. создали у цинского правительства превратное представление о безотказном действии запрета на торговлю как универсального средства «усмирения заморских варваров». Соответственно укрепились иллюзии относительно всемогущества Цинской империи и богдохана, чье одно повеление может привести «заморских чертей» к повиновению и трепету.

Между тем английское правительство не теряло надежды на мирное «открытие» китайского рынка. Новое посольство, отплывшее в Китай, возглавил дипломат лорд Амхерст. Его главной задачей стало учреждение в Пекине постоянного английского представительства. Прибыв осенью 1816 г. в Тяньцзинь, Амхерст был встречен как посланник из обычного «варварского государства» — «данника» богдохана. В столице, а затем в загородной императорской резиденции Юаньминъюане от посла требовали исполнения традиционной унижительной церемонии *коужоу*. Попытка Амхерста под любым предлогом избежать троекратного вставания на колени вызвала гнев Юньяня. Император приказал выдворить посольство из Китая и предложил английскому правительству больше не присылать своих послов. Пекинский двор во внешнеполитических вопросах продолжал вести себя так, как в годы правления Сюаньэ и начала эпохи Цяньлун, т.е. в периоды военного превосходства Китая в регионе и в годы внутренней социальной стабильности конца XVII — середины XVIII в.

Народные движения

После поражения Крестьянской войны 1796–1804 гг. внутренний мир в империи не наступил. В условиях обострившегося циклического кризиса продолжала нарастать вооруженная антицинская борьба в различных провинциях. В Хунани и Гуйчжоу в 1801 г. вспыхнуло восстание мяо, окончательно подавленное лишь в 1806 г. В 1802–1803 гг. за оружие взялась беднота области Хуэйчжоу (на востоке пров. Гуандун), объединенная тайным обществом «Тяньдихуэй» («Небо и Земля», или «Триада»). Борьба продолжалась почти полгода. Повстанцы упорно обороняли свои горные укрепления от карателей во главе с особым императорским уполномоченным Наяньчэном. В 1805 г. одно из ответвлений «Белого Лотоса» — секта «Безмолвие» («Цяоцяо») подняла восстание в ряде округов и уездов Шэньси. В 1807 г. их примеру последовала другая секта — «Завершение жизненного пути» («Шоуюань»).

Все нараставшее сопротивление цинской власти стала оказывать разбойная вольница Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей. Пиратство у побережья Китая стало расти с конца XVIII в. и заметно усилилось в начале XIX в. Нарастание социально-демографического кризиса поставляло китайскому пиратству обильный людской контингент изгоев. В ряды морской вольницы вливались и те, кто с оружием в руках ушел от карателей после подавления восстаний, особенно на Тайване в 1787–1788 гг. и в восточной части пров. Гуандун в 1806 г. Оба восстания проходили под знаменем тайного общества «Небо и Земля», принадлежность к которому законом 1792 г. каралась смертной казнью или пожизненной ссылкой. Это общество объединяло как китайских пиратов (*хайкоу*, *хайдао*), так и морских контрабандистов. При удобном случае контрабандой и морским разбоем попутно занимались команды крупных рыболовных и иных судов. Усилению пиратства способствовало и постоянное увеличение европейского и американского торгового судоходства у южных берегов пров. Гуандун. Наряду с китайцами здесь промышляли и корсары-иностранцы. Команды их легко превращались, смотря по обстоятельствам, то в пиратов, то в мирных моряков. Развитию пиратства способствовала сама система чиновных ограничений и контроля, которую вынуждено было нарушать морское купечество, вставая на путь контрабанды. Пираты, будучи членами общества «Небо и Земля», выступали за свержение Цин и восстановление Мин.

Первоначально морские пираты свирепствовали в водах пров. Гуандун. Затем они постепенно распространили свои набеги на побережье провинций Фуцзянь и Чжэцзян. В 1800 г., объединившись, пираты создали целый флот, насчитывавший свыше ста кораблей. Опытные и отважные моряки, они располагали множеством быстроходных кораблей, были хорошо вооружены и легко уходили от преследования правительственных судов. Победа династии Нгуэнов во Вьетнаме лишила китайских пиратов их позиций, доходов и баз на побережье залива Бакбо (Тонкинский), заставив перебазироваться в Китай.

С 1803 г. значительная часть морской вольницы, возглавляемая Цай Цянем, перенесла свои действия на побережье провинций Гуандун, Чжэцзян, Тайвань. Корсары грабили купеческие суда, унося порой богатую добычу, успешно сражались с цинскими морскими конвоями. Против пиратов была направлена большая флотилия под командованием Ли Чангэна, получившего от императора Юньяня чрезвычайные полномочия, но он погиб в бою, так и не сумев разгромить эскадру Цай Цяня.

Понеся значительные потери, Цай Цянь на время ушел во Вьетнам, но весной 1808 г., объединив свои силы с флотилией гуандунского корсара Чжу Фэня, развернул активные действия в водах пров. Чжэцзян. Вместо погибшего Чжу Фэня гуандунскую эскадру возглавил его брат Чжу Во, который вскоре сложил оружие и сдался властям. Ослабленная боями флотилия Цай Цяня оказалась в одиночестве, лишь у гуандунского побе-

режя действовала пиратская эскадра Чжан Бао. Воспользовавшись этим, цинский флот перешел в наступление. Ему удалось разгромить силы Цай Цяня в 1808 г. в схватке у Динхая — близ о-вов Чжоушань. Цай Цянь предпочел затонуть на своем корабле, но не сдался врагу. Оставшиеся после разгрома корабли корсаров продолжали крейсировать у берегов Южного Китая и Вьетнама. В водах Гуандуна в течение полутора лет сражалась эскадра Чжан Бао, но, оказавшись в изоляции, она была обречена. В 1810 г. совместными действиями флотилии Нгуэнов и эскадры наместника Лянгуана были уничтожены последние корабли пиратов в Южно-Китайском море. Пиратская война, длившаяся десять лет (1800–1810), стала частью антиманьчжурской борьбы, набравшей новую силу после поражения Крестьянской войны 1796–1804 гг.

Роль лидера антицинской борьбы перешла к восточному крылу «Белого Лотоса» — секте «Багуа» («Восемь Триграмм»). Репрессии властей заставили ее дважды сменить название — сначала на «Лунхуа» («Цветы Дракона»), а затем на «Тяньли» («Небесный Разум»). В свою очередь, сама секта делилась на восемь отделений (*гуа*) — по числу триграмм. В союзе с «Небесным Разумом» действовала родственная ей секта «Шоуюань» («Завершение жизненного пути»). Организационные структуры восточного крыла «Белого Лотоса» и его ответвлений — «Белого Солнца» («Байян») и «Восьми Триграмм» — после поражений 70–80-х годов XVIII в. и последовавших затем репрессий к началу XIX в. восстановили свои силы и упрочили влияние среди населения провинций Чжили, Хэнань, Шаньдун и Шаньси. Все они помимо чисто религиозных доктрин проповедовали идеи социального равенства и справедливого перераспределения имущества. Сектантов объединяла ненависть к маньчжурскому господству. Их первоочередной целью было свержение династии Цин и создание «своей», т.е. сектантской, династии Мин. Идеология «Тяньли» и «Шоуюань» была пропитана мессианским, эсхатологическим и милленаристским началами. Члены сект жили верой в близкое пришествие Будды Майтрейи, в гибель всех угнетателей и наступление эры всеобщего благополучия. Проповедники сект провозглашали скорое наступление благодатной «эпохи Белого Солнца», путь к которой лежал через преодоление очистительной бури «бедствий». Избежать гибели якобы можно было, лишь примкнув к секте. Многие крестьяне вступали в нее не только ради будущих благ, но и во избавление от смерти в период «бедствий Белого Солнца».

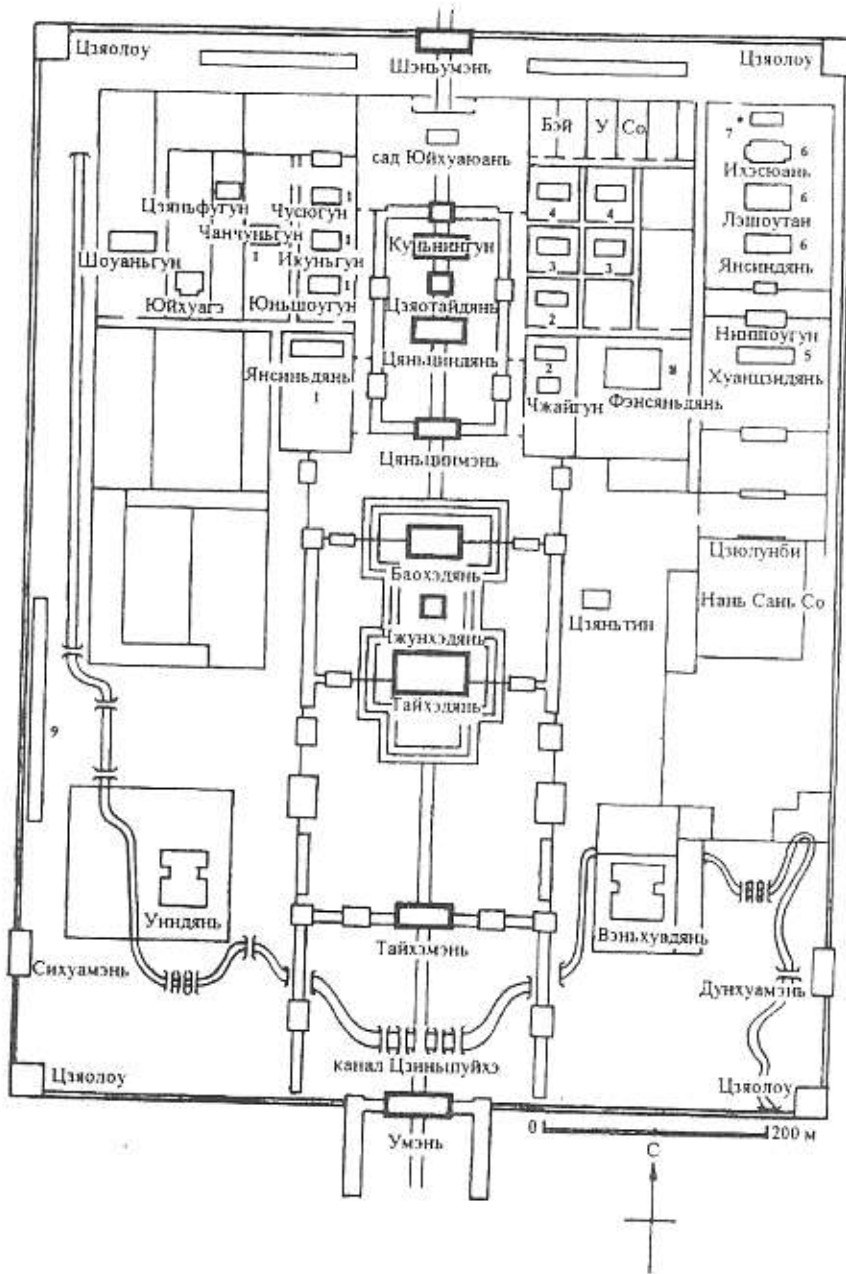
Секта «Небесного Разума» обещала присоединившимся к ней крестьянам и иному люду в случае победы поровну раздать землю, деньги и продовольствие. Многим были обещаны чиновничьи должности. Тем, кто помогал повстанцам деньгами и зерном, выдавались специальные гарантийные документы на землю и чины. В провинциях своего наибольшего влияния (Хэнань, Чжили и Шаньдун) секта «Небесного Разума» имела два организационных центра — чжилейский и хэнаньский. Первым руководил глава всей секты Линь Цин со ставкой в деревне Хуанцунь (южнее Пеки-

на); вторым — бывший плотник Ли Вэньчэн из торгово-ремесленного города Даокоу в уезде Хуасянь (на северо-востоке Хэнани). Исходя из конфуцианской системы «трех начал» (*саньцай*), т.е. Неба, Земли и Человека, Линь Цин учредил иерархию князей (*ван*). Сам он стал Князем Неба (Тяньван), т.е. верховным правителем. Сектанты считали его спустившейся с небес Великой Серебряной Звездой. Линь Цин стал раздавать должности и чины. Хэнаньская же ветвь считала своего лидера Ли Вэньчэна «истинным государем Великой династии Мин» с девизом правления Тяньшунь («Следовать воле Неба»). Готовя восстание, лидеры обоих центров провели в 1812 г. два совещания и разработали план совместных действий. Была установлена связь с группой низших дворцовых евнухов — фактически придворной прислугой. С их помощью внезапным ударом штурмовых групп планировалось в полдень 8 октября 1813 г. захватить императорский дворец, а затем овладеть всей столицей. Одновременно намечалось выступление в провинциях Чжили, Хэнань и Шаньдун с последующим взятием крупных городов. Формировались тайные отряды и изготовлялось оружие. Однако власти в Хэнани напали на след заговора и арестовали Ли Вэньчэна и его ближайшего помощника Ню Лянчэня.

Арест руководства послужил сигналом к восстанию. 30 сентября 1813 г. три тысячи сектантов, не дожидаясь условленного срока, взяли за оружие, захватили г. Хуасянь и освободили своих вождей. Вслед за этим поднялись и другие ячейки «Небесного Разума», овладев несколькими уездными центрами на северо-востоке Хэнани. Не зная об этом, чжилийская ветвь секты продолжала действовать строго по разработанному плану. В столицу тайно было доставлено оружие. Захват дворца и овладение Пекином, казалось, облегчались отсутствием императора Юньяня, который в сопровождении придворных и «знаменных» телохранителей направился в свою летнюю резиденцию Мулань в Жэхэ. Заранее проникшие в Пекин два отряда заговорщиков в полдень 8 октября штурмовали восточные и западные ворота Запретного города. Однако прорваться в дворцовый комплекс удалось лишь восьми десяткам навадающих. Воспользовавшись всеобщей паникой, они достигли покоев богдохана, но были отбиты дворцовой стражей и схвачены. Властям удалось завлечь в Пекин и арестовать самого Линь Цина. В столицу срочно вернулся Юньянь, а в Чжили и Хэнань были двинуты войска из других провинций. В итоге чжилийская ветвь секты, потеряв вождя, была разгромлена правительственными войсками.

В Хэнани же восстание поначалу развертывалось успешно. Повстанцы овладевали городами, расправлялись с чиновниками, знатью и шэньши, захватывали имущество богачей, сжигали долговые документы, громили тюрьмы, опустошали и жгли ломбарды и меняльные лавки. Сектантов поддерживали крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, к ним охотно присоединялась беднота. В движении активно участвовали женщины, особенно прославился «железный отряд женщин в красном». Восстание пере-

Зимний императорский дворец в Пекине

кинулось в Шаньдун, охватив юго-западные районы провинции. Повстанцы заняли главные города ряда уездов. Основные военные действия развернулись в северо-восточной Хэнани, вокруг городов Даокоу и Хуасянь. Станув сюда крупные силы, цинские власти в начале ноября 1813 г. осадили Даокоу, не имевший крепостной стены. Обороной города руководил глава секты «Чжэнь гуа» Сюй Аньго. Двенадцать часов длился яростный штурм, в ходе его погибла треть из 30 тыс. укрепившихся здесь повстанцев. Даокоу пал, а Сюй Аньго с оставшимися бойцами отступил под защиту стен Хуасяня. С подходом новых подкреплений цинские войска взяли его в плотное кольцо осады. Шаньдунские повстанцы направили на помощь Хуасяню кавалерийский отряд под командованием Лю Гомина. Ему удалось прорваться в город и вывезти оттуда Ли Вэньчэна. Последний ушел в горы Тайханшань и укрепился в г. Сычжай, собрав вокруг себя до 4 тыс. повстанцев. Не снимая осады с Хуасяня, цинское командование послало в Сычжай свои лучшие части. После двух яростных штурмов 12 декабря 1813 г. им удалось ворваться в крепость. Ее защитники погибли в уличных боях, а Ли Вэньчэн и его ближайшие соратники погибли, взорвав под собой пороховой погреб.

Между тем повстанцы и население Хуасяня под руководством Сюй Аньго продолжали героически обороняться. В начале января 1814 г. осаждавшие, проведя подкоп под крепостной стеной, взорвали мину и через пролом ворвались в город. В уличных боях и пожарах погибли от 15 до 20 тыс. человек, от 2 до 3 тыс. пленных были обезглавлены. Раненных Сюй Аньго и Ню Лянчэня в деревянных клетках отвезли в Пекин на казнь. Наступил резкий перелом в ходе восстания. Один за другим были подавлены основные очаги сопротивления, однако разрозненные стычки повстанцев с войсками продолжались до конца 1814 г. Благодаря их фанатической стойкости власти смогли разгромить лишь три главных отделения (*гуа*), а остальные пять остались невредимыми, уйдя в подполье. Слабость повстанцев 1813–1814 гг. заключалась в том, что выступило лишь восточное крыло сложной системы сект «Белого Лотоса», тогда как ее западное крыло оказалось обескровленным после поражения Крестьянской войны 1796–1804 гг. Тем не менее восстание «Небесного Разума» 1813–1814 гг., особенно его прорыв ко дворцу богдохана — этому «святой святых» Цинской империи, — вскрыло явное ослабление маньчжурского режима и нанесло серьезный урон его престижу.

Зимой 1813/14 г. на юге Шэньси в горах Циньлин вспыхнуло восстание рабочих лесных промыслов. Выброшенные на улицу в связи с массовым закрытием действовавших там «фирм» по заготовке бревен, брусьев и дров, поднялись безработные лесорубы во главе с Вань У. Оттесненные войсками в горы, они начали партизанскую войну. Однако прибывшими сюда крупными подкреплениями в январе 1814 г. отряд Ван У был разбит. Вслед за этим были разгромлены и остальные силы повстанцев. В 1816 г. в провинциях Цзянсу и Аньхуэй было подавлено восстание секты «Юань-

цзяо» («Учение о завершенности»). Тем не менее такого рода «успехи» карателей не предотвращали новых антицинских, античиновничьих и антианалоговых выступлений.

Социально-экономическая ситуация

Социально-экономическая ситуация, сложившаяся в Китае к началу XIX в., свидетельствовала о нарастании в стране очередного циклического кризиса. Рост численности населения все более обгонял расширение пахотной площади, а кадастровые земли даже сокращались. Так, с 1766 по 1833 г. они уменьшились с 7,8 до 7,4 млн. цинов. Население за этот период увеличилось с 208 до 400 млн. человек. В итоге без учета «скрытых полей» площадь обрабатываемой земли на душу населения сократилась вдвое — с 3,7 до 1,8 му. Происходили резкое измельчание крестьянских участков и разорение земледельческих дворов. В таких условиях налоговые поступления центральному правительству заметно сокращались.

Восстания крестьян, выступления тайных обществ, расширение пауперской и люмпенской среды, а также усиление бандитизма при бессилии местных властей вынуждали землевладельцев и шэньши самим налаживать оборону. В связи с этим затраты «больших домов» (*даху*) на частные вооруженные дружины (*миньтуань*) и сельское ополчение (*сяньюнь*) резко возросли. Все это и неспособность властей поддерживать порядок в сельской местности побуждало шэньши и «большие дома» не платить налоги. Несобранные налоги перекладывались на крестьян, усиливая их недовольство.

Социальный кризис побуждал правительство хотя бы частично оздоровлять «знаменный» сектор казенного землевладения. Под влиянием Крестьянской войны 1796–1804 гг. оно было вынуждено в 1801 г. фактически запретить «знаменным» повышать арендную плату с держателей их полей. Таких арендаторов уже нельзя было сгонять с земли в случае их несогласия на новые — более тяжелые условия договора. Под давлением экстремальной политической ситуации и острого финансового дефицита правительство было вынуждено постепенно отходить от политики «запретной зоны» в Маньчжурии. В 1800 г. была разрешена колонизация китайцами земель монгольского княжества Южный Горлос, а в 1803 г. позволено переселение из собственно Китая на Ляодунский п-ов. Росла миграция населения на Северо-Восток. В 20-х годах XIX в. на границах Южной Маньчжурии уже постоянно находилось до 20–30 тыс. переселенцев. Последние все чаще распахивали ранее запретные для них земли «священной родины» маньчжуров и домена династии Цин.

Внутри казенного сектора землевладения происходили существенные изменения. Сокращалась площадь «знаменных земель» (*циди*). Рядовые и офицеры «знаменных» корпусов все чаще разорялись, продавали свои наделы или закладывали их за долги. Казна периодически выкупала эти участки и превращала большую их часть в «удельные земли» (*юйди*). На

них, а также и на вновь освоенной казенной целине и поднятой залежи создавались новые императорские поместья (*хуанчжуан*). В итоге за 1758–1812 гг. число *хуанчжуан* в Северном Китае и Маньчжурии увеличилось примерно с 700 до 1078, а их площадь — с 13 тыс. до 35 тыс. цинов. Обезземеливание «знаменных» солдат и офицеров накладывало на казну дополнительные расходы по содержанию высшего военного сословия. Правительство всячески старалось поддерживать численность «восьмизнаменных войск» на должном уровне. В 1810 г. всего насчитывалось 420 тыс. «знаменных». Из них в маньчжурских корпусах состояло почти 221 тыс., в монгольских — более 55 тыс. и в «знаменах» *ханьцзюней* — менее 144 тыс. человек. Вместе с членами семей общая численность «знаменного» сословия достигала 1,5 млн. человек. Эта грозная прежде организация, теряя боеспособность и бывшее военное значение, превращалась в паразитическое сословие на шее казны.

Ухудшение ситуации в деревне сопровождалось расцветом городской экономики, подъемом в сфере ремесла, торговли, добывающей промышленности, кредитного рынка и транспорта. Росли объемы внутренней торговли, развивалась система оптовых и посреднических фирм, усиливалась роль специализированных рынков. Большое значение приобрели кредитные учреждения — переводные конторы (*няохао*), меняльные лавки (*цяньчжуан*) и ломбарды (*дяньдан*).

Постепенно развивалась внешняя торговля Цинской империи. С Россией она велась через Кяхту, а также отчасти через Чугучак и Кульджу. Ее товарооборот с 1801 по конец 30-х годов увеличился в два раза. В русском экспорте в Китай промышленные товары, особенно ткани, сильно потеснили прежде господствовавшую пушнину. Главным предметом китайского экспорта в Россию стал чай. В отличие от англичан и американцев русские купцы не занимались опиумной торговлей, строго запрещенной правительством Николая I.

Торговля Китая со странами Европы и США велась через Гуанчжоу и казенно-частную монопольную корпорацию «Гунхан» («Кохонг»). Почти за сорок лет (1795–1833) общий товарооборот здесь увеличился на 63%. Три четверти экспорта в Китай и импорта из него приходилось на долю Великобритании. До 1834 г. в английской торговле с Китаем сохранялись монопольные права Ост-Индской компании. Британские и индийские коммерсанты, не являвшиеся пайщиками компании, могли торговать в Гуанчжоу только с ее разрешения. Англичане ввозили сюда из метрополии шерстяные ткани и металлы, а из Индии наряду с индусами и мусульманами — хлопок. Главным предметом вывоза из Китая для Ост-Индской компании оставался чай. Быстро рос и вывоз китайского шелка-сырца. В начале XIX в. в легальной торговле Китая с Европой и европейскими колониями в Азии по-прежнему наблюдалось превышение экспорта товаров из Гуанчжоу над импортом в размере 5–6 млн. лянв ежегодно.

Специфика англо-китайской торговли через Гуанчжоу состояла в том, что она как с той, так и с другой стороны была монополизирована казенно-частными компаниями — английской Ост-Индской компанией и китайской «Гунхан». В условиях XIX в. эта монополия все чаще нарушалась деятельностью частного торгового капитала. «Внешние» для Ост-Индской компании английские и индийские коммерсанты торговали с Китаем, минуя компанию, но с ее разрешения. На долю таких дельцов в 1834 г. приходилось до 75% британского ввоза в Гуанчжоу. Сходную ситуацию переживала и китайская компания «Гунхан». «Внекорпоративные» купцы, действуя от имени ее членов и кредитуя их, фактически торговали самостоятельно — в обход казенной монополии. Руководство Ост-Индской компании более чем терпимо относилось к нарушителям торговой монополии. Цинские же правители упорно препятствовали свободе торговли и всемерно боролись с нарушением особых прав «Гунхан», прежде всего в интересах казны.

Средневековая монополия «Гунхан» была тяжелой обузой для купечества, не входившего в эту узкую полубюрократическую организацию, снимавшую сливки с торговой прибыли в международном обмене. Особенно страдали оптовые частоторговцы, поставщики шелка-сырца и хлопчатобумажных тканей ручной выделки. «Гунхан» столь же мешала торговле и прибылям купцов, продававших за море шелковые ткани, фарфор, сахар, ревеня, камфару и другие товары. С завершением в 20-х годах XIX в. промышленного переворота в Англии, а затем в США и Франции основными принципами складывавшегося мирового рынка стали свобода торговли и невмешательство государства в частнопредпринимательскую деятельность. В этих новых условиях Ост-Индская компания и «Гунхан» наряду с политикой «закрытия» Китая становились преградой на пути развития мирового рынка, которую необходимо было устранить.

До конца 30-х годов XIX в. основными средствами «открытия» Китая для британской и мировой торговли служили попытки дипломатических переговоров и контрабандный ввоз опиума из Индии. Опиум пробивал «китайскую стену» изоляции там, где оказывались бессильными легальная торговля и дипломаты. Торговля наркотиком со стороны Англии являлась и в юридическом, и в моральном плане откровенным преступлением. С 1800 по 1819 г. сюда ежегодно ввозилось свыше 4 тыс. ящиков опиума, каждый весом в 60 кг. С 1820 по 1838 г. ввоз опиума увеличился почти в 5–6 раз. В среднем в 1835–1838 гг. поступало более 35 тыс. ящиков в год. С массовым наплывом наркотик дешевел, а его поставки на рынок постоянно увеличивались. В 1838–1839 гг. в Китай было ввезено уже свыше 40 тыс. ящиков. Всего же за 1795–1838 гг. сюда было доставлено 27 тыс. т наркотика. Доходы Ост-Индской компании и правительства Британской Индии от торговли опиумом с 1773 по 1839 г. возросли в 70 раз. В 1835–1839 гг. они ежегодно составляли 5,2 млн. лянгов, или 200 т серебра.

В результате контрабандного ввоза опиума в Китай приток серебра, ввозимого сюда Ост-Индской компанией, стал сокращаться. Если до начала XIX в. серебро устойчиво притекало в Китай, то массовая контрабанда опиума изменила прежнее движение серебра: оно стало все в больших масштабах утекать за море. Экспорт серебра стал преобладать над его импортом, а накануне первой «опиумной» войны (1840–1842) ежегодный отток серебра из Китая составлял уже около 10 млн. лянов. Часть полученного от китайских опиумных контрабандистов лянового серебра английские дельцы вывозили в Калькутту для закупки очередных партий наркотика.

Массовый отток серебра за рубеж создал растущий дефицит ляновых отливок и соответственно повышение их цены в медной монете (*вэнь, цянй, чох*), т.е. «деньгах простонародья». Медно-денежная котировка серебряного ляна, давно установленная казной в 1 тыс. вэней, оказалась нарушенной. Разменный курс ляна в вэнях неуклонно пошел вверх.

Прежде всего это коснулось Южного Китая, затем наступил черед центральных провинций, а с 1810 г. и Северного Китая. Здесь лян в 1839 г. «стоил» почти 1,7 тыс. вэней.

Явные признаки расстройства денежной системы и рост опиумокурения заставили императора Юнъяня в 1796 г. особым указом запретить не только внутреннюю торговлю этим наркотиком, но и сам ввоз его в пределы империи. Поскольку официальный запрет не дал ожидаемых результатов, в 1800 г. последовал новый указ аналогичного содержания, но столь же неэффективный.

Бороться с опиумной торговлей методами официальной дипломатии было невозможно. Формально Ост-Индская компания не ввозила опиум ни в одну из стран и сама не вывозила его из Индии, но зато широко продавала бенгальский опиум частным торговцам — англичанам, а с 1821 г. и американцам. Создавая базу для массовой опиумной торговли в Китае и извлечения англичанами баснословных барышей, компания делала упор на свою якобы «непричастность» к опиумной контрабанде. Не желая открытого столкновения с Пекином, она вновь «запретила» в 1816 г. своим служащим и индийским купцам, получившим от компании разрешение на торговлю в Гуанчжоу, заниматься опиумоторговлей. Успокоив цинские власти этой формальной акцией, компания увеличила посевы мака в Бенгалии и соответственно продажу наркотика частным коммерсантам в Индии.

В 1817 г. цинское правительство, издав очередной закон, запрещающий импорт опиума в Среднюю империю, потребовало от Ост-Индской компании права досмотра грузов на ее кораблях, а от их владельцев — предоставления письменного обязательства не заниматься опиумной контрабандой. Компания проигнорировала эти требования и ввела в устье р. Сицзян военный корабль для устрашения гуандунских властей. Иностранцы опиумоторговые шхуны до 1821 г. становились на якорь и продавали «товар» китайским контрабандистам вблизи Хуану, у Макао и у о-ва Лао-

ваньшань. Поскольку иностранные суда с опиумом бросали якоря почти у самого Гуанчжоу, под нажимом Пекина власти Гуандуна в 1820 г. потребовали убрать их из китайских вод. Тогда английские опиумоторговцы перебазировались на о-в Линдин (Линдинъян, Нэйлиндин) в заливе Чжуцзянкоу (у устья р. Чжуцзян), и оттуда наркотик растекался во внутренние районы. К его перепродаже и потреблению подключались все новые контингенты китайских торговцев и населения внутренних провинций.

В 1820 г., после двадцати пяти лет царствования, умер император Юнъянь, и на трон вступил его второй сын — официальный наследник Мянньин (1782–1850), принявший девиз правления Даогуан, т.е. «Целенаправленное и Блестящее» (1821–1850). В эти годы особую роль при дворе стал играть маньчжур Мучжана, ставший крупным политическим деятелем еще при Юнъяне. При новом императоре, достигнув наибольшего влияния в правительстве и став главой Военного совета, он в значительной мере определял политику Мянньина. Все острее становилась опасность не только разложения военного сословия *цижэнь*, но и его ассимиляция китайцами. Маньчжуры, для которых самым главным были верховая езда, стрельба из лука и знание родного языка, стали все больше переходить к чисто китайской шкале общественных ценностей — изучению *вэньяня*, получению классического конфуцианского образования, сдаче экзаменов на ученую степень, превращению в шэньши и штатской чиновной карьере. Первое время правительство как могло боролось с этой опасностью. Так, в 1822 г. император Мянньин отказал в денежной субсидии школе для маньчжуров, изучавших китайскую классику, в 1833 г. рекомендовал не обучать «знаменных» ничему другому, кроме верховой езды и стрельбы из лука, в 1836 г. обрушил наказания на ряд высших «знаменных» командиров за допуск подчиненного к экзаменам на ученую степень без предварительных испытаний по этим двум видам военной подготовки.

Разорение «знаменных», потеря и заклад ими земли вели к распаду их земледельческих хозяйств и к освобождению от неволи их рабов и крепостных. К середине XIX в. в связи с переходом «знаменных земель» (*циди*) в руки китайских владельцев, торговцев, ростовщиков и крестьян в Чжили более 400 тыс. семей, т.е. свыше 2 млн. человек, освободились от рабской и крепостной зависимости. Более половины «знаменных земель» к 40-м годам XIX в. перешли в руки китайцев — через залог или тайную продажу. Обнищание рядовых солдат и низших офицеров стало массовым явлением, что резко снизило боеспособность армии. При этом ее численность и соответственно военные расходы постоянно росли. Увеличивались штат чиновничества и средства на его содержание. Еще быстрее возрастала численность императорского двора. С первой половины XVII по середину XIX в. она увеличилась почти в 15 раз. Если при Фулине императорский двор состоял более чем из 2 тыс. человек, то к концу правления Мянньина он превышал 30 тыс. Расходы по содержанию государственного и военно-административного аппарата тяжелым грузом ложились на казну.

Ситуация осложнялась дальнейшим сокращением налоговых поступлений с землевладельцев. В условиях циклического кризиса мельчавшие крестьянские хозяйства уже не могли выплачивать земельно-подушный налог (*дидин*) в его прежних размерах. В итоге все более росла как общая задолженность населения казне, так и ежегодная сумма недоимок. К 1821 г. последняя возросла по сравнению с началом XVIII в. более чем втрое, или с 600 тыс. до 2 млн. лянгов. Если в 60–70-х годах XVIII в. ежегодные поступления в казну составляли около 40 млн. лянгов, то в конце этого столетия они снизились до 30 млн. В поисках выхода правительство вводило новые налоги, брало займы у крупнейших ростовщических «переводных контор» (*няохао*) и банкирских домов Шаньси, увеличивало ставки соляного налогообложения. Нарастание недоимок и усиление социальной напряженности заставили императора Мяньюнина и Мучжану в 1830 г. издать указ о прощении старых недоимок.

Восстания неханьских народов

Постепенно усиливавшийся очередной циклический кризис начала XIX в. вел к нарастанию локальных выступлений крестьян и городской бедноты против маньчжурского господства. Все больше обездоленных и недовольных вступало в ряды тайных обществ, особенно «Триады», активность которой в этот период резко возросла в провинциях Южного Китая. Восстания провинций стали обычным явлением. Подавленные в одном районе, они вспыхивали в другом, демонстрируя общую тенденцию усиления социальной и политической напряженности. В 1823 г. произошло восстание в пров. Шаньдун, в 1830–1832 гг. — пров. Гуандун и на о-ве Хайнань, в 1833 г. — в провинциях Сычуань и Хубэй, а в 1835 г. — в Шаньси. С 1836 г. началась полоса восстаний в Хунани, в 1839 г. — в Гуйчжоу.

Вновь осложнилась обстановка на Тайване. Аграрные волнения из-за незаконного распределения земель чиновниками в Цзяи вылились в 1830 г. в массовое выступление, быстро охватившее всю южную часть острова. Его возглавили местные организации «Триады» и их лидеры — Чжан Бин, Хуан Фэн и Чэнь Бань. Восставшие, руководимые Чжан Бином, оттеснили местные войска и цинскую бюрократию в северные районы, установив в южной части острова антиманьчжурскую власть, которая продержалась здесь более двух лет. Для ее ликвидации с материка были присланы карательные части и военная эскадра. С большим трудом им удалось в 1833 г. восстановить маньчжурское господство на Тайване. Тем не менее с 1834 г. новые восстания волнами прокатывались по всему острову и были подавлены лишь к 1844 г.

Дальнейший наплыв китайских переселенцев, налоговый гнет и чиновный произвол вызвали в 30-х годах XIX в. новые восстания неханьских народностей в Юго-Западном Китае. В начале 1832 г. на юге Хунани против цинской власти поднялась народность *яо* во главе с Чжао Цзиньлуном. Правительство направило туда карательные войска под командованием Хай

Юго-Западный Китай в середине XIX в.

Линъя — военного губернатора Хунани, но они были полностью уничтожены. Затем к повстанцам присоединились *яо* северных районов пров. Гуандун. Против них были брошены крупные силы во главе с Ло Сыцзюем — военным губернатором пров. Хубэй. Они долго не могли справиться с *яо*, укрепившимися в горах. Только после тяжелых боев, вытеснив повстанцев на равнину, цинские войска взяли штурмом их крепость Янцюань и казнили руководителя обороны Чжао Цзиньлуна.

Новое восстание *яо* вспыхнуло на юго-западе Хунани в 1836 г. Руководил им тайный союз «Лунхуа» («Цветы чешуи Дракона») — ответвление «Белого Лотоса». Его возглавил Лань Чжэнцзун (Ханкуан), принявший накануне восстания княжеский титул Вэй-вана. Движение было подавлено, а его руководители казнены.

Единичные восстания крестьян, тайных обществ и национальных меньшинств становились все более частыми. С 1814 по 1839 г. в различных провинциях произошло более 30 вооруженных выступлений.

Усиление национального и феодального гнета в начале XIX в. резко обострило социально-политическую обстановку в Кашгарии. Пользуясь отсутствием контроля со стороны наместника Синьцзяна, маньчжурские и китайские чиновники без стеснения использовали свое служебное положение для быстрого личного обогащения. Они постоянно увеличивали сборы с местной мусульманской бюрократии (*хаким-беки*). Те, в свою очередь, отыгрывались на подчиненном им уйгурском населении. Уйгурские дехкане и ремесленники несли тяжелое бремя расходов по содержанию огромного цинского аппарата. Даровые натуральные поставки, принудительные казенные закупки по низким ценам, особый ежемесячный денежный сбор (*кыфыклык*) и добавки к нему (*салык*), обеспечение инспекционных поездок главноуправляющего Кашгарией, строительная и ямская повинности, разного рода обязательные подношения цинским чиновникам — все это ложилось на плечи тружеников-мусульман.

Кроме того, население нещадно обирали китайские купцы, по дешевке скупая местные продукты и изделия, но втридорога сбывая привозные, особенно чай. Китайское купечество душило уйгуров ростовщической эксплуатацией, отбирая у них землю, служившую залогом при выдаче ссуды. Маньчжуры и китайцы считали уйгуров, как и других мусульман, существами низшего сорта. Особый гнев местного населения вызывали насилия завоевателей над уйгурскими женщинами. Призывы к борьбе с угнетателями падали на благодатную почву. В 1815 г. под руководством черногорского ахуна Зия ад-Дина восстала уйгурская и киргизская беднота в районе Ташмалыка. Подавление восстания еще более обострило ненависть к завоевателям.

Все это происходило на фоне сложных взаимоотношений Цинской империи с соседним Кокандским ханством. Пекин и Коканд были естественными соперниками в борьбе за Кашгарию. Кокандские ханы, давая приют борцам против маньчжурских завоевателей, умело использовали их для давления на цинское правительство и вели в этом крае сложную политику.

Жившие в Коканде в начале XIX в. сыновья Сарымсака ходжа Джахангир (Джангир) и Юсуф-ходжа — наследники бывших белогорских правителей Кашгарии — встали во главе движения за восстановление независимости края. Среди уйгурского населения авторитет ходжей — «потомков пророка Мухаммеда» был крайне высок, народ видел в них будущих избавителей от иноземного гнета. Белогорские ходжи стремились вернуть себе ханский престол в Кашгарии. Летом 1820 г. Джахангир «бежал» из Коканда к киргизам, где собрал конный отряд в несколько сот сабель и осенью прорвался через цинские заслоны. Население встретило Джахангира как освободителя. Во главе повстанцев он двинулся на Кашгар, но цинские войска не подпустили его к городу. Разбив наступавших, они учинили над повстанцами кровавую расправу. Отступив в верховья Нарына, Джахангир создал новый отряд из кокандцев, горных таджиков и киргизов. Конница Джахангира в 1824–1826 гг. неоднократно атаковала цинские посты и караулы на границе. Мусульманское население края тайно оказывало ходже материальную помощь и своевременно предупреждало его об очередном рейде цинских войск. Джахангир привлек на свою сторону кокандского хана Мамеда-Али, обещав ему в случае успеха Кашгар и половину добычи. По городам и кишлакам Кашгарии люди Джахангира вели агитацию и вербовали сторонников.

Летом 1826 г. Джахангир во главе пяти сотен всадников вновь перешел границу, призывая уйгуров на «священную войну» (*газават*). Под его знамя встали белогорские кишлаки. К стенам Кашгара он подошел уже с многочисленным войском. Восставшее население открыло ворота города. Стремясь восстановить бывшее теократическое государство белогорских ходжей, Джахангир после взятия Кашгара провозгласил себя Сеид-Султаном. В Кашгар со своим войском прибыл Мамед-Али, однако у него возникли трения с Джахангиром, и он с большей частью войска вернулся в Коканд. В начале августа повстанцы победоносно штурмовали Яркенд. В этом же месяце был занят Хотан. Повсеместно повстанцы убивали цинских чиновников, офицеров и солдат, а также китайских купцов и ростовщиков. Часть своих сил восставшие двинули в восточные округа и осадили Аксу и Уч-Турфан, где их поддержали белогорские кишлаки. Однако взять эти города сторонникам Джахангира не удалось.

На десять месяцев Джахангир оказался правителем большей части Кашгарии. Однако новый султан так и не стал истинным народным вождем. Он оставил без изменения саму систему феодального гнета, а в кишлаках и городах — власть тех же *хаким-беков*, сменивших цинскую одежду на мусульманскую. Дехкане, ремесленники и мелкие торговцы все более отходили от Джахангира. В его султанате обострилась религиозная вражда между белогорскими и черногорскими муллами (*ахуны*). Усилилась национальная вражда — между уйгурами, с одной стороны, и служившими в армии Джахангира пришельцами из Средней Азии — киргизами, кокандцами, горными таджиками и андижанцами — с другой. Новому султану приходилось все больше и больше полагаться на свое войско.

На первых порах мусульманское восстание развивалось успешно, и Джахангир планировал большой поход на восток — на Турфан и на север — в Джунгарию, но медлил с решительными действиями, упуская благоприятный момент.

В цинском лагере поначалу царила растерянность, военные неудачи привели к быстрой смене одного за другим двух главноуправляющих (*цаньцзань дачэнь*) Кашгарии. Наконец подавление восстания было возложено на нового наместника Синьцзяна (*цзянцзюнь*) — «знаменного» монгола Чанлина, скоординировавшего все необходимые экстренные действия. Джахангир как военный руководитель оказался не на высоте. Он не использовал свои первые успехи и трудности в стане врага, медлил с общим наступлением, ждал помощи от соседних мусульманских государств. Все это было использовано цинской администрацией, сумевшей стабилизировать положение на оставшейся под ее контролем территории Синьцзяна, получить подкрепления из Китая и собрать все силы в один кулак. Когда в октябре 1826 г. цинские войска пришли на помощь осажденным гарнизонам Аксу и Уч-Турфана, наступил перелом в военных действиях в пользу правительства. Разбитые под Аксу силы Джахангира отступили и сняли осаду с Уч-Турфана. Беспощадными казнями и в то же время отменой на год поземельного налога властям удалось расколоть единство уйгуров и привлечь на свою сторону часть местных феодалов. Собрав в районе Аксу армию в 22 тыс. солдат, Чанлин в конце 1826 г. двинул ее на Кашгар. Путь карателей был устлан телами повстанцев.

После поражения главных сил Джахангира его сторонники — беки сдали Кашгар. Заняв город, каратели устроили там массовую резню. В апреле 1827 г. они взяли штурмом кашгарскую цитадель и разрушили мусульманскую часть города. Беки под напором неприятеля были вынуждены сдать Янги-Гиссар и Яркенд. Позже всех пал Хотан. К лету 1827 г. основные очаги восстания были подавлены. Джахангир бежал за рубеж — под защиту киргизских старшин. В январе 1828 г. цинским военачальникам удалось заманить Джахангира и его полутысячный отряд на свою территорию. Здесь у горы Картегай он был разбит. Вскоре он был схвачен, доставлен в Пекин и в 1828 г. казнен.

Подавление уйгурского восстания 1826–1827 гг. и последующая борьба с Джахангиром обошлись цинскому правительству в 10 млн. лянов. Это восстание потрясло саму основу цинского господства в Кашгарии, а ответные зверства карателей создавали почву для нового мусульманского выступления. Белогорские ахуны, дехкане и ремесленники теперь возлагали все свои надежды на брата Джахангира — Юсуфа-ходжу. На выступление последнего усиленно подбивал и хан Коканда.

Осенью 1830 г. Юсуф со своим отрядом перешел границу и был радостно встречен белогорцами. Памятуя об уроках восстания Джахангира, Юсуф щедро раздавал обещания народу и при его поддержке вступил в Кашгар. Затем во главе кашгарского ополчения и при содействии местных белогорцев Юсуф овладел Янги-Гиссаром. Восстание перекинулось

в Яркендский округ, куда вскоре прибыл и сам ходжа с войском. Взяв Яркенд, повстанцы безуспешно штурмовали местную цитадель, потерпев здесь крупное поражение. Наступил перелом в ходе движения, пошедшего на убыль. Кроме того, участие народных масс в 1830 г. оказалось меньшим, нежели в 1826–1827 гг. Многие из белогорских дехкан и ремесленников заняли пассивную, выжидательную позицию. Те же, кто поддержал Юсуфа и не получил ожидаемого улучшения своего положения, отходили от движения. Этому способствовали и грабежи, которыми занимались воины Юсуфа, восстанавливая против ходжи мирное население. Очень прохладно встретила белогорского ходжу черногорская секта. В городах, оставшихся под властью цинской администрации, черногорцы помогали ей обороняться от повстанцев, создавая особые, мусульманские отряды. Цинские власти умело использовали религиозную вражду двух исламских сект. Из Или были переброшены крупные силы под командованием Хафэна. В октябре 1830 г. наместник Чанлин начал наступление на повстанцев под Янги-Гиссаром. После упорных боев и кровавых расправ каратели овладели городом и двинулись на Кашгар. В конце 1830 г. Юсуф-ходжа с несколькими тысячами сторонников-белогорцев и пленными отступил к границе и ушел на кокандскую территорию. Подавление длившегося четыре месяца восстания обошлось казне в 8 млн. лянгов.

Заклучив с Кокандом в 1832 г. фактическое торговое соглашение, Пекин разрядил обстановку на границе, но не в самой Кашгарии. В ответ на новые притеснения в 1832 г. произошли серьезные волнения в Хотане. Героическая борьба уйгуров усилила кризис империи.

Назревание опиумного конфликта

Ослабление цинского режима привело к дальнейшему обострению опиумного вопроса как для Пекина, так и для Лондона.

По приказу из Пекина сторожевые корабли пров. Гуандун усилили борьбу с многочисленными китайскими джонками, принадлежавшими местным оптовым контрагентам англичан, установив контроль над прилегающей к о-ву Линдин акваторией. После этого наркотик, минуя Линдин, стал доставляться к заранее условленным стоянкам у берега, где и перегружался на джонки местных контрабандистов. Военные тихоходные парусники Гуандуна ничего не могли поделать с быстроходными и хорошо вооруженными клиперами англичан и американцев. Вскоре чиновники и офицеры патрульной морской службы превратили борьбу с опиумной контрабандой в доходный для себя промысел. Тайно собирая с контрабандистов и торговцев сборы, взятки и отступные, они пропускали «товар» на берег. Участие патрульных судов в опиумной контрабанде стало настолько очевидным, что Лю Кунь, назначенный в 1832 г. наместником Лянгуана, был вынужден сократить их число. Тем не менее в 1836 г. патрульный флот был восстановлен в прежнем составе и продолжил свое содействие тайной доставке наркотика в Китай.

Угроза истощения запасов серебра, усиление коррупции госаппарата, моральная и физическая деградация офицеров и солдат под воздействием наркотика заставляли правительство ужесточать антиопиумную политику. С 1822 по 1834 г. было издано пять законов, которыми Мяннин и Мучжана безуспешно пытались остановить рост импорта этого наркотика и опиумокурения. Постоянно провозглашаемый в указах императора и устанавливаемый законами запрет на ввоз и перепродажу опиума использовался чиновниками всех рангов в качестве предлога для вымогания еще больших взяток у китайских и иностранных опиумоторговцев. Цинская бюрократия за обильную мзду тайно потворствовала и контрабандным перевозкам наркотика по стране. Наибольшие взятки получали таможенные чиновники, вынужденные делиться с вышестоящим начальством — военным губернатором Гуандуна и наместником Ляnguана. От них не отставала по мере возможностей и бюрократия внутренних провинций, все более заинтересованная в прогрессирующем притоке на контролируемую ею территорию заморского зелья.

По мере продвижения наркотика от английских и американских торговцев и местных контрабандистов к потребителю во внутренних районах он постоянно дорожал. На цену наркотиков накидывались также все расходы, связанные со взятками. В 1835 г. покупка опиума обошлась жителям Китая более чем в 72 млн. лянов. Это примерно в 10 раз превышало годовую стоимость всего легального импорта англичан в Гуанчжоу, в 7 раз — выручку от всего экспорта Китая за год и более чем в 2 раза — налоговые поступления в центральную казну в Пекине. Общий доход иностранных и местных опиумоторговцев делал их союзниками в борьбе против запретительных акций династии Цин.

Общая утечка серебра из Гуанчжоу с 1829 по 1840 г. почти на 49 млн. долл. превысила приток этого металла в Китай. До 1827–1830 гг. ввоз серебра из Индии, Англии и США в Китай преобладал над его вывозом из Гуанчжоу, но затем наступил перелом — из Китая стало больше утекать серебра, нежели прибывать. Если раньше серебро в обмен на опиум утекало только через Гуанчжоу, то в 30-е годы отлив благородного металла происходил уже через все морские порты.

В контрабандные перевозки и продажу опиума втягивались все новые слои торгового капитала внутренних провинций. Их представители создавали свои тайные склады по приему и «конторы» по транспортировке опиума. На каботажных джонках наркотик из района Гуанчжоу доставлялся в порты Фуцзяни, Чжэцзяна, Цзянсу, Шаньдуна, а также в Тяньцзинь и на п-ов Ляодун. В каждом порту находились специальные «фирмы», занимавшиеся скупкой опиума, его хранением и перепродажей. Отсюда на речных джонках и в повозках ящики и корзины с наркотиком расходились по внутренним провинциям Китая. Так, из Тяньцзиня опиум поступал в Шаньси и Шэньси. Во всех крупных городах возникли местные опиумные «фирмы», процветавшие благодаря щедро оплаченному попустительству бюрократии и ее фактической защите. Опиумокурильщи-

ки, китайские торговцы наркотиком и чиновники, наживавшиеся на взятках за контрабанду, фактически оказались в зависимости от английских и американских поставщиков этого зелья. Перебои с его снабжением, а тем более прекращение доставки явились бы для данной среды тяжелым ударом. Общая опасность объединяла все три указанные категории населения в тайной, но эффективной борьбе против императорских указов и законов по защите Китая от новой опасности. Срывая правительственные запретительные меры, эта среда фактически стала действенным пособником англичан и их «пятой колонной» накануне колониальной агрессии буржуазного Запада, что, в свою очередь, ослабляло цинский режим.

К концу 30-х годов наркотик распространялся практически по всей стране. Опиумные «конторы» появились не только в маленьких уездных и торгово-ремесленных городах, но и в крупных деревнях. Наркотик, трубки и принадлежности для курения продавались почти открыто. На 1835 г. импортный опиум курили свыше 2 млн. человек. Среди них были торговцы, хозяева мастерских и лавок, слуги, актеры, буддийские монахи и проститутки. Наркотик все более потребляли землевладельцы и шэньши.

Значительная часть столичной и провинциальной бюрократии пристрастилась к курению опиума. По оценке современников, наркоманами стали от 10 до 20% столичных и от 20 до 30% провинциальных чиновников. В отдельных учреждениях этим недугом было поражено от 50 до 60% должностных лиц. Наиболее опасным для династии Цин стало повальное опиумокурение среди солдат и офицеров «восьмизнаменных» и «зеленознаменных» войск. До одурения накуривались не только простые «знаменные», но и офицеры, маньчжурская знать и даже члены императорской фамилии. Опиум проник в Запретный город Пекина — его курили телохранители, офицеры охраны, дворцовые евнухи и другие придворные. Опиумокурение ослабляло оборонительные способности Цинской империи как раз накануне ее вооруженного столкновения с флотом и войсками капиталистической Англии.

Усиливавшийся отток серебра из страны в обмен на опиум неуклонно повышал медно-денежную котировку серебряного лян. Это, в свою очередь, вело к росту налогообложения, поскольку повышение цен на продукты земледелия не всегда поспевало за подъемом разменного курса лян, а движение цен на ремесленные изделия постоянно отставало от него. В результате в ряде районов налоговое бремя с 1821 по 1839 г. увеличилось более чем на 30%. Рост розничных цен лишь частично компенсировал потери крестьян и ремесленников, связанных с рынком, а для натуральных производителей это был тяжелый удар.

Другим разрушительным следствием импорта опиума стало сокращение покупательного спроса и сужение внутреннего рынка. Направление больших масс серебра на оптовую и розничную куплю-продажу наркотика означало перелив части торгового капитала в эту новую сферу. Население же, все более покупая дорогой опиум, вынуждено было тем самым сократить приобретение других товаров. В итоге падал сбыт различных

отечественных изделий. Спрос на некоторые товары за 20–30 лет до первой «опиумной» войны (1840–1842) сократился вдвое. Заморское зелье практически вытеснило с рынка ряд товаров, ударив тем самым по заработкам ремесленников, крестьян и доходам торговцев.

Новым разрушительным фактором опиумного нашествия в Китай стало макосеяние для производства местного наркотика. Последний был дешевле привозного — индийского и турецкого, и поэтому имел большой спрос в низших слоях населения. Цены на местный опиум были намного выше, чем на продовольствие. В связи с этим в ряде районов крестьяне стали забрасывать производство зерновых и овощей, переходя к возделыванию мака. Его посевы в провинциях Гуандун, Фуцзянь, Чжэцзян, Юньнань и Шаньси постоянно увеличивались. Во многом это объяснялось молчаливым попустительством местной бюрократии, имевшей с этого дополнительные доходы. Посевы мака приняли такие размеры, что уже в 1831 г. последовал указ Мяньюна о строжайшем запрете макосеяния. Дешевизна местного опиума и легкость его приобретения сводили на нет правительственные меры по его запрету.

Вместе с тем росли потребности Англии в китайском чае, а с 20-х годов XIX в. и в шелке-сырце для нужд шелкоткацкой промышленности. Цинская империя, несмотря на свой статус «закрытой» страны, все более повлеклась английским капиталом в международное разделение труда. Англия поставляла фабричные ткани в Индию, часть выручки от их продажи шла на закупки опиума в Бенгалии, последний завозился в Китай, где выручка от него в значительной мере использовалась для закупки чая и шелка-сырца, доставляемых в метрополию. В итоге складывалась хозяйственная система «Англия–Индия–Китай». В этой обстановке между Ост-Индской компанией и крепнущей торговой и промышленной буржуазией Англии обострялась борьба за рынки Китая. Частные предприниматели требовали свободного доступа в этот регион для сбыта своей продукции и получения местного сырья. В 1830–1833 гг. позиции самой компании резко ослабли — на ее долю приходилось менее 40% китайского импорта и 60% экспорта. Английская торгово-промышленная буржуазия настойчиво требовала от своего правительства устранить все помехи на пути к китайскому рынку, т.е. ликвидировать как политику изоляции со стороны Пекина, так и монополию Ост-Индской компании на торговлю с Китаем. Парламентским актом 1833 г. монополия компании была отменена, а с весны 1834 г. потеряло силу ее особое право на закупку чая и других китайских товаров. Каждый коммерсант и промышленник мог без всяких ограничений со стороны английских властей вести свои дела в Китае. В 1834 г. Ост-Индская компания из административно-торговой превратилась в сугубо управленческую организацию.

После отмены монополии Ост-Индской компании английские купцы в Гуанчжоу, объединившись, создали свою торговую палату во главе с крупным опиумоторговцем Дж.Мэтисоном. Последний сразу же направился в Лондон добиваться силового решения проблемы китайского рынка. Ак-

тивность английского торгового капитала в Китае резко усилилась. К 1837 г. число британских коммерческих фирм в Гуанчжоу возросло по сравнению с 1833 г. более чем вдвое. Англичане значительно увеличили вывоз китайского чая и ввоз опиума в Срединную империю. Теперь английская буржуазия настойчиво требовала от правительства действенных мер по слому «изоляции» Китая, захвату какого-нибудь острова у его побережья как оплота свободной коммерции. При выборе такового назывался и Тайвань.

Деловые круги Лондона все более подталкивали к силовому решению «китайского вопроса». Было решено провести явочным путем картографическую, коммерческую и военную разведку «закрытого» китайского побережья. Эта задача была возложена на гуанчжоуский совет Ост-Индской компании, а во главе экспедиции поставлен ее суперкарго Х.Линдсей. Его корабль, следуя из Калькутты в Японию, якобы из-за непогоды отклонился от курса и был вынужден идти вдоль побережья Китая от одного «закрытого» порта к другому. Невзирая на все запреты Пекина и протесты местных властей, экспедиция Линдсея в 1832 г. выполнила свою задачу. Она обследовала порты Сямэнь, Фучжоу, Нинбо и Шанхай, а затем посетила Тайвань. Помимо необходимых карт Линдсей привез важную экономическую информацию о состоянии китайского рынка, о перспективах расширения опиумной торговли. Главными же были данные о поразительной военной слабости Цинской империи, о возможности короткой, недорогой и победоносной войны в Китае. Все это, в свою очередь, усилило позиции сторонников насильственного «открытия» китайских портов для английской торговли, активизировало нажим буржуазии на правительство.

Летом 1834 г. на территорию английской фактории под Гуанчжоу прибыл лорд У.Нэпир, назначенный главным инспектором английской торговли в Китае. Как и прежде, Лондон прорабатывал как дипломатический, так и военный варианты прорыва на местный рынок. Нэпир должен был, с одной стороны, изучить перспективы британской торговли в Китае и постепенно наладить дипломатические сношения с Пекином, а с другой — продолжить разведку побережья на случай войны, не вмешиваясь в дела опиумной контрабанды. Несмотря на то что Англия направила Нэпира как своего торгового и дипломатического представителя, для первого лица Лянгуана он был всего лишь представителем английских купцов, т.е. обладателем слишком невысокого ранга, чтобы сноситься напрямую с наместником Сына Неба. Это во многом предопределило неудачу миссии Нэпира. Его письмо к наместнику было возвращено, а в ответ на отказ переделать письмо в прошение цинская сторона потребовала удаления «дерзкого» из Гуанчжоу. Нежелание Нэпира подчиниться повлекло за собой отзыв в августе и сентябре 1834 г. с английской фактории китайского персонала, прекращение подвоза продовольствия и торговое эмбарго. Конфликт быстро нарастал. Когда цинские войска блокировали факторию с суши, англичане высадили сюда десант и ввели в устье р. Сицзян два фрегата, на что китайские береговые батареи открыли заградительный огонь. Твердость цинской стороны, боязнь вызвать вооруженный кон-

фликт и тем самым надолго сорвать коммерцию своих соотечественников заставили Нэпира покинуть китайскую территорию, после чего власти Лянгуана возобновили торговлю.

Новое обострение англо-китайских отношений в Гуанчжоу произошло в конце 1836 — начале 1837 г. Наместник Лянгуана Дэн Тинчжэнь потребовал от нового главного инспектора английской торговли Ч.Эллиота выдворить с территории иностранных факторий девять европейцев, замешанных в опиумной контрабанде, и убрать от берегов о-ва Линдин шхуны английских и американских торговцев наркотиком. Переговоры с цинскими властями не дали результатов. По совету Эллиота английское правительство летом 1838 г., чтобы шантажировать власти Лянгуана, организовало военную демонстрацию, направив английские корабли под командой контр-адмирала Ф.Мэйтленда противостоять флотилии военных джонок пров. Гуандун. Начиная с 1837 г. Англия постоянно держала в прибрежных водах пров. Гуандун свои корабли. К концу 30-х годов обстановка на юге страны все более накалялась. Ширился поток контрабандного опиума, усиливалась борьба цинских властей против опиумоторговцев — как иностранцев, так и китайцев. Все это обостряло англо-китайские отношения в Гуанчжоу. Лондонский кабинет, и в том числе министр иностранных дел Г.Пальмерстон, окончательно склонились к силовому варианту «открытия» китайского рынка. В своем стремлении ликвидировать статус Цинской империи как «закрытой» страны Англия вплотную подошла к развязыванию вооруженного конфликта. Нужен был только более или менее убедительный повод.

Между тем опиумное нашествие в Китай к концу 30-х годов заставило Пекин всерьез заняться этим вопросом. Императорские указы и законы о запрещении наркотика не давали результатов. Чиновники сами все более втягивались в тайную торговлю опиумом. Видя провал запретительной политики правительства, часть бюрократии и шэньши во главе с гуандунским чиновником Сюй Найцзи намеревалась любой ценой остановить утечку серебра из Китая, видя в ней главную опасность. Эта группировка предлагала легализовать опиумную торговлю, взимать с иностранного зелья ввозную пошлину, но не платить серебром за сам наркотик, а обменивать его на чай, шелк и иные китайские товары. В противовес импортному, по их мнению, надо было всячески развивать местное производство опиума. Разрешив простому народу курить его, они предлагали сохранить запрет только для чиновников, шэньши и военных. Жертвуя здоровьем народа, они намеревались спасти казну и госаппарат, избежав при этом конфликта с Англией. Гуандунское чиновничество намеревалось тем самым сохранить свои доходы от опиумных взяток и торговли наркотиком, а основная масса купечества стремилась к расширению торговли с «заморскими варварами» в обход «Гунхана».

Истинные конфуцианцы, с самого начала видевшие в опиуме угрозу моральным и экономическим устоям традиционного общества, в середине 30-х годов потребовали жестких запретительных мер против наркотика. Эту группировку возглавляли хугуанский наместник Линь Цзэсюй, сто-

личный сановник Хуан Цзюэцзы, историк Вэй Юань, ученый и поэт Гун Цзычжэнь, настаивавшие на введении смертной казни за продажу и курение «заморской отравы». Верой и правдой служа маньчжурской династии, они стремились уберечь ее от надвигавшихся бед.

Основная же масса цинских чиновников не примыкала ни к одной из этих группировок, молчаливо приветствуя сложившуюся обстановку и тайно поддерживая опиумную контрабандную инфраструктуру внутри Китая. Легализация контрабандной торговли опиумом лишила бы их огромных тайных доходов. Эту «центристскую» силу возглавляла маньчжурская знать, и прежде всего сам могущественный лидер Военного совета Мучжана — второй человек в империи после императора.

Между тем сам Мянньин, получив в 1838 г. тревожный доклад Хуан Цзюэцзы, осознавал опасность приближения кризиса и издал приказ, согласно которому наместники и военные губернаторы провинций, посоветовавшись со своими подчиненными, должны представить двору деловые рекомендации. В ходе такого опроса правящий лагерь раскололся на две части — противников запрета и его сторонников. Так, 20 сановников, в том числе 13 маньчжуров во главе с наместником Чжили Цишанем и членом Военного совета Илибу, практически предложили оставить все как есть. Остальные восемь сановников, среди них шесть китайцев, предлагали решительную борьбу с опиумом. Наибольшее впечатление на Мянньина произвел доклад Линь Цзэсюя, прямо предупреждавшего богдохана, что у того скоро почти не останется солдат для защиты от врага и серебра для уплаты жалованья. Император вызвал Линь Цзэсюя в столицу и назначил его чрезвычайным уполномоченным высшего ранга для расследования опиумных дел в пров. Гуандун и командующим морскими силами этой провинции, сохранив за ним пост наместника Хугуана. Весной 1839 г. Линь Цзэсюй прибыл в Гуанчжоу и повел энергичную борьбу с опиумокурением и торговлей наркотиком. Последующие события привели к первой «опиумной» войне Китая с Англией 1840–1842 гг., оцениваемой историками КНР как начало новой истории Китая.

Глава 10

Крестьянские и торговые войны. Фаза смуты (40–50-е годы XIX в.)

К концу 30-х годов XIX в. положение в Цинской империи резко обострилось. Внутри страны набирал силу очередной циклический социально-демографический кризис. Его политическими проявлениями стали нарастание антиманьчжурских настроений и подъем повстанческого движения. Ширилась борьба крестьянства, сельских и городских низов под руководством тайных обществ и религиозных сект. Наряду с этим усиливались вооруженные выступления национальных меньшинств Китая. Извне устоям Цинской империи угрожал наплыв контрабандного опиума. Доставляемый в основном англичанами из Индии и американцами из Турции, он обескровливал серебряно-денежную систему, усиливал внутреннее брожение, разлагал цинский государственный аппарат, «знаменное» сословие и «войска зеленого знамени». В Пекине боялись, что торговый натиск «заморских варваров» обернется их политическим вмешательством в нараставший внутренний кризис на стороне антиправительственных сил. Богдохан Мяннин решил отсечь внутреннюю угрозу от внешней и ликвидировать последнюю.

Чрезвычайному императорскому эмиссару в Гуандуне Линь Цзэсюю было поручено покончить с опиумной контрабандой. В марте 1839 г. он потребовал от англичан и американцев в Гуанчжоу сдачи всего опиума, а когда те отказались подчиниться, блокировал войсками территорию иностранных факторий и отозвал с них китайский персонал. В марте опиумоторговцы и суперинтендант британской торговли Ч.Эллиот были вынуждены сдать весь запас наркотика — более 19 тыс. ящиков и 2 тыс. тюков, которые были уничтожены по приказу Линь Цзэсюя. Когда «оскорбленные» англичане переселились в Макао (Аомэнь), Линь Цзэсюй разрешил торговать в Гуанчжоу только тем из них, кто давал подписку об отказе провозить опиум. Поскольку англичане демонстративно игнорировали китайские законы, Линь Цзэсюй в августе блокировал нарушителей в Макао и вынудил их перебраться на свои корабли. Упрямством британских конкурентов воспользовались американцы для расширения своей

коммерции в ущерб английской. Многие англичане стремились дать требуемые обязательства.

Чтобы не допустить этого, Ч.Эллиот на свой страх и риск спровоцировал в сентябре и ноябре 1839 г. несколько нападений британских судов на китайские военные джонки. Когда это не помогло, англичане согласились дать подписку о неучастии в контрабанде наркотика и прекратили вооруженные столкновения в устье Чжуцзяна. В конечном счете Линь Цзэсюю удалось расколоть ряды британских и американских дельцов и возобновить внешнюю торговлю, резко сократив сбыт опиума на побережье Гуандуна. Первые успехи вскружили голову императору, и он решил поставить «варваров» на колени, объявив Китай с декабря 1839 г. «закрытым» для всех коммерсантов из Англии и Индии. Все британские дельцы, их товары и корабли в январе 1840 г. были удалены из Гуанчжоу. В Лондоне «закрытие» китайского рынка сочли благоприятным поводом для войны с Китаем.

Первая торговая война и циклический кризис

Правительство Англии давно готовилось силой оружия «открыть», как тогда казалось, гигантский рынок Цинской империи. Британская армия и флот были в то время лучшими в мире по технической оснащенности, организации и выучке войск. Мобильности и огневой мощи англичан Цинская империя могла противопоставить по сути средневековое войско, вооруженное в основном холодным оружием — пиками, мечами, щитами, луками и стрелами. Немногочисленное огнестрельное оружие и военные джонки находились на уровне XVII в., равно как и командный и рядовой состав «восьмизнаменных» и «зеленознаменных».

В марте 1840 г. Лондон направил в Китай эскадру и десантные войска под командованием адмирала Дж.Эллиота. В Индии они пополнились новыми судами и сипайскими частями. В июне эскадра и экспедиционный корпус прибыли в устье р. Чжуцзян и блокировали его. Так началась англо-китайская война 1840–1842 гг. В июле англичане захватили у берегов Чжэцзяна архипелаг Чжоушань, учинив там грабежи и насилия. Только после этого в Пекине осознали военную опасность и приняли меры по обороне побережья. Оставив большинство своих судов и гарнизон на архипелаге Чжоушань, английская эскадра отплыла на север — в Желтое море, поочередно блокируя китайские порты. В августе она пересекла Бохайский залив, вошла в устье р. Байхэ и бросила якоря у фортов Дагу, прикрывавших подступы к Тяньцзиню. Император Мяньнин, испуганный появлением «варваров» так близко к Пекину, пошел на переговоры с Дж.Эллиотом. Их вел наместник столичной провинции Цишань. В переданной ему ноте Пальмерстона содержались следующие требования — возмещение стоимости уничтоженного опиума, погашение долгов компании «Гунхан» английским коммерсантам, принесение извинений Ч.Элли-

оту, передача Англии одного или двух островов у побережья и возмещение Лондону военных расходов. Стремясь как можно скорее удалить «варваров» подальше от Пекина, Цишань обещал адмиралу принять большинство требований, если переговоры будут перенесены в Гуандун. Поверив этим обещаниям, Дж.Эллиот отвел эскадру на юг.

По приказу богдохана была возобновлена торговля с англичанами, прекращена борьба с опиумом и со своих постов снят Линь Цзэсюй, сделанный «козлом отпущения», а позже отправленный в ссылку. В декабре в Гуанчжоу возобновились англо-китайские переговоры. На них Цишань, назначенный наместником Лянгуана, принял все требования Пальмерстона, кроме одного — официальной передачи Англии о-ва Сянган (Гонконг). Тем временем к императору вернулась былая воинственность. Он запретил оплачивать уничтоженный опиум, отдавать «варварам» острова и двинул в Гуандун крупные подкрепления. Тогда англичане в начале января 1841 г. взяли штурмом форты Чуаньби, прикрывавшие путь к Гуанчжоу по р. Чжунцзян, и повели наступление на форт Хумэнь. Узнав об этом, богдохан 29 января объявил войну Англии и двинул в Гуандун дополнительные войска. Между тем перепуганный Цишань возобновил переговоры с Ч.Эллиотом и подписал с ним так называемую Чуаньбийскую конвенцию, удовлетворившую все требования англичан. В докладе же императору Цишань пошел на обман, скрыв согласие на уплату денег за наркотики и передачу Англии о-ва Гонконг, над которым был тут же поднят британский флаг. Когда обман вскрылся, Мяньнин в бешенстве приказал арестовать предателя. Чуаньбийская конвенция потеряла свою силу.

Война возобновилась, и в феврале британские войска штурмом взяли форт Хумэнь, эвакуировав при этом гарнизон с архипелага Чжоушань. Через три месяца племянник императора Ишань, назначенный командующим гуандунскими войсками, стянул из соседних провинций армейские силы и начал в мае наступление на англичан, кончившееся поражением китайского флота. Противник перешел в наступление, захватил форты к северу от Гуанчжоу и вынудил войска Ишаня спешно укрыться за его крепостными стенами. Британская артиллерия обстреливала город, где не хватало воды и продовольствия. Пав духом, Ишань 26 мая запросил перемирия, после чего обе стороны подписали «Соглашение о выкупе Гуанчжоу». Оно предусматривало отвод войск от Гуанчжоу, выплату англичанам контрибуции и возврат китайцам фортов. По выполнении всех условий Соглашения военные действия прекратились.

В Пекине решили, что война окончилась, и пошли на вывод войск из приморских районов и возобновление англо-китайской торговли. Между тем Лондон не ратифицировал Чуаньбийскую конвенцию, пересмотрев свою стратегию в отношении Китая. Было решено перенести главный удар в район нижнего течения Янцзы и перерезать Великий канал, изолировав тем самым Пекин и Чжили от центральных провинций, т.е. от житницы Китая. Затем должен был последовать удар по району Тяньцзинь–Пекин.

Из Англии была послана новая эскадра с десантными войсками под командованием дипломата и генерала Г.Поттинджера.

В августе 1841 г. экспедиционные силы прибыли к побережью Фуцзяни, взяли штурмом форты о-ва Гулансюй у Сямэня и на время овладели самим городом. В сентябре англичане подошли к архипелагу Чжоушань и после шестидневных упорных боев снова овладели им. Высадившись в пров. Чжэцзян, британские войска в октябре без боя заняли города Чжэньхай и Нинбо, где и расположились на зимние квартиры. Приказом императора в Чжэцзян были стянуты большие силы под командованием И Цзина — племянника богдохана. Однако их наступление на позиции «варваров» в марте 1842 г. окончилось полной неудачей и деморализацией цинских войск. Ситуация осложнялась появлением в китайских водах военных эскадр США и Франции, а также обострением внутреннего кризиса Цинской империи. В Пекине решили пойти на «умиротворение варваров», но Поттинджер стремился не вести переговоры, а продиктовать волю Лондона после овладения стыком Янцзы и Великого канала.

В мае англичане после семимесячного пребывания в пров. Чжэцзян оставили зимние квартиры и, сломив сопротивление горнизона крепости Чжапу, перенесли боевые действия в Цзянсу. В июне в ходе упорных боев они взяли Усун, а Баошань и Шанхай сдались им без единого выстрела. Встретив стойкую оборону у Сунцзяна, экспедиционный корпус двинулся вверх по Янцзы. В середине июля он вышел на пересечение Янцзы с Великим каналом и без боя овладел Гуачжоу, перерезав доставку продовольствия в столицу. Затем после двухдневных кровопролитных боев и больших потерь был взят крупный город Чжэньцзян у входа из Янцзы в южную часть канала. Отметая настойчивые просьбы цинских сановников о переговорах, англичане в начале августа подошли к Нанкину, угрожая ему штурмом. Здесь, под стенами южной столицы Китая Поттинджер фактически продиктовал запуганным чрезвычайным эмиссарам богдохана Циину и Илибу условия мира. 29 августа на борту английского военного корабля «Корнуэллс» был подписан так называемый Нанкинский договор.

Согласно договору, порты Гуанчжоу, Сямэнь, Фучжоу, Нинбо и Шанхай объявлялись открытыми для торговли и поселения англичан. Корпорация «Гунхан» упразднялась. Гонконг переходил в «вечное владение» Великобритании. Пекин должен был уплатить Англии возмещение за опиум, долги купцов «Гунхана» и контрибуцию — всего 21 млн. долл. До их полной выплаты англичане оккупировали архипелаг Чжоушань и о-в Гулансюй. Китай лишался таможенной автономии, а пошлины не должны были превышать 5% стоимости товара. Договор создавал условия для торговой эксплуатации китайского рынка английским капиталом. Он стал первым неравноправным договором в новой истории Китая. Развивая достигнутый успех, Англия в сентябре 1843 г. навязала Пекину «Дополнительное соглашение о торговле в пяти портах». Последнее устанавливало для английских подданных право экстерриториальности и вводило кон-

сульскую юрисдикцию, т.е. подсудность английским консулам, а не китайскому суду. Англичане получили возможность создавать в «открытых» портах свои сэтлменты. Великобритании предоставлялось также право «наибольшего благоприятствования», т.е. все привилегии, которые в будущем могла получить другая держава в Китае, автоматически распространялись на Англию.

Вслед за ней в Китай устремились другие западные державы, поспешив воспользоваться поражением Пекина. США, официально не участвуя в войне 1840–1842 гг., послали к китайским берегам эскадру. Ее командующий вынудил гуанчжоуские власти оплатить американским купцам стоимость уничтоженного у них опиума. Китай был вынужден подписать в июле 1842 г. в Ванся договор с США. Этим документом на американцев распространялись права, полученные англичанами по Нанкинскому договору и Хумэньскому соглашению. В октябре 1842 г. был подписан франко-китайский договор. Сверх уже полученных Англией и США привилегий он предусматривал право католической церкви вести в Китае миссионерскую пропаганду, ставшую одним из средств идеологической экспансии буржуазного Запада. Опираясь на неравноправные договоры, иностранцы стали осваиваться в «открытых» портах. Их основными оплотами стали Гонконг и Шанхай, тогда как в пров. Гуандун сопротивление захватчикам не прекратилось. Несколько лет длилась борьба патриотов против попыток англичан поселиться «во внутреннем городе» (*нэйчэн*) Гуанчжоу.

С 1842 г. вплоть до 1846–1848 гг. император Мянньин и Мучжана проводили политику уступок или «умиротворения варваров». Однако после выплаты контрибуции и эвакуации английских войск с архипелага Чжоушань наступил перелом. Для восстановления былого престижа в Пекине постепенно перешли к высокомерному тону в сношениях с Западом. В 1850 г. умер богдохан Мянньин, и на «драконовый трон» вступил император Ичжу с девизом правления Сяньфэн (1851–1861). Будучи приверженцем жесткой политики в отношении «заморских варваров», новый Сын Неба — опиумокурильщик, пьяница и развратник — устранил от руководства страной группировку сторонников «умиротворения варваров», т.е. Мучжану, Циина и других инициаторов уступок Западу. На смену им пришли ярые ксенофобы — изоляционисты, воинственно настроенные против держав.

Вторжение иностранного капитала после войны 1840–1842 гг. обострило кризис Цинской империи. Началось взаимодействие и напластование двух разнородных начал и типов развития, т.е. старого, традиционного, и нового, буржуазного, средневекового азиатского и современного западного. Всемирно-историческая обусловленность включения Китая в мировой рынок, насильственная интернационализация хозяйственных связей страны вели к постепенному нарушению традиционной общественной системы. После англо-китайской войны namного увеличился ввоз опиума. Резко возрос приток в Китай английских хлопчатобумажных и шерстяных

тканей. В 1842–1845 гг. он увеличился в 3,5 раза. Наплыв тканей из Англии приводил к разорению кустарей и разрушению домашнего ткачества крестьян. Растущий дефицит внешней торговли ускорил отток серебра из Китая, что вело к значительному повышению курса серебряного лян и падению курса медной монеты. В 1842 г. один лян обменивался на 1,6 тыс. медных вэней, а в 1849 г. на 2,4 тыс. В итоге тяжесть налогов, уплачиваемых крестьянами в медной монете, увеличилась в 1,5 раза. Все это вело к дальнейшему разорению и обезземеливанию крестьян-владельцев земли и к усилению социальной напряженности.

Внешнее вторжение искусственно ускорило очередной социально-политический, демографический и династийный циклический кризис. Военное поражение цинского режима привело к падению авторитета династии Цин внутри страны, обострению противоречий между маньчжурами и китайцами в различных эшелонах власти. Военные расходы и выплата контрибуции ослабили финансовое положение казны. Для восполнения этих потерь государство пошло на резкое увеличение «дополнительных налогов» (*цзяшуй*, *цзацзюань*). С нарастанием активности тайных обществ, еретических сект, повстанческих отрядов и разбойной вольницы слабела власть уездной и иной бюрократии. В противовес этому набирали силу лидеры охранных дружин (*туаньлянь*), богатые шэньши, крупные землевладельцы и союзы богатых патронимий (*цзунцзу*). Все это вело к усилению партикуляристских тенденций и оппозиционных настроений. Они усугублялись разложением госаппарата, разгулом казнокрадства, коррупции и чиновного произвола. Особенно активно разворовывались средства, отпущенные на ремонт дамб, плотин и ирригационных сооружений. Свертывание таких работ вело к усилению стихийных бедствий, неурожаем и голоду.

С ростом массы избыточного и разоренного населения множились шайки разбойников. Взрыв преступности сочетался с насилием и грабежами со стороны солдат «зеленого знамени», а также судебным произволом чиновников. Вводились новые и повышались старые фискальные тяготы населения, особенно в Южном Китае и бассейне Янцзы. Произвольно завышались казенный курс серебряного лян в медной монете и фискальные цены на зерно при пересчете налогов из натуральной формы в денежную и обратно. Вздорожание лянового серебра вынуждало крестьян для уплаты каждого лян в счет налога в 40-е годы продавать на рынке уже вдвое больше зерна, чем в 30-е годы. Тем самым двукратно увеличались реальные тяготы налогоплательщиков. В итоге в послевоенные годы произошел настоящий «фискальный взрыв».

Все это усугубляло циклический кризис. Наиболее взрывоопасным становился демографический фактор. С 1790 по 1850 г. число жителей Цинской империи увеличилось с 301 до 430 млн. человек, т.е. почти на 43%. С 1661 по 1851 г. население возросло более чем в 4 раза, а пахотная площадь всего лишь на 40%. Такого рода чудовищные экономико-демо-

графические «ножницы» стали главным фактором надвигавшегося социального взрыва. К началу 50-х годов численность лишнего, т.е. вытолкнутого из сферы производства и оставшегося без постоянных средств к существованию, люда увеличилась более чем в 10 раз по сравнению с довоенным временем. Деревни и города переполнялись избыточным населением, в первую очередь деклассированными и люмпенскими слоями.

Как и во всех циклических кризисах, последней каплей, переполнившей чашу народного терпения, послужили удары стихии — наводнения, засухи, ураганы и эпидемии. Прорыв дамб на Хуанхэ в 1842–1843 гг. привел к затоплению огромных пространств в провинциях Хэнань, Аньхуэй и Шаньдун. Многие области Хунани, Цзянси, Гуанси и других провинций оказались в 1847–1850 гг. охвачены сильным неурожаем, голодом и эпидемиями. В 1849 г. произошло гигантское наводнение в бассейне Янцзы — невиданное за предыдущие столетия. В этом году от голода погибло до 1,4 млн. человек. Голод 1849 г. стал апогеем и в то же время концом стадии кризиса в циклическом развитии Китая, открывая дорогу его новому этапу — стадии катастрофы.

Циклический кризис привел к резкому нарастанию повстанческого движения китайского крестьянства, возглавлявшегося тайными обществами и религиозными сектами. Одновременно обострилась борьба национальных меньшинств против маньчжурского господства. Страна провозглашала уходящее средневековье всплеском народных движений. За девять лет (1841–1849) в Цинской империи произошло 110 восстаний и волнений, поднятых как китайцами, так и неханьскими народностями, причем из них 52 вооруженных выступления имели место в 1847–1849 гг. Так, в 1847 г. вспыхнуло очередное восстание уйгуров-белогорцев в Кашгарии. Во главе его встали перешедшие из Коканда с отрядом своих сторонников семеро ходжей — племянников Джахангира. Повстанцы овладели Кашгаром и Янги-Гиссаром, а затем подступили к Аксу и Яркенду. Хотя цинским войскам в том же году удалось подавить «восстание семи ходжей», обстановка в Кашгарии оставалась накаленной.

Начало Крестьянской войны тайпинов

В собственно Китае возмущение народных масс охватило прежде всего южные провинции Гуандун и Гуанси, особенно пострадавшие от экономической экспансии Запада и стихийных бедствий. Эти провинции стали очагом зарождения великой Крестьянской войны 1850–1868 гг. Здесь набирала силу христианская секта «Байшанди хуэй» («Общество поклонения Небесному Владыке»). Ее создал в Гуанси в 1843 г. сельский учитель, сын гуандунского крестьянина Хун Сюцюань (1814–1864) — автор религиозных гимнов и поучений, идеолог «христианского» движения, теоретик китаизированного христианства, сочетавшегося с древнекитайскими социально-утопическими учениями о справедливом обществе «Великого Еди-

нения» (Датун) и «Великого Благосостояния» (Тайпин). В проповедях Хун Сюцюаня содержался в скрытом виде призыв к уничтожению маньчжурского господства. К нему присоединились деревенский учитель Фэн Юньшань, углежог Ян Сюцин, крестьянин-бедняк Сяо Чаогуй. «Богопоклонники» считали «истинным Богом-отцом» (Шанди) Иегову, ниже стояли три его сына — Иисус Христос, Хун Сюцюань и Ян Сюцин — дети Девы Марии. Сектанты пропагандировали идеи духовного равенства, призывали бороться с конфуцианством, уничтожить буддийских и даосских «идолов». «Богопоклонники» тайне готовили восстание против Цинской династии. Наряду с бедняками в руководящее ядро секты входили небогатый землевладелец шэньши Вэй Чанхуэй и богатый крестьянин Ши Дакай.

Летом 1850 г. Хун Сюцюань счел обстановку в стране благоприятной для открытого восстания и приказал более 10 тыс. «богопоклонников» сконцентрироваться в районе села Цзиньтянь уезда Гуйпин на юге Гуанси. Сюда прибыли отряды Ян Сюцина, Сяо Чаогуя и Вэй Чанхуэя. Данное событие известно как Цзиньтяньское восстание. Оно послужило началом Крестьянской войны 1850–1868 гг. и знаменовало вступление очередного циклического кризиса в стадию катастрофы. Это была стадия социального взрыва и массовой вооруженной борьбы (1850–1877). В августе в район Цзиньтянь пробился с четырехтысячным отрядом Ши Дакай. В ноябре там уже насчитывалось 20 тыс. повстанцев (включая женщин и детей). Большинство из них составляли крестьяне, преимущественно переселенцы (*кэцзя*, *хакка*). К ним примкнули горнорабочие, углежоги, а в дальнейшем присоединились кули, ремесленники, мелкие торговцы и беднота. В ряды повстанцев вливались члены тайных обществ, речные пираты и разбойничьи отряды. В среде «богопоклонников» было немало представителей национальных меньшинств, особенно народностей *чжуан* и *яо*.

Последователи Хун Сюцюаня продавали свое имущество, а вырученные деньги сдавали в «священные кладовые» в Цзиньтяне. Отсюда повстанцы и члены их семей получали продовольствие и одежду по общим нормам. Была установлена строгая дисциплина и создана военная организация. Тем самым религиозная секта превратилась в повстанческую армию. Мужчины и женщины жили в отдельных лагерях, и общение между ними не допускалось. «Богопоклонники» носили красные повязки на голове и в знак неповиновения маньчжурам отпускали длинные волосы. Из-за этого их враги дали им прозвище «длинноволосые» (*чанмао*). Силы повстанцев быстро росли, и в конце 1850 г. они нанесли несколько поражений цинским войскам. 11 января 1851 г., в день рождения Хун Сюцюаня в Цзиньтяне было объявлено о вооруженном выступлении против Маньчжурской династии для создания Небесного Государства Великого Благоденствия (Тайпин Тяньго). Отсюда пошло название восставших — «тайпины». Хун Сюцюаня стали именовать Небесный князь (Тянь-ван).

Целями повстанцев в первый период борьбы были освобождение Китая от маньчжурского ига и смягчение феодального гнета. Основная мас-

са крестьянства Цинской империи в условиях жесточайшего социального и демографического кризиса требовала снижения налогового гнета и упорядочения арендной эксплуатации. В этом плане тайпинское движение являлось крестьянской войной, в ходе которой повстанцы стремились реализовать свое представление о равенстве и справедливости. Повстанцы выступали за изгнание из Китая «маньчжурских татар», «северных варваров» — завоевателей и установление в Поднебесной власти китайской династии. В этом смысле движение тайпинов являлось не только крестьянской войной, но и национально-освободительной борьбой китайского народа.

Тайпины шли в бой под знаменем Бога-отца (Шанди) и Иисуса Христа. Став христианами, тайпины верили в Спасителя, в своего «царя небесного» (*тяньван*), в торжество «царства небесного» (*тяньго*) и повсеместную победу христианства над другими религиями. В результате начатое ими восстание стало религиозной войной. «Богопоклонники» строго запрещали проповедь и отправление культов конфуцианства, буддизма и даосизма. Конфуцианцы, даосы, буддисты должны были «раскаяться, уверовать в истинного Бога, отвернуться от богов ложных», «порвать с дьявольским отродьем». Планируя соединить традиционное общество Китая с христианством, Хун Сюцюань и его последователи несли с собой факел религиозной розни. В итоге движение тайпинов являло собой своего рода синтез крестьянской, этноосвободительной и религиозной войн.

Столь же сложной была и идеология повстанцев. Поскольку тайпинские лидеры были людьми средневекового склада и религиозными фанатиками, их программа не отличалась особой стройностью и четкостью мысли. Она представляла собой синтез противоборствующих традиционных и современных начал, т.е. китаизированное христианство. Идеологи «богопоклонников» апеллировали к этическим, социальным и прочим нормам, якобы существовавшим в седой древности и отраженным в каноническом сочинении «Книга обрядов» («Лицзи»). Здесь будто бы словами Конфуция давалось описание идеального общества «Великого Единения» (Датун). Кроме того, идейными истоками многих тайпинских документов являлись древние книги — «Чжоули» и трактат «Мэн-цзы». Такое максимальное «удревнение» политического идеала служило и орудием против наиболее популярной тогда идеи восстановления династии Мин. Апелляция к далекой старине означала нежелание «богопоклонников» идти на союз с повстанцами тайных обществ, выступавшими под лозунгом «Свергнем Цин, восстановим Мин!», а также со всеми, кто не отказался от традиционных верований (*саньцзяо*). Все это вело к отторжению тайпинами «минского», т.е. наиболее массового, крыла повстанческого движения.

Идеология самих тайпинов была синтезом китайского и западного начал. Первое представляло собой сочетание конфуцианской морали — прежде всего принципа «сыновней почтительности» (*сяо*) — с древними социальными утопиями. Главными среди них были «Тайпин дао» — полу-

мистическое учение о «Пути Великого Равенства» и «Датун» — концепция идеального общества «Великого Единения». К этому добавились идущие от традиционных тайных обществ и религиозных сект мистицизм, аскетизм и жесткая дисциплина. Вторым компонентом тайпинского синтеза стала христианская религия протестантского толка, причем существенно китаизированная и, так сказать, тайпинизированная. Хун Сюцюань и Ян Сюцин видоизменили протестантские обряды, дали иное толкование природы Христа, дополнили библейские и евангельские рассказы о чудесах своими чисто тайпинскими вымыслами. Своеобразно понятое и по-своему толкуемое повстанцами протестантство европейских миссионеров стало инструментом для достижения политических целей старокитайского толка. Религиозная доктрина «богопоклонников» не была восприятием религии нового, буржуазного общества. Напротив, христианские идеи Хун Сюцюаня были заимствованы из старого европейского, средневекового пласта — христианства с его религиозным фанатизмом, непримиримостью, примитивизмом и косностью. В ходе тайпинизации из этого учения была выброшена христианская проповедь смирения, долготерпения и всепрощения. Вместо них провозглашалось беспощадное истребление врагов.

В тайпинском варианте христианство сочеталось с традиционным китаецентризмом и великоханьской доктриной Срединной империи как центра Вселенной, где остальные страны представляли собой всего-навсего «варварскую» периферию Китая. Хун Сюцюань, как «сын Божий», «младший брат Иисуса Христа» и представитель христианского Бога-отца на земле, считал себя «истинным повелителем» не только Китая, но и всех других стран и народов. Его четырем помощникам — князьям (*ван*), титулованным по четырем сторонам света, надлежало править всем миром. «Богопоклонники» соединяли традиционное отношение к европейцам как «варварам» с христианским подходом к ним как «братьям во Христе», называя европейцев «братья-варвары». Верховенство Китая над остальным миром обосновывалось уже не конфуцианским «мандатом Неба», а христианским «божественным» происхождением Хун Сюцюаня. Тайпинские ваны внесли свой вклад в христианский канон — в дополнение к Ветхому и Новому Заветам они написали свою, «третью часть» Библии — Последний завет. Язык христианства, его догматы, обряды и нормы сочетались с великоханьскими претензиями, традиционными титулами, рангами, тщательной регламентацией церемоний и традиционными экзаменами на ученые степени.

В 1851 г. тайпины отбили новые атаки правительственных войск и двинулись на север Гуанси. В сентябре они заняли г. Юньань, где создали свое правительство. Тем самым повстанческая армия стала носителем новой государственности. Реальную власть сконцентрировал в своих руках Ян Сюцин (Дун-ван, т.е. Восточный князь). Он возглавил армию и административное управление. Сяо Чаогуй стал Западным князем (Си-ван), Фан Юньшань — Южным (Нань-ван), а Вэй Чанхуэй — Северным князем

(Бэй-ван). Титул князя-помощника (И-ван) получил Ши Дакай. Высокие военные и чиновничьи ранги получили рудокоп Цинь Жиган, шэньши Ху Ихуан, речной пират Ло Даган и другие лидеры повстанцев.

Тайпины создали сильную армию с железной дисциплиной. Ее бойцы строго следовали приказам командиров и десяти христианским заповедям. Тайпинскую армию отличали гуманное отношение к населению, отсутствие грабежей, жестокости и произвола по отношению к простоям. В «христианской» армии тон задавали религиозные фанатики и аскеты. Они запрещали сношения мужчин с женщинами, азартные игры, вино, курение опиума и проституцию. Тайпинская армия, опираясь на поддержку населения, разбила немало соединений цинских войск и частично вооружилась за счет военных трофеев. Позже «богопочклонники» организовали свое производство оружия и снаряжения.

На всем пути повстанцы громили правительственные учреждения (*ямэнь*), убивали всех маньчжуров и крупных чиновников-китайцев, а также тех, кто активно выступал против повстанцев. Последователи Хун Сюцюаня конфисковали их имущество, облагали контрибуцией «богачей», сурово наказывая тех, кто не хотел ее платить. Тайпины стремились заручиться поддержкой простого люда и карали за попытки грабить его. Нередко они выделяли крестьянам продовольствие и часть имущества, конфискованные у своих врагов и «богачей», обещали освободить население на три года от налоговых тягот. Крестьянство и городская беднота поначалу поддерживали «богопочклонников».

Сорокатысячная цинская армия блокировала район Юньаня. В апреле 1852 г. тайпины вырвались из окружения и двинулись на север. Правительственные войска смогли отстоять лишь главный город Гуанси — Гуйлинь. Развивая наступление, повстанцы вступили в Хунань. Здесь к «богопочклонникам» примкнуло до 50 тыс. новых бойцов. В декабре тайпины без боя взяли Юэчжоу, где захватили арсеналы с оружием. Выйдя здесь к Янцзы, они создали свой речной флот. На судах по Янцзы и ее берегу армия Хун Сюцюаня направилась на восток — в Хубэй, обрстая тысячами новых добровольцев.

В конце 1852 — начале 1853 г. «богопочклонники» вошли в Ханьян и после ожесточенных боев овладели Ханькоу и Учаном. Эта блестящая победа подняла на борьбу хубэйскую бедноту. Численность тайпинской армии составила 0,5 млн. человек, а флот насчитывал 10 тыс. джонок. Успехи повстанцев, и особенно занятие ими Уханя, вызвали растерянность цинского правительства. Однако вожди «богопочклонников» не использовали благоприятного момента для организации наступления на север — на Пекин. Вместо этого их армия в феврале продолжала наступление на восток. По суше и по Янцзы победители двинулись далее — в Аньхуэй. Взяв без боя главный город этой провинции, Аньцин, они стали обладателями богатых боевых трофеев. 19–20 марта 1853 г. войска Хун Сюцюаня победоносно штурмовали Нанкин, где вырезали около 20 тыс. маньчжуров

и членов их семей. К моменту взятия Нанкина силы повстанцев составляли 1 млн. солдат. Вскоре тайпины вступили в Чжэньцзян и Янчжоу, перерезав тем самым Великий канал. Нанкин был переименован в Небесную столицу (Тяньцзинь) и превращен в главный город Тайпин Тяньго.

Тайпинское государство

Номинально главой Небесного государства и абсолютным монархом являлся Хун Сюцюань. По прибытии в Нанкин он удалился от мирских дел, занимался только религиозными вопросами и безвыездно пребывал в своем роскошном дворце. Еще до обоснования в Нанкине он передал всю военную и административную власть Ян Сюцину — Восточному князю. Считалось, что Ян Сюцин обладал даром «воплощать дух божий» и изрекать волю Бога. Ему были подчинены остальные князья, лишённые права непосредственно сноситься с Хун Сюцюанем. Встав у кормила правления, Ян Сюцин показал себя энергичным, умным и волевым правителем, но с замашками заносчивого самодержца. Поскольку тайпинскую монархию возглавляли религиозные лидеры, а верховная власть и церковь фактически слились воедино, Тайпин Тяньго являлось теократическим государством.

Вскоре после закрепления в Нанкине тайпинское правительство в 1853 г. опубликовало «Земельную систему Небесной династии» («Тяньчао тяньму чжиду»). Этот документ содержал программу общественного строя Тайпин Тяньго, основанного на принципе полной уравнительности, прежде всего уравнительного распределения земли по едокам, включая женщин и детей. «Нужно добиться того, чтобы вся Поднебесная пользовалась великими благами, дарованными Отцом Небесным, Господом Богом, чтобы люди совместно обрабатывали землю, совместно питались и одевались, совместно расходовали деньги, чтобы все было поровну и никто не остался голодным и холодным», — говорилось в этом документе. Он определял организацию всей жизни в Тайпинском государстве на армейско-бюрократической основе. Каждые 25 семей образовывали административную, хозяйственную, военную и религиозную единицу — взвод (*лян*), возглавляемый взводным командиром и одновременно священником. Взвод имел общественную кладовую, куда все обязывались сдавать излишки продуктов и денег, в том числе все трофеи. Нетрудоспособные и сироты содержались членами взвода. Последний являлся основой организации армии и общества. От каждой семьи выделялся один солдат. Двадцать шесть семей образовывали делившийся на пять «пятков» собственно военный взвод. Четыре взвода образовывали роту, пять рот — бригаду, пять бригад — дивизию, пять дивизий — корпус, насчитывавший свыше 13 тыс. бойцов. Его командующий на соответствующей территории был одновременно главой гражданской власти и судьей.

В «Земельной системе Небесной династии» было выражено стремление крестьянской бедноты и пауперов к всеобщему равенству. Но документ был доступен лишь узкому кругу лиц, поскольку был написан не на разговорном (*байхуа*), а на «мертвом», книжном языке (*вэньянь*), непонятном крестьянству. Его «аграрная» часть в жизнь практически не преворвалась. «Земельная система Небесной династии» осталась мечтой, утопией, ее идеи не стали основой реальной политики тайпинских ванов. Социальный же смысл реальной политики «богопоклонников» означал не возврат к древним порядкам, а сохранение существующего строя, несколько оздоровленного устранением наиболее нетерпимых для крестьян крайностей налоговой и арендной эксплуатации.

Китайское крестьянство как интегральная часть традиционной системы было заинтересовано не в ее ликвидации, а в ее оздоровлении и улучшении на базе крестьянских патриархальных представлений о «справедливости» и «законности». Последние означали недопущение нарушений кодифицированного и обычного права, а также соблюдение прежних норм изъятия прибавочного продукта. Крестьянство Китая не требовало ликвидации «богачей», ибо, будучи по преимуществу владельческим классом, наоборот, защищало право земельного владения. Деревня видела своим главным врагом государство и чиновничество с их налоговым произволом. Даже в период массовых восстаний крестьянство не выдвигало требования перераспределения земли. Земельное владение как таковое считалось крестьянами неприкосновенным.

В Тайпинском государстве конфискации подлежало движимое имущество и земля маньчжуров, чиновников и тех землевладельцев, которые активно боролись против новой власти. Их поля фактически оставались в пользовании арендаторов. Основная же масса землевладельцев-рентополучателей сохраняла свое имущество и землю. Вожди «богопоклонников» не думали всерьез об аграрном перевороте, ставя своей целью лишь свержение маньчжурской власти и некоторое смягчение частной эксплуатации. Именно поэтому была реализована лишь военно-административная часть программы, изложенной в «Земельной системе Небесной династии».

Проповедуя идеи равенства, Хун Сюцюань и его последователи делали акцент на равенстве всех людей перед Богом. Имущественное равенство более или менее соблюдалось лишь в армии и городских трудовых лагерях. С 1851 г. повстанцы создали монархию, средневековое сословие наследственных титулованных семей (*ван, хоу* и др.). Тайпины породили свою бюрократию — чиновников 11 рангов, признали «ученое сословие» и восстановили экзамены на звание шэньши. «Богопоклонники», приступившие к строительству роскошных дворцов с массой челяди, создали собственную знать (*лоцзун*). Местные власти в Тайпин Тяньго во многом состояли из шэньши и рентополучателей. Таким образом, порядки в созданном тайпинами государстве немногим отличались от тех, что существовали в остальной части Цинской империи.

Стараясь укрепить союз с землевладельческим крестьянством, тайпины несколько изменили цинскую налоговую систему и политику. Новый «основной» земельный налог был намного ниже цинского, а ряд прежних дополнительных поборов и надбавок к налогам вообще отменен. Произошли некоторые изменения и в частном секторе земледелия. Многие крупные «богачи» из числа чиновников, знати и активных врагов новой власти были убиты или бежали с территории Тайпин Тяньго. Их владения, в том числе земельные, конфисковались как «имущество дьяволов». Их арендаторы освобождались от прежних выплат и вносили облегченный налог в казну «богопоклонников». Кроме того, в ряде районов тайпины заставляли землевладельцев снижать арендную плату. Крупные землевладельцы подвергались повышенному налогообложению. Они вносили тяжелую одноразовую «дань в знак покорности» и платили «специальные налоги». К ним добавлялись зачастую всякого рода реквизиции в пользу повстанческой армии. Все это вынуждало «богачей» бежать в зону цинского господства.

В первое время положение крестьян, по крайней мере на части территории Тайпинского государства, несколько улучшилось. Так, в некоторых районах арендная плата была снижена, а в других крестьяне вообще перестали отдавать ее «хозяевам земли», но обязывались платить налог непосредственно тайпинским властям. Там, где арендная плата сохранялась в прежнем размере, крестьяне были в той или иной мере защищены от произвола «богачей». Тайпины отчасти уравнивали женщин в правах с мужчинами. В новом государстве были запрещены проституция, купля и продажа невест и рабынь, требование приданого и обычай бинтования ног. «Богопоклонники» отменили пытки, ввели гласный суд, боролись с взяточничеством, спекуляцией, бандитизмом и частично отменили институт рабства. Будучи религиозными моралистами, они решительно выступали против опиумокурения, пьянства, азартных игр и прелюбодеяния. Тайпинское законодательство обрело формы религиозных христианских заповедей.

В экономической политике тайпинского «центра» поначалу сильно сказывались крестьянские стремления к натуральному хозяйству и уничтожению торговли и денег. С 1853 г. в пределах Нанкина тайпинские князья стали осуществлять свой социально-экономический эксперимент. Частное владение, рыночная экономика и всякая торговля были запрещены. Мастерские, мануфактуры, лавки, магазины, дома и земельные участки в черте города стали государственной собственностью. Любые денежные суммы отбирались в казну. Была ликвидирована низовая ячейка общества — семья, а браки запрещены. «Во избежание разврата» мужчины были отделены от женщин и детей. Все население Нанкина, кроме воинских частей, княжеских дворов и домов тайпинской знати, было распределено по изолированным друг от друга мужским и женским трудовым лагерям и рабочим командам. Эти ячейки имели военную организацию с бесплат-

ным принудительным трудом, общежитиями, с коллективным снабжением — паяк или питание из общего котла плюс одежда. Трудовая повинность стала законом. Вся выработанная в лагере или в команде продукция сдавалась в «священные кладовые» и затем централизованно распределялась. В других городах Тайпин Тяньго политика тотального огосударствления и распределения, уничтожения рынка и семьи не проводилась. Эта столичная система, особенно изоляция мужчин от женщин, вызывала протесты рядовых тайпинов. Ян Сюэцин был вынужден сначала разрешить торговлю, но, правда, государственную, а весной 1855 г. распустить все женские и многие мужские лагеря и команды. Вслед за восстановлением семьи в Нанкине стала появляться и частная торговля.

В городах тайпины разрушали казенные предприятия как символ власти ненавистных захватчиков — маньчжуров. Например, взяв Нанкин, они уничтожили крупнейшие в Китае императорские шелковые мануфактуры, в Цзиндэчжэне разрушили императорские печи для обжига «дворцового» фарфора. Первое время в политике повстанцев проявлялось явное антирыночное направление, которое впоследствии сменилось вполне лояльным отношением к торговле и предпринимательству. Тем не менее в условиях гражданской войны все более нараставшая нестабильность территории Тайпин Тяньго, со своей стороны, мешала населению использовать все то положительное, что принесли с собой «богопоклонники», снижала поддержку крестьянства и горожан в борьбе с силами цинского лагеря.

Военные успехи «богопоклонников» и создание ими своего государства в долине Янцзы нанесли тяжелый удар маньчжурскому режиму. При приближении тайпинов местные чиновники, забирая казну, бежали из городов, бросая их на произвол судьбы. Маньчжурская династия утратила власть на большой территории — в долине Янцзы, а позже и в других регионах. Цинское правительство испытывало большие финансовые трудности, вызванные отпадением богатейших районов в Центральном Китае, резким сокращением налоговых поступлений и огромными военными расходами на подавление Крестьянской войны тайпинов и других народных движений. Все это существенно осложнилось выкачкой серебра, шедшего за границу на оплату опиума.

Бюджетный дефицит правительство старалось восполнить за счет усиленного выпуска денежных знаков, предназначенных к хождению наравне с серебром и медной монетой. Казна с 1853 г. начала печатать бумажные ассигнации (*гуаньняо*, *баочао*), не обеспеченные запасами звонкой монеты. *Гуаньняо* имели серебряный, а *баочао* — медный номинал. Для внедрения в сферу обращения не обеспеченных серебром и медью ассигнаций правительство создало сеть особых казенных «денежных лавок» (*гуаньцяньпу*). Однако недоверие деловых кругов и населения к обесцененным ассигнациям и конкуренция частных меняльных лавок и ломбардов привели к закрытию *гуаньцяньпу*. Уже в 1861 г. правительство было вынуждено пре-

кратить бумажно-денежную эмиссию, так как к этому времени казенные платежные обязательства потеряли всякую покупательную способность.

Оказавшись перед лицом военного краха и финансового банкротства, цинское правительство пошло на дополнительное налогообложение. В 1853 г. был введен чрезвычайный военный налог на перевозку товаров внутри страны (*лицзинь*). Вместе с тем старый налог на перевозку товаров внутри страны (*чангуаньшуй*) отменен не был. Боясь обострения крестьянской войны, династия Цин пошла на отмену ряда запретов и снижение фискальных требований к провинциям.

Разрастание повстанческой борьбы

Цинский режим в 1853–1860 гг. находился на грани военно-политического краха. Тайпины наносили одно за другим поражения цинским войскам. Вскрылась полная неспособность «восемизнаменных» и «зеленознаменных» войск победить повстанцев. На помощь гибнущей Маньчжурской династии пришли китайские шэньши и крупные землевладельцы Центрального Китая, взявшие борьбу с «длинноволосыми разбойниками» в свои руки. Поскольку официальное сельское ополчение (*сяньюн*) оказалось беспомощным перед крестьянской армией, враги тайпинов сделали ставку на частные дружины (*туаньянь*). На их основе цинский сановник Цзэн Гофань у себя на родине — в Хунани в 1852 г. создал Сянскую (Хунаньскую) армию. «Хунаньские молодцы» — хорошо вооруженные, специально подобранные и профессионально обученные — стали опасными противниками тайпинов. Сянская армия обрела свой речной флот, а ее численность доходила до 50 тыс. бойцов. Вслед за этим в 1853 г. возникла Хубэйская армия под командованием Ху Линьши.

В 1854 г. цинское правительство приказало войскам Цзэн Гофаня и Ху Линьши направиться на восток — против Тайпинского государства. Ожесточенные бои между Сянской армией и тайпинами в 1854–1856 гг. шли с переменным успехом. Цзэн Гофань в 1856 г. со своей армией был окружен и блокирован тайпинами в Цзянси, и только начавшаяся резня в лагере повстанцев спасла его от разгрома. Зона господства Цзэн Гофаня — Хунань и Хубэй — представляла собой идеальный плацдарм для борьбы с Тайпин Тяньго. Кроме того, Хунань и Хубэй являлись житницей Китая, поставщиком риса и пшеницы, ставших в условиях гражданской войны своего рода «стратегическим сырьем». Сянская армия быстро набирала силу. Вокруг Цзэн Гофаня группировались чиновные, шэньшиские и помещичьи силы Центрального Китая. К концу 50-х годов император Ичжу, опасавшийся чрезмерного усиления этого опытного полководца и политика с его «хунаньскими молодцами», стал делать ставку на армии Северобережного и Южнобережного лагерей под Нанкином.

До 1853 г. тайпины не закреплялись на территории, по которой они продвигались к Нанкину. В результате правительственные силы восста-

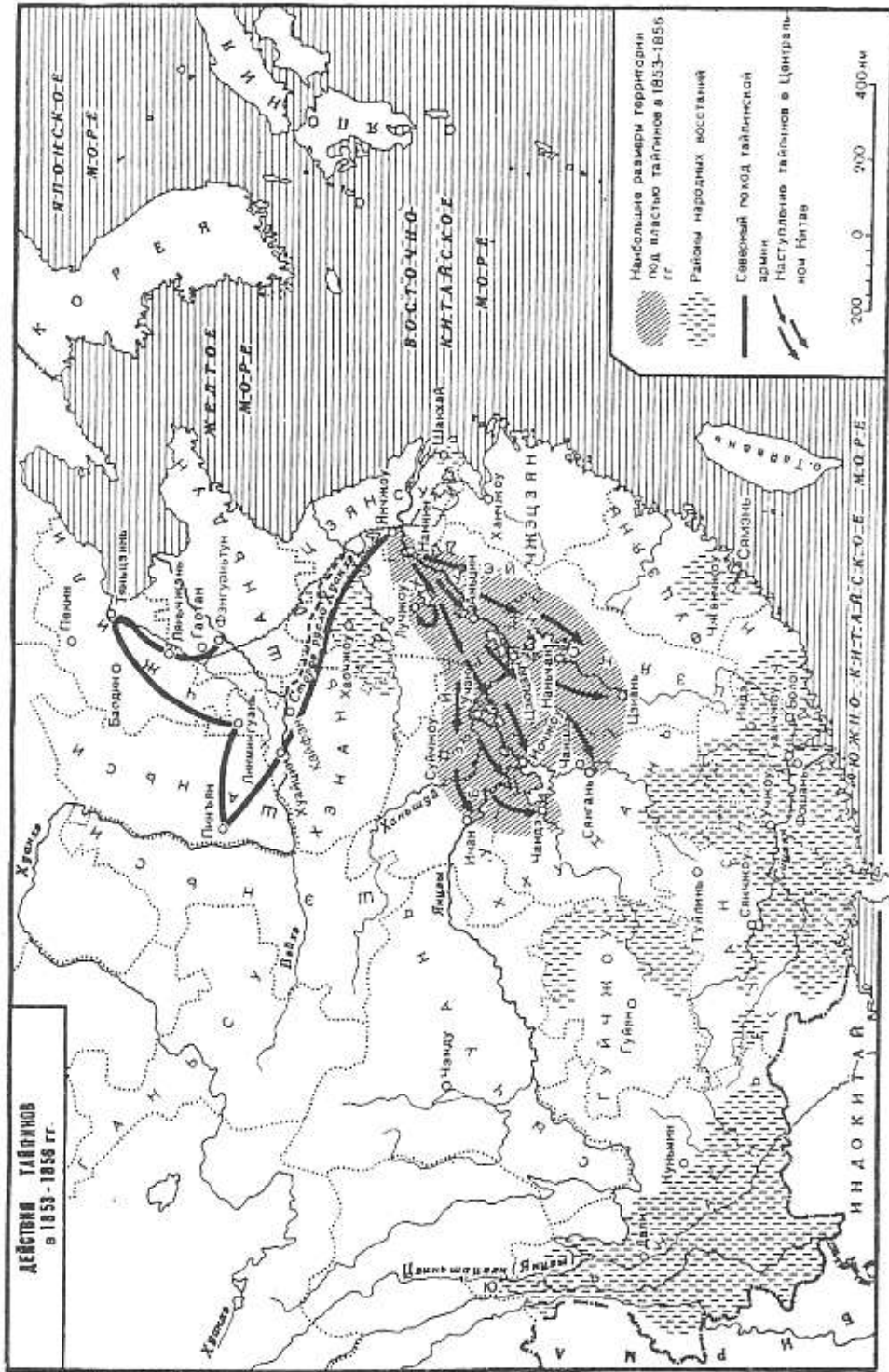
навливали свою власть, расправляясь с жителями, подозреваемыми в сочувствии повстанцам. Несмотря на переполох в Пекине, вызванный падением Нанкина, правительство сумело ответить на успех тайпинов. В марте 1853 г. 30-тысячная цинская армия во главе с Сян Жуном подошла с юго-запада к Нанкину и создала вблизи него сильно укрепленный так называемый Южнобережный лагерь. В апреле другая «знаменная» армия под командованием Цишаня создала в окрестностях Янчжоу так называемый Северобережный лагерь. Сковав тайпинские войска в районе Нанкина, цинским стратегам удалось ослабить удар «богопоклонников» по Пекину.

На захват Пекина в мае двинулись две армии. Одна из них не смогла пробиться на север и вернулась назад. В итоге наступление через Аньхуэй повели лишь корпуса Линь Фэнсяна, Ли Кайфана и Ци Вэньюаня — всего около 30 тыс. бойцов. В июне тайпины разгромили цинские войска у Гуйдэ, но, не имея возможности переправиться через Хуанхэ, уклонились далеко на запад по ее южному берегу. Осуществить переправу им удалось лишь в Хэнани — западнее Кайфэна, причем часть войск не успела форсировать реку и отступила на юг. Продолжавшие Северный поход части после неудачной осады Хуайцина двинулись в сентябре 1853 г. в Шаньси, а оттуда в Чжили. Стремительным маршем они вышли в район Тяньцзиня, вызвав панику в Пекине. Началось бегство богатых и знатных маньчжуров из столицы, а богдохан еще раньше вывез свои сокровища в Маньчжурию. Однако крестьяне Северного Китая не были готовы примкнуть к «богопоклонникам», к тому же они плохо понимали их южный диалект. Не присоединились к войскам Северного похода и няньцзюни, начавшие борьбу в ноябре 1852 г. в северной части пров. Аньхуэй и восточных районах Хэнани под руководством разорившегося торговца солью Чжан Лосина. Вокруг него зимой 1852–1853 гг. объединились отряды численностью более 100 тыс. человек.

Маньчжуры стянули к Тяньцзиню «восьмизнаменные» войска, монгольскую конницу и частные дружины. Цинские силы под командованием «знаменного» монгола князя Сэнгэринчи в несколько раз превысили численность повстанцев. Чтобы не подпустить их к Тяньцзиню, маньчжуры разрушили дамбы реки, затопив равнину. Наступившая суровая зима заставила тайпинов укрепиться в своих лагерях. Здесь «богопоклонники» — южане страдали от холода, нехватки провианта и постоянных атак превосходящих сил противника, особенно маньчжурской и монгольской конницы. В феврале 1854 г. они оставили свои позиции южнее Тяньцзиня и с боями отступили на юг, теряя множество бойцов, в том числе замерзшими и обмороженными. При отступлении погиб Ци Вэньюань.

После очередного прорыва из окружения тайпинам в мае удалось укрепиться в Дяньчжэне на Великом канале. К ним на помощь из Нанкина устремилась вторая армия численностью 30 тыс. бойцов под командованием Цзэн Личана и Чэнь Шибая, посланная в январе Ян Сюцином. Ей на встречу из Дяньчжэня выступила кавалерия Ли Кайфана, тогда как пехота

Походы крестьянских армий 1853—1856 гг.

во главе с Линь Фэнсяном осталась в окруженном врагом городе. Шедшая им на выручку вторая армия тайпинов форсировала Хуанхэ, вошла в Шаньдун и после ожесточенных боев овладела Линьцином. Однако, очутившись во вражеском кольце без провианта, войска Цзэн Личана и Чэнь Шибao оставили город и двинулись обратно на юг. Их корпуса действовали несогласованно и вскоре были почти полностью истреблены Шаньдунской армией Бао Чао. После десятимесячной осады изнуренные голодом войска Линь Фэнсяна в марте 1855 г. почти все погибли во время штурма Ляньчжэня, а их командующий был взят в плен. Прорвавшийся из окружения в Гаотане отряд Ли Кайфана снова попал в кольцо и в мае капитулировал. Оба выдающихся тайпинских полководца в разное время были казнены в Пекине. Так закончился героический Северный поход.

Его неудача окрылила цинский лагерь и резко ухудшила положение Тайпин Тяньго. Самая опасная для маньчжурского господства угроза отодвинулась, и цинский режим выстоял. После поражения армий Северного похода и перехода Тайпин Тяньго к тактике активной обороны у тайпинов не было реальных возможностей организовать еще одно наступление на Пекин. Наступил стратегический перелом в Крестьянской войне. Отныне «богопоклонники» фактически боролись не за ликвидацию династии Цин, а за сохранение и расширение Тайпинского государства.

Выполнение этой задачи тайпины связывали с Западным походом. В мае 1853 г. они двинулись на многочисленных судах вверх по Янцзы. В июне они вернули себе утерянный ранее Аньцин, а к концу года — многие округа и уезды пров. Аньхуэй. В феврале 1854 г. 40-тысячная тайпинская группировка разгромила крупные цинские силы на подступах к Ханькоу и Ханьяну, овладела этими ранее оставленными городами, а также южной частью пров. Хубэй и северными районами Хунани. «Богопоклонникам» постоянно приходилось перебрасывать свои войска на борьбу с Южнобережным и Северобережным лагерями в районе Нанкина. Благодаря этому Сянской армии Цзэн Гофаня удалось в апреле 1854 г. одержать победу над войсками и речной флотилией «богопоклонников» у Сянтаня, а в июле выбить повстанцев из Юэчжоу. В октябре 1854 г. тайпины были вынуждены без боя оставить Ухань, а в декабре в речном сражении с хунаньской флотилией у Тяньцзячжэня они потеряли 3 тыс. боевых судов.

Ситуация резко изменилась, когда сюда прибыли войска Ши Дакая. Зимой 1855 г. они вновь отвоевали восточную часть пров. Хубэй, а весной — Ханьян и Учан. Ши Дакай двинул свои силы в Цзянси и к весне 1856 г. занял более 55 ее уездов. Западный поход оказался весьма успешным. Тайпинские армии повсеместно перешли в наступление. В апреле они наголову разгромили Северобережный лагерь, а в июне 1856 г. войска Цинь Жигана и Ши Дакая одержали полную победу над армией Южнобережного лагеря, после чего ее командующий Сян Жун покончил с собой. Блокада Нанкина была ликвидирована. Территория Тайпин Тяньго существенно расширилась и на время стабилизировалась.

Победоносный поход «богопоклонников» в долину Янцзы вызвал своего рода цепную реакцию восстаний, причем не только мелких, сугубо локальных, но и таких крупных, как Крестьянская война няньцзюней (1852–1868), охватившая большинство северных провинций. Антицинская вооруженная борьба вступила в свой второй этап (1853–1855), когда маньчжурскому господству пришлось столкнуться также с Крестьянской войной няньцзюней и восстаниями тайных обществ (*хуэйдан*) в приморских провинциях. В итоге династия Цин была вынуждена вести гражданскую войну как на старых, так и на новых фронтах. Поражение тайпинских войск в Северном походе позволило Пекину во второй половине 1854 г. бросить против няньцзюней крупные силы и нанести им ряд тяжелых поражений.

Это наступление вынудило няньцзюней объединиться. В августе 1855 г. их командиры собрались в Чжихэцзи (северный район пров. Аньхуэй) на совещание и провозгласили создание повстанческого союза, получившего название «Великое Ханьское государство», во главе с Чжан Лосином. Избранные совещанием новые лидеры упорядочили военную и идеологическую организацию движения. Маневренная война няньцзюней сковывала значительные силы цинского режима, отвлекая их от борьбы с «богопоклонниками» и продлевая существование Тайпин Тяньго. Этому же способствовало и вмешательство в ход гражданской войны природной стихии. Летом 1855 г. в результате 12-дневных проливных дождей Хуанхэ, до этого текшая на юго-восток и впадавшая в Желтое море, прорвала дамбы близ Кайфэна. Уничтожая все на своем пути, она потекла на северо-восток, в Бохайский залив. Эта гигантская катастрофа привела к гибели около 7 млн. человек и нарушению всей оросительной системы от Кайфэна до Желтого моря.

В приморских провинциях широкомасштабную вооруженную борьбу против маньчжурского режима начали тайные общества. В мае 1853 г. на юге Фуцзяни подняло восстание общество «Малые мечи» («Сяодаохуэй») во главе с богатым купцом Хуан Дээмем и Хуан Вэем. Повстанцы захватили ряд городов, в том числе Сямэнь (Амой), и провозгласили восстановление династии Мин. Одновременно под руководством Линь Цзюня выступили члены общества «Красные монеты» («Хунцяньхуэй»). После двухмесячных ожесточенных боев цинские войска в октябре ворвались в Сямэнь. Хуан Дээмэй был схвачен и убит, а Хуан Вэй с повстанческой эскадрой ушел на архипелаг Пэнху в Тайваньском проливе, где в течение пяти лет (1853–1858) продолжал борьбу. Отряды Линь Цзюня, перешедшие к партизанской войне в южных гористых районах Фуцзяни, в 1858 г. были разгромлены, а их лидер пал в бою.

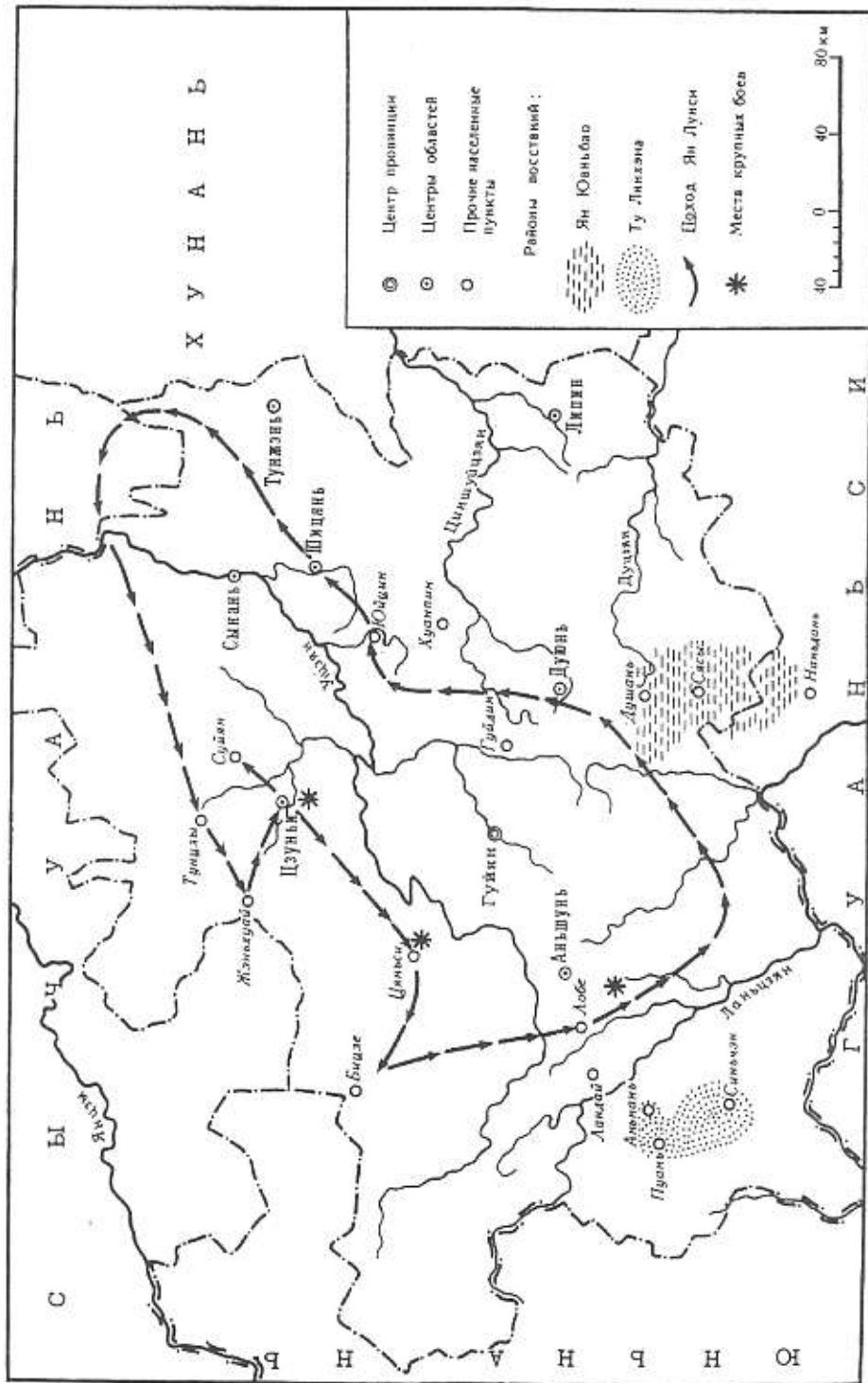
В сентябре 1853 г. члены тайного общества «Малые мечи» под предводительством Лю Личуаня подняли восстание в ряде уездов Цзянсу. При поддержке местного населения они без боя заняли Шанхай (за исключением иностранного селтльмента) и создали 20-тысячное повстанческое войско. Лю Личуань объявил себя сторонником «богопоклонников». Пов-

станцы основали здесь в 1853–1855 гг. «Великое Минское Небесное Государство Великого Благоденствия» («Да Мин Тайпин Тяньго»). Верность идее реставрации Мин сочеталась у них со стремлением влиться в ряды «богопочитателей», принесение жертв в традиционных храмах — с желанием принять христианство и уважением к европейским миссионерам, опора на национальные устои — с отказом от китаецентризма, традиционное мышление — с большим интересом к Западу. Повстанцы в Шанхае стремились, подобно тайпинам, к дружбе с англичанами, французами и американцами, надеясь на их помощь и оружие в борьбе против маньчжуров. Однако иностранцы вскоре нарушили ранее объявленный нейтралитет. В 1854 г. они фактически захватили в свои руки управление шанхайской таможней и в нарушение всех договоров вывели территорию иностранного селтльмента из-под юрисдикции Китая, создав там свое административное управление. Почти полтора года бойцы Лю Личуаня обороняли Шанхай от цинских войск, получавших поддержку из селтльмента. В январе 1855 г. отряд французских войск при поддержке артиллерии безуспешно пытался захватить Шанхай. К февралю положение в осажденном городе резко ухудшилось, не хватало боеприпасов и продовольствия. Прорвав блокаду, одна часть восставших присоединилась к тайпинам, другая отступила в Цзянси. В боях под Шанхаем погиб Лю Личуань. Цинские войска учинили в городе кровавую расправу над мирным населением.

С лета 1854 г. грозное народное восстание охватило пров. Гуандун. Его начали в июне в районе Гуанчжоу тайные общества из семейства «Триады». Восставшие обвязывали голову красной тканью, за что враги называли их «красноголовыми бандитами» (*хунтоу*) или «мятежниками в красных повязках» (*хунцзинь*). Во главе повстанцев встали лидеры местных тайных обществ Хэ Лю, Чэнь Кай и Ли Вэньмоу. В середине июля объединенные силы «красноголовых» двинулись на Гуанчжоу и осадили его. Осенью вооруженная борьба охватила чуть ли не всю провинцию. Массовые восстания переросли в настоящую крестьянскую войну провинциального масштаба. В руках повстанцев оказались многие окружные и уездные города, а общая численность восставших достигла нескольких сотен тысяч. На сторону восставших перешла цинская речная флотилия. Борьба, разрастаясь, перекинулась в Гуанси.

Однако Крестьянская война «красноголовых» не имела единого руководящего центра, отряды действовали несогласованно. Среди соединений, осаждавших Гуанчжоу, царил разлад. Их вожди имели различные взгляды на будущее политическое устройство Китая. Одни объявили себя соратниками тайпинов, другие стояли за создание собственной династии, как, например, Чэнь Кай, провозгласивший себя основателем династии «Да Нин» («Великое Спокойствие»). Третьи боролись за возрождение династии Мин, объявляя себя ее полководцами. Лагерь «красноголовых» раздирался враждой между разными землячествами. Все эти факторы умело

Восстание 1854—1855 гг. в Гуйчжоу

использовал Е Минчэнь, с помощью западных держав укрепивший свои войска и добровольческие дружины.

С начала 1855 г. в пров. Гуандун правительственные войска перешли в наступление. Дабы запугать «красноголовых», каратели вырезали до 100 тыс. ни в чем не повинных жителей. Военные неудачи, нехватка продовольствия обострили разногласия среди их вождей. Сорокатысячная группировка Чэнь Кая и Ли Вэньмоу в мае 1855 г. прекратила блокаду Гуанчжоу и двинулась в Гуанси, а оттуда в Хунань. Ее примеру последовали другие отряды. Оставшиеся в пров. Гуандун разрозненные силы «красноголовых» были в том же году разгромлены цинскими войсками.

Летом 1855 г. на юге Хунани из пришедших сюда нескольких десятков тысяч вооруженных гуандунцев и беженцев образовались две группировки — западная и восточная. В их ряды влились гуансийские повстанцы. В сентябре часть восточных отрядов направилась в Цзянси и присоединилась к войскам Ши Дакая. В сентябре 1855 г. Сянская армия Цзэн Гофаня уничтожила западную группировку «красноголовых», а в конце года и остатки восточных частей, задержавшихся на юге Хунани. Они были разгромлены в районе Чэньчжоу. Армия под командованием Чэнь Кая, Ли Вэньмоу и других вождей обосновалась на юго-востоке Гуанси. Осенью 1855 г. «красноголовые» создали здесь повстанческое «Государство Великих Свершений» («Да Чэн го») со столицей в Сюньчжоу. Его главой стал Чэнь Кай, присвоивший себе и своим соратникам княжеские титулы. Это государство обладало штатом чиновников и отливало свою монету. Местное население поддерживало «красноголовых» и охотно вступало в их армию. В течение шести лет — до осени 1861 г. здесь существовала стабильная база антицинской борьбы.

Несмотря на подавление цинскими войсками трех крупных восстаний — на юге Фуцзяни, в Шанхае и в Гуандуне, борьба тайных обществ против «северных варваров» — маньчжуров продолжалась, создавая новые очаги восстаний. Более того, развитие вооруженной борьбы по нарастающей вступило в свой наивысший этап (1855–1860). К крестьянским войнам — тайпинов, няньцзюней и гуандунцев, а также к повстанцам тайных обществ присоединилось национально-освободительное движение неханьских народов и религиозных меньшинств против маньчжурского ига. В 1855 г. взяли за оружие мяо в Гуйчжоу под руководством поденщика Чжан Сюмэя, а с 1858 г. — мусульмане (хуэй) — войско «белого знамени». В 1856 г. поднялись на борьбу мусульмане в Юньнани, создавшие в западной части провинции свое государство во главе с проповедником Ду Вэньсю. Все эти периферийные восстания отвлекали значительные цинские военные силы от фронтов Крестьянской войны тайпинов, помогая выстоять их государству и одерживать победы на поле боя.

Между тем к середине 50-х годов лагерь «богопоклонников» был изнутри ослаблен противоречиями между «старыми братьями», или «старой армией», т.е. выходцами из провинций Гуанси и Гуандун, и «новыми

братьями» — уроженцами центральных провинций (Хунань, Хубэй, Цзянси, Аньхуэй и Цзянсу). «Старые братья», в свою очередь, раздирались враждой между гуансийцами и гуандунцами. До 1856 г. первые во главе с Ян Сюцином притесняли вторых, а главой гуандунцев фактически был Хун Сюцюань. Внутри самих гуансийцев враждовали между собой две группировки — Ян Сюцина и Вэй Чанхуэя. Определяющей здесь была межземляческая рознь, но большое значение имели и личные качества вождей. Самовластие, деспотизм и высокомерие Ян Сюцина восстановили против него остальных князей и их родню. Восточный князь задумал сосредоточить в своих руках помимо реальной еще и номинальную власть. В июле 1856 г. он пошел на публичное унижение Небесного князя, заставив его, как и всех остальных, воздавать себе здравицу как государю. Боясь потерять власть, Хун Сюцюань вызвал в Нанкин Вэй Чанхуэя с его войском.

В ночь на 2 сентября 1856 г. солдаты Северного князя осуществили военный переворот. В ходе этой кровавой резни были убиты Ян Сюцин, весь его двор и родня. Вэй Чанхуэй и Цин Жиган за недолгое пребывание у власти перебили до 30 тыс. человек — сторонников Восточного князя, а также всю семью Ши Дакая, восстановив против себя большинство тайпинов. Видя новую угрозу своему трону, Хун Сюцюань велел казнить Вэй Чанхуэя и Цин Жигана, что и было осуществлено после двухдневных стычек в Нанкине. В конце ноября в столицу прибыл Ши Дакай. Поставленный Хун Сюцюанем во главе государства и армии, Ши Дакай на время стабилизировал положение в столице и на фронтах, остановив наступление армии Цзэн Гофаня в долине Янцзы. Однако боявшийся потерять власть Хун Сюцюань вскоре фактически отстранил Ши Дакая от руководства. Власть перешла к гуандунской группировке во главе с семейством Хун — братьям Небесного вана и его фаворитам. Это привело к расколу с группировкой Ши Дакая и его армией. В июне 1857 г., опасаясь за свою жизнь, Ши Дакай бежал из Нанкина. Со своим более чем стотысячным войском он ушел сначала в пров. Аньхуэй, а затем в Цзянси. С этого времени войско Ши Дакая действовало самостоятельно и навсегда порвало связи с государством Хун Сюцюаня.

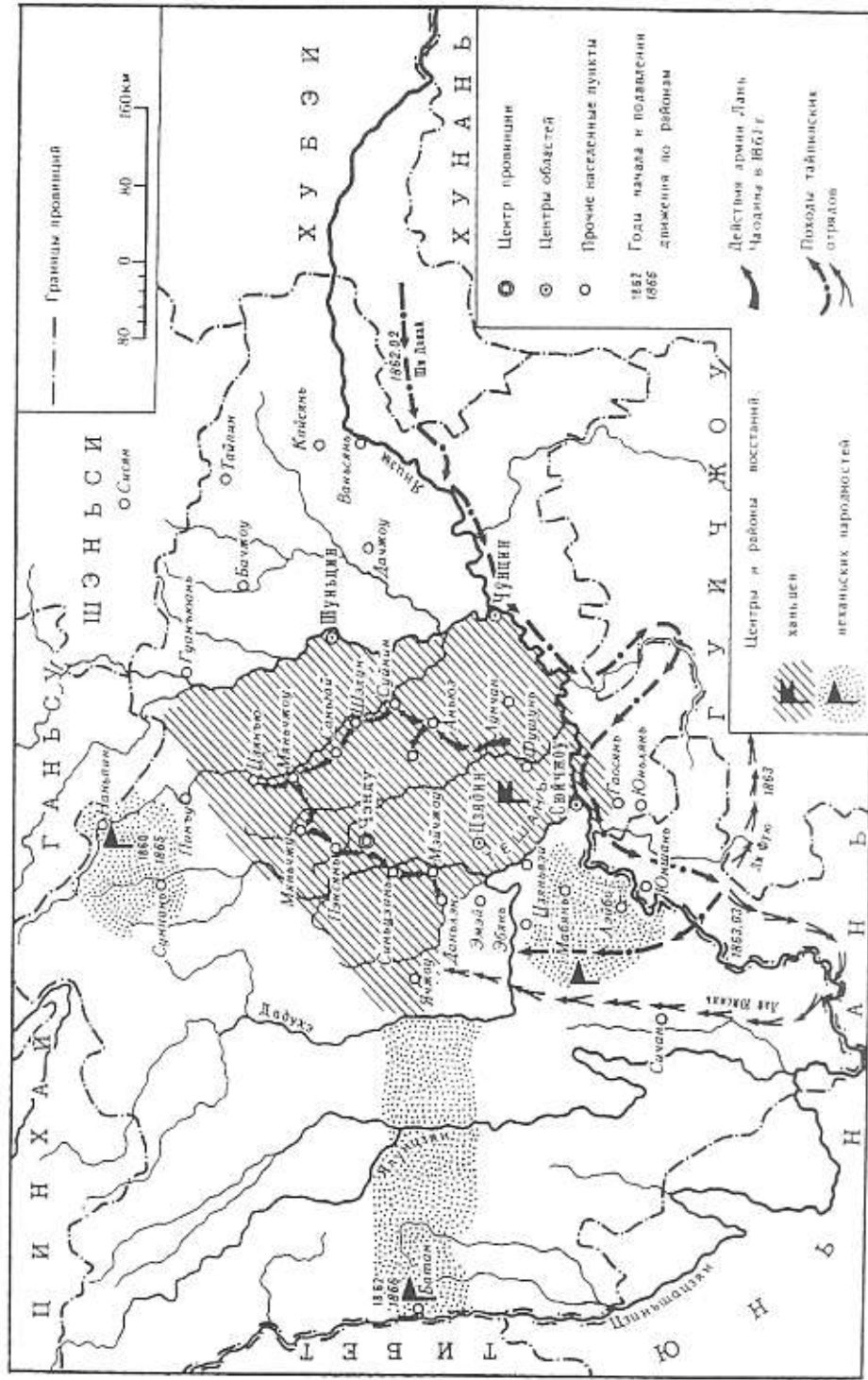
Гибель Ян Сюцина и его сторонников — закаленных бойцов, составлявших костяк администрации и военного командования, уход армии Ши Дакая заметно ослабили Тайпинское государство. Начался период застоя крестьянской войны. Этим немедленно воспользовались враги «богопоклонников». Уже в конце 1856 г. цинские войска почти повсеместно перешли в наступление. В декабре они окончательно захватили трехградье — Учан, Ханькоу и Ханьян, а также ряд других городов и районов. Войска Тайпин Тяньго были вынуждены перейти к обороне. С этого времени главными силами Тайпинского государства руководили замечательные военачальники — Ли Сючэн и Чэнь Юйчэн. Первый прошел в повстанческой армии путь от простого солдата до полководца, получившего титул Верного князя (Чжун-ван). Чэнь Юйчэну был пожалован титул Героиче-

ского князя (Ин-ван). После убийства Ян Сюцина и ухода из Нанкина Ши Дакая Ли Сючэн стал наиболее выдающимся военным руководителем Тайпин Тяньго. Сражаясь к югу и к северу от Янцзы, войска Ли Сючэна и Чэнь Юйчэна наносили удары по вражеским армиям, стремившимся сжать кольцо окружения вокруг тайпинской столицы. Однако разобщение боевых сил «богопоклонников» резко ослабило оборонные возможности Тайпин Тяньго. Цинские войска, перейдя в наступление, осенью и зимой 1857 г. захватили крепости Хукоу, Чжэньцзян и Гуачжоу. В январе 1858 г. они подошли к Нанкину и восстановили Южнобережный укрепленный лагерь. Одновременно враги тайпинов создали новый Северобережный лагерь — на этот раз в районе Пукоу, взяв тем самым Небесную столицу в клещи. В мае Сянская армия штурмом взяла Цзюцзян. Армия Цзэн Гофая успешно наступала в Цзянси, а ее флот господствовал на Янцзы. Территория Тайпинского государства резко сократилась.

В этой критической ситуации в полной мере проявился выдающийся организаторский и полководческий талант Ли Сючэна. Наладив координацию между тайпинскими армиями, он двинул их в контрнаступление. В сентябре 1858 г. войска Ли Сючэна и Чэнь Юйчэна наголову разгромили цинские войска в районе Пукоу. Ликвидировав Северобережный лагерь, они прорвали кольцо блокады вокруг Нанкина. Чтобы спасти положение, Сянская армия устремилась в центральные районы пров. Аньхуэй. Здесь в ноябре объединенные силы Ли Сючэна, Чэнь Юйчэна и няньцзюней в районе Сяньхэ окружили и уничтожили ударные части Цзэн Гофая. Оглушительные поражения под Пукоу и Сяньхэ вынудили цинское командование прекратить наступательные операции. Тем не менее в 1858 г. правительственные силы окончательно подавили очаги сопротивления повстанцев в Фуцзяни — отряды Линь Цзюня в горах и эскадра Хуан Вэя в Тайваньском проливе были уничтожены. На фронте до начала 1860 г. установилось неустойчивое равновесие сил. Войска династии Цин были скованы на Севере, где только что кончилась вторая торговая война с Англией и Францией и назревала третья.

Значительные цинские силы отвлекла на себя и армия Ши Дакая. До конца февраля 1858 г. она сражалась в Цзянси, а затем двинулась в Чжэцзян и овладела там рядом городов. В июле после трехмесячной и неудачной осады Цюйчжоу Ши Дакай повел свои войска в Фуцзянь. Он решил пробиться в богатую, тогда еще не разоренную Сычуань и создать там свое государство. Ши Дакай разделил свою огромную, уже 200-тысячную армию на две колонны. Первую он возглавил сам, а вторую повел его родственник Ши Чжэньцзи. С октября 1858 г. обе колонны двинулись с боями через юг Цзянси и северные районы пров. Гуандун на запад, оттягивая на себя крупные силы противника. В Южной Хунани они соединились, но в мае 1859 г. в районе Баоцина начались упорные бои. Не имея возможности пробиться в Сычуань, обе колонны отступили на юг — в Гуанси. Здесь тайпинская армия вновь разделилась. Колонна Ши Чжэнь-

Вооруженная борьба в Сычуани в 1859—1866 гг.

цзи ушла на юг провинции, а колонна Ши Дакая — в ее западные области. Здесь, в г. Цинъюань она создала базу, просуществовавшую до июня 1860 г.

Возникшее в юго-восточной части пров. Гуанси в 1855 г. повстанческое «Государство Великих Свершений» («Да Чэн го») продолжало борьбу против цинского режима. Глава государства князь Чэнь Кай и его сподвижники располагали армией, доходившей до 100 тыс. бойцов, и крупной речной флотилией на р. Сицзян. Они контролировали около трети всей территории Гуанси и даже пытались овладеть ее главным городом — Гуйлинем. Однако в первой половине 1859 г. положение «Да Чэн го» и войск Чэнь Кая стало критическим. Приход в Гуанси армии Ши Дакая спас их от разгрома. Однако союза и даже взаимодействия между тайпинским полководцем и «красноголовыми» князьями не получилось. Это ослабило обе стороны и было на руку цинским силам.

В начале 60-х годов ареной массовой вооруженной борьбы стала провинция Сычуань. Осенью 1859 г. в ее южные районы вторгся отряд повстанцев из соседней Юньнани. Это были члены «Братства опиумных контрабандистов» («Яньбан») во главе с Ли Юнхэ и Лань Чаодином. К ним присоединились члены тайного общества «Гэлао» («Старшие братья»). Число повстанцев стремительно росло за счет крестьян, ремесленников, рабочих соляных промыслов и бедноты и к осени достигло 300 тыс. человек. Заняв ряд уездов на юге Сычуани, восставшие двинулись в центральные районы провинции, овладели многими мелкими и средними городами. Их силы разделились на четыре основные группировки. Ими руководили Ли Юнхэ, Лань Чаодин, Чжан Гофу и Хэ Голян.

В Сычуани повторился вариант начального этапа Крестьянской войны «красноголовых»: отсутствовала прочная территориальная база, не было стабильной повстанческой власти, не сложилось единого руководства. Повстанцы овладели почти всей низменной и густонаселенной частью провинции — Красным бассейном, но своего государства не создали. Среди сычуаньцев не оказалось талантливых организаторов и полководцев. Они не сумели использовать свое численное превосходство. Все это предопределило разгром повстанцев по частям. В июне 1861 г. войско нового наместника Сычуани, Ло Бинчжана, уничтожило 30-тысячную группировку Хэ Голяна. Последний попал в плен и был казнен. В сентябре 1861 г. под Мяньюжоу был нанесен сокрушительный удар 100-тысячной армии Лань Чаодина, потерявшей убитыми 40 тыс. человек. Сам Лань Чаодин пал в бою, остатки его войска ушли в Шэньси, где в марте 1862 г. были окончательно разбиты. Стотысячная группировка Ли Юнхэ, блокированная в горах на юге провинции, весной 1862 г. попыталась выйти из окружения и двинуться к границе с Юньнанью. Однако она была разгромлена, а Ли Юнхэ, попав в плен, был казнен в Чэнду. В конце 1862 г. последние отряды повстанцев либо были разгромлены, либо ушли в Шэньси. Так закончилась Крестьянская война 1859–1862 гг. в Сычуани. Она отвлекла на себя цинские силы и ослабила маньчжурский режим.

Положение Тайпинского государства облегчалось и действиями няньцзюней. Весной 1857 г. главные силы няньцзюней — до 100 тыс. бойцов под руководством Чжан Лосина вместе с тайпинами одержали ряд побед в провинциях Аньхуэй и Хэнань. С этого времени началось постепенное сращивание Крестьянской войны тайпинов с повстанческим движением няньцзюней. Две другие группировки няньцзюней самостоятельно совершали регулярные рейды в Шаньдун, Хэнань и Цзянсу против цинских сил. Повсюду полыхали восстания, создававшие вокруг Тайпин Тяньго огромную повстанческую периферию. Все это мешало династии Цин покончить с государством «богопоклонников».

Вторая и третья торговые войны

Международная ситуация в 1856–1860 гг. оставалась крайне выгодной для Тайпин Тяньго. В своей внешней политике «богопоклонники» выступали за равноправие и взаимовыгодную торговлю с западными державами. На территории Тайпин Тяньго была запрещена лишь торговля опиумом. Державы поначалу стремились использовать борьбу между «богопоклонниками» и цинским правительством в своих интересах. Англия, Франция и США заняли выжидательную позицию и через своих представителей, посетивших Нанкин в 1853–1854 гг., заявили о нейтралитете. В тот период они не сомневались в конечной победе тайпинов над маньчжурами. Буржуазия Запада связывала с этим надежду на окончательный слом политики изоляции Китая и полное открытие его рынка. Ставка на победу тайпинов при явном ослаблении маньчжурского режима, в свою очередь, побуждала державы торопиться с нанесением очередного удара по династии Цин.

23 октября 1856 г. английская эскадра контр-адмирала М.Сеймура высадила десант, захвативший форты в устье р. Чжуцзян, и 27 октября подвергла Гуанчжоу варварской бомбардировке. Так началась вторая торговая война с Китаем, часто именуемая второй «опиумной». В ноябре англичане разгромили гуандунскую военную флотилию, но из-за малочисленности своих сухопутных сил и растущего отпора китайских войск в январе 1857 г. оставили ряд фортов вокруг Гуанчжоу и на время приостановили боевые действия.

Франция усилила свой флот в китайских водах и с апреля 1857 г. официально вступила в войну. Предлогом для этого Наполеон III избрал убийство в Гуанси француза-миссионера. Однако начавшееся в Индии могучее антибританское восстание 1857–1859 гг. спутало планы Лондона, заставив его остановить военные действия в пров. Гуандун. Наместник Лянгуана Е Минчэнь расценил это как неспособность «варваров» вести далее войну и вывел из Гуанчжоу ополчение, не стал восстанавливать Гуандунскую флотилию и внятеро сократил части добровольцев.

С подавлением народного восстания в Индии англичане перебросили в Китай крупные подкрепления. В декабре 1857 г. английский специаль-

ный уполномоченный лорд Т.Элгин и французский чрезвычайный представитель барон Ж.Гро предъявили Е Миичэню требования о допуске иностранцев в Гуанчжоу, «возмещении убытков» и пересмотре договоров 1842–1844 гг. Встретив фактический отказ, союзники заняли Гуанчжоу и в начале 1858 г. двинулись в Шанхай и далее на север — в Бохайский залив к устью р. Байхэ. Цины отвергли все требования «варваров». 20 мая союзники с боем заняли форты Дагу, а затем и Тяньцзинь. Богдохан Ичжу и фактический глава правительства Сушунь были вынуждены принять требования держав. В июне 1858 г. состоялось подписание Тяньцзиньских англо-китайского и франко-китайского договоров. Согласно им державы получили право иметь в Пекине свои постоянные миссии, подданные Англии и Франции могли свободно передвигаться по Китаю и вести миссионерскую деятельность. Для иностранной торговли были открыты шесть новых портов — в Маньчжурии, на Тайване, на о-ве Хайнань и в долине Янцзы. Пекин обязался после подавления тайпинского восстания открыть для иностранной торговли р. Янцзы и города на ней. Китай должен был уплатить Англии и Франции контрибуцию — в общей сумме 6 млн. лянов. Особым тарифным соглашением 1858 г. официально легализовалась опиумная торговля. Тогда же в Тяньцзине были подписаны договоры с Россией и США, распространявшие на эти страны все права и привилегии, которые уже имели либо могли получить в Китае другие державы. Завершившаяся вторая торговая война 1856–1858 гг. должна была резко расширить экономическую и иную экспансию Запада в Китае.

Согласно договорам с Англией и Францией, через год в Пекине должен был состояться обмен ратификационными грамотами. Пришедшие в себя после очередного поражения Ичжу и Сушунь приказали укрепить подступы к Тяньцзиню с моря и уничтожить «заморских дьяволов», когда они поедут в Пекин. Через своих сановников богдохан стал требовать от победителей отказа от большинства условий Тяньцзиньских договоров. Летом 1859 г. послы Англии и Франции Ф.Брюс и А.Бурбулон направились в Пекин для ратификации Тяньцзиньских договоров в сопровождении военной эскадры из 18 кораблей. Цинское правительство воспротивилось следованию эскадры, перегородив р. Байхэ железными цепями. Когда же союзники 25 июня 1859 г. попытались пробиться силой, заново укрепленные форты Дагу открыли ураганный огонь по англо-французской эскадре. Англичане потеряли три корабля, было много убитых и раненых. Союзники, потерпев поражение, вернулись в Шанхай. Так началась третья торговая война с Китаем.

После победы при Дагу пекинские правители решили, что «варвары» полностью повержены. Указом Ичжу договоры 1858 г. объявлялись утраченными свою силу. В свою очередь, Англия и Франция стали стягивать вооруженные силы для удара по Пекину. В апреле 1860 г. союзники захватили архипелаг Чжоушань. Затем англичане в июне овладели бухтой Далянь на п-ове Ляодун, а французы — портом Яньтай (Чифу)

в пров. Шаньдун. В этих пунктах сосредоточилось до 200 военных и транспортных кораблей и более 24 тыс. солдат, готовых к походу.

В начале августа 1860 г. союзники высадились севернее Дагу. 21 августа его форты пали. Через четыре дня союзники без боя заняли Тяньцзинь, где учинили массовые грабежи и насилия. 18 сентября у Чжанцзявана англо-французская армия нанесла решительное поражение цинским войскам. Через три дня на подходе к Пекину у моста Баляццо огнем англо-французской артиллерии была сметена маньчжуро-монгольская конница князя Сэнгэринчи. В столице началась паника. Богдохан Ичжу вместе со всем двором бежал в Жэхэ, поручив своему брату князю первой степени Гуну (Исинь) заключить мир на любых условиях. В окрестностях столицы союзники разграбили и сожгли «жемчужину Китая» — летний императорский дворец Юаньминъюань — выдающийся памятник архитектуры, хранилище несметных богатств. 13 октября маньчжурский гарнизон Пекина без боя открыл «варварам» ворота столицы.

В октябре 1860 г. князь Гун заключил с представителями Англии и Франции так называемые Пекинские конвенции, подтверждавшие условия Тяньцзиньских договоров 1858 г. Цинская империя обязывалась выплатить более 16 млн. лянов контрибуции. Тяньцзинь превращался в открытый порт. К Англии переходила южная часть п-ова Цзюлун (Коулун), напротив Гонконга. Державы отныне могли вывозить из Китая чернорабочих (*кули*). Миссионеры получили право покупать и арендовать землю для своих зданий. После одобрения императором этих соглашений войска союзников покинули Северный Китай, а иностранные послы обосновались в китайской столице.

Россия в 1858–1860 гг. не участвовала в военных действиях, и Петербург сохранял добрососедские отношения с Пекином. Кульджинский договор 1851 г. нормализовал русско-китайскую торговлю в районе среднеазиатской границы. Айгуньский договор, заключенный в мае 1858 г., содействовал дальнейшему территориальному размежеванию между Российской и Цинской империями, а также установлению границы по Амуру. Его левый берег от р. Аргунь до устья признавался владением России. Уссурийский край (Приморье) впредь до окончательного размежевания оставался в общем владении обоих государств. Пекинским русско-китайским договором 1860 г. пограничное размежевание было завершено, и династия Цин признала земли к востоку от р. Уссури русским владением. Дальнейшее уточнение западных границ Китая и восточного кордона России Петербург и Пекин произвели при подписании Чугучакского протокола 1864 г. Россия в отличие от других держав не только не поднимала оружия против Китая, но и боролась с опиумной контрабандой, стремясь укреплять добрососедские отношения с Цинской империей.

Свою победу над династией Цин державы снесли использовать для дальнейших колониальных захватов и разрушения системы «Китай — данники». Освободившиеся войска Франция перебросила в Индокитай.

В результате войны во Вьетнаме она в 1858–1861 гг. захватила южную часть страны — Намки (Кохинхина) с Сайгоном. Побежденный Китай ничем не мог помочь своему «даннику» Аннаму. В 1862 г. администрация Кохинхины поставила под французский протекторат Кампучию. В том же году было осуществлено насилие над другим «данником» Пекина. Лондон объединил все захваченные им бирманские территории и в качестве Британской Бирмы включил их в состав английских колоний в Индии. «Данническая система» рушилась, а вместе с ней и международные позиции Китая.

Глава 11

Народные движения 60–70-х годов. Фаза катастрофы

С окончанием третьей торговой войны 1859–1860 гг. для династии Цин завершился самый страшный период, когда маньчжурский режим был предельно ослаблен и гражданской войной, и поражениями в двух торговых войнах с европейскими державами. В эти семь лет (1853–1860) удары режиму наносили крестьянские армии тайшинов, няньцзюней, «красноголовых» и сычуаньцев, повстанческие отряды тайных обществ и религиозных сект, отряды национальных меньшинств, а также экспедиционные корпуса и флоты Англии и Франции. Регулярные войска Цинской империи в очередной раз оказались неспособными как отразить внешнюю угрозу Китаю, так и победить разного рода соединения повстанцев, сражавшихся в подавляющем большинстве провинций. В этой обстановке династия Цин не только поспешила удовлетворить требования «английских и французских варваров», но и осознала необходимость хотя бы минимального обновления самого режима и его политики.

Активизация традиционалистских сил

Еще до подписания Пекинских конвенций в правящих кругах появились сторонники перемен. Они добивались скорейшего окончания войны с «варварами». Понимая, что политика внешней изоляции Китая далее просто невозможна, эти поборники «усвоения варварских дел» (*иу*) или «заморских дел» (*янью*) предлагали установить со странами Запада принятые среди них нормы внешнеполитических сношений. Осознав преимущество «варварского» вооружения и паровых судов, сторонники *янью* настаивали на техническом перевооружении китайских армий и флота по европейскому образцу. Концепция «усвоения заморских дел» стала основой постепенно формировавшейся с 1860 г. политики «самоусиления» (*цзыцян*) Цинской империи. Лидерами этого политического течения при дворе выступали князь Гун, сановные маньчжуры Гуйлян и Вэньсян. На периферии эту линию представляли китайцы — главы региональных военно-шэньшиских клик: наместник Лянцзяна Цзэн Гофань и его соратники

Ли Хунчжан и Цзо Цзунтан. Теоретическое обоснование этого курса осуществили ученые-шэньши Вэй Юань и Фэн Гуифэнь.

После окончания третьей торговой войны князь Гун заключил серию новых неравноправных договоров с Пруссией, Данией, Португалией, Испанией, Нидерландами и Италией. По инициативе сторонников *янью* в январе 1861 г. в Пекине было создано новое ведомство — Цзунли ямэнь. Это учреждение являлось наполовину собранием маньчжурских князей, наполовину современным министерством. Оно ведало сношениями Китая со странами Запада, внешней торговлей и обороной страны от внешней угрозы. Сановник по делам заморской торговли на Севере (*бэйян дачэнь*) со ставкой в Тяньцзине и сановник, ведавший теми же делами на Юге (*наньян дачэнь*) с ямэнем в Нанкине, должны были контролировать внешнеэкономические связи империи с «варварами». Эти должности, как правило, совмещали соответственно наместники Чжили и Лянцзяна. Оба сановника, как и весь Цзунли ямэнь, работали в тесном взаимодействии с созданным в 1859 г. в Пекине Управлением императорских морских таможен. Его возглавляли ставленники Лондона — англичанин Г.Лэй, а затем Р.Харт. Особый отдел обороны северных и южных портов ведал закупкой на Западе паровых судов, артиллерии, стрелкового оружия и боеприпасов к ним, а также производством этих четырех видов боевого снаряжения в самом Китае. Кроме того, отдел отвечал за закупку машинного оборудования для arsenалов, верфей, телеграфа, железных дорог и шахт. Под эгидой Цзунли ямэня в Пекине была открыта школа европейских языков, а позднее такие же учебные заведения возникли в Шанхае и Гуанчжоу. С начала 70-х годов китайцев стали посылать на учебу в США. Таким образом, Цзунли ямэнь стал фактически министерством политики «самоусиления», ее главным штабом.

Вскоре после окончания третьей торговой войны в связи с болезнью Ичжу резко обострилась борьба за власть между двумя придворными кликами. Первая — крайне реакционная, возглавляемая фаворитом императора всесильным казнокрадом и взяточником Сушунем, включала маньчжурских князей — ярых ксенофобов, сторонников изоляции Китая, ненавистников «заморских варваров» и всяких нововведений. Другая клика стояла на более умеренных позициях в отношении держав, признавала необходимость некоторых уступок Западу и даже крайне скромных новаций. Ее возглавляли гибкий политик князь Гун и мать наследника престола Цзайчуня — умная, волевая и жестокая Цыси (Ниласы, Ехэнара, Сяоцин). Обе клики выступали за доступ китайцев на высшие государственные должности и за сближение маньчжуров и китайцев перед лицом общей угрозы со стороны тайпинов и Запада.

В августе 1861 г. в Жэхэ умер больной богдохан Ичжу. На престол вступил его шестилетний сын Цзайчунь (1856–1875) под девизом правления Гунчжи («Совместное Правление», 1861–1874). До его совершеннолетия все дела в стране должен был вершить Совет князей-регентов и са-

новников из восьми человек во главе с Сушунем, т.е. клика ультраконсерваторов. В ноябре 1861 г. в Пекине произошел государственный переворот. Три регента во главе с Сушунем были казнены, а к власти пришли вдовствующая императрица, властная развратная Цыси, и князь Гун. Было провозглашено совместное регентство Цыси и далекой от политики второй вдовствующей императрицы Цыань (Сяочжэнь). Переворот 1861 г. в Пекине открыл дорогу более спокойной политике в отношении держав, дальнейшему усилению роли китайских сановников в верхних эшелонах власти и политике крайне ограниченных реформ под лозунгом «самоусиления» (*цзыцзян*) и «усвоения заморских дел» (*янью*). Все это облегчило временное сотрудничество династии Цин с державами для борьбы с тайпинами, а также экономическую экспансию европейского и американского капитала в Среднее государство.

К этому времени проникновение Запада в Китай стало принимать новые формы. В 1859 г. державы захватили в свои руки только что созданное Управление императорских морских таможен Китая. Во главе его с 1861 г. был поставлен англичанин Р.Харт. В последующем он бессменно в течение 45 лет являлся генеральным инспектором и фактическим хозяином китайских таможен, превратив их по существу в иностранные учреждения. В каждый «открытый» порт был назначен инспектор-иностранец. Тем самым Англия при поддержке Франции и США получила возможность для дальнейшего вмешательства во внутреннюю жизнь Китая и для контроля за одним из основных источников дохода Пекина — таможенными сборами. Через ведомство Харта производилась до 1868 г. уплата военной контрибуции Англии и Франции, а также получение Пекином начиная с 1865 г. первых иностранных займов.

Западный капитал предпринял свои первые шаги вне «открытых» портов. В 1863 г. английские и американские фирмы Шанхая выдвинули проект постройки железной дороги Шанхай—Сюйчжоу. В 1865 г. за частичное осуществление этого плана взялась фирма «Джардин, Мэтисон энд К^о». Последняя под видом строительства конки проложила рельсовую линию от Шанхая до Усуна длиной 15 км. В 1875 г. с открытием движения конка была превращена в железную дорогу, что вызвало яростное противодействие местных чиновников и населения. Одного несчастного случая было достаточно, чтобы местные жители объявили дороге бойкот. Под давлением властей и населения англичане в 1876 г. были вынуждены согласиться на ее выкуп. Рельсы и оборудование были сняты и отправлены на Тайвань.

После третьей торговой войны в Китае заметно активизировалась экономическая экспансия европейского и американского капитала. В 1864—1866 гг. группа судовладельцев и коммерсантов из Гонконга создала «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн» («Хуэйфэн») — банк, ставший затем основным британским финансовым предприятием в Китае. Открытие в 1869 г. Суэцкого канала сократило путь из Англии в Китай почти на

треть. В 1871 г. морской телеграфный кабель связал Гонконг, а затем и Шанхай с Лондоном. В итоге влияние мирового рынка на Китай стало более действенным, в том числе в вывозе дешевой рабочей силы — китайцев.

С конца 40-х — начала 50-х годов XIX в. начался полунасильственный «экспорт» из Китая законтрактованных чернорабочих (*кули*). Их вербовали большей частью обманным путем и зачастую силой грузили на иностранные суда. В результате побоев, болезней и самоубийств в пути среди кули очень высок был процент смертности — от 10 до 40%. Наряду с принудительной контрактацией росла и свободная эмиграция. С 1850 по 1875 г. из Гонконга и Макао было вывезено около полумиллиона кули. Гуандун и Фуцзянь стали снабжать дешевой рабочей силой страны Тихоокеанского бассейна, в том числе Юго-Восточную Азию. Вывоз кули особенно возрос с открытием золотых приисков в Калифорнии и Австралии, а также с развитием добычи селитры в Перу и Чили. Большой и постоянный спрос на кули предъявляло также плантационное хозяйство островов Вест-Индии и особенно сахарные плантации Кубы. По прибытии на место законтрактованные попадали в полное распоряжение владельцев приисков, рудников, плантаций и производителей земляных работ. Новые хозяева обращались со своими «желтыми рабами» с невероятной жестокостью. Цинское правительство не встало на защиту своих подданных, хотя в 1866 г. подписало с Англией и Францией специальное соглашение о порядке контрактации кули, а в 1874 г. послало на Кубу специальную миссию для ознакомления с условиями их жизни.

Между тем в продолжавшихся крестьянских войнах тайпинов и няньцзуней ситуация все больше изменялась в пользу цинского лагеря. Территория Тайпин Тяньго превратилась в гигантский театр военных действий, что принесло этой части Китая все беды гражданской войны. Разорялись города, гибли торговые заведения, мастерские и мануфактуры, пустели деревни, поля забрасывались и зарастали кустарником. Оросительные системы приходили в негодность, разрушались дамбы и плотины. В зоне тайпинского движения нарастали спад производства и торговли, а местами и голод. Все это сводило на нет те послабления, которые «богопоклонники» дали крестьянству. Кроме того, политика тайпинов в деревне все более становилась противоречивой и непоследовательной.

Огромные военные расходы заставили повстанцев принимать крайне непопулярные меры. Постепенно повышались ставки «основного» земельного налога, вводились многочисленные дополнительные поборы и надбавки к налогам. Тайпинская налоговая система все более теряла свои привлекательные для крестьян отличия от цинской и стала все более походить на нее. Фискальные тяготы вызывали открытые протесты и противодействие со стороны крестьянства. Уставшее от бедствий войны, оно все больше искало мира и порядка и все более отходило от активной поддержки «богопоклонников» и иных повстанцев. Поскольку многие области по несколько раз переходили из рук в руки и бедствия войны разоряли

деревню, крестьянство бежало из зоны наиболее упорных боев. Все это в нарастающей степени сказывалось на ходе военных действий повстанцев, ухудшая их положение.

С начала 60-х годов вооруженная борьба в Китае вступила в новую стадию. Наступил стратегический перелом как в ходе военных действий, так и в характере социального движения. Стал явственно сказываться количественный перевес цинских войск, провинциальных армий и их новых союзников — европейцев, создавших анитайпинские «отряды иностранного оружия». К концу 1863 г. правительственным войскам удалось нанести ряд крупных поражений няньцзюням, ликвидировать основные очаги восстаний под руководством тайных обществ. В середине 1862 г. Крестьянская война тайпинов вступила в свою третью фазу.

На первом этапе войны (1850–1856) «христианская» армия во главе с «младшим братом Иисуса» — Хун Сюцюанем успешно действовала на волне прорвавшегося наружу социального гнева. Деревенские и городские низы поднимались на борьбу против маньчжурских завоевателей, мало обращая внимания на религиозное знамя «богопоклонников». На втором этапе (1856–1860) стала очевидной непригодность христианского учения для конфуцианского крестьянства. Традиционному китайцу была глубоко чужда идея греховности человека, искупления вины и прихода Мессии. На третьем этапе (1861–1863) религиозный фактор уже стал играть откровенно отрицательную роль. Наиболее губительным он оказался на заключительной стадии (1864–1868).

«Тайпинизированное» протестантство Хун Сюцюаня восприняло целиком европейский монотеизм и довело его до религиозного фанатизма и средневековой нетерпимости к последователям конфуцианства, буддизма и даосизма (*саньцзю*), а также их синкретизма. В городах и даже деревнях тайпины разрушали буддийские, даосские и конфуцианские, а также общие для этих религий храмы, пагоды и монастыри. Буддийские и даосские книги сжигались. Тем самым повстанцы жестоко оскорбляли религиозные чувства традиционалистской массы населения, оттолкнув от себя практически всех шэньши. Поскольку шэньши имели большое влияние на крестьянство, их враждебность к «богопоклонникам» сыграла роковую роль в гибели тайпинского движения. Крестьянская война 1850–1868 гг. выглядела с позиций культа предков и *саньцзю* еретическим движением. Не столько маньчжуры, сколько сами «богопоклонники», насаждая христианство, осуществляли посягательство на верования и обычаи китайцев, поскольку для традиционалистской части населения учение Христа было «варварской религией», реальной угрозой конфуцианству, даосизму, буддизму и национальным устоям.

«Варварское учение» и религиозная нетерпимость «богопоклонников» оттолкнули от них инаковерующих, т.е. их потенциальных союзников, в первую очередь членов тайных обществ, религиозных сект и повстанцев — сторонников реставрации династии Мин. Эти же причины резко

увеличили массу их активных врагов, укрепив тем самым лагерь реакции, что и спасло династию Цин от падения. Тайпины дали в руки своим врагам мощное идеологическое оружие, позволив силам реакции возглавить традиционалистское движение под лозунгом спасения китайских духовных ценностей и защиты истинно китайских религий от поругания со стороны вероотступников.

Для традиционного китайца поклоняться «европейскому» Иисусу — значило поклоняться «западным варварам». Для него тайпины были понятны как антиманьчжурская сила, но совершенно неприемлемы как «богопоклонники». Цинских правителей в Пекине спасло то, что они все же были конфуцианцами в неизмеримо большей степени, нежели низвергатели Кун-цзы в тайпинском Нанкине. В данной ситуации завоеватели-маньчжуры, т.е. «татары» и «северные варвары», оказались многим китайцам ближе, нежели христиане-ханьцы во главе с Небесным ваном.

Антихристианское движение, зародившееся с первых шагов секты «богопоклонников» («Байшанди хуэй») в Гуанси, длилось два десятилетия (1848–1868). С течением времени оно включило в себя антитайпинскую шэньшискую агитацию, активизацию традиционных культов, ужесточение чжусианства, литературную инквизицию, уничтожение всего христианского и тайпинского, усиление сельской милиции и системы *баоцзя*, создание провинциальных армий и поддержку цинской власти. Это было первым массовым «антиварварским» движением в Китае. Масла в огонь подлило активное насаждение католицизма и протестантства европейскими миссионерами после заключения Пекинских договоров (1860 г.). Китайское население повело борьбу как против «тайпинизированного», так и против миссионерского христианства, видя в них явную угрозу старым устоям. Уже в 1862 г. прошла волна массовых антимиссионерских выступлений в Цзянси и Хунани.

С ухудшением общего положения Тайпинского государства остро встал вопрос о ликвидации блокады Нанкина со стороны Южнобережного лагеря и его 100-тысячной армии. Для отвлечения ее части на восток и разъединения цинских сил Ли Сючэн весной 1860 г. совершил стремительный бросок в Чжэцзян и овладел Ханчжоу. Когда противник двинул часть своих войск в Чжэцзян, Ли Сючэн скоординировал действия других полководцев — Чэнь Юйчэна и брата Восточного князя Ян Фуцина. Тайпины перешли в наступление против Южнобережного лагеря и окружили его силы. В начале мая в ожесточенном пятидневном сражении Ли Сючэн разгромил цинскую армию, отбросив часть ее под Даньян. Последняя была вскоре наголову разбита здесь войсками Ли Сючэна, его двоюродного брата Ли Шисяня и Ян Фуцина. Только одними убитыми противник потерял свыше 10 тыс. человек. Затем тайпины разгромили цинские силы, вернувшиеся из-под Ханчжоу. Завершение этой блестящей операции не только сняло блокаду с Нанкина, но и открыло дорогу в Цзянсу и Чжэцзян.

В конце мая 1860 г. «богопоклонники» во главе с Ли Сюэном начали свой Восточный поход. Они захватили Чанчжоу, Уси и в начале июня без боя вступили в Сучжоу. Население приветствовало их как освободителей от грабежей и насилий правительственных войск. На сторону победителей перешли от 50 до 60 тыс. цинских солдат. Города сдавались без сопротивления, и к июлю «богопоклонники» заняли всю южную часть Цзянсу. В августе тайпины во главе с Ли Сюэном подошли к Шанхаю. Однако занять его им не удалось, ибо на сей раз против них выступили не только цинские войска, но и силы западных держав.

К началу 60-х годов державы убедились в неспособности тайпинов свергнуть династию Цин и следовательно в способности последней в союзе с китайской реакцией рано или поздно покончить с повстанцами. После заключения Тяньцзиньских (1858 г.) и Пекинских договоров (1860 г.) державы все более склонялись к тому, чтобы сделать ставку на династию Цин. Тайпины, к тому же запретившие сбыт опиума, стали помехой «открытию» внутренних провинций бассейна Янцзы для европейской торговли. Европейские политики и коммерсанты, стремившиеся как можно скорее устранить эту преграду, начали против повстанцев кампанию клеветы, натравливая на них общественное мнение Европы и Америки.

Между тем тайпины считали европейцев своими «братьями во Христе», а западные державы — союзниками в борьбе против маньчжуров. «Богопоклонники» же искренне надеялись, что «западные братья по истинной вере» помогут им в борьбе с «маньчжурскими нехристиами». Поэтому, идя на Шанхай, Ли Сюэн рассчитывал на благожелательный нейтралитет держав, а те встретили его артиллерийским огнем.

Ситуация в Китае к началу 1862 г. резко изменилась. Если в 1856–1860 гг. цинский режим вел войну на два фронта — против повстанцев и против «заморских варваров», то после подписания Пекинских конвенций 1860 г. династия Цин избавилась от войны с внешним врагом. Развязав себе руки, Пекин все силы бросил против тайпинов и няньцзюней. Положение Тайпинского государства резко ухудшилось. Теперь оно получило войну на два фронта — против маньчжуров, усилившихся за счет освободившихся в 1860 г. войск на Севере, и против нового и крайне опасного врага в лице западных держав. Последние стали временными союзниками династии Цин, заинтересованными в скорейшем уничтожении повстанческого «христианского» государства в долине Янцзы.

Вмешательство западных держав в гражданскую войну в Китае было по сути интервенцией. С 1860 г. она была несколько замаскированной, а с 1862 г. — уже открытой. Американский авантюрист Ф.Уорд в июне 1860 г. организовал в Шанхае на средства китайских компрадоров и «богачей» при покровительстве американского консула вооруженный отряд для борьбы с «богопоклонниками» под названием «Всегда побеждающая армия». По ее образцу были созданы «Франко-китайский корпус» и «Англо-китайский контингент». Против тайпинов действовали также

английские, французские и американские военные корабли, которые, прикрываясь «нейтралитетом», перевозили по Янцзы цинские войска, вооружение и боеприпасы для них. В январе 1862 г. войско Ф.Уорда насчитывало уже 8 тыс. солдат, а также располагало пароходами и джонками с пушками на борту.

Одновременно все более укреплялся союз между маньчжурской аристократией, с одной стороны, и китайскими шэньши и землевладельцами — с другой. Будучи не в состоянии организовать борьбу с Тайпинским государством, династия Цин постепенно передавала эту функцию в руки сильной личности — Цзэн Гофаню и его окружению. Победы Сянской армии над «богопоклонниками» значительно укрепили его положение. В 1860 г., после того как Цзэн Гофань занял пост наместника Лянцзяна (Цзянсу, Цзянси и Аньхуэй) и распространил свою власть также на пров. Чжэцзян, он получил чрезвычайные полномочия по борьбе с «длинноволосыми бандитами» в этих четырех провинциях. Набирали силу верные ему помощники — Ли Хунчжан, Цзо Цзунтан и другие организаторы провинциальных антиповстанческих армий. В начале 60-х годов в борьбу против тайпинов включились Хуайская армия Ли Хунчжана и войска Цзо Цзунтана. К этому времени против «богопоклонников» и няньцзюней сражалось в общей сложности восемь провинциальных армий, «войска зеленого знамени», части «восьмизнаменных» и монгольская конница. Цинские армии были вооружены современными винтовками, гаубицами и мортирами, а их офицеры отчасти переняли боевой опыт европейцев.

Крушение Тайпинского государства

В 60–70-х годах среди «богопоклонников» появилась тенденция к обновлению и реформированию Тайпинского государства. В 1859 г. главой правительства в Нанкине стал двоюродный брат Хун Сюцюаня, выученик западных миссионеров Хун Жэньгань, получивший титул «Князь-щит» (Гань-ван). Хун Жэньгань, выступавший за модернизацию Китая, в своем проекте реформ «Новое сочинение в помощь управлению» («Цзычжэн синьпянь») отстаивал идею умеренного сближения Китая с великими державами, имея в виду доброжелательное отношение, активную торговлю, внедрение иностранного опыта и получение информации.

По проекту Хун Жэньганя тайпинская, в своей основе традиционная монархия должна была сочетаться с капитализмом, поощрять отечественное предпринимательство, способствовать частным горно-рудным, торговым компаниям и банкам. Прокламировалось современное социальное обеспечение с больницами, домами призрения и сиротскими приютами. Все эти нововведения должны были сочетаться со старой, но оздоровленной общественной системой. Предполагалось всемерное укрепление государственной власти, запрещение любых политических организаций, всемерное «единение» Небесного князя с народом при помощи беспрепятст-

венной подачи жалоб трону, контроль за обывателями и укрепление низовых традиционных институтов (сельские старосты, деревенская милиция), тотальная слежка и сбор информации о настроении населения. Старое надлежало очистить от «скверны» — фаворитизма, коррупции, продажи должностей и чинов. В духе старины должна была быть улучшена экзаменационная система на получение ученых степеней. Главная цель реформаторского синтеза Хун Жэньгана состояла в укреплении традиционного как за счет восстановления «здорового» духа древности, так и привнесения элементов современности. Это должно было возродить Китай, сделав его могущественной державой. Однако доктрина Хун Жэньгана так и осталась на бумаге, а сам он в 1862 г. на время был уволен в отставку.

Некоторые реформы в духе Хун Жэньгана уже с 1862 г. стали проводиться в цинском лагере.

Катастрофическое положение, сложившееся в середине XIX в., вынудило традиционные силы Китая склониться к частичной модернизации военной сферы цинского господства. Первым побудительным импульсом был позор военных поражений, понесенных Цинской империей от «варваров» в 1856–1858 и 1859–1860 гг. Страна, которая считалась центром Вселенной, была легко разбита «заморскими дьяволами». Правящая верхушка считала главной причиной этого наличие у европейцев современной военной техники — винтовок, пушек и паровозов. Второй и неизмеримо более важной причиной частичного пересмотра прежних конфуцианских экономических концепций стал гигантский взрыв национальной и классовой борьбы, поставивший маньчжурское господство на край гибели. Оба эти фактора требовали укрепления цинского режима и всей традиционной системы Китая за счет современных средств борьбы с внутренними и внешними врагами. Создание собственной фабричной промышленности стало исторической необходимостью. В противном случае стране грозил крах.

В этих условиях Маньчжурская династия, лидеры Аньхуэйской (Ли Хунчжан) и Хунаньской (Цзэн Гофань, Цзо Цзунтан) военно-шэньшиских группировок выступали уже не против машин вообще, а лишь против машин в руках чужеземцев. Правящие круги страшил рост военных и экономических позиций английских и иных «варваров» в Китае. Это, в свою очередь, выдвигало необходимость «самоусиления» и создания «своей» фабричной промышленности. Первыми ее предприятиями стали казенные военные заводы, арсеналы и мастерские. Создание их диктовалось необходимостью удовлетворить потребность в современном вооружении и боеприпасах цинских войск и провинциальных армий, занятых подавлением крестьянских и национальных восстаний. Именно в этот период (1861–1872) велось наиболее интенсивное строительство оборонных предприятий, когда было создано 11 арсеналов и заводов. Основателями почти всех их были высшие сановники или наместники провинций. Военная об-

становка обусловила ведущую роль в этом плане командующих Сянской и Хуэйской армиями.

Начало было положено Цзэн Гофанем, который в 1861–1862 гг., после взятия у тайпинов Аньцина, построил там военный завод. В 1862 г. Ли Хунчжан основал в Шанхае артиллерийский арсенал, закупив оборудование в Гонконге и наняв иностранных мастеров. Предприятие изготовляло пушки и разрывные снаряды. В 1864 г. им же был построен артиллерийский арсенал в Сучжоу. Эти предприятия производили боеприпасы и оружие для борьбы с тайпинами. В 1865 г. Ли Хунчжан купил один из самых больших тогда в Шанхае иностранных механических заводов, переименовав его в «Главный Цзяннаньский арсенал». В том же году Цзэн Гофань приобрел в США дополнительное оборудование для этого предприятия, после чего здесь стали строить пароходы. При арсенале была открыта школа переводчиков, где был переведен ряд книг по европейской технике.

В 1865–1866 гг. Цзо Цзунтан построил в Мавэе близ Фучжоу судостроительную верфь. Машины и оборудование были закуплены во Франции, отсюда же были приглашены и инженеры. На верфи работало от 2 до 3 тыс. рабочих и около 1 тыс. солдат Сянской армии. Здесь же были открыты школы иностранных языков и судостроения. В 1869 и 1872 гг. были основаны механические мастерские в городах Сиань и Ланьчжоу, в 1872 г. — в Куньмине. Военные арсеналы появились в Фучжоу (в 1869 г.) и Гуанчжоу (в 1874 г.).

В военное строительство включились представители высших придворных кругов. В 1867 г. маньчжурский сановник, наместник Чжили Чунхоу построил в Тяньцзине механические мастерские. Ли Хунчжан в 1870 г. расширил это предприятие, открыв дополнительно четыре цеха, а в 1872 г. учредил «Китайскую коммерческую пароходную компанию» с привлечением частного китайского капитала. В 1875 г. губернатор пров. Шаньдун Дин Баочжэн создал в г. Цзинань Шаньдунские механические мастерские, а в 1877 г. оборудовал в Чэнду Сычуаньский арсенал. Политика и практика «самоусиления» укрепила положение династии Цин, позволила существенно перевооружить армии Цзэн Гофаня, Ли Хунчжана и Цзо Цзунтана.

Осенью 1860 г. «богопоклонники» направили свои ударные армии во второй Западный поход, но он закончился неудачно. Армии Чэнь Юйчэна, Ли Сючэна, Ли Шисяня, Ян Фуцина и других полководцев действовали несогласованно. Встретив сильный отпор со стороны Сянской армии Цзэн Гофаня и Хубэйской армии Ху Линьши, тайпинские полководцы отказались от общего плана наступления и стали действовать каждый самостоятельно. Во второй половине 1861 г. армия Ли Сючэна прошла через Цзянси в Хубэй и оттуда вернулась в Чжэцзян. Армия Чэнь Юйчэна не смогла снять осаду Аньцина, и эта главная крепость, прикрывавшая Нанкин с запада, была в сентябре 1861 г. взята войсками Цзэн Гофаня. Это был крупнейший успех цинских войск, начав наступление на Нанкин, они за-

хватывали один город за другим, в то время как армия Чэнь Юйчэна, отступая, теряла свои территории севернее Янцзы. В мае 1861 г. Чэнь Юйчэн был выдан предателем врагу и казнен. Одновременно Сянская армия подошла к Нанкину с юга и блокировала его.

В то же время Восточный поход тайпинов продолжался успешно. Еще в мае-сентябре 1861 г. армия Ли Шисяня овладела западной и центральной частью пров. Чжэцзян. Осенью сюда подошли корпуса Ли Сючэна, а в декабре тайпины захватили Нинбо и Ханчжоу. Вся территория провинции оказалась во власти «богопоклонников». В начале 1862 г. войска Ли Сючэна вновь подошли к Шанхаю, но опять подверглись ударам со стороны «отрядов иностранного оружия». Однако вожди «богопоклонников» все еще считали это недоразумением и пытались усостыжить «западных братьев по вере Христовой». Подвергаясь атакам «братьев-варваров», тайпины мужественно боролись. Многие города в провинциях Чжэцзян и Цзянсу по несколько раз переходили из рук в руки. Командующие интервентами — Ф.Уорд, французский адмирал О.-А.Проте, полковник Ле Бретон были убиты в боях с «богопоклонниками».

Однако все очевиднее становился перевес сил на стороне реакции. Англия, Франция и США увеличили масштабы своего участия в борьбе против тайпинов. В 1863 г. «Всегда побеждающую армию» возглавил британский офицер Ч.Гордон. Росла численность «отрядов иностранного оружия», имевших артиллерию и действовавших совместно с войсками Цзэн Гофаня, Ли Хунчжана и Цзо Цзунтана. В итоге к середине 1862 г. в ходе Крестьянской войны наступил коренной перелом. «Отряды иностранного оружия» и цинские войска взяли Нинбо и перешли в наступление в пров. Чжэцзян. К апрелю 1863 г. большая часть этой провинции была потеряна «богопоклонниками». Все теснее сжималось вражеское кольцо вокруг столицы Тайпин Тяньго. Сюда из Цзянсу был срочно отозван Ли Сючэн, предпринявший две широкомасштабные операции по деблокированию Нанкина. Сначала осенью 1862 г. он в течение 46 дней штурмовал укрепленные позиции врага южнее столицы. Затем весной 1863 г. по приказу Небесного князя осуществил наступление в пров. Аньхуэй, чтобы отвлечь цинские войска из-под Нанкина. Обе операции кончились безрезультатно.

Столь же тяжелая ситуация сложилась в Гуанси вокруг армии Ши Дакая. Обе ее колонны не смогли наладить между собой постоянной связи и взаимодействия. В апреле 1860 г. колонна Ши Чжэньцзи потерпела поражение в районе Байсе — на западе Гуанси. При попытке пробиться на соединение с силами Ши Дакая она была разгромлена в горах. Недостаток продовольствия и натиск цинских сил вынудили его двинуться на юг, но тут произошел новый раскол в рядах «богопоклонников». Летом 1860 г. около 50 тыс. бойцов откололись от армии и несколькими колоннами стали пробиваться в Аньхуэй — на территорию Тайпин Тяньго. Некоторым из них удалось в 1861 г. объединиться с главными силами тайпи-

нов, отдельные отряды переметнулись на сторону врага, но большинство колонн было истреблено по пути на север. Все это облегчило правительственным силам разгром государства «красноголовых» в юго-восточной части Гуанси. В августе 1861 г. цинские войска и местные дружины разгромили армию Чэнь Кая, взяли его столицу Сюньчжоу и ликвидировали «Государство Великих Свершений». Остатки войск «красноголовых» — до 30 тыс. человек присоединились к Ши Дакаю.

Ши Дакай двинулся через Гуанси на север. Обрастая все новыми отрядами местных повстанцев, армия Ши Дакая через Западную Хунань в феврале 1862 г. вышла к Янцзы, имея в своих рядах уже 200 тыс. бойцов. Однако цинское командование в Сычуани лишило тайпинов всякой возможности форсировать бурную и стремительную здесь Янцзы. Почти год Ши Дакай маневрировал к югу от нее. Тем не менее в мае 1863 г. главные силы тайпинов переправились через Янцзы на сычуань-юньнаньской границе. Они двинулись через территорию народности *ицзу* — труднопроходимые скалистые горы, теснины и топи. Цинским властям удалось подкупить вождей *ицзу* и направить сюда большую армию. В начале июня, измученные трудностями похода и недостатком продовольствия, войска Ши Дакая вышли к р. Дадухэ. Здесь на переправе они попали в окружение цинских сил и отрядов *ицзу*. Голод и безвыходность положения заставили тайпинов сложить оружие, после чего все они были перебиты, а Ши Дакай казнен.

Резко ухудшилось положение и на периферии Тайпинского государства. В марте 1863 г. под Чжихэцзи (пров. Аньхуэй) была разгромлена самая крупная армия няньцзюней под командованием Чжан Лосина. В этом бою было убито более 20 тыс. повстанцев. Чжан Лосин попал в плен и был казнен. К середине 1863 г. цинские войска истребили почти все вооруженные отряды тайных обществ в провинциях Гуандун, Гуанси и Сычуань.

При этом набирало силу национально-освободительное движение неханьских народов и религиозных меньшинств. Временные успехи восстания дунган в Шэньси и Ганьсу, продолжавшееся с 1862 до 1873 г. движение *мяо* в Гуйчжоу и мусульман в Юньнани уже не могли существенно повлиять на исход военных действий в Центральном и Северном Китае.

Тайпинское государство быстро деградировало. Дезорганизация войск, падение дисциплины, деморализация военачальников и чиновников, бездумная раздача и продажа титулов и рангов набирали силу. В лагере «богопоклонников» участились заговоры и измены. В июле 1862 г. на юге пров. Аньхуэй на сторону врага перешел Тун Жунхай вместе со своей 60-тысячной армией. Начиная с 1863 г. многие князья и военачальники стали перебегать в цинский лагерь. Тайпины утратили способность к наступлению и повсеместно перешли к обороне.

Цинские силы под руководством Ли Хунчжана и «Всегда побеждающая армия» Ч.Гордона в июле 1863 г. осадили Сучжоу. После четырехмесячной осады город пал в результате измены группы тайпинских военачальников.

чальников. После падения Сучжоу тайпинские командиры стали сдавать город за городом. В апреле 1864 г. цинские войска взяли Ханчжоу, в мае 1864 г. — Чанчжоу. Сорокатысячная тайпинская армия во главе с Хун Жэньганем отступала под натиском врага. Считая, что полная победа близка, цинское правительство распустило «армию» Гордона и сосредоточило все усилия на столице Тайпин Тяньго.

Нанкин был блокирован со всех сторон. Еще с лета 1863 г. в нем начался голод, и руководивший его обороной Ли Сюэнь, спасая мирных жителей, разрешил им покинуть город. Его обороняли всего до 4 тыс. боеспособных воинов. Обложившие Нанкин Сянская армия и войска Цзэн Гоцюаня во много раз превосходили силы «богопоклонников». Ли Сюэнь предлагал Хун Сюцюаню прорваться в Хубэй или в Цзянси, чтобы там продолжать борьбу, но этот план был отвергнут. 1 июня 1864 г. Небесный князь покончил с собой, приняв яд. Ли Сюэнь продолжал руководить обороной Нанкина еще полтора месяца. 19 июля 1864 г. войска Цзэн Гоцюаня взорвали крепостную стену и через пролом ворвались в Небесную столицу. За этим последовали дикая резня, погром и гигантский пожар. Ли Сюэнь с небольшим отрядом вырвался из горящего города, но вскоре был схвачен и четвертован. На плахе закончили жизнь Хун Жэньгань и юный наследник престола — сын Небесного князя. Тайпинское государство рухнуло.

У победителей менялось отношение к своим временным союзникам — европейцам и американцам. Вынужденное сотрудничество китайской реакции с иностранными интервентами было сопряжено с серьезными опасениями. Военные соединения, вооруженные и руководимые «варварами», после разгрома «длинноволосых бандитов» могли стать угрозой для династии Цин. Видя близкую победу над тайпинами, Пекин спешил избавиться от опасных союзников. Летом 1863 г. он отказался от услуг прибывшей в Шанхай военной эскадры Г.Ли и Ш.Осборна, в мае 1864 г. распустил «Всегда побеждающую армию», а затем и остальные китайско-иностраные формирования — «отряды иностранного оружия». Вместе с тем начиная с 1865 г. Пекин получил ряд иностранных займов для подавления сопротивления тайпинов, няньцзюней и дунган.

Гибель Тайпин Тяньго означала окончательный перелом в ходе вооруженной борьбы, вступившей в фазу арьергардных боев повстанческих войск (1864–1868). В ходе продолжавшейся Крестьянской войны боевые соединения тайпинов и няньцзюней к северу от Янцзы слились воедино, а к югу от нее «богопоклонники» продолжали сражаться в одиночку. Хотя в 1864 г. началось восстание уйгуров и других мусульманских народов в Кашгарии, охватившее затем почти весь Синьцзян (1864–1877), оно не могло остановить надвигавшийся окончательный разгром в собственно Китае.

После падения Нанкина к северу и к югу от Янцзы сражались две крупные группировки тайпинских войск. Стотысячная южная группиров-

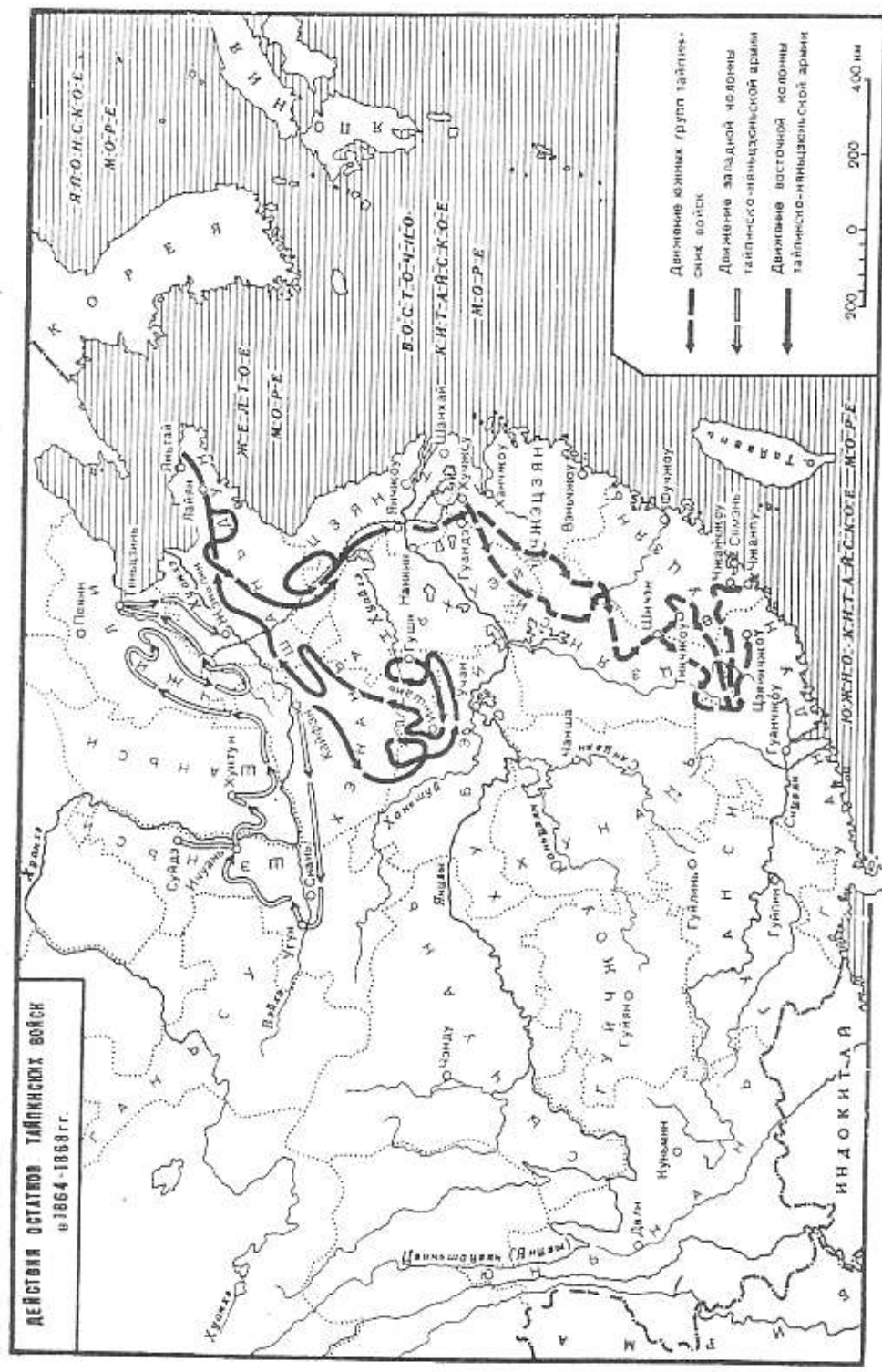
ка, не имевшая единого руководства, в августе–октябре 1864 г. была разбита. Две ее колонны все же вышли из-под удара и отступили далее на юг. Одна из них — 50-тысячное войско Ли Шисяня — пробилась в Фуцзянь. Захватив Чжанчжоу и ряд других городов на юге провинции, она создала здесь свою базу, просуществовавшую полгода. В мае 1865 г. превосходящим цинским силам удалось разгромить войско Ли Шисяня. Другая часть южной группировки — 30-тысячное войско Ван Хайяна — отступила на юг и несколько месяцев действовала на границе провинций Фуцзянь и Гуандун, пока не была уничтожена в феврале 1866 г.

С падением Тайпин Тяньго произошло окончательное слияние Крестьянской войны тайпинов и повстанческого движения няньцзюней. Северная группировка «богопоклонников» под командованием Чэнь Дэцай и Лай Вэньгуана еще в апреле 1864 г. объединилась в Хэнани с войском няньцзюней, которое возглавляли племянник погибшего Чжан Лосина Чжан Цзунъюй и Чэнь Даси. Эта объединенная армия весной 1864 г. не смогла пробиться в осажденный Нанкин. В ноябре цинские войска во главе с Сэнгэринчи нанесли ей крупное поражение под Хошанем. После самоубийства Чэнь Дэцай оставшиеся силы были возглавлены Лай Вэньгуаном и Чжан Цзунъюем. В течение полугодия они вели успешную маневренную войну в пяти провинциях к северу от Янцзы, внезапными ударами изматывая врага. В мае 1865 г. повстанцы наголову разгромили цинские войска под Цзяочжоу в пров. Шаньдун. В этом бою был убит Сэнгэринчи. На борьбу с тайпинско-няньцзюньской армией был послан Цзэн Гофань, но в связи с явными неудачами он вскоре был заменен Ли Хунчжаном.

В 1866 г. повстанческие силы разделились. Их Восточная колонна под командованием Лай Вэньгуана успешно сражалась в провинциях Хэнань, Хубэй, Шаньдун и Цзянсу. Против нее были брошены превосходящие силы цинских полководцев, которые в ноябре 1867 г. нанесли сокрушительный удар повстанцам в районе цзянсу-шаньдунской границы. Лай Вэньгуан с остатками войска не смог переправиться через Великий канал и в январе 1868 г. был разгромлен около Янчжоу, сам он попал в плен и был казнен.

Западная колонна численностью около 60 тыс. бойцов во главе с Чжан Цзунъюем в 1866–1867 гг. успешно действовала в Хэнани, Шэньси и Шаньси. Чтобы спасти попавшую в критическое положение армию Лай Вэньгуана, Западная колонна в январе 1868 г. начала стремительное наступление в Чжили, пробиваясь к Пекину. Столица была объявлена на осадном положении. В марте повстанцев удалось остановить у Баодина, но в апреле они устремились к Тяньцзиню и вышли на его ближайшие подступы. Отброшенные превосходящими силами противника на юг, они оказались в западне между Великим каналом, Хуанхэ, линиями вражеских укреплений и скоплением цинских войск. 16 августа 1868 г. последние отряды Чжан Цзунъюя, измотанные непрерывными боями, погибли в районе Чипина (северо-запад пров. Шаньдун), а их командующий покончил с собой. Так завершилась Крестьянская война 1850–1868 гг.

Завершающий этап Крестьянской войны тайпиров (1864—1868)

Завершение Цинского цикла

Крестьянская война тайпинов была главной частью вооруженной борьбы 50–70-х годов XIX в. против цинского режима. Поражение «богопоклонников» предопределило неполное обновление традиционной системы Китая на стадии катастрофы и завершение очередного исторического цикла. Цинский режим выстоял, Маньчжурская династия сохранила свое господство над завоеванным ею в XVII в. китайским и другими народами.

Традиционалистская масса населения Китая, воспитанная в догматах конфуцианства, буддизма и даосизма, не приняла учение Иисуса Христа. «Варварская религия» помешала сплотить вокруг сектантов Хун Сюцюаня всю толпу антиманьчжурски настроенного социума, создать «единый фронт» против Цинов, оттолкнула от «богопоклонников» их потенциальных союзников и благожелательных нейтралов, в том числе «параллельные» повстанческие движения, впоследствии разбитые поодиночке. Эта же причина позволила Цзэн Гофаню и Ли Хунчжану собрать вокруг себя конфуцианские силы, боровшиеся за сохранение традиционных отечественных верований и этических систем. Неудачный выбор религиозного знамени явился первой и, может быть, главной из многих фатальных ошибок тайпинских ваянов, ибо учение Христа в конфуцианской среде было заранее обречено на поражение. С разгромом последних христианских войск в 1868 г. бесследно исчезли и сами «богопоклонники», не оставив после себя ни подпольной секты, ни еретической ветви, ни тайных приверженцев во втором поколении.

Неудачный выбор религиозного знамени сказался и на целях крестьянского движения, таких, как снижение уровня эксплуатации крестьянства и ликвидация господства чужеземных завоевателей, сделав их недостижимыми при всей, казалось бы, их умеренности и ограниченности. Основная масса китайского крестьянства не желала «черного передела». Хун Сюцюань, Ян Сюци и другие ваяны не думали всерьез об аграрном перевороте, ставя своей задачей лишь свержение маньчжурского господства и некоторое смягчение эксплуатации. Крестьянство Китая стремилось не вперед, а назад — к «патриархальной идиллии» раннего средневековья. Из-за этого Крестьянская война тайпинов при всем ее размахе и длительности не приняла форму революционной войны, не стала средством обновления и укрепления Китая.

К этому добавились крупные стратегические просчеты повстанцев, междоусобная борьба внутри их лагеря, близорукая политика тайпинских вождей в отношении союзников. Удары, нанесенные державами цинскому режиму в ходе двух торговых войн (1856–1858, 1859–1860), способствовали укреплению государства «богопоклонников». Однако открытое вмешательство европейцев и американцев в гражданскую войну на стороне династии Цин ускорило падение Тайпин Тяньго и поражение армий тайпинов и няньцзюней.

В итоге очередной социально-демографический и династийный кризис не привел к смене династии, сохранив в Китае власть Цинов. Цинскому режиму во многом благоприятствовала географическая или территориальная разобщенность, изолированность друг от друга основных антиманьчжурских сил (тайпинов, няньцзюней, «красноголовых» и сычуаньских повстанцев) и асинхронность их ударов. Крестьянская война «красноголовых» в пров. Гуандун началась через три года после Цзиньтяньского восстания «богопоклонников», а Сычуаньская война — через девять лет. Существенно «отстала» и национально-освободительная волна. Восстание *мяо* в Гуйчжоу произошло спустя пять лет, движение мусульман в Юньнани — через шесть лет, а восстание дунган на Северо-Западе — через двенадцать лет после выступления тайпинов.

Выйдя победителем из полосы крестьянских войн 1850–1868 гг., цинский режим явно укрепил свое положение. К началу 70-х годов циклический кризис был в основном близок к преодолению. Избыточный и крайне опасный демографический потенциал был во многом истреблен в ходе крестьянских войн, восстаний и карательных акций, а также в результате стихийных бедствий, голода и эпидемий. В провинциях восстанавливалось крупное землевладение и господство шэньши в местных делах. С особым рвением возрождались полицейская система круговой поруки (*баоцзя*) и система идеологического контроля (*сяньюэ*). Гигантская вспышка социального гнева низов бросила массу рентополучателей и шэньши, в том числе оппозиционных маньчжуров, в объятия цинского режима. В ходе борьбы с тайпинами, няньцзюнями, «красноголовыми», сычуаньцами и восстаниями тайных обществ укрепился союз «знаменных» и китайской верхушки — чиновников, шэньши и землевладельцев. Маньчжуры частично «потеснились» у кормила власти и допустили к ней лидеров китайских региональных военно-шэньшиских группировок. Главными из них стали Хунаньская во главе с Цзэн Гофанем и Цзо Цзунтаном и Аньхуэйская, руководимая Ли Хунчжаном. В 1866 г. Цзо Цзунтан был назначен заместителем Шэньганя, а в следующем году Ли Хунчжан получил аналогичный пост в Лянху. В руках этих лидеров находились боеспособные, хорошо вооруженные армии с большим опытом ведения масштабных операций. Их командующие и офицеры за счет военной добычи, грабежа и казнокрадства сколотили себе огромные состояния.

В 1865 г. вдовствующая императрица Цыси отстранила от власти князя Гуна и стала по сути единовластной правительницей Китая. В течение последующих 43 лет, вплоть до конца 1908 г., эта умная, жестокая и коварная женщина сохраняла неограниченную власть. При ней особым влиянием пользовались главный евнух Ань Дэхай и сменивший его в 1869 г. Ли Ляньин. Цыси делала ставку на лидеров региональных китайских военных группировок — Цзэн Гофаня, Ли Хунчжана и Цзо Цзунтана. До начала 70-х годов главенствовала наиболее сильная из группировок — Хунаньская. Ее создатель Цзэн Гофань, став заместителем столичной провинции

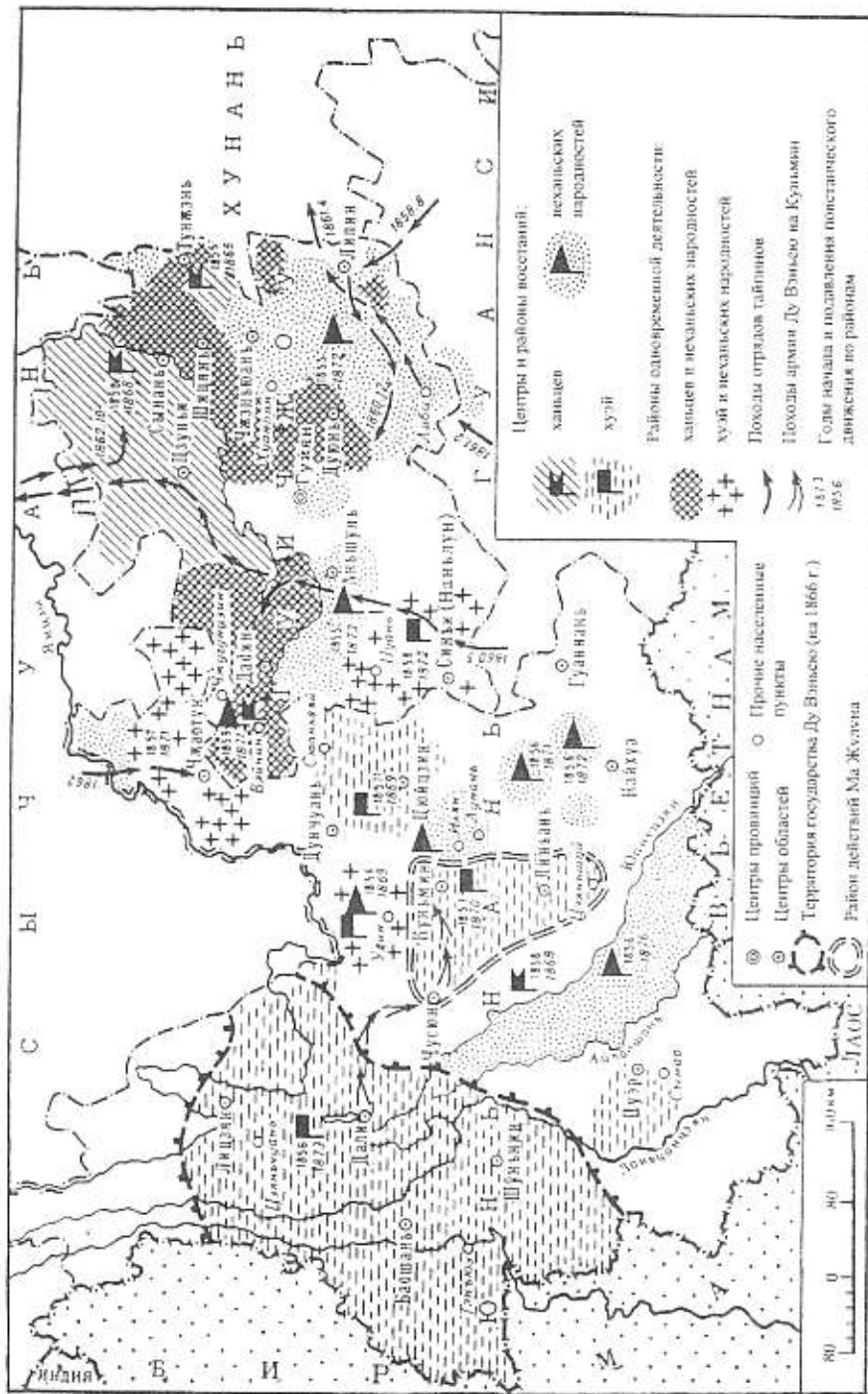
Чжили, оказывал большое влияние на политику Пекина. Укрепление военных сил победившего режима происходило по мере развертывания политики «самоусиления», прежде всего за счет строительства новых арсеналов, военных предприятий и перевооружения войск европейским стрелковым оружием, пушками и пароходами.

Вместе с тем в цинских войсках быстро набирало силу тайное общество «Старшие братья» («Гэлаохуэй»). Эта антиманьчжурская подпольная организация, особенно ее ветвь «Хунбан» («Красное братство»), была защитницей интересов всех китайцев, носивших оружие. В нее оказались вовлеченными не только солдаты, но и часть офицерского состава. Влияние «Старших братьев» распространилось практически на все войска долины Янцзы. В связи с этим провинциальные армии стали вызывать у Пекина обоснованную тревогу. Была произведена массовая демобилизация пяти провинциальных армий. Их боевой состав, лишившись средств к существованию, пополнял бандитские шайки. В условиях послевоенной разрухи цинский режим испытывал большие финансовые трудности. Сокращение налоговых поступлений и иных доходов правительство пыталось компенсировать продажей большого количества ученых степеней, чиновных должностей, рангов и «знаменных земель». Режим всемерной экономии коснулся даже «восьмизнаменных». В 1865 г. особым указом им разрешалось самим искать себе пропитание, т.е. открепляться от своего «знамени», менять место жительства и заниматься полезным трудом.

Императрица Цыси вела крайне осторожную политику по отношению к западным державам, поскольку события 1868–1870 гг. давали явный предлог для нового вмешательства «варваров» во внутренние дела Цинской империи. Поражение «богопоклонников» не смягчило антихристианское движение в Китае. Более того, дальнейшее проникновение сюда западных держав придало этой борьбе новую силу. К 1867 г. в Китае уже действовало 65 протестантских миссий, резко активизировалась католическая церковь. На этот раз традиционалистские силы — в основном жители городов — свой удар направили против европейского и американского миссионерства. По стране прокатилась волна антимиссионерских выступлений.

Особенно ожесточенным был инспирированный шэньши антихристианский «бунт» в Янчжоу осенью 1868 г. Затем он перекинулся в Цзюцзян, Цинцзян и на Тайвань. Антимиссионерские выступления в 1869 г. прошли в провинциях Фуцзянь, Аньхуэй, Гуйчжоу, Сычуань, а также в столичной провинции Чжили. Кульминацией этого движения явились события 21 июня 1870 г. в Тяньцзине. В них участвовало несколько десятков тысяч человек. Спровоцированная наглостью французского консула толпа убила его, а также западных миссионеров и китайцев-христиан. При благожелательном нейтралитете чиновников, шэньши и войск были разрушены французское консульство, католический собор и христианские миссии. После этого во многих городах Китая прошли антииностранные выступле-

Повстанческое движение в Юньнани и Гуйчжоу в 50–70-х гг. XIX в.

ния. Полагая, что предстоит война по меньшей мере с Францией, цинское правительство двинуло в Чжили отборные части Хуайской армии. Однако руки Наполеона III были скованы войной с Пруссией, а Англия не сочла нужным в этих условиях начинать четвертую военную кампанию в Китае. Цыси была вынуждена возместить убытки Франции и послать в Европу искупительную дипломатическую миссию во главе с Чунхоу. Тем не менее антимиссионерские выступления в 1873–1875 гг. были отмечены в провинциях Шаньдун, Цзянси и Цзюцзян.

В это время изменилось соотношение сил в правящем лагере — лидерство перешло от Хунаньской группировки к Аньхуэйской. На посту наместника столичной провинции Цзэн Гофаня сменил Ли Хунчжан. Его Хуайская армия разместилась в Чжили под предлогом отражения внешней угрозы. Он сохранил за Аньхуэйской группировкой контроль над прежним своим наместничеством Лянцзян, в том числе над военными арсеналами в Нанкине, Шанхае и Сучжоу, а также над доходами от таможен и соляной монополии. Обосновавшись в Тяньцзине, Ли Хунчжан взял в свои руки сношения с державами и фактически подчинил себе Цзули ямэнь. Все более обрастая новыми должностями и рычагами власти, он стал оказывать на политику Цыси влияние более сильное, нежели Цзэн Гофань. После его смерти в 1872 г. Ли Хунчжан стал наиболее влиятельным сановником Китая.

Подавление национальных движений

Справившись с повстанческим движением в ханьских провинциях, Пекин перешел к ликвидации национальных восстаний на периферии империи. Вооруженная борьба вступила в свою завершающую стадию — стадию подавления национально-освободительного движения неханьских народов и религиозных меньшинств (1868–1877). После поражения тайпинов и няньцзюней они уже не представляли для цинского режима особой опасности. Главными очагами сопротивления были восстания народа мяо в Гуйчжоу, мусульманский султанат в Юньнани, дунганские повстанцы в Шэньси, Ганьсу и Цинхае, а также ханства в Синьцзяне, которые постепенно объединились в рамках государства «Йеттишар» («Семиградье»).

Восстание мяо в Гуйчжоу началось в 1855 г. Среди его лидеров наиболее авторитетным был поденщик Чжан Сюэмэй. Повстанцы, общая численность которых составляла несколько сот тысяч человек, громили цинских чиновников и китайских землевладельцев. Главные силы мяо укрепились в горных юго-восточных районах провинции. Многие отряды базировались также на западе и северо-западе Гуйчжоу. Им крайне мешала несогласованность действий местных лидеров. В северных областях провинции происходило восстание китайских крестьян под руководством секты «Постников» («Чжай») во главе с Ло Гуанмином и секты «Изображения [в пламени] светильника» («Дэнхуа»). На юго-западе с 1858 г. действовали мусульманские повстанцы («Восстание Белого знамени»). Отряды китай-

цев и мяо неоднократно, но безуспешно пытались овладеть Гуйяном — главным городом Гуйчжоу. Повстанцы мяо совершали походы в соседние провинции. С 1860 до 1868 г. мяо помогали тайпинскому войску, отделившемуся от главных сил Ши Дакая и сражавшемуся в Гуйчжоу. В 1865 г. на усмирение мяо были брошены сычуаньские и хунаньские войска, вооруженные иностранными ружьями и горной артиллерией. После ожесточенных боев хунаньскому генералу Си Баотяню удалось разбить повстанцев по частям. В 1872 г. погиб Чжан Сюэмэй. К 1873 г. длившееся 18 лет восстание было подавлено, после чего началось массовое истребление «мятежных варваров».

В 1856 г. в Юньнани вспыхнуло восстание мусульман, вызванное массовой резней последователей ислама, устроенной властями. Основной зоной восстания стала западная часть Юньнани. Лидером движения здесь выступил торговец и проповедник Ду Вэньсю. После создания в 1856 г. исламского «Государства Умиротворенного Юга» («Пин Нань го») со столицей в г. Дали Ду Вэньсю принял имя Сулейман и титул султана. В центральной, восточной и южной частях Юньнани утвердилась власть «главнокомандующего» Ма Жулун. Будучи против разжигания национальной и религиозной розни между людьми, хуэй не отгородились от повстанческих движений неханьских народностей, но ограничились борьбой в пределах одной провинции. Цинская власть сохранилась лишь в нескольких районах Юньнани и ее главном городе Куньмине. В 1857–1858 гг. повстанцы не раз осаждали Куньмин, но взять его не смогли.

Используя рознь среди мусульманских лидеров, цинские власти перетянули на свою сторону командиров многих отрядов. В 1862 г. в лагерь врага перешел Ма Жулун со своими войсками, за ним имам провинции Ма Дэсинь и другие вожди. Тем не менее в августе 1867 г. 100-тысячная армия под командованием полководцев «Пин Нань го» вновь двинулась на Куньмин, но в сентябре 1869 г. вынуждена была отступить. После этого начался период упадка султаната. Против хуэй было брошено более 200 тыс. солдат и ополченцев. В 1871 г. цинские войска подавили очаги сопротивления в восточных и южных районах Юньнани и перешли в наступление на султанат Сулеймана. В 1872 г. 70-тысячное войско жестокого карателя Ян Юйкэ осадило г. Дали. Чтобы спасти население столицы, Ду Вэньсю в декабре 1872 г. сдался прагу и принял яд. Хотя Дали капитулировал на условиях сохранения жизни его обитателей, Ян Юйкэ устроил здесь массовую резню безоружных мусульман, уничтожив более 30 тыс. человек. К июню 1873 г. остальные очаги сопротивления хуэй были подавлены.

В начале 60-х годов усилились волнения дунган в провинциях Шэньси, Ганьсу и Цинхай. Запрещение маньчжурами исламской секты «Новое учение» («Синьцзяо»), произвол чиновников в отношении мусульман, религиозная вражда между ханьцами-конфуцианцами и дунганями, введение новых налогов — все это резко обострило обстановку. В 1862 г. началось восстание дунган в области Сиань. Оно быстро охватило всю Шэньси и перекинулось в Ганьсу. Во главе движения встало духовенство секты

«Синьцзяо», объявившее «священную войну» против «неверных». Центрами восстания стали мечети, при них были созданы склады продовольствия и оружия, а также госпитали. Под знамя джихада встали и местные солдаты-мусульмане. Взрыв исламского фанатизма привел к китайско-дунганской резне. Она охватила десятки уездов, при этом погибло несколько сот тысяч конфуцианцев и последователей пророка Мухаммеда. Многие китайцы, спасая свои жизни, на время приняли ислам.

В Шэньси движение охватило в основном сельские районы, за оружие взялись главным образом крестьяне, тогда как дунганское купечество и землевладельцы сохраняли нейтралитет. Это позволило цинским войскам к концу 1864 г. разгромить повстанцев и вытеснить их в Ганьсу. С 1865 г. эта провинция становится главной ареной борьбы, охватившей не только сельскую местность, но и города. Здесь в нее включились мусульманское купечество и часть землевладельцев. На сторону повстанцев перешел ряд крупных чиновников-мусульман. Такого рода единый фронт и жесткая дисциплина секты «Синьцзяо» придали движению организованность. Во главе его встал главный ахун, богатый купец и крупный землевладелец Ма Хуалуна. Его базой стала крепость Цзиньцзи (Цзиньцзипу) в Нинся. Восстание перекинулось в новые районы, а в 1867 г. охватило Цинхай.

В конце 1868 г., когда объединенные силы тайпинов и няньцзюней были уничтожены, в Шэньси были направлены войска Цзо Цзунтана. Они состояли из солдат Сянской и Хуайской армий, имели богатый боевой опыт и современное вооружение. Начав в 1869 г. карательный поход в Шэньси, Цзо Цзунтан действовал с невероятной даже для маньчжуров жестокостью, поголовно уничтожая всех мусульман, массами бежавших в Ганьсу. Ожесточенные бои на границе этих провинций длились несколько месяцев. В них окреп и стал крупной боевой силой отряд Мухаммеда Люб Биянху — сына городского старосты. Среди дунганских лидеров Биянху был наиболее последовательным борцом против цинского господства.

В 1869 г. войска Цзо Цзунтана четырьмя колоннами двинулись в Ганьсу. Главный удар был нанесен в Нинся, где после ожесточенных боев цинские силы осадили крепость Цзиньцзи — ставку Ма Хуалуна. Цзо Цзунтан обещал сохранить жизнь защитникам ислама в случае их капитуляции. В феврале 1871 г. крепость была сдана. По приказу Цзо Цзунтана все сложившие оружие дунгане были уничтожены, за исключением Ма Хуалуна и его близких. Это поражение привело к расколу в рядах *хуэй* — начался массовый переход на сторону врага дунганских чиновников, купечества и землевладельцев в провинциях Ганьсу и Цинхай. Борьбу продолжили крестьяне и городские низы, сплотившиеся вокруг Биянху. Отступая с упорными боями на запад, они обороняли города и сдерживали наступление карателей. В 1873 г. после яростного штурма цинские войска овладели г. Сучжоу (Цзюцюань), учинив там массовую резню мусульман. К 1874 г. восстание было потоплено в крови. Отряды повстанцев отступили в Синьцзян. Туда в 1873 г. вместе с Биянху ушли десятки тысяч дунган.

Острое социальное недовольство и китайско-маньчжурский гнет резко обострили ситуацию в Синьцзяне. В 1857 г. в Кашгарии вспыхнуло восстание под руководством Валихан-тюря — племянника Джахангира. Оно было жестоко подавлено в августе 1858 г., причем многие повстанцы бежали в Коканд. Восстание дунган в Шэньси и Ганьсу в 1862 г. лишило цинские власти в Синьцзяне дотаций из казны наместничества Шэньгань. Местная бюрократия пыталась компенсировать эту потерю путем повышения налогов и незаконных изъятий. Все это привело население на грань всеобщего восстания.

В июне 1864 г. взбунтовались солдаты-дунгане гарнизона Кучара, а за ними поднялось и остальное население во главе с Рашидин-ходжой. Освободив четыре округа — Турфан, Комул (Хами), Аксу и Уш (Уш-Турфан), он установил здесь свою власть. Тем же летом в Урумчи возникло дунганское ханство во главе с Лотай-ханом. Вскоре он провозгласил себя султаном, а свое государство — Урумчинским султанатом. Войска Рашидина в октябре пытались завладеть Кашгаром, где перед этим успешно прошло восстание против завоевателей-маньчжуров. В Хотане власть перешла к мулле Хабиб-уллаху. В восставший Кашгар из Коканда в 1864 г. прибыл с отрядом Бузрук-ходжа — сын Джахангира. Радостно встреченный населением, он был избран главой Кашгарского ханства, включавшего в себя и Яркенд.

Против цинского господства поднялись почти все мусульманские народы Синьцзяна — уйгуры, дунгане, киргизы и таджики. Массы выступили на освободительную борьбу под религиозным знаменем ислама. Во главе движения встали духовные феодалы (*ходжи, имамы*) и простые муллы (*ахуны*). Борьба носила не только антиманьчжурскую, но и антикитайскую направленность. В 1867 г. восстало уйгурское население Илийского края, и здесь возник Таранчинский султанат. Таким образом, практически весь Синьцзян на 13 лет — до 1877 г. — сбросил маньчжурское иго. На территории бывшего цинского наместничества возникло пять небольших мусульманских государств. Такая феодальная раздробленность перед лицом цинской угрозы требовала скорейшего объединения. Создание единого государства происходило на базе наиболее сильного Кашгарского ханства. Им фактически руководил военачальник Мухаммед Якуб-бек — неграмотный таджик, выходец из низов, ставший выдающимся политическим деятелем.

Якуб-бек создал многочисленную армию, ее силами осуществил объединение Восточного Туркестана. Другие ханства, султанаты и эмираты были подчинены Кашгару, а новое уйгурское государство получило название Йеттишар. Якуб-бек был провозглашен ханом Йеттишара под именем Бадоулет. Его войска совершили два похода против дунганского Урумчинского султаната и в 1870–1872 гг. присоединили его территорию к Йеттишару. На сторону Якуб-бека перешел Биянху, в 1873 г. обосновавшийся в Урумчи, а также другие дунганские командиры и беженцы из Северо-Западного Китая. Якуб-бек провел ряд прогрессивных реформ. Он модернизировал свою 45-тысячную армию, упростил бюрократическую систему, сократил аппарат, резко уменьшил налоги, сборы и повинности с насе-

ния, отменил внутренние пошлины, упорядочил финансы. Правитель Йеттишара поощрял торговлю, строил караван-сарай, прокладывал новые каналы и иные оросительные системы, благодаря чему расширил пахотную площадь. Тем не менее созданный им режим был суровым и подчас жестоким. Когда же цинские войска с 1873 г. начали военные действия в Синьцзяне, многие позитивные начинания в Йеттишаре оказались перечеркнутыми из-за резкого роста военных расходов.

Для укрепления своего государства Якуб-бек стремился использовать противоречия между Россией и Англией, предлагая и той и другой свою службу. Петербург, развивая с Йеттишаром торговлю, не пошел на его дипломатическое признание. Англия пыталась использовать кашгарского хана против России, помогая ему до 1877 г. из Индии оружием и военными советниками. Такая же помощь оказывалась ему и со стороны Турции. Чтобы предотвратить захват Якуб-беком Таранчинского султаната и не допустить английского влияния в Средней Азии, русские войска в 1871 г. оккупировали Илийский (Кульджинский) край и ликвидировали здешнее уйгурское государство.

Тем временем в Пекине вновь разгорелась борьба за власть. В феврале 1873 г. Цыси была вынуждена официально передать руководство страной своему сыну — Цзайчуню, но сохранила за собой реальное управление империей. В январе 1875 г. больной богдохан умер. В нарушение всех правил престолонаследия она возвела на «драконовый трон» своего трехлетнего племянника Цзайтяня с девизом правления Гуансюй («Блестящее Наследие», 1875–1908). Началось второе (после 1861–1873 гг.) регентство Цыси (1875–1889), благодаря которому она удерживала в своих руках всю полноту власти.

Вновь осложнилось международное положение Цинской империи. В 1872 г. молодой капиталистический хищник — Япония подчинила себе островное королевство Люцю (Рюкю) — «данника» Пекина и одновременно вассала Токио. Вслед за этим в 1874 г. японское правительство при помощи США высадило на юг Тайваня 3-тысячный экспедиционный корпус во главе с Сайго Цугумити. Попытка воинственных самураев захватить Тайвань сорвалась, но Китай при посредничестве английской дипломатии был вынужден выплатить Токио денежную компенсацию более 1 млн. лянов. На юге Франция продолжала подчинение себе другого «данника» Китая — Аннама. В 1873 г. ее военная экспедиция пыталась установить протекторат Парижа над Северным Вьетнамом (Бакки, Тонкин). В следующем году королю Аннама был навязан договор, ставивший его внешнюю политику под французский контроль и фактически провозглашавший «независимость» Аннама от цинского императора. Это был очередной удар по системе «Китай — данники».

В 1874 г. из Северной Бирмы в западную часть Юньнани двинулась крупная военная экспедиция англичан. Но, встретив в пограничном районе вооруженное сопротивление, она была вынуждена повернуть назад. Тогда Англия, пригрозив Китаю войной, заставила Пекин в сентябре

1876 г. подписать в Яньтае (Чифу) так называемую Чифускую конвенцию. Она отменяла обложение иностранных товаров *лицзинем*, вводила для дипломатов европейские права и привилегии, а также создавала в «открытых» портах смешанные китайско-иностранные суды. Для западной торговли открывались еще четыре порта — Ичан, Уху, Вэньчжоу и Бэйхай. Устанавливались шесть якорных стоянок на Янцзы, и разрешалась пограничная торговля из Бирмы с Юньнанью. Пекин выплатил контрибуцию и пошел еще на ряд уступок. Так без ведения очередной торговой войны Англия, а за ней и остальные державы добились резкого расширения своих позиций в Китае. Чифуская конвенция стала очередным этапом на пути превращения страны в полуколонию.

Цинскому режиму оставалось покончить с последним очагом антиманьчжурского сопротивления — с государством Йеттишар. В 1875 г. наместник Шэньганя и чрезвычайный эмиссар по делам Синьцзяна Цзо Цзунтан после двухлетней подготовки двинул свое 70-тысячное войско на покорение Джунгарии. Поскольку он умело поддерживал в Якуб-беке надежду на договор с Пекином об автономии Кашгарии в рамках Цинской империи, Джунгария была отдана ему почти без боя. После этого в середине апреля 1877 г. он внезапно бросил против Йеттишара 180 батальонов хорошо вооруженных войск под командованием Лю Цзуньтана. Несмотря на помощь отрядов Биянху и других командиров-дунган, войска Якуб-бека терпели поражения. В мае 1877 г. он был отравлен. Йеттишар распался на три враждовавших между собой владения. Войска Лю Цзуньтана овладели Кашгаром, Яркендом и Хотаном. В декабре 1877 г. вся Кашгария была покорена. Каратели казнили тысячи мусульман и десятки тысяч бросили в темницы. Биянху с отрядами дунган нашел убежище в русских владениях. Власть династии Цин над Синьцзяном, кроме Илийского края, была восстановлена.

С падением Йеттишара в истории Китая завершилась последняя стадия очередного социально-демографического, экономического и династийного цикла (последняя четверть XVII — третья четверть XIX в.), из которого Цинская империя вышла в состоянии тяжелейшей послевоенной разрухи.

Часть вторая

ПЕРЕХОДНОЕ ОБЩЕСТВО

ТАЙПИНСКИЙ ЦИКЛ

Цинская империя в 70–90-х годах XIX в.
Японо-китайская война
и движение ихэтуаней

В середине 70-х годов завершился Цинский цикл эволюции китайского социума (последняя четверть XVII — третья четверть XIX в.). Выйдя из его последней стадии (фаза катастрофы), Цинская империя вступила в первую стадию (фаза восстановления) очередного нового цикла. Для этой фазы были характерны два основных слагаемых. Во-первых, краткая полоса гражданского мира и внутреннего спокойствия — вся последняя четверть XIX в. практически прошла без крупных восстаний. Во-вторых, глубокая послевоенная хозяйственная разруха, превратившая Китай в «больного человека» Азии. Гражданская война 1850–1877 гг. из-за своих гигантских масштабов привела к уничтожению многих миллионов крестьян, ремесленников, наемных работников и торговцев. Произошло массовое разрушение средств производства. Множество полей оказались заброшенными, системы орошения пришли в негодность, морские и речные дамбы разрушались. Гигантская катастрофа 1855 г., вызванная переменой русла Хуанхэ, привела к нарушению всей оросительной системы от Кайфэна до Желтого моря. В результате много пахотных земель превратилось в пустоши и болота. К тем же последствиям вело прогрессирующее разрушение дренажной системы в бассейне оз. Тайху. В период военных действий 50–70-х годов была заброшена значительная часть ранее возделанных земель. Площадь земельных угодий Китая в 1874 г., т.е. через 6 лет после окончания крестьянских войн, находилась на уровне 1831 г. Резко сократились и налоговые сборы. Так, натуральные поступления от поземельного налога в том же 1874 г. были почти вдвое меньше, чем в середине XVIII в.

В зоне военных действий особенно пострадали города. Множество уездных и окружных центров, областных городов, в первую очередь в наиболее развитых восточных и центральных провинциях, были частично или полностью разрушены. Десятки городов юга Цзянсу, севера пров. Чжэцзян и южной части пров. Аньхуэй лежали в руинах. Сянская (Хуаньская) армия дотла разорила Нанкин, от него осталась лишь городская стена. Такие торгово-ремесленные центры, как Сучжоу и Хан-

чжоу, были опустошены и частично разрушены. Погибли или просто прекратили свое существование тысячи мастерских и мануфактур, в том числе знаменитые шелковые предприятия в Цзянсу и фарфоровые в Цзянси. Разрыв хозяйственных связей города и деревни обусловил упадок товарного производства и временную натурализацию экономики. Резкое сокращение внутренней торговли привело к массовому изъятию капитала из сферы обращения. В ходе военных действий, грабежей и реквизиций огромный урон понесла торгово-ростовщическая среда. Разруха царила и на транспорте. В городах было разрушено много мостов. На Янцзы, Хуанхэ и Великом канале были уничтожены паромы, потоплена масса речных и морских джонок. Дороги размывались и зарастали кустарниками. К концу 60-х годов XIX в. наиболее разоренными оказались юг Цзянсу, север пров. Чжэцзян, Аньхуэй, север Цзянси и восточная часть пров. Хубэй. На севере Китая особенно пострадали юго-восток Хэнаня, юг Чжили и западные районы пров. Шаньдун. Разорение этих районов было следствием многолетних военных действий и особенно результатом резни, поджогов и грабежей, творившихся цинскими войсками, провинциальными армиями, в первую очередь Сянской и Хуайской, а также китайско-иностранными формированиями в приморских районах. Кроме того, в провинциях Чжэцзян, Аньхуэй и в ряде других районов наступил массовый голод. В результате население юга Цзянсу по сравнению с предтайпинским периодом сократилось втрое, а в ряде областей Чжэцзяна — на 70%. В последний период борьбы с тайпинами в Чжэцзяне погибло более 3 млн. человек, главным образом от голода, вызванного разрухой и военными действиями. В целом же за период 1851–1868 гг. в зоне Тайпин Тяньго от карательных операций цинских войск и иных бедствий погибло около 20 млн. человек.

Крайне пострадали регионы расселения национальных и религиозных меньшинств. В Гуйчжоу, например, от миллионного населения *мяо* осталось всего несколько десятков тысяч. По разным подсчетам, здесь погибло от 2 до 4 млн. жителей. Столь же опустошена и обескровлена была Юньнань, где число погибших приближалось к 4,5 млн.; почти половина мусульманского населения — около 0,3 млн. было вырезано. В Шаньси было истреблено или погибло от голода и эпидемий свыше 90% дунган. Страшным ударом для Северного Китая явился голод 1876–1879 гг. Из-за отсутствия дождей в провинциях Шаньси, Шэньси, Чжили, Хэнань и Шаньдун четыре года подряд выгорали хлеба. Массовый голод сопровождался эпидемиями, обочины дорог были усеяны трупами. Всего в ходе этой катастрофы погибло от 9 млн. до 13 млн. человек. В итоге полоса крестьянских войн и национальных восстаний 50–70-х годов, а также стихийные катастрофы сократили население Цинской империи с 1851 по 1882 г. примерно на 50 млн. человек (с 431 млн. до 381 млн.).

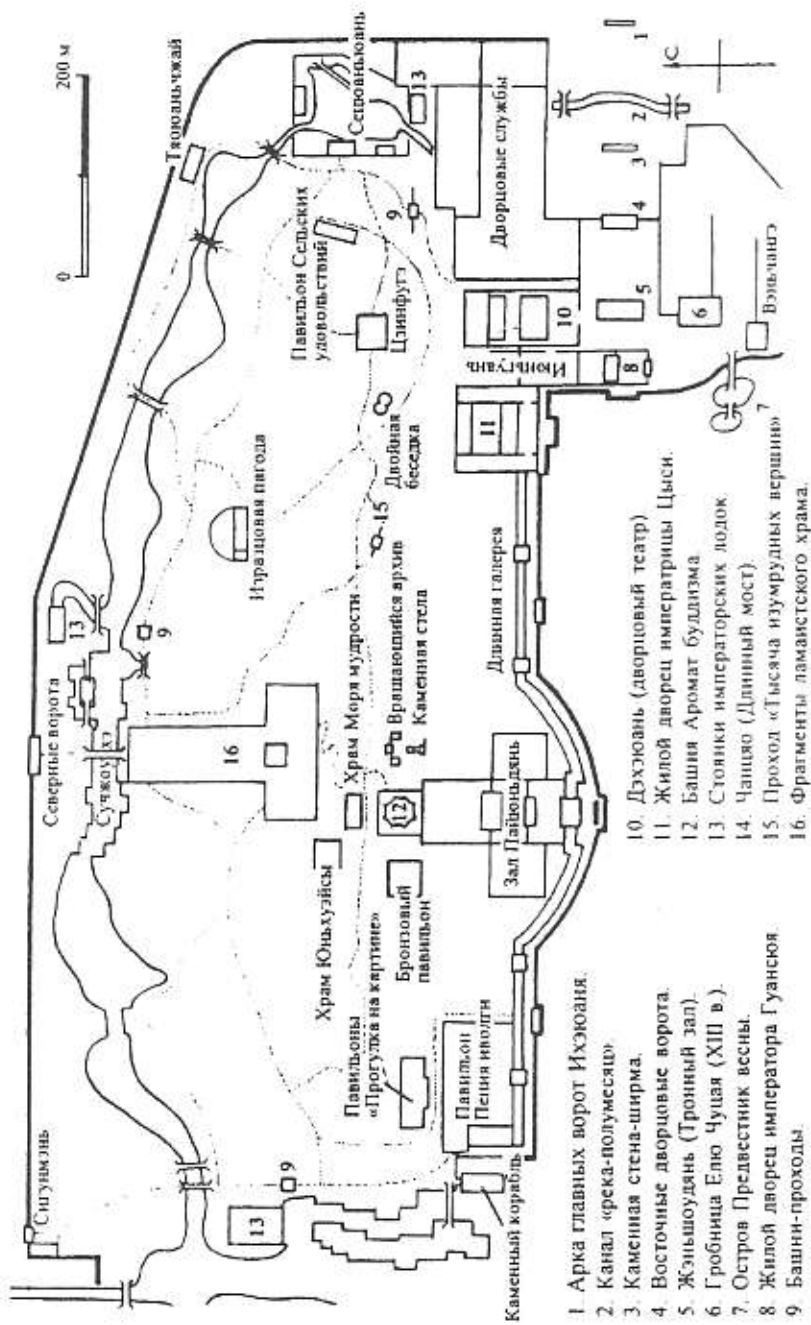
Экономические трудности осложнялись утечкой из Китая серебра, шедшего на оплату импортного опиума. Лишь с 70-х годов эти потери

стали снижаться за счет растущего производства опиума в самом Китае. Восстановление экономики и выход из послевоенной разрухи тормозила разросшаяся таможенная паутина, опутавшая все провинции. К концу XIX в. по всей стране действовало свыше 11 тыс. бюро, их отделений и застав по сбору внутренних таможенных пошлин (*лицзинь* и *чангуаньшуй*). Разорение шести богатейших провинций нижнего течения Янцзы вынудило правительство снизить для них годовую норму поземельных налогов на 10 млн. лянгов. Власти практиковали бесплатную или за одну треть урожая раздачу крестьянам пустующих земель и давали им на первое время налоговые послабления. В результате этого в районах нижнего течения Янцзы несколько укрепилось крестьянское землевладение, а также наиболее выгодная для держателей земли «вечная» аренда (*юньдянь*).

С конца 60-х — начала 70-х годов началось медленное восстановление экономики — земледелия, ремесла, мануфактур, торговли и транспорта. Выход из послевоенной разрухи оказался крайне трудным. Городская и сельская экономика лишь к 80–90-м годам ликвидировала наиболее страшные разрушения военных лет, но общие итоги были неутешительными. Так, за 1873–1893 гг. обрабатываемые площади в целом по стране, не считая Маньчжурии, почти не увеличились. Более того, наблюдалось падение урожайности зерновых, т.е. снижение производительности труда, как в «рисовом», так и в «пшеничном поясе» Китая. Тем не менее тяжелый демографический прессинг на пахотную площадь страны был снят. Даже в 1897 г. население 18 собственно китайских провинций оставалось почти на 30 млн. человек меньше, нежели в 1850 г. Стремясь разрядить обстановку в Северном Китае в связи с массовым голодом 1876–1879 гг., а также увеличить число налогоплательщиков и укрепить свои позиции в Маньчжурии, Пекин в 1878 г. разрешил переселенцам покупать здесь землю. Для регулирования этого потока в 1880 г. было создано Колонизационное бюро. В результате к концу XIX в. по сравнению с его серединой население края увеличилось на 10 млн. человек.

Еще не до конца восстановив экономику после страшной послевоенной разрухи 60–80-х годов, Цинская империя вступила в новую стадию деградации бюрократического аппарата. Столь быстрый возврат застарелой болезни объяснялся тем, что в фазе катастрофы предшествовавшего исторического цикла не была свергнута старая династия, а с ее сохранением не произошла и существенная смена бюрократии, т.е. массовое обновление правящей и управляющей элит. По этой причине цинская бюрократия быстро вернулась к состоянию циклического кризиса конца XVIII — первой половины XIX в. Возобновились старые беды — завышенные налоговых ставок, расхищение фискальных сумм, сокращение доли, отсылаемой в Пекин, злоупотребления при сборе налогов. Уже в 80-е годы цинское чиновничество преспокойно вернулось в свою любимую стихию: разбухание штатов, взяточничество, беспорядок, невыполнение приказов из Пекина и налоговые недоимки провинций нарастали с каждым

Летний императорский дворец и парк Ихэюань

1. Арка главных ворот Ихэюаня.
2. Канал «река-полумесяц».
3. Каменная стена-ширма.
4. Восточные дворцовые ворота.
5. Жэньшоудянь (Тронный зал).
6. Гробница Елю Чуэя (XIII в.).
7. Остров Предвестник весны.
8. Жилый дворец императора Гуансюя.
9. Башни-проходы.
10. Дэжюэань (дворцовый театр).
11. Жилый дворец императрицы Цыси.
12. Башня Аромат буддизма.
13. Столбики императорских лодок.
14. Чащоба (Длинный мост).
15. Проход «Тысяча изумрудных вершин».
16. Фрагменты ламанского храма.

годом. Так, Налоговое ведомство (Хубу) считало, что уже в середине 80-х годов местное чиновничество в целом ежегодно утаивало более 10 млн. лянгов налогового серебра. Дабы восполнить этот дефицит, центральная казна вновь сделала ставку на дополнительные сборы и надбавки к основному налогу.

С завершением Цинского цикла в Китае сохранилась не только старая господствующая элита, но и прежняя династия Цин. С 1875 г. продолжалось второе (после 1861–1873 гг.) регентство вдовствующей императрицы Цыси, когда она 14 лет подряд — вплоть до 1889 г. — правила Цинской империей. К Цыси стекались несметные богатства — масса золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней. Для себя она строила новый летний дворец и парк, ибо не пожелала восстановить Юаньминъюань, разрушенный и сожженный англичанами и французами в октябре 1860 г. На новый дворцовый ансамбль Ихэюань из казны шли огромные средства. При Цыси состояло свыше 3 тыс. евнухов и до 10 тыс. служанок. В ее окружении огромным влиянием пользовался главный евнух Ли Ляньин, обладатель громадного состояния. Он и его подручные добывали для Цыси дополнительные средства, торгуя должностями, чинами, званиями и иными отличиями. Ее неслыханная страсть к роскоши привела к тому, что накануне войны с Францией (1884–1885) на строительство летнего дворца Ихэюань и гигантского парка вокруг него пошла даже часть ассигнований, предназначенных на закупку боевых кораблей за границей. Цыси цепко держала власть в своих руках. Однако с конца 70-х — начала 80-х годов вновь стали набирать силу великий князь Гун и его сторонники в Цзюньцзичу (Военный совет) и Цзунли ямэне. В преддверии очередной схватки за власть Цыси в 1881 г. отравила свою соправительницу — императрицу Цыань, дабы та не стала орудием в руках ее противников.

Политика «самоусиления»

Продолжение циклической эволюции в ее ухудшенном варианте сопровождалось нараставшим воздействием внешнего фактора — мирового капиталистического рынка и агрессии западных держав. «Ответом» на этот исторический «вызов» послужила первая фаза реформ в Китае, известная как политика «самоусиления». Ее важным слагаемым стала «ре-китаизация» государственного аппарата, т.е. выдвижение на ключевые посты в администрации наиболее влиятельных и способных лидеров из числа китайских шэньши и землевладельцев. Побудительным мотивом политики «самоусиления» служила необходимость иметь современную военную технику для подавления народных восстаний, а также для защиты целостности и суверенитета Цинской империи от посягательства «заморских варваров». По мнению китайских «западников», сторонников «усвоения заморских дел», путь к могуществу Китая лежал через заимствование у Запада военной и иной техники. Речь шла о прагматическом

использовании реальных достижений капиталистического Запада, а не об усвоении идеалов буржуазного общества. Иными словами, пушки могли быть западными, а идеология — традиционной китайской.

Во главу угла лидеры «самоусиления» по-прежнему ставили модернизацию армии и флота путем оснащения их иностранным оружием и техникой. Все их помыслы сводились к подготовке войск, обучению их по западной методике и перевооружению на европейский лад. Большое внимание уделялось собственному производству современных орудий, винтовок, боеприпасов и пароходов, а также закупке машинного оборудования из стран Запада. Продолжалось строительство казенных военных предприятий, а также фабрик для снабжения войск амуницией. Экономической стороной политики «самоусиления» являлся курс на «достижение богатства» (*цзыфу, чжифу*). Он предполагал резкое расширение роли казенного сектора в промышленности, торговле и транспорте. Это должно было, с одной стороны, уменьшить влияние иностранцев, а с другой — поставить развитие китайского капитала под контроль государства, дав последнему возможность использовать в своих целях частные инвестиции. Эти инвестиции привлекались в смешанные казенно-частные предприятия вне военной промышленности. Инициаторами их создания являлись крупные сановники, такие, как Ли Хунчжан и Чжан Чжидун. Их акционерами или пайщиками выступали чиновники, шэньши, комрадоры, крупные землевладельцы и купцы. Эти предприятия, сохранявшие сильное влияние казенного начала, делились на две категории. Первая — *гуаньду шанбань* («казенный контроль и предпринимательство торговцев») — отличалась полным произволом власти. Вторая — *гуаньшан хэбань* («совместное предпринимательство казны и торговцев») — характеризовалась меньшей зависимостью от бюрократии. Благодаря опеке Ли Хунчжана набирала силу «Китайская коммерческая пароходная компания», получившая специальные льготы и привилегии. Для снабжения ее топливом при поддержке Ли Хунчжана в 1877–1878 гг. была организована «Кайпинская угольная компания», ставшая впоследствии крупнейшим угольным предприятием Китая. Затем эта компания построила железную дорогу от Кайпина до Дагу.

Продолжалась подготовка специальных кадров для нужд политики «самоусиления». Всего с 1862 по 1898 г. было основано 17 учебных заведений нового типа, где стала формироваться современная разночинная интеллигенция. С помощью миссионеров осуществлялся перевод на китайский язык иностранных книг по естественным и общественным наукам. С 70-х годов в Шанхае и Гуанчжоу начали издаваться первые иностранные, а затем и китайские частные газеты. Политика «самоусиления», являясь самой ранней стадией реформ в Китае, проводилась довольно консервативными кругами, далекими от идеи прогресса. Тем не менее объективно она была прогрессивной для тогдашнего Китая. Курс на «усвоение заморских дел» создал первые очаги крупного промышленного производ-

ства, положил начало модернизации вооруженных сил, подготовил дополнительные условия для экономического развития, социальной эволюции и обновления общественно-политической мысли передовых кругов шэньши и интеллигенции.

Реформаторское движение с большим трудом пробивало себе дорогу в традиционном обществе.

Политика «самоусиления» вызывала ненависть и страх у традиционалистски настроенной массы населения. За «усвоение заморских дел» выступали, как правило, чиновники, шэньши и крупные землевладельцы, получавшие прямые выгоды и доходы от контактов с Западом и частичных реформ. Те же из них, кто таких выгод не имел и понес прямые убытки после «открытия» Китая, стали опорой движения контрреформ. Позиции сторонников старины были особенно сильны в Центральном Китае, прежде всего в Хунани. Эта провинция понесла наибольший ущерб от перемещения торговых путей и центра внешней коммерции из Гуанчжоу в Шанхай.

Для борьбы с нововведениями ультраконсервативное крыло бюрократии и шэньши с 70-х годов XIX в. воспользовалось системой *яньлу* («дорога суждений»), которая разрешала чиновникам от первого до четвертого класса включительно непосредственно направлять свои меморандумы на имя императора. Бюрократия с пятого класса и ниже могла выражать свое мнение только через высших сановников. В 70-х — начале 80-х годов эту практику широко применяли представители движения *цинъи* («чистое мнение»). Выступая против строительства железных дорог, телеграфа и современных школ, они требовали прекращения дипломатических сношений с «заморскими варварами» и максимально допустимого возврата к «доопиумному» традиционному состоянию Китая. В этом реакционном движении с середины 70-х годов лидировала группа столичных сановников — уроженцев Чжили во главе с Чжан Чжидунем. К «чистому мнению» весьма прислушивались и правящие верхи, в том числе реакционная маньчжурская аристократия. Идеологической основой *цинъи* служило традиционное убеждение в превосходстве китайской культуры и конфуцианства прежде всего над техническими достижениями «варваров» Запада. Сторонники движения считали, что «западная наука» есть лишь заимствование и последующее развитие открытий, в свое время сделанных в Китае. Они выступали против «варварских ремесел», против преподавания точных наук, против приглашения в Китай преподавателей из Европы и отправки китайских юношей на учебу в «варварские страны». С порога отменялись и любые изменения в бюрократической системе империи.

Движению *цинъи* способствовала внутренняя политика династии Цин, проводившаяся после подавления народных движений 50–70-х годов: восстановление системы круговой поруки (*баоцзя*) и идеологического контроля (*сяньъюэ*), а также конфуцианской цензуры. Большое значение имело также усиление в 60–90-х годах роли Тунчэнской школы конфуцианства с ее центром — привилегированной академией в г. Тунчэн на севере

пров. Аньхуэй. Последняя служила «кузницей» верноподданных и консервативных кадров шэньши и чиновников. Гунчэнцы яростно боролись против малейших отклонений от средневековой доктрины Чжу Си. Между политиками «самоусиления» и последователями «чистого мнения» не было непроходимой границы, их судьба определялась прежде всего самой Цыси. Стремясь уравновесить влияние сторон, она разжигала борьбу между ними, укрепляя тем самым собственную власть. До середины 60-х годов Цыси умело использовала «чистое мнение» для ослабления лидеров «самоусиления», среди которых был самый опасный для нее претендент на руководящую роль — великий князь Гун.

Аналогичную позицию занимала Цыси и по отношению к противоборствующим Аньхуэйской и Хунаньской группировкам. Обе они обладали по сути собственными армиями, игравшими особую роль в общем балансе вооруженных сил Цинской империи. Что касается последних, то в ходе трех торговых («опиумных») войн и гражданской войны 50–70-х годов в них произошли значительные перемены. Так, «восьмизнаменные» войска уже не годились для боевых действий и использовались в основном для парадов, охраны Пекина и гарнизонной службы в городах. Резко сократился контингент «войск зеленого знамени» (*люйин*) старого «доопиумного» типа. Они все более заменялись частями, вооруженными и обученными по европейскому образцу (*лянцзюнь*). Цинское правительство через Военное ведомство (Бинбу) сохранило реальный контроль лишь над старыми «восьмизнаменными» и «зеленознаменными» войсками. Войска же, вооруженные и обученные по-современному, находились под командованием лидеров Аньхуэйской и Хунаньской группировок. Под прямым или косвенным контролем этих лидеров оставались самые крупные и важные арсеналы, пороховые заводы и верфи.

Важную роль в этом плане играл Ли Хунчжан — глава Аньхуэйской группировки. Он решал важнейшие вопросы вооружения и снабжения армии и флота, прежде всего закупки оружия, боеприпасов, техники и снаряжения. Так, по инициативе Ли Хунчжана с середины 70-х годов стали выполняться заказы на постройку в Европе броненосцев и других военных судов. Это служило источником баснословного обогащения самого Ли Хунчжана, его окружения, китайских компрадоров и особенно иностранных фирм и европейских дельцов — торговцев оружием. Охотясь за выгодными заказами на вооружение и за оборонными поставками, они постоянно толпились вокруг Ли Хунчжана в его ставке в Тяньцзине. В этом им активно помогали иностранные экономические и военные советники Ли Хунчжана, а также инструкторы — немцы в армии и англичане на флоте. Они же вместе с французами контролировали военные и военно-морские училища. Вокруг Ли Хунчжана сложилась своеобразная «империя» из современных смешанных предприятий типа *гуаньду шанбань*, созданных им самим или людьми из его окружения. Сам он всячески укреплял эту «империю» — за счет привлечения государственных средств

и частных капиталов, предоставления им монопольных прав, налоговых послаблений и казенных дотаций.

Будучи наместником Чжили, Ли Хунчжан сконцентрировал в своих руках огромную власть. Его сорокатысячная Хуайская (Аньхуэйская) армия контролировала столичную провинцию. В ведении Ли Хунчжана находилась оборона и внешняя торговля Северного Китая и Маньчжурии, в том числе Тяньцзиньский арсенал и создававшаяся Северная (Бэйянская) эскадра современного военно-морского флота. Он решал наиболее крупные внешнеполитические вопросы и продолжал контролировать ряд крупных арсеналов и военных заводов в Цзянсу. В итоге к середине 80-х годов вооруженные силы Северного Китая, прежде всего Хуайская армия и Бэйянский флот, оказались оснащенными намного лучше, нежели Сянская армия и Наньянский флот с Фуцзяньской эскадрой. Это, в свою очередь, обострило вражду между «хунаньцами» и «аньхуэйцами».

Ли Хунчжан был кумиром шэньши и крупных землевладельцев Северного Китая. Он служил ключевым звеном, обеспечивающим шаткое равновесие и временное примирение Китая и западных держав. Для последних Ли Хунчжан являлся наиболее приемлемым китайским политиком. Кроме того, Ли Хунчжан никоим образом не покушался на абсолютную власть Цыси, был нужен и полезен ей. Маньчжуры ценили Ли Хунчжана за его заслуги, преданность династии и умение вести дела с «заморскими варварами». В этой сфере Ли Хунчжан практически заслонил собой Цзунли ямэнь. На все доступные его влиянию военные посты он расставил свою креатуру. Чрезмерная власть Ли Хунчжана стала тревожить цинский двор. Цыси поспешила поддержать Цзо Цзунтуна и его Хунаньскую группировку. Если Аньхуэйская группировка в большей мере была связана с политикой и практикой «самоусиления», то Хунаньская группировка — с движением *цинги*. Боясь чрезмерного усиления обеих группировок, Цыси умело разжигала вражду между ними.

Лидеры обеих военно-бюрократических группировок установили тесные связи с китайцами — компрадорами иностранных фирм, а через них и с самими западными компаниями. С их помощью производились за рубежом закупки иностранных вооружений и пароходов, военных судов, поставлялись машины, оборудование и сырье для арсеналов и заводов, создавались смешанные предприятия типа *гуаньду шанбань* и *гуаньшан хэбань*. Стремясь всемерно усилить свои войска, Аньхуэйская и Хунаньская группировки боролись друг с другом за контроль над существующими предприятиями, а также строили новые промышленные объекты такого рода. Рост влияния группировки и расширение зоны ее территориального контроля увеличивали возможности для сбора налогов, из которых и финансировались провинциальные войска. Все это свидетельствовало о начале скрытого распада единого государства на вотчины военно-бюрократических группировок. Воспользовавшись этим, западные державы стали устанавливать особые отношения с их лидерами, минуя центральную власть в Пе-

кине, что еще более ослабило маньчжурский режим перед лицом внешней экспансии. Цинская империя все еще выступала в своей старой роли, т.е. как лидер традиционной международной системы «Поднебесная — данники». Вместе с тем стране уже была навязана новая функция, т.е. эксплуатируемого компонента новой мировой системы «метрополи-колонии-полуколонии». Цинская империя постепенно становилась полуколонией капиталистических стран, теряя свою государственную самостоятельность, превращаясь в объект их эксплуатации. В то же время она продолжала цепляться за свои «права» в отношении Кореи, Вьетнама и других «государств-данников» в Восточной и Юго-Восточной Азии, где Китай все еще играл роль «гегемона».

Пекин стремился хотя бы формально включить в их число и «заморских варваров», т.е. Англию, Францию, США и другие страны. Тем самым императоры пытались «спасти лицо», поддержать престиж династии, ибо для китайцев XIX в. приношение «дани двору» символизировало признание верховной власти Сына Неба над данной страной. Неравноправные договоры 1842–1844, 1858, 1860 гг. и Чифуская конвенция 1876 г. воспринимались в Пекине как политика *цзими* — «сдерживания» или «сковывания варваров» с помощью уступок на путях их приобщения к китайской культуре. Принцип распространения права наибольшего благоприятствования на любую пожелавшую того западную державу в Пекине трактовали как древнюю китайскую практику «одинакового обращения со всеми варварами», «равного к ним сострадания» со стороны императора или «умиротворения варваров». Уступки одной державе, например Англии, воспринимались как традиционная доктрина «использования одних варваров для обуздания других» (*и и чжи и*). Заключение неравноправного договора с западной державой рассматривалось как «покорность» с ее стороны, как возможность «держать ее под контролем» и «получать благодарность варваров». Европейские послы долгое время воспринимались как «носители дани», посланцы «диких» стран, находившихся на низшей ступени цивилизации. Нападение Англии и Франции на Китай расценивалось в Пекине как «бунт варваров», забывших о почтительности к Сыну Неба. Их надлежало «усмирить» или «наказать». Цинские императоры не воевали с ними как с равными, а лишь «усмиряли». Богдоханы считали ниже своего достоинства отвечать на послание глав европейских государств. В 1873 г. была официально отменена унижительная процедура *саньгуй цзюкоу* для западных дипломатов. Однако послы держав в Пекине аккредитовывались не при главе государства, т.е. как представители равных Китаю стран, а как посланцы «стран-данников». До 1873 г. им не разрешалось вручать верительные грамоты.

Агрессия буржуазного Запада воспринималась конфуцианской средой как грубое насилие лишенных этических норм варваров над «Центром Вселенной», оплотом моральных ценностей высшего порядка, что усиливало антиинострannое движение. После тяньцзиньских событий 1870 г.

наступил резкий спад антимиссионерских выступлений. На смену им пришли «экономические» движения: бойкот импортных тканей в бассейне Янцзы в 70-е годы, разрушение китайских и иностранных фабрик в конце 60 — начале 80-х годов, борьба против строительства первой железной дороги под Шанхаем в 1875–1877 гг. и телеграфа. В этих движениях сливались шэньшиский патриотизм, цехо-гильдейские бойкоты и луддитские выступления ремесленников и транспортных рабочих.

Антииностранные выступления низов находили понимание и сочувствие в верхах общества. Чтобы избежать новой войны с державами и модернизировать свои вооруженные силы, Ли Хунчжан и Цзунли ямэнь были вынуждены проводить гибкую политику в отношении «варваров». Несмотря на совместные боевые действия против повстанцев в Китае 1861–1867 гг., устойчивого союза между династией Цин и державами не получилось. Для правителей Китая «заморские варвары» оставались явным злом. Они несли с собой войны, контрибуции, требовали все новых уступок, разлагали устои конфуцианской системы, разрушали престиж Поднебесной империи в глазах ее «данников», отрывали их от Пекина, подвергали унижениям самого Сына Неба. Цинской верхушке приходилось терпеть все это и идти на новые уступки. Ли Хунчжан пытался сохранить прежние позиции Цинской империи, используя противоречия между западными державами. Умный и прозорливый политик, ловкий царедворец, стяжатель и властолюбец, Ли Хунчжан был мастером компромисса и хитрым дипломатом. Почти четверть века — с начала 70-х до середины 90-х годов — он фактически направлял, правда под неусыпным контролем Цыси и маньчжурских князей, внутреннюю и внешнюю политику Китая. Всеми силами Ли Хунчжан стремился отодвинуть крах исторически обреченного архаического цинского режима, замедлить превращение Китая в полуколонию. Маневрируя и оттягивая неизбежные уступки державам, он пытался всячески избежать открытого столкновения с ними.

Тем не менее после разгрома тайпинов и няньцзюней главным препятствием на пути Запада к китайскому рынку оставался цинский режим — архаичный, коррумпированный, консервативный и ксенофобный. Иностранцы презирали этот прогнивший режим и готовились к нанесению новых ударов по «маньчжурскому дракону». Династия Цин по-прежнему как могла сдерживала экспансию западного капитала в Китае. Она запрещала иностранную навигацию по внутренним рекам и каналам, отказывалась отменить *лицзинь*, не разрешала строить здесь хлопчатобумажные фабрики, создавать вне иностранных концессий и сэтльментов в «открытых» портах промышленные предприятия, открывать шахты и рудники, прокладывать железные дороги. С начала 80-х годов иностранный дипкорпус начал давление на цинское правительство, добиваясь отмены этих запретов. Однако главной задачей держав была ликвидация системы «Китай–данники» и завоевание последних. Англия планировала аннексию Верхней Бирмы, Япония — Кореи, Франция — Вьетнама. Цар-

ская Россия намеревалась оставить за собой часть Илийского (Кульджийского) края — его западный район, долину р. Текес и перевал Муз-Арт.

Еще в 1871 г. Петербург уведомил Пекин о своем обязательстве вернуть Илийский край Китаю после нормализации положения в Синьцзяне. Для возвращения края в Россию в 1879 г. был послан сановник Чунхоу. Узнав о скором приходе цинских войск, население края, т.е. уйгуры-таранчи (казенные землепашцы) и дунгане, боясь массовых расправ, просили русские войска не отдавать их на суд карателей. По Ливадийскому договору 1879 г. Россия получила указанные выше ценные приращения к своим владениям в Средней Азии. В Пекине это вызвало взрыв негодования и отказ ратифицировать договор. Так возник Илийский кризис 1879–1881 гг. Этим воспользовалась Хунаньская группировка. Ее лидер, Цзо Цзунтан, с 1876 г. ратовавший за «поход в Россию», т.е. за вторжение в Среднюю Азию, начал демонстративно готовить к войне свою 70-тысячную армию, дислоцированную в Джунгарии и Кашгарии. Пользуясь поддержкой шэньшиских кругов Хунани, Цзо Цзунтан намеревался создать в этой провинции еще 200-тысячную армию и выбить русских из Средней Азии, а далее захватить Петербург. Дабы запугать царское правительство, в Пекине поощряли Цзо Цзунтана. Однако этому курсу всемерно противились Ли Хунчжан и Аньхуэйская группировка. Англия, стремившаяся втравить Китай в войну с северным соседом, всячески раздувала Илийский кризис. Британская «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн» предоставила Пекину заём на нужды армии Цзо Цзунтана. Дизраэли предложил направить в Китай большую группу военных советников во главе с Ч.Гордоном. В Петербурге крайне не хотели войны, но были вынуждены принять ответные меры. Александр II усилил русские войска в Средней Азии и на Дальнем Востоке, а к берегам Китая двинул эскадру адмирала С.С.Лессовского. Тем временем в Пекине осознали невыгодность этой войны, грозившей резко усилить позиции Англии, а с ней и других держав в Китае.

В Россию для переговоров был направлен один из лидеров Хунаньской группировки, Цзэн Цзицзэ. Пустая казна после войны с Турцией 1877–1878 гг. и революционная ситуация в России 1879–1881 гг. в свою очередь побудили Александра II к поиску компромиссов. В феврале 1881 г. в Петербурге был подписан новый русско-китайский договор. Царское правительство, отказавшееся от основных территориальных претензий, взамен получило большую денежную компенсацию (9 млн. рублей), а также резко расширило права и возможности русской торговли в Синьцзяне, Северо-Западном Китае и Монголии. Повстанцам-уйгурам, дунганам и другим народам объявлялась амнистия и право переселиться на территории Российской империи. По условиям Петербургского договора 1881 г. Россия вернула Китаю Илийский край и лишь небольшую его часть оставила за собой для расселения тех жителей Илийского края, которые не хотели оставаться подданными династии Цин. Не веря ее слову, подавляющее

большинство уйгуров и дунган переселилось в русское Семиречье. По завершении Илийского кризиса Пекин в 1884 г. осуществил реорганизацию административной и политической структуры Синьцзяна, который из наместничества был преобразован в провинцию. Ее главным городом вместо пограничного Или (Кульджа) стал «более безопасный» Урумчи. Затем были уничтожены или резко ослаблены институты, способствовавшие национально-освободительной борьбе мусульманских народов. Чтобы не допустить повторения восстания 1864 г., власть местной земельно-бюрократической верхушки была резко усечена. Полностью ликвидировались должности беков в городах, а исламские суды могли отныне заниматься только гражданскими делами. Была ограничена власть князей Турфана и Комула.

Возвращение Илийского края явилось последним успехом цинской дипломатии. В условиях послевоенной разрухи и внутреннего гражданского мира для крайне ослабленного предшествующими социальными и национальными катаклизмами Китая на первый план выдвинулась внешняя угроза. Если в 40–60-е годы XIX в. колониальная экспансия в Азии выражалась в борьбе держав за доступ на китайский рынок, то в 70-е годы наступил новый этап — подчинение и захват соседей Китая, в первую очередь Кореи и Вьетнама. Обе приграничные страны рассматривались в Пекине как важнейшие звенья традиционной «мировой китайской системы». Постепенное подчинение Кореи Японией и Вьетнама Францией создали для Пекина в 1882 г. два параллельно развивавшихся внешнеполитических кризиса.

Со второй половины 70-х годов Китай как мог готовился к неизбежной схватке с Японией из-за Кореи и Тайваня. Постепенно перевооружались сухопутные войска, создавался военно-морской флот, строились крепости и морские базы — Люйшунь (Порт-Артур) и Вэйхайвэй. Первая прикрывала вход в Бохайский (Чжилыйский) залив с севера, а вторая — с юга. В 1879 г. Япония окончательно оторвала королевство Люцю (Рюкю) от системы «Китай–данники». Князь Люцю просил у Китая — своего «гегемона» защиты от японцев, но в Пекине решили не ссориться с Токио из-за крохотного островного государства. В 1879 г. Япония фактически аннексировала Люцю, ликвидировала княжество и превратила его в свою префектуру Окинава. Скованная Илийским кризисом, династия Цин проглотила это унижение. Еще раньше Япония приступила к поэтапному подчинению Кореи — другого «данника» Китая. В 1876 г. она пригрозила Пекину войной и вынудила его согласиться на подписание Сеулом неравноправного договора с Токио. Кабальный Канхваский японо-корейский договор 1876 г. не признавал «даннического» статуса Страны утренней свежести по отношению к Срединной империи. Более того, уже в 1879–1881 гг. Япония пыталась, правда безуспешно, навязать неравноправный договор самому Китаю.

Едва цинское правительство вышло из Илийского кризиса, как разразился первый Корейский кризис 1882–1884 гг. Начало ему положило на-

родное восстание в Сеуле весной 1882 г. Вслед за этим вспыхнула кровавая борьба за власть между группировкой князя-регента (*табонгуна*) Ли Хаына и сторонниками королевы Мин Мёнсон. Последняя обратилась в Пекин за помощью, и в Корею прибыли китайские войска и военная эскадра, восстановившие власть королевы и ее группировки. Воспользовавшись разгромом японского посольства в Сеуле, Токио также направил в Корею своих солдат и корабли. В этой акции Вашингтон поддержал Токио. Группировка Минов была вынуждена подписать корейско-японское Инчхонское соглашение 1882 г., укреплявшее позиции Страны восходящего солнца в Корее. На территории и в прибрежных водах этого королевства уже на постоянной основе находились войска и боевые корабли двух соперничавших стран — Китая и Японии, а сам корейский кризис принял затяжной характер. Не желая прямого военного столкновения с Токио, Ли Хунчжан искал выход из создавшейся ситуации в интернационализации кризиса. Сознвая, что главная угроза порабощения Кореи исходила от Японии, Ли Хунчжан видел в США, Англии и России противовес последней. Пекин содействовал заключению в мае 1882 г. неравноправного корейско-американского договора, где даже и не упоминалось о «даннических» отношениях между Китаем и Кореей. Аналогичные договоры с Сеулом подписали в 1883 г. представители Лондона и в 1884 г. посланцы Петербурга при явном благословении династией Цин своего корейского «данника».

Борясь за сохранение «даннического» статуса Сеула, Пекин сам поспешил навязать ему торговое соглашение, во многом аналогичное неравноправным договорам с державами. Это усилило антикитайские настроения в Корее, особенно среди молодой дворянской интеллигенции во главе с Ким Оккюном. Будучи сторонниками проведения реформ по образцу преобразований Мэйдзи, корейские реформаторы невольно становились японофилами. Делая ставку на помощь Токио, они намеревались покончить с отсталостью, с «данническим» статусом Кореи и вывести ее на путь прогресса. Корейский кризис вступил в завершающую стадию в конце 1884 г. Воспользовавшись тем, что Пекин был скован войной с Францией на юге, реформаторы составили заговор. Поддержанные японским охранным отрядом, они 4 декабря осуществили в Сеуле государственный переворот и свергли группировку Минов. Через три дня китайские войска вместе с корейскими солдатами и возмущенным населением разогнали правительство реформаторов. Японцы потерпели поражение и ретировались на родину. Цинское правительство направило в Корею подкрепления — новые войска и эскадру. То же самое предприняла и японская сторона. Тем не менее китайское влияние в Корее усилилось, а вместе с ним и ее «даннический» статус. Внешние сношения Сеула были поставлены под контроль китайского сановника Юань Шикая из окружения Ли Хунчжана. Как генеральный резидент Пекина, Юань Шикай приобрел большую власть в Корее. В тот период и цинское и японское правительства

желали избежать военного столкновения. Армия и флот Японии еще не были подготовлены к полномасштабной войне, а Китай был скован войной с Францией из-за Вьетнама. Весной 1885 г. Ли Хунчжан и премьер-министр Ито Хиробуми заключили в Тяньцзине договор. Обе стороны обязались вывести свои войска из Кореи и не вводить их туда без предварительного уведомления друг друга. Таким образом, Япония добилась признания от Китая одинакового с ним права на вмешательство в дела его «данника». Первый Корейский кризис 1882–1884 гг. подтвердил неизбежность войны с Японией из-за Кореи. Понимая это, Ли Хунчжан ускорил перевооружение сухопутных и морских сил. В 1883 г. началось создание большого военно-морского флота. Стоимость программы составляла 30 млн. лянов. Однако после того как в Англии и Германии было закуплено более 20 кораблей, остальные средства Цыси пустила на строительство своего загородного дворца Ихэюань и парка вокруг него. Модернизация флота была приостановлена в тот момент, когда назревало военное столкновение с Францией из-за Вьетнама.

Франко-китайская война 1884–1885 гг.

Одновременно с Корейским кризисом 1882–1884 гг. развивался Вьетнамский кризис, назревавший еще с 60-х годов XIX в. Захват Францией в 1862 г. Южного Вьетнама (Намки, Кохинхина), военная экспедиция Дюпюи и Гарнье 1872–1873 гг. в Северный Вьетнам (Бакки, Тонкин) и кабальный Сайгонский франко-вьетнамский договор 1874 г. резко стеснили тучи над Аннамским королевством. Столкнувшись с угрозой полного завоевания страны чужеземцами, король Зык-тонг обратился за помощью к династии Цин как «данник» к своему «гегемону». С этой целью он дважды, в 1877–1878 и 1880–1881 гг., отправлял посольства с «данью» в Пекин, который подтвердил свой статус «гегемона». Хотя цинское правительство не признавало договор 1874 г., маньчжуры и Ли Хунчжан стремились избежать войны с Францией. Весной 1882 г. начался новый этап французской экспансии. Военная экспедиция полковника Ривьера с боем захватила крепость Тханглаунга (Ханой). В ответ на это в Северный Вьетнам вошли китайские войска. Так для Китая начался Вьетнамский кризис 1882–1883 гг. В Пекине были озабочены конфликтом в Корее и пошли навстречу Франции в поисках компромисса за счет раздела Северного Вьетнама. В декабре 1882 г. в китайской столице был подготовлен текст такого соглашения (Ли Хунчжан–Бурэ). Однако вскоре Париж отказался делить добычу с дряхлеющей империей и сорвал его подписание. Кроме того, Франция стремилась через Северный Вьетнам проложить себе дорогу в Юньнань, а затем — в Гуанси и Гуандун.

В 1883 г. французы продолжали военные действия в Северном Вьетнаме, но вьетнамская армия и бойцы «черного знамени» во главе с Лю Юнфу осадили их в Тханглаунге. Это были отряды китайцев — бывших пов-

станцев из Гуанси, в 1865 г. перешедших на вьетнамскую территорию и обосновавшихся в долине Красной реки у границы с Юньнанью. Они насчитывали более 13 тыс. опытных и хорошо вооруженных бойцов, в основном членов тайных обществ. «Черное знамя», находясь на службе у вьетнамских властей и получая от них жалование, тайно снабжалось цинскими властями оружием и боеприпасами из наместничества Юньгуй. По приказу командующего королевской армией в Северном Вьетнаме Хоанг Та Вьема отряды «черного знамени» покинули приграничный район, чтобы оборонять от французов три провинции в долине Красной реки. В связи с началом военных действий король Зык-тонг вновь обратился в Пекин за помощью.

В правящих кругах Китая не было единства по вопросу Вьетнамского кризиса. Аньхуэйская группировка, сам Ли Хунчжан и большинство маньчжурских сановников считали главным оборону Северного Китая и охрану китайских позиций в Корее от японцев. Потеря же Вьетнама не вызывала в этих кругах особой озабоченности. Иную позицию заняла Хунаньская группировка. Будучи экономически и политически связанной с южным регионом, она рассчитывала в ходе войны за Вьетнам восстановить бывшее положение Хунани во внешней торговле, обновить уже устаревшее вооружение своих войск и оттеснить Аньхуэйскую группировку на второй план. Если последняя выступала как «партия мира», то Хунаньская — как «партия войны». В ней ведущую роль играли наместник Лянцзяна Цзо Цзунтан, наместник Лянгуана Чжан Чжидун и Цзэн Цицзэ — посол в Англии, Франции и ряде других стран. Сама Цыси не имела твердой позиции. В зависимости от обстоятельств и личной выгоды она поддерживала то тех, то других или же своими приказами «уравновешивала» сторонников войны и мира, боясь чрезмерного усиления какой-либо одной из группировок. Между тем французская экспансия в Северном Вьетнаме вызвала в 1880–1883 гг. антимиссионерские и антииностранные выступления в провинциях Гуандун, Гуанси, Юньнань и Фуцзянь. Население поджигало церкви, избивало миссионеров и китайцев-христиан. В августе 1883 г. в Гуанчжоу двухтысячная толпа ворвалась в иностранный квартал Шамянь и сожгла дома «заморских дьяволов». Боясь разрастания беспорядков, в Пекине стремились договориться с Парижем.

Продолжая агрессию, Франция установила морскую блокаду королевства Аннам, а эскадра адмирала А. Курбэ захватила форты на подступах к его столице Фусуан (Хюэ). В августе 1883 г. было подписано соглашение, согласно которому Аннам выводил свои войска из Северного Вьетнама и признавал французский протекторат. Все это усилило активность Хунаньской группировки и других сторонников войны, требовавших отправки китайских регулярных войск во Вьетнам. Под давлением хунаньцев в Пекине решились на передислокацию Хуайской армии Ли Хунчжана на юг. Однако опытному царедворцу удалось парализовать это решение. В Северный Вьетнам на соединение с отрядами «черного знамени» были

посланы войска из Юньнани и Гуанси, а также оружие и боеприпасы для антифранцузских сил. Между тем королевская армия не подчинилась приказу уйти из Северного Вьетнама и вместе с бойцами «черного знамени» продолжала ожесточенно оборонять города от французов. В конце 1883 г. она понесла тяжелое поражение под Шонтэем (Сонтэй). Главная тяжесть сопротивления с весны 1884 г. легла на китайские регулярные части. Так без формального объявления вьетнамский кризис 1882–1883 гг. перерос во франко-китайскую войну 1884–1885 гг. В марте–апреле французам удалось захватить г. Бакнинь, который обороняли гуансийские войска.

Этим поражением мгновенно воспользовалась Цыси для разгрома группировки великого князя Гуна. Последний был объявлен виновником неудач и вместе со своими сторонниками удален из правительственных сфер. В ходе этого частичного переворота лишились своих постов видные сторонники «самоусиления» и «усвоения заморских дел». Зато резко возросло влияние противников нововведений.

Между тем не объявленная ни той, ни другой стороной война в Северном Вьетнаме затягивалась. Обе китайские армии — Юньнаньская и Гуансийская — действовали изолированно друг от друга, не говоря уже об отрядах Лю Юнфу. Их боевое, продовольственное и денежное снабжение было поставлено крайне плохо. Тем не менее китайцы навязали французам затяжную и изнурительную борьбу. Юньнаньские войска под командованием наместника Юньгуя Чэнь Юйина, Гуансийская армия во главе с губернатором Пан Динсином вместе с отрядами «черного знамени» Лю Юнфу в целом насчитывали 60 тыс. человек. Им противостоял французский экспедиционный корпус численностью 15–20 тыс. солдат и офицеров, положение которого осложнялось нападениями вьетнамских партизан.

Боясь дальнейшего обострения вооруженного конфликта, Ли Хунчжан поспешил подписать в Тяньцзине в мае 1884 г. мирную конвенцию с Францией (соглашение Ли–Фурнье). Китай обязался отвести свои войска из Вьетнама и открыть южные провинции для французской торговли. Взамен Париж гарантировал неприкосновенность границ Южного Китая. Против конвенции и самого Ли Хунчжана выступили лидеры Хунаньской группировки и другие сторонники продолжения войны. Заставив Китай согласиться на вывод его войск, Париж в июне 1884 г. навязал королю Аннама окончательный договор. Вьетнам превращался во французский протекторат и лишался права вести самостоятельную внешнюю политику. Под непосредственный контроль Франции переходил Северный Вьетнам. В центральной части страны сохранялось королевское правление, но в столицу Фусуан (Хюэ) вступали французские части и французский резидент. При этом были уничтожены все атрибуты «даннического» статуса Вьетнама. Между тем соглашение Ли–Фурнье так и не вступило в силу. Поскольку телеграфной связи между столицей и провинциями не существо-

вовало, приказ из Пекина о прекращении огня, доставлявшийся конными курьерами, шел до Северного Вьетнама почти 50 дней. Поэтому, не зная о перемирии, китайские солдаты в июне 1884 г. встретили огнем французский отряд, подошедший к деревне Бакле под Лангшоном. Война возобновилась. Вновь вспыхнула буря негодования среди сторонников войны и обвинения в адрес Ли Хунчжана. Используя инцидент при Бакле, Париж потребовал от Пекина «удовлетворения» в размере 250 млн. франков, но получил отказ.

С лета 1884 г. для французского командования стала очевидной бесперспективность затяжной сухопутной войны в Северном Вьетнаме. В связи с этим было решено нанести удары по территории самого Китая с моря. Обороной Южного Китая руководил Цзэн Гоцюань. Военно-морские силы Китая были разобщены и не имели единого командования, фактически же они были поделены между Аньхуйской и Хунаньской группировками. Северный (Бэйянский) флот был в ведении Ли Хунчжана, Южный (Наньянский) — находился в руках Цзэн Гоцюаня, а Фуцзяньская эскадра имела свое руководство. Первый удар французского флота планировался по Цзилуну на севере Тайваня, где предстояло захватить Цзилунские угольные копи для снабжения кораблей топливом.

В начале августа 1884 г. эскадра адмирала С.Леспеса атаковала Цзилун и высадила десант для захвата шахт. Однако руководивший обороной Лю Минчжуань успел затопить копи. Французы закрепились на прибрежной полосе. Так, наряду с вьетнамским в этой войне образовался второй фронт — китайский. 23 августа эскадра Курбэ у берегов Фуцзяни вошла на рейд гавани Мавэй в устье р. Миньцзян и огнем корабельной артиллерии в течение 12 минут уничтожила Фуцзяньскую эскадру. На дно пошли 11 современных кораблей, 12 военных джонок, много мелких судов и катеров. Затем французы бомбардировали и превратили в руины Фучжоуский арсенал, а также его знаменитые доки и береговые батареи. При этом было убито до 3 тыс. китайцев. Вызванный этим поражением взрыв массового негодования заставил Цыси 26 августа 1884 г. официально объявить войну Франции. Последняя же так и не удосужилась ответить тем же, продолжая считать военные действия простыми «репрессиями» в отношении Пекина. Нападение Франции на Китай вызвало новую волну антииностранных, антимиссионерских выступлений в провинциях Гуандун, Фуцзянь, Чжэцзян. Разрушались и сжигались христианские церкви, уничтожались иностранные товары, изгонялись миссионеры. Осенью 1884 г. волна патриотизма охватила все слои общества Южного Китая. Во главе движения стояли шэньши. Они организовали сбор крупных средств на продолжение войны. На свои деньги и пожертвования купцов шэньши создали и вооружили отряды добровольцев и флотилии морских военных джонок для борьбы с французским флотом. В это движение активно включились китайские эмигранты. Антимиссионерские выступления прошли в Сычуани, Юньнани, Шэньси и других провинциях.

Как всегда в таких случаях, массовое патриотическое движение оказало двойное воздействие на цинское правительство. Напуганное размахом «беспорядков», оно увидело в них угрозу самому маньчжурскому господству и поэтому начало тайно искать пути к возобновлению переговоров с французами и заключению мира. Однако, боясь дискредитировать себя в глазах народа, династия Цин была вынуждена формально возглавить патриотическое движение, продолжить отправку подкреплений, оружия и боеприпасов во Вьетнам и издать указы об организации защиты китайского побережья от ударов с моря. Вместе с тем война с Францией активизировала движение *цинъи*. Сторонники конфуцианского (точнее, чжусианского) консерватизма в 1884 г. обрушили к подножью трона буквально лавину меморандумов, докладов и записок с критикой политики «усвоения заморских дел» и деятельности правительства. Почувствовав опасность на этот раз справа, Цыси нанесла упреждающий удар. В январе 1885 г. она официально отменила практику *яньлу*, а доктрину *цинъи* подвергла осуждению. Таким образом, Цыси ослабила как сторонников нововведений, так и контрреформаторов, соответственно укрепив свою личную власть.

В начале октября эскадра Курбэ подвергла Цзилун на Тайване второму мощному обстрелу. Французскому десанту удалось овладеть Цзилуном, после чего Курбэ начал блокаду Тайваня. Успешно руководивший его обороной Лю Минчжуань получал подкрепления с материка. Понимая, что захват Тайваня не удался, французы поспешили в начале апреля 1885 г. оккупировать архипелаг Пэнху в Тайваньском проливе. Одновременное развитие войны с Францией и Корейского кризиса создало для Пекина серьезные финансовые и материальные затруднения. В поисках средств цинское правительство обратилось к иностранным банкам. С сентября 1883 до февраля 1885 г. Китай через «Гонконг энд Шанхай Бэнкинг Корпорэйшн» получил на военные расходы семь займов на общую сумму 126 млн. лянов. На эти деньги спешно закупались большие партии оружия и боеприпасов в Германии и США. Новые военные корабли были заказаны в Англии. Срочно укреплялась военно-морская база в Люйшуне (Порт-Артур). В качестве подкреплений в Северный Вьетнам было переброшено до 20 тыс. солдат.

В начале 1885 г. в Северном Вьетнаме французский экспедиционный корпус перешел в новое наступление. Начались ожесточенные бои у Лангшона. Здесь сражались в том числе и новые подкрепления, пришедшие из Китая. Общее руководство китайскими силами осуществлял генерал Фэн Цзыцай. Уже в марте французы были разбиты у Донгданга и в панике бежали из взятого ими Лангшона, бросив оружие и воинскую казну. Это поражение привело к падению министерства Ж.Ферри. Победы китайских войск во Вьетнаме вызвали подъем массового народного движения в Китае и тем самым усилили опасения маньчжуров за свою судьбу. Эти события заставили Цыси быстрее искать посредников в поисках мира. Таковых

нашли в аппарате морских таможен. При посредничестве Р.Харта и его подчиненного Дж.Кэмбелла 6 апреля 1885 г. в Париже было заключено перемирие, а 9 июня в Тяньцзине подписан мирный договор. Хотя Франция не одержала победы над Китаем (ее войска на Тайване и Пэнху находились в крайне тяжелом положении), а в Северном Вьетнаме китайцы перешли в наступление, Пекин подписал договор как сторона, потерпевшая военное поражение.

Тяньцзиньский договор 1885 г. предусматривал отказ Китая от роли «гегемона» в отношении Вьетнама и открытие южной границы Цинской империи для французской торговли. Пекин признавал протекторат Парижа над Северным Вьетнамом и Аннамом, а также выводил свои войска и отряды «черного знамени» с вьетнамской территории. Взамен французы эвакуировали свои силы с северной части Тайваня и архипелага Пэнху. Последующие дополнительные конвенции 1886, 1887 и 1895 гг. сделали условия южнокитайской торговли еще более выгодными для французов. Войска «черного знамени» были отозваны в Китай и резко сокращены, а сам герой этой войны — Лю Юнфу направлен командиром дивизии на Тайвань. Странный исход войны и условия Тяньцзиньского договора, неадекватные положению на фронтах, вызвали досаду и разочарование китайских патриотов. Горечь «поражения» 1885 г. стала отправным моментом формирования будущих китайских революционеров.

Франко-китайская война впервые создала реальную угрозу потери Китаем Тайваня. Учтя это, в Пекине приняли соответствующие меры. В 1887 г. остров был преобразован в самостоятельную провинцию, и туда были переброшены дополнительные войска. Губернатором новой провинции Ли Хунчжан назначил своего протеже из Аньхуэйской группировки Лю Минчжуаня — талантливого администратора и активного проводника политики «самоусиления». При нем на Тайване появились телеграфные линии, современная почта, железная дорога Цзилун–Тайбэй и казенно-частная пароходная компания. Лю Минчжуань построил на Тайване арсенал и укрепил оборону острова. Война 1884–1885 гг. высветила огромный разрыв между современным вооружением Китая и традиционно обученным командным составом армии. Для ликвидации этой пропасти в 1885 г. в Тяньцзине было создано Бэйянское военное училище (академия). Оно должно было стать «кузницей» офицерских кадров нового типа. Война с Францией крайне ослабила Наньянский флот, потерявший помимо всего прочего всю Фуцзяньскую эскадру. Тем самым позиции Хунаньской группировки оказались подорванными. Данную тенденцию еще более развили маньчжурская верхушка и Ли Хунчжан своим требованием создать единый флот с общим командованием. Для этого осенью 1885 г. было учреждено Адмиралтейство (Хайцзюнь ямэнь), где ключевую роль фактически играл тот же Ли Хунчжан. Однако уже в следующем году Цыси вновь стала направлять «корабельные» деньги на создание своего летнего дворца. Последний раз боевые суда были закуплены в 1888 г., а через полтора

года прекратилась и закупка боеприпасов для флота. В результате флот оказался не подготовленным к новой войне.

Ли Хунчжан и цинский двор продолжали преимущественно вооружать и укреплять Северный флот и Хуайскую армию, получившую наименование Бэйянской. Зная слабость китайского офицерского корпуса, Ли Хунчжан видел выход из создавшегося положения в привлечении иностранных офицеров-инструкторов. На флоте это были в основном англичане, а в сухопутных войсках — немцы. Особенно много германских офицеров, более 120, служило в Хуайской армии. Иностранные инструкторы помогали дельцам своих стран сбывать в Китай устаревшее и негодное вооружение, боеприпасы. Беззастенчиво обкрадывая китайскую казну, они вместе с коррумпированными цинскими чиновниками во многом ослабляли обороноспособность страны, которой служили за крайне высокое жалование. Начиная с 1880 г. Ли Хунчжан усиленно превращал Люйшунь (Порт-Артур) и Далянь — на южной оконечности п-ова Ляодун, а также Вэйхайвэй — на северо-востоке п-ова Шаньдун в военно-морские крепости. Они обороняли вход из Желтого моря в Бохайский (Чжилейский) залив. К лету 1894 г. в этих трех крепостях было сооружено всего 38 фортов с более чем 120 орудиями фирмы Круппа, а также большой судоремонтный док в Люйшуне. Этот порт вместе с Вэйхайвэем служили базами Северного флота. В составе последнего насчитывалось 25 боевых и вспомогательных судов, купленных за границей. На крепости и флот были затрачены гигантские суммы. Одни из современных военных кораблей Китая были куплены в Англии и Германии, а другие построены на верфях Фучжоуского арсенала в Мавэе и в доках Цзяннаньского арсенала в Шанхае. Суда отечественной постройки — более слабые и тихоходные — включались главным образом в Южный (Наньянский) флот. В целом Китаю удалось восполнить потери, связанные с гибелью Фуцзяньской эскадры в августе 1884 г.

После войны 1884–1885 гг. власть Цыси еще более окрепла. Возросла роль Ли Хунчжана во внешних и внутренних делах империи, а вместе с этим и влияние Аньхуэйской группировки. Ставленники Ли Хунчжана занимали ключевые посты в Северном Китае, на Ляодунском п-ове и в Цзянсу, особенно в Шанхае, а также в пров. Аньхуэй. Неслыханная роскошь и мотовство Цыси требовали огромных средств. Вдовствующая императрица тратила на свои удовольствия даже суммы, ассигнованные на оборону страны, в том числе на военно-морской флот. Ее запросы были столь велики, что даже этих денег не хватало, и тогда она пошла на массовую распродажу чиновных должностей областного, окружного и уездного звена. В 1886 г. Цзайтянь достиг совершеннолетия, и Цыси предстояло передать ему власть. Дабы избежать этого, императрица организовала коллективную «просьбу» маньчжурской знати и придворных сановников об установлении «политической опеки» над молодым богдоханом. Цыси «прислушалась к мнению народа» и тем самым фактически продли-

ла свое регентство еще на три года. Лишь весной 1889 г. она была вынуждена согласиться на инаугурацию племянника и формально отошла от дел. Тем не менее все главные нити управления государством фактически остались в руках Цыси и верного ей Ли Хунчжана. Царствование молодого богдохана приобрело номинальный характер.

После вступления Цзайтяня на престол образовалась группировка его сторонников во главе с Вэн Тунхэ — воспитателем императора и главой Налогового ведомства. Эта весьма слабая «партия императора», или «южная группировка», выступала за передачу реальной власти богдохану, за оттеснение Цыси и Ли Хунчжана на второй план. «Южане» требовали решительного отпора натиску держав и изгнания «заморских варваров» из Китая. Им противостояла мощная «партия императрицы», или «северная группировка», под покровительством Цыси. В конце 80-х годов обострилась борьба между Аньхуэйской и Хунаньской группировками — на этот раз за ассигнования на строительство первых казенных железных дорог.

В середине 80-х годов одним из лидеров Хунаньской группировки стал Чжан Чжидун. С 1884 г. он являлся заместником Лянгуана, а в 1889 г. стал заместником Хугуана. Чжан Чжидун при всей своей умеренности, осторожности и приспособленчестве чувствовал необходимость модернизации Китая. Тем самым он объективно выступал предвестником будущих реформаторов 1898 г. Его крайне тревожило, что в Пекине не извлекли должных уроков из поражения во франко-китайской войне. Тревоги дальновидного сановника подкреплялись нарастанием кризисных явлений в цинском обществе и усилением позиций «заморских варваров» в самом Китае.

Японо-китайская война 1894–1895 гг.

Японская военщина, намного лучше китайцев подготовившаяся к войне, уверенно рвалась в бой. Тем не менее и для Японии война с Китаем была серьезным испытанием. Тогда она еще не обладала экономическим и военным могуществом; военный, технический и хозяйственный потенциал Страны восходящего солнца оставался весьма ограниченным. Спеша опередить Россию в Корее и Маньчжурии, Токио рассчитывал на скоротечную кампанию, ибо располагал крайне небольшим обученным армейским контингентом и еще слабыми финансовыми возможностями. Хотя к лету 1894 г. в Китае под ружьем находилось всего 350 тыс. человек, непосредственно Японии противостояли Хуайская армия и «мукденские войска» общей численностью около 40 тыс. солдат. Из 70 тыс. человек своих сухопутных войск Токио для отправки на фронт подготовил 50 тыс. бойцов.

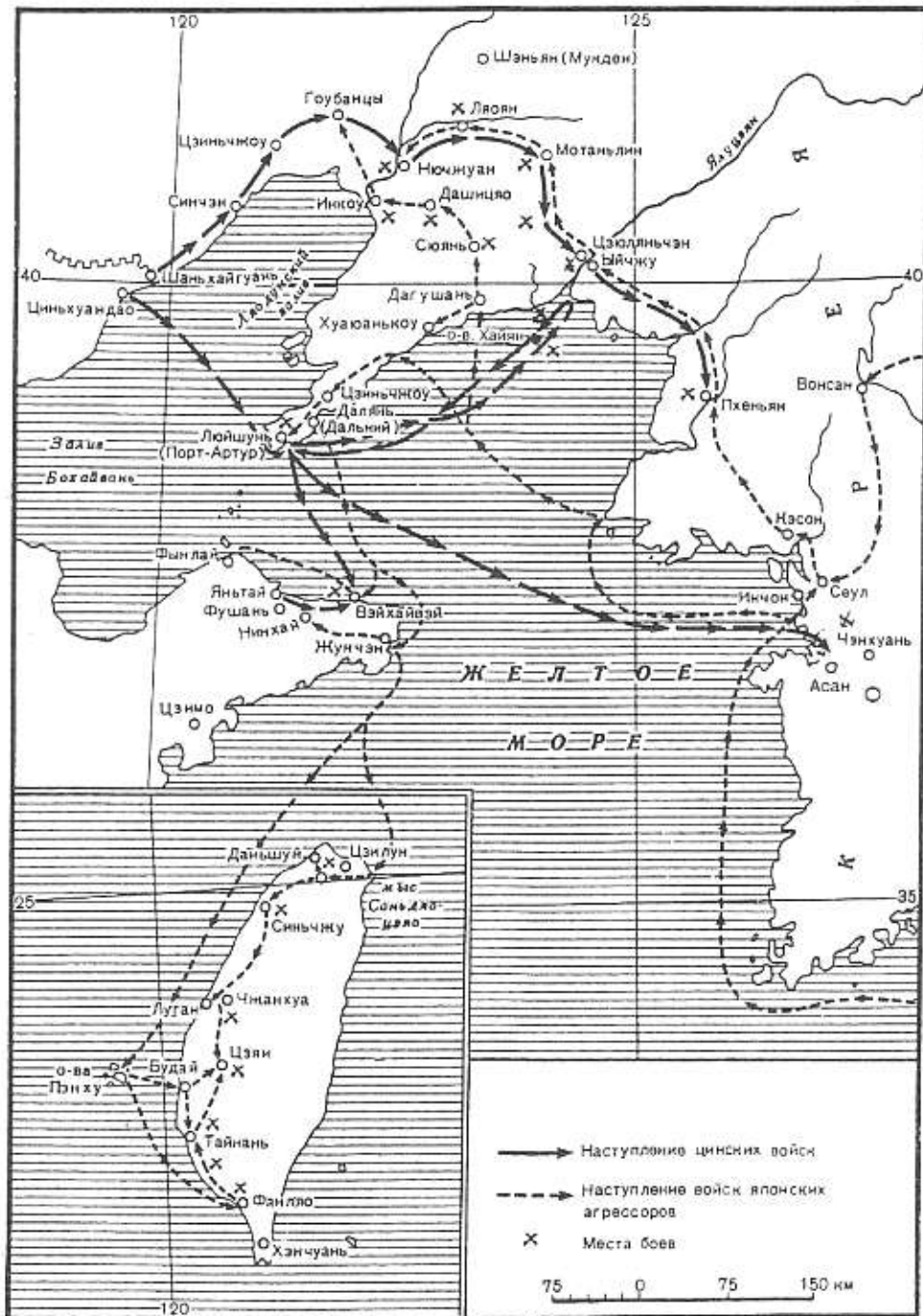
События, разворачивавшиеся в Корее 1893–1894 гг., создали второй Корейский политический кризис. В начале 1893 г. в Корее вспыхнуло народное восстание, направленное против помещиков, чиновников, японцев

и «западных варваров». Происходило оно под руководством религиозной синкретической секты «Тонхак» («Восточное учение»). Неспособность собственными силами разгромить крестьянскую армию Чон Бончжун побудила корейское правительство во главе с королевой Мин Мёнсон обратиться к своему «гегемону» — Китаю с просьбой о военной помощи, что грозило резким обострением японо-китайского соперничества в Корее. Желая избежать войны с Японией, Ли Хунчжан в разгар второго Корейского кризиса добивался посредничества практически всех держав. Между тем война была нужна Западу, ибо создавала идеальные условия для нового массированного наступления на Китай. Поэтому дипломатическая активность Ли Хунчжана, направленная на предотвращение войны, не дала результатов.

В мае 1894 г. в Корею против *тонхаков* отправились отборные части Хуайской армии, их конвоировали корабли Бэйянского флота. Когда эти батальоны под командованием Е Чжичао и Не Шичэна расположились в районе Асан–Кончжу к югу от Сеула, повстанцы на время отступили. Токио поспешил перебросить в этот район втрое больше солдат. Япония предложила Китаю совместно провести в Корее некоторые реформы, но Пекин отверг эти предложения. Тогда Токио потребовал от корейского правительства срочно порвать с Китаем, т.е. покончить со статусом «данника». Получив отказ, японцы организовали 23 июля в Сеуле государственный переворот. Японский отряд занял дворец, арестовав королеву Мин Мёнсон и ее приближенных. Во главе правительства японцы посадили престарелого *тэвонгуна* Ли Хаына, а «верховный комиссар» Китая Юань Шикай бежал из Сеула. Японцы вынудили короля Коджона «просить» их изгнать китайские войска из района Асана. Здесь накапливались части Хуайской армии под командованием Е Чжичао. Япония направила к берегам Кореи объединенную эскадру вице-адмирала Ито Сукэясу, которая состояла из новейших кораблей, обладавших быстрым ходом и скорострельными орудиями.

25 июля у входа в Асанский залив японская эскадра без объявления войны внезапно атаковала китайский морской конвой близ о-ва Пхундо. В ходе пятчасового боя цинские силы потеряли два корабля. Кроме того, на дно пошел транспорт — английский пароход с двумя батальонами хуайских войск и 14 полевыми пушками. Так началась японо-китайская война 1894–1895 гг. Смешанная бригада генерала Осима из района Сеул–Ипчхон и батальоны Не Шичэна из-под Асана двинулись навстречу друг другу. 29 июля произошло сражение у Сонхвана (так называемый бой при Асане), окончившееся поражением китайцев. В этом бою лучшие хуайские части Не Шичэна были разбиты, а остальные во главе с Е Чжичао кружным путем двинулись на север, к Пхеньяну, дабы избежать разгрома и плена. После этого 1 августа Япония объявила войну Китаю. До начала декабря 1894 г. верховное командование китайских войск и флота осуществлял Ли Хунчжан, который уже четверть века не руководил боевыми

Японо-китайская война 1894–1895 гг.

действиями, а его полководческий опыт ограничивался борьбой с тайпцами и няньцзюнями. К началу войны и на первом ее этапе Ли Хунчжан и Дин Жучан допустили грубый просчет, чрезмерно раздробив силы Бэйянского флота. Кроме того, Наньянский флот из шести новейших крейсеров отправился на юг, тем самым было уничтожено бесспорное превосходство объединенных военно-морских сил Китая над противником. Цинские войска в Корее вынуждены были воевать в крайне невыгодных условиях. После поражения у о-ва Пхундо и Сонхвана хуайские войска из района Асана с огромным трудом добрались до Пхеньяна. Во время этого марша много солдат Е Чжичао погибло от голода и эпидемий.

В Китае было спешно набрано 56 тыс. новобранцев. Одновременно из Южной Маньчжурии в район Пхеньяна двинулись четыре крупных соединения хуайских войск. По пути следования они грабили и жгли корейские деревни, насиловали женщин и убивали мирное население, в ужасе бежавшее от таких «защитников». Прибыв в Пхеньян, они затеяли между собой кровавые схватки и перестрелки. В конце августа сюда наконец подошел со своими поредевшими батальонами Е Чжичао, назначенный командующим этой армией. Однако командиры пришедших из Маньчжурии соединений не признали его власть. Тем временем к Пхеньяну спешили крупные японские силы генерала Нодзу. 15 сентября произошло решающее для корейского театра военных действий сражение под стенами Пхеньяна. Почти 30-тысячная армия Е Чжичао потерпела сокрушительное поражение. Более половины ее состава попало в плен, было убито или ранено. Ночью 16 сентября цинские войска оставили свои позиции и в беспорядке отступили к китайской границе. Корея была потеряна для Цинской империи.

Исход борьбы на море решило сражение в Западно-Корейском заливе у побережья Маньчжурии. Здесь 17 сентября к югу от устья р. Даянхэ в ожесточенном бою сошлись Бэйянский флот под командованием Дин Жучана и японская объединенная эскадра вице-адмирала Ито Сукэясу. Каждая из сторон имела по десять боевых кораблей. Сражение длилось пять часов. Быстроходные новейшие японские крейсера возобладали над старыми и неповоротливыми китайскими броненосцами. Японские крупнокалиберные скорострельные орудия громили цинские устаревшие крейсера. Бой прекратился из-за недостатка снарядов у обеих сторон. Поревший Бэйянский флот ушел в Вэйхайвэй и укрылся там, не решаясь выходить за пределы Бохайского залива. Он даже не пришел на выручку осажденному Люйшуню. Между тем Люйшунь, Далянь и Вэйхайвэй были созданы как береговые крепости с расчетом на обязательную поддержку с моря.

Известия о поражении на суше и на море как гром среди ясного неба поразили императорский двор в Пекине. Здесь усиленно готовились к празднованию 60-летия Цыси. На неслыханное по роскоши торжество было отпущено из казны 10 млн. лянов. Поражение Хуайской армии

и Бэйянского флота явилось тяжелым ударом по положению и престижу Аньхуэйской группировки. Была предпринята попытка остановить неприятеля на границе. Здесь, в устье р. Ялу была спешно создана линия обороны и сконцентрировано 24 тыс. солдат Хуайской армии. 25 октября началось наступление 1-й японской армии генерала Ямагата. После упорного сопротивления цинские войска начали отход. Форсировав р. Ялу, наступающие вторглись в Южную Маньчжурию, перенесли военные действия на территорию самой Цинской империи. Японцы заняли юго-восточную часть пров. Шэнцзин (Фэнтянь), но холодная зима остановила их продвижение.

Сковав основные силы Хуайской армии в центральной части пров. Фэнтянь, японская Главная ставка сформировала 2-ю армию под командованием генерала Ояма и в октябре высадил ее на Ляодунском п-ове. Командант Люйшуня, многие офицеры и чиновники, прихватив все ценное, заранее бежали из крепости. В рядах оставшегося офицерства оказалось немало изменников. Дисциплина в крепости рухнула, начались грабежи и беспорядки. Генералы, не желая рисковать жизнью, не организовали отпора неприятелю. 21 ноября японцы начали штурм и еще до полудня почти без сопротивления заняли форты, защищавшие Люйшунь с суши, а вечером овладели и восточными береговыми батареями. Цинский гарнизон обратился в бегство. На следующий день вся крепость и город оказались в руках победителей. Японцы захватили огромные запасы военного снаряжения и боеприпасов, судоремонтный док и арсенал. Эти трофеи оценивались в 60 млн. иен. Бежавшие из Люйшуна китайские войска двинулись на север и после беспорядочного отступления соединились с частями Хуайской армии. Ворвавшиеся в Люйшунь японские солдаты в течение нескольких дней истребили около 2 тыс. человек, среди них были пленные, а также мирное население города, включая женщин и детей. Это должно было вызвать ужас и парализовать волю противника.

Падение Люйшуна произвело в Пекине переполох. Снимая с себя ответственность, Цыси ради самосохранения была вынуждена пожертвовать Ли Хунчжаном, сделав его, хотя и в мягкой форме, козлом отпущения. В октябре она не воспротивилась назначению опального и оппозиционного ей великого князя Гуна главой Цзунли ямэня. Не желая принимать на себя позор военных неудач, Цыси намеренно отошла в тень. Воспользовавшись этим, молодой богдохан отстранил Ли Хунчжана от руководства военными делами, передав их в руки великого князя Гуна. На базе Цзюньцзичу и Цзунли ямэня был создан Комитет обороны (затем — Комитет по военным делам) во главе с князем Гуном. В ведение последнего было передано и Адмиралтейство. На лишенного прежней власти Ли Хунчжана обрушился поток обвинений в поражении Китая. Лидер Аньхуэйской группировки был разжалован, снят с постов наместника Чжили и *бэйян дачэня*. Война полностью опустошила цинскую казну. Пекин в 1894 и в январе 1895 г. был вынужден взять у Англии два займа на общую сумму 28 млн. лянов. С ноября 1894 г. великий князь Гун и Ли Хунчжан

стали готовить мирные переговоры с Японией, а в январе 1895 г. туда была послана официальная делегация. Поскольку Япония еще не захватила всего на что рассчитывала, включая Вэйхайвэй и Бэйянский флот, Токио в одностороннем порядке сорвал переговоры, начавшиеся было в Хиросиме.

Чтобы изгнать японцев из Маньчжурии, в декабре 1894 г. на север были двинуты провинциальные армии — Аньхуэйская и та часть Хуайской, которая еще не участвовала в боях. Это разношерстное воинство с устаревшим вооружением, низкими боевыми качествами и без опыта ведения современной войны последовало через Шаньхайгуань в район Нючжуан-Инкоу. Ли Хунчжан был окончательно отстранен от руководства военными действиями. Командование всеми вооруженными силами, в том числе Хуайской армией, принял наместник Лянцзяна Лю Кунь со своими заместителями — У Дачэном и Сун Цином. В Пекине опасались, что японцы захватят Мукден (Шэньян) — «священную столицу» маньчжуров. Дабы предотвратить это и вернуть взятый неприятелем Хайчэн, цинское командование, несмотря на жестокие холода, развернуло с середины января до начала марта ожесточенные бои в долине р. Ляохэ. Одновременно в Токио решили главный удар направить на Вэйхайвэй и застрявший там Бэйянский флот. Сильнейшие повреждения, невозможность ремонта и недостаток боеприпасов не позволили ему вновь вступить в бой с японскими кораблями.

В конце января с п-ова Ляодун морем под Вэйхайвэй была переброшена половина 2-й армии под командованием генерала Ояма. С моря крепость блокировала объединенная эскадра вице-адмирала Ито. Провинциальные китайские войска отступили от крепости. 30 января наступавшие почти без боя заняли береговые форты южного, а на следующие сутки и северного крыла. Завладев их батареями, противник начал обстрел последних очагов обороны — батарей о-вов Люгун и Жидао, а также Бэйянского флота в составе 24 боевых кораблей различных классов. В течение девяти суток эти силы как могли отражали натиск врага. Вскоре на кораблях и в фортах Люгуна вспыхнул мятеж. Командиры кораблей и иностранные инструкторы отказались пойти на прорыв окружения, чтобы затем потопить флот. Бунт разрастался — офицеры, моряки и солдаты требовали капитуляции. Начальник штаба Лю Бучань взорвал свой броненосец «Динъюань» и покончил с собой. Согласившийся на капитуляцию адмирал Дин Жучан принял яд. Были выработаны условия капитуляции, и 16 февраля флот и батареи Люгуна сдались неприятелю.

Тем не менее в Пекине еще не считали войну окончательно проигранной. Поскольку Хуайская армия, а с ней и Аньхуэйская группировка после поражений продемонстрировали свое бессилие перед врагом, цинский двор сделал ставку на Сянскую (Хунаньскую) армию и на Хунаньскую группировку. До конца 1894 г. она вела себя несколько двусмысленно, полагая, что война Аньхуэйской группировки с японцами ее не касается.

Теперь же на театр военных действий были срочно переброшены Сянская (Хунаньская) и Хубэйская армии. Вместе с Хэнаньской и Хуайской армиями, а также с «мукденскими войсками» Икэтана они были поставлены под начало наместника Лянцзяна Лю Куньи. Этот лидер Хунаньской группировки был назначен чрезвычайным императорским эмиссаром и главнокомандующим со ставкой в Шаньхайгуане. Тем самым была создана более чем 60-тысячная группировка войск с задачей остановить японское продвижение на рубеже р. Ляохэ.

В конце февраля 1895 г. японцы под командованием генерала Нодзу перешли в наступление. В первой декаде марта они разбили и обратили в бегство Сянскую и все остальные армии. Пали Нючжуан и Инкоу. Наступавшие захватили богатые трофеи — до 70 пушек и громадные военные склады. Враг оказался на подступах к столичной провинции Чжили. В Пекине началась паника, цинский двор готовился к бегству. Верх окончательно взяла «партия мира» — великий князь Гун, Ли Хунчжан и др. 30 марта было объявлено 20-дневное перемирие в Маньчжурии и Северном Китае. Токио был заинтересован в затягивании войны, чтобы захватить Тайвань и архипелаг Пэнху. Японцы настаивали на кандидатуре Ли Хунчжана в качестве представителя Китая на будущих переговорах. Со старого сановника спешно была снята опала, ему были возвращены все его награды и чины, кроме должностей наместника и *бэйян дачэня*. Сам же он был назначен чрезвычайным и полномочным послом для ведения мирных переговоров, которые начались в марте в японском городе Симоносеки. Почти одновременно на архипелаге Пэнху высадился японский десант. Умышленно затягивая переговоры, премьер-министр граф Ито Хиробуми выдвинул невероятные и оскорбительные требования — выплаты 750 млн. лянов контрибуции и передачу японским войскам Тяньцзиня, Дагу и Шаньхайгуаня. Когда же Ли Хунчжан отклонил их, на него было организовано покушение, и раненый посол на десять дней выбыл из переговорного процесса. За это время Япония успела захватить архипелаг Пэнху — ключ к Тайваню, а также еще ряд населенных пунктов в Китае. К этому моменту и сама Япония хотела окончания войны, ибо ее военная машина «работала» на пределе возможностей, а финансовое и экономическое положение оказалось очень напряженным.

17 апреля Ли Хунчжан был вынужден подписать Симоносекский договор. Китай признал полную независимость Кореи, т.е. переход ее под верховенство Токио. К Японии отходили Тайвань, Пэнху и Ляодунский п-ов. Победенные выплачивали 200 млн. лянов в качестве военной контрибуции. Япония должна была получить все права и привилегии, включая право наибольшего благоприятствования, которыми пользовались в Китае все остальные державы. Японцы получили право создавать в «открытых» портах любые промышленные предприятия и ввозить для них любое оборудование. «Открытыми» портами объявлялись еще четыре города — Шаши и Чунцин на Янцзы, а также Сучжоу и Ханчжоу.

Западные державы в целом весьма положительно отнеслись к Симоносекскому договору. Последний открывал дорогу и к территориальному разделу Китая, уже по сути начатому Японией, и к импорту в эту страну производственного капитала. Во время переговоров в Симоносеки Ли Хунчжан, заручившись поддержкой России и Франции, добился смягчения японских требований. В Симоносеки Ли Хунчжан еще раз продемонстрировал свои дипломатические способности, умело используя обострившиеся межимпериалистические противоречия. Ему удалось предотвратить японскую оккупацию Мукдена, превращение Пекина в «открытый» порт и снизить размер военной контрибуции с 750 млн. до 200 млн. лянов. Передача Ляодунского п-ова Японии была ударом по интересам царской России, уже считавшей всю Маньчжурию своей будущей добычей. В этом вопросе Петербург обеспечил себе поддержку Парижа и Берлина. Незадолго до ратификации Симоносекского договора эти три державы «рекомендовали» Токио отказаться от Ляодунского п-ова. Этот «дружеский совет» был подкреплен посылкой союзных флотов к берегам Японии. Последней пришлось уступить. Пекинское соглашение с Китаем от 8 ноября 1896 г. зафиксировало отказ Токио от Ляодуна, компенсированный дополнительной контрибуцией в 30 млн. лянов.

Японо-китайская война кончилась, но не завершились боевые действия в Китае. Началось японское завоевание Тайваня. В мае 1895 г. эдиктом императора с Тайваня отзывалась цинская администрация, а в июне на борту японского корабля состоялась церемония передачи острова победителям. Однако его население во главе с местными шэньши и чиновниками не подчинилось приказу. 23 мая в Тайбэе оно провозгласило остров независимой республикой (Тайвань миньчжу го) во главе с президентом. Им стал губернатор провинции Тан Цзинсун. В столице Тайбэе цинский аппарат был преобразован в республиканское правительство. Во главе тайваньских «республиканцев» встал известный поэт *цзиньши* Цю Фэнцзя — руководитель отрядов добровольцев (*ичжун*), созданных для отпора японцам. Был утвержден государственный флаг — желтый лев на синем поле. Однако эта республика провозгласила «вечную верность династии Цин».

В конце мая 1895 г. на севере острова высадился японский десант численностью 12 тыс. человек. Так началась семилетняя эпопея завоевания Тайваня. В начале июня японцы без боя вошли в Тайбэй. Накануне чиновники, войска и ополченцы покинули столицу, где всыхнулись паника и беспорядки. Тан Цзинсун сбежал, а «республиканцы» отступили на юг. Столицей государства был объявлен г. Тайнань, а новым президентом провозглашен герой франко-китайской войны Лю Юнфу, чьи батальоны с августа 1894 г. обороняли юг острова. Первоначальная паника и деморализация войск уступили место стойкому сопротивлению захватчикам. Упорные бои за район г. Синьчжу велись в течение почти двух месяцев.

В центральной части острова борьбу возглавил начальник округа (*даотай*) Ли Цзинсун, скоординировавший действия отступивших с севера

хубэйских батальонов и отрядов местных добровольцев. Создавались отряды партизан (*иминь*) во главе с шэньши. Ожесточенные бои в центральной части острова продолжались до конца августа 1895 г. Японцы несли большие потери. Из-за крайне влажного субтропического климата в армии свирепствовали болезни.

В Тайнане под руководством Цю Фэнцзя был создан парламентский исполнительный комитет и штаб обороны, во всем помогавшие президенту Лю Юнфу. Последний, однако, оставался верноподданным династии Цин и своим бездействием способствовал ослаблению обороны. В октябре японцы перешли в генеральное наступление с севера, а флот из 50 боевых и транспортных кораблей высадил два крупных десанта в тылу войск Лю Юнфу. Последний бросил свои войска и бежал. Однако в течение последующих десяти дней его батальоны продолжали борьбу. 21 октября неприятель вступил в Тайнань. Так после пяти месяцев сопротивления пало «Тайваньское государство народного правления» — первая республика в истории Китая.

Часть «республиканских» войск не сдалась и отступила в горы. Начался этап партизанской войны и периодических восстаний. Первое из них вспыхнуло в декабре 1895 г. и охватило всю северную часть острова. Среди его вождей выделялись Линь Личэн и Линь Дабэй. Повстанцы овладели Тайбэем и провозгласили Линь Личэна третьим президентом республики. Японские каратели в феврале 1896 г. подавили Тайваньскую республику. Тем не менее некоторые отряды вновь ушли в горы и продолжали сражаться.

С конца 1895 г. развернулась партизанская борьба в центральной части Тайваня. В июне 1896 г. японцы обрушили на этот район невиданные репрессии — сожгли около 70 селений и перебили несколько тысяч человек. В ответ на эти зверства восстание охватило новые районы. К октябрю отряды патриотов во главе с Хуан Чоу и Цзянь И очистили от японцев весь этот район, кроме г. Тайваньфу. Японцы стянули сюда крупные силы, и с ноября здесь развернулись ожесточенные бои. Каратели сеяли смерть и разрушение, но борьба не затухала вплоть до 1902 г. Только ценой большой крови Тайвань вошел в состав Японской империи.

Война с Японией явилась беспощадной проверкой на прочность результатов политики «самоусиления». Сокрушительное поражение и Симоносекский мир означали крах курса на «усвоение заморских дел» и «достижение богатства». Цинская династия после частичной модернизации казенного сектора экономики и оборонного потенциала оказалась неспособной защитить страну от внешней агрессии и отстоять национальные интересы Китая. Политика «самоусиления» была наихудшим видом реформ, наиболее затяжным выходом из общенационального кризиса, архаичным вариантом укрепления Китая и власти династии Цин. Тем не менее военное поражение 1894–1895 гг. не ликвидировало того положительного, что политика «самоусиления» принесла Китаю. В наследство от «усвоения

заморских дел» остались военная и гражданская фабричная промышленность, первые железные дороги, новые суда и телеграф, частично модернизированные вооруженные силы, новые специальные учебные заведения, первые отряды новой интеллигенции и начальное восприятие достижений западной общественно-политической мысли. Все это являлось реальной базой и одной из предпосылок для перехода от куцых односторонних нововведений 60–90-х годов к новому этапу реформирования цинского общества.

Политическая борьба 90-х годов

Поражение 1894–1895 гг. и Симоносекский договор вызвали внутри Китая бурю возмущения и всплеск политической активности шэньши и интеллигенции. Патриотический подъем в середине 90-х годов оказался во много раз большим и устойчивым, нежели в период франко-китайской войны 1884–1885 гг. Волна гнева в среде шэньши и интеллигенции прокатилась по городам Китая. Поначалу общее негодование обрушилось на головы бездарных, трусливых и морально разложившихся генералов. Затем шэньши стали искать глубинные причины национального позора. Первым практическим шагом патриоты считали отказ от «позорных условий» Симоносекского мира.

Унизительные для Китая условия Симоносекского договора вызвали взрыв негодования в Пекине, куда весной 1895 г. съехались со всей страны обладатели средней ученой степени (*цзюйжэнь*) для участия в столичных экзаменах на высшую степень (*цзиньши*). 30 апреля и 1 мая прошли бурные собрания, в них участвовало более 1,2 тыс. *цзюйжэней* из различных провинций. Председательствующим стал ученый и политик уроженец Гуандуна Кан Ювэй. Он создал своеобразную теорию «Великого Единения» («Датун») — утопического коммунизма с ликвидацией частной собственности и организацией общественного производства. Кан Ювэй синтезировал учения конфуцианства, буддизма, даосизма, уравнительного крестьянского социализма и некоторые сведения об общественном строе буржуазного Запада. В «Исследовании учения Конфуция о реформе государственного строя» («Кунцзы гайчжи као») он использовал авторитет древнего мыслителя для обоснования необходимости модернизации Китая. Кан Ювэй доказывал полезность и необходимость реформ на примере деятельности Петра I в России, «возрождения Мэйдзи» в Японии, Великой французской революции, преобразований в Англии, Франции и Германии, а на печальном опыте Польши и Турции раскрывал пагубное воздействие запоздания и нерешительности при модернизации общества.

В конце апреля Кан Ювэй и его ученики Лян Цичао и Май Мэнхуа составили одобренный собраниями «Коллективный меморандум» императору. Он содержал ряд требований, среди которых был отказ от ратификации договора, наказание виновных в поражении, перенесение столицы

в Сиань (Шэньси), дальнейшая модернизация армии и обновление офицерского корпуса. Для укрепления Китая предлагалось активно строить железные дороги, развивать фабричную и горно-добывающую промышленность, создать современную почту. Железнодорожное и промышленное строительство надлежало изъять из ведения государства и передать частному капиталу, охраняемому от иностранной конкуренции в том числе и протекционистскими тарифами. Предусматривались модернизация сельского хозяйства, народного просвещения, системы государственных экзаменов и превращение конфуцианства в общую государственную религию. Речь шла также о создании при императоре совещательного органа, состоящего из выбранных населением представителей. Кан Ювэй и его сторонники, учтя узость и однобокость первой стадии реформ, предлагали комплексное обновление Китая, проведение целостной «системы реформ» широкого общественного масштаба. Цинское правительство проигнорировало «Коллективный меморандум». Тем не менее он положил начало общественному движению за реформы 1895–1898 гг.

Кан Ювэй и его сторонники в 1895 г. стали издавать в Пекине свою ежедневную газету «Усиление государства» («Цянсюэбао») и создали «Ассоциацию усиления государства» («Цянсюэхуэй»). Однако война настолько ярко высветила преимущества частнокапиталистического начала над государственным, что традиционные шэньши, подписавшие «Коллективный меморандум», частично изменили основам конфуцианской политической доктрины. Для защиты родины, победы над врагом, восстановления могущества и величия Среднего государства они решили отдать приоритет не казенному, а частнопредпринимательскому началу.

Главная цель реформаторов состояла не в создании буржуазного общества, а в возрождении могучей конфуцианской империи. По мнению Кан Ювэя, через десять лет после осуществления его программы Китай смог бы завоевать гегемонию над остальными странами. При всем том реформаторы отстаивали прогрессивно понятые передовые интересы государства, т.е. бюрократии и шэньши, а не интересы частных слоев и классов — только что народившейся слабой буржуазии. Кроме того, последователи Кан Ювэя отражали настроения широких патриотических кругов, готовых на все ради «спасения государства». Желая сохранить династию Цин, Кан Ювэй стремился к мирному разрешению национального конфликта между маньчжурами и китайцами. Он просил цинское правительство отменить привилегии «восьмизнаменных» и уравнивать в правах всех жителей империи.

В деятельности «Ассоциации усиления государства» принимали участие многие столичные чиновники и шэньши, в том числе Юань Шикай. Ее поддержали своими пожертвованиями ряд заместников — Чжан Чжидун, Лю Кунь и Ван Вэньшао. С разрешения Чжан Чжидуна филиалы Ассоциации открылись в Шанхае и Нанкине. Однако в декабре 1895 г. под нажимом реакционных столичных сановников и Цыси богдохан Цзайтянь

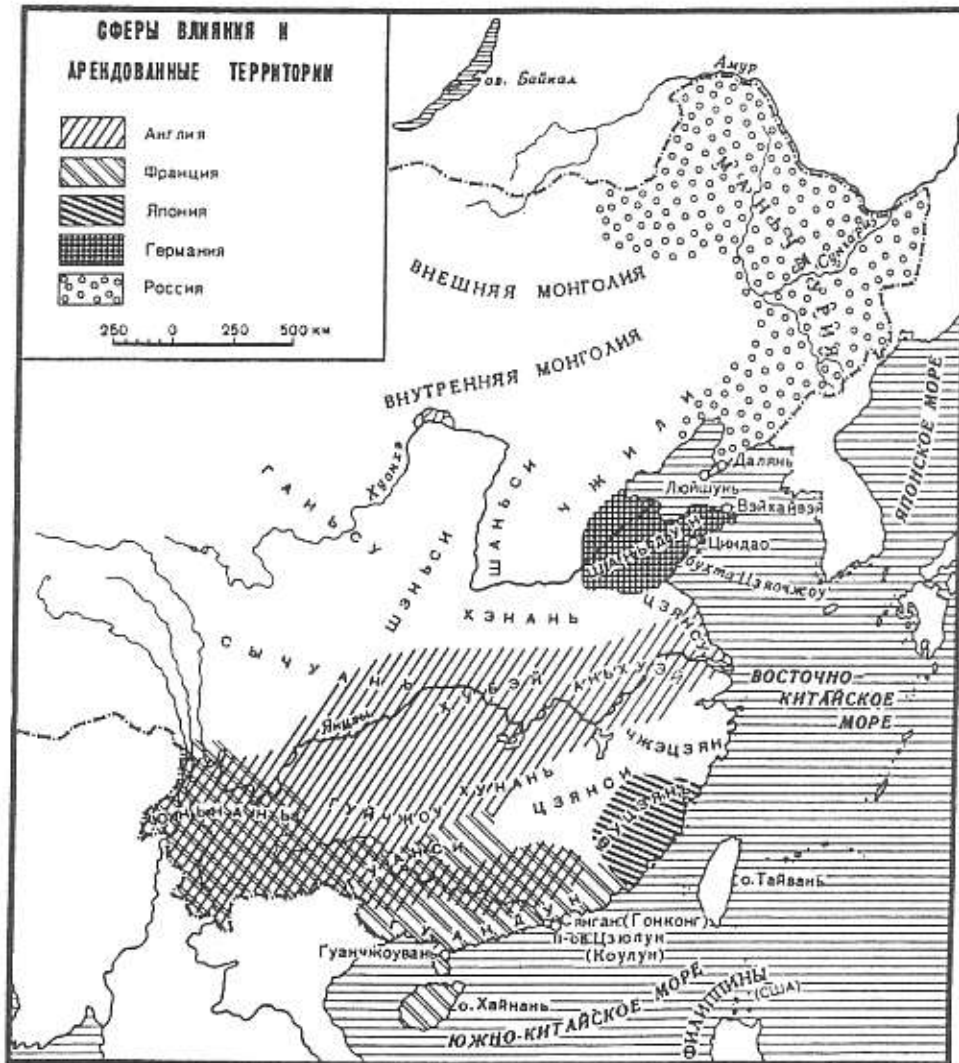
запретил деятельность Ассоциации и ее филиалов, а также закрыл газету реформаторов.

Между тем разъехавшиеся из Пекина по родным местам сторонники Кан Ювэя стали создавать у себя различные организации реформаторского толка — общества, клубы, научные ассоциации и школы. Кроме того, патриотический подъем вызвал к жизни множество газет, журналов и публицистической литературы либерального направления. Так, в Пекине реформаторы с 1896 г. стали издавать журнал «Шиубао» («Современные задачи»). Такого рода издания появились в Шанхае, Макао и Хунани. Само движение за реформы не было однородным. На его правом фланге стояли вчерашние приверженцы политики «самоусиления» во главе с Чжан Чжидуном, а также ряд столичных и провинциальных сановников. Наиболее многочисленным был центр движения — столичные и провинциальные шэньши и преподаватели во главе с Кан Ювэем и Лян Цичао. Неизмеримо слабее и малочисленнее было левое крыло, возглавляемое Тянь Сытуном и Тан Цайчаном. Эти хунаньские радикалы выступали за ликвидацию монархии и создание демократической республики, поддерживая связи с тайными обществами и патриотически настроенными офицерами.

Параллельно шло формирование революционно-демократического лагеря. Зачинателем революционного движения стал представитель новой интеллигенции Сунь Ятсен, получивший европейское медицинское образование. В ноябре 1894 г. в Гонолулу на Гавайях им был создан «Союз возрождения Китая» («Синчжунхуэй»). В январе следующего года в Гонконге возникло его главное отделение, а затем и филиал в Гуанчжоу. Они объединяли несколько сотен человек, поклявшихся «изгнать маньчжуров и возродить Китай». Революционеры не являлись классовыми политиками. Ими двигали общенациональная идея спасения родины и ханьский национализм.

Реформаторов и сторонников Сунь Ятсена разделяло многое. Способ возрождения великого и процветающего Китая они видели по-разному. Для последователей Кан Ювэя это были легальные методы — пропаганда идей и мирные требования ради сохранения маньчжурского режима и превращения Китая в процветающую монархию. По мнению реформаторов, постепенная модернизация общества предполагала опору на старый строй и оздоровление династии Цин за счет принятия ею улучшенных форм правления. Если реформаторы намеревались использовать опыт Европы, США и Японии для сохранения монархии и династии Цин, то революционеры хотели применить этот опыт для свержения маньчжурского режима и создания республиканского строя. Если социальной средой реформаторов являлись шэньши, старая интеллигенция и бюрократия, то последователи Сунь Ятсена рекрутировались из мелкобуржуазных слоев и новой интеллигенции. Это были торговцы, служащие, приказчики, врачи, адвокаты, преподаватели и эмигранты (*хуацяо*). Они прибегали к кон-

Раздел Китая на «сферы влияния»

спирации, вели подпольную деятельность и подготовку восстаний при поддержке тайных обществ (*хуэйдан*). Эти ханьские националисты планировали упразднить монархию, учредить республику и создать демократическое правительство. Затем предстояло провести реформы в целях модернизации Китая.

Крайне малочисленные, но героически настроенные революционеры вступили в неравную схватку. В 1895 г. под руководством Сунь Ятсена готовилось восстание в Гуанчжоу. Однако в конце октября власти раскрыли подпольную организацию и сорвали намечавшееся выступление. В августе 1900 г. «Союз возрождения Китая» совместно с тайным обществом «Триада» («Саньхэ») организовал массовое восстание в приморских уездах вокруг Гуанчжоу под руководством Чжэн Шиляна. Под знаменами местных *хуэйданов* за оружие взялись 20 тыс. человек. Однако через месяц после начала боевых действий из-за недостатка продовольствия восстание захлебнулось. Одновременно сорвалось подготовленное Тан Цайчаном вооруженное выступление левого крыла реформаторов в Хунани. Штаб подпольной «Армии независимости» («Цзыли цзюнь») в Ханькоу был разгромлен властями, а его руководство казнено.

Раздел Китая на «сферы влияния»

Военное поражение Пекина послужило для держав сигналом к началу дележа китайских территорий по праву сильного. Еще в апреле 1895 г. Николай II и кайзер Вильгельм договорились о планах раздела Китая. Вырвав Ляодунский п-ов из когтей Японии, русский царизм по сути отстоял Маньчжурию на будущее для себя. Между тем антияпонский демарш трех держав — России, Германии и Франции и возвращение Китаю Ляодунского п-ова произвели в Пекине огромное впечатление. Поскольку Англия выступила как закулисная союзница Японии, Ли Хунчжан и Аньхуэйская группировка в ходе войны стали искать помощи со стороны России. Хунаньская группировка, прежде всего Чжан Чжидун и Лю Куньни, также сменила ориентацию с Лондона на Петербург. Эти настроения еще более усилились после русско-французского займа Пекину в июле 1895 г.

После коронации Николая II в Москве в мае 1896 г. С.Ю.Витте и Ли Хунчжан подписали секретный договор, оформлявший русско-китайский военный союз, направленный против Токио. Армии и флоты обоих государств в случае войны с Японией должны были сражаться совместно, а русские военные корабли могли заходить в любой порт Китая. Петербург получил право строительства железной дороги через провинции Хэйлуньцзян и Цзилинь (КВЖД). Вслед за этим в августе 1896 г. был подписан официальный контракт на постройку дороги. Ее строительство должен был финансировать Китайско-русский банк, а все дела вести «Общество КВЖД», т.е. русская казна. Тем самым Маньчжурия становилась

зоной преимущественного влияния царизма и русского капитала. Несмотря на этот «успех», позиции Ли Хунчжана и Аньхуэйской группировки оставались сильно подорванными военным поражением 1894–1895 гг. и Симоносекским договором. К этому теперь добавилось всеобщее возмущение в связи с «продажей Маньчжурии» русским «по вине» Ли Хунчжана. В сентябре 1898 г. он был отправлен в отставку, а затем послан на юг — наместником Лянгуана. В этом же году умер великий князь Гун. На первый план вышла Хунаньская группировка во главе с Чжан Чжидуном. Будучи сторонником продолжения политики «самоусиления», но более решительными методами и ускоренными темпами, он в то же время содействовал реформаторам.

После заключения Симоносекского мира началось финансовое закабаление Китая империалистическими державами. Китай оказался прочно прикованным «золотыми цепями» к системе мирового колониализма и империализма. Внешний долг Пекина рос как снежный ком. За предшествовавшие 30 лет (1865–1894) Пекин получил всего шесть займов на сумму примерно в 40 млн. лянгов (вместе с процентами задолженность составила 57 млн. лянгов). Затем за четыре последующих года (1895–1898) Китай взял семь займов на общую сумму в 370 млн. лянгов. Из них только 250 млн. ушло на уплату контрибуции Японии. Остальные 120 млн. составили предварительные удержания, комиссионные и проценты, а также расходы на содержание чиновников, на военные и административные нужды. В конечном счете внешний долг Китая в 4 раза превысил ежегодный доход казны.

В отличие от предшествующего периода основным средством экономического давления 1895–1901 гг. стали внешние займы и железнодорожные концессии. В новых условиях они явились важными инструментами раздела Китая на «сферы влияния», «зоны монопольных интересов», «сферы особых привилегий» и средством захвата арендных территорий. Уже в июне 1895 г. Китай заключил конвенцию с Францией, предоставлявшую последней права судоходства, открытия рудников и строительства железных дорог. Вслед за этим цинское правительство в 1895–1898 гг. было вынуждено подписать или официально признать около десятка других аналогичных документов и дипломатических представлений, открывавших дорогу экспансии держав в большинство собственно китайских провинций и в Маньчжурию. Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и другие крупные города наводнили европейские и японские предприниматели, финансисты, коммерсанты и просто авантюристы. При поддержке дипломатов и банков своих стран они выторговывали у цинского правительства различные концессии, заключали с центральной казной, провинциальными властями и китайскими компаниями разного рода сделки. Началась полоса оживленного железнодорожного строительства, крупных внешних займов, создания иностранных фабрик, шахт и рудников вне договорных территорий, борьбы за железнодорожные и горные концессии.

Важным этапом экономической агрессии держав в Китае явилась так называемая «битва за концессии», разгоревшаяся в 1896–1898 гг. «Битва за концессии» стала на время одним из основных узлов межимпериалистических противоречий в Китае. Англия и Германия пытались вырвать у Франции и Бельгии концессии на Пекин-Ханькоускую магистраль. Ожесточенная схватка вспыхнула между Лондоном и Петербургом из-за дороги Шаньхайгуань–Нючжуан. Берлин и Лондон боролись между собой за линию Шанхай–Нанкин и особенно из-за проекта магистрали Тяньцзинь–Пукоу. Державы пытались решить эти противоречия за счет Китая. В итоге возникла серия двусторонних соглашений, деливших территорию Цинской империи на «сферы железнодорожных интересов».

Начало железнодорожным концессиям в Китае положил французский капитал. В ходе «битвы за концессии» 1896–1898 гг. наибольших результатов добилась Англия. Британские деловые круги получили либо концессии, либо предварительные соглашения Пекина на сооружение линий Шанхай–Нанкин, Шанхай–Нинбо, Гуанчжоу–Цзюлун и др. Лондон финансировал строительство дороги Шаньхайгуань–Нючжуан. Кроме того, английские банки добились права продлить железную дорогу из Бирмы в Юньнань до Куньмина, а также построить линии от Нанкина в Хэнань и от Нючжуана на север. Французский капитал обеспечил себе исключительное право прокладки железных дорог в Гуанси и Гуандуне. Здесь им было построено три магистрали, в том числе продолжение линии из Вьетнама к порту Бэйхай. Бельгийские банки закрепили за собой важнейший контракт на строительство магистрали Пекин–Ханькоу. Кайзеровская Германия захватила права на железнодорожное строительство в пров. Шаньдун. Кроме того, англо-германский синдикат в 1899 г. получил право на строительство дороги Тяньцзинь–Пукоу. Царская Россия кроме концессий на КВЖД и ЮМЖД добилась права на прокладку дороги от русской границы через Монголию к Пекину. Американский капитал закрепил за собой право на строительство дороги Гуанчжоу–Ханькоу. В общей сложности за 1896–1898 гг. цинское правительство вынуждено было подписать соглашения на постройку 19 железнодорожных линий общей протяженностью 10 тыс. км. При этом Англия получала девять, Франция и Россия — по три, Германия — две, Бельгия и США — по одной концессии. Эта система соглашений практически оформила в 1898 г. раздел Цинской империи на «сферы влияния». К Англии отошел почти весь бассейн Янцзы и значительная часть юго-западных провинций. Население английской «зоны» насчитывало 180 млн. человек. Зоной «особых интересов» Франции стали Юньнань, Гуанси, западная часть пров. Гуандун и о-в Хайнань. Царская Россия закрепила за собой Маньчжурию. В «зону» русского влияния входили также Монголия и Синьцзян. Германия стала хозяйничать в пров. Шаньдун. Япония превратила Фуцзянь в «сферу» своего влияния. Даже Италия, правда неудачно, пыталась сделать то же самое с пров. Чжэцзян. США не приняли участия в территориальном разделе

Цинской империи. Однако в 1899 г. они провозгласили принцип «открытых дверей» («доктрина Хэя»), обосновывая свое право действовать в Китае без учета «сфер влияния».

Раздел Китая на «сферы влияния» сопровождался созданием в этих «зонах» военно-морских баз держав. Сами эти бухты и прилегающие районы выводились из-под юрисдикции Китая и становились иностранными анклавами на территории Цинской империи. Такие захваты оформлялись договорами об «аренде». В 1897 г., воспользовавшись убийством двух немцев-миссионеров, кайзер Вильгельм послал военную эскадру для овладения бухтой и портом Цзяочжоу на юге Шаньдунского п-ова. В марте следующего года по договору с Пекином Германия получила в «аренду» территорию вокруг бухты Цзяочжоу на 99 лет, право строить в Шаньдуне две железнодорожные линии и вести разработку рудных богатств в полосе этого строительства. Под предлогом захвата Цзяочжоу Германией Николай II в 1897 г. послал военную эскадру для занятия Аюйшуна (Порт-Артур) и Даляня (Дальний). На следующий год домогательства Петербурга были оформлены договором. В марте 1898 г. Россия получила в «аренду» сроком на 25 лет Порт-Артур в качестве закрытой военной базы, Дальний в качестве торгового порта и южную оконечность п-ова Ляодун. Царское правительство добилось права построить железнодорожную линию от Порт-Артура и Дальнего к КВЖД.

В создавшейся ситуации Лондон и Париж объявили себя обделенными сторонами, что якобы давало им «право» на аналогичные действия. В мае 1898 г. Франция добилась от Китая передачи ей бухты Гуанчжоувань и части п-ова Лэйчжоу на юге пров. Гуандун. Эти владения с прилегающими островами передавались Парижу в «аренду» на 99 лет в качестве военной базы. В мае того же года Англия получила в «аренду» Вэйхайвэй в качестве военной базы сроком на 25 лет как противовес русским форпостам — Порт-Артуру и Дальнему. При этом Лондон признал Шаньдун «сферой влияния» Германии. Кроме того, в качестве противовеса захваченному Францией Гуанчжоуваню Лондон добился в июне 1898 г. аренды части п-ова Цзюлуи к северу от Гонконга сроком на 99 лет. В эти «новые территории» английской колонии вошли также ближайшие бухты и острова.

Местное население как в районах самих «арендованных» территорий, так и в районах железнодорожных концессий боролось против захвата их чужеземцами. Одним из таких народных выступлений явилось восстание под руководством тайного общества «Дадао» («Большие мечи»). Летом 1896 г. оно охватило пять уездов на границе провинций Шаньдун и Цзянсу. Против немецких миссионеров, китайских христиан, местных чиновников и богатеев выступило около тысячи человек под предводительством главы «Дадао» Лю Шидуаня. Через месяц оно было подавлено цинскими войсками. В 1898–1899 гг. дважды поднимались против русских жители Ляодуна, против англичан — население Цзюлуна. Антифранцузские выступления охватили район к северу от Гуанчжоуваня. Забастовкой отве-

тили жители Шанхая на расширение французской концессии. Усилились антимиссионерские выступления. Весной 1898 г. в Сычуани они вылились в вооруженное антихристианское движение. В 30 уездах под лозунгом изгнания «варваров» поднялось более 10 тыс. человек. Движение было жестоко подавлено.

После заключения Симоносекского договора наступила полоса создания иностранных горнорудных предприятий. С 1895 по 1901 г. цинское правительство было вынуждено подписать 16 различных договоров, конвенций и соглашений, дававших иностранному капиталу право на угольные и рудные разработки. Началось создание смешанных китайско-иностраннных шахт и рудников, а также целиком иностранных добывающих компаний. В те же годы в иностранном секторе широкий размах получило грюндерство в обрабатывающей промышленности. Сразу же после отмены запрета на ввоз хлопкопрядильных машин был отмечен первый подъем фабричного предпринимательства в Китае. Появился ряд новых пароходных компаний.

Резко расширился доступ «варварских» товаров на китайский рынок. С 1896 по 1899 г. для внешней торговли были открыты 11 новых городов и портов. В их числе были такие крупные центры, как Ханчжоу, Нанкин, Сучжоу, Шаши и Юэян. Летом 1898 г. под давлением держав Цинская империя открыла все свои реки и озера для иностранного судоходства. В итоге с 1895 по 1901 г. объем внешней торговли Китая увеличился почти на 40%. Несмотря на неуклонный абсолютный рост, товарная экспансия постепенно отступала на второй план, уступая ведущую роль экспорту капитала. В 1897 г. в Китае насчитывалось около 600 иностранных фирм и компаний.

«Сто дней реформ»

После заключения Симоносекского мира Цыси вновь должна была отойти в тень и вернуть официальное руководство страной Цзайтяню. По окончании войны правительство в очередной раз принялось за модернизацию вооруженных сил. В лагере хуайских войск и Сяочжане под Тяньцзинем был сформирован «учебный корпус» под командованием Юань Шикая и его помощников — военачальников Хуайской армии. «Учебный корпус» был оснащен современным оружием, его обучением руководили немецкие офицеры. Сяочжаньский лагерь стал базой для создаваемой новой армии. Корпус вскоре был переименован в Новую полевую армию и стал пополняться новыми офицерскими и унтер-офицерскими кадрами из специально для этого открытой сети военных школ и училищ. Главным среди них было обновленное Бэйянское военное училище (академия) в Тяньцзине. В итоге в районе Тяньцзиня стала складываться Сяочжаньская генеральско-офицерская группировка — зародыш будущей Бэйянской милитаристской клики во главе с «отцом новой армии» — Юань

Шикаем. Тем самым династия Цин снова, как и после поражения в войне 1884–1885 гг., возвращалась к односторонней практике «усвоения заморских дел» и готовила «второе издание» политики «самоусиления».

Видя это, передовая часть шэньши и старой интеллигенции все настойчивее требовала реформ. Одно за другим возникали «научные ассоциации» для изучения экономических и научных достижений стран Запада. Эти клубы строились по земляческому признаку — уроженцы той или иной провинции объединялись в свою ассоциацию. К апрелю 1898 г. в Пекине возникло восемь таких организаций. Кроме того, было создано патриотическое общество «Союз познавших позор». В середине апреля 1898 г. Кан Ювэй и его окружение основали в Пекине всекитайское общество патриотов и сторонников реформ — «Союз защиты государства» («Баогохуэй»). В Пекине и Шанхае находились центральные отделения Союза, а во всех провинциях и округах — его отделения. Эти умеренные реформаторы все свои надежды возлагали на 28-летнего императора Цзайтяня. Кан Ювэй продолжал направлять во дворец все новые меморандумы с призывом к реформам и с критикой существующего положения. Реформаторы намеревались соединить традиционную бюрократическую основу общества с «обновленным» конфуцианством. Они рассчитывали укрепить страну, проводя политику протекционизма и поощрения национального капитала, просвещения и восстановления международного престижа Китая.

Тем не менее даже это крайне умеренное и верноподданническое движение патриотических шэньши и честных чиновников натолкнулось на сильнейшее противодействие «партии императрицы». В начале июня 1898 г. умер великий князь Гун, что открыло реформаторам доступ во дворец. Там царил растерянный хаос. Реакционная цинская бюрократия ничего конструктивного предложить не могла. Это побудило богдохана прислушаться к советам Кан Ювэя. С проведением реформ Цзайтянь связывал и свои честолюбивые замыслы — стать спасителем государства и укрепить династию Цин.

11 июня 1898 г. был издан императорский указ, возвещавший о новом курсе государственной политики. Начался краткий период преобразований, или «сто дней реформ» (*усюй бяньфа*). В этой перемене внутривластного курса Цыси увидела опасность ослабления собственной власти и стала спланировать силы противников реформ.

Боясь встретить решительное противодействие со стороны Цыси, Цзайтянь не решился назначить Кан Ювэя на руководящую должность. Тем не менее он создал при себе своего рода «внутренний кабинет» по проведению новой политики. В качестве особо доверенных сановников в него вошли четыре видных представителя движения реформаторов, в том числе Тань Сытун. Фактически их деятельностью руководил Кан Ювэй, получивший второстепенную должность в Цзунли ямэне. Через «внутренний кабинет» стали проходить все документы, направляемые во

дворец. Его члены готовили докладные записки и проекты императорских эдиктов. В течение 103 дней — с 11 июня по 21 сентября 1898 г. — Цзайтянь по инициативе реформаторов издал несколько десятков указов, направленных на «искоренение старого и распространение нового». В них речь шла об устранении второстепенных, но уже явно бесполезных звеньев системы. В равной мере в нее привносились столь же далекие от радикализма новшества. В сфере экономики прокламировалось всяческое поощрение земледелия, промышленности, в том числе горно-добывающей, а также ремесла и торговли. Купцам была обещана защита от незаконных поборов со стороны чиновников. Речь шла о внедрении европейской агротехники и новых методов ведения сельского хозяйства с упором на чаеводство и шелководство. Большое внимание уделялось насаждению машинной техники, в том числе строительству железных дорог. Планировалась организация общественных работ в зонах стихийных бедствий. Указами Цзайтяня предусматривалось создание в Пекине трех центральных управлений — угольных шахт, железных дорог, а также сельского хозяйства, промышленности и торговли. Предполагалось создание новых оборонных предприятий.

Ряд реформаторских указов был посвящен делам просвещения. В Пекине намечалось открытие университета и медицинского института, а также подготовительных школ для поступающих в эти вузы. Всячески поощрялось создание частных школ. Кроме того, имелось в виду развитие новых типов школ, в том числе «западных наук», переводчиков и с ускоренной программой. Особый упор делался на изучение «западных наук», включенных в школьные программы. Для этого предполагалось переводить и издавать иностранные книги и учебники. Планировалось открытие специальных учебных заведений — горно-рудных, железнодорожных, мореходных и агротехнических училищ. В старой и новой системах образования отменялись традиционные архаичные «восьмичленные сочинения» на школьных и уездных экзаменах. Поощрялось открытие новых газет.

Большое внимание уделялось реорганизации армии по западному образцу и оснащению ее современным оружием, в том числе переобучению и перевооружению пекинского гарнизона. Началось обновление госаппарата. Упразднялись ненужные и архаичные учреждения в Пекине, ликвидировались некоторые должности и сокращались чиновные штаты. Менялась система государственных экзаменов на получение ученого звания и чиновной должности. Здесь также были отменены «восьмичленные сочинения», вводились экзамены по современной политике и экономике. Было объявлено о реформе системы военных и отмене придворных экзаменов. Всем чиновникам, шэньши и лицам других сословий разрешалось подавать меморандумы императору. Планировалось создание местной полиции и современной почты, а также развитие телеграфной сети. Предполагалась разработка и публикация государственного бюджета, а также его исполнения.

Как видим, «партия реформ» осмелилась лишь на весьма безобидные практические мероприятия в области экономики, просвещения и госаппарата. Она не решалась пойти на крупные политические перемены. «Обновление» конфуцианства лишь только намечалось. Могущество реакционного лагеря было столь велико, что Цзайтянь и его «внутренний кабинет» не торопились начать реформу государственного строя империи. Реформы 1898 г. были направлены не на разрушение старой системы, а на ее омоложение за счет устранения наиболее одиозной, уже нетерпимой архаики. Привнесение в старое общество технических и служебных элементов Запада не угрожало традиционным устоям. Движение за реформы 1895–1898 гг. не имело прочной социальной базы и было обречено. Сторонники Кан Ювэя не могли опереться на китайскую буржуазию. Последняя едва только возникла, была еще крайне малочисленна и предельно слаба. Ее младенческое состояние, в свою очередь, предопределяло тот факт, что реформаторы еще не могли быть выразителями ее интересов.

Тем не менее реформы в целом были встречены в штыки традиционалистской массой бюрократии и военных, особенно придворными и «восьмизнаменными». Против нововведений были шэньши и интеллигенция старого реакционного склада. Ожесточенное сопротивление этих сил сделало невозможным осуществление большинства начинаний Кан Ювэя и Цзайтяня. Последний был вынужден издать более двадцати указов с угрозами и строгими предупреждениями в адрес противников реформ. Когда это не подействовало, богдохан уволил со службы некоторых из высокопоставленных саботажников, в том числе Ли Хунчжана. Более того, Цзайтянь просил у Цыси разрешения провести чистку в среде сановников-реакционеров.

Обстановка в Пекине предельно обострилась. Цыси, Жунлу, князь Цин и другие лидеры «партии императрицы» начали готовить государственный переворот с целью свержения богдохана и реформаторского «кабинета». Операцию планировалось осуществить в октябре, когда весь двор должен был собраться в Тяньцзине на показательные маневры «новых войск» Юань Шикая под Сяочжанем. Для поддержки правого переворота сюда перебрасывалась армия Не Шичэна, а из Ганьсу были вызваны войска Дун Фусяна, славившиеся своей свирепостью. Положение реформаторов и Цзайтяня оказалось настолько шатким, что они, в свою очередь, решили использовать против своих противников войска. По плану Тань Сытуна и Цзайтяня при помощи офицеров и солдат «учебного корпуса» Юань Шикая во время маневров надлежало арестовать Цыси, наместника Чжили Жунлу и прочих реакционеров. Реформаторы и Цзайтянь решающую роль доверили Юань Шикаю. Этот лицемер и карьерист разыгрывал из себя преданного реформатора, был обласкан богдоханом и получил сановную должность. Однако в самый решающий момент он выдал замыслы «партии императора» своему непосредственному начальнику Жунлу, а тот императрице.

Ночью 21 сентября Цыси силами дворцовой гвардии осуществила государственный переворот. Цзайтянь был арестован и посажен под домашний арест. Его приближенные были казнены. Цыси от имени богдохана издала указ о передаче ей всей верховной власти в стране. В Пекине прошли обыски и аресты реформаторов, в том числе были схвачены Тань Сытун и еще пять видных последователей Кан Ювэя. Однако последнему и Лян Цичао при помощи иностранцев удалось бежать. Спасаясь от ареста, многие реформаторы тайно покинули Пекин. 28 сентября Тань Сытун и пять других реформаторов были казнены без суда и следствия. Еще раньше оказались распущенными «Союз защиты государства» и другие ассоциации сторонников нововведений. Почти четыре десятка сановников, столичных и провинциальных чиновников подверглись репрессиям — разжалованию, ссылке, отставке или понижению в должности. Все уволенные Цзайтянем были восстановлены на своих постах, а участники переворота щедро награждены. В числе прочих на государственную службу был возвращен Ли Хунчжан. Большинство указов Цзайтяня, изданных в течение «ста дней реформ», было отменено. Цыси намеревалась отравить арестованного императора, но разногласия по вопросу престолонаследия, противодействие со стороны ряда сановников и отрицательная реакция держав на дворцовый переворот сохранили ему жизнь.

После дворцового переворота Англия и Япония отмежевались от Кан Ювэя и Цзайтяня. Однако победа консерваторов вызвала открытый всплеск ксенофобии в самом Пекине и в вызванной из Ганьсу армии Дун Фусяна. Угроза нападения на дипломатические миссии побудила посланников ввести свои военные корабли в порты Северного Китая, усилить охрану посольского квартала в Пекине и потребовать вывода из Чжили армии Дун Фусяна, чьи солдаты грозились вырезать всех «заморских варваров». В ряде провинций осенью и зимой 1898 г. произошли антииностранные выступления. Некоторое время спустя после переворота в Пекине державы сорвали вторую попытку Цыси лишить Цзайтяня императорского сана. Это еще более распалило ее ненависть к «варварам», якобы стоявшим за спиной реформаторов. Спасая свой авторитет и желая укрепить цинский режим, императрица и ее окружение перешли к более жесткой политике в отношении держав. В конце 1898 г. им было заявлено о прекращении раздачи железнодорожных концессий, а затем Италии было отказано в «аренде» бухты в Чжэцзяне и создании итальянской «сферы влияния» в этой провинции. Из крупных начинаний сторонников Кан Ювэя Цыси сохранила лишь программу военной реформы. В октябре 1898 г. началось формирование четырех модернизированных корпусов. Они создавались соответственно на базе «Армии храбрецов» Не Шичэна, «учебного» корпуса Юань Шикая, аньхуэйских (хуайских) войск Сун Цина и переброшенной из Ганьсу армии Дун Фусяна. Затем был создан пятый — «штабной» (гвардейский) корпус. Его командиром стал сам Жунлу, он же осуществлял общее командование всей этой армией. Кроме того,

в декабре 1898 г. Цыси демонстративно открыла задуманный реформаторами Пекинский университет, как бы демонстрируя, что и она не чужда прогрессу.

После сентябрьского переворота 1898 г. реформаторское движение в самом Китае прекратило свое существование. Когда же его лидеры — Кан Ювэй и Лян Цичао бежали за границу, движение превратилось в эмигрантскую группировку с центром в Японии. Летом 1899 г. Кан Ювэй с рядом своих последователей создал здесь реформаторский «Союз защиты императора» («Баохуанхуэй»), или «Партию защиты императора» («Баохуандан»). Новая организация ставила своей целью вернуть реальную власть Цзайтяню, свергнуть господство «партии императрицы» и развернуть новую полосу умеренных реформ. Кан Ювэй и Лян Цичао оставались главными идеологами оппозиционно настроенных шэньши и интеллигенции Китая.

После неудачной попытки восстания в Гуанчжоу 1895 г. и жестоких репрессий наступил спад активности революционеров. Перестали существовать гонконгское и гуанчжоуское отделение «Союза возрождения Китая», его лидеры перебрались в Японию и пытались создать единую организацию с эмигрантами-реформаторами. Идея объединения двух течений была отвергнута Кан Ювэем, ибо для большинства реформаторов последователи Сунь Ятсена были «мятежниками» и «бандитскими элементами». Кроме того, многие революционеры просто перешли в лагерь реформаторов и вступили в «Партию защиты императора».

Ихэтуаньский кризис

Реакционный сентябрьский переворот 1898 г. знаменовал собой откат в прошлое — ответную реакцию на «европеизацию» Китая. Борьба против «варваров» и «заморских» машин резко расширилась и приняла более острые формы особенно на Севере — в провинциях Чжили, Шаньдун и в Маньчжурии. Здесь иностранное проникновение было новым и непривычным явлением, вызывавшим поэтому крайне болезненную реакцию населения. К концу XIX в. в экономике этого региона произошли заметные изменения. Интенсивно велось строительство железных дорог, была налажена почтово-телеграфная связь, значительно сократились перевозки грузов по Великому каналу, и резко возрос импорт фабричных товаров. Постройка железных дорог Пекин—Чжэндин, Тяньцзинь—Цзиньчжоу и Пекин—Тяньцзинь, движение иностранных судов по Великому каналу, регулярные пароходные рейсы между Тяньцзинем и Шанхаем, распространение в 1896 г. современной почтовой сети на всю страну вызвали острый социальный кризис. Потеряли работу многочисленные труженики традиционных видов транспорта и связи. Это были лодочники, возчики, кулиносильщики и грузчики, погонщики, охранники, гонцы и смотрители правительственной ямской и курьерской, а также частной посылочной службы,

и хозяева постоянных дворов. Кроме того, строительство КВЖД и ЮМЖД грозило оставить без заработка многие тысячи людей, занятых извозным промыслом — перевозкой земледельческой продукции гужом и на джонках к портам Люодуна. Трассы прокладывавшихся дорог уничтожали поля, разрушали дома и кладбища, что вызывало гнев населения. Самая острая борьба против машин на севере Китая шла в сфере сухопутного транспорта. Железные дороги и телеграф, построенные «варварами» или на их займы, сами по себе являлись в глазах населения символом чужеземной экспансии. Усиленное проникновение европейских, японских и американских товаров на внутренний рынок Китая ускорило разрушение ручной промышленности — в основном ремесла. В результате импорта фабрикатов, строительства железных дорог, развития пароходства, появления почты и телеграфа лишились работы, дополнительного заработка и разорились несколько миллионов человек, в том числе в Чжили — более миллиона. В итоге на Севере Китая в конце 90-х годов назрел крупный социальный взрыв, направленный в первую очередь против иностранного сектора. Назревание антииностранного взрыва было ускорено катастрофическим ухудшением жизни крестьянства северных провинций в результате стихийных бедствий. На протяжении ряда лет здесь повторялись засухи. В 1898 г. к ним добавилось крупное наводнение в долине Хуанхэ, с тех пор река ежегодно прорывала дамбы. Особенно страдали юго-восток Чжили и зона Великого канала в пров. Шаньдун. С 1898 г. в большинстве областей свирепствовал голод. Весной 1900 г. в Шаньси голодало 4 млн. человек. Эпидемия холеры и другие массовые инфекционные болезни вызвали высокую смертность среди населения, которое считало причиной всех этих бед «заморских дьяволов». Люди верили, что уничтожив иностранцев, можно покончить с голодом.

Организаторами антииностранной борьбы в провинциях Шаньдун и Чжили стали несколько тайных обществ, практиковавших даосские физические упражнения (*цюань*). Они напоминали кулачный бой, что и побудило иностранцев назвать их членов «боксерами». Это же отразилось и в названии главного общества — «Ихэцюань» («Кулак во имя справедливости и мира»). Конгломерат этих тайных обществ чаще всего именовался «Ихэцюань» или «Ихэтуань» («Отряды справедливости и мира»). Последнее дало название всему движению, а его участники именовались *туань* (отряды) и *цюань* (кулаки). Сами же *ихэтуани* считали себя «священными воинами», «справедливыми людьми» и «священными отрядами». В их рядах были бедные крестьяне, разорившиеся ремесленники, потерявшие работу, транспортные рабочие и демобилизованные солдаты, а также женщины и подростки. Поклоняясь традиционным божествам, святым и духам, они отдавали предпочтение богу войны Гуаньди. *Ихэтуани* верили, что даосская гимнастика *цюань*, заклинания и амулеты делают их бессмертными и неуязвимыми для «варварских» пуль и снарядов. Для этого они проходили специальную усиленную подготовку у своих

«алтарей» под руководством особых наставников, а затем объединялись в отряды. В их среде процветали суеверия, мистицизм и черная магия, а также разного рода вымыслы.

Движение «Ихэтуань» возникло как реакция низов традиционного общества на иностранную экспансию, как крайне консервативное и обскурантистское движение средневекового толка. Его идеологическим знаменем были конфуцианство, патриотизм и ярая ксенофобия, но оно было крайне далеко от сознательного антиимпериализма. Идеология *ихэтуаней* своими темными сторонами — мистицизмом и суевериями — была близка взглядам и психологии «партии императрицы». Ксенофобия *туаней*, отсталость и стихийность крестьянской массы, ее стремление к разрушению и конфуцианская ортодоксальность впоследствии содействовали их союзу с наиболее реакционными силами китайской деспотии. Даже в период репрессий местных властей против «смутьянов» *туани* всемерно афишировали свои верноподданнические чувства. Их угрозы относились лишь к тем, кто осуществлял нововведения и контакты с Западом. Сама же династия и особенно императрица Цыси оставались вне критики.

Наиболее остро ненависть к «заморским дьяволам» проявлялась в провинции Шаньдун, где с поразительной наглостью стали хозяйничать немцы — военные, чиновники, концессионеры, предприниматели и миссионеры. Движение *ихэтуаней* началось весной 1898 г. на границе провинций Шаньдун и Чжили. Резкий подъем борьбы наступил осенью 1899 г. после обоснования немцев в Цзяочжоу и прокладки ими трассы будущей железной дороги Циндао—Цзинань. Антигерманское и антихристианское восстание охватило более 20 уездов, где за оружие взялось до 40 тыс. человек. Той же осенью движение *ихэтуаней* перекинулось в юго-восточные районы Чжили. Под лозунгом «Поддержим Цин, смерть иностранцам!» они беспощадно уничтожали все «варварское» — иностранцев, христианские церкви, школы и библиотеки, миссионеров и китайцев-христиан. Они жгли европейские книги. Ведя борьбу против всего западного, *цюани* выступали разрушительной силой, ударным отрядом косности, обскурантизма и «азиатчины». Это было движение против любых форм прогресса, объединившее под своими знаменами самые консервативные силы Китая. Взрыв отчаяния маргинальных слоев общества в Северном Китае был ответом на принудительное насаждение извне современных форм экономики. Во главе движения встал бедняк и бродяга Чжу Хундэн. Под его руководством *туани* разбили посланные против них провинциальные войска, но властям удалось обезглавить эти отряды. Чжу Хундэн и его помощники были арестованы и казнены. Само же движение продолжало набирать силу. Часть шаньдунской бюрократии предлагала поставить его под контроль властей, включив «священные отряды» в состав сельского ополчения. Такую позицию занял губернатор пров. Шаньдун Юйсянь. Другая часть чиновников видела в *туанях* бунтовщиков и требовала беспощадной расправы над ними. Под давлением держав Юйсянь в декабре

1899 г. был заменен на посту губернатора Юань Шикаем — ярим противником *туаней*. Юань Шикай двинул на северо-запад провинции карательные войска. Не имея возможности противостоять современному оружию, отряды шаньдунских *ихэтуаней* были вынуждены весной 1900 г. отступить на территорию Чжили. *Туани* не выступали сколько-нибудь серьезно ни против чиновников, ни против местных шэньши, ни против маньчжурского господства и самой династии Цин. Они боролись за укрепление всего режима в целом, за сохранение конфуцианского «порядка» против его нарушителей — «заморских дьяволов», будучи весьма благонамеренными подданными, а отнюдь не повстанцами.

Основная масса бюрократии, придворных и шэньши практически выступала с *ихэтуанями* заодно, хотя для правительства они были еще какое-то время «смутьянами» и «бандитами». Цыси, маньчжурская верхушка и китайские сановники поначалу враждебно отнеслись к движению *ихэтуаней*, увидев в нем, как в любом массовом вооруженном выступлении, «бунт», направленный против цинского режима. Между тем угроза реального раздела Китая «заморскими варварами» заставляла императорский двор внять антииностранным лозунгам *туаней* и попытаться использовать «священные отряды» для изгнания из Поднебесной наглых пришельцев. Цыси стремилась не допустить разгрома *ихэтуаней* как возможного орудия в борьбе с ненавистными ей «варварами». Поэтому вплоть до мая 1900 г. издавались указы о наказании «бандитов» и «смутьянов», но в то же время постоянно откладывался разгром слабо вооруженных и плохо организованных отрядов *туаней*. Не испытывая особого страха по отношению к этому верноподданническому движению, вдовствующая императрица мешала его подавлению, наказывая и отстраняя наиболее ретивых генералов-карателей. В конечном счете Цыси сохранила «священные отряды» для двойного удара — по «заморским варварам» и по сторонникам модернизации Китая. *Ихэтуани* считали предателями родины и деятелей «самоусиления», и реформаторов. Слепая ненависть ко всему современному привела их в стан махровой реакции — маньчжурской и ханьской. При этом все более или менее прогрессивные силы Китая — революционеры, буржуазия, обуржуазившиеся шэньши и вчерашние сторонники курса «усвоения заморских дел» — составили в 1898–1901 гг. противоположный лагерь, хотя и весьма разношерстный. В этом плане разгром реформаторского течения и подъем движения «Ихэтуань» представляли собой два этапа и два уровня в сущности единой линии развития событий. Победа придворной реакции в 1898 г. сделала возможным слияние обоих потоков, тогда как ни реформаторы, ни лидеры «самоусиления» в лице Чжан Чжидуна и Ли Хунчжана не пошли на союз с *ихэтуанями*.

Раздраженная вмешательством держав в вопросы маньчжурского престолонаследия, Цыси в начале 1900 г., ссылаясь на слабое здоровье императора Цзайтяня, наследником престола объявила сына князя Дуаня. Однако державы отказались признать его, а две тысячи сторонников Цзайтяня подписали петицию протеста, направленную во дворец. Цыси тем не

менее настояла на своем, и князь Дуань, крайний реакционер и ксенофоб, стал самой влиятельной фигурой в правительстве. Державы сочли, что Пекин потворствует антииностранным движению, и устроили демонстрацию военно-морских сил в Чжилийском заливе. После этого Цыси была вынуждена направить против *ихэтуаней* корпус Не Шичэна. В мае последовала грозная коллективная нота глав иностранных миссий, и цинскому правительству пришлось издать четыре указа о расследовании и запрещении движения. Они были направлены против «дурных» *ихэтуаней*, тех, кто нарушал порядок на местах и доставлял неприятности властям, «хорошим» же давали понять, что антииностранный деятельность не будет строго наказываться. Цыси тем самым старалась сохранить «священные отряды» как ударную силу против ненавистных ей «заморских варваров». В самом правящем лагере не было единства по этому вопросу. Довольно сильная группировка ярых ксенофобов и крайних реакционеров во главе с князем Дуанем требовала использовать *ихэтуаней* против внешнего врага. Такую же позицию заняли могущественный Жунлу и воинственно настроенные чиновники в Нэйгэ. Против поддержки *ихэтуаней* и обострения отношений с державами выступала другая группировка — сановники Цзунли ямэня во главе с князем Цин. Однако она была намного слабее первой. Такая разногласия отразилась и на позиции двора, то запрещавшего союз «Ихэтуань», то разрешавшего его, но в целом оберегавшего его для дальнейшего использования в своих целях.

Присоединение шаньдунских «священных отрядов» к чжилийским привело к резкому подъему движения. Отряды *ихэтуаней* двумя колоннами начали поход на север. Первая двинулась вдоль Великого канала на Тяньцзинь, а вторая — на Пекин. Одержав победу под г. Жэньцю, она вышла к железной дороге Баодин–Пекин и направилась к Тяньцзиню. Наместник Чжили Юйлу двинул против *ихэтуаней* с севера армейский корпус Не Шичэна, а с юга — войска из Баодина. *Ихэтуани* разобрали рельсы и сожгли шесть станций на железной дороге. Получив подкрепление, они в июне вынудили Не Шичэна убраться восвояси. После этого успеха ряды «священных воинов» возросли до 100 тыс. бойцов. Их крупные отряды подошли к Пекину, Тяньцзиню, Тунчжоу и Баодину. Однако лидеры *ихэтуаней* действовали разобщенно, не имея единого командования. Среди вожаков, действовавших под Пекином, выделялся шэньсиец Ли Лайчжун, в тяньцзиньской группировке — бывший лодочник Чжан Дэчэн и люмпен Цао Футянь, а женским отрядом командовала проститутка Хуан Лянь.

В конце мая 1900 г. *ихэтуани* начали разбирать рельсы, сжигать железнодорожные станции, валить телеграфные столбы и уничтожать всевозможное «заморское» оборудование. Они разрушали все здания европейского типа и даже трофейное оружие западного образца. Они громили отечественные промышленные, торговые и финансовые предприятия и учреждения с такой же яростью, как и иностранные. *Ихэтуани* разрушили, например, машинное оборудование Кайпинских угольных копей — гордости отечественной промышленности. Нанеся тяжелый урон нацио-

нальной экономике в Северном Китае, они значительно ослабили страну перед лицом империалистической экспансии.

Успехи *ихэтуаней* всполошили западные державы. С весны 1900 г. их представители не переставали требовать от пекинского правительства скорейших мер по подавлению антииностранных движений. В начале июня державы сосредоточили на рейде в Дагу более 20 военных кораблей и усилили охрану посольского квартала в Пекине, а также иностранных селтльментов в Тяньцзине. Вслед за этим они высадили в Тангу крупный десант из воинских частей Англии, Германии, России и Франции. К ним присоединились отряды США, Италии, Японии и Австро-Венгрии. Во главе этих объединенных сил общей численностью более 2 тыс. человек был поставлен английский вице-адмирал Э.Сеймур. Он должен был пробиться в Пекин и взять под свою охрану посольский квартал. 10 июня, захватив три китайских железнодорожных состава, его экспедиция двинулась из Тяньцзиня к столице. Начались бои на станциях Лофа и Лянфан. Веря в свою неуязвимость и бессмертие, *ихэтуаны* бесстрашно бросались в атаки, массами гибли. Они разобрали железную дорогу в тылу у Сеймура, и его экспедиция попала в ловушку. Отступая вдоль Великого канала, отбиваясь от наседавших «священных отрядов» и правительственных войск, она с большим трудом в конце июня вернулась в Тяньцзинь.

Наращивание военно-морских сил у Дагу побудило Цыси остановить свой выбор на группировке князя Дуаня и Ганъи. На секретном совещании в начале июня было решено прекратить карательные операции против «справедливых людей» и использовать последних против «заморских варваров». Для установления союза с *ихэтуанями* в Чжочжоу направилась специальная миссия во главе с Ганъи. В Пекин срочно была введена известная своей ксенофобией армия Дун Фусяна. Одновременно произошла смена руководства Цзунли ямэня — вместо сторонника мира и противника *ихэтуаней* князя Цица его главой был назначен ярый ненавистник иностранцев князь Дуань. Наместнику Чжили и коменданту крепости Дагу был отдан приказ привести войска в боевую готовность. По завершении миссии Ганъи несколько десятков тысяч *ихэтуаней* во главе с Ли Лайчжуном двинулись к Пекину, где их уже ждали. Маньчжурские князья открыли им крепостные ворота, и с 11 июня «священные отряды» начали постепенно вступать в столицу. От поджогов церквей, построек миссионеров и домов христиан *ихэтуаны* перешли к поголовному уничтожению всех христиан, а также лиц, хоть как-то связанных с иностранцами, в том числе имевших «заморские» товары, бытовые изделия или одежду. Затем они приступили к грабежу и поджогам богатых лавок, фирм и домов. В богатейшем торговом районе Пекина сгорело более 4 тыс. домов. Убийства и грабежи начались в Запретном городе. Напуганная Цыси издала указы о наказании «бандитов» и вызвала в Пекин корпус Юань Шикая. Поставив охрану вокруг посольского квартала, она приказала Ли Хунчжану из Гуандуна прибыть в столицу. Вдовствующая императрица готовила тем самым запасные пути на случай примирения с державами. Сто-

ронники войны с «варварами» подсунили Цыси фальшивку — «четыре требования» держав, включающие отстранение императрицы от реальной власти. Через три дня последовал подлинный ультиматум держав с требованием сдачи Дагу. В ответ иностранным дипломатам было предложено выехать в Тяньцзинь, но те отказались.

Войска Дун Фусяна и *ихэтуани* приступили к осаде посольского квартала. Так начались «56 дней пекинского сидения» иностранцев. Еще раньше началась 63-дневная осада католического храма на Сишику, где укрылись многие европейцы и до трех тысяч китайцев-христиан. Оба очага обороны могли быть легко сломлены артиллерией и штурмом цинских войск, но Цыси не пошла на это, оставляя для себя пути к отступлению. Ведя двойную игру, она не порвала дипломатических отношений с державами. В официальных нотах Цыси просила у них извинения, все сваливала на *ихэтуаней*, именуя их «бунтовщиками», и регулярно снабжала осажденных продовольствием. В то же время правительственные войска в Пекине не только не мешали «справедливым людям» убивать, грабить и устраивать пожары, но и сами «карали заморских дьяволов». От их рук погибли японский дипломат Сугияма и германский посланник Кеттелер. Большинство солдат армии Дун Фусяна вступили в союз «Ихэтуань». Наместник Чжили Юйлу заключил союз с *ихэтуанями*, которые в середине июня вошли в Тяньцзинь и блокировали территорию иностранных концессий.

Неудача экспедиции Сеймура побудила державы к подготовке большого похода в Китай. 17 июня, после семичасового артобстрела и ожесточенного штурма, иностранные десанты овладели укреплениями Дагу. 21 июня Цыси официально объявила войну державам и пошла на открытый союз с обществом «Ихэтуань», которое получило легальный статус. Цинские войска в войне с «варварами» должны были взаимодействовать с отрядами «братьев-ихэтуаней». Боясь самовольства последних, двор поставил их под свой контроль. Князь Чжуан (Цзайсюнь) и Ганъи были назначены командующими «братьев-ихэтуаней». Был разработан специальный устав, строго регламентировавший поведение буйных союзников династии. Цыси одарила их красными куртками, рисом и серебром, передала им холодное оружие, а также устаревшие винтовки и пушки. То же самое предписывалось делать и провинциальным властям. Маньчжурские и китайские сановники устанавливали алтари «братьев-ихэтуаней» у себя дома, изучали приемы кулачного боя и афишировали свою приверженность делу «священных воинов».

Легитимация движения «Ихэтуань» вызвала его распространение из Чжили на другие провинции. Особый размах антииностранная борьба приняла в Шаньси, где ей содействовал новый губернатор Юйсянь, переведенный сюда из пров. Шаньдун. Большой остроты движение достигло в ряде городов Маньчжурии и в полосе строительства железнодорожной линии КВЖД в Фэнтяни, где начались антирусские выступления. Главную роль в антирусских акциях сыграли провинциальные войска. Хэйлунцзянский губернатор Шоу Шань организовал 19-дневный обстрел Благовещен-

ска и русских пароходов на Амуре, а также осаду русского селтльмента в Харбине.

Локальные очаги движения образовались во многих провинциях собственно Китая. Однако в Восточном и Южном Китае бюрократия решительно отмежевалась от этого движения, убеждая правительство разгромить *ихэтуаней*. Наместники Хугуана Чжан Чжидун, Лянцзяна — Лю Кунь и Лянгуана — Ли Хунчжан, боясь «смуты» в своих регионах, сделали максимум возможного для ограждения иностранцев и христиан от антииностранных выступлений. Совместно с представителями держав они выработали сепаратное соглашение — «Правила совместной обороны юго-восточных провинций». Этим документом наместники гарантировали мир и порядок в долине Янцзы и южнее ее, а консулы — в селтльменте Шанхая. Тем самым Ли Хунчжан, Чжан Чжидун и Лю Кунь проигнорировали объявление Пекином войны, встав на путь открытой государственной измены. К ним присоединились наместник Минчжэ, губернатор пров. Шандун, Юань Шикай, а также управляющий железными дорогами и телеграфом Шэн Сюаньхуай. Цыси и ее окружение смотрели сквозь пальцы на это сотрудничество с врагом, ибо видели в этом запасной выход на случай примирения с державами. Последние поддерживали трех «самостоятельных» наместников, особенно Англия, рассчитывавшая посадить в бассейне Янцзы и в Южном Китае марионеточные правительства.

После падения Дагу сюда стали прибывать свежие подкрепления из Германии, России, Англии, США и Японии. Преодолевая сопротивление *ихэтуаней* и правительственных войск, они подошли к Тяньцзиню, деблокировали ранее осажденную территорию иностранных концессий, а затем взяли штурмом Восточный арсенал. В середине июля союзники начали бои за овладение городом, в ходе которых погиб Не Шичэн. Огонь иностранных орудий, пулеметов и винтовок косил ряды *ихэтуаней*, шедших впереди правительственных войск, а те стреляли им в спину, если атака захлебывалась. 13 июля последовал генеральный штурм. Цинские войска и *ихэтуани* потерпели поражение, и на следующий день победители вступили в Тяньцзинь. Цао Футянь попал в их руки и был распят, а вскоре расправились и с Чжан Дэчэном. Свою победу интервенты ознаменовали массовыми расстрелами мирных жителей, выдавая их за *ихэтуаней*. Падение Тяньцзиня несколько отрезвило Цыси. Видя, что несколько тысяч «братьев-*ихэтуаней*» не могут взять штурмом даже посольский квартал, охраняемый всего 500 солдатами, она стала охладевать к своим новым союзникам. Боясь утратить власть и желая показать свою силу, группировка князя Дуаня-Ганьи казнила пять сановников из числа противников *ихэтуаней* и сторонников мира с державами. В конце июля в Пекин прибыли 10 тыс. солдат из провинций Хубэй и Цзянси во главе с ярым сторонником войны против «варваров» инспектором военного флота р. Янцзы Ли Бинхэном, что укрепило позиции группировки Дуаня-Ганьи. Тем не менее началось массовое бегство из Пекина чиновников, шэньши, торговцев и прочих простолюдинов на запад.

Войска союзников накапливались в Тяньцзине, готовясь к походу на Пекин. Военские контингенты Англии, России, Германии, Японии, Франции, США, Италии и Австро-Венгрии вместе составляли около 21 тыс. человек: среди них 10 тыс. японцев, 4 тыс. русских, 3 тыс. индусов-сипаев под командой англичан и 2,5 тыс. американцев. Остальные страны были представлены небольшими или же символическими подразделениями. После ожесточенной борьбы между державами за пост главнокомандующего им был назначен немецкий фельдмаршал А. Вальдерзее. Еще до его прибытия в Китай союзная армия восьми государств 4 августа 1900 г. двинулась вдоль Великого канала к столице империи. В походе участвовало 15 тыс. иностранных солдат и офицеров. Между Тяньцзином и Пекином им противостояли не менее 60 тыс. цинских солдат.

Первое сражение произошло 5 августа у Бэйцзяна. После ожесточенного шестичасового боя войска Сун Цина и Ма Юйкуня были вынуждены отступить. На следующий день развернулась упорная схватка за Янцунь. Китайцы стойко сражались, но к полудню у них иссякли боеприпасы, и они продолжили отступление. Хотя союзники понесли ощутимые потери, наместник Чжили Юйлу счел исход боя поражением и застрелился. 9 августа развернулось сражение под Хэсиу, и вновь цинские силы отступили, а новый главнокомандующий Ли Бинхэн покончил с собой. В Пекине поднялась паника. Правительство своими противоречивыми приказами внесло неразбериху в действия войск. Жители толпами покидали Пекин. Началось массовое бегство *ихэтуаней* и уничтожение их алтарей. Цыси через князя Цина обратилась к державам с просьбой прекратить военные действия и начать мирные переговоры. 14 августа, взорвав городскую стену, японские и русские части ворвались в Пекин, подавляя отчаянное сопротивление цинских войск и последних отрядов *ихэтуаней*. На рассвете следующего дня Цыси, император Цзайтянь, маньчжурские князья и высшие сановники тайком бежали из Пекина, когда в столице еще продолжались уличные бои. После этого Пекин капитулировал. Цинские войска прекратили боевые действия. Только части Дун Фусяна, отступая к Шэньси, продолжали оказывать сопротивление союзным войскам.

Одновременно с походом на Пекин началось наступление в Маньчжурии. В начале августа русские войска, форсировав Амур, устроили здесь китайскому населению кровавую бойню, известную как «благовещенская резня». Продвигаясь на юг, русские войска в конце августа взяли Цицикар, в конце сентября — Гирин, а в начале октября вошли в Мукден. В течение двух месяцев вся Маньчжурия была оккупирована, и началось восстановление разрушенных участков железных дорог. Прихватив Цзайтяня, Цыси с частью войск и приближенных бежала на северо-запад в Калган, оттуда в Тайюань — главный город Шаньси, а затем в соседнюю провинцию Шэньси и обосновалась в ее столице Сиане.

В начале сентября императорским указом *ихэтуани* были объявлены виновниками всех бед и подлежали беспощадному искоренению. Цинские власти обрушили жестокие репрессии на этих «святых людей», вновь

ставших «бандитами» и «смутьянами». Князя и сановники из группировки Дуаня-Ганъи поначалу отделались легкими наказаниями. Вести переговоры с державами Цыси уполномочила Ли Хунчжана и князя Цина, причем первый был назначен наместником Чжили.

Войдя в Пекин, интервенты устроили здесь массовый грабеж. Разгрому подверглось все — храмы, библиотеки, магазины и частные жилища. Императорские и княжеские дворцы были дочиستا разграблены. Из столицы в Тяньцзинь шли целые железнодорожные составы, груженные награбленным добром, в том числе драгоценностями, произведениями искусства и антиквариатом. Победители казнили всех, кого считали скрытыми *ихэтуанями*. Особенно зверствовала японская военщина и германские части. После падения Пекина часть ихэтуаньских отрядов еще продолжала борьбу в Чжили, Шаньси и Маньчжурии. Против них действовали как цинские, так и союзные войска. В сентябре в Китай с 22-тысячным германским корпусом прибыл Вальдерзее и с небывалым рвением развернул карательные акции. Подозреваемых в причастности к *ихэтуаням* казнили, их дома сжигали. В октябре державы организовали карательную экспедицию в Баодин. Когда же интервенты попытались прорваться с той же целью в Шаньси, им преградили дорогу 25 тыс. цинских солдат под командованием Си Ляна — губернатора этой провинции. Уходя из-под ударов карателей, остатки *ихэтуаней* рассеялись по другим провинциям. Россия всячески стремилась уклониться от этих кровавых акций и поскорее вывести свои войска из Чжили, чтобы открыть дорогу к восстановлению русско-китайского союза. Уже в августе 1900 г. русские стали эвакуироваться из столичной провинции, и к приезду туда Вальдерзее их там уже не было. Все свое внимание Петербург сосредоточил на укреплении собственных позиций в Маньчжурии, для чего велись сепаратные переговоры с Ли Хунчжаном.

В конце октября 1900 г. в Пекине начались переговоры между уполномоченными держав и Китая. К победителям присоединились Бельгия, Испания и Голландия. Пекинская конференция продолжалась почти год. В ходе ее между державами наметились некоторые разногласия. Так, Германия настаивала на максимально жестких репрессиях в отношении Китая, тогда как Россия и США выступали за их смягчение. Китайская сторона упорно боролась за снижение наказаний цинским сановникам и военачальникам и за уменьшение контрибуции, но в конце концов была вынуждена сдаться. По настоянию держав князя Дуаня и Цзайлань были сосланы в Синьцзян, Юйсянь и еще пять сановников приговорены к смерти (Ганъи умер до этого), а Дун Фусян сослан в Ганьсу. Кроме того, были казнены еще 119 провинциальных чиновников. Наследник престола, сын Дуаня Пуцзюнь был удален от трона. Пекинская конференция в конце концов выработала свой «Заключительный протокол». Согласно ему, Китай должен был выплатить в качестве контрибуции 450 млн. лянов в течение 39 лет из расчета 4% годовых, т.е. в итоге около 1 млрд. лянов. Династии Цин в течение двух лет запрещалось покупать оружие за рубежом.

Форты Дагу и все укрепления между Тяньцзинем и Пекином должны быть скрыты. Войска держав могли занимать 12 пунктов вдоль железной дороги Пекин–Тяньцзинь «для поддержания свободного сообщения между столицей и морем». В Пекине создавался укрепленный посольский квартал, своего рода «государство в государстве». Каждое посольство здесь могло иметь свою вооруженную охрану с пулеметами и орудиями. Цинское правительство обязывалось наказывать своих подданных смертной казнью за антииностранные выступления. Китай посылал «извинительные посольства» в Берлин и Токио за убитых Кеттелера и Сугияму. В городах, где имели место убийства иностранцев, отменялись экзамены на звание шэньши. Вместо Цзунли яэня создавалось министерство иностранных дел. Кроме того, Китай обязался в будущем облегчить условия торговли и мореплавания, т.е. убрать последние формальные препятствия для освоения его внутреннего рынка иностранным капиталом. 7 сентября 1901 г. Ли Хунчжан и князь Цин подписали «Заключительный протокол». Через два месяца после его подписания умер Ли Хунчжан — выдающийся политический деятель, почти 30 лет стоявший во главе внешней и внутренней политики Китая, самый богатый после Цыси человек. После него осталось наследство в виде различного имущества на сумму 40 млн. лянов, что было, правда, в несколько раз меньше, чем состояние знаменитого временщика Хэшэня.

Ихэтуаньская (боксерская) контрибуция, чья выплата растянулась вплоть до Второй мировой войны, вчетверо превышала контрибуцию Японии по Симоносекскому договору. Ихэтуань вызвали к жизни нечто вроде «единого фронта» держав против Китая. До 1899 г. единства среди них не наблюдалось, и Пекин тогда еще мог играть на противоречиях между ними. В итоге движение «Ихэтуань» не только не покончило с колониальным закабалением Китая, а, напротив, ускорило этот процесс. Раздел Китая на «зоны монопольных интересов» полностью сохранился. Более того, провинция Чжили фактически превратилась в своего рода «коллективную сферу влияния» держав с правом последних иметь там свои войска и вводить новые. Все это еще более ограничивало суверенитет Китая. Речь теперь шла не о разделе, а о переделе «зон монопольных интересов». Движение ихэтуаней усугубило и политическое, и экономическое закабаление Китая, привело к серьезному ухудшению его статуса, существенно ослабило способности страны сопротивляться усилившейся экспансии Запада.

Глава 13

Социально-экономическая эволюция полуколониального Китая

Кризис традиционной экономики

Подключение Китая к мировому рынку и вторжение иностранных товаров существенно изменили условия для развития местной дофабричной промышленности. После «открытия» страны в ходе «опиумных» войн (1840–1842, 1856–1860) внутренний рынок Цинской империи был захвачен иностранной машинной продукцией, особенно в городах. В результате сократился общий объем кустарного производства. Спрос мирового рынка на ряд сельскохозяйственных продуктов, например на шелк-сырец и хлопок, создал затруднения с сырьем. В таких отраслях, как хлопкообработка, металлургия и металлообработка, сказалось разрушительное влияние импортных фабрикатов. В других отраслях конкуренция иностранных товаров суживала возможности сбыта китайской продукции как на внешнем (например, чай), так и на внутреннем рынке (сахар, уголь и др.).

Низкое качество сырья и его высокая себестоимость привели к тому, что китайский чай не мог конкурировать с индийским и цейлонским, а местный шелк начал проигрывать японскому на мировом рынке. Сильно пострадало также металлургическое и металлообрабатывающее производство. Наплыв дешевых фабричных товаров вызвал разрушительные последствия в таких отраслях, как сахароварение, производство красителей, скобяной промысел и др. Главный же удар был нанесен по основной отрасли ручной промышленности — хлопкообработке, представленной главным образом крестьянскими промыслами.

Основным орудием разрушения хлопчатобумажных промыслов стали не фабричные ткани, а машинная пряжа. После окончания Крестьянской войны тайпинов (1850–1864) иностранная пряжа беспрепятственно заполняла текстильные рынки одной провинции за другой. До начала XX в. на китайском рынке господствовала пряжа, произведенная в колониальной Индии. Однако несмотря на то, что иностранные ситцы были дешевле местных тканей ручной выделки, фабричная материя с трудом завоевывала китайский рынок. Китайские ткачи, особенно в деревнях, шли на все,

лишь бы сохранить свой скудный заработок. К тому же средние и нижние слои местного населения предпочитали носить одежду из ткани, приготовленной из машинной пряжи и в меньшей мере — из фабричного ситца. В результате за период 1872–1892 гг. импорт пряжи увеличился в 25 раз, тогда как ввоз тканей — лишь на 37%.

Крестьяне и городские ремесленники Южного и Юго-Западного Китая постепенно забрасывали прядение, переходя к ткачеству с использованием покупной машинной пряжи. Этот процесс принял массовый характер, распространившись и на Север. Интенсивное отделение прядения от ткачества ускорило развитие товарного начала в текстильных отраслях провинций Гуандун, Цзянсу, Хубэй и в новых районах — Гуанси, Гуйчжоу, Сычуань и Юньнань. Массовый переход кустарей приморских, юго-западных и отчасти центральных провинций к фабричной пряже представлял собой крупный сдвиг в хозяйственной жизни Китая. Тем не менее к концу XIX в. домашнее прядение еще сохраняло свои позиции в северных провинциях.

В конце XIX в. в хлопчаткачестве, шелкоткачестве, маслоделии и чае-обработке заметно ускорилось развитие низших форм капитализма. При этом наиболее интенсивно развивались отрасли, работавшие на экспорт, которые не испытывали тормозящего влияния ввоза иностранных фабрикатов. Самой передовой экспортной отраслью стала шелкообработка, где роль торгового капитала была велика. Серьезнейшим препятствием развитию дофабричной промышленности служили внутренние таможенные сборы, многократно взимаемые с товара по мере прохождения через таможенные заставы. *Лицзинь* и экспортная пошлина на чай, например, достигали 25% его рыночной цены, на сахар — 18%, а на хлопковую и шелковую ткань — 16%.

Неразвитость кредитной системы Китая, высокий уровень заёмного процента (от 30 и выше) создавали дополнительные трудности для частного предпринимательства в Китае. Торговцы, владельцы мастерских и мануфактур страдали от взяточничества, вымогательства и самоуправства местных чиновников. Ручная промышленность не была еще сферой выгодного помещения капитала. Мелкие размеры большинства мастерских и мануфактур, их постоянные финансовые затруднения, большая зависимость от рыночной конъюнктуры, частые банкротства свидетельствовали о слабости китайского промышленного капитала. При этом технические усовершенствования пробивали себе дорогу с большим трудом. В итоге не только почти все «ремесленные дворы» (*цзиху*), но и какая-то часть мастерских и мануфактур к концу XIX в. обладали оборудованием, отсталым даже с точки зрения мануфактурной техники.

Во второй половине XIX в. появились совершенно новые экономические звенья, чуждые конфуцианскому арендно-бюрократическому строю. Прежде всего речь идет о машинной промышленности, пароходстве и железных дорогах. Пересадка этих инородных производственных и техниче-

ских форм на китайскую почву происходила при явной неподготовленности к этому традиционной экономической системы. «Послеопиумный» Китай оставался аграрной страной, хотя и с весьма продуктивным, по средневековым меркам, земледелием, превосходящим ремесленное производство. Цинское общество еще не сбросило груз закостеневших конфуцианских традиций, средневековых надстроечных институтов, социальных и экономических отношений. В частности, сохранялась сословная иерархия: верховное «знаменное» сословие маньчжуров (*цижэнь*) и четыре собственно китайских сословия (*ши*, *нун*, *гун*, *шан*). При этом предпочтение отдавалось «ученым» (*ши*, *шэньши*) и земледельцам (*нун*) при полном пренебрежении к ремесленникам (*гун*) и торговцам (*шан*), что являлось отражением традиционной экономической доктрины: «земледелие — ствол, торговля и ремесло — ветви». В результате экономическое положение Китая характеризовалось подчиненностью города деревне, общей технической отсталостью, слабостью торгово-предпринимательских слоев.

Вовлечение страны в колониальную систему, насильственное включение в мировой рынок, рост капитализма в недрах старого строя и вызревание различных переходных форм существенно сказались на жизни миллионов крестьян, ремесленников, торговцев, вызвав во второй половине XIX в. социально-экономический кризис. Симптомы кризиса к концу XIX в. приняли многоплановый характер. Сокращение поголовья рабочего скота, снижение плодородия почвы, падение производительности труда в зерновом хозяйстве, прекращение роста пахотных площадей — все это вело к тревожной для перенаселенного Китая стагнации зернового хозяйства. Застой в ирригационных работах, разрушение гидротехнических сооружений и связанные с этим стихийные бедствия дополняли картину кризиса. В то же время наблюдались явные перемены: распад средневековых форм казенного землевладения, прежде всего «знаменного» и военно-поселенческого, первые шаги к ликвидации особого статуса Маньчжурии, начало массовой колонизации Северо-Востока, растущее переселение крестьян в окраинные районы империи, общий рост подвижности земледельческого населения. Превращение страны в часть мирового рынка, рост товарно-денежных отношений в деревне заметно нарушали средневековую неподвижность сельского общества Китая.

Совокупность таких устойчивых факторов в условиях втягивания страны в мировую капиталистическую систему и частичное перенесение машинного капитализма в Китай знаменовали собой переворот в ходе его стадийного развития, а именно начало движения по нисходящей линии. При этом обострение социальных противоречий, усиление пауперизации трудящихся масс и хозяйственная разруха уже не являлись определяющими факторами. В многовековой истории китайского общества подобные явления возникали не раз, залечиваясь впоследствии трудом ряда поколений. Однако «послеопиумный», послетайпинский кризис отличался от всех предшествующих совершенно иной исторической обстановкой. Он

протекал в условиях иностранной экспансии, ограбления страны более развитым в социально-экономическом отношении обществом Запада, в условиях пересадки на китайскую почву машинных форм капитализма и формирования капиталистического уклада. В такой ситуации очередной упадок стал приобретать признаки надлома прежней традиционной устойчивости, придавая рассматриваемым явлениям черты формационного кризиса. Возможности стадийного роста китайского арендно-бюрократического строя оказались исторически исчерпанными. Именно новый исторический климат придал привычным для конфуцианского средневековья кризисным компонентам необратимый характер и признаки формационного надлома. Последний в значительной мере был результатом воздействия внешних факторов на общество, внутренние все еще достаточно сбалансированное и почти не развивавшееся в сторону формационной смены. В «доопиумном» Китае повышенная внутренняя устойчивость и зарегулированность общества, напротив, вели к затуханию стабильной поступательности и соответственно к отдалению перспективы смены формации. Этим объяснялась слабость внутренних капиталистических потенций, во многом предопределившая нежизненность стихийно-буржуазной модернизации начала XX в., а также трудность совмещения новых, импортированных в Китай социально-экономических форм с традиционной экономикой.

В начале XX в. кризисная ситуация в Китае обострилась в первую очередь в связи с резким возрастанием роли внешнего фактора. Торговая экспансия Запада разрушала полунатуральные и мелкотоварные отрасли деревенского и городского производства Китая, усиливая тем самым платежное денежное потребление взамен натурального. Результатом этого было заметное оживление внутреннего рынка, что создавало условия для дальнейшего развития на китайской почве капитализма как национально-го, так и прежде всего иностранного.

Врастание иностранного капитала в экономическую структуру Китая ухудшило положение широких масс трудового населения города и деревни. Растущий импорт дешевых фабрикатов (пряжа, ткани, металлоизделия, керосин, сахар, красители) сократил либо разрушил ряд подсобных крестьянских промыслов. Кроме того, заметно обострился очередной кризис сельского хозяйства. Продолжавшееся сокращение поголовья рабочего скота, нехватка удобрений и уменьшение плодородия почвы чувствительно сказались на зерновом хозяйстве — традиционной основе экономики Китая. Особенно тревожным было продолжавшееся падение урожайности в провинциях бассейна Янцзы — житнице Китая. Сокращение урожайности и рост аграрного перенаселения еще более обострили продовольственную проблему. К тому же заметно усилился переход посевных площадей под технические культуры. Происходило выпадение пахотных угодий из земледельческого оборота в связи с эрозией почвы и ее засолением, особенно в ряде южных провинций — Чжэцзян, Цзянси, Фуцзянь.

Стихийные бедствия в провинциях долины Янцзы приняли более массовый характер в связи с разрушением системы дамб, плотин и отводных каналов, пришедшей за долгую эксплуатацию в упадок. Самое большое за предшествующие 60 лет наводнение в бассейне Янцзы произошло в 1910—1911 гг., когда была затоплена почти вся долина от Ичана до моря. Наводнение принесло голод и разорение миллионам жителей провинций Цзянсу, Аньхуэй и Цзянси. Особенно катастрофическим было положение в пров. Хубэй.

Вместе с тем наряду с упадком и разложением старого в начале XX в. ускорилось развитие товарного производства в деревенской жизни, возросло влияние мирового рынка на китайскую деревню. Резко увеличился вывоз таких видов сельскохозяйственной продукции, как шелк, чай, соя, хлопок и масличные. Происходила дальнейшая специализация земледелия. Наблюдался рост хлопководства в долинах Янцзы и Хуанхэ, шелководства в провинциях Цзянсу, Чжэцзян, Аньхуэй, Гуандун и Гуанси, а также на полуостровах Шаньдун и Ляодун. До 1906 г. постоянно расширялись площади под опиийным маком, особенно в западных провинциях — Сычуань, Юньнань и Шэньси. Росло товарное производство риса в бассейне Янцзы, особенно быстро на товарные начала переходило зерновое хозяйство Маньчжурии.

Укрепление мелкотоварного уклада в деревне к началу XX в. создало условия для появления в крестьянской среде первых ростков новой дифференциации. Прежнее традиционное деление крестьян на богатых и бедных, на собственников и арендаторов уже не отражало всей сложности социальной структуры деревни, возникали пока еще слабые буржуазные связи в самой крестьянской среде. Идущее расслоение постепенно кристаллизовало новые социальные типы крестьян не только в земледелии, но и в деревенских промыслах. Однако противоположность интересов разных групп внутри крестьянской массы была выражена еще очень нечетко.

Обуржуазившиеся землевладельцы, в том числе стремившиеся к новым источникам дохода шэньши, усвоили не столько капиталистические формы ведения сельского хозяйства, сколько буржуазные методы помещения значительных денежных средств за пределами деревни — в городскую промышленность, торговлю и транспорт. Местные богачи активно участвовали в разного рода акционерных компаниях и товариществах на паях. В первое десятилетие XX в. они вложили несколько десятков миллионов юаней в фабричные, банковские, коммерческие, пароходные и страховые компании, преимущественно в провинциях бассейна Янцзы и южных приморских районах. Накануне падения монархии буржуазно-землевладельческая среда Южного Китая затратила большие средства на покушку акций Хугуанских железных дорог. Специфическим аграрным видом капиталовложений обуржуазившихся рентополучателей стали компании по подъему пустошей. Этот вид предпринимательства привлек не только шэньши и чиновников, но также торговцев и буржуазию.

Процесс начального обуржуазивания части землевладельческого класса, в том числе чиновников и шэньши, тормозился вызывавшей у них крайнее недовольство экономической политикой Цинов. Оно было вызвано резким повышением налогового бремени, связанным прежде всего с выплатой гигантской «боксерской» контрибуции 1901 г. Для погашения этой задолженности были введены тяжелые надбавки к основному земельному (*дидин*) и продовольственному (*цаолян*) налогам. Были значительно повышены и косвенные налоги — соляной, подушный, налоги на опиум, табак, сахар, вино, чай и другие продукты. К этому добавились новые поборы на сдачу помещений внаем, прежде всего под лавки. Увеличилось обложение имущественных сделок, были введены надбавки на ломбардные лицензии, повышен ломбардный налог. Поскольку многие землевладельцы активно занимались торговлей и ростовщичеством, новые поборы ударили как по их арендным доходам, так и по деловым операциям.

Причиной «фискального взрыва» 1901–1909 гг. явилось также стремление Цинов переложить все затраты, связанные с проведением так называемой «новой политики», на плечи землевладельцев и крестьян. Для этого были введены общая надбавка к поземельным налогам (*муцзюань*) и ряд целевых начислений к ним — «школьный», «полицейский» и «железнодорожный» налоги, подать для подготовки местного самоуправления и регулярные принудительные сборы с земельной ренты под видом подписки на железнодорожные акции.

Новые прямые и косвенные налоги прежде всего легли на плечи среднего и зажиточного крестьянства, а также на городское население, вызвав брожение среди крестьянских и торгово-ремесленных слоев. Однако недовольство трудового люда фискальным бременем не представляло собой угрозы для Цинов. Очередная налоговая коллизия, каких было много в истории Китая, вряд ли бы вышла за рамки привычных для конфуцианского средневековья «старых китайских бунтов». Новое и самое опасное для цинского режима заключалось в том, что правительство своей фискальной политикой затронуло лояльность значительной части реальных хозяев на местах — на уровне уезда, волости и ниже.

«Фискальный взрыв» 1901–1909 гг. отрицательно сказался на землевладельцах — *даху*, *фушэнь*, *туба* (*тухао*) и рядовых *дичжу*, официально являвшихся крупнейшими налогоплательщиками. Довольно распространенная практика перекладывания налоговых обязательств на арендаторов вряд ли могла полностью амортизировать столь резкий натиск казны. Кроме того, повышенное изъятие прибавочного продукта через каналы фиска резко сужало возможности частной эксплуатации (арендной, долговой). Фискальный натиск 1901–1909 гг. покончил с послетайпинским относительным затишьем в деревне, вызвав полосу крестьянского движения. Последнее, менее всего направленное против арендодателей, создало атмосферу тревоги и неуверенности у значительной части землевладельцев. Сами восстания, карательные операции властей и неизбежные в таких

случаях грабежи вынуждали многих землевладельцев покидать свои обжитые гнезда в беспокойной деревне и переезжать в города под охрану правительственных войск.

Осложнилось положение сельских шэньши, часто игравших роль арбитра в конфликтах между крестьянством и властями. В результате налогового натиска казны многие из них становились участниками, а некоторые — руководителями антиналоговых выступлений. Оппозиционные настроения шэньши усиливались из-за того, что они связывали непомерный рост налогов с капитуляцией Цинов перед Западом. Нарушение Цинами интересов шэньшиско-землевладельческой среды способствовало расширению либерально-конституционной оппозиции. В нее стала включаться масса шэньши и землевладельцев, далеких от собственно либеральных и конституционных идей, стремившихся прежде всего к наведению «порядка» в Поднебесной. В итоге появился новый, опаснейший для Цинов, компонент кризисной ситуации.

Сложные процессы переживала ручная промышленность Китая. Техническая отсталость, отсутствие протекционизма, произвол и препятствия, чинимые цинскими властями, тормозили развитие производительных сил. Из-за плохого качества изделий и больших издержек производства местная дофабричная промышленность все более теряла рынки сбыта внутри страны, обостряя проблему сырья. Наметилось падение специфически китайских видов ремесла, таких, как изготовление бумаги, кистей, фарфора, зонтов, вееров и циновок. Разорялись мастерские и мануфактуры. В противовес этому возникли новые отрасли, вызванные к жизни влиянием Запада или спросом мирового рынка, в том числе спичечная, сигаретная и альбуминовая. Росли также стекольные, свечные, мыловаренные, трикотажные, ковровые и канатные предприятия, выпускавшие изделия иностранного образца. В старых отраслях (чаеобработка, сахароварение, маслостроение и текстильное производство) выживали и расширяли масштабы производства лишь предпринимательские формы.

Основной тенденцией начала XX в. оставалось разрушение средневековых форм — натуральных домашних промыслов, цехового ремесла и казенных мануфактур с использованием принудительного труда. Особенно резко это сказалось на казенных мануфактурах. Правительство уже не могло приостановить их упадок. При сохранении всех институтов цеховой организации (*хан*, *бан*, *хуйгуань*, *гунсо*) происходил рост капиталистических отношений внутри самого цеха. Сокращался объем мелкотоварного цехового производства и мелкой цехо-гильдейской торговли под влиянием предпринимательских форм производства. Согласно промышленно-торговой переписи 1912 г., мелкое городское производство насчитывало свыше 2 млн. «ремесленных дворов» (*цзянху*) с 13 млн. занятых. Общее количество семейных работников составляло примерно 10 млн., и около 3 млн. человек были наемными работниками. Удельный вес наемного труда не превышал 23–25% общего числа занятых. Однако в ряде

отраслей (сахароварение, кирпично-черепичное, спичечное и суконное) довольно широко применялся наёмный труд. Здесь многие «ремесленные дворы» уже представляли собой мелкие мастерские, основанные на семейной кооперации, а иногда даже небольшие мануфактуры.

Роль иностранного капитала

С вторжением иностранного капитала и включением Китая в систему мирового хозяйства началась полоса болезненного напластования друг на друга двух типов общественного развития. Один был представлен спонтанным старым циклическим типом, т.е. медленной средневековой эволюцией. Другой был привнесён извне и являл собой новый для Цинской империи буржуазный линейный вариант развития западного типа. Переплетение этих двух начал породило кризис, а затем и постепенное угасание традиционности в Китае. К началу XX в. все экономически наиболее важные регионы Цинской империи оказались в той или иной мере связанными с мировой экономикой. Европейцы и американцы получили право свободного передвижения по всему Китаю. К 1894 г. для иностранной торговли было открыто 34 морских и речных порта, в том числе города и во внутренних районах Цинской империи. В каждом «открытом» порту находился инспектор морских таможен — иностранец. В основном это были англичане, контролировавшие, в том числе и через свои банки, не только доходы от таможен, но и поступления от соляного налога и некоторые другие важные статьи бюджета Китая.

До конца 80-х годов в импорте главная роль принадлежала опиуму. Его ввозом из Индии оплачивались две трети экспорта китайского шелка и чая. С начала 90-х годов на первое место в импорте Китая вышли хлопчатобумажные пряжа и ткани. Вплоть до середины 90-х годов основным предметом вывоза из Китая оставался чай, вторым по значимости был шелк, а третьим — хлопок-сырец. Под натиском импортной фабричной пряжи быстро разрушалось домашнее хлопкопрядение. Ввоз керосина ударил по выделке осветительных масел. Из-за иностранной конкуренции на мировом рынке падало значение китайских шелка и чая. Рос экспорт хлопка и сои. Китай все больше превращался в источник сырья и рынок сбыта фабричной продукции. С втягиванием Китая в систему мирового рынка устойчивым явлением стал вывоз за границу чернорабочих-кули, своего рода «желтых рабов». К концу XIX в. за пределами Цинской империи уже находилось свыше 3 млн. китайцев-эмигрантов (*хуацяо*).

Росло значение крупных портовых городов — Шанхая, Тяньцзиня, Гонконга, Ханькоу с их иностранными концессиями и селтльментами, фирмами, складами, фабриками, банками и страховыми компаниями. Бурно развивающийся Шанхай отодвинул в тень старый Ханчжоу. Гонконг затмил собой Гуанчжоу, Тяньцзинь стал соперничать с Пекином, а деловой центр переместился из Учана в Ханькоу. Гонконг, превратившись

в основной центр иностранного сектора экономики, стал наряду с Шанхаем главным оплотом английского капитала на китайской земле.

Торговля была основной формой экономической привязки Китая к мировому рынку и главной сферой деятельности иностранного капитала. Британская империя играла ведущую роль во внешней торговле Китая. На долю Англии, Гонконга и Индии в 1894 г. приходилось около 80% импорта и более половины экспорта Цинской империи. За Великобританией следовали Япония и США.

Торговая экспансия и вывоз товаров вплоть до конца XIX в. были определяющим фактором политики держав в Китае. Система неравноправных договоров и полукOLONиальной эксплуатации Цинской империи давала иностранцам право свободного передвижения по внутренним экономическим районам Китая с предоставлением им низких фиксированных таможенных пошлин. Размер последних по большинству товаров составлял не более 5% их стоимости. Иностранцы освобождались от уплаты многократных внутренних пошлин — *чангуаньшуй* и *лицзинь*. Введенные твердые пошлины могли пересматриваться лишь через десять лет, и то с согласия иностранных консулов.

Другим важным средством экономического закабаления Цинской империи было лишение ее таможенной независимости. В 1859 г. англичане при поддержке США и Франции взяли в свои руки «Управление императорских морских таможен Китая», поставив во главе его Р.Харта. Последний в течение 45 лет (1863–1909) был бессменным генеральным инспектором и фактическим хозяином морских таможен. К 1898 г. такой контроль был введен в 33 портах. Все доходы от морских таможен не только проходили через Р.Харта и его помощников, но и частично хранились в английских банках.

По договорам 1842–1860 гг. иностранцы получили право по своему усмотрению учреждать любые торговые фирмы в «открытых» портах. К 1897 г. количество иностранных фирм возросло до 595, в том числе английских — до 374. Ведущее место в экспортно-импортной торговле иностранного сектора принадлежало фирмам «Джардин, Мэзисон энд К°» («Ихэ»), «Рассел энд К°» («Цичан») и «Гэрд энд К°», начавшим с опиумной торговли. Особую роль играла английская фирма «Джардин, Мэзисон энд К°», контролировавшая многие промышленные, транспортные, страховые компании и предприятия. Фирмы протянули свои щупальцы к источникам земледельческого сырья, получая огромные прибыли на операциях по экспорту сельскохозяйственных продуктов и изделий городского и деревенского ремесла. Иностранцы действовали при помощи своих агентов-скупщиков и посредников из числа китайских торговцев. Последние скупали по их заказам продукцию у крестьян и ремесленников, образуя сеть так называемых компрадоров (*майбань*), которые становились союзниками и орудием иностранной экспансии. Таким образом, иностранный капитал насаждал в Китае не только законченные формы капи-

тализма и свойственные им материально-технические условия (пароходства, фабрики, доки, телеграф, а позднее железные дороги), но и социальную среду, необходимую для функционирования иностранного сектора экономики и его контактов с местным деловым миром.

Институт компрадоров возник как результат «тканевой несовместимости» китайской и западной структур, выступая одним из средств разрешения этого конфликта. Являясь, с одной стороны, формой приспособления иностранного сектора к традиционной экономической системе, а с другой — местного торгово-ростовщического капитала к мировой торговле, компрадорство стало первой фазой становления современного предпринимательского слоя в Китае, первой элитной группой китайской буржуазии, своего рода «начальной школой» национального капитала в условиях абсолютного господства торговли, особенно экспортно-импортной, порожденной интернационализацией экономики Цинской империи.

Превращение Китая в часть мирового рынка, начавшееся с середины XIX в., происходило постепенно, по мере того как одна часть страны за другой открывалась для иностранной торговли. После первой «опиумной» войны (1840–1842) это были южные районы — Гуандун, Фуцзянь и Гуанси. В 50–60-х годах рынком сбыта импортных фабрикатов стали восточные приморские провинции — Цзянсу, Чжэцзян и Аньхуэй. С этого времени центр внешней торговли Цинской империи переместился из Гуанчжоу на север — в Шанхай. С 60-х годов север страны — Чжили и Шаньдун, а с 70-х годов бассейн Янцзы — Хубэй, Цзянси и Хунань были открыты для иностранной коммерции. В 80-е годы в сферу мирового рынка попадают юго-западные провинции — Сычуань, Юньнань и Гуйчжоу. В 90-е годы наступила очередь Маньчжурии. Всего с 1843 по 1899 г. для иностранной торговли было открыто 42 морских и речных порта. К 1895 г. в Шанхае и Гонконге было основано около 20 иностранных пароходных компаний, из которых половина были английскими. Вплоть до конца XIX вв. господствующее положение занимали английские «Баттерфилд, Суэйр энд Ко» («Тайгу») и «Джардин, Мэзисон энд Ко» («Ихэ»). Созданные ими пароходства осуществляли каботажные рейсы и навигацию по Янцзы.

Режим капитуляций, продиктованный «Заключительным протоколом» 1901 г., сразу же сказался в торговой политике. Новые торговые договоры Цинской империи с Англией (1902), Японией и США (1903) создавали дополнительные благоприятные условия для полуоптовой и розничной торговли иностранцев в глубинных районах Китая. С иностранных товаров прекращалось взимание *лицзиня*, если даже они перепродавались китайскими купцами и компрадорами. Само иностранное происхождение товара становилось гарантией его «экстерриториальности» на внутреннем рынке Китая. К 1912 г. было открыто 82 города и порта, а вместе с пунктами, разрешенными для якорных стоянок иностранных судов, это число превышало 100. К этому времени практически не осталось сколько-нибудь крупного торгового центра, не доступного для иностранцев. Стоимость

экспорта с 1901 по 1911 г. поднялась вдвое, а импорта — на 63%. Британская империя продолжала занимать первое место в торговле со Средним государством — 50% всего товарооборота. В этот период обострилась конкурентная борьба между империалистическими странами за установление торгового влияния в Китае, за передел рынков сбыта. Япония и США теснили английскую торговлю, подорвав монополию Англии в импорте хлопчатобумажных изделий и опиума, а также в вывозе масличного сырья. Сфера английского господства — южные провинции и бассейны Янцзы стали объектами активного наступления японских и американских товаров. Империалистические державы все более превращали Китай в поставщика дешевого сырья: хлопок вывозился для японских текстильных фабрик, соевая продукция для японской пищевой промышленности и земледелия, для потребления в Европе, шелк — для фабрик США, чай — для царской России и США.

С ростом влияния мирового рынка на Цинскую империю усилилась зависимость китайской экономики от внешней торговли, возросла эксплуатация местного рынка торговой и промышленной буржуазией Европы, США и Японии, упрочился неэквивалентный характер внешнеэкономических связей Китая.

«Открытые» порты, концессии и сэтльменты стали очагами капиталистического развития. Здесь в отличие от других районов Китая насаждался буржуазный правопорядок, объективно способствовавший распространению национального предпринимательства и формированию отечественной буржуазии. Вся промышленность иностранного сектора была расположена на территории договорных сэтльментов и концессий, так как до Симонсекского договора 1895 г. державы не имели права строить свои предприятия на остальной территории Цинской империи. Была запрещена для иностранцев и разработка горных богатств. После франко-китайской войны в Пекин и Тяньцзинь устремилось множество представителей западных компаний и банков. Они предлагали Китаю займы на железнодорожное строительство и свои услуги в этой области, в том числе домогались концессий. Однако цинское правительство отклонило все эти предложения, еще не теряя надежды поставить зарвавшихся «заморских варваров» на место. К концу XIX в. экспансия иностранного капитала привела к захвату им важных экономических позиций. В Китае возник пока еще сравнительно небольшой, но крайне жизнеспособный и быстро развивавшийся иностранный сектор. С одной стороны, он ускорил кризис традиционной экономики Китая и способствовал росту национального капитализма. С другой стороны, иностранный сектор стал важнейшим фактором превращения Цинской империи в полуколонию. Влияние мирового рынка и деятельность международного капитала стали основными носителями нового линейного типа развития в Китае.

К концу XIX в. в «открытых» портах особенно важную роль стали играть иностранные кредитные учреждения. Западные банки в Китае посте-

ленно становятся одним из рычагов экономической экспансии. Через них проходило основное движение серебра в Китай и из него. При этом они широко занимались спекуляцией серебром, используя разницу цен на него в глубинных районах страны и на мировом рынке.

Критическая ситуация середины XIX в., отток серебра за границу вынудили цинское правительство прибегнуть к внешним займам. К 1894 г. была реализована серия главным образом английских займов в основном на военные и административные нужды Пекина. Иностранные займы Китаю до японо-китайской войны 1894–1895 гг. были еще невелики, всего 40 млн. лянов, и обычно не преследовали специальных экономических и политических целей. К началу XX в. Цины погасили эту задолженность.

С началом эпохи империализма экспорт капитала в Китай стал главной формой иностранной экономической экспансии, отодвинув на второй план растущий вывоз товаров. Цинская империя ввиду низких цен на сырье, землю, рабочую силу, ввиду высокой нормы прибыли и дороговизны кредита после заключения Симоносекского договора 1895 г. становится важным объектом приложения иностранного капитала. Последний особенно привлекают китайские недра, пути сообщения и средства связи, где были наиболее обеспечены сверхприбыли. Косвенные инвестиции в виде займов после японо-китайской войны 1894–1895 гг. начинают играть новую роль, став основным экономическим средством в борьбе держав за порабощение Китая, раздел его на «сферы влияния», сферы рынков сбыта и источников сырья. В этих новых условиях иностранные банки становятся экономической силой, осуществляющей империалистический нажим на Китай. В борьбе держав за раздел Китая на «сферы влияния» в конце 90-х годов большую роль сыграли «Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорэйшн», «Йокогама Спэши бэнк», «Банк дэ л'Эндошин» (Франция), «Дойч-Азиатише банк» и «Русско-Китайский банк». Вывоз капитала в виде займов после японо-китайской войны уже был связан с прямым вмешательством во внутренние дела Китая, с установлением иностранного контроля над государственными доходами в целом, с захватами китайской территории, особых экономических и политических прав. За период 1895–1898 гг. для погашения военных расходов и контрибуции цинскому правительству было навязано семь займов на общую сумму 370 млн. лянов, т.е. в девять раз большую, чем все займы до 1895 г.

Важным этапом экономической экспансии держав в Китае явилась так называемая «битва за концессии», разгоревшаяся в конце 90-х годов. Каждое из соперничавших государств стремилось заполучить у Китая наиболее выгодные концессии на строительство железных дорог. Помимо высокой прибыльности их сооружение на территории «сфер влияния» значительно усиливало позиции этих держав, создавая дополнительные возможности эксплуатации богатств того или иного района. За 1896–1898 гг. Китай вынужден был подписать соглашения на постройку 19 железнодорожных линий.

Промышленные предприятия иностранцев стали создаваться в Китае после первой «опиумной» войны на территориях сэтльментов в «открытых» портах. Первые предприятия имели подсобный характер и относились к пищевой промышленности и коммунальному хозяйству или же обслуживали внешнюю торговлю. Позднее появились фабрики, перерабатывающие местное сырье со сбытом продукции на китайском рынке. До 1895 г. иностранные предприятия строились исключительно в «открытых» портах. Главным образом это были судоремонтные доки, корабельные верфи, предприятия пищевой и бытовой промышленности, шелкопрядильные и чаеобрабатывающие предприятия. С 1843 по 1894 г. было основано 101 иностранное предприятие, из них две трети были английскими и более половины находилось в Шанхае. Преобладали средние и крупные фабрики. После слияния и поглощения небольших предприятий наибольшее значение имели доки в Гонконге и Хуанпу, шанхайские судостроительные заводы, а также ряд шелкопрядильных фабрик. В расширении сферы предпринимательской деятельности иностранцев особую роль сыграл Симонсекский договор 1895 г., по которому они получили практически неограниченное право строить в Китае промышленные, горно-добывающие и транспортные предприятия за пределами сэтльментов и арендованных территорий. Продукция этих предприятий также освобождалась от всех внутренних пошлин. После 1895 г. стало быстро расти число иностранных предприятий, в том числе впервые стали создаваться шахты, рудники и прииски. Резко усилились позиции иностранного сектора в механическом хлопкопрядении.

Окончательное превращение Китая в полуколониальную страну и наступление эпохи империализма заметно изменили характер и методы иностранной экономической экспансии. В начале XX в. стремительно растущий экспорт товаров теряет свое прежнее значение. На первый план окончательно выдвигается экспорт капитала как главный ведущий инструмент подчинения и ограбления страны империалистическими державами. К концу 1914 г. иностранные инвестиции увеличились по сравнению с 1900 г. с 750 млн. до 1650 млн. долл., т.е. более чем в 2 раза. Около двух третей их составляли прямые и одну треть — косвенные вложения. Несмотря на сохранение примерно прежнего соотношения этих двух статей, абсолютный рост последней привел к резкому качественному перелому. Китай, ранее более или менее успешно выплачивавший свои внешние долги, теперь потерял возможность выпутаться из тяжелейшей долговой кабалы. За период 1901–1914 гг. внешний долг Китая достиг огромной суммы — 835 млн. долл. Из них почти 58% приходилось на «боксерскую» контрибуцию и займы на покрытие контрибуции 1895 г. Сумма внешних займов возросла почти вдвое, составив к концу 1913 г. 526 млн. долл. На военно-административные нужды цинского правительства приходилось 63%, а на железнодорожное строительство и связь — 37% этой суммы.

Приток иностранных капиталов в первое десятилетие XX в. происходил преимущественно в виде более выгодных прямых вложений. С 503 млн. долл. в 1902 г. они увеличились до 1085 млн. дол. в 1914 г. Основная масса их приходилась на железнодорожное строительство и транспорт. Крупные суммы были помещены во внешнюю торговлю, обрабатывающую и горнодобывающую промышленность, а также связь. Кроме того, большие средства были вложены в жилищное и коммунальное строительство в сеттльментах. Иностранный капитал притекал главным образом на территории, фактически отнятые у Китая. Около двух третей всех вложений было помещено в собственность, находившуюся на арендованных территориях и в сеттльментах, где имелись местная дешевая рабочая сила и дешевое сырье для выкачки повышенных прибылей.

Резко ускорилось развитие иностранной фабричной промышленности — с 1901 по 1911 г. было основано 91 предприятие. При этом заметно возросла роль крупных и средних объектов. Первоначальный капитал фабрик, заводов, шахт, рудников, верфей и электростанций, созданных иностранцами за это десятилетие, был почти в полтора раза больше, чем соответствующий показатель за всю вторую половину XIX в. Наибольшие вложения были сделаны в горно-добывающую и металлообрабатывающую промышленность, что привело к установлению иностранного господства в этих отраслях. При помощи займов был установлен контроль над всем механизированным производством чугуна в Китае. Японские фирмы финансировали Ханьпинскую компанию и, воспользовавшись ее трудностями, обязали поставлять руду и чугун по низким ценам в Японию. К 1912 г. иностранные предприниматели уже контролировали более половины всей и девять десятых механизированной добычи угля в стране. Значительным был рост иностранных текстильных и пищевых предприятий. Основным упор был сделан на текстильную промышленность — отрасль, где еще шла борьба с китайскими фабриками за преобладание, главным образом в хлопкопрядении. Всего к 1911 г. иностранному капиталу принадлежало 32% всех веретен. Создав в эти годы новые доки, верфи и электростанции, иностранцы закрепили свое господство в судостроении и коммунальном хозяйстве важнейших городов. Таким образом, бурный рост предпринимательства резко усилил позиции иностранного сектора и обеспечил ему господство в ряде важнейших отраслей промышленности.

Англия оставалась ведущим инвестором в Китае. Ее капиталовложения за 1902–1913 гг. возросли более чем вдвое. Британия, предпочитавшая займы для производственных целей, с 1900 по 1911 г. самостоятельно или совместно с другими державами разместила в Китае 17 таких займов, в том числе 14 железнодорожных, причем десять из них приходилось на Лондон. Британский капитал играл наиболее активную роль в промышленном предпринимательстве.

Англичане усилили строительство хлопчатобумажных и шелкоткальных, табачных и других предприятий. Крупные суммы были помещены

в Кайпинские угольные копи, верфи, телефонизацию, электроснабжение и жилищное строительство Шанхая, а также в разработку месторождений цветных металлов. Прямые вложения Англии почти вдвое превышали ее долю в иностранных займах. На втором месте стояли капиталовложения царской России, в основном приходившиеся на КВЖД, пищевую промышленность Северной Маньчжурии и на правительственные обязательства. Японские инвестиции в Китае резко возросли после установления господства Японии в Южной Маньчжурии. Здесь особую роль прежде всего играла компания «Мантецу» и ее горно-добывающие предприятия. Значительно увеличились капиталовложения Германии и Франции. Их займы предоставлялись Пекину главным образом на правительственные цели и железнодорожное строительство. Прямые вложения этих стран были помещены в основном в недвижимость, предприятия и транспорт в «сферах влияния»: Германия в пров. Шаньдун, Франция в пров. Юньнань. Американское участие в этот период было невелико. Это объяснялось неудачей попыток финансовых монополий США проникнуть в «сферы влияния» других империалистических держав.

Начало XX в. ознаменовалось обострением борьбы держав за захват железнодорожных концессий в Китае. С 1900 по 1913 г. державы навязали цинскому правительству 29 новых и дополнительных железнодорожных займов. Англия занимала ведущее место в этих инвестициях — свыше трети суммы всех займов. Росло участие Франции, Бельгии и Японии в финансировании железнодорожного строительства. Прокладка железных дорог во внутренних провинциях расширяла сбыт иностранных товаров и усиливала выкачку дешевого сырья для нужд мирового рынка. Это вело к одностороннему развитию экспортных отраслей местного производства. Закреплялось положение Китая как аграрно-сырьевого придатка империалистической системы, усиливалась экономическая зависимость страны от иностранного капитала. Вместе с тем железные дороги ускорили общественное разделение труда, разрушали натурально-хозяйственный уклад, стимулировали рост внутреннего рынка и тем самым способствовали росту капиталистического уклада в Китае. Наплыв европейского и японского капитала, непрерывная цепь займов и особенно железнодорожное строительство резко усилили значение иностранных банков в экономике Китая как руководителей финансовой торговой экспансии. С возросшей ролью банков валютная интервенция в Цинскую империю приняла широкие масштабы. Выпуск денежных знаков осуществляли более десяти иностранных кредитных учреждений. В 1912 г. общая сумма иностранных денежных знаков, обращавшихся в Китае, достигла 45% нетрадиционного бумажно-денежного обращения страны.

Начало XX в. стало переломным этапом в процессе подчинения Среднего государства иностранным капиталом. В это десятилетие был заложен прочный фундамент для широкого и систематического ограбления Китая методами эпохи империализма.

Казенное и смешанное предпринимательство

Машинное производство, начавшееся с иностранных фабрик в «открытых» портах, было пересажено на китайскую почву в тот период, когда мануфактурная стадия здесь ещё далеко не завершилась. В результате мануфактурный комплекс продолжал самостоятельное развитие, не только весьма слабо переходя в фабричное русло, но и мало соприкасаясь с ним. Для самой Цинской империи середины XIX в. чисто экономические потребности социума не выдвигали исторической необходимости машинной индустрии. Более того, здесь господствовали иные объективные условия — прежде всего резкое превосходство земледелия над ремеслом в плане производительности труда, гигантское давление избыточной рабочей силы человека на орудия труда и крайне медленная эволюция техники. Все это снимало по крайней мере на ближайшие десятилетия возможность естественного генетического перехода мануфактуры в фабрику. Однако вмешательство такого мощного фактора, как государство, резко изменило прежнюю картину.

Обстановка середины XIX в. в Китае вынудила прийти в движение саму государственную власть, столетиями ограждавшую замедленность социально-экономических процессов в стране. Первым по времени побудительным импульсом был позор военных поражений Цинской империи в «опиумных» войнах. Второй и неизмеримо более важной причиной была неспособность династии своими силами подавить Крестьянскую войну тайпинов, поставившую маньчжурское господство на край гибели. Чтобы укрепить режим, необходимо было создание собственной машинной военной промышленности. Это вынудило правительство принять участие в модернизации китайской экономики. В противном случае стране грозил национальный крах.

Цинское правительство, напуганное ростом экономических позиций иностранного капитала в Китае, выдвигало необходимость «самоусиления» (*цзинцзян*) и создания «своей» фабричной промышленности. При этом маньчжуры по-прежнему традиционно боялись предпринимательства как антипода конфуцианским нормам и угрозы традиционным устоям. Кроме того, с капитализмом реакционные круги связывали возможность господства иностранцев в Китае и опасность существующему порядку. Поэтому политика «самоусиления», начавшаяся в 1862 г. с так называемой эпохи Тунчжи и окончившаяся к японо-китайской войне 1894–1895 гг., субъективно основывалась не на приятии духа предпринимательства, а на боязни последнего. Лидеры «самоусиления» рассчитывали завести у себя необходимые машины, но без капитализма.

Даже это куцее предпринимательство «по иностранному образцу» вызывало страх и сопротивление консервативной придворной камарильи, ненавидевшей нововведения и, с другой стороны, боявшейся усиления группировки Ли Хунчжана. Так, первая телеграфная линия Пекин–Тянь-

цинь подверглась налетам чиновников и работников прежней курьерской службы, потерявших заработок. Реакционная клика всячески препятствовала строительству железной дороги Таншань–Тяньцзинь и в 1888 г. решительно отказалась продолжить ее до Пекина. Консервативная группировка Цыси вообще стремилась по возможности отвести подальше от столицы все, что было связано с проникновением иностранной техники. Так, рельсы разобранной в 1877 г. первой в Китае железной дороги Шанхай–Усун были вывезены на Тайвань. Страх перед иностранными машинами на территории Цинской империи привел к тому, что основным источником перевооружения войск стало не местное производство оружия европейского образца (военных судов, орудий и винтовок), а закупка его за границей. В то же время боязнь оказаться в полной зависимости от «заморских дьяволов» еще в период Крестьянской войны тайпинов вынудила правящую верхушку обзавестись своей производственной базой. Последнее определяло собой начало и вместе с тем особенность возникновения национального машинного производства.

Появление местной фабричной промышленности в форме казенных военных заводов относится к началу 60-х годов, а частных фабрик — лишь к концу 70-х годов. В последующие десятилетия XIX в. национальная промышленность развивалась одновременно в двух основных формах — казенной и частной, между которыми существовал ряд промежуточных переходных видов. Первыми китайскими машинными предприятиями были военные заводы, арсеналы и мастерские, создававшиеся казной. Основателями почти всех их были высшие сановники, наместники и губернаторы провинций, искавшие выход из кризиса Цинской монархии в усвоении «заморских дел» (*янфу, му*), в «самоусилении», т.е. в создании сильной армии и флота для укрепления власти представляемых ими военно-бюрократических группировок и сохранения существующего порядка. Фактором, ускорившим возникновение военных заводов и арсеналов, явились чрезвычайные трудности при подавлении восстаний тайпинов, няньцзюней, неханьских народностей и связанные с этим потребности цинских войск, особенно армий Цзэн Гофаня, Цзо Цзунтана и Ли Хунчжана, в современном вооружении и боеприпасах. Наиболее интенсивное строительство военных предприятий велось именно в период подавления народных движений и национальных восстаний (1861–1872), когда было основано 11 арсеналов и заводов. Военная обстановка обусловила ведущую роль командующих Хунаньской и Хуайской армий в создании казенных предприятий. Вслед за этим наместники и губернаторы различных провинций стали один за другим создавать у себя большие и малые арсеналы. В военное строительство помимо лидеров Хунаньской и Хуайской группировок включались и представители высших придворных кругов.

Всего с 1861 по 1894 г. в Китае было основано 19 казенных военных заводов, впоследствии 6 из них были закрыты или присоединены к другим. Наиболее крупными действующими объектами являлись «Главный

Цзяннаньский арсенал» и верфи «Фучжоуского бюро управления судоходством». Собственность цинского правительства на эти предприятия была номинальной. Фактически тот или иной завод находился во власти сановника, его основавшего, либо в руках заместника, управлявшего данной провинцией и принадлежавшего, как правило, к Хуайской либо Хунаньской группировкам. Каждая из них стремилась в первую очередь обеспечить свои воинские части современным огнестрельным оружием, обмундированием, паровыми судами, чтобы удержать и расширить территорию, находившиеся под их военным, политическим и финансово-экономическим контролем. Военные заводы, арсеналы и мастерские финансировались из налоговых сборов той провинции, где они располагались. Техническое руководство важнейшими предприятиями осуществляли, как правило, иностранные инженеры. Поскольку на первый план ставилось вооружение армии, военная промышленность практически не сыграла большой роли в оснащении техникой других отраслей.

Продукция военных предприятий не была объектом купли-продажи, а развитие последних крайне мало зависело от рыночной конъюнктуры. Это ограждало от разрушительного влияния иностранной конкуренции, но, с другой стороны, определило внутреннюю слабость этой промышленности — отсутствие экономической эффективности и расчета, полную зависимость от состояния денежных дел казны и т.д. В арсеналах и мастерских рабочие были наемными, юридически свободными. Наём рабочей силы тем не менее еще сохранял многие старые традиционные черты: систему вербовки и оплаты рабочей силы через старшинок, ряд цеховых ограничений, почти двенадцатичасовой рабочий день и полное бесправие рабочих, среди которых было много демобилизованных солдат. В целом военная промышленность представляла собой чрезвычайно сложное и внутренне противоречивое явление — специфическую переходную форму, постепенно превращавшуюся в капиталистическую. Военным заводам казна предоставляла огромные ассигнования. Тем не менее они работали с перебоями, качество продукции было низким, ассортимент изделий ограниченным. Лишь четыре наиболее крупных арсенала могли производить артиллерийские орудия, остальные же выпускали в основном порох, снаряды и патроны. Производительность труда в арсеналах была очень низка. Чиновники, назначенные на военные предприятия, как правило, занимались взяточничеством и поражали иностранцев полным незнанием доверенного им дела.

Помимо перевооружения армии и создания парового флота политика «самоусиления» была направлена и на модернизацию денежной системы. В ходе усвоения «заморских дел» правительство провело денежную реформу. В 1889 г. Китай отказался от медного цянля и перешел к монетам западного образца. Техника литья была заменена чеканкой с помощью европейских станков. Главное содержание реформы заключалось в принятии новой монетной системы на основе мексиканского доллара (песо).

Один китайский доллар (юань) был равен 100 центам (фэнь). 10 центов составляли один цзяо, а один фэнь приравнивался к 10 цзяням. Одно- и двухцентовые монеты выпускались медными, а остальные (от 5 центов до юаня) чеканились из серебра. Новая денежная система пробивала себе дорогу с трудом. Основные каналы денежного и товарного обращения продолжали обслуживаться весовым серебром (ляны), а преобладавшей разменной монетой оставались медные цзяни (вэнь).

В 80-х годах появились новые механизированные предприятия, первые железные дороги малой протяженности и телеграфные линии. Их строительство осуществлялось на севере страны под контролем Ли Хунчжана и его окружения, на юге (в Гуанчжоу и Ханьяне) — Чжан Чжидуна, а на Тайване — Лю Минчжуаня. С именем Ли Хунчжана связано открытие в Тяньцзине телеграфа (1880 г.), цементной компании в Таишане (1887 г.), строительство железной дороги Тяньцзинь-Дагу, продленной в 1895 г. до Шаньхайгуаня. При прямом участии Ли Хунчжана в 1890 г. была построена в Шанхае хлопкоткацкая и хлопкопрядильная фабрика. Аналогичное предприятие в 1892 г. было создано Чжан Чжидунем в Учане. До этого он основал в Гуанчжоу шелко- и хлопкообрабатывающие фабрики, а в 1889 г. и железодельный завод.

В конце XIX в. возрос интерес отдельных высших чиновников к капиталистическому предпринимательству в гражданских отраслях, таких, как горнодобывающая промышленность. Шахты и копи продавали свою продукцию и получали прибыль, что стало привлекать сюда частный капитал. Большинство казенно-частных предприятий принадлежало двум конкурирующим хозяйственным группам наиболее могущественных тогда сановников — Ли Хунчжана и Чжан Чжидуна, образуя их своего рода «империи».

Чжан Чжидун, будучи наместником Лянгюаня, открыл ряд горных разработок. Став наместником Хугуаня, он с 1891 г. начал строительство в Ханьяне металлургического завода, который должен был стать самым крупным в Китае. Высококачественная железная руда добывалась в Дае, а уголь в Мааньшане, а затем в Пинсяне. Огромный завод с новейшим оборудованием, несмотря на предоставленные льготы, постоянно терпел убытки. Цена выпускаемого в Ханьяне металла из-за плохого качества и нехватки угля, дороговизны доставки руды была вдвое выше импортного. В 1894 г. завод прекратил работу из-за финансовых трудностей, а в 1896 г. был превращен в смешанное казенно-частное предприятие, возглавляемое чиновником и предпринимателем Шэн Сюаньхуанем. Последний был в свое время секретарем Ли Хунчжана и благодаря поддержке своего патрона быстро выдвинулся на поприще казенного и смешанного предпринимательства, став директором и крупным акционером ряда предприятий.

Если причиной создания военной и отчасти горно-добывающей промышленности были поражения в торговых войнах и особенно угроза па-

дения Цинской империи под натиском Крестьянской войны тайпинов и национальных восстаний, то целью создания почти всех первых китайских хлопчатобумажных фабрик («Шанхайского машинно-ткацкого бюро» и др.) была борьба против иностранных товаров, попытка вернуть Китаю его национальный рынок текстильных изделий. Казенные предприятия в гражданских отраслях представляли собой в основном крупные (Ханьянский завод — 3 тыс., «Хубэйское ткацкое бюро» — 3 тыс. рабочих) предприятия, основанные на труде наёмных рабочих и реализации продукции на рынке. Однако и здесь сохранялось бесполезное чиновничье управление — серьезный пережиток старого. В среде рабочих по-прежнему было много демобилизованных солдат.

Возникновение военной и гражданской казенной фабричной промышленности представляло собой зарождение ранней формы государственного капитализма. При всей спосей отсталости и противоречивости, при сохранении традиционных монопольных черт этот искусственный и «вынужденный» государственный капитализм создал почву для становления более высокой формы смешанного казенно-частного предпринимательства. Неусыпный бюрократический надзор обеспечивал непосредственное использование казной в своих целях капиталов буржуазии и частичное присвоение ее прибылей, что предполагалось официальным курсом на «достижение богатства» (*цюфу, чжифу*).

Самостоятельное частное предпринимательство встречало отрицательное отношение со стороны властей. Ли Хунчжан, как и вся цинская правящая верхушка, видел в нем опасность для маньчжурского режима. Для предотвращения этой угрозы необходим был контроль чиновников за деятельностью коммерсантов. Такого рода формы контроля существовали в Китае раньше, когда какая-либо казенная монополия отдавалась на откуп частным лицам под контролем специальных чиновников. Сам китайский частный капитал изыскивал такие формы, при которых риск разорения был наименьшим. Главной из них стало участие зарождающейся буржуазии в смешанных казенно-частных предприятиях. Последние были защищены от внешнего произвола местных властей среднего и низшего звена благодаря участию в «деле» крупных сановников, губернаторов провинций и наместников.

Как уже упоминалось, смешанные предприятия во второй половине XIX в. делились на две категории — *гуаньду шанбань* («казенный контроль и торговое предпринимательство») с полным произволом властей и *гуаньшан хэбань* («совместное предпринимательство казны и торговцев») с меньшей властью бюрократии.

Казенно-частное предпринимательство сделало свой первый шаг в гражданском пароходстве. В 1872 г. Ли Хунчжаном была создана в Шанхае казенно-частная «Чайна Мэрчант Стим Навигэйшн К^о» («Чжаошанцзюй»), в 1877–1878 гг. — «Кайпинская горная компания», нацеленная на механизированную разработку угольных пластов. Благодаря покровительству Ли

Хунчжана управление Кайпинских копей смогло построить рельсовую линию (сначала на конной, а затем — на паровозной тяге). Наличие угля и проведение железной дороги вызвали строительство цементных заводов в Таншане.

Смешанные предприятия были крупнейшими в Китае: капитал компаний Кайпина, Мохэ, Цинси, «Шанхайского машинно-ткацкого бюро» (с 1894 г. «Хуашэн») и «Хубэйского ткацкого бюро» в сумме составлял около 6 млн. лянгов, причем половина его приходилась на долю частных вложений. Казну устраивало это предпринимательство под контролем чиновников. Частные же акционеры, напротив, предпочитали находиться под защитой правительства, но сами вести дела. В смешанных же компаниях бюрократии предоставлялась слишком большая власть. Директор (*дубань*, *цзунбань*), его заместитель, управляющий, члены правления из чиновников и шэньши держали все в своих руках. Лидеры «самоусиления» искали себе помощников не только в бюрократической среде. Они находились в самых тесных связях с видными контрагентами и приказчиками крупнейших иностранных фирм. Компрадоры, действуя как доверенные лица западных держав, сколачивали огромные личные состояния на посреднической торговле. Ли Хунчжан и Чжан Чжидун охотно подбирали кадры администраторов и управляющих для своих предприятий из представителей компрадорской среды, давая им чины и звания. В свою очередь, лидеры «самоусиления» создавали максимально благоприятные условия для посреднической наживы и самостоятельного предпринимательства китайских компрадоров, устанавливая через них тесные связи с иностранным капиталом. При этом компрадоры вместе с иностранными поставщиками наживались за счет казны при закупке за границей машин, оборудования, оружия, военных судов, пароходов и сырья для арсеналов. В результате происходило сращивание бюрократического и компрадорского начала.

Вместе с тем большинство назначаемых казной, Чжан Чжидун или Ли Хунчжаном чиновников не имели представления не только о специфике, но даже о существовании порученного им дела. Протесты частных акционеров против своеволия бюрократов и их протееже либо оставались без внимания властей, либо подавлялись. Своевластие чиновников, перераспределение дивидендов в ущерб частным акционерам наблюдались почти на всех предприятиях *гуаньду шанбань*. На смешанных предприятиях слишком многое делалось без ведома и против воли частных акционеров, поэтому уже в 90-е годы несколько окрепший частный капитал стал постепенно избегать участия в таких компаниях.

Казенные и смешанные предприятия, имея поддержку государства, до начала XX в. сохраняли ведущее положение в китайской фабричной промышленности. Искусственно организованный государственный капитализм, при всей своей противоречивости и отсталости, традиционных монопольных тенденциях и препятствиях частному предпринимательству,

в целом сыграл положительную роль в социально-экономическом развитии Китая. Практика «самоусиления» насаждала очаги национального машинного производства в тот период, когда частный капитал еще не созрел для крупного промышленного строительства. Он практически не имел ни опыта, ни достаточных средств, ни кредита для самостоятельного развития. Государственный же капитализм «самоусиления» сделал то, на что местная раннебуржуазная среда еще не была способна.

Проложив путь прогрессивным экономическим формам, казенный смешанный капитализм уже в 90-е годы стал отступать на второй план, предопределив конец официального курса на «самоусиление».

Возникновение китайской буржуазии

Рост казенно-частных предприятий стимулировал развитие машинного производства в Китае и формирование крупной буржуазии, особенно той ее части, которая была наиболее тесно связана с цинским государственным аппаратом, шэньши и компрадорами. Вместе с тем слабость и генетическая неподготовленность к машинному производству тормозили развитие самостоятельного фабричного предпринимательства. Только с середины 80-х годов начался более или менее заметный рост частных фабрик. При этом его характерной формой стали паевые и акционерные общества, участие в которых было для вкладчиков менее рискованным.

Отраслью, наиболее подготовленной к переходу на машинное производство, оказалась шелкообработка. Широкое распространение мануфактур, высокий спрос мирового рынка на шелк, прибыльность шелкового экспорта — все это стимулировало введение машин в этой отрасли. Шелкомотальные фабрики, как правило, отличались мелкими размерами. Капитал самых крупных из них не превышал 50–80 тыс. юаней. Так, предприятия в районе Гуанчжоу–Шуньдэ располагали фондами в среднем от 20 до 40 тыс. юаней, но число занятых работников составляло от 400 до 500. Такие заведения в первое время мало чем отличались от мануфактур. Как и у последних, даже небольшое снижение цен на внешнем рынке зачастую приводило их к банкротству. Часть фабрик то закрывалась, то открывалась, очень немногие из них могли продержаться более десяти лет. Шелкопрядение и шелкомотание стало одной из основных отраслей, где возникали частные фабрики. Накануне японо-китайской войны на долю шелкообработки приходилось 54% всех частных китайских промышленных инвестиций.

Постепенно фабрики создавались также в хлопкоочистительной, хлопчаткацкой, хлопкопрядильной, мукомольной, маслобойной, спичечной, полиграфической, судоремонтной и некоторых других отраслях. Первые хлопчатобумажные фабрики в Китае специализировались преимущественно на прядении. Однако здесь рост частных предприятий шел медленно, поскольку сказывалось монопольное право «Шанхайского ма-

шинно-ткацкого бюро» на выработку пряжи, дарованное ему Ли Хунчжаном в 1882 г. В Цинской империи, как во всякой отсталой полукOLONиальной стране, проходившей раннюю стадию промышленного развития, быстрее всего росла текстильная и пищевая промышленность. Машиностроение как таковое отсутствовало. Трудность конкуренции с западно-европейской, американской и японской продукцией, захват иностранцами наиболее выгодных сфер вложения капитала в Китае и произвол местной бюрократии — все это сковывало развитие частного предпринимательства.

Тем не менее развитие последнего положило начало постепенному складыванию местной буржуазии в особую прослойку цинского социума. В 80-е годы открыли свои первые предприятия такие в последующем крупные фабриканты, как Чжу Дачунь, Ян Цзудянь, Хуан Цзоцин, Янь Синьхоу и др. Основным источником накопления частного фабричного капитала служили средства чиновников, шэньши и землевладельцев, добытые путем арендной и налоговой эксплуатации крестьянства, а также средства купцов-комирадоров, в значительной мере нажитые в сфере посреднической торговли. Среди формировавшейся буржуазии ведущим слоем были крупные чиновники и шэньши. Связь с правительственным аппаратом и казной создавала последним наиболее благоприятные условия для накопления крупных капиталов и приобретения машинного оборудования. К началу японо-китайской войны бюрократическая и комирадорская среда создала не только первые, но и самые крупные машинные предприятия.

Выход частной фабрики из системы *гуаньду шанбань* наложил серьезный отпечаток на раннюю буржуазию Китая. Представители казенного сектора и своеобразного государственного капитализма, такие, как Тан Тиншу, Чжэн Гуаньин и другие акционеры и управляющие крупных смешанных компаний, имели здесь особенно большой вес. Частный сектор был непосредственно связан с казенным через смешанное предпринимательство. Рядовые торговцы, желавшие вложить свой капитал в машинное производство, вытеснялись чиновниками и шэньши. Даже наиболее крупные представители молодой национальной буржуазии, например Чжан Цзянь, были вынуждены искать покровительства наместников и губернаторов провинции.

Прослойка буржуазии, вырвавшаяся из торгово-ростовщической и мануфактурной среды, была еще крайне слаба и играла третьестепенную роль. Ограниченность источников накопления и препятствия, чинимые налоговой и торговой политикой цинского режима, обусловили более позднее вступление этого слоя на путь создания фабрик. Фабричное предпринимательство из более или менее видных представителей торговой, в том числе эмигрантской среды (Чжан Чжэньсюня, Чжоу Тинби и др.) только начиналось. Торговцы, ростовщики, владельцы мастерских и мануфактур, небогатые шэньши и землевладельцы открывали в основном мелкие

и средние предприятия. Слабость индивидуальных накоплений в этой среде породила преобладание паевых компаний и акционерных обществ. Национальный капитал, находившийся в начальной стадии развития и испытывавший трудности становления новых форм предпринимательства, играл роль «бедного родственника» при господствующей форме своеобразного государственного капитализма. По основным показателям казенный сектор прочно господствовал в национальной фабричной промышленности, превосходя в 1895 г. частный сектор по капиталам более чем в 20 раз.

Частные предприятия постоянно наталкивались на препятствия, чинимые цинской бюрократией. Во избежание таких трудностей китайские фабриканты должны были привлекать в качестве пайщиков или членов правления сановников и иностранцев, приобретать звания шэньши и чиновные ранги. Из 180 машинных предприятий, существовавших в Китае в 1894 г., более 100 были национальными (включая все казенные, смешанные и частные), а 80 принадлежали иностранному капиталу. В стране насчитывалось около 100 тыс. фабричных рабочих. К концу XIX в. в Китае появились новые для традиционного конфуцианского общества социальные слои и классы — национальная буржуазия с очень влиятельной компрадорской фракцией, фабричный пролетариат и новая интеллигенция. Росло и традиционное предпринимательство, а с ним мануфактурная и домануфактурная предбуржуазия с массой старого предпролетариата — работников мастерских, мануфактур и надомников на сельщине. В результате к концу 80-х — началу 90-х годов в Китае стал складываться национальный сектор капиталистического уклада, во многом связанный с иностранным сектором.

Позиции частного предпринимательства несколько усилились после краха политики «самоусиления». После войны с Японией усилилась деловая активность китайцев. В 1895–1898 гг. в Китае произошел первый промышленный подъем, когда число фабрик, шахт и рудников, ежегодно вступающих в строй, увеличилось вдвое. Если накануне войны существовало более 100 национальных предприятий, включая казенные и смешанные, то в годы подъема было основано 80 новых.

Слабость буржуазии и особенно прослойки фабрикантов во многом определялась крайне неравными условиями предпринимательства и конкурентной борьбой с иностранцами. Речь идет прежде всего о низких внешних таможенных сборах и высоком внутреннем налогообложении отечественных товаров. Бичом национальной буржуазии были взяточничество и самоуправство местных властей при юридической незащищенности частного предпринимательства. Китайским дельцам приходилось сталкиваться с дороговизной импортного оборудования, отсутствием местных технических кадров, постоянным вздорожанием промышленного сырья, недостатком современного хозяйственного опыта и практики создания резервных фондов, трудностями кредитования, особенно высоким заёмным процентом в условиях ростовщического кредита.

В начале XX в. рост различных форм капитализма проходил во всех отраслях ручного производства Цинской империи, особенно в приморских провинциях. Здесь помимо усовершенствования разного рода деревянных станков шло внедрение японского ножного хлопкоткацкого станка с металлическим колесом, повысившего производительность труда примерно в десять раз. В шелководстве начался переход от ручного деревянного к ножному металлическому станку. Получил распространение хлопкоочистительный металлический станок. Тем самым создавались условия для перевода торгового капитала в текстильные промыслы. Заметно активизировалась деятельность зажиточных ремесленников и мелких торговцев в скупке, торговле пряжей, шелком, а также деятельность мелких хозяичиков, нанимавших промысловую бедноту. Усилилось превращение ранее самостоятельных ткачей и разорившихся прядильщиков в зависимых от скупщиков кустарей. На этой почве шло расширение раздаточной системы в хлопкоткачестве и шелкоткачестве провинций Цзянсу, Фуцзянь, Шаньдун, Чжили, Чжэцзян и Гуандун.

Тем не менее наемная эксплуатация в массовых промыслах по своим масштабам все еще далеко уступала торгово-ростовщической эксплуатации зависимых от скупщика кустарей. Накануне падения монархии торговый капитал в дофабричном производстве по-прежнему резко преобладал над промышленным. Авансирование, выдача займов, постоянная скупка изделий и продажа сырья еще оставались основными формами подчинения мелких товаропроизводителей в городе и деревне. В эти годы отчетливее проявились особенности развития капитализма в ручной промышленности Китая. Речь идет о замедленности перехода от низших форм к высшим — от надомной работы к мануфактуре и от нее к фабрике, о преобладании раздаточной системы, низком удельном весе централизованных предприятий, об общей слабости мануфактурного капитала. В целом же развитие капитализма в дофабричной промышленности значительно ускорилось. К этому времени уже существовало свыше 16 тыс. мастерских и мануфактур с общим числом около 485 тыс. наёмных рабочих. В то же время с ростом передовой машинной промышленности все более проявлялась отсталость мануфактурного производства, постепенно уступавшего дорогу фабрике. Острее сказывались слабость централизованных форм производства, малые размеры предприятий, техническая отсталость, нехватка капитала, неустойчивость перед конкуренцией импортных и местных фабричных товаров, частые банкротства или временное закрытие предприятий. Развитие предпринимательских форм в дофабричной промышленности накануне падения династии Цин оставалось важным звеном растущего капиталистического уклада. К этому времени насчитывалось несколько миллионов человек в сфере надомной работы и раздаточной системы, около 3 млн. наёмных работников в среде так называемых «ремесленных дворов» и около полумиллиона мануфактурных рабочих.

Мануфактурная буржуазия всех мастей представляла собой наиболее массовый слой формирующейся промышленной буржуазии Китая. Это были хозяева мастерских и мануфактур, владельцы разного рода раздаточно-скупочных фирм, контор, лавок и магазинов, комиссионеры и самостоятельные раздатчики, скупщики-посредники и разного рода мелкие хозяйчики, эксплуатировавшие наёмную рабочую силу.

Несмотря на продолжавшийся рост мануфактурных форм производства, в первое десятилетие XX в. особую значимость в капиталистическом укладе Китая приобрели машинные формы промышленности и транспорта как в иностранном, так и в национальном секторе. Строительство фабрик заметно ускорилося. Если за предшествующие 30 лет (1872–1900) было создано 204 китайских предприятия, то за последующие 10 лет (1901–1911) уже 386 фабрик, шахт и рудников. Особенностью первого десятилетия XX в. стало падение некогда ведущей роли казенной и казенно-частной промышленности. Несмотря на крупные правительственные инвестиции и меры по упорядочению хозяйственной деятельности этих предприятий, рентабельность их все более падала.

Их уже не спасали разного рода монопольные права на производство и сбыт определенных видов продукции, правительственные дотации, субсидии и прочие экстраординарные меры. Почва под этой промышленностью все более размывалась общим развитием частного предпринимательства в Китае, обнажая ее экономическую нежизнеспособность. Казенные и казенно-частные предприятия еще сохраняли преобладающие позиции в горно-добывающем и металлургическом производстве. В остальных же отраслях установилось господство частного капитала.

Объем частных промышленных инвестиций в 1901–1911 г. увеличился почти втрое по сравнению с минувшим тридцатилетием (1872–1900). Китайский частный капитал с 1901 по 1911 г. основал 319 новых фабрик, заводов, шахт и рудников с общим капиталом более 66 млн. юаней (82% всех китайских предприятий и 72% общих вложений). Частное предпринимательство стало ведущим началом в национальном фабричном капитализме. При этом в развитии как частной, так и казенной промышленности в первое десятилетие XX в. четко прослеживаются три периода: послеихэтуаньский (1901–1904), период промышленного подъема и движения «за возвращение прав, отнятых иностранцами» (1905–1908) и спад 1909–1911 гг.

1905–1908 годы прошли под знаменем «экономических» движений, развернутых шэньши, буржуазией и прослойкой обуржуазившихся землевладельцев, которые боролись за укрепление своих позиций в хозяйственной структуре страны и оттеснение иностранного капитала. Антиимпериалистическую настроенность широких народных масс шэньши и буржуазия направляли в нужное для себя русло экономической борьбы. Последняя проходила в форме антииностраных бойкотов и кампании «за возвращение прав, отнятых иностранцами». Позже она переросла в движение «в защиту железных дорог» и против новых иностранных желез-

нодорожных займов (1909–1911). В 1905 г. в южных и юго-восточных провинциях был организован антиамериканский бойкот. В 1907–1908 гг. в Южном Китае прошел бойкот японских товаров. В 1908 г. был проведен анти-немецкий бойкот. Главной стороной всех этих движений был отказ покупать иностранные товары. Подобной мерой буржуазия совместно с цехогильдейской средой торговцев и ремесленников пыталась ослабить иностранную конкуренцию и улучшить свои позиции на внутреннем рынке страны. В ходе бойкотов настойчиво выдвигался лозунг всемерной помощи китайским предприятиям, а также создания новых частных вложений и сбора средств за счет патриотов.

Наиболее явственно эта цель выступала в движении «за возвращение прав». В 1906 г. в пров. Аньхуэй началось движение за возвращение Китаю английской горно-рудной концессии. В 1906–1907 гг. в Шаньси и Хэнане проходили протесты против иностранных горно-рудных компаний. В 1907 г. в провинциях Цзянсу и Чжэцзян шэньши и местные торгово-промышленные круги организовали широкое движение против английского займа на постройку железной дороги Шанхай–Ханчжоу–Нинбо. В 1908 г. в пров. Аньхуэй возникло движение за возвращение рудников. В эти годы основная борьба формально шла за концессионные права ряда иностранных и смешанных казенно-иностраных горных компаний. Последние были вынуждены согласиться на выкуп своих прав и акций. Выкуп растянулся с 1907 по 1911 г. и осуществлялся частично за счет народных сборов и личных пожертвований, частично за счет налоговых поступлений казны. Борьба шла также против новых иностранных концессий, займов, разного рода промышленных и железнодорожных проектов. Главным же экономическим лозунгом китайской буржуазии в эти годы было создание собственных предприятий. Используя патриотические и националистические настроения, шэньши и буржуазия широко проводили сбор пожертвований, распространяли промышленные и иные акции среди населения, и где могли через своих представителей даже вводили специальные полуофициальные поборы.

Общую нехватку предпринимательских капиталов буржуазные круги Китая пытались преодолеть путем политической мобилизации дополнительных вложений, рассчитывая тем самым потеснить иностранный сектор. Инициаторам движения в целом удалось организовать приток денежных средств торговцев, эмигрантских кругов, землевладельцев, шэньши, чиновников и других слоев, что способствовало промышленному подъему 1905–1908 гг. За эти годы в машинное производство было вложено капитала (частного, казенного и смешанного) в 6 раз больше, чем в послеихэтуаньский период. В развитии национального капитализма наступил кратковременный период грюндерства. В 1905–1908 гг. было создано 114 различных промышленных компаний. Основная масса их приходилась на приморские провинции и бассейн Янцзы, прежде всего Шанхай, район Гуанжоу–Шуньдэ, Ухань и Тяньцзинь. Эти города были лишь крохотными

промышленными островками в бескрайнем море деревенской экономики Китая, по-прежнему оставшегося крайне отсталой аграрной страной. Общая слабость национального предпринимательства проявлялась прежде всего в малочисленности крупных и полном преобладании мелких предприятий. Наиболее значительные фабрики, шахты и рудники были казенными или смешанными. Крупные частные объекты встречались редко и в основном принадлежали компрадорам или видным чиновникам.

Начало XX в. было для Китая периодом заметного роста новых социальных сил, в том числе пролетариата. Однако рабочий класс Китая еще не стал серьезным фактором политического развития страны, хотя темпы его роста был довольно значительными. С 1895 по 1911 г. количество фабричных рабочих и горняков увеличилось в 5 раз, достигнув 600 тыс. Этот рост шел за счет притока в города крестьян, разорения ремесленников, за счет рабочих мастерских и мануфактур, переходивших к употреблению машин. Немногочисленные забастовки имели стихийный и преимущественно экономический характер. Распространенным методом борьбы оставалось разрушение машин, оборудования и помещений. Разнь между земледельческими группировками, неорганизованность, сохранение предрассудков мелких производителей ослабляли ряды пролетариата, отводя ему крайне скромное место в социально-политическом развитии Китая.

Неизмеримо большую роль играла национальная буржуазия. За первое десятилетие XX в. было создано 20 китайских частных пароходных компаний. Резко повысился интерес обуржуазившихся шэньши, землевладельцев и разного рода дельцов к железнодорожному предпринимательству. Они организовали массовую кампанию «в защиту железных дорог» и против иностранных железнодорожных займов. В ходе борьбы за эту новую прибыльную сферу возникли первые небольшие железнодорожные компании в Фуцзяни и Цзянсу. В 1905 г. с участием казны были созданы две смешанные акционерные компании для постройки Хугуанских железных дорог с двумя линиями (Ухань—Чэнду и Ухань—Гуанчжоу) с общим капиталом около 40 млн. юаней. Часть его принадлежала правительству, другая пополнялась за счет специальных налогов и поборов с населения, а также акций, распространявшихся среди шэньши, землевладельцев и буржуазии провинций Сычуань, Хунань, Гуандун и Хубэй.

Рост национальной буржуазии происходил и в сфере торговли и финансов. Крупный торгово-ростовщический капитал приморских провинций и бассейна Янцзы перенимал у иностранцев новые методы инвестирования и хранения капитала. Верхи старого купечества и ростовщичества в «открытых» портах, в первую очередь в Шанхае, постепенно трансформировались в денежную буржуазию нового типа. Особую роль здесь играла так называемая Чжэцзянская финансовая группировка. Ее основу составляли девять богатейших ростовщических кланов Шанхая — владельцы примерно 40 крупнейших меняльных лавок. Пользуясь своим финансовым могуществом, эта элита контролировала остальные, более мелкие *цзян-*

чжуаны города. Чжэцзянская финансовая группировка, располагая гигантскими денежными активами, играла посредническую роль между иностранцами и местной торговой средой. Кредитование массовых закупок отечественных изделий и сырья, производимых китайскими торговцами по заказу западных фирм или в расчете на их спрос, связь с иностранными банками, операции с их краткосрочными ссудами — все это придавало особую значимость Чжэцзянской финансовой группировке. Она пользовалась большим вниманием со стороны бюрократии и шэнши, ее расположения и кредитов искали местные купцы и предприниматели. Ее роль особенно возросла в связи с перемещением после ихэтуаньской катастрофы кредитно-денежного центра страны из Пекина в Шанхай. Порождая из своей среды компрадоров, банкиров, фабрикантов и судовладельцев, эта группировка постепенно сращивалась с национальной буржуазией. Из среды чжэцзянцев вышел ряд капиталистов-миллионеров.

Рост буржуазии был связан с общими успехами капиталистического уклада в Китае. К 1910 г. отмечено появление 327 компаний и фирм с объявленным капиталом 172 млн. юаней. Из них 168 представляли собой промышленные компании, остальные были торговыми, банковско-кредитными, транспортными, страховыми и складскими. За 1895–1913 гг. в частную машинную и механизированную промышленность было инвестировано свыше 90 млн. юаней. Всего к 1911 г. было основано 607 китайских фабричных предприятий. Буржуазия Китая, привязанная к нескольким экономическим секторам, подукладам и видам предпринимательства (фабрично-дофабричное, национальное-иностранное, частное и казенно-частное), была крайне разобщена. Прежде всего речь идет о наличии в капиталистическом укладе Китая двух уровней — неравнозначных в количественном отношении, а также разных по степени зрелости экономических форм. На верхнем уровне сосредоточивались современные высшие машинные формы, привнесенные в страну извне, на нижнем — отсталые виды, спонтанно возникшие на соединении ручного труда с капиталом скупщика.

Эта экономическая раздвоенность буржуазии по вертикали имела свое продолжение в общественном статусе предпринимателя. Для Китая начала XX в. характерно существование двух источников (бюрократическая надстройка и иностранный сектор) и соответственно двух видов повышенной буржуазной привилегированности (чиновно-шэньшиская и компраторская). Для верхов были созданы наилучшие условия для предпринимательства и получения денежного богатства вне капиталистического уклада. В условиях Цинской империи конца XIX — начала XX в. именно чиновники-шэньши и компраторы были фаворитами первоначального накопления и буржуазного предпринимательства. Общие накопления одних только компраторов к 1894 г. превышали 530 млн. лянов. С учетом этого буржуазная верхушка Китая начала XX в. может быть с полным основанием квалифицирована как элитное образование. Оно было оторвано от нижних массовых слоев, создавая между обоими уровнями серьезный разрыв.

Китайская буржуазия накануне падения монархии развивалась как бы на двух различных уровнях с особым для каждого из них правовым и хозяйственным климатом. При этом сама элита выступала носителем противоположных начал — высших для Китая того периода форм капитализма и средневековых сословных привилегий.

При этом в условиях конфуцианского социума происходило постоянное вымывание средних страт. Наиболее зрелые в буржуазном отношении «средние» предприниматели, покупая звание шэньши, мелкие чины и землю, поднимались в элиту, постоянно ослабляя промежуточное звено. Незрелость этого связующего элемента обусловила слабость вертикальных связей в структуре буржуазии. Иначе говоря, ее формирование происходило только на двух уровнях — элиты и «массовых» слоев, практически оторванных и мало зависимых друг от друга. В итоге в Китае начала XX в. существовала не «буржуазия вообще», а как бы «две буржуазии». Первая — узкая привилегированная верхушка, связанная с привнесенными извне современными формами капитализма. Вторая — не огражденное от социальных, экономических и правовых трудностей большинство. Это были организаторы низших и худших видов предпринимательства спонтанного происхождения — мануфактурного и особенно домануфактурного уровня. Предприниматели этого типа в какой-то мере еще оставались предбуржуазией «доопиумного» периода.

Специфика внутренней структуры буржуазии Китая накануне падения монархии заключалась не только в разрыве по вертикали между верхушечными и низовыми звеньями, но и в неоднородности самой элиты. Речь идет о наличии в ней двух ведущих групп, т.е. чиновно-шэньшиской и компрадорской, а также о тяготении к ним крупных буржуа из торговоростовщической среды, включая быстро растущую реэмигрантскую фракцию. Предпринимательская верхушка Китая в специфических условиях полукolonии с самого начала имела два центра притяжения — государственный аппарат и иностранный сектор. Двойственная зависимость элиты отличает китайскую модель от существовавших, например, в Индии, Вьетнаме и Корее, где был один хозяин — иностранный колониальный капитал. При этом членение китайской буржуазии на национальную и компрадорскую происходило лишь на самом верхнем уровне, не затрагивая всего социального комплекса в целом. Компрадоры не представляли собой самостоятельный слой или прослойку всей буржуазии, а были лишь довольно узкой фракцией элиты, хотя и весьма влиятельной. Раздвоенность верхнего звена, а также наличие в нем реэмигрантского начала, несомненно, увеличивали рыхлость внутренней структуры буржуазии в целом, хотя фактор двойственной зависимости практически не ощущался на втором уровне — в низших массовых стратах. Фактором, разобщающим элиту, было существование в ее среде разного рода узких группировок, замкнутых клик, прежде всего в сфере финансов и кредита (например, Чжэцзянская финансовая группировка в Шанхае).

Особую роль играла не только структурная, но и религиозная разобщенность буржуазии — наличие нескольких основных и ряда второстепенных центров ее концентрации (Шанхай, Гуанчжоу, район Пекин-Тяньцзинь и Ухань). Наряду с географической удаленностью и экономической оторванностью этих очагов друг от друга, при отсутствии всекитайского рынка важное значение имели местные особенности локальных групп. Так, в силу более высокого экономического развития провинций Цзяннань и Гуандун буржуазия в шанхайском и гуанчжоуском центрах была многочисленней и активней (в том числе и в политическом плане), чем на отсталом Севере. В разобщенности локальных групп проявлялась слабость горизонтальных связей буржуазии. Отсутствие единого всекитайского рынка и приоритет региональных хозяйственных связей над общенациональными, неразвитость внутренней инфраструктуры мешали слиянию локальных групп на базе массовых слоев.

Экономическая раздробленность Китая делала каждую из локальных групп в известном смысле буржуазией данного регионального рынка. При этом последний иногда был больше связан с внешним рынком, чем с соседним региональным. Такой характер рыночной экономики мешал укреплению горизонтальных связей на уровне массовых слоев. В этом же направлении влиял раздел Китая на «сферы влияния». Сохранение густой внутренней таможенной сети (*лицзинь*, *чангуаньшуй*), способствовало разобщенности локальных групп практически на всех уровнях. Незавершенность процесса формирования китайской нации, значительность этнодиалектных и земляческих различий, множественность мер, весов и денежных единиц, в том числе иностранных, препятствовали органическому слиянию буржуазии в одно целое.

Кроме того, новое социальное образование еще не освободилось от средневековых пут городских корпораций — цеха (*хан*), гильдии (*гунсо*, *яхан*), землячества (*бан*, *хуйгуань*). Массовые слои к 1911 г. в целом остались в системе корпоративной микрообщности. Основная часть торговой и практически вся мануфактурная буржуазия была «рассыпана» по многотысячным ячейкам в масштабах всего Китая. Этим во многом объясняется сложность вопроса о том, что в большей мере определяло социальное самосознание внеэлитных слоев буржуазии Китая к 1911 г. — ощущение себя членами новой общности или принадлежность к той или иной старой ячейке. Начиная с 1903–1904 гг. создание торговых союзов (*шанхуй*) явилось важной вехой на пути консолидации буржуазии. Тем не менее оно не изменило кардинальным образом связи низших слоев предпринимателей с цехо-гильдиями, так как торговые *баны*, *хуйгуани*, *гунсо* и *яханы* вступали в союз в полном составе, чаще всего на правах ассоциированных членов. Сами же корпорации за редким исключением не только не ликвидировались, но и практически не растворялись в торговых союзах, сохраняя свою внутреннюю организацию и дисциплину. Тем самым большинство членов новых объединений были поставлены в условия двойного подчине-

ния. В итоге основная масса буржуазии в 1911 г. еще не до конца преодолела цеховую, гильдейскую и земляческую разобщенность.

Неразвитость цементирующих тенденций (слабость как вертикальных, так и горизонтальных связей) заставляет видеть в буржуазии накануне падения монархии не органическое целое, а довольно нестрое механическое соединение плохо связанных между собой частей. К этому комплексу слоев, групп и группировок с различными генетическими, типовыми, локальными, корпоративными, правовыми и иными особенностями понятие «класс» применимо лишь условно. Перед нами не сложившаяся общность, а еще незавершенное социальное образование. При этом основной силой объединенного натиска предпринимательских кругов Китая как на иностранный сектор, так и на цинское правительство являлись шэньши-небуржуа, втянутые в патриотические кампании и либерально-конституционное движение. Такого рода шэньши были в значительной мере выразителями требований буржуазии, не имевшей к тому же своей собственной политической партии.

Для буржуазных кругов Китая все острее вставала необходимость избавления от тяжестей средневековой надстройки, таких, как казенные монополии, высокое налогообложение, злоупотребления и произвол властей, отсутствие единого бюджета, единой денежной системы, единой системы мер и весов. Основным камнем преткновения между буржуазией и цинским режимом была сфера налогообложения торговли и предпринимательства. Налоговая политика Цинов задерживала рост частного предпринимательства и тормозила процесс аккумуляции денежных средств в руках буржуазных слоев страны. Особенно разорительными были транзитные и внутренние таможенные налоги и сборы, главным образом *лицзинь*. Правительство не только не думало об его отмене, но, напротив, постоянно увеличивало его ставку. Кроме того, крайнее недовольство буржуазно-шэньшиских кругов вызывала капитулянтская внешняя и особенно внешнеэкономическая политика Цинов. Попав в огромную финансовую и политическую зависимость от империалистических держав, правительство шло на все новые и новые уступки иностранцам в ущерб интересам китайской буржуазии.

Экономический спад, начавшийся в 1909 г., усилил общее недовольство буржуазных слоев Китая. Объем частных инвестиций в фабричную промышленность по сравнению с периодом 1905–1908 гг. сократился более чем в 3 раза. Промышленный спад достиг особой остроты в 1911 г., когда к нему прибавился острейший финансовый кризис 1910–1911 гг., вспыхнувший в Шанхае в результате биржевой паники после обесценения акций каучуковых компаний. Тем самым был нанесен серьезный урон Чжэцзянской финансовой группировке. Волна банкротств охватила торгово-промышленные и финансовые круги Шанхая, Гуанчжоу, Нанкина, Ханькоу, Тяньцзиня и других городов. Только в одном Шанхае к 1911 г. закрылась половина меняльных лавок. В этой напряженной обстановке цинский режим нанес тяжелый удар по экономическим интересам буржуазных слоев

Китая, издав правительственный указ 1911 г. о национализации Хугуанских железных дорог. На их строительство буржуазия, шэньши и землевладельцы провинций Хубэй, Хунань, Гуандун и Сычуань собрали многие миллионы юаней, уже приступив к реализации проектов. Все права на постройку Хугуанских дорог передавались иностранным банкам. Этот удар по интересам и по карману буржуазно-шэньшиской и землевладельческой среды Южного Китая вызвал волну массового протеста и волнений, переросшую затем в восстание в Сычуани, ставшее прологом свержения династии Цинь.

Становление переходной системы

Складывание переходного общества в Китае заняло более полувека — от «опиумных» войн до падения цинской династии. К 1911 г. эрозия традиционной социально-экономической системы уже приняла довольно острые формы. Одни из компонентов арендно-бюрократического строя были разрушены, другие надломлены, поставлены в новые условия. Так, изоляция от внешнего мира сменилась многосторонней интернационализацией хозяйственных связей. Ввоз машинного оборудования нарушил технический застой и привел к частичному перевооружению промышленности. Относительная хозяйственная монолитность вытеснялась многоукладностью. В некогда сонную экономическую жизнь вторглась капиталистическая цикличность периодических подъемов и спадов. Средневековое господство более или менее единообразной натуральной экономики постепенно отступало перед многообразием рыночных форм.

Прежнее соединение земледелия и домашних промыслов во многом оказалось разорванным. Прочное превосходство земледелия над промышленностью в плане производительности труда в одних случаях снизилось, в других сведось на нет. Экономическая и структурная однотипность деревни и города разрушалась. Средневековое отставание города от деревни сменилось постепенным выдвиганием его вперед. Уходила в прошлое поглощенность города традиционной, а точнее, «деревенской» арендно-бюрократической системой. В ходе хозяйственного и социального подъема Шанхай, Тяньцзинь, Ханькоу, Таншань, Гуанчжоу и другие города вступили в иную историческую эпоху, начали «выпадать» из старой средневековой структуры. Эти явления служили важным показателем кризиса традиционных устоев, несмотря на то что подавляющее большинство в первую очередь уездных и окружных центров оставалось под прочным влиянием прежней «деревенской» доминанты. Былое неприятие конфуцианской системой предпринимательского начала было перечеркнуто возникновением и ростом капиталистического уклада. Прежняя зарегулированность экономических и социальных процессов сменилась их неустойчивостью, свойственной переходному периоду. Одним из слагаемых кризиса явилось нарушение механизмов самовосстановления традиционного общества. В результате его былая скованность сословной системой уходила в прошлое. При этом сама условность этой системы, неадекватной евро-

пейской, облегчала ее распад. Старая иерархия четырех сословий (*сы-минь*) стремительно слабела, на смену ей выступали новые социально-классовые образования. Оказалась нарушенной многовековая признанность базиса и надстройки, в особенности ее верхних звеньев.

В Китае начала XX в. складывалась особая эволюционная ситуация, сопровождавшаяся затуханием традиционных регуляторов самовосстановления нарушенного и дальнейшего нормального функционирования старой системы. Ликвидация прежней органической традиционной сбалансированности и нарушение средневековой системы конфуцианских норм явились в первую очередь результатом включения Цинской империи в мировую рынок, а также пересадки в Китай современных форм капитализма. Оставаясь чужеродным телом, иностранный сектор в начале XX в. превратился в органическую, хотя и явно антитрадиционную часть видоизмененной социально-экономической структуры Китая. Иностранный сектор, постепенно утрачивая «тканевую несовместимость», породившую в свое время институт компраторства, трансформировался из внешнего фактора во внутренний. Тем самым возрастало его конструктивное воздействие в плане как ускорения роста элементов старого, «низового», примитивного предпринимательства, так и создания элементов нового, «верхушечного», т.е. развитого капитализма. Все это вызывало нарушение прежней средневековой системной целостности китайского общества, конфуцианской «чистоты» его форм.

Эволюция цинского Китая начала XX в. протекала не изолированно от системы империализма, т.е. единого комплекса «метрополии-колонии», где Китай занимал место полукolonии. Это создавало необходимые условия для постепенного и частичного наполнения традиционных социально-экономических форм иным содержанием. Так, сохранение некоторых старых форм эксплуатации (например, батраков) сочеталось с растущим предпринимательским характером найма. Переходные черты приобретали издольщина, кабала, отработка долга, скупка, «старая» аренда на землях обуржуазившихся «богачей» и коммерческая деятельность рентополучателей традиционного типа. Все это позволяет говорить о переходном характере экономического строя китайской деревни. Часть старого по форме торгового капитала принимает буржуазный и в еще большей мере — переходный характер. Постепенное превращение гильдейского купечества в современную торговую буржуазию становится одним из элементов смешанной социальной системы.

В начале XX в. наблюдался постепенный упадок и загнивание традиционной структуры Китая. В то же время шла медленная модернизация общества, сопровождавшаяся появлением новых социальных слоев и производственных форм. Между этими двумя уровнями складывалась сложная гамма промежуточных переходных явлений. Так, в сфере наемного труда старые кабальные формы сохранялись в земледелии для части батраков (*чангун*), в ручной промышленности — для так называемых «мертвых» или «продавших себя» тружеников (*сыгун, сыбоцза, майшэньгун*)

и отчасти на фабрике при контрактации малолетних (*баошэньгун*). Разного рода формы полузависимых работников-должников, а также нанятые через старшинку индивидуально или артельно (*вайгун*, *баогун*) приближали эти отношения к свободному капиталистическому найму. В деревне свободный предпринимательский наем был представлен основной массой сезонников (*мангун*) и поденщиков (*дуаньгун*), в ремесле — так называемыми «живыми» тружениками (*хогун*, *хобоцза*), на фабрике — рабочими, нанятыми непосредственно администрацией (*лигун*).

В результате к 1911 г. сложилась «трехслойная» структура с широчайшим спектром социальных типов — от раба (*нулу*), крепостного (*чжундин*) и землевладельца до пролетариата и буржуа. Однако такая «трехслойность» (новые, промежуточные и старые явления в экономической и социальной сфере) не была определяющим моментом. Главным оставалась органическая связь промежуточной среды с «нижним», традиционным, уровнем и ее явная разобщенность с «верхним», современным, комплексом. Этот разрыв по вертикали ставил под вопрос органическую системную общность всей искусственно трансформированной структуры. Последняя сводилась в конечном счете к двум принципиально различным пластам — гигантской толще традиционной экономики и тонкому слою капиталистического уклада. Физический объем старой экономики сократился незначительно благодаря специфическому феномену китайской деревни, в первую очередь демографическому и географическому факторам.

С насильственным вовлечением в общемировой поток развития арендно-бюрократический строй в Китае оказался изжитым исторически — стадияльно и формационно, но не количественно. Традиционное сочетание арендной системы с массовым бюрократическим изъятием прибавочного продукта в виде ренты-налога оставалось базисом общества и после 1912 г. Старый формационно-определяющий уклад, сохраняя физическое и структурное превосходство, окончательно потерял качества стадияльной поступательности. Основным кардинальным продуктом базисных сдвигов второй половины XIX — начала XX в. был не капиталистический уклад сам по себе, а вся сумма явлений переходности. В итоге главным руслом общей эволюции стало создание социально-экономической структуры смешанного плана, что и определило общий характер трансформации китайского социума к 1914–1919 гг. Капиталистический же уклад выступал прежде всего как один из факторов формирования переходной «системы» с ее тенденцией к разбуханию и закреплению прежде всего промежуточных форм. В связи с этим в Китае XX в. имела место переходность не только как процесс, но и как относительно устойчивое и длительное состояние.

Единство воспроизводства уступало место разобщенности между основными укладами. Речь идет о традиционном способе производства с патриархальным, натуральным и мелкотоварным укладами, о мелкопредпринимательской форме организации хозяйства и капиталистическом укладе с двумя секторами — местным и иностранным. Многоукладность расширила сферу обращения, проникла в городскую экономику, разрушила

прежнюю монолитность деревенского общества. Отсюда многообразие социальных групп и слоев, как старых, абсолютно доминирующих, так и новых, недавно возникших. Так, к 1911–1912 гг. в деревне наряду с богатыми крестьянами старого типа в системе натурального хозяйства появились кулаки нового склада с промысловым и торгово-земледельческим профилем. Хозяйства средние по масштабам соседствовали с бедняцкими, полупролетарскими дворами, вынужденными прирабатывать по найму. Арендаторская беднота и пауперы перемежались с пролетарской прослойкой, живущей продажей своей рабочей силы. Китайская деревня становилась средой, генерирующей не только нищету и пауперизм, но и продукты начальной буржуазной эволюции. Элементы капитализма, появляющиеся в деревне, были одним из показателей завершения саморазвития экономики традиционного типа. Сложность внутреннего строения капиталистического уклада дает основание рассматривать его самого в качестве «многоукладного» образования. В то время как его «верхние этажи» представляли собой современное предпринимательство, нижние, «массовые» звенья еще во многом оставались «средневековым капитализмом» с его торгово-ростовщическими формами. Иначе говоря, в Китае начала XX в. складывались как бы «два капитализма» — новый и старый. Один насаждался сверху при импорте извне развитых форм, другой поднимался снизу на базе ранних форм спонтанного происхождения. Соответственно этому формировались функционально почти не связанные друг с другом «две буржуазии» — современная элита и низовые слои. Местный и привнесенный извне «капитализмы» развивались каждый по-своему, крайне слабо смыкаясь и взаимодействуя друг с другом. Отсюда одна из причин заторможенности трансформации низших форм капитала, переполненность каналов обращения и старого кредита избыточными средствами, что характерно для ранних этапов первоначального накопления. В этих условиях раннебуржуазные формы были больше связаны с традиционной экономикой, нежели с современной.

Ранние формы капитализма, чье развитие до середины XIX в. блокировалось традиционной конфуцианской системой и потому было бесперспективным, под влиянием внешних факторов получили возможность стихийного количественного роста и поступательного развития. Вместе с тем притяжение огромной массы старой экономики порождало и тенденцию к самовосстановлению, консервации и разбуханию отсталых низших форм, — речь идет прежде всего об обуржуазившемся слое землевладельцев, который представлял собой социальный эквивалент наиболее уродливого и туликового типа капиталистической эволюции. Это был наиболее массовый пробуржуазный потенциал страны, но внутренне лишенный поступательного импульса.

Сложность внутренней структуры капиталистического уклада Китая не исчерпывалась разрывом между «двумя капитализмами». Местный капитализм получил в наследство от периода «самоусиления» чиновничье-грюндерство и связь с государством в виде различных смешанных казен-

но-частных форм (*гуаньду шанбань*, *гуаньшан хэбань*). Это влиятельное звено, своего рода «бюрократический капитализм», отчасти предопределило гегемонию верхушечного и реакционного начала в буржуазной ветви развития страны. Социально-экономический и политический климат Цинской империи конца XIX — начала XX в. открывал дорогу прежде всего «консервативному» и «помещичьему» пути в ущерб «демократическому», «прогрессивному»; на этот внутренний план накладывались внешние деформации, свойственные зависимому полукOLONИАЛЬНОМУ положению страны. При этом Цинская империя уже в какой-то мере втянулась в борьбу стихийного и «сознательного» (надстроечного) варианта модернизации. К 1911–1913 гг. преобладающим был стихийный, базисный вариант, т.е. без активного содействия надстройки. При этом наличие гигантских пластов докапиталистического мелкого производства и темпы их самовозрастания, опережающие буржуазную трансформацию, делали стихийную капиталистическую перестройку общества исторически бесперспективной. Демографический фактор как бы «съедал» достижения нового уклада и страны в целом. Иначе говоря, такой «естественный» вариант в общеисторическом плане являлся тупиковым, несмотря на более высокую производительность труда внутри капиталистического уклада.

Бесперспективность была связана с разобщенностью «двух капитализмов». При этом как верхние, так и нижние «этажи» нового уклада сами по себе не только не могли стать новым формационно образующим началом, но и не имели реальной возможности подчинить себе друг друга, чтобы стать ведущей или хотя бы активно трансформирующей силой. Капитализм тех лет не мог быть интегрирующей силой переходного строя, так как не был в состоянии консолидировать даже самого себя. Такая ситуация лишь консервировала обстановку переходности, придавала ей черты болезненного кризиса. Иллюзорно-буржуазный характер эволюции только подчеркивал неопределенность «выбора» конечной объективной цели. Китай оставался «обществом на распутье». Уже сама по себе «наднациональность» формационного кризиса, его привнесенность извне определяли затяжной характер «выбора», ибо не все зависело от самого Китая. Этого не было бы при естественном, спонтанном вызревании кризиса.

Повышенная роль внешнего фактора и значительный насильственный элемент (капиталистическая экспансия) в трансформации цинского социума являлись основными источниками его несбалансированности и конгломератности. Как уже отмечалось, имела место известная нестыковка основных элементов внутри капиталистического уклада, возникшая в результате искусственного создания его нового, верхнего звена и слабости, подавленности местного спонтанного капитализма. Проблема сосуществования «традиционного» и «современного» в экономике и социальном строе империи Цин решалась не только через их функциональную взаимосвязь (в том числе посредством переходных форм), но и через их столкновение и значительный разрыв по ряду измерений (земледелие–промышленность, деревня–город, глубинные провинции–побережье). При

этом новое частично охватывало промышленность, город и побережье, в то время как старое прочно удерживало за собой земледелие, сельскую местность и внутренние районы. В итоге нестыковка обоих начал стала компонентом «искусственно» трансформированной извне социально-экономической системы. Для нее было характерно переплетение двух противоположных начал — системной целостности и конгломератности. Это, в свою очередь, осложнялось старой хозяйственной разобщенностью провинций и традиционным регионализмом. Важными факторами оставались гигантские географические и демографические масштабы страны. В результате разные провинции, а также районы внутри них оказались на различных стадиях развития. При всем этом речь идет не просто о механическом вкраплении инородных элементов в традиционную конфуцианскую структуру, а об органическом взаимном приспособлении одного к другому, создании особой «системы» со своими принципами и внутренними особенностями саморазвития в рамках единого комплекса «Китай — мировой рынок». Цинскую империю XX в. нельзя рассматривать как сумму разобщенных величин (иностранный сектор — национальная экономика, средневековый комплекс — буржуазный уклад, традиционная деревня — «новые» города). Тем не менее это была не строго взаимосвязанная монолитная система, а образование с элементами конгломератности. Социально-экономическое развитие в нем происходило в двух плохо связанных друг с другом сферах. Первая охватывала докапиталистические и раннекапиталистические экономические формы, вторая — комплекс развитого капитализма.

По аналогичному принципу трансформировалась и социальная структура. К 1914 г. китайское общество во многом сбросило средневековые сословные пути. Из двух господствующих сословий (*цижэнь*, *шэньши*) первое и самое верхнее было уничтожено. Численный рост второго прекратился с отменой традиционных экзаменов в 1905 г. Базисные сдвиги конца XIX — начала XX в. разрушили устои средневековой сословной пирамиды. Отказ от традиционного презрения к предпринимательству и рост деловой активности шэньши несколько сближали «ученую» среду с купечеством. Складывался своего рода симбиоз шэньши и торговцев (*шэньшан*). Росло влияние денег, капитала. Возникали новые социальные группы, новые «антиконфуцианские» классы — буржуазия, пролетариат, а также современная интеллигенция.

Характерная для начала XX в. общая нечеткость переходной социальной структуры Китая складывалась из трех компонентов. Во-первых, из обычной для любого добуржуазного общества расплывчатости средневековых социальных образований. Во-вторых, из незавершенности формирования новых классов, находившихся на ранней стадии становления. В-третьих, из специфически китайской стертости граней и обилия промежуточных звеньев между некоторыми традиционными «классами», например между землевладельцами и крестьянами. Социальный кризис начала XX в. усугублялся разбухающей прослойкой пауперов, получившей дополнительный импульс к расширению. В деревне «пауперальный» вариант

разложения крестьянства явно преобладал над начавшейся пролетаризацией. В городе рабочий класс «тонул» в массе люмпенских элементов — кули, безработных и нищих. Для переходной структуры был характерен и высокий удельный вес мелкобуржуазных промежуточных слоев — мелких торговцев, цеховых ремесленников, подмастерьев.

Завершением формирования переходной стадии можно считать смену монархии республикой. Именно в этот период Китай стал органической частью мировой системы капитализма. Превращение страны в полуколонию империалистических держав и эволюция местного капитализма привели к образованию промежуточных форм организации хозяйства и социальных групп со смешанными характеристиками. Однако это не было свидетельством буржуазной перспективы развития и даже кризиса старой системы в его классической форме болезненных противоречий переходности. Разрешение противоречий было не под силу как местному, так и мировому капитализму, ибо он сам был их источником и составной частью. Капиталистический уклад в цинском Китае выполнял по существу дезинтегрирующую деструктивную функцию. Он паразитировал на старокитайском образе жизни и традиционных укладах. Деформация традиционных социальных структур в начале XX в. не привела к всестороннему прогрессу, к созданию принципиально нового, динамичного общества. Это был внутренне раздробленный и вместе с тем опутанный внешней зависимостью социум. Многие переходные сдвиги в нем были не столько реальными шагами в сторону капитализма, сколько «защитной реакцией», способом выживания и приспособления традиционных форм к новым условиям. В этом проявлялись повышенная устойчивость и большие регенерационные возможности старой арендно-бюрократической структуры.

Между тем соответствие хозяйственного и политического строя накануне падения монархии было существенно нарушено, что привело к конгломератности и дисбалансу общества. Данная искусственная трансформация системы вызвала болезненные социальные сдвиги, поставив десятки миллионов людей в непривычные для их среды условия жизни. В первое десятилетие XX в. кризисная неопределенность переходной стадии наряду с социальной неустойчивостью породила полосу массовых движений, ускоривших политический взрыв 1911–1913 гг. Этот переворот стал первой из гражданских войн, в ходе которых Китай преодолел трудности переходности и выбора пути развития.

Глава 14

«Новая политика». Возникновение предсиньхайского кризиса

Становление переходного общества стало главным фактором развития Китая в начале XX в. В дополнение к восточному типу развития — циклическому был привнесен западный — линейный. Начался этап сосуществования и взаимодействия старого и нового типов эволюции. Китай стал страной «двух сценариев» исторического развития. Так, по «старому сценарию» разворачивались дворцовые перевороты и крестьянские войны, совершались приезды «данников» в Пекин и проходили средневековые экзамены на звание шэньши. В том же русле происходили восстания тайных обществ, шаманские камлания, интриги маньчжурских князей и дворцовых евнухов, жертвоприношения и «голодные бунты». Параллельно по «новому сценарию» — вторжение иностранного капитала, вращение Китая в мировой рынок, создание фабрик и железных дорог, внедрение паровозов и телеграфа, возникновение буржуазии и пролетариата, «импорт» западных знаний и идей, появление интеллигенции. В этих условиях старое циклическое начало прочно преобладало над новым, линейным. В равной мере традиционные социальные силы — шэньши, бюрократия, землевладельцы, конфуцианская интеллигенция — имели явный перевес в политике над современными, только что родившимися классами, прежде всего над крайне слабой буржуазией.

К 1910 г. в стране в целом сложилась предкризисная ситуация. Важнейший показатель социально-экономического состояния традиционного общества, а именно демографический потенциал страны, вплотную подошел к отметке 430 млн. человек. Тем самым он поднялся на уровень 1850 г. — начала полосы крестьянских войн. К критической отметке приблизились и два других важнейших показателя, а именно посевная площадь на душу населения и душевое производство зерна. Китай снова вошел в кризисную спираль, и очередная крестьянская война была не за горами. Налицо имелись и другие слагаемые циклического кризиса: резкое ослабление центрального правительства, оскудение казны, разложение правящей верхушки и вырождение старой династии. Следствием этой деградации и стала череда безвластных императоров (Цзайчунь, Цзайтянь,

Пуи), переход власти в женские руки (Цыси) и резкое возрастание роли евнухов во главе с Ли Ляньином.

Параллельно этому с развитием капитализма в Китае и превращением страны в полуколонию быстро нарастало влияние нового, линейного начала. В первое десятилетие XX в. в стране возникли 386 фабрик, шахты и рудники с национальным капиталом. Расширился объем внешней торговли: стоимость экспорта возросла вдвое, а импорта — в полтора раза. Более чем вдвое увеличились иностранные инвестиции, и в такой же мере возрос внешний долг Китая. Количество иностранных фирм в ста портах, открытых для внешней торговли, утроилось. Во внешней торговле по-прежнему господствовала Англия, а сам Китай все больше превращался в поставщика дешевого сырья — хлопка, сои, шелка и чая.

В этот период китайские предприниматели и обуржуазившиеся помещики вложили значительные средства в промышленность, торговлю, железнодорожный транспорт и банки. Владельцами и совладельцами наиболее значительных предприятий были чиновники, шэньши, крупные землевладельцы и компрадоры. В целом же национальная буржуазия оставалась крайне слабой, страдая от высокого налогообложения, произвола властей и конкуренции иностранного сектора капиталистического уклада. В то же время чрезмерная денежная эмиссия, безудержная инфляция и волна банкротств в торгово-финансовых кругах привели в 1910–1911 гг. к резкому падению деловой активности. С развитием многоукладного базиса на его основе формировался переходный социум с возрастающими социальными и политическими противоречиями. Все это ослабляло цинскую монархию. Если трансформация экономики и социума началась в середине XIX в., то обновление государственности отстало от этих процессов на полвека, что было чревато политическим кризисом.

Между тем острейший кризис власти начала XX в. был вызван в Китае не внутренними, а внешними факторами, т.е. насилием западных держав по отношению к Среднему царству. Превращение Китая из «страны-гегемона» в полуколонию, утрата им части своего суверенитета, серия проигранных войн, цепь унижений и контрибуций завершились разделом страны на «сферы влияния» западных держав. Данную ситуацию усугубляли контроль держав над налоговыми поступлениями цинской казны, ее задолженность по внешним займам, нахождение иностранных войск в Пекине и на других договорных территориях. Утрата части государственных прерогатив и функций снизила дееспособность и престиж маньчжурского режима, урезала власть династии Цин в стране.

Все это беспокоило господствующие силы страны, возмущало китайских патриотов и великоханьских шовинистов. В бедах Китая все больше винили маньчжуров. Правящая династия в силу своей архаичности и ксенофобии не могла установить проиностранный, проколониалистский режим, тогда как державам нужен был новый, более современный и прозападный настрой в Пекине и на местах.

Послеихэтуаньский кризис и рост антиправительственных сил

Русская оккупация Маньчжурии (1900–1905) крайне ослабляла престиж династии Цин, и так уже подорванный в глазах ее подданных ихэтуаньской катастрофой. Русско-японская война 1904–1905 гг. явилась очередным фактором позора и дальнейшего ослабления цинского режима. В третий раз после 1894 и 1900 гг. чужеземцы топтали землю Поднебесной и захватывали Маньчжурию — «домен» династии Цин и «священную родину» маньчжуров. Маньчжуры полностью признали волю победителя, т.е. Японии, согласившись со всеми условиями Портсмутского мира. Пекин предоставил Токио ряд исключительных прав и льгот в Южной Маньчжурии. Затем официальный Китай промолчал, когда Япония превратила Корею в свой протекторат. Все это еще раз продемонстрировало бессилие династии Цин, ее неспособность уберечь страну от внешней угрозы и защитить ее суверенитет.

События и исход войны 1904–1905 гг. оказали сильнейшее влияние на Китай. Здесь бурно приветствовали победу азиатского государства над одной из великих держав Запада. Триумф Японии вызвал в китайском обществе подъем не только националистических, но и оппозиционных настроений в отношении маньчжуров. Дальнейшее падение престижа династии оппозиция использовала для усиления натиска на нее. Последний резко усилился после японской аннексии Кореи в 1910 г. Данное событие вызвало настоящий шок в китайском обществе, увидевшем в этой трагедии аналогичную перспективу и для Поднебесной.

Патриотически настроенные верхи общества начали борьбу против экономической экспансии Запада. Во главе этого движения встали шэньши и кандидаты на чиновные должности. К ним примкнули купечество, предприниматели и интеллигенция. Борьба шла за оттеснение иностранного капитала и мобилизацию национальных капиталовложений. В 1905–1908 гг. прошло три массовых бойкота американских, японских и немецких товаров. Развернулось движение «за возвращение прав», т.е. за аннулирование горно-рудных концессий иностранцев. Шла борьба против английского займа на постройку железной дороги Шанхай–Ханчжоу–Нинбо. В противовес иностранным инвесторам были созданы два акционерных общества для постройки Хугуанских железных дорог. В 1911 г. развернулось движение за отказ от внешних займов. Нарастала кампания «защиты железных дорог» от покушений «заморских варваров». Все эти движения объединяла их антиманьчжурская направленность.

Выплата ихэтуаньской контрибуции, «вознаграждений» пострадавшим от ихэтуаней европейским миссионерам и поиски средств для «новой политики», т.е. для реформ госаппарата, породили очередное резкое увеличение налогов. «Фискальный взрыв» 1902–1910 гг. повлек за собой череду многочисленных локальных восстаний. Крупные бунты произошли в Сы-

чуани, Чжэцзяне и Гуанси. Наиболее грозным стало восстание 1901–1902 гг. в Чжили. В 1906–1910 гг. по стране прокатилась волна «рисовых», т.е. «голодных» бунтов. Толпы народа громили амбары с зерном, нападали на транспорты с рисом. Голодающие крестьяне массами шли в города и присоединялись к этой борьбе. В те же годы в долине Янцзы развернулись «соляные бунты», направленные против соляного налога и государственной монополии на торговлю солью. Все это были симптомы приближавшейся «смуты» — обычного явления в конце очередного династийно-демографического цикла. Однако эти стихийные и разрозненные выступления, равно как и локальные восстания тайных обществ (*хуэйдан*), были пока далеки от перерастания в общекитайскую крестьянскую войну и прямой опасности для династии Цин не представляли.

Наряду со старыми врагами — крестьянскими повстанцами и членами тайных обществ — у маньчжурского режима появился новый противник — революционеры. Поднявшись на волне антиманьчжурских национально-освободительных настроений, эти крайние радикалы взяли на вооружение лозунг «революционного изгнания маньчжуров». К середине 1905 г. в Китае и Японии действовали три заметные организации революционеров. Это был «Союз возрождения Китая» («Синчжунхуэй») во главе с Сунь Ятсеном, «Союз возрождения славы Китая» («Гуанфухуэй») — организация подпольщиков провинций Чжэцзян и Цзянсу, а также «Союз обновления Китая» («Хуасинхуэй») во главе с хуаньцами Хуан Сином и Сун Цзяо-жэнем. С объединением этих трех структур летом 1905 г. в Токио возник «Китайский революционный объединенный союз» («Тунмэнхуэй»).

Его лидером стал Сунь Ятсен, выработавший основной программный документ новой организации. В основу программы легли сформулированные Сунь Ятсеном «три народных принципа» (*саньминь чжун*) — национализм, народовластие и народное благосостояние. Первый принцип расшифровывался как свержение власти маньчжуров, второй означал ликвидацию монархии и учреждение республики, а третий — постепенную национализацию земли путем установления на нее прогрессивного налога. Активным пропагандистом «трех народных принципов» стал журнал «Миньбао» — центральный орган «Объединенного союза».

Идеологическими противниками революционеров выступали в эмиграции реформаторы, а в самом Китае — конституционалисты. Свою малочисленность и слабость революционеры пытались компенсировать опорой на тайные общества. При этом акцент делался на тактику узких заговоров и организацию локальных восстаний с использованием *хуэйданов* в качестве послушных боевых дружин. В 1906–1908 гг. «Объединенный союз» организовал четыре таких восстания. Всех их постигла неудача, в том числе из-за разобщенности тайных обществ и соперничества их лидеров. Под влиянием этих поражений «Объединенный союз» раскололся. Из-за разногласий по поводу принципа уравнивания прав на землю в 1907 г. возник самостоятельный «Союз всеобщего прогресса» («Гунцинхуэй»), где было много представителей крупных землевладельцев. В результате пер-

вого раскола «Объединенного союза» образовалось два организационных центра — хубэй-хунаньский и гуандунский. После поражения трех новых восстаний в 1908 г. в среде революционеров обострилась внутренняя борьба, и авторитет Сунь Ятсена упал еще больше. В 1909 г. последовали второй раскол и дальнейшее ослабление «Объединенного союза».

Поскольку ставка на тайные союзы себя не оправдала, революционеры переориентировались на внедрение в ряды «новой армии», на агитацию среди ее солдат и офицеров. Если гуандунский центр Сунь Ятсена и Хуан Сина в своей работе с военными не пошел дальше уровня офицеров и унтер-офицеров, то хубэйским подпольщикам удалось проникнуть в солдатские ряды. Сунь Ятсен и Хуан Син продолжали организацию мелких заговоров, на этот раз в военной среде. Однако два подготовленных Хуан Сином восстания в Гуанчжоу, в 1910 г. и 1911 г., окончились поражением.

Становление Бэйянской группировки

После ихэтуаньской катастрофы, подписания «Заключительного протокола» и вывода союзных войск из Чжили цинский двор во главе с Цыси в 1902 г. вернулся в Пекин. Цыси стала лицемерно заигрывать с «заморскими варварами» и восстанавливать свое богатство, разграбленное интервентами. Для этого она обложила наместников и губернаторов провинций тяжелой данью — ежегодными подношениями драгоценностей и серебра. Такого рода потери сановники возмещали за счет населения. Тем самым Цыси не только способствовала усилению налогового бремени, но и озлобила периферийную бюрократию. В итоге династия начала терять поддержку провинций.

Во главе правительства остался князь Цин (Икуан). Сосредоточив в своих руках все нити управления страной, он пользовался доверием Цыси и поддержкой держав. В свои казармы в Чжили из Шаньдуна вернулись «новые войска» Юань Шикая, а сам он стал наместником столичной провинции. После смерти Ли Хунчжана в 1901 г. к нему перешло руководство Хунаньской (Аньхуэйской) группировкой. Последняя теперь стала называться Бэйянской, ибо она по сути срослась с руководимой им Бэйянской (Северной) армией и Сяочжаньской генеральской кликой. Помимо этого в его руках было сосредоточено проведение военной реформы, а также руководство транспортом и связью. Юань Шикай пользовался особой поддержкой со стороны держав, делавших ставку на него. Под его контроль попала полиция, создававшаяся в городах по японскому образцу. Правда, безрезультатно закончилась попытка Юань Шикая прибрать к рукам и формировавшуюся Наньянскую (Южную) армию. Эту свою неудачу он компенсировал усилением Бэйянской армии за счет перевооружения и ввода в строй новых частей. Ее командный состав — генералитет и офицерский корпус — формировался по принципу личной преданности «отцу новой армии».

Юань Шикай стал фигурой «лихунчжанского» масштаба. Умный, хитрый, ловкий лицемер и царедворец, он постепенно шел к верховной власти, до поры до времени заискивая перед Цыси, осторожно внедряя своих ставленников в государственный аппарат, действуя где подкупом, где интригами, а где и силой. В руководстве «новой армией» были только его сторонники и выдвиженцы. От его воли целиком зависели набор офицерских кадров, их оклады и продвижение по службе. Такого рода кадры составляли ядро Бэйянской милитаристской группировки, а в ней Юань Шикай пользовался неограниченным личным влиянием. Он представлял большую опасность для Цыси. Видя чрезмерное усиление Юань Шикая, она в противовес ему стала укреплять позиции Икуана. Помимо руководства Военным советом, министерством военных дел и Комитетом по реорганизации армии в руки великого князя были переданы финансы и другие важнейшие сферы управления. Судьба династии во многом зависела от «новой армии». Поэтому Цыси в 1907 г. лишила Юань Шикая поста главнокомандующего в надежде обезглавить Бэйянскую группировку. Однако перевод Юань Шикая на штатские должности не лишил его лидерства в военной среде и контроля над «новой армией».

«Новая политика» и ослабление династии

Борьба за власть происходила на фоне острейшего после ихэтуаньского кризиса общего ослабления цинского режима и быстрого падения авторитета маньчжурской династии. Лидеры «партии императрицы», прежде всего Жунлу, добились от Цыси корректировки правительственного курса. Уже в январе 1901 г. в Сиане было положено начало вершущим реформам, известным под названием «новой политики» (*синьчжэн*). Для их проведения был создан особый «Комитет по делам правления» во главе с Икуаном. В состав комитета наряду с Жунлу и маньчжурскими сановниками из «партии императрицы» вошли лидеры периферийных сил — наместники Чжан Чжидун и Лю Кунь. Главным направлением реформ стала модернизация госаппарата, направленная на всемерное усиление его центрального звена.

К проведению реформ подталкивало и давление со стороны держав. Идя навстречу требованиям держав, Пекин ликвидировал архаичный, неповоротливый и ксенофобный Цзунли ямэнь. Вместо него было создано по европейскому образцу министерство иностранных дел во главе с великим князем Икуаном. Оно было поставлено над остальными ведомствами. В 1902 г. специальным указом был снят запрет на брачные союзы между маньчжурами и китайцами, а также отменен обычай бинтования ног китайнок.

Итоги русско-японской войны, резкое усиление либеральной оппозиции вынудили Цыси пойти на уступки. По предложению Юань Шикая в 1905–1907 гг. для изучения конституционного строя в Европе и США

туда были направлены ряд специальных миссий во главе с сановниками, а также отдельные государственные деятели. В 1905 г. китайские наместники, послы в западных столицах и сановники обрушили к подножью трона поток петиций с просьбой ввести конституцию. Уступая этому нажиму, Цыси в сентябре 1906 г. объявила о подготовке к введению конституции и только через год — осенью 1907 г. — о скором создании Верховной совещательной палаты (предпарламента) и об учреждении совещательных комитетов в провинциях. Вместе с тем подготовительная работа растянулась до 1916 г. Кроме того, власть императора заранее объявлялась неподотчетной конституции и парламенту. Сын Неба по-прежнему имел право издания законов и законодательной инициативы, распоряжался армией и флотом, а также мог распустить парламент по своему желанию. Пытаясь предстать перед Западом и своими подданными умеренным реформатором и прогрессивным политиком, Цыси в 1905 г. издала ряд указов о преобразованиях: о продолжении реорганизации армии по европейскому образцу, введении «заморских наук», создании школ с современной программой, в том числе женских. Поощрялось развитие промышленности и торговли, планировались новые железные дороги, запрещалось опиение. Отменялись традиционные экзамены на получение ученых степеней и на занятие штатских и военных должностей. Снимались запреты на разработку недр, связанные с культом предков, правилами геомантии и другими традиционными препонами. Отменялись наиболее варварские методы следствия и особо жестокие пытки. Были сделаны уступки кулечеству и буржуазии. Так, вводились лицензии на занятие бизнесом, создавались торгово-промышленные палаты и торговые союзы, утверждались уставы акционерных обществ, устанавливалась шкала наград предпринимателям за успешную деятельность, жаловались почетные звания и чины. Тем самым режим намеревался привлечь торгово-предпринимательские круги на свою сторону. Началом реформы системы образования стало создание министерства просвещения. В провинциях открывались школы трех степеней. Выпускники средних и высших школ имели право на получение чиновной должности. Наиболее способных выпускников и учащихся новых школ стали на казенный счет посылать на учебу за границу, прежде всего в Японию.

Главный же упор делался на модернизацию госаппарата. Создавались современные министерства, ликвидировались некоторые архаичные учреждения и ряд sinecur, сократилась численность чиновников, появилась городская полиция.

Централизация государственного аппарата, усиление его столичного ядра сопровождалось резким ослаблением периферийных звеньев. Провинциальную бюрократию отстранили от решения многих военных и финансовых вопросов, а также от контроля над почтой и телеграфом. Все это передавалось в руки столичных маньчжуров. Тем самым китайское периферийное чиновничество теряло важнейшие рычаги власти и источники дохода.

При проведении «новой политики» цинская верхушка резко нарушила прежний баланс сил между маньчжурами и китайцами в госаппарате. Результатом этого стали дальнейшая изоляция маньчжурской аристократии и ослабление династии. К старым противоречиям добавились новые.

Осенью 1908 г. резко обострилась болезнь Цзайтяня и значительно ухудшилось состояние здоровья Цыси. Началась скрытая борьба за престол. Икуан, опираясь на поддержку Юань Шикая, намеревался сделать богодоханом своего сына. Цыси же решила посадить на «драконовый трон» своего внучатого племянника — двухлетнего Пуи. 13 ноября 1908 г. на заседании Военного совета она объявила Пуи наследником трона, а его отца князя Цзайфэна — регентом.

Десятый и последний цинский император двухлетний Пуи был посажен на трон с девизом правления Сюаньтун («Всеобщее единение», 1908–1911). 15 ноября на 73-м году жизни Цыси умерла, успев отравить императора Цзайтяня, все это время находившегося под домашним арестом. Со смертью старой императрицы рухнула и власть ее главного внука Ли Лянъина — самого влиятельного и грозного человека при дворе. Его несметные богатства были захвачены дворцовыми чиновниками.

В 70 км северо-восточнее Пекина был воздвигнут роскошный мавзолей, который обошелся казне больше чем в 2 млн. лянов. Вместе с замурованными в нем сокровищами общей стоимостью свыше 1 млрд. лянов они составили сумму, превышающую все выплаты Китая по «Заключительному протоколу» 1901 г.

За десять предшествующих лет (1898–1908) с исторической сцены сошли такие авторитетные политики и сильные личности, как великий князь Гун, Ли Хунчжан, Лю Куньи, Жунлу, Чжан Чжидун. Из когорты выдающихся деятелей эпохи «самоусиления» остался лишь Юань Шикай. На смену «железной» императрице, сорок лет самодержавно правившей страной, пришли двухлетний ребенок и бесцветный князь-регент, не имевший особото авторитета. Фактически же правителем оставался князь Икуан. Ярый реакционер и враг любых новаций, Икуан стоял за союз с Юань Шикаем и за дележ реальной власти с генералами Бэйянской группировки. Так начиналась борьба за власть между маньчжурами и ханьцами.

Последователи Цзайфэна, будучи сторонниками умеренных реформ, выступали за отстранение князя Икуана от власти, а Бэйянской группировки китайских генералов — от «новой армии».

Икуан и его окружение полагали, что союз с Юань Шикаем позволит сохранить, хотя и в усеченном виде, господство маньчжурской верхушки. Однако чрезмерное усиление Бэйянской группировки вызвало законные опасения у цинской аристократии, считавшей Юань Шикая потенциальным предателем. Икуан сам был не прочь на время удалить этого сильного политика, в чьих руках находилась «новая армия». Под предлогом ухудшения здоровья Юань Шикай в конце 1908 г. был снят со всех постов и отправлен в свое поместье в Хэнани. Группировка Цзайфэна готовила

покушение на него. Но опасаясь ответного бунта Бэйянской армии и нового конфликта с западными державами из-за убийства генерала, она отказалась от своей затеи. Державы, видевшие в Юань Шикае своего надежного и сильного человека, выразили решительный протест по поводу его отставки и заявили о гарантии его безопасности.

Вслед за Юань Шикаем в 1909 г. маньчжуры сместили с поста наместника северо-восточных провинций его верного соратника Сюй Шичана. Вместо китайцев на посты наместников столичной провинции и Маньчжурии были назначены маньчжуры. Ставка делалась на усиление цинской власти над «новой армией». Князь-регент Цзайфэн объявил себя фельдмаршалом и главнокомандующим всеми вооруженными силами. Его брат, Цзайсюнь, был назначен министром военно-морского флота, другой брат, Цзайто, — начальником Генерального штаба. Представитель маньчжурской знати Иньчан стал командующим сухопутными войсками. Части «новой армии», которыми до этого командовал Юань Шикай, были переданы маньчжурскому генералу Фаншаню. Кроме того, князь-регент объявил себя командующим спешно создаваемой императорской гвардией. Маньчжуры понимали, что «новую армию» нельзя оставлять в руках китайцев, однако полностью взять ее под свой контроль уже не могли. Даже находясь в отставке, Юань Шикай сохранил связи с бэйянским генералитетом и свое влияние на выпестованную им армию. А между тем именно «новые войска» становились самым важным инструментом власти, а военная реформа — стержнем «новой политики».

Усиление роли армии

Военная реформа, начатая в 1895 г., была призвана не только обеспечить обороноспособность Китая от внешней угрозы, но и подвести под слабеющий цинский режим прочный современный фундамент. Формирование «новой армии» началось после японо-китайской войны с создания «учебного корпуса» во главе с Юань Шикаем. С 1901 г. по этой модели с помощью японских инструкторов стали организовываться дивизии и смешанные бригады «новых войск». Солдаты набирались из коренных жителей данной местности, преимущественно из крестьян-середняков, причем власти тщательно проверяли их благонадежность. Новобранцы должны были обладать элементарной грамотностью и физической выносливостью. Части «новой армии» вооружались современным оружием. Рядовые и офицеры освобождались от уплаты земельного налога, а с их семей он взимался в сокращенном размере. Это подчас привлекало в армию и обедневших шэньши. Маньчжуры возлагали особые надежды на создание «новой армии» и денег на военную реформу не жалели. В проведении военной реформы были кровно заинтересованы и великие державы, которые хотели иметь в Китае военную силу, способную предотвратить любое антииностранное массовое движение «снизу», не допустить повторения

ихэтуаньских событий. Зародыш и образец такой армии державы увидели в «учебном корпусе» Юань Шикая.

Маньчжуры, создавая мощный ударный кулак вокруг столицы, предполагали также разместить в каждой провинции отдельные дивизии и смешанные бригады в качестве карательных сил для подавления антиправительственных выступлений. При этом они надеялись на раскол среди китайских военных и борьбу генеральских группировок между собой. Их взаимное сдерживание и противостояние должны были отвлечь военных от объединенного натиска на цинский режим. Стремясь уравновесить военное могущество Юань Шикая, цинские власти стали создавать дивизии и смешанные бригады Наньянской Южной армии. Противостояние военных группировок Юга и Севера должно было предотвратить появление единой общекаитайской военной машины, что означало бы гибель маньчжурского режима. Тем не менее замысел Пекина не удался.

Соединения «новой армии», как и «бэйянские» дивизии, имели современное вооружение. Их боевая подготовка строилась по западному образцу и с привлечением иностранных, особенно японских советников. Вводились новые уставы, новая организационная структура. В дополнение к пехоте и кавалерии создавались артиллерийские и инженерные части. Открывались новые военные училища и школы. В 1902 г. Юань Шикай добился создания Баодинской военной академии, готовившей кадры для Бэйянской армии, а в 1903 г. — Комитета по реорганизации войск и по сути стал его главой. К 1913 г. «новая армия» должна была иметь 36 дивизий по 12 тыс. человек в каждой. Тем самым общая численность современных частей должна была превысить 430 тыс. человек. Однако к 1911 г. было сформировано лишь 14 дивизий. На вооружении «новых войск» находилось 1 тыс. орудий и 130 пулеметов.

«Новая армия» осталась наёмным войском. Для зачисления в ее ряды требовались элементарная грамотность, имущественный ценз и рекомендация от уездных или волостных властей, либо ее заменой служило поручительство от местных шэньши. Делалось все, чтобы в «новую армию» не проникли опасные элементы — бродяги, дезертиры и все «неблагонадежные». С введением современных уставов и тактики, новой военной техники создавалась профессиональная армия по германскому образцу, с хорошей выучкой и дисциплиной, что повысило престиж военных (*цзюньфа*), ставших новой политической силой.

Бэйянская армия должна была стать главной защитницей и надежной опорой трона. Она располагалась в Чжили под контролем двора и финансировалась из центральной казны. Наньянская армия со ставкой в Нанкине содержалась на средства местной администрации бассейна Янцзы и Южного Китая и во многом зависела от наместников и военных губернаторов провинций. Это вело к росту в ней местнических настроений, партикуляризма и скрытой оппозиционности по отношению к центру. Наньянская армия была склонна к солдатским мятежам и антиманьчжур-

ским настроениям, которые распространялись здесь не только тайными обществами «Старших братьев» и «Триады», но и революционерами. На финансировании и в подчинении наместников и губернаторов провинций находились также местные охранные войска (*сюньфандуй*), формировавшиеся на базе резко сокращаемых старых «войск зеленого знамени». Что касается бэйянских дивизий, составявших примерно треть «новой армии», то они были ее лучшей частью, наиболее обученной, оснащенной, дисциплинированной и самой боеспособной. Юань Шикай при случае мог рассчитывать на 7–8 дивизий из 14.

Быстрое укрепление «новой армии», бэйянского генералитета и офицерства означало становление альтернативной политической силы, способной свергнуть династию Цин и занять ее место. Остальные социальные и политические силы были либо не готовы к созданию собственного режима, либо предельно слабы. Предсиньхайский кризис еще не мог породить очередную крестьянскую войну, способную похоронить старую династию. Локальные восстания начала XX в., в том числе руководимые тайными обществами и революционерами, также были не в состоянии опрокинуть цинский режим. Крупные землевладельцы в массе своей и не думали о насильственной ликвидации маньчжурской династии, а тем более монархии вообще. Буржуазия, пролетариат и новая интеллигенция, как и революционеры, были крайне слабы. Единственной реальной силой, могущей свергнуть династию Цин, являлась «новая армия». В итоге в лице «новой армии» маньчжуры обрели скрытого и наиболее опасного противника, своего будущего могильщика, а военная реформа не укрепила режим, но, напротив, ослабила его.

Маньчжурская аристократия, разглядев наконец реальную угрозу со стороны Бэйянской армии, пыталась поставить ее под свой контроль. Однако изменить сложившуюся ситуацию ей не удалось, власть над «новой армией» по сути перешла к китайцам. Отправив в 1907 г. Юань Шикая в ссылку в его имение, маньчжуры безуспешно пытались взять Бэйянскую армию в свои руки. Между тем контроль Пекина над войсками на Юге и в долине Янцзы был еще слабее. Здесь периодически происходили волнения, вооруженные выступления, солдатские бунты, нарастали антиманьчжурские настроения.

В Наньянской армии было много выходцев из старых войск, здесь была слабее дисциплина. Среди солдат и унтер-офицеров было много членов тайных обществ или просто противников династии. Антиманьчжурские настроения органически переплетались с регионалистскими. С 1905 г. этим стали пользоваться и революционеры, начавшие антицинскую пропаганду в южных войсках. Наньянские дивизии и бригады становились все более ненадежными, постепенно становясь потенциально антицинской взрывоопасной средой. В 1908 г. крупные военные мятежи произошли в Аньдине (пров. Аньхуэй), в районах к северу от Янцзы, а также в провинциях Гуандун и Цзянсу. Особую тревогу маньчжуров вызвало восстание солдат

и младших офицеров «новой армии» в Гуанчжоу в 1910 г. Не вполне надежными становились охранные батальоны, а также гарнизоны южных городов, где солдаты поддерживали тесные связи с местными тайными обществами и оказывали им различную помощь.

Для усмирения восставших частей «новой армии» привлекались старые воинские контингенты, прежде всего «зеленознаменные», добровольческие и модернизированные батальоны (*лянцзюнь*), преданные правящей династии. Если остатки старых войск еще сохраняли верность режиму, то сотни тысяч демобилизованных солдат на юге Китая, оставшиеся без средств к существованию, легко включались в антиправительственную борьбу. К повстанцам в Гуанси в 1909 г. присоединилось около 50–60 тыс. бойцов расформированных частей.

Возникновение чиновной оппозиции

Потенциальным противником династии Цин все явственнее становилась китайская периферийная бюрократия, прежде всего номенклатура Южного Китая и провинций бассейна Янцзы. Эта молчаливая «южная оппозиция» для маньчжуров была не менее опасна, чем угроза со стороны «новой армии». «Боксерская» контрибуция легла тяжелым бременем на местные казначейства и население, резко усилив социальную напряженность в провинциях. Уже в 1902 г. произошел конфликт династии с наместниками, отказывавшимися увеличить ставки поземельного налога. Укрепляя свои особые отношения с державами, наместники и губернаторы провинций обеспечивали себе фактическую независимость от центра. На словах заявляя о своей преданности династии Цин, они фактически становились все более самостоятельными. Южные провинции уже дважды по сути дела отделялись от Пекина, бросив маньчжурский режим на произвол судьбы во время войн с державами. Первый раз это произошло в 1894–1895 гг., а второй — в 1900 г.

В ходе реорганизации административного аппарата 1906–1907 гг. Цыси и Икуан попытались ограничить всевластие региональных правителей. Два наиболее влиятельных наместника — Юань Шикай и Чжан Чжидун были переведены на службу в Пекин под неусыпный надзор цинского двора. К тому же решение многих вопросов было изъято из ведения провинциальных учреждений и передано вновь созданным столичным министерствам. Это был удар по местным правителям. Предполагалось, что реформа существенно ослабит независимость наместников и губернаторов-китайцев.

Однако более 30 тыс. местных чиновников высшего, среднего и низшего звена продемонстрировали свою готовность отстаивать старые порядки и умело свели к минимуму все старания Пекина. Молчаливая схватка за власть 1906–1907 гг. формально закончилась вничью, а фактически — крупным поражением маньчжурской династии. Не добившись укрепления своих позиций, цинский режим восстановил против себя провинциальную бюрократию и тем самым приблизил свое падение.

После смерти Цыси начался второй натиск маньчжурского «центра» на китайскую «периферию». Модернизация госаппарата сопровождалась передачей многих административных и финансовых прерогатив от местных властей в руки центра, т.е. из ведения китайцев в распоряжение маньчжуров. В Пекин переводилась военная и налоговая сфера, ранее находившаяся под контролем периферийной номенклатуры. С 1909 г. маньчжурам передавался надзор за всеми поступлениями в госбюджет, хотя провинциальная бюрократия издавна сама распоряжалась местными финансами. На этой почве весной 1910 г. возник так называемый соляной конфликт между Пекином и провинциями. Маньчжуры попытались поставить под свой контроль все отчисления от соляного налога, идущие в пользу местных властей. Столь грубое вмешательство в денежные дела периферии вызвало резкий отпор со стороны наместников и губернаторов провинций. Понимая опасность возникшего конфликта, обе стороны решили не идти на обострение. Противостояние между двумя лагерями еще более усилилось после сокращения чиновного аппарата на местах, а также частей «зеленого знамени» — китайских воинских контингентов, находившихся в распоряжении местных властей. Такого рода натиск центра на периферию воспринимали как грубое нарушение традиционного порядка, многовекового молчаливого «договора» о разграничении сфер влияния.

На плечи периферийных лидеров и местных казначейств маньчжуры возложили все расходы по созданию и поддержанию «новых войск» в бассейне Янцзы и Южном Китае. В Пекине полагали, что кормить эти дивизии и бригады будет провинциальная бюрократия, а командовать войсками — маньчжурские князья. На практике же сложилась иная ситуация. Дивизии и бригады Наньянской армии, а также созданные тогда же «охранные войска» (*сюньфандуй*), оснащенные современным вооружением, оказались по сути в подчинении наместников и губернаторов провинций, а не центра. Таким образом, военная реформа не ослабила, а усилила независимость местных правителей от Пекина, подорвав тем самым позиции маньчжуров.

В провинциях нарастала изоляция маньчжурской верхушки от значительной части китайских шэньши и крупных землевладельцев. С каждым годом усугублялось отчуждение периферийной бюрократии от центрального госаппарата в Пекине. Все больше набирало силу противостояние между столицей и провинциями. В высших слоях китайского общества росло недовольство цинским режимом, его косной близорукой политикой. Наступление династии на прерогативы и доходы местных властей нарушило в политической системе Китая традиционное равновесие между центром и периферией, между тронем и бюрократией, между маньчжурами и китайцами в государственном аппарате. Все это расшатывало фундамент цинского режима и усиливало изоляцию маньчжурской династии. Нарушился прежний баланс между централизацией и децентрализацией, и верх взяли партикуляристские силы. Явное ослабление центра, растущая самостоятельность периферии и укрепление сепаратистских тенденций

являлись традиционным компонентом циклического кризиса и свидетельством его наступления.

С 1905 г. провинциальная номенклатура стала всячески поддерживать оппозицию в ее борьбе за введение конституции и парламента. Тем самым периферийные лидеры пытались перераспределить реальную власть в центре в свою пользу и покончить с монопольным господством здесь маньчжуров и остальных «восьмизнаменных». Пойдя на союз с конституционно-монархической оппозицией, периферийная бюрократия рассчитывала взять власть в Пекине и предотвратить уже начавшуюся «смуту» в стране. Уже в 1908 г. губернаторы пяти провинций потребовали от династии скорейшего созыва парламента. Борьба между «центром» и «периферией» нарастала, и в мае 1911 г. маньчжуры нанесли ответный удар. Указом о создании кабинета министров периферийные властители из полунезависимых царьков в своих «уделах» теперь превратились по сути в чиновников на местах в системе соответствующего министерства. Это означало конец их средневековой «вольности» и стало последней каплей, переполнившей чашу их терпения. В итоге провинциальная бюрократия по сути оказалась в одном лагере с оппозицией.

Либерально-конституционное движение

После ихэтуаньской катастрофы в Китае стало складываться новое политическое течение — либерально-конституционное. Его составили прогрессивные шэньши, соискатели ученых званий, педагоги, ученые, чиновники, кандидаты на государственные должности, новая интеллигенция, предприниматели, купцы, служащие, учащая молодежь. Это была политически активная часть патриотической элиты Китая, требовавшая введения конституции, т.е. ограничения монархии, а также местного самоуправления. Лидеры этого течения, прежде всего крупнейший предприниматель и шэньши Чжан Цзянь, пытались склонить маньчжуров к проведению конституционных реформ. За этим политически активным авангардом следовал второй эшелон — далекое от «большой политики» и поэтому пассивное большинство шэньши и интеллигенции. За ними шли традиционное купечество, мелкие и средние торговцы, а также еще крайне слабая буржуазия. Оппозицию во многом поддерживала периферийная бюрократия.

В обстановке переходного общества главная социальная угроза маньчжурам исходила не от новых еще крайне слабых сил (буржуазия, пролетариат, новая интеллигенция), а от сильных и многочисленных традиционных слоев (либеральные шэньши, землевладельцы, патриотическая часть старой интеллигенции). Именно они создали и возглавили легальную оппозицию цинскому двору. Соглашаясь на реформы, маньчжуры имели в виду поверхностную, сугубо «техническую» модернизацию самого госаппарата, изменение формы при сохранении старого содержания. Оппозиция шла намного дальше, требуя более глубокого и органического обновления политического строя, введения сословно-представительной, так

сказать «шэньшиской» монархии. Лидеры оппозиции надеялись достичь своих целей мирным путем — за счет компромисса с маньчжурами. Огромное влияние на либеральную оппозицию оказали поражение царизма в ходе русско-японской войны и неспособность маньчжуров защитить суверенитет Китая. Триумф Японии привел к подъему националистических настроений в Китае и резкому росту рядов оппозиции, к ее организационному оформлению. Стараниями Чжан Цзяня в 1906 г. в Шанхае было создано «Объединенное общество по подготовке конституции», превратившееся в ведущий центр либеральной оппозиции. Такого же рода общества создавались в других провинциях при благожелательном отношении к ним периферийной бюрократии. Газеты и журналы оппозиции развернули пропаганду конституционализма и парламентаризма.

Расширяя агитацию за установление конституционно-монархического строя, эти организации осуществляли давление на правящие круги также путем петиционных кампаний. В движение вовлекались все новые сторонники политической модернизации. На рельсы конституционно-монархического движения перешла и реформаторская эмиграция во главе с Лян Цичао, создавшим в 1907 г. такого рода ассоциацию в Токио. Созданием конституционной монархии оппозиция намеревалась уберечь Китай как от «смуты», так и от распада страны.

В 1905 г. нараставшее политическое брожение в стране заставило династию пойти на компромисс с оппозицией, но при этом она пыталась затянуть созыв парламента до 1916 г. Стороны, торгуясь о сроках введения конституции и парламента, вовсе не имели в виду государственность буржуазно-демократического типа. Даже для оппозиции такой вариант оставался неприемлемо радикальным. Между тем, борясь за введение не формальной, а действительно сословно-представительной абсолютистской монархии, оппозиция постепенно «левела». Лян Цичао, например, от лозунга учреждения палаты советников при императоре в 1907 г. перешел к требованию избрания дееспособного парламента, ответственного перед ним правительства и местного самоуправления.

Когда стала очевидной тактика затягивания и всевозможных отвлекающих маневров со стороны цинского режима, оппозиция организовала ряд петиционных кампаний за скорейшее введение конституции и созыв парламента. Первая из них прошла в 1907–1908 гг. Коллективные петиции поступали в цензорат в Пекине от отдельных лиц (чиновников, шэньши, купцов и студентов) и целых конституционных организаций, а также от китайских эмигрантов. Особую активность развили центр, руководимый Чжан Цзянем, и ассоциация во главе с Лян Цичао, перенесшая свою деятельность в Шанхай. Массовая петиционная кампания побудила маньчжуров к очередному конституционному маневру. В сентябре 1908 г. они опубликовали проект «основных положений конституционных законов». Согласно им парламента наделялся лишь совещательными функциями, а император сосредоточивал в своих руках все виды власти — законодательную; исполнительную и судебную. За ним закреплялись право созыва

и роспуска парламента, назначения и смещения сановников, высшая военная власть и т.д. Таким образом, конституции и парламенту отводилась сугубо декоративная роль.

После смерти Цыси и Цзайтяня Икуан и князь-регент, стремясь поддержать конституционные и реформаторские иллюзии у оппозиции, официально обещали созвать парламент в 1916 г., а в 1909 г. организовать выборы в провинциальные совещательные комитеты. В них оппозиция увидела первый шаг к установлению компромисса с цинским режимом на базе создания конституционной монархии. Выборы были двухступенчатыми и проводились на основе строжайшего избирательного ценза. Основную массу членов комитета составляли шэньши, бывшие чиновники, предприниматели, кандидаты на занятие чиновных должностей. Часть этой среды, уже втянувшаяся в предпринимательскую деятельность, отражала интересы крайне слабой буржуазии. В целом по стране в выборах участвовало лишь около 2 млн. человек из 420 млн. жителей Китая. Комитеты могли обсуждать только сугубо местные вопросы, не касаясь политических и законодательных тем. Династия рассчитывала оттянуть время введения конституции и создания парламента, частично успокоить оппозицию и поссорить последнюю с ее основным союзником — периферийной бюрократией. На первой же всекитайской сессии совещательных комитетов в октябре 1909 г. разгорелась упорная борьба по экономическим вопросам. Речь шла о злоупотреблениях чиновничества, лихоимстве и коррупции, ликвидации средневековых преград развитию рынка и предпринимательства, упорядочении и унификации налоговой системы. Выдвигался ряд предложений по подъему местной промышленности, земледелия, торговли и транспорта. Депутаты требовали оградить отечественное предпринимательство от иностранной конкуренции и ограничить проникновение Запада в Китай. В создании провинциальных совещательных комитетов оппозиция видела дальнейшее претворение курса умеренных реформ, обретение власти на местах, ограничение маньчжурского самодержавия. Их рассматривали как реальное приближение к установлению парламента и конституции, как первый шаг к мирному переходу верховной власти в руки либерально-конституционных кругов, как начало выхода из кризиса, ведущего Китай к новой «смуте». Оппозиция пыталась придать совещательным комитетам контрольные, законодательные и исполнительные функции. Рассчитывая превратить комитеты в органы своей власти на местах, она попыталась взять под контроль ряд сфер местного управления. Однако периферийная номенклатура не захотела делиться властью с оппозицией, и последней пришлось отступить, дабы не поссориться с мощным союзником. Тогда оппозиция сосредоточилась на скорейшем созыве парламента в 1911 г. и создании ответственного перед ним правительства. По инициативе Чжан Цзяня представители 16 провинций собрались в Шанхае и направили в Пекин свою делегацию с коллективной петицией о созыве парламента в 1911 г. Князь-регент Цзайфэн отклонил петицию. В ответ на это была организована вторая петиционная кампания, проходившая

с февраля по июнь 1910 г. Оппозиция опиралась не только на совещательные комитеты, но и на свой «Союз единомышленников в борьбе за созыв парламента» и его местные филиалы. Она старалась максимально расширить ряды своих сторонников путем пропаганды в печати, издания листовок, воззваний и брошюр, организации митингов, собраний, массового сбора подписей и т.д. Тем не менее в июне 1910 г. маньчжуры отклонили и вторую коллективную петицию. Тогда оппозиция развернула новую — третью и более массовую петиционную кампанию. Китайскую общественность потрясла аннексия Кореи Японией в августе 1910 г. Это послужило новым стимулом для расширения движения за скорейший созыв парламента как средства спасения Китая от подобной участи.

Третью петиционную кампанию активно поддерживала периферийная номенклатура, потребовавшая скорейшего созыва парламента и создания ответственного кабинета министров. Новой трибуной оппозиции стала открывшаяся в Пекине осенью 1910 г. совещательная палата — своего рода «предпарламент». После ряда бурных заседаний палаты маньчжуры пошли на уступки, пообещав созвать парламента в 1913 г. При этом они стремились его заранее предельно обессилить, не допустить создания ответственного перед ним кабинета министров. Для этого маньчжуры в мае 1911 г. произвели реорганизацию правительства. Ликвидировав явно архаические учреждения, они срочно создали «современный» кабинет министров. Последний состоял в основном из великих князей и других маньчжуров, забравших себе все ключевые министерства. Будущий парламента не мог контролировать правительство. Зато его глава — Икуан становился полномочным начальником над наместниками и губернаторами провинций.

Майский указ вызвал бурное негодование оппозиции, попытавшейся изменить ситуацию мирными средствами. В двух коллективных петициях лидеры конституционалистов потребовали удалить из состава правительства маньчжурских князей, в том числе Икуана. Данный демарш либералов маньчжуры объявили посягательством на прерогативы монарха и все оставили на своих местах. Видя, что договориться с цинским режимом невозможно, оппозиция отказалась от практики проведения петиционных кампаний и стала готовиться к новому столкновению с маньчжурами. Под флагом подготовки к будущим выборам в парламента либеральный лагерь начал спешное объединение своих рядов во всекитайском масштабе. Опорой этому движению служили провинциальные совещательные комитеты и разного рода конституционные общества. Главной их целью стало организационное объединение всех оппозиционных кругов на единой политической платформе. Консолидация либеральной среды подхлестывалась нарастанием общего кризиса в стране. Чувствуя приближение новой «смуты», конституционалисты стали всемерно укреплять свои связи с наместниками и губернаторами провинций.

Тогда же, в мае 1911 г. маньчжуры нанесли еще один мощный удар не только по самой оппозиции, но и по составлявшим ее опору шэньши, землевладельцам, купцам и предпринимателям. Именно эта среда вложила

основную долю капитала в частную акционерную компанию по строительству Хугуанских железных дорог в провинциях Сычуань, Хубэй, Хунань и Гуандун. Это был гигантский проект создания китайцами линии Чэнду—Ханькоу—Гуанчжоу. В мае маньчжуры национализировали эту компанию в обмен на получение огромного хугуанского займа от банковского консорциума Англии, Франции, Германии и США. Державы тем самым прибрали к рукам строительство и управление дорог. Маньчжуры по этой сделке получили на свои нужды большие средства и при этом ослабили позиции периферийных властителей долины Янцзы и Южного Китая. А расплачиваться за это должны были частные акционеры. Крупным держателям акций обещали выплатить лишь часть их стоимости, а мелкие паевые взносы на данное строительство превращались в труху. Таким образом, национализация дорог ударила по миллионам налогоплательщиков — крестьян, ремесленников и мелких торговцев. Кроме того, стало ясно, что династия открыто пошла на удушение китайского предпринимательства в интересах «заморских варваров», на предательство национальных интересов Китая. Указ о национализации дорог и весть о подписании займа вызвали волну возмущения в четырех провинциях, где сразу же началось мощное движение протеста. Так возник опаснейший для маньчжуров Хугуанский кризис лета 1911 г. Во главе движения встала либерально-конституционная оппозиция в лице провинциальных совещательных комитетов.

Создание маньчжурского кабинета министров и Хугуанский кризис показали, что договориться с маньчжурами о мирном дележе власти невозможно. Оставался лишь силовой вариант развития событий. Встал вопрос о поддержке союза периферийной бюрократии и оппозиции штыками «новых войск». Чжан Цзянь установил тайные связи с опальным Юань Шикаем.

С лета 1911 г. ситуация резко изменилась. Традиционные (крестьянские повстанцы, тайные общества) и новые (революционеры, конституционная оппозиция) силы, к которым по сути склонилась периферийная бюрократия, образовали единый фронт китайцев против маньчжуров, лишив последних всякой поддержки внутри страны. Единственной опорой цинской власти остались войска, точнее, «новая армия». Поскольку наньянские дивизии и бригады стали ненадежными, судьба цинской династии оказалась в руках бэйянских генералов. Позиция Бэйянской группировки приобретала решающее значение. Данной «триаде» — армия, бюрократия, оппозиция — династия Цин ничего противопоставить уже не могла.

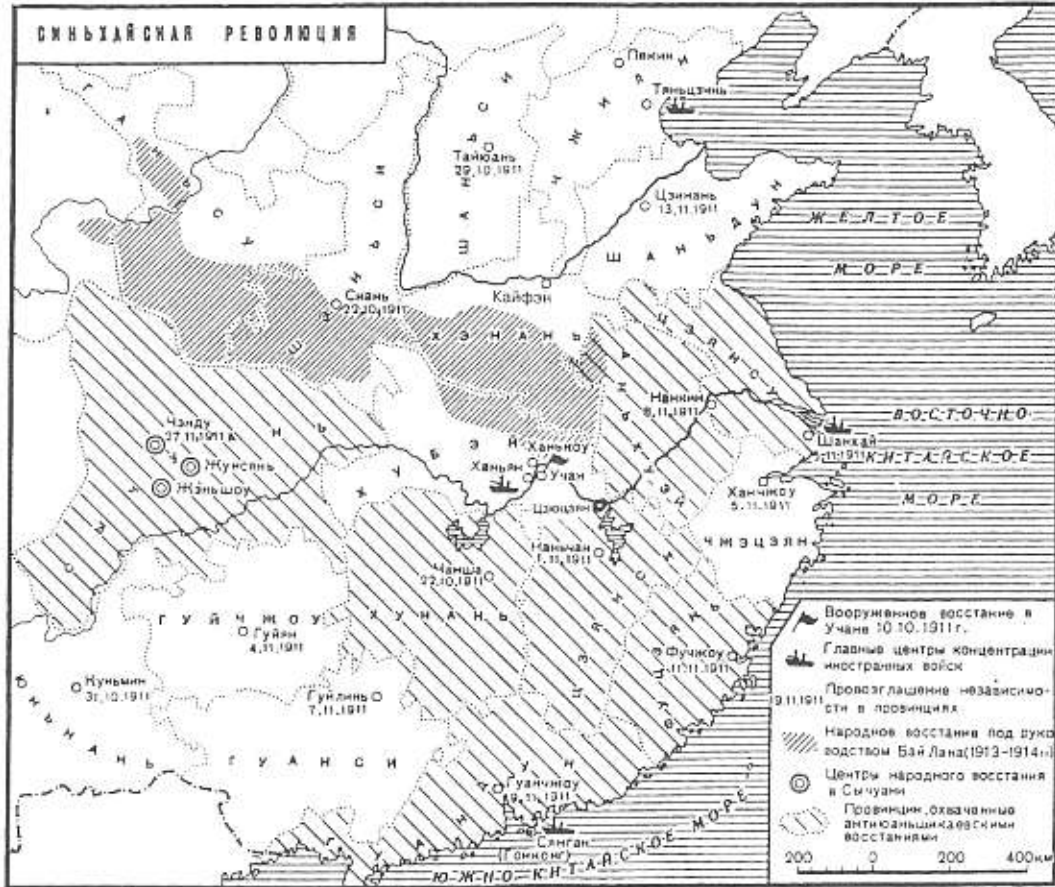
Глава 15

Свержение Цинской династии и установление республики

Майские указы 1911 г. — о кабинете министров и национализации железных дорог — сделали династию Цин враждебной и ненужной для политически активной части имущих классов и сословия шэньши. Давно лишившийся лояльности низов цинский режим теперь утратил и поддержку верхов китайского общества, поставив себя в положение обреченного. При этом Хугуанский кризис ударил по долине Янцзы и Южному Китаю, где антиманьчжурский настрой был особенно велик. Именно из долины Янцзы последовал молниеносный отпор. Его возглавила оппозиция, руководимая провинциальными совещательными комитетами. Отодвинув на время лозунги введения конституции и парламента, оппозиция подняла знамя борьбы против национализации дорог. Раньше всего начались выступления в провинциях Хубэй, Хунань, Гуандун. Наиболее острая ситуация сложилась в Сычуани. В июне оппозиция создала в Чэнду «Товарищество по охране железных дорог Сычуани». Вскоре его филиалы появились в других городах. К движению примкнула студенческая молодежь. Конституционалисты установили контакт с лидерами местных тайных обществ. 24 августа в Чэнду состоялся митинг, собравший несколько десятков тысяч человек. Забастовка торговцев и учащихся охватила всю провинцию. На местах беднота громила налоговые управления и полицейские участки. Оппозиция призвала население не платить поземельный налог. В сентябре маньчжуры перебросили «новые войска» из пров. Хубэй в Сычуань для подавления непокорных. В ответ лидеры движения выпустили воззвание о «самообороне Сычуани», т.е. по сути о ее независимости от Пекина. Тогда наместник арестовал руководителей, а полиция и войска расстреляли безоружную толпу, требовавшую освобождения арестованных. Были убиты 32 человека и несколько сотен ранены. Расстрел этой мирной демонстрации послужил сигналом к вооруженной борьбе.

Первым восстало население уездного центра Синьцзинь. Город оказался в руках повстанцев. На их сторону перешли части «новой армии», посланные на подавление. Так началось Сычуаньское восстание сентября—октября 1911 г., положившее начало свержению цинской монархии. Оно-

Крушение монархии в Китае

рой Сычуаньского восстания стали тайные общества. Их вооруженные отряды из многих уездов и округов двинулись на Чэнду. К ним примкнули различные слои трудящихся, студенческие союзы, а также ряд армейских частей. Местные революционеры безуспешно пытались объединить их в «Армию единомышленников». Вооруженная борьба охватила всю провинцию. Повстанцы окружили Чэнду, но взять его не смогли и после многодневных боев отступили. «Армия единомышленников» разделилась на две части — Южную и Восточную, которые были разбиты поодиночке. Восставшие продолжали борьбу разрозненными отрядами и 25 сентября провозгласили «независимость» провинции от Пекина. К началу октября цинским войскам ценой огромных усилий удалось подавить основные очаги сопротивления.

Решающую роль в поражении Сычуаньского восстания сыграла позиция армии. Местная дивизия «новых войск» и батальоны, прибывшие из провинций Хубэй и Гуйчжоу, остались верными династии Цин. В итоге первое сражение с цинским режимом оказалось проигранным. Между тем Сычуаньское восстание вызвало огромный резонанс в стране. Многотысячные митинги солидарности с сычуаньцами происходили в Шанхае, Пекине, Гуанчжоу, Чанша и других городах. В провинциях Хубэй и Хунань молодежь стала формировать добровольческие дружины в помощь восставшим. В целом Сычуаньское восстание резко усилило антиманьчжурские настроения.

Учанское восстание и падение цинской власти в провинциях

Эстафета антиманьчжурской войны от Сычуаньского восстания перешла к Учанскому. Здесь в пров. Хубэй назревал взрыв в главном районе Центрального Китая — трехградье Ухань (Учан, Ханькоу и Ханьян). Среди войск местного гарнизона, состоявших преимущественно из частей «новой армии», а также среди населения подготовку антиманьчжурского выступления уже несколько лет вели хубэйские революционные организации. Главными из них были «Литературное общество» («Вэньсюэшэ») и «Союз всеобщего прогресса» («Гунцзинхуэй»), который формально вышел из состава «Объединенного союза», но сохранил с ним тесные связи. К ним примыкали другие организации, в том числе студенческая, маскировавшаяся под научное общество. Основу революционных организаций составляли солдаты «новой армии». Всего подпольные структуры насчитывали в своих рядах около 5 тыс. человек, т.е. около трети личного состава местных «новых войск». 24 сентября произошел стихийный бунт в дивизионе артиллерии под Учаном. Подавив выступление солдат, отказавшихся повиноваться офицерам, хугуанский наместник ввел в городе

военное положение. Революционеры наметили начало восстания на 16 октября, но об этом стало известно властям. Начались повальные аресты и казни заговорщиков. Тогда вечером 10 октября саперный батальон, к которому присоединились два пехотных полка и артдивизион (всего до 4 тыс. солдат), захватили Учан. 12 октября все Трехградье оказалось в руках восставших. Однако революционеры не решились сами создать новое правительство и пришли в провинциальный совещательный комитет — к конституционалистам за помощью. Так власть в Трехградье мирно перешла в руки оппозиции во главе с председателем комитета и лидером местных либералов шэньши Тан Хуалуном. Во главе хубэйского военного правительства был поставлен командир смешанной бригады «новых войск» генерал Ли Юаньхун. Новая власть объявила Китай республикой и призвала население страны перейти на сторону восставших. В прокламациях и обращениях провинциального правительства перечислялись все злодеяния маньчжуров за 267 лет их владычества в Китае. Эти документы отдавали дань великодержавному ханьскому шовинизму с его представлениями о превосходстве китайцев над всеми остальными народами, именовавшимися «варварами». В знак освобождения от ига маньчжуров республиканцы срезали косы. Консулам держав в Ханькоу были направлены ноты с признанием всех неравноправных договоров, заключенных династией Цин.

Республиканцы, боясь вооруженной интервенции держав, заняли в отношении их крайне осторожную примирительную и предупредительную позицию. Они не только отказались от антииностранных лозунгов, но и избрали прозападную стратегическую линию. В свою очередь, державы тоже действовали осторожно. Учитывая быстрое развитие китайского национализма и антиимпериалистических настроений, они объявили о своем нейтралитете. Военное хубэйское правительство призвало все население страны поддержать борьбу за свержение власти маньчжуров, а иностранные державы — соблюдать нейтралитет. Оттеснив реальную власть, руководство в правительстве с первых же дней захватили лидеры конституционалистов.

Жители Учана, Ханькоу и Ханьяна с энтузиазмом поддержали восставших солдат. За несколько дней численность республиканских вооруженных сил увеличилась до нескольких десятков тысяч человек. Наличие в Учане крупного арсенала, порохового завода, складов оружия и боеприпасов позволило быстро вооружить добровольцев, влившихся в хубэйскую армию. Новое правительство, конфисковавшее большие запасы серебра, банкнот и медных денег, на первых порах могло платить жалованье солдатам. Успех Учанского восстания был обусловлен позицией местных частей Наньянской армии. В ходе боев к восставшим полкам и батальонам присоединилось большинство солдат и унтер-офицеров хубэйской дивизии «новых войск». Маньчжуры бежали из Трехградья с остатками еще верных им военных. В середине октября восстание «новых войск» вспыхнуло в Ичане, где к солдатам присоединилось несколько тысяч строителей

железных дорог. Ичанские батальоны свергли цинскую власть не только в Ичане, но и в Шаши и других городах.

На подавление Учанского восстания маньчжуры направили в район Ханькоу две отборные дивизии и одну смешанную бригаду Бэйянской армии. Дивизиями командовали лучшие генералы Сяочжаньской группировки — Фэн Гочжан и Дуань Цижуй. Руководить операцией был послан военный министр маньчжур Иньчан. На Янцзы его воинство поддерживала эскадра адмирала Са Чжэньбина. Наступавшие с севера цинские силы имели подавляющий перевес над хубэйскими войсками. Значительную часть последних составляли вступившие в них в период восстания необученные добровольцы.

Напуганные восстаниями наньянских войск, князь-регент и Икуан решили срочно вернуть из ссылки Юань Шикая. Цинское правительство предложило опальному сановнику пост наместника Хугуана, рассчитывая его руками подавить «мятежников». Однако роль всекитайского палача Юань Шикая не устраивала. После его отказа маньчжуры 22 октября срочно созвали в Пекине Верховную совещательную палату, надеясь на помощь с ее стороны. Однако этот «предпарламент», состоявший из либералов-конституционалистов, потребовал немедленного введения конституции и снятия императорской родни с ключевых постов.

Тем временем в одной провинции за другой начались новые восстания частей Наньянской армии. 22 октября войска свергли цинскую власть в Чанша, на следующий день — в Цзюцзяне, а 24 октября — в Наньчане и Сиане. В итоге провинции Хунань и Шэньси провозгласили независимость от Пекина. В ответ на это еще верные маньчжурам части Бэйянской армии после упорных боев 2 ноября овладели Ханькоу. Город был сожжен и разграблен, а многие его жители расстреляны. Однако эта акция устрашения привела к обратным результатам. На сторону республиканцев по сути перешла Верховная совещательная палата, потребовавшая проведения срочного расследования и сурового наказания тех, кто отдал приказ сжечь и разграбить Ханькоу. К хубэйским повстанцам присоединилась эскадра Са Чжэньбина, республиканцы укрепили оборону Ханьяна и Учана. Хубэйские революционеры добились назначения Хуан Сина на пост главнокомандующего, провели новый набор в армию и обучение новобранцев. В Ухань прибывали добровольческие отряды ополченцев. Главное, что наньянским частям, добровольцам и революционерам удалось сохранить воинскую силу, провинциальное правительство, антиманьчжурский настрой. Для оппозиции, периферийной бюрократии, революционеров и тайных обществ наступил час общего и решительного натиска на прогнивший режим. Началась быстрая «цепная реакция» высвобождения провинций и отдельных городов из-под власти «северных варваров».

Напуганные стремительным развалом империи, князь-регент и Икуан попробовали предотвратить гибель династии новыми обещаниями. Признавая свою вину за восстания в провинциях, маньчжуры поклялись вве-

сти конституцию, амнистировать всех политзаключенных, легализовать все политические организации, уравнивать в правах маньчжуров и китайцев и гарантировать личную неприкосновенность всех подданных империи. Однако все эти запоздалые уступки никак не повлияли на республиканский лагерь. Князь-регент и Икуан обратились к державам с просьбой о предоставлении срочного и крупного займа для подавления «смуты». Державы ответили отказом, ибо не хотели нарушать провозглашенный ими нейтралитет. Кроме того, уже явно обозначилась обреченность цинского режима, и делать на него ставку для Запада не имело смысла. Таким образом, единственной надеждой на спасение для династии Цин оставалась Бэйянская армия. Тогда маньчжуры вторично предложили Юань Шикаю возглавить подавление «бунта». Юань Шикай поставил следующие условия: передача ему всей полноты власти в военной сфере, созыв парламента и создание ответственного перед ним кабинета министров, амнистия всем участникам антиманьчжурской борьбы и легализация политических партий. Маньчжуры поначалу не приняли этих условий.

Пока династия и генерал торговались из-за власти, две дивизии Бэйянской армии 29 октября в Шицзячжуане вышли из повиновения маньчжурам. Их командиры — генералы У Лучжэнь и Чжан Шаоцзэн потребовали прекращения военных действий против восставших в долине Янцзы и введения конституции. В противном случае обе дивизии были готовы начать поход на столицу. В тот же день в Тайюане — главном городе Шаньси — против маньчжуров выступили солдаты и офицеры «новых войск» во главе с Янь Сишанем. Шаньси вышла из состава Цинской империи и присоединилась к восставшему республиканскому лагерю. У Лучжэнь и Янь Сишань договорились о совместном наступлении на Пекин для свержения династии Цин. Данная ситуация оказалась опасной и для маньчжуров, и для Юань Шикая. Выступление этих двух дивизий без согласия «отца новой армии» нарушило бы дисциплину внутри Бэйянской группировки. Кроме того, мятежные генералы грозили свергнуть династию собственными силами и тем самым оставить Юань Шикая ни с чем. Справедливо опасаясь, что власть в Пекине возьмут другие, он приказал убить У Лучжэня. Со смертью последнего «мятеж» в Шицзячжуане на время захлебнулся.

Между тем антиманьчжурское освободительное движение набирало все большую силу. В конце октября гуандунский губернатор провозгласил нейтралитет своей провинции. 31 октября восстали наньянские части в Юньнани. Овладев ее главным городом Куньмином, они освободили провинцию из-под господства «северных варваров». Совецательный комитет Цзянси, провозгласив 1 ноября независимость провинции от Пекина, назначил военным губернатором командира смешанной бригады Наньянской армии. В ночь на 2 ноября против маньчжуров поднялись части «новой армии» в районе Аньцина — главного города пров. Аньхуэй. Вызванные из Нанкина бэйянские войска отбросили восставших от города. Од-

нако это был временный и частичный успех правительства. Обреченность династии и монархии стала явной. В Пекине началась паника среди маньчжурской аристократии и «восьмизнаменных», перешедшая в повальное бегство. «Знаменные» массами уезжали на свою «священную родину» — в Маньжурию. Сюда к началу ноября перебралось четверть миллиона человек. Провозглашение независимости семи провинций и развертывание вооруженной борьбы в долине Янцзы парализовали правительство. Видя, что положение критическое, цинский двор предложил «отцу» Бэйянской армии пост первого министра. В условиях агонии маньчжурского режима должность главы кабинета, а значит, и командующего Бэйянской армией становилась ключевой.

Цинской верхушке ничего другого не оставалось, как капитулировать перед требованиями Юань Шикая. 2 ноября генерал был назначен премьер-министром с правом командования действующей армией. «Мятеж» двух бэйянских дивизий в Шицзячжуне показал Юань Шикаю, что больше медлить нельзя, ибо с династией Цин могут расправиться другие генералы, захватив при этом верховную власть. С получением же поста премьер-министра Юань Шикай становился сильнее любых назначенцев в антицинском лагере. Перед принятием этого поста Юань Шикай запросил согласия держав. Лондон и Вашингтон сразу же поддержали генерала, надеясь, что он подавит мятеж. Антицинский лагерь со своей стороны рассчитывал использовать Юань Шикая как орудие свержения династии Цин.

Получив пост главнокомандующего всех вооруженных сил империи и пост премьер-министра, Юань Шикай не спеша отправился в Пекин. Преследуя свои честолюбивые замыслы, он начал секретные переговоры с отдельными группировками республиканского Юга. Умело маневрируя между маньчжурами и республиканцами, опираясь на поддержку империалистических держав, он готовился к захвату власти. Банковский консорциум четырех держав обещал предоставить Юань Шикаю заём на сумму 56 млн. ф. ст. на борьбу с революционным движением. Маньчжуры рассчитывали руками Юань Шикая подавить «бунт», а затем снова отправить его в отставку. Все, кто откололся от династии Цин, видели в нем реальное орудие для свержения маньчжурского режима. К союзу с Юань Шикаем толкали и военные неудачи антицинских сил.

Между тем Цинская империя продолжала разваливаться. В Гуйяне 4 ноября наньянские батальоны подняли восстание и покончили с цинской властью в пров. Гуйчжоу. Крайне сложная ситуация сложилась в Цзянсу. В конце октября подняли восстание части «новой армии» в районе Нанкина. В этом важнейшем стратегическом пункте на Янцзы было сосредоточено большое число бэйянских войск под командованием верного престолу генерала Чжан Сюня. Именно его войска и отбросили наступавшие на Нанкин восставшие части. Потерпев неудачу, последние отступили в Чжэньцзян, куда стали стекаться добровольческие отряды и «новые войска». Их общая численность достигла нескольких десятков тысяч

бойцов. Маньчжуры в самый последний момент попытались договориться с оппозицией, назначив ее ведущего лидера Чжан Цзяня «умиротворителем» Цзянсу. Последний отказался помогать гибнущей династии и посоветовал цинским правителям прекратить сопротивление и признать победу республики над монархией. 5 ноября восстание «новых войск» завершилось победой. В начале ноября к антиманьчжурскому движению примкнула пров. Гуандун.

4 ноября против династии выступили «новые войска» в Шанхае, где их поддержали рабочие арсенала. На следующий день пров. Цзянсу провозгласила независимость от Пекина. 7 ноября от империи отделилась пров. Гуанси, где власть захватили местные воинские части, сделавшие губернатором командира охранных войск Лу Жунтина. 9 ноября сбросила власть маньчжуров пров. Фуцзянь.

Соотношение политических сил

С 11 октября по середину ноября в результате восстаний «новых войск» из-под власти династии Цин вышли двенадцать провинций. В семи провинциях — Хубэй, Шаньси, Юньнань, Фуцзянь, Шэнси, Цзянси и Гуйчжоу — местные совещательные комитеты избрали военными губернаторами офицеров «новых войск» — командиров дивизий, бригад, полков и батальонов. В их числе были Янь Сишань и Цай Э, ставшие затем крупными милитаристами (первый в Шаньси, а второй в Юньнани). Тем самым начавшаяся борьба за свержение обанкротившейся династии Цин сразу же выдвинула армию на первое место. Армия превратилась в решающий фактор, а вооруженное насилие стало главной формой политической борьбы. Именно в армии оппозиция видела гарантию свержения маньчжуров, сохранения социального порядка, предотвращения стихийных выступлений крестьян и городской бедноты. Именно части Наньянской армии первыми подняли знамя борьбы с ненавистной чужеземной династией и сыграли решающую роль в восстаниях в Учане, Чанша, Шанхае, Гуанчжоу и других городах. Если наньянские дивизии и бригады стали ударной антимонархической силой, то Бэйянская армия очень долго сохраняла верность цинскому престолу.

Второй после армии реальной силой стала оппозиция — возглавляемые местными шэньши и организованные в стенах совещательных комитетов конституционалисты и либералы. В поисках мирного разрешения неизбежного конфликта оппозиция действовала в сговоре с третьей важной силой — провинциальной бюрократией. Оба союзника главным методом избрали отделение своих провинций от Пекина, провозглашение их независимости. И оппозиция и бюрократия являлись монархической средой. Однако власть маньчжурского богдохана стала для них уже неприемлемой. Другой династии в Китае не предвиделось, единственным выходом из этой ситуации оставалось учреждение республики. Последняя становилась

орудием уничтожения маньчжурского господства. Оппозиции ничего не оставалось, как принять лозунг провозглашения республики, хотя это была вынужденная мера.

В ряде провинций оппозиция не хотела сразу же сжигать за собой мосты и пыталась оставить возможным диалог с Пекином. Так, в провинциях Цзянси, Аньхуэй, Гуандун и Шаньдун совещательные комитеты на первых порах пытались провозгласить всего-навсего лишь нейтралитет своих провинций в начавшейся «смуте».

Между тем Юань Шикай, видя, что весь ход событий работает на него, не спешил в Пекин, ожидая дальнейшего ослабления династии. 8 ноября Верховная совещательная палата абсолютным большинством голосов утвердила его назначение на пост главы кабинета министров. В тот же день совещательный комитет в пров. Аньхуэй провозгласил независимость провинции. На следующий день тот же сценарий был разыгран в пров. Гуандун. 11 ноября о своей независимости от династии Цин объявил совещательный комитет пров. Фуцзянь. Не дождавшись согласия Пекина на свои требования об автономии, местный совещательный комитет провозгласил самостоятельность пров. Шаньдун. Опасаясь назревавшего восстания «новых войск», цинский наместник северо-восточных провинций договорился с главой совещательного комитета пров. Фэнтянь об отделении 14 ноября от династии Цин. 16 ноября пров. Цзилинь заявила о своем нейтралитете, а на следующий день — пров. Хэйлунцзян. При этом в этих трех провинциях Северо-Востока полностью сохранялся старый цинский чиновничий аппарат.

Последним оплотом цинского господства в Пекине оставалась новая дворцовая гвардия, созданная в 1909–1911 гг. по типу «новых войск». Ее возглавил брат князя-регента, но фактически командующим был сам Цзайфэн — лютый ненавистник Юань Шикая. Тем временем Юань Шикай в окружении 2 тыс. преданных ему офицеров и солдат прибыл в Пекин. Взяв под свой полный контроль Бэйянскую армию, он устранил от руководства военными делами маньчжуров и заменил их своими ставленниками (Дуань Цижуй, Фэн Гочжан и Сюй Шичан), вывел из столицы дворцовую гвардию. Тем самым династия Цин полностью оказалась в его руках, 16 ноября Юань Шикай сформировал свое правительство и предложил сотрудничество республиканскому Югу. Он предложил ввести в состав кабинета двух конституционалистов — Чжан Цзяна и Лян Цичао. Однако они не приняли этого предложения. Тем не менее этим жестом генерал укрепил свой авторитет на мятежном Юге. Основу первого кабинета Юань Шикая составили старые цинские чиновники из числа его друзей, знакомых и единомышленников, т.е. стойких консерваторов. В секретном послании он умело запугал императрицу и князей возможностью физического уничтожения членов императорского дома. Став премьер-министром и главнокомандующим, Юань Шикай сразу же начал наступление на здешних «бунтовщиков». Его войска перешли в наступление в Шаньси

и заняли Тайюань, нанесли поражение отрядам Ван Тяньцзуна в Хэнани, подавили военный мятеж на северо-востоке Чжили.

Между тем южане надеялись, что Юань Шикай, придя к руководству страной, остановит успешное наступление бэйянских дивизий на их позиции. Так, почти сразу же после поражения своих войск под Ханькоу Ли Юаньхун заговорил о президентстве Юань Шикая. Союз с Юань Шикаем должен был помочь умеренным обуздать революционеров, не отказываясь пока от антиманьчжурских лозунгов и идей республиканизма. Умеренные искали компромисса с Юань Шикаем, а после взятия 2 декабря Нанкина настояли на заключении перемирия между войсками Севера и Юга. Сразу же после прихода Юань Шикая к власти между ними и Учанским правительством началась политический торг. Республиканцы всячески стремились заручиться поддержкой генерала для изгнания маньчжуров, обещая сделать его президентом, если он не поднимет оружия против республики. Юань Шикай обещал прекратить военные действия в случае согласия восстановивших на установление конституционной монархии. Одновременно генерал пытался расколоть ряды республиканцев. Последние стремились полюбовно договориться с будущим диктатором, дабы сейчас с его помощью покончить с династией Цин. Юань Шикая обхаживали как республиканцы, так и маньчжуры, видя в нем ключевую фигуру. Оказавшись в столь выгодном положении, генерал искусно лавировал между той и другой стороной, быстро укрепляя свою личную власть. Ведя политический торг с Учанским правительством, он стремился поставить его на колени или хотя бы сделать более сговорчивым. Полный честолюбивых замыслов, Юань Шикай виртуозно использовал ситуацию, оказавшись центральной фигурой, приемлемой для всех политических сил — от монархистов до республиканцев. На его кандидатуре в президенты сходились не только правое крыло и центр конституционно-либерального лагеря, но и левые, т.е. революционеры.

Балансируя между монархией и республикой, между революционерами и либералами, между династией и революционерами, Юань Шикай делал все, чтобы ни одна из этих сторон не усилилась во вред его честолюбивым замыслам. Юань Шикай запугивал маньчжуров возможной резней со стороны революционеров и в то же время шантажировал республиканцев возможностью своей сделки с династией. Дабы заставить республиканцев пойти на уступки, Юань Шикай упорно отстаивал идею конституционной монархии при номинальной власти богдохана.

Вместе с тем борьба против маньчжурского господства в провинциях продолжалась. Назревало восстание «новых войск» в Сычуани. 22 ноября наньянские части освободили Чунцин — второй по величине город Сычуани. Перед лицом общей опасности цинский наместник и лидер совещательного комитета договорились о провозглашении независимости провинции от Пекина. 27 ноября Сычуань отделилась от цинского режима, однако ее провинциальные чиновники остались на своих местах. Таким

образом, мирно, т.е. без восстаний «новых войск», от Цинской империи отделилось шесть провинций — три в Маньчжурии, Аньхуэй, Сычуань и Шаньдун. Однако пров. Шаньдун в тот же день вернулась в лоно Цинской империи, а ее губернатор покаялся перед тронном и Юань Шикаем за вынужденный переход в лагерь «бунтовщиков». При всем том маньчжурская власть начала рушиться в национальных окраинах империи. 1 декабря князья и дамы объявили Монголию независимой страной. Примерно в то же время рухнуло маньчжурское господство в Тибете. Власть в Ахасе перешла в руки местного правительства.

Продолжались военные действия в Цзянсу. 2 декабря «новые войска» и добровольцы после ожесточенных боев взяли Нанкин, вырвав пров. Цзянсу из рук маньчжуров. В боях за Нанкин храбро сражались студенческие и женские отряды. Победа восставших над войсками Чжан Сюня явилась как бы ответом на натиск бэйянских дивизий в районе хубэйского Трехградья. В итоге в долине Янцзы сложилось военно-стратегическое равновесие между монархией и республикой. После объявления перемирия Китай окончательно разделился на реакционный Север и мятежный Юг. Под властью династии Цин остались пять провинций — Чжили, Шаньдун, Хэнань, Ганьсу и Синьцзян.

Остальные 17 провинций Китая либо свергли маньчжурскую власть, либо отделились от Пекина, либо стали нейтральными. Здесь формально возобладала республиканская власть, хотя в ряде провинций она была таковой только по названию при сохранении прежней бюрократии. Провинциальные военные правительства с самого начала стали коалиционными. Состояли они из армейских офицеров, старой периферийной бюрократии, лидеров оппозиции, а также революционеров, которые представляли собой четыре основные силы, опрокинувшие цинскую власть на местах. На острие этой борьбы шла армия и военные, возглавлявшие восемь провинций, причем местные военные лидеры очень быстро стали превращаться в милитаристов.

Старая периферийная бюрократия и лидеры оппозиции вместе занимали посты военных губернаторов или глав правительств в восьми провинциях (Цзянсу, Шаньдун, Сычуань, Гуанси, Фэнтянь, Цзилинь, Чжэцзян, Хунань), т.е. столько же, что и военные. В Хунани военным губернатором стал глава совещательного комитета Тань Янькай, расправившийся с революционными лидерами, возглавлявшими правительство. В пров. Чжэцзян правительство возглавил видный либерал Тан Шоудянь, избранный военным губернатором. Конституционалисты и либералы господствовали в совещательных комитетах. Их члены, как правило, соединяли депутатские функции с властными, а сами комитеты постепенно превращались в законодательные собрания провинций. Основная масса шэньши, старой интеллигенции, чиновников, купцов и буржуазии вынуждены были принять республиканскую власть, когда стала очевидной обреченность цинской власти и монархии. С точки зрения конституционных монархистов

и либералов, свержение трона и переход к республике являлись не только вынужденным, но и крайне опасным шагом.

После победы на провинциальном уровне в большинстве случаев началась явная или тайная схватка между основными четырьмя силами за реальное господство. В этой борьбе военные сохранили захваченные ими позиции. Упрочили и расширили свою власть конституционалисты. Верхи же старой бюрократии утратили свои прежние позиции. Самыми слабыми и уязвимыми в этом отношении оказались революционеры. Под общим давлением военных, конституционалистов и бюрократии они понесли наибольшие потери при перераспределении власти в провинциях. Поначалу революционеры в должности военного губернатора или главы военного правительства возглавили четыре провинции (Хунань, Гуйчжоу, Аньхуэй и Гуандун), но сохранили свои посты только в провинциях Гуандун и Аньхуэй. Зачастую в органах новой власти заседали и революционеры, и те, кто еще вчера их казнил.

Несмотря на начавшийся передел власти, на местах сохранился единый фронт этих четырех антиманьчжурских сил. Именно это временное единство вынесло смертный приговор прогнившей чужеземной династии. Наличие общего врага сплачивало не только верхи, но и низы общества. Именно против «северных варваров» — маньчжуров свой главный удар направили и республиканские власти. Из провинциального аппарата поголовно изгонялись «восьмизнаменные», т.е. маньчжуры, «знаменные» монголы и китайцы-ханьцзюни. Вся же остальная китайская номенклатура и чиновники среднего и низового звена практически оставались на своих местах. Тем самым нарождающаяся республика приняла из старого госаппарата много перебежчиков-карьеристов, скрытых реакционеров и т.д. Напуганные подъемом повстанческого движения, республиканские правительства всячески старались его предотвратить, создавая на местах отряды сельской милиции и ополчения (*миньтуань*, *туаньлянь*) под контролем чиновников и шэньши, отменяя осенний сбор поземельно-подушного налога, сокращая взимание *лицзиня*. Новые власти, боявшиеся вмешательства держав в борьбу с маньчжурами, ввели смертную казнь за покушение на жизнь и собственность иностранцев.

Лозунг свержения маньчжурской власти нашел широкий отклик в китайском обществе. На вербовочные пункты «новой армии» хлынул поток добровольцев. В Ухане, Чанша, Шанхае и Нанкине создавались особые студенческие части и женские батальоны. Население жертвовало деньги и продовольствие для поддержки восставших воинских частей. Это была национальная борьба китайцев (ханьцев) против маньчжуров. Причем даже некоторые революционеры именовали ее «расовой революцией», отмечая в сторону какие-либо социальные вопросы. При этом главным орудием этого движения служил лозунг установления республики. Все провинциальные правительства ставили своей главной задачей свержение маньчжурской монархии и создание Китайской республики, т.е. государства ханьской нации.

Противостояние Севера и Юга

Чтобы устранить династию Цин, Юань Шикаю необходимо было договориться с восставшими провинциями о мирной передаче ему власти в долине Янцзы и на Юге. Для этого требовалась короткая и устрашающая военная акция, которая помогла бы генералу продемонстрировать свое намерение подавить «бунт» и покончить со «смутой». Бэйянские войска под командованием Дуань Цижуня готовились нанести удар по республиканцам в районе Уханя. По приказу Юань Шикая бэйянские дивизии начали наступление на Ханьян и 27 ноября после кровопролитных боев захватили город. Однако на этом наступление бэйянских войск прекратилось.

Окончательный разгром восставших не входил тогда в планы Юань Шикая. К тому же республиканский лагерь был нужен ему как средство давления на маньчжуров. Последние же хотели его руками уничтожить «бунтовщиков» и спасти свой режим. Но роль жестокого палача могла бы погубить высокий авторитет генерала в глазах южан. С взятием Ханьяна Юань Шикай считал свою карательную миссию на данном этапе законченной. Теперь ему предстояло разделаться с маньчжурами и отнять у них верховную власть на Севере. Для этого генералу нужно было развязать себе руки на Юге, и он стал искать соглашения с республиканским лагерем. При содействии британских дипломатов 3 декабря в Учане было заключено перемирие, которое по сути подтвердило раздел Китая на два государства. На Юге формировалась республика, на Севере сохранялась монархия с маньчжурским богдоханом во главе. В тот момент ни республиканский Юг, ни монархический Север в равной мере не желали гражданской войны. Единственно разумным выходом оставался компромисс на базе объединения вокруг «сильной личности», т.е. Юань Шикая, который являлся «своим человеком» как для монархистов, так и для республиканцев. Понимая, что восставший и вооруженный республиканский Юг трогать опасно и неблагоприятно, Юань Шикай всячески стремился развязать себе руки на Юге для захвата власти на Севере.

Получив от маньчжуров всю полноту власти для подавления «мятежа» и ликвидации «смуты», Юань Шикай использовал данные ему полномочия, во-первых, для укрепления личной власти, во-вторых, для компромисса с республиканским Югом и, в-третьих, для устранения династии Цин. Обсуждая с лидерами республиканцев условия своего выдвижения на пост временного президента, генерал в то же время зондировал позицию держав в отношении провозглашения его императором. Теперь Юань Шикай мог приступить к поэтапной ликвидации маньчжурской власти в Пекине. Прежде всего ему предстояло освободиться от контроля цинского двора. Для начала он избавился от обязанности каждый день являться на аудиенцию во дворец. Следующей задачей Юань Шикая было покончить с регентством. Заручившись поддержкой держав, генерал устранил от дел Цзайфэна и Икуана, передав верховную власть в руки вдов-

ствующей императрицы Лунъюй — матери малолетнего богдохана Пуи, слабой и безвольной женщины. Затем он ограничил доступ к ней сановников с докладами трону. Отныне эти доклады направлялись кабинету министров, т.е. самому генералу.

На все ответственные военные и административные посты в правительстве и северных провинциях Юань Шикай спешно назначил своих доверенных людей — друзей, сторонников и подчиненных. Покончив с регентством, он заставил императорский клан и маньчжурскую знать «пожертвовать» огромные средства на нужды Бэйянской армии. Цинская верхушка практически утратила всякое влияние в стране и реальной властью уже не обладала. Теперь генерал мог устранить династию Цин в нужный для него момент.

Став полновластным хозяином Севера, Юань Шикай приступил к переговорам с Югом. Они начались 18 декабря в Шанхае. Интересы генерала представлял Тан Шаои, а республиканцев — видный дипломат У Тинфан. Согласно заключенному ими соглашению военные действия прекращались, бэйянские дивизии отводились из Ханькоу и Ханьяна. Обе стороны договорились о созыве всекитайского парламента, куда каждая провинция должна направить по три делегата для решения вопроса о будущей форме китайской государственности. Республиканцы предлагали генералу пост президента только после отречения династии Цин, а он настаивал на конституционной монархии с безвластным богдоханом во главе.

В ходе переговоров проявилось единство Севера и разобщенность Юга. Первый был сцементирован железной рукой Юань Шикая, а второй не имел единого органа власти. Здесь действовало 14 провинциальных правительств, десятки различных политических организаций и группировок. К тому же «Объединенный союз» фактически прекратил свою организаторскую деятельность, а между различными партиями началась борьба за создание центрального республиканского правительства. Возникло противостояние между учанским и шанхайским центрами. В связи с этим в Ханькоу была созвана учредительная конференция. На ней было выработано положение об организации временного правительства республики, о выборах президента и о создании временного правительства. Пост президента был предложен Юань Шикаю в случае, если он признает республику и покончит с монархией. Большинство военных губернаторов провинций и командиров наньянских войск стояли за соглашение с Юань Шикаем. В начале декабря делегаты Ханькоуской конференции переехали в Нанкин и взяли на себя функции высшего законодательного органа республики. Поскольку торг с Юань Шикаем затягивался, делегаты решили надавить на генерала и выдвинуть в качестве противовеса ему политическую фигуру крайне левого толка. Таким человеком явился Сунь Ятсен, только что вернувшийся в Китай из-за границы.

29 декабря 1911 г. Нанкинская конференция абсолютным большинством голосов избрала его временным президентом с условием доброволь-

ной отставки в случае согласия Юань Шикая занять этот пост. Сунь Ятсен не получил реальной власти. Созданное в Нанкине Временное правительство оказалось недееспособным из-за бойкота его двумя третями министров. Тем не менее за короткий срок (всего сорок дней) своего пребывания на посту главы правительства Сунь Ятсен развил активную деятельность по консолидации республиканских сил. Руководимое им правительство выработало Временную конституцию Китайской республики — буржуазно-демократическую по своей сути. Впервые в истории Китая провозглашались основные демократические свободы, равноправие всех граждан, включая предоставление избирательного права женщинам. Провозглашалось разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Вводилась всеобщая воинская повинность. Предусматривались выборы и постоянно действующий парламент. Отменялись долговое рабство и пытки при допросах, запрещались средневековый обычай бинтования ног девочкам, курение опиума и ношение маньчжурской прически с косой. Правительство Сунь Ятсена стремилось заручиться поддержкой держав и одновременно защищать суверенитет Китая.

29 января 1912 г. Нанкинская конференция представителей 17 провинций Юга была преобразована во Временный сенат — высший законодательный орган республики. Сознывая слабость позиций Сунь Ятсена и во многом декоративный характер его президентства, правые и центр в антицинском лагере возлагали надежды на бэйянского генерала, способного навести «порядок» в стране и покончить со «смутой». Либеральные круги, конституционалисты, шэньши и старая интеллигенция, напуганные активностью народных масс, старались держаться подальше от правительства Сунь Ятсена. «Объединенный союз» к этому времени практически утратил роль ведущей революционной организации. Нанкинское правительство, не признанное иностранными государствами, лишенное финансовых средств и собственных войск, оказалось не в силах осуществить свою программу. Сунь Ятсен готов был уступить власть Юань Шикаю в обмен на гарантию свержения маньчжурской династии и установления ханьской республики. В достижении компромисса между Севером и Югом Сунь Ятсен видел решение главной задачи, т.е. свержение маньчжурского господства. При этом Сунь Ятсен учитывал реальную силу Юань Шикая, за чьей спиной стояли Бэйянская армия и великие державы.

Державы не поддержали ни республиканский Юг и нанкинское правительство, ни маньчжурскую династию Цин. Объявив о своем нейтралитете, они заняли выжидательную позицию, хотя и сосредоточили в Китае крупные военные и военно-морские силы. В «открытых» портах стояли иностранные корабли, в крупных городах Китая размещались значительные гарнизоны иностранных войск. Империалистические державы открыто давали понять, что их симпатии на стороне реакционных сил, группировавшихся вокруг Юань Шикая. Видя в Юань Шикае «сильного человека» и надежного союзника, они активно помогали генералу укреплять его позиции.

К этому времени сложилось примерное равновесие сил между Севером и Югом, между монархией и республикой. Обе стороны искали выход из создавшегося положения на путях мирных переговоров. Однако Юань Шикай прервал переговоры с Югом и объявил о своей приверженности конституционной монархии. По его указке императрица Лунъюй заявила от имени своего сына о сохранении империи, а верные Юань Шикаю генералы Бэйянской армии поклялись до конца сопротивляться республиканской форме правления. В ответ на это южане пригрозили походом на Пекин и объявлением гражданской войны.

Падение монархии и провозглашение республики

По ряду причин Юань Шикай не хотел войны с восставшими провинциями. Располагая хорошо обученной, дисциплинированной и боеспособной армией, Юань Шикай легко мог разгромить республиканцев. Их армии по боеспособности явно уступали бэйянским дивизиям, были рассредоточены на огромном пространстве и не имели единого командования. К тому же в их рядах было много новобранцев и добровольцев. «Отец новой армии» меньше всего хотел тогда столкнуть лбами одни дивизии «новых войск» с другими. Такой силовой вариант грозил генералу потерей авторитета в армии и в стране.

Со своей стороны республиканцы не намеревались подставлять свои войска под удар «железных» бэйянских дивизий и вновь занялись поисками соглашения с Юань Шикаем. Видя, что южане готовы к компромиссу, генерал возобновил переговоры с республиканцами. Теперь он соглашался на установление республики, если южане гарантируют ему пост президента и устроят Сунь Ятсена. На возобновившихся переговорах Севера и Юга в Нанкине были выработаны условия отречения династии Цин. Согласно этому документу, Пуи отказывался от всех императорских прерогатив власти. После своего отречения богдохан не должен был вмешиваться в дело формирования временного правительства.

Когда в середине января 1912 г. Юань Шикай передал этот документ на рассмотрение цинской верхушки, маньчжурские князья отвергли саму возможность отречения династии. 27 января Бэйянская армия устами 42 своих генералов потребовала введения республиканской формы правления. Затем «отец новой армии» вручил по сути ультиматум вдовствующей императрице Лунъюй, вынудив ее примириться с неизбежным отстранением династии от власти. 1 февраля генерал получил от нее право на ведение переговоров с республиканцами об условиях отречения. Икуан и его сторонники поддержали требование об отречении Пуи. Уже не рассчитывая на раздел власти между маньчжурскими князьями и китайскими генералами, эта группировка стремилась договориться с Юань Шикаем о сохранении максимума возможного для императорского клана и «знамен-

ной» верхушки. Сделка состоялась. В обмен на отречение богдохана Юань Шикай обнародовал три документа: «Льготные условия для цинского двора», «Условия отношения к лицам цинского императорского рода» и «Условия отношения к маньчжурам, монголам, народности хуэй и тибетцам». За Пуи сохранялся «почетный» титул императора, ежегодный доход в 4 млн. ляннов серебра, дворцовый комплекс Запретного города и летний дворец Ихэюань, весь их обслуживающий персонал и неприкосновенность имущества. 30 января 1912 г. по указанию генерала вдовствующая императрица Лунъюй от имени Пуи объявила о передаче «правительственной власти» народу и об одобрении конституционно-республиканской формы правления. 5 февраля Временный сенат одобрил проект условий отречения династии Цин.

12 февраля было объявлено об отречении Пуи от верховной власти. Кроме того, особым императорским указом Юань Шикаю предписывалось сформировать временное республиканское правительство. Тем самым верховная власть из рук павшей династии мирно переходила к «отцу новой армии». Так через 267 лет (1644–1912) после своего воцарения в Китае окончилось правление династии Цин. Вместе с ней прекратила существование более чем двухтысячелетняя Китайская империя. Ей на смену пришла Китайская республика. Поскольку это произошло в год *синьхай* по лунному календарю, переворот 1911–1912 гг. стали именовать Синьхайской революцией.

Большинство китайцев-традиционалистов видели в этих переменах прежде всего победу ханьской нации над «северными варварами» — маньчжурами, освобождение китайского народа от чужеземного ига, державшегося в Китае 267 лет. В их понимании вместо маньчжурской на «драконов трон» следовало бы посадить китайскую династию. Таковой могла быть погибшая в середине XVII в. династия Мин. Лозунг ее восстановления постоянно поднимался антиманьчжурскими повстанцами. Однако маньчжуры уничтожили абсолютно весь царственный род Чжу, срочно же создавать новую, т.е. другую китайскую династию, не представлялось возможным. Оставался только один выход — заменить маньчжурскую монархию китайской республикой. Монархистам ничего не оставалось как принять лозунг создания республики. По свидетельству истории древнего и средневекового Китая, основателями новых династий в ходе «смуты» выступали удачливые и дальновидные военачальники. Именно такого монархисты надеялись обрести в лице Юань Шикая.

Бурная событиями эпопея 1911–1912 гг. не ставила своей задачей покончить с засилием феодальных и полуколониальных порядков в Китае. Тем не менее она явилась значительным этапом в истории общедемократической национально-освободительной борьбы китайского народа. В ходе этой борьбы была свергнута Цинская династия, и на смену более чем двадцативековому монархическому режиму пришел республиканский строй. Произошло доселе небывалое в трехтысячелетней истории китайского го-

сударства — азиатская деспотия облачилась в республиканские одежды. В понимании миллионов традиционных китайцев в 1912 г. произошло то, что периодически повторялось на протяжении нескольких тысяч лет: Небо — высшее божественное начало всякий раз отворачивалось от прогнившей, обреченной династии и отнимало у нее Небесный Мандат (*тяньмин*) на правление в Китае. В 1912 г. произошло очередное «лишение мандата» (*гэмин*) с последующим низложением династии Цин, потерявшей благоволение Неба. Получившие современное образование китайцы вкладывали в традиционный термин *гэмин* европейский смысл — «революция». Данный термин впоследствии закрепился за событиями 1911–1913 гг., получившими название Синьхайской революции. Тем самым сбылось предсказание Сунь Ятсена и осуществился его лозунг: «Мандат Неба не может быть вечным!» Сбылась и формулировка из клятвы революционеров, взятая ими из лексикона тайных обществ: «Небо начинает новый цикл!» Последнее для большинства китайцев означало, что наступил переход к воцарению новой династии, а для людей с современным образованием сие означало наступление совершенно новой эры.

Глава 16

Становление военной диктатуры. Возврат к фазе смуты

С момента падения Цинской империи до начала Первой мировой войны Китай прошел через четыре последовательных периода. Первый — мирное противостояние промонархического Севера и республиканского Юга (с февраля 1912 по июль 1913 г.); второй — гражданская война между Севером и Югом (июль—сентябрь 1913 г.); третий — государственный переворот, осуществленный Юань Шикаем (ноябрь 1913 — февраль 1914 г.); четвертый — стремительный откат от парламентской демократии к военной диктатуре (март—декабрь 1914 г.).

Мирная конфронтация Севера и Юга

В 1911—1912 гг. главной задачей антима́нчжурской борьбы было свержение реакционного режима и династии Цин, освобождение Китая от власти чужеземных завоевателей — «северных варваров», «маньчжурских татар». Для достижения этой цели и умеренные и революционеры шли на многие уступки Юань Шикаю, приняв и выдвижение его на пост президента, и отказ от этой должности Сунь Ятсена.

Большинство политически активных китайцев приветствовали Юань Шикая в качестве президента — как гаранта установления ханьской власти и невозвращения цинского господства. Республика как таковая не была сознательной целью умеренных Юга. Большинство их либо тайно, либо явно стремились к созданию конституционной монархии. Установления монархического правления жаждало большинство бюрократии Севера. Поскольку установить новую династию не удалось, генералу пришлось временно принять непонятный для абсолютного большинства китайцев титул «президент республики».

Что касается Сунь Ятсена, то он знал, что выдвинут в президенты не в качестве реального носителя власти, а лишь как средство давления на династию Цин и на Юань Шикая. Поэтому после отречения маньчжурского императора и передачи всей власти на Севере генералу Сунь Ятсен выполнил свою миссию и подал в отставку. Стремясь к соглашению между Севером и Югом и к концентрации верховной власти в одних крепких ру-

ках, умеренные пожертвовали Панкинским правительством, ставшим для них обузой.

10 марта 1912 г. собрание приняло выработанную под руководством Сунь Ятсена Временную конституцию. Она основывалась на принципе разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. Провозглашались равенство всех людей, свобода слова, печати, собраний, вероисповедания, места жительства, тайна переписки, право на собственность и предпринимательство, а также другие буржуазные свободы. Народ получал право избирать и быть избранным. Китай объявлялся парламентской республикой, и тем самым провозглашались порядки буржуазной демократии. 10 августа 1912 г. был принят закон о двухпалатном парламенте. Верхняя палата — сенат — состояла из депутатов, избранных провинциальными собраниями. Выборы в нижнюю палату проходили в два этапа: сначала формировалась коллегия выборщиков, которые затем выбирали депутатов. Парламент являлся высшим законодательным органом. Его решения должны были приниматься по согласованию между двумя палатами.

Для Китая парламентская республика оказалась явным «забеганием вперед». Падение монархии привело не к слому деспотии, а к ее эволюции и приспособлению к новым условиям — внутренним и внешним. В результате «класс-государство» власть не потерял, а «частные» сословия и классовые общности к власти допущены не были. Реальный классовый компромисс между этими силами так и не состоялся. Устранение династии Цин и монархии обновило лишь верхний ярус деспотической власти, тогда как ее основа сохранилась. Если на верхнем горизонте институты буржуазной демократии — конституция, парламент, политические «предпартии» на крайне короткое время потеснили институты старой государственности, то на нижних и средних ярусах власти (уезд, провинция) деспотия жестко держала в своих руках провинциальные и местные собрания самоуправления. Здесь, как и прежде, вся власть оставалась в руках военных губернаторов. Временная конституция 1912 г. — буржуазно-демократическая по своему духу, абсолютно не соответствовала социально-экономическому строю полутрадиционного Китая. В силу этого конституция не стала основным законом государства, являясь скорее декларацией о намерениях. Ее основные положения в тогдашних условиях не могли быть претворены в жизнь. Тем не менее сразу отменить эту слишком левую конституцию ни конституционные монархисты, ни явные сторонники старого режима, ни республиканские генералы не решались. В результате этого с марта 1912 по ноябрь 1913 г. фактически, а формально до января 1914 г. (ропуск парламента) существовала парламентская республика, по форме близкая к буржуазно-демократическому типу государственности. Эта короткая буржуазно-парламентская «весна» была резким «забеганием вперед» при пропуске двух фаз — абсолютистской и бонапартистской государственности. Поскольку деспотия в 1912 г. не умерла вместе с монархией, в стране возник неустойчивый синтез деспотии и буржуазной демократии.

Если последним указом вдовствующей императрицы Юань Шикаю передавали власть реакционеры и монархисты Севера, то из рук Нанкинско-го собрания генерал получил власть от конституционалистов и республиканцев Юга. Тем самым Юань Шикай выступал в роли объединителя Севера и Юга, гарантом единства Китая. Сразу после падения монархии развернулась острейшая борьба за выбор столицы Китайской республики. Левые республиканцы выдвигали на эту роль Нанкин, Юань Шикай, его генералы и реакционеры Севера отстаивали приоритет Пекина — цитадели монархизма. В середине февраля Нанкинское собрание определило Нанкин в качестве местопребывания центрального правительства и президента. С переездом последнего на Юг левый лагерь надеялся парализовать антиреспубликанские действия Юань Шикая, стремившегося подчинить себе Бэйянскую армию.

Юань Шикай организовал кампанию протеста против переезда правительства в Нанкин. Когда это не возымело действия, президент устроил серию военных «мятежей» в Чжили. По его тайному распоряжению 29 февраля в Пекине «восстали» войска генерала Цао Куня, учинившие массовые поджоги и убийства горожан. Такого же рода провокации имели место в Тяньцзине, Баодине и Тунчжоу. После ввода в Пекин дополнительных иностранных частей бэйянские генералы потребовали от южан отменить свои решения. Опасаясь гражданской войны, Юг капитулировал под нажимом Севера. Президент выиграл схватку за столицу. Южане потерпели поражение и при формировании первого республиканского правительства, где они получили лишь второстепенные посты — министров промышленности и торговли, юстиции, земледелия и лесов. Все ключевые должности — министры обороны, финансов, иностранных дел и внутренних дел — попали в руки верных сторонников Юань Шикая. Пост премьер-министра занимал старый друг президента Тан Шаои. Однако Юань Шикай был вынужден пойти на уступку при назначении Хуан Сина командующим войсками Юга, не подчиненными военному министру в Пекине.

14 февраля Нанкинское собрание единогласно приняло отставку Сунь Ятсена, а на следующий день избрало Юань Шикая временным президентом Китайской республики. В начале апреля Сунь Ятсен окончательно сложил с себя функции временного президента. Нанкинское собрание вынесло решение о переносе столицы в Пекин. Здесь в северной столице в конце апреля был создан временный парламент, в котором силы скрытых конституционных монархистов были представлены «Партией объединения» («Тунъидан») и «Республиканской партией» («Гунхэдан»). Понимая, что пока еще не время открыто выступать за монархию, конституционалисты всемерно способствовали укреплению власти Юань Шикая, видя в нем ликвидатора смуты. Последовательные республиканцы и левые деятели имели своим оплотом «Объединенный союз», чья программа стала более умеренной после снятия лозунга «равных прав на землю».

После принятия Юань Шикаем поста президента банковский консорциум «четырёх», т.е. Англия, Франция, Германия и США, стал перечислять в пекинское казначейство крупные суммы, которые оформлялись как авансы в счет предстоящего колоссального займа. С апреля по август Юань Шикай получал ежемесячно по 6 млн. юаней. Деньги эти шли на укрепление власти будущего диктатора, на Бэйянскую армию, на подкуп колеблющихся республиканцев, особенно командного состава войск южан, политиканов и депутатов парламента. С мая начались переговоры с международным банковским консорциумом о заключении этого «реорганизационного» займа. Юань Шикай запросил огромную сумму — 60 млн. ф. ст. Консорциум не возражал, но выдвинул ряд кабальных, унижительных для Китая условий. Это вызвало на Юге волну негодования и патриотическое движение протеста. На этой почве возник острый правительственный кризис, и министры — левые республиканцы подали в отставку. Этим воспользовался Юань Шикай для формирования нового кабинета только из удобных ему людей. По сути это было очередное поражение левых республиканцев Юга в борьбе против реакционеров Севера.

Между тем усилилось стихийное движение низов, вызванное восстановлением и повышением некоторых налогов, отмененных в 1911 — начале 1912 г. Народные выступления происходили в основном на республиканском Юге. Наряду с крестьянскими волнениями и вооруженными выступлениями тайных обществ разворачивалась борьба рабочих в городах, прежде всего в Шанхае, где возникли первые профсоюзы. По городам прошла волна солдатских бунтов и восстаний. Наиболее мятежными оказались войска пров. Хубэй. В феврале и июне 1912 г. в Учане прошли вооруженные выступления солдат и офицеров против главы хубэйского правительства Ли Юаньхуна, жестоко расправлявшегося с бунтовщиками и заговорщиками. Против движения низов активно боролись не только реакционеры — монархисты и либералы-конституционалисты, но и левые республиканцы. Военные губернаторы — члены «Объединенного союза» безжалостно подавляли выступления рабочих в Шанхае и волнения сельской бедноты в провинциях Гуандун, Хунань, Шаньси и др. Реакция Севера, умеренные Юга и державы, настоятельно требуя положить конец «анархии», открывали дорогу военной диктатуре Юань Шикая. Дабы показать свою силу и приструнить левых республиканцев, Юань Шикай вызвал в Пекин, а затем расстрелял без суда и следствия двух видных военных из лагеря левых — генерала Чжан Чжэнью и полковника Фан Вэя. Эта расправа вызвала бурю возмущения на Юге — новую волну митингов, собраний и демонстраций протеста. Против произвола властей бурно выступил и временный парламент. Для нормализации обстановки лидеры левых — Сунь Ятсен и Хуан Син начали переговоры с Юань Шикаем. Был достигнут формальный компромисс и подписано официальное малозначимое соглашение.

Выказав себя «стойким республиканцем», «другом народа» и «защитником крестьян», Юань Шикай обвел вокруг пальца Сунь Ятсена, заста-

вив его поверить в свои благие намерения. Тем самым будущий диктатор добился сразу нескольких целей — лидеры левых одобрили концентрацию власти в руках Юань Шикая, сняв с него подозрения в узурпации власти и стремлении стать монархом. Это повлекло за собой дезориентацию левого лагеря и роспуск набранных в 1911 г. добровольческих частей и дивизий новобранцев. Ослабив тем самым республиканцев Юга, президент кинул Сунь Ятсену «кость», назначив его генеральным директором железных дорог, поскольку тот разработал десятилетний план грандиозного железнодорожного строительства в Китае. Идя на уступки президенту, левые республиканцы делали ставку на мирные методы борьбы за нейтрализацию сильного президента. Они рассчитывали на предстоящих выборах получить большинство мест в парламенте и создать однопартийный ответственный кабинет министров из своих сторонников. Республиканцы надеялись поставить Юань Шикая под свой контроль, перенести столицу из Пекина в Нанкин, сделать парламент главной силой республики и закрепить эту победу буржуазной демократии в постоянной конституции.

Для победы на выборах республиканцам нужна была массовая политическая партия. В августе 1912 г. в Пекине была создана Национальная партия (Гоминьдан), образованная путем слияния «Объединенного союза» с четырьмя немногочисленными организациями республиканцев. Ее возглавил один из лидеров «Объединенного союза» Сун Цзяожэнь. Отказавшись от ряда слишком левых установок «Объединенного союза», Гоминьдан смог объединить в себе различные фракции республиканцев, боровшихся против диктатуры Юань Шикая, против скрытых и явных монархистов. Гоминьдан повел энергичную предвыборную кампанию за победу на выборах и перенесение столицы из Пекина в Нанкин. Движение за новую столицу переросло в агитацию за созыв парламента на Юге — в Нанкине. Особенно сильной эта кампания стала в Шанхае, где на этой волне возникло «Общество защитников парламентского строя». В итоге возник очередной политический конфликт между Севером и Югом, причем Юань Шикай потерпел неудачу в своей попытке силой разогнать «Общество». В ответ на это в январе 1913 г. Юань Шикай отменил выборы высших должностных лиц в провинциях, отныне они назначались его волею из Пекина. Тем самым президент еще больше укрепил свою личную власть и пошел навстречу военным губернаторам провинций, не желавшим такого рода выборов. Этим декретом Юань Шикай приобрел поддержку всех милитаристов, в том числе юго-западных провинций, готовых ради сохранения своей самостоятельности ввязаться в конфликт между Севером и Югом. Республиканцы уже не могли рассчитывать на поддержку генералов, правивших в Юньнани, Гуанси, Гуйчжоу и Сычуани. Военные губернаторы этих четырех провинций — Цай Э, Лу Жунтин, Тан Цзияо и Инь Чанхэн заверили Юань Шикая в своей готовности поддержать его борьбу против гоминьдановцев. В итоге еще до открытой войны с Югом вооруженные силы республиканцев оказались расколотыми. Гоминьдан очутился в изоляции, ибо его силы реально контролировали всего лишь

несколько городов в долине нижнего течения Янцзы, а милитаристы провинций Шаньси, Фэнтянь и Хубэй перешли на сторону Юань Шикая.

Всемерно наращивая мощь Бэйянской армии, Юань Шикай последовательно сокращал численность республиканских войск Юга. Так, к марту 1913 г. вооруженные силы провинций Цзянсу, Аньхуэй, Цзянси, Хунань и Сычуань потеряли 16 дивизий. Все это значительно ослабило позиции левых республиканцев в бассейне Янцзы. Между тем лидеры «Объединенного союза» не возражали против расформирования этих войск, набранных из необученных добровольцев в период борьбы против династии Цин. Левые республиканцы полагали, что, пожертвовав этим «балластом», можно будет сохранить все старые кадровые дивизии и бригады Наньянской армии. Однако Юань Шикай продолжал методично разрушать военную структуру левых республиканцев и в середине 1912 г. лишил Хуан Сина должности командующего войсками Юга. Опираясь на силу штыков, Юань Шикай последовательно укреплял свою личную диктатуру. Главным препятствием к установлению его полного господства являлись республиканские вооруженные силы в бассейне Янцзы. Провинции и войска этого региона во многом контролировались, а местами возглавлялись политиками и военными левого толка, т.е. членами Гоминьдана. Позиции левых республиканцев выглядели довольно внушительно. Они располагали несколькими десятками тысяч штыков в долине нижнего течения Янцзы. Их лидеры были военными губернаторами в ряде провинций — Цзянси, Аньхуэй, Цзянсу, Гуандун. К этому лагерю тяготели лидеры Хунани, Фуцзяни и Сычуани.

Готовясь к войне против левых республиканцев Юга, Юань Шикай всячески укреплял свои связи с либералами и конституционалистами Юга, перетягивал на свою сторону военных губернаторов юго-западных провинций — Юньнани, Гуанси и Гуйчжоу. Президент покупал колеблющихся деятелей из среды левых республиканцев, постепенно отстранял их от важных постов в армии, центральном и провинциальном аппаратах и неуклонно наращивал численность Бэйянской армии. К этому времени политическая база Гоминьдана резко ослабела. Переход конституционалистов на сторону Юань Шикая означал серьезнейший раскол в республиканском лагере южан. Отныне с единым фронтом либералов и левых республиканцев было покончено. Из-за этого радикальное крыло республиканцев оказалось изолированным, резко ослабленным, лишенным поддержки правого крыла и открытым для удара со стороны реакционного Севера. Гражданская война стала неизбежной, поскольку левые республиканцы и руководимые ими войска в долине Янцзы стали главным препятствием на пути Юань Шикая к абсолютной власти. Юань Шикай постепенно распускал «лишние» республиканские дивизии и бригады, наращивал численность и ударную силу Бэйянской армии и разлагал единый фронт Гоминьдана, в то время как Сун Цзяожэнь, Сунь Ятсен и другие тешили себя парламентскими иллюзиями. Если курс президента отличался жестким реализмом, то левые республиканцы вели себя так, будто Китай уже стал стра-

ной буржуазной законности и демократии. Такого рода самообман резко усилился после победы Гоминьдана на парламентских выборах в феврале 1913 г.

Все избиратели, недовольные властью Юань Шикая, повышением налогов, инфляцией и свертыванием политических свобод, отдали свои голоса Гоминьдану, который получил явное большинство в верхней и преобладание в нижней палате. Эта победа вскружила гоминьдановцам голову. Решив, что теперь они законным путем обладают властью, они объявили о формировании своего однопартийного кабинета министров во главе с Сун Цзяожэнем.

Успех Гоминьдана на выборах испугал все прочие политические и социальные силы и подтолкнул их к объединению против победителей. Либеральные шэньши и землевладельцы, купеческие и буржуазные круги, мелкая буржуазия, конституционалисты всех оттенков, скрытые и явные монархисты увидели в победе Гоминьдана дальнейшее усиление смуты. На этой волне произошло слияние трех основных враждебных Гоминьдану организаций — Республиканской партии (Гунхэдан), Партии объединения (Туньидан) и Демократической партии (Миньчжудан). В итоге образовалась крупная Прогрессивная партия (Цзиньбудан) во главе с лидерами этих трех прежних объединений — Ли Юаньхуном, Чжан Цзянем, Лян Цичао, Тан Хуалуном и У Тинфаном.

Гражданская война

Юань Шикай видел в новой партии свою политическую опору. Вместе с тем президент деятельно готовился к войне с Гоминьданом. Пробным шаром в этом направлении стало убийство в Шанхае Сун Цзяожэня, совершенное в марте 1913 г. по негласному указанию президента. Лидеры Гоминьдана, надеясь избежать гражданской войны, ограничились лишь словесным возмущением по этому поводу. В начале апреля Юань Шикай начал перевод Бэйянской армии в состояние повышенной боевой готовности. Идя на развязывание войны с Югом, будущий диктатор спешил обрести финансовую помощь со стороны держав в виде крупного «реорганизационного» займа в размере 25 млн. ф. ст. Понимая, что реакционеры и либералы, а также державы ждут от него расправы с левыми республиканцами и прекращения «анархии» и «смуты», Юань Шикай пренебрег решением парламентского большинства, выступившего против займа. Начался перевод республики с рельсов буржуазной демократии и законности на путь авторитарной военной диктатуры. Планомерно ведя дело к развязыванию гражданской войны, Юань Шикай провоцировал левых выступить первыми. Это позволило бы обвинить Гоминьдан в «мятеже против республики» и дало бы президенту «законное право» подавить его вооруженной силой. Вынуждая левых республиканцев к началу боевых действий, Юань Шикай в мае перебросил бэйянские ударные соединения

к районам гоминьдановцев — Цзюцзяну, Шанхаю, Нанкину. Верные президенту военные корабли заняли ключевые позиции на Янцзы.

В лагере левых республиканцев царила растерянность. Если борьба 1911 г. за национальное освобождение от маньчжурского господства породила своего рода единый фронт всех ханьцев против династии Цин, то после свержения монархии исчез общий враг, все основные цели этой борьбы оказались достигнутыми, и политическое единство уже было ненужным. Главная политическая сила — армия захватила реальную власть. Либералы-конституционалисты, получившие конституцию, парламент, избирательную и партийную системы, теперь нуждались в сильной авторитарной власти, способной покончить со «смутой» и навести в стране порядок.

К этому их подталкивало и желание остановить территориальный распад бывшей державы, т.е. начавшееся отделение от нее национальных окраин. Так, в августе 1912 г. в результате восстания аратов Внешняя Монголия провозгласила свою независимость от Пекина. Пришедшие здесь к власти монгольские князья и высшие ламы ориентировались на Россию. В июле Петербург договорился с Токио о признании Внутренней Монголии «сферой влияния» Японии. В ноябре в Урге было подписано русско-монгольское соглашение, делавшее Петербург защитником монгольской автономии. Весной 1912 г. вооруженную борьбу против китайских войск развернули тибетцы во главе с Далай-ламой VIII, сторонником Англии. Юань Шикай бросил на подавление этого восстания войска из Сычуани и Юньнани, но под давлением Лондона вынужден был приостановить продвижение своих войск в Тибете. Английский контингент вступил в Ахасу, и Тибет оказался под полным контролем Великобритании. С января 1912 г. началась гражданская война в Синьцзяне. В Илийском крае восстали «новые войска», к которым присоединились несколько тысяч добровольцев. Свергнув власть маньчжуров, они создали здесь временное революционное правительство. Попытки наместника Синьцзяна подавить движение провалились, а сам он был свергнут войсками восставших в Урумчи. Военным губернатором Синьцзяна стал командир бригады «новых войск» Ян Цзэсинь. Перейдя на сторону Юань Шикая, он удержал этот край в составе Китая, установил здесь военную диктатуру, расправился с местными революционерами и подавил народные восстания, вспыхнувшие в городах.

Утрата Пекином власти в Монголии и Тибете заставила все имперски настроенные круги Китая спешить с ликвидацией «анархии», т.е. революционного лагеря. К лету 1913 г. левые республиканцы оказались в политической и социальной изоляции. Ослабли и военные позиции Гоминьдана. К середине 1913 г. Юань Шикай успел сократить гоминьдановские войска на 16 дивизий. Согласие Гоминьдана на роспуск этих частей было грубейшей ошибкой, учитывая, что дело шло к гражданской войне. Чтобы заставить левых выступить первыми, Юань Шикай лишил Хуан Сина звания генерала армии и снял Ли Лецзюня, Бо Вэньвэя и Ху Ханьминя с постов губернаторов провинций. Попав в безвыходное положение, левые были вынуждены начать нежелательную для них гражданскую войну.

Вооруженное столкновение бэйянских и гоминьдановских войск июля-сентября 1913 г. получило название «второй революции». Против гоминьдановцев Юань Шикай бросил 60-тысячную армию. Ей противостояли распыленные, не имевшие руководства войска провинций Цзянси и Цзянсу общей численностью свыше 40 тыс. человек. В считанные дни республиканский Юг рассыпался как карточный домик. Уже через три дня после объявления войны из борьбы выпали Аньхуэй, Гуандун, Хунань и Фуцзянь. У Гоминьдана осталось только три армейские группировки — в районе Цзюцзяна, вокруг Нанкина и в Шанхае.

Наиболее ожесточенные бои развернулись в Цзянси за речной порт Хукоу. Губернатор провинции Ли Лецзюнь в свое время не позволил сократить основной контингент добровольцев 1911 г., закупил оружие и боеприпасы за границей и хорошо подготовился к войне. Это позволило ему оказать дивизиям генерала Дуань Чжигуя упорное сопротивление. Однако через четыре дня город пал под ударами превосходящих сил северян. В Шанхае гоминьдановские войска безуспешно атаковали Цзяннаньский арсенал. Здесь им пришлось столкнуться с войсками яркого монархиста Чжан Сюня. В знак преданности свергнутому императору солдаты и офицеры этих войск сохранили маньчжурскую прическу, за что их называли «армией с косами». К 14 августа бэйянские войска при поддержке боевых кораблей Англии и Германии выбили левых республиканцев из всех опорных пунктов Шанхая. В середине августа пал Наньчан. К этому времени полный распад гоминьдановского лагеря стал реальностью. Фуцзянь и Хунань заявили о своем подчинении Пекину и выступили против гоминьдановцев.

Единственным очагом сопротивления остался район Нанкина. Бои за южную столицу продолжались более десяти дней. Однако 2 сентября дивизии Чжан Сюня взяли город, учинив там грабежи и поджоги. С военными силами и политическими позициями республиканского Юга было покончено. Сунь Ятсен эмигрировал в Японию и в июне 1914 г. в Токио реорганизовал Гоминьдан в «Китайскую революционную партию» (Гэминьдан). Это была боевая организация, борющаяся за свержение диктатуры Юань Шикая. Военная победа над Гоминьданом и левыми республиканцами открыла для Юань Шикая дорогу к установлению военной диктатуры.

Государственный переворот Юань Шикая

С окончанием гражданской войны начался третий этап политической эволюции Китая, ознаменовавшийся государственным переворотом, осуществленным Юань Шикаем с целью разрушения республиканских институтов (ноябрь 1913 — февраль 1914 г.). К этому времени определились итоги национально-освободительного движения 1911–1913 гг.: покончено с маньчжурским господством и абсолютной монархией и установлен республиканский строй. Однако это движение так и не стало буржуазной революцией. После разгрома войск Гоминьдана и легитимации власти

президента демократические институты — парламент, конституция, местное самоуправление, система выборов и сам республиканский строй оказались беззащитными перед силой армейских штыков Бэйянской группировки. Ее лидер готовил себя к роли ничем не ограниченного диктатора, а затем и монарха.

Чтобы законно стать постоянным президентом Китая, Юань Шикаю требовалось прочное большинство выборщиков, т.е. членов парламента. Главные усилия генерала были направлены на привлечение в свой лагерь либералов и конституционалистов, объединившихся под крышей «Прогрессивной партии». Рассчитывая на их поддержку, Юань Шикай предложил сформировать кабинет министров из членов «Прогрессивной партии», и в сентябре такое правительство во главе с Сюн Силином было создано. Все «силовые» министерства, т.е. военное, военно-морское, внутренних дел, попали в руки ставленников президента. «Прогрессистам» президент оставил посты министров финансов, юстиции, торговли и земледелия, просвещения. Получив голоса этой партии, Юань Шикай хотел склонить ее к серьезной уступке — провести сначала процедуру избрания постоянного президента, а уже потом приступить к выработке постоянной конституции. Данный вариант был крайне выгоден Юань Шикаю, поскольку в случае избрания президент переставал зависеть от парламента. Чтобы гарантировать себе победу на выборах, генерал сколотил из подкупленных им депутатов «карманную» организацию, получившую название «Гражданской партии». Большую тревогу у Юань Шикая вызывала позиция гоминьдановских депутатов, составлявших большинство в парламенте и пытавшихся добиться соглашения с «прогрессистами». Он всячески обхаживал гоминьдановских депутатов, не скупясь на обещания и подкупы. Однако гоминьдановская оппозиция выставила в противовес ему кандидатуру Ли Юаньхуна. Провалившись на двух первых турах голосования, Юань Шикай с трудом был избран на третьем. Ли Юаньхун стал вице-президентом. Вступив на пост главы государства, Юань Шикай окружил почетом и осыпал наградами наиболее реакционных политиков. Президент восхвалял «благоедеяния» и «великодушные» императора Пуи, гарантировал все привилегии цинского двора и объявил основой республики конфуцианскую мораль. Тем самым Юань Шикай давал понять о резком повороте своего политического курса вправо. Затем глава Китая заверил державы в строгом соблюдении ранее заключенных договоров, соглашений и особых прав. В ответ на это практически все державы и другие западные государства официально признали Китайскую республику и ее постоянного президента.

С созданием постоянного парламента обострилось противоборство законодательной и исполнительной власти. Сам же Юань Шикай, умело направляя на парламента и Гоминьдан военных губернаторов и бэйянских генералов, игнорировал парламентаские законопроекты и политические усилия Гоминьдана. Президент позволял себе не замечать требований

конституции, поскольку в его руках сосредоточилась реальная сила — армия, полиция, бюрократия и финансы.

Став постоянным президентом, Юань Шикай заявил, что отныне имеют силу лишь законы, установленные им самим. Функции парламента он ограничил лишь выборами президента. Главным препятствием на пути к диктатуре Юань Шикай оказалось гоминьдановское большинство в парламенте, который стал очевидным объектом президентского натиска. Особый гнев генерала вызвала парламентская комиссия по выработке проекта постоянной конституции. Обрушившись на существующую временную конституцию 1912 г., которая чересчур ограничивала права и полномочия президента, новоявленный диктатор потребовал изменить ее текст так, чтобы в его руках сосредоточилась вся власть. Именно ему отныне должны подчиняться парламентская комиссия по выработке проекта конституции и вся деятельность Конституционного совещания.

Чтобы не допустить появления конституции, лишавшей его исполнительной власти, Юань Шикай попробовал подчинить работу Конституционного совещания своим специальным эмиссарам. Когда эта затея провалилась, президент обвинил гоминьдановских депутатов в заговоре с целью установления диктатуры парламента. Данное обвинение президент разослал по всем провинциям, как бы прося у военных губернаторов и местной бюрократии поддержки в борьбе с гоминьдановцами в Пекине. В ответ на это из провинций хлынул поток требований покончить с «покушением» на власть президента. Военные и бюрократия всех уровней призывали распустить Гоминьдан как партию, аннулировать депутатские мандаты у ее членов, ликвидировать Конституционное совещание и парламентскую комиссию по разработке проекта конституции, а также распустить сам парламента.

4 ноября 1913 г. Юань Шикай объявил о роспуске Гоминьдана, а затем лишил гоминьдановцев парламентских мандатов. По сути дела, это было началом государственного переворота, направленного на ликвидацию республиканского строя. Выгнав парламентское большинство, т.е. гоминьдановцев, на улицу, Юань Шикай парализовал работу парламента, лишив его необходимого кворума. Поскольку этот орган фактически прекратил свое существование, диктатор срочно заменил его другим. Из высшей провинциальной бюрократии, столичной номенклатуры и своих выдвиженцев Юань Шикай создал Центральный Политический совет. 10 января 1914 г. он упразднил обе палаты парламента, в конце января распустил все органы самоуправления депутатов и местные собрания. В феврале был отправлен в отставку кабинет министров во главе с Сюн Силюном. Президент ясно дал понять, что у него отпала необходимость в «Прогрессивной партии». Был положен конец участию в правительстве либералов и конституционалистов. Таким образом, характер власти еще более смещался вправо — к традиционным монархистам и реакционерам. Вслед за этим президент ликвидировал сам кабинет министров и заменил его послушным себе Государственным советом. Тем самым Юань Шикай завершил свой государственный переворот ноября 1913 — февраля 1914 г. Разрушив

наиболее опасные для себя республиканские институты, президент расчистил «политическое пространство» от обломков парламентской демократии для построения своей диктатуры.

Переход к военной диктатуре

С марта 1914 г. начался четвертый период политической эволюции Китая. На смену буржуазной демократии пришла авторитарная власть — военная диктатура — причудливый синтез азиатского деспотизма, милитаризма и современных политических форм.

Разогнав парламент, учреждая взамен него другие «представительные» учреждения или «эрзац-парламенты», Юань Шикай стремился сохранить видимость конституционной, т.е. законной власти. Китайская республика от формально буржуазно-демократического парламентского строя фактически перешла к представительным учреждениям бонапартистского и отчасти абсолютистского толка. На первых порах деспотия была вынуждена брать на вооружение парламентскую форму и конституционное прикрытие. Стараясь на время сохранить республиканский декорум, Юань Шикай в марте 1914 г. создал Законодательный совет, заменивший парламент. В него избирались лишь крупные сановники, высшая номенклатура, ученые и юристы. Вслед за этим Юань Шикай потребовал отмены Временной конституции 1912 г. как чрезмерно левой и поэтому «опасной для республики». По его настоянию в апреле 1914 г. срочно была выработана удобная ему новая Временная конституция, которая делала президента полным хозяином в стране. Теперь вся власть — исполнительная, законодательная и судебная — оказалась в руках Юань Шикая. Только президент мог вносить законопроекты на рассмотрение Законодательной палаты, назначать и сменять состав судебных органов. Вводилась президентская система правления, т.е. правительство подчинялось только главе государства. Подотчетный парламенту кабинет министров ликвидировался. Сам президент устанавливал систему административного управления как в центре, так и на местах. Только он назначал чиновников, распоряжался государственными финансами, определял структуру и численность вооруженных сил. Имея титул генералиссимуса, он являлся верховным главнокомандующим. Президент объявлял войну, заключал мир, утверждал договоры и соглашения с другими государствами. Глава государства мог объявлять в стране чрезвычайное положение и издавать чрезвычайные декреты, обладавшие силой закона. По сути, он становился некоронованным монархом, облаченным в президентские одежды. До установления новой монархии оставался всего один шаг.

Сразу после опубликования в мае 1914 г. новой конституции Юань Шикай покончил с Государственным советом, создав вместо него Бюро управления государственными делами при президенте во главе с убежденным монархистом Сюй Шичаном. Тем самым правительство превращалось в «карманное» ведомство Юань Шикая. В июне Юань Шикай сформиро-

вал из своих ставленников Палату политических советников во главе с безвольным Ли Юаньхуном, а затем продлил срок своих президентских полномочий до десяти лет. Отныне только сам президент имел право называть своего преемника. Все это открывало дорогу к императорскому трону и основанию новой династии.

По завершении государственного переворота 1913–1914 гг. Юань Шикай начал спешно готовить реставрацию монархических порядков. В столице и провинциях развернулась кампания «За возрождение страны», т.е. за восстановление монархии. В ходе этой кампании учреждениям и ведомствам в столице и на местах возвращались их прежние названия периода Цин. Для президентской номенклатуры восстанавливались высшие придворные титулы времен маньчжурской династии. Юань Шикай в ходе подготовки к реставрации старых порядков стал усиленно поднимать роль высших сановников, столичной номенклатуры и провинциальных чиновников. Поощряемая диктатором штатская, в основном старая имперская бюрократия снова вышла на передний план.

Возрождение старых названий учреждений и ведомств сопровождалось стремительным ростом бюрократического аппарата. Для одаривания своих сторонников, для подкупа политиканов и отщепенцев из различных политических партий Юань Шикай учредил массу фиктивных должностей — синекур. Многие получили высокие оклады и звание «советник». В центре и на местах процветали казнокрадство, взяточничество и произвол. При этом диктатор умышленно закрывал глаза на начавшийся разгул служебных преступлений и ввел для чиновников пышные официальные мундиры. В штатской бюрократии Юань Шикай видел одну из основных опор для овладения тронном и противовес чрезмерной роли военных. Были восстановлены прежние, т.е. цинские чины и ранги бюрократии и военачальников, а с ними и весь имперский ритуал чиновничества. Возродилась и архаичная экзаменационная система для получения ученых степеней и подбора чиновных кадров. Юань Шикай копировал институты и порядки империи Цин до мельчайших деталей.

Между тем великие державы проявили явную осторожность в отношении реставрации монархии. Японские правящие круги, а также страны Антанты воздерживались от одобрения монархических планов Юань Шикая, лишь США активно поддерживали его.

В декабре 1914 г. Юань Шикай, облачившись в императорское одеяние, совершил в Храме Неба торжественное жертвоприношение в честь Небесного Владыки.

Между тем в правление Юань Шикая еще больше усилился налоговый гнет. Содержание огромной армии и разбухшего бюрократического аппарата, выплата «ихэтуаньской» контрибуции, процентов по займам и авансам от банковского консорциума требовали огромных средств. К дополнительным поборам добавились голод, наводнения, падение жизненного уровня населения и народные волнения. Наиболее крупным из них стало восстание, начавшееся в 1912 г. в пров. Хэнань под руководством крестьян-

нина Бай Лана («Белый Волк»). В повстанческой армии Бай Лана, которое он назвал «Армией народа», сражались крестьяне, шахтеры, землекопы и беглые солдаты. К апрелю 1914 г. ее численность составила около 20 тыс. бойцов. Восстание переросло в маневренную крестьянскую войну, охватившую провинции Хэнань, Хубэй, Аньхуэй и Шэньси. Повстанцы совершали длительные походы из одной провинции в другую. На их разгром Юань Шикай бросил 200-тысячную армию. Преодолев тысячи километров трудного пути, измотанные длительными переходами и многочисленными боями, повстанцы вернулись в родную провинцию Хэнань. Здесь «Армия народа» распалась на разрозненные отряды, уничтоженные поодиночке. В середине августа 1914 г. погиб в бою и сам Бай Лан. Столь же сурово Юань Шикай расправился и с другими народными движениями. Карательные походы, «чистки» в деревнях, массовые аресты, грабежи, насилия и публичные казни стали обычным явлением. В городах начались репрессии против левых республиканцев. Главный удар Юань Шикай нанес бывшим членам Гоминьдана. В Китае царил полицейский произвол. Людей арестовывали по любому доносу и подозрению в левых взглядах. Участились казни сторонников оппозиции. Наносся удар по остаткам Гоминьдана, Юань Шикай хотел покончить с республиканскими настроениями в кругах интеллигенции. В марте 1914 г. был издан драконовский закон о печати, устанавливающий строжайшую цензуру, в ноябре введена практика телесных наказаний для мужчин. Все это должно было создать атмосферу страха и слепого повиновения.

Первая мировая война могла осложнить продвижение Юань Шикая к императорскому трону. Поэтому президент, боявшийся увязнуть в мировом конфликте, в августе 1914 г. заявил о своем нейтралитете и обратился к воюющим державам с просьбой не переносить военные действия на территорию Китая, в том числе и на «арендованные» иностранцами китайские земли. Однако 22 августа 1914 г. Япония объявила войну Германии и высадила 30-тысячную армию севернее Циндао. После двухмесячной кампании Япония захватила немецкие колониальные владения в пров. Шаньдун, а также распространила свой контроль на всю территорию полуострова. Юань Шикай не только не оказал сопротивления японской агрессии, но, напротив, всячески заискивал перед Японией в расчете на поддержку его монархических планов.

Глава 17

Попытки реставрации и отмирание монархических структур

В Китае с 1912 г. установился республиканский строй. Вместо императорского флага был утвержден пятицветный флаг Китайской республики, или Республики пяти национальностей. Его цвета — красный, желтый, голубой, белый и черный — символизировали пять основных национальностей Китая — ханьцев, маньчжуров, монголов, хуэй и тибетцев. Официальный восточный, т.е. лунный, календарь был заменен европейским, солнечным. Если в самом Среднем государстве существовала республика, то за стенами Запретного города и летнего дворцового ансамбля Ихэюань сохранялась Цинская империя. Здесь она продержалась в течение почти тринадцати лет (1912–1924). Если по всей стране были развешаны четырехугольные флаги республики, то в Запретном городе продолжали развешиваться треугольные желтые знамена с изображением императорского дракона. В Китае одновременно находились и президент и император. В 1912 г. все чиновники, офицеры, солдаты и генералы «новых войск» срезали у себя маньчжурские косы. Начало этому было положено еще в 1911 г. в Наньянской армии. Затем с падением монархии то же произошло и в Бэйянской армии. Косы демонстративно сохранили лишь войска генерала Чжан Сюня, расквартированные в провинциях Цзянсу и Аньхуэй. Столь же нарочито оберегали свою маньчжурскую прическу обитатели Запретного города и Ихэюаня. Маньчжурская коса у мужчин стала теперь символом преданности императору и монархии. Азиатская деспотия в Китае в 1912 г. не умерла, а лишь облачилась в республиканские одежды. Традиционную монархию с самовластием богдохана сменила авторитарная республика переходного межформационного типа. В ней самой слабая парламентская демократия и краткая «парламентская весна» (1912–1913) были быстро побеждены военной диктатурой. Однако противостояние республики и монархии в том или ином виде сохранялось до 1924 г. включительно. Само же монархическое начало продержалось в Китае в разных формах вплоть до 1945 г.

Краh плебисцитарной монархии

Первый период взаимного противостояния республики и монархического начала охватывает 1912–1918 гг. После свержения маньчжурской династии Цин в 1912 г. на смену монархии пришла авторитарная власть — военная диктатура во главе с Юань Шикаем. Это была своего рода генеральская республика — причудливый синтез азиатского деспотизма, милитаризма и современных политических форм. Тысячелетнее господство азиатской деспотии и отсутствие в Китае демократических традиций обусловили неподготовленность социума к восприятию парламентской демократии. В политической жизни страны главное место заняла армия.

Опираясь на силу штыков, Юань Шикай последовательно укреплял свою личную диктатуру. К началу августа 1913 г. он разгромил войска гоминьдановцев — своих скрытых противников на пути к установлению монархии, затем победитель ликвидировал основные буржуазно-демократические институты, созданные в 1912 г. Прекратили свое существование парламент, Временная конституция, провинциальные собрания и все местные органы самоуправления. Был раслуцен и сам Гоминьдан. Режим военной диктатуры в 1914 г. принял свой законченный вид. Милитаризация политической жизни Китая в основном завершилась. Местные военачальники, прежде всего военные губернаторы провинций, превратились в своего рода «удельных князей», а подконтрольные им территории — в их вотчины. Опорой этих периферийных владык стали лично преданные им войска. Среди таких местных правителей были генералы и офицеры «новой армии», бывшие цинские сановники, главарь разбойников и лидеры местных конституционалистов. Именно эта система милитаризма и стала после разгрома гоминьдановцев главным препятствием в осуществлении монархических замыслов Юань Шикая. Чтобы ослабить роль армии и милитаристов, он попытался поставить гражданских губернаторов выше военных с разграничением их сфер управления. С той же целью им была предпринята попытка упразднить провинции, заменив их системой более мелких округов. Попробовал он и ограничить милитаристов в сфере финансов. Юань Шикай приступил к созданию «образцовых дивизий», которые должны были заменить собой ставшую уже ненадежной Бэйянскую армию. Кроме того, он сместил с поста военного министра Дуань Цижуня. Усилия президента по ослаблению власти генералитета не дали ожидаемого результата, зато его авторитет в армии резко упал. Более того, Юань Шикай восстановил против себя значительную часть военной элиты. Это вынудило будущего монарха сделать большую ставку на штатскую номенклатуру.

Исподволь готовясь к провозглашению себя императором, Юань Шикай предусмотрел выселение цинского двора из Запретного города. Согласно «Альготным условиям», император Пуи мог лишь «временно проживать» в этом Зимнем дворце. В дальнейшем его резиденцию следовало перенести в летний дворец Ихэюань — любимый дворцовый и парковый

ансамбль Цыси. Еще до предполагаемого выселения из Запретного города Юань Шикай в нарушение «Льготных условий» отобрал у Пуи три тронные палаты — Высшей гармонии, Полной гармонии и Сохранения гармонии. К республике также отошли две огромные площади к северу и к югу от Ворот Высшей гармонии плюс Полуденные ворота — южный вход в Запретный город. Все это в целом составляло Южный блок, где по традиции из века в век совершалась церемония возведения на трон очередного императора. Свою временную резиденцию президента республики Юань Шикай создал в дворцово-парковом ансамбле Чжуннаньхай, который находился в западной части Императорского города и почти примыкал к стене Запретного города. Юань Шикай через ворота Сихуа объединил Чжуннаньхай с отошедшим к республике Южным блоком в единый комплекс. Таким образом, императору и его придворным оставили лишь Зимний дворец, т.е. северную, или «жилую часть» Запретного города. Сам же Запретный город после 1912 г. получил новое название — Гугун (Древние дворцы).

Согласно «Льготным условиям», прежняя дворцовая охрана вливалась в армию республики. Однако Юань Шикай разогнал ее, за исключением личных телохранителей Пуи. Весь старый обслуживающий персонал дворца оставался на месте, но прием новых слуг и евнухов запрещался. Материально император, его семья и двор мало пострадали, ибо им ежегодно из казначейства республики выплачивалось 4 млн. лян серебра, или 4 млн. юаней. Кроме того, сохранялся и «малый двор», располагавшийся в Северной резиденции (Бэйфу), которая принадлежала отцу Пуи, бывшему князю-регенту Цзайфэну. Юань Шикай всячески поддерживал идею монархии, поскольку сам рассчитывал взойти на трон. В марте 1913 г., когда умерла вдовствующая императрица Лунъюй, по приказу Юань Шикай по всей стране были приспущены республиканские флаги и объявлен 27-дневный траур. В Пекине состоялись два траурных митинга — один для гражданских чиновников, другой для военных. По его приказу республиканские министры участвовали в церемонии захоронения останков императора Цзайтяня и Лунъюй.

Юань Шикай стал присваивать сановные титулы времен монархии, широко привлекал на службу прежних цинских чиновников, создал институт истории империи Цин. Ободренные его действиями монархисты развернули широкую агитацию, в том числе в печати, за «возвращение власти династии Цин». Однако Юань Шикай, стремившийся к восстановлению монархии, надеялся стать основателем новой династии. По инициативе Юань Шикай его политический советник американец Фрэнк Гудноу в 1914 г. выступил со статьей, в которой говорилось, что республиканский строй не подходит к китайским условиям и для страны монархия более приемлема, нежели республика. По заданию Юань Шикай Гудноу в 1915 г. опубликовал такого же рода трактат. Работы Гудноу послужили отправным пунктом пропагандистской кампании за принятие Юань Ши-

каем императорского титула и отказ от республики. С этой целью было создано «Общество по изучению государственного благоустройства» («Чоуаньхуэй»). В декабре 1914 г., облаченный в императорские одежды, президент совершил торжественное жертвоприношение в храме Неба.

Чтобы нейтрализовать сторонников свергнутой династии, Юань Шикай заключил сделку с цинским двором. Претендент на трон дал маньчжурским князьям письменное обещание строго соблюдать «Льготные условия для цинского двора», навечно сохранить его привилегии и включить этот документ в будущую конституцию. Вместе с тем Юань Шикай пытался породниться с династией Цин и предложил выдать свою дочь за Пуи, рассчитывая обеспечить себе поддержку сторонников старого режима. Маньчжурские князья согласились на этот брак, хотя многие из них ненавидели Юань Шикая за его предательство императора Цзайтяня в 1898 г. и за его измену династии в 1912 г. Сделка состоялась, и князь Пулунь — двоюродный брат императора от имени династии Цин и личного состава восьми маньчжурских «знамен» обратился к Юань Шикаю с просьбой принять трон.

Летом 1915 г. Юань Шикай инспирировал петиционную кампанию за провозглашение монархии и передачу ему престола. В провинциях прошли «референдумы». Их участники все как один высказались за восстановление монархии. В декабре 1915 г. Центральная совещательная палата, приняв решение об учреждении конституционной монархии, обратилась к Юань Шикаю с просьбой о вступлении на престол. Для подготовки этого процесса был учрежден специальный комитет. Сама же церемония намечалась на 1 января 1916 г. С этого дня начиналась эра Хунсянь (Всеобъемлющая законность) и тем самым в Китае должна была утвердиться плебисцитарная и конституционная монархия. Юань Шикай готовился к торжественному восшествию на «драконовый трон» в обстановке бурного ликования как либеральных конституционных монархистов, так и вчерашних приверженцев династии Цин. На официальную просьбу стать императором он сначала ответил отказом, мотивируя его нежеланием нарушать президентскую присягу на верность республике и боязнь оскорбить достоинство Пуи, отрекшегося от престола. После второй «настойчивой просьбы» 12 декабря Юань Шикай официально объявил о своем решении принять императорский титул. Сложилась уникальная ситуация — в Поднебесной оказалось сразу два императора, причем оба в Пекине. Это противоречило древнему принципу: «Небо не может иметь двух солнц, а государство — двух монархов». В случае укрепления новой монархии император Пуи и цинский двор рано или поздно оказались бы под угрозой ликвидации.

Свою новую монархию Юань Шикай создал по образцу и подобию традиционной, следуя цинским образцам и окружая себя старыми кадрами императорской бюрократии. Штатские сановники и чиновники снова становились правящей элитой, а военные отодвигались на второй план

и подчинялись гражданской номенклатуре. Возвращая все на старый лад, Юань Шикай не учел, что армия превратилась в главную политическую силу Китая. Вся реальная власть теперь исходила не от бюрократии, а от военных. Генералы и офицеры при республике вкусили всю сладость власти и не желали снова идти в услужение к штатским. Именно республика сделала армию вершителем судеб Поднебесной. Поэтому республиканский строй оказался гарантией сохранения лидерства армейской элиты. При нем каждый генерал имел шансы стать президентом, премьер-министром, владыкой в «своей» провинции или области. С восстановлением же монархии все это должно было исчезнуть. Более того, каждый генерал становился всего лишь «слугой» или «рабом» императора. Тем самым милитарист попадал под жесткую руку монарха и в унижительную зависимость от его окружения. По этим причинам «новая армия» в целом оказалась на стороне республики. Чувствуя, что генералы настроены против монархии, Юань Шикай начал ослаблять их позиции. Он стал заменять их на постах военных губернаторов своими выдвиженцами, что окончательно оттолкнуло «новую армию» от ее «отца» и создателя.

Особенно сильными эти настроения были на Юге — среди командного состава бывшей Наньянской армии. Именно эти генералы в декабре 1915 г. открыто выступили против Юань Шикая и начали «войну в защиту республики», или «третью революцию». Разбить войска восставших ему не удалось. К тому же против монархии высказались и милитаристы Севера — генералы бывшей Бэйянской армии. Прикованные к фронтам Первой мировой войны европейские державы отрицательно отнеслись к планам Юань Шикая. В конце концов отказала ему в поддержке и Япония. Видя свое поражение, Юань Шикай отступил. 22 марта 1916 г. было объявлено об отмене монархии и о восстановлении республики. Несостоявшийся император пытался сохранить за собой пост президента, но республиканские генералы категорически требовали его отставки. От него отвернулась практически вся армия. 6 июня он скоропостижно скончался. Таким образом, плебисцитарная монархия (эра Хунсянь) продолжалась всего 83 дня — с 1 января по 22 марта 1916 г. — именно столько процарствовал Юань Шикай в сане императора.

В событиях конца 1915 — первой половины 1916 г. армия в лице генералитета и офицерского корпуса еще раз продемонстрировала свой статус господствующей политической силы. Крушение плебисцитарной монархии свидетельствовало о том, что именно республиканский строй являлся гарантом власти милитаристов в Пекине и в провинциях.

Попытки восстановления империи Цин

Между тем начиная еще с 1912 г. маньчжурские князья и сановники Департамента двора, а также китайцы-придворные мечтали о реставрации монархии и уничтожении республики. Агитация в пользу «восстановления

династии Цин» велась монархистами, укрывшимися на территории иностранной концессии в Тяньцзине, в посольском квартале Пекина, в занятом немцами Циндао, под защитой японцев в Люйшуне и Даляне. Созданная тогда монархическая «Партия престола» (Цзуншэдан) стремилась восстановить власть цинской династии в Маньчжурии и Внутренней Монголии.

На какое-то время бывший цинский император и его двор стали притягательными для новых хозяев Китая — милитаристов. Те из них, кто боролся за объединение страны под своей единоличной властью, стремились превратить старую династию в послушное орудие для выполнения этой сверхзадачи и обещали Пуи восстановить его былой статус монарха-правителя. Вместе с тем периферийные генералы хотели свою власть в регионах, провинциях и областях облечь в одежды законности. Все они свое реальное господство на местах обрели незаконно — в ходе «смуты» и свержения традиционной династии. Теперь же они были не прочь получить признание своих прав на власть от Сына Неба. Такого рода легитимация была крайне желательна для генералов как из среды шэньши, так и из рядов вчерашних бандитов. Республиканские генералы в годы «смуты» считали за высокую честь получить одно из придворных званий либо право ношения желтой куртки, право въезжать в Запретный город верхом или в паланкине. Для полной легитимации своей власти им было желательно восстановление императорской власти. И потенциальным «гегемонам», и «удельным князьям» в генеральских мундирах нужна была не реальная, а формальная реставрация династии Цин.

Сразу после смерти Юань Шикая генералы начали заигрывать со старой династией, рассчитывая использовать Пуи в своих целях. Такого рода шаги предприняли военный губернатор провинций Гуандун и Гуанси бывший бандит Лу Жунтин и генерал Чжан Сюнь. Первый рассчитывал прикрыть свое уголовное прошлое придворными титулами, а второй намеревался захватить верховную власть в стране, учтя при этом ошибки Юань Шикая. До 1912 г. Чжан Сюнь был цинским наместником провинций Цзянсу и Чжэцзян. После свержения династии он остался ярким монархистом. В знак преданности престолу он сам, офицеры и солдаты его войск демонстративно сохранили косы и получили прозвище «армия с косами». Чжан Сюнь имел тайные связи с процинской монархической «Партией престола», а один из ее видных членов служил личным секретарем генерала. Своими монархическими, откровенно реакционными взглядами Чжан Сюнь резко отличался от большинства милитаристов, стремившихся демагогически использовать республиканские лозунги. При подавлении «второй революции», когда войска Чжан Сюня в 1913 г. захватили Нанкин, он полностью восстановил здесь порядки Цинской империи и даже одно время запретил вывешивать республиканские флаги. После этих событий Чжан Сюнь стал одним из ближайших сподвижников Юань Шикая. Последний назначил его на ответственный пост генерал-инспектора войск долины Янцзы и сделал его военным губернатором пров. Аньхуэй.

Еще в период плебисцитарной монархии Юань Шикая против него сложился заговор трех генералов — Сюй Шичана, Чжан Сюня и Ни Сычуна. Захват верховной власти они намеревались осуществить под прикрытием реставрации империи во главе с Пуи. После смерти Юань Шикая для этой цели Чжан Сюнь собирал во главе ставки в Сюйчжоу, а затем в Нанкине совещания лидеров Бэйянской генеральской группировки, где разрабатывались такого рода планы. Позже главари этой клики встретились на церемонии похоронных жертвоприношений в Чжэндэ (пров. Аньхуэй), куда было перенесено тело Юань Шикая. Под руководством Сюй Шичана собравшиеся единодушно высказались за реставрацию монархии во главе с династией Цин. Заговорщики безуспешно добивались поддержки Японии. Их замыслам мешало и соперничество между Чжан Сюнем и Сюй Шичаном, ибо каждый претендовал на пост князя-регента при малолетнем императоре Пуи. После смерти Юань Шикая Чжан Сюнь претендовал на роль верховного военного лидера Китая. Конференции милитаристов в Сюйчжоу и Нанкине он пытался превратить в орудие захвата верховной власти. При всей своей преданности свергнутой династии Цин Чжан Сюнь рассчитывал превратить Пуи в свою марионетку и от его имени править восстановленной империей. На первой конференции в Сюйчжоу он добился принятия решения о неуклонном соблюдении республикой «Альготных условий». На второй конференции был создан «Комитет представителей 13 провинций». Его целью стала подготовка антиреспубликанского заговора и реставрации империи Цин.

Обострившаяся борьба за власть в Пекине между президентом Ли Юаньхуном и премьер-министром Дуань Цижуюм создала подходящие условия для заговорщиков. Созвав в Сюйчжоу четвертую конференцию военных губернаторов провинций, Чжан Сюнь получил от собравшихся, в том числе от Дуань Цижую и Фэн Гочжана, согласие на свержение республиканского правительства и реставрацию монархии Цин. При этом Чжан Сюнь счел себя главой всех милитаристов Китая.

В начале июня 1917 г. Чжан Сюнь при поддержке японцев вмешался в борьбу за власть между тогдашним президентом Ли Юаньхуном и бывшим премьер-министром Дуань Цижуюм. Положение первого стало отчаянным, когда против него выступили военные губернаторы семи провинций. Воспользовавшись беспомощностью президента, Чжан Сюнь согласился выступить посредником и примирителем, но тут же вошел в тайный стовор с экс-премьером. 8 июня генерал со своими войсками прибыл в Тяньцзинь и создал там свой штаб. Чжан Сюнь потребовал от президента включения «Альготных условий» в конституцию, признания конфуцианства в качестве национальной религии и резкого увеличения численности своих войск. Было объявлено о роспуске парламента. 9 июня «войска с косами» вступили в Пекин. Сюда съехались многие старые цинские сановники, совместно с Чжан Сюнем разработавшие план реставрации монархии. Было составлено заявление о «возвращении власти династии Цин». 1 июля

Чжан Сюнь прибыл в Запретный город и предложил Пуи поставить свою печать на заранее подготовленный манифест и императорский указ. Данным манифестом в Китае восстанавливалась власть династии Цин, вводился конституционно-монархический строй и восстанавливались цинские кодексы законов. По императорскому указу возрождались вся цинская государственно-административная система, титулы и наименования учреждений, а также лунный календарь. 1917 год объявлялся девятым годом правления императора Пуи и его эры царствования Сюаньтун. Четыре генерала обрели княжеские титулы, а трое из них стали наместниками провинций. Пятнадцать видных монархистов получили почетные должности. Вся реальная власть переходила к «Доблестному князю» Чжан Сюню. Он стал министром по делам Северного Китая, наместником столичной провинции и главой только что созданного Политического совета. В его руках оказался и новый кабинет министров. Тем самым организатор монархического переворота становился единоличным диктатором и правителем Китая. Пуи была отведена роль марионетки, ряд крупнейших милитаристов — Дуань Цижуй, Сюй Шичан, Ли Юаньхун и др. были отодвинуты на задворки.

Отец Пуи — бывший регент Цзайфэн и императорская родня рассчитывали снова вернуться к власти и вершить все дела. Однако на второй день после объявления реставрации Чжан Сюнь издал указ, запрещающий маньчжурским князьям и знати вмешиваться в государственные дела. Маньчжуры наконец поняли, что династия Цин — всего лишь ширма для единовластия Чжан Сюня. Между тем в Пекине спешно восстанавливалась цинская атрибутика. Республиканские пятицветные флаги заменялись треугольными с изображением императорского дракона. Сановники и чиновники вновь облачались в цинские официальные одеяния и старые мундиры. Бюрократы всех мастей подвязывали себе фальшивые косы из конского волоса. На политическую арену вышли давно забытые ветхие политики-монархисты. Тем временем «армия с косами» повела себя в столице как в завоеванном городе. Солдаты Чжан Сюня бесчинствовали, грабили дома, магазины и склады. В Пекине началась паника. Резко поднялись цены на товары первой необходимости, быстро обесценивались бумажные деньги.

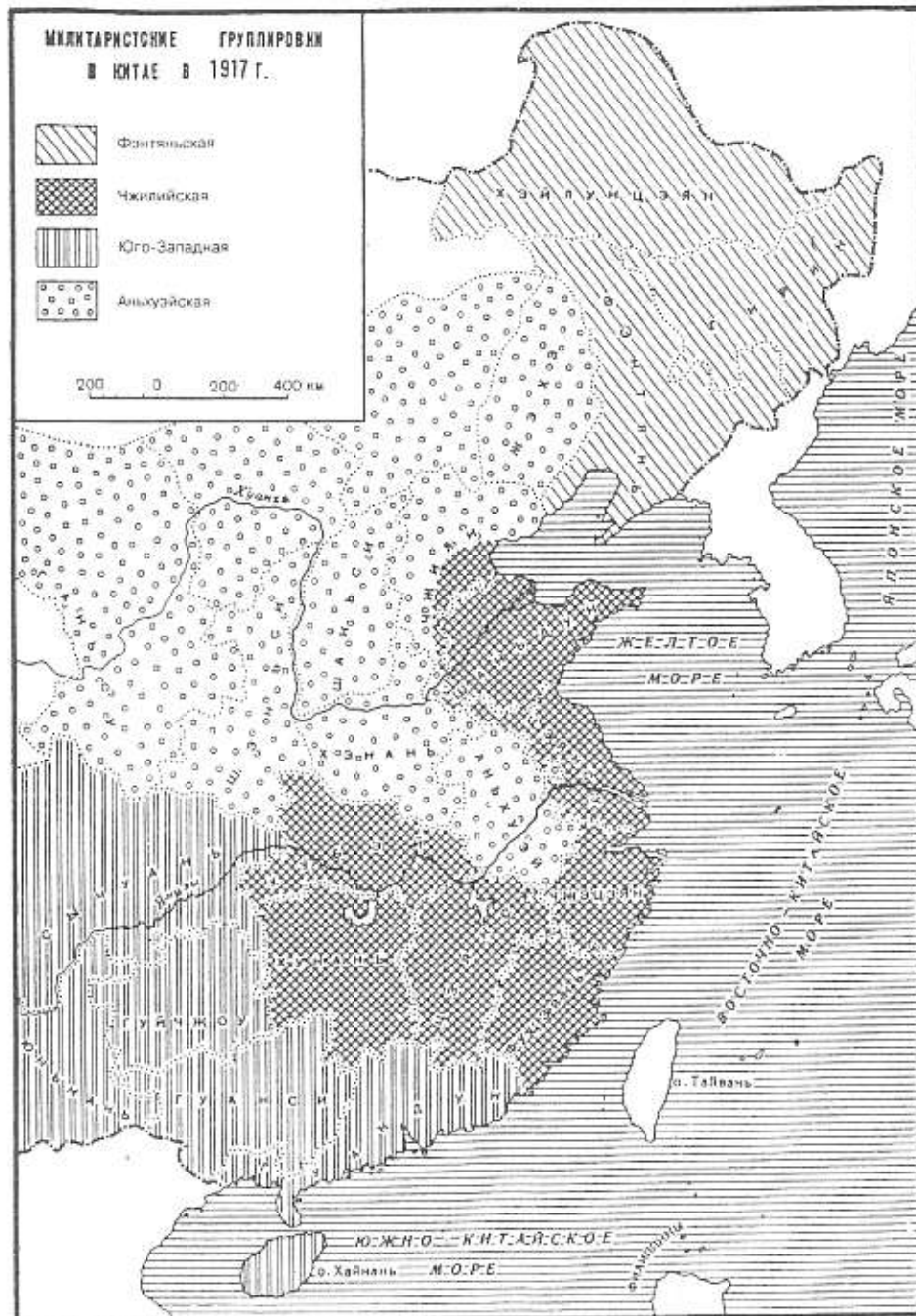
Не желая попасть в руки властного и единоличного диктатора, генералы из сторонников монархии снова превратились в «защитников республики», создав единый фронт против Чжан Сюня. Предельное сосредоточение власти в руках Чжан Сюня, претендовавшего на роль единоличного диктатора, испугало республиканский генералитет. Милитаристы увидели в нем второго Юань Шикая, т.е. реальную угрозу своим позициям. Это побудило их дружно выступить против новоявленного князегегемона, подняв знамя республики. Значительная часть военных губернаторов провинций теперь ополчилась на Чжан Сюня и монархию. Если раньше Япония подталкивала милитаристов к реставрации империи, то

теперь стала поддерживать Дуань Цижуй и дала ему заем на подавление «мятежа». Дуань Цижуй и Фэн Гочжан выступили против узурпатора. Подавление путча возглавил Дуань Цижуй, двинув на Пекин верные ему части. В своем обращении к населению и в декларации он всю вину за путч возлагал на одного Чжан Сюня и всячески выгораживал Пуи и цинский двор, снимая с императора ответственность за переворот. Главной задачей объявлялась необходимость «вывести династию Цин из тяжелого положения» и строго соблюдать «Альготные условия». Войска Дуань Цижуй 11 июля 1917 г. достигли Пекина, в частях Чжан Сюня началась паника. В спешке срезая косы, его войнство обратилось в бегство. К 12 июля монархический путч был подавлен. Чжан Сюнь укрылся в Посольском квартале, и никто из участников переворота не пострадал. Таким образом, второе правление династии Цин продолжалось всего 12 дней.

С крахом монархической авантюры Чжан Сюня произошло массовое переселение маньчжурской знати в Посольский квартал Пекина под защиту иностранных войск и полиции. В том же, 1917 г. умер старый Икуан — единственный крупный политик в среде быстро вырождавшейся и бессильной маньчжурской знати. Неудачная попытка восстановить монархию в июле 1917 г. получила название «события года *динцзи*». Фактически это было уже третье по счету свержение монархии в Китае — после 1912 и 1916 гг. На этот раз республика установилась окончательно. Тем не менее Пуи и императорская семья сохранили за собой Зимний дворец в Запретном городе, летний дворец Ихэюань и колоссальное денежное содержание от республики. Цинский двор продолжал пользоваться почетом и всеми привилегиями согласно «Альготным условиям». В ходе первой (1916 г.) и второй реставрации монархии (1917 г.) ярко проявилась двойственность поведения республиканских генералов. На словах они не возражали против монархии. Когда же дело доходило до реальных шагов, они видели всю опасность для себя в появлении сильного единоличного диктатора-гегемона. Для противодействия последнему милитаристам ничего другого не оставалось как сохранить республику.

Вслед за Чжан Сюнем планы реставрации монархии в Китае продолжал строить генерал Сюй Шичан. Этот махровый реакционер был другом и соратником Юань Шикая, видной фигурой в Бэйянской группировке. При старом режиме он назначался последовательно министром внутренних дел, наместником северо-восточных провинций, старшим императорским наставником и заместителем премьер-министра. После падения монархии Сюй Шичан сначала демонстрировал верность династии, затем перешел на сторону Юань Шикая, стал его правой рукой, много сделал для укрепления его диктатуры и занял пост государственного секретаря с правами премьер-министра. Однако он выступил против монархических планов своего патрона и отошел от него. В 1918 г. Сюй Шичан был избран президентом республики. Намереваясь стать единоличным правителем страны, он видел себя в качестве князя-регента восстановленной у власти

Раздел Китая милитаристами

династии Цин. Генерал-президент сделал ряд шагов, направленных к возрождению империи. Сюй Шичан амнистировал Чжан Сюня, стал совершать жертвоприношения в Храме Неба, восстановил почитание Конфуция и проповедовал изучение конфуцианских классиков. Затем он начал постепенно сливать воедино правительство республики с императорским двором. Некоторые маньчжурские князья стали членами Государственного совета, а другие были произведены в генералы. Сюй Шичан начал именовать Цинов «нынешней династией». Демонстративно не желая «оскорблять» Пуи, он перенес резиденцию из Чжуннаньхя. Наступило резкое оживление в монархических кругах в надежде на близкую реставрацию. Сюй Шичан надеялся осуществить свои планы, опираясь на Бэйянскую группировку. Однако уже в 1917 г. эта структура дала трещину, а в 1918 г. окончательно раскололась. На ее обломках возникли две враждующие между собой клики — чжилийская во главе с Фэн Гочжаном и аньхуэйская, руководимая Дуань Цижунем. Данный раскол резко ослабил позиции Сюй Шичана и положил конец его монархическим поползновениям.

С этого начался второй период противостояния республики и монархического начала (1918–1924). Этот этап ознаменовался резким ослаблением реставраторской тенденции, хотя произвол милитаристов в провинциях, отсутствие единой сильной власти, раздробленность страны на генеральские «уделы» и «вотчины», постоянные переломы и междоусобные войны порождали разочарование в республиканском строе. В ожидании сильной власти и объединения страны традиционно мыслящие социальные слои и политики постоянно обращали свои взоры к свергнутой династии. Даже страдавшее от бедствий и «смуты» крестьянство видело в ней средство для прекращения беспорядков, произвола и грабежа, чинимых милитаристами. В силу этого Пуи периодически оказывался в фокусе политической борьбы. Китайские газеты постоянно писали о том, что все устало от республики, что народ мечтает о реставрации династии Цин. Растущее разочарование населения в республике со своей стороны подогревало монархические настроения и постоянные планы реставрации.

В поисках опоры для осуществления своих замыслов императорский двор в 1919 г. установил довольно тесные отношения с генерал-инспектором Чжан Цзолинем, главарем Фэнтяньской милитаристской группировки в Маньчжурии. Инициатором союза с этим бывшим хунхузом выступил отец Пуи — бывший князь-регент Цзайфэн и его «малый двор». Все это породило очередной всплеск надежд на восстановление власти династии Цин и упразднение республиканского строя. Однако с поражением Фэнтяньской группировки в 1922 г. ставка на Чжан Цзолиня провалилась. Затем в 1923 г. цинский двор попытался опереться на одного из лидеров Чжилийской группировки — генерала У Пэйфу. Однако тот на союз с павшей династией не пошел.

Цинских сановников, опиравшихся на Пуи, крайне беспокоило непостоянство его решений. Пуи по-своему пытался модернизировать жизнь

Запретного города — читал газеты, обзавелся телефоном, стал одеваться по-европейски и отрезал себе косу. Вслед за ним с косами рассталось почти все мужское население дворца. Одно время Пуи даже намеревался уехать на учебу в Англию и тайно готовился к побегу из Запретного города, вынося из дворца с помощью брата самые дорогостоящие ценности. В 1922 г. Пуи женился на маньчжурке Ваньжун, и в Китае снова появилась императрица. На их свадьбу республика выделила большую сумму денег. Богатые подарки новобрачным преподнесли руководители государства и милитаристы — Чжан Цзолин, У Пэйфу, Чжан Сюнь, Цао Кунь и др. Свадьба Пуи явилась последним всплеском и кульминацией монархической активности в Китае. Странники династии Цин стаями слетались в Пекин, привозя с собой свои и чужие деньги, антикварные изделия и прочие подарки. В этом неожиданном подъеме монархических настроений цинский двор вновь усмотрел обнадеживающие перспективы реставрации, тем более что впервые после 1911 г. в Запретный город прибыли, правда в частном порядке, представители дипломатического корпуса.

Между тем в обычные годы поток былых обильных подношений и ценных подарков почти прекратился. Более того, республика стала сокращать выплату содержания цинского двора. Чтобы покрыть свои расходы, Департамент двора ежегодно продавал и закладывал антикварные картины, каллиграфические надписи, золотые, серебряные и фарфоровые сосуды. Причем золотые и серебряные вещи чиновниками дворца продавались не как произведения искусства, а на вес. В Запретном городе процветали казнокрадство и расточительность. Чиновники и евнухи как бы соревновались между собой в расхищении дворцовых сокровищ. Началось бегство евнухов из Запретного города. Тем не менее в 1922 г. их насчитывалось более 1 тыс.

Обычная при завершении каждого очередного династийного цикла деградация императорского дома и придворного окружения достигла своего апогея.

Азартные игры, курение опиума, пожары и даже убийства стали здесь обычными явлениями. Воровство достигло такой степени, что были украдены драгоценности самого Пуи и императрицы. Тайные хищения переходили в настоящий грабеж со взломом замков по ночам. Этим особенно грешили евнухи. Служащие Департамента двора закладывали, продавали, выпрашивали ценнейшие вещи в качестве подарков. В итоге несметные сокровища — антиквариат, произведения искусства и изделия из драгоценных металлов утекали из дворца. Все это потом продавалось в антикварных магазинах, открытых в Пекине евнухами и чиновниками двора. Последние на наворованные деньги открывали меняльные лавки, ломбарды, мебельные фабрики и т.д. Ничто не могло остановить этот поток. Едва лишь началась серьезная инвентаризация главного хранилища ценностей, как был совершен ночной поджог. Гигантский пожар уничтожил не только следы преступлений, но и еще оставшиеся сокровища. Попытки

Пуи положить конец этим безобразиям восстановили против него основную массу евнухов. Ситуация обострилась настолько, что богдохан, опасаясь за свою жизнь, стал крайне подозрительным. Чтобы покончить с разграблением своих богатств, Пуи пошел на массовое изгнание евнухов из Запретного города, оставив не более двухсот из них самых надежных.

Как и прежде, цинский двор демонстрировал баснословную расточительность. Бесхозяйственность, продажность и злоупотребления чиновников Департамента двора привели к тому, что ежегодные расходы последнего превысили максимальные затраты времен императрицы Цыси. Пуи попытался реорганизовать эту структуру, сократить ее штаты, снизить расходы, поставить заслон воровству.

В то же время разорение и деградация «знаменного» сословия достигли своего апогея. Даже семьи маньчжурской знати и сановников жили в бедности и лишениях. Тем не менее ни Пуи, ни дворцовые чиновники даже не думали об оказании материальной помощи своим соплеменникам-маньчжурам, попавшим на дно общества. Между тем обломки империи в Зимнем дворце и Ихэюане доживали последние дни. В руководстве республики все чаще поднимался вопрос об аннулировании «Льготных условий» и передаче Запретного города государству.

Самым решительным противником сохранения императорского двора в Пекине был генерал Фэн Юйсян, принадлежавший до 1924 г. к Чжилийской милитаристской группировке. В свое время он решительно выступал против монархических планов Юань Шикая, а затем Чжан Сюня. Фэн Юйсян прослыл прогрессивным и радикальным политиком. Своих воинов он воспитывал в духе конфуцианства и христианства. Большинство его солдат обращались в христианскую веру, благодаря чему Фэн Юйсян приобрел прозвище «христианского генерала». Фэн Юйсян стремился довести до конца национально-освободительную борьбу 1911–1912 гг. и избавить Китай от маньчжурской монархии. Примкнув к У Пэйфу, он быстро сделал карьеру — стал командиром дивизии, генерал-губернатором Шэньси, а затем Хэнани. Однако осенью 1924 г. в ходе очередной междоусобной войны между Чжилийской и Фэнтяньской группировками Фэн Юйсян выступил против У Пэйфу. 22–23 октября 1924 г. его войска вошли в Пекин и совершили государственный переворот. Генерал посадил президента под домашний арест, распустил парламент, разогнал правительство, сместил У Пэйфу со всех постов и преобразовал свои войска в три Национальные армии.

Затем Фэн Юйсян принял за монархическое гнездо. Дворцовая охрана была разоружена и выведена из Пекина. 5 ноября солдаты Национальной армии блокировали входы и выходы из дворца, а его главе был передан ультиматум под названием «Пересмотр „Льготных условий для цинского двора“». Этим документом навечно упразднился титул императора. Пуи становился гражданином республики. Выплата цинскому двору

сократилась с 4 до 0,5 млн. юаней. Цинский двор должен был срочно покинуть Запретный город и искать себе другое пристанище. Помимо частного имущества императорского дома все остальное переходило в собственность республики. Пуи подписал этот документ и в тот же день 5 ноября, по сути, был изгнан из Зимнего дворца. Из Запретного города экс-император перебрался в Северную резиденцию — к своему отцу Цзайфэну. Так десятый богдохан из династии Цин стал последним императором Китая.

Отмирание монархического начала

С изгнанием Пуи и его двора из Запретного города начался третий период взаимодействия республиканского и монархического начал (1924–1932). Вскоре после удаления Пуи и его окружения из Зимнего дворца войска Фэн Юйсяна заняли загородный летний дворец Ихэюань. Опасаясь попасть в заключение — под домашний арест, экс-император тайком перебрался в Посольский квартал и отдался в руки японцев. Здесь он поселился в их миссии, где и получил политическое убежище. В Посольский квартал потоком хлынула маньчжурская знать. Сюда же перебралась экс-императрица, и вокруг Пуи снова сложился маленький «императорский двор». Вскоре новые покровители — японцы организовали переезд Пуи в Тяньцзинь, решив прочнее взять его в свои руки. Так в феврале 1925 г. под охраной японских полицейских, жандармов и агентов японских секретных служб экс-император Китая был водворен в особняк на территории японской концессии в Тяньцзине. Здесь Пуи прожил почти семь лет — вплоть до ноября 1931 г., находясь под надежной защитой японских войск и полиции. Такого рода «забота» объяснялась планами создания в Маньчжурии прояпонского марионеточного правительства во главе с Пуи, который втайне мечтал о своем возвращении на трон.

Продолжая строить планы реставрации монархии, Пуи и его окружение долгое время делали ставку на китайских милитаристов, прежде всего на генералов Фэнтяньской группировки. Экс-император имел прямые контакты с Чжан Цзолинем, Чжан Цзунчаном, Чжан Сюэляном и др. Для подкупа этих генералов Пуи истратил много денег и передал столько же драгоценностей. Однако больше всего средств им было потрачено на атамана Г.М. Семенова — белогвардейского генерала. Пуи даже после переезда в Тяньцзинь оставался одним из богатейших людей Китая. Значительная часть имущества, вывезенная им из Запретного города, была частично обращена в деньги и положена под проценты в иностранные банки. На остальные средства были куплены доходные дома. Кроме того, Пуи владел обширными земельными угодьями. Только в одной пров. Чжили ему принадлежало 1,2 млн. му земли. Проценты на капитал, арендная плата с домов и земель дополнялись наличием множества драгоценностей и ценнейшего антиквариата.

Надежды на реставрацию цинской монархии в собственно Китае стали совершенно беспочвенными в 1927 г. с победой Гоминьдана над бэйянскими и иными милитаристами. С приходом к власти гоминьдановского лидера генералиссимуса Чан Кайши республиканский строй еще более укрепился. Кроме того, в 1928 г. Пуи, его окружение и монархические круги потрясли два удара. Первым стала смерть Чжан Цзолиня. Этого лидера Фэнтяньской клики, на которого цинский «малый двор» делал ставку, устранили японцы. Вторым ударом явилось ограбление Дунлинских гробниц богдохана Хунли и императрицы Цыси в пров. Чжили. Это были самые богатые захоронения маньчжурских правителей. Грабеж был совершен гоминьдановским генералом Сунь Дяньином. Бывший аферист, торговец опиумом, он в июле 1928 г. под видом маневров окружил гробницы и в течение трех суток очистил эти две богатейшие усыпальницы. В руки грабителей попали слитки золота и серебра, золотая и серебряная утварь, редчайшие бриллианты и изумруды, драгоценный жемчуг. Похищенные сокровища оценивались в огромную сумму — более 750 млн. долл. Чан Кайши не наказал ни одного из грабителей. Убийство Чжан Цзолиня, победа Гоминьдана над бэйянскими и иными милитаристами побудили Пуи и его окружение окончательно отдаться в руки японцев.

Экс-император быстро освоился с ролью, отведенной ему в захватнических планах Токио, став усердным пособником японской разведки и других секретных служб. Боясь, что Пуи станет орудием Токио в борьбе против Китая, Чан Кайши предложил экс-императору восстановить «льготные условия» и выплату в случае его переезда в Шанхай. К этому времени Пуи уже целиком попал в японскую западню и переходить из нее в неизмеримо более опасную гоминьдановскую не захотел. 18 сентября 1931 г., организовав провокационный «маньчжурский инцидент», японские войска оккупировали Северо-Восточный Китай. Получив заверения в том, что в Маньчжурии ему уготовлен императорский трон, Пуи добровольно перешел на сторону японцев и стал сотрудничать с ними. В ноябре 1931 г. известный японский разведчик Кэндзи Доихара, прозванный «японским Лоуренсом», по поручению командующего Квантунской армии организовал тайный переезд Пуи из Тяньцзиня в Люйшунь.

Наступил четвертый и последний период существования монархического начала в Китае (1932–1945). В эти годы династия Цин пошла на службу к самому опасному врагу Среднего государства — японскому империализму. Именно он и создал в Маньчжурии — родине династии Цин региональную квазимонархию в качестве ширмы для своего колониального господства на Северо-Востоке. На этой оккупированной территории захватчики образовали марионеточное государство Маньчжоу-Го, во главе которого поставили Пуи. Выбор его кандидатуры на этот пост был не случаен. Токио учитывал притязания 26-летнего экс-богдохана, его окружения и монархических кругов Китая на восстановление династии Цин на всей ранее подвластной маньчжурам территории Среднего го-

сударства. Тем самым японцы рассчитывали получить формальный предлог для подчинения себе вслед за Маньчжурией всего остального Китая.

В марте 1932 г. Пуи принял пост регента, или «верховного правителя» Маньчжоу-Го. Девизом его правления стало «Великое благоденствие» — Датун, отражавшее древнекитайскую утопическую социальную концепцию «Великого единения». В устах японских оккупантов эта мечта китайцев о социальной справедливости звучала издевательски. Ровно через два года японцы провозгласили Пуи императором Великой Маньчжурской империи с девизом правления «Прцветающая добродетель» (Кандэ, 1934–1945). Однако он стал «монархом второго сорта», подчиненным «верховному императору» — японскому микадо. Вместо цинского парадного одеяния богдохана — халата с драконами — Пуи должен был носить японскую форму «генералиссимуса» вооруженных сил марионеточного «государства», что лишь подчеркивало его полную зависимость от оккупантов.

Восстановление монархии на ранее подвластной маньчжурам территории явилось откровенным фарсом, монархическим камуфляжем режима японской оккупации. Тем не менее японцы стремились придать двору Пуи пышность и роскошь, свойственную настоящему императору; на содержание его двора ежегодно выделялось 2,3 млн. юаней. Тем не менее маленький «императорский дворец» выглядел жалко на фоне гигантской штаб-квартиры Квантунской армии. Именно ее командующий был настоящим хозяином здешней «империи». При самом «императоре» в качестве его советника и представителя японского микадо неотлучно находился генерал-лейтенант Ясунори Ёсиока. В качестве государственной религии в Маньчжурии был введен синтоизм.

После создания Маньчжоу-Го монархические круги в самом Китае продолжали поддерживать идею восстановления династии Цин в Пекине. Когда в 1937 г. японские войска заняли столицу Китая Пекин (тогда — Бэйпин), приверженцы монархии просили руководство Японии установить на оккупированной территории власть «последней династии Цин». Однако в Токио не поддержали эту идею. Тогда главной задачей для японцев оставался окончательный раскол Гоминьдана и его армии на две части, возглавляемые Чан Кайши и Ван Цзинвэем. Последний в качестве союзника Японии претендовал на роль нового президента Китайской республики. В 1938 г. этот раскол совершился, а в 1940 г. на базе сторонников Ван Цзинвэя и Японии из коллаборационистов в Нанкине было создано марионеточное «центральное правительство». В этой обстановке реставрация монархии на самом Юге оказалась никому не нужной. Что же касается Маньчжурии, то для японцев марионеточное правительство Пуи послужило прообразом подобных режимов на остальной части Китая, оккупированной в ходе войны 1937–1945 гг. Следуя указаниям Токио, «правительство» Пуи подключилось к созданию «нового порядка в Восточной Азии» под эгидой Японии. «Маньчжурская империя» стала первым «государством», поддержавшим Токио в войне против США и Великобритании. В декабре 1941 г. Пуи «объявил войну» этим двум державам.

Почти за 14 лет (1931–1945) преданного служения своим японским хозяевам Пуи деградировал как личность. Резко усилились его подозрительность и жестокость. В своем «дворце» он чинил дикий произвол, собственноручно избивал и пытал евнухов, слуг и придворных. К этому добавились крайние суеверие, мнительность, страх перед болезнями, боязнь смерти, чрезмерное увлечение буддизмом. Сознавая себя предателем родины и марионеткой, «император» постоянно ждал, что его убьют либо китайцы, либо японцы. Считая, что могущество Японии вечно и непоколебимо, он неоднократно обращался к своим «подданным» с призывами поддержать усилия Японии в войне против китайского народа. Китайцы ненавидели этого предателя родины. Гоминьдан объявил его военным преступником.

С разгромом Квантунской армии в августе 1945 г. Пуи и его свита попали в плен. Около пяти лет он провел в качестве военнопленного в Советском Союзе и в 1950 г. был передан властям КНР. У себя на родине Пуи находился сначала в тюремном заключении в Фушуне и Харбине, а затем с 1952 г. — на режиме спецпоселения. В декабре 1959 г. он был амнистирован. С 1960 г. жил и работал в Пекине, писал свою «автобиографию» под названием «Первая половина моей жизни» и умер в октябре 1967 г. Так бесславно закончилась история маньчжурской династии Цин, правившей в Китае более двух с половиной столетий, с 1644 по 1912 г.

Глава 18

Социально-экономические последствия Первой мировой войны и падения монархии

Китай вступил в Первую мировую войну, пережив накануне политический переворот 1911–1913 гг. Благоприятное влияние перемен и последствия войны определили социально-экономическую атмосферу в Китае тех лет. Синьхайский переворот уничтожил остатки национального угнетения китайского народа завоевателями-маньчжурами, разрушил средневековый деспотический режим династии Цин, покончил с монархией и впервые в Азии установил республику. Республиканское правительство освободило крепостных и рабов в бывших поместьях императора, цинской знати и различных ведомств. Новая власть пустила в распродажу значительную часть земель свергнутой династии и казны, в том числе «знаменные» и военно-поселенческие участки. Были сметены последние ограничения в сфере землевладения и китайской колонизации Маньчжурии.

Базисные сдвиги конца XIX — начала XX в. разрушили устои средневековой пирамиды китайских сословий шэньши, земледельцев, ремесленников и торговцев. Синьхайский переворот завершил эту работу. Сословие *цижэнь* было уничтожено. Снизилось влияние шэньши в связи с быстрым ростом современной интеллигенции и выдвижением на первый план после переворота 1911–1913 гг. военных из других сословий. Само сословие *ши* частично подверглось обуржуазиванию. Росли новые социальные слои — буржуазия, пролетариат, а также современная интеллигенция.

«Аграрное обновление»

Синьхайские события подорвали прежние устои обычного и отчасти — кодифицированного права, вызвав к жизни либо резко ускорив позитивные изменения в деревне. Свержение традиционного режима монархии привело к постепенному отмиранию некоторых старых условий, клановых правил, родовых привилегий и ограничений на куплю-продажу земли. Начиная с 1913 г. Верховный суд Китайской республики отказался от поддержки такого рода ущемлений владельческих прав. Это был шаг к устра-

нению помех на пути превращения земли в товар. Таким образом, открывалась возможность постепенного превращения владения землей в земельную собственность, что поставило под удар привилегированное землевладение. В деревне резко ускорилось стихийное превращение храмовых, монастырских, «общественных» и «школьных» полей, а также земель кланов и сельских кумирен в частное владение. Кроме того, стало сходиться на нет традиционное право выкупа уже проданного участка. Постепенное устранение патриархальных помех осуществлялось не только «сверху», через законодательство республики, но и «снизу», через повседневную практику земельных сделок. Все это ускорило обращение земли, что сразу же сказалось на характере взаимоотношений крупных землевладельцев с крестьянами.

Крушение старого монархического строя было воспринято шэньши и иными землевладельцами как частичное освобождение от связывавших их местных традиций, обычного права и норм конфуцианской этики в отношениях с арендаторами. Снятие этих сдерживающих начал во многом было сопряжено с падением сословной системы и сословных норм поведения шэньши. В новой обстановке утрату своих прежних привилегий часть шэньши стремилась компенсировать в экономической сфере путем наживы, в первую очередь через усиление произвола по отношению к арендаторам, должникам и иной клиентеле. Сбрасывая прежнюю маску «благородных», «истинно мудрых мужей», они представляли перед держателями земли безжалостными эксплуататорами, любой ценой жаждущими получить повышенный доход. Часть шэньши, прежде уважаемые в деревне как «защитники» крестьянства, соблюдавшие «справедливые» обычаи и нормы аренды, превращались в так называемых злых шэньши (*лешэнь*). Крестьяне ставили их в один ряд с «местными деспотами» (*туба, тухао*).

Кроме того, на отношение крестьян к шэньши повлияли два новых фактора. Во-первых, авторитет шэньши в глазах крестьян был серьезно поколеблен в результате падения монархии и императора как высшего иерарха чиновно-шэньшиской системы в целом. И во-вторых, с ослаблением центральной власти после революции и с ростом провинциального регионализма эксплуататорская сущность шэньши стала выступать более рельефно. Усилилось прямое участие «благородных мужей» в насилии над крестьянами — сбор налогов и карательные функции.

Наряду с перерождением шэньши начался упадок рентополучателей «старой формации», мало приспособленных к новым изменившимся условиям, в том числе к рыночному хозяйству. Вместе с этим росла прослойка землевладельцев «нового типа» — из числа милитаристов, чиновников, компрадоров, торговцев и предпринимателей. Такие землевладельцы зачастую были пришлыми, новыми людьми в данной деревне, волости или уезде, менее связанными местными обычаями, традициями, клановыми или иными обязательствами с крестьянством. В силу этого «новые землевладельцы» легче, чем старожилы, шли на нарушение былых «справедливых» порядков, прежде всего в сфере аренды.

В то же время с ростом крестьянского движения усилилось переселение шэньши и других землевладельцев из «неспокойной» деревни в «надежные» города. Растущий абсентеизм рентополучателей вел к их отрыву от сельских связей, местных норм поведения и традиций. Такого рода «отсутствующий» или «городской» землевладелец быстрее и легче нарушал прежние обычаи и нормы, требуя через своего управляющего или агента лишь одного — присылки любой ценой больше денег в счет ренты и долгов.

Если до падения монархии основное наступление на жизненный уровень крестьянства шло за счет усиления налогового бремени при относительной стабильности норм арендной эксплуатации, то с гибелью старого режима началось постепенное ущемление традиционных прав держателей земли и повышение ренты. Важным стимулом последнего становятся колебания рыночной конъюнктуры, погоня рентополучателей за большей товарной массой и коммерческой прибылью. Росло количество земли, сдаваемой под арендный залог при повышении залоговых ставок. Усиливалась практика предварительного внесения арендных сумм до сбора урожая. И то и другое вело к расширению ростовщической зависимости арендаторов. Вместе с тем начался некоторый рост денежной и заметное падение отработочной ренты.

В новых условиях разрушались патриархальные отношения хозяина земли и ее держателя, падала роль обычая как регулятора отношений между ними, в ущерб устным соглашениям крепла практика письменных договоров. Если до установления республики обычаи и цинские законы подтверждали право арендатора, не имевшего задолженности по ренте, на автоматическое продление договора, то в новых условиях это право действовало все слабее, постепенно становясь фикцией. Республиканское законодательство во главу угла поставило право владельца земли на реализацию выгод рыночной конъюнктуры. Это позволяло землевладельцу сгонять прежнего держателя земли, соответственно ухудшая условия нового договора. Другое дело, что в большинстве случаев смена арендатора-должника была невыгодна землевладельцу, поскольку, как правило, последний и так получал максимум возможного. Кроме того, после переворота 1911–1913 гг. хозяева земли стали все чаще игнорировать старинный обычай накануне жатвы осматривать вместе с арендатором участки, пострадавшие от неурожая. Тем самым резко уменьшалась возможность уступок держателю земли, снижения или даже отмены договорных платежей.

После падения монархии началось наступление не только на краткосрочное и бессрочное держание, но и на институт «вечной аренды» — самой привилегированной и наиболее выгодной для крестьян. Отмена ее в законодательном порядке была практически невозможна: во-первых, это не всегда было нужно землевладельцу, а во-вторых, грозило массовыми восстаниями крестьян. Законодатели республики и сами землевладельцы пошли по пути постепенного приравнивания «вечной аренды» к наиболее

низким формам держания. Происходило внутреннее перерождение этого института землепользования. Принципы неотменяемости договора, неизменяемость платежей, особые права хозяйствования арендодержателя постепенно выхолащивались, превращая это привилегированное держание в обычную и подвижную аренду. В этом были заинтересованы прежде всего шэньши и *тухао*, поскольку право «вечной аренды» мешало не только свободной купле-продаже данного участка, но и повышению рентных платежей в соответствии с ценами рынка, урожайностью и сменой культур.

В 1914 г. Верховный суд санкционировал возможность признания права на одностороннее расторжение «вечного договора» (в случае неуплаты арендаторами положенной суммы) или повышения ренты (в случае значительного изменения хозяйственной конъюнктуры). В 1915 г. было подтверждено право землевладельца увеличивать крестьянские платежи в связи с рыночными колебаниями. Жалобы деревенских обществ (*нунхуэй*) на такого рода ревизию «вечных договоров» свидетельствовали о наступлении на крестьянские права не только «сверху» — из Пекина, но и «снизу» — на местах. Позднее в 1921 г. Верховный суд утвердил право владельца отнимать землю у «вечных арендаторов» в случае задолженности более чем за два года или однократного «умышленного» невнесения ренты. Хозяин мог отобрать землю даже у исправного «вечного» держателя, если желал сам ее обрабатывать или по иной причине. Последнее положение было особенно на руку шэньши и *тухао*. «Вечная аренда» постепенно теряла прежнюю привилегированность, обрела разного рода ограничения со стороны землевладельца, все более превращаясь в аренду на неопределенный срок с ухудшением условий договора и правом хозяина расторгнуть его в любой момент. Параллельно этому расширялась сфера краткосрочной аренды, т.е. на один год и с полным всевластием землевладельца.

Ситуация в китайской деревне после падения монархии сложилась так, что снятие препон для некоторого развития в ней рыночных отношений прежде всего стало «работать» на землевладельцев. От этой ломки в первую очередь выиграли рентополучатели, освободившиеся от пут традиционного права, как кодифицированного, так и обычного. Именно они оказались «фаворитами» начавшегося весьма робкого «аграрного обновления». Крестьянство тоже, хотя и в неизмеримо меньшей степени, и то лишь в рыночной сфере, могло использовать растущие буржуазные тенденции. Арендаторский слой деревни быстро почувствовал, что новые перемены противоречат его интересам и на руку хозяевам земли, что начавшаяся модернизация лишает крестьян традиционных охранительных прав, обычаев и институтов. Именно поэтому парадоксальность «послесиньхайской» ситуации заключалась в том, что за некоторый прогресс в аграрных отношениях выступали именно землевладельцы, в то время как крестьянство, напротив, заняло консервативные позиции, встав на защиту старины и традиций. В итоге крестьянство выступало не против традиционализма,

а за соблюдение его «справедливых» социально-экономических норм, в том числе обычного права.

Переворот 1911–1913 гг., не очистив радикально сферу землевладения от средневековья, вместе с тем приоткрыл дверь для нового этапа проникновения в деревню буржуазных тенденций, и на этот раз не только «снизу» — стихийно, но и «сверху» — сознательной деятельностью надстройки. Тем не менее последствия этого пробуржуазного «аграрного обновления» были весьма далеки от чисто капиталистической реализации. Намечившаяся модернизация была использована землевладельцами прежде всего для усиления средневековой и переходной эксплуатации арендаторов, для приспособления старой аренды к новым условиям. Поэтому многие новые явления тех лет были не столько реальными шагами к капитализму, сколько «защитной реакцией», способом выживания традиционных основ. В этом проявились повышенная устойчивость и большие регенерационные возможности старой структуры. Начавшееся после падения монархии некоторое «очищение» земельно-правовой сферы, «обновление» аренды и частичное перерождение шэнши являлись не столько «модернизацией», сколько своего рода оздоровлением традиционного социума. Это был худший «консервативный» вариант буржуазного «обновления» фасада деревни.

Частично лишив крестьянство важных звеньев старой правовой опоры, некоторых традиционных защитных возможностей, переворот 1911–1913 гг. не дал ему ничего существенного взамен. Более того, начавшаяся модернизация китайского общества осуществлялась по сути за счет крестьянства, без реальной компенсации его потерь. В итоге смена монархии республикой на поверку оказалась своего рода антикрестьянской акцией, заставившей прийти в движение те слои деревни, которые до этого находились в состоянии относительного покоя. Если послеихэтуаньский «фискальный взрыв» поднял на стихийную борьбу крестьян — владельцев земли, то «послесиньхайское обновление» аграрно-правовой сферы сделало то же самое с арендаторской частью деревни. В результате к началу 20-х годов произошло как бы соединение обоих потоков недовольства, поднявшее все крестьянство на защиту своих интересов. Этот процесс развивался как «по-старому» — под влиянием роста налогового бремени, так и «по-новому» — через лишение средневековых держательских прав и усиление арендных тягот. Таким образом, крайне умеренный переворот 1911–1913 гг., менее всего нацеленный на радикальное решение земельного вопроса, создал предпосылки для «аграрной революции», т.е. новой крестьянской войны.

«Аграрное обновление» в 1913–1919 гг. находилось в самой начальной стадии. Тем не менее этих семи лет оказалось достаточно, чтобы крестьянство поняло, что такого рода модернизация прежде всего является наступлением на его традиционные права, что новые порядки хуже старых и нужен возврат к былой «справедливости». В результате назревал новый

подъем крестьянского движения. В итоге «аграрное обновление» способствовало обострению социально-политической ситуации.

В ходе «аграрного обновления» на смену прежним «справедливым» обычаям пришел чистоган, лишенный конфуцианских этических норм, рыночный характер земледелия все глубже проникал в сферу аренды. Новая обстановка в деревне ускорила обуржуазивание части шэньши и иных землевладельцев, а также стимулировала социальное расслоение в крестьянской среде. Таким образом, несмотря на то что синьхайский переворот был в основном явлением городским, его постепенное воздействие на земледельческое население было достаточно заметным. Более того, если в годы мировой войны в городах на первый план вышло воздействие военной конъюнктуры, то деревня в известном смысле больше испытывала последствия верхушечной политической модернизации.

«Золотое время» буржуазии

Синьхайские перемены по-разному повлияли на различные слои общества. Господствующий блок крупных землевладельцев-шэньши и местной бюрократии принял синьхайский переворот со смешанным чувством. С одной стороны, он был удовлетворен умеренностью перемен и в особенности тем, что аграрный вопрос не был поставлен на повестку дня. Но с другой — произошедшая «раскачка» системы и особенно рост крестьянского движения пугали его. Эти силы требовали наведения «порядка» в стране, причем крайне правое крыло стремилось, хотя и безуспешно, к восстановлению монархии. На этой почве в среде господствующего класса и близкой к нему «старой» интеллигенции обозначился резкий поворот к реакционным политическим и идеологическим концепциям. Эта волна захватила и буржуазную элиту. Здесь сказалась «откатная волна» после переворота, испуг крупных капиталовладельцев перед подъемом демократического движения масс, боязнь дальнейшего «пробуждения» социума. Вместе с тем крупная буржуазия и обуржуазившиеся землевладельцы, удовлетворившие с установлением республики свои поверхностные политические интересы, направили свою активность в экономическую сферу, пользуясь благоприятной рыночной конъюнктурой военных лет.

Во время синьхайского переворота слабая китайская буржуазия не пробилась к власти, которая перешла к бэйянскому блоку чиновников, милитаристов, крупных землевладельцев и политиканов весьма правого толка при поддержке буржуазной элиты. Умеренность политического переворота и консерватизм новой власти в целом соответствовали уровню социального развития шэньшиско-буржуазного блока и его политическим представлениям. Менее всего бэйянский режим выражал интересы и чаяния низовых «массовых» слоев буржуазии. Последние, так же как и предпринимательская элита, ждали наведения порядка внутри страны,

пробуржуазной экономической политики, активного поощрения национального грюндерства.

Особо остро для буржуазии Китая стоял вопрос о политике по отношению к империализму и иностранному капиталу. При этом отдельные фракции буржуазной элиты, прежде всего компрадорская и реэмигрантская, с почтением взирали на капиталистический Запад, видя в нем пример для подражания и возможного союзника. Однако отношение шэньшиско-бюрократической части крупных буржуа к державам было более прохладным и настороженным. Еще менее «прозападным» был настрой фракции крупных дельцов местного торгово-ростовщического мира. Что же касается представителей среднего и мелкого национального предпринимательства, то эта среда была настроена резко антииностранно, не говоря уже о городской и сельской мелкой буржуазии. Буржуазная среда в целом ожидала от республиканской власти защиты китайского рынка от иностранной экспансии и укрепления национального суверенитета Китая. Между тем бэйянская власть в еще большей степени зависела от империализма, чем цинский режим, что увеличивало отчужденность буржуазных слоев и враждебность широких масс народа по отношению к пекинским и местным милитаристам.

С установлением новой власти материальное положение фабричных и мануфактурных рабочих практически не изменилось. Новый республиканский режим ничего не дал мелкой буржуазии города и деревни — ремесленникам и мелким торговцам. Что касается положения основной массы населения — крестьян, то оно явно ухудшалось. Военные поборы, повинности, произвол, грызня между различными кликами, в первую очередь так называемая гражданская война между Севером и Югом 1917—1918 гг., — все это сказывалось на мелкобуржуазной среде города и деревни. Рост недовольства сопровождался усилением демократических сил, остро переживавших дальнейшую распродажу бэйянским режимом национальных интересов Китая.

Исторические возможности и реальные задачи переворота 1911—1913 гг. были крайне ограниченными. Так, аграрный вопрос и лозунг ликвидации империалистического гнета практически не ставились. Тем не менее, выполнив самые необходимые первоочередные задачи, синьхайский переворот привел к убыстрению темпов общественного развития Китая в его основных сферах — социально-экономической, политико-идеологической и культурной. Падение цинской монархии означало устранение наиболее архаического препятствия на пути модернизации Китая и роста национального капитализма.

Со свержением старого режима предпринимательские слои связывали самые радужные надежды на изменение экономической политики республиканской власти. Буржуазию и шэньши обнадеживал тот факт, что в республиканском правительстве уже имелись представители буржуазной элиты — банкир Лян Ши, миллионеры-промышленники Чжоу Сюэси

и Чжан Цзянь, получившие посты министра финансов и министра земледелия и торговли. При этом Чжан Цзянь провозгласил «политику хлопка и железа», т.е. поощрения отечественного предпринимательства. Деловые круги с восторгом встретили обещание Юань Шикая вложить из средств казны 20 млн. юаней в развитие национальной индустрии. Бэйянское правительство давало много такого рода обещаний, широко афишировалось показное содействие крупных чиновников, но до коренных изменений во внешнеэкономической и фискальной политике дело не дошло. Тем не менее установление республики воспринималось буржуазией как очистительная акция, которая должна была открыть новые горизонты для развития национального капитализма. Как следствие этого, расширилось создание различных союзов, обществ, ассоциаций, нацеленных на стимулирование промышленности и торговли.

Еще не до конца успели развеяться надежды короткой «парламентской весны» 1912–1913 гг., как в Китае сложилась необычайно благоприятная экономическая конъюнктура, созданная мировой войной, наступило так называемое золотое время 1915–1919 гг. Поскольку их желания в политической сфере не получили полного удовлетворения, деловые круги Китая торопились наверстать упущенное в коммерческой сфере, резко активизировав свою деятельность. «Процветание», которое обещало, но не могло дать бэйянское правительство, буржуазные слои получили в годы мировой войны. Синьхайский переворот подготовил почву для «золотого времени», без него китайские предприниматели и обуржуазившиеся шэньши не смогли бы столь эффективно использовать благоприятную конъюнктуру 1915–1919 гг. Последняя же, в свою очередь, поддерживала послесиньхайский настрой деловых кругов в течение ряда лет. В результате оба начала оказались на время неотделимы друг от друга.

Вместе с тем переворот 1911–1913 гг. не принес Китаю освобождения от империалистической зависимости. Более того, в эти годы иностранные банки усилили свое влияние, установив международный контроль за поступлениями от соляного налога и предоставив Китаю новые займы (в том числе крупнейший реорганизационный заём 1913 г.) на кабальных условиях. Кроме того, период от синьхайского переворота до начала мировой войны стал вторым после 1896–1898 гг. этапом борьбы империалистических держав за захват железнодорожных концессий в Китае. В результате второй «битвы за концессии», происходившей с июля 1912 по май 1914 г., державы навязали Китайской республике 13 железнодорожных займов и авансов, носивших еще более кабальный характер. Эти займы сильно ударили по надеждам китайской буржуазии и обуржуазившихся землевладельцев, боровшихся за самостоятельное железнодорожное строительство. Однако бэйянское правительство не смогло обеспечить для отечественного грюндерства протекционистской политики, защитить национальные экономические интересы.

Обстановка же мировой войны неожиданно помогла оградить китайский рынок от торговой эксплуатации индустриальных держав. Война

прервала наметившееся усиление иностранного сектора, затормозив деловую активность европейского капитала в Китае и заметно изменив экономические позиции держав в этой стране. В годы войны Англия, Франция и царская Россия, поглощенные войной в Европе, ослабили экономическую экспансию в Китае. Позиции Германии были практически ликвидированы. В результате резко изменилось положение национального капитализма, для которого в условиях товарного голода наступило «золотое время», «славный период» более или менее самостоятельного развития. Ослабление иностранной конкуренции на внутреннем рынке Китая привело к интенсификации различных форм капитализма в промышленности, в том числе в ремесленном производстве города и деревни. В годы войны для китайских фабрик как на внутреннем, так и на международном рынке уменьшилась конкуренция товаров европейских стран, поскольку их промышленная продукция стала идти главным образом на собственные, преимущественно военные нужды. В то же время возросла заинтересованность мирового рынка в китайском сырье. Как со стороны воюющей Европы, так и со стороны Японии и США увеличился спрос на некоторые китайские товары и сырье.

Мировая война, сократив производство в европейских странах в гражданских отраслях, ослабила вывоз их товаров в страны Азии, в том числе и в колонии, содействуя тем самым подъему китайской промышленности и увеличению экспорта. Так, сокращение экспорта английских хлопчатобумажных тканей и пряжи в страны тихоокеанского бассейна способствовало значительному росту спроса на китайские ткани и пряжу в странах Юго-Восточной Азии, создав дополнительные условия для строительства текстильных фабрик в Китае. Всего же за десятилетие 1910–1920 гг. экспорт хлопчатобумажных тканей из Китая по стоимости увеличился более чем в 2 раза. В товарной структуре китайского экспорта произошли заметные сдвиги, прежде всего за счет роста его новых статей. Значительно увеличился вывоз фабричной продукции — готовых изделий и полуфабрикатов. Необычайно резко возрос вывоз продукции горнодобывающей промышленности, как ручной, так и механизированной. В связи с этим на структуре китайского импорта все отчетливее стало сказываться развитие национального капитализма. Удельный вес средств производства, особенно машин и инструментов, увеличился.

Тем не менее деловые круги Китая столкнулись с проблемой отрицательного влияния мировой войны, создавшей значительные помехи в развитии национального капитализма. Главной из них была нехватка машинного оборудования, инструментов, в меньшей степени — двигателей. В связи с войной их ввоз в Китай замедлился, в то время как спрос на них со стороны активизировавшейся местной буржуазии и шэньши значительно возрос. Это препятствие ощущалось вплоть до 1919 г., вынуждая китайских дельцов создавать преимущественно производственные мелкие объекты. В результате рост фабричного капитала отставал от количественного роста предприятий и рабочей силы.

В целом экспортные возможности и внешний рынок играли второстепенную роль в хозяйственном подъеме 1915–1919 гг. Основной причиной роста промышленности Китая было расширение прежде всего внутреннего рынка в результате сокращения европейского экспорта.

Период мировой войны 1914–1918 гг. и последующие два года занимают особое место в истории механизированной и фабричной промышленности Китая. Никогда ранее рост передовых до того времени экономических форм не проходил в столь продолжительной для Китая (пяти-шести лет) «тепличной» обстановке. Никогда ранее рост фабрик, шахт и рудников не был столь заметным, как в период между окончанием синьхайского переворота и 1920–1921 гг. Динамика фабричного развития свидетельствует, что результаты 1915–1919 гг. и отчасти 1920 г. далеко превосходили не только подъем 1895–1898 гг., но и все достижения, полученные в ходе движения «за возвращение прав» 1905–1908 гг., которое практически поставило на ноги до того совершенно бессильную китайскую буржуазию. Последняя в целом весьма успешно использовала «уход» многих европейских товаров с китайского рынка, хотя китайский капитализм в годы войны развивался на нищенской технической базе. Тем не менее с 1912 по 1916 г. число зарегистрированных паровых, дизельных и электродвигателей увеличилось почти втрое, а их мощность — почти в 5 раз. С 1913 по 1920 г. национальный капитал в 23 отраслях легкой промышленности построил 675 новых предприятий. Усиление позиций машинного капитализма наблюдалось и в горнодобывающих отраслях, особенно в угледобыче, так как мировая война значительно подняла цены на топливо. Количество угольных шахт, открытых китайцами, за период 1913–1919 гг. увеличилось вдвое.

Торгово-промышленная буржуазия Китая считала годы Первой мировой войны своим «золотым временем», «славным периодом», «невиданным расцветом». Источники тех лет свидетельствуют о прибыльности, иногда очень высокой, машинного и дофабричного производства, особенно в 1915–1917 гг., а по некоторым отраслям и в 1918–1919 гг. В этот период отмечались наибольшие обороты сырья и готовой продукции, хороший сбыт и растущие прибыли на вложенный капитал. В итоге рост национального фабричного предпринимательства в годы мировой войны и после нее привел к невиданному до этого подъему, иногда именуемому «промышленной революцией». Последняя далеко превосходила грюндерство 1905–1908 гг. В целом с 1913 по 1920 г. число китайских предприятий увеличилось более чем в 2,5 раза, число занятых на них рабочих — вдвое, фабричный капитал — в 1,5 раза. Рост фабрик значительно превышал рост капиталовложений и привлечение рабочей силы. В этом заключалась особенность военных лет — развитие капитализма в Китае шло за счет создания мелких предприятий, в первую очередь ручной промышленности.

Вместе с тем конъюнктура, созданная войной, отодвинула, а в некоторых случаях сняла саму возможность вытеснения низших форм капитализма высшими (мануфактуры — фабрикой, раздаточной системы — мануфактурой), создав дополнительные условия роста отсталых форм. За

эти годы капитализм в Китае, в значительной мере лишенный импортного оборудования, рос вширь, главным образом в виде надомной раздаточной системы. Более того, конъюнктура создала условия для выживания и даже экстенсивного расширения производства на базе старой техники. Тем не менее рост мануфактурного производства в годы войны сопровождался некоторыми технологическими сдвигами. Наиболее значительным явлением стала замена старой деревянной техники новой — металлическими станками, преимущественно иностранного производства.

Конъюнктура 1915–1918 гг. ускорила перерастание мануфактур в предприятия фабричного и полуфабричного типа. Заметно увеличилось оснащение таких предприятий двигателями и машинами. Техническое переоснащение наиболее перспективных мануфактур, вступивших на путь превращения в фабрику, ускорило притоком новых капиталов. Новая хозяйственная обстановка и временное упрочение денежно-кредитного рынка способствовали дальнейшему переливанию старого ростовщического капитала в текстильное производство. Местные торговцы, землевладельцы и шэньши открывали различные мануфактуры. В разных районах этому способствовали свои причины, в частности переселение крупных землевладельцев (в том числе шэньши) из деревни в города.

В этот период отмечалась небывалая активизация китайской буржуазии, торговцев и землевладельцев, прежде всего шэньши. С 1912 по 1919 г. было официально зарегистрировано создание свыше 600 различных компаний, т.е. в 1,5 раза больше, чем за предшествующие восемь лет. Важнейшей особенностью этих лет стало широкое устремление в промышленность купеческого капитала. Начался массовый приток инвестиций торгового слоя, прежде всего в новые хлопкопрядильные фабрики, основными пайщиками которых становятся торговцы хлопком, пряжей и тканями. В связи с этим наметились некоторые структурные сдвиги, в частности несколько сократился разрыв между элитными группами крупных буржуа и низовыми слоями предпринимателей.

Рост промышленной буржуазии дополнялся значительными успехами национального капитала в сфере кредита. Общий денежный фонд отечественных банков возрос почти вдвое по сравнению с предвоенными годами. Быстро росла концентрация коммерческого капитала в его новых организационных формах. Фонды торговых компаний в 1913–1918 гг. увеличились в 3 раза, а их накопления — почти в 6 раз. Столь же впечатляющими были успехи национальных пароходных компаний, число которых резко увеличилось. Китайская буржуазия в «золотые времена» окрепла экономически. Национальный сектор к 1920 г. охватывал более 1,7 тыс. фабрично-заводских предприятий. К 1919 г. всего по стране насчитывалось 1,2 тыс. торгово-промышленных фирм и объединений. По сводным данным, общий капитал всех зарегистрированных промышленных, торговых, банковских, сельскохозяйственных и иных компаний с 1913 по 1918 г. возрос вдвое.

Дополнительные выгоды принесли китайской буржуазии антияпонский бойкот 1915 г. и движение «поддержки отечественных товаров». Семиме-

сячный бойкот, продолжавшийся с февраля по сентябрь, привел к сокращению ввоза японских товаров в Китай на одну треть по сравнению с первой половиной 1914 г. Антияпонская кампания нанесла временный урон торговой и предпринимательской деятельности японцев в Китае. Закрылась часть их предприятий, сбывавших свою продукцию на китайском рынке. Бойкот был крайне выгоден китайским купцам и предпринимателям. Антияпонское движение 1915 г. способствовало появлению новых предприятий, ориентированных на временный искусственно созданный спрос со стороны патристически настроенных землевладельцев, шэньши, торговцев, студентов и крестьян. Бойкот содействовал количественному росту буржуазии и ее организационному укреплению. На этот период приходится быстрый рост числа «торговых союзов» (*шанхуэй*) и их членов. Будучи основным организационным объединением предпринимательского слоя, «торговые союзы» приобщали к буржуазии нового толка чиновников, кулцов, средних торговцев и верхушку торговых гильдий, ремесленных цехов и ростовщических корпораций (*хан, бан, хуэйгуань, яхан*).

Национальная буржуазия росла за счет своей деревенской «периферии». Усилившееся переселение шэньши и иных землевладельцев в город увеличивало их участие в коммерции и предпринимательстве, а также в деятельности «торговых союзов». Вместе с тем наблюдалось обуржуазивание части чисто «деревенских» рентополучателей — за счет скупки зерна и сырья, создания сельских мастерских, мануфактур и лавок, за счет найма батраков и поденщиков, а также участия в разного рода сельскохозяйственных компаниях. Общий акционерный капитал последних за годы войны возрос в целом по стране в 1,5 раза. Кроме того, землевладельцы усилили перевод своих накоплений в городские банки. С ростом рыночного характера земледелия и деревенских промыслов усилились капиталистические тенденции в самой крестьянской среде. В обстановке «золотого времени» резко активизировалась деятельность торгового капитала в сфере крестьянской промышленности. Расширялась и крепла среда мелких и мельчайших предпринимателей — скупщиков, раздатчиков надомной работы, посредников, хозяев деревенских мастерских, торговцев сырьем и местных агентов городских фирм. Все эти новые явления в деревне не поколебали господства старых основ сельской жизни, но вместе с «аграрным обновлением» стали важным слагаемым обстановки военных лет.

Роль внутренних и внешних факторов

Синьхайский переворот, обстановка «золотого времени» и массовое движение 1915 г. привели к росту «околобуржуазного» окружения. Речь идет о новом офицерстве, новой интеллигенции, прежде всего студенчестве и учащихся школ. Поднялась активность мелкобуржуазной среды — ремесленников и мелких торговцев, деятельных участников антияпонского бойкота. Под воздействием «золотого времени» в кругах торгово-промышленной буржуазии Китая, а также мелкой буржуазии и интелли-

генции крепили надежды на сохранение и продление благоприятной внутренней конъюнктуры, на улучшение после войны внешнеполитических позиций Китая, желание оздоровить внутреннюю обстановку в стране. Эти слои и классы, только что пережившие политическую ломку, очень болезненно относились к ущемлению национальных интересов Китая и к действиям местной реакции, не способной оградить суверенитет страны от натиска империалистических сил. Создание республики и события мировой войны повысили политическое самосознание китайского общества, подняв идеи патриотизма и национализма на новую, более высокую ступень.

Между тем надежды на возрождение независимого и процветающего Китая уже в ходе войны подверглись серьезным испытаниям в связи с расширением японской экспансии, в том числе экономической. Географическая близость, наличие значительной военной и финансовой силы создавали японскому империализму наилучшие условия для наступления на Китай.

Начиная с 1916 г. Япония стала основным импортером Китая, а японская индустрия — основным конкурентом и противником национальной промышленности. Оправившись от бойкота 1915 г., Япония значительно увеличила ввоз в Китай хлопчатобумажных тканей, пряжи, сахара, бумаги и ряда других изделий. Если временный «уход» европейских товаров с китайского рынка, особенно в 1914 и 1917 гг., был своего рода «праздником» для национальной буржуазии, то товарное наступление японской и отчасти американской продукции реально грозило сорвать промышленное «возрождение» Китая. Вторжение японского капитала на «освободившееся» место прежних «хозяев» во многом ухудшило благоприятную ситуацию, создавшуюся в годы войны. Вместе с тем полоса так называемых займов Нисихары 1917 г. усилила финансовую и политическую зависимость Китая от Японии.

Китайская буржуазия, привыкшая к хозяйничанью старых «традиционных» грабителей в лице английского, французского и бельгийского капитала, крайне нервно встретила приход нового хищника. Стремительный рост японской торговли и предпринимательства создал серьезную конкуренцию местному производству и сократил поле деятельности китайской буржуазии.

С окончанием в 1918 г. мировой войны и усилением конкуренции европейской продукции изменилась хозяйственная конъюнктура, в результате чего «золотое время» китайской экономики подошло к концу.

Существенное изменение рыночной конъюнктуры, наступившее в 1918–1920 гг., определялось в Китае следующими моментами. Во-первых, усилилась конкуренция иностранных фабрикантов в связи с тем, что на китайский рынок стали «возвращаться» те товары, которые в годы войны частично «ушли» с рынка. Во-вторых, усиление спроса мирового рынка подняло цены на некоторые виды китайского сырья, ударив тем самым прежде всего по местным текстильным предприятиям. В-третьих, к 1918–1919 гг. не во всех экспортных отраслях китайской промышленности, особенно в чайной, успела установиться довоенная конъюнктура. Наиболее

значительным был в 1918–1920 гг. спад в текстильных отраслях ручной промышленности, что болезненно повлияло на мелкий и средний торговый капитал, на вложения землевладельцев и шэнши в дофабричную сферу. Рост импорта и конкуренция европейских, японских и американских фабрикатов в 1918–1920 гг. ударили по многим отраслям промышленности Китая. Банкротства, закрытие предприятий стали обычным явлением.

Спад в фабричной промышленности наступил позднее — в 1920–1921 гг. Китайская буржуазия, получавшая в годы войны большую прибыль, теперь жаловалась на вздорожание сырья, повышение издержек производства, убытки и на вынужденное закрытие предприятий. Наступил период горького похмелья и озлобления буржуазии, усилив ее антииностранные настроения. Экономический спад начала 20-х годов вошел составной частью в процесс назревания очередного циклического кризиса.

Начиная с 1918 г., когда благоприятная конъюнктура военного времени стала сходить на нет, а «процветание» сменилось увяданием, с прежней силой дали о себе знать внутренние трудности и органическая слабость, присущие низшим формам капитализма. Тяжесть внутренних таможенных пошлин — *лицзиня* и других поборов, мало ощущавшаяся в период экономического подъема, проявилась с новой силой.

Вместе с тем наряду с позитивными последствиями стали проявляться и негативные стороны воздействия синьхайской ломки на китайское общество. Так, именно переворот 1911–1913 гг. открыл дорогу местному милитаризму. В результате произошел переход от пассивного провинциального регионализма старого типа к росту самостоятельности милитаристских вотчин. Состояние внутреннего рынка осложнялось также военными действиями и политической напряженностью то в одних, то в других провинциях. Такая обстановка особенно ухудшилась после начала так называемой гражданской войны между Севером и Югом в 1917–1918 гг. Господство милитаристских клик и междоусобные войны, поддерживаемые империалистами, приносили огромные беды населению. За годы мировой войны милитаристские войска сильно разбухли, соответственно за счет увеличения налогового бремени возросли военные статьи общегосударственного и провинциальных бюджетов.

Культура Китая XIX — начала XX в.

Во второй половине XIX и начале XX в. в китайской культуре сохранялось абсолютное господство традиционности в сочетании с архаикой. Во всем письменном творчестве, в учебе и издательском деле монопольное положение все еще занимал литературный язык *вэньянь*. Трудный для усвоения и непонятный на слух, этот мертвый язык сковывал развитие духовной сферы. На близком к разговорному языку, так называемом старом *байхуа*, создавалась лишь часть художественной прозы. В литературе и искусстве господствовали жанры, формы и художественные приемы древности и средневековья. Так было в поэзии, театре, живописи, архитектуре и скульптуре.

В живописи формальное подражание мастерам прошлого сочеталось с отрывом от реальной жизни. Как и прежде, художники создавали свои картины черной тушью и водяными красками на шелке и бумаге. Это были либо вертикальные, либо горизонтальные свитки. Все мастера придерживались старых, привычных жанров, сюжетов и приемов живописи. Многие художники демонстрировали виртуозное владение кистью, их картины поражали гармоничностью композиции и изысканностью колорита. Однако при высоком техническом мастерстве отсутствовали новаторство, самостоятельная авторская манера, особая жизненная позиция. Так было в жанрах «цветы и птицы», «горы и воды», «люди и вещи», в портретном и т.д. Крупным мастером традиционной живописи XIX в. был Жэнь Бонянь, обладавший редким чувством цветовой гаммы. Влияние этого мастера сказалось в творчестве всех значительных художников конца XIX и начала XX в. В народном лубке преобладали религиозные, благопожелательные и театральные сюжеты, с конца XIX в. появились сценки из повседневной жизни. Однако традиционные формы лубка не позволяли ему отразить реальную жизнь и исторические события. После падения цинской монархии на смену ремесленному ученичеству приходят современные художественные школы и объединения. Первые правительственные училища такого рода были созданы в Пекине и Ханчжоу, а затем возникли и частные школы живописи.

В XIX в. традиционная скульптура существовала в двух видах — дворцовом и храмовом. Дворцовая была представлена статуями — стражей

ворот, сановников, военачальников и животных вдоль Священной дороги, ведущей к императорским могилам. К этому виду относились также изображения львов, стерегущих ворота, фантастических зверей — защитников от злых духов и символических животных — драконов, львов, львиц и черепашек. Храмовая скульптура, являясь частью культового искусства в буддийских, даосских и синкретических храмах, была представлена статуями будд, бодхисатв — либо в стоящем, либо в сидящем положении — на алтарях и на пьедесталах, статуями Гуаньинь, других божеств, различных идолов, служителей ада, а также фантастических львов — стражей храма.

Традиционная архитектура была представлена преимущественно в культовых и дворцово-парковых сооружениях. Это были храмы, кумирни, алтари, гробницы, павильоны, беседки, галереи, арки, башни и мосты. Перегруженные обилием ярко раскрашенных орнаментальных деталей, эти сооружения повторяли собой средневековые канонические образцы зодчества. Во второй половине XIX в. появляется архитектура западного типа. Административные и общественные здания, помещения банков, фирм и контор, построенные по европейскому образцу, возникли сначала на территориях иностранных селтльментов и концессий. Затем их стали возводить и в китайской части «открытых» портов и крупных городов. Главными очагами западной архитектуры остались иностранные концессии и селтльменты в «открытых» портах — Гуанчжоу, Шанхае, Шантоу, Циндао, Тяньцзинь и особенно Гонконге. Здесь возникли целые кварталы, застроенные на европейский лад. В этом плане наиболее показательной стала набережная р. Хуанпу в Шанхае, где воздвигались массивные здания крупных банков и компаний.

Падение цинской монархии и установление республики вызвали к жизни движение за обновление китайского искусства. Передовые деятели культуры ратовали за его приближение к реальной жизни, за обретение им общественной значимости, за отказ от религиозной ограниченности. Так, ректор Пекинского университета буржуазный демократ и просветитель Цай Юаньпэй в антирелигиозной пропаганде особую роль отводил эстетическому воспитанию. По его мнению, искусство должно заменить собой религию. Для этого он стремился создать в стране современную систему эстетического и художественного воспитания. При Пекинском университете Цай Юаньпэй организовал Художественное общество, где читал лекции по европейскому искусству. В 1918 г. на базе этого общества возникла Пекинская школа изобразительного искусства. В первые годы после падения монархии стали создаваться и другие художественные школы нового типа.

В связи с тем, что многие столетия Китай был изолирован от Европы, китайцы мало что знали о Западе, имели крайне искаженные и даже нелепые представления о нем. Когда с 40-х годов XIX в. начались войны с «заморскими варварами», оказалось, что в Китае о них почти ничего не известно. Дабы восполнить этот пробел, Линь Цзэсюй написал в 1840 г. книгу «О четырех материках» («Сычжоу чжи»). В 1846 г. Вэй Юань опубли-

ликовал работу «Карты и описания заморских стран» («Хайго тучжи»), посвященную европейским государствам. В 1841 г. вышло сочинение Ван Вэньтая «Исследование о рыжеволосых англичанах» («Хунмао ипцзили каолюз»). Эти авторы, по сути ставшие первыми популяризаторами «западных наук» в Китае, неизменно подчеркивали превосходство китайской мудрости над достижениями Запада. В 80-х годах сановник Чжэн Гуаньинь выдвинул лозунг: «Китайская наука — основа, западная наука — практическая польза». Такая постановка вопроса не задевала самолюбия традиционной китайской элиты и открывала дорогу к научному багажу Западной Европы.

Поражения в «опиумных» войнах вынудили маньчжурских правителей начать в русле политики «самоусиления» своего рода реформы в сфере образования. В 1862 г. в Пекине при Ведомстве внешних сношений была создана первая правительственная школа для изучения иностранных языков — «Тун вэнь гуань». В следующем году аналогичные школы были организованы в Шанхае и Гуанчжоу. С 1862 по 1892 г. в различных городах Китая было основано 17 различных учебных заведений для изучения иностранных языков, навигации, инженерного дела, телеграфной связи, медицины и военного дела. В 1895 г. в Тяньцзине была учреждена «Китайско-европейская школа» с двумя отделениями — подготовительным и специальным. Первые четыре года здесь обучали иностранным языкам, а следующие четыре — специальным предметам. В Шанхае был создан знаменитый Наньянский колледж, имевший три отделения — низшее, среднее и высшее. Однако уровень подготовки специалистов оказался там крайне низким. Дело в том, что в эти учебные заведения брали людей с традиционной подготовкой, т.е. со знанием древних классических текстов, слепым следованием средневековым канонам и отсутствием самостоятельного мышления. Они плохо воспринимали современные знания в области точных и гуманитарных наук. Более того, Китай в течение всего XIX столетия и в начале XX в. оставался зоной неграмотности. От 80 до 90% взрослого населения не умели читать и писать. Так было не только в деревнях, но и в городах. Массовая неграмотность способствовала прочному господству традиционной «устной» культуры с присущими ей великодержавным шовинизмом, ксенофобией, суевериями и мистикой. Низкий культурный уровень населения мешал распространению знаний современного типа. В итоге перед Китаем встала задача создания системы образования по западному образцу с массовым начальным обучением и ликвидацией неграмотности.

Первая попытка модернизировать систему образования была предпринята в период «ста дней реформ» 1898 г. В ходе этого движения были опубликованы указы о посылке молодых людей на учебу за границу и организации начальных и средних школ. Последний указ был затем отменен. Реформаторы ратовали за равные права на образование и введение системы профессионального обучения. В 1898 г. были основаны Пекинский

университет и первая средняя школа нового типа. В 1902 и в 1903 гг. особыми указами была введена новая система образования по западному образцу. Она состояла из пяти ступеней. Первой служила пятилетняя начальная школа, второй — четырехлетняя «высшая начальная школа» и профессионально-технические училища, третьей — пятилетняя средняя школа. К ней приравнивались пятилетние педагогические училища и средние двух-трехлетние профессионально-технические училища. Четвертой ступенью были университеты и высшие специальные колледжи со сроком обучения от трех до пяти лет. И наконец, пятый уровень создавали колледжи «дальнейшего усовершенствования» для окончивших университет. Вместе с подготовительными курсами университетское обучение длилось пять-шесть лет. Разница между университетом и колледжем состояла лишь в сроках обучения.

Система 1902–1903 гг. была крайне запутанной и несовершенной, являя собой яркий пример синтеза двух начал — традиционного и современного. Так, вплоть до 1907 г. совершенно отсутствовало женское образование. В новой системе почти три четверти учебного времени отводилось преподаванию доконфуцианской и конфуцианской классики и традиционной этики. Главными целями были воспитание верности престолу и почитание Конфуция. Реформа затронула сферу начального обучения. В городах с 1906–1907 гг. функционировали три вида начальных школ: первый — пятилетние школы с полным курсом обучения; второй — трех-четырёхлетние с кратким курсом для детей из бедных семей, и третий — школы с более сокращенной программой, где занятия шли полдня.

С проведением реформы 1902–1903 гг. впервые в истории Китая была законодательно признана необходимость женского образования. Началось изучение и преподавание естественных и точных наук. Принципы организации и методы обучения пришлось заимствовать у Западной Европы, США и Японии. К 1910 г. в Китае уже имелось три университета — Пекинский, Бэйянский в Тяньцзине и Шаньсийский в Тайюане. Кроме того, функционировало около 50 колледжей, высших педучилищ и технических школ. Общее число студентов в сфере высшего образования к 1911 г. превысило 8 тыс. В связи с низким уровнем подготовки абитуриентов массовый характер приобрели командировки учащихся за границу — в Японию, США и Западную Европу. Большую роль играло миссионерское образование. После ихэтуаньской катастрофы 1901 г. усилилось насаждение христианства в Китае. Стало быстро расти количество миссий и миссионеров — католических и протестантских. Миссионеры строили не только храмы, но и больницы, госпитали, лазареты, приюты, детские сады и ясли. Открывались христианские учебные заведения — колледжи, средние, низшие и начальные школы, где китайцы могли получить европейское образование.

С назначением в 1912 г. министром просвещения Цай Юаньпэя процесс модернизации образования заметно ускорился. Республиканское правительство провозгласило право всех граждан на образование, отме-

нило культ Конфуция и обязательное изучение канонических сочинений в начальной школе. С падением монархии отпало и требование воспитания преданности престолу. Тем самым из сферы преподавания исчезли ключевые принципы идеологии традиционного Китая. При старом режиме создание частных учебных заведений нового типа было запрещено. Республиканское правительство отменило этот запрет. Начиная с 1912 г. появились частные учебные заведения, построенные богатыми китайцами, общественными организациями и иностранными миссионерами. В том же году в школьные программы был включен ряд новых предметов, в том числе сугубо практического плана. Среди них были курсы земледелия и коммерции. Началась подготовка системы начального образования для неграмотных взрослых.

В 1917–1919 гг. в начальных школах обучалась лишь десятая часть всех детей школьного возраста. Уровень подготовки здесь был низким, равно как и уровень самих учителей. Школы финансировались по остаточному принципу. Во многих провинциях средств на образование не хватало. Зарплата учителей оставалась ниже прожиточного минимума, и ее не выдавали по нескольку месяцев. Учителя старой формации не справлялись с новыми программами. В результате реформа образования шла здесь с большим трудом и затронула только ханьское население. В районах же национальных меньшинств не было ни одной школы нового типа.

После падения монархии получила развитие и средняя школа. В 1917–1919 гг. уже существовало более 700 средних общеобразовательных школ и профессиональных училищ с общим числом учащихся до 140 тыс. человек. Однако здесь также не хватало оборудования и квалифицированных преподавателей. Такие же трудности испытывала и высшая школа Китая. Только четверть вузов как-то соответствовали западным стандартам, а остальные, по сути, являлись средними специальными учебными заведениями. К тому же с приходом к власти Юань Шикая началось преследование прогрессивных преподавателей и передового студенчества, что резко затормозило развитие реформ.

Модернизация сферы образования охватила преимущественно города приморских провинций. Современные формы обучения были доступны только молодежи из материально обеспеченных семей. Реформа почти не затронула глубинные районы страны, где сохранилось полное господство традиционных форм конфуцианского образования с присущей ему зубрежкой древних канонов и средневековых текстов, с насаждением конфуцианской этики.

Что касается китайского книгопечатания XIX в., то в этой сфере полностью господствовала ксилография. Начиная с 1814 г. европейскими миссионерскими и парижскими литейщиками было предпринято несколько неудачных попыток ввести иероглифический подвижной металлический шрифт. В 1860 г. американский миссионер У.Гэмбл впервые применил для его изготовления электролитный метод, расположив шрифт в наборных

кассах по ключам иероглифов и частоте их применения. Данный метод быстро завоевал всеобщее признание. В 1876 г. в Китае впервые было введено литографское производство, получившее с 80-х годов особенно широкое распространение. С внедрением европейских методов печатного дела, особенно цветной литографии, китайская книга в конце XIX — начале XX в. радикально изменила свой внешний вид.

Издательства и типографии, созданные европейскими и американскими миссионерами, стали очагами подготовки китайских кадров — печатников, редакторов, менеджеров и предпринимателей.

В третьей четверти XIX в. цинским правительством создаются издательские центры западного типа с новой техникой печатного дела в Пекине, Цзинане, Нанкине, Ханчжоу и других городах. Крупным событием стала организация частного издательства «Шанью» («Коммерсиал пресс»), сыгравшего огромную роль в модернизации китайской культуры. Росту китайских издательств, редакций газет и журналов содействовали движение за реформы, «новая политика» династии, развитие капитализма, падение монархии и «золотое время» китайской буржуазии.

Основы современной прессы в Китае заложили европейцы. Первой газетой подобного типа была «Кантон рэджистер», издававшаяся в Гуанчжоу с 1827 по 1841 г. Позднее, с 1835 по 1839 г., там же стала выходить «Кантон пресс». Большой размах получила миссионерская периодика, особенно на китайском языке. Пропагандируя христианство, миссионерская пресса знакомила китайцев с западной наукой, техникой и культурой. Первые журналы-ежемесячники издавались на китайском языке протестантами за пределами страны. В 1833–1837 гг. такой ежемесячник выпускали миссионеры К.Гюцлаф и Р.Моррисон в Гуанчжоу. Здесь же издавался англоязычный ежемесячник «Чайна репозитори» (1832–1851), освещавший разные сферы китайской культуры.

После торговых войн 40–50-х годов XIX в. расширилось издание иностранной, в основном англоязычной прессы в Гонконге и Шанхае. С 1861 г. начали выходить китайские издания этих газет либо китайские приложения к ним. Первые отечественные газеты, как и китайские выпуски европейской периодики, готовились в западных редакциях и типографиях. Работа в этих издательствах, типографиях и редакциях являлась хорошей школой для китайцев. Вскоре китайские газеты стали издаваться китайцами, овладевшими западным опытом или получившими современное образование за рубежом.

Первая ежедневная китайская газета появилась в 1858 г. в Гонконге. Там же в 1873 г. Ван Тао создал первую китайскую газетную компанию. Годом раньше в Шанхае англичане приступили к выпуску китайской газеты «Шэньбао». Китайские издатели, такие, как Ван Тао, У Тинфан, Жун Хун, в своих газетах резко критиковали массовую коррупцию цинской бюрократии и вели пропаганду реформирования архаичного госаппарата. К концу XIX в. эта периодика стала выразителем общественного мнения

прогрессивных кругов Китая. Борясь с преследованиями властей, новая пресса либо переносила свою базу под защиту иностранцев — на территории концессий и сэтльментов, либо возобновляла выпуск закрытых газет под другими названиями. В 1895–1898 гг. выходили семь газет реформаторского направления. Наиболее заметными из них были шанхайские «Субао» и «Шиубао». Кроме того, в Шанхае появились газеты просветительского направления, где освещались достижения западной культуры, промышленности, торговли, земледелия и точных наук.

Реакционный переворот 1898 г. привел к закрытию многих реформаторских газет. Наступил подъем официальной прессы, в том числе периодики различных министерств. Однако с начала XX в. прогрессивная пресса возобновила свое развитие. Появились газеты «Дагунбао», «Миньбао», ежемесячный журнал «Дунфан цзачжи». После падения монархии начался новый подъем прогрессивной прессы. В эти годы возникли сотни газет и журналов различных политических направлений. С 1915 г. особую роль в модернизации китайской культуры стал играть ежемесячник «Синь циньянь» («Новая молодежь»), издававшийся группой профессоров Пекинского университета во главе с Чэнь Дусю. С 1918 г. журнал перешел на разговорный язык.

С развитием периодических изданий — газет и журналов — в Китае появилась такая сфера общественной жизни, как журналистика, а с ней и жанр публицистики. В оборот вводится множество новых западных понятий, современная терминология, новые политические и философские идеи. Большое влияние на читающую публику оказывали статьи Лян Ци-чао, написанные живым и ярким языком. Появился и ряд революционных памфлетов. Развитие прессы вызвало к жизни такой вид графики, как карикатура. Жанр политической карикатуры возник после поражения Китая в войне с Японией, но его всплеск пришелся на время после падения монархии. Усиливалась обличительная направленность карикатуры. Объектом шаржа и бичующей сатиры становились общественные явления и политические события.

Модернизация сферы образования, становление современного книгоиздательского дела и появление массовой прессы делали далее совершенно нетерпимым господство в сфере культуры мертвого древнего языка *вэньянь* и чрезмерно сложной иероглифики. В XX в. в различных кругах китайского общества наблюдалась тенденция к упрощению китайской письменности. В торговой сфере и в кругах низового чиновничества получила широкое распространение замена сложных иероглифов упрощенными (*суцзы*). Был создан алфавит *гуаньхуа цзыму*, а в 1918 г. — фонетическо-слоговой алфавит *чжунь цзыму*, по типу японской азбуки *катакана*. С усилением модернизации Китая сфера применения архаичного элитарного *вэньяня* сокращалась под напором разговорного *байхуа*. Уже в 1919 г. основная масса периодических изданий и беллетристики, а также социально-политической литературы выходила на *байхуа*. В 1920 г. прави-

тельство, особым декретом признав *байхуа* национальным языком, стало внедрять его в школах.

В конце XIX столетия в Китай проникает европейская философия. Важнейшими проводниками западного влияния на философскую и политическую мысль Китая выступали студенты, возвращавшиеся на родину после обучения за границей. Они несли с собой новые знания и идеи и нередко становились переводчиками на китайский язык трудов европейских авторов. Среди них особую роль играл Янь Фу (1853–1921), известный своими переводами произведений Дж.-С.Милля, Г. Спенсера, Ш.Монтескье, А.Смита, Т.Гексли и др. Пропасть между традиционным китайским и современным западным понятийным аппаратом создавала огромные трудности при переводе. Приходилось использовать старые китайские категории, термины и понятия, слова, сходные по смыслу, что вело ко всякого рода искажениям. В этот период шел мучительный процесс выработки китайских аналогов западных философских и социологических понятий.

Началось изучение идеалистической философии И.Канта, Г.Гегеля, А.Шопенгауэра, Г.Спенсера, Дж.-С.Милля, А.Бергсона, Ф.Ницше и др. Так, кантианец и субъективный идеалист Чжан Дунсунь изучал А.Бергсона, У.Джеймса, Б.Рассела и Г.Риккерта. Крупный знаток китайской философии Чжан Цзюньлу стал последователем А.Бергсона. Известный китайский археолог, историк и филолог Ван Говэй склонялся к учению Шопенгауэра, изучал Канта и Ницше. Появилось множество философских статей о концепциях западных мыслителей. В университетах стали создаваться кафедры европейской философии. Успехом пользовались труды неокантианцев, неореалистов, представителей прагматизма и инструментализма — У.Джеймса и Дж.Дьюи. На первых порах в кругах новой интеллигенции был наиболее популярен социальный дарвинизм. Его ведущим популяризатором стал Янь Фу, познакомивший с ним Китай в своих переводах трудов Г.Спенсера и Т.Гексли.

Определенное распространение получил позитивизм. Лидером этого течения стал У Чжихуэй. Находясь под влиянием анархизма, он требовал развивать лишь конкретные и точные науки, причудливо сочетая современную физику с даосизмом. После падения монархии расширилась сфера религиозной философии, особенно христианства. Предприимчивались попытки соединить его теологию с древними китайскими учениями. Многие увлекались теософией и спиритуализмом. Возникали новые синкретические секты, сочетавшие конфуцианство и даосизм с европейскими теориями.

Впрочем, западная философская мысль имела успех лишь в узкой среде передовой новой интеллигенции. В остальных слоях социума сохранялось господство конфуцианства. Речь идет о старой интеллигенции, шэньши, преподавателях древних классических дисциплин, традиционной элите. После падения монархии в реакционных кругах усилилось влияние буддизма. Началось строительство новых храмов, появились различные буддийские ассоциации и клубы. Буддизм приспособивался к новым условиям — в монастырских школах стали обучать арифметике и англий-

скому языку. В этом новобуддийском течении особую роль играли японские миссионеры. Разочарование части интеллигенции в духовных ценностях Запада вызвало откат назад — к защите традиционных устоев, пропаганде конфуцианства, критике современного европейского начала. Это консервативное течение захватило ряд передовых деятелей китайской культуры, таких, как Янь Фу и Ван Говэй. В этой среде росла тяга к авторитарной власти и имперской идеологии.

Крупным представителем общественной мысли Китая XIX–XX вв. был Кан Ювэй (1858–1927), лидер реформаторского движения, публицист и философ, живший после 1898 г. в эмиграции. Будучи конституционным монархистом, он доказывал в своем трактате «Исследование о реформе Конфуцием государственного строя» (1897 г.) прогрессивность и общечеловеческий характер раннего конфуцианства и считал чжусианство искажением учения Конфуция. Призывая к восстановлению истинного конфуцианства, Кан Ювэй стремился превратить его в государственную религию. Синтезируя в своих работах современное и традиционное начала, он разрабатывал утопическую теорию Великого единения (Датун) в качестве панацеи не только для Китая, но и для всего мира. Открывая миру истинного Конфуция и новую религию, он выступал как ее пророк. После падения династии Цин и возвращения из эмиграции Кан Ювэй выступал как ярый противник демократии, явно «непригодной» для Китая, и как сторонник монархического строя. Став врагом всего революционного и апологетом конфуцианства, он призывал вернуться в традиционное прошлое.

Другой крупный идеолог того времени — Лян Цичао (1873–1929) был одним из лидеров реформаторского течения конца XIX в., выступая как философ, публицист и историк. Будучи убежденным идеалистом, он признавал вечность и абсолютность мирового духа, придавая особое значение религии. В отличие от своего учителя Кан Ювэя он был больше пропагандистом, нежели генератором идей. Лян Цичао находился под большим влиянием Канта и неокантианства. Знакомясь с европейской мыслью по переводам, он синтезировал ее с традиционным началом. Будучи сторонником ведущей роли государства в экономике, он считал западную модель свободной конкуренции неприемлемой для Китая. Лян Цичао находился под влиянием социал-дарвинистских концепций о естественно-исторической борьбе наций и рас за существование. Вернувшись из эмиграции после падения монархии, Лян Цичао выступал как враг всяческого революционного движения, как апологет сильной центральной власти в лице Юань Шикая. Из обличителя старого строя он превратился в его защитника, из критика конфуцианства — в его пропагандиста, из сторонника модернизации — в защитника традиционных устоев. С националистических позиций он перешел на китаецентристские. Прежний «властитель дум» передовой интеллигенции из лагеря прогресса перешел в стан реакции.

В идеологической борьбе того времени все большее значение приобретала деятельность Сунь Ятсена (Сунь Чжуншань, 1866–1925). Окончив английскую миссионерскую школу и христианский колледж на Гавайях,

он затем учился в миссионерских школах Гонконга и там же окончил медицинский институт, приняв перед этим христианство. Западное образование избавило его от многих предрассудков традиционного конфуцианского мировоззрения и заложило уважение к западной цивилизации. Позднее, в эмиграции он познакомился с основными течениями общественно-политической мысли Запада, отдав дань теории буржуазного реформатора Г. Джорджа. В сфере политики Сунь Ятсен начинал как сторонник реформ, но затем встал на путь подготовки вооруженного свержения маньчжурского режима и восстановления власти китайцев — ханьцев. В 1905 г. в эмиграции в Японии под его руководством произошло объединение всех антицинских организаций и был создан «Китайский революционный объединенный союз» (Тунмэнхуэй). В основу его программы были положены сформулированные Сунь Ятсеном «три народных принципа» (саньминь чжуи).

Сложные процессы протекали в сфере литературы. Китай XIX в. оставался наследником величайшей в мире поэзии, страной, где на протяжении многих веков литература почиталась превыше всего. Тем не менее в этой стране литературы, близкой и понятной простому народу, по существу, не было. Все художественные произведения, как и прежде, писались на средневековом *вэньяне*, понятном лишь узкому слою интеллигенции. Ревнители традиционной культуры свято берегли ее «чистоту». Произведения XIX в. и по содержанию, и по форме почти ничем не отличались от китайской средневековой прозы и поэзии. Этот древний изысканный стиль оставался абсолютно непонятным простолюдям.

Поэзия XIX в. видела свое предназначение в подражании «древним», воспроизведении старых жанров, приемов, образов и идей. Поэты, как правило, демонстрировали прекрасное владение самой техникой, знание общих правил традиционного стихосложения, но это не было озарено вдохновенным поэтическим творчеством. Охранителем устоев древности и средневековья в поэзии выступала так называемая «тунчэнская школа», иначе «поэзия сунского стиля», или «неоклассическая школа». Это ортодоксальное направление полностью игнорировало бурные современные события второй половины XIX в. Лидером «неоклассической школы» много лет был Цзэн Гофань, сделавший затем блестящую политическую карьеру в качестве главного усмирителя и палача народных движений 50–60-х годов XIX в. Во второй половине столетия эта эпигонская литература стала вырождаться. В среде «неоклассиков» началось размежевание, и ряд «тунчэнцев» перешел в лагерь реформаторов.

Но были и другие поэты, такие, как Хуан Цзунсянь (Хуан Гунду, 1848–1905). Собирая народные песни, он создал сборник стихов на языке, близком к разговорному. По жанру это были бытовые и лирические песни, близкие к фольклору. Хуан Цзунсянь пошел на нарушение традиционных норм, стал пользоваться свободной рифмой и ввел научную лексику. Он видел в поэзии средство политического воздействия на жизнь. Будучи горячим патриотом, Хуан Цзунсянь клеймил иностранных агрессоров,

бездарных цинских сановников, генералов. За время работы в Японии, Англии и США он сделал хорошую дипломатическую карьеру, но затем примкнул к движению реформаторов. С его разгромом поэт был арестован и умер в ссылке.

В XIX в., согласно традиции и характеру образования, все шэньши и соискатели ученой степени, как и подавляющая часть чиновничества, должны были сочинять стихи. Все политические деятели в той или иной мере были либо поэтами, либо писателями. Так, Лян Цичао был автором романа «Грядущий Китай» и пьесы «Драма о новом Риме», где нашли выражение реформаторские идеи. Талантливым поэтом был Тань Сытун. Свои последние стихи он написал в день перед казнью на стене тюремной камеры. Новые веяния все более проникали в сферу поэзии. В 1909 г. молодые антимагичжурски настроенные поэты и литераторы создали в Сучжоу свое объединение — «Южное общество». Антимагичжурские призывы звучали в стихах Цю Цзинь, в публицистике Чжан Тайяня и Цзоу Жуна.

С начала XIX столетия в сфере прозы изменилось соотношение различных жанров. Так, сошел со сцены «ученый роман». Сатирико-фантастический жанр переживал кризис, хотя в 20-х годах появился известный роман Ли Жучжэня (1763–1830) «Цветы в зеркале», где рассказывается о путешествиях героя по волшебным странам, о небожительницах, сошедших с неба на землю, о их интеллектуальных занятиях при дворе знаменитой императрицы У-хоу (У Цзэтянь) в эпоху Тан. Продолжал свои традиции авантюрный жанр в виде «романа о благородных героях» и «судебного романа». Первый повествовал о подвигах храбрецов, боровшихся с иноземцами, местными тиранами и защищавших обиженных и обездоленных. Второй воспевал честных судей, разбиравших сложные уголовные дела и восстанавливавших справедливость. Развивался жанр любовного и эротического романа. Возникла проза о современных политических событиях, особенно об опиеторговле и о войнах с «заморскими варварами».

Кризис цинской монархии и рост антиправительственных настроений привели к появлению нового жанра — обличительного романа как выразителя социального протеста. Эти многочисленные популярные произведения, написанные живым разговорным языком, вскрывали злоупотребления властей, коррупцию и бездарность бюрократии, выражали сочувствие страданиям простых людей. Особенно знаменитым стал сатирический роман журналиста У Вояо (1867–1910) «Странные события за двадцать лет». В нем описывались пороки тогдашнего общества, быт и нравы традиционной семьи, конфликт честного человека с враждебной ему средой. Следующий роман У Вояо «Море ненависти» («Море скорби») был посвящен распаду одной богатой семьи в связи с ихэтуаньской катастрофой и падению членов этого дома на социальное «дно». В этом романе автор с еще большей силой бичевал конфуцианский домострой. Совершенно в другом ключе был написан третий роман У Вояо «Расхищение пепла», где нарисована беспощадная картина зверского обращения американских хозяев с китайскими чернорабочими.

Крупным писателем своего времени был Ли Баоцзя (1867–1906). В своем знаменитом романе «Наше чиновничество» он гневно обличал фактический стовор китайской бюрократии с иностранцами против простого народа. Протестуя против роскоши погрязших в коррупции чиновников, губящих родину и обирающих народ, Ли Баоцзя писал: «Страна приходит в упадок, а чиновники наливаются силой. Страна разоряется, а чиновник богатеет!» В «Краткой истории цивилизации» Ли Баоцзя высмеивал беспомощные потуги цинского чиновничества учиться у Запада, в романе «Живой ад» клеймил средневековые пытки, применявшиеся в китайских судах. Самым же значительным его произведением был роман «Мотивы государственных перемен», рассказывающий о ихэтуаньской катастрофе. Как и все произведения Ли Баоцзя, он был проникнут духом патриотизма и ненавистью к иностранным агрессорам.

Заметным явлением в жанре обличительного романа стало произведение Цзэн Пу «Цветы в море зла» (окончено в 1907 г.). Безжалостно разоблачая ученое сословие и императорский двор, автор оплакивал судьбу Китая, распадавшегося под ударами иностранной агрессии. Наибольшей популярностью пользовалось сатирическое произведение «Путешествие Лао Цаня» писателя Лю Э, опубликованное в 1907 г. Поскольку обличительные романы сохраняли традиционные изобразительные средства, а порой и консервативность авторских взглядов, их художественный и идейный эффект был весьма ограничен.

Поражение Китая в 40, 80 и 90-х годах XIX в. в войнах с Англией, Францией и Японией и особенно интервенция 1900–1901 гг. горечью отозвались в народных массах. Обида за унижения, понесенные от «заморских варваров», стимулировала обращение к героическому прошлому. Бессилию, бездарности и трусости цинской военщины люди противопоставляли подвиги удальцов средневековья. Началось новое увлечение героическим жанром. Популярности последнего во многом содействовали уличные народные «рассказчики» (*шошуды*). Эти чтецы-декламаторы, мастера устного творчества, были любимцами простонародной слушательской аудитории. Последняя с особым интересом слушала отрывки из романов о благородных витязях — борцах против несправедливости, карающих разного рода подлецов — богачей и продажных чиновников, творящих произвол. Лучшим стал героический роман Ши Юйкуня «Трое храбрых, пятеро справедливых», написанный на историческую тему из эпохи Сун. Автор развил народные легенды о честном судье XI в. Бао Чжэне, которому помогают девять благородных удальцов. В 1898 г. этот роман появился в обработке Юй Юэ уже под новым названием «Семеро храбрых, пятеро верных». Огромный успех романа породил многие «продолжения» и «дополнения» к нему. Описания подвигов борцов за справедливость, своего рода китайских Робин Гудов, снискавших любовь читателей и слушателей, пользовались широким спросом у читателей.

Дальнейшее развитие в XIX в. получил эротический роман, где описывалась жизнь обитателей и завсегдатаев «чайных домиков» либо актерская среда: Эти произведения служили своего рода протестом против

конфуцианского домостроя, против традиционного уклада жизни. Любовная проза тоже стала приобретать черты обличительного жанра. Например, роман Юй Да «Сон в синем тереме» (1878–1879) был посвящен страданиям женщин, проданных в публичные дома. Эту же линию продолжил известный прозаик и издатель собственного литературного журнала Хань Банцин. В 1894–1895 гг. он опубликовал свой роман «Приморские цветы», где показал горькую участь «цветочных девушек» из «чайных домиков» Шанхая. Сыграв свою положительную роль, любовный и эротический роман с начала XX в. стал мельчать и вырождаться в бульварное чтиво.

С установлением диктатуры Юань Шикая из литературных журналов и с театральной сцены ушла социальная и политическая тема. Наступило господство двух направлений в книжной продукции — «литературы черного занавеса» и школы «уток и бабочек». Первое, представленное «разоблачительными» историями, было лишено серьезного политического значения и зачастую носило бульварный характер. Второе состояло из сентиментальных любовных историй. Китайская литература вступила в фазу кризиса, и причиной тому — разочарование авторов в передовых идеалах, пессимизм, политическое перерождение. На смену обличительному роману вновь пришли любовный и авантюрный жанры. Восторжествовала так называемая «проза интриг», уводящая читателя в сферу развлекательности. То же самое произошло с морализаторской литературой, где борьба с развратом обернулась идеализацией конфуцианского домостроя. Пессимизм охватил передовые круги интеллигенции.

Большую роль в эволюции китайской культуры конца XIX — начала XX в. сыграли переводы произведений западных авторов. В этом особая заслуга принадлежала Линь Шу, который переводил на китайский язык и издавал труды Дж.Свифта, Д.Дефо, Ч.Диккенса, В.Гюго, А.Дюма-отца и В.Ирвинга. Передовые публицисты и поэты-переводчики начали знакомить Китай с творчеством Дж.Байрона, П.Шелли, И.В.Гете и Р.Бернса, постепенно расширяя круг иностранных авторов, в том числе российских. Что же касается самих переводов, то они были далеки от совершенства, являясь скорее переложением на китайский язык иностранных произведений.

Во второй половине XIX — начале XX в. на китайской сцене, как и много столетий назад, господствовал традиционный театр, сохранивший архаичный язык, определенный набор мелодий, условные приемы сценической игры и классический репертуар. Традиционный китайский театр, являя собой яркое, высокопрофессиональное зрелище, был крайне оторван от реальной жизни. Это было характерно для «северного театра» (*пинцзюй*), шаосинской музыкальной драмы и наиболее распространенного в Китае «столичного» музыкального театра (*цзинцзюй*). Здесь сохранилась традиционно вольная атмосфера балагана — разрешались разговоры зрителей, курение и хождение в зале.

Новым в истории китайского театра стало появление «разговорной драмы» (*хуацзюй*) европейского типа и постановок западных пьес. «Разговорная драма» зародилась в 1898–1905 гг. среди учеников миссионер-

ских школ Шанхая и китайских студентов, учившихся в Японии. В 1907 г. в Японии было создано китайское театральное общество «Весенняя ива», поставившее «Даму с камелиями» А. Дюма-сына. Так возник «цивилизованный», или «просветительский театр» (*вэньмин си*), именуемый также «разговорной драмой». Здесь уже появились занавес и декорации, пение заменялось разговорной речью, исчез яркий старый грим, применялись световые и звуковые эффекты. Однако сохранялась традиционная манера игры, поскольку актеры не были знакомы с принципами западной сцены. В репертуаре значительное место занимала сатира на свергнутую династию Цин, а также патриотическая и любовная драма.

С падением цинской монархии наступил кратковременный подъем «разговорной драмы» и пьес на современные политические темы. В ряде крупных городов создавались театральные общества, ставившие спектакли на злобу дня, среди них «Да здравствует республика!», «Покараем Юань Шикая!» и др. «Цивилизованный театр», созданный в Шанхае, в первые годы республики обрел своего зрителя и политический капитал, хотя художественный уровень постановок был весьма невысок.

Театр западного типа, собиравший крайне узкую аудиторию, не смог заметно потеснить традиционную для Китая музыкальную драму и ряд лет не выходил за рамки любительских кружков. С 1916 г. «разговорная драма», потеряв острое современное содержание, стала быстро сдавать свои позиции. Перейдя на чисто коммерческие рельсы и порвав с политикой, «цивилизованный театр» стал сугубо развлекательным зрелищем, рассчитанным на непритязательные вкусы состоятельной публики. Китайский традиционный зритель не принял новый театр, и он стал вырождаться в водевиль. В русле «движения за новую культуру» в 1918–1919 гг. на страницах журнала «Новая молодежь» («Синь циннянь») прошла дискуссия, в которой большинство ее участников выступили за полную «европеизацию» китайского театра, не веря в реформу старого театра как идейно отсталого и эстетически несостоятельного. Тем не менее последний оставался любимым зрелищем народа.

Кинематограф, пришедший в Китай в 1896 г., получил наименование «электрические тени» (*дяньин*). Основу кинопроката составляли прежде всего французские фильмы. Демонстрировались также американские, германские и английские ленты. В Пекине первые фильмы были показаны в 1902 г. На экранах господствовала низкосортная развлекательная коммерческая продукция иностранного производства с китайским переводом. Собственная кинематография Китая началась в 1905 г. с экранизации одного из спектаклей пекинской музыкальной драмы. В этом же году в Шанхае был открыт первый кинотеатр. Иностранные фильмы шли в сопровождении китайского оркестра и пользовались огромным успехом. По жанрам киноленты делились на детективы, военные и любовные истории — сентиментальные мелодрамы. Ко времени Первой мировой войны кино уже основательно вошло в быт горожан. В 1917 г. известная издательская фирма «Шанъу», открыв в Шанхае свою киностудию, отсняла на

пленку ряд постановок, в том числе спектаклей традиционного театра. В кинозалах мужчины и женщины по старинке сидели отдельно. Строго запрещалось демонстрировать «непристойные картины». В годы Первой мировой войны, когда резко сократилось поступление в Китай иностранных кинолент, в сферу китайского кинематографа стал притекать национальный капитал. Киностудия «Шаньу», начав съемку хроникальных лент, продолжала экранизацию театральных постановок. Однако роль кинематографа тогда была крайне мала.

Необходимость модернизации и демократизации культуры стала особенно остро ощущаться передовыми людьми Китая в годы Первой мировой войны. О необходимости обновления культуры заговорила не только новая интеллигенция, но и китайская буржуазия. При этом под словом «культура» понималась вся духовная сфера — наука, религия, мораль, литература, музыка и искусство. В противовес идейному наступлению реакции узкий слой передовой интеллигенции начал «движение за новую культуру». Во главе его встала группа активных борцов, объединившаяся вокруг журнала «Новая молодежь». В 1915–1917 гг. в эту группу входили Чэнь Дусю, Ху Ши, Ли Дачжао и др. Отрицая идеалы прошлого и авторитет кумиров древности и средневековья, эти молодые люди начали решительную борьбу за обновление духовной жизни Китая.

«Движение за новую культуру», ставившее своей целью ниспровержение всей системы представлений и духовных ценностей традиционного Китая, было направлено против конфуцианства и неоконфуцианства как жестких тормозов на пути прогресса. Передовые люди того времени считали, что учение Кун-цзы и Чжу Си есть апологетика монархизма и деспотизма, ведущая к увековечиванию давно изжившего себя старого строя, что для поднятия культуры Китая до уровня западной цивилизации необходимо разгромить реакционную конфуцианскую идеологию.

Эти молодые энтузиасты, верившие в особую роль науки, литературы и искусства, преувеличивали роль просвещения в модернизации и демократизации Китая. Они выступали против религии и суеверий всех мастей, выдвигая лозунг «свободы личности». Ратовали за усвоение западных идеологических и этических концепций, пропагандировали европейские литературу и искусство, делая упор на просветительской миссии интеллигенции и образованной молодежи, преувеличивали реальные возможности этих передовых сил общества. Были в этой борьбе явные перегибы и крайности. Наиболее радикальные ее деятели во имя превращения Китая в передовую нацию, во имя избавления от косности конфуцианства и мистики даосизма требовали уничтожения иероглифической письменности. Параллельно шла борьба против засилья мертвого языка древности *вэньяня*, за широкое распространение *байхуа* в прессе, научной и художественной литературе.

Победа *байхуа* над *вэньянем* открыла дорогу «литературной революции», развернувшейся в 20-х годах XX в. Началось внедрение разговорного языка в культуру. Появились призывы Ху Ши, Чэнь Дусю и Ли Дачжао отказаться от подражания древним, от лавины цитат из классиков, наро-

читой вычурности и неудобочитаемости, бессодержательных рассуждений, аристократического, точнее, шэньшиского снобизма. Борцы за «новую культуру», прежде всего Чэнь Дусю и Ли Дачжао, призывали низвергнуть вычурную литературу для избранных, создать литературу для рядовых граждан. Речь шла о литературе общедоступной и отражающей действительность, социально окрашенной и гуманной. Первым и великим творцом ее стал Лу Синь, выступивший в 1918 г. с рассказом «Записки сумасшедшего». Прогрессивная критика назвала это произведение «бомбой огромной разрушительной силы», брошенной в лагерь реакции. Это событие знаменовало собой рождение новой литературы Китая.

Конец XIX — начало XX в. занимает особое место в четырехтысячелетней истории китайской культуры. В этот период происходит существенная переоценка ценностей и быстрая смена ориентиров. В активную духовную деятельность включились новые общественные слои, и расширились международные культурные связи. Традиционная, в основе своей средневековая культура все еще господствовала. Однако она лишилась преобладающего влияния на умы образованного молодого поколения. Стала набирать силу демократическая культура под лозунгами защиты отечества и социальной справедливости. Все сферы культуры охватила волна перемен. Так было в сфере образования, литературы, живописи и театра. Появился кинематограф. Вместе с тем борьба нового со старым в каждой из этих областей происходила по-разному, если иметь в виду темпы, масштабы и характер обновления.

Начавшимся переменам противостояла гигантская и инертная массовая архаическая культура, пришедшая в XX в. из древности и средневековья. Эта традиционная среда сдавала свои позиции лишь частично и крайне медленно. Очень узкая прослойка населения имела доступ к «новой культуре», в которой причудливо сочеталось современное и традиционное. Возможность знакомства с западной и японской цивилизацией имели лишь студенты, учившиеся за границей. Именно из этой среды вышло большинство активных борцов за «новую культуру». Им противостояла мощная реакционная сила — шэньши, конфуцианские начетчики и ревнители «чистоты национального духа», которые цеплялись за традиции ради сохранения своего политического и духовного господства, ради консервации затхлой атмосферы старой эпитонской культуры.

Заключение
**Цинский и Тайпинский циклы
в истории Китая**

В отличие от западноевропейской модели истории, представляющей ее ход как линейное поступательное движение, Китай начиная с эпохи Хань до наших дней развивался по иному сценарию. Эволюция китайского социума как до середины XIX в., так и в последующее столетие (1840–1949) происходила в условиях функционирования сельского хозяйства трудоемкого типа. Он порождал периодические династийно-демографические циклы, которые сопровождались гигантскими социально-политическими катастрофами, приводившими к смене правящих династий.

Рассматриваемый нами период становления и развития переходного общества в полукOLONIALном Китае целиком пришелся на Тайпинский цикл, длившийся с 1870 по 1949 г. Предшествующие ему Минский (1368–1644) и Цинский (1644–1850) циклы начинались со сменой династии (соответственно Юань–Мин и Мин–Цин) и с разрядки демографической и экономической перенапряженности в результате гибели массы населения. Длительность циклов постоянно сокращалась. Так, Минский продолжался 276 лет, Цинский — 206, Тайпинский — 80 лет. С включением Китая в мировой капиталистический рынок в историческую эволюцию страны был привнесён западный европейский тип развития — линейный. После «опиумных» войн середины XIX в. здесь началось сосуществование и взаимодействие старого и нового типов эволюции, т.е. циклического и линейного.

Специфика Тайпинского цикла заключалась в явном вмешательстве нового начала в старый циклический механизм. Во-первых, «опиумное» проникновение и первая торговая война 1840–1842 гг. послужили стимулятором и ускорителем очередного циклического взрыва, а именно Крестьянской войны тайпинов. Во-вторых, европейское начало стало не только «фоном», но и прямым участником этого гигантского катаклизма. Здесь большую роль сыграли поддержка державами старой династии Цин и их борьба против новой тайпинской «Небесной» династии Хунов в ходе прямой интервенции 1862–1864 гг. В-третьих, продукт линейного развития — христианство стало компонентом и «знаменем» крестьянской вой-

ны. По трем указанным направлениям в механизм циклической смены был введен линейный потенциал.

В итоге взаимодействия традиционного и современного начал нарушилось нормальное функционирование принципа периодического и временного оздоровления китайской системы, тогда как ее линейное обновление еще только начиналось. Напластование нового и старого привело к сбою в работе средневекового механизма. Демографическая и экономическая перенапряженность была снята в результате гибели 40–50 млн. человек, но обновления власти не произошло. Старая династия — Цин — сохранилась. Имело место некоторое оздоровление традиционной системы, обычного же в таких случаях частичного возврата к более отсталым раннестадиальным формам в базисе и надстройке не наблюдалось.

Малая эффективность очередной циклической смены объяснялась и военно-политическим поражением последней крестьянской войны китайского средневековья. Это поражение было связано с привнесением в ее циклическую природу линейного начала — христианства. Традиционный лозунг «Свергнем Цин, восстановим Мин!», а также тайпинизированное знамя Христа не могли стать рычагом династийной смены в конфуцианском Китае, равно как и средством объединения китайцев вокруг новой власти. Первоначальные успехи тайпинов в 1850–1856 гг. объяснялись тем, что на повстанцев работало гигантское скопление «горючего материала», как социально-экономического, так и национально-освободительного — антиманьчжурского характера. «Христианская» армия тайпинских ванов долго держалась на этой волне. Когда же этот потенциал был уже во многом израсходован и из социального «котла» вышла критическая масса «горючего материала», началась стагнация, а затем и упадок тайпинского движения.

Старую династию Цин во многом спасло, а новую «Небесную» погубило преждевременное и крайне опасное в той среде религиозное новаторство повстанцев. Чуждое конфуцианству знамя Христа не позволило шэньши присоединиться к тайпинам или занять по отношению к ним лояльную позицию. Это во многом определило отношение сельского населения к «длинноволосым» повстанцам (*чанмао*) и резко укрепило ряды «белоповязочников».

Обреченность «христианской» власти в низовьях Янцзы, а именно образование Тайпин Тяньго, в середине XIX в. обуславливалась тем, что с переплетением циклического и линейного начал чисто традиционный вариант смены династии уже частично не работал, а современный путь, т.е. обновление надстройки по-европейски, еще не имел реальной силы. Если в начале данного катаклизма все шло по правилам средневековой цикличности, то в середине его разрушительно-созидательная функция оказалась частично парализованной из-за переплетения с чужеродным началом. Этот синтез привел к специфическим и смазанным результатам: обновление системы оказалось половинчатым, а начавшийся цикл —

ущербным и ослабленным. Сбой в работе циклического механизма привел к тому, что Тайпинский цикл начался с «плохого» старта и слабо оздоровленной почвы не рассосавшегося до конца кризиса. В частности, не был решен вопрос об обновлении власти и смене династии. В традиционном Китае периодическое обновление системы шло через единое слитное решение демографических и хозяйственных задач, с одной стороны, и династийных и надстроечных — с другой. Оба слагаемых циклического механизма были неразрывны в общей связке.

С вмешательством линейного начала и его переплетением с циклическим произошло расщепление династийно-демографической связки. Тогда оба ее компонента стали действовать самостоятельно и изолированно. Так, в 1850–1864 гг. сработал демографический компонент, но династийной смены не произошло. В 1911–1913 гг. сработал династийный компонент, но уже без демографического сопровождения. Таким образом, один пласт некогда единого, а теперь разобщенного цикла отстал от другого на полстолетия, что свидетельствовало о явном ослаблении старокитайского типа эволюции. При этом в XX в. цикличность не умерла, а стала сочетаться с линейностью развития, т.е. со сменой формаций (традиционность–переходность–социализм). Ускорение и развертывание нового типа движения происходило на фоне продолжавшихся процессов Тайпинского цикла (рост демографической и хозяйственной напряженности в деревне), втягиваясь в полосу очередного социального и политического катаклизма 30–40-х годов.

В итоге старый и новый тип развития сосуществовали в условиях синтета. Такого рода сожительство было помехой обоим, ведя к их обоюдному искажению, к появлению некоего «третьего» варианта эволюции. Так, в последней четверти XIX в. в русле линейно-циклического развития в рамках Тайпинского цикла традиционно произошла демографическая разрядка и свойственные первой фазе любого цикла снижение урожайности, падение производительности труда в земледелии. Однако в начале XX в. выхода во вторую фазу цикла (подъем) не произошло, и деревня, минуя ее, сразу втянулась в третью фазу циклического развития (кризис). При этом демографический цикл терял династийную форму. Смена власти (бэйянская, гомиьндановская) была уже не связана с демографическим фактором. В результате этого облегчался синтез китайской традиционной и западной современной моделей исторического движения.

Соотношение старого и нового в этом блоке менялось. Если в начале переходного периода явно преобладала цикличность, то с ее постепенным ослаблением стал набирать силу, особенно с падением монархии, линейный компонент синтеза. Так, до 1912 г. по старому «сценарию» совершались дворцовые перевороты (1861, 1898 гг.) и крестьянские войны (тайпины, няньцзюни), приезды «данников» (*фань*) в Пекин и средневековые экзамены (*кюцзюй*) на звание шэньши. Происходили восстания тайных обществ (*хуэйдан*) и ритуальные шаманские пляски (*тяошэнь*) в дворцовом

храме и Шаманском управлении (Шэньфан). Продолжались интриги маньчжурских князей и придворных свнухов, жертвоприношения духам и «голодные бунты». Параллельно этому развивались события по новому «сценарию»: вторжение иностранного капитала, вращение Китая в мировой рынок, рост фабрик и возникновение буржуазии, борьба за конституцию и парламент, становление госкапитализма и пролетариата, начало революционного движения. На ранней стадии своего взаимодействия цикличность и линейность еще не слились воедино и были достаточно автономны, во всяком случае до крушения Цинской империи в 1912 г.

Таким образом, если до 1911–1913 гг. переходный Китай представлял собой страну двух «сценариев» исторического развития, то уже в республиканский период (1912–1914) он стал ареной развертывания «промежуточного» или «смешанного сценария». «Период двух сценариев» соответствовал и хронологически, и по существу доинтегральной фазе становления синтезированной общественной системы в Китае, а «период смешанного сценария» — интегральной фазе данного процесса, когда произошло слияние линейного и циклического начал. Если до этого в Китае наблюдалось два типа исторического движения, то после падения монархии — один смешанный вариант развития. Если в доинтегральной фазе переходного общества существовали две разные школы социальных ценностей (старая и новая), то в интегральной фазе — одна общая комбинированная шкала — «староновая» или «новостарая». Соответственно от «опиумных» войн до падения монархии Китай являлся «обществом двух стандартов» — традиционного и современного, а в период республики (1912–1949) они слились в некий промежуточный третий. В итоге гигантская полуклония стала «обществом двойного» или «двуединого стандарта».

С середины XIX в. Цинская империя оказалась в двух измерениях — восточном, традиционном, и западном, капиталистическом. После 1911–1913 гг. Китайская республика осталась «обществом в двух измерениях», но при этом резко возросло количество явлений, структур и процессов смешанного типа, или «двойного измерения», т.е. продуктов общественно-го синтеза. На протяжении столетия (1840–1949) конфуцианское общество слабело, а антиконфуцианский или неконфуцианский потенциал усиливался, но не настолько, чтобы победить. При этом потенциал слияния обоих начал на основе взаимного синтеза активно нарастал.

Такое взаимопроникновение современного и традиционного определило природу двух фаз — кризиса и катастрофы Тайпинского цикла. В нем обе фазы начались рано и вылились в полосу циклической «смуты» 10–40-х годов XX в. В этой «смуте» традиционными были децентрализация, т.е. распад единого государства на зоны господства местных крупных полководцев (генералы-милитаристы), длительная междоусобица (вооруженная борьба милитаристских клик), очередное чужеземное завоевание (японская оккупация половины страны), попытка создать «новую династию», победоносная крестьянская война 1927–1949 гг. На этот раз сель-

ские повстанцы выступили под другим иноземным идеологическим знаменем. Им стал «китаизированный марксизм» вместо тайпинского христианства.

Таким образом, в Китае 1912–1949 гг. уже не существовало чисто циклического движения, но еще не возникло чисто линейного. Вместо них функционировал сплав обоих начал, т.е. синтез старого и нового типов эволюции. Господствовавшее традиционное начало в условиях переходного общества частично укрепляло свою природу, в известной мере оздоравливаясь после завершения старого (Цинского) и наступления нового (Тайпинского) цикла. Очередной традиционный виток цикличности не мог быть полностью «снят» современной линейностью, хлынувшей в Китай извне. Однако последняя тоже была не в состоянии избавиться от средневекового общественного потенциала и присущего ему типа эволюции. В итоге ни один из них не мог ликвидировать другого или обойтись без него, не сливаясь с ним и не образуя при этом нечто третье — комбинированное. Сохранившийся потенциал цикличности оказывал искажающее и ослабляющее воздействие на современное линейное развитие. В частности, такое воздействие на капиталистическую линию эволюции делало невозможным переход буржуазного начала из укладного в формационное состояние. В свою очередь и линейное развитие подтачивало циклический ритм традиционности, втягивая его во взаимодействие и явно обезличивая его в лоне синтеза. Политические перевороты 1911–1949 гг. явились результатом наложения современного развития на традиционную эволюцию.

Складывание синтезированного общества, а точнее, низкий уровень такого синтеза, лишало в равной мере как национальный капитал, так и китайский пролетариат возможности создать «западное» буржуазное общество либо диктатуру пролетариата. Именно это резко увеличивало шансы промежуточной силы, т.е. крестьянства. Традиционная система делала повстанческую борьбу крестьянства бесперспективной из-за хождения «по кругу» цикличности и отсутствия линейной поступательности. В переходном же обществе именно для крестьянских повстанцев открывались наибольшие возможности для политического успеха и формирования социальной системы в духе традиционных идеалов. Таким образом, слияние линейности и цикличности в основном работало на крестьянских руководителей. Синтез старого и нового развития сделал то, что ранее, в условиях чистой традиционности, не удавалось крестьянским вождям.

Начиная с торговых войн середины XIX в. стала функционировать дихотомия «цикличность–линейность» при постоянном росте последнего компонента и ожесточенности сопротивления первого. В динамике это противостояние выглядело как «традиционная стагнация — переходное развитие», с целым спектром промежуточных элементов между этими двумя компонентами дихотомии. Сочетание линейности и цикличности обусловило двойственность исторической эволюции полукOLONIALЬНО-

го Китая XIX–XX вв., заложив в нем ряд антагонизмов, таких, как «развитие–стагнация», «непрерывность–дискретность», «поступательность–возвратность». Эти «вторичные» оппозиции, так же как первичная «линейность–циклическость», порождали синтез обоих компонентов.

Срастанию обоих типов движения на промежуточном уровне способствовали повышенные регенерационные возможности старой системы, восстановительный потенциал «азиатчины» и ее гибкая мимикрия. Непрерывность движения западного типа сочеталась с дискретностью восточного, восхождение вверх — со спадами, поступательность — с периодической возвратностью, рывки вперед — с частичными откатами назад. Во всех этих сочетаниях первые начала жестко лимитировались вторыми. Циклическость обессиливала линейность, а та, в свою очередь, обесценивала циклическость, поскольку возврат к двум «чистым» первоначальным типам движения был невозможен. В итоге реальная эволюция переходного социума Китая XIX–XX вв. пошла не по циклическому и не по линейному стандарту, а в русле их слияния. Возник синтез обоих, давший промежуточный и смешанный вариант линейно-циклического развития.

Оба типа исторического движения, естественно, несли в себе свойственные им виды кризисности. Циклическое начало заложило в полукOLONиальный Китай династийно-демографический кризис. Демографический пласт системы «оздоровился» к середине 70-х годов, а династийное «обновление» произошло лишь в 1912 г. Таким образом, выход из циклического кризиса растянулся почти на 40 лет. Вместе с тем параллельно с традиционным кризисом началось вмешательство внешних сил в естественный ход циклической эволюции. Интернационализация исторического процесса в Китае с середины XIX в. привела к формационному кризису. Последний сделал дальнейшую эволюцию традиционной системы исторически бесперспективной. При этом количественное господство средневековых структур стало свидетельством умирания старой формации. Характер этого привнесенного извне формационного кризиса соответствовал оценке, данной К. Марксом капиталистическому вторжению в Азию как «социальной революции».

Наряду с очередным циклическим кризисом Китай вступил в кризис линейного развития, причем оба типа кризисов шли к взаимному слиянию. Двум «сценариям», по которым развивалась китайская история с 1840 по 1912 г., соответствовали два типа кризисности. После падения монархии синтез линейности и циклическости привел к срастанию новой и старой кризисности. Развертывание переходного состояния социума уже само по себе являлось процессом политической, социальной и хозяйственной деструкции. В эту болезненную обстановку линейное развитие внесло новый вид кризисов менее крупного для Китая масштаба — периодические мировые экономические кризисы, такие, как «великая депрессия» 1929–1933 гг.

В русле синтеза циклическости и линейности традиционная кризисность сливалась с современной в нечто единое и комбинированное. В этом би-

нарном кризисе 1912–1949 гг. все его компоненты неизбежно приобретали двуединую окраску — «староновую» или «новостарую» — в русле «двойного сценария» и синтеза. Так, падение монархии и переворот 1916 г. были окрашены в цвета традиционной смены династии (падения Цин и начала династии Юань Шикая), милитаристская междоусобица 10–30-х годов и Крестьянская война 1927–1949 гг. являлись слагаемыми традиционной «смуты», т.е. компонентами очередного циклического кризиса. Принципы синтеза и «двойного сценария» получили свое продолжение и в следующем, т.е. цикле Нового «Сяокана», начавшемся в 1949 г. и продолжающемся в наши дни.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблицы

Таблица 1

Династия Мин (1368–1644). Императоры из рода Чжу

Личное имя	Годы жизни	Годы правления	Девиз правления ¹	Значение девиза	Посмертное храмовое имя
Юаньчжан	1328–1398	1368–1398	Хуньфу	Великая Воинственность	Тай-цзу
Юньвэнь	1377–1402	1398–1402	Цзяньвэнь	Установление гражданского Порядка	Хуэй-ди
Чжу Ди	1360–1424	1402–1424	Юнлэ	Вечная Радость	Чэн-цзу
Гаочи	1378–1425	1424–1425	Хунси	Великое Сияние	Жэнь-цзун
Чжаньцзи	1398–1435	1425–1435	Сюаньдэ	Распространение Добродетели	Сюань-цзун
Цичжэнь ²	1427–1464	1435–1449	Чжэнтун	Законное Наследие	Ин-цзун
Циюй	1428–1457	1449–1457	Цзинтай	Сверкающее Благодеяние	Дай-цзун
Цичжэнь	1427–1464	1457–1464	Тяньшунь	Небесная Благоклонность	Ин-цзун
Цзяньшэнь	1447–1487	1464–1487	Чэнхуа	Совершенное Процветание	Сянь-цзун
Ютан	1470–1505	1487–1505	Хунчжи	Великодушное Правление	Сяо-цзун
Хоучжао	1491–1521	1505–1521	Чжэндэ	Истинная Добродетель	У-цзун
Хоуцун	1507–1566	1521–1566	Цзяцзин	Чудесное Умиротворение	Ши-цзун
Цзайхоу	1537–1572	1566–1572	Лунцин	Возвышенное Счастье	Му-цзун
Ицзюнь	1563–1620	1572–1620	Ваньли	Бесчисленные Годы	Шэнь-цзун
Чанло	1585–1620	1620	Тайчан	Великое Процветание	Гуан-цзун
Юцзяо	1605–1627	1620–1627	Тяньци	Небесное Руководство	Си-цзун
Юцзянь	1611–1644	1627–1644	Чунчжэнь	Возвышенное Счастье	Сы-цзун

¹ Начиная с эпохи Мин императоры известны главным образом по их девизам правления.

² Цичжэнь правил дважды с перерывом в восемь лет, когда царствовал Циюй, и имел два девиза правления.

Таблица 2

**Династия Цин (1616–1643)¹.
Первые императоры из рода Айсинь Гиоро²
в Маньчжурии**

Личное имя	Годы жизни	Годы правления	Девиз правления	Значение девиза	Посмертное храмовое имя
Нурхацзи ¹	1559–1626	1616–1626	Тяньмин	Получивший Мандат Неба	Тай-цау
Абахай	1592–1643	1627–1636	Тяньцун	Покорный Велению Неба	Тай-цзун
Абахай	1592–1643	1636–1643	Чундэ	Накопление Благодати	Тай-цзун

¹ До 1636 г. династия и государство (ханство) именовались Великим Золотым (Да Цзинь), или Поздним Золотым (Хоу Цзинь). Первым, или Ранним, считалось государство чжурчженей Цзинь (1115–1234). С 1636 г. династия и государство Цзинь получали новое название — Даи Цин (Великая Чистота), или Цин (Чистая). К титулу «император» Абахай (второе имя — Хуантайцзи) присоединил более высокий титул «великого» (т.е. всемонгольского) хана (богдохан), ибо в состав его империи вошла Южная Монголия.

² Досл.: Золотой род, якобы идущий от правящего дома государства чжурчженей Цзинь.

³ Нурхацзи и Абахай (до 1636 г.) имели два титула — хан и император.

Таблица 3

**Правители периода смуты.
Крестьянские вожди (1664–1657)**

Государство. Династия	Личное имя	Титул	Годы правления и ставка	Девиз правления	Значение девиза
Да Шунь ¹	Ли Цзычэн	Император	1644–1645 Сиань, Пекин	Юнчан	Вечное Изобилие
Да Си го ²	Чжан Сяньчжун	Князь	1644–1646 Чэнду	Дашунь	Великое Послушание
Да Си го ³	Сунь Кэван	Князь	1648–1657 Куньмин	Синчао	Династия Возрождения

¹ Великое Послушание.

² Великое Западное государство.

³ Великое Западное государство.

Таблица 4

Власти Южной Мин (1644–1661)¹

Личное имя и титул	Реальный статус	Годы правления и ставка	Девиз правления	Значение девиза
Чжу Юсун (Фу-ван)	Император	1644–1645 Нанкин	Хунгуан	Обширное Сияние
Чжу Чанфан (Лу-ван)	Император	1645 Ханчжоу		
Чжу Ихай (Лу-ван)	Временный правитель	1645–1646 Шаосин	Датун	Великое Единство
Чжу Юйцзянь (Тан-ван)	Император	1645–1646 Фучжоу	Лунъю	Возвышенная Воинственность
Чжу Юйао (Тан-ван)	Император	1646–1647 Гуанчжоу	Шаоу	Наследственная Воинственность
Чжу Юлан (Гуй-ван) ²	Временный правитель	1646–1659 Гуйлинь	Юнли	Вечное Долголетие

¹ По исторической традиции династия Мин, правившая к югу от Янцзы с 1644 по 1662 г., именуется Южной Мин.

² Казнен в 1662 г. Тем самым пресеклась династия Южная Мин.

Таблица 5

Цинские «князья-данники» (1659–1681)

Территория. Государство	Личное имя	Статус	Годы правления и ставка	Девиз правления	Значение девиза
Княжество в Юньнани и Гуйчжоу	У Саньгуй	«Князь-данник»	1659 ¹ –1677 Куньмин	Лию	Процветание и Польза
Империя Чжоу ²	У Саньгуй	Император	1678 Ханчжоу Куньмин	Чжаоу	Блестящая Воинственность
Империя Чжоу ³	У Шифань	Император	1678–1681 Куньмин	Хунхуа	Широкое Просвещение
Княжество в Фуцзяни	Гэн Цзимао	«Князь-данник»	1661–1671 Фучжоу		
Княжество в Фуцзяни	Гэн Цзинчжун	Князь	1671–1676 Фучжоу	Юйминь	Благодеяние Народа
Княжество в Гуандуне ⁴	Шан Кэси	«Князь-данник»	1661–1676 Гуанчжоу		
Княжество в Гуандуне	Шан Чжисинь	Князь	1676–1677 Гуанчжоу		

¹ Начальные даты правления «князей-данников» весьма условны.

² Включала в себя Юньнань, Гуйчжоу, Хунань и Сычуань.

³ К 1681 г. в ее составе осталась лишь Юньнань.

⁴ Включало восточную половину провинции Гуанси.

Таблица 6

Властители Тайваня (1661–1683)

Личное имя	Статус	Годы правления	Девиз правления ¹	Значение девиза
Чжэн Чэнгун	Главнокомандующий	1661–1662	Юнли	Вечное Долголетие
Чжэн Цзин	Главнокомандующий	1662–1681	–"–	–"–
Чжэн Кэцзан	Временный правитель	1681	–"–	–"–
Чжэн Кэшуан	Временный правитель	1681–1683	–"–	–"–

¹ Тайвань под властью «династии Чжэнов» считался частью империи Мин. Его правители признавали и использовали девиз правления Гуй-вана — последнего властителя Южной Мин.

Таблица 7

Династия Цин (1644–1911).
Императоры (богдоханы) из рода Айсинь Гиоро в Китае

Личное имя	Годы жизни	Годы правления ¹	Девиз правления	Значение девиза	Посмертное храмовое имя
Фулинь	1638–1661	1643–1661	Шуньчжи	Благоприятное Правление	Ши-цзу
Сюань	1654–1722	1662–1722	Канси	Прцветающее и Лучезарное	Шэн-цзу
Иньчжэнь	1678–1735	1722–1735	Юнчжэн	Гармоничное и Справедливое	Ши-цзун
Хунли	1711–1799	1736–1795	Цяньлуи	Непоколебимое и Славное	Гао-цзун
Юньянь	1760–1820	1796–1820	Цзяцин	Прекрасное и Радостное	Жэнь-цзун
Мяньнин	1782–1850	1821–1850	Даогуан	Целенаправленное и Блестящее	Сюань-цзун
Ичжу	1831–1861	1851–1861	Сяньфэн	Всеобщее Изобилие	Вэнь-цзун
Цзайчунь ²	1856–1875	1861	Цисян	Счастлиное и Благополучное	Му-цзун
		1861–1874	Тунчжи	Совместное Правление	Му-цзун
Цзайтянь	1871–1908	1875–1908	Гуансюй	Блестящее Наследие	Дэ-цзун
Пуи ³	1906–1967	1908–1911	Сюаньтун	Всеобщее Единение	

¹ В ряде источников и в литературе первыми годами правления Сюань, Иньчжэнь и Хунли считаются соответственно 1661, 1723 и 1735 гг.

² Цзайчунь имел два девиза правления.

³ После отречения от престола в ходе Синьхайской революции Пуи сохранял почетный титул императора (1912–1924). После изгнания из дворца проживал в Тяньцзине (1925–1931). Японцы сделали его марионеточным главой Маньчжурии. Сначала его назначили «верховным правителем» (1932–1934) с девизом правления Датун (Великое Единение), а затем «императором» (1934–1945) с девизом Кандэ (Прцветание и Благодать).

Фактические правители Цинской империи
(1644–1912)¹

Период правления	Правитель	Титул	За кого правил
1643–1647	Доргонь и Цзиргалан	Князья-регенты	Фулиня
1647–1650	Доргонь	Князь-регент	–"–
1650–1656	Фулинь	Император	–"–
1657–1661	У Ляньфу	Временщик, глава клики	–"–
1662–1669	Обой	Князь-регент	Сюанье
1669–1679	Сонготу	«Первый министр»	–"–
1679–1722	Сюанье	Император	
1722–1735	Иньчжэнь	Император	
1736–1749	Оэртай, Чжан Тинъюй	«Министры»-советники	Хунли
1749–1780	Хунли	Император	
1780–1790	Хэшэнь	Временщик, глава клики	совместно с Хунли
1790–1799	Хэшэнь		Хунли и Юньян
1799–1820	Юньян	Император	
1821–1850	Мяньнин, Мучжана	Богдохан и его фаворит	совместно
1851–1858	Цзайюань, Дуаньхуа	Князья-правители	Ичжу
1858–1861	Сушунь	Временщик	–"–
1861–1865	Исинь и Цыси	Князь-регент и вдовствующая императрица	Цзайчуня
1865–1870	Цыси	Вдовствующая императрица	Цзайчуня
1871–1898	Цыси и Ли Хунчжан	Доверенный сановник Цыси	Цзайчуня и Цзайтяня
1899–1908	Цыси и Ихуан	Князь, доверенное лицо Цыси	Цзайтяня
1908–1911	Ихуан	Князь-правитель	Пуи

¹ Данная таблица не является полной и отражает суть дела лишь в общих чертах. Некоторые даты весьма условны и требуют оговорок.

Таблица 9

Императорская семья
(династия Цин)

Статус	Примечания
Императрица — хуанхоу	Если богдохан имел одну жену, ее резиденцией служил Средний дворец (Чжунгун)
Старшая императрица — хуанхоу	Если богдохан имел две жены, старшая жила в Восточном дворце (Дунгун)
Младшая императрица — хуанхоу	Из двух жен младшая жила в Западном дворце (Сигун)
Вдовствующая императрица — хуантайхоу	Обычно жила в одном из загородных дворцов
Наследник престола — тайцзы, хуантайцзы	Обычно из следующего по отношению к богдохану поколения
Прочие сыновья, царевичи — хуанцзы	Главные — рожденные от императрицы, второстепенные — от наложниц
Дочери, царевны — гунчжу	Главные — рожденные от императрицы, второстепенные — от наложниц
Зятья императора — эфу	Девяти рангов — в зависимости от ранга царевны

Таблица 10

Гарем богдохана Цинской империи

Статус	Примечания
Наложница первого ранга — хуангуйфэй	За рождение сына при отсутствии его у жены богдохана становилась императрицей
Наложница второго ранга — гуйфэй	За рождение сына могла быть возведена в первый ранг
Наложница третьего ранга — фэй	За рождение сына могла быть возведена во второй ранг
Наложница четвертого ранга — бинь	Ввиду особой милости могла получить третий ранг
Наложница пятого ранга — гуйжэнь	За заслуги могла обрести четвертый ранг
Старшая фрейлина — даинь	Могла быть возведена в ранг наложниц
Младшая фрейлина — чанцзай	Могла быть повышена до статуса наложниц
Прислужницы — шинюй	

Маньчжурская аристократия —
ближняя императорская родня¹

Категория	Степень родства ²	Титул
Князья императорской крови	Первая	Хошо циньван
	Вторая	Доло цзюньван
	Третья	Доло бэйлэ
	Четвертая	Гушань бэйцзы
	Пятая	Чжэньгогун — «Князь, оберегающий государство»
	Шестая	Фугогун — «Князь, помогающий династии»
Полководцы императорской крови	Седьмая	Чжэньгогун — «Князь, оберегающий государство»
	Восьмая	Фугогун — «Князь, помогающий династии»
	Девятая	Чжэньго цзянцзюнь — «Полководец, оберегающий государство»
	Десятая	Фуго цзяньцзюнь — «Полководец, помогающий династии»
	Одиннадцатая	Фэнго цзяньцзюнь — «Полководец, служащий династии»
	Двенадцатая	Фэнзэнь цзяньцзюнь — «Полководец по императорской милости»

¹ Только маньчжуры и монголы.² Первые шесть степеней имели восемь привилегий и особых отличий (*бафэнь*) — пурпурный шарик и трехточковое павлинье перо на головном уборе, нагрудный квадрат (*буфан*) с изображением дракона, пурпурные поводья и кисти у лошадей на груди, особые копыта у ворот, особые походные чайники и коврики для сидения. Седьмая и восьмая степень не давали таких отличий. Все титулы князей и полководцев наследовались их потомками в нисходящем порядке, т.е. с понижением на одну и более степеней. Исключения составляли титулы «вечного наследования». Титулы с пятой по восьмую степень включительно даны в сокращении.

Таблица 12

Маньчжурская аристократия —
дальняя императорская родня

Категория	Значение термина	Степень родства	Примечания
Цзунжэнь	Княжеская родня	Семьи князей и полководцев императорской крови	Сыновья, дочери и жены князей и полководцев
Хуан дайцзы (<i>цзунши</i>)	«Желтопоясные»	Ближние родственники императорского дома	Прямые потомки Сяньцзу — отца Нурхаци. Носили золотые или желтые пояса
Хун дайцзы (<i>цзюэло</i>)	«Краснопоясные»	Дальние родственники императорского дома	Побочные потомки Сяньцзу. Носили красные пояса
Темаоцзы ван (<i>бадацзя</i>)	«Железно-шлемные князья»: (Восемь великих домов)	Семьи наследственных князей первой и второй степени	Потомки сыновей и внуков Нурхаци и Абахая

Таблица 13

Цинская аристократия —
вне императорской родни

Класс ¹	Титул ²	Западный аналог или значение (условно)
Первый	Гун	Герцог
Второй	Хоу	Маркиз
Третий	Бо	Граф
Четвертый	Цзы	Виконт
Пятый	Нань	Барон
Шестой	Цинчэ дуюй	Командующий колесницами
Седьмой	Ци дуюй	Командующий конницей
Восьмой	Юнь циюй	Кавалерийский военачальник
Девятый	Энь циюй	Начальник конницы

¹ Каждый класс с первого по пятый включительно делился на три степени, а классы с шестого по девятый не имели степеней.

² Титулы с первого по восьмой класс включительно — наследственные, либо навечно, либо для ряда поколений. Жаловались они сыновьям, внукам, братьям или племянникам сивонников и восначальников. Зачастую внукам и правнукам наследственный титул занижался на один, два и более классов. Так, внуки гунов могли стать бо, цзы и даже дуюй. Титулы гун и хоу в основном давались маньчжурам, намного реже — китайцам.

«Восьмизнаменные» войска

Корпуса и гарнизоны	Деление		Дислокация
	корпусов	«знамен» ¹	
Маньчжурские «знамена» (маньчжоу бацзи)			
Столичные корпуса (цзинци)	Три старших (шансань ци)	Желтое, желтое с каймой, белое	Пекин, при императорском дворе
	Пять младших (сяуци)	Белое с каймой, красное, красное с каймой, голубое, голубое с каймой	
Особые «знаменные» гарнизоны (чжуфан)	Отдельные части	Из состава различных «знамен»	25 городов столичной провинции. При императорских кладбищах
Монгольские «знамена» (мэнгу бацзи) ²			
Провинциальные «знаменные» гарнизоны (гэшэн чжуфан)	Три старших (шансаньци)	Желтое, желтое с каймой, белое	В 22 провинциальных центрах и стратегических пунктах одиннадцати провинций, включая Синьцзян
	Пять младших (сяуци)	Белое с каймой, красное, красное с каймой, голубое, голубое с каймой	
Китайские «знамена» (ханьцзюнь бацзи)			
Провинциальные «знаменные» гарнизоны (гэшэн чжуфан)	Три старших (шансаньци)	Желтое, желтое с каймой, белое	В провинциальных центрах и стратегических пунктах
	Пять младших (сяуци)	Белое с каймой, красное, красное с каймой, голубое, голубое с каймой	

¹ Кайма у желтого, белого и голубого «знамен» была красной, а у красного «знамен» — белой.

² Внутренняя структура и организация монгольских и китайских «знамен» были аналогичны маньчжурским.

Административная система Цинской империи
(Собственно Китай — «восемнадцать провинций»¹)

Административные единицы	Начальники административных единиц	Особое административное устройство
Наместничество (бу) ²	Наместник (цзунду, чжитай)	Маньчжурия
Провинция (шэн) ³	Военный губернатор (сюньфу, футай) ⁴	Внутренняя Монголия
Область (фу)	Начальник области (чжифу)	Халха (Внешняя Монголия)
Округ (чжоу) ⁵	Начальник округа (чжичжоу, даотай)	Синьцзян (Джунгария, Кашгария)
Приставство (тин) ⁶	Начальник приставства (тин-тунчжи)	Цинхай
Уезд (сянь)	Начальник уезда (чжисянь)	Тибет
Волость (сян) ⁷	Волостной староста (сянчжан)	Районы национальных меньшинств Юго-Запада ⁸

¹ Чжили, Шаньдун, Хэнань, Шаньси, Ганьсу, Шэньси, Цзянсу, Аньхуэй, Чжэцзян, Цзянси, Хубэй, Сычуань, Хунань, Гуандун, Фуцзянь, Гуанси, Юньнань и Гуйчжоу.

² См. табл. 16.

³ Провинции Шаньдун, Хэнань и Шаньси не входили ни в одно из наместничеств и подчинялись непосредственно Пекину.

⁴ Ему был подчинен гражданский губернатор (*бучжэньши*).

⁵ Существовали самостоятельные округа (*чжили чжоу*), не входившие в состав области и подчинявшиеся непосредственно *бучжэньши*.

⁶ Существовали самостоятельные приставства (*чжили тин*), не входившие в состав округа и подчинявшиеся непосредственно *бучжэньши*.

⁷ В волости не существовало чиновного аппарата, а волостной староста считался простолюдином.

⁸ Районы расселения мяо, ицзу, бай, тибетцев и других туземных народов.

Наместничества Цинской империи
(Собственно Китай)

Наместничество	Входили провинции	Ставка наместника	Совмещали обязанности ¹
Чжили	Чжили	Тяньцзинь	военного губернатора (сюньфу)
Ляньцзян	Цзянсу, Аньхуэй, Цзянси	Нанкин	
Миньчжэ	Фуцзянь, Чжэцзян	Фучжоу	военного губернатора Фуцзяни
Хугуан (Ляньху)	Хубэй, Хунань	Учан	военного губернатора Хубэя
Шэньгань	Шэньси, Ганьсу	Ланьчжоу	военного губернатора Ганьсу
Ляньгуан	Гуандун, Гуанси	Гуанчжоу	военного губернатора Гуандуна
Сычуань	Сычуань	Чэнду	военного губернатора
Юньгуй	Юньнань, Гуйчжоу	Куньмин (Юньнаньфу)	военного губернатора Юньнани

¹ Все наместники, за исключением наместника Хугуана, совмещали свои посты с должностью помощника главноуправляющего солонным делом (*цзунли яньчжэн*).

Таблица 17

Наместничества и военные округа Цинской империи
(Внешний Китай)

Наместничество	Главы наместничеств	Военные округа	Главы военных округов
Мукден (Шэнцзин)	Цзянцзюнь	Шэнцзин	Фудутун
		Цзиньчжоу	—
		Ляоси	—
Гирин (Цзилинь)	—	Синцзин	—
		Цзилинь	—
		Нингута	—
		Саньсин	—
		Бодунэ	—
		Альчука	—
		Хуньчунь	—
Хэйлуңцзян (Цицикар)	—	Айгунь	—
		Цицикар	—
		Мэргэнь	—
		Хулуңбуир	—
Улясутай	—	Хулань	—
		Бутха	—
		Кулуңь	Баньшидачэнь
Или (Кульджа)	—	Улясутай	Цаньцзань дачэнь
		Кобло	—
		Кульджа	Фудутун
		Аксу	Баньши дачэнь
		Уч-Турфан	—
		Яркенд	—
		Кучар	—
		Хотан	—
Суйюань Чахар Урумчи	—	Тарбагатай	Цаньцзань дачэнь
		Кашгар	—
		Гуйхуачэн	Фудутун
Жэхэ Чжуцзан (Тибет)	Дутун	Чахар	—
		Карашар	Баньши дачэнь
		Хами	—
	—		
	Баньши дачэнь		

Провинции Цинской империи¹

Названия	Перевод названий на русский язык
Чжили	«Непосредственно подчиненная [императорскому двору]»
Шаньдун	«К востоку от горы [Тайшань]»
Шаньси	«На запад от хребта [Тайханшань]»
Шэньси	«На запад от горного прохода [Тунгуань]»
Ганьсу	«[Область городов] Ганьчжоу и Сучжоу»
Хэнань	«На юг от реки [Хуанхэ]»
Цзянсу	«[Область городов] Цзяннина (Нанкина) и Сучжоу»
Аньхуэй	«[Область городов] Аньцин и Хуйчжоу»
Хубэй	«На север от озера [Дунтинху]»
Сычуань	«Четырехречье» (т.е. Ялунцзян, Миньцзян, Цзялинцзян и Уцзян)
Чжэцзян	«Область реки Чжэ»
Фуцзянь	«[Область городов] Фучжоу и Цзяньнин»
Цзянси	«На запад от [области] Цзяннань» (т.е. от Цзянсу и Аньхуэй)
Хунань	«На юг от озера [Дунтинху]»
Гуйчжоу	«Дорого оплаченная [кровью] область»
Гуандун	«Восточная часть области Гуан»
Гуанси	«Западная часть области Гуан»
Юньнань	«На юг от туч» (иносказательно — от Сычуани)

¹ При династии Мин существовало всего 15 провинций: Шаньдун, Шаньси, Хэнань, Шэньси, Фуцзянь, Чжэцзян, Цзянси, Хугуан, Сычуань, Гуандун, Гуанси, Юньнань, Гуйчжоу, Бэй Чжили и Цзяннань (Нань Чжили). В ходе административной реформы 1667 г. три «большие провинции» (Цзяннань, Шэньси и Хугуан) были разделены на обычные (*чжишэн*). В итоге на месте Цзяннани возникли Цзянсу и Аньхуэй. «Большая Шэньси» разделалась на «обычную Шэньси» и Ганьсу, а из Хугуана вышли Хубэй и Хунань. Таким образом, в Собственно Китае стало 18 провинций. Из двух Чжили (Северной и Южной) осталась только одна — столичная, с центром в Пекине.

Таблица 19

Провинции, управлявшиеся
военными губернаторами (сюньфу)

Провинция ¹	Ставка	Подчинение ²
Цзянсу	Сучжоу	наместнику Лянцзяна
Аньхуэй	Аньцин	—
Цзянси	Наньчан	—
Чжэцзян	Ханчжоу	наместнику Миньчжэ
Хунань	Чанша	наместнику Хугуана
Хэнань	Кайфэн	непосредственно Пекину
Шаньдун	Цзинань	—
Шэньси	Сиань	наместнику Шэньганя
Шаньси	Тайюань	непосредственно Пекину
Гуанси	Гуйлинь	наместнику Лянгуана
Гуйчжоу	Гуйян	наместнику Юньгуя

¹ Без провинций Чжили, Фуцзянь, Хубэй, Ганьсу, Гуандун, Юньнань и Сычуань, которые управлялись наместниками (см. табл. 16).

² Военные губернаторы провинций Шаньдун, Шаньси и Чжэцзян свои посты совмещали с должностью помощника главноуправляющего соляным делом и именовались *цзунли яньчжэн*. В каждой провинции кроме военного губернатора еще имелся штатский (гражданский) губернатор (*бучжэньши*). При отсутствии *сюньфу* он временно замещал его. В Цзянсу имелось два *бучжэньши* (со ставками в Нанкине и Сучжоу).

Таблица 20

Традиционный 60-летний цикл летосчисления

Год	Животное цикла	Циклический знак	Первозлементы	Цвет
1-й	Мышь	Цзя-цзы	Дерево	Синий
2-й	Корова	И-чоу	Дерево	Синий
3-й	Тигр	Бинь-инь	Огонь	Красный
4-й	Зяц	Дин-мао	Огонь	Красный
5-й	Дракон	У-чэнь	Земля	Желтый
6-й	Змея	Цзи-сы	Земля	Желтый
7-й	Лошадь	Гэн-у	Металл	Белый
8-й	Овца	Синь-вэй	Металл	Белый
9-й	Обезьяна	Жэнь-шэнь	Вода	Черный
10-й	Курица	Гуй-ю	Вода	Черный
11-й	Собака	Цзя-сюй	Дерево	Синий
12-й	Свинья	И-хай	Дерево	Синий
13-й	Мышь	Бин-цзы	Огонь	Красный
14-й	Корова	Дин-чоу	Огонь	Красный
15-й	Тигр	У-инь	Земля	Желтый

Год	Животное цикла	Циклический знак	Первоэлементы	Цвет
16-й	Заяц	Цзи-мао	Земля	Желтый
17-й	Дракон	Гэн-чэнь	Металл	Белый
18-й	Змея	Синь-сы	Металл	Белый
19-й	Лошадь	Жэнь-у	Вода	Черный
20-й	Овца	Гуй-вэй	Вода	Черный
21-й	Обезьяна	Цзя-шэнь	Дерево	Синий
22-й	Курица	И-ю	Дерево	Синий
23-й	Собака	Бин-суй	Огонь	Красный
24-й	Свинья	Дин-хай	Огонь	Красный
25-й	Мышь	У-цзы	Земля	Желтый
26-й	Корова	Цзи-чоу	Земля	Желтый
27-й	Тигр	Гэн-инь	Металл	Белый
28-й	Заяц	Синь-мао	Металл	Белый
29-й	Дракон	Жэнь-чэнь	Вода	Черный
30-й	Змея	Гуй-сы	Вода	Черный
31-й	Лошадь	Цзя-у	Дерево	Синий
32-й	Овца	И-вэй	Дерево	Синий
33-й	Обезьяна	Бин-шэнь	Огонь	Красный
34-й	Курица	Дин-ю	Огонь	Красный
35-й	Собака	У-суй	Земля	Желтый
36-й	Свинья	Цзи-хай	Земля	Желтый
37-й	Мышь	Гэн-цзы	Металл	Белый
38-й	Корова	Синь-чоу	Металл	Белый
39-й	Тигр	Жэнь-инь	Вода	Черный
40-й	Заяц	Гуй-мао	Вода	Черный
41-й	Дракон	Цзя-чэнь	Дерево	Синий
42-й	Змея	И-сы	Дерево	Синий
43-й	Лошадь	Бин-у	Огонь	Красный
44-й	Овца	Дин-вэй	Огонь	Красный
45-й	Обезьяна	У-шэнь	Земля	Желтый
46-й	Курица	Цзи-ю	Земля	Желтый
47-й	Собака	Гэн-суй	Металл	Белый
48-й	Свинья	Синь-хай	Металл	Белый
49-й	Мышь	Жэнь-цзы	Вода	Черный
50-й	Корова	Гуй-чоу	Вода	Черный
51-й	Тигр	Цзя-инь	Дерево	Синий
52-й	Заяц	И-мао	Дерево	Синий
53-й	Дракон	Бин-чэнь	Огонь	Красный
54-й	Змея	Дин-сы	Огонь	Красный

Год	Животное цикла	Циклический знак	Первозлементы	Цвет
55-й	Лошадь	У-у	Земля	Желтый
56-й	Овца	Цзи-вэй	Земля	Желтый
57-й	Обезьяна	Гэн-шэнь	Металл	Белый
58-й	Курица	Синь-ю	Металл	Белый
59-й	Собака	Жэнь-сюй	Вода	Черный
60-й	Свинья	Гуй-хай	Вода	Черный

Таблица 21

Традиционное деление года
на сельскохозяйственные сезоны

Название сезона	Начало сезона
Весна	
Начало весны — личунь	4-5 февраля
Дожди — юйшуй	19-20 февраля
Пробуждение насекомых — цзинчжэ	5-6 марта
Весеннее равноденствие — чуньфэнь	20-21 марта
Ясные дни — цинмин	4-5 апреля
Хлебные дожди — гуйюй	20-21 апреля
Лето	
Начало лета — лися	5-6 мая
Малое изобилие — сяомань	21-22 мая
Колошение хлебов — манчжун	5-6 июня
Летнее солнцестояние — сячжи	21-22 июня
Малая жара — сяошу	7-8 июля
Большая жара — дашу	23-24 июля
Осень	
Начало осени — лицю	7-8 августа
Конец жары — чушу	23-24 августа
Белые росы — байлу	7-8 сентября
Осеннее равноденствие — цюфэнь	23-24 сентября
Холодные росы — ханьлу	8-9 октября
Выпадение инея — шуанцзюй	23-24 октября
Зима	
Начало зимы — лидун	7-8 ноября
Малые снега — сяосюэ	22-23 ноября
Большие снега — дасюэ	7-8 декабря
Зимнее солнцестояние — дунчжи	21-22 декабря
Малые холода — сяохань	5-6 января
Большие холода — дахань	20-21 января

Краткая библиография

- Белов Е.А.* Краткая история Синьхайской революции. 1911–1913. М., 2001.
- Белов Е.А.* Учанское восстание в Китае (1911 г.). М., 1971.
- Беспрозванных Е.А.* Лидеры Тибета и их роль в тибето-китайских отношениях XVII–XVIII вв. Волгоград, 2001.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб., 1840.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Статистическое описание Китайской империи. Т. 1–2. СПб., 1842.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Китай в гражданском и нравственном состоянии. Ч. 1–4. СПб., 1848.
- Богословский В.А.* Очерк истории тибетского народа. М., 1962.
- Бокщанин А.А., Непомнин О.Е.* Лики Среднего царства. М., 2002.
- Бруннерт И.С., Гаггельстром В.В.* Современная политическая организация Китая. Пекин, 1910.
- Внешняя политика государства Цин в XVII в. М., 1977.
- Восстание ихэтуаней. Документы и материалы. М., 1968.
- Горохова Г.С.* Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства. М., 1980.
- Гуревич Б.П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979.
- Дацзиншен В.Г.* Новая история Китая. Красноярск, 2003.
- Демидова Н.Ф., Мясников В.С.* Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966.
- Дорониц Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002.
- Дубровская Д.В.* Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М., 1998.
- Дубровская Д.В.* Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие. 1552–1775 гг. М., 2001.
- Дугаров Р.Н.* Очерки истории и культуры Амдо: VII–XIX вв. Улан-Удэ, 1995.
- Дугаров Р.Н.* Кукупорские ханства в XV–XVIII вв. Улан-Удэ, 1999.
- Думан Л.И.* Аграрная политика цинского правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.–Л., 1936.
- Ермаченко И.С.* Политки маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974.
- Ефимов Г.В.* Внешняя политика Китая: 1894–1899. М., 1988.
- Жуков В.В.* Китайский милитаризм в 10–20-е годы XX в. М., 1988.
- Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. М., 1983.
- Зотов О.В.* Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв. М., 1991.
- Илюшечкин В.П.* Крестьянская война тайпинов. М., 1967.

- Инатова А.С.* Патриотическое движение на юге Китая в 40-е годы XIX в. М., 1976.
- История Востока. Т. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв. М., 2000.
- История Востока. Т. IV. Восток в новое время (конец XVIII — начало XX в.). Кн. 1. М., 2004.
- История Китая. М., 2002.
- История Китая. Минск, 2004.
- История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.
- История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986.
- История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Книга первая. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII — начало XX в.). Владивосток, 1987.
- История экономического развития Китая. 1840–1948. Сборник статистических материалов. Пер. с кит. М., 1958.
- Калюжная Н.М.* Восстание ихэтуаней (1898–1901). М., 1978.
- Кара-Мурза Г.С.* Тайпины. М., 1957.
- Костяева А.С.* Народные движения в Китае в 1901–1911 гг. М., 1970.
- Костяева А.С.* Тайные общества Китая в первой четверти XX в. М., 1995.
- Крымов А.Г.* Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае в первые десятилетия XX века. М., 1972.
- Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987.
- Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Этническая история китайцев в XIX — начале XX в. М., 1993.
- Кузес В.С.* Шанхайское восстание союза «Малых мечей» в Китае в 1853–1855 гг. М., 1980.
- Кузнецов В.С.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1983.
- Кульпин Э.С.* Человек и природа в Китае. М., 1991.
- Ларин В.А.* Повстанческая борьба народов Юго-Западного Китая в 50–70-х годах XIX века. М., 1986.
- Ларин В.А.* Юго-Западный Китай во второй половине XVII — 70-х годах XIX в. Проблемы региональной истории. М., 1994.
- Маньчжурское владычество в Китае. Сб. ст. М., 1966.
- Мартынов А.С.* Статус Тибета в XVII–XVIII вв. М., 1978.
- Мелихов Г.В.* Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974.
- Мясников В.С.* Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980.
- Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. М., 1996.
- Непомнин О.Е.* Экономическая история Китая (1864–1894). М., 1974.
- Непомнин О.Е.* Социально-экономическая история Китая. 1894–1914. М., 1980.
- Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б.* Синтез в переходном обществе. Китай на грани эпох. М., 1999.
- Нефедов А.С.* Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока. — «Восток», 2003, № 3, с. 5–22.
- Никифоров В.Н.* Советские историки о проблемах Китая. М., 1970.
- Никифоров В.Н.* Восток и всемирная история. М., 1975.

- Никифоров В.Н.* Первые китайские революционеры. М., 1980.
Никифоров В.Н. Китай в годы пробуждения Азии. М., 1982.
Никифоров В.Н. Очерки истории Китая. II тысячелетие до н.э. — начало XX столетия. М., 2002.
 Новая история Китая. М., 1972.
 Очерки истории Китая (с древности до «опиумных» войн). М., 1959.
 Первая половина моей жизни. Воспоминания Пу И. М., 1968.
Переломов А.С. Конфуций. Лунь юй. М., 1998.
Поршнева Е.Б. Учение «Белого лотоса» — идеология народного восстания 1796–1804 гг. М., 1972.
 Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916). М., 2004.
 Русско-китайские отношения. 1689–1916. М., 1958.
Семанов В.И. Из жизни императрицы Цыси (1835–1908). М., 1976.
Сенюткин С.Б. Новая история Китая и Японии. Нижний Новгород. 1996.
Сидихменов В.Я. Маньчжурские правители Китая. М., 1985.
Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. М., 1987.
Симоновская Л.В. Антифеодалная борьба китайских крестьян в XVII в. М., 1966.
 Синьхайская революция. 1911–1913. Сборник документов и материалов. М., 1968.
 Синьхайская революция в Китае. Сб. ст. М., 1962.
 Социальная структура Китая. XIX — первая половина XX в. М., 1990.
Стабурова Е.Ю. Политические партии и союзы в Китае в период Синьхайской революции. М., 1992.
Стужина Э.П. Китайское ремесло в XVI–XVIII вв. М., 1970.
Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1985.
 Тайные общества в старом Китае. М., 1970.
 Тайпинское восстание. 1850–1864. Сборник документов. М., 1960.
Тихвинский С.А. История Китая и современность. М., 1976.
Тихвинский С.А. Движение за реформы в Китае в конце XIX в. М., 1980.
Тихвинский С.А. Китай и всемирная история. М., 1988.
Тодер Ф.А. Тайвань и его история (XIX в.). М., 1978.
Тужилин А.В. Современный Китай. Т. 1–2. СПб., 1910.
Тяпкина Н.И. Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая (вторая половина XIX — первая половина XX в.). М., 1984.
Усов В.Н. Евнухи в Китае. М., 2000.
Усов В.Н. Последний император Китая. Пу И (1906–1967). М., 2003.
Фань Вэньлань. Новая история Китая. Пер. с кит. М., 1955.
Фомина Н.И. Борьба против Цинов на Юго-Востоке Китая. Середина XVII в. М., 1974.
Ходжаев А. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан. М., 1979.
Хуа Ган. История революционной войны Тайпинского государства. М., 1952.
Чеканов Н.К. Восстание няньцзюней в Китае. 1853–1868. М., 1963.
Чудодеев Ю.В. Накануне революции 1911 г. в Китае. Конституционное движение либеральной буржуазно-помещичьей оппозиции. М., 1965.
Яинов Е.Е. Особенности истории и хозяйства Китая. Харбин. 1933.
Бай Цзяо. Юань Шикай юй Чжунхуа миньго (Юань Шикай и Китайская республика). Шанхай, 1936.
Ван Шухуай. Вайжэнь юй Уской бяньфа (Иностранцы и реформы 1898 г.). Тайбэй, 1965.

- Го Тинги. Тайпин Тяньго ши ши жичжи (Хроника событий истории Тайпинского государства). Тайбэй, 1965.
- Гэнцзы цзиши (Записки о событиях 1900 г.). Пекин, 1959.
- Да Цин Гуансюй синь фапин (Новые законы и установления правления Гуансюй Великой Цинской династии). Шанхай, 1909.
- Да Цин Сюаньтун синь фапин (Новые законы и установления правления Сюаньтун Великой Цинской династии). Шанхай, 1909–1910.
- Да Цин хуйдянь (Свод узаконений Великой Цинской династии). [Б.м.], 1902.
- Да Цин хуйдянь ши ли (Собрание законов и постановлений Великой Цинской династии). [Б.м.], [б.г.].
- Дай И. Чжунго цзиньдай ши гао (Очерки новой истории Китая). Пекин, 1958.
- Жун Мэньюань. Чжунго цзинь бай нянь гэмин шилюэ (Краткий очерк истории Китая за последние сто лет). Пекин, 1954.
- Ихэтуань (Движение ихэтуаней). Т. 1–4. Шанхай, 1955.
- Ихэтуань даньвань шилюэ (Архивные материалы об ихэтуанях). Т. 1–2. Шанхай, 1959.
- Ихэтуань юньдун (Движение ихэтуаней). Шанхай, 1971.
- Ихэтуань юньдун люши чжоунянь цзинянь лунь вэньцзи (Сборник статей, посвященный 60-летию движения ихэтуаней). Пекин, 1961.
- Ихэтуань юньдун ши луньдун (Сборник статей о движении ихэтуаней). Пекин, 1956.
- Лай Синься. Бэйян цзюньфа шилюэ (Очерки истории бэйянских милитаристов). Ухань, 1957.
- Ли Цзяньнун. Цзуй цзинь саньши нянь Чжунго чжэнчжи ши (Политическая история Китая за последние 30 лет). Шанхай, 1931.
- Ли Чунь. Хун Жэньгань. Шанхай, 1957.
- Ли Чунь. Тайпин Тяньго чжиду чутань (Опыт исследования порядков в Тайпинском государстве). Пекин, 1963.
- Ли Шиюэ. Цзиньдай Чжунго фань янцзяо юньдун (Движение против иностранной религии в Китае в новое время). Пекин, 1958.
- Ли Шиюэ. Синьхай гэмин шици Лянху дицюйды гэмин юньдун (Революционное движение в Хубэе и Хунани в период Синьхайской революции). Пекин, 1961.
- Ли Шиюэ. Чжан Цзянь хэ лисляньпай (Чжан Цзянь и группировка конституционалистов). Пекин, 1962.
- Ли Эньхань. Ваньцинды шоухуй куанцюань юньдун (Движение за возвращение Китаю копей и рудников в конце династии Цин). Тайбэй, 1963.
- Линь Цзэнтин. Чжунго цзиньдай ши (Новая история Китая). Т. 1–2. Чанша, 1958.
- Линь Цзэсюй. Гунду (Официальные документы). Пекин, 1963.
- Ло Эрган. Тайпин Тяньго шигао (Очерки истории Тайпинского государства). Пекин, 1955.
- Ло Эрган. Тайпин Тяньго шиши као (Исследование фактов истории Тайпинского государства). Пекин, 1955.
- Ма Шаоцяо. Циндай мяоминь ции (Восстания народности мяо в цинскую эпоху). Ухань, 1957.
- Мин Цин сяошо яньцзю лунь вэньцзи (Сборник статей о прозе эпох Мин и Цин). Пекин, 1959.
- Мин Цин шилюэ (Материалы по истории династий Мин и Цин). Шанхай, 1936.
- Моу Альши. Янью юньдун (Движение за усвоение заморских дел). Шанхай, 1956.

- Моу Аньши*. Тайпин Тяньго (Тайпинское государство). Шанхай, 1959.
- Моу Аньши*. Чжун-фа чжаньчжэн (Франко-китайская война). Шанхай, 1959.
- Няньцзюнь (Восстание няньцзюней). Т. 1-6. Шанхай, 1955.
- Няньцзюнь цзыляо бецзи (Дополнительные материалы о няньцзюнях). Шанхай, 1958.
- Няньцзюнь шиляо цункань (Материалы о восстании няньцзюней). Т. 1-3. Шанхай, 1957.
- Пиндин Шань, Гань, Синьцзян хуйфэй фанлюэ (Подавление восстания мусульман в провинциях Шаньси, Ганьсу и в Синьцзяне). [Б.м.], [б.г.].
- Пэн Цзэн*. Тайпин Тяньго гэмин сычао (Идеи Тайпинской революции). Шанхай, 1946.
- Се Синьляо*. Тайпин Тяньго ды шэхуй чжэпчжи сысян (Общественно-политическая мысль тайпинов). Шанхай, 1935.
- Се Синьляо*. Тайпин Тяньго цяньхоу Гуанси ды фаньцин юньдун (Антицинское движение в Гуанси в период тайпинского восстания). Пекин, 1950.
- Синьхай гэмин (Синьхайская революция). Т. 1-8, Шанхай, 1957.
- Синьхай гэмин уши чжоунянь цзинянь луньвэнь цзи (Сборник статей к 50-летию Синьхайской революции). Т. 1-2, Пекин, 1962.
- Синьхай гэмин цзыляо (Материалы о Синьхайской революции). Пекин, 1961.
- Синьхай гэмин цянъшинянь цзянь шилунь сюаньцзи (Избранные статьи из прессы за предшествующие Синьхайской революции десятилетия). Т. 1-2. Пекин, 1960-1963.
- Сун Цзинши ции шиляо (Материалы по истории восстания Сун Цзинши). Пекин, 1959.
- Сунь Ятсен*. Сунь Чжуншань сюаньцзи (Избранные произведения). Т. 1-2. Пекин, 1956.
- Сычуань баолу юньдун шиляо (Материалы по истории движения в защиту железных дорог в провинции Сычуань). Пекин, 1959.
- Тайпин Тяньго (Небесное государство Великого спокойствия). Т. 1-8. Шанхай, 1953.
- Тайпин Тяньго вэньсюань (Избранные произведения тайпинов). Шанхай, 1956.
- Тайпин Тяньго гэмин синчжи вэньти таолунь цзи (Сборник дискуссионных статей по вопросу о характере Тайпинской революции). Пекин, 1962.
- Тайпин Тяньго цзыляо (Материалы о тайпинах). Пекин, 1959.
- Тайпин Тяньго шиляо (Материалы по истории тайпинов). Пекин, 1950.
- Тайпин Тяньго шиляо цунбянь цзяньцзи (Избранные материалы по истории тайпинов). Т. 1-6. Пекин, 1961-1963.
- Тан Чжицзюнь*. Усюй бяньфа ши луньцун (Избранные статьи по истории реформ 1898 г.). Ухань, 1957.
- Тао Цзюйинь*. Бэйян цзюнфа тунчжи шици шихуа (История господства северных милитаристов). Т. 1-4. Пекин, 1957.
- У Чжунмин*. Дигочжуи цзай цзю Чжунго ды тоуцзы (Капиталовложения империалистов в старом Китае). Пекин, 1955.
- У Юйчжан*. Синьхай гэмин (Синьхайская революция). Пекин, 1962.
- Усюй бяньфа (Реформы 1898 г.). Т. 1-4. Шанхай, 1955.
- Усюй бяньфа данъань шиляо (Архивные материалы по реформам 1898 г.). Пекин, 1958.
- Фэн Цзыю*. Гэмин иши (Неофициальная история революции). Т. 1-4. Шанхай, 1945-1947.

- Фэй Цзыю. Чжунго гэмин юньдун эр ши лю нянь цзучжи ши (26 лет истории революционных организаций в Китае). Шанхай, 1948.
- Фэн Цзыю. Гэмин иши (Неофициальная история Китайской революции). Т. 1-5. Тайбэй, 1969.
- Ху Бинь. Усюй бяньфа (Реформы 1898 г.). Шанхай, 1956.
- Ху Шэнгу, Цзинь Чунци. Лунь Цин моды лисянь юньдун (О конституционном движении в конце Цин). Шанхай, 1959.
- Хуйминь ции (Восстания мусульман). Т. 1-4. Шанхай, 1953.
- Цай Шаоцин. Чжунго цзиньдай хуэйдан ши яньцзю (Исследование истории тайных обществ Китая нового времени). Пекин, 1988.
- Цзинь Цзяжуй. Ихэтуань юньдун (Движение ихэтуаней). Шанхай, 1957.
- Цзоу Лу. Чжунго гоминьдан шигао (Очерки истории Китайского гоминьдана). Тайбэй, 1965.
- Цзян Мэньбинь. Диэрцы япья чжаньчжэн (Вторая опиумная война). Пекин, 1965.
- Цзянь Ювэнь. Тайпин цзюнь Гуанси шоуи ши (История восстания тайпинской армии в Гуанси). Шанхай, 1946.
- Цзянь Ювэнь. Тайпин Тяньго цюань ши (Полная история Тайпинского государства). Сянган, 1961.
- Цин Сюаньтун чао вайцзюа шиляо (Материалы по истории внешних сношений в период правления Сюаньтун династии Цин). Т. 1-24. Пекин, 1933.
- Цинцзи вайцзюа шиляо (Материалы по истории внешних сношений в конце правления династии Цин). Т. 1-112. Пекин, 1932-1935.
- Цин ши гао (История династии Цин). Пекин, 1927.
- Чжан Кайюань. Учан ции (Учанское восстание). Пекин, 1964.
- Чжун вай цзю юэчжан хуйбянь (Сборник договоров Китая с иностранными государствами). Т. 1-2. Пекин, 1959.
- Чжун-ван Ли Сюэчэн цзы шу цзюопу бэнь (Выверенное и дополненное издание автобиографии Верного князя Ли Сюэчэна). Пекин, 1961.
- Чжун Вэньдянь. Тайпин цзюнь цзай Юньнань (Тайпинская армия в Юньнани). Пекин, 1962.
- Чжунго вэньсюэ ши (История китайской литературы). Т. 1-4. Пекин, 1959.
- Чжунго гоцзя юй фа ды лиши данькао цзюляо (Материалы по истории государства и права в Китае). Шанхай, 1956.
- Чжунго цзиньдай гунъе ши цзюляо (Материалы по истории промышленности Китая в новое время). Т. 1-2. Пекин, 1957.
- Чжунго цзиньдай нунъе ши цзюляо (Материалы по истории сельского хозяйства Китая в новое время). Т. 1-2. Пекин, 1957.
- Чжунго цзиньдайши фэньци вэньти таолунь цзи (Сборник дискуссионных статей по вопросам периодизации новой и новейшей истории Китая). Пекин, 1957.
- Чжунго цзиньдай хоби ши цзюляо (Материалы по истории денег в Китае в новое время). Т. 1. Пекин, 1964.
- Чжунго цзиньдай цзинцзи сысян юй цзинцзи чжэнцэ цзюляо сюаньцзи. 1840-1864 (Избранные материалы по истории экономической мысли и экономической политики Китая в новое время. 1840-1864). Пекин, 1959.
- Чжунго цзиньдай ши цзюляо сюаньцзи (Избранные материалы по новой истории Китая). Пекин, 1954.
- Чжунго цзиньдай шоугунъе ши цзюляо. 1840-1949 (Материалы по истории дофабричной промышленности Китая в новое время. 1840-1949). Т. 1-2. Пекин, 1957.

- Чжунго цзыбэньчжун мэнья вэньти таолунь цзи (Сборник дискуссионных статей о зарождении капитализма в Китае). Т. 1-3. Пекин, 1957-1960.
- Чжун-жи чжаньчжэн (Китайско-японская война). Т. 1-7. Шанхай, 1956.
- Чжун-фа чжаньчжэн (Франко-китайская война). Т. 1-7. Шанхай, 1955.
- Чжунхуа миньго шиган (Очерки истории Китайской республики). Хэнань, 1986.
- Чжунхуа миньго шиляо цунбянь (Собрание материалов по истории Китайской республики). Т. 1-41. Тайбэй, 1968.
- Чэнь Гунлу. Чжунго цзиньдай ши (Новая история Китая). Шанхай, 1937.
- Чэнь Сюйлу. Синьхай гэмин (Синьхайская революция). Шанхай, 1955.
- Чэнь Цзэ. Ихэтуань юньдун ши (История движения ихэтуаней). Шанхай, 1931.
- Шанхай Сяодаохуй ции шиляо хуйбянь (Сборник материалов по истории восстания тайного общества «Малые мечи» в Шанхае). Шанхай, 1958.
- Шэнь Цзусянь. Жун ань дицзы цзи (Биография Юань Шикая). Тайбэй, 1962.
- Янью юньдун (Движение за усвоение заморских дел). Т. 1-8. Шанхай, 1961.
- Япянь чжаньчжэн (Опиумная война). Т. 1-6. Шанхай, 1955.
- Япянь чжаньчжэн ши лунвэнь као цзи (Сборник статей по истории опиумных войн). Пекин, 1958.
- Япянь чжаньчжэн шици сысян ши цзыляо сюаньцзи (Избранные материалы по истории идеологии в период опиумных войн). Пекин, 1963.
- Adshead S.A.M.* The End of Chinese Empire. L., 1973.
- Approaches to Modern Chinese History.* Berkeley-Los Angeles, 1967.
- Ayers W.* Chang Chih-tung and Educational Reform in China. Cambridge (Mass.), 1971.
- Barfield T.J.* The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China. 221 BC to 1757ad. Cambridge, 1992.
- Beal E.G.* The Origin of Likin. 1853-1864. Cambridge (Mass.), 1958.
- Bergere M.-C.* La bourgeoisie chinoise et la révolution de 1911. La Haye-Paris, 1968.
- Biggerstaff K.* The Earliest Modern Government Schools in China. Ithaca, 1961.
- Boardman E.P.* Christian Influence upon the Ideology of the Taiping Rebellion 1851-1864. Madison, 1952.
- Boxer Rising.* A History of the Boxer Trouble in China. Shanghai, 1900.
- Cameron M.E.* The Reform Movement in China. 1898-1912. L., 1931.
- Chang Chung-li.* The Chinese Gentry. Studies on their Role in nineteenth — century Chinese Society. Seattle, 1955.
- Cgang Chung-li.* The Income of the Chinese Gentry. Seattle, 1962.
- Chen J.* Yuan Shih-kai, 1859-1916. Brutus Assumes the Purple. L., 1961.
- Cheng J.C.* Chinese Sources for the Taiping rebellion, 1850-1864. Hongkong, 1963.
- Chesneaux J.* Secret Societies in China in 19th and 20th Centuries. Ann Arbor, 1970.
- Chesneaux J. and Bastid M.* La Chine: des guerres de l'opium à la guerre franco-chinoise: 1840-1885. P., 1969.
- Chiang Siang-tseb.* The Nien Rebellion. Seattle, 1954.
- China in Revolution: the first phase, 1900-1913.* Ed. by M. Wright. New Haven-London, 1968.
- Chu Wen-djang.* The Moslem rebellion in Northwest China, 1862-1878. A study of government minority policy. La Haye-Paris, 1966.
- Cb'i Hsi-sbeng.* Warlord Politics in China. 1916-1928. Stanford (Cal.), 1976.
- Cb'ü T'ung-tsu.* Local Government in China under the Ch'ing. Stanford, 1962.

- Cole J.H.* The People Versus the Taiping: Bao Lisheng's «Righteous Army of Dongan». Berkeley (Cal.), 1981.
- Conflict and Control in Late Imperial China. Ed. by F. Wakem and C. Grant. Berkeley, 1975.
- Croizier R.* Koxinga and Chinese Nationalism: History, Myth, and the Hero. Cambridge (Mass.), L., 1977.
- Curwen Ch.A.* Taiping Rebel. Cambridge, 1977.
- Eastmen L.* Throne and mandarins. China's search for a policy during the Sino-French controversy 1880–1885. Cambridge, 1967.
- Elliott M.C.* The Manchu Way. The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China. N. Y., 2002.
- Esberick J.W.* Reform and Revolution in China: the 1911 Revolution in Hunan and Hubei. Berkeley, 1975.
- Fairbank J.K.* Trade and Diplomacy on the China Coast. The Opening of the Treaty Ports, 1842–1854. Stanford (Cal.), 1969.
- Feuerwerker A.* China's Early Industrialization. Sheng Hsuan-huai (1844–1913) and Mandarin Enterprise. Cambridge (Mass.), 1958.
- Feuerwerker A.* The Chinese economy'ca 1870–1911. Ann Arbor, 1969.
- Feuerwerker A.* Rebellion in Nineteenth-century China. Ann Arbor, 1975.
- Feuerwerker A.* State and Society in Eighteenth-century China: the Ch'ing Empire in its glory. Ann Arbor, 1976.
- Feuerwerker A.* Economic Trends in the Republic of China, 1912–1949. Ann Arbor, 1977.
- Franke W.* The Reform and Abolition of the Traditional Chinese Examination System. Cambridge (Mass.), 1960.
- Goodrich L.C.* The Literary Inquisition of Ch'ieng-Lung. Baltimore, 1935.
- Gregory J.* Great Britain and the Taipings. L., 1969.
- Hao Yen-p'ing.* The Comprador in 19th century China: Bridge between East and West. Cambridge (Mass.), 1970.
- Hinton H.C.* The Grain Tribute System of China (1845–1911). Cambridge (Mass.), 1956.
- Ho Ping-ti.* Studies on the Population of China. Cambridge (Mass.), 1959.
- Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China: Aspects of Social Mobility. 1368–1911. N. Y., 1980.
- Holt E.* The Opium Wars in China. L., 1964.
- Hou Chi-ming.* Foreign Investment and Economic Development in China. 1840–1937. Cambridge (Mass.), 1965.
- Hsiao Kung-chuan.* Rural China, Imperial control in the 19th century. Wash., 1968.
- Kuhn Pb.A.* Origins of Modern Chinese State. N. Y., 2001.
- Kuhn Pb.A.* Rebellion and its Enemies in Late Imperial China. Militarisation and social structure. 1796–1864. Cambridge (Mass.), 1970.
- Li Chien-nun.* The Political History of China. 1840–1928. Toronto–London–New York, 1956.
- Lian Cbin-tung.* The Chinese Revolution of 1911. N. Y., 1962.
- Lin Le (Lindley A.F.).* Ti-ping Tien-kwoh: the History of the Ti-ping Revolution. Vol. 1–2. L., 1866.
- Lin Yu-tang.* A History of the Press and Public Opinion in China. Greenwood, 1968.
- Macartney G.* An Embassy to China. L., 1962.

- MacNair H.F.* China's International Relations and other Essays. Shanghai, 1926.
- Meadows T.* The Chinese and their Rebellions. L., 1856.
- Michael F.* and *Chang Chung-li.* The Taiping Rebellion. History and Documents. Vol. 1. History. Seattle, 1966.
- Moise E.E.* Modern China: a History. L.-N. Y., 1986.
- Morse H.B.* The Trade and Administration of China. L., 1913.
- Morse H.B.* The International Relation of the Chinese Empire. Vol. 1-3. Shanghai, 1910-1918.
- Murphey R.* The Treaty Ports and China's Modernization: What went wrong. Ann Arbor, 1970.
- Murphey R.* The Outsiders: The Western Experience in India and China. Ann Arbor, 1977.
- Naquin S.* Millenarian Rebellion in China: The Eight Trigrams Uprising of 1813. New Haven, 1976.
- Naquin S., Rawski E.S.* Chinese Society in the Eighteenth Century. New Haven, 1987.
- Perkins D.H.* Agricultural Development in China. 1368-1968. Chicago, 1969.
- Perry E.J.* Rebels and Revolutionaries in North China. 1845-1945. Stanford (Cal.), 1980.
- Popular Movement and Secret Societies in China. 1840-1950. Ed. by J. Chesneau. Stanford, 1972.
- Powell R.L.* The Rise of Chinese Military Power. 1895-1912. Princeton, 1955.
- Parcell V.* The Boxer Uprising. A Background study. Cambridge, 1963.
- Price D.C.* Russia and the Roots of the Chinese Revolution. 1896-1911. Cambridge (Mass.), 1974.
- Rawlinson J.L.* China's Struggle for Naval Development 1839-1895. Cambridge, 1967.
- Rawski E.S.* Education and Popular Literacy in Ch'ing China. Ann Arbor, 1979.
- Readings in Modern Chinese History. Ed. by Hsu G.C. N. Y., 1971.
- Remer C.F.* Foreign Trade in China. Shanghai, 1926.
- Remer C.F.* Foreign Investments in China. N. Y., 1969.
- Robertson J.R.* China from Machu to Mao (1699-1976). N. Y., 1980.
- Rozman G.* Urban Networks in Ch'ing China and Tokugawa Japan. Princeton, 1973.
- Rozman G.* Population and Markets in Ch'ing China: Studies of Aggregate Data from North China. N. Y., 1982.
- Sargent A.J.* Anglo-Chinese Commerce and Diplomacy. Oxf., 1907.
- Selby J.* The Paper Dragon. An Account of the China Wars. 1840-1900. N. Y.-Wash., 1968.
- Schiffrin H.Z.* Sun Yat-sen and the Origins of the Chinese Revolution. Berkeley-Los Angeles, 1968.
- Sharman L.* Sun Yat-sen, his Life and its Meaning, a Critical Biography. Stanford, 1965.
- Sheridan J.E.* China in Disintegration: The Republican Era in Chinese History 1912-1949. N.Y., 1975.
- Spector S.* Li Hung-chang and Huai Army. A Study in Nineteenth Century Chinese Regionalism. Seattle, 1964.
- Tan Ch.C.* The Boxer Catastrophe. N. Y., 1967.
- Teng Ssu-yü.* The Nien Army and their Guerrilla Warfare. 1851-1868. Paris-La Haye, 1961.
- Teng Ssu-yü.* Historiography of the Taiping Rebellion. Cambridge (Mass.), 1962.

- Teng S.Y.* The Taiping Rebellion and the Western Powers. A Comprehensive Survey. Oxf., 1971.
- Teng Ssu-yü, Fairbank J.K.* China's Response to the West. A Documentary Survey, 1839-1923. N. Y., 1963.
- «The Cambridge History of China». Ed. by Twitchett D., Fairbank J.K. Vol. 10, Late Ch'ing, 1800-1911. Pt. 1. Cambridge, 1978.
- «The Cambridge History of China». Ed. by Fairbank J.K., Liu K.C. Vol. 11, Late Ch'ing, 1800-1911. Pt. 2, Cambridge, 1980.
- The Second China War. 1856-1860. Ed. by D. Bonner-Smith and E.W.R. Lumby. L., 1954.
- The Chinese Empire, a General and Missionary Survey. L., 1907.
- The City in Late Imperial China. Ed. by G.W. Skinner. Stanford, 1977.
- The Modernisation of China. Ed. by G. Rozman. N. Y.-L., 1981.
- Treaties and Agreements with and concerning China. 1894-1919. Vol. 1-2. N. Y., 1921.
- Vinacke H.M.* Modern Constitutional Development in China. L., 1920.
- Wakeman F.J.* The Fall of Imperial China. N.Y., 1975.
- Wang Yeh-chien.* Land Taxation in Imperial China. 1750-1911. Cambridge (Mass.), 1973.
- Wesley-Smith P.* Unequal Treaty. 1898-1977: China, Great Britain and Hong Kong's New Territories. Hong Kong, 1980.
- Wright M.* The Last Stand of Chinese Conservatism. The T'ung-Chih Restoration. 1862-1874. Stanford, 1957.
- Young L.K.* British Policy in China. 1895-1902. Oxf., 1970.
- Young M.B.* The Rhetoric of Empire. American China Policy. 1895-1901. Cambridge (Mass.), 1968.

Указатель терминов, этнонимов и учреждений

- аймак* — административно-территориальная единица в Монголии
- амбань* — помощник или заместитель *цзянцзюня*, глава округа в Монголии и Синьцзяне; министр-резидент в Тибете
- амбань-чжангин* — военный наместник края; командующий местным гарнизоном
- андижанцы* — пришельцы из Средней Азии, поселившиеся в Кашгарии
- аньлян цзиньте* — надбавка к земельному налогу на содержание местных войск
- аньчасы ямэнь* — провинциальное судебное управление
- арат* — монгол-скотовод, простолюдин
- аха* — рабы во владениях маньчжуров
- ахун* — см. мулла
- багу взньчжан* — восьмичленное экзаменационное сочинение для получения ученой степени
- байсин* — простолюдины, народ
- байхуа* — разговорный язык
- бан₁* — цеховой подмастерье
- бан₂* — городская корпорация; землячество, организованное по типу цеха
- банцзо* — см. *бан₁*
- баньши дачэнь* — см. *амбань*
- бао* — тысяча дворов в системе *баоцзя*
- баобяо* — вооруженные частные отряды, охраняющие купцов и проезжающих
- баогун* — артельный староста; старшина, посредник при найме
- баоинь* — см. *юаньбао*
- баоху* — сельский богач, захвативший крестьянские земли
- баоцзюань* — (букв. «драгоценный свиток») жанр прозы, идущий от буддийского сектантства
- баоцзя* — фискально-полицейская система круговой поруки
- баочжан* — тысяцкий в системе *баоцзя*
- баочжэн* — см. *баочжан*
- баци* — правительственная «восьмизнаменная» армия
- бацичжуан* — поместье, хозяйство, принадлежащее «восьмизнаменной» армии
- бек* — титул родоплеменной и феодальной знати у тюркских народов, светский феодал
- бинбу* — Военное ведомство центрального правительства
- биндин* — нестроевой солдат войск «зеленого знамени»
- битунь* — военные поселения нестроевых солдат
- бинчай* — военные повинности
- бирманцы* — народ мьянма, сино-тибетской семьи языков
- бо* — третий по рангу не княжеский титул китайской аристократии
- богдо-гэгэн* — глава ламаистской церкви Монголии
- богдохан* — (букв. «святой хан») монгольский титул маньчжурского императора
- буддисты* — последователи буддийской религии
- бухао* — см. *бучжуан*
- бучжуан* — ткацкая контора; фирма, скупавшая хлопчатобумажные ткани
- бучжэнсы* — казенная палата, *ямэнь* гражданского губернатора провинции
- бучжэнши* — гражданский губернатор провинции

- бушаншу* — начальник ведомства, «министр»
- Бэй-ван* — «Князь Севера», один из высших титулов тайпинов
- бэйлэ* — титул маньчжурских князей императорской родни третьей степени
- бэйцзы* — титул маньчжурских князей императорской родни четвертой степени
- бэйян дачэн* — сановник по делам торговли на северном побережье Китая
- бэнь* — том в многотомном издании, своде, энциклопедии и других хсилографических публикациях
- бэньди* — старожил, коренной житель
- бяньчжун* — музыкальный инструмент, набор из медных колокольчиков
- бяо* — воинское соединение, часть в «зеленознаменной» армии
- бяоцзюй* — частная фирма, предоставляющая охрану
- байван* — раздача мастерской или мануфактурной работы на дом
- байжулю* — внеанговое чиновничество, внеанговые должности
- байжэнь* — см. *байван*
- байчэн* — «внешний город», китайская часть города
- ван* — титул маньчжурских князей императорской родни первой и второй степени; китайский княжеский титул
- вэйди* — тростниковые, или камышовые, земли
- вэйсотунь* — охранные посты, вид военных поселений
- вэйюань* — чиновник для поручений; стажер, ожидающий служебной вакансии
- вэнь₁* — мелкая медная монета
- вэнь₂* — (букв. «изысканная проза») философские и исторические тексты на древнем языке *вэньянь*
- вэньмин си* — «просветительский», или «цивилизованный театр»
- вэньси* — (букв. «гражданские пьесы»), один из жанров традиционного театра
- вэньцзы юй* — литературная инквизиция в период Цин
- вэньшэнь* — штатские *шэньши*, обладатели гражданских степеней
- вэньянь* — архаичный язык классических канонов
- газават* — «священная война» мусульман против «неверных», т.е. немусульман
- гайту гуйлю* — замена *тусы* на чиновников, назначаемых из центра
- ганьчжи* — десяти- или двенадцатидневный цикл календаря
- гаошань* — (букв. «горцы») народ австронезийской семьи языков, проживающий на Тайване
- Гои — Государственный совет; Совет князей-регентов и сановников
- гоцзун* — почетное название членов княжеских семей в Тайпинском государстве
- Гоцзыцзянь — (букв. «Академия сынов отечества») правительственное учебное заведение
- гоши* — столичные экзамены на степень *цзиньши*
- гу* — принудительный наем в казенных мануфактурах
- гуа* — отделение подпольной религиозной секты
- гуайини* — шанхайский, или торговый, лян
- гуаннин — гуандунский лян
- гуанцай* — (букв. «широкоцветие») особый стиль декорирования фарфора
- гуань* — казенное начало в экономике
- гуаньбао* — (букв. «казенные газеты») правительственная пресса
- гуаньди* — казенные земли
- гуаньду миньсяо* — продажа солеварами соли под надзором властей
- гуаньду шанбань* — казенно-частное предпринимательство под контролем властей
- гуаньду шансяо* — сбыт купцами соли под надзором чиновников
- гуаньтянь* — см. *гуаньди*
- гуаньшан* — купец-откупщик, получивший от казны монопольное право на торговлю
- гуаньхуа цзыму* — алфавит на основе пекинско-го диалекта
- гуаньцзу* — земельная подать, налог с казенных земель
- гуаньцяньпу* — казенная денежная лавка

- гуаньча — чай, продаваемый по казенной лицензии
- гуаньчжуан — казенное поместье
- гуаньшан хэбань — совместное предпринимательство казны и частных торговцев
- гуаньшуй — см. чангуаньшуй
- гуаньюнь гуаньсяо — система казенных перевозок и сбыта соли
- гуаньюнь шансяо — система казенной перевозки и частной продажи соли
- гуаньянь — соль, продаваемая в рамках откупной системы
- губэнь — см. вэньянь
- гугун — наемный работник, работа по найму
- гун — см. гу
- гуйбинвэйсо ди — земли бывших минских караульных постов
- гуйбинвэйсо тунтянь — см. гуйбинвэйсо ди
- гун₁ — титул маньчжурских князей императорской крови пятой-восьмой степени; княжеский титул китайской аристократии
- гун₂ — сословие ремесленников
- Гунбу — Ведомство работ центрального правительства
- гунбэнь — основатель или владелец шахты
- гунжэнь — наемный ремесленник, рабочий
- гунны — тюркоязычный кочевой народ, II-V вв.
- гунсо — гильдия; корпорация торговцев, ростовщиков или предпринимателей, созданная по отраслевому признаку
- гунтоу — староста артели; старшина, ответственный за нанятую рабочую силу
- гунтянь — «общинные» земли
- Гунхан — монопольное объединение купцов-откупщиков для торговли с иностранцами в Гуанчжоу
- гунцянь — ремесленник, полноправный член цеха
- гуншэнь — особая, привилегированная категория *шэньюаней*
- гуньянь — (букв. «судебная проза», «судебный роман»), жанр прозы
- гунюнь — крестьянские отработки хозяину земли
- гурххи — объединение народов, составивших в XVIII в. ядро современных непальцев
- гуса — см. ци
- гуцзу — аренда земли с твердо фиксированной натуральной рентой
- гуцы — (букв. «сказ под барабан») песенно-повествовательный жанр сценического искусства
- гучжуан — дворцовые, или императорские, поместья династии Мин
- гэнминтянь — бывшие удельные земли периода Мин
- дадянь — крупный ломбард
- далай-лама — титул первосвященника ламаистской церкви в Тибете
- Далисы — Верховный суд при центральном правительстве
- данну — закладная лавка, ломбард
- данте — лицензия на право открытия ломбарда
- данцянь — управляющий ломбардом
- даншан — владелец ломбарда
- даншуй — ломбардный налог
- даньху — (букв. «лодочный люд») категория «подлого люда»
- даосы — последователи религии и философской школы даосизма
- даотай — инспектор, начальник округа
- дасюэши — канцлер Императорского секретариата (Нэйгэ), один из четырех его руководителей
- датун — «всеобщее единение» — древнекитайская утопическая концепция
- дауры — монголоязычный народ на востоке Внутренней Монголии, потомки киданей
- даху — (букв. «большие дома») крупные землевладельцы
- дачжангуй — главный управляющий переводной конторой
- дачунь — осенний урожай
- даюаньшуй — главнокомандующий китайскими войсками или повстанцами
- дехканин — землевладелец, крестьянин у ираноязычных (персоязычных) народов
- джала — маньчжурский полк
- джасах — монгольский владетельный князь, глава *хошуна*

- джихад — см. *газават*
 джонка — парусное грузовое судно ма-
 лого тоннажа
 джунгары — см. ойраты
 дзалан — военно-административная еди-
 ница в Монголии
 дзасак — см. *джасак*
 дидин — единый земельно-подушный
 налог
 дин — тяглый, мужчина от 16 до 60 лет
 динкоу — тяглые и нетяглые, население в
 целом
 динфу — подушная подать, составная
 часть *дидина*
 диншуй — подушный налог
 дифанси — (букв. «местная драма») пье-
 са фольклорного жанра
 дифанчжи — полуофициальные много-
 томные описания различных админи-
 стративно-территориальных единиц
 дифу — поземельный налог, составная
 часть *дидина*
 дичжу¹ — землевладелец, рентополуча-
 тель, арендодатель
 дичжу² — отливка серебра весом менее
 ляна
 дия — имущественный залог под денеж-
 ную ссуду
 ду — наместничество, обычно объеди-
 нявшее две провинции
 дуаньгун — поденщик; краткосрочный
 наем
 дубу цинлиси — департамент, ведавший
 поимкой беглых рабов
 дубу ямэнь — местное учреждение, ве-
 давшее поимкой беглых рабов
 дуду — военный губернатор провинции
 дудэ — особые охранные грамоты, выда-
 ваемые буддийским и даосским мо-
 настырям и храмам
 дуйтяо — переводной чек
 дуйчжуан — см. *цяньчжуан*
 думай — продажа земли без права выку-
 па
 Дун-ван — «Князь Востока», один из
 высших титулов *тайпинов*
 дунгане — мусульманская народность
 Синьцзяна сино-тибетской семьи
 языков
 Дунлинь — Академия в г. Уси, учреж-
 денная в эпоху Мин
- дунлиньцы* — группировка шэньши-
 реформаторов, сложившаяся на базе
 академии Дунлинь
дунцзя — владелец капитала, вложенного
 в дело
дутун — командир «знамени» («корпу-
 са»)
дуфу ямэнь — провинциальное управле-
 ние; *ямэнь* наместника
 Дучаюань — Палата цензоров при цен-
 тральном правительстве
дучеры — народность тунгусо-маньчжур-
 ской группы языков
дянь — аренда земли или помещения
дяньдан — ломбард, закладная лавка
дяньин — (букв. «электрические тени»)
 кинематограф
дяньпу — см. *данпу*
дяньху — арендатор земли; арендатор-
 ский двор
дяньшан — см. *даншан*
дяньюэ — арендный договор, соглашение
 об аренде
дянья — см. *дяньдан*
- еши* — ночной рынок в крупном городе
- жи* — дневная выработка предприятия,
 принятая компаниями за единицу
 исчисления паев
жуцзян — (букв. «конфуцианский полко-
 водец») верноподданный военный —
 носитель конфуцианской морали
- засаг* — см. *джасак*
- и₁* — государственные повинности, оброк
 с казенных крестьян
и₂ — (букв. «варвары») неханьские на-
 родности, иностранцы
И-ван — (букв. «Князь-помощник») один
 из титулов у *тайпинов*
иди — земли национальных меньшинств,
 землевладение неханьских народов
иду гунду — (букв. «применять яд против
 яда») политическая доктрина — «ис-
 пользовать одних врагов для обузда-
 ния других»
ии чжи — (букв. «править варварами
 руками других варваров» — внутри-
 и внешнеполитический принцип)

- имам* — верховный глава мусульман, носитель светской и духовной власти
- иминь* — отряды тайваньских партизан, боровшихся с японскими захватчиками
- Ин-ван — (букв. «Мужественный князь») один из титулов у тайпинов
- интянь* — см. *тунтянь*
- иньгучу* — провинциальное военное ведомство
- иньгу* — пайщик шаньсиских переводных контор
- иньди* — см. *иньтинь*
- иньдин* — серебряный слиток весом 10 лян
- иньлу* — см. *луфан*
- иньпу* — см. *луфан*
- иньняо* — частные банкноты, платежные обязательства, векселя
- иньтянь* — «скрытые поля»; земли, не включенные в кадастр
- иньхао* — крупная меняльная лавка
- иньцзюй* — ссудная контора, ломбард
- иньцы* — (букв. «развратные слова») оппозиционные намеки, встречающиеся в художественных произведениях
- иньчжуан* — одна из категорий поместий императора и маньчжурской знати
- иньшан* — соляной торговец; купец, имеющий разрешение на один из видов торговли, являвшихся монополией казны
- иу* — см. *янгу*
- ихэтуани* — участники антииностранного, антиимпериалистического движения 1898–1901 гг.
- ицзу₁* — народ тибето-бирманской группы, проживавший в Сычуани и Юньнани
- ицзу₂* — аренда земли с натуральной рентой, изменявшейся в зависимости от урожая
- ичжань* — правительственная ямская и курьерская служба
- ичжаньинь* — замена ямской повинности денежными сборами
- ичжун* — отряды тайваньских добровольцев, сражавшиеся с японскими захватчиками
- Ичжэнван дачэнь хуэй — см. Гои
- июань* — тайваньский парламент
- калмыки — западномонгольская (ойратская) народность
- калон* — министр-правитель в Тибете
- каоцзюй* — традиционная система экзаменов для получения ученых степеней шаньши
- каоцзюйсюэ* — источниковедческая школа, комментирование древних текстов
- кафиф* — (букв. «неверный») обозначение мусульманами всех иноверующих
- кидане — племена монгольской группы, создатели государства Ляо (X — начало XII в.) на севере Китая
- киргизы — тюркоязычный народ в Средней Азии и Китае
- кишлак — сельское поселение среднеазиатских народов
- ко* — сословие ремесленников в средневековой Японии
- конфуцианцы — приверженцы этикополитического учения Кун-цзы, носители официальной идеологии
- коу* — нетягловый люд (женщины, дети, старики)
- коутоу* — церемония коленопреклонения на приеме у императора
- Кохонг — см. Гунхан
- куаншуй* — налог с горных разработок
- кули* — грузчик, носильщик, чернорабочий
- куньцзюй* — куньшанская драма, один из видов традиционного театра
- купин* — казначейский лян
- кырыклык* — ежемесячный денежный сбор с мусульманского населения Кашгарии
- кэтоу* — см. *хэцзя*
- кэху* — см. *хэцзя*
- кэцза* — см. *сюдин*
- хэцзя* — переселенец в южных провинциях
- хэшан* — купец, приезжий из другой провинции
- кяфиф* — см. *кафиф*
- лама* — монах у буддистов-ламаистов Тибета и Монголии
- лаобань* — подрядчик по найму рабочей силы

- ли₁* — «сто дворов», административное обозначение деревни; городской квартал в системе *баоцзя*
- ли₂* — этническая группа на юге Китая
- ли₃* — дополнительные постановления, внесенные в кодекс законов
- Либу — Ведомство церемоний при центральном правительстве
- лигуниэнь* — низшая ученая степень *шэньши*, приобретаемая за деньги
- лимин* — городские жители в системе *баоцзя*
- лисюэ* — неоконфуцианство, чжусианство
- Лифаньюань — Палата по делам «зависимых территорий» — Монголии, Синцзяня и Тибета
- лицзинь* — внутренняя таможенная пошлина
- лицзя* — система фискально-полицейского надзора за населением
- лицзяньшэнь* — низшая ученая степень *шэньши*, приобретаемая за деньги
- личжан* — деревенский староста
- лотобан* — категория шаньсийский купцов, торговавших в районах к северу от Великой китайской стены
- луфан* — частная сереброплавильная мастерская
- луцюань* — (букв. «полевая армия») войска центрального правительства
- лэцзинь* — (букв. «злой *шэньши*») притеснитель крестьян
- Любу — «Шесть ведомств» (налогов, церемоний, военное, наказаний, работ, чинов)
- люгуань* — прямое правление из центра в районах национальных меньшинств
- люй* — основные, неизменяемые статьи кодекса законов
- люйин* — см. *люйци*
- люйци* — войска «зеленого знамени», вербовавшиеся из китайцев
- люйцибин* — солдаты войск «зеленого знамени»
- люлюй* — (букв. «шесть правил») моральные нормы конфуцианцев
- люман* — бродячий люд, беглые, люмпены
- лючай* — транспортные повинности
- лян* — «взвод» у тайпинов, объединение 25 семей
- ляминь* — (букв. «добропорядочный люд») четыре сословия (*сыминь*)
- лянхан* — зерноторговая фирма; рисоторговец-оптовик
- лянхао* — шаньсийские переводные конторы, связанные общим капиталом или родственными узами
- ляиху* — см. *ляиминь*
- лянчжуан* — одна из категорий поместий, принадлежавших императору или маньчжурской знати
- лянчжэ* — (букв. «переводной налог») пересчет налога из натуральной формы в денежную и обратно
- лянчуаньбан* — категория шаньсийских купцов, торговавших в собственно китайских провинциях
- ляньцюнь* — «зеленознаменные» части, вооруженные и обученные по западному образцу
- майбань* — компродор, посредник между китайскими и иностранными фирмами
- мангун* — сезонный работник, нанятый на страду
- маньчжуры — народ тунгусо-маньчжурской группы, коренное население Северо-Восточного Китая
- матинь* — см. *жаибяо*
- мидянь* — рисовая лавка, лабаз
- минь* — народ, четыре основных сословия (*ши, нун, гун, шан*)
- миньди* — частные земли
- миньжэнь* — юридически свободный человек
- миньтуань — отряды местной самообороны, создаваемые *шэньши* и землевладельцами
- миньтунь* — гражданские поселения колонистов *туньдин*
- миньтянь* — см. *миньди*
- миньфутянь* — податные земли, основная категория частных земель
- миньху* — крестьянин, крестьянский двор; простолюдин
- миньцзюй* — частная посыльная служба
- мипу* — см. *мидянь*
- михан* — см. *ляихан*
- мицзу* — см. *гуцзу*
- мишан* — рисоторговец-оптовик

- монголы — население Халхи и Внутренней Монголии
- мохар — старая непальская монета, имевшая хождение в Тибете
- мулла — служитель религиозного культа у мусульман
- мэньнай — фискально-учетная табличка на дверях и воротах домов
- мяо — этнос Южного Китая, родственник яо
- мяоди — земли народности мяо
- мяохуэй — ярмарка в дни храмовых праздников
- нань — пятый по рангу не княжеский титул китайской аристократии
- наньбан — объединение ростовщиков из провинций Чжэцзян и Цзянсу в Пекине
- Нань-ван — (букв. «Князь Юга») один из высших титулов тайпинов
- наньян дачэнь — императорский уполномоченный по торговле в южных портах
- никань — маньчжурское название покоренных китайцев и населения Южного Китая
- нифу — рота, военно-хозяйственная единица «восьмизнаменной» организации
- ноён — см. *нойон*
- нойон — господин, аристократ, князь, монгольский титул
- ну — см. *нуу*
- нубэй — раб, невольник
- нули — домашние рабы и слуги
- нун — сословие земледельцев
- нунмиюнь — крестьянство, земледельцы
- нунхуэй — крестьянский союз, деревенское сообщество
- нуу — челядь, слуги, в том числе рабы
- Нэйгэ — Императорский секретариат, высший правительственный орган
- Нэйуфу — Дворцовое управление центрального правительства
- нэйчэн — «внутренний город», укрепленная маньчжурско-знаменная часть города
- нюба — закодированное обозначение псевдопотомка династии Мин в среде тайных обществ и сект
- нойчжэнь* — см. *чжурчжэни*
- ноу* — см. *нифу*
- няньдан* — см. *няньцзюнь*
- няньцзюнь* — крестьяне-повстанцы на севере Китая в 1853–1868 гг.
- ойраты* — западномонгольские племена
- най* — десяток дворов в системе *баоцзя*
- найтоу* — десятский в системе *баоцзя*
- найцэ* — учетный список жителей по десяти дворам
- панчен-лама* — титул второго (после да-лай-ламы) иерарха ламаистской церкви в Тибете
- пинбан* — одно из трех землячеств шаньсийских ростовщиков
- пинминь* — простонародье, простолудин
- пинтяо* — денежный чек, платежное обязательство
- пинхуа* — (букв. «прозаический сказ») жанр, соединяющий фольклор и сценическое искусство
- пинцзюй* — «северный театр», особый стиль театрального искусства
- пингвинтуань* — отряды патриотов, сражавшихся против англичан в период первой «опиумной» войны
- пинъюй* — надбавка к земельно-подушному налогу, связанная со стандартизацией слитков налогового серебра
- пинь* — обозначение класса данного чина; девять чиновных градаций
- пиньгуань* — ранжированное чиновничество
- пиньминь* — см. *пиньху*
- пиньлун* — см. *пиньху*
- пиньху* — беднота, крестьянин-бедняк
- пиньцзи* — восемнадцать категорий чиновничества, ранжированного по классам и рангам
- пина* — струнный щипковый музыкальный инструмент типа лютни
- пиця* — рядовой, солдат «знаменных» войск
- ну* — см. *нуу*
- нуи* — слуги, челядь
- нучжу* — хозяин лавки, торговец
- нэнминь* — (букв. «живущие в шалашах») беднота, мигранты, низы сельского населения

- няохао* — банковская или переводная контора
- няоцзюй* — см. *няохао*
- няочжуан* — см. *няохао*
- няошан* — шаньсийский банкир-ростовщик, владелец *няохао*
- салары* — тюркоязычный народ, живущий в провинциях Ганьсу и Цинхай
- сальк* — надбавка к ежемесячному денежному сбору с мусульман Кашгарии
- саньгуй цзюкоу* — см. *коутоу*
- саньминь чжуи* — «три народных принципа» суньятсенизма (национализм, народовластие, народное благоденствие)
- саньфань* — «три князя-данника», «три вассала»
- саньцай* — конфуцианская система «трех начал»: Неба, Земли и Человека
- саньцзяо* — «три учения»: конфуцианство, буддизм и даосизм
- саньюань* — три палаты в системе дворцового госаппарата
- се* — сословие торговцев в средневековой Японии
- си* — сословие самураев в средневековой Японии
- сибан* — (букв. «западная корпорация») объединение простых ремесленников
- сибо* — народ тунгусо-маньчжурской группы на Северо-Востоке Китая
- Си-ван* — (букв. «Князь Запада») один из высших титулов у *тайинов*
- сике* — см. *сишан*
- Синбу* — Ведомство наказаний при центральном правительстве
- синьхай* — обозначение 1911 г. по старому китайскому календарю
- синьцзюй* — см. *миньцзюй*
- синьцзянь луцзюнь* — см. *ляньцзюнь*
- синьцзяо* — (букв. «новое учение») секта и одно из направлений ислама у дунган
- синьчжэн* — (букв. «новая политика») правительственный курс начала XX в.
- сисинь* — (букв. «промывание мозгов») идеологическая обработка населения
- сишан* — купец из пров. Шаньси
- солонь* — ветвь маньчжурской народности в предгорьях Большого Хингана в Маньчжурии
- сомон* — административно-территориальная единица в Монголии, часть аймака
- султан* — титул мусульманского светского правителя
- суцзы* — упрощенные иероглифы для замены сложных знаков
- сы₁* — частное начало в экономике, в отличие от казенного — *гуань*
- сы₂* — одна из категорий провинциальных учреждений
- сыбоцзы* — (букв. «мертвый труженик») шахтер, продавший себя в рабство владельцу шахты
- сылу* — старый крупный *луфан*
- сыминь* — «четыре сословия»: *ши, нун, гун, шан*
- сымяоди* — храмовые и монастырские земли
- сыфань* — «четыре князя-данника» на службе у династии Цин
- сыча* — заводчик-предприниматель в угледобыче
- сэйканфон* — «курс на подчинение Кореи» Японией
- сюйсянь* — номинальные, в основном купленные за деньги чины и должности; почетная бюрократия
- сюньфандуй* — местные «охранные войска» провинциального подчинения
- сюньфу* — военный губернатор провинции
- сюньши* — базар, собиравшийся раз в десять дней
- сючай* — см. *шэньюань*
- сюэту* — ученик ремесленника; подручный в мастерской, в лавке, магазине
- сюэтянь* — училищные земли
- сюэучу* — провинциальное учебное ведомство
- сюэцзу* — подать с «училищных земель», сдававшихся в аренду
- ся₁* — земли низшей категории урожайности
- ся₂* — (букв. «странствующий рыцарь») благородный герой, удалец, мститель за обиженных, борец с иноземными завоевателями
- сябу* — тонкая хлопчатобумажная ткань ручной выделки
- сянху* — см. *миньху*

сянчжан — волостной или деревенский староста
сянчжун — сельская милиция, ополчение под началом шаньши и землевладельцев
сяньчжэ — (букв. «сельские собеседования») система идеологической обработки населения
сяньчжэй — общее название надбавок к земельно-подушному налогу
сяо — принцип «сыновней почтительности», подчинение старшим
сяодин — серебряный слиток весом от 1 до 5 лянов
сяожэнь — лишённые этических норм «мелкие людишки»; ищущие выгоду и барыш торговцы; простые труженики
сяокан — (букв. «малое благосостояние») конфуцианский принцип
сяокэ — см. *сяодин*
сяоляо — см. *иньяо*
сяоху — крестьянский двор, крестьянин
сяоцинци — разъездной приказчик торговой фирмы или лавки; мелкий бродячий торговец
сяочунь — летний урожай
сяошо — (букв. «низкая проза») рассказ, повесть, роман
сяоюаньбао — серебряный слиток весом в 10 лянов
сяоэр — мелкий ломбард

таджики — народ иранской группы языков
тайбан — одно из землячеств шаньшиских ростовщиков
тайджи — (букв. «потомственный дворянин») невластельный князь, наследственный титул монгольской знати
тайпини — участники антиманьчжурской Крестьянской войны 1850–1868 гг.
тайцзы — наследник престола
тайцзянь — евнухи при дворе императора и императорской родни
тангуты — народ тибето-бирманской группы, ассимилированный монголами и тибетцами
танчжуши — главы канцелярий «Шести ведомств»
таньцы — (букв. «струнный сказ») песенно-повествовательный жанр сценического искусства

таожэнь — беглый раб, невольник, объявленный в розыск
те — денежный вексель
тибно — провинциальный контингент войск «зеленого знамени»
тиду — командующий провинциальными войсками
тилю — «чистка мыслей», конфуцианская индоктринация, идеологическая обработка населения
тин — приставство (административная единица)
тици — (букв. «всадники в красном») тайные агенты для слежки за населением

торгоуты — одно из западномонгольских племен
тоусоцзи — хлопкоткацкий станок с бросаемым челноком
тоучунжэнь — крепостной крестьянин на землях, принадлежавших маньчжурам
ту — см. *сюэту*
туань — (букв. «отряды») самоназвание ихэтуаней
туаньянь — сельское ополчение, прошедшее специальное обучение
туба — (букв. «местный деспот») крупный землевладелец, обладавший большим влиянием в округе
тубо — тибетские племена в западной части Сычуани
тубу — хлопчатобумажная ткань ручной выделки
туди — см. *сюэту*
туйцзюй — система рекомендации «достойных людей» в чиновную среду
туйцзоань ди — земельный надел «знаменного» (*цижэнь*), отказавшегося от его обработки
тун — неханьская народность Юго-Западного Китая
тунгусы — народ тунгусо-маньчжурской группы языков
тунхо — артельщик, полноправный член артели
тунь — поселок сельского типа
туньдин — колонист в гражданских поселениях *миньтунь*
туньтянь — военные поселения, земли военных поселений

- тусы* — князьки и старшины в районах национальных меньшинств
тусьди — земли *тусы*
туфэй — разбойник, бандит
тухао — см. *туба*
туяошуй — налог на опиум местного производства
тэвонгун — корейский князь-регент
тэйшонь — участники Крестьянской войны 1771–1802 гг. во Вьетнаме
тюа — титул короля Аннама
 Тянь-ван — (букв. «Небесный князь») титул главы Тайпинского государства
 Тяньго — «царство небесное» у тайпинов
тяньди — нижний слой, подпочва земельного участка
тяньмянь — верхний слой, плодородная поверхность земли
тяньфан цишуй — налог на имущественные сделки и наследство
тяньфу — общее название всех видов поземельного обложения; земельный налог
- учжэ* — неимущий, бесхозный крестьянин
 уйгуры — тюркоязычный народ в Синьцзяне
уеи — (букв. «военные пьесы») один из жанров традиционного театра
усюй бяньфа — реформы 1898 г.
учаньчжэ — см. *учжэ*
учэн — (букв. «пять частей») пять районов Пекина
ушэнь — военный шэньши, прошедший особые экзамены
- фан* — мастерская, мануфактура
фанза — небольшой одноэтажный дом на каркасе из деревянных столбов
фанчжи — см. *дифанчжи*
фань — см. *И₂*
фаньван — китайские «князья-данники» на службе у династии Цин
фаньго — (букв. «государство-данник») полусамостоятельное удельное княжество
фаньди — см. *иди*
фаньжэнь см. *миньжэнь*
- фу* — область
фудутун — помощник командира «знамени», заместитель командующего корпусом; начальник военного округа
фунун — богатый крестьянин, кулак
футай — см. *сюньфу*
фуху — (букв. «богатая семья») крупный землевладелец
фуцзэ — доверительный знак при переводной денежной операции
фучжангуй — помощник управляющего переводной конторой
фучжу — серебряная отливка весом менее 1 лян
фэйфу — см. *фуцзэ*
фэй — разбойник, бандит; повстанец, мятежник
фэньгуань — филиал внутренней таможенной заставы
фэньфу — одна из половинок доверительного знака *фуцзэ*
фэньхао — отделение, филиал казенного учреждения или частной фирмы
фэньцзэ — натуральная издольщина при аренде земли без отработок
фэньцзюй — см. *фэньгуань*
фэньця — см. *фэньгуань*
фэньчжуан — отделение, филиал торговой фирмы или переводной конторы
фэньчжун гунгяцзэ — издольная рента с отработками
- хайдао* — см. *хайкоу*
хайкоу — китайские морские пираты, морские контрабандисты
хайцзинь — (букв. «морские запреты») внешняя изоляция провинций со стороны моря
Хайцзюнь ямэнь — Адмиралтейство
хаким-бек — правитель города в Кашгарии
хакка — см. *кэцзя*
хан₁ — цеховое объединение ремесленников и торговцев одной специальности
хан₂ — титул правителя у тюркских и монгольских народов
ханбан — цех, цехогильдия
ханьжэнь — см. *ханьцы*
 Ханьлинь — Императорская академия; член академии

- ханьцзюнь* — китаец, служивший в «восьмизнаменных» войсках и принадлежавший к сословию *цижэнь*
- ханьцзы* — самоназвание китайской нации
- хао* — торговая фирма, компания
- хаосянь* — см. *сяньюй*
- хаоцао* — участки земли, заросшие кустарником
- хо* — см. *хобань*
- хобань* — артель пайщиков; пайщик, член артели
- хобоцзы* — вольнонаемные горняки и рабочие
- ходжа* — почетный титул мусульманина, местный теократический правитель
- хойты* — одна из этнических групп западных монголов (ойратов)
- хотогойты* — одна из этнических групп западных монголов (ойратов)
- хотоу* — артельный староста
- хоу* — второй по рангу княжеский титул китайской аристократии
- хоубу* — кандидат на вакантную чиновничью должность
- хоусаньфань* — (букв. «три поздних данника») три удельных князя
- хоусюань* — см. *хоубу*
- хохао* — надбавка к земельно-подушному налогу, связанная с унификацией пробы серебра
- хоцзи* — приказчик в торговом заведении
- хоцзу* — см. *ицзу*
- хошо бэйлэ* — маньчжурский титул знатности
- хошоуты* — одна из этнических групп западных монголов (ойратов)
- хошун* — административно-территориальная и военная единица в Монголии, совпадающая с княжеством
- ху* — двор, податная единица в городе и деревне
- хуабу* — «цветистый» драматургический стиль, «красочные» театральные постановки
- хуабэнь* — (букв. «основные словеса») повесть, городская новелла
- хуанди* — титул императора
- хуанцэ* — подушный реестр налогового ведомства
- хуанчжуан* — императорское поместье
- хуацзюй* — см. *вэньмин си*
- хуацяо* — китайские эмигранты
- хубилган* — «перерожденец» какого-либо буддийского (ламаистского) святого
- Хубу* — Ведомство налогов центрального правительства
- худи* — земли по берегам озер
- хунтоу* — «красноголовые», повстанцы Гуандуна 50-х годов XIX в.
- хунхуэ* — бандит, разбойник в Маньчжурии
- хунцзинь* — см. *хунтоу*
- хуся* — крепостной китаец, приписанный к семье «знаменного»
- хутунь* — см. *миньтунь*
- хуцинь* — двухструнный смычковый музыкальный инструмент
- хуэй* — см. *дунгане*
- хуэйби* — система лишения китайских чиновников вакансии
- хуэйгуань* — территориально-земляческое объединение ремесленников и торговцев одной специальности
- хуэйдан* — общее название тайных обществ
- хуэйдуйчжуан* — переводная контора
- хуэйняо* — переводной чек
- хуэйфэй₁* — бандит, разбойник; член тайного общества
- хуэйфэй₂* — «мусульмане-разбойники», мусульманские повстанцы
- хуэйхао* — см. *хуэйдуйчжуан*
- хуэйцюань* — см. *дуйтяо*
- хэйди* — «скрытые» поля, не включенные в земельный кадастр
- хэйтянь* — см. *хэйди*
- хэту* — пайщик, компаньон; паевое соглашение
- хэтунжэнь* — см. *хэту*
- хэхо* — паевое участие; компаньон; артель пайщиков
- хэшан* — бродячий буддийский монах, бонза
- хэюйди* — наносные земли
- цайбань* — принудительные «заготовки» частных товаров и сырья, организуемые казной по низким ценам
- цайдун* — см. *дунцзя*

- цаймай* — принудительные «закупки» казной сырья и готовых изделий у частных
- цаньцзань дачэнь* — начальник округа; советник по гражданским делам; главноуправляющий в Кашгарии
- цаньши* — (букв. «проедание тутового листа шелкопрядом») доктрина китаизации национальных меньшинств
- цао* — см. *цаолян*
- цаобяо* — охранные войска, несшие службу вдоль Великого канала
- цаолян* — натуральный продовольственный налог
- цаошан* — налоговый *лян*, применяемый при переводе ставок *цаоляна* в денежную форму
- цаосян* — общее название надбавок к натуральному продовольственному налогу
- цаочжэ* — см. *лянчжэ*
- цаошань* — невозделываемые земли
- цаоши* — деревенский, волостной рынок
- цаоди* — земельные участки, где добывалась соль
- цаохопу* — лавка мелочного товара
- цацзюань* — (букв. «смешанные налоги») дополнительные поборы
- цацзюй* — (букв. «смешанные пьесы») один из жанров традиционного театра
- цзецюань* — платежное обязательство переводных контор
- цзи* — обозначение ранга данного чина
- цжими* — доктрина «сдерживания», или «сковывания варваров» с помощью уступок на путях приобщения их к китайской культуре
- цзинли* — доверенное лицо, управляющий
- цзинлюэ* — чрезвычайный императорский уполномоченный, эмиссар с неограниченными правами
- цзинтянь* — древняя наделная система «колодезных полей», идеал справедливого землепользования
- цзинци* — торговый агент; разъездной торговец; маклер, комиссионер
- цзинцзюй* — «столичная» музыкальная драма, особый вид театрального искусства
- цзиньху* — см. *шэньши*
- цзиньбан* — княжеский титул династии Мин
- цзиньши* — высшая ученая степень, получаемая при сдаче столичных экзаменов
- цзитайнь* — «жертвенные» земли, урожай с которых шел на храмовые нужды
- цзифан* — мастерская, мануфактура
- цзиху* — ткач, ткацкий двор
- цзиши* — см. *мяохуэй*
- цзолин* — см. *нифу*
- цзочжуан* — правление, совет городской корпорации
- цзу₁* — клан, патронимия
- цзу₂* — аренда земли или помещения
- цзукэ* — земельная подать; общее название налогов с казенных и привилегированных земель
- цзун* — второй, т.е. младший, ранг чиновничьего класса
- цзунбин* — командир бригады, военачальник края
- цзунди* — клановые земли
- цзунду* — императорский наместник обычно двух соседних провинций
- Цзунли ямэнь — Ведомство внешнеполитических дел при центральном правительстве (с 1861 г.)
- цзунлу* — клан, патронимия, кровнородственная или однофамильная общность жителей
- цзунфу* — одна из половинок доверительного знака при переводной денежной операции
- цзунхао* — центральная контора банковского дома; главная контора казенных и частных фирм
- цзунцзу* — см. *цзунлу*
- цзунцзя* — см. *баочжан*
- цзуншичжуан* — поместья маньчжурской знати и военачальников
- цзуху₁* — арендатор, арендаторский двор
- цзуху₂* — мера объема при приемке натуральной арендной платы
- цзуцзянь* — см. *цзукэ*
- цзучжан* — артельный старшина
- цзуюэ* — см. *дяньюэ*
- цзы* — четвертый по рангу не княжеский титул китайской аристократии
- цзыган* — крестьянин-владелец земли; имущий двор

- цзыгэннун* — см. *цзыгэн*
цзыгэн сяоху — см. *цзыгэн*
цзычжун — см. *цзыгэн*
цзычжун сяоху — см. *цзыгэн*
цзыхао — торговая фирма
цзыцяи — политика «самоусиления» 1860–1895 гг.
цзэй — бандит, разбойник, повстанец, мятежник
цзюань — глава в печатном издании или рукописи
цзюаньшу — «пожертвование», надбавка к земельно-подушному налогу
цзюдянь — винная лавка
цзюй — провинциальные бюро различной специальности; контора, торговое заведение
цзюйжэнь — ученая степень, присваивавшаяся сдавшему провинциальные экзамены
цзюйцзи — титул маньчжурских князей второй степени знатности
цзюньтунь — военные поселения, созданные в период Мин
цзюньфа — военные, армейская верхушка, «милитаристы»
Цзюньцифан — см. *Цзюньцичу*
Цзюньцичу — Военный совет, высший правительственный орган в военной сфере
цзюньцзы — (букв. «благородные») знать, чиновники и шэньши
цзюньяо — крестьянские повинности, связанные с ремонтом дамб, плотин и дорог
цзюньяоинь — замена *цзюньяо* денежным сбором
цзюцзяо — «старое учение», одно из направлений ислама у дунган
цзюэмай — см. *Думай*
цзя — сто дворов в системе *баоцзя*
цзяжэнь — слуга в семье «знаменных»
цзяла — см. *Джала*
цзяи — опытный цеховой мастер
цзянго — титул временных правителей империи Мин
цзянху — ремесленный двор; полноправный член цеха
цзянцзюнь — (букв. «полководцы») титулы родственников императора четырех степеней; наместник, военный правитель края
цзяньи — полунаемная, полупринудительная работа городских ремесленников на государство
цзянь — помещение, единица обложения поземельно-подушным налогом в городах
цзяньминь — (букв. «подлый люд») внесословные низы общества, в том числе лица «низких профессий»
цзяньжэнь — см. *цзяньминь*
цзяньши — «низкие профессии», доступные «подлому люду» (*цзяньминь*)
цзяньшэи — *шэньюань*, обучавшийся в Академии сынов отечества
цзяо — религиозное учение, секта
цзяомэи — религиозная секта, тайная организация
цзяофэй — «мятежники-сектанты», религиозные повстанцы
цзяочжу — глава тайной религиозной секты
цзячжан — сотский в системе *баоцзя*
цзяшоу — см. *цзячжан*
цзяшуй — см. *цзацзюань*
ци — «знамя», один из двадцати четырех «корпусов» цинской «восьмизнаменной» армии
ци-бан — одно из землячеств шаньсийских банкиров-ростовщиков
циди — «знаменные» земли, земли сословия *цижэнь*
цижэнь — привилегированное «знаменное» сословие, состоявшее из маньчжуров, монголов и ханьцзюней
цинцэ — подушный реестр налогового ведомства
циюэи — (букв. «чистое мнение») движение шэньши в защиту своих прав на критику верхов
цинэ — струнный щипковый музыкальный инструмент
цинэ-ван — маньчжурский княжеский титул первой степени знатности
циняо — частный вексель; казенный вексель, выданный чиновнику в счет задержанного жалования
цитунь — «восьмизнаменные» военные поселения на окраинах империи
циши — (букв. «фарфоровый камень») сырье для фарфорового производства

- цишуй* — см. *тяньфан цишуй*
цуншу — книжная серия, многотомное ксилографическое издание
цунь — деревня, селение
цы — поэтический песенный жанр
цюань₁ — «кулачный бой», даосские физические упражнения
цюань₂ — (букв. «кулак») самоназвание ихэтуаней
цюаньди — «окружение участка», захват «знаменными» земель, принадлежащих китайцам
цюаньтань — см. *цюаньди*
цюаньчжань — см. *цюаньди*
цюфу — (букв. «достижение богатства») экономическая доктрина политики «самоусиления»
цюцзу — аренда земли с денежной рентой, выплачиваемой после осеннего урожая
цяньбан — корпорация менял и ростовщиков
цянье гунсо — см. *цяньбан*
цяньгу — см. *цяньчжуан*
цяньняо — частные банкноты; казенные ассигнации с медным номиналом
цань саньфань — (букв. «три ранних данника») три южноминских удельных правителя
цяньтань — мелкий уличный меняла
цяньцзу — аренда земли с денежной рентой
цяньчо — см. *цяньтан*
цяньчжуан — меняльная лавка

чаинь — лицензия на право торговли чаем в системе казенной чайной монополии
чайинь — замена трудовых повинностей денежными сборами
чайю — общее название трудовых повинностей
чангуань — застава, где взималась пошлина *чангуаньшуй*
чангуаньшуй — внутренняя таможенная пошлина с товаров, провозимых из одной провинции в другую
чангун — долгосрочный наем; батрак; постоянный рабочий на фабрике
чанмао — (букв. «длинноволосые») прозвище тайпинов

чао — частные банкноты
чаокао — придворные экзамены для получения ученой степени *цзиньши*
чахары — одна из этнических групп южных монголов
чачжуан — чайная фирма; чайная мануфактура
чашуй — чайный налог
чжала — см. *джала*
чжалань — см. *джала*
чжангуй — доверенное лицо, управляющий фирмой или помещичьими землями
чжанфан — счетная контора, приемно-раздаточный центр рассеянной и смешанной шелкоткацкой мануфактуры
чжаогу — принудительный наем рабочей силы казной
чжаому — см. *чжаогу*
чжи — повинности, связанные с ямской и посыльной службой
чжинянь — цеховой старшина; член правления корпорации, избираемый на год
чжинянь шоуши — глава городской корпорации
чжигу — ломбард средних размеров
чжияо — см. *нинтяо*
чжисянь — начальник уезда
чжифу₁ — начальник области
чжифу₂ — см. *цюфу*
чжиху — ткач, ткацкий двор
чжицао ямэнь — управление по контролю над производством шелка
чжоуфанчу — штаб обороны тайваньских патриотов
чжу — хозяин предприятия, лавки и конторы
чжуинь цзыму — фонетически-слоговой алфавит по типу японской катаканы
чжуан₁ — народ тайской группы в Гуанси и Гуйчжоу
чжуан₂ — торговая фирма, компания, контора
чжуанди — земли народности *чжуан*
чжуанди — крепостной крестьянин, приписанный к императорскому или иному казенному поместью
чжуаньяо — банкноты меняльных лавок, векселя

- чжуантоу — староста в императорском или ином казенном поместье
- чжуаньдан — см. *сяояэр*
- чжужэнь — см. чжу
- чжун — земли средней категории урожайности
- Чжун-ван — «Верный князь», или «Преданный князь», титул у тайпинов
- чжундин — см. *иньдин*
- чжурчжэни — тунгусские племена, предки маньчжуров, создатели государства Цзинь (XII–XIII вв.)
- чжуфан бацзи — «восьмизнаменные» гарнизоны
- чжэи — первый, т.е. «старший», ранг каждого чиновного класса
- чжэи жэньсипэнь — «исправление народных умов», конфуцианская индоктринация населения
- чжэифу — основная часть земельно-подушного налога
- чжэичао — надбавка к налогу *цаолян*, связанная с усушкой и потерями при перевозке зерна
- чжэичжангуй — второй управляющий переводной конторы
- чжэишэнь — «справедливый шэньши», соблюдающий правовые нормы и традиции
- чжэнь — торговый центр или ремесленный город, не являвшийся административным центром
- чжэцзю — «переводная аренда»; продуктовая земельная рента, перечислявшаяся на деньги
- чоукэ — горный налог с разработок угля и руды
- чу — одна из категорий провинциальных учреждений
- чуань — см. *дяо*
- чуаньци — новелла, жанр прозы; «куньшанская драма»
- чучжуан — см. *бучжуан*
- чэди — земельные участки, орошаемые при помощи водоподъемных колес
- шан₁ — сословие торговцев
- шан₂ — земли высшей категории урожайности
- шанхуэй — «торговый союз», организация городских предпринимателей и торговцев
- Шаньди₁ — верховное божество традиционного китайского пантеона
- шаньди₂ — земли, расположенные в горах
- шаньчжу — владелец угольного или рудного месторождения
- шаогошуй — налог на водку
- шачуань — крупная морская каботажная джонка
- ши₁ — опытный цеховой мастер
- ши₂ — ежедневный городской рынок
- ши₃ — см. шэньши
- шидафу — чиновник; бюрократия
- шилан — помощник начальника ведомства
- шисаньчжэнь — (букв. «войска тринадцати соединений») армия китайских патриотов
- шоуши — см. чжияньшоуши
- шошуды — уличный рассказчик, чтец-декламатор
- шэи — провинция
- шэньюань — первая, низшая ученая степень, присваиваемая славшему областные экзамены
- шэньюй — «священный указ», шестнадцать моральных заповедей
- шэньгу — доверенный служащий переводной конторы, считавшийся ее пайщиком
- шэньху — см. *шэньши*
- шэньцзинь даху — крупный землевладелец-шэньши
- шэньшан — шэньши и купечество
- шэньши — «ученое» привилегированное сословие
- шэньюнь чжишо — «теория духа и рифмы», проповедовавшаяся ортодоксальной школой поэзии
- шэсюэ — частная сельская школа под контролем шэньши
- звенки — см. тунгусы
- эрбашоукэ — одна из форм взимания налога на добычу полезных ископаемых
- юаньбао — серебряный слиток весом около 50 лян
- юйди — удельные земли
- юйлинцэ — земельный реестр

- юйцзу* — денежная земельная аренда с предварительной уплатой ренты
- юйши* — инспектор, прокурор, цензор
- юйяо* — императорские фарфоровые мастерские
- юнбин* — ударные воинские части из добровольцев
- юнгун* — наем, наемный работник
- юндянь* — «вечная» аренда земли
- юнцизу* — см. *юндянь*
- юньцао* — система «водных перевозок» зерна, собранного в счет налога цаолян, в Пекин
- ючжан* — см. *ичжань*
- юэ₁* — южнокитайский этнос, состоящий из нескольких групп австроазиатской семьи языков
- юэ₂* — южный диалект китайского языка
- юэху* — одна из социальных групп «отверженных» в составе «подлого люда» (*цзяньминь*)
- ябу* — «утонченный» драматургический стиль, «изысканные» пьесы
- ядянь* — маклер, комиссионер; перекупочная лавка
- ян* — низовые служители *ямэней* и других присутственных мест
- якуай* — см. *ядянь*
- ямэнь* — управа, резиденция уездного и иного начальства
- янью* — правительственный курс на «усвоение заморских дел»
- яньинь* — лицензия на право торговать солью
- янькэ* — соляной налог
- яньлу* — подача петиций чиновниками императору с разрешения высших сановников
- яньяо* — см. *яньинь*
- яньцяньпу* — разменно-табачная лавка
- яньшан* — торговец солью, соляной купец-откупщик
- яньюнь шисы ямэнь* — соляное управление
- яо₁* — этнос Южного Китая, родственный *мяо*
- яо₂* — производственное сооружение (шахта, печь, колодец, пресс и т.д.)
- яои* — система трудовых повинностей ремесленников
- яоинь* — см. *чайинь*
- яочжу* — хозяин шахты, рудника, печи, даильни и других производственных сооружений
- ясак* — натуральный налог, взимаемый с народов севера в основном пушниной
- яте* — лицензия на право посредничества в торговле
- яхан* — торговый посредник; маклерская контора
- яху* — маклер, комиссионер
- яшан* — см. *ядянь*
- яшуй* — налог на торговое посредничество

Указатель имен

- Абахай 34-41, 49, 54, 64, 68, 101
Абдулла 139
Агуй 137, 141
Аджигэ 41, 53, 68
Ай Нэнци 54
Айсин Гиоро 31, 115, 121
Александр I 365
Александр II 458
Алексей Михайлович 74, 84
Алигунь 137
Амурсана 126, 127, 144
Амхерст У.П. 366
Ань Дэхай 436
Аньчжуху 97
Аобой см. Обой
Ацзигэ см. Аджигэ
Ацьбуту 139
Аюка 119
Аюци см. Аюка
- Бадоулет см. Якуб-бек Мухаммад
Бай Вэньсюань 72, 76
Бай Гуанэнь 42
Байков Ф. 74
Бай Лан 591
Байрон Дж. 634
Бай Яньху см. Биянху
Баньди 126
Бао Чао 407
Бао Чжэн 633
Батур Сае 143
Белов Е.А. 4
Бергсон А. 629
Бёрнс Р. 634
Би Юань 142, 360
Биянху 441, 442, 444
Бо Вэньвэй 584
Боло 41, 45, 60, 68
Бошокту-хан см. Галдан
- Брюс Ф. 418
Будда Майтрейя 358, 368
Будда Милофо см. Будда Майтрейя
Бузрук-ходжа 442
Бурбулон А. 417
Буринай см. Сачар
Бурхан-эд-Дин 128
Бурэ Ф.А. 461
- Валихан-тюря 442
Вальдерзее А.Г. 499, 500
Ван Вэньтай 343, 624
Ван Вэньшао 478
Ван Говэй 629, 630
Ван Дэжэнь 64
Ван И 67
Ван Иньчжи 343
Ван Лунь 147
Ван Нлиньсунь 343
Ван Саньхуай 360, 362, 363
Ван Сихоу 134
Ван Сючу 80, 336
Ван Тао 627
Ван Тефу 76
Ван Тинчжао 359, 361, 363
Ван Тяньцзун 568
Ван Фучжи см. Ван Чуаньшань
Ван Хайян 433
Ван Цзиньвэй 606
Ван Цзыюн 25
Ван Чуаньшань 80, 81, 336, 337
Ван Шичжэнь 345
Ваньжун 602
Ваньли см. Ицзюнь
Вань У 372
Великие Моголы 132
Вильгельм II 481, 484
Витте С.Ю. 481
Вэй Дачжун 21

- Вэй Чанхуэй 396, 398, 412
 Вэй Чжунсянь 17, 21, 22
 Вэй Юань 343, 388, 421, 623
 Вэн Тунхэ 468
 Вэньсян 420
 Вэнь Фу 149
- Галдан 99, 101, 112
 Галдан Цэрэн 119
 Гань 496–498, 500
 Гань-ван см. Хун Жэньгань
 Гао Инсян 25, 26
 Гао Паньлуи 20
 Гао Э 348
 Гао Эр 363
 Гарнье Ф. 461
 Гегель Г. 629
 Гексли Т. 629
 Гёте В. 634
 Головин Ф. 98
 Головкин Ю.А. 365
 Гордон Ч.Дж. 430–432, 458
 Гоу Вэньмин 363
 Го Шаотан см. Крымов А.Г.
 Гро Ж. 417
 Гу Иньтай 135, 342
 Гу Сянчэн 20
 Гу Тинлин см. Гу Яньу
 Гу Яньу 80, 81, 337, 343
 Гуансюй см. Цзайтянь
 Гуаньди 491
 Гуань Седьмой 92
 Гудноу Ф. Дж. 593
 Гуй-ван см. Чжу Юлан
 Гуйлян 420
 Гуй Хань 363
 Гун см. Исинь
 Гун Цзычжэнь 346, 388
 Гуревич Б.П. 4
 Гуши-хан 83
 Гэлцан Доржи 127
 Гэн Цзимао 69, 85, 86
 Гэн Цзинчжун 86, 87, 90–93
 Гэн Чжунмин 41, 49, 51, 62, 67–69, 86
 Гэмбл У. 626
 Гэрби 112
 Гюго В. 634
 Гюцлаф К. 627
- Дабачи см. Давацзи
 Давацзи 126
- Дай Минши 108
 Далай-лама VIII 584
 Да Цзинь, династия см. Хоу Цзинь, династия
 Да Шунь, династия 26, 27, 39, 42, 43, 54
 Дай Чжэнь 136, 344
 Даогуан см. Мяньюн
 Даши-Батур 83
 Даши-Чэрэн 127
 Дефо Д. 634
 Джангир 380, 381, 395, 442
 Джардин У. 422
 Джахангир см. Джангир
 Джеймс У. 629
 Джордж Г. 631
 Джурмэ Намгэ см. Чжурмэд-Намчжал
 Дзасакту-хан см. Норбо
 Ди-ван см. Фэн Кэшан
 Дизраэли Б. 458
 Диккенс Ч. 634
 Дин Баочжэн 429
 Дин Годун 65
 Дин Гочэнь см. Дина Годун
 Дин Жучан 471, 473
 Додо 41, 45, 51, 53, 56–59, 64
 Доихара Кэндзи 605
 Дони 74, 75
 Доргонь 27, 37–40, 42–45, 47–51, 53–55, 57–60, 62–64, 66–70, 76, 79
 Доэргунь см. Доргонь
 Дрюри У. 367
 Дуань см. Цзайи
 Дуань Цижуй 563, 567, 571, 592, 597–599, 601
 Дуань Чжигуй 585
 Дуань Юйцай 343
 Дубровская Д.В. 4
 Ду Вэньсю 412, 441
 Ду Цзюньин 115
 Дун Фусян 488, 489, 496, 497, 499, 500
 Дьюи Дж. 629
 Дэ Лэнтай 363
 Дэнь Тинчжэнь 387
 Дэнь Яо 92
 Дюма А., отец 634
 Дюма А., сын 635
 Дюлюи Ж. 461
- Е Минчэнь 411, 416, 417
 Е Сянгао 21

- Е Чжичао 469, 471
 Екатерина II 144
 Елизавета Петровна 126
 Ехэнара см. Цыси

 Ёсиока Ясунори 606

 Жань Тяньюань 361, 363
 Жаобгай 75
 Жуй-ван см. Доргонь
 Жунлу 488, 489, 495, 546, 550
 Жун Хун 627
 Жэнь Бонинь 622
 Жэнь-ван см. Ли Вэньчэн

 Зия ад-Дин 379
 Зык-тонг 461, 462

 Игова см. Шавди
 Иисус Христос 108, 109, 396–398, 424–426, 437, 639
 Икуан 488, 496, 499, 500, 501, 545, 546, 548, 557, 563, 564, 571, 574, 599
 Икэтан 474
 Илибу 392
 Илюшечкин В.П. 3, 4
 Иньчан 549, 563
 Инь Чанхэн 581
 Иньчжэнь 106, 111, 115–119, 121–123, 132, 139, 338, 340, 343
 Ирвинг В. 634
 Исинь 418, 420, 421, 436, 451, 454, 463, 472, 474, 482, 486, 548
 Ито Сукэясу 469, 471, 473
 Ито Хиробуми 474
 Ицзин 392
 Ицзюнь 21, 63
 Ичжу 393, 404, 417, 418, 421
 Ишань 391

 Калюжная Н.М. 3, 4
 Кан Ювэй 477–479, 486, 488–490, 630
 Канси см. Сюанье
 Кант И. 629, 630
 Канцзиной 112, 118
 Канченнас см. Канцзиной
 Каткова З.Д. 4
 Кеттелер К. 497, 501
 Ким Оккюн 460
 Койетт Ф. 85

 Конфуций см. Кун-цзы
 Костяева А.С. 4
 Крузенштерн И.Ф. 365
 Крупп А. 467
 Крымов А.Г. 3, 4
 Куанг Чунг см. Нгуэн Хюэ
 Кузес В.С. 4
 Кун-цзы 109, 339, 397, 425, 477, 625, 626, 630, 636
 Кун Шанжэнь 352
 Кун Юдэ 41, 49, 51, 53, 62, 67–69, 71, 72
 Курбэ А. 462, 464, 465
 Кычанов Е.И. 4
 Кэмпбелл Дж. 466

 Лай Вэньгуан 433
 Лань Чаодин 415
 Лань Чжэнцзун 379
 Ле Бретон 430
 Лессовский С.С. 458
 Ле Тьсу Тхонг 137, 138
 Леспес С. 464
 Ли Байчуань 348
 Ли Баоцзя 633
 Ли Бинхэн 498, 499
 Ли Вэньмоу 409, 411
 Ли Вэньчэн 369, 371
 Ли Г. 432
 Лигдан-хав 36
 Ли Го 27, 53–55, 61, 62, 64, 69, 71
 Ли Гуан 17
 Ли Дачжао 636, 637
 Ли Динго 54, 65, 69, 72, 73, 75, 84, 86
 Ли Жучжэнь 348, 632
 Ли Кайфан 405, 407
 Ли Лайхэн 69, 71, 76
 Ли Лайчжун 495, 496
 Ли Лецзюнь 584, 585
 Ли Лянъин 436, 451, 542, 548
 Ли Саньдай 20, 21
 Ли Синь 47
 Ли Сючэн 412, 413, 425, 426, 429, 430, 432
 Лисьянский Ю.Ф. 366
 Ли Третий 92
 Ли Хаын 461, 470
 Ли Хунчжан 422, 427–431, 433, 435, 436, 439, 452, 454, 455, 457, 458, 460–464, 466–469, 471–475, 481, 482, 488, 489, 493, 496, 498, 500, 501, 517, 518, 520–522, 524, 545, 548

- Ли Цзиньсун 476
 Ли Цзиньчжун 54
 Ли Цзычэн 4, 25–27, 37, 41–45, 47, 50, 51, 53–55, 61, 70, 135
 Ли Чангэн 367
 Ли Чжаньчунь 65
 Ли Чэндун 61, 62, 64, 69
 Ли Шисянь 425, 429, 430, 433
 Ли Юаньхун 562, 568, 580, 583, 586, 589, 597, 598
 Ли Юй 346, 352
 Ли Юн 115
 Ли Юнхэ 415
 Линдсей Х. 386
 Линь Дабэй 476
 Линь Личэн 476
 Линь Фэнсян 405, 407
 Линь Цзэсюй 343, 387–391, 623
 Линь Цзюнь 408, 413
 Линь Цин 368, 369
 Линь Шу 634
 Линь Шуанвэнь 148
 Ло Бинчжан 415
 Ло Гуанмин 439
 Ло Гуаньчжун 347
 Ло Даган 399
 Ло Жуцай 26
 Лоло 74, 75
 Ло Сыцзюй 363, 379
 Ло Сэн 89
 Лотай-хан 442
 Лу-ван см. Чжу Ихай
 Лу-ван см. Чжу Чанфан
 Лу Жунтин 566, 581, 596
 Лу Синь 135, 637
 Лунъюй 572, 574, 577, 593
 Лхабзан-хан 112
 Лэ Бао 363
 Лэй Г. 421
 Лэн Тяньлу 361
 Лю Бучань 473
 Лю Вэньсю 54, 72, 73, 75
 Лю Гомин 371
 Лю Госюань 92, 93
 Лю Кунь 382
 Лю Кунь 473, 474, 478, 481, 498, 546, 548
 Лю Личуань 408, 409
 Лю Минчжуань 465, 466, 520
 Лю Сун 358
 Лю Цзинь 17, 19
 Лю Цзунминь 43, 53
 Лю Цзуньтан 444
 Лю Ци 343
 Лю Чжаоцзи 57
 Лю Чжисе 358, 363
 Лю Шидуань 484
 Лю Э 633
 Лю Юнфу 461, 463, 466, 475, 476
 Людовик XIV 109
 Люй Люлян 81, 116
 Лян Цичао 477, 479, 489, 490, 556, 567, 583, 628, 630, 632
 Лян Шии 614
 Ляо, династия 134
 Ляо Чжай см. Пу Сунлин
 Ма Дэсинь 440
 Ма Жулун 440
 Ма Минсинь 140, 141
 Ма Сыгуй 141
 Ма У 363
 Ма Хуалун 441
 Ма Шии 27, 55, 57
 Ма Юйкунь 499
 Май Мэнхуа 477
 Макартнэй Дж. 144
 Мамед-Али 381
 Мань Бао 115
 Марке К. 312, 643
 Мелихов Г.В. 4
 Ми Лаинь 65
 Милль Дж. С. 629
 Мин, династия 7, 8, 10–13, 15–17, 31, 33, 38, 39, 42, 49, 53–56, 58, 61, 62, 64, 65, 67, 69, 70, 78, 80, 81, 85, 92, 93, 113, 115, 134, 136, 146, 147, 338, 340, 342, 343, 352, 424, 575, 638, 639
 Мин Мёнсон 461, 470
 Минжуй 137
 Моголы см. Великие Моголы
 Монтескье Ш. 629
 Моррисон Р. 627
 Мухаммед, пророк 380, 441
 Мухаммед Аюб Биянху см. Биянху
 Мучжана 376, 377, 383, 388, 393
 Мэйтленд Ф. 387
 Мэтисон Дж. 385, 422
 Мяньюань 376, 377, 383, 385, 388–391, 393
 Мясников В.С. 5
 Наполеон I 365
 Наполеон III 416, 439

- Наявчэн 362, 366
 Нгуэн Хюэ 138
 Нгуэны, династия 367, 368
 Не Шичэн 469, 488, 489, 495, 498
 Непомнин О.Е. 5
 Нефедов С.А. 4, 7
 Никан-вайлан 31
 Никань 41, 68, 72
 Никифоров В.Н. 4
 Николай I 373
 Николай II 481, 484
 Нисихара Камэдзо 620
 Ни Сычун 597
 Ницше Ф. 629
 Нодзу Хироси 471, 474
 Норбо 73, 82, 83
 Нурхацзи 31–35, 37–40, 44, 49, 53, 68, 72, 101, 343
 Нэпир У. 386, 387
 Нью Лянчэн 369, 371
 Нянь Гэнъяо 119
- Обой 80–83, 87, 103
 Осборн Ш. 432
 Осима 469
 Очирой 97–99
 Оэртаи 149
 Ояма Ивао 472, 473
- Пальмерстон Г. 387, 391
 Пан Динсинь 463
 Перфильев И.С. 74
 Петр I 113
 Питт У. 144
 Полонай 112, 119, 125
 Полханас см. Полонай
 Поршнева Е.Б. 4
 Поттинджер Г. 393
 Поярков В.Д. 73
 Притхва Нарайя 143
 Проте О.-А. 430
 Пуи 542, 548, 572, 574, 575, 586, 593, 594, 596–599, 601–607
 Пулунь 594
 Пу Сунлин 350, 351
 Пуцзюнь 500
 Пэнчунь 98
- Рагузинский С.А. 118
 Рама I см. Чакри
 Рассел Б. 629
- Рашидин-ходжа 442
 Риввер А. 461
 Риккерт Г. 629
- Са Чжэньбинь 563
 Сайго Цукумити 443
 Санджа-джамцо см. Санчжай Чжамцо
 Санчжай Чжамцо 112
 Сарымсак 380
 Сачар 90
 Свифт Дж. 634
 Сеид-Султан см. Джангир
 Сеймур М. 416
 Сеймур Э. 496, 497
 Семенов 604
 Си Баотынь 440
 Си Лян 500
 Сидихменов В.Я. 4
 Симоновская Л.В. 4
 Сладковский М.И. 5
 Смит А. 629
 Солобэнь 124
 Солопан см. Солобэнь
 Сонготу 83, 87, 89, 91
 Софья Алексеевна 98
 Созту см. Сонготу
 Спафарий Н.Г. 84
 Спенсер Г. 630
 Степанов О. 74
 Сугияма Хин 497, 501
 Сулейман см. Ду Вэньсю
 Сун, династия 8, 11, 136, 340, 345, 633
 Сун Цзюжэнь 544, 581–583
 Сун Цин 473, 489, 499
 Сун Чжицин 358
 Сун Шии 138
 Сун Тинлин 90
 Сунь Дяньин 605
 Сунь Кэван 54, 65, 69, 72, 73, 75
 Сунь Чжуншань см. Сунь Ятсен
 Сунь Ятсен 479, 481, 490, 544, 545, 572–574, 576–582, 585, 630, 631
 Сусышисань 140
 Сучэн 139
 Сушунь 417, 421, 422
 Сыцзун см. Юцзянь
 Сэнгеринчи 405, 418, 433
 Сюань 11, 79–81, 83, 89, 91, 92, 94, 96–100, 103, 106–113, 115, 116, 118, 122, 123, 132, 134, 135, 137, 139, 338–344, 366

- Сюаньтун см. Пуи
 Сюй Аньго 371
 Сюй Найцзи 387
 Сюй Тяньдэ 360, 361, 363
 Сюй Цзюй 343
 Сюй Шичан 549, 567, 588, 596–599, 601
 Сюн Силин 586, 587
 Ся Се 343
 Ся Цзинцой 349
 Сян Жун 405, 407
 Сяньфэн см. Ичжу
 Сяньцзу 68
 Сяо Чаогуй 396, 398
 Сяоцин см. Цыси
 Сяочжэнь см. Цыань
- Тан, династия 8, 9, 136, 344, 345, 352, 632
 Тан-ван см. Чжу Юйцзянь
 Тан Вэнь 65
 Тан Гиншу 524
 Тан Тун 42
 Тан Хуалун 562, 583
 Тан Хун 65
 Тан Цайчан 479, 481
 Тан Цзинсун 475
 Тан Цзяло 581
 Тан Шао 573, 579
 Тан Шоуцзянь 569
 Тань Сытун 479, 486, 488, 489, 632
 Тихвинский С.А. 3, 4
 Тодер Ф.А. 4
 Токугава, сегунат 110
 Ту Шэнь 349, 351
 Тун, род 31
 Тун Жунхай 432
 Тунджи см. Цзайчунь
 Тун Янцзя 62
 Тучи 74
 Тушэту-хан Гомбо 64, 73
 Тэнгис 64
 Тянь-ван см. Линь Цин
 Тянь У 141
 Тяпкина Н.И. 5
- У Баюэ 149, 150
 У Вай 115
 У Вояо 632
 У Вэйе 345
 У Дачэн 473
 У Дучжэнь 564
- У Ляньфу 80
 У Пэйфу 601–603
 У Саньгуй 27, 41–44, 47, 51, 53–55, 62, 67–69, 71, 75, 86, 87, 89–92
 У Тинфан 572, 583, 627
 У Тинъи 149, 150
 У Цзинцзы 347, 351
 У Цзэтянь 632
 У Чжихуэй 629
 У Чэньань 347
 У Шифань 92, 93
 Ундур-гэгэн 97–99
 У-хоу см. У Цзэтянь
 Урд Ф.Т. 426, 428
- Фан Бао 136, 345
 Фан Вэй 580
 Фаншань 549
 Фань Жэньцзэ 363
 Ферри Ж. 465
 Фомина Н.И. 4
 Фу-ван см. Чжу Юсун
 Фулинь 38–40, 43–45, 48, 64, 70, 73, 76, 79, 80, 87, 94, 96, 103, 166, 338, 340, 341, 376
 Фу Хэн 137
 Фуканань 138, 141–143, 148, 150
 Фурнье Ф. 463
 Фуэрдань 119
 Фэйянгу 100
 Фэн Гочжан 563, 567, 597, 599, 601
 Фэн Гуйфэнь 421
 Фэн Цзыцай 465
 Фэн Юйсян 603, 604
 Фэн Юньшань 397, 399
- Хабаров Е. 73
 Хабиб-уллах 442
 Хай Линьа 377
 Ханкуан см. Лань Чжэнцзун
 Хан-Ходжа 128
 Хань, династия 7–9, 339, 343, 355
 Хань Банцин 635
 Хаогэ 41, 54, 55
 Хао Яоци 71, 75
 Харт Р. 421, 422, 466, 510
 Хафэн 382
 Хоанг Та Вьем 462
 Хоу Цзинь, династия 33, 36, 37, 71, 121
 Хохлов А.Н. 3

- Ху Ихуан 399
 Ху Лишнь 404, 429
 Ху Ханьминь 584
 Ху Ши 636
 Хуан Вэй 408, 413
 Хуан Гунду см. Хуан Цзунсянь
 Хуан Даочжоу 59, 80
 Хуан Дэгун 57
 Хуан Дэмэй 408
 Хуан Дянь 115
 Хуан Лянь 495
 Хуан Син 544, 545, 563, 579, 580, 582, 584
 Хуан Фэн 377
 Хуан Цаоцин 524
 Хуан Цзунси 79, 80, 336
 Хуан Цзунсянь 631
 Хуан Цзюэцзы 346, 388
 Хуан Цинь 94
 Хуан Чоу 476
 Хуантайцзи см. Абахай
 Хубилай 64
 Хун Жэньгань 427, 428, 432
 Хун Сюэюань 395–401, 412, 424, 427, 432, 435
 Хунли 106, 117, 119, 122–129, 132, 134–139, 141–149, 338–341, 343, 353, 359, 362, 364, 366, 605
 Хунтайчжи см. Эрдени-Батур
 Хунхуа см. У Шифань
 Хун Чэнчоу 38, 41, 51, 58, 67, 75
 Хун Шэн 352
 Хуньу см. Чжу Юаньчжан
 Хэ Голян 415
 Хэ Илун 26
 Хэлинь 150
 Хэ Лю 409
 Хэ Тэнцзяо 54, 61, 62, 64, 69
 Хэшэнь 141–144, 146, 150, 359–362, 501

 Цай Инь 92
 Цай Цянь 367, 368
 Цай Э 566, 581
 Цай Юаньпэй 624, 626
 Цао Кунь 579, 602
 Цао Сюэцин 346, 347, 350
 Цао Футянь 495, 498
 Цзайи 493, 495, 496, 498, 500
 Цзайлань 500
 Цзайсюнь 497, 549
 Цзай То 549

 Цзайтянь 443, 467, 468, 478, 485–490, 493, 499, 541, 548, 556, 593, 594
 Цзайфэн 548, 549, 556, 567, 571, 593, 598, 601, 604
 Цзайчунь 421, 443, 517, 541
 Цзи Вэньюань 405
 Цзи Юнь 349
 Цзинь, династия см. Цянь Цзинь
 Цзинь, династия см. Хоу Цзинь
 Цзинь-ван см. Ли Динго
 Цзинь Шэнхуань 60, 62, 64, 68
 Цзиргалан 38, 39, 62, 70
 Цзирхалан см. Цзиргалан
 Цзо Гуандоу 21
 Цзо Ляньюй 56
 Цзо Цаунтан 421, 427–430, 436, 441, 444, 455, 458, 462, 518
 Цзоу Жун 632
 Цзоу Юаньбяо 20
 Цзэн Гофань 346, 404, 407, 411–413, 420, 427–430, 433, 435, 436, 439, 518, 631
 Цзэн Гоцюань 432, 464
 Цзэн Личан 405, 407
 Цзэн Пу 633
 Цзэн Цзицзэ 458, 462
 Цзян Лянци 343
 Цзян Синьюй 346
 Цзян Сян 65, 68
 Цзян Тинси 342
 Цзян Цзи 92
 Цзянцин см. Юньян
 Цзянь И 476
 Цзяо Сюнь 136
 Ци Ван 359, 361
 Ци Ванши см. Ци Ван
 Цин 392, 393
 Цин см. Икуан
 Цинь Жиган 399, 407, 412
 Цишань 388, 390, 391, 405
 Цуй Шу 136
 Цыань 422, 451
 Цыси 421, 422, 436, 437, 439, 443, 451, 454, 455, 457, 461–468, 471, 473, 478, 485, 486, 488–490, 492, 493, 495–501, 542, 545–548, 553, 556, 593, 603, 605
 Цэван Рабдан 99, 112, 119
 Цэнгунджаб 126, 127, 129
 Цэрэн Дондуб-старший 112
 Цэцэн-хан см. Шолой
 Цю Фэнцзя 475, 476

- Цю Цзинь 632
 Цюй Шисы 62, 69, 80
 Цянь Дасинь 343
 Цянь Цай 349
 Цянь Цзинь, династия 32, 38, 134
 Цянь Цяньи 345
 Цяньлуи см. Хунли
- Чакри 137
 Чан Кайши (Чэян Цзэши) 605, 606
 Чанлин 381, 382
 Чанло 20, 21
 Чанцин 148
 Чеканов Н.К. 4
 Чжан Бао 368
 Чжан Бин 377
 Чжан Вэньцин 141
 Чжан Гофу 415
 Чжан Гуансы 124
 Чжан Дунсунь 629
 Чжан Дэчэн 495, 498
 Чжан Идуи 138
 Чжан Лосин 405, 408, 416, 431, 433
 Чжан Сюмай 411, 439, 442
 Чжан Сюнь 565, 569, 585, 591, 596–599, 601–603
 Чжан Сюэлян 604
 Чжан Сюэчэн 343
 Чжан Сяньчжун 25–27, 45, 47, 54, 55, 61, 62, 65, 70–72, 135
 Чжан Тайянь 632
 Чжан Хуаньянь 75, 76, 84, 87
 Чжан Цзолинь 601, 602, 604, 605
 Чжан Цзунчан 604
 Чжан Цзунъюй 433
 Чжан Цзюньлу 629
 Чжан Цзянь 525, 555, 556, 558, 566, 567, 583, 615
 Чжан Чжидун 452, 453, 462, 468, 478, 479, 481, 482, 493, 498, 520, 522, 546, 548, 552
 Чжан Чжэньсюнь 524
 Чжан Чжэньу 580
 Чжан Шаоцзэн 564
 Чжан Юйтянь 60
 Чжао И 346
 Чжао Наньсин 21
 Чжао Хуэй 127, 128
 Чжао Цзиньлуи 377, 379
 Чжаоу см. У Саньгуй
- Чжоу, древняя династия 355
 Чжоу, династия рода У 92, 93
 Чжоу-ди см. У Саньгуй
 Чжоу Сюэси 614
 Чжоу Тинби 524
 Чжоу Шуньчан 21
 Чжоу Юй 92
 Чжу, род 15, 16, 48, 60, 575
 Чжу Дачунь 524
 Чжу Ди 16
 Чжу Игуй 115
 Чжу Ихай 58, 60
 Чжу Си 107, 108, 134, 136, 339, 454, 636
 Чжу Фань 367
 Чжу Хундэн 492
 Чжу Цысу 80
 Чжу Чанфан 57, 58, 61
 Чжу Юаньчжан 11–13, 16, 45, 92
 Чжу Юйао 60, 61
 Чжу Юйцзянь 58, 60
 Чжу Юлан 60–62, 75
 Чжу Юсун 55–57, 60
 Чжуан см. Цзайсюнь
 Чжуан Датянь 148
 Чжуан Тинлуи 81
 Чжурмэд-Намчжал 125
 Чжэн Баньцзяо 353
 Чжэн Гуаньинь 524, 624
 Чжэн Цзин 86, 87, 90–93
 Чжэн Чжилуи 60, 72
 Чжэн Чэнгун 72, 75, 84–87, 96
 Чжэн Шилин 481
 Чингис-хан 11, 36, 64
 Чингунжал см. Цэнгунджаб
 Чон Бончжун 469
 Чуан-ван см. Ли Цаычэн
 Чудодеев Ю.В. 4
 Чунхоу 429, 439, 458
 Чунчжэнь см. Юцзянь
 Чэн И 108, 134
 Чэн Хао 108, 134
 Чэн Цзылуи 57
 Чэнь Бань 377
 Чэнь Даси 433
 Чэнь Дусю 628, 636, 637
 Чэнь Дэцай 433
 Чэнь Кай 409, 411, 415, 431
 Чэнь Сэнь 348, 349
 Чэнь Чэнь 348
 Чэнь Шибэо 405, 407

- Чэнь Юйин 463
 Чэнь Юйчэн 412, 413, 425, 429, 430
- Шан, династия 8, 327
 Шанди 396
 Шан Кэси 41, 45, 49, 49, 51, 53, 55, 62, 67-69, 72, 86, 87, 90, 91
 Шан Чжисинь 87, 91
 Шелли П. 634
 Ши Дакай 396, 399, 407, 411-413, 415, 430, 431, 440
 Ши Кэфа 55-57
 Ши Людэн 149, 150
 Ши Найань 347
 Ши Сяньбао 149
 Ши Чжэньцзи 413, 414, 430
 Ши Шибяо 115
 Ши Юйхунь 633
 Шолой 64, 73
 Шопенгауэр А. 629
 Шоу Шань 497
 Шуньчжи см. Фулинъ
 Шухэдэ 147
 Шэн Сюаньхуай 498, 520
 Шэнь Дэцянъ 345
- Элгин Т. 417
 Эллиот Дж. 390, 391
 Эллиот Ч. 387, 389-391
 Элдэнбао 362, 363
 Эрдени-Батур 99
- Юань, династия 9, 11, 36, 70, 90, 134, 638
 Юань Мэй 346, 350
 Юань Цзэцзай см. Юань Мэй
 Юань Чунхуань 21
 Юань Шикай 460, 469, 478, 485, 486, 488, 489, 493, 496, 498, 545, 546, 548-552, 558, 563-565, 567-569, 571-575, 577, 579-590, 592-599, 603, 615, 626, 630, 634, 635, 644
- Юй Да 635
 Юй Дахай 65
 Юй Юэ 633
 Юйлу 495, 497, 499
 Юйсянь 492, 497, 500
 Юнхэ см. Чжу Игуй
 Юнчжэн см. Иньчжэнь
 Юньянь 142, 150, 359, 361, 362, 365-367, 369, 376
 Юсуф-ходжа 380-382
 Юцзянь 27, 48
 Юцзяо 21
 Юэ Фэй 346, 349
 Юэ Чжунци 119, 124
- Якуб-бек Мухаммед 442-444
 Ямагата Аритомо 472
 Ян Гуйфэй 351
 Ян Ибао 92
 Ян Лянь 21
 Ян Сюцин 396, 398, 400, 403, 405, 412, 413, 435
 Ян Тинлинь 62
 Ян Фуцин 425, 429
 Ян Цзунлянь 524
 Ян Цзэнсинь 584
 Ян Цилун 92
 Ян Чжань 65
 Ян Юйкэ 440
 Ян Юйчунь 362, 363
 Янь Синь 112
 Янь Синьхоу 524
 Янь Сишань 564, 566
 Янь Фу 629, 630
 Яо Най 345
 Яо Чжифу 359, 361
 Ярхашань 128

Указатель географических названий

- Ава 137
Австралия 423
Австро-Венгрия 496, 498
Азия 100, 112, 310, 373, 447, 459, 608, 616, 643
Айхунь 97
Аксу 140, 380, 381, 395, 442
Албазин 49, 73, 98
Алтай 100, 112, 119, 126
Америка 5, 426
Амой 75, 85, 86, 91, 96, 192, 205, 386, 392, 408
Амур 73, 84, 97, 98, 418, 498, 499
Англия см. Великобритания
Аннам 137, 138, 419, 443, 461–463, 466
Аньлэпин 361
Аньхуэй 53, 59, 75, 103, 151, 152, 161, 167, 168, 171, 182, 204, 206, 231, 244, 253, 272, 345, 352, 371, 395, 399, 405, 407, 408, 412, 413, 416, 427, 430, 431, 437, 447, 448, 454, 467, 506, 511, 528, 551, 564, 567, 569, 570, 582, 585, 590, 591, 596, 597
Аньцин 26, 399, 407, 429, 551, 564
Домэнь см. Макао
Аргунь 418
Асан 469, 471
Асанский залив 469
Байдичэн 361
Байсе 430
Байхэ 390, 417
Бакбо см. Тонкинский залив
Бакки 443, 461–466
Бакле 464
Бакнинь 463
Балиццо 418
Бамо 137
Баодин 45, 433, 495, 500, 579
Баоцзи 206
Баоцин 413
Баошань 392
Бельгия 483, 500, 516
Бенгалия 375, 385
Берлин 475, 483, 501
Бирма см. Мьянма
Благовещенск 497
Бохайский залив 34, 390, 408, 417, 459, 467, 471, 495
Бошань 201
Бремен 323
Британская империя 510
Бэйфу 593, 604
Бэйхай 444, 483
Бэйцзин см. Пекин
Вавилония 3
Ванся 393
Ватикан 109
Вашингтон 460, 465
Великая стена 3, 27, 35, 37, 39, 41–43, 48–50, 81, 82, 123
Великая Стель 36
Великий канал 3, 12, 53, 56, 104, 106, 113, 147, 156, 204, 206, 207, 360, 391, 392, 400, 405, 433, 448, 490, 491, 495, 496, 499
Великобритания 109, 144, 224, 323, 364, 365, 373, 374, 383–388, 390–394, 413, 416–418, 420, 422, 423, 430, 439, 443, 444, 456, 458, 460–462, 465, 467, 472, 477, 481, 483, 484, 489, 496, 498, 499, 510–512, 515, 516, 542, 558, 580, 584, 585, 602, 606, 616, 632, 633
Вест-Индия 423
Венеция 323
Внешний город (в Пекине) 44
Внутренний город (в Пекине) 44

- Внутренняя Монголия 31, 82, 153, 211, 584, 596
 Волга, р. 129
 Восточная Азия 132, 456, 606
 Восточно-Китайское море 368
 Восточный Китай 58, 498
 Восточный Тибет 112
 Восточный Туркестан см. Кашгария
 Вьетнам 94, 109, 137, 138, 142, 144, 317, 354, 367, 368, 419, 443, 456, 459, 461-463, 465, 466, 483, 531
 Вэйхайвэй 459, 467, 471, 473, 484
 Вэйхэ 204
 Вэньчжоу 192, 203, 444
- Гавайи, о-ва 479, 630
 Гамбург 323
 Ганза 323
 Ганьсу 68, 87, 90, 103, 128, 140, 141, 151, 153, 158, 172, 206, 211, 244, 273, 361-363, 431, 439-442, 488, 489, 500, 558, 569
 Ганьцзян, р. 204, 206, 208
 Ганьчжоу 77
 Гаотан 407
 Генуя 323
 Германия 224, 320, 322-324, 461, 463, 467, 477, 481, 483, 484, 496, 499, 500, 516, 580, 585, 590, 616
 Гирин, г. 97, 153, 481, 499
 Гирин, пров. 118, 123, 157, 244, 567, 569
 Гоби 82, 99
 Голландия 109, 500
 Гонконг 391-393, 418, 422, 423, 429, 464, 484, 509-511, 514, 623, 627, 631
 Гоголулу 479
 Горный Алтай 126
 Гуандун 55, 60-62, 64, 66, 68, 69, 72, 75, 84, 86, 91, 92, 94, 96, 106, 110, 124, 138, 152, 154, 161, 171, 172, 177, 180-182, 191, 198-200, 202, 205, 210, 211, 231, 244, 272, 273, 366-368, 376, 377, 379, 382, 383, 385, 387-391, 393, 395, 409, 411, 413, 416, 423, 431, 433, 436, 461, 462, 464, 477, 483, 484, 496, 503, 506, 511, 526, 529, 532, 534, 551, 558, 559, 566, 567, 570, 580, 582, 585, 596
 Гуанси 55, 61, 62, 65, 69, 72, 74, 75, 86, 87, 89, 90, 110, 113, 117, 124, 138, 153, 161, 171, 199, 244, 272, 395, 396, 398, 399, 409, 411, 413, 415, 416, 425, 430, 461-463, 483, 503, 506, 511, 544, 552, 566, 569, 581, 582, 596
 Гуанчжоу 60-62, 69, 77, 91, 92, 96, 109, 131, 133, 191, 201, 202, 204, 206, 209, 210, 354, 365, 366, 373-376, 383, 385-393, 409, 411, 416, 417, 421, 429, 462, 481, 483, 490, 509, 511, 520, 523, 528, 529, 532-534, 545, 552, 558, 561, 566, 623, 624, 627
 Гуаньчжоувань 484
 Гуачжоу 392, 413
 Гугуань 47
 Гугун 3, 593
 Гуйдэ 53, 405
 Гуйлинь 61, 62, 69, 72, 77, 206, 399, 415
 Гуйпин 396
 Гуйчжоу 27, 54, 62, 65, 69, 74, 75, 86, 89, 92, 93, 113, 117, 124, 132, 138, 149, 150, 153, 161, 199, 206, 229, 244, 366, 377, 411, 431, 436, 437, 439, 440, 448, 503, 511, 561, 565, 566, 570, 581, 582
 Гуйчжоуское плато 55, 61
 Гуйян 440, 565
 Гулансюй, о-в 392
 Гуюань 141
- Дагу 390, 417, 418, 452, 474, 496, 497, 501, 520
 Дадухэ, р. 431
 Дае 520
 Дайвьет см. Вьетнам
 Дали 440
 Дальний см. Далянь
 Далянь 417, 467, 471, 484, 596
 Дамин 147
 Дания 421
 Даяньян 425
 Даокоу 369, 371
 Датун 66, 69
 Дацзиньчуань 124, 149
 Даюйлин 206
 Даянхэ, р. 471
 Джунгар 119
 Джунгария 83, 84, 98, 99, 109, 112, 113, 116, 119, 121, 125-129, 132, 137, 144, 381, 444, 458
 Динхай 97, 369
 Донгда 138
 Донгданг 465

- Дунбэй 21, 28, 31, 37, 49, 50, 60, 81, 82, 89, 97, 98, 104, 123, 128, 153, 154, 157, 158, 167, 206, 207, 210, 222, 226, 242, 244, 245, 249, 250, 253, 275, 276, 285, 298, 300, 360, 372, 373, 405, 417, 449, 455, 468, 471, 473-475, 481-483, 489, 497, 499, 500, 504, 506, 511, 516, 543, 549, 565, 567, 569, 596, 601, 604-606, 608
- Дунчан 147
- Дэхуа 192, 200
- Европа см. Запад
- Египет 3
- Желтое море 390, 408, 447, 467
- Жидао, о-в 473
- Жучжоу 26
- Жэньцзю 495
- Жэхэ 141, 144, 369, 421
- Забайкалье 97
- Запад 5, 9, 10, 61, 109, 133, 185, 223, 236, 242, 268, 279, 286, 290, 291, 304-317, 319-323, 325-329, 332-335, 354-356, 373, 393, 395, 409, 416, 417, 420-422, 426, 451, 452, 454, 457, 469, 477, 479, 486, 488, 492, 501, 508, 512, 543, 546, 547, 614, 616, 623, 624, 630, 631, 633
- Западная Европа 5, 9, 235, 304, 309-311, 313-317, 321-328, 330, 331, 439, 624, 625
- Западно-Корейский залив 471
- Западный Китай 90
- Западный Тибет 112, 143
- Запретный город (в Пекине) 27, 44, 89, 141, 369, 384, 496, 575, 591-593, 596, 598, 599, 602, 604
- Зеландия 39, 85
- Ивовый палисад см. Любянь
- Иду 359
- Или см. Кульджа
- Илийский край 442-444, 458, 459, 584
- Императорский город (в Пекине) 593
- Индия 132, 225, 373-375, 383, 385, 389, 390, 416, 419, 443, 502, 509, 510, 531
- Индокитай 418
- Инкоу 473, 474
- Инчхон 469
- Иньян 25
- Иочжоу см. Юэчжоу
- Ипляньши 43
- Иравади, р. 137
- Иран 225
- Исин 200
- Испания 324, 421, 500
- Италия 421, 483, 489, 496, 499
- Ихэюань 451, 575, 591, 592, 599, 603, 604
- Ичан 444, 505, 562, 563
- Йеттишар (Джетышаар, Семиградье) 442-444
- Казахстан 113, 126
- Кайпин 452, 522
- Кайсянь 362
- Кайфан 26, 53, 204, 206, 210, 405, 408, 447
- Кайюань 97, 118
- Калган 365, 499
- Калифорния 423
- Калькутта 375, 386
- Камбоджа 94, 419
- Кампучия см. Камбоджа
- Кантон см. Гуанчжоу
- Картегай 382
- Кашгар 128, 380-382, 395, 442, 444
- Кашгария 99, 100, 109, 113, 125, 127, 128, 132, 137, 139, 379-382, 395, 432, 442, 444, 458
- Керулен, р. 100
- Кобдо 119, 129
- Кобе 220
- Коканд 379-382, 395, 442
- Комул 100, 442, 459
- Кончжу 469
- Корея 35, 37, 49, 50, 97, 109, 110, 317, 354, 456, 457-462, 468, 469, 471, 474, 531, 543, 557
- Кохинхива см. Намки
- Коулун 318, 483, 484
- Красная река 462
- Красный бассейн 72, 153, 154, 415
- Куба 423
- Кукунор 83, 109, 112, 113, 119, 140, 153, 206, 210, 439-441
- Кульджа 119, 126-128, 140, 373, 382, 459
- Куньмин 65, 75, 86, 93, 429, 440, 483, 564
- Куньшань 57
- Кучар 128, 442
- Кяхта 144, 365, 373

- Лапсон 464, 465
 Лангшон см. Лангсон
 Ланчжун 75
 Ланьчжоу 66, 140, 141, 206, 429
 Лаованьшань, о-в 375, 376
 Лессовое плато 51, 55
 Линдин, о-в 376, 382, 387
 Линдицзян см. Линдин
 Линьхай см. Тайчжоу
 Линьцин 77, 147, 207, 407
 Лондон 365, 366, 382, 385, 386, 390–392, 416, 419, 421, 423, 460, 481, 483, 484, 515, 565, 584
 Лофа 496
 Лоян 26, 53, 206
 Лунцюань 192, 200
 Лунчжоу 25
 Ахаса 83, 99, 112, 118, 119, 125, 143, 569, 584
 Лэйчжоу, п-ов 484
 Любек 323
 Любянь 97, 118
 Люгун, о-в 473
 Люйшунь 459, 465, 467, 471, 472, 484, 496, 605
 Люйшунькоу см. Люйшунь
 Лютяобянь см. Любянь
 Люхэ 350
 Люцю см. Рюкю, о-ва
 Лянгуан 61, 110, 138, 365, 366, 368, 382, 383, 386, 387, 391, 416, 462, 468, 482, 498, 520
 Лянфан 496
 Лянху 210, 436
 Лианцзян 210, 420, 421, 427, 439, 462, 473, 474, 498
 Ляншаньбо 349
 Лянчжэнь 405, 407
 Ляо 41, 51
 Ляодун 31, 33–35, 37, 39, 40, 49, 51, 82, 123, 204, 372, 383, 417, 467, 472–475, 481, 484, 491, 506
 Ляоси 31, 34–36, 38, 39, 82
 Ляохэ, р. 49, 82, 473, 474
 Ляоли 34

 Мааньшань 520
 Мавэй 429, 464, 467
 Макао 96, 109, 133, 365, 375, 389, 423, 479
 Маньчжоу 31–36
 Маньчжурия см. Дунбэй
 Матиган 363
 Мекка 139
 Миньцзян, р. 464
 Миньчжэ 148, 498
 Монголия 36, 64, 82, 83, 90, 97, 99, 100, 111, 112, 118, 126, 129, 206, 207, 210, 458, 483, 569
 Москва 118, 220, 481
 Московское государство 49, 73, 84, 97, 98
 Мохэ 522
 Муз-Арт, перевал 458
 Мукден 34, 35, 39, 44, 74, 81, 82, 147, 473, 475, 499
 Мукденская равнина 82
 Мулань 369
 Мьянма 75, 86, 109, 137, 138, 142, 144, 354, 419, 443, 444, 457, 483
 Мэньтоугоу 198
 Мэргэнь 97
 Мяньючжоу 415

 Нагасаки 110
 Намки 419, 461
 Нанкин 15, 16, 27, 53–58, 68, 72, 75, 77, 95, 131, 181, 186, 187, 191, 200–202, 353, 365, 392, 399, 400, 402–404, 407, 412, 413, 416, 421, 425, 427, 429, 430, 432, 433, 439, 447, 478, 483, 485, 533, 550, 564, 565, 568–570, 572–574, 579, 581, 584, 585, 596, 597, 606, 627
 Наньао 66
 Наньфэнлин 206
 Наньцзин см. Нанкин
 Наньчан 68, 69, 77, 563, 585
 Наньчжуан 363
 Нарын, р. 380
 Непал 109, 142–144
 Нерчинск 73, 98
 Нидерланды 323, 421
 Нилбо 96, 109, 192, 202, 210, 222, 386, 392, 430, 483, 528, 543
 Нингута 97, 123
 Нинся 441
 Нишюань 34, 35, 38
 Нэйлиндин см. Линдин
 Нючжуан 205, 473, 474, 483

 Окинава 459
 Ологой, оз. 99

- Орхон, р. 119
Осака 220
- Панская область 322
Париж 132, 443, 461–464, 466, 475, 484
Пекин 11, 19–27, 33, 34, 36, 37, 41–45, 47, 49, 51, 55, 57, 60, 63–65, 67, 68, 71, 73–75, 81–84, 86, 89–91, 94, 97–99, 103, 104, 106, 109, 111–113, 118, 123, 125, 126, 129, 131, 133, 137–139, 142–145, 147, 148, 157, 158, 164, 167, 168, 192, 198, 204, 206, 210, 211, 218, 220–222, 227, 242, 253, 352, 354, 357, 358, 360, 363, 365, 366, 368, 369, 371, 375, 376, 379, 381–387, 389–393, 399, 405, 407, 408, 417–419, 421, 422, 425, 432, 433, 437, 439, 443, 444, 449, 453, 455–466, 468, 469, 471–475, 477–479, 481–490, 495–501, 508, 512, 513, 516–518, 530, 532, 542, 545, 546, 548, 550–557, 559, 561, 563–569, 571, 579–581, 584, 585, 587, 593, 595–599, 602, 603, 606, 611, 622, 624, 627, 635, 640
Перу 423
Пескадоры см. Пэнху
Петербург 109, 118, 119, 144, 365, 418, 443, 458, 460, 475, 481, 483, 484, 500, 584
Пинлуи 150
Пинсян 199, 520
Польша 477
Порт-Артур см. Люйшунь
Португалия 109, 366, 421
Приамурье 49, 73, 84, 97, 98
Приволжье 119
Приморье см. Уссурийский край
Провидение 39, 85
Пруссия 421, 439
Пукоу 413, 483
Пхеньян 469, 471
Пхундо, о-в 469, 471
Пэнху, о-ва 39, 94, 408, 465, 466, 474
- Рим 322
Россия 98, 109, 110, 112, 118, 119, 126, 127, 133, 144, 211, 279, 290, 304, 305, 365, 373, 418, 443, 458, 460, 468, 475, 477, 481, 483, 484, 496, 499, 500, 512, 516, 584, 616
Рюкю, о-ва 109, 443, 459
- Сайгон 419
Сан-Доминго 39
Сан-Сальвадор 39
Санкт-Петербург см. Петербург
Саьхэ 413
Северная Монголия см. Халха
Северный Вьетнам см. Аннам
Северный Китай 35–39, 49–51, 60, 69, 76, 77, 91, 123, 146, 147, 149–152, 154, 156, 162, 164, 212, 244, 245, 249, 250, 266, 275, 276, 285, 298, 300, 352, 353, 357, 358, 373, 375, 405, 413, 421, 426, 431, 449, 455, 462, 467, 474, 489–492, 496, 503, 532, 550, 568, 569, 571–574, 577, 579–582, 595, 598, 614, 621
Северо-Восточный Китай см. Дунбэй
Северо-Китайская равнина 51, 53, 55
Селенга, р. 98
Селенгинск 98
Семиречье 459
Сеул 459, 460, 469
Сиам 109, 137
Сиаковский залив 94
Сиань 26, 47, 53, 65, 68, 206, 429, 440, 478, 499, 546, 563
Сикан 112
Сикким 143
Симоносеки 474, 475
Сингапур 220
Синин 119
Синцзян 33, 34
Синьцзинь 559
Синьцзян 128, 153, 158, 206, 207, 211, 216, 379, 381, 432, 439, 441–444, 458, 483, 500, 569, 584
Синьцзю 475
Синьян 26
Сицзян, р. 154, 180, 191, 192, 204, 366, 375, 386, 415
Сичун 27, 54, 55
Сишику 496
Соединенные Штаты Америки 366, 373, 374, 384, 392, 393, 416, 422, 429, 430, 443, 456, 460, 465, 479, 483, 496, 499, 500, 510–512, 516, 547, 558, 580, 589, 606, 616, 625, 632
Сонтэй см. Шонтэй
Сонхван 469, 471
Средняя Азия 380, 443, 458
Сунгари, р. 82, 97

- Сунцзян 57, 77, 131, 177, 181, 191, 201, 392
 Сучжоу 16, 57, 77, 79, 95, 131, 181, 186, 187, 191, 200–202, 206, 353, 426, 429, 431, 432, 439, 447, 474, 485, 632
 Сучжоу (Цзюцзянь) 441
 Суэцкий канал 422
 Сыминьшань 66
 Сычжай 371
 Сычуань 25–27, 47, 54, 55, 65, 69, 71, 72, 75–77, 87, 89, 92, 106, 112, 117–119, 124, 125, 131, 146, 149, 152–154, 161, 177, 185, 192, 198, 199, 203, 204, 206, 244, 358, 360–364, 377, 413, 415, 431, 437, 464, 485, 503, 506, 511, 529, 534, 543, 544, 558, 559, 568, 569, 581, 582, 584
 Сюйчжоу 53, 206, 597
 Сюньхуа 140
 Сюньчжоу 411, 431
 Сямэнь см. Амой
 Сянган см. Гонконг
 Сянтань 69, 199, 206, 407
 Сянциань, р. 204, 206, 208
 Сянчэн 26
 Сяньсягуань 60
 Сяньян 26, 360
 Слодзиньчуань 125, 149
 Сяочжань 485, 488

 Тади, р. 143
 Тайбэй 466, 475, 476
 Тайвань, о-в 39, 75, 85, 93–97, 115, 132, 133, 148, 177, 367, 377, 386, 417, 422, 437, 443, 459, 464–466, 474–476, 518, 520
 Тайваньский пролив 39, 408, 413, 465
 Тайваньфу см. Тайнань
 Тайнань 115, 148, 475, 476
 Тайханшань 45, 371
 Тайху, оз. 66, 76, 447
 Тайцан 177
 Тайюань 65, 199, 499, 564, 568, 625
 Тангу 496
 Таншань 518, 520, 522, 534
 Таранчинский султанат 442, 443
 Тарбагатай см. Чугучак
 Ташилунпо 143
 Ташмалык 379
 Тачэн см. Чугучак
 Текес, р. 458
 Телучуан 199
 Тибет 83, 84, 99, 109, 112, 113, 118, 119, 125, 129, 132, 142–144, 153, 206, 216, 569, 584
 Тинчжоу 60
 Тихий океан 98
 Токио 443, 459, 460, 468, 469, 473–475, 481, 501, 543, 544, 555, 584, 585, 605, 606
 Тола 100
 Тонкин см. Бакки
 Тонкинский залив 367
 Тунгуань 26, 27, 47, 53, 204
 Туинжэнь 149
 Тунчжоу 177, 204, 495, 579
 Тунчэн 136, 345, 453
 Турфан 113, 381, 442, 459
 Турция 389, 443, 458, 477
 Тханглаунг см. Ханой
 Тхонг р. 138
 Тяньцзинь 204, 205, 211, 222, 366, 383, 390, 391, 405, 417, 418, 421, 429, 433, 437, 439, 454, 461, 463, 466, 474, 482, 483, 485, 488, 490, 495–501, 509, 512, 517, 518, 520, 528, 532–534, 579, 596, 597, 604, 623–625
 Тяньцзячжэнь 407

 Уган 199
 Улан-Бутун 100
 Улясутай см. Урга
 Урга 100, 129, 220, 365, 584
 Урумчи 127, 220, 442, 459, 584
 Уси 19, 20, 191, 202, 209, 211, 426
 Уссури, р. 418
 Уссурийский край 418
 Усун 392, 422, 518
 Ухань 399, 407, 528, 529, 532, 561–563, 569–571
 Уху 57, 131, 192, 199, 202, 209, 210, 444
 Учан 53, 131, 399, 407, 412, 509, 520, 561–563, 566, 571, 580
 Уч-Турфан 139, 140, 380, 381, 442
 Уш см. Уч-Турфан
 Уш-Турфан см. Уч-Турфан

 Флоренция 323
 Формоза см. Тайвань
 Фошань 131, 191, 199, 200, 202

- Франция 109, 291, 304, 324, 364, 374, 392, 413, 416-418, 420, 422, 423, 429, 430, 439, 443, 451, 456, 459-466, 475, 477, 481-484, 496, 499, 510, 513, 516, 558, 580, 616, 633
- Фусуан см. Хюэ
- Фуцзянь 58-61, 72, 76, 84-86, 90-92, 94, 96, 115, 148, 152, 154, 161, 171, 172, 177, 192, 199-201, 206, 210, 211, 244, 272, 273, 367, 383, 385, 392, 408, 411, 413, 423, 433, 437, 462, 464, 483, 505, 511, 526, 529, 566, 567, 582, 585
- Фуцзячжэнь 364
- Фуцзянь 141
- Фучжоу 58, 60, 192, 202, 205, 386, 392, 429
- Фушунь 606
- Фэнтянь 82, 153, 157, 202, 244, 472, 497, 567, 569, 582
- Фэнхуан 27, 54, 97
- Фэньян 15, 25
- Хаймэнь 177
- Хайнань, о-в 377, 417, 483
- Хайчэн 473
- Халха 36, 41, 64, 73, 82, 83, 97-100, 109, 111-113, 118, 119, 125-127, 129, 211, 584
- Хами см. Комул
- Ханой 138, 461
- Ханчжоу 16, 57, 95, 131, 181, 186, 187, 202, 204, 206, 353, 425, 430, 432, 446, 448, 474, 485, 509, 528, 543, 622, 627
- Хань см. Ханьшуй
- Ханькоу 131, 192, 199, 204, 206, 209, 211, 399, 407, 412, 481, 483, 509, 533, 534, 558, 561-563, 568, 572
- Ханьчжун 25
- Ханьшуй 25-27, 53, 55, 162, 204, 360
- Ханьян 399, 407, 412, 520, 561-563, 571, 572
- Харбин 498, 607
- Хатьен 94
- Хиросима 473
- Хорчин 40
- Хотан 380-382, 442, 444
- Хошань 433
- Хошоут 83
- Хуайхэ, р. 25, 47, 53, 56, 151, 154, 156, 162, 204, 220, 274
- Хуайдин 405
- Хуалинь 141
- Хуанлин 26
- Хуанпу 375, 514, 623
- Хуанхэ, р. 25, 53, 66, 95, 104, 152, 153, 156, 173, 177, 204, 206, 360, 395, 405, 407, 408, 433, 447, 448, 491, 506
- Хуанцунь 368
- Хуасянь 369, 371
- Хубэй 26, 53, 69-71, 76, 90, 103, 106, 124, 146, 149, 151, 152, 161, 167, 171, 177, 198, 200, 204, 216, 244, 253, 272, 358-363, 377, 379, 399, 404, 407, 412, 429, 432, 433, 447, 498, 503, 506, 511, 529, 534, 558, 559, 561, 566, 580, 582, 590
- Хугуан 54, 103, 360, 388, 468, 498, 520, 563
- Хукоу 413, 585
- Хулунь 82
- Хумань 391
- Хунань 62, 64, 69-72, 75, 86, 89, 92, 93, 103, 105, 113, 117, 124, 146, 149, 150, 152, 161, 167, 172, 177, 198, 199, 204, 216, 244, 253, 273, 358, 360, 361, 366, 377, 379, 395, 399, 404, 407, 411-413, 425, 431, 453, 458, 462, 479, 481, 511, 529, 534, 558, 559, 561, 563, 569, 570, 580, 582, 585
- Хунцзэху, оз. 204
- Хучжоу 131, 181, 191, 202, 209
- Хуэйчжоу 366
- Хэбэй 27, 53
- Хэйлунцзян 123, 153, 481, 567
- Хэнань 25, 26, 47, 53, 76, 106, 148, 151, 152, 167, 216, 244, 253, 358, 360, 363, 368, 369, 371, 395, 405, 416, 433, 448, 483, 528, 548, 568, 569, 589, 590, 603
- Хэнчжоу 72, 92
- Хэсиу 499
- Хэчжоу 140
- Хюэ 462, 463
- Цанси 361
- Центральный Китай 146, 152, 154, 155, 242, 244, 245, 249, 263, 265, 267, 270, 273, 275, 276, 279, 281, 285, 298, 300, 301, 357, 404, 431, 453, 461
- Цзи 41, 51
- Цзиань 72
- Цзилинь см. Гирин
- Цзилун 464-466

- Цзинань 38, 47, 77, 210, 429, 492, 627
 Цзиндэчжэнь 77, 131, 186, 192, 200, 209, 403
 Цзиньмэнь 85, 86, 91
 Цзиньтянь 396
 Цзиньцзи 441
 Цзиньцзипу см. Цайньцзи
 Цзиньчжоу 35, 490
 Цзишань 363
 Цзуньхуа 199
 Цзюнгуншань 53
 Цаюлун, п-ов см. Коулун
 Цзюцзян 192, 209, 413, 437, 439, 563, 584, 585
 Цзюцюань см. Сучжоу (Цзюцюань)
 Цзядин 59, 77, 80, 181, 202
 Цзяи 377
 Цзяннань 60, 67, 95, 103, 181, 182, 532
 Цзянин см. Нанкин
 Цзянси 59, 60, 62, 64, 68, 69, 72, 76, 77, 86, 90, 106, 152, 161, 167, 171, 172, 191, 200, 201, 204, 206, 216, 244, 253, 272, 273, 395, 404, 407, 409, 411–413, 425, 427, 429, 432, 439, 448, 498, 505, 506, 511, 564, 566, 567, 582, 585
 Цзянсу 11, 19, 61, 77, 84, 86, 95, 96, 103, 131, 151, 152, 161, 167, 168, 171, 177, 180–182, 184, 185, 191, 192, 199, 200, 202, 204, 210, 211, 222, 244, 253, 271, 371, 383, 392, 408, 412, 416, 425–427, 430, 433, 447, 448, 455, 467, 484, 503, 506, 511, 526, 528, 529, 544, 551, 565, 566, 569, 582, 585, 591, 596
 Цзяньинь 59, 77
 Цзяньчжоу 32
 Цзючжоу 433, 484, 492
 Цзясин 181, 191
 Цигуйчжай 360
 Циндао 492, 590, 596, 623
 Цинси 522
 Цинхай см. Кукунор
 Цинцзян 437
 Цинъюань 415
 Циньлин 151, 206, 371
 Цицикар 97, 499
 Цюаньчжоу 62
 Цюйчжоу 413

 Чамдо 100
 Чанчжоу 191, 426, 432
 Чанша 62, 69, 206, 561, 563, 566, 570
 Чаньбошань 82
 Чаочжоу 210
 Чахар 36
 Чжанцзявань 418
 Чжаньчжоу 96, 433
 Чжаодин 60, 61
 Чжапу 392
 Чжили 37, 47, 49, 50, 70, 77, 104, 106, 147, 151, 153, 157, 158, 167, 172, 192, 196, 198–200, 202, 204, 221, 229, 232, 244, 253, 273, 358, 368, 369, 376, 391, 405, 421, 429, 433, 437, 448, 455, 472, 474, 488–493, 495–497, 499–501, 511, 526, 545, 550, 567, 569, 579, 604, 605
 Чжилейский залив см. Бохайский залив
 Чжихэцзи 408, 431
 Чжицзян 359
 Чжоучжи 26
 Чжоушань, о-ва 84, 96, 368, 390–393, 417
 Чжочжоу 496
 Чжудо 148
 Чжуннаньхай 141, 593, 601
 Чжусяньчжэн 209, 210
 Чжуцзышань 364
 Чжуцзян, р. 104, 376, 390, 391, 416
 Чжуцзянкоу 376
 Чжушань 363
 Чжэндин 27, 45, 490
 Чжэндэ 597
 Чжэнцзэчжэнь 181, 191, 202
 Чжэньхай 392
 Чжэньцзян 75, 192, 204, 206, 211, 222, 392, 400, 413, 565
 Чжэцзян 11, 58, 60, 61, 66, 77, 84, 86, 90, 92, 95, 96, 110, 133, 146, 148, 152, 161, 167, 168, 171, 172, 177, 180–182, 185, 191, 192, 199, 200, 202–204, 206, 210, 211, 222, 244, 253, 272, 273, 367, 383, 385, 390, 392, 413, 425, 427, 429, 430, 447, 464, 483, 489, 505, 506, 511, 526, 528, 544, 569, 596
 Чили 423
 Чипин 433
 Чифу 210, 417, 444
 Чуаньби 391
 Чугучак 127, 373
 Чунцин 54, 55, 474, 568
 Чэнду 26, 27, 54, 192, 206, 361, 415, 429, 529, 558, 559, 561

- Чэньчжоу 411
 Чэсян 25
- Шамьянь 462
- Шанхай 131, 181, 202, 205–207, 209, 211, 212, 386, 392, 393, 408, 409, 411, 417, 421–423, 426, 429, 430, 432, 439, 457, 467, 478, 479, 482, 485, 486, 490, 498, 509–511, 514, 516, 518, 520, 521, 528–534, 543, 555, 556, 561, 566, 570, 572, 580, 581, 583–585, 605, 623, 627, 628, 634, 635
- Шаньдун 37, 47, 53, 66, 70, 76, 77, 106, 147, 151, 153, 167, 168, 172, 177, 198, 201–204, 209, 244, 253, 273, 358, 368, 369, 371, 377, 383, 395, 416, 418, 429, 433, 439, 448, 467, 483, 484, 490–492, 497, 498, 506, 511, 516, 526, 545, 566, 568, 569, 590
- Шаньси 26, 37, 45, 47, 53, 65, 68, 70, 76, 77, 122, 151, 153, 157, 172, 198, 199, 206, 210, 212, 220, 222, 231, 244, 273, 368, 377, 383, 385, 405, 433, 448, 491, 497, 499, 500, 528, 564, 566, 567, 580, 582
- Шаньтоу 192, 623
- Шаньхайгуань 27, 38, 41–43, 97, 206, 473, 474, 483, 520
- Шаосин 58, 60, 192, 201, 202, 222
- Шаочжоу 77
- Шаоян 199
- Шаши 474, 485, 563
- Швейцария 323
- Шигацзэ 143
- Шифэньбао 141
- Шицзячжуан 564, 565
- Шонтэй 463
- Шоучжан 147
- Шоучэн 147
- Шумер 3
- Шуньдэ 191, 523, 528
- Шуньтянь 49
- Шэнцзин см. Фэнтянь
- Шэнцзэчжэнь 181, 191, 202, 209
- Шэньгань 436, 442, 444
- Шэньси 25, 26, 37, 47, 53, 54, 65, 70, 87, 90, 92, 103, 110, 119, 121, 146, 148, 151, 153, 198–200, 206, 210, 212, 231, 244, 358, 360–364, 366, 371, 383, 415, 431, 433, 439–442, 448, 464, 478, 499, 506, 563, 566, 590, 603
- Шэньян см. Мудден
- Эрдэниджоу 119
- Юаньминьюань 354, 366, 451
- Юго-Восточная Азия 423, 456, 616
- Юго-Западный Китай 55, 56, 61, 62, 65, 73, 74, 81, 86, 889, 113, 117, 118, 124, 125, 139, 146, 149, 150, 377, 503
- Южная Маньчжурия 39, 49, 123, 372, 471, 472, 518, 543
- Южная Монголия 35–37, 40, 41, 64, 68, 99, 100
- Южно-Китайское море 367, 368
- Южный Горлос 372
- Южный Китай 11, 27, 51, 53, 55, 58, 59, 74, 85, 86, 89, 151–155, 242, 244, 245, 249, 250, 261, 263, 265, 267, 269, 270, 273, 275, 276, 279, 281, 285, 290, 298, 300, 301, 346, 352, 357, 368, 375, 377, 394, 421, 463, 464, 498, 503, 506, 528, 534, 550–553, 558, 559, 565, 567, 569, 571–574, 577, 579–583, 585, 606, 614, 621
- Южных морей страны 86
- Юньань 398, 399
- Юньгуй 149, 462, 463
- Юньнань 27, 62, 65, 74, 75, 86, 89, 92, 93, 113, 117–119, 124, 131, 137, 138, 149, 150, 153, 161, 185, 199, 206, 244, 385, 411, 415, 431, 436, 439, 440, 443, 444, 448, 461–464, 483, 503, 506, 511, 516, 564, 566, 568, 581, 582, 584
- Юньнаньское нагорье 55, 61
- Юньси 361
- Юньтайшань 96
- Юэчжоу 206, 399, 407
- Юэян 192, 199, 485
- Ялу, р. 97, 472
- Янги-Гиссар 381, 382, 395
- Янцзы, р. 26, 27, 50, 53–62, 68, 72, 75, 76, 85, 86, 90–92, 95, 104, 146, 152–156, 165, 172, 173, 177, 178, 180, 183, 191, 192, 199, 201, 204, 206–208, 210, 220, 222, 272, 274, 275, 336, 357, 358, 391, 392, 394, 395, 399, 403, 407, 408, 412, 413, 417, 426, 427, 430–433, 437, 444, 448, 449, 457, 474, 483, 498, 505, 506, 511, 512, 528, 529, 544, 550–553, 558, 559, 563–565, 569, 571, 582, 584, 596, 639

Указатель географических названий

Яндунь 499	481–483, 489, 490, 496, 499, 501, 510–
Янцюань 380	512, 515, 516, 525, 543, 544, 547,
Янчжоу 56, 57, 77, 80, 131, 206, 207, 209,	555, 557, 584, 585, 590, 595, 597, 598,
336, 400, 405, 433, 437	606, 607, 616, 620, 625, 628, 631–633,
Яньтай см. Чифу	635
Япония 86, 109, 110, 225, 354, 386, 443,	Яркенд 128, 140, 380–382, 395, 442, 444
457, 459–461, 468, 469, 473–477, 479,	Яшиль-куль, оз. 128

Перечень китайских мер

- Вэнь (иначе: цзянь, фэнь или монголизированное чох) — денежная единица, мелкая медная монета; единица веса, равная 0,37 г
- Гун — мера площади, равная 2,56 кв. м
- Дань — мера объема сыпучих и жидких тел (103, 647 л)
- Дацзянь — медные и железные монеты достоинством в 2, 4, 5, 10–20, 50, 500 и 1000 вэней
- Доу — мера объема сыпучих и жидких тел: 1 доу = $\frac{1}{10}$ даня (10,35 л)
- Ли — мера веса, равная 37 мг
- Ли — мера длины (576 м)
- Лян — 1) мера веса, 1 лян = 37,301 г
- 2) серебряная денежная единица весом 37 г
- Му — мера площади, 1 му = 0,06 га
- Цзинь — мера веса, равная 596,886 г, 1 цзинь = 16 лянам = 160 цяням
- Цянь — 1) мера веса, 1 цянь = 3,7301 г
- 2) денежная единица см. вэнь
- Чэн — $\frac{1}{10}$ самого высокого урожая с 1 му земли
- Цин — мера площади, равная 100 му или 6,144 га
- Юань (китайский доллар) — денежная единица (серебряная монета, выпущенная по образцу мексиканского доллара) с паритетом 0,715 ляна серебра

Список карт и схем

- С. 14. Империя Мин. XVII век. — История Китая. М., 2002, с. 235.
- С. 24. Крестьянская война 1628–1647 гг. — История Востока. Т. III. М., 2000, с. 272.
- С. 46. Завоевание минского Китая маньчжурами. — Новая история Китая. М., 1972, с. 17.
- С. 52. Этапы маньчжурского завоевания Китая. — История Востока. Т. III. М., 2000, с. 339.
- С. 88. Война «трех князей-данников». — История Востока. Т. III, с. 342.
- С. 102. Собственно Китай в XVIII веке. — История Китая. М., 2002, с. 255.
- С. 114. Завоевательные походы маньчжуров в конце XVII в. и в XVIII в. — Новая история Китая. М., 1972, с. 39.
- С. 120. Стены и башни Пекина эпохи Цин (схема 1). — Рычило Б.П., Солнцев М.В. Пекин. Новый путеводитель. М., 2000, с. 143–144.
- С. 130. Пекин периода Цин (схема 2). — Fabre M. Peking, ses palais, ses temples et ses environs. Tientsin, 1937, p. 27.
- С. 370. Зимний императорский дворец в Пекине. — Рычило Б.П., Солнцев М.В. Пекин. Новый путеводитель. М., 2000, с. 27.
- С. 378. Юго-Западный Китай в середине XIX в. — Ларин В.А. Повстанческая борьба народов Юго-Западного Китая в 50–70-е годы XIX в. М., 1986, с. 6.
- С. 406. Походы крестьянских армий 1853–1856 гг. — Новая история Китая. М., 1972, с. 146.
- С. 410. Восстание 1854–1855 гг. в Гуйчжоу. — Ларин В.А. Повстанческая борьба народов Юго-Западного Китая. М., 1986, с. 105.
- С. 414. Вооруженная борьба в Сычуани в 1859–1866 гг. — Ларин В.А. Повстанческая борьба народов Юго-Западного Китая. М., 1986, с. 136.
- С. 434. Завершающий этап Крестьянской войны тайпинов (1864–1868). — Новая история Китая. М., 1972, с. 203.
- С. 438. Повстанческое движение в Юньнани и Гуйчжоу в 50–70-х гг. XIX в. — Ларин В.А. Повстанческая борьба народов Юго-Западного Китая. М., 1986, с. 108.
- С. 450. Летний императорский дворец и парк Ихэюань. — Рычило Б.П., Солнцев М.В. Пекин. Новый путеводитель. М., 2000, с. 55.
- С. 470. Японо-китайская война 1894–1895 гг. — Новая история Китая. М., 1972, с. 265.
- С. 480. Раздел Китая на «сферы влияния». — Новая история Китая. М., 1972, с. 303.
- С. 494. Поход ихэтуаней на Пекин и Тяньцзинь. — Новая история Китая. М., 1972, с. 347.
- С. 560. Крушение монархии в Китае. — Новая история Китая. М., 1972, с. 521.
- С. 600. Раздел Китая милитаристами. — Новая история Китая. М., 1972, с. 555.

Оглавление

<i>Предисловие</i>	3
<i>Введение. Цикличность в истории Китая</i>	7
<i>Вводная часть. Крушение Минской империи</i>	11
<i>Часть первая</i>	
Традиционное общество. Цинский цикл	
<i>Глава 1. Возникновение Цинского государства</i>	31
<i>Глава 2. Маньчжурское завоевание Китая. Страна в фазе катастрофы</i>	39
Завершение Крестьянской войны и покорение маньчжурами Северного Китая.....	41
Второй этап маньчжурского завоевания.....	55
Покорение маньчжурами Южного Китая.....	64
Китай в стадии разрухи.....	73
Война «трех князей-дашиков» (саньфань).....	87
<i>Глава 3. «Эпоха Канси–Цяньлун». Переход от разрухи к стабилизации</i>	101
Период Канси.....	106
Период Юнчжэн.....	115
Период Цяньлун.....	122
Империя в зените могущества.....	131
Переход к стагнации.....	138
Сползание к кризису.....	144
<i>Глава 4. Аграрный и хозяйственный строй деревни</i>	151
Казенный сектор.....	157
Частный сектор.....	160
Налоговая система.....	165
Арендная система.....	170
Натуральный и товарный уклады.....	176
Деревенские промыслы.....	180
<i>Глава 5. Внедеревенская экономика Китая</i>	184
Городские корпорации.....	187
Ремесло и мануфактура.....	192
Горно-металлургическая промышленность.....	193
Отрасли и техника ремесла.....	200
Транспорт.....	204
Внутренний рынок.....	206
Денежное обращение.....	215
Сфера кредита.....	218
<i>Глава 6. Социальная структура Цинского Китая</i>	225
«Класс—государство».....	236
Казенное и податное крестьянство.....	247
Крупные землевладельцы.....	259
Частнозависимое крестьянство.....	270
Классовые и межклассовые общности.....	285

<i>Глава 7. Политический строй</i>	309
Феномен «власть–собственность».....	309
Монополизация власти.....	318
Государство и социум.....	326
<i>Глава 8. Культура периода Цин XVII–XVIII вв.</i>	336
Роль государства.....	338
Поэзия и проза.....	344
Искусство и цивилизация.....	351
<i>Глава 9. Китай периода «закрытия». Вступление в стадию кризиса</i>	357
Крестьянская война «Белого Лотоса».....	358
Народные движения.....	366
Социально-экономическая ситуация.....	372
Восстания пеханьских народов.....	377
Назревание опиумного конфликта.....	382
<i>Глава 10. Крестьянские и торговые войны.</i>	
Фаза смуты (40–50-е годы XIX в.).....	389
Первая торговая война и циклический кризис.....	390
Начало Крестьянской войны тайпинов.....	395
Тайпинское государство.....	400
Разрастание повстанческой борьбы.....	404
Вторая и третья торговые войны.....	416
<i>Глава 11. Народные движения 60–70-х годов. Фаза катастрофы</i>	420
Активизация традиционалистских сил.....	420
Крушение Тайпинского государства.....	427
Завершение Цинского цикла.....	435
Подавление национальных движений.....	439

Часть вторая
Переходное общество. Тайпинский цикл

<i>Глава 12. Цинская империя в 70–90-х годах XIX в.</i>	
Японо-китайская война и движение ихэтуаней.....	447
Политика «самоусиления».....	451
Франко-китайская война 1884–1885 гг.	461
Японо-китайская война 1894–1895 гг.	468
Политическая борьба 90-х годов.....	477
Раздел Китая на «сферы влияния».....	481
«Сто дней реформ».....	485
Ихэтуаньский кризис.....	490
<i>Глава 13. Социально-экономическая эволюция</i>	
полуколониального Китая.....	502
Кризис традиционной экономики.....	502
Роль иностранного капитала.....	509
Казенное и смешанное предпринимательство.....	517
Возникновение китайской буржуазии.....	523
Становление переходной системы.....	534
<i>Глава 14. «Новая политика». Возникновение предсинхайского кризиса</i>	541
Послеихэтуаньский кризис и рост антиправительственных сил.....	543
Становление Бэйянской группировки.....	545

«Новая политика» и ослабление династии.....	546
Усиление роли армии.....	549
Возникновение чиновной оппозиции.....	552
Либерально-конституционное движение.....	554
<i>Глава 15. Свержение Цинской династии и установление республики.....</i>	<i>559</i>
Учанское восстание и падение цинской власти в провинциях.....	561
Соотношение политических сил.....	566
Противостояние Севера и Юга.....	571
Падение монархии и провозглашение республики.....	574
<i>Глава 16. Становление военной диктатуры. Возврат к фазе смуты.....</i>	<i>577</i>
Мирная конфронтация Севера и Юга.....	577
Гражданская война.....	583
Государственный переворот Юань Шикая.....	585
Переход к военной диктатуре.....	588
<i>Глава 17. Попытки реставрации и отмирание монархических структур.....</i>	<i>591</i>
Крах плебисцитарной монархии.....	592
Попытки восстановления империи Цин.....	595
Отмирание монархического начала.....	604
<i>Глава 18. Социально-экономические последствия Первой мировой войны и падения монархии.....</i>	<i>608</i>
«Аграрное обновление».....	608
«Золотое время» буржуазии.....	613
Роль внутренних и внешних факторов.....	619
<i>Глава 19. Культура Китая XIX — начала XX в.....</i>	<i>622</i>
<i>Заключение. Цинский и Тайпинский циклы в истории Китая.....</i>	<i>638</i>

Приложения

Таблицы.....	647
Краткая библиография.....	663
Указатель терминов, этнонимов и учреждений.....	673
Указатель имен.....	689
Указатель географических названий.....	698
Перечень китайских мер.....	708
Список карт и схем.....	709

ISBN 5-02-018400-4

9 785020 184008 >

О.Е.Непомнин

ИСТОРИЯ КИТАЯ

ЭПОХА ЦИН